

КОСТЮМ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ

С.А.ЯЦЕНКО

Russian State University for the Humanities

SERGEY A. YATSENKO

COSTUME OF THE ANCIENT EURASIA
(the Iranian-Speaking Peoples)

Moscow

Vostochnaya Literatura Publishing House

2006

Российский государственный гуманитарный университет

С.А. ЯЦЕНКО

КОСТЮМ ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ

(ираноязычные народы)

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Ахеменидо-скифское время (VII–VI вв. до н.э. — IV–III вв. до н.э.)	28
1.1. Персы	29
1.2. Европейские скифы	47
1.3. Пазырыкская культура Горного Алтая	83
1.4. Хорезмийцы	102
Основные выводы	106
Глава 2. Парфяно-сарматское время (III в. до н.э. — III–IV вв. н.э.)	112
2.1. Парфянский Иран	113
2.2. Сарматы, ранние аланы и «поздние скифы»	131
2.3. Юэчжи/кушаны	170
2.4. Хорезмийцы	187
2.5. Индо-скифы	192
2.6. Согдийцы	197
2.7. Хотано-саки	201
Основные выводы	207
Глава 3. Сасанидское время и раннее (доисламское) средневековье (III/IV — VII/VIII вв. н.э.)	212
3.1. Сасанидский Иран	213
3.2. Согдийцы	231
3.3. Тохаристан и прилегающие с юга районы	247
3.4. Хорезмийцы	262
3.5. Хотано-саки	266
Основные выводы	274
Глава 4. Механизмы костюмных контактов и характер эволюции костюма древних иранцев. Символика костюма	279
4.1. Механизмы костюмных контактов	280
4.2. Характер эволюции костюма отдельных этносов	314
4.3. Знаковые функции костюма	322
Основные выводы	362
Заключение	364
Приложение. Предложения по методике фиксации и описания остатков костюма в погребальных комплексах	367
Словарь терминов	370
Источники и литература	371
Сокращения	416
List of illustrations	418

Список иллюстраций	423
Иллюстрации	435
Summary	658
Contents	663
Оглавление	664

Посвящаю моей жене — Наде Вишневской

ВВЕДЕНИЕ

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что они наги,
и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясывания...
И сделал Господь Адаму и его жене одежды кожаные и одел их.
И сказал Господь Бог Адаму: вот, Адам стал одним из нас, зная
добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял
также от древа жизни...

Бытие. 3.7; 3.21–22

Для поддержки этих [природных качеств]... и создан ритуал...
девять видов украшений [на одежде], шесть узоров и пять [их]
сочетаний созданы для поддержки пяти цветов [мироздания]...

Цзо чжуань. 6

Костюм доиндустриальных (традиционных) обществ — один из значимых элементов человеческой культуры, отличающий человека от высших животных. Не случайно в ряде древних мифологий при создании самих людей Творец выступает как первый закройщик¹; одежда первых людей также создается Богом. У других народов, напротив, секрет изготовления одежды крадется героем у демонов².

Костюм рассчитан на массовое восприятие. Поэтому он во все времена был сложной знаковой системой и давал опытному наблюдателю очень обильную и разнообразную информацию о хозяине (даже когда его видели издалека, со спины, если не разговаривали с ним и т.п.), часто заменяя обширное современное личное досье. Костюм был зримым символом не только отдельного человека, но и целого народа, служил предметом гордости и национальной спеси, причем в сознании людей были принципиально важны незначительные для современного наблюдателя детали (так, китайцы делили мир на свою, цивилизованную нацию и окружающих «варваров», которые запахивают халат не слева направо, «как положено», а наоборот).

Костюм выполнял несколько функций: социальные (половозрастной, сословный, профессиональный, этнический и конфессиональный определитель и объединяющий подобные группы фактор; показатель личных заслуг и престижа; хранитель серии наиболее ценных вещей хозяина); биологические (защита от погодных условий и сексуальных домогательств, привлечение внимания партнера к достоинствам женской фигуры); сакральные (магическая защита хозяина, обеспечение плодородия, модель мироздания, знак

¹ Так, в мифологии ряда индоевропейских народов (в частности у славянских — болгар, поляков) первых мужчину и женщину Бог кроит, словно одежду, по одному шаблону из двух половин, со швом спереди.

² У древних иранцев (именно о них идет речь в этой книге) изобретение одежды связывалось с одним из первых царей, Хушенгом, которого обучили этому искусству демоны (см., например: Фирдоуси 1957, с. 30–31).

приобщенности к определенным обрядам); эстетические (воплощение эстетического идеала народа и личных вкусов заказчика и/или мастера³; костюм был одной из основных сфер приложения труда ювелиров, высококвалифицированных ткачей и вышивальщиц, которые, как говорили на Руси, «строили», т.е. сооружали одежду⁴) и ролевые (демонстрирующие статус носителя в различных ситуациях: например, на празднике, на покосе, в период траура). Целые народы подчас называли по цвету одежды или головных уборов, которые они носили («черные клобуки» в русских летописях; «меланхлены [черноризцы]» у Геродота).

Распространенное отнесение костюма прежде всего к сфере так называемой *материальной культуры*, во многом заданное в восточноевропейских странах идеологическими установками марксизма⁵, весьма условно: хорошо известно, что на значительной части территории нашей планеты, в регионах с теплым климатом (где человечество, собственно, и зарождалось), никакой объективной биологической надобности в ношении одежды не было и нет, и там костюм изначально выполнял прежде всего функции социального определителя и магической защиты⁶. Разумеется, по мере расселения людей в холодных регионах он стал необходим и для защиты тела от переохлаждения.

Не менее популярно восприятие костюма в первую очередь как области *декоративно-прикладного искусства*; подобное отношение с самого начала базировалось на том, что внешний облик человека являлся концентрированным выражением мироощущения того или иного народа, образуя художественный ансамбль; кроме того, костюм неотделим от его хозяина в повседневности, и для него характерно массовое восприятие (Исенко 2000, с. 6–7). Такое отношение во многом связано также с особым вниманием к парадному костюму элиты и с тем, что крупнейшие коллекции старинной одежды сегодня хранятся именно в музеях подобного профиля. В действительности же костюм — одно из наиболее ярких проявлений культуры, *сочетающее* в себе технологическую сторону, целесообразность, высокое искусство и сложную символику⁷. При этом одежда изготавливается из непрочных органических материалов и относительно недолговечна в использовании. Можно присоединиться к мнению знаменитой Коко Шанель о том, что претворенная в материале художественная мысль частично опошляется и шитье — самое эфемерное и, следовательно, самое трагическое из пластических искусств, и, может быть, самое неблагоприятное (Горбачева 1996, с. 46).

Именно костюм у многих народов издревле считался одновременно самым красивым и удобным элементом бытового окружения; ради соответствия определенным, связанным с ним стандартам люди готовы были идти на разнообразные жертвы и даже терпеть возникающие из-за этого недуги (см., например: Богатырев 1971, с. 300). Нередко праздничное женское платье могло почти сплошь обвешиваться тяжелыми серебряными украшениями⁸. В свою очередь, соотнесение себя с обликом костюма подчас меняло поведение его хозяина. Фраза римлянина Квинтилиана «*Vestis virum facit*» («Одежда делает человека») справедлива в любые времена и в любом регионе мира. Каждому из нас многократно приходилось убеждаться на собственном опыте, к чему приводят «на людях» подчас даже незначительные отступления от принятых в данном обществе требований к оформлению одежды или прически, неожиданные нарушения и поломки и отдельных ее деталей и т.п. В этих случаях костюм «неожиданно» демонстрирует нам свое подлинное могущество. Вряд ли найдутся и желающие появляться в общественных местах даже летом совсем без одежды. В определенных ситуациях (и особенно — в ритуалах) одежда могла своеобразно заменять самого человека⁹.

³ При преобладающем зрительном воздействии костюма подчас было важным также звуковое (шуршание тканей, позвякивание металлических украшений) и запахи, исходящие от отдельных его частей (Исенко 2000, с. 11).

⁴ Ср. в польском языке термин для обозначения одежды — *strój*.

⁵ В 1920 — начале 1930-х годов история материальной культуры, как известно, считалась в СССР «марксистской» наукой, в отличие от «буржуазных» археологии и этнографии, и насаждалась принудительно (см.: Клейн 1993, с. 17–18, 20–22; Формозов 1995, с. 34). Характерно название первой диссертации, защищенной в СССР по «археологическому» костюму при господстве подобных подходов: «Отражение развития производительных сил и производственных отношений в одежде латгалов VII–XIII вв.» (Зарина 1962).

⁶ Для районов с теплым климатом справедливо наблюдение Б.Ф. Адлера: «Мы везде наталкиваемся на нелюбовь человека к одежде и на предпочтение его к украшениям» (Адлер 1903, с. 9). Вероятно, древнейшими элементами костюма были примитивные прикрытия для половых органов, демонстрирующие брачный статус взрослого человека, чтобы на него не претендовали иные половые партнеры (дети же у многих народов до недавних пор ходили почти или совсем обнаженными). К таким элементам относились также простейшие пояса, браслеты и ожерелья (образующие своеобразные защитные «священные круги», охватывающие наиболее важные органы человека, связанные с мышлением и продолжением рода).

⁷ См. подробнее о подобной *архитектонике* костюма в диссертации: Бердник 2004, с. 8–11.

⁸ Например, у крупных горных народов Дагестана пары однотипных украшений симметрично подвешивались с правой и левой стороны (Восток 2003, ил. 26).

Данные современных антропологов показывают, что подсознательное восприятие одежды обоими полами сильно разнится. В большинстве моногамных обществ женщины при знакомстве невольно интересуются прежде всего *качеством одежды* мужчины (социальный статус), в то время как мужчины, почти не замечая женской одежды, интересуются обликом их *тела*. Для женщин их одежда прежде всего — возможность скрасить недостатки фигуры или подчеркнуть ее достоинства и, соответственно, чувствовать себя более уверенно и во многих обществах — сигнал статуса их мужа/отца (Ellis 1995; Buss 1999; Low 2000; Бутовская 2004а, с. 301, 304–305).

Кроме прочего, костюм дает нам ценнейшие (часто — незаменимые) сведения о происхождении, культурных связях и эстетических идеалах отдельных народов, являясь важным историко-культурным источником. Это отчасти относится и к современной эпохе (см. трактовку проблем *этнокостюмологии*: Исенко 1999). Предметы одежды служили дипломатическими дарами и объектами торговли, они перемещались вместе с пленниками и выданными замуж в чужие края женщинами. Детали костюма великих империй и представителей малых, но активных «торговых» народов (таких, как греки или согдийцы) служили объектом подражания для соседей. Заметный консерватизм костюма традиционных обществ (он был связан со множеством социальных ограничений и религиозных верований) не означал отсутствия в нем изменений (подчас резких и многочисленных, если они диктовались волей правителя или завоевателей¹⁰): он, безусловно, имеет свою *историю*, часто очень слабо изученную. Учитывая важность данного аспекта культуры, отчасти справедливы слова известного датского костюмолога Р. Броби-Йохансена о том, что «история одежды... это просто история человечества» (Broby-Johansen 1968, p. 5).

Изучение истории древнего костюма (которым занимается формирующаяся ныне дисциплина — *палеокостюмология*) — источник полезных сведений и вдохновения для знаменитых кутюрье¹¹ и иных современных модельеров¹², кино- и театральных художников, ювелиров, искусствоведов, экспертов по антиквариату и др.; эта область знаний вызывает большой интерес и у широкой публики. Несмотря на три столетия вестернизации России после Петра I, на ее обширной территории и сегодня есть немало районов, где общество остается вполне традиционным. Это касается и восприятия современной моды, включая моду в одежде. Древние традиции патриархальных обществ не исчезли, а все еще живут среди нас, причудливо переплетаясь с новшествами. Между тем механизм изменений в сфере костюма для традиционных обществ и сегодня, вопреки распространенному мнению, изучен весьма поверхностно.

Ярким явлением в мировой культуре является серия этнических костюмных комплексов различных *ираноязычных народов* поздней древности и раннего средневековья. В это время они составляли одну из крупнейших языковых и культурных групп человечества, включавшую многие десятки народов и занимавшую до ¼ территории Евразии: от Монголии и Саяно-Алтая — на востоке, до Венгрии, Румынии и Ирана — на западе, границ Индии — на юге. Древние иранские народы хорошо осознавали свою языковую и культурную общность, называя свои страны *Арианой* — землей арийцев¹³.

В древности¹⁴ костюм *иранцев* (так иногда для краткости, в отличие от персов, называют ираноязычные народы в целом) по праву считался одним из самых роскошных, отличаясь сложными формами и обильным, разнообразным декором (из золотых аппликаций, парчи, вышивки жемчугом и цветным бисером, драгоценных ярких тканей), головными уборами со скульптурками животных. Он часто являлся объектом плохо скрываемой зависти и подражаний у греков, римлян, византийцев и других народов Запада, китайцев, индийцев и арабов. Изначально (в эпоху бронзы) искусство индоиранских этносов, за исклю-

⁹ Так, царь первой великой персидской династии Ахеменидов Артаксеркс I заменил вырывание волос и бичевание вельмож-преступников символическим битьем снятых с них одежды и головных уборов (Plut. Mor. 173D; см. также: Иванчик 2000, с. 196). В ту же эпоху в чжоуском Китае, если начальник навещал чиновника — лежащего больного, последнего «заменяли» церемониальный халат и пояс, положенные рядом с больным (Лунь юй X.19).

¹⁰ Показательно двустигшие, популярное в Риме сразу после завоевания Юлием Цезарем Галлии и предоставления местной знати римского гражданства и ряда других привилегий: «Галлы скинули штаны. Тоги с красным им даны». Нероманизованная часть страны именовалась «Галлия в штанах».

¹¹ Например, в женских коллекциях известного кутюрье Валентина Юдашкина в 90-х годах в оформлении отдельных головных уборов обнаруживаем следы того впечатления, которое произвели на него парадные уборы знатных кочевниц скифской эпохи, описанные в главе 1 [высокие островерхие колпаки алтайцев (рис. 46, 6, 8–10) и скифские «гиары» (рис. 36, 6)].

¹² Так, в 1990 г., перед началом гражданской войны в Таджикистане, в доме моделей «Бону» в Душанбе была показана коллекция Л. Мансуровой и Н. Глуховой, основанная на данных археологии по местному раннесредневековому костюму (см.: Майтдинова 1992, рис 89–92).

¹³ См., например: Strabo. Geogr. XV. 2. 8; вероятно, о том же: Her. Hist. VII. 61.

¹⁴ Под «древностью» применительно к ираноязычным этносам понимается условно весь доисламский «исторический» (т.е. обеспеченный письменными источниками и антропоморфными изображениями) период их истории (разумеется, этот термин не более точен, чем, например, устоявшееся понятие «Древняя Русь» применительно к XV–XVII вв.).

чением орнамента, было почти аниконическим (неизобразительным), во всяком случае — лишенным антропоморфных изображений. Однако с наступлением железного века в иранском мире на ювелирных изделиях, стенных росписях, терракотовых статуэтках, каменных статуях и пр. было создано огромное количество высокохудожественных реалистических изображений персонажей в костюме, немало изображений оставлено и носителями других культур, привлеченных образами политиков, воинов, музыкантов и художников иранских народов или выполнявших их заказы. Все это объективно создает большие (а кое в чем и уникальные) возможности для реконструкции, сравнительного анализа и диахронных исследований (изучения преемственности) в области костюмологии. Некоторые иранские народы были создателями огромных многонациональных империй, проживали в зонах частых миграций племен или контролировали важнейшие международные торговые трассы. Это делает их костюм ценным источником для решения проблем, связанных с механизмами костюмных контактов в традиционных обществах. В целом, по сравнению с другими, хорошо изученными в плане костюма крупными общностями древних народов (кельты и германцы Европы, ранние индоевропейские этносы Индии), одежда народов иранской группы отличалась неизмеримо большим разнообразием форм, сложностью декора (и, значит, трудностью корректной реконструкции одежды). До нас дошло очень большое количество изображений и разнообразных источников. Это делает совокупный комплексный анализ материала по иранцам *качественно* более сложной задачей.

Ведущая страна этого этнокультурного мира — Иран — веками претендовала на мировое господство, а ее придворные ритуалы и символика вызывали частые заимствования у соседей (в том числе восточных и населения Южной Европы). Общеизвестно то влияние, которое оказал парадный костюм знати сасанидского Ирана на позднеримский и византийский (см., например: Kondakov 1924). Столь же активной в Восточной Европе и вне ее была экспансия кочевников европейских степей — скифов, а затем сарматов и аланов /ясов, яркий и оригинальный костюм которых влиял вплоть до этнографической современности на многие народы Северного Кавказа и Восточной Европы (украинцев, молдаван, мордву и др.) (см., например: Бубенок 1997, с. 145–150, 155, 169–170; 2004, с. 269–290). Воздействие прежних ираноязычных обитателей *Западного Туркестана* (т.е. Средней Азии и Казахстана) и сегодня прослеживается в облике традиционного костюма его нынешнего тюркского населения (см., например: Сухарева 1954, с. 313, 331; 1979а, с. 9–10; Лобачева 1969; 1989, с. 13–15; 1991, с. 90–91; Васильева 1973; 1991, с. 121–122); особую роль в этом регионе в древности играли этнические комплексы таких народов средней Амударьи, как согдийцы и бактрийцы/тохаристанцы.

Среди ираноязычных народов древности были как земледельческие, так и кочевые (важно и то, что предки многих оседлых ираноязычных народов — хорезмийцев, парфян Ирана, кушан, средневековых аланов и др. были именно *кочевниками*). У кочевников же (скифов, сарматов, саков и др.) состоятельные люди (и не только они) в условиях подвижного образа жизни стремились по возможности постоянно иметь при себе наиболее ценные и небольшие (портативные) вещи в качестве *сокровища*. Парадные аксессуары костюма как нельзя лучше подходили для этой цели, подчас представляя собой и шедевры ювелирного искусства мирового значения. Известно, что подвижность кочевников, их контроль над караванной торговлей, военно-политическое могущество и вместе с тем — определенная зависимость от поставок оседлых соседей делали их активными организаторами и посредниками в международном культурном обмене. Элементы костюма влиятельных кочевых группировок часто являлись весьма привлекательными для представителей наиболее развитых земледельческих народов (см., например: Хазанов 2000, с. 465–466).

На сегодняшний день большинство иранских народов исчезло, не оставив прямых наследников; у других сильно сократились численность и территория проживания; однако их древняя культура может по праву считаться важным достоянием не только этносов, заселяющих сейчас их территории (русских, украинцев, казахов, узбеков, алтайцев и др.), но и всего человечества. Современные ираноязычные народы (кроме большинства осетин) принадлежат к исламскому миру. Однако нельзя забывать и о древнем, еще доисламском величии культуры многих их предков. Реконструкция внешнего вида и эволюции древнего костюма возвращает иранским народам часть их культурного наследия; она позволяет наглядно представить облик знаменитых правителей, знатных дам и простых людей тех «славных времен», что неизменно вызывает интерес широкой общественности. Сегодня в отдельных странах (например в Таджикистане: Майтдинова 2003, с. 251–252) усилиями энтузиастов сохранен ряд элементов традиционного народного костюма, истоками своими уходящих в седую древность.

История изучения костюма древних иранцев

Доля публикаций и иных исследований, прямо или косвенно связанных с костюмом древних и ранне-средневековых народов Евразии, вполне сопоставима с публикациями, посвященными другим областям культуры этих обществ (архитектура, скульптура, живопись, керамика и др.). Однако подавляющее большинство из них относится к *мелким костюмным аксессуарам* (ожерельям, браслетам, серьгам, заколкам-фибулам, пряжкам и т.п.). Это легко объяснимо. Аксессуары важны как для искусствоведов (анализ ювелирных стилей и орнаментики), так и для археологов (классификация и типология древних изделий, использование их для получения «узких» датировок археологических комплексов, изучение ремесленных технологий)¹⁵; для этнографов и музейных работников (подобные артефакты образуют немалую долю экспонатов в музейных коллекциях, посвященных доиндустриальным обществам)¹⁶; для экспертов по антиквариату (они составляют, наряду с живописными полотнами и реликвиями известных личностей, основную часть вещей, продаваемых на художественных аукционах, заполняя многие страницы их каталогов) и для религиоведов (анализ семантики изображений).

Иначе обстоит дело с изучением собственно *одежды*. По сравнению с аксессуарами, доля исследований по ней весьма невелика. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с авторитетными библиографическими сводками (например, с выходящими в Лионе ежегодными бюллетенями международной организации CIETA — Centre International d'étude des textiles anciens, где имеются и разделы по истории одежды) и сравнив их с более ранними, например довоенными, библиографическими указателями (см., например: Colas 1933; Monro, Cook 1937; Hiler, Hiler 1939)¹⁷.

Можно назвать три главные причины этого.

Во-первых, плохая сохранность дошедших до нас материалов, относящихся к костюму (как письменных источников, так и изображений, остатков декора одежды в погребениях). Они фрагментарны, часто не вполне понятны (причем корректная трактовка их требует не только долгих практических навыков и постоянной осторожности, но и обширных знаний в нескольких смежных науках), а результаты их анализа часто спорны и нуждаются в длительной проверке. Все это делает палеокостюмологию одной из наиболее трудоемких гуманитарных дисциплин и отпугивает от подобной тематики не только молодых ученых; за ней утвердилась неприятная репутация слишком сложной и «малоперспективной» для научной карьеры.

Во-вторых, материал одежды (в том числе ее орнаментация вышивкой или крашением) часто внешне менее эффектен, чем хорошо сохраняющиеся аксессуары из золота или серебра со вставками драгоценных камней и т.п. Последние могли многократно менять хозяев, выступать как наследие великих личностей или политические символы (короны и др.); поэтому внимание к ювелирным вещам — костюмным аксессуарам издавна считается более престижным, чем интерес к «тряпкам». Фактически «одежная» тематика традиционно и негласно считается в науке именно «женской» и «не престижной» для мужчин (такая установка веками задается в быту будущим мужчинам уже в детстве: «девочки должны играть с куклами и платьями, мальчики с оружием и машинами»). Авторы защищаемых по тематике древнего костюма диссертаций во всем мире — почти исключительно женщины (пожалуй, лишь в Иране книги по древнему костюму, напротив, написаны мужчинами: Дж. Зиапур, М. Читаз, М. Риази); крупные же работы по специализированному *воинскому* костюму (доспеху и т.п.) традиционно пишутся именно мужчинами.

В-третьих, отношение к «одежной» тематике у большинства современных интеллектуалов все еще не лишено двойственности. Несмотря на формальное признание важности подобных тем и осознание значительного интереса к ним широкой публики, на практике слишком сильно желание «подняться над повседневностью», над «бытом», который часто символизирует именно одежда.

К трем основным причинам надо добавить еще одну, специфичную для бывшей Российской империи и СССР. Дело в том, что в представлении прежнего церковного, а затем партийного руководства глубокий интерес к истории мирового костюма, к костюмной роскоши зарубежных феодалов и буржуазии и вообще к «тряпкам» способствовал бы развитию «мещанских настроений» и/или отвлекал от коммунистического

¹⁵ На практике археологи часто понимают под изучением всего костюма того или иного древнего народа только системное рассмотрение его мелких аксессуаров (см. в качестве эталонного примера базовую обобщающую работу по ранним германцам: Tempelmann-Maczyńska 1989).

¹⁶ Некоторые этнографы склонны сильно преувеличивать информативные возможности костюмных аксессуаров, основывая на них даже решение сложных проблем этногенеза. Таковы попытки Г.П. Васильевой доказать на этой основе (при сравнении со средневековыми кавказскими аланами) аланские корни как туркмен, так и некоторых средневековых этносов Поволжья: Васильева 1973; Vasilieva 1973.

¹⁷ Наиболее подробную библиографию по русскому костюму см.: Жабрева 2002.

строительства (исключением было «полезное» для проведения национальной политики изучение этнографического костюма, в котором российские и затем советские авторы достигли значительных успехов). Последствия такой установки, широко пропагандировавшейся около полутора столетий среди образованных слоев населения, сказываются до сих пор. Приходится признать все еще относительно низкую, по сравнению с западноевропейскими странами, информированность советских и нынешних российских гуманитариев и модельеров об истории мирового костюма и, следовательно, недостаток понимания подлинной ценности этого культурного явления и исторического источника. В самом деле, в вузах СССР учебная дисциплина «История костюма» почти не читалась. В отличие от западноевропейских стран, где специальные журналы по истории костюма издаются уже более полутора веков и имеют широкий круг читателей, в странах бывшего СССР они отсутствуют и сегодня (а необходимые западные издания в библиотеках не представлены). Труды ведущих зарубежных костюмологов-теоретиков также почти отсутствуют в наших библиотеках и никогда не переводились на русский язык. До «перестройки» основной отечественной книгой по истории мирового костюма было популярное сочинение М.Н. Мерцаловой «История костюма» (Мерцалова 1972)¹⁸. Однако в последние годы ситуация стала заметно меняться. Приметой перемен служат, среди прочего, фестивали русского костюма (первый состоялся в Ярославле в ноябре 1999 г.) и Всероссийские фестивали национального костюма (первый организован в Йошкар-Оле в апреле 2003 г.). Резкий рост интереса читающей публики к истории костюма способствовал появлению серии добротных популярных обобщающих работ (например: Горбачева 1996; 2000) и учебных пособий (например: Сорины 1996; Пармон 1997; Калашникова 2002; Плаксина и др. 2003; Ермилова 2003), авторами которых обычно являются преподаватели вузов и музейные работники. Вместе с тем даже весьма интересные исследования по «костюмной» тематике ныне сопровождаются подчас конструированием неоправданно сложной терминологии¹⁹.

Несмотря на высокую значимость нашей темы для воссоздания культурной панорамы Старого Света, практически не изучены не только целостная картина развития костюма иранского мира, но даже костюм многих ведущих, обильно обеспеченных источниками древних народов. Впрочем, то же характерно и для других наиболее известных народов древности. Так, до сих пор нет крупных специальных трудов по одежде этносов Месопотамии, лишь недавно появилось исследование по Египту (Vogelsang-Eastwood 1993), а костюм сотен народов древней Индии почти всегда рассматривается суммарно (см., например: Ghurya 1951; Fabri 1961; Dar 1969; Alkazi 1983; Loth 1984). Исключением являются костюмные комплексы трех «счастливых» — древних этнических *китайцев*²⁰, а также *греков и римлян* (см., например: Abraham 1908; Houston 1954; Evans 1964; Ancient Greek Dress 1964; Wild 1985; Symons 1987; Perkidou-Gorecki 1989; Losfeld 1991; Roche-Bernard 1993; The World 1994; Women's Dress 2002), по каждому из которых имеется серия монографий и иных крупных публикаций (основанных в основном на *изобразительных* материалах).

Костюм наиболее крупных ираноязычных народов до сих пор изучен слабо и при этом крайне неравномерно. Внимание ученых сконцентрировано на немногих древних этносах (тех, от которых дошло на сегодняшний день наибольшее число эффектных золотых аксессуаров костюма из погребений знати или детализированных антропоморфных изображений). Это *скифы* Южнорусских степей (костюму которых посвящено около 45 специальных публикаций), *тохаристанцы* среднего течения Амударьи, *персы* времен Ахеменидов и *парфяне* Ирана. Остальные народы (о которых наука накопила подчас не меньше фактического материала, как «пазырыкцы» Горного Алтая, сарматы или средневековые аланы, согдийцы, персы времен Сасанидов) исследованы в этом плане все еще явно недостаточно.

Около 40 лет назад в Иране была издана на фарси книга Джамиля Зиапура об одежде трех династий доисламского Ирана, к сожалению, мало известная даже знающим этот язык исследователям древнего костюма (Зиапур 1965). Она основана, прежде всего, на изобразительных материалах и содержит много верных наблюдений и интересных графических реконструкций. Обобщающая статья по истории костюма древнего Ирана есть в одном из томов «Обзора персидского искусства» (Goetze 1967). Некоторые результаты изучения нашей темы были подведены к 1992 г. в серии статей разных авторов в разделе “CLOTHING” I–IX (Одежда, древность и средневековье) для тома V “Encyclopaedia Iranica”, изданного Центром иранских исследований Колумбийского университета под редакцией Эхсана Яршатера (Costa Mesa 1992, p. 719–784). Две важные для нас книги вышли совсем недавно, в 2003 г. Одна из них — пре-

¹⁸ Следует также отметить учебные пособия Е.В. Киреевой (1970), Н.М. Каминской (1977) и К.А. Степановой (1981).

¹⁹ Так, в современных диссертациях можно обнаружить «идеологию советского женского нижнего белья», «археологию повседневных практик советского периода» (Гурова 2004, с. 4, 8) и т.п.

²⁰ См., например: Лэй Цзунь 1936; Eberhardt, Eberhardt 1946; Чжан Моюань 1959; Сычев, Сычев 1975; Шан Цунвань 1981; Чжунго 1984; Xun Zyon 1985; Shen 1992; Krah 1995; Zhao Feng 1999; Чжунго 2002.

красно оформленная работа этнографа и художника З.А. Васиной, где много места занимают предположительные графические реконструкции костюма древних иранских народов Украины — киммерийцев, скифов и сармато-аланов. Консультантом автора в ряде случаев выступала скифолог Л.С. Ключко (Васина 2003, с. 127–181). Другая книга — первый том монографии Г.М. Майтдиновой «История таджикского костюма», посвященный доисламскому периоду (рукопись была завершена в 1995 г.). Фактически под предками таджиков здесь понимаются многие древние народы — от китайского Синьцзяна и Памира на востоке до Аральского моря и Южной Туркмении на западе. Основное внимание в ней уделено тканям и мелким костюмным аксессуарам. Для нашей же темы наиболее важна глава об одежде объемом 26 страниц, представляющая собой обзор работ ее автора и других специалистов, ее собственные интересные выводы (Майтдинова 2003, с. 157–164, 169–178, 187–195), а также заключение (там же, с. 243–252). Большинство материалов по древнему костюму ираноязычных народов в мировой литературе представляет собой краткие замечания и отдельные наблюдения, разбросанные в огромном количестве публикаций. Как правило, они не имеют детальной аргументации и сегодня представляют лишь историографический интерес.

Особое значение в плане развития методики имела первая в Восточной Европе конференция по исследованию «археологического» костюма (Самара, март 2000 г.). Важны также материалы международных конгрессов по истории костюма (первый состоялся в Венеции в 1952 г.: Actes 1952).

В качестве материала для сравнений с нашим материалом значимы также публикации по средневековому костюму ираноязычных стран после арабского завоевания: монография Мухаммада Читазы (Читаз 2000) и книга Гузели Майтдиновой, где около 35 страниц посвящено средневековому исламскому костюму Средней Азии (Майтдинова 2004).

При гигантском объеме имеющегося яркого и важного для истории культуры материала до конца 2002 г. во всем мире было защищено всего четыре диссертации по костюму отдельных древних ираноязычных этносов, причем в России — лишь одна из них (самая поздняя и посвященная ираноязычному населению лишь частично). Определенную «периферийность» этой тематики для территорий бывшего СССР подчеркивает тот факт, что в целом диссертации по «археологическому» костюму были подготовлены не в крупнейших академических центрах (Москва, Петербург, Новосибирск), а в Ставрополе, Душанбе, Риге и Киеве. По российской классификации все эти диссертации — «кандидатского» ранга. Это исследования сотрудницы Британского музея Весты Куртис «Парфянский костюм: его происхождение и распространение» (Curtis 1988), сотрудницы Института истории, археологии и этнографии Таджикистана Гузели Майтдиновой «Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии)» (Майтдинова 1991; см. также: Майтдинова 1996а), сотрудницы Музея исторических драгоценностей Украины Людмилы Ключко «Скифский женский костюм» (Ключко 1992) и преподавателя Ставропольского университета Звезданы Доде «Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв. н.э.» (Доде 1993). При этом всесторонне костюмный комплекс именно одного определенного этноса был изучен лишь в работе Г.М. Майтдиновой. Две из этих диссертаций вскоре были опубликованы в виде отдельных книг; в них большое внимание уделено графическим реконструкциям костюма по материалам отдельных погребений (Майтдинова 1992а; Доде 2001). Среди прочего в первой из них впервые говорилось об отражении в одежде эстетического идеала этноса, а во второй — детально анализировалась ее цветовая гамма. Кроме того, в нескольких «археологических» диссертациях последних лет анализ костюма иранских народов занимал немалое место²¹.

В декабре 2002 г. автором этих строк была защищена докторская диссертация, где комплексно исследовалась одежда 13 наиболее полно документированных в этом плане ираноязычных народов (Яценко 2002). Предлагаемая читателю книга основана на ее тексте, который несколько отличается по объему, литературно переработан, дополнен новыми данными и новыми реконструкциями комплектов костюма. В ней подводится итог длительной работы, начатой еще осенью 1975 г.

Каковы цели этой книги?

Предлагаемая работа весьма необычна для мировой литературы по костюму древности и средневековья. В ней сделана попытка дать по единой программе комплексный (в том числе сравнительный) анализ

²¹ Это докторская диссертация Н.В. Полосьмак (Новосибирск) о религии пазырыкской культуры (Полосьмак 1997, с. 10–19, 43, 46), кандидатские диссертации О.В. Бобровской (Киев) об ожерелье и амулетах в костюме черняховской культуры (Бобровская 2000, с. 14–15) и О.В. Орфинской (Нижний Архыз) о тканях средневековых аланов (Орфинская 2001б, с. 10–11).

одежды всех наиболее изученных народов крупнейшего этнокультурного мира древней Евразии (ирано-язычного), занимавшего огромную территорию, на протяжении 13 веков их «письменной» доисламской истории. Успешная реализация такого проекта означала бы определенный прорыв в решении целого ряда давно сформулированных в науке проблем.

Нами дается панорама эволюции одежды иранцев по нескольким историческим периодам, выявляются основные типы костюмных контактов в масштабах Евразии, направления костюмного влияния отдельных крупных народов. Много внимания будет уделено таким малоизученным аспектам, как особенности изображений представителей того или иного народа иноземцами (образ «Иного») и личные «костюмные инициативы» правителей некоторых древних держав. Сопоставление полученных результатов по эпохам и отдельным народам позволит нам представить одежду предков иранцев (еще эпохи бронзы), обнаружить первые «костюмные» следы их проникновения на Ближний Восток около 3 тысяч лет назад, предложить новые версии этнической истории и уточнить районы прародин некоторых народов, игравших заметную роль в древней истории Евразии и в современных научных построениях. Иными словами, тема книги — история и этнография костюма ираноязычных народов на протяжении почти полутора тысяч лет. При этом впервые подробно описывается одежда 7 из 13 изучаемых народов. Монография задумана таким образом, что ее можно воспринимать и как *справочник* (для этнокультурной и хронологической атрибуции многих древних изображений и для систематизации костюмного материала) и сводку сведений по определенным темам, но также и как аналитическую работу, впервые детально затрагивающую ряд аспектов некоторых сложных проблем костюмологии.

Первоочередной и очень трудной (хотя при этом не главной) задачей автора была *реконструкция облика* этнических комплексов одежды крупнейших древних народов иранской группы (к сожалению, характер наших источников не позволяет со стопроцентной надежностью представить *комплект* одежды людей определенного пола и возраста и тем более — частоту смены отдельных ее предметов). Далее выявляется *этническая специфика* одежды изучаемых народов, *декоративные принципы и эстетический идеал* конкретных народов, отраженные в костюме²². На основе этого проводится сравнительный анализ костюма отдельных синхронных народов *по каждой из трех основных исторических эпох* доисламского иранского мира. Этот анализ отчасти позволит уточнить территории прародины некоторых мигрировавших издавна племен и характер отраженных в костюме международных контактов. Затем сопоставляется костюм того или иного народа *в различные периоды* с целью уточнения характера эволюции и преемственности в них. Это позволяет ретроспективно воссоздать облик исходного костюма *древнейших* иранцев до их расселения в разные страны (в том числе «костюмные» следы проникновения иранцев на запад Ирана по найденным там изображениям). Особый интерес представляет анализ изображений предполагаемых представителей конкретных иранских этносов *в искусстве других народов*. В этом случае я стремился определить *степень достоверности* передачи костюмного материала и его *представительность* (типичность) для изображаемого народа, а также уточнить специфику образа иноэтничного «Иного» в развитых изобразительных традициях некоторых стран на примере этих изображений. Обобщение материала на предыдущих этапах позволяет затем выявить *типы костюмных контактов* древних ираноязычных (и не только) народов и их различную значимость. Приводится и анализируется также сводка данных по наименее изученным *знаковым функциям* костюма с целью выявления специфики иранского мира и отдельных его народов (возрастной показатель, показатель социальной стратификации и личных заслуг; модель мироздания и символ священного животного; обряды с костюмом; его элементы как обереги и священные предметы).

История костюма ираноязычных этносов рассматривается здесь в рамках *трех основных исторических периодов*: 1) ахеменидо-скифское время; 2) парфяно-сарматское время; 3) сасанидское время и раннее средневековье. *Нижняя хронологическая граница* моей работы определяется *появлением ираноязычных народов на мировой исторической сцене* (первые достаточно подробные письменные свидетельства о них известны с VII в. до н.э.) и особенно — появлением у конкретных народов большой *серии антропоморфных изображений* и реальных остатков одежды в погребениях (VI в. до н.э.). Иными словами, эта граница проходит примерно в VII–VI вв. до н.э. *Верхняя хронологическая граница* в целом совпадает с *исламизацией* Ирана, Западного Туркестана и частично — Восточного Кавказа Арабским халифатом в середине VII — первой половине VIII в. н.э. (т.е. в целом — VII–VIII вв.). Эта последняя (наряду с шедшей активно с рубежа VI–VII вв. *тюркизацией*), на мой взгляд, в короткие сроки принесла значительные изменения в костюмные комплексы. При таком подходе вне рамок основной части данной работы остается лишь

²² См. один из наиболее удачных примеров характеристики эстетического идеала этноса на примере китайцев: Кравцова 2003, с. 310–313.

один народ с обильно документированным костюмом — средневековые аланы Предкавказья (их материалы датируются в основном в рамках VIII–XII вв.).

Из-за огромных размеров иранского этнокультурного мира и разнообразия происходивших в разных его частях процессов единые, сколько-нибудь *точные границы* каждого из периодов для всей этой общности установить трудно, а часто и невозможно: на периферии многие культурные процессы «задерживались» подчас на одно-два столетия.

Поэтому *первый период* — ахеменидо-скифское время (отраженное в главе 1) — имеет хронологические границы со второй половины VII в. до н.э. (появление обширного Мидийского государства на Ближнем Востоке и аристократических некрополей скифской знати на Северном Кавказе и роскошных царских курганов в Туве) или для многих районов — со второй половины VI в. до н.э. (появление серии изображений ранних скифов в греческом искусстве, изображений народов-данников Западного Туркестана в персидском искусстве и др.), т.е. *в целом* — с VII–VI вв. до н.э. по 330 г. до н.э. для Ирана и юга Западного Туркестана (гибель персидской державы Ахеменидов), примерно по 300 г. до н.э. — для европейских степей (гибель Великой Скифии) и гораздо позже — по рубеж III–II вв. до н.э. — для кочевников Южной Сибири (военная экспансия туда более восточной «кочевой империи» Хунну) и даже до середины II в. до н.э. для части Западного Туркестана (иначе — Средней Азии) — Хорезма, бассейна Сырдарьи и Семиречья (до начала военной экспансии новых восточных пришельцев — юэчжей и усуней, смещения из-за этого на юг от Амударьи многих кочевых племен саков и т.д.), т.е. *в целом* (для ключевых областей иранского мира) IV–III вв. до н.э.

Окончание *второго периода* — парфяно-сарматского времени (отраженного в главе 2) установить проще, так как границы иранского мира к тому времени стали сокращаться. Для Ирана его граница — 225 г. н.э. — приход к власти династии Сасанидов из области Персида/Фарс, для Западного Туркестана — в течение III в. н.э. (начало распада Кушанской империи, Хорезма, держав Кангюя и Усунь), для европейской Сарматии — много позже — 372–375 гг. н.э. (вторжение с востока орды гуннов), т.е. *в целом* — III–IV вв. н.э.

Третий хронологический период — сасанидское время и раннее средневековье (отраженное в главе 3) — во многом связан с экспансией и культурным доминированием в сокращающемся иранском мире персидской державы Сасанидов, с внешней агрессией могущественных неиранских племенных группировок и государств (гуннов, тюрков, арабов, китайцев). О его конечном рубеже говорилось выше. Понятие «*раннего средневековья*» для Ирана и Западного Туркестана (как и для всех стран вне Западной Европы) весьма условно: во многом этом лишь дань господствующей научной традиции из-за отсутствия иных общепринятых терминов²³.

Датировки нескольких тысяч костюмных комплексов разных эпох и регионов Евразии, за исключением особо оговоренных случаев, взяты мною из последних работ наиболее авторитетных специалистов по памятникам соответствующих регионов и экспертов по отдельным группам вещей — хронологических индикаторов.

В книге изучается материал по 13 наиболее полно документированным этносам и группам близкородственных этносов трех уже названных основных периодов: 1) *персы эпохи Ахеменидов*; 2) *ранние скифы* Северного Кавказа и Украины; 3) *скифы «классического» периода* на Украине; 4) «*пазырыкцы*» Горного Алтая; 5) *хорезмийцы* низовьев Амударьи (трех периодов); 6) *парны-парфяне* Ирана; 7) *сарматы и ранние аланы* европейских степей; 8) *юэчжи/кушаны* Бактрии; 9) *согдийцы* района Бухары–Самарканда (второго и третьего периодов); 10) *индо-скифы* исторической Гандхары и современного Пенджаба (Северо-Восточный Пакистан и прилегающий район в Индии); 11) *персы эпохи Сасанидов*; 12) *хотанцы* китайского Южного Синьцзяна (Восточный Туркестан); 13) *тохаристанцы* верхней Амударьи (с включением тюркского компонента).

Огромный объем фактического материала по древнему костюму ираноязычных народов (в значительной степени необработанного), а также методы работы, которых я придерживаюсь, потребовали *ограничить тематику* книги (иначе подобное капитальное исследование стало бы физически невыполнимым даже для группы специалистов). Во-первых, здесь исследуются, прежде всего, предметы собственно *одежды*. Второе тематическое ограничение диктуется характером имеющихся у нас источников. Обычно при изучении одежды главным элементом классификаций и анализа является *крой*. Однако как в материалах из погребений (кроме «пазырыкских» могил из «вечной мерзлоты» Горного Алтая), так и на древних изображениях *крой* обычно *вообще не отражен*; в других (гораздо более редких) случаях он документирован *фрагментарно* (детали изображений) или *предположительно* (ряды декора из бляшек или бус вдоль веро-

²³ Например, неясно, является ли для Ирана приход к власти Сасанидов в 225 г. н.э. наступлением «раннего средневековья» или нет — для целей данной работы это совершенно неважно.

ятных швов) и сколько-нибудь полно не восстанавливается. Приходится смириться с тем, что основным предметом моего анализа будут не все три важнейшие характеристики одежды (крой, силуэт и система декора), а в основном две последние. Они также весьма информативны (а точнее — более информативны, чем крой) в плане отражения национальной специфики и межэтнических контактов, всех основных функций одежды в древних обществах.

В целом *вне поля нашего зрения* останутся: 1) *мелкие аксессуары* костюма (пряжки, бляшки, серьги, браслеты, ожерелья, застежки, фибулы и т.п.), их конструкция, типология и технология производства; 2) специализированный *воинский* костюм (доспехи, боевые пояса, подкладки, подшлемы и панцири и т.п.), изучаемый специалистами по военному делу; 3) *особые короны правителей*, специфичные по облику и в большинстве случаев явно не имеющие отношения к головным уборам остальных представителей этноса (как правило, эти предметы костюма уже хорошо изучены нумизматами и отчасти искусствоведами); 4) собственно *материаловедение*, т.е. *технологический* анализ остатков тканей, кожи и т.п. (чем занимаются особые узкие специалисты); 5) предполагаемая *семантика сюжетов культовых изображений* (за редкими, мало изученными исключениями, рассмотренными в главе 4.3): эта очень сложная и спорная, но эффектная тема весьма популярна сегодня в литературе; однако многие выводы авторов на сегодняшний день в принципе не проверяемы, слабо аргументированы и спорны²⁴. В. Брюкнер высказывается о проблематичных попытках выяснения семантики тех или иных элементов древнего костюма на скудном фактическом материале весьма резко, называя подобный подход «антиисторическим» (Brückner 1985, S. 17).

Вместе с тем весь опыт моей предыдущей 30-летней работы показывает, что наряду с крупными предметами укрывающей туловище и конечности собственно одежды (плечевая и поясная одежда, головные уборы, обувь, перчатки) большое значение для выяснения этнокультурной специфики имеют *прическа* и иногда — *косметика и татуировка*. Поэтому они включены мною в соответствующие «этнические» параграфы. Это же относится к такому самому крупному костюмному аксессуару, как *пояс* (занимающему по ряду признаков и в некоторых ситуациях пограничное положение между собственно аксессуарами и предметами одежды).

Источники

Источники по нашей теме разнообразны и при этом сложны для изучения (из-за их *фрагментарности*, неоднозначности, а также неточной или неудачной передачи при современной фиксации археологами, чертежниками, художниками и фотографиями). Поэтому почти все они нуждаются в *частичной реконструкции и корректировке*. Кроме того, большинство источников сохранили для нас одежду, используемую отнюдь не в не повседневных ситуациях (ритуальные комплексы погребений; сцены поклонения божеству, изображения самих божеств или сцены вручения знаков власти правителю, т.е. инвеституры с их участием и тронные сцены в памятниках искусства). У многих народов древности в подобных случаях часто использовался особый костюм (или его части).

Наши источники — это прежде всего: **1)** остатки предметов костюма из древних *погребений* или (много реже) поселений²⁵; **2)** *изображения* костюма на каменных статуях, надгробных и триумфальных рельефах, терракотах, настенных росписях, парадных металлических изделиях (торевтика), монетах и геммах и т.п.; **3)** *письменные источники*, т.е. труды древних авторов и отдельные надписи; **4)** *этнографический* костюм современных народов иранской группы, сохранивший в ряде случаев чрезвычайно архаичные элементы, также имеет большое значение для сопоставления с древними образцами их предков; особенно важны те из них, которые оказались в своеобразных природных изолятах — горных районах (памирцы, осетины, горные таджики, курды, пуштуны) или пустынях (белуджи); **5)** крупные *эпические сказания* персов («Шах-наме» Абдул-Касима Фирдоуси) и потомков аланов — осетин (см. прежде всего: Нарты 1989; Доде 2001, с. 85–93) также содержат ценные материалы по костюму раннесредневекового времени²⁶; **6)** лингви-

²⁴ Например, мы никогда, вероятно, не сможем выяснить, действительно ли скифские конусовидные головные уборы в первую очередь символизировали собой Мировую гору (Клочко 1992а, с. 9) или же речь идет, как принято думать среди этнографов, всего лишь о распространенном у кочевых народов удобном и экономном крое головного убора из четырех треугольных кусков.

²⁵ Среди них особое место занимает помещенная в детские погребения *одежда кукол* или небольших идолов (которая подчас может иметь отличия от реально бытующей, см., например: Прыткова 1971). Для древнего иранского мира это, прежде всего, аланы Западного Предкавказья VII–VIII вв. (см., например: Иерусалимская 1992, фото 9; Ierusalimskaja 1996, Abb. 51).

²⁶ Традиция иллюстрирования эпоса у иранских народов прослеживается уже около 2,5 тыс. лет назад. Так, по данным Хареса Митиленского (Athen. Deinosoph. XII), у персов в это время был широко распространен обычай изображать эпические сцены в хра-

стические изыскания тоже иногда помогают уточнить функции (Widengen 1956; Bailey 1955; 1982) и давность бытования тех или иных предметов одежды (Абаев 1949, с. 53). С каждым видом источников связаны особые приемы изучения (что делает неизбежными консультации с узкими специалистами).

Хотя наши источники разнообразны, большинство из них было обнаружено на археологических памятниках: в той или иной мере это источники *археологические*. Между тем они, как известно, не содержат *непосредственно* историко-культурной информации: для ее получения требуется предварительный «перевод» со специфического «языка вещей» *мертвой* культуры (см., например: Яценко 1998б, с. 36). Это неизбежно в силу ряда особенностей археологических *артефактов* (их фрагментарность, неполнота состава связанных с ними комплексов, известный отрыв от современной культурной традиции, в ряде случаев неясность их назначения и реального применения и др.).

У различных изучаемых народов обычно резко преобладают те или иные виды источников. Например, для Ирана трех доисламских династий — изображения на каменных рельефах, статуях и печатах (в меньшей степени — в художественном металле/торевтике и на монетах). Для Хотана это терракоты и отчасти буддийские настенные росписи, для «пазырыкцев» Горного Алтая — находки подлинных предметов костюма в «вечной мерзлоте», у скифов и сармато-аланов — золотые и бусинные обшивки одежд и их изображения на предметах торевтики, у кушан — каменные скульптуры и рельефы, у согдийцев римского времени — культовые терракоты и т.д. Письменные сообщения по костюму гораздо более, чем для кого бы то ни было, обильны по персам при династии Ахеменидов. Столь разноплановый характер источников по отдельным народам создает сложности при их сопоставлении. Изучение материалов по тому или иному этносу (см. отдельные разделы глав 1–3) сильно разнится в трудоемкости (в зависимости от количества и разнообразия источников, их доступности и степени обобщения предшественниками) и колебалось у автора по времени от двух-трех недель (хорезмийцы) до 20 лет (сарматы и ранние аланы).

Объем информации по нашей теме в последние десятилетия резко возрос из-за исследования большого количества древних погребений в различных районах иранского мира (многие из них остаются неопубликованными) и их ограбления (наиболее ценные находки оказались на крупных международных аукционах). Среди впервые привлекаемых и не опубликованных пока источников в этой книге преобладают материалы из могильников восточноевропейских степей сарматского времени. Их сбор и анализ были самыми трудоемкими: число погребений восточноевропейских степей, обработанных (и «отсеянных») автором по архивам, личному участию в раскопках и личной информации раскопщиков, трудно указать даже приблизительно, так как автор постепенно занимался этим практически всю свою взрослую жизнь. Некоторые изображения многократно публиковались, но каждый раз с неточными прорисовками, нечеткими или недостаточно детальными фото и т.п. Их пришлось лично изучать и зарисовывать в музейных фондах. Большинство привлекаемых материалов сильно распылено в редких малотиражных изданиях разных стран и еще не анализировалось в интересующем нас аспекте. Со многими из этих артефактов, безусловно, нет физических возможностей ознакомиться лично. В результате *публикации* часто становятся самостоятельным и весьма важным источником новых, «сырых» фактов, причем зачастую (при недостаточных полноте описаний и качестве иллюстраций) сложным для интерпретации. Во вступительных статьях к выставочным каталогам также во многих случаях содержатся отдельные ценные наблюдения об элементах костюма.

Письменные источники по нашей теме представлены главным образом разнообразными сочинениями греко-римских и отчасти византийских авторов, а также китайскими хрониками и записками знаменитых путешественников-паломников (Фасянь, Сюаньцзан и др.), в гораздо меньшей степени — сохранившимися персидскими религиозными текстами (прежде всего Авестой) и ранними сочинениями мусульманских авторов, касающимися последних этапов истории сасанидского Ирана, истории завоевания Согда и легендарного прошлого Хорезма. Большой и трудновосполнимой потерей является гибель после мусульманского завоевания почти полностью хроник и назидательных сочинений древнего Ирана, ираноязычных государств на юге Западного Туркестана (т.е. в Средней Азии) и Хотана.

Нумизматические материалы особенно ценны для Ирана и Кушанской империи: именно здесь на монетах костюм правителей передан наиболее детально. При этом наиболее важны *погрудные* портреты владык на монетах парфянского Ирана и Кушании. Менее ценны образы Сасанидов (которые обычно изображались до самой верхней части груди, т.е. детально передавались только головной убор, прическа и

мах, дворцах и в частных домах. При этом все наиболее древние предполагаемые изображения героических воинов эпоса еще античной эпохи найдены на территории кочевых иранских народов — скифов, сармато-аланов, среднеазиатских саков, племен Саяно-Алтая и Юго-Западной Сибири. Часто здесь соединены *две сцены* — *сражения и охоты* одного и того же персонажа или двух друзей (что естественно, так как именно эти два занятия считались *наиболее престижными* для мужчин) (см.: Яценко 2000в, с. 186–204).

шейные украшения) и кушанские монеты с *полной* фигурой правителя (здесь почти не передан декор одежды). Некоторые владыки демонстрируют нам несколько комплектов из своего гардероба.

Методология и методики работы с древним костюмом

В целом в подходе к изучению костюма традиционных обществ мне наиболее импонируют позиции датского исследователя Рудольфа Броби-Йохансена, связанные с анализом силуэта мужского и женского костюма и причесок и их соотношением с идеальными пропорциями тела у разных этносов и в разные эпохи. Составляя сравнительные таблицы изменения отдельных элементов костюма Западной Европы на протяжении нескольких столетий (мужских шляп и бантов на шее, женских декольте и масок и т.п.), этот ученый смог продемонстрировать также *периодичность* подсознательного возвращения мастеров-закройщиков к старым, ранее найденным формам (Broby-Johansen 1968). Работы Броби-Йохансена внушают оптимизм по поводу скорого оформления костюмологии в качестве самостоятельной *науки*, основанной на выявленных *закономерностях* и обладающей другими необходимыми атрибутами. Определенное влияние оказали на меня подходы английской исследовательницы Весты Куртис, в частности — попытка выделения ею в диссертации *личных* костюмных новшеств отдельных правителей на примере царей парфянского Ирана, находившегося под заметным влиянием эллинистической культуры (Curtis 1988). Существенен также ряд соображений, высказанных другими западными костюмологами (см.: Dress 1965; Fabrics 1979; Deporte 1984; Méridol 1989). Важной основой моей работы были разработки российских специалистов по этнографическому костюму: Н.И. Гаген-Торн, П.Г. Богатырева, В.Л. Сычева, Н.П. Лобачевой, Г.С. Масловой и ряда других авторов (Гаген-Торн 1933а; Зеленин 1948; Махова, Русайкина 1961; Богатырев 1971; Сычев 1977; Лобачева 1979; 1989; Маслова 1978, 1984; Широкова 1993).

Современное состояние формирующейся дисциплины — палеокостюмологии заключается, прежде всего, в отсутствии детально разработанных методологии и конкретных методик. Каждый исследователь сегодня фактически постепенно формулирует их сам на основе личного опыта и лишь в редких случаях частично присоединяется к позиции кого-либо из знакомых ему коллег. При этом каждому ученому в этой области приходится одновременно собирать неопубликованные архивные материалы, обрабатывать их на разных уровнях, решать методические и даже методологические проблемы. Что касается общепринятых подходов, то они на сегодняшний день отсутствуют (известная близость наблюдается лишь в принципах классификации одежды у авторов из бывших социалистических стран). Еще не обоснована детально методика реконструкций по материалам погребений и памятникам изобразительного искусства. Материал того или иного древнего народа чаще всего рассматривается изолированно от соседей и не во всей выявленной на сегодняшний день совокупности материала, а по единичным ярким находкам. Часто авторы недостаточно информированы о достижениях смежных дисциплин. Терминологическая разногласия в описании отдельных элементов костюма также серьезно мешает его изучению. В этих условиях последнюю четверть века мне приходилось формулировать соответствующие положения во многом самостоятельно.

Наша тема находится *на стыке нескольких дисциплин*, прежде всего — археологии, этнографии и искусствоведения (терминология и исследовательские методы которых весьма различны и на практике до сих пор зачастую плохо согласованы). Важную роль играют также текстильное материаловедение и анализ древних письменных источников. Вместе с тем цель моей работы не совпадает с обычными, наиболее распространенными целями изучения костюма как *археологами* (анализ сохраняющихся обычно неорганических костюмных аксессуаров, их типология, хронология и т.д., их характеристика на изображениях), так и *этнографами* (традиционно акцентирующих внимание на поиске отдельных прототипов современных пережиточных форм), *искусствоведами* (характер стилизации одежды, манера ее подачи художником, скульптором и т.д.), а также театральными и кинохудожниками (общее представление об ансамбле одежды; см., например: Пармон 1997). В процессе написания книги я стремился преодолеть серьезный разрыв трех названных наук в этой проблематике (отсутствие традиции унифицированного описания, разногласия в терминологии, акцент на *различных* элементах костюма), а также скомпенсировать отсутствие удовлетворительной методики полевой археологической фиксации (в *Приложении* представлен проект инструкции по совершенствованию полевой фиксации остатков костюма при раскопках, основанный на личном опыте анализа автором, начиная с 1975 г., как архивной полевой отчетности, так и публикаций остатков костюма, и на личных полевых наблюдениях).

Для решения поставленной сложной и очень трудоемкой проблемы необходим *комплексный подход*. В столь полном и разностороннем виде он предлагается впервые. Для него характерно: **1.** Использование *всех видов источников* (археологические остатки, изобразительные материалы, письменные сведения) при максимально возможном охвате наличных фактов по каждому изучаемому народу (в случаях, если это сегодня технически невыполнимо, изучается статистически представительная выборка²⁷). **2.** Отбор изобразительных материалов и остатков костюмного декора из погребений в соответствии со строго сформулированными критериями (см. ниже). **3.** Анализ материала не по *региональному*, а по *этническому* принципу. **4.** Рассмотрение всех основных предметов костюма этноса как *единого костюмного комплекса* (отражающего специфику народа, его эстетический идеал и религиозные воззрения, социальную структуру). **5.** Описание костюма *каждого конкретного этноса* в главах 1–3 дано по *единой программе*, которая предлагается впервые: 1) характеристика источников; 2) история изучения; 3) необходимые замечания историко-культурного характера в связи с изучением данного этноса; 4) материал одежды; 5) реконструкция облика основных элементов костюма (в последовательности: плечевая одежда, поясная одежда, пояса, головные уборы, обувь, прическа, косметика и татуировка); 6) общая характеристика костюмного комплекса (крой — манера ношения — силуэт — система декора — эстетический идеал этноса, выраженный в костюме и в облике мужчин и женщин в целом). **6.** Рассмотрение этнических комплексов костюма на фоне как современных ему соседних, так и более ранних и более поздних, вплоть до этнографической современности (в противном случае корректность выводов гарантировать трудно). **7.** Анализ *эволюции* костюма отдельных народов под влиянием различных факторов (миграции, смена династии, костюмные инициативы правителей, внешнеполитическое влияние, функционирование торговых путей). Иными словами, костюм крупнейших ираноязычных народов впервые рассматривается *в его исходном единстве, в последующей эволюции и взаимосвязи и в локальной специфике*.

Систематизированное аналитическое описание костюма отдельных этносов трех эпох по *единой программе*, приводимое в главах 1–3, хотя и неизбежно включает однотипные перечисления, отнюдь не является простой сводкой разных сведений. В нем привлечено много новых фактов, ранее известные чаще всего тракуются по-новому, материал систематизирован по новым принципам, а такие разделы, как анализ образа «Иного» в изображениях чужеземных мастеров, характеристика декоративных принципов и эстетического идеала конкретных этносов, вообще приводятся впервые. Понятно, что без такого единого унифицированного описания невозможно восстановить облик этнического костюмного комплекса, сопоставить материал по различным народам и решить другие задачи этой монографии. В книге фактически имеется «параллельный» мир постраничных примечаний, число которых весьма велико; они предназначены в основном для тех читателей, которые более углубленно заинтересуются проблематикой книги.

По мнению Вольфганга Брюкнера, существует четыре основных направления интерпретации костюма: 1) «этнические» концепции, подчеркивающие связь определенных костюмных форм с конкретными этносами или языковыми группами; 2) диффузионистские теории, в рамках которых утверждается, что все позднее разнообразие форм произошло от нескольких «базовых» типов в немногих районах мира; 3) концепции «развития», делающие акцент на местном развитии костюмных форм; 4) «теории социальной функции», использующие семиотический подход (Brückner 1985, S. 15–17). В своей работе я пытался *соединить* рациональные стороны этих четырех тенденций в трактовке материала.

Сегодня большинство этнографов — исследователей истории костюма нового времени определенного крупного многонационального региона (Средиземноморье, Индия, Западный Туркестан, Сибирь, Северный Кавказ и др.) склонны подчеркивать, что «покрой одежды и другие ее черты во многом формируются не в рамках народа, а в пределах региона» (Лобачева 1989, с. 35). Однако я не спешу *заранее* переносить подобные выводы на более ранние (и почти не изученные) эпохи. Проблема заключается в том, что в науке последние почти 200 лет преобладают **региональные** исследования костюма *одного* определенного и сравнительно *короткого хронологического отрезка* — этнографической *современности*, т.е. периода, когда резко интенсифицировались торговые связи и иные межэтнические контакты, торговля тканями и готовой одеждой и т.п. Следуя преобладающему сегодня подходу, я должен был бы строить главы книги по *отдельным регионам* иранского мира (Иран, Западный Туркестан, регион Афганистана и Пакистана, Западный Китай, Южная Сибирь, восточноевропейские степи), рассматривая в каждой из глав материал по периодам.

Однако я решил следовать иным, не столь обычным путем: в главах моей работы костюм разделен по *основным историческим эпохам*, т.е. костюм иранских народов изучается как бы последовательными син-

²⁷ Материал по отдельным народам (например, по персам времен Сасанидов) столь распылен в различных музеях, закрытых частных коллекциях (каталоги аукционов) разных стран и т.п., что изучить *полную совокупность* относящихся к ним обнаруженных к сегодняшнему дню элементов костюма и их изображений физически невозможно.

хронными срезами. Это создает уникальную возможность на большом объеме материала проследить как *этническую специфику* для более ранних периодов (когда иранский мир был гораздо более могущественным и обширным; когда исходная общность костюма была еще заметной; когда преобладающее влияние исходило, видимо, из культурно родственного Ирана, а торговые и культурные связи были гораздо менее интенсивными), так и *механизмы межэтнических костюмных контактов*. Иными словами, в этой книге делается акцент на *этнических* характеристиках. Такой подход (как и всякий иной) имеет свои «плюсы» и «минусы»; в данном случае он используется чисто инструментально: автор этих строк отнюдь не сочувствует крайностям национализма современных ираноязычных народов. В связи со сказанным в методическом плане важны работы М.В. Горелика по выделению одежды этнических персов в парадном костюме Ахеменидской державы и В.Н. Пилипко по выделению костюмного комплекса собственно парнов-парфян в рамках державы Аршакидов (Горелик 1985; Пилипко 2001б).

Еще одна важная особенность предлагаемой книги заключается в том, что здесь рассматривается по отдельности (и если это возможно — по отдельным периодам), а затем сопоставляется костюм только тех ираноязычных народов, которые дают наиболее обильную и разнообразную информацию по костюму (см. главу 4.2). Такой выбор не случаен. Дело в том, что костюм (и его основная часть — одежда) — явление достаточно массовое, и по-настоящему продуктивно и корректно он может изучаться именно массово, при наличии сравнительно обширных костюмных серий. Между тем в литературе многие очень серьезные выводы по одежде древнего народа и даже большого региона в условиях дефицита фактов часто строятся на единичных изображениях (или на «серии» всего из двух–трех) или сохранившихся подлинных предметах костюма. Понятно, сколь рискован подобный подход: в этом случае мы легко можем ошибиться, принимая случайные черты за характерные (например, элементы костюма, специфичные для знати, за свойственные всему этносу) и даже изображения иноземцев и чужеземных богов — за образы «местных жителей». Поэтому в моей работе единичные факты по костюму фрагментарно документированных этносов привлекаются лишь как вспомогательный материал, в качестве аналогий и т.п., и серьезные выводы на них не строятся.

Изучение костюмных материалов по языково-этническому принципу создает, разумеется, некоторые теоретические и практические сложности. Во-первых, границы ираноязычного мира в те или иные периоды древности определены на периферии (для бесписьменных народов, которые в ранние периоды составляли большинство) весьма приблизительно (в таких случаях иранскую принадлежность древних этносов пытаются подтвердить или опровергнуть такими методами, как анализ древних топонимов и имен древнейших мифо-эпических персонажей, общей совокупности выявляемых обрядов и др.). Например, часть исследователей считают проблематичной иранскую принадлежность племен пазырыкской культуры Горного Алтая, а юэчжей / кушан верховий Амударьи иногда считают частично не ирано- а тохароязычными. Мы постараемся дополнительно проверить эти версии методами костюмологического анализа. Во-вторых, наши источники являются в основном археологическими и изучаются в рамках археологических культур, соотношение которых с конкретными реальными этническими группами можно предполагать во многих случаях, но далеко не всегда (см. один из последних обзоров на эту тему: Ковалевская 1995, с. 2–21, 27–28, 33–37, 123–134). Поэтому я использую для отбора либо те народы, границы которых достаточно надежно установлены сопоставлением данных письменных и археологических источников (персы; в Западном Туркестане — согдийцы, бактрийцы и хорезмийцы; в Синыцзяне — хотаносаки Хотанского княжества;

в европейских степях — ранние и «классические скифы» и сармато-аланские племена трех археологических культур), либо материалы тех археологических культур, которые сегодня принято по многим причинам считать весьма монолитными в этническом плане (пазырыкская культура Горного Алтая²⁸). В некоторых древних странах бассейна Амударьи (Хорезм, Согд), на границах земледельческих областей, вплотную к ним в древности кочевали родственные оседлым этносам сако-массагетские племена; однако их материалы из курганов отделяются мною от собственно этнических согдийцев и хорезмийцев и специально не рассматриваются (так как костюмный материал по ним крайне фрагментарен).

Ключевые понятия, предлагаемые и используемые в книге, — *этнический костюмный комплекс* (совокупность элементов костюма, документированных для конкретного народа, с акцентом на его специфические стороны) и *типы (и механизмы) костюмных контактов* таких комплексов.

Последний термин многие коллеги, вероятно, предложили бы заменить другим — «мода». Однако для практического решения задач, поставленных в книге, он очень неудобен из-за своей расплывчатости и многозначности. К тому же мода как форма регуляции и саморегуляции поведения людей *в социально зна-*

²⁸ Часть аристократии «пазырыкцев» была выраженными монголоидами в результате смешанных браков с какими-то восточными соседями или сохранения части аборигенного населения, однако в культурном отношении была явно прочно интегрирована в пазырыкскую общность.

чимом масштабе даже в Западной Европе утвердилась лишь с XIX в. (см., например: Гофман 2004). Если понимать под костюмной модой новые тенденции оформления, приобретающие в короткий срок популярность в определенных слоях общества или даже в ряде стран, то этот термин в доиндустриальных обществах наиболее применим не столько к собственно одежде, сколько к *мелким аксессуарам* костюма. Эти последние отличаются от одежды рядом важных характеристик (большая портативность, способствовавшая их перевозке и обмену; большая внешняя эффектность, поскольку они часто делались из драгоценных металлов и камней; большая прочность, так как они обычно изготавливались из неорганических материалов), которые способствовали тому, что *аксессуары* использовались, перемещались и заимствовались *по иным закономерностям*, чем собственно одежда²⁹. Однако, как уже отмечалось, аксессуары (за исключением поясов) в этой книге специально почти не рассматриваются. В отношении аксессуаров, например, понятие «евразийская мода» для раннего средневековья отнюдь не лишено смысла (ср.: Сташенков 1998, с. 213–215). Именно к ним применим и своеобразный «*эффект запаздывания*» в датировке женских украшений по отношению к мужским в парных захоронениях во многих «варварских» могильниках Центральной Европы римского времени (ср.: Бажан, Еременко 1992, с. 14); ведь мужчины в большинстве традиционных обществ были более мобильны, больше общались с представителями иных социальных групп и этносов. К тому же женщины, погруженные в домашнее хозяйство, носили парадный ритуальный костюм с необходимыми аксессуарами, доставшийся еще из сундучка мам и бабушек, т.е. подчас в течение трех поколений, около 70 лет — до тех пор, пока он не становился ветхим, после чего обычно подлежали замене и нашитые на нем украшения³⁰. Вместе с тем некоторые авторы склонны применять для раннего средневековья термины «евразийская мода», «единый костюмный стиль» именно к одежде (Майтдинова 2003, с. 61, 70, 138)³¹.

Очень серьезная проблема — это *корректность* приводимых исторических и этнографических аналогий. Я стремился опираться, прежде всего, на аналогии по одежде тех *ираноязычных* народов, которые в условиях относительной изоляции в наибольшей степени сохранили ряд архаичных видов одежды и обрядов (не связанных прямо с исламом) в интересующей нас сфере. Лишь в особых случаях (при уточнении генезиса некоторых форм) приводятся аналогии по костюму этносов, длительное время граничивших с иранским миром и оказавших на него, по общепринятому мнению, определенное влияние.

Анализ остатков «археологического» костюма

В последнее десятилетие, в связи с кризисом полевых археологических исследований в России и СНГ (во многом связанным с недостатком финансирования и падением престижа профессиональной науки) и обостренно воспринимаемой в этих условиях проблемой моральной ответственности ученого, на первый план выходят именно вопросы максимально точного соблюдения существующих полевых методик и их дальнейшего совершенствования (см., например: Флеров 1997, с. 66–67).

Сегодня *реконструкция одежды* по незначительным остаткам тканей, кожи и нашивных украшений в древних погребениях и даже характер их наиболее оптимального *описания* — темы, методически почти совершенно не разработанные. Обычно авторы не пытаются сколько-нибудь детально методически обосновать свои реконструкции и описания, опираясь лишь на обыденный «здравый смысл».

Сведения из области патологоанатомии показывают, что обшивки одежды умершего должны были перемещаться дважды в соответствии с двумя стадиями деформации трупа: бескислородным гниением, сопровождавшимся вздутиями, обезображиванием лица и т.п. (1,5 года) и кислородным, при доступе воздуха, приводящем к уплощению тела (от 5 до 40 лет). Более интенсивно нашивки перемещались на первой стадии. Весьма интересна попытка новосибирских археологов А.П. Бородавского и И.Г. Глушкова исследовать характер перемещения нашивных украшений одежды при разложении мягких тканей трупа на основе изучения серии «одетых» макетов в натуральную величину из снега. Авторы пришли к выводу о

²⁹ При изучении аксессуаров «археологического» костюма многие предположения превращаются в историографические мифы, не опирающиеся на достоверные исторические или этнографические прецеденты. Такова, например, убежденность ряда авторов в том, что заколки-фибулы римского и раннесредневекового времени и предметы одежды у варварских племен Европы *не могли передаваться* другому этносу, а дарились, захватывались и т.п.

³⁰ Эту традицию, когда парадная одежда хранилась в сундуке до трех поколений и которая хорошо прослежена, например, в динамике костюмных аксессуаров древнего Новгорода, автор этих строк когда-то назвал «эффектом бабушкиного сундука».

³¹ В понимании этой исследовательницы «единый стиль» в V–VIII вв. диктовался изменениями *в текстиле*: распространением сходных художественных шелковых тканей, жестким трапециевидным силуэтом одежды, сшитой из плотных тканей, и заменой золотых нашивных бляшек-аппликаций крупным текстильным орнаментом.

необходимости изготовления общего чертежа погребения с декорированным костюмом в натуральную величину (масштаб 1:1) вместо традиционного 1:10, необходимости изготовления чертежа костяка в стереометрии в трех срезах (по трем осям). Они также предлагают уделить особое внимание на данном чертеже зонам, где скопления украшений располагались *in situ* (в первоначальном положении), особенно если они находились под спиной или оказались прижаты крупными предметами (Бородовский, Глушков 1987, с. 56–58). К сожалению, мой личный опыт пока не позволяет принять эти предложения³².

В последние годы все большую роль в изучении древнего костюма играет разнообразная фото- и компьютерная фиксация. Однако нужно помнить, что в архивах автору пришлось работать в основном со старыми полевыми отчетами, в которых особое внимание традиционно уделялось качественным *чертежам*.

Эта книга во многом основана на разработанных автором в 1980–1985 гг. на материале различных регионов иранского мира *методике фиксации и описания и на методике реконструкции костюма из древних погребений* (как рядовых, так и элитарных) (см. ее переработанный текст в Приложении)³³. Она методически важна не только потому, что бывший СССР включал значительную часть прежнего иранского мира, но и потому, что именно погребения кочевников украинских и южнорусских степей (скифов и сарматов) уже около полутора веков являются наиболее полно изученными погребальными памятниками ираноязычных народов в целом. В свою очередь, без реализации в течение ряда лет этой методики описания некоторыми коллегами-археологами, работавшими на Северном Кавказе и Нижнем Дону, реконструкция многих важных костюмных комплексов была бы невозможна.

Основная проблема качественной полевой фиксации заключается (помимо личного опыта и добросовестности конкретных работников) в *специфике восприятия* исследователем разбросанных по погребению остатков расшивок одежд и мелких аксессуаров. Они традиционно видятся большинству не как *единый, тщательно продуманный ансамбль*, все элементы которого были подобраны в соответствии с определенными вкусами и социальным статусом будущего хозяина, а как хаотический *список предметов погребального инвентаря*, лежащих в разных частях могилы (подобный список археологу необходимо составлять для ежегодного отчета). При работе с архивными и музейными материалами по раскопкам на прежней территории СССР любой исследователь, занимающийся древним костюмом, сталкивается с последствиями такого восприятия палеокостюмологических материалов.

³² Прежде всего, столь большим чертежным листом пользоваться (в том числе чертить на нем) весьма неудобно: на практике достаточно чертежа в масштабе 1:2 и даже 1:5. Зоны скопления украшений лучше представить детально на отдельных малых чертежах в масштабе 1:1. Вместо стереометрических чертежей лучше изготовить два-три чертежа всего костяка, фиксирующих положение украшений у верхнего и нижнего уровня костей позвоночника и конечностей и под костями после их снятия.

³³ Используемая мною методика описания была первоначально подготовлена на основе анализа бусинно-бляшечных обшивок костюма в погребениях европейских сарматов (доклад «О методике фиксации костюма в погребениях сарматской эпохи», 25.02.1981 г., археологическая лаборатория РГУ) и затем существенно доработана в ходе двухлетнего анализа полевых материалов «золотого могильника» Тилля-тепе на севере Афганистана (доклад 4.06.1985 г. в Институте востоковедения АН СССР) и развита в статье по материалам первой «палеокостюмологической» конференции в Самаре в марте 2000 г. (Яценко 2001а). Эта новая методика была оформлена в октябре 1985 г. в виде инструкции для исследователей. Она распространялась в рукописи, но осталась неопубликованной.

Прежде всего, в ежегодной полевой отчетности все еще много неточностей и путаницы³⁴. Преодолению этих недостатков может способствовать, кроме прочего, предлагаемая методика полевой фиксации костюмных остатков (Приложение). Однако никакая, даже очень детально разработанная и тщательно описанная, методика не позволит корректно «читать» чертежи погребения с разбросанными аксессуарами и обшивками одежды (и тем более — с несколькими слоями разложившихся предметов одежды) или трактовать неясные места на стенных росписях и иных древних изображениях без основательного знакомства с наиболее архаичным *этнографическим* костюмом ираноязычных народов, с синхронным и диахронным костюмом неиранских этносов обширных соседних территорий и без длительного навыка практической работы.

Кроме того, богатые и неограбленные могилы знати с остатками роскошного костюма часто исследовались в непростой обстановке (ограниченное время и пространство расчистки, подчас — недостаток надежной охраны и необходимых для консервации материалов, недостаточная квалификация чертежников и расчищающих могилу рабочих, хищения отдельных украшений посторонними). Нередко отчеты по таким комплексам содержат *неполную* информацию о находке, умалчивая о досадных просчетах в процессе расчистки, уничтоженных по небрежности деталях; в свидетельствах полевого дневника, чертежей и текста обнаруживаются противоречия.

Методика реконструкций, разрабатывавшаяся мною в 70–80-х годах в ходе анализа конкретных комплексов, основана как на послойной фиксации украшений и тканей одежд, учете в каждом конкретном случае характера обрушения свода, разложения гроба и частей трупа, так и на привлечении наиболее детальных изображений персонажей данного этноса, с учетом синхронных родственным этносам и костюма иранских народов в целом вплоть до этнографической современности. Она изложена в виде серии конкретных примеров в главе 2 как для погребений знати (юэджи Северного Афганистана — раздел 2), так и для относительно бедных комплексов (сармато-аланы Северного Кавказа и Нижнего Дона — раздел 3).

Кроме собственно иранских материалов, для совершенствования методики реконструкций археологического костюма важны и аналогичные публикации по другим группам народов, в могилах которых сохранилось большое число нашивок разных частей одежды из неорганических материалов. Таких этнических групп известно не слишком много, а из хорошо изученных можно назвать, пожалуй, лишь северных соседей иранцев — финно-угров (см., например, комплексные работы: Крылова 2001; Краснопёров 2006; Павлова, в печати).

В условиях дефицита информации по многим древним культурам (например, если у них господствовал обряд трупосожжения) исследователи уже многие десятилетия пытаются более или менее корректно реконструировать облик одежды даже... по составу ювелирных украшений *в кладах* (см. некоторые наиболее интересные из подобных попыток для ранних славян: Сабурова 1967, с. 105–106; Щеглова 2000). Увы, из-за частого использования этого подхода крайняя шаткость любых подобных реконструкций как-то забывается. В моей книге материал кладов с этой целью специально практически не привлекается.

³⁴ Так, положение одной и той же фибулы — заковки плаща или платья на костяке умершего часто оказывается *разным* на чертеже, фотографии скелета и в текстовом описании; погребение с таким уровнем описания не может привлекаться для корректного анализа костюмных материалов. Для истории костюма важна *манера скалывания* фибулой конкретной одежды (в какую сторону направлены ее приемник и дужка), и подобная путаница лишает нас возможности это выяснить. Наиболее часто неполно описание предметов, найденных *под скелетом* (т.е. украшавших костюм со спины): убирая постепенно кости, многие раскопщики не оставляют надежные точки привязки и отмечают украшения в тексте как «найденные при контрольной зачистке»; обнаруженные *под черепом* предметы костюма также часто не наносят на чертеж при публикации. Подчас археологи тщательно фиксируют лишь то не-большое число украшений, которое сохранилось *непосредственно на черепе*, но слишком поверхностно — те, которые съехали с него в процессе разложения трупа и оседания перекрытия могилы, оказались внутри него и под ним. Чертежи сложных бусинных/бляшечных обшивок часто даются в слишком мелком масштабе, не позволяющем разглядеть детали (в результате во всех важных случаях я пытался получить от исследователя крупный *черновой* чертеж, который потом обычно не включается в отчет и публикации и не попадает в государственные архивы). Даже *границы орнаментальной зоны* из бус или бляшек обычно не совпадают на чертеже и фотографиях; часто неясно, образует ли линия обшивки полукольцо спереди или же полное кольцо вокруг кистей рук, края подола и др. При описании положения нашивных бляшек обычно не отмечается, какие из них лежат тыльной стороной вверх, редко подробно описываются случаи перекрытия одного ряда другим, не отмечаются факты их *починки*, среднее расстояние между ними и наличие *прорех* в сплошном ряду их (что зачастую фиксирует *характер износа* данного предмета одежды). Остатки плохо сохранившихся золототканых одежд описываются крайне схематично, а отпечатки тканей на металлических аксессуарах часто просто удаляются механически без всякого описания. Симметрично размещенные на костюме (рукава, обувь и др.) сходные украшения (подвески, амулеты и др.) иногда при детальном рассмотрении оказываются *отнюдь не идентичными в деталях* и разными по количеству; но обычно вещи с обоих рукавов, сапожек и др. смешиваются и *обезличиваются*. Весьма распространено мнение, что ограбление погребения (даже частичное) означает возможность менее тщательной фиксации, а значение участков оочайной удовлетворительной сохранности недооценивается (см., например: нарушенное сарматское погребение II–III вв. склепа в некрополе Ульгули в Западном Казахстане, где грабители голову и шею положили на бедра трупа, но в первоначальном положении шеи сохранилась обшивка ворота платья золотыми бляшками: Тулегенова, Виноградов 2003, с. 257).

В современных публикациях (как этнографических, так и специалистов по текстилю) часто встречается утверждение, что получить сколько-нибудь ясное представление о древней одежде можно *только* на основе изучения ее *кроя* по *полностью сохранившимся* образцам; иные подходы заведомо объявляются ошибочными. Однако в отношении почти всех изучаемых в этой книге народов (кроме «пазырыкцев» Алтая, чья одежда иногда прекрасно сохраняется в «вечной мерзлоте») выполнить это пожелание попросту невозможно: мы можем детально охарактеризовать лишь *другие* параметры одежды (силуэт и систему декора); однако и этой информации, думаю, более чем достаточно для корректного решения задач моей работы. В целом названный подход кажется несколько максималистским, односторонним и методологически не вполне корректным: специалист может и обязан работать с *наличными* видами источников, а не предъявлять к ним заведомо невыполнимые требования и затем отказываться от их изучения. Сегодня крой признается для ключевых областей иранского мира менее значимым этнопоказателем, чем силуэт и декор (см., например: Лобачева 2001, с. 70–71).

Анализ изобразительных материалов по древнему костюму

Для изобразительного искусства древних иранцев характерен *веризм* (в данном случае — тщательная передача всех деталей облика персонажей), а также стремление к ярким, чистым цветам. Противоположный подход обычно исключался, так как без детализации, затененными, окрашенными в переходные тона часто представлялись лишь силы Зла, демоны и их прислужники. Древние изображения — преобладающий вид источников по данной теме³⁵. Подавляющее большинство авторов и сегодня считают интерпретацию костюма на них делом весьма несложным, мол, «все очевидно». На деле же попытки корректного анализа при этом наталкиваются на множество разнообразных объективных затруднений (см., например, по доисламским стенным росписям Согда: Маршак, Распопова 2004).

Во-первых, наличный состав изображений никогда не отражает сколько-нибудь объективно одежду различных сезонов (в соответствии с господствующим стереотипом художественного восприятия люди и боги в искусстве изображались именно в одежде теплого сезона, т.е. без зимних шапок, шуб, перчаток и т.п.). Не позволяет он представить также *реальный состав комплекта и манеру ношения* бытовавшей одежды (многие изображения из-за их ритуального характера представляют мужчин и женщин простоволосыми и/или босыми, чего не было в реальной жизни; ритуально полуобнаженными; носящими плечевую одежду не вполне обычным способом и т.п.). Не дает он и объективных сведений в соответствии с *половозрастным составом общества* (для всех изучаемых народов, кроме согдийцев I–III вв. н.э., резко преобладают мужские изображения; почти совершенно отсутствуют детские образы, особенно девочек). Не отражает он сколько-нибудь адекватно и одежду *разных социальных групп* (почти во всех изучаемых культурах, кроме нескольких самых поздних, подавляющее большинство населения — простолюдины практически совсем не представлены в изобразительном искусстве)³⁶. И знать и простолюдины на деле весьма редко изображались в своей *рабочей* (особой охотничьей и т.п.) одежде³⁷. Наконец, некоторые сцены связаны с бытом дворцовых комплексов, где происходила и интимная жизнь гарема; поэтому на таких изображениях облик одежды женщин в целом, манеру ее ношения и декор следует воспринимать с известной долей осторожности.

Во-вторых, мастер подчас сознательно допускал *стилизацию* человеческих фигур (связанную с условностями конкретного жанра, социальной значимостью сцены и отдельного персонажа, требованиями к отображению индивидуальности в искусстве данной страны, особенностями используемого материала и т.п.), при которой трактовка многих изображенных предметов одежды затруднительна. Порой в древнем искусстве изображение одного и того же правителя на монетах и в скульптуре трудно уверенно идентифицировать (см., например: Smith 1988, р. 3). Правда, бывают и ситуации, когда стилизация не усложняет, а *облегчает* работу ученого-костюмолога. (Например, некоторые социально значимые элементы костюма мастер, стремясь показать их в максимально «выгодном» ракурсе, изображал не висящими вертикально вниз и частично заслоненными другими, а как бы «на ветру», развевающимися; в то же время на других

³⁵ Уже в эпоху Ренессанса появились иллюстрированные обобщающие труды по костюму народов мира (см.: Vecellio 1977).

³⁶ Об изображениях простолюдинов в других (неиранских) традиционных культурах см., например: Barsis 1973; Cunnington 1974.

³⁷ О рабочей одежде (спецодежде) в неиранских традиционных обществах см.: Marly 1986; Tornau 1994.

предметах одежды этот «ветер» никак не сказывается.) Иногда, резьба по камню, например, дополнялась на одном изображении цветной росписью, и, когда последняя со временем исчезает, мы видим лишь часть первоначальной картины костюма (см., например: Ермоленко 2003, с. 238).

В-третьих, даже на вполне реалистических, детализированных и полностью сохранившихся изображениях *позы* отдельных персонажей и их соседство с другими (частичное взаимное наложение) серьезно мешают выявлению и описанию предметов одежды (так, практически невозможно выяснить важные детали кроя и декора плечевой одежды при изображении фигуры в профиль; у сидящих персонажей в длинных халатах часто не видны ни шаровары, ни обувь и т.п.).

Иногда в костюме изображенных мастер представлял декоративные детали, явно отсутствовавшие на нем в действительности, например, если он при разметке будущих многофигурных композиций помечал отдельные фигуры специальными значками³⁸.

Вместе с тем мифопоэтические сцены весьма интересны тем, что часто они ярко передают образ идеального для данного народа воина-мужчины — эпического героя.

Публикаций, посвященных хотя бы частично *методике анализа* костюма на различных изображениях, в мировой литературе очень немного. Среди них у российских авторов отмечу статьи М.В. Горелика по одежде на персидских рельефах (Горелик 1985; 1997) и на средневековых миниатюрах Ближнего Востока и Средней Азии (Горелик 1972; 1979), Н.П. Лобачевой по материалам раннесредневековых росписей Согда и Тохаристана (Лобачева 1979), З.И. Рахимовой по поздним миниатюрам Западного Туркестана (Рахимова 1984; 1990), И.В. Богословской по отражению костюма кочевых семитских народов в древнеегипетском искусстве (Богословская 1988). В западной литературе интересны, например, методы анализа одежды персов в греческой вазописи (Bittner 1985) и на сасанидских рельефах Так-и Бустана (Holmes-Peck 1969), даков на колонне Траяна в Риме (Florescu 1959).

К сожалению, большинство исследователей, называя аналогии отдельным предметам одежды на изображениях, не приводят каких-либо *доказательств* близости сравниваемых элементов (кроме отсылки читателя к иллюстративному материалу). На проверку эти «анalogии» очень часто оказываются весьма нестрогими (что неудивительно, так как их авторы обычно не являются специалистами в весьма специфической области истории костюма, не владеют нужной терминологией, не говоря уже о навыках костюмных описаний и анализа). Другое, весьма типичное проявление непрофессионализма при описании древнего костюма в изобразительных памятниках — отказ от сколько-нибудь *полного* (или статистически представительного) анализа костюма изучаемого народа: авторы ограничиваются самым поверхностным приемом — произвольным «выхватыванием» отдельных изображений (как правило, с целью *подтверждения* некой выдвинутой ранее гипотезы и иллюстрирования ее положений).

При изучении древних памятников немалую опасность представляет искреннее желание ученых *извлечь максимум информации из схематичных и даже примитивных по характеру изображений*, т.е. часто «выжать» из имеющегося материала больше, чем он может дать.

Характерная ситуация такого рода — рассмотрение деталей изображений *при сильном увеличении*, когда каждый может в них увидеть нечто свое, оригинальное. Например, В. Куртис, увеличивая изображения на серебряных парфянских монетах — тетрадрахмах Орода II и Фраата IV, стремилась доказать, что на фигуре сидящего правителя на реверсе крайне схематично переданные в виде точек нашивные бляшки наборного пояса (Curtis 2001, pl. I, b) достоверно передают именно *круглые* формы. К сожалению, на всех остальных (более детализованных) изображениях парфянских поясов бляшки только *прямоугольные*. В начале 80-х годов минувшего века Т.Д. Равдоникас рассматривала при сильном увеличении ряд известных предметов греко-скифской и греческой торевтики (художественных изделий из металла). Например, на одежде «условных варваров» с пластины головного убора из кургана Большая Близница она увидела у краев подола, пояса, на головном уборе многочисленные фигурки крокодильчиков, зайчат, головы барашков, лис и т.п., которых до сих пор не видят там ее коллеги (ср.: Равдоникас 1990, рис. 9, а-б).

Другая, менее распространенная ситуация — *попытки дать детальную реконструкцию костюма на основе очень схематичных изображений*. Та же Т.Д. Равдоникас на надгробиях очень примитивной рабо-

³⁸ Так, на известной ирано-сасанидской расписной погребальной вазе из Мерва, где представлены, вероятно, три эпизода из жизни местного правителя (?) — пир, охота и погребение, мастер пометил (краской или процарапыванием) особыми значками (в том числе буквами алфавита пехлеви) именно *одежду* большинства изображенных. В сцене погребения мы видим такой знак у жреца на левом рукаве рубахи, у женщины слева — на правом рукаве, у женщины справа — на верхнем краю обернутого вокруг тела плаща, а также в центре савана покойного. В сцене пира у женщины знак поставлен у правого бедра на платье с бретельками (ср.: Кошеленко 1977, рис. 78, 80–81). Разумеется, на других изображениях сасанидского Ирана подобные знаки на наплечной одежде отсутствуют.

ты мастеров самой низкой квалификации с территории Боспорского царства склонна была видеть в ряде случаев не грубо переданные параллельные складки одежды, а изображения варварских *стеганых* панцирей из толстой ткани (Равдоникас 1978б, рис. 4–5), что также пока не встретило поддержки других авторов. Подчас даже серьезные исследователи не могут удержаться от соблазна реконструировать облик плечевой одежды по крайне примитивным терракотовым фигуркам (Майтдинова 1992а, с. 53, рис. 24, 3).

Авторская методика отбора, описания и анализа костюма на изображениях разных типов первоначально была разработана в ходе исследования в 1987–1988 гг. стенных росписей буддийских монастырей V–XIV вв. на западе Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район, иначе — Синьцзян или Восточный Туркестан) (см.: Яценко 2000б, с. 301–304), дополнена в 1989–1990 гг. при изучении золотой греко-скифской торевтики кон. V — IV в. до н.э. (см. прежде всего: Яценко 1993д; 1999а) и в 1994–1995 гг. в процессе изучения стенных росписей VII в. н.э. в «Зале послов» на городище древнего согдийского Самарканда (см., например: Яценко 1995б, с. 13–17; Yatsenko 2004).

Принципиально важен *строгий отбор* используемых изображений. Для многих древних ираноязычных народов количество изображенных персонажей с теми или иными элементами одежды и прически очень велико. Однако подавляющее большинство из них не может быть использовано мною, так как либо эти изображения *фрагментарны* (и, соответственно, те или иные предметы одежды переданы на них таким образом, что достоверно не реконструируются), либо костюм, в соответствии с индивидуальной манерой или господствующим стилем облика одежды, из-за квалификации мастера и иных причин *стилизован или передан крайне схематично*. В ряде исследуемых культур преобладают схематичные контурные изображения или погрудные (на которых бывает детализирована лишь прическа). Все сомнительные случаи, когда из-за фрагментарности или стилизации тот или иной элемент одежды не реконструируется без затруднений, для этой работы не привлекались (они могут быть использованы позже, когда будут выявлены более полные и реалистичные изображения их аналогов).

Если мы имеем дело с серийными штампованными изделиями вроде терракотовых статуэток, то часто бывает так, что одно или два подобных однотипных изображения не позволяют восстановить достоверно некий неясный по облику предмет одежды на нем. Надо сопоставлять предметы в *серии* подобных изображений, чтобы обнаружить наиболее качественные оттиски исходной ремесленной формы. Иногда (в случае если оттиск очень хорошего качества на сегодня не известен) можно сделать графическую реконструкцию одежды лишь по сумме таких оттисков. Кроме того, приходится учитывать периодическое копирование терракотовых фигурок провинциальными мастерами и ремесленниками соседних стран, при которых костюм изображенного персонажа мог частично дополняться местными реалиями.

Серьезной проблемой является большая доля среди древних изображений *явных или предполагаемых божеств и иных мифологических персонажей*. Возникает вопрос: возможно ли привлечение их для уточнения облика местной реально носившейся одежды? Опыт работы с костюмными материалами заставляет скептически относиться к любому максималистскому и предельно обобщенному варианту ответа на него. Видимо, этот вопрос надо решать очень конкретно со строгим учетом региональной специфики, эпохи, господствующих религиозных воззрений, внешнеполитической зависимости, степени открытости данного общества для внешних контактов, его увлеченности чужеземной экзотикой и т.п.

Так, пришедшие с юга образы буддийских божеств кушанской Бактрии и синкретических божеств раннесредневекового Согда имеют крайне мало общего с местным костюмом (даже с костюмом достоверных местных правителей), что, впрочем, не исключает в принципе определенную возможность их влияния на появление единичных новых форм у знати. Напротив, местные божества на оригинальных изображениях Хорезма и доисламского Ирана практически всегда представляют, насколько я могу судить, современный, синхронный мастеру костюм (для Ирана такая ситуация документируется надежно). Если говорить об изображениях на так называемой греко-скифской торевтике, которая производилась в Северном Причерноморье по скифскому заказу чуть более столетия, то мифологические персонажи на ней практически наверняка также носят синхронный костюм местной знати, так как его облик находит параллели на собственно скифских изображениях и в некоторых материалах погребений, и за этот отрезок времени в рамках традиционного скифского общества изобразительный канон (в котором могли бы отражаться архаичные, исчезнувшие из быта элементы одежды) не смог, как теперь известно, вполне оформиться.

«Аналитическое иллюстрирование»

Одна из особенностей изучения костюмных материалов — необходимость *наглядности* (и соответственно — исключительно важная роль иллюстративных материалов, строгих критериев их отбора и манеры подачи). Вместе с тем за время работы с палеокостумологическими материалами у меня возникла известная неудовлетворенность характером иллюстрирования древнего костюма в имеющихся публикациях.

В чем же конкретно заключаются проблемы в этой области?

Принято думать, что *наиболее объективным* методом иллюстрирования является таблица из серии прорисовок различных древних изображений. Такой подход преобладает в современной литературе. На мой взгляд, этот метод иллюстрирования не всегда удобен, а для историка костюма (не для искусствоведа, изучающего древние *стили*!) часто попросту вреден. Действительно, тщательное копирование в таблицах представленных на изображениях трещин, складок одежд, мелких деталей орнамента тканей при неудовлетворительной сохранности отдельных частей изображений, взаимном перекрывании фигур, нарушении пропорций и перспективы, в сочетании с популярным до сих пор черно-белым иллюстрированием (при котором во многих случаях неразличимы цветовые нюансы, необходимые для разграничения отдельных смежных предметов одежды) часто приводят к неверным заключениям об изображенной одежде даже квалифицированных специалистов (о типичных ошибках при воспроизведении древних изображений см., например: Ruse, Bell 1974). Некоторое количество «точных» воспроизведений древних изображений полезно лишь для того, чтобы наглядно представить *характер стилизации* (искажения) реального костюма конкретным мастером или представителями определенного стиля. Кроме того, для проверки читателем точности воспроизведения силуэта и конструкции предметов одежды все рисунки сводных таблиц сопровождаются аннотацией (указание на первичную публикацию, пункт находки и т.п.).

В основу предложенного автором осенью 1987 г. «*аналитического иллюстрирования*» положены сводные таблицы наиболее ярких комплектов одежды по всему конкретному этносу (или, если материал обилие, отдельно по полам и крупным хронологическим группам), изображения на которых не являются копиями фрагментированных или стилизованных древних³⁹. К сожалению, стремясь сделать данную книгу доступной для широкого круга читателей и уменьшить ее себестоимость, я был вынужден сильно сократить число иллюстраций до необходимого минимума и пожертвовать цветными таблицами.

Анализ письменных источников

Привлечение сведений древних текстов по данной теме обычно не создает таких сложных проблем, которые возникают при анализе иных типов источников. Дело в том, что в отличие от многих других затрагиваемых в них тем сведения по костюму в большинстве случаев очень конкретны и в принципе подлежат проверке (сопоставлением с достоверными данными по историческому и этнографическому костюму ираноязычных этносов). К тому же информация такого рода не считалась особо важной и практически не связана с идейной позицией того или иного автора и т.п. Она сообщается либо мимоходом, наряду с другими этнографическими характеристиками конкретного этноса, либо в связи с политической жизнью соседних и дальних стран (описание противника в сражении, придворного этикета, облика политических лидеров). В среднем, как показывает мой опыт работы с этой категорией источников, она достаточно адекватно отражает доступную авторам информацию. Пожалуй, серьезного внимания заслуживают лишь сомнения ряда исследователей по поводу достоверности большей части сведений о персах в «Киропедии»

³⁹ Важной особенностью таких таблиц стало то, что в них впервые *объединяются сведения различных типов источников* (наряду с собственно древними изображениями привлечены наиболее полно реконструируемые по обшивкам вещи из погребений и в единичных случаях — даже элементы одежды из наиболее детальных описаний древних авторов). Другая особенность заключается в том, что элементы костюма расположены в каждой таблице сверху вниз, как на живом человеке (головные уборы — прически — плечевая одежда — поясная одежда и пояса — обувь). Каждый ряд образуют однотипные элементы, расположенные между собой (по возможности) по степени сходства силуэта. Манера изображения одежд взята из классических этнографических публикаций, но имеет несколько упрощенный характер (в частности, потому, что почти всегда остается неизвестным крой, а декор иногда — лишь частично). При составлении таких сводных таблиц я изначально старался свести к минимуму *дополнительные детали, отвлекающие* от восприятия собственно одежды (например, не изображаются *лица* моделей, что в последние десятилетия стало едва ли не нормой; не показаны различные предметы в руках и у пояса, лошадь, на которой сидит всадник, и т.п.). В целом между сбором фактического материала по отдельному этносу и разносторонним анализом этнического комплекса лежали несколько промежуточных стадий работы, связанных с рабочими сериями иллюстраций (компоновка препарированных изображений и графических реконструкций *по периодам*; составление для каждого из них рисованных таблиц, где материал размещен *по полу и предметам одежды*; составление таблиц *по микроэлементам* отдельных предметов одежды с учетом их хронологической и половой принадлежности).

Ксенофонта (см. главу 1.1). В редких случаях имеет место очевидная путаница (подобные ситуации описаны в главе 2.2).

Классификация и описание элементов одежды

В этом плане наибольшее влияние на меня оказала советская этнографическая школа, которая начиная с Б.А. Куфтина (Куфтин 1926) уделяла подобным вопросам очень много внимания и (что немаловажно) добилась добровольного консенсуса среди большой группы исследователей. Для ее подхода характерен акцент на размещении одежды на тех или иных частях тела (и соответственно — деление ее на *плечевую* и *поясную*). Классификации предметов одежды разрабатывались в СССР в рамках плановых обобщений материалов по крупным регионам страны (Восточная Европа, Северный Кавказ, Средняя Азия, Сибирь) в процессе создания региональных этнографических атласов. Прделанная огромная работа содействовала тому, что в основу классификации плечевой и поясной одежды были положены, прежде всего, особенности кроя и перечень основных предметов и микродеталей одежды. Наиболее распространенные на Западе классификации одежды основаны на пятичленном ее делении (головные уборы, верхняя одежда, нижняя одежда, штаны и обувь), т.е. также прежде всего учитывают размещение одежды на теле.

Сегодня среди авторов в СНГ преобладает деление кроя плечевой одежды на выделенный Б.А. Куфтиным *туникообразный* и *кимонообразный* (у западноевропейских авторов распространено более дробное деление; см., например: Palmer 1990). Первый из них, как считается, господствовал у ираноязычных народов древности (это утверждение, сформулированное В.Л. Сычевым и О.А. Сухаревой, во многом априорно при очень фрагментарном знакомстве с соответствующими материалами *ранних* эпох, и оно подлежит проверке, тем более что в ряде случаев предполагается и наличие кимонообразного кроя) (Лобачева 1979, с. 29). Туникообразный крой, как полагает В.Л. Сычев, возник первоначально у скотоводческих народов путем перегибания пополам крупного куска войлока и вырезания отверстия для головы, а позже осложнился появлением плечевого шва и вертикального разреза спереди (когда одежда стала распашной) (Сычев 1977, с. 38–39). При кимонообразном крое стан широкий, а рукава пришиваются ниже плеча. Распространенная у ираноязычных этносов манера запахивания пол кафтанов и халатов *справа налево*, по мнению В.Л. Сычева, возникла как наиболее удобная при посадке на коня слева еще без помощи стремян (Сычев 1979, с. 81).

Собственная всесторонняя разработка вопросов классификации не входила в задачи книги и в целом не входит в круг интересов автора. Вместе с тем в условиях разнообразия современных классификаций костюма и наличия у каждой из них определенных недостатков используемая автором система описания одежды не могла не быть комбинацией нескольких из них. В этой книге я исхожу из деления одежды, прежде всего, на поясную, плечевую/наплечную (а последней — на распашную, нераспашную, а также драпируемую — некоторые виды плащей, шарфов и др.) и натягивающуюся (связанную с конечностями — обувь, чулки и головные уборы), пропагандируемую Н.В. Ушаковым (Ушаков 1982а) и рядом других авторов.

Для практической работы по данной теме наиболее удобны также популярные в российской этнографии варианты классификаций, которые построены на анализе *кроя* и *силуэта* (последний в палеокостумологии очень важен хотя бы потому, что крой слабо отражен на изображениях и еще слабее — в остатках костюмного декора из погребений). Многие из существующих в литературе классификаций одежды неприемлемы для меня в одних случаях из-за того, что в них последовательно не выдержан провозглашенный основной классификационный принцип (т.е. нарушена *логика* их построения). В других (предназначенных для характеристики одежды по памятникам изобразительного искусства) за основу часто взяты явно *второстепенные признаки*: форма *складок*, образуемых шароварами или рукавами кафтанов, и т.п. Примеры подобных классификаций неоднократно приводятся ниже в соответствующих главах. Кроме того, в рамках данного исследования не слишком актуальны и «не работают» эффективно классификации, основанные на различиях в хозяйственных укладах или занятиях в рамках одного этноса («всаднический» и «придворный» мужской костюм знатных персов при Ахеменидах; разделение костюма на городской, сельский и бедуинский на Ближнем и Среднем Востоке: это последнее практически лишено смысла из-за слабой репрезентации негородской одежды в наших источниках по древним оседлым обществам).

Большое значение имеют и разработки по описанию, классификации и реконструкции древней *обуви*, которые фактически давно стали отдельной, добившейся заметных успехов отраслью палеокостумологии (см., прежде всего, работы российской исследовательницы Е.И. Оятевой [Оятева 1971; 1973; 1980], а так-

же: Sulser 1958; Василевич 1963; Volbach 1966; Wilson 1969; Осипов 2003а; 2003б). Это же относится к такому специфическому элементу костюма, как *прическа*, и связанному с ней символическому значению волос⁴⁰.

Тематика, связанная с анализом декора одежды и аксессуаров костюма

Методические разработки в этой области в ряде случаев также играют определенную роль в решении наших задач. В частности, весьма важны работы по систематизации и всестороннему анализу *орнаментов*⁴¹. Известное значение имеют и методические разработки по анализу древних *ювелирных стилей* (одним из лучших исследований в данной области за последнее время является труд шведской исследовательницы Бригит Аррениус по золото-гранатовому стилю перегородчатой инкрустации европейского раннего средневековья: Arrhenius 1985).

Иногда при анализе аксессуаров костюма или мелких ювелирных украшений собственно одежды пользу для исследователя представляют даже поздние *подделки*, когда ювелир-фальсификатор, несомненно, видел подлинную (и не известную ученым) вещь из грабительских раскопок и в определенной степени ее воспроизвел⁴².

Работа над книгой не могла быть проделана без помощи множества коллег — археологов, этнографов и историков. Я глубоко признателен, прежде всего, В.Е. Максименко, впервые обратившему мое внимание на «археологический» костюм в июле 1975 г. во время раскопок курганов в Сальских степях; В.А. Кузнецову, опубликовавшему в Осетии мою первую статью, и Б.А. Раеву, редактировавшему в 1985 г. текст моей первой большой работы для «Советской археологии». Особо я благодарен тем ученым, которые заинтересовали меня материалами костюма из «глубинной» Азии: В.И. Сарианиди, детально ознакомившему меня в декабре 1983 г. с «золотым» могильником I в. н.э. Тилля-тепе в Афганистане; Б.А. Литвинскому, предложившему в 1987 г. написать обобщающую главу по позднеантичному и средневековому костюму китайского района Синьцзян; Ф.Р. Балонову, В.Ю. Зуеву и Г.Н. Курочкину, заинтересовавшим меня в 1991–1992 гг. вещами пазырыкской культуры из «вечной мерзлоты» Горного Алтая в собрании Эрмитажа; И.А. Аржанцевой, ознакомившей меня в 1994 г. с детальными новыми прорисовками росписей «Зала послов» в согдийском Самарканде/Афрасиабе. Благодаря Л.С. Ключко, А.В. Симоненко, А.Ю. Алексееву и И.П. Засецкой я не только смог изучать, но и полюбил подлинники скифских и сарматских золотых изделий в собраниях киевской Лавры и петербургского Эрмитажа. Без использования личных библиотек и помощи с копиями редких изданий таких специалистов из Москвы и Петербурга, как А.Ю. Алексеев, И.А. Аржанцева, М.В. Горелик, А.И. Иванчик, А.А. Иерусалимская, Б.А. Литвинский, Т.К. Мкртычев, М.Н. Погребова, Ю.А. Рапопорт, В.И. Сарианиди, К.Ф. Смирнов, Н.М. Смирнова, Б.Я. Ставиский, К.В. Чугунов, М.Б. Щукин, а также М.М. Казанского (Париж), Г. Добжаньской (Краков), М. Компарети (Неаполь), М.Ю. Трейстера (Бонн), М.Р. Риази (Тегеран), Ли Цзинсю (Пекин), Л.С. Ключко (Киев), Е.А. Смагулова (Алматы), К.К. Кочиева (Цхинвал) и других моя работа была бы серьезно затруднена.

Среди археологов-полевиков, чей подход к фиксации остатков костюмного материала был для меня важен, назову в первую очередь Е.И. Беспалого (Ростов-на-Дону), А.М. Ждановского и В.Н. Каминского (Краснодар), Ю.П. Зайцева (Симферополь), И.И. Лободу (Бахчисарай), Р.Х. Сулейманова (Ташкент), Н.А. Богданову, И.И. Гущину, В.В. Дворниченко (Москва). В числе специалистов по истории древних тканей для меня было наиболее важно общение с А.К. Елкиной, А.А. Иерусалимской и О.В. Орфинской.

⁴⁰ См., например: Буслаев 1861; Гаген-Торн 1933б; Keyes 1968; Hallpike 1969; Lindvall-Nordin 1972; Courtaix 1973; Firth 1973; Сыромятникова 1983; Obeyesekere 1984; Naig 1998.

⁴¹ См., например, в русскоязычной литературе: Иванов 1963; Богуславская 1973; Бадяева 1974; Шангина 1975; Маслова 1978; 1979; Орнаменты 1984; Герчук 1990; Бисер 1990; Кызласов, Король 1990; Дурасов 1991; Косменко 2002; Орнамент 2002.

⁴² Так, Эрмитаж приобрел явно поддельный серебряный наборный пояс, якобы найденный под Майкопом (Адыгея) в сарматско-аланском погребении римского времени. Он состоит из серии однотипных звеньев в форме стилизованных летящих птиц, изображенных сверху, и из двух парных пряжек (с изображением сцен терзания). Уже в 50-х годах ряду ученых было ясно, что речь идет о подделке рубежа XIX–XX вв. (Иессен 1961, с. 163–177). Однако ряд серебряных бляшек сходной формы в виде стилизованных летящих птиц (но более схематичных) украшал достоверный пояс средневекового алана VIII–IX вв. из раскопок в Мошевой Балке (Иерусалимская 1978, рис. 5).

Благодарю московских коллег, оформивших графические реконструкции костюма (М.В. Горелик и Е.А. Куркина), и всех авторов, предоставивших иллюстративный материал (подчас неопубликованный).

Особенно я признателен тем из коллег, кто не соглашался со мною, брал на себя труд критического анализа моих докладов и статей и тем самым, быть может, в наибольшей степени способствовал разработке этой темы. Самым строгим, внимательным и сделавшим много ценных замечаний читателем первоначального варианта моей рукописи был академик Б.А. Литвинский. Я благодарен Российскому гуманитарному научному фонду за издание этой книги в непростое для страны время.

Глава 1

АХЕМЕНИДО-СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (VII–VI вв. — IV–III вв. до н.э.)

Она явилась зрима, благая Ардви-Сура,
Прекрасной юной девой, могучею и стройной...
В наряде с рукавами, расшитом, золотом...
А талию стянула она, чтоб грудь казалась
Высокой и тугой.
Надела диадему благая Ардви-Сура,
Стозвездную, золотую, подобьем колеснице,
Украшенную лентами с красивым ободком.
Бобровую накидку надела Ардви-Сура
Из шкур трехсот бобрих...
Так сделанную, чтобы смотрящему казалась
Она покрытой золотом и полной серебром.

Авеста. Яшт V.30.126–129

Эпоха, которой посвящена эта глава, принципиально важна для истории иранского этнокультурного мира. Некоторые основные ее особенности надо учитывать при рассмотрении костюма.

Во-первых, в это время иранский мир достиг максимального территориального расширения. Носители древнеиранских языков предположительно занимали огромную территорию от Тувы, Западной Монголии и верховьев Хуанхэ на востоке до гор иранского Курдистана, устья Дуная и Западной Украины на западе, Персидского залива и долины р. Инд на юге. Это означало, что ираноязычные народы находились в тесном контакте как с древними культурами Северного Китая, Месопотамии, Закавказья и Балкан, так и с племенами лесной и лесостепной зон Евразии.

Во-вторых, возникшая в 550 г. до н.э. в Иране первая в истории человечества «мировая» держава персидского клана Ахеменидов долгое время пыталась (и не без успеха) поставить под свой контроль как родственные оседлые и кочевые ираноязычные этносы Средней Азии (Западного Туркестана), Среднего Востока и Европы, так и Месопотамию, Сирию, Египет, Малую Азию, Грецию и Западную Индию. Она оказала большое и разностороннее культурное влияние не только на эти страны, но и на территории, подчас не входившие официально в ее состав.

В-третьих, в предскифский период (около 3 тыс. лет назад) в пределах Великого евразийского Пояса Степей начал формироваться оригинальный тип кочевого хозяйства, связанный в основном с выпасом овец. Технически кочевание стало возможно после освоения верховой езды на лошади (появление уздечки и мягкого седла), возникновения новых типов разборных или передвижных жилищ и изменившегося состава стад (с преобладанием овец и лошадей, способных зимой самостоятельно добывать корм из-под снега). Кочевой образ жизни (когда каждый мужчина был именно всадником) давал большие преимущества и во время войн с соседями-земледельцами. Поэтому изучаемый период сопровождался активной военной экспансией кочевников в разных частях Евразии — от Китая до стран Ближнего Востока и даже до Центральной Европы. Почти все кочевники степной Евразии (кроме самых восточных окраин — части Монголии, Маньчжурии) в раннее время были, вероятно, ираноязычными. Кочевники этого времени создают и первые крупные государства («Великая Скифия» на Украине). Данный период — признанная эпоха расцвета кочевых обществ евразийских степей, что не могло не получить отражения и в costume.

В-четвертых, большую роль в развитии культуры западных районов иранского мира сыграли контакты с греческими колонистами. Греческая цивилизация, достигшая в VI–IV вв. до н.э. своего расцвета, дала притягательные примеры выдающегося по художественному уровню изобразительного искусства, высокой приспособляемости ко вкусам многочисленных «варварских» заказчиков, обеспечила серийное производство высококачественных тканей и ювелирных изделий.

В-пятых, в скифское время стала формироваться международная трансевразийская караванная торговля (в евразийских степях по линии восток–запад пролегал магистральный торговый путь, упомянутый Геродотом: Hist. IV.24). Предпосылки для ее возникновения формировались еще в эпоху бронзы (см., например: Kuzmina 2001, p. 16–17). Несомненно, эта торговля в ряде регионов способствовала распространению импортных тканей, некоторых мелких аксессуаров костюма и т.п.

Наиболее ранняя из хорошо документируемых (но, увы, численно крайне незначительная и потому не претендующая на широкие обобщения) серия из трех комплектов парадного костюма иранской знати обнаружена недавно в Туве (могилы 5 и 13а в кургане Аржан 2) (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003; Аржан 2004) и датируется второй половиной VII в. до н.э.

Рассмотрим теперь в специальных разделах костюмные комплексы отдельных, наиболее полно и разнообразно документированных в плане костюма народов ахеменидо-скифского времени.

1.1. Персы

История изучения костюма

Оригинальный и эффектный парадный костюм державы Ахеменидов издавна привлекал к себе внимание ученых. Поэтому литература, затрагивающая данную тему, довольно обширна (хотя она не может сравниться, например, с перечнем одних лишь специальных работ по скифскому костюму).

Из наиболее крупных работ отмечу диссертацию Г. Шоппы «Изображения персов в греческом искусстве от истоков до эллинизма» (Shoppa 1933), разделы книги Стефана Биттнера «Одежда и вооружение персидских воинов времени Ахеменидов», содержащей также хорошо подобранный иллюстративный материал (Bittner 1985, Taf. 2–42) и весьма обширный очерк (объемом в целых 12–13 страниц (!), из которых, правда, более половины занимают иллюстрации) по костюму знати Ахеменидской империи в целом, написанный Али Шапуром Шахбази для «Encyclopaedia Iranica» (Shahbazi 1992) (ранее такие краткие описания давались и в других обобщающих изданиях; см., например: Houston 1955; Goetze 1967). Отметим также раздел «Kleidung, Tracht, Masken» в библиографическом томе по империи Ахеменидов (Weber, Wieshöfer 1996, S. 376–378).

Весьма важной задачей считается установление критериев вычленения в парадном костюме Ахеменидов «исконно персидского» комплекса от воспринятого позже в Западном Иране «аншано-эламского» и особенно мидийского компонентов (см. прежде всего: Горелик 1985, с. 36–39, 41, 43; Calmeyer 1988; Горелик 1997, с. 13–14). Особо следует отметить краткие, но логически стройные статьи М.В. Горелика с достаточно детальной систематизацией элементов костюма.

В ряде публикаций рассматривались этимология древне- и среднеперсидских терминов, относящихся к головным уборам, плечевой и поясной одежде, и характер использования терминов античными авторами (см., например: Gow 1928; Widengren 1956; Hinz 1969, S. 70–72).

Достаточно много внимания уделялось отдельным предметам *плечевой одежды* Ахеменидов, особенно мужской, в частности знаменитой парадной шубе *kandys* (Thompson 1965; Linders 1984; Шильц 1986; частично также: Knauer 1978), плечевой одежде эламо-аншанского облика (Roes 1951; Peck 1972; Stronach 1987). Есть и специальная статья о женской плечевой одежде (Goldman 1991).

Имеется серия статей, посвященных и другим элементам костюма: головным уборам — мужским (Baldershofen-Netliczka 1921) и женским (Кузьмина 1979; Carder 1981; 1983), золотой диадеме (Кузьмина 1977) и коронам (Calmeyer 1977), некоторым другим типам уборов (Gall 1974); поясам (частично: Calmeyer 1987) и использованию персидскими воинами тканых поясов-кушаков (Jamazdech 1987), обуви красного цвета (Calmeyer 1989). Отмечу также публикации по такому аксессуару, как фибулы (Bittel 1964; Ghirshman 1964; Muscarella 1967). Имеются небольшие разделы по ахеменидскому костюму и в популярных обобщающих изданиях по истории мирового костюма, в том числе — в российских (см., например: Мерцалова 1993, с. 51–58).

Однако системная и достаточно полная (наподобие этнографических, с детальным описанием силуэта и системы декора) характеристика парадного костюма ахеменидской знати еще не дана. Большинство обобщающих очерков рассматривают фактически лишь один из аспектов этой сложной темы. Так, С. Биттнер характеризует костюм мужчин-воинов; М.В. Горелик сконцентрировал внимание, прежде всего, на парадном мужском костюме «собственно персидского» происхождения, уделив ему более трех страниц (Горелик 1985, с. 36–37, 39, 41, 43). Очерк А.Ш. Шахбази содержит ряд ценных наблюдений; но он нуждается в существенных дополнениях и уточнениях. Дело в том, что его классификация костюма основана не на какой-нибудь определенной проработанной системе описания силуэта, декора и аксессуаров, а на *суммировании разных подходов* предшественников (что, впрочем, частично оправдано для жанра энциклопедии). В его классификацию элементов костюма имперской элиты в ряде случаев неожиданно включены специфические элементы таких второстепенных народов-данников, как сагартии, арахоты и бактрийцы. Для А.Ш. Шахбази характерно не вполне корректное привлечение для реконструкции собственно персидской одежды, например, находок предметов местного костюма из Горного Алтая (Shahbazi 1992, p. 729, 733, 736; fig. 54–55, 60; pl. LX, LXV–LXVI).

В связи с нашей темой представляют интерес общие работы по ахеменидскому искусству в целом (см., например: Shamandt-Besserat 1978), по антропоморфным изображениям в иранском искусстве (Hicks 1975; Roaf 1983; Azarpay 1994) и по изображениям женщин (Spycket 1980; отчасти Brosius 1996).

Здесь нет необходимости дублировать многие ценные наблюдения и выводы предшественников. Я предпочту остановиться в этом разделе именно на детальной *системной характеристике отдельных элементов костюма*. Ряд важных аспектов истории и знаковых функций персидского костюмного комплекса (влияние на другие этносы, социальные различия, характер дипломатических даров и царских костюмных наград, использование в различных ритуалах и др.) рассматривается (как и в отношении других народов) в главе 4.

Источники

Источники по костюму персидской знати эпохи Ахеменидов велики по объему и весьма разнообразны по характеру.

Уникальность раннеперсидского этнического комплекса костюма заключается в том, что в его характеристике важную роль играют не только данные археологии, но и весьма обильные сведения письменных источников. Интерес греческих (и отчасти — более поздних римских) авторов к персидскому костюму ярко проявился в связи с греко-персидскими войнами и в еще большей степени — с персидским походом Александра Великого. Этнографически весьма точные и разносторонние характеристики несут и определенную этическую нагрузку (первоначально преобладало противопоставление скромности и умеренности облика «цивилизованных» эллинов вычурной роскоши и «неестественным» формам одеяний восточных «варваров»; постепенно оно стало сменяться отдельными заимствованиями, завистью к красоте используемых тканей и комфорту: см. подробнее в главе 4.1). Разумеется, античных авторов привлекал прежде всего яркий и роскошный костюм знати (ценный и с точки зрения добычи). Об одежде мужчин-простолюдинов мы находим лишь редкие, краткие обмолвки (Her. Hist. I. 71; VI. 19; Strabo. Geogr. XV.3.19). Даже к IV в. до н.э. она, видимо, была в среднем скромнее, чем у мидийцев (ср.: Xen. Kyr. II. 3.2).

Наиболее ценны для изучения костюма сведения из такого оригинального, часто критикуемого по причине заведомой недостоверности источника, как «Воспитание Кира» Ксенофонта, а также из «Истории»

Геродота, «Истории Александра» Курция Руфа, «Александра» и «Артаксеркса» Плутарха и «Пестрых рассказов» Элиана. Ряд важных фактов сообщается также в «Истории» Геродота (см., например: Nöldeke 1923), «Географии» Страбона, «Походе Александра» Арриана, «Персах» Эсхила (см.: Gow 1928), «Анабазисе» Ксенофонта и «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского. Интересные сведения (не противоречащие другим источникам) содержатся также в библейской книге «Есфирь». Приходится сожалеть о том, что такие важные для нас сочинения, как «Персидская история» Ктесия и несколько более поздняя история персов Динона из Колофона, а также поэма Гераклида из Киме «Царство Камбиза и Дария», дошли до нас лишь в небольших фрагментах.

Ксенофоновская «Киропедия» действительно полна совершенно фантастических версий обстоятельств создания Персидской державы и мнимых деталей биографии ее основателя — Кира II, длинных надуманных монологов главных действующих лиц; она, безусловно, целиком подчинена идее создания образа идеального правителя и благородного реформатора. Однако Ксенофонт, сам долго живший в Персии и прекрасно знакомый с бытом местной аристократии, насколько я могу судить, ни разу не допустил явных погрешностей *при описании персидского костюма и его аксессуаров*. (Во всяком случае, не удалось обнаружить никаких расхождений с известными по изображениям реалиями и со сведениями по ирано-язычным народам этого времени в целом.)

Один из наиболее важных источников — рельефы дворцов в Персеполе (по-персидски — Парса) (см.: Schmidt 1953; 1970; Walser 1966; Tilia 1972; 1978; Shahbazi 1976; Walser 1980; Roaf 1983; Nazmjoo 2004), различные изображения одной из царских резиденций — Суз, в том числе знаменитые полихромные изображения «гвардейцев» на изразцах кирпичной кладки (см., например: Dieulafoy 1890; 1893), рельеф Дария I (521–486) в Бехистуне/Бисутуне (Luschey 1968), рельеф на его и Артаксеркса I скальных гробницах в Накш-и Рустаме. В последнем случае символическое изображение трона Империи, поддерживаемого представителями 23 основных входящих в нее народов, позволяет сравнить костюм знатных мужчин-персов и соседних этносов (Walser 1966, pl. 1) (схема декора этой гробницы копировалась в более поздних гробницах царей в том же Накш-и Рустаме и Персеполе) и подножие двух египетских статуй Дария I у входа во дворец в Сузах с изображением покоренных коленопреклоненных народов с их именами (Kervran, Stronach, Vallat, Yoyotte 1972; Roaf 1974; The Splendour 2001, fig. on p. 186). Более проблематична в ряде случаев этническая атрибуция представителей неподписанных народов на изображениях времен Дария I и Ксеркса в Стоколонном зале и на лестницах Ападаны — зала на 10 000 человек в Персеполе. Ряд интересных костюмных деталей содержат высеченные в камне рельефы из Малой Азии со сценами «банкетов» и др. (см. прежде всего: Akurgal 1961; 1966; Borchhardt 1968; Dentzer 1969; Bernard 1969; Shahbazi 1975; Donceel-Voûte 1984; Moorey 1988, pl. 43, 45). В их числе — «стела Камини», где нераспашной sarapis хорошо передан спереди (Bivar 1959, pl. 1). Женские изображения в парадной одежде известны на костяных статуэтках из Суз (Amiet 1972). Глиняные фигурки персидских идольчиков-всадников из разных пунктов Империи ценны своей детальной проработкой головных уборов⁴³.

В имперском искусстве периода правления Артаксеркса II весьма важна антропоморфизация важнейшей богини плодородия — Анахиты. В «Ардвисур-яште» Авесты имеется описание, видимо, одной из ее ранних статуй. Многие рельефные изображения царей и одна фигура Ахура Мазды сохранили следы раскраски (в Персеполе иногда даже шнурки царских туфель подчеркивались цветным контуром) (Schmidt 1953, p. 116; 1970, p. 80; Lerner 1973; 1979; Tilia 1978, p. 31–69); интересен в этом плане и рельеф со сценой «банкета» из Элмали (Starr 1977, p. 82–83).

Очень ценным источником для нашей темы следует считать изображения персов в памятниках искусства независимой от Ахеменидов части Греции. Они представлены в греческой (прежде всего — афинской) вазовой живописи, глиптике, в декоре афинского Парфенона и др. (Schoppa 1933; Bovon 1963; Starr 1977; Wesenberg 1983; Schmidt 1984; Gauer 1988; Castriota 1995; Miller 1995). Интересны расписной саркофаг около 500 г. до н.э. из Клазомен со сценами битвы греческих гоплитов с конными персами (Potter 1892, fig. 2) и более поздние костяные пластины ларца из Деметриас (Македония) со сценами из дворцовой жизни сатрапа (Dentzer 1969, fig. 7–8).

В греческом искусстве мифическим амазонкам (см., например: Tyrell 1984; Шауб 1993) также придавались отдельные этнографические черты персидского костюма, часто (как я надеюсь показать ниже) довольно точные. Долгое время это смущало многих исследователей, видевших и во вполне достоверных изображениях собственно персов лишь неких стилизованных «условных варваров». Даже жители далекой столицы Боспорского царства — Пантикапея, видимо, заказывали афинскому вазописцу Ксенофанту

⁴³ Прежде многие такие фигурки ошибочно датировались более ранним временем и считались свидетельством скифских походов на Ближний Восток (см.: Ильинская 1982; ср.: Яценко 2004в, с. 294).

(Скржинская 1999, с. 127) не только фантастические композиции и сцены охоты персов, но также изображения вполне реальных персидских царей — Кира Великого, Дария I, современного им сатрапа Сирии Абракома и др. (Tiverios 1997, S. 270). Весьма ценно изображение царя на троне на так называемом «кратере Дария» или «вазе персов» середины или конца IV в. до н.э. (высота 1,15 м, четыре яруса росписей) из Национального археологического музея в Неаполе (найден в Canosa di Puglia, Апулия) (Hinz 1975, fig. 45; Maulucci 1988, p. 140) (рис. 12в). Здесь Дарий в окружении советников слушает стоящего перед ним путешественника; многие детали убеждают в достоверной передаче костюма⁴⁴.

Среди выдающихся памятников конца IV в. до н.э., с этнографической точностью изображающих одежду персидских воинов вскоре после гибели империи Ахеменидов, следует назвать прототип римской мозаики из Помпей со сценой встречи Александра Великого и Дария III в сражении у Исса в октябре 333 г. до н.э. (Winter 1909; Andreal 1959) (рис. 4) и мраморный, так называемый «саркофаг Александра» из финикийского Сидона (Kleemann 1958; Schefold 1968; Graeve 1972). Предположительно оба памятника восходят к живописному полотну, написанному около 317 г. до н.э. Филоксеном из Эретрии по заказу Кассандра Македонского (316–298). Интересны некоторые детали скульптуры мертвого перса в серии четырех скульптур из Пергама начала II в. до н.э., хранящихся в Археологическом музее в Неаполе (колл. Фарнезе) (Maulucci 1988, p. 33).

Весьма информативны серебряные «рога» для вина — ритоны с антропоморфными изображениями, найденные в Эребуни/Ереване (Аракелян 1971; Tresori 1987, Nos 67–68), и большая серия печатей (обычно халцедоновых) и вставок перстней, где наиболее ценны для нас изображения знатных женщин (см., например: Porada 1948; Boardman 1970; Nikulina 1971), мужские же фигуры царей или божеств одеты достаточно стереотипно.

Серия золотых изделий, в том числе с изображениями персов в парадной одежде (возможно, и нескольких жрецов), происходит из храмовой сокровищницы в Бактрийской сатрапии (так называемый Амударьинский клад или клад Окса) (Dalton 1964; Зеймаль 1979; Curtis, Searight 2003, fig. 2–6 — с наиболее точными прорисовками вотивных пластин Энн Сирайт). Особенно обилён костюмный материал на 44 посвященных пластинах из золота (с добавками серебра и меди), детально рассмотренных Дж. Куртисом. Есть много оснований считать, что они сделаны в Бактрии из местного золотого песка (Литвинский 2004). Здесь обычно (за двумя исключениями) представлены мужчины в однотипном костюме: в головных уборах «тиара», нераспашной одежде до колен (в трех случаях поверх нее наброшен парадный халат «кандис»), узких штанах, тканом поясе с короткими или длинными концами и туфлях. Дамы на пластинах — с косами или короткой прической, в складчатых юбках и рубашках с резко расширяющимися рукавами. Все эти элементы (вплоть до мелких деталей декора), как будет показано ниже, имеют точные аналогии и на других собственно персидских памятниках, что неудивительно, так как в этой богатой сатрапии проживало немало знатных парсов⁴⁵. Мужчины на вотивных пластинах с пучком прутьев (barsom) в руке лишь в двух случаях укрывают повязкой рот или рот и нос (№ 48, 70 по Дальтону; Curtis, Searight 2003, fig. 2, 1, fig. 4, 24); при этом оба вооружены коротким мечом-акинаком. Их одежда ничем не отличается от извест-

⁴⁴ Сопоставление с деталями вполне достоверных изображений персов и в том числе этнографически очень ценная и корректная передача оформления низа штанов (см. ниже) не позволяет мне отрицать информативную значимость данного изображения, как это делалось А. Гоу (Gow 1928, p. 148).

⁴⁵ Между тем с середины 70-х годов Е.Е. Кузьмина, затем В.И. Сарианиди и Г.М. Майтдинова склонны считать костюм персонажей на вещах этого клада *этническим бактрийским*, поскольку он найден на территории Бактрии. К сожалению, этими авторами не была предъявлена развернутая аргументация данной версии (см. последние работы такого рода: Майтдинова 1991а, с. 106–107; 2003, с. 115, 174). Хотя позже К. Абдуллаев и Е. Баданова опубликовали большую статью под названием «Бактрийская одежда в ахеменидский период» (Abdullaev, Badanova 1998, p. 196–209), новой аргументации она почти не содержит, и наши достоверные знания об этническом костюме бактрийцев остаются крайне отрывочными и противоречивыми. Одежда бактрийцев-данныков (очень широкие штаны, высокие сапоги, головная повязка с убраным внутрь концом: Горелик 1985, табл. III, 3) не имеет сколько-нибудь точных аналогов ни на предметах Амударьинского клада, ни на остальных персо-мидийских памятниках. Единственное упоминание об их мужских головных уборах («похожи на мидийские», которые у последних названы mitra и о которых мы ничего достоверного не знаем, кроме того, что они делались не из войлока — см. ниже) крайне невнятно (Her. Hist. VII.64). Невнятно и схематичное изображение местного слуги-простолюдина, ведущего верблюда, из святилища Тахти-Сангин. Единственный персонаж, которого с некоторой долей вероятности можно считать бактрийцем, в Амударьинском кладе представлен на пластине № 84 (точная прорисовка опубликована недавно: Curtis, Searight 2003, fig. 5, 41). У него видим уникальные элементы костюма: куртку с двумя лацканами и складчатым подолом и облегающий голову убор с высоким складчатым коническим верхом, венчаемым трилистником (рис. 1, 29а). Одевание женщины на пластине № 94 прорисовано в статье К. Абдуллаева и Е. Бадановой с ошибками: у нее не распашная спереди юбка, как показано там, а достаточно обычное для персиянок платье в крупных вертикальных складках ниже пояса (Curtis, Searight 2003, fig. 6, 43; ср.: Abdullaev, Badanova 1998, fig. 16, 1). Местная богиня представлена на фрагменте терракоты из Зар-Тепе: на ней накинута кандис (который женщины-персиянки не носили — см. ниже), а пояс имеет крупную пряжку в форме ромба (Abdullaev, Badanova 1998, fig. 18). В целом приходится констатировать, что об одежде бактрийцев VI–IV вв. до н.э. мы по-прежнему почти ничего достоверного не знаем.

ной у светских лиц. Вместе с тем это не препятствие для жреческой атрибуции данных персонажей, в частности — как особой группы жрецов-воинов (Yozdathregar) (ср.: *ibid.*, note 17). Среди другой группы мужчин (державших в руке стилизованный цветок лотоса) также есть вооруженные — копьем (№ 74) или кинжалом (№ 49) (*ibid.*, fig. 4, 25, fig. 5, 37).

Подобные Амударьинскому кладу, но гораздо более богатые приношения из храмовой сокровищницы (около 3000 золотых вещей) были найдены в 1993 г. в Северном Афганистане на р. Пяндж, приобретены японским музеем Михо (г. Сигараки) и пока опубликованы лишь частично (Пичикян 1998; Treasors 2002, Nos 48–89). Экспертиза их подлинности в полном объеме еще предстоит. Богатейший клад золотых изделий (более 1100 экземпляров) из Пасаргад, укрытый в царском саду перед взятием города войсками Александра Великого весной 330 г. до н.э. (Stronach 1965; 1978, p. 168–177), содержал главным образом разнообразные костюмные аксессуары одной знатной дамы. Золотые аксессуары костюма представлены также в кладе из дворца Воуни на Кипре (Gjerstad 1937, pl. 90–92).

По сей день уникально погребение знатного перса неясного пола второй трети IV в. до н.э., раскопанное Ж. де Морганом в бронзовом саркофаге в цитадели Суз в феврале 1901 г. Здесь встречен полный набор роскошных золотых аксессуаров, инкрустированных самоцветами (Morgan 1905, p. 57; Talon 1992, fig. 54, Nos 171–179; Amirkhuz, Saidi Harsim 2002). Довольно значительное количество золотых и серебряных аксессуаров, найденных случайно или в ходе грабительских раскопок, хранится в крупных музеях и частных собраниях мира (см., например: Tanabe 1993, p. 2, No. 3; p. 98, No. 5). В ряде случаев мы видим заслуживающие внимания элементы костюмного декора также на монетах — золотых царских дариках и серебряных сиклях отдельных сатрапов (см., например: Tanabe 1993, p. 2, No. 3; p. 98, No. 5).

Следует отметить также остатки перекроенной туземцами парадной ахеменидской одежды (Иран в Эрмитаже 2004, № 48) и знаменитый ворсовый персидский ковер⁴⁶ с изображениями большой группы мужчин в парадных одеяниях из кургана 5 в Пазырыке в Горном Алтае (Руденко 1968; Балонов 1991; Böhmer, Thompson 1991).

Общие замечания в связи с изучением костюма ахеменидского Ирана

Персидская империя Ахеменидов (550–330 гг. до н.э.) создала первый в истории человечества настоящему роскошный придворный костюм, соединивший в себе достижения и вкусы целого ряда развитых народов (персов, мидийцев и эламитов, в отдельных аксессуарах — вавилонян, египтян и греков). Последние полвека в литературе принято выделять в парадном мужском костюме аристократов «придворный» и «всаднический», которые заметно отличаются по составу элементов (последний комплект предназначался для периода военных действий, охот и т.п., он являлся менее официальным и отражал отчасти древнейшие персидские традиции). Однако такое деление в предпринятом мною системном описании элементов костюма кажется излишним.

Костюм персов ахеменидской эпохи известен нам, к сожалению, в основном мужской (а мужские комплекты — почти исключительно для нескольких высших социальных групп)⁴⁷. Впрочем, у аристократов (например, у каждого из 10 000 гвардейцев — «бессмертных») даже слуги-оруженосцы одевались роскошно (Her. Hist. VII. 83). Крайне редко (на надгробных рельефах с «банкетными сценами» отдельных сатрапов и других аристократов) изображены прислуживающие женщины (однако они, похоже, отнюдь не происходили из простолюдинов). Одно из таких исключений — музыкантши на ритоне из Эрбун/Еревана (Tresori 1987, No. 68). Большое количество известных изображений и описаний, к сожалению, не означает большого разнообразия форм самих элементов костюма. Напротив, каноны династийного искусства в определенных ситуациях предписывали изображать знатных мужчину или женщину не только в стандартных позах и со стандартными атрибутами, но и, увы, в достаточно однотипной одежде. Любимый же персонаж в официальном искусстве Ахеменидов — сам правящий царь (см., например, диссертацию: Root 1971).

⁴⁶ Предположение о том, что этот ковер сделан не в собственно Персии, а в одной из сатрапий в Западном Туркестане и копирует персидские образцы (см. прежде всего: Böhmer, Thompson 1991, p. 34), пока не сопровождается детальной аргументацией. Но даже в этом случае облик костюма соответствует известному персидскому, и поздняя датировка ковра не будет мешать привлечению его в наших целях.

⁴⁷ В наиболее крупных российских изданиях по истории мирового костюма подчас даже утверждается, что «изображения женской персидской одежды до нас не дошли» (!?) (Мерцалова 1993, с. 52).

Большое внимание в ахеменидском искусстве уделяется изображению знатных дам. Несомненно, во многих случаях это женщины из царского гарема (которых, кроме главной жены, могло насчитываться около 300: Plut. Artax. XXVII). Аристократки, вследствие сохранения ряда кочевых традиций, отнюдь не были затворницами: они ходили со своими мужьями на банкеты, вместе с ними колесили по дорогам Империи с войском (Diodor. XVII. 35. 3–5), участвовали в охотах и т.п. Нередко любящий муж заказывал и постоянно хранил при себе реалистический портрет из золота или других дорогих материалов наиболее любимой из жен (Her. Hist. VII. 69) (можно предположить, что некоторые подобные изображения дошли до наших дней).

В формировании культуры персидской знати несомненно влияние, оказанное двумя высокоразвитыми соседними народами — мидийцами и эламитами [не случайно их бывшие столицы — Экбатаны (совр. Хамадан) и Сузы (совр. Шуш) — стали важнейшими политическими центрами Империи, царскими резиденциями]. Вопрос о том, что именно из элементов костюма было заимствовано от бывших повелителей персов, а затем их данников (Her. Hist. III. 92) — *мидийцев* и что составляет *исконно персидский* комплекс (см. об иранских элементах в персидской культуре: Moorey 1985), до сих пор не решен в литературе однозначно. В связи с этим важны общие работы о контактах эламитов и мидийцев с ранними персами и об их роли при ахеменидском дворе (см., например: Hinz 1969; Hansmann 1972; Stronach 1997). Я не склонен чрезмерно усложнять данную проблему. Дело в том, что античные авторы вполне внятно называют, а в ряде случаев — прямо дают *перечень* тех элементов костюма персидской знати, которые считались у нее именно *мидийскими* (Plut. Alex. XLV; Xen. Cyr. I. 3.2; 4.1; VIII. 1.40; Strabo. Geogr. XI. 13.9) (подробнее мою позицию по этому вопросу см. в главе 4.2). Однако более важно то, что мидийские элементы в V–IV вв. до н.э. давно и прочно вошли в персидский быт (и наверняка приобрели дополнительный, уже чисто имперский декор и т.п.), поэтому в нашем системном описании они характеризуются вместе.

Что же касается вероятных *анишанских* (Юго-Западный Иран) (см. главу 4.12) или *эламских* элементов в костюме персидской знати (рис. 1, 15a, 19, 30; 2, 8), то они, несомненно, были заимствованы кочевыми предками персов на новой родине в предмидийское время. Эти предположительно эламо-анишанские элементы отмечены в костюме знатных мужчин и женщин. С. Биттнер полагает, что они включали два отдельных, не сшивавшихся друг с другом предмета. Первым из них он считает особую широкую круглую пелерину — *karuris* (при высовывании из-под нее рук образовывались многочисленные складки, т.е. при ношении она обманчиво напоминала длинную рубашу с резко расширяющимися книзу рукавами) (Balderhofen-Netoliczka 1921; Bittner 1985, Taf. 18, 1). Из-за таких специфических, образуемых руками складок этот предмет реконструировали в весьма различных видах: то, как предполагала израильская исследовательница П. Бек, в виде полусферической по форме накидки со вшитым (и свисающим затем вниз) складчатым прямоугольным платом (Beck 1972, fig. 3); то, как считал К. Абдуллаев, — в виде круглой пелерины с крупным прямоугольным выступом (Abdullaev, Badanova 1998, fig. 5); то, как полагала М.Н. Мерцалова, — даже как распахнутой «кафтан-халат» с резко расширяющимися рукавами (Мерцалова 1993, рис. 51).

Однако проблема в том, что в доахеменидском Юго-Западном Иране в действительности такой пелерине нет близких аналогий (в Эламе они известны у обоих полов, но выглядят и декорированы совершенно иначе, чем персидские: рис. 216, 22, 41). При этом остатки таких пелерин документированы, на наш взгляд, у племен евразийских степей — прародины персов. Речь идет о супругах из царского кургана Аржан 2 в Туве⁴⁸, что меняет наше представление о происхождении этого элемента парадного персидского костюма, который можно связывать скорее с мидийцами.

Второй предмет костюма, реально связанный своим происхождением с Эламом, — это юбка с рядом специфических вертикальных складок, идущих посередине вдоль ног (такие складки могли формироваться пришиванием или закалыванием ткани на определенных участках). Подобная юбка в ряде случаев изображается у мужчин и без верхней пелерины — с обычной узкой рубашкой (см. на пластине № 92 Амударьинскогоклада: Curtis, Searight 2003, fig. 5, 36). Но ни письменные источники, ни изображения не позволяют, как кажется, утверждать, что оба предмета сшивались один с другим, образуя единый причудливый предмет, предполагаемый П. Бек и К. Абдуллаевым. Наконец, ряд соображений позволяет отнести к этому

⁴⁸ См. фото и чертежи: Ćugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 18, 19, 22; Аржан 2004, с. 25. На реконструкциях в Eurasia Antiqua (Ćugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 29) и на манекене на выставке марта 2004 г. в Эрмитаже накидки обоих супругов несплошные и не соединяются на груди. Тувинские пелерины декорированы сплошной вышивкой из более чем 2000 золотых бляшек в виде стоящего кошачьего хищника, которые образуют по всей площади узор из свисающих вниз «языков пламени» (возможно, как и в Персии, они шились из пестрых тканей). В целом и у персов и у ранних кочевников Тувы эти предметы парадной одежды сплошь богато декорированы. Близкие по декору пелерины, видимо, носились несколько позже и племенами пазырыкской культуры на Алтае (Берель; см. ниже раздел 3).

кругу мужской царский атрибут — корону, разделенную на узкие вертикальные полосы (каждая из которых заканчивалась острым выступом: рис. 1, 15а; см. подробнее раздел 4.1.12). Эламской традицией были также ношение царской короны с мелкими зубцами (Calmeyer 1992, p. 408) и собственно обшивка одежд фигурными золотыми бляшками-аппликациями, распространившаяся по всему иранскому миру (Oppenheim 1949).

Несомненно, юбки эламо-аншанского происхождения носились знатью, прежде всего, как *церемониальные*. Так, они показаны в костюме персидского аристократа в знаменитой композиции «трон, поддерживаемый народами» из гробницы Дария в Накш-и Рустаме (где он одет идентично эламскому «собрату») (Walser 1966, pl. 1) и в символической сцене триумфа царя над попираемым врагом на печатях, но не упоминаются у античных авторов в сценах боя, на охотах, в связи с гаремом и т.п. Напротив, эламский князь Абдарат в национальной одежде, «ниспадающей складками до пят», в бою смотрелся как нечто совершенно нетипичное (Хен. Куг. VI. 4.1).

Материал одежды

В распоряжении персидской знати находилась немалая часть лучшей текстильной продукции таких знаменитых в этом плане регионов, как часть Греции, области Малой Азии (Лидия и Фригия), Финикия, Египет, Вавилония и Западная Индия, сделанной из шерсти, льна, хлопка и др.⁴⁹. Сами цари обычно предпочитали их отечественным, ради ярких тканей подчас используя и иноземную одежду (достаточно вспомнить о любимых индийских шароварах и вавилонском плаще Кира Великого, положенных с ним в его мавзолее: *Artian. Anab.* 29. 5–6). Дорогие ткани обычно украшались вышивкой (см., например: *Her. Hist.* IX. 80), в том числе — «фригийской», вышивкой золотой нитью; особенно ценилась, естественно, ткань, вышитая любимой женой (*ibid.* IX. 108). Текстилю посвящены отдельные специальные статьи (см., например: Ackerman 1938; Roos 1970; Гаврилова 1980; Robinson 1990)⁵⁰. Обилие тканей у господствующего персидского этноса приводило к тому, что даже простые персы могли позволить себе носить нательные рубахи («хитоны») (*Strabo. Geogr.* XV. 3.19).

Самый дорогой в мире краситель — финикийский пурпур — тщательно собирался в царской сокровищнице в Сузах. За 190 лет (ко времени прихода македонян) там было накоплено на 5000 талантов комков драгоценной краски, не утратившей свою яркость (*Plut. Alex.* XXXVI). В последнее время встречаются утверждения, что многие позднеперсидские одеяния аристократии шились из китайского шелка (который к середине IV в. до н.э. был неплохо известен и грекам: *Aristotle. De anim.* V. 19).

У простых персов, однако, и плечевая одежда и штаны часто делались по старой кочевой традиции из кожи (*Her. Hist.* I. 71)⁵¹, а для мужских головных уборов даже у аристократии по-прежнему широко использовался войлок.

Плечевая одежда

Распахнутая одежда

У персидской знати последняя носилась только мужчинами.

Самым роскошным и знаменитым ее типом был халат (на северной прародине персов — шуба) *kandys*⁵². Этот тип верхней одежды (с определенной этнической спецификой) документирован у

⁴⁹ Лучше других сохранились раскроенные куски парадных одежд (оказавшихся волею случая у племен, живших в горах Алтая и использовавших их под конскую попону). Они найдены в «вечной мерзлоте» могильника Пазырык. Эта шерстяная гобеленовая ткань (первоначально пурпурного цвета), сплошь покрытая геометрическими узорами, и льняная синяя ткань с изображением царицы и знатной дамы (см.: Иран в Эрмитаже 2004, № 48).

⁵⁰ Дорогие персидские ткани с весьма значимыми антропоморфными изображениями, найденные в «вечной мерзлоте» Пазырыка в горах Алтая (как и другие связанные с Персией артефакты), многие западные авторы склонны датировать уже постахемидским временем (см., например: Lerner 1991). Однако такая датировка пока не бесспорна (см. ниже раздел о пазырыках).

⁵¹ Ср., например, у более поздних кангюйцев средней Сырдарьи парфяно-сарматского времени их племенное название, возможно, означает «люди в кожаных одеждах» (Литвинский 1968а, с. 23).

⁵² Долгое время термин *kandys* ошибочно прилагался к набору из двух одеяний (пелерина и складчатая юбка) (см. прежде всего: Rawlingson 1876, p. 339; Schmidt 1953, p. 163). Между тем это не подтверждается сопоставлением письменных и иконографических источников. Первые утверждают, что кандис часто использовали на охоте и в бою. Вторые документируют в наиболее достоверных сценах сражений (мозаика из Помпей, сидонский саркофаг, аттическая вазопись) только кафтаны или *длинные халаты*. Лишь на официальных ахеменидских печатях, где символически представлена победа царя над врагами, он с легкостью попирает врага копьём или разит стрелой в весьма роскошных, но крайне неудобных, длинных и складчатых юбке и пелерине. Правильную

большинства известных ираноязычных этносов ахеменидо-скифского времени (например, у мидийцев у кандиса ткань скашивалась у ворота; скифы шили его с широкими рукавами). Это широкая одежда длиной обычно до щиколоток с рукавами длиннее руки, носившаяся на плечах внакидку (лишь в присутствии царя в знак подчинения ему этот халат продевали в рукава) (рис. 7–8). Прототип кандиса лучше всего документирован на сегодня в погребениях индоевропейцев эпохи бронзы на востоке китайского Синьцзяна; здесь он имел туникообразный крой (стан был сшит из двух вертикальных полотнищ, перегнутых на плечах) и полосу отделки по бортам и подолу (см., например: Майтдинова 2003, с. 161). Кандис имел узкий отложной воротник (как и у ареев) с двумя завязками на концах (рис. 1, 21–22); такой воротник до сегодняшнего дня сохранился в Иране на халатах мужчин-курдов (Beyhaqi 1992, fig. 69). Рукава бывали как обычной ширины, так и зауженные книзу, края их подчас скруглены (рис. 1, 21–23); иногда верхний конец обшлага стягивался ремешком (рис. 3, 6). Края подола могли крепиться друг с другом пуговкой (рис. 1, 21).

Можно предположить, что прототип кандиса у степных северных предков персов был еще роскошной парадной *шубой*, а не тонким халатом («плащом с рукавами», как его обычно характеризуют современные западные исследователи). У самих персов кандис не был только церемониальной одеждой. Он носился, например, на охоте, где легко рвался (Plut. Artax. V; Xen. Куг. VIII. 1.38), и в бою. На «саркофаге Александра» из Сидона хорошо видно, что в бою весьма неудобный кандис не убирали, а крепили булавкой сзади у ворота (Graeve 1972, Taf. 24). При этом он красиво развивался наподобие широкого плаща, а длинные рукава широко расходились в стороны, являя собой весьма эффектное зрелище. Подобным же образом кандис закреплен сзади на шее стоящего воина с копьем с печатки-скарабеоида из Эрмитажа (Иран в Эрмитаже 2004, № 26). Полоса отделки украшала кандис только по бортам. Кроме кандиса жрецы иногда носили и более скромный и более короткий (от середины голени до колен) халат с узкими рукавами из тяжелой плотной ткани, у которого декорировались лишь борта (рис. 3, 5, 7).

Короткие *кафтаны* у персов носились редко и, похоже, выходили из употребления (рис. 1, 27–28; 9–10). Они именовались *gaunaka* (Widengren 1956, p. 239). Образец такого кафтана представлен, в частности, у Дария III на мозаике из Помпей (рис. 1, 27) и на известных серебряных статерах сатрапа Датама (наилучшее качество изображения: Knauer 1978, fig. 21) (рис. 6). Длина кафтанов колебалась от низа таза почти до колен. Кафтан, несомненно, изображен на фигурке наездника из Амударьинского клада (Зеймаль 1979, № 76)⁵³ и на одной из votивных пластин (№ 84). Кафтаны почти до колен видим также на греко-персидских печатях со сценой охоты всадника на одиночное животное (см. экземпляр из Лувра: Furtwängler 1900, Taf. 12, 10). При ношении кафтаны обычно не запахивались, а полы всегда держал лишь пояс; глубокий запах налево встречен в единичных случаях (рис. 3, 8). На интересующей нас мозаике известны как экземпляр с длинными рукавами, так и безрукавный (у одного из всадников); последний на деле мог быть *панцирем* из нескольких слоев льняной ткани, который известен по различным источникам (см.: рис. 1, 27) (Горелик 1982б, с. 99; Bittner 1985, S. 167–170). У ворота справа крепилась пара коротких ленточек-завязок. На некоторых пластинах Амударьинского клада (хотя персонажи здесь изображены в профиль) можно предположить именно распашной кафтан, например, в тех случаях, где подол сзади заметно длиннее, чем спереди (№ 58, 70), и одежда имеет двойную вертикальную полосу декора с боков (что, возможно, является одним из характерных элементов оформления кафтана; если это так, то к ним можно отнести и одеяния, изображенные на пластинах № 48, 71, 77).

На целом ряде изображений на расписных греческих лекифах и ойнохоях почти невозможно отличить наглухо застегнутый кафтан от наверняка преобладающей *нераспашной* верхней одежды, где вертикальной декоративной полосой *имитируются борта* вышедшего из употребления древнего распашного одеяния (Bittner 1985, Taf. 7–8). Все же можно допустить, что в единичных случаях такие изображения представляют именно застегнутые кафтаны-гаунака. Кафтан мог иметь пришивной складчатый подол и длинные, складчатые рукава (Амударьинский клад, № 84) (рис. 1, 29а).

Нераспашная одежда

идентификацию кандиса дал изначально О.М. Дальтон в первом издании своей книги «Клад Окса» (1905 г.). Многие современные авторы без детальной аргументации называют кандисом *короткие* распашные кафтаны (*gaunaka*) на том лишь основании, что они иногда тоже носились *внакидку* (см., например: Knauer 1978, fig. 21 — подпись).

⁵³ Е.В. Зеймаль следует в своем тексте нумерации изделий клада, разработанной к началу XX в. О.М. Дальтоном. Эта же нумерация указывается мною.

Мужская нераспашная одежда

Верхняя нераспашная одежда с длинными рукавами именовалась у персов «сарапис» (*sarapis*) (Pollux. VII. 61; Gesych. Lexicon). Длина ее обычно выше колен, иногда — до низа таза, еще реже — чуть ниже колен (рис. 11–13). Ворот обычно горизонтальный и довольно узкий; лишь изредка он имел треугольный вырез (рис. 1, 40–41; 3, 11). Рукава сараписа были разнообразны по оформлению: в одних случаях они длинные и узкие (подчас длиннее руки и собраны у запястий, образуя мелкие складки (Curtis, Searight, 2003, fig. 3, 13, 14, 17; 4, 31) (рис. 3, 10, 12), в других (не менее часто) они были очень короткими (см.: *ibid.*, Taf. 6–8, 10) (рис. 1, 33, 38), а у жрецов они иногда резко расширялись к запястьям, как у знатных дам (рис. 3, 11). Подол у коротких образцов сзади бывал более коротким, чем спереди (рис. 3, 12), а у удлиненных мог несколько расширяться по самому нижнему краю (рис. 3, 9). Такая верхняя одежда всегда носилась подпоясанной (противоположное, вероятно, выходило за рамки приличий: см. главу 4.3). Подчас сарапис был, видимо, стеганным (рис. 3, 10). Иногда стеганным (редкими вертикальными стежками) был лишь подол этой одежды сзади (Амударьинский клад, votивные пластины № 49, 52) (Curtis, Searight 2003, fig. 3, 17; 4, 25). Под сараписом было принято носить такого же облика рубаху («двойной хитон») с длинными рукавами (видимо, это отражено на пластине № 48 Амударьинского клада: рис. 10), причем у знати, по обычаю, сам сарапис был цветным, а рубаха — белой (Strabo. Geogr. XV. 3.19). В бой знатные воины иногда надевали пестрый «хитон» с нашитыми рукавами из железных чешуек (Her. Hist. VII. 61), а у «бессмертных» он был украшен дорогими камнями (Curt. Hist. Alex. III. 3.13).

Даже простолюдины носили обычно сарапис в комплекте с нижней рубахой (оба предмета были более длинными, чем у знати, — до середины икр) (Strabo. Geogr. XV. 3.19). У знатных воинов — в тех случаях, когда они носили обе одежды, — верхний сарапис всегда короче (саркофаг из Сидона: Graeve 1972, Taf. 24) (рис. 11); у одного из всадников видно, что ворот сараписа имеет небольшой треугольный вырез, а ворот нижней рубахи — горизонтальный.

Женская нераспашная одежда

Для многих аристократок была характерна одежда «эламо-аншанского» типа (рис. 2, 8; Curtis, Searight 2003, fig. 5, 32–35), которая здесь специально не рассматривается. Основной наплечной одеждой женщин было платье длиной до щиколоток. Судя по одному упоминанию во фрагменте сочинения Ктесия (Hinz 1969, S. 74), для этой женской одежды также использовался термин «*sarapis*», как и для более короткой мужской (во всяком случае, ее носила Парисатис — мать Артаксеркса II). Ворот у платья узкий и обычно горизонтальный, в редких случаях — с небольшим треугольным вырезом (Амударьинский клад, пластина № 94). Рукава длинные и, как правило, довольно узкие; однако известен экземпляр на статуэтке из Чога-Занбила с резко расширяющимися книзу рукавами (рис. 2, 7); на нем же видим единственный документированный глубокий разрез спереди. Интересно, что платье всегда подпоясано. Под ним носилась рубаха почти такой же длины (рис. 2, 7)⁵⁴.

Плащи-накидки

Персы носили широкие плащи (*kas*), стягиваемые у шеи длинными шнурками (рис. 1, 26), длиной до щиколоток или чуть выше. Судя по письменным источникам, это был важный элемент парадного костюма, предмет царского дарения и т.п. Плащи обычно были одноцветными (однако в одном случае упомянут и плащ с полихромной вышивкой, сделанной Аместридой лично для своего мужа — царя Ксеркса: Her. Hist. IX. 108). Вероятно, их относительно скромный декор и желание мастеров показать прежде всего носившуюся под плащом более богато декорированную одежду приводило к тому, что изображения плащей в ахеменидском искусстве — редкость. Однако их отсутствие на изображениях — не более чем художественная условность. В литературе обычно возникает путаница при различении плаща-*kas* и длинного халата-*kandys*, поскольку многие авторы описывают последний именно как «плащ с рукавами». В результате все упоминания плащей в греческих текстах начинают приписывать *кандису*.

В комплект царского костюма входили несколько плащей (Arrian. Anab. VI. 29.5–6). У гвардейцев «бессмертных» их расшивали золотой нитью (Curt. Hist. Alex. III. 3.13). Считалось, что из разных родов войск более приличествовало дарить их офицерам кавалерии (Xen. Cyr. VIII. 3.3.).

⁵⁴ А.Ш. Шахбази пытался реконструировать и отсутствующий у персиянок женский распашной кафтан, считая, что за основу можно взять туземные образцы из такого могильника Горного Алтая, как Пазырык, на том лишь основании, что Алтай был «районом, куда доходило ахеменидское влияние» (Shahbazi 1992, p. 736).

Менее знатные лица носили широкий плащ, скрепленный у шеи фибулой (находки последних хорошо известны в Иране этого времени); в него могли отчасти закутываться. Длина его была различной. В одних случаях он не доходит до колен (Bittner 1985, Taf. 7, 1). В других, как на одной лекане из Эрмитажа, плащ «амазонки» (на деле — обычного персидского воина в мягкой *tyara*, в *sarapis*, *anaxirydes* и полусапожках), скрепленный на правом плече, в длину доходит почти до щиколоток (Передольская 1956, рис. 1) (рис. 1, 26a).

Манера ношения

Халат-кандис носился внакидку или (в ситуации, требующей активных движений) прикалывался сзади у ворота, свободно развеваясь. «Простой» халат мог использоваться так же, но в других случаях борта соединялись (слегка заходя один на другой) опоясыванием. Кафтан обычно подпоясывался, причем борта не заходили друг на друга; изредка встречен глубокий запах. Нераспашной сарапис всегда подпоясывался. То же можно сказать о женском платье (не относящемся к одеждам «аншано-эламского типа»). Плащ-кас крепился у шеи парой ленточек; иногда последние были развязаны, и придворный касался одной из них рукой, соблюдая некий церемониал⁵⁵. «Вольностей» в обращении с одеждой, распространенных в следующую, гунно-сарматскую эпоху (закатывания рукавов и края штанов, опускания распашной одежды с одного плеча, оборачивания ее вокруг бедер и т.п.), мы на изображениях персов не наблюдаем. На первый взгляд может показаться, что у жреца на золотой votивной пластине из храмового сокровища, найденного в 1993 г. (рис. 3, 15), мы видим редкую манеру крепления края подола короткого сараписа (край перехвачен между ног шнуром, концы которого крепятся спереди и сзади у пояса). Несколько веков спустя, во второй половине I в. до н.э. в княжестве Коммагена на востоке Малой Азии в costume местного князя Антиоха (возводившего свой род к великим Ахеменидам) мы действительно встречаем эту странную манеру крепления края подола (Ghirshman 1962, fig. 79–80); даже в I–II вв. н.э. она отмечена на изображении одного индо-скифского адоранта в Буткаре (Пилипко 2001б, рис. 5, 2). Однако в нашем случае сопоставление с аналогичными изображениям жрецов на сходных пластинах того же клада показывает, что так схематично представлен обычный жреческий пояс с длинными висящими концами.

Головные уборы

Мужские головные уборы

Принято считать, что они документированы лучше, чем наплечная одежда (Schopra 1933, p. 47; Calmeyer 1977, p. 173; Shahbazi 1992, p. 726); это утверждение кажется весьма спорным. Классификация мужских головных уборов, основанная на общем условном разделении костюма на «придворный» (тип I, 7 видов) и «всаднический» (тип II, 4 вида), разработана П. Кальмеером и А.Ш. Шахбази (Calmeyer 1977, p. 173–178; Shahbazi 1992, p. 726–727). Как нам представляется, она нуждается в корректировке по нескольким причинам. Во-первых, уборы выделенных типов II.1 и 3 носятся только заведомыми иноземцами (не персами и не мидийцами). Во-вторых, типы I.2 и 3, II.1 являются, строго говоря, не головными уборами, а лишь *начальными украшениями* (т.е. они никоим образом *не укрывают голову*, а имеют в значительной степени декоративную функцию); при таком подходе, например, самый популярный войлочный колпак-тиара, если он повязан по нижнему краю ленточкой, автоматически должен рассматриваться как *два разных головных убора*, надетых один поверх другого (!). Думается, в древности такая характеристика выглядела бы как нонсенс, она не находит подтверждения ни в этнографических ни в письменных источниках по ираноязычным этносам.

Наиболее популярным, основным типом убора у персов был кочевнический башлык в виде высокого войлочного конуса (*tyara*) (*mun I*) (тип II.4 по А. Шахбази). Одна из особенностей тиары — назатыльник сзади (обычно в виде узкого заостренного клина; изредка он был коротким, с ровным нижним краем, украшенным бахромой: рис. 1, 2). Однако к моменту образования державы Ахеменидов его облик несколько изменился и дифференцировался. Если у восточных родственных соседей (например, у разных групп саков) такой убор из плотного, довольно грубого войлока по-прежнему носили стоящим вверх (Her. Hist.

⁵⁵ Любопытно, что у ираноязычного населения Западного Туркестана еще недавно концы ленточек на вороте мужского халата завязывали во время молитвы, так как считалось, что это придает верующему более благообразный вид (Майтдинова 2004, с. 84–85).

VII. 64), то у персов он стал делаться из более мягкого материала (тканей), так что верхушка свисала вбок⁵⁶. Стоячим, по старой традиции, его теперь разрешалось, как известно, носить лишь *царю* в определенных ситуациях (например, в сражении: Plut. Artax. XI; при вступлении на престол: Arrian. Anab. VI. 29.3; во время торжественного выезда: Xen. Cyr. VIII. 3.13; ср. фигуру царя на серебряной статуэтке из Амударьинского клада: Calmeyer 1992, fig. 14); у царя она обвивалась лентой (Her. Hist. VIII. 8.17) и могла обшиваться золотой парчой (ibid. VIII. 120). Лента для крепления тиары известна у аристократов; на монетах сатрапов Тиссаферна и Фарнабаза она повязывалась спереди, надо лбом (Hinz 1976, S. 141; 1979, fig. 31, 12; Alarm 1986, No. 324). Представление о такой тиаре может дать персонаж на «кратере Дария» из Национального музея в Неаполе, расшитый крупным рисунком из выходящих побегов (рис. 12, в). Интересно, что, несмотря на эти многократно повторяемые сведения, Дарий III во время битвы при Иссе на помпейской мозаике изображен все же в тиаре с мягкой, наклонившейся верхушкой. Предполагают, это объясняется тем, что в поздний период царская тиара могла шиться из тонкого китайского шелка (Shahbazi 1992, p. 727). У священнослужителей-магов наряду с лентами-завязками нижнюю часть лица закрывала особая повязка (авест. *dāna*) (Strabo. Geogr. XV. 3.15), оберегая во время обряда священную стихию огня от осквернения человеческим дыханием.

В целом тиара — любимейший объект изображений как в собственно персидском, так и греко-персидском и греческом искусстве (рис. 1, 1–9). Она явно имела несколько модификаций с разной степенью заостренности верхушки (ср. рис. 1, 2а и 3), наклоненной в сторону (назад: рис. 1, 3; вперед — рис. 1, 2а; 3, 1; вбок: рис. 1, 8, 9 — вправо и гораздо реже влево: Bittner 1985, Taf. 29, 1; 39), или с верхушкой, «просевшей» внутрь (только на греческой вазописи: см., например, рис. 1, 7), наушники у подбородка были разной ширины (ср. рис. 1, 3–4).

Тиара делалась явно из тканей разной плотности, так как на одних детализированных изображениях ее склоненный верх образует множество складок, а на других — подобные складки в таком же положении отсутствуют вовсе. (Можно думать, что правильная драпировка тканого верха была своего рода искусством.) Довольно часто, если верхушка убора из плотного материала наклонена вправо, а персонаж стоит к зрителю противоположным боком, может показаться, что это убор совершенно иного облика (т.е. с низким полусферическим верхом) (см. рис. 1, 9–9а). Именно так исследователи, изучающие древние изображения, иногда выделяют несуществующие «новые типы» головных уборов.

Наушники тиары могли завязываться или застегиваться (видимо, с помощью пуговицы, так как иногда на краю их видно круглое отверстие; ср. рис. 1, 4 и 7), но могли и свободно свисать по бокам (рис. 1, 7). Показательно, что этот наиболее распространенный мужской головной убор совершенно лишен вышито-го, блестящего и иного декора (видимо, у разных социальных групп он отличался только *цветом* войлока). Так, у знатного перса из Тахти-Сангина (алебастровая раскрашенная голова) тиара полностью белая (Древности 1985, с. 92, № 205, цвет. ил. на с. 77).

Другой тип головного убора, упомянутый всего один раз, причем как царский, — некий кидарис (*kydaris*) (Curt. Hist. Alex. III. 19), о котором известно лишь, что он *повязывался разноцветными лентами* (с убором того же типа в литературе принято без серьезной аргументации связывать термины *mitra* и *kyrbasia*; ср.: Gow 1928, p. 144; Shahbazi 1992, p. 727). Для его идентификации по изображениям наш выбор крайне ограничен: это либо уникальный убор в виде цилиндра на голове статуэтки жреца с пучком священных прутьев из Амударьинского клада (*mun* 2) (Зеймаль 1979, рис. на с. 34; Bittner 1985, Taf. 21, 2) (рис. 1, 14), либо другой столь же уникальный убор юного перса на саркофаге из Сидона без на тыльника и поушиков тиары, но с узким и невысоким острым верхом (*mun* 3) (рис. 1, 20). Я предпочту первый из них, более роскошный и явно носившийся очень знатным лицом. Его вариант известен также на антропоморфном глиняном сосуде из Суз (НМИ, № 2433): по верхнему и нижнему краю его идут околыши из шкуры (?). Убор завязан простым узлом посередине надо лбом толстым матерчатым (?) шнуром. Как бы то ни было, идентифицировать с кидарисом тиару, как это обычно фактически делают комментаторы Ксенофонта и А.Ш. Шахбази (Shahbazi 1992, p. 727) (т.е. относить все четыре известных в письменных источниках термина для головных уборов *только к одному* и, видимо, не самому роскошному из нескольких известных на изображениях типов), я пока не считаю возможным.

⁵⁶ Лишь у Страбона мы найдем противоречащую остальным письменным источникам и известным изображениям версию о том, что персидские воины (речь идет об ахеменидском времени) носят стоячий войлочный убор, обликом напоминающий башню (Strabo. Geogr. XV.3.19).

На глиняных идольчиках-всадниках, найденных в разных частях Империи и, видимо, представляющих этнический тип перса⁵⁷, известны два оригинальных типа уборов. Один из них (на фигурках из Мемфиса) представляет собой простой войлочный (?) башлык с облегающим голову верхом и широким назатыльником (*mun 4*) (рис. 1, 10); возможна и заостренная верхушка, как у воина (?) из клада 1993 г. (рис. 3, 3). Он, видимо, изображен также у аристократа на пластинке № 89 из Амударьинского клада; в данном случае, как и у слуг, изображенных на лестнице во дворце Ксеркса (Ghirshman 1962, fig. 244), он имеет наушники (узкие или весьма широкие). Другой тип (на статуэтках из Тарсуса) — распространенный в кочевом мире невысокий конический колпачок с узким околышем (*mun 5*) (рис. 1, 16a).

Простые персы носили на голове также «кусочек льняной ткани» (Strabo. Geogr. XV. 3.19). О внешнем облике такого убора можно лишь гадать, так как официальное персидское искусство практически не удостоило мужчин-простолудинов своим вниманием. Возможно, его следует идентифицировать со своеобразным тюрбаном из намотанной вокруг головы полосы ткани, который представлен на египетской статуе Дария из Суз (тип I.4 по А. Шахбази) (*mun 6*).

На одном из ритонов из Эребуни представлен знатный всадник в головном уборе с довольно высоким верхом яйцевидной формы и широким округлым околышем (*mun 7*) (тип II.2 по А. Шахбази) (рис. 1, 14a). В свете того, что было сказано выше о явных изображениях носителей тиары из жесткой ткани (с наклоненным вбок верхом), показанных противоположным боком к зрителю, я бы не рискнул вслед за коллегами-иранистами считать все изображения уборов, *кажущихся полуовальными* в определенном ракурсе, как таковые на самом деле (ср.: Shahbazi 1992, p. 726). Вдоль шва надо лбом идет широкая декоративная полоса; на боковых лопастях изображен крупный взлетающий орел. Околыш, по-видимому, обложен золотыми пластинками, имитирующими края завитых волос: нечто подобное в это время делалось и на нижних пластинах женских «калафов» у скифов (см. ниже раздел 2). Судя по жесткости конструкции, уникальности убора и его декора и по высокому статусу изображенного, я не решусь утверждать, что речь идет о таких дешевых материалах, как войлок и вышивка по ткани (ср.: Shahbazi 1992, p. 727) (скорее, судя по остаткам головных уборов других ираноязычных этносов данной эпохи, речь идет об изделии из высококачественной кожи с обкладкой золотыми пластинами).

Близкий на первый взгляд к предыдущему тип представлен на большой серии изображений в Персеполе (Ghirshman 1962, fig. 209, 227, 230, 236–237) и на представителях двух народов-даников — мидийцев и сагартиев (Горелик 1985, таб. II, 1–2). Это убор полуяйцевидной формы, всегда лишенный декора (возможно, он делался из материала яркой окраски) (*mun 8*). По нижнему краю его скрепляет лента, концы которой свисают сзади (рис. 1, 11); в других случаях лента не охватывала убор, а лишь свисала концами, прикрепленная где-то у нижнего края убора сзади.

На золотых пластинах из храмового сокровища, найденного в 1993 г., у жрецов дважды изображен оригинальный убор, напоминающий современную узбекскую четырехгранную тюбетейку с чуть заостренным верхом и треугольным вырезом надо лбом (*mun 9*) (рис. 1, 16). Надо думать, он кроился сходным образом, т.е. из четырех треугольных кусков ткани.

Женские головные уборы

Замужние дамы обычно носили длинные покрывала (*mun 10*) (Aelian. Var. hist. 12.1). Обычно длина их достигает низа таза, лишь на рельефе из Эргили оно доходит до щиколоток (Houston 1955, fig. 156). На изображениях на печатях подчас видно, что их край обшивался двумя рядами бляшек — квадратных, треугольных или круглых (рис. 2, 1; 21). Сходное по параметрам головное покрывало с широкой каймой декора до сих пор носят женщины в прилегающих к Ирану районах Афганистана (Dupree 1992, pl. CXIII). Было принято брать с собой в дорогу по несколько штук головных уборов (Diodor. XVII. 35. 4–5).

Начельные украшения

Иногда на изображениях гвардейцев встречаем довольно широкую и конструктивно жесткую (явно металлическую) диадему, которая может украшаться одним-двумя рядами концентрических кружков (рис. 1, 17–17a). Несомненно, речь идет о неоднократно упоминаемой в источниках награде за боевые заслуги воина (*mun 1*) (тип I.3 по А. Шахбази). Такие золотые диадемы могли дарить офицеру за спасение царской жизни (Xen. Kyr. VIII. 118), обещать небольшой группе психологически уставших воинов из элит-

⁵⁷ Эти фигурки, как в римское время в кушанской Бактрии в сарматизованных греческих городах Боспора, видимо, были связаны с поминальными обрядами иранских народов, что подтверждается их этнографическими аналогами (Яценко 2004в).

ных подразделений перед решающим сражением (Xen. Anab. I. 7.7). Очень часто в литературе узкая лента, крепящая тиару или кидарис, рассматривается как самостоятельное начельное украшение (т.е. «диадема») — для такого вывода, думается, нет серьезных оснований.

Пышную прическу знатных воинов иногда скреплял толстый обруч, поверхность которого имитировала либо многоярусный венок, либо сложную завивку волос; возможно, он тоже делался из золота (*mun* 2) (тип I.1 по А. Шахбази) (рис. 1, 12–13). Кроме того, цари носили разные виды *корон* (типы I.5, 6 и 7 по А. Шахбази) (рис. 1, 15–15a), которые (как уже отмечалось во Введении), выходят за рамки моего исследования.

Знатные персиянки носили, наряду с головным покрывалом, зубчатые короны (и судя по ткани одежды в Пазырыке — в комплекте с ним) (рис. 2, 2). Это можно сопоставить с сообщением о том, что главная жена царя отличалась особой диадемой (Есф. 2.17).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Вероятно, у ранних персов их носили только мужчины. Штаны — *anaxyrides* были узкими и длинными (Xen. Куг. VIII. 3.13); именно так они обычно представлены и на изображениях (хотя известно и несколько образцов широких шаровар со складками: рис. 6). Знатные мужчины носили одновременно трое штанов (Strabo. Geogr. XV. 3.19). Это отнюдь не преувеличение: традиция надевать в особых ситуациях большое число однотипных предметов одежды была широко распространена у ираноязычных и шире — индоевропейских народов. У знати она была символом статуса, у простолюдинов — маркировала их участие в определенных праздничных ритуалах и т.п.⁵⁸

Штаны имеют стандартную длину до щиколоток, где они, видимо, стягивались шнурком: горизонтальный нижний край обычно без разрезов. Однако на упомянутом кратере из Неаполя у царя край штанов имеет спереди округлый мысик (аналогию ему см. ниже на центральном персонаже греко-скифской серебряной амфоры из Чертомлыка), а чуть выше их нижняя часть стягивается не шнурком, а ножным браслетом (рис. 12, в). Иногда они явно заправлены в обувь (туфли), что хорошо видно на ряде пластин Амударьинского клада (№ 51, 70; Curtis, Searight 2003, fig. 3, 14; 4, 24).

Пояса

Мужские пояса были кожаными и ткаными. Последние на парадных рельефах у персов (как и у родственных ираноязычных народов) повязаны священным «Геракловым» (прямым морским) узлом с короткими свисающими концами (рис. 1, 50–51); сзади они подчас носились с кольцевым напуском; конец их слегка скруглен и завершается небольшим «соском». Детально передан тканый пояс Дария I на паре его каменных статуй, изготовленных в Египте и поставленных затем у ворот его дворца в Сузах (сужу по экземпляру из Национального музея Ирана). Пояс (на статуе шириной около 8 см, но реально он был в два раза уже, так как сама статуя — более чем трехметровая) сплетен из семи чередующихся через одну полос двух видов плетения, на его свисающих концах изображена египетская рамка-картуш с именем царя. Манера носить кушак с более длинными, чем обычно, свисающими концами характерна для нескольких персонажей с вотивных пластин Амударьинского клада (№ 48, 49, 71, 77), причем они коррелируют с распашным кафтаном, имеющим две параллельные, богато декорированные золотыми бляшками (?) вертикальные полосы вдоль швов. Известны такие пояса с удлинненными концами и у лиц с пучком священных прутьев в руке на пластине № 48 и 68i из клада 1993 г. и на рельефе со жрецами у стойла с животными в Эргили (Ghirshman 1962, fig. 440). На пластине № 67 клада 1993 г. из музея Михо «жреческий» пояс ритуально (?) развязан и держится сзади, видимо, с помощью двух-трех пришитых на талии сараписа петель (рис. 3, 14).

Женские платья, видимо, повязывались подобным же тканым пояском, но узла обычно не видно (т.е. он находился сбоку?), а если он виден, длинные свободные концы свисают гораздо ниже, чем у мужчин-воинов (рис. 2, 11). У одной из дам из клада 1993 г. и на пластине № 90 Амударьинского клада (Curtis, Searight 2003, fig. 5, 34) схематично передан витой пояс; в последнем случае он оканчивается небольшой кистью. На пластине № 93 вместо кисти с каждого конца свисали два шарика-утяжелителя (*ibid.*, fig. 5, 32). Можно предположить, что манера ношения пояса отличалась у девушек и замужних дам: у первых он

⁵⁸ Ср., например, обычай хоронить знатных осетинок во множестве наплечных одеяний (до пяти) или обычай русских крестьян надевать в праздники на ногу до семи парадных вязаных чулок.

повязывался высоко под грудью. Именно так туго затянут пояс и у божественной девы Анахиты (Yasht 5. 127), «чтоб грудь казалась высокой и тугой».

Кожаные мужские пояса скреплялись прямоугольной или круглой пряжкой (рис. 1, 41, 53), к которой у одного вельможи подвешен своеобразный крючок для колчана (в виде миниатюрной модели парадного кинжала в ножнах с характерными выступами) (рис. 1, 52); в другом случае у «жреца» наконечник имеет копьевидную форму (рис. 3, 16).

У телохранителя с секирой, стоящего позади трона Дария на рельефе в Персеполе (рис. 18), вероятно, показаны одновременно два кожаных пояса: узкий «обычный» и портупейный. Последний сзади имеет кольцевой напуск, по бокам — узкое отверстие для подвешивания оружия; на животе он скреплен миниатюрной пряжкой в форме цветочной розетки.

«Жреческие» пояса на пластинах из клада 1993 г. в ряде случаев явно *наборные* и украшены серией однотипных бляшек круглой или квадратной формы (рис. 3, 8, 13–14). Царь также носил «золотой пояс» (это сообщается в отношении последнего правителя Империи Дария III (Curt. Hist. Alex. III. 3.17). Однако о том, как подобный пояс выглядел, мы можем лишь гадать. Судя по более поздним образцам других ираноязычных этносов, он, вероятно, состоял из серии звеньев, соединенных цепочками или шарнирами; возможно, он, в соответствии с ювелирными традициями Ахеменидов, был инкрустирован бирюзой.

Обувь

Мужская обувь известна трех типов. Наиболее распространенным на изображениях являются *туфли* (*тип 1*). Они были заимствованы у мидийцев: их важным достоинством считали то, что благодаря им хозяин казался более высоким (Хен. Куг. VIII. 1.40). Обычно туфли крепились у подъема стопы с помощью пуговиц на трех узких прорезях. Они имели овальные носки, язычок у подъема и круглые накладки с боков (видимо, предохранявшие от износа) (рис. 1, 58–59).

Однако на рельефе из Суз рядом с ними представлены и туфли иного облика (рис. 1, 60; 20). Последние имеют треугольный вырез на боку, а главное — крепятся на ноге иным способом (видимо, шнурком, размещенным в прорезях по верхнему краю и проходящим под сводом стопы и вокруг щиколоток; концы его завязывались у подъема стопы «Геракловым узлом») (рис. 1, 54, 60). Носки их обычно полуовальные, в одном случае — прямоугольные. Этот вид обуви, видимо, был обычным для большинства этносов тогдашнего иранского мира. У ряда персидских аристократов (например — у придворных и гвардейцев Дария I с двух известных рельефов со сценой аудиенции, происходящих из Сокровищницы в Персеполе) туфли имеют очень длинные носки (не менее чем на 7–8 см длиннее пальцев).

Другой распространенный тип обуви всадника — длинные *ноговицы* из ткани, крепившиеся одной-двумя лямками к поясу (*тип 2*) (рис. 1, 56–56a). Интересно, что у персов они часто не закрывали стопу с туфлями или полусапожками, представляя собой своеобразные гетры на лямках. Поэтому их очень часто путают с высокими сапогами (см. Амударьинский клад, № 48 по О.М. Дальтону) (см., например: Shahbazi 1992, p. 735).

Судя по последнему изображению, ноговицы могли носиться в комплекте с *полусапожками* (*тип 3*) и прикрывать верхнюю их часть (рис. 1, 56–56a). Последние имеют обычно округленный носок и в отличие от туфель лишены жесткой подошвы. Аналогичная обувь носилась и знатными дамами (рис. 2, 12). А.Ш. Шахбази считает, что именно эта простая, распространенная в кочевом мире Евразии обувь с мягкой подошвой (в сочетании с ноговицами, как я уже отмечал, этот исследователь именуется «высокими сапогами») и есть та самая роскошная мидийская обувь на высокой (!) подошве, которая была заимствована персидской знатью (ibid.), что кажется сомнительным. У мертвого перса из пергамской серии скульптур в Неаполе (Maulucci, 1988, p. 33) видим, что полусапожки крепились вокруг лодыжек ремнем, повязанным «узлом Геракла» (рис. 1, 61).

На одном из греческих изображений действительно представлены высокие сапоги с подвесками по верхнему краю (*тип 4*) (рис. 1, 57). Возможно, в действительности это не этнографическая реальность, а дань собственным представлениям художника, изобразившего у перса греческую обувь.

Изредка под влиянием других народов персы использовали сандалии. Образец таких сандалий, сшитых из довольно толстых полос кожи, видим на мужчине-придворном с костяной пластины из Персеполя (НМИ, № 2810). Видимо, к ним относилась и та обувь, которую специально производил египетский город Антилла для нужд персидских цариц, так как в Египте этот вид обуви был господствующим (Her. Hist. I. 192).

Перчатки и варежки

Несмотря на теплый климат Ирана, аристократы «из-за своей изнеженности носят толстые рукавицы и перчатки» (Хен. Куг. VIII. 8.17). Представить себе их облик лишь отчасти помогают остатки из более поздних погребений иранских народов: расшитые жемчугом варежки в могиле князя из Тилля-тепе в Бактрии следующей, парфяно-сарматской эпохи (см. главу 2.3) и белые, из телячьей кожи с декором из красных кружков, перчатки-митенки (не закрывающие кончики пальцев) у аланов VIII–IX вв. в Мошевой Балке (Jerusalimskaja 1996, Abb. 203).

Не исключено, что персы заимствовали богато декорированные перчатки от своих предшественников в Западном Иране. Во всяком случае, на бронзовой пластине конской упряжи из Хасанлу в Курдистане (Winter 1980, фото — fig. 22, 24–25, прорисовка — 3-я стр. обложки) герой, смиряющий двух диких быков, показан в длинных, расширяющихся раструбами перчатках, украшенных горизонтальными полосами по верхнему краю и у запястья и овальными фигурами разных размеров — на поверхности кожи между ними.

Прически

Мужские прически

Ношение длинных волос видимо, было распространено и у простых персов; Геродот называет этих врагов греков «длинноволосыми персами» (Her. Hist. VI. 19). Идеалом аристократа были, вероятно, густые и длинные волосы (Plut. Artax. XIII). Длинные волосы иногда выглядывают из-под назатыльника тиары (Bittner 1985, Taf. 6) (рис. 1, 3). По известным изображениям ясно, что пробор в прическе не делался. Изучение причесок очень осложняется тем, что у персов-мужчин, похоже, не было принято ходить простоволосыми; поэтому волосы обычно лишь выглядывают из-под тиары.

Широко использовались *парики с завитыми волосами*, по традиции, заимствованной у мидийцев (Хен. Куг. I. 3.2) (которые, в свою очередь, переняли ее у древних культур Месопотамии). Волосы такого парика доходили до уровня плеч, сзади утолщаясь и имея ровный край; иногда, похоже, завивали и бороду (см. рис. 1, 12, 18–20; Bittner 1985, Taf. 21). На лазуритовой головке царя из Персеполя (Национальный музей Ирана, инв. № 1294/7719; см., например: The Splendour 2001, photo on p. 186) при взгляде сверху хорошо заметна прическа с завивкой из тонких и длинных спиральных локонов. Борода же обычно носилась крупная, окладистая. Носить усы без бороды было явно не принято (в отличие от этносов следующей, парфяно-сарматской эпохи).

Женские прически

Замужние женщины собирали волосы сзади в длинную косу (знатным дамам ее заплетали служанки: Aelian. Var. hist. 12.1). Такая коса могла быть и более короткой, как у сидящей дамы на перстне из Пидны (Македония) (Tsigarida, Ignatiadou 2000, p. 61, No. 57). На изображениях видно, что голова в этом случае иногда покрывалась куском ткани с отходившим от него накосником; на конце последнего крепился массивный шарик, к которому часто подвешивались несколько маленьких шариков (рис. 2, 4–5). Иногда кос было, видимо, несколько. Так, по сведениям Эсхина, сохранным анонимом (De mul. virt. 8), царица персов Радогуна сама заплетала себе волосы, вероятно — в косы. Судя по всему, это была достаточно долгая процедура, так как из-за неожиданной военной угрозы ей удалось заплести их лишь наполовину. У дам на votивных золотых пластинках из Амударьинского клада показаны и короткие прически с прямым пробормом (рис. 3, 22); иногда нижний край ее, возможно, завивали (№ 89–91, 94) (рис. 2, 6), а сзади могли собирать волосы в узел (рис. 3, 20). На серебряной пиксиде из Эрзинкана и пластине № 70g из музея Михо прическа образует крупный выступ надо лбом, иногда стянутый ремешком (рис. 2, 3; 3, 21).

Косметика

Перед выходом «на люди» служанки умащали лица знатных дам несколькими типами притираний (Aelian. Var. hist. 12.1). В библейской книге «Есфирь» утверждалось даже, что для первого появления новой жены из гарема перед лицом царя ее предварительно год готовили к этому событию, используя в том числе миро и другие благовония (Есф. 2.12). В ванной комнате аристократов стоял набор флаконов с мазями из душистых трав и благовониями; ими натирались при купании (Plut. Alex. XXI; XL). Для этого (как и для ухода за волосами) у знати имелись специально обученные слуги (Хен. Куг. VIII. 8.20). Изображения таких служи-

телей — юношей-косметов, держащих наготове сосудик с благовониями и ленту-бинт, известны во дворце Дария в Персеполе (Nazmjoо 2004, p. 119); считать их при этом евнухами (так как они безбороды), на чем настаивает ряд авторов, кажется преждевременным. Чаще всего умащали именно голову (см., например: Her. Hist. IX. 110). Иногда благовониями пропитывали надеваемый на голову мужчины венок (Plut. Artax. XXI).

У мидийцев был заимствован обычай использовать румяна, подводить глаза и т.п. не только женщинами, но и мужчинами (Хен. Кут. I. 3.2). Этот обычай был введен при создателе державы Кире II (ibid. VIII. 1.41).

Крой

Стан плечевой распашной одежды кроился, видимо, из двух или четырех полотнищ с плечевым швом. Последний специально подчеркнут на ряде изображений (рис. 1, 25)⁵⁹, иногда — рядом нашитых бляшек (рис. 1, 29). Спинка кроилась из двух вертикальных полотнищ, как это видим на кандисе из Государственных музеев Берлина и кафтане на статуэтках из Амударьинского клада (Dalton 1964, pl. XLI; Зеймаль 1979, № 76). На кандисе хорошо видно, что в верхней части спинки, у ворота вшивался кусок ткани, по форме напоминающий фигурную скобку (— рис. 1, 21a) (подобный элемент известен в данное время и в мужском костюме «саков» Южной и Юго-Западной Сибири, Семиречья: см. ниже, однако у персов он более вытянутый). Ткань лишь изредка скашивалась у ворота кафтанов (рис. 1, 27). На вотивной пластинке № 84 Амударьинского клада кафтан (если даже он принадлежит этническому бактрийцу) имеет уникальный для иранских этносов данного времени ворот с двумя лацканами (рис. 1, 29a). Этот элемент можно считать «тупиковым»: он не получил у них развития ни в ахеменидо-скифскую, ни в следующую, парфяно-сарматскую эпоху (кроме крайне восточного иранского этноса в Западном Китае — хотанцев) и вновь «всплыл» лишь на рубеже VI–VII вв. н.э. в период Западного Тюркского каганата (см. главу 3). Пришивной складчатый подол в единичных случаях встречается на распашном кафтане (рис. 1, 29a; см. также: Bittner 1985, Taf. 27) и на сараписе (рис. 3, 11). Подол нераспашного сараписа лишь иногда (на изображении персонажа с пучком священных прутьев — барсомом) имел два выступающих клина по бокам (рис. 1, 40). Рукава кафтанов и сараписов часто были длиннее руки и собирались у запястья, образуя выше складки. На известной серебряной статуэтке из Берлина (Bittner 1985, Taf. 29, 1; Горелик 1985, таб. IV, κ) под кандисом изображен сарапис необычного вида — весь покрытый сплошными частыми вертикальными складками; то же видим на пластине № 85 Амударьинского клада (Curtis, Searight 2003, fig. 3, 19). У аристократа на пластине № 67в из музея Михо стан покрыт вертикальными полосами, а рукава и пришивной подол — горизонтальными (рис. 3, 10). Так стремились передать стеганую мужскую одежду, распространенную на территории Западного и Северного Ирана уже к началу I тыс. до н.э. (ср., например, изображения Луристана и Гиляна: Moorey 1974, № 118a; Negahban, I 1996, № 54). Женские платья явно кроились с расширявшими подол клиньями. Их подол в ряде случаев имел глубокий разрез спереди (под которым видно нижнее столь же длинное платье с крупными горизонтальными складками) (рис. 2, 7).

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт одежды знатных мужчин далек от контуров человеческого тела («эламо-аншанская» одежда с широким складчатым подолом и широкими «рукавами»; остальные элементы одежды — капирис и штаны — плавно сужаются к конечностям). [На *греческих* изображениях знатных персов художники были склонны изображать утрированно облегающую плечевую (сарапис) и поясную (штаны) одежду.] Женская длинная плечевая одежда в сочетании с преобладающей прической без выступов и прилегающим к голове и туловищу покрывалом из плотных тканей создает силуэт, близкий к слабо и постепенно расширяющейся вниз трапеции.

В декоре персидской одежды весьма ценились пестрота окраски и яркость самих цветов (вызывавшие в разных обстоятельствах либо принципиальное неприятие, либо искреннюю зависть греков и македонян). Например, пелерина-капирис у гвардейцев — «бессмертных» кроилась из пестрых тканей, где на желтом фоне вышиты бирюзово-белые цветочные розетки, красные зубчатые башенки, а красная или бирюзовая кайма украшена рядом белых концентрических кружков или полоской зигзага (см., например: Ghirshman 1962, fig. 190). Короткие нераспашные сараписы мужчин могли шиться из ткани, сплошь украшенной

⁵⁹ Это важное для нас изображение царя (?) на золотой пластинке из японского музея Михо было впервые обнаружено в посмертном докладе И.Р. Пичикуна «Возрождение клада Окса» на конференции, посвященной 60-летию ВДИ 30.06.1997 г. в Москве (с зарисовки автора этих строк).

крупными кружками (рис. 1, 31, 37), изредка — точками (рис. 1, 33a)⁶⁰ или сеточкой (Bittner 1985, Taf. 30, 4). Сплошными рядами кружков декорирован и кафтан (Амударьинский клад, пластина № 71). Подчас для их пошива использовали два типа разных пестрых тканей с крупными элементами геометрического орнамента (см. рис. 1, 35, где сарапис сочетается с предполагаемым коротким льняным расписным панцирем). В ряде случаев особой пестротой выделялась ткань рукавов (рис. 1, 31, 33a, 35).

Наиболее распространенным видом декора была полоса ткани с бляшками в форме круга (изредка — квадрата, пятилучевой звезды) вдоль бортов одежд, края головного покрывала и т.п. Как на распахнутой, так и на нераспахнутой короткой одежде иногда украшались декоративной полосой или двумя полосами вертикальные швы, соединяющие по бокам полотнища стана (рис. 1, 27, 33). У мужчин на ковре из Пазырыка эти каймы красные (Ghirshman 1962, fig. 467). Подол распахнутой одежды не декорировался, а у нераспахнутой иногда обшивался полосой пестрой, в том числе полосатой ткани (рис. 1, 31, 38); изредка применялась бахрома (рис. 1, 32). На нераспахнутом сараписе плечевой шов подчас закрывался полоской ткани с треугольными или квадратными бляшками. Для этой одежды также весьма характерны рукава, кроившиеся из пестрой ткани с особым рисунком (рис. 1, 33, 35). Обшлаги декорировались крайне редко.

Характерной деталью декора короткой нераспахнутой мужской одежды была *вертикальная декоративная полоса* (возможно, имитировавшая борта наглухо застегнутого распахнутого кафтана, уже практически вышедшего из употребления). В нескольких случаях это полоса ткани с сетчатым орнаментом (рис. 1, 32), в других (в частности, на одном из золотых дариков: рис. 1, 36a) — линия из крупных концентрических кружков. Кандис и «простой» халат украшались лишь вдоль бортов полосой пестрой ткани или круглыми бляшками (рис. 1, 23, 25; 3, 5, 7). Интересен декор края рукавов кандиса в виде двух крупных прямоугольников (Schmidt 1953, Taf. 32–33, 48); по сохранившемуся подлинному образцу кандиса в далеком Пазырыке на Алтае (см. ниже) удалось установить, что это были пластинки золотой фольги.

Женское платье украшалось узкой полоской ткани вдоль края ворота. В единичных случаях отмечены другие варианты отделки: декоративная полоса по краю подола или рукавов, рукава из ткани с пестрым рисунком, пришивной подол с рядами горизонтальных полос (рис. 2, 7, 9–10).

Часто из всех предметов мужской одежды наиболее привлекающими внимание своим декором были *штаны*, так как они шились целиком из пестрых тканей с крупным орнаментом. Любимые узоры на них — *горизонтальные полосы зигзага* (иногда разделяемые полосой из точек, ромбов или вертикальных «палочек») (рис. 1, 42–46; схематично, в виде горизонтальных полос см.: Иран в Эрмитаже 2004, № 8)⁶¹. Поскольку такие орнаменты тканей обычно изображены на греческой вазописи, некоторые исследователи не считают их достоверными. Однако горизонтальные полосы зигзагов переданы, например, на рельефе из Суз (Bittner 1985, Taf. 16, 2) и на вполне достоверном изображении одной из фигур сидонского «саркофага Александра» (ibid., Taf. 38, 2). Целый ряд общих орнаментов видим и у жрецов с пластин клада 1993 г. (рис. 3, 17–19). У персонажей пазырыкского ковра штаны декорированы вертикальными линиями квадратов (Ghirshman 1962, fig. 467), у всадника на рельефе из Döğer в Анатолии — полосок (рис. 1, 58). Иногда у жрецов видим спереди два вертикальных ряда крупных круглых бляшек (рис. 1, 48) (нечто подобное встречается позже при парфянской династии) или такими же рядами (в том числе с точкой внутри кружков) обшита вся ткань (рис. 3, 18–19). Практически у всех персонажей votивных пластин Амударьинского клада с декорированными штанами (№ 61, 62, 66–67, 85 по О.М. Дальтону) орнамент ткани *сетчатый* (рис. 1, 49); этот декор резко преобладает и у «жрецов» в кладах 1993 г.; встречается и «сеточка» с точкой внутри ячеек (золотой перстень Афинанда IV в. до н.э. с изображением сидящего перса с луком из некрополя Пантикапея: Уильямс, Огден 1995, № 97) (рис. 1, 47a). Подчас сбоку нашивалась полоса «лампасов», которая могла быть орнаментирована (линия меандра) (рис. 1, 42, 47). Наконец, у вероятного жреца с пластины № 70 Амударьинского клада штанины декорированы, по-видимому, только с внешней половины (ткань с вертикальным рядом птиц), с тыльной же стороны (видной на левой штанине) ткань без узора.

Пояса могли декорироваться полоской со стилизованной ветвью или быть сетчатыми (рис. 1, 53; 3, 10). Ткань мужских ноговиц неоднократно показана *сетчатой*.

Несомненно, большое внимание в парадном костюме обоих полов сводилось в зрительном восприятии к набору из нескольких роскошных ожерелий. Хорошими примерами являются упомянутые комплексы

⁶⁰ Орнамент из точек исходно мог иметь магическое значение. Интересно, что у корейцев, имевших древние контакты с индоевропейцами, праздничная наплечная одежда и штаны мальчиков украшались рядом пришивных красных «точек», являвшихся оберегами (Календарные обычаи 1985, с. 89).

⁶¹ Штаны, украшенные горизонтальными полосами с разнотипным орнаментом, известны в эту эпоху также у скифов (см. ниже раздел 2). Бытовали они и у ранних кельтов [см.: два юноши на ножнах кинжала первой половины IV в. до н.э. из Гальштадта, Австрия (Megaw, Megaw 2001, pl. VII)].

второй трети IV в. до н.э.: клад личных украшений знатной дамы из Пасаргад (где видим по несколько комплектов ожерелий из фигурных золотых подвесок, из лазурита, аметиста и халцедона) и бронзовый мужской (?) саркофаг из акрополя Суз.

Большого внимания заслуживает *цветовая гамма* предметов одежды.

Излюбленным цветом персидской знати этого времени был цвет самой дорогой краски тогдашнего мира — *пурпура*, получаемого из восточносредиземноморского моллюска⁶². Не случайно пурпурные ткани были своеобразным символом персидской роскоши и считались желанной добычей (Xen. Кyr. I. 3.2; Plut. Alex. XVII; Diodor. XVII. 70.4–5; 77.5); именно одежды пурпурного цвета приносились в жертву богам (Her. Hist. I. 50), расстилались в особых случаях перед храмами (Plut. Artax. XXIII) и т.п. Немногим менее любимыми были некоторые другие оттенки красного. В источниках постоянно называются различные виды одежды красного цвета.

Пелерина и юбка «эламо-аншанского» типа с вертикальными сборками у царей (Дарий I, Ксеркс I и Артаксеркс I) шились из тканей красного или пурпурного цвета, с голубой каймой и красными фигурками львов (Tillia 1972, p. 41, 53–54).

Цвет нераспашного мужского сараписа (вероятно, впервые в мировой истории костюма) *менялся по сезону*: летом — однотонно-пурпурный, зимой (когда краски окружающей природы не столь радовали глаз) — только пестрый (Strabo. Geogr. XV. 3.19) (подобную сезонную смену цвета наблюдаем позже у римлян). Царь мог использовать сарапис белого цвета (ср.: Diodor. XVII. 77.5). Носившаяся под кафтаном или сараписом нижняя рубаша обычно была белой (Strabo. Geogr. XV. 3.19; одежда Дария III на мозаике из Помпей). На той же мозаике края сараписа и распашного безрукавного кафтана окаймлены полосками белого цвета. На рельефе Ахура-Мазды в южных дверях «Стоколонного (тронного) зала» в Персеполе головной убор и плечевая одежда бога — красные, оторочка пелерины — синяя (другие детали его фигуры — зеленые, желтые и черные) (Lerner 1973; 1979).

Цветовая гамма плащей также была не слишком разнообразна. Аристократам дарили от имени царя плащи четырех разных оттенков красного (пурпурные, темно-красные, багряные и алые). Разумеется, пурпурные плащи также упоминаются часто; их носили, например, 365 юношей (по числу дней года), сопровождавшие царя (Curt. Hist. Alex. III. 3.10). Характерно, что искреннее восхищение и зависть будущего Дария I вызвал увиденный на иноземце плащ именно красного цвета (Her. Hist. III. 139). Комплект царского костюма включал *несколько* плащей разных цветов: пурпурных и темных (Arrian. Alex. VI. 29.5–6). У части знатных воинов в окружении правителя они были белого или, напротив, красного цвета — в случае столкновения войск двух претендентов на престол (Plut. Artax. XI).

Штаны Кира Великого (Xen. Кyr. VIII. 3.13) также были красного цвета, но на пазырыкском ковре они желтые или синие (Балонов, 1991, с. 95), а на саркофаге из Сидона — красные, фиолетовые, желтые или голубые (Graeve 1970, p. 97–98); на ряде рельефов и в аттической вазописи часто сшиты из пестрых тканей. На поливных изразцах из царского дворца в Сузах видим, что штаны могли быть темно-красными, а если декор состоял из горизонтальных полосок зигзага, то последние могли сочетаться, например, с белыми, красными и бирюзовыми полосками (Royal City 1992, p. 239; No. 168).

Царская головная повязка была пурпурного цвета с белым декором (Curt. Hist. Alex. VI. 6.4). В то же время головные покрывала замужних женщин изготовлялись из узорчатых тканей (Aelian. Var. hist. 12.1).

Весьма разнообразными были цвета парадной обуви. На ковре из Пазырыка красная обувь только у всадников, белая или желтая — только у пешеходов, которые ведут коней, синяя — у обеих групп (Балонов 1991, с. 95). У аристократов из окружения Дария III на мозаике в Помпеях обувь белого цвета. На изразцах из Суз у «бессмертных» туфли желтые, у царей в Персеполе — красные.

В целом, при преобладании разных оттенков красного, для различных элементов одежды широко использовался белый цвет (часто в сочетании с первым), реже — желтый и еще реже — синий.

Что касается золотых аксессуаров костюма, то они часто украшались инкрустациями минералов трех разных цветов — зеленого (бирюза), синего (лазурит) и красного (сердолик) или белого (жемчуг) (см., например: Tallon 1992, Nos 171–179).

Эстетический идеал этноса

Судя по известным собственно персидским изображениям (которым не противоречат письменные источники), мужчина из господствующего в Империи народа должен был выглядеть сильным, мужественным и преисполненным достоинства. Действительно, во многих случаях мы видим подчеркнуто широкие

⁶² О значении пурпура в древних обществах см.: Rainhold 1970.

плечи, мускулистые руки и ноги (они обрисовываются сквозь одежду и проявляются при активном движении). Лицо широкое, обычно с прямым носом; взрослые носят окладистую бороду (у европеоидных обществ наличие обильной растительности на лице подсознательно воспринимается как сигнал о повышенной агрессивности — бесстрашные воины! — и сексуальной энергии) (Бутовская 2004б, с. 171–172, 175). Позы мужчин спокойны и величественны. Много внимания уделено передаче красоты складок «придворной» одежды (больших парадных пелерин и мужских юбок), тканой тиары и т.п. Однако при этом для мужчин характерен обильный набор золотых аксессуаров с самоцветами (колье, ожерелья, браслеты и, видимо, серьги), так что отличить погребение знатного мужчины от женщины археологам сегодня затруднительно⁶³. Мужчины и женщины в идеале должны были быть высокорослыми⁶⁴. Как уже отмечалось, отчасти именно для этого Кир Великий ввел в обиход знати знаменитые мидийские туфли. Женщины в царском гареме тоже отличались от прочих высоким ростом (Хен. Куг. V. 1.5); в гимне Ардвисуре-Анахите (Yasht 5. 64) она также выглядит высокой, могучей и стройной девицей.

Знатные дамы подчеркивали свою «изнеженность», а на деле — престижную светлую кожу⁶⁵, укрывая, в отличие от простолюдинок, от солнечных лучей все свое тело (Diodor. XVII. 35. 4–5). Однако на парадных изображениях они выглядят более репрезентативно, с открытым лицом и подчас — простоволосыми, а подол платья порой далеко не доходит до пят (чаще всего это, видимо, жены из царского гарема)⁶⁶. Аристократки обычно крепкого сложения (талия при этом не подчеркивалась), у них сравнительно короткие ноги, резко выделенные в профиль ягодицы (которые на деле не должны были выглядеть так из-за специфики кроя одежды), часто — удлинённые головы с длинными узкими бровями. Интересно, что в редких случаях (пластина № 67 из музея Михо и одна из пластин Амударьинского клада: Curtis, Searight 2003, fig. 5, 36) жрецы-мужчины изображены в совершенно «женской» манере и с «женскими» элементами одежды (прическа, «аншанская» юбка и др.), и только окладистая борода позволяет определить их пол.

Персидский костюм в греческом искусстве: образ «Иного»

Сегодня подобного рода разработки для разных эпох и этносов весьма популярны в западной литературе. Однако что касается изображений персов, они могут всерьез восприниматься лишь после *детальной системной характеристики* персидского костюмного комплекса. Выше она была дана практически впервые, и это позволяет мне попытаться корректно ответить на возникающие вопросы. Ранее во многих случаях абсолютно достоверные изображения этнических персов уверенно объявлялись образами амазонок или «условных варваров»⁶⁷.

Выше многократно отмечалась детальная точность передачи в греческой вазовой живописи не только комплекта мужского костюма персов и силуэта отдельных его компонентов, но и всех основных вариантов его орнаментики. Все это подтверждается сопоставлением с собственно персидскими изображениями. Прделанная выше работа позволяет теперь без особых усилий выделять на греческой вазописи и предметах торевтики собственно этнических персов от изображений так называемых «условных варваров» в мифологических сценах троянского цикла, в сценах битв с амазонками и т.п. Последние, например, на золотых обкладках ножен мечей типа Чертомлыка из Скифии (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, № 191; фото на с. 237–245) действительно поданы *условно*: с одной стороны, они вполне корректно, как и «нормальные» знатные персы, носят кандис прикрепленным сзади у ворота (там же, фото на с. 238), а их прическа и полусапожки вполне обычны. Но, с другой стороны, башлык с широким назатыльником и даже его завязки подчеркнута богато орнаментированы (что у персов как будто не было принято); у персонажей с секирой или кинжалом (там же, фото на с. 240, 243) какая-то одежда обернута вокруг талии (что у пер-

⁶³ См., в частности, справедливые сомнения Ф. Таллона по поводу половой принадлежности знаменитого погребения 1901 г. в цитадели Суз (Tallon 1992, p. 242).

⁶⁴ Если высокий рост идеальной женщины является персидской спецификой данной эпохи, то высокорослые мужчины подсознательно воспринимаются как более привлекательные практически во всех человеческих культурах (Buss 1999).

⁶⁵ Во многих традиционных обществах мужчины подсознательно отдают предпочтение также женщинам с более светлыми волосами и глазами. Это является показателем более высокого уровня женских гормонов и большей фертильности, а также облегчает установление отцовства ребенка (Бутовская 2004, с. 317).

⁶⁶ Замечу, что эти изображения вряд ли всегда были предназначены для *всеобщего обозрения*. Дело в том, что знатные персы любили заказывать реалистические изображения своих жен в золоте и других материалах и возили их с собой на войну и т.п. Ср. отмеченное выше замечание Диодора, что в действительности знатные персиянки вне помещений укрывали от солнца практически все свое тело.

⁶⁷ Типичный пример такого рода — изображение «амазонок» на фрагменте краснофигурного аттического килика V в. до н.э., найденном в боспорской Фанагории (Кобылина 1969, с. 103; рис. 34).

сов достоверно также не документируется), а кафтан запахнут очень глубоко (у персов, как уже отмечалось, кафтан, во первых, вообще выходил из употребления и, самое главное, *никогда не запахивался*: такая манера скорее свойственна скифам, на территории которых обнаружены упомянутые парадные мечи).

Этнические персы в аттической вазописи, при всей протокольной точности подачи материала, поданы с известной долей условности и преувеличений, идущих главным образом от господствующего *стиля*. Так, штаны и верхняя часть нераспашного сараписа обычно переданы слишком плотно облегающими тело на манер современной спортивной формы, чего мы никогда не встретим на собственно персидских изображениях. Бывают подчас утрированы и отдельные детали. Например, острый выступ назатыльника башлыка на эрмитажном алебастре ок. 470 г. до н.э. (рис. 13) имеет чрезмерно удлиненный тонкий конец. В одном случае персидский персонаж представлен в греческих высоких сапожках (рис. 1, 57), что вряд ли имело место в действительности⁶⁸. Однако подобные «ошибки» крайне редки, и аттическую вазовую живопись я бы охарактеризовал как пример *образцового, этнографически точного* изображения иноэтнических персонажей. Последнее неудивительно из-за очень длительных тесных контактов греков с персами и подчинения примерно половины Эллады державе Ахеменидов. Иными словами, точность передачи персидского костюма (и в целом облика персов) в греческом искусстве имела для мастеров и потребителей гораздо большее значение, чем принято думать.

1.2. Европейские скифы

История изучения костюма

Костюм скифов — наиболее полно изученный этнический костюмный комплекс среди ираноязычных народов трех рассматриваемых периодов. Ему посвящено более 40 одних лишь *специальных* статей, разделов и диссертация. Остается лишь сожалеть, что эта литература (отчасти из-за ее русско- и украиноязычности) остается неизвестной подавляющему большинству специалистов вне бывшего СССР, пишущих на «скифскую» тему или обобщающих материалы по костюму иранских этносов, что порождает подчас причудливые суждения и выводы. Вполне естественно, что большой объем опубликованной информации по скифам и большое число высказанных мнений (порой спорных) делают и мой раздел по скифам самым большим из тех, которые посвящены отдельным этносам.

Важную роль в изучении скифского костюма сыграл небольшой доклад М.В. Горелика в 1979 г. на III Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана, в котором мужской костюм на предметах торевтики «классического» периода был рассмотрен как *система в контексте* синхронных костюмных комплексов ираноязычных народов (Горелик 1979, с. 32–33; к сожалению, более полно материал доклада был опубликован лишь недавно: Горелик 1997, с. 18–21).

В ряде обобщающих изданий имеются небольшие разделы по скифскому костюму. Первый из них (сохраняющий известную ценность и сегодня) был дан еще П.К. Степановым (Степанов 1915, с. 12–19). Разделы, написанные недавно Л.С. Клочко и автором этих строк, — это, к сожалению, весьма краткие тексты объемом всего от двух до четырех страниц (Kločko 1991; Yatsenko 1992); они недостаточны для сколько-нибудь полного представления о замечательном и исключительно богатом костюмном комплексе скифов-сколотов.

При обилии специальных публикаций единый детальный обобщающий очерк по скифскому костюму еще не создан. Вместе с тем в кандидатской диссертации Л.С. Клочко рассматривался женский костюм (главным образом головные уборы и мелкие костюмные аксессуары) (Клочко 1992а). В ряде статей и тезисов исследовательницы затрагивались отдельно мужская (Клочко 1984) и женская плечевая одежда (Клочко 1992в), костюм женщин-воительниц (Клочко 1996), детский костюм (Клочко 1987; 1993) и обувь (Клочко 1992б). В целом Л.С. Клочко на сегодняшний день проделана основная работа по изучению скифского костюма. Другие авторы касались также поясов, прежде всего — воинских (Манцевич 1941) и прически (Сыромятникова 1983, с. 47–48; Rolle 2001).

Традиционно излюбленная тема в публикациях по скифскому костюму — роскошные *женские парадные головные уборы*, обильно украшавшиеся разнотипными золотыми фигурными бляшками и пластинами с тисненым декором, дорогими яркими тканями примыкающих к ним покрывал и т.п. С них фактически началось в 10–20-х годах XX в. специальное изучение скифского костюма (Ростовцев 1917; Боровка

⁶⁸ Столь же понятна ситуация, когда в вазовой живописи или на рельефах Скопаса экзотические *амазонки* одеты в обычный греческий хитон, застегнутый фибулами на плечах.

1921). Начиная с 70-х годов появилась серия публикаций с реконструкциями уборов из отдельных могил (во многих случаях, из-за отсутствия специальной квалификации и опыта у авторов, — весьма спорными). Для нашей темы более ценны обобщающие работы по отдельным типам головных уборов таких исследователей, как Т.В. Мирошина и Л.С. Клочко. Их статьи посвящены башлыкам (Мирошина 1977), цилиндрическим «скифским калафам» (Мирошина 1980; Клочко 1982), конусовидным уборам и тиарам (Мирошина 1981; Клочко 1986), начельным украшениям скифянок и типологически близким многим из них местным греческим (Клочко 1983; Мирошина 1983).

Представляет интерес серия графических и объемных цветных реконструкций скифского костюма по материалам погребений, сделанная, в частности, М.В. Гореликом, Л.С. Клочко и П.Л. Корниенко по материалам Толстой и Казенной Могил, а позже и рядом других киевских и петербургских коллег (см., например: Černenko 1983, pl. G, 2; Kłocko 1991, Abb. 5–6; Thrane 1994, S. 38) и особенно — в великолепно оформленной книге З.А. Васиной (Васина 2003, с. 138–172).

Отдельные элементы костюма на каменных изваяниях обоих периодов еще в 50-е годы привлекли внимание П.Н. Шульца (Шульц 1976, с. 228)⁶⁹, позже — В.С. Ольховского (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 61–63), но до сих пор не описаны достаточно полно.

Известный интерес для нашей темы имеет анализ отдельных элементов костюма на изваяниях *предскифского* (киммерийского) времени (так называемые «оленные камни западного ареала») (Ольховский 2001, с. 17–22). Облик костюма «киммерийцев» пытались реконструировать по разнородным единичным изображениям (в том числе на ассирийских и этрусских памятниках) и некоторым женским комплексам так называемой чернолесской культуры В.Ю. Мурзин и П.Л. Корниенко, позже — З.А. Васиной и Л.С. Клочко (Скорый 1996, рис. 9, 12; Клочко, Васина 2004, рис. 1–2; Васина 2003, с. 127–135). К сожалению, пока эти реконструкции основаны на схематичных изображениях и весьма скромных (по количеству сохранившихся аксессуаров) костюмных комплектах, поэтому как материал для сопоставления со скифами их следует использовать крайне осторожно.

Большое значение для характеристики костюма «классического» периода имеют изделия так называемой *греко-скифской торевтики* (см. ниже). Они как историко-культурный источник характеризовались в ряде важных работ (см. прежде всего: Онайко 1976; Раевский 1977; Бессонова 1983; Раевский 1985; Грач 1984; 1986; Алексеев 1994; Raevskiy 1993; Русяева 1998; Трейстер 1998; Савостина 1999). В 1989 г. мною давалась также сводная характеристика костюма на этой категории вещей (Яценко 1993д), которая ныне нуждается в существенных дополнениях и уточнениях⁷⁰. В ней была среди прочего впервые предпринята попытка выделить *региональную и племенную специфику* костюма (в связи с устойчивой концентрацией их всего в пяти скоплениях могильников и наличием на изделиях в наиболее крупных из них неоднократно встреченных и уникальных элементов костюма). Поскольку сегодня преобладает мнение об изготовлении таких вещей на Боспоре, немаловажна характеристика местного ювелирного дела (см., например: Онайко 1974; Калашник 1995) и скифо-греческих отношений в Северном Причерноморье в целом (см. прежде всего: Яковенко 1985; Алексеев 1992; 1996; 2003; Марченко 1999). Исследователей привлекали не только крупные предметы торевтики, но и мелкие штампованные золотые бляшки, обшивавшие края одежд (см., например: Шрамко 1970; Онайко 1976, с. 174–175; Алексеев 1984; Копейкина 1986).

Хотя мелкие аксессуары костюма, как уже отмечалось, не входят в круг моего исследования, в ряде случаев их сочетание с крупными предметами одежды имеет значение. Поэтому следует отметить как общие работы по украшениям Степной Скифии (Петренко 1978), так и серию публикаций по отдельным аксессуарам, таким, как булавки от прически (Петренко 1975), височные подвески головного убора (Бессонова 1983; Березова 1996).

Говоря о нынешнем состоянии исследования скифского костюма, приходится признать, что подлинно комплексное компаративное исследование данных, относящихся к костюму, по материалам четырех основных источников (остатки декора в погребениях, изображения на каменных изваяниях, в аттической чернофигурной вазописи и на золотых/серебряных предметах греко-скифской торевтики) и по двум основным периодам скифской истории пока отсутствует. Ниже оно дается впервые.

⁶⁹ Рукопись монографии П.Н. Шульца «Скифские изваяния и сарматские антропоморфные стелы» 1975 г. (хранящаяся в архиве ИИМК РАН) осталась неопубликованной.

⁷⁰ Большая помощь в уточнении ряда микродеталей костюма (по сравнению с прорисовками в публикациях и не очень четкими фото даже в лучших альбомах) на таких хранящихся в Особой кладовой Эрмитажа изделиях, как горит и чаша из Солохи, кубок из Частых курганов, амфора из Чертомлыка и гривна из Куль-Обы, была оказана хранителем этих изделий А.Ю. Алексеевым, который неоднократно делился своими наблюдениями по поводу отдельных предметов. В июне 1993 г. благодаря его содействию мне удалось детально осмотреть названные вещи (а также двуручную чашу из Солохи, пластину из Геремесова кургана и др.).

Источники

Для ученых вне СНГ скифский костюм ассоциируется, в первую очередь (а часто и исключительно) с опубликованными многие десятилетия назад единичными яркими изображениями скифов на предметах *греко-скифской торевтики* (конец V — IV в. до н.э.) — синкретической области искусства, связанной с заказами греческим мастерам на воплощение собственно скифских мифоэпических сцен и отдельных персонажей в драгоценных изделиях из золота и серебра. На сегодняшний день издано большое число альбомов и иллюстрированных выставочных каталогов и сводов прорисовок всемирно известных изделий греко-скифской торевтики (многие из них относятся к наивысшим художественным и техническим достижениям ювелиров античности), и один обзор их занял бы немало места (см., например: Манцевич 1976; Schiltz 1994; Higgins 1995). Основные памятники этого круга хранятся в Особой кладовой Гос. Эрмитажа (см., например: Артамонов 1966; Artamonov 1971; Gold der Scythen 1984; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986) и в Музее исторических драгоценностей Украины в Печерской лавре (см., например: Древнее золото 1975; Scythian Gold 1992; Gold 1993).

Яркие, с детально переданным декором и даже кроем одежды, изображения скифов на подобных вещах сыграли большую роль в формировании интереса к скифской истории у научной общественности со второй половины XIX в. Однако они же до сих пор во многом «заслоняют» не менее (а часто и гораздо более) важные для специалиста реальные остатки золотого декора костюма в могилах.

Не многим меньшую ценность представляют каменные надгробные изваяния, созданные самими скифами. Они многократно издавались (см. прежде всего: Ольховский, Евдокимов 1994) и основательно теоретически осмыслены как явление художественной культуры и религиозной сферы (см.: Ольховский 2001). Имеются и каменные рельефы с греко-скифскими сюжетами (Трехбратний курган под Керчью) (Бессонова, Кирилин 1977, рис. 1)⁷¹.

С середины XIX в. русскими и украинскими археологами накоплен огромный материал по остаткам костюма в курганных погребениях (обшивки из рядов золотых бляшек, браслеты из бус, размещение при костяке булавок и пряжек). Эти остатки документированы с различной тщательностью и полнотой. К сожалению, наиболее яркие комплексы костюма знати с роскошными обшивками, за редкими исключениями, исследовались между 1830 и 1916 гг., когда методика археологических описаний была еще весьма несовершенной, и сегодня возможность использования этих материалов обычно очень ограничена. При этом многие находки последних лет еще не опубликованы и даже в виде архивных отчетов часто не вполне доступны (по причинам, от меня мало зависящим).

Первым погребением, где остатки богато расшитого костюма были зафиксированы на уровне современных методик, можно считать захоронение женщины из боковой гробницы в Толстой Могиле (1971 г.) (Мозолевский 1979). В дальнейшем особое внимание скифологов уделялось единственному в Степной Скифии погребению со сравнительно хорошо сохранившимися органическими остатками слоев одежд девочки моложе 10 лет из кургана Вишневая Могила (1976 г.). Привлеченный к реконструкции киевский этнограф Я.П. Прилипко в значительной степени исходил при этом из личного опыта работы с костюмом украинских крестьянок, и его выводы на первых этапах вызвали обоснованные сомнения археологов⁷². В более поздних версиях он постарался отказаться от жесткой увязки со славянскими образцами (Прилипко, Болтрик 1991).

Не все предметы, расшитые золотыми бляшками или пластинками, привлекали внимание скифологов в равной мере. Чаще всего (с середины XIX в.) их интересовала «более легкая» и эффектная реконструкция роскошных женских головных уборов и парадных поясов обоих полов, в гораздо меньшей степени — кафтанов, штанов и обуви.

Немаловажную роль в разработке данной темы играет довольно значительный корпус сведений греко-римских авторов (хотя по объему и ценности он, конечно, несопоставим с рассмотренной выше подборкой материалов по костюму персов). Среди них заметно выделяется знаменитый «скифский логос» в книге IV «Истории» Геродота Галикарнасского. Весьма интересны отдельные свидетельства из «Историй о животных» Аристотеля, «О воздухе, воде и местностях» Гиппократов, «Жизнеописаний» Клеарха Солийского, словарей Гесихия и Юлия Полидевка, «Токсариса» Лукиана, сокращенной Юстином «Истории» Помпея Трога и

⁷¹ Е.А. Савостина предприняла попытку доказать, что, вопреки распространенному мнению, сцена на Трехбратнем рельефе является целиком греческой и по иконографии, и по представленным реалиям, и по отраженным в ней религиозным представлениям (Савостина 1995, с. 110–119) (подобная трактовка вещей, представляющих собой сложный греко-скифский и греко-сарматский синтез в искусстве, долгое время разделялась этой исследовательницей), что, однако, пока не вызвало сочувствия у скифологов и у автора этих строк.

⁷² По этой и по ряду иных причин рукопись статьи на данную тему «Погребение девочки-скифянки и проблемы палеокостомологии» была отклонена в 1978 г. журналом «Советская археология».

отчасти — отдельных замечаний из других сочинений (см. сводку: Латышев 1890–1904). Замечу, что не все письменные сведения, относящиеся к данной теме, привлекли на сегодняшний день внимание исследователей.

Общие замечания в связи с изучением костюма скифов архаического и «классического» периодов

Этногенез различных групп европейских скифов (одного из самых знаменитых народов древности и первого детально охарактеризованного письменными источниками на территории бывшего СССР) до сих пор вызывает острые разногласия специалистов-скифологов (см. прежде всего: Куклина 1985; Мурзин 1990; Алексеев 1992; Исмагилов 1993; Международный... 1994; Алексеев 1996; 2003; Петрухин, Раевский 1998). Столь же неясны пока *обстоятельства появления* в VIII или VII в. до н.э. первых групп скифов на Северном Кавказе и Украине, их прародина. Некоторые авторы не исключают и проникновение новых групп восточных кочевников к рубежу V–IV вв. до н.э. (см., например: Яйленко 1989; Исмагилов 1991). Не вполне выяснены и причины гибели Великой Скифии в начале III в. до н.э. (усыхание климата? угасание династии и смуты? набеги сарматов? все это, вместе взятое?). Сам этноним «скифы» не являлся, возможно, их самоназванием, а был заимствован греками от других европейских «варваров» (Абаев 1965, с. 25).

Сегодня в литературе существуют две основные концепции, объясняющие перемены в культуре Скифии на рубеже VI–V вв. до н.э. До недавнего времени господствовало мнение об эволюционном характере этих перемен при этническом единстве кочевников Степной Скифии в течение VII–IV вв. до н.э. (ср. новейший вариант: Петрухин, Раевский 1998, с. 78 и сл., 99). Во второй половине 80-х годов А.Ю. Алексеевым (Алексеев, 1987а; 1987б), а затем К.К. Марченко и Ю.А. Виноградовым была предложена и другая трактовка. Изменения связываются ими с *миграцией* из Западного Туркестана новой волны «скифов», которую могли стимулировать последствия похода Кира II на массагетов в 530 г. до н.э. и дальнейших столкновений с номадами. При этом в Скифии предполагается воцарение династии Ариапифа и, возможно, сохранение части населения, описанного в этнокарте Гекатея Милетского, в Древней Скифии (Северо-Западное Причерноморье, граничащее с Балканским полуостровом?)⁷³. Вообще, «новые» (?) скифы как минимум с 495 г. до н.э. активно действовали во Фракии, а также на границах греческого Боспора и Ольвии (Marchenko, Vinogradov 1989, p. 807–808; Алексеев 1992, с. 108–116; 2003, с. 168–193).

Обе версии все еще имеют ряд уязвимых сторон и нуждаются в дополнительной аргументации. Одним из важных и надежных средств проверки гипотезы о миграции в конце VI в. до н.э. могло бы стать сопоставление по обоим периодам такого важнейшего этнопоказателя, как костюм. На этом пути имеется ряд трудностей. Костюмный комплекс «классического» периода (V–IV вв. до н.э.) сегодня относительно неплохо изучен. Высказывалось мнение, что в общеиранском костюмном комплексе ахеменидо-скифского времени он наиболее близок таким оседлым этносам Западного Туркестана, как *согдийцы и хорезмийцы* (Горелик 1979, с. 33; 1997, с. 21). Однако материал *архаического* периода, документированный, как считается, неизмеримо скромнее, почти не привлекал внимание специалистов. Причем, как правило, мы имеем изображения именно «переходного» периода рубежа VI–V вв. до н.э., которые, в случае справедливости версии А.Ю. Алексеева, в принципе могут относиться как к «более ранним скифам», так и к более поздним восточным мигрантам.

Многие специфически скифские детали костюма на предметах греко-скифской торевтики сегодня достоверно выявлены на собственно скифских каменных изваяниях и в контурах бляшечных обшивок плечевой одежды и головных уборов (см., например: Мирошина 1980, с. 42, 44; 1981, с. 59; Клочко 1984, с. 64–67; Яценко 1993д, с. 305; Ольховский, Евдокимов 1994, с. 61–63; Yatsenko, in print). Показательно, что все мифопоэтические сюжеты на греко-скифской торевтике, найденной в *Лесостепи*, не самостоятельны, а повторяют таковые на прилегающих *степных* территориях (соответственно — на лево- и правобережье Днепра) (Яценко 1993д).

Серьезной проблемой является до сих пор определение границ собственно скифского этноса V–IV вв. до н.э. — *федерации трех племен скотов* у Геродота. Многие ученые толкуют этноним «скифы» весьма расширительно, относя его к ряду полукочевых и оседлых земледельческих этносов *Лесостепи* (которых Геродот по происхождению и языку недвусмысленно отделял от скотов). Этнических скифов

⁷³ А.П. Медведев предполагает сохранение части раннескифского степного населения на севере — в донской Лесостепи, где известны и его «царские» курганы (Мастюгино, Дуровка) (Медведев 1999, с. 126–127). Однако здесь надежно документированы и элементы костюма «классической» скифской степной элиты — наплечные украшения («сеточки») и др.

часто видят также в памятниках Кавказа V–IV вв. до н.э. (несмотря на ясные указания того же Геродота о том, что к востоку от Крыма и низовий Дона скифы не обитали, а лишь совершали набеги в район устья Кубани (Her. Hist. IV. 20–21, 28). Вместе с тем материалы ряда могильников в Лесостепи и на Северном Кавказе (Прикубанье) позволяют допустить как просачивание сюда *небольших групп* политически влиятельных скифов, так и значительную скифизацию быта и костюма знати аборигенных племен и прямое политическое подчинение ее скифам (по сведениям источников, прикубанские меоты «им подвластны»). Поэтому, например, остатки нашивных украшений головных уборов в могилах Прикубанья IV в. до н.э. (Карагодеуашх, Марьевская, малый курган в Курджипсе и др.) не следует торопиться связывать со скифским этносом (ср.: Мирошина 1977, с. 91–92; 1981, с. 58–59).

Исследователи часто пишут о «костюме Скифии» классического времени *в целом*, но такой подход вызывает много возражений. На практике все остатки костюмного декора в могилах не только Степи, но и Лесостепи описываются как «скифские». Это происходит несмотря на то, что многие элементы костюма последнего региона явно не имеют аналогов в Степи [см., например, обшивку груди платья в кургане 4 в Новоселках (ср.: Мирошина 1981, рис. 1, в), скалывание плечевой одежды на груди двумя булавками, браслеты на ногах (Клочко 1992а, с. 12, 16) и т.д.].

Исходя из задач книги, я являюсь сторонником максимально осторожного привлечения материалов «спорных» территорий. Это лучше делать в тех случаях, когда аналогичные элементы надежно документированы в собственно скотской украинской Степи. Я также противник превращения этнонима «скифы» (как это делают многие римские и более поздние авторы вплоть до современности) в *макроэтноним* и *суперэтноним*, при котором он теряет реальное этническое содержание: «скифы верховьев Хуанхэ», «скифы Горного Алтая» и т.п.

В ограниченных рамках монографии я не располагаю физическими и техническими возможностями дать единое подробнейшее, максимально полное описание всего огромного объема материалов по костюму скифов обоих периодов, которые в настоящее время далеко не полностью опубликованы и даже недоступны для лиц, не являющихся авторами раскопок.

Поэтому я решил сконцентрировать свое внимание на *наименее изученных аспектах проблемы*: на костюме, представленном на каменных изваяниях, на персонажах афинской чернофигурной вазописи рубежа VI–V вв. до н.э. (см. также: Yatsenko, in print) и в целом — на костюме архаического периода. Вместе с тем отсутствие единого детального очерка скифского костюма «классического» времени заставляет меня попытаться дать *новый вариант* такой характеристики. Читатель должен ясно осознавать ее неизбежную неполноту: она является лишь статистически *представительной выборкой*. При этом я попытаюсь дать оценку большой серии недавних очень интересных статей Л.С. Клочко и ряда других авторов и скорректировать свои собственные более ранние выводы по изображениям на предметах торевтики «классического» периода.

В последние три десятилетия исследователи уделяли много внимания предполагаемой семантике геометрических, растительных, зооморфных и антропоморфных изображений на золотых бляшках и пластинах женских головных уборов. Эта очень сложная и спорная тема, находящаяся почти исключительно в области догадок (см. прежде всего: Раевский 1985, с. 158–177; Маразов 2001, с. 371–405), лежит вне рамок моего исследования; я не берусь сегодня проверить их выводы.

1.2.1. Костюм скифов архаического времени (VII–VI вв. до н.э.)

Костюм, изображенный на скифских надгробных изваяниях и торевтике из погребений VII–VI вв. до н.э.

Мужской костюм данного времени документирован, прежде всего, серией изваяний. Однако в отличие от В.С. Ольховского (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 62) я полагаю, что среди ранних известных изваяний есть одно *бесспорно женское*. Речь идет о стеле из Мескетов в Чечне (там же, № 145; ил. 84), где, видимо, изображены на разных концах лежащие «валетом» покойные супруги. У жены представлены очень крупные висащие груди, сзади свисает очень широкий и сравнительно короткий прямоугольный наконечник из ткани, который у иранских народов никогда не документировался у мужчин (рис. 22, 14).

Из изделий торевтики особый интерес представляют два золотых предмета. Прежде всего, это знаменитая секира из могильника Келермес, на обухе которой изображен мужской персонаж с ритуальной миниатюрной секирой же в руке (Раевский 1985, рис. 9; Кисель 1997, рис. 2, 3). Женский персонаж представ-

лен пока лишь на щитке перстня Аргота («перстень Скила»), изготовленного в Ольвии (Виноградов 1980, с. 107 и сл.) на переломном (?) для Скифии рубеже VI–V вв. до н.э. Изображена сидящая на троне богиня, держащая в руках зеркало и лист клена («винограда»); два листика украшают трон. Ее сармато-аланский аналог (богиня с большим листом в руке) в I–II вв. н.э. представлен на медальонах из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Яценко 1992г, с. 76; рис. 2, б).

Высказывалась версия, что здесь изображен мужской персонаж, а точнее — греческий Дионис-Загрей (Кузнецова 1986, с. 4 и сл.), с аргументацией которой пока нельзя согласиться по нескольким причинам. Во-первых, обходится вниманием костюм персонажа: он не имеет ничего общего с греческим, но специфичен для ряда иранских этносов древности. Во-вторых, ключевым для исследовательницы является утверждение, что богиня-женщина с зеркалом не упоминается *в текстах* иранских народов, а это не совсем верно. Достаточно, например, вспомнить образ богини, дочери Солнца, небесной девы Ацирухс/Агунды в осетинском нартском эпосе в эпизоде, связанном с будущим браком (Нарты 1989, с. 261). В-третьих, не учитывается то, что в искусстве *других* иранских народов (персы, кушаны, согдийцы) с зеркалом изображались только *женщины*-богини. Костюм богини чрезвычайно оригинален, он ни одним из своих элементов не похож на более поздние образцы V–IV вв. до н.э. и поэтому может быть связан еще с «архаическими» скифами.

Из предметов парадного костюма в погребениях основной интерес представляют сохранившиеся украшения головных уборов и начельных украшений обоих полов.

Плечевая одежда

Она у мужчин и женщин представлена лишь распашными вариантами.

Мужская плечевая одежда

Кафтаны

На ранних каменных статуях (*здесь и далее их нумерация дана по:* Ольховский, Евдокимов 1994) можно обнаружить ряд деталей кафтанов, ранее не привлекавших внимания. Наиболее интересен халат статуи из с. Ольховчик (№ 81) с пришитым стоячим воротом, который на спине имеет овальный выступ вверху и треугольный внизу. Он наглухо застегнут (рис. 22, 7–8). На изваянии из Прохладного (№ 147) подол имеет по краю выступы в виде треугольных зубцов (рис. 22, б) (см. об этом элементе главу 2.1).

Халаты

Мужская фигура в Келермесе передана строго в профиль. Однако можно предположить, что верхняя распашная одежда до середины голени (халат) (ср.: Ильинская, Тереножкин 1983, с. 74) носилась, вероятно, наглухо застегнутой (в связи с этим В.А. Кисель склонен считать ее нераспашной рубахой). Она была декорирована на подоле парой крупных «мировых деревьев» на каждой полке (рис. 22, 5); такая декоративная схема до XX в. сохранялась на мужских кафтанах ираноязычных белуджей, у которых считалась оберегом (Гафферберг 1970, с. 87; рис. 13, 1)⁷⁴.

Женская плечевая одежда

На богине с перстня Аргота надет широкий распашной кафтан с короткими (до локтей) рукавами (рис. 22, 15).

Головные уборы

Тип 1. Этот убор на изваяниях, известный почти исключительно на Северном Кавказе (№ 78, 126, 149) (рис. 22, 1), после ряда работ В.С. Ольховского было принято считать лишь достоверным изображением боевого шлема так называемого кубанского типа — с острым тонким валиком-гребнем надо лбом и пластинчатой металлической бармицей ниже тульи (Бокий, Ольховский 1994; Ольховский, Евдокимов 1994, с. 67). Однако трактовка В.С. Ольховского убедила не всех скифологов. Так, И.В. Яценко задалась вопро-

⁷⁴ По мнению В.А. Киселя, «рубаха» персонажа орнаментирована «елочным узором, как на урартских изображениях». Однако на деле в нашем случае речь идет именно о четырех крупных «деревьях» по периметру подола, что имеет аналогию в костюме многих народов Евразии (особенно — в женском). Этот исследователь признает также, что головной убор и обувь персонажа — не ближневосточного, а кочевого происхождения (Кисель 2003, с. 44).

сом: не являются ли эти изображения на деле «воспроизведением таких же кожаных башлыков»? (Яценко 1997, с. 169).

Действительно, для подобных сомнений можно найти самые серьезные основания. В Западном Предкавказье (где обнаружены почти все изображения «шлемов») еще в раннем средневековье, в VIII–IX вв. у ираноязычных аланов широко бытовал сшитый из ткани башлык, во всех деталях конструкции и декора соответствующий образцам на изваяниях (см., например: Мошечая Балка: Иерусалимская 1992, № 29; рис. 5). Он также имеет широкие лопасти с низом из полосатой ткани, застегиваемые на пуговку; общий контур его также шлемовидный, а узкий шишак изготовлен из деревянной палочки, обтянутой золоченой кожей. Заметим также, что изображения гребня есть лишь на одном (и при этом — самом схематичном) изваянии из ст. Манычской, где отсутствуют полосы в нижнем ярусе (Яценко 1997, рис. 1, 2); видимо, это и есть подлинное изображение шлема кубанского типа.

Итак, на мой взгляд, здесь обычно изображен не шлем, а *шлемовидный кожаный или войлочный башлык* особого типа. Его боковые лопасти, покрытые декором (?) из горизонтальных полос, плотно огибают подбородок, т.е., видимо, завязаны под ним.

Тип 2. Головной убор мужчины из Келермеса представляет собой оригинальный башлык из плотного материала (войлока?) с невысоким заостренным верхом и узким длинным назатыльником (Schiltz 1994, р. 99) (рис. 22, 2). В средней части он украшен горизонтальной полосой не вполне ясного декора (V-образные фигуры).

Тип 3. Он представлен в двух комплексах Лесостепи: кургане 100 у с. Синявка и кургане 35 у с. Бобрицы (Бобринский 1901, с. 138; Іллінська 1971; Мирошина 1977, с. 83–87; рис. 7–9) (рис. 25). Следует, видимо, согласиться с определением обеих могил как женских (см., например: Бобринский 1901, с. 113, 138; Мирошина 1977, с. 86–87). Находчик определял этот убор как своеобразный платок, скрепленный сзади бронзовой булавкой и украшенный височными подвесками; Т.В. Мирошина допускает также, что это мог быть обычный башлык (см. оба варианта реконструкции: Мирошина 1977, рис. 8–9). Оба этих варианта не кажутся мне убедительными. В первом случае мы получаем убор, не имеющий никаких аналогов у этносов иранского мира древности и средневековья. Во втором трудно объяснить наличие при башлыке булавки и височных подвесок. Я склонен предложить менее экзотичный вариант, когда головной убор сочетается с дополняющим его начельным украшением. Речь идет, на мой взгляд, о повязке, украшенной по краю двумя нижними рядами треугольных бляшек, скрепленной сзади булавкой и декорированной парой подвесок, а также облегающей голову маленькой полусферической (?) шапочке.

Тип 4. У богини на перстне Аргота поверх прически изображен небольшой полусферический головной убор с отверстием на макушке, в которое пропущена крупная прядь волос (ср. ниже у мужчин: рис. 23, 17). Подобный убор у обоих полов известен позже, во II–VIII вв. н.э. у ираноязычных хотано-саков Синьцзяна (у мужчин: Stein 1907, pl. XLIV; Дьяконова, Сорокин 1960, № 15, 19; у женщин: Stein 1921, pl. CXXVI).

Начельные украшения

Они представлены у обоих полов, наиболее эффектно из них золотые мужские. Архаические мужские диадемы представляют собой месопотамские или малоазийские изделия периода походов на Ближний Восток. Образец из Литого (Мельгуновского) кургана, вероятно, сирийского производства (Придик 1911; Артамонов 1966, рис. 4–5; Ключко 1983, рис. 1; Кисель 2003, с. 50–52) демонстрирует хорошо известную в регионе схему: сплетенную из трех золотых шнуров ленту⁷⁵, к которой через равные промежутки крепятся крупные розетки. Более оригинальны типы диадем, найденных в курганах 1 и 3 в Келермесе на Кубани (Артамонов 1966, табл. 25–28; Галанина 1997, № 14–15; табл. 28–30; Кисель 2003, с. 52–59), связанные, видимо, своим происхождением с Малой Азией. Первый образец, возможно, являлся заказом скифского аристократа (здесь, в частности, представлен популярный в тогдашнем кочевом мире мотив взлетающего орла с выгнутыми вверх крыльями) (Манцевич 1959, с. 76; Кисель 2003, с. 57; кат. № 16) (рис. 26).

Известная сегодня женская диадема выглядит много скромнее (Матусов, гробница 1). На ее ленте были, видимо, нашиты два ряда бус (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35).

Поясная одежда

⁷⁵ Первоначально в диадеме было четыре шнура, но один из них был удален новыми хозяевами-скифами, вероятно, из-за особого отношения к священному числу «3» (см.: Кисель 2003, с. 50).

Она представлена у обоих полов широкими шароварами. У богини на перстне Аргота видим подобные шаровары в крупных складках (рис. 22, 16). На изваянии из Кожемяк (№ 33) штанины не заправлены в обувь (персонаж бос), а стянуты по нижнему краю шнурком (рис. 22, 9).

Пояса

Мужские пояса, известные на изваяниях, очень широкие (№ 1, 8)⁷⁶. Один из них — в Виноградовке (рис. 22, 10) — красного цвета и застегнут на животе удлиненной прямоугольной пряжкой, окрашенной черным. В Литом кургане пояс украшали 17 литых бляшек в виде взлетающего орла (Граков 1971, рис. на с. 127; Кисель 2003, рис. 103).

Обувь

У богини на перстне Аргота *туфли* выделяются загнутыми внутрь острыми носами (рис. 22, 17). Не-высокие *сапоги* от середины голени и выше хорошо известны в это время и не документируются в следующем периоде. Судя по изваянию из Виноградовки, Одесской области (Субботин и др. 1992, с. 5; рис. 1; Ольховский, Евдокимов 1994, с. 17, ил. 6, № 8), их голенища кроились отдельно от низа, окрашенного в красный цвет, и имели округлые носки (рис. 22, 11). На обухе келермесской секиры сапожки той же высоты имеют довольно длинные острые носы и перехвачены выше щиколотки ремешком (рис. 22, 12).

Прическа

У большинства изображенных персонажей она скрыта под головными уборами. Однако некоторое представление о ней получить можно.

Наиболее характерную деталь мужской прически представляла собой коса средней длины, носившаяся сзади. При этом обнаруживаются любопытные различия между двумя основными регионами тогдашнего скифского мира — Северным Кавказом и Украиной.

На Северо-Западном Кавказе (№ 149) (рис. 22, 1а) бытует коса, сужающаяся книзу. Видимо, она заплетена, так как схематично разделена вертикальной полосой. На более западных землях от Днепра до устья Дуная коса оформлена иначе: она завершается особым украшением или наконечником из плотной ткани или кожи в форме удлиненного прямоугольника или двух небольших прямоугольных выступов (рис. 22, 3–4).

На уникальном парном изваянии супругов из Мескетов в Чечне у женщины (см. выше) представлены, по-видимому, две короткие косы, убранные сзади в специальный двойной широкий прямоугольный наконечник, украшенный горизонтальными полосами (рис. 22, 14).

На статуе из Александровского на Ставрополье (№ 128) (Ольховский, Евдокимов 1994, ил. 77) спереди передана очень короткая стрижка. Сзади же видно, что волосы скреплены высоко надо лбом узкой «ленточкой». Такая выступающая полоска в виде полукруга сзади, скорее всего, изображала воткнутый в прическу вогнутый деревянный монолитный гребень-расческу (см. подобную же деталь в «классический» период на персонаже гривны в Куль-Обе; ср.: Trippet 1974, p. 40). На изваяниях обычно показаны длинные висячие усы, но без бороды.

Мужской костюм предполагаемых скифских лучников в греческой вазописи рубежа VI–V вв. до н.э.

Данная тема вызывает в литературе много споров. Она была рассмотрена в специальных монографиях Марии Вос (Vos 1963) и Франсуа Лиссаррага (Lissarrague 1990), затронута в серии работ других авторов. Свод изображений предполагаемых скифов, которые я буду анализировать в этом разделе, очень велик (так, в каталоге Ф. Лиссаррага насчитывается более 800 вероятных изображений этого круга в греческой вазописи конца VI–V в. до н.э., разбросанных по различным собраниям мира) (ibid., p. 245–304). Имеется серия добротных публикаций сюжетов с предполагаемыми скифскими стрелками рубежа VI–V вв. до н.э.

⁷⁶ В этой книге не рассматриваются специфически воинские защитные наборные пояса, подобные № 149 (Ольховский, Евдокимов 1994, рис. 87).

(Plassart 1913, pl. 1–3, 5–8, 17, 77, 129, 160; Boardman 1975a, pl. 83, 187; 1975b, pl. 10; Lissarrague 1990, fig. 8–103).

Изображения предполагаемых скифских стрелков появляются в Афинах в местной чернофигурной вазопиcи и весьма интенсивно изображаются около 520–500 гг. до н.э. (в правление тиранов Писистрата и Гиппия), а около 490 г. до н.э. они исчезают. Это было время, когда Афины еще находились под впечатлением достопамятного пребывания там скифского царевича Анахарсиса (прославился как выдающийся мыслитель); когда слава «непобедимых» скифов гремела во многих странах после уничтожения в Скифии около 515 г. до н.э. огромной персидской армии Дария I, а в Афинах имя «Скиф» стало весьма популярным; когда скифы пытались заключить действенный антиперсидский союз со Спартой и т.п.

Сюжеты, в которых *между 520 и 490 гг. до н.э. (первый этап)* представлены вероятные скифы, достаточно разнообразны. Некоторые из них (например, на известной амфоре мастера Антимена) для большей ясности подписаны: «Scythos». Среди них есть весьма реалистические сцены сражений, где скифские лучники сражаются пешими бок о бок с греческими гоплитами (Snodgrass 1967, fig. 38; Lissarrague 1990, fig. 64); те и другие порой выступают как всадники (Lissarrague 1990, fig. 111); всадник-варвар приходит на подмогу греческим гоплитам (Vos 1963, pl. XIV). На ряде росписей греческий гоплит выносит из боя раненого варвара (Lissarrague 1990, fig. 40–50). Особенно интересны предполагаемое шествие «гвардии» одного из афинских тиранов из 18 вероятных скифских лучников и 24 местных гоплитов (Plassart 1913, pl. 6; Vos 1963, pl. II, b) и группа стоящих варваров (Vos 1963, pl. III; Lissarrague 1990, fig. 103). Известны сцены, где вероятные скифы с копьями ведут коней (Vos 1963, pl. III; Lissarrague 1990, fig. 103), и одиночные изображения вероятных скифских всадников (Vos 1963, pl. XIV); иногда скиф бежит за испуганным конем (Lissarrague 1990, fig. 74). В других случаях один-два пеших лучника стоят перед греческим гоплитом, надевающим доспехи, или помогают ему (*ibid.*, fig. 8, 10a, 18). В сценах прощания юноши, уходящего на войну, с домашними на периферии композиции (сзади) часто стоит варварский лучник (*ibid.*, fig. 31, 33).

В целом интересующие нас войны пользуются национальным скифским оружием (лук, колчан у левого бока, иногда секира) и достаточно часто традиционно воюют на коне. Среди них есть как зрелые бородатые мужчины, так и юноши. Если это действительно скифы, то очевидно, что они быстро утратили некоторые, не обязательные в далеком и чужом большом городе традиции, связанные с национальной одеждой и прическами. Пешие стрелки — часто изображаются *босыми* и немного реже — *не подпоясанными* (что для кочевников во все времена было не вполне прилично).

Значительная часть сюжетов с подобными лучниками связана с эпизодами троянского эпического цикла. Скиф-стрелок нередко изображается рядом с одним-двумя героями эпоса (см., например: Plassart 1913, pl. 1–3). Есть и сцена из жизни «скифского царства» («Приам на троне»), где центральный сидящий персонаж также одет в варварский костюм (Vos 1963, pl. IVb; Lissarrague 1990, p. 112; fig. 63).

Второй этап бытования изображений предполагаемых «скифов» в вазопиcи V в. до н.э. (*после 490 г. до н.э.*, т.е. после начала греко-персидских войн) весьма своеобразен по сюжетам (последние связаны исключительно с мифологией и дионисийской обрядностью), а в этнографическом плане персонажи поданы крайне расплывчато. Этот этап связан уже с краснофигурной вазопиcью. По справедливому замечанию М. Вос, изображения вероятных «скифов» становятся малочисленнее и, самое главное, мягко говоря, *утрачивают «скифскую» этнографическую точность* в костюме (Vos 1963, p. 61).

Ф. Лиссарраг выразил такую ситуацию более образно, утверждая, что «настоящих скифских лучников забыли»; например, живописец Олтос «не очень хорошо знал, что изображает» (Lissarrague 1990, p. 133, 134). Керамика этого периода с варварами «в скифском костюме» (часто одиночными) составляет большую часть обширного каталога Ф. Лиссаррага. Но с точки зрения тематики моей работы она, пожалуй, всерьез не заслуживает упоминания. Дело в том, что лучник-«скиф» в это время представлен, как правило, голым, единственным предметом костюма у него является встречаемый иногда стилизованный «варварский» колпак, много реже — башмаки (в полной одежде — «в штанах и трико» — с этого времени начинают изображать *персов*: см. выше). Возможно, прав Ф. Лиссарраг, утверждавший, что эти элементы костюма могут быть *фракийского* происхождения (*ibid.*, p. 127). Часто этот одиночный персонаж охотится на мифического грифона (*ibid.*, fig. 65) (демонстрируя при этом, по Ф. Лиссаррагу, «негреческий способ охоты»), иногда изображается стоящим с луком перед алтарем (*ibid.*, fig. 79). Он может быть представлен и в виде пешего копейщика — пельтаста (*ibid.*, fig. 94). Часто подобные «бесштаные» условные варвары (?) в башлыках, но уже в греческой одежде изображены группами — в качестве музыкантов или пирующих (*ibid.*, p. 141, 143–146).

Однако ирония истории проявляется в том, что именно в этот, второй период мы имеем сохранившиеся достоверные свидетельства пребывания большой группы этнических скифов в Афинах. Городские вла-

сти закупили скифских *рабов* не ранее 476 г. до н.э. (ibid., p. 126) для несения городской полицейской службы. Впервые они упомянуты Аристофаном в «Ахарнях» в 425 г. до н.э. Первоначально рабов-полицейских было куплено 300 человек (что упомянуто Андокидом в 391 г. до н.э.: «О мире с лакедомонянами», III), а затем их число в Афинах возросло до 1000. Вместе с тем, вероятно, еще с конца V в. до н.э. в контингенте «скифских стрелков» преобладали уже свободные афиняне, получавшие приличное ежедневное денежное жалование, что как будто подтверждается и анализом имен погибших лучников по их спискам (Lissarrague 1990, p. 126; Фролов 1998а, с. 148 и сл.). Кроме того, в греческом искусстве того времени раб не мог, разумеется, занимать столь видное место в живописи.

Если относительно вазописи *второго этапа* исследователи не сомневаются в том, что здесь представлены не этнографические скифы, а условные «варвары вообще», то трактовка сцен с лучниками-варварами *этапа I* вызвала значительные разногласия. (Впрочем, до серьезной полемики дело пока не дошло, поскольку аргументы оппонентов сторонами не разбираются детально, а лишь упоминаются.)

Значительная часть исследователей полагают вслед за Марией Вос, что варвары-лучники в аттической вазописи рубежа VI–V вв. до н.э. — это вписанная в мифопоэтические сцены (а иногда, возможно, — сцены реальных событий) группа *подлинных этнографических скифов*, оказавшихся в это время в Афинах, о которых достаточно скудные источники того времени свидетельств не сохранили. Предполагается, что это было одно поколение *наемников*, использовавшихся в военных целях афинскими тиранами и в начале существования демократии и «исчезнувших» затем в силу каких-то внешних причин (Vos 1963, p. 61, 86; Алексеев 1992, с. 103)⁷⁷.

Активным сторонником другой точки зрения является Франсуа Лиссарраг. Он полагает, что изображения варваров-лучников уже в это раннее время — *чистая художественная условность*: никакой этнографической точности здесь ожидать не приходится, и никакого отношения к подлинным этническим скифам эти персонажи не имеют. В сценах троянского цикла наличие у персонажа лука уже автоматически определяет скифский костюм, а скифский колпак на головах варваров — лишь условный знак противопоставления даже не столько грекам или троянцам, сколько противопоставления лучник — гоплит. Лучники, по его мнению, вторичны по отношению к гоплитам и создают своеобразный фон, «массовку», часто являясь лишь «молчаливыми свидетелями героических подвигов» (Lissarrague 1990, p. 103, 106, 111, 113–114, 122). Позиция Лиссаррага была воспринята А.И. Иванчиком (Иванчик 2002, с. 35–36, 54), который также древним костюмом специально не занимался: «...так называемый „скифский“ костюм для аттических вазописцев и их клиентов не был указанием на этнос персонажей... он служит лишь признаком их статуса» (там же, с. 54). Из работы А.И. Иванчика неясно, почему этнические греки во вполне реальном, точно переданном костюме могли быть (и были) вписаны в древние эпические сюжеты вазописцев, а в отношении изображенных здесь же варваров этнографической точности *заведомо* быть не может? (ср.: там же, с. 35–36).

Если предположить, что версия А.Ю. Алексеева справедлива, а также что «афинские скифы» рубежа VI–V вв. до н.э. были *наемниками, беглецами из среды разбитых «архаических скифов»*, то в этом случае логично было бы встретить на изображениях: 1) этнографически точный костюм иранских народов ахеменидо-скифского времени; 2) серьезные отличия костюма стрелков как от персидского и мидийского, так и от более позднего «классического» скифского; 3) наличие элементов, наиболее близких не одежде согдийцев и хорезмийцев (которым, как считает М.В. Горелик, были наиболее близки этнически скифы предполагаемой «второй волны»), а одежде других среднеазиатских этносов или же тождество в других элементах одежды. Постараемся проверить эту гипотезу.

Замечу, что, поскольку именно костюм составляет основной этноопределяющий элемент изображений и большую часть представленных на них деталей, обе версии пока определенно «повисают в воздухе». Дело в том, что оба активных сторонника каждой из двух названных трактовок (М. Вос и Ф. Лиссарраг), постоянно говоря о «скифском костюме», явно не знакомы ни с одной из многочисленных существовавших к тому времени специальных (русско- и украиноязычных) работ по костюму скифов. Их суждения на эту тему явно основаны на нескольких общих иллюстрированных публикациях почти столетней давности, а потому их ценность в данном аспекте невелика. А.Ю. Алексеев и А.И. Иванчик также оставили костюм этих персонажей без детального рассмотрения, просто присоединившись к мнению предшественников.

⁷⁷ Оригинальное предположение о том, что это изображались греки-ординарцы при всадниках-гоплитах, но одетые в скифский костюм и носящие скифское оружие (Plassart 1913, p. 172), поддержанное как будто Э.Д. Фроловым (Фролов 1998а, с. 138), не имеет фактического подтверждения. С точки зрения нравов тогдашнего греческого общества, оно может рассматриваться как курьез: скифы считались наиболее варварским и неукротимым народом (там же, с. 132). Некоторые персонажи, как уже говорилось, помечены недвусмысленной надписью «Scythos» (Plassart 1913, pl. 1).

Обратимся, наконец, к системному анализу мужского костюма на вазописи рубежа VI–V вв. до н.э. (рис. 23).

Распашная плечевая одежда

Афинские стрелки часто представлены в профиль. Однако в иных позах определенно видно, что в качестве верхней изображена только распашная одежда.

Кафтаны

Обычно они короткие, до низа бедер. Подол кафтанов примерно в половине случаев горизонтальный. Однако столь же часто у юношей спереди полы скошены у подола, но не с боков к центру, как это было распространено в V–IV вв. до н.э., а противоположным образом (рис. 23, 22–23, 25, 28). Такая традиция документируется в данную эпоху у многих ираноязычных этносов Западного Туркестана — как кочевых (саки-тиграхауда, хаумаварга и «заморские»), так и оседлых (согдийцы и хорезмийцы) (Горелик 1985, табл. II, 3–4; 1997, табл. IV).

В ряде случаев кафтаны безрукавные (рис. 23, 28–29) (см. также: Vos 1963, pl. II, *b*). Для индоиранских кочевников скифского времени это документируется пока лишь у персов (рис. 1, 27) и у саков Центрального Тянь-Шаня (ср.: Винник 1977, рис. на с. 582). Кафтан с пришивным складчатым подолом (рис. 23, 19) нет необходимости рассматривать как проявление греческого влияния: он известен у ираноязычных этносов скифского времени, например — на достоверном изображении перса из Амударьинского клада (рис. 1, 29). Очень интересен бегущий лучник на амфоре «мастера Мюнхен 1410» из Эрмитажа, изображенный со спины (Горбунова 1983, № 70, цветная вкладка) (рис. 24, *a*). Благодаря этому мы видим интереснейшую деталь края спинки: верхняя ее часть имеет вышитый элемент в виде фигурной скобки «{» (рис. 23, 30). Этот элемент края распашной одежды известен в изучаемое время на парадных длинных халатах-кандисах как у персов (статуэтка из Амударьинского клада), так и у пазырыкцев Алтая (см. соответствующие разделы данной главы). Однако на коротком кафтане, как на персонаже нашей амфоры, такой элемент документирован (и неоднократно) лишь у «саков» Юго-Западной Сибири (золотые пластина «Охота в лесу» и ручка сосуда в виде фигурки всадника в Сибирской коллекции Петра I) (Завитухина 1990, рис. 1, *б*; 4; Siberia 2001, обложка) и соседнего Семиречья (алтарь со всадниками из святилища 1980 г. под Алма-Атой) (Nomads... 1989, photo on p. 18).

Халат

Одежда этого типа длиной до середины голени отмечена пока на одном изображении персонажа в группе стоящих варваров (рис. 23, 24). Подобный элемент костюма известен и у скифов V–IV вв. до н.э.

Нераспашная плечевая одежда

В одном случае под халатом показана *рубаша* с узким горизонтальным воротом, подол которой чуть ниже, чем у кафтана, и декорирован по краю тройной полосой (Lissarrague 1990, fig. 48).

Головные уборы

Резко преобладает тип башлыка с ровным краем надо лбом, узким назатыльником и обычно тонкими завязками-наушниками по бокам (тип 1). Верх скроен из плотного материала в виде тонкого узкого «шпиля», который, как правило, в отличие от персидского аналога, поддерживался вертикально (Vos 1963, pl. Ib, IIb, II, IIIb, IV, VI, IXb, X–XI; Snodgrass 1967, fig. 38; Lissarrague 1990, fig. 10a, 21, 74, 94, 96; Алексеев 1992, обложка).

Убор типа 1 (рис. 23, 1–7, 9–10) имеет на изображениях ряд модификаций. Могут варьировать завязки у подбородка [наряду с узкими лентами иногда встречаются клиновидные, сужающиеся к нижнему краю (рис. 23, 3, 5, 9), а в одном случае завязок нет совсем (рис. 23, 1)]. Верх порой отделен выше макушки лентой или шнурком (рис. 23, 3–4, 7). Если верх сделан не из войлока, а из мягкой ткани, то у безбородых юношей он иногда наклонен вбок (рис. 23, 9–10), как на более поздних изображениях персов. Обычно верх имеет вид узкого конуса, но в двух случаях это очень узкий, чуть заостренный цилиндр (рис. 23, 7). Назатыльник иногда был длинен и узок, поэтому его могли загибать кверху и завязывать на затылке

(рис. 23, 2) (как у царя саков-тиграхауда Скунхи на почти синхронном рельефе Дария I в Бехистуне: Schmidt 1991, pl. 5, 29, 34). Чаще всего убор не украшался, но в одном случае верх декорирован полосами косых линий (рис. 23, 5); в другом случае (на килике мастера Андокида) убор шит из плотной ткани с узором из горизонтальных рядов-«черточек» (рис. 23, 6). Иногда специально подчеркивали швы. Так, острый узкий верх последнего убора у некоторых всадников отделен горизонтальной полосой и пересечен другой полосой по диагонали; в другом случае верх скроен из прямоугольников и клиньев разного размера (рис. 23, 4).

Круг аналогий в иранском мире для убора типа 1 вполне очевиден. Судя по ахеменидским рельефам Персеполя и Накш-и Рустама с изображениями народов-данников, он бытовал также у кочевников Западного Туркестана — *саков-тиграхауда*, или «острошапочных». Их соседи — саки «заморские» носили его верх опущенным на затылок, т.е. он делался из более мягкого материала (Горелик 1997, табл. IV, 3–4). Идентичный образец варианта данного убора, при котором верх отделен горизонтальной полосой и пересечен другой полосой по диагонали (рис. 23, 6), видим у тех же *саков-тиграхауда* (там же, табл. IV, 4, верхний). Вариант башлыка этого типа с верхом, украшенным диагональными полосами (рис. 23, 5), много позже известен у средневековых аланов Предкавказья (ср.: МАК 1900, с. 172). Другой вариант со сложным кроем верха (рис. 23, 4) бытовал также у *саков «заморских»* (Горелик 1997, табл. IV, 3); он известен и на глиняных ахеменидских статуэтках всадников-персов (?) из Нейрабы (Ильинская 1982, рис. 3, 1).

Тип 2 представляет собой башлык с острым верхом разной высоты с длинными наушниками, но без назатыльника (рис. 23, 8, 11–12).

Тип 3 головного убора (рис. 23, 13, 15–16) имеет яйцевидный верх разной высоты, очень длинный и узкий назатыльник; надо лбом он перехвачен шнуром или лентой с рядом бляшек и имеет широкую полосу декора в средней части (рис. 23, 15–16). Край его назатыльника подчас подвязывался у темени (рис. 23, 15).

Тип 4 весьма оригинален. Это небольшая полусферическая шапочка, на макушке которой имеется отверстие, куда продета вверх толстая прядь волос, свисающая затем в виде «конского хвоста» (рис. 23, 17). Ту же специфическую шапочку с продетой через трубочку прядью мы видим у молодых мужчин-согдийцев позже, когда в раннем средневековье в местном искусстве стали изображать не только божества, но и живых людей (Живопись... 1954, табл. VII, XXXVII).

При сравнении со скифскими материалами V–IV вв. до н.э. очевидно, что ни один из типов головных уборов не известен в более позднее время (рис. 27).

Поясная одежда

Мужчины-стрелки обычно одеты в узкие штаны, сшитые, вероятно, из пестрых тканей (возможно, с вышивками или аппликациями) (рис. 23, 31–42). Лишь на сосуде работы мастера Эпиктета из музея Ашмолеан видим широкие штаны, стянутые у нижнего края ремешком (рис. 23, 32).

Обувь

У афинских стрелков она обычно передана, к сожалению, схематично. Это туфли или низкие полусапожки с острым носком. Они стягивались по верхнему краю (у лодыжки) ремешком с короткими свисающими концами (рис. 23, 45).

Прически

Волосы обычно спрятаны под головным убором. Чаще всего они, видимо, короткие, надо лбом ровно подстрижены, при этом они слегка волнистые (тип 1) (рис. 23, 19). В одной сцене у стоящих «амазонок» из-под башлыка выглядывает прическа с ровно остриженными волосами надо лбом и очень длинными по бокам (тип 2) (рис. 23, 18). В одном случае мы видим у юноши зачесанный налево длинный чуб, два узких локона у висков и две короткие косицы по бокам; часть волос при этом пропущена через отверстие в макушке шапочки (тип 3) (рис. 23, 17). У взрослых бородатых мужчин иногда из-под убора со свисающими завязками и удлиненным узким назатыльником башлыка выглядывает длинная узкая коса (рис. 23, 12), подобная известным на изваянии с верховьев Кубани (рис. 22, 1а).

Подведем *итоги* комплексного описания предполагаемых скифов в вазописи рубежа VI–V вв. до н.э.

Во-первых, в целом анализ серии афинских изображений (как отмечалось и в моей недавней статье: Яценко 2000г, с. 25–28) демонстрирует *разительные отличия* костюмного комплекса персонажей от более позднего — скифского «классического» V–IV вв. до н.э. (частично описанного античными авторами и хорошо археологически документированного изображениями и остатками костюма в курганах) (см. ниже). Не совпадают типы головных уборов; в последнем комплексе мы не наблюдаем ни кафтанов со скошенными к бокам краями подола, со вставкой в виде фигурной скобки у затылка, ни нижних рубах; очень разнообразная орнаментика плечевой и поясной одежды афинских стрелков и «классических» скифов также не совпадает ни в одном микроэлементе (!) (ср.: Яценко 1993д, табл. 4, *а-б*)⁷⁸. Иначе крепятся полусапожки (в афинской вазописи они не охватываются ремнем под сводом стопы). Стоит отметить лишь совпадение двух типов причесок [1] у юноши: очень длинные расчесанные волосы по бокам, надо лбом ровно подстрижены, без пробора (ср.: Яценко 1993д, табл. 4а, общескифские варианты; кат. № 1, 6, 19, 25, 47, 50–51, 57); 2) прическа на изваяниях: с короткой косой сзади (рис. 22, *1а*; ср.: Ольховский, Евдокимов, № 31, 76, 121)] и редкое использование мужского длинного халата (ср. рис. 23, 24).

Во-вторых, наш анализ *очерчивает круг специфических параллелей костюму предполагаемых ранних скифов*: он включает конкретные кочевые ираноязычные народы («саков») *Западного Туркестана* (саки-тиграхауда и «заморские») (см.: Горелик 1985, табл. II–III; 1997, табл. III–IV), «саков» *Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири*. Они совсем иные, чем у скифов «классического» периода (см. главу 4.1).

К сожалению, в ранней Скифии головные уборы и орнаментация мужской одежды на каменных статуях почти не изображались. Несмотря на малочисленность таких изображений, можно обнаружить некоторые специфические элементы сходства с афинскими варварами. Это достаточно длинные халаты, полусферические головные уборы с прядью волос, пропущенной через отверстие на макушке и короткая коса.

Я готов согласиться со словами Ф. Лиссаррага, что «скифы Геродота не имеют ничего общего с нашими изображениями» (Lissarrague 1990, p. 125). Однако на этом общность нашей позиции исчерпывается: думаю, это наблюдение в целом не свидетельствует о справедливости главных заключений Ф. Лиссаррага.

Его аргумент о том, что достоверные скифы — «это в первую очередь всадники» (а многие лучники представлены пешими) (ibid., p. 125), не кажется убедительным. Во-первых, составленный нами на 1991 г. каталог мужских изображений на памятниках греко-скифского искусства «классического» периода (Яценко 1993д, с. 327–332) показывает, что в подавляющем большинстве случаев достоверно скифские персонажи в туземном костюме представлены вовсе не всадниками, а именно *пешими* (сидящими и беседующими, стреляющими из лука, спокойно стоящими и т.п.). Мужские конные персонажи (а также те, которые изображены рядом с оседланным конем) составляют лишь 16 из 55 находок, т.е. всего 29% таких изображений⁷⁹! Если понимать эти данные буквально, то получится, что скифы (вопреки всей ясной информации письменных и археологических источников) были не конными кочевниками, а пешими земледельцами. Иными словами, не учитывается тот факт, что многие афинские изображения и все названные скифские «классического» времени иллюстрируют *мифопоэтические* сюжеты, где не всё в поведении людей в определенных эпизодах обычно и типично.

Во-вторых, у нас нет никаких оснований утверждать, что скифы, ставшие на многие годы жителями такого крупного города, как Афины, не могли (по своей воле или по воле афинских правителей) изменить частично тактику своего боя и экипировку (пеший бой во многих ситуациях; частое хождение босиком⁸⁰ и т.п.).

Столь же спорно суждение Ф. Лиссаррага о том, что версия М. Вос о скифской принадлежности стрелков нереальна, поскольку она «не оставляет никакого простора воображению художника» (Lissarrague 1990, p. 133). Видимо, исследователь отождествляет в этом плане греческую живопись ранней классики (сюжеты которой иногда вполне ясно диктовались заказчиком) с западной живописью рубежа XX и XXI столетий. О причинах большой этнографической точности передачи облика скифских лучников пока

⁷⁸ На первый взгляд совпадает одна деталь в отделке бортов мужских кафтанов и халатов — полоска «бегущей спирали» (ср.: рис. 23, 24 и Яценко 1993д, табл. 4а, кат. № 19 и 46, 3). Но и здесь налицо существенное отличие: если на афинских стрелках такая полоса шла по центру борта, то на более поздних изображениях скифов — вдоль внутреннего края многоярусной отделки борта.

⁷⁹ При этом в сценах сражений и поединков воинов: только пеших — 6, конных и пеших — 3 (№ 8, 13–14), а только всадников — нет совсем; в сценах охоты и поединка с чудовищем: всадников — 9 (№ 7, 10, 15, 18, 40, 53–55, 60), пеших — 4; стоящих всадников — 2 (№ 47, 53), мужчин рядом с оседланной лошадью — 2 (№ 1, 49). Иными словами, персонажей-всадников больше лишь в сценах охоты, а в сценах сражений и поединков (которые меня более всего интересуют) их заметно меньше.

⁸⁰ Частые изображения этих персонажей босыми дают повод сомневаться в их этнографической ценности не в большей степени, чем, например, изображение босым (с выделенными пальцами ног и т.п.) скифского воина на синхронном каменном изваянии из Кожемяк на Нижнем Днепре (Ольховский, Евдокимов 1994, № 33; ил. 20).

можно лишь гадать. Думаю, что она сродни той большой точности, которую мы наблюдаем в данное время и в передаче многих элементов родного *греческого* костюма.

Даже если бы не существовало иных доказательств, приводимых в литературе, на основании одних лишь данных костюма «афинских» скифов и проведенного выше анализа собственно скифских каменных изваяний архаического времени и предметов торевтики можно без особых сомнений говорить об отсутствии близкого этнического родства между «скифами» Северного Причерноморья двух эпох — VII–VI и V–IV вв. до н.э., так как костюм является важнейшим показателем этнической специфики. Иными словами, изученная совокупность фактов и логически вытекающие из ее анализа выводы объективно требуют признания справедливости гипотезы Алексеева–Виноградова–Марченко о «двух Скифиях». Пожалуй, проделанная мною работа позволяет поставить «точку» в полуторядесятилетнем диспуте двух групп скифологов. У поздних «классических» скифов также есть специфические элементы костюма, сходные с костюмом синхронных этносов Центральной Азии (см. главу 4.1), но это *совершенно иные* элементы⁸¹.

На фоне сказанного пока не кажется убедительной и версия, изложенная А.И. Иванчиком в докладе на конференции «Scythians and Greeks» в Экстере, Англия (сентябрь 2000 г.) (см. Ivantchik 2005). Согласно его мнению, варвары, изображенные на афинской вазописи рубежа VI–V вв., это вполне этнографически достоверные персы или мидийцы. К сожалению, анализ как собственно персидского костюма, так и мидийских элементов в ахеменидском костюме этого времени (см. выше главу 1.1 и ниже главу 4.1) не подтверждает эту версию. Количество общих элементов крайне мизерно — кафтан с короткими рукавами, один из типов башлыков, обычных у персов, но редких у афинских скифов (рис. 23, 14, 28–29), к тому же оба они, как отмечалось выше, представляют типы, известные не только у персов, но и у разных ираноязычных этносов Западного Туркестана. Среди 12 основных вариантов декора шаровар нет ни одного известного у персов и мидийцев; то же можно сказать в целом о декоре плечевой одежды⁸².

Проделанная мною работа позволяет дать более точную атрибуцию знаменитой ахеменидской цилиндрической печати «VI–V вв. до н.э.», где, как считается, изображены пешие персы или мидийцы, символически побеждающие пеших же лучников — кочевников («скифов или саков») (см., например: Ильинская 1982, рис. 4). Очень характерной чертой проигравших являются наглухо застегнутые короткие кафтаны с высоким стоячим воротником. Из всех иранских этносов этого времени они в совокупности элементов представлены только на скифском изваянии около середины VI в. до н.э. у с. Ольховчик (рис. 22, 7–8). Головной убор персонажей не имеет точных аналогов ни в Персии, ни в Западном Туркестане, ни в Скифии (однако при малочисленности их изображений в последней это не вызывает особых проблем). Очень интересны штаны этих воинов, носящиеся поверх полусапожек. Они разделены многочисленными вертикальными линиями (возможно, так передано простегивание) и высоко закатаны. Возможно, на печати символически (и, разумеется, в искаженном свете) представлены «подвиги» персов во время неудачного вторжения Дария I в Скифию около 515 г. до н.э.

Образ скифа в аттической вазописи: точность передачи этнографических деталей костюма

Как видно из приведенной выше системной характеристики, костюм изображенных скифов этнографически необычайно точен. Однако в ряде деталей вполне очевидна как известная стилизация образа, так и отступление от тех скифских традиций ношения одежды, которые, с точки зрения эллина, видимо, не казались значимыми (художник мог просто их не заметить). Так, в отличие от самих кочевников для греческих художников-вазописцев запахнутый *налево* кафтан был не важным элементом этнической идентификации, а лишь экзотической деталью. Поэтому изредка (!) происходила путаница, и кафтан изображался запахнутым «неестественным способом» — направо (Vos 1963, pl. IX, X; Lissarague 1990, fig. 56b). К элементам стилизации, на мой взгляд, следует причислить как утрированно *облегающий* характер кафтана

⁸¹ А.Ю. Алексеев в отзыве на нашу диссертацию от 2.12.2002 (с. 5) обратил внимание на то, что *тип колчана* у афинских лучников на сегодня не имеет аналогов в архаической Скифии, но он достоверно известен в Центральной Азии. Однако это наблюдение, которое можно толковать по-разному, пока не отменяет сделанных выше выводов.

⁸² В феврале 2001 г. А.И. Иванчик в беседе предположил, что здесь могут быть изображены этнографически достоверные *среднеазиатские кочевники-саки* на персидской службе. Однако каким образом греки Аттики могли бы наблюдать до греко-персидских войн большие группы живших за тысячи километров от Эллады саков, остается лишь гадать. Кроме того, и после выходы из сакских племен, как известно, не играли большой роли в собранных для крупных войн персидских армиях, не входили в состав персидских гарнизонов и т.п. А.И. Иванчик готов также допустить, что греческий мастер представил здесь костюм «варварских» этносов Малой Азии (лидийцев, фригийцев и др.). К сожалению, достоверные изображения их костюма ахеменидского времени также практически совершенно не совпадают с реалиями афинской вазописи рубежа VI–V вв. до н.э.

и штанов (ср. выше то же о более поздних греческих изображениях персов), так и постоянное отсутствие усов у взрослых мужчин при наличии бороды (подобный вариант для кочевых ираноязычных народов древности не характерен)⁸³.

Любопытно, что на рубеже VI–V вв. до н.э. в связи с популярностью скифских образов мифические *амазонки* (см., например: Косвен 1947; Bielefeld 1951; Bothmer 1957; Tyrrell 1984; Маразов 1985; Шайб 1993) в вазописи также изредка наделяются чертами костюма именно этнических скифов. Хорошим примером такого рода можно считать один из скифосов эрмитажного собрания (Горбунова 1983, № 181; фото на с. 205). Здесь у амазонок видим уже знакомые нам элементы: островерхий башлык с узким назатыльником, запахнутый налево безрукавный кафтан, длинные узкие шаровары. На лекифе художника Псиакса (Археологический музей в Одессе) амазонка также одета в скифскую одежду (башлык того типа, что изображен на рис. 23, 14; кафтан с орнаментом из рядов ромбов, подобный известному на сосуде Эпиктета из музея Ашмолеан, и штаны с узорами того же типа) (Соколов 1973, табл. 5). Однако в костюме амазонки есть ряд деталей, совершенно не свойственных реальным скифам: в пеструю ленту на башлыке воткнуты цветы лотоса; тончайший поясик дважды оплетает бедра и украшен рядом круглых бляшек (?); никакой границы между запахнутым кафтаном и штанами нет: они превращены в единое облегающее «спортивное трико».

Манера ношения одежды архаического периода

Кафтаны носились обычно двумя способами: их полы либо запахивались налево, либо не сходились вообще и держались лишь поясом. На ряде изображений персонаж представлен без пояса, но полы при этом сходятся на животе: видимо, они соединялись пуговкой (Vos 1963, pl. IVb; Lissarrague 1990, fig. 48). Длинный халат (рис. 23, 24) наглухо застегнут. Штаны обычно заправлены в обувь или стянуты по нижнему краю ремешком; лишь в одном случае (рис. 23, 43) они показаны навывпуск.

Крой одежды архаического периода

Плечевая распашная одежда кроилась с плечевым швом (ср.: рис. 22, 20–21, 24), и обычно ткань скашивалась у ворота. Часто такая одежда имела пришивной (иногда — складчатый) подол. Она узкая, и не исключено, что подчас шилась без клиньев и боковин (хотя последние иногда надежно документированы особой полосой декора: рис. 23, 27a). Известен высокий стоячий ворот с округлым верхом (рис. 22, 7–8). Вероятно, имелись пришивные обшлага (рис. 23, 23).

Силуэт и декоративные принципы костюма архаического периода

Силуэт мужского костюма сходен с женским (богиня на перстне Аргота) и в целом близок силуэту человеческой фигуры: преобладают узкие кафтаны и штаны, облегающая обувь. Лишь головной убор часто как бы удлиняет голову.

Мужские кафтаны иногда шились из пестрой ткани одного вида (с вертикальными рядами крестиков или удлинённых овалов: рис. 23, 23, 25, 27, 30a), ромбов (сосуд мастера Эпиктета из музея Ашмолеан: Древний мир 1918, с. 21; рис. 17); оба первых мотива могли сочетаться в верхней и нижней части кафтана при наличии пришивного подола (рис. 23, 22). Порой единственным ярким «пятном» был именно пришивной подол; в одном случае на его бортах размещались «по сторонам света» четыре стилизованных Мировых древа с семью ветвями (рис. 22, 5; 23, 28). Схема размещения декора на кафтанах очень разнообразна. Иногда это декоративная полоса только по бортам (рис. 23, 25–26) или только на подоле (рис. 23, 27, 29). Плечевой шов подчас закрывала полоска ткани (на одном изображении украшенная рядом круглых бляшек); в этом случае рукава целиком могли кроиться из особой пестрой ткани (рис. 23, 20–21, 24, 27b; Lissarrague 1990, fig. 8). Одной-двумя полосами изредка подчеркивали проймы рукавов (рис. 23, 24–25); края пришивных боковин могли украшаться полоской ткани с крестами (рис. 23, 27a), а пришивные обшлага — тканью с диагональными линиями или сеточкой (рис. 23, 27).

Подол всех вариантов кафтанных имел декоративную полосу; основные орнаментальные мотивы — зигзаг, «бегущая волна» и наиболее распространенный — ряд круглых бляшек между двумя горизонтальными полосками (рис. 23, 21, 25–27, 29). Край подола мог быть зубчатым (рис. 22, 6). Во многих случаях украшались лишь борта (в сочетании с рукавами). Часто это лишь полосы из ткани особого цвета (?). При

⁸³ То же мы наблюдаем в более поздний период «классики» при сопоставлении мужских персонажей на греко-скифской торевтике и на каменных изваяниях: на последних почти всегда выделены только усы, на первых — главным образом борода.

наличии орнамента это всегда «динамичные» его виды — зигзаг, «бегущая» волна или спираль, ряд элементов в виде буквы «Z» (рис. 23, 20, 25, 30a). Лишь однажды борта украшены одинаково с подолом (рис. 23, 26).

Для декора кафтанов характерна полоса, украшенная меандром или «бегущей волной», подчас окаймляла борта и подол (рис. 23, 24, 29, 30a). Иногда представлен декор бокового шва в виде вертикальной линии крестов (Vos 1963, pl. XI), на рукавах — в виде цветных узких продольных полос (ibid., pl. XIV).

Халат богато орнаментирован вертикальными рядами, в которых сочетаются треугольники с крестами, а на бортах, вдоль плечевого шва и шва рукавов, — полосой «бегущей спирали» (рис. 23, 24).

Декор *головных уборов* мужчин разнотипен: в единичных случаях мы встречаем шитье из пестрой ткани (рис. 23, 6), изготовление из нее только верха (рис. 23, 5), обшивание бляшками ленты, горизонтально скрепляющей убор (рис. 23, 16), и украшение бляшками лобной части (рис. 22, 2). Декор головного убора и накосников, судя по изваяниям, включал полосатые ткани, которые документированы в Скифии и позже (например, в кургане Чертомлык) (рис. 22, 1, 14). Женские шапочки (?), известные в Синявке и Бобрине и других пунктах, украшались тремя горизонтальными рядами из 20–30 бляшек в виде фигур копытных (Мирошина 1977, рис. 10).

Для женских головных повязок (Матусов; лента убора в Синявке?) характерно, видимо, двухрядное размещение украшений. В Келермесе на золотом венечном фризе изображен ряд розеток (который может чередоваться с сидящими орлами). В кургане 1 диадема более сложной работы с объемными литыми украшениями: подвесками по нижнему краю и скульптурной головой грифона в центре фриза (она якобы, по словам находчика, была положена в могиле поверх боевого бронзового шлема). В кургане 3 все орнаментальные детали напаяны и выполнены в невысоком рельефе; на верху фриза сочетаются фигурки сидящего и взлетающего орла.

Из двенадцати известных видов рисунков на тканях штанов лишь один встречен неоднократно (рис. 23, 37). В большинстве случаев штаны имеют вертикальные «лампасы», которые могут быть обшиты рядом точек или «бегущей спирали» (рис. 23, 34, 36–38). Достаточно часто штаны покрывает сплошной декор из вертикальных рядов точек или треугольников из трех точек, крестиков. Не менее распространенными были горизонтальные полосы зигзага (однако они осложнены деталями, которые никогда не встречаются у персов: рис. 23, 31–32, 39). Неоднократно встречены вертикальные полосы из точек, крестов и удлинненных овалов. Любопытен орнамент с горизонтальными рядами трилистников (рис. 23, 31).

В ряде изображений передняя и задняя части штанов кроились из тканей, резко отличавшихся по цвету и декору (в одной из половин присутствовали ряды удлинненных эллипсов: рис. 23, 34). В таких случаях темная ткань размещалась сзади (Vos 1963, pl. V; Горбунова 1983, № 70; цветная вкладка). Прямых соответствий орнаменту более поздних образцов V–IV вв. до н.э. не известно, за исключением самого простого — из вертикальных рядов крестиков.

Цветовая гамма раннескифского костюма в афинской чернофигурной вазопиcи часто выглядит как сочетание красного с черным или белым. Очень интересно каменное изваяние из Виноградовки, где такие детали костюма, как пояс и носки сапожек (а также предметы вооружения и даже шейная гривна), окрашены в один цвет — красный (Субботин и др. 1992, с. 5).

Ближневосточные заимствования в костюме ранних скифов

Несмотря на тесные контакты скифов в эпоху ближневосточных походов с государствами к югу от Кавказа (Ассирия, Урарту, ранняя Мидия), имевшими роскошный парадный костюм, сколько-нибудь заметное влияние его на собственно скифский после «возвращения» на свои северокавказские и восточноевропейские «базы» не прослеживается. Знаменитый комплекс золотых украшений VII в. до н.э. в Зивие (Северо-Западный Иран) одними учеными рассматривается как собрание нескольких разрушенных грабителями погребений мидийской знати, другими — именно как клад, третьими — как одиночное захоронение скифского царя времен ближневосточных походов. Если предположить правильность последней версии, то оформление костюма аристократов во время пребывания в Передней Азии сильно отличалось от того, что мы видим на «коренных» землях. Практически не совпадают типы многочисленных бляшек, известных в Зивие (Ghirshman 1979, pl. III); к тому же здесь они без отверстий, т.е. они наклеивались. Не получили развития у ранних скифов и найденные здесь пекторали с многоярусным декором, а также типы золотых фибул и булавок (ibid., pl. 11, 2, 5). Практически единственный ближневосточный элемент костюма, реально носившийся раннескифской знатю на новой родине, — знаменитые золотые диадемы из Келермеса.

1.2.2. Костюм степных скифов-сколотов «классического» времени (V–IV вв. до н.э.)

Мужской костюм на скифских надгробных изваяниях V и IV вв. до н.э.

В отличие от костюма на греко-скифской торевтике этого времени, костюм на изваяниях изучен пока недостаточно. Кроме того, было бы интересно выделить на статуях особенности одежды V и IV вв. до н.э.

Плечевая одежда

На мой взгляд, почти вся изображенная плечевая одежда этого времени — распашная (см. ниже).

На изваянии V в. до н.э. № 29 мы видим плотно застегнутый кафтан со скошенными краями ворота, которые здесь подчеркнуты как бы треугольным вырезом. На другом изваянии этого времени (№ 85) схематично передан лишь сам «вырез», т.е. контур ворота спереди, который для мастера и заказчика был по какой-то причине важным элементом изображения (ср. рис. 28, 3 и 3а). (В следующем, IV столетии этот «треугольный вырез» стал уже изображаться гораздо чаще и при этом обычно весьма грубо, превратившись в некий знак; при этом остальная одежда или не изображена вовсе, или представлена крайне фрагментарно: см. рис. 28, 9–12.) Подол кафтана в V в. до н.э. иногда очень короткий (рис. 28, 5). Большой интерес представляет длинный (до колен) кафтан на статуе из Кировоградского музея (№ 43; рис. 28, 4). Подол его имеет боковые разрезы и сзади закруглен; поверх него, видимо, надет более короткий кафтан обычной длины с такими же разрезами и полукруглым выступом на подоле.

Интересной особенностью кафтанных следующего, IV в. до н.э. (здесь используются исключительно датировки В.С. Ольховского) следует считать *появление острых клиньев на краю подола, наклоненных к центру*. Эта деталь резко выделяет позднейший скифский мужской кафтан от аналогичных синхронных предметов других ираноязычных этносов (подробнее см. в главе 4). Спереди подол с клиньями был длиннее, чем ровный сзади (рис. 28, 13–14). Клинья подола на крымских статуях короткие, а удлинённые известны лишь на одном позднем экземпляре № 124 с Кубани (рис. 28, 17); на предметах торевтики последние представлены на изображениях из немногих комплексов по обоим берегам нижнего Днепра (курганы Чертомлык, Солоха, Гайманова Могила) (Яценко 1993д, кат. № 1, 14, 16, 20). Часть наглухо застегнутых кафтанных на статуях IV в. до н.э. из Юго-Западного Крыма не имеет скошенного ворота (№ 92, 95) (рис. 28, 18–19).

Очень интересны в ряде случаев специфические детали кроя и декора спинки кафтанных IV столетия. На изваянии № 101 из Суворовского в Северо-Западном Крыму в центре более короткого сзади подола видим три узких клиновидных выступа (рис. 28, 15). Пара сходных выступов имеется и на кафтанах на синхронной серебряной чаше из Гаймановой Могила (там же, кат. № 19; табл. 46, сверху), однако там они размещены совершенно иначе — парой с боков подола. В другом случае (№ 4, Буторы в Молдове) подол в нижней части имеет неглубокий разрез, края которого полуовальные (рис. 28, 16). На спине, на лопатках здесь размещен орнамент в виде двух крупных ромбов (подобные парные ромбы встречены на кафтанах изваяний Северного Причерноморья и много позже — у половцев XI–XII вв.).

Головные уборы

На статуях «классического» времени они, в отличие от предшествующего периода, отсутствуют. Видимо, это как-то связано с назначением подобных культовых изображений.

Поясная одежда

Штаны в это время на изваяниях IV в. до н.э. акцентировались очень редко. В этих случаях они весьма широкие. Одно из таких исключений — статуя № 15 из Нововасильевки, где представлены широкие в верхней части и постепенно сужающиеся книзу шаровары, заправленные в обувь (рис. 28, 20). На образце из-под Ставрополя широкие шаровары, заправленные в полусапожки, имеют крупные горизонтальные складки (Белинский, Ольховский 1996, рис. 1). На изваянии № 96 из Крыловки В.С. Ольховский видел штаны с подчеркнутыми швами и треугольной вставкой в шагу (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 63); в

действительности же (судя по аналогичным, но более детализированным изображениям иранского мира) здесь изображен верхний край ноговиц (рис. 28, 13).

Пояса

Пояса средней ширины изображаются часто. В единичных случаях они очень широкие (№ 9, Первомайск).

Обувь

Акцентировалась на изваяниях очень редко. На статуе № 96 из Крыловки видим полусапожки, стянутые ремешком дважды — вокруг щиколоток и под сводом стопы (ближе к носку) (рис. 28, 20). На изваянии с окраины Ставрополя полусапожки имеют загнутые внутрь концы носков, что, видимо, объясняется лишь «танцующей» позой персонажа (рис. 28, 21).

На изваянии № 2 из Преградной на Кубани (№ 124) переданы очень узкие, почти доходящие до бедер кожаные чулки (рис. 28, 20а), аналогичные синхронным на золотом «шлеме» из Передериевой Могила (рис. 27, 79). Мнение В.С. Ольховского о том, что на плохо сохранившейся статуе № 3 из той же Преградной (№ 125) представлены уникальные для Скифии этого времени высокие сапоги (там же, с. 63, ил. 75), я пока разделить не могу.

Прически

Она хотя бы в какой-то степени отражена довольно редко. Дело в том, что в большинстве случаев головы изваяний отбиты, а если они сохранились — трактованы (в отличие от социально значимых оружия, гривны и пояса) крайне схематично. Одним из типов мужской прически как в V, так и в IV в. до н.э. было собирание волос в короткую заплетенную косу, носившуюся сзади. Косы в V в. при этом короткие (№ 121) или совсем короткие, длиной менее 10 см (рис. 28, 1). Образец IV в. более длинный, доходящий до пояса (№ 31) (рис. 28, 8) (В.С. Ольховский допускал наличие на всех изваяниях обеих эпох только одной косы — № 121 в Ковалевском на Кубани: там же, с. 63).

На ряде изображений IV в. до н.э. по бокам головы статуи схематично переданы окладистая борода (со стороны лица она никак не выделена) и зачесанные назад волосы, которые на уровне нижней части затылка или верхней части плеч ровно подстрижены (№ 106, 114, 148) (рис. 28, 6–7). Однако господствует, как и в архаическое время, изображение лишь одних вислых усов.

Костюм скифов в греко-скифском искусстве конца V–IV вв. до н.э.: образ «Иного»

Особая детализация костюмного декора на золотых и серебряных изделиях *греко-скифской торевтики* этого времени наблюдается на изделиях с тремя основными сюжетами: 1) битва двух пар воинов (Солоха, Передериева Могила); 2) битва двух воинов с фантастическим хищником (Гайманова Могила, Солоха, медальон из Херсонеса); 3) сцена с парами сидящих персонажей (на круглотелых кубках и двуручных чашах). Изделия этого круга производились в течение короткого времени (примерно одно столетие), а до того искусство кочевников-скотов было, как принято считать, аниконическим; поэтому у нас нет опасений, что на них изображался (как в случае с регионами с древней иконографической традицией) давно вышедший из употребления костюм ранних божеств и иных персонажей.

Выше говорилось о том, что в большой серии работ разных авторов отмечались точные соответствия деталей костюма на греко-скифской торевтике и специфичного именно для скифского этноса декора остатков одежды из погребений. Однако исключительная эффектность и привлекательность данного материала, возможно, никогда не заставит отдельных ученых смириться с этим фактом.

Ранее, в 60–70-х годах, все изображения на греко-скифской торевтике трактовались А.П. Манцевич как исключительно образы *фракийцев* Балканского полуострова (см., например: Манцевич 1962, с. 114; 1964, с. 130; 1975, с. 115–116, 121–122; 1976). Исследовательница, однако, всегда игнорировала тот факт, что изображения с такими сюжетами и реалиями отсутствуют во Фракии.

В последние годы новая версия толкования греко-скифской торевтики предложена Е.А. Савостиной (Савостина 1999). Согласно ее трактовке, она представляла собой «целенаправленный поток импорта» из далекой Греции, причем все наиболее яркие изделия со всей Степи мог делать всего один мастер («Мастер

солохского гребня»). Автор утверждает, что «костюмы скифов переданы обобщенно. Их декоративность... говорит о стремлении воспроизвести тип *условного фольклорного скифа*» (выделено мною. — С.Я.) (там же, с. 200, 201). К сожалению, исследовательница, как и А.П. Манцевич, совершенно не затрагивает при этом обширный круг публикаций коллег по костюму и вооружению скифов и не сравнивает их с реалиями на изучаемых изделиях. Не привлекает она и те ключевые работы по религии скифов (Д.С. Раевского и других авторов), где ясно показаны весьма точные совпадения композиций ряда этих изделий с известными сюжетами скифской (и шире — иранской) мифоэпической традиции, детали которой вряд ли могли быть очень хорошо известны в Аттике.

Вместе с тем очевидно, что украшение одежды (особенно штанов) кружками или крестиками должно было во многих многофигурных композициях подчеркивать противопоставление парных персонажей или враждующих групп (это, видимо, связано с эпическими сюжетами, где фигурируют представители *разных племен* Скифии). Наши взгляды по этому поводу, высказанные ранее (Яценко 1993д, с. 313–314; 2000в, с. 94–95), следует уточнить после более детального знакомства с подлинниками ряда вещей из Эрмитажа (чаша и горит из Солохи). Так, на золотом гребне из Солохи сражаются две группы воинов, которые отличаются декором шаровар: у группы побеждающих они украшены крестиками, у терпящего поражение — кружками. Во многих случаях персонажи в шароварах, декорированных *кружками*, представляют младшего или неудачливого спутника героя, терпящих поражение врагов, подчиненных лиц⁸⁴. (В самой Солохе на горите со сценой поединка молодых воинов и стариков и на чаше со сценами охоты двух пар всадников штаны всех персонажей украшены крестиками⁸⁵.) При этом на мелких предметах торевтики Скифии, на которых по каким-то важным причинам был дополнительно передан гравировкой однотипный костюмный декор единственного или двух персонажей (бляшки из курганов Куль-Оба и Патиниотти, в Носаках, на которых отсутствует мотив конфликта персонажей), шаровары всегда украшены *только крестиками*⁸⁶. Все это пока не позволяет согласиться с Н.А. Онайко, видевшей в подобной орнаментации одежды греческими торевтами только «внесение разнообразия в их оформление» (ср.: Онайко 1974, с. 78).

Декор плечевой и поясной одежды из крестиков или концентрических кружков имеет весьма ограниченный ареал распространения. Подобные изображения отсутствуют как в западной части Скифии (степное и лесостепное левобережье Днепра: Чертомлык, Толстая Могила и др.), так и на востоке ее (Передериева Могила, Пять Братьев). Вне некрополей греческих городов, политически связанных со скифами (Пантикапей и Херсонеса), они представлены *только в одном районе Скифии* — на левобережье нижнего Днепра, в расположенных неподалеку друг от друга курганах Солоха и Носаки (Яценко 1993д, кат. № 13–15, 19, 28). В нескольких пунктах на востоке вне степной Скифии шаровары с таким декором, как уже отмечалось, явно маркируют на серебряных ритуальных сосудах с многофигурными композициями костюм *чужаков* (кубок из Частых курганов, ритон из Карагодеуашха).

Не являются ли сами орнаменты плечевой и поясной одежды в виде концентрических кружков и (или) крестиков некой *условностью*? Прежде всего, замечу, что подобный декор шаровар известен в единичных случаях и у скифов на афинской вазописи рубежа VI–V вв. до н.э. (рис. 23, 37, 42), где, как отмечалось выше, детали костюма переданы с очень высокой этнографической точностью.

Следующий вопрос, которым следует задаться: известен ли в скифских погребениях подобный декор штанов из золотых нашивных бляшек? В той же Солохе были обнаружены крупные бляшки от одежды с петельками на обороте, которые как будто хорошо соответствуют изображениям — крестовидные и круглые в виде летящего орла (Манцевич 1987, № 1 и 4). Однако дело в том, что они к шароварам не относились (последние обшивались различными бляшками в форме квадрата и треугольника). Не известны подобные бляшки на шароварах и в других скифских погребениях. Следовательно, речь идет (как и в случае декора шаровар у скифов в чернофигурной вазописи) *об орнаментике тканей* (судя по описанной ниже ткани из Ак-кай, это могли быть, например, нанесенные вручную пятна краски, отличной от основного фона).

⁸⁴ Так, на большом ритоне IV в. до н.э. в Карагодеуашхе шаровары с кружками переданы лишь на трупах поверженных врагов. Персонаж в таких шароварах имеет более низкий статус в глазах заказчика и в сцене поединка двух воинов с грифоном на золотом медальоне из Херсонеса. Он, в отличие от напарника, нападает на чудовище лишь сзади (стреляет из лука). Еще один такой персонаж представлен на круглотелом кубке из Частых курганов под Воронежом. Он держит в руках нагайку (?) и беседует с другим мужчиной. Именно у него — противоположный обычному запах кафтана слева направо («запах мертвеца», как у гибнущего в лапах чудовища воина на Гаймановском гребне, коленопреклоненных мужчин-слуг (?) и «жениха» на Сахновской пластине).

⁸⁵ В этом убеждает знакомство с подлинниками в Эрмитаже. Наблюдение сделано А.Ю. Алексеевым. Ранее я был введен в заблуждение классической, но неточной реконструкцией колчана Б.В. Фармаковским.

⁸⁶ Здесь везде имеется в виду именно декор крестиками основной части ткани (иногда ряд крестиков украшает только «лампасы»).

Интересно, что на изображениях греко-скифской торевтики у мифологических персонажей резко преобладает подол с двумя клиньями, в то время как на синхронных собственно скифских каменных изображениях с курганов [в поздний период, изображающих предположительно самих умерших (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 76), но, судя по имеющимся пока материалам, не слишком знатных] господствует горизонтальный подол. [(Единственное достоверное изображение подола с клиньями на степном изваянии — это использованный вторично обломок из жертвенной ямы кургана 12 у Крыловки в Северо-Западном Крыму (там же, с. 30; № 96, ил. 59)]. Такое резкое различие наводит на мысль, что подол с двумя клиньями мог быть привилегией лишь высшей знати.

Важным остается вопрос о выявлении вероятной *локальной специфики* костюма скотов по изображениям (которые, как известно, сконцентрированы в степной Скифии всего в нескольких компактных группах могильников). Суждение о наличии ряда выделенных мною ранее подобных элементов, неоднократно встреченных на изображениях только в одном из скоплений (Яценко 1993д, с. 315–317), можно поддерживать и сегодня. Так, только в небольшом скоплении на правом берегу нижнего Днепра неоднократно отмечены обшлага раструбом (там же, кат. № 6 и 12), а на изображениях в скоплении на противоположном левом берегу — мужская и женская прическа с подвитыми по краю вверх волосами (форма для бляшек с Каменского городища) (там же, кат. № 13, 18–19).

Несомненной условностью, каким-то образом связанной с требованиями скифских заказчиков, является следующее. Если головной убор известен в композициях с парой персонажей, он *всегда представлен лишь у одного из них, а именно правого* (две сцены на куль-обском кубке; херсонесский медальон; у левого персонажа он представлен на пластине из Сахновки у тех двух пар, у которых и запахи кафтанов противоположены обычному). Наоборот, налобные повязки в парных сценах всегда представлены у персонажа, находящегося слева (пектораль из Толстой Могилы; куль-обский кубок; «ремесленники» на ручке амфоры с Каменского городища: Іллінська 1976, рис. 1).

Сложным остается вопрос о закономерности привлечения изображений скифского времени из *Закубанья* в качестве источника ко костюму собственно скотов (см. выше). Возвращаясь к своим прежним соображениям (Яценко 1993д, с. 308), отмечу, что, действительно, ни один сюжет Закубанья не имеет, как ни странно, аналогов в собственно Скифии; ряд изображений нанесен на такие категории предметов, которые у собственно скифов для этой цели не использовались (ритоны). Однако сегодня более детальный анализ возросшей совокупности данных по костюму собственно степных скотов (см. ниже) позволяет утверждать, что на таком изделии, как пластина головного убора из Карагодеуашха, представлен костюм, во всех микродеталях совпадающий с собственно скифским. Что же касается специфики костюма персонажей кубка из Частых курганов, найденного далеко на севере, в донской Лесостепи, то я не склонен сегодня преувеличивать ее (не подчеркнут плечевой шов кафтанов и на собственно степных изображениях: рис. 27, 28а, 30; декор штанов в виде двух вертикальных полос, из которых внутренняя полоса у разных персонажей однотипна, а внешняя разнится, известен сегодня и в степной Передериевой Могиле: см. рис. 27, 60–61) (ср.: там же, с. 316–317).

Весьма важно, что этнографически точный портрет скифов этого времени иногда встречается и в афинской вазописи. Большой интерес в этом плане представляет алебастр типа Стакон 500–480 гг. до н.э. с уникальным изображением «амазонки» в скифском костюме, экспонируемый в Музее Чарторыхских в Кракове. Все элементы облика женщины-воительницы вплоть до мелочей соответствуют данной ниже характеристике женской одежды именно эпохи «классики»: очень короткий кафтан с длинными рукавами, застегнутый (?) почти доверху (ср. подвески из Толстой Могилы); обернутая сложным образом вокруг бедер поясная одежда типа восточнославянских запаски и поневы (ср. девочку из Вишневой Могилы), сшитая из ткани с рядами кружков с точкой в центре; белые полусапожки, стянутые вокруг лодыжек ремешком со свисающим коротким концом; очень короткая, длиной чуть ниже ушей стрижка без пробора. Остается загадкой, каким образом скифянка-воительница получила столь точное воплощение в Афинах в самом начале распространения «классической» скифской культуры, однако сам этот факт кажется несомненным.

Общая характеристика костюма «классического» времени

Материал одежды

Наиболее распространенным материалом была, вероятно, овечья шерсть, по современным критериям — среднего качества⁸⁷ (однако она сохраняется в местных почвах хуже, чем растительные ткани), пряжа была неравномерной толщины. Из растительных материалов использовались лен и конопля, из которых обычно делали ткани простого полотняного переплетения (Шрамко 1965, с. 29; Клочко 1992а, с. 12; Гаврилюк 1999, с. 214). Не исключено, что такие весьма высококачественные ткани поступали и от «варварских» соседей: в Причерноморье были широко известны лен, производимый колхами (ср.: Her. Hist. II. 105; Strabo. Geogr. XI. 2. 17), и конопляные ткани фракийцев (ср.: Her. Hist. IV. 74). Одна из тканей такого рода найдена в кургане 4 Ак-Каи в Крыму, IV в. до н.э. (Крупа 2001, с. 153–154). Ткань имела желтый фон и была расписана пятнами зеленого и красного цветов.

Наряду с простыми дешевыми тканями зафиксированы ажурные, гобеленового переплетения и парчовые. Местные ткани иногда украшались цветной вышивкой. Известны импортные атласные ткани оранжевого и красного цветов (Шрамко 1965, с. 30; Мозолевский 1979, с. 206–208; Гаврилюк 1999, с. 215; см. также о тканях: Бредис 2001). Предположение об использовании сверхдорогого в те времена шелка, причем в рядовых детских погребениях (Вишневая Могила, ср.: Болтрик, Прилипко 1991, с. 21), вызывает недоумение. В материалах раскопок представлены образцы коричневого цвета, ранее, видимо, бывшие красными (при раскопках курганов знати неоднократно отмечалось, что на обшивавших одежду золотых бляшках сохраняется тлен тканей ярко-алого или пурпурного оттенков красного; см., например: Манцевич 1987, с. 62, 63, 66, 68; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 62). Подчас разные предметы одежды аристократов отличались по цвету. Так, у мужчины в Солохе на бляшках кат. № 39, украшавших ворот кафтана, сохранился тлен от тканей белого, лилового и красного цветов (Манцевич 1987, с. 63). В верхнем облачении мужчины из этого кургана, судя по воспоминаниям присутствовавшего на раскопках А.А. Бобринского-младшего, были «тончайшие нити шелка самых ярких цветов: красные, лиловые, желтые, бирюзовые» (Шильц 2003, с. 70) (впечатление мемуариста о «шелке» кажется весьма сомнительным; однако кафтан был явно сшит из тонкой ткани высокого качества). В Вишневой Могиле верхняя плечевая одежда девочки из бедноты была сшита из плотного шерстяного сукна, а нижняя — из тонкого редкого холста (Болтрик, Прилипко 1991, с. 26).

В различных курганах Скифии, как рядовых (Мамай-Гора, курган 4/8), так и царских (Чертомлык, камера 2, платье?), найдены шерстяные полихромные *полосатые ткани* ярких цветов [неоднократно отмечено чередование красных (ныне часто — коричневых) и зеленых полос] (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 203, кат. № 127; Андрух, Тощев 1999, с. 33–34; рис. на 4-й стр. обложки)⁸⁸. Из той же северо-восточной камеры Чертомлыка происходит полосатая коричневая (красная?) ткань с узкими более светлыми полосками на более темном фоне.

Плечевая одежда, по сообщению Геродота, оторачивалась мехом местных животных, известных в Лесостепи — выдр, бобров и др.; она, в частности, поступала от северных соседей — будинов (Her. Hist. IV. 109). Фрагменты такой оторочки, пришитой толстыми плетеными шерстяными нитями, украшали, видимо, женское платье, висевшее на вбитом в стену крюке в погребальной камере 2 в Чертомлыке (кат. № 121). Она известна в виде полосы вдоль бортов мужских кафтанов на греко-скифской торевтике («шлем» из

Передериевой Могилы; чаша из Гаймановой Могилы).

Судя по комментариям Евстафия к Дионисию Периегету, рядовые скифы ходили в кожаных одеждах (Eustathii commen. ad Dionys. 728); это же, как отмечалось выше, сообщалось и о рядовых персах. Под Нимфеем в кургане 4/1876 г. (V в. до н.э.) найдены три мужских костюма и один детский в остатках кожаных кафтанов и штанов (Зинько 2003, с. 110). Скифам была знакома технология золочения кожи и использование для одежды человеческой кожи убитых врагов (Her. Hist. IV. 64, 65).

В разных частях Скифии в конце ее истории предполагается наличие своеобразных «бусинных лавок» греческих и местных торговцев (Островерхов 1990, с. 143; 1996, с. 364–367). Такие лавки были весьма важны не только для пополнения состава ожерелий: скифянки Степи, как принято считать, иногда расширяли бусами головные уборы и покрывала, а молодые незамужние женщины и вдовы — также рукава платьев («перевязи») (см.: Клочко 1992г, с. 38–39).

Мужская распахная одежда

⁸⁷ Грекам она, похоже, казалась достаточно качественной, так как они подчас косвенно противопоставляют качество шерсти скифских овец грубой шерсти овец их восточных соседей — савроматов (Arist. De anim. gen. V.3).

⁸⁸ Любовь к полосатым тканям ярких цветов сохранялась и у средневековых аланов Предкавказья VIII–IX вв., о чем свидетельствуют шерстяные ткани местного производства (Орфинская 2001а, с. 124).

Кафтаны

Видимо, именно о такой короткой одежде сообщают греческие авторы, называя их весьма неточно скифским *chiton* (греческий хитон, разумеется, одежда нераспашная, но у скифов известно лишь одно достоверное изображение ее на гребне из Солохи и только как поддевки под панцирь). Юлий Полидевк (Onom. VII. 70) указывает название такого кафтана: *sisirna* и отмечает, что он кожаный и волосатый (т.е. в теплый сезон эта одежда из овчины, видимо, носилась мехом внутрь). О скифских «хитонах», в частности кожаных, упоминалось также в «Скифах» Антифана (ibid. VII. 59) и в «Эрискии» Платона (Plato. Eryx. 19). На некоторых детализованных рельефных изображениях мы действительно видим, что в теплый сезон кафтан *sisirna* носился мехом внутрь: меховая изнанка выглядывает на клиновидном выступе подола у персонажа, стреноживающего лошадь на серебряной ритуальной амфоре из Чертомлыка.

Одной из наиболее характерных черт оформления кафтана у скифов-сколотов можно считать два клиновидных выступа на стыке подола и бортов (как уже отмечалось, они появляются на изваяниях в IV в. до н.э.). Это самый распространенный тип подола на изображениях греко-скифской торевтики; сзади он был горизонтальным и более коротким. На золотом «шлеме» из Передериевой Могилы два главных героя одеты в кафтаны именно с таким подолом, а у нападающего на них молодого воина — «обыкновенный» горизонтальный подол. Как уже отмечалось, есть основания считать подол с клиньями принадлежностью аристократии. Узкие кафтаны порой имели по бокам неглубокие разрезы, как у одного из персонажей чертомлыцкой амфоры (рис. 27, 26; 32).

Большой интерес представляет оформление подола у персонажей чаши из Гаймановой Могилы: по краю подола пришита узкая полоса, которая спереди украшена у каждого борта тремя узкими длинными клиньями (рис. 27, 29; 31). В главе 2.1 на примере нераспашной одежды парфян будет рассмотрена и *сепантика* этого элемента. Что же касается распашного кафтана, как у скифов, то единственный аналог ему пока известен на серебряном сосуде с эпической сценой из Марлика в Северном Иране домидийского времени: здесь, правда, шесть клиньев более равномерно размещены по периметру подола (Negahban 1996, 1, No. 54) (рис. 218, 9). В другом случае (изваяние № 101; рис. 28, 15) три узких клина расположены впритык на задней стороне подола, которая имеет вид овального выступа. Сзади подол также подчас имел разрез со скошенными книзу краями (рис. 28, 16).

Рукава в ряде случаев имеют пришивные обшлага раструбом (рис. 27, 42; 29, а) или обычной формы (рис. 27, 23, 41а-б). У одного персонажа на кубке из Частых курганов видно, что рукава стянуты у запястья шнурком (рис. 27, 42а).

У музыканта на пластине из Сахновки изображен прилегающий сзади к вороту кафтана объемный откинутый *капюшон*, на что указывали еще А.А. Миллер и А. де Мортилье (Бессонова, Раевский 1977, с. 43). Другое изображение капюшона находим у одного из мужских персонажей, окружающих богиню, на пластине из Карагодеуашха (Анфимов 1987, фото на с. 120). Ясно видно, что он сшит с бортами кафтана и надвинут на лицо.

Бляшечный декор плечевой одежды у знатных мужчин распределен крайне неравномерно. В кургане Дорт-Оба около 500 треугольных бляшек располагались «на плечах» (обшивая, судя по изображениям на торевтике, плечевой шов и проймы рукавов), а «вдоль груди» размещалось всего 35 ромбических бляшек, украшавших, видимо, правый (верхний) борт запахиваемого кафтана (ср.: Спицын 1918, с. 174). Напротив, в таком важнейшем кургане, как Солоха, кафтан лица царского рода почти не украшался бляшками: последние расшивали, видимо, лишь край ворота (Манцевич 1987, № 39 — 31 экземпляр).

В погребении юноши в кургане 9 у с. Пески декор кафтана составляли 75 квадратных бляшек. Большинство из них концентрировалось на рукавах (по 28 на каждом). Декор пройм рукавов в районе предплечий был нашит, видимо, в два ряда (по 16 штук). Кроме того, бляшки обшивали вертикальную полосу шва на спине и края рукавов у запястий (ср.: Клочко 1984, с. 65–66: чертеж — рис. 9; реконструкция — рис. 10). Вместе с тем графическая реконструкция Л.С. Клочко вызывает ряд возражений. Во-первых, на ней присутствует явно не существовавший, судя по чертежу, плечевой шов. Во-вторых, нет реальных оснований для реконструкции клиновидных выступов подола, известных у мифоэпических персонажей греко-скифской торевтики.

Халаты

Они были длиной до колен. Встречаются на изображениях крайне редко. Один из их представлен у левого персонажа нижнего яруса пластины головного убора в Карагодеуашхе (рис. 27, 43). Он имел скругленные нижние концы бортов, узкие и длинные, в складках и с узкими обшлагами рукава. Вдоль бортов он

декорирован (как и кафтан на медальоне из Херсонеса) рядом треугольников из трех точек. Судя по описанному выше изваянию № 43 из Кировоградского музея (рис. 28, 4), подол халата был с боковыми разрезами и сзади закруглен; поверх него, видимо, носился более короткий кафтан.

Женская распашная одежда

Халаты типа кандис

Это местный вариант парадного халата иранских народов данной эпохи. Он традиционно изображался у одной и той же богини (по Д.С. Раевскому — богиня огня Табити). В деталях передан его декор и элементы кроя на бляшках из Мелитопольского кургана и на пластине из Карагодеуашха (рис. 36, 10–11). Видно, что рукава внизу несколько расширились и имели округлый край. В Карагодеуашхе нижние края бортов скруглены (как и на мужском халате), а ворот присборен. Декор бортов — квадратные бляшки или полоска треугольников из точек.

Кафтаны

На височных подвесках скифской работы из Толстой Могилы (Мозолевский 1979, рис. 117, правый; Бессонова 1983, рис. 16, 2) видим носившуюся поверх длинного платья очень короткую распашную кофту с длинными рукавами. Она, по-видимому, украшена рядом квадратных бляшек по краям бортов и подола.

На мой взгляд, остатки сходной кофты представлены в виде линий из бляшек у женщины из того же кургана; они хорошо документированы чертежами, фото и описаниями (Мозолевский 1979, с. 206–208; рис. 87–89, 135). Исходя из них, я склонен поддержать в целом (кроме параметров рукавов) реконструкцию М.В. Горелика (Černenko 1983, pl. G, 2), а не вариант Л.С. Клочко (Thrane 1994, S. 38). Эта одежда была сшита из дорогого импортного красного атласа (рис. 36, 13). Подол кофты едва доходил до живота; оба ее борта по краю обшивал ряд из 8 прямоугольных бляшек, еще столько же обшивали ворот. Еще один ряд из 12 прямоугольных бляшек шел поперек рукава на уровне локтей; по три таких же параллельных ряда (по 7–10 бляшек в каждом) имелось у края рукава. Кроме того, край ворота и самый край рукава дополнительно обшивались рядами мелких полусферических бляшек. Л.С. Клочко, кроме того, реконструирует кафтаны в курганах Бердянском и у с. Корнеевка, предполагая наличие на них, как и на мужских, вертикальной полосы декора на спине, закрывающей шов двух полотнищ спинки (Клочко 1992а, с. 11).

Распашные безрукавки

Другой тип распашной одежды из плотного сукна представлен у девочки из Вишневой Могилы (рис. 38–39). Она была явно безрукавной и по бортам, видимо, обшита полосой меха (?) (более широкой, естественно, у правого борта, закрывавшего сверху левый). Предположение о наличии клиньев на подоле, основанное только на сдвинутом и оказавшемся между бедренными костями маленьком кусочке отделки борта, кажется мне маловероятным (ср.: Прилипко, Болтрик 1991, с. 27, 29; рис. 5, 1–2).

Мужская нераспашная одежда

Верхняя нераспашная одежда с длинными рукавами лишь однажды изображена надетой под панцирь у воина на золотом гребне из Солохи (Степанов 1915, с. 11, 18; табл. 1). Похоже, она имела на груди довольно глубокий вырез (так как ее ворот не выглядывает из-под низко носившегося верхнего края панциря). Подол у нее пришитой, складчатый, с декоративной полосой по краю. Нечто подобное носили в бою черкесские феодалы на Северном Кавказе (ср.: Равдоникас 1981, с. 15–16). Подобную одежду можно считать воинской.

Нижняя нераспашная одежда (рубахи) у мужчин документирована очень редко. На предметах греко-скифской торевтики у мужчин кафтан — сисирна почти всегда надет прямо на голое тело (Степанов 1915, с. 15)⁸⁹. Лишь однажды на изображении беседующего воина с мечом на чаше из Гаймановой Могилы (Древнее золото 1975 — нумерации иллюстраций нет) мы видим выглядывающий из-под бороды край ру-

⁸⁹ Такая традиция у многих кочевых народов исходно связана с дефицитом тканей тонкой выделки для нательной одежды. холодную погоду распашнутый верх, возможно, закрывался. Так, в синхронном «сакском» могильнике Субеши в Синьцзяне в подобной ситуации грудь мужчины была укрыта специальным прямоугольным кожаным нагрудником с богатым орнаментом. Он крепился на теле и к одежде с помощью завязок на углах (Pichangaki Supechi ügümк 1994, S. 40–41).

бахи (по-видимому, с небольшим треугольным вырезом), украшенный рядом полуовальных бляшек. У мальчика в рядовом кургане 5/3 у Булгаково отмечен тот же декор ворота рубахи в виде полуовальных пластинок, но сделанных из кости. К ним крепились бронзовые колечки и стеклянные бусины (ср.: Клочко 1993, с. 40–41; рис. 4).

Женская нераспашная одежда

Основным видом плечевой одежды являлось платье длиной до щиколоток (в случае если под ним носилось второе, более длинное: рис. 36, 14) или до пят (рис. 36, 12). Рукава его длинные, обычно очень широкие и, вероятно, длиннее руки (они собирались у запястий обшлагами: рис. 36, 14–16); у маленькой девочки известны рукава, резко расширяющиеся книзу (рис. 36, 19). Чаще всего платье носилось свободно, без пояса.

Ворот обычно горизонтальный и довольно узкий, окаймленный широкой декоративной полосой (рис. 36, 14, 17), реже — с небольшим треугольным вырезом (рис. 36, 16–17). Платье богини, сидящей у алтаря, на бляшке из Чертомлыка (№ 101) имеет ворот с треугольным вырезом, складчатыми (собранными у запястий) рукавами и, видимо, вертикальную полосу декора (рис. 36, 16); на серьгах из Большой Знаменки при том же треугольном вырезе ворота видим более узкие рукава без обшлагов (они шились из особой сетчатой ткани) (рис. 36, 17).

Рукава платья в кургане 4/2 группы Страшной Могилы, судя по чертежу и описанию (Тереножкин и др. 1973, с. 144; рис. 27) (рис. 42), состояли из четырех рядов нашивных украшений, в каждом случае — оригинальной формы и материала (золото, электр, серебро, стекло). Порядок обшивок лучше сохранился на правой руке, где видно, что рукава были весьма длинными (до середины пальцев), шириной около 10 см. Эти четыре линии обшивки, вероятно, схематично переданы на рукавах некоторых типов бляшек «богиня на троне и юноша» (рис. 36, 14). Чаще, однако, мы встречаем обшивку края рукавов в один ряд. Так, в кургане 3/2 у Старинской птицефабрики его образовывали 38 простых полусферических бляшек.

Хорошо сохранились обшивки платья маленькой девочки (1–2 лет) из Толстой Могилы⁹⁰. Оно достаточно надежно реконструируется по чертежам и полевым описаниям (ср.: Мозолевский 1979, с. 209; рис. 90–91). Ряды круглых бляшек обшивали плечевой шов по всей длине, внутренний шов рукава и его нижний край (ширина рукавов очень велика для ребенка — около 15 см). Ряд круглых же бляшек шел поперек груди, напоминая границу высокой кокетки (?) у сармато-аланских платьев I–II вв. н.э. (см. главу 2.2). Ворот был очень широким и обшивался 22 крупными прямоугольными бляшками и большим количеством мелких полусферических (последние нашивались также и по краю рукавов). Интересно, что подол платья совершенно не украшен.

В Вишневой Могиле у девочки из бедной семьи платье из тонкого полотна сохранилось главным образом в верхней части (рис. 36, 21). Шов, идущий вдоль рукавов, закрывался декоративной трехрядной полосой из оранжевого атласа в центре и алого полотна по краям шириной 4 см. Рукава в трех местах были перетянуты ремешками с нанизанными на них бусами. Присборенный ворот стягивался ремешком из плетеных нитей (Прилипка, Болтрик 1991, с. 27–28; рис. 5, 5–7).

У воительницы из могилы 10 Беглицкого некрополя (Каменецкий 1959, с. 23) (рис. 36, 20) видим необычный глубокий боковой разрез подола слева (обшитый, как и нижний край, бусами).

Плащи

Мужские плащи в ряде случаев сшивались из скальпов убитых врагов (Her. Hist. IV. 64). К сожалению, представить, как они выглядели, мы не можем (во многих случаях они, видимо, не относились к парадной одежде, и, как и у персов, изображать их было не принято; ср. ниже противоположную ситуацию у пазырыкцев, когда их изображали, но в могилу с умершим никогда не помещали).

Следы женских плащей документируются редко. Например, при отсутствии ожерелья у воительницы из могилы 10 Беглицкого некрополя на левом плече лежала крупная кубическая узорчатая бусина (Каменецкий 1959, с. 23). Вероятно, у девочки из рядовой семьи в Вишневой Могиле остатками длинного плаща можно считать слой толстой ворсистой ткани, помещенной между полотняной подстилкой дна гроба и слоями тканей плечевой одежды; плащ крепился у шеи бронзовой фибулой (он был принят исследователями за обычную подстилку: Прилипка, Болтрик 1991, с. 26, 30). Одним из вариантов таких женских плащей

⁹⁰ Уверенность исследователя этой могилы Б.Н. Мозолева в том, что ребенок был именно *мальчиком*, не может быть разделена нами в том числе из-за наличия плечевой одежды несвойственного мужским комплексам облика и пары сережек.

можно считать мантию богини на изваянии № 1 из святилища в Преградной, которая доходила до пят и крепилась шнуровкой в верхней части груди (Ольховский, Евдокимов 1994, № 123; ил. 74) (рис. 36, 136).

Наплечные украшения

Характерным украшением обоих полов было своеобразное (известное только в Скифии)⁹¹ ажурное оплечье — так называемая «сеточка», «сетчатый убор», — состоявшее из большого числа золотых цилиндрических трубочек-пронизок и амфоровидных подвесок⁹² (рис. 35). В первой половине IV в. до н.э. эти украшения использовались лишь мужчинами, но позже известны и у женщин (Чертомлык) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 112). В Солохе до 1000 пронизок и до 70 подвесок составляли, по описаниям Н.И. Весловского и И.Е. Забелина, три яруса треугольников из трех пронизок каждый, причем каждый треугольник отделялся (видимо, только по нижнему ярусу) амфоровидной подвеской; трубочки чередовались в низках с синими стеклянными бусинами (Манцевич 1987, с. 62, № 38) (см. также реконструкцию в Бердянском кургане: Ключко 1991, Abb. 4b). В северо-восточной камере Чертомлыка на зеркале (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, № 114; фото на с. 197) отпечатались «сеточка» иной конструкции (№ 118): ее звенья представляли собой ромбики из четырех пронизок (всего около 450), на углах которых, видимо, размещались синие стеклянные бусины (около 120), а по нижнему краю, как в Солохе, — зерновидные подвески (около 30). Количество украшений каждого типа здесь примерно в два раза меньше, чем в первом комплексе. Высказывалось предположение, что такое украшение появилось у скифов «под влиянием античной эстетики» (Ключко 1992а, с. 16); в оформлении этого украшения действительно сказывается влияние *греко-персидского стиля*. Однако изобретателями «сеточки» были явно не греки и не персы (у тех

и других она отсутствует, но известна уже в раннем Египте, см.: Сокровища 2003, с. 389). Возможно, все украшения были нашиты на круглую пелерину.

Головные уборы

Л.С. Ключко делит скифские *женские* головные уборы на три основные группы: шапки, покрывала и повязки-диадемы (Ключко 1992а, с. 4). Такая классификация выглядит не вполне удачной. Во-первых, покрывала у степных скифов не были самостоятельным убором, а пришивались к уборам разных типов (там же, с. 10). Во-вторых, термин «шапки» на деле включает у нее головные уборы, очень различные по облику (цилиндрические, конусовидные и др.). В-третьих, кажется более удачным относить диадемы не к головным уборам, покрывающим голову, а к начальным украшениям. Т.В. Мирошина выделяет среди *мужских* уборов башлыки так называемого «куль-обского типа», башлыки на изображениях царей Скилура и Палака совсем другой эпохи — второй половины II в. до н.э. (Мирошина 1977, с. 79) (они не имеют, видимо, никакого отношения к Геродотовым сколотам: см. главу 2.2); высокие цилиндрические уборы с плоским верхом и широким наматыльником она не вполне удачно именует вслед за П.К. Степановым персидским словом *туага* (см. выше в разделе 1 о том, что в источниках так достоверно именуются остроконечные уборы) (Мирошина 1981, с. 55–58). Исследовательница пытается основывать все реконструкции на известном сегодня небольшом круге греко-скифских или даже персидских изображений, но такое ограничение не кажется мне оправданным, как и привлечение для этого материалов по далеким персам или по неираноязычным «варварам» Северо-Западного Кавказа (синдам) (ср.: Мирошина 1977, с. 79, 84, 91).

Наше описание удобнее начать с более детально документированных женских уборов.

Цилиндрические женские уборы

Они, по-видимому, были наиболее социально и сакрально значимыми у скифянок и считались атрибутом взрослых женщин (по предположению Т.В. Мирошиной, которое я пока не решаюсь разделить, — только замужних).

Tun 1. Наибольшую известность среди них в мировой литературе получил так называемый «скифский *kalathos*» (*калаф*). У этого убора лицевая округлая часть в виде полукружья длиной около 50 см украша-

⁹¹ Мнение Б.В. Фармаковского, часто некритически цитируемое, о том, что такой предмет якобы изображен у возницы Дария III на мозаике из Помпей (т.е. использовался персами) (Farmakovskij 1914, S. 273), к сожалению, результат недоразумения.

⁹² Эти украшения известны и в комплексах аристократии Лесостепи (Частые курганы, Мастюгино); иногда пронизки сделаны из серебра (Александрополь, Частые курганы).

лась сплошными рядами крупных золотых пластин с тисненым декором. Иногда, как полагает ряд авторов, верхний край слегка нависал надо лбом или в целом убор слегка расширялся кверху (изображение на бляшке с богиней на троне и юношей: рис. 41). По бокам и сзади убора крепилось покрывало, обшитое по краю с лицевой стороны рядом однотипных бляшек⁹³. Типологически сходные цилиндрические уборы с крепившимся длинным покрывалом еще недавно бытовали, например, у ираноязычных таджичек (Maitdipova 1992, pl. CXXXIII). В отличие от греческих kalathos (при сравнении с которыми этот тип убора получил в начале XX в. это весьма неточное название) скифские их аналоги имели совершенно иной декор, пришитое покрывало и носились низко сидящими (Ключко 1992а, с. 6–7) (рис. 36, 2). Наиболее достоверные находки парадных «калафов» аристократок известны в курганах Чертомлык (рис. 44), Деевский, Рыжановский и Толстая Могила (Васина 2003, с. 154–155) (рис. 37; 45). Такой убор с покрывалом наиболее ясно представлен у богини Табити на распространенных бляшках «Богиня на троне и юноша»; более схематично он изображен на предполагаемых фигурах богини Аргимпасы с наверху из Александрополя и на височных подвесках из Любимовки; покрывало в этих случаях не представлено, так как его закрывают в первом случае изогнутые широкие крылья, а во втором — воздетые руки (ср.: Мирошина 1980, с. 43–44; рис. 5, 1–2) (рис. 36, 1а). У женщины царского рода в Чертомлыке эти уборы отличались двумя полосками с рядом подвесок и с рядом стоек с подвесками по нижнему краю (там же, с. 38–39, 42; рис. 4) (рис. 36, 2). У аристократки более низкого ранга в Толстой Могиле «калаф» был обшит шестью сплошными рядами золотых пластин, а по нижнему краю крепились височные подвески с изображением богини — Хозяйки зверей — Аргимпасы. Набор украшений «калафа» (если не он сам полностью) попадал к знатым скифянкам от греческих ювелиров и торговцев; однако в дальнейшем они во всех случаях «перемонтировались» и дополнялись (Минасян 1991, с. 383).

Л.С. Ключко предполагает наличие у скифянок калафов греческого типа в виде кокошника (так реконструируются ею уборы из кургана 46 группы Чертомлыка и кургана 21 у Каменки) и цилиндрических уборов с плоским верхом (Казенная Могила) (Ключко 1992а, с. 7). «Греческий» вариант, представленный в весьма скромных по рангу могилах, она выводит непосредственно от греческих колонистов Северного Причерноморья, от которых они попали к знатым, жившим в городах Боспора «эллинизированным скифянкам», а от них — к женщинам из простолюдинов. Это объяснение (заимствование у греков одного из основных типов ритуального женского головного убора) представляется пока не вполне убедительным. Показательно, что обе находки греческих уборов расположены максимально далеко от границ собственно Боспорского царства — на Правобережье Днепра. К тому же женские уборы такого облика известны у различных индоевропейских народов, и версия заимствования их силуэта именно в античный период и именно от греков не кажется наиболее конструктивной.

Фактически как берет на тулье восстанавливает Л.С. Ключко в Татьяниной Могиле убор из золотой пластины-метопиды по нижнему краю и нескольких рядов расположенных выше разнообразных украшений. Однако кажется более вероятным отнесение их к «греческим калафам» (ср.: Kłocko 1991, S. 394; Филалко 2002, с. 84).

Тип 2. На материале кургана 22/2 у Красного Перекопа Т.В. Мирошина убедительно реконструировала убор с плоским верхом, неточно названный ею «скифской tyara» (рис. 36, 6). Судя по чертежу (Мирошина 1981, рис. 1 а), убор, в основном при разложении органической основы, развалился по главному конструктивному шву на два полукружия. По верхнему краю он обшивался полукруглыми стойками со свисающими подвесками, ниже в два ряда располагались удлиненные прямоугольные пластинки, а по бокам ниже висков нашивались две крупные дугообразные пластины. К убору крепилось покрывало, расшитое рядом бляшек (там же, с. 46–53; рис. 3).

Тип 3. Еще один вариант цилиндрического убора представлен в кургане $\frac{4}{3}$ Гаймановой Могила. Здесь 25 бляшек образовывали с лицевой стороны прямоугольник из пяти рядов размером 20×10 см (Ключко 1982, с. 121; рис. 2, 1); в среднем ряду в бляшки воткнуты четыре серебряные булавки, видимо, крепившие убор к прическе. Рискованно связывать именно с этим убором метопиду, найденную у входа в камеру. Л.С. Ключко склонна считать его «калафом», Т.В. Мирошина — «тиарой» или конусовидным убором, я же вижу в нем оригинальный тип.

Тип 4. Своеобразный вариант убора изображен на одном из наверший Александропольского кургана (рис. 36, 7). Его цилиндрический верх очень низкий, из жесткого материала и, видимо, обит по краю ря-

⁹³ Лишь в Большом Рыжановском кургане (находящемся не в Степи, а в Правобережной Лесостепи) покрывало, судя по полному фото, украшалось двумя рядами разнотипных бляшек: один составляли крупные круглые с головой Горгоны, другой — мелкие в форме песочных часов (см.: Chochrowski, Rydzewski, Skoryj 1999, photo XIV).

дом бляшек. Убор имеет длинные боковые лопасти (наушники), повязанные или, скорее, застегнутые под подбородком

Конусовидные уборы разных типов (см. прежде всего: Ключко 1986) с золотыми пластинами и бляшками, иногда — с височными подвесками, рассматриваемые ниже, Л.С. Ключко склонна считать девичьим атрибутом. Однако находка такого убора в парном погребении супругов в северо-восточной камере Чертомлыка противоречит такой трактовке.

Тип 5. Убор с жестким каркасом из кожи, судя по образцу из Мордвиновского кургана, обшитый горизонтальными рядами бляшек (все более короткими кверху) и соединенный с покрывалом, украшенным по краю бляшками. Любопытно, что такой убор изображен единственный раз именно на золотой пластине головного же убора из Карагодеуашха (рис. 36, 3)⁹⁴. Впервые такой убор для Степной Скифии был реконструирован Г.Н. Боровкой для женщины, захороненной с царем в главной камере Чертомлыка (Боровка 1921) (рис. 36, 3а). Он образовывал конус на 30 см выше головы, к верхушке которого крепилось покрывало из ткани пурпурного цвета с бляшечной каймой, доходившее до бедер. Передняя часть конуса была украшена по нижнему краю пластинкой-метопидой (у уборов этого типа они короче, чем у «калафов» и «тиар»), а выше — рядами более чем 50 бляшек трех типов. Сходные уборы были выявлены и в других курганах Степи (Бердянский, Татьяна Могилы, Каменка, Изобильное, Мордвиновский: Мирошина 1981, с. 58–60; рис. 6; Kłoc̨ko 1991, Abb. 4a-b; Ключко 2000, рис. 1). Характерно, что женский головной убор из кургана 8 Елисаветовской по составу типов бляшек совпадает с чертомлыцким (ср.: Мирошина 1977, с. 92). Типологически сходные уборы с височными подвесками (и, возможно, с коротким покрывалом без золотого декора) известны и у восточных соседей скифов⁹⁵.

Тип 6. Бытовали и гораздо более простые по оформлению конусовидные женские уборы, видимо — без покрывала. В аристократическом Бердянском кургане на них предполагается чередование горизонтальных рядов треугольных бляшек и овальных с изображениями животных (Ключко 2000, рис. 2). У девушки-подростка из Мордвиновского кургана высокий убор венчала сверху золотая фигурка птицы (Ключко 1993, рис. 1). В рядовом кургане 6 у Марьевки сохранилась верхушка убора — кожаный колпачок высотой около 4 см, а нижний край обшивался пятью бронзовыми бляшечками (Мирошина 1981, с. 68; Ключко 1992а, с. 9). В кургане 4/3 в Носаках убор девочки 6–7 лет был обшит рядами бус, в основном — в верхней части; макушку убора венчала крупная стеклянная бусина, к которой прилегало бронзовое кольцо того же диаметра (см.: Мирошина 1981, с. 61; Ключко 1982, с. 128–129; рис. 7).

Тип 7. Башлыки с округлым верхом и длинным широким назатыльником. Характерный образец такого убора представлен у богини на височных подвесках из кургана 2 Большой Белозерки (рис. 36, 8). Нижний край его не прилегает к лицу и шее, а торчит под углом, так как сделан из жесткого материала (кожа или войлок). Он украшен двумя рядами круглых бляшек. Остатки подобного убора, видимо, обнаружены в кургане 17/3 у Нововасильевки, где 22 бляшки лежали «дугой вокруг головы» (ср.: Мирошина 1981, с. 68).

Тип 8. Кожаные башлыки женщин-воительниц среднего возраста.

Они характеризуются наличием очень широкого, но короткого назатыльника. О форме верха ничего достоверно не известно. Убор облегал лоб и скреплялся на нем особым обручем. Реконструкция Л.С. Ключко таких уборов как имеющих именно плоский низкий верх (Ключко 1992а, с. 7–8) пока практически не обоснована: то, что рядом с нижним краем убора находился колчан (Ключко 1982, с. 120), могло означать и просто деформацию его верхушки. В кургане 13 группы БОФ обруч был деревянным из сплошной дощечки и с желобком посередине (ширина 5 см, толщина 1 см) (Тереножкин и др. 1973, с. 161, 163; рис. 43, 17), в Большом кургане у Малой Лепетихи — костяным, на котором красной краской нанесен ряд концентрических овалов (Евдокимов, Данилко 1996, с. 39; Витрик, Данилко 2002, с. 139). На уборе из БОФ нижний угол назатыльника был обшит по краю пятью мелкими золотыми бляшечками. По бокам край назатыльника напоминал полосу широкой кожаной бахромы. Возможно, уборы именно этого типа у воительниц украшались по нижнему краю золотой полоской-метопидой (Кут, курган 7).

О многих типах головных уборов воительниц нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что они, например, украшались по краю парой золотых височных подвесок с изображением богини на зооморфном троне (Большая Знаменка) (ср.: Березова 1996, с. 6, 8–9).

⁹⁴ На серьгах из Большой Знаменки представлен, видимо, не конусообразный убор, как думает Л.С. Ключко (Ключко 1992а, с. 8), а башлык с облегающим голову верхом (см. ниже; рис. 36, 8).

⁹⁵ Таков, например, убор из кургана 6 Лебедевки III в среднем течении р. Урал (принадлежавшего исседонам или массагетам (?) письменных источников), украшенный бляшками в виде головы оленя и разнотипными бусами, а также длинными височными подвесками в виде «косички» с шаром на конце (Сдыков, Гуцалов, Бисембаев 2003, с. 54; цветная вкладка, фото 7).

Что касается *головных покрывал*, то Л.С. Ключко считает, что они никогда не были самостоятельным элементом, а являлись лишь частью сложных головных уборов (Ключко 1992а, с. 10). Т.В. Мирошина, напротив, называет головное покрывало как самостоятельный убор в кургане 3 у Аксютинцев (Мирошина 1981, рис. 8а)⁹⁶; однако этот комплекс раскопан в Лесостепи и нами не учитывается.

Тип 9. Мужские башлыки с назатыльником и округлым высоким верхом.

К этому типу, вероятно, относится убор с округлым верхом воина из северо-западной камеры Чертомлыка, где 26 квадратных бляшек (№ 76) овалом окружали череп, поднимаясь на 18–20 см выше его макушки, т.е., видимо, вдоль шва (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 113). Можно думать, этот башлык имел и сравнительно широкие боковые лопасти, края которых, застегивавшиеся под подбородком, украшали две сходные бляшки.

Тип 10. Мужские башлыки с длинным (до плеч) широким назатыльником и заостренным невысоким верхом. Этот тип известен на знаменитом электровом круглотелем кубке из Куль-Обы, найденном в 1830 г., поэтому неудивительно, что он стал известен как своеобразный «эталон» скифского башлыка (Т.В. Мирошина назвала его «куль-обским»: Мирошина 1977, с. 79); исследовательница даже предположила, что все немногочисленные золотые украшения на мужских черепах относились почему-то только к этому типу убора (там же, с. 89) (рис. 27, 4). Судя по детально переданным швам, такой убор кроился из двух основных соединенных половин; в одном случае вшивался дополнительный клин надо лбом. Декоративная полоса вышивки из пестрой ткани (?), украшенной треугольниками из трех точек или «бегущей спиралью», пришивалась по его нижнему краю.

Тип 11. Мужские башлыки с назатыльником и округлым облегающим верхом. Наиболее достоверно такой убор представлен у персонажа 7 на пластине из Сахновки (рис. 27, 2).

Тип 12. Высокие мужские конусообразные уборы. Они представлены пока единственным изображением на известном медальоне из Херсонеса (рис. 27, 3). Убор декорирован по нижнему краю полосой ткани (?) с рядом треугольников из трех точек. Значение херсонесского изображения велико, так как Луккиан прямо сообщает, что *высшее сословие* скифского общества отличалось ношением колпаков (греч. *pilos*); такой убор был и у прибывшего в Афины царевича Анахарсиса (Luc. Scyth. 1, 16). Видимо, убор этого типа носили и аристократы из крымских курганов IV в. до н.э. — Дорт-Обы (где он обшивался бляшками) и, возможно, Куль-Обы, где он украшался по нижнему краю золотой «женской» метопидой, а ближе к макушке — цилиндром высотой около 10 см (Древности Босфора... 1866, с. XXIII–XXV; рис. II, 1–2).

Тип 13. Мужские маленькие полусферические шапочки. Такой убор изображен у персонажа 9 на пластине из Сахновки (рис. 27, 1).

Часто из невнятного описания раскопщика и при отсутствии качественных чертежей трудно даже примерно представить себе тип мужского убора. Типичные примеры: в Нимфейском кургане 4 1876 г. «вокруг черепа» воина лежали 16 золотых бляшек шести разных типов (ОАК за 1876 г., с. XVII–XVIII); в кургане 2 у Старинской птицефабрики «у головы» воина помещались 36 бляшек-розеток (Ильинская 1966, с. 155) и др.

В ряде случаев головной убор женщин «среднего» и княжеского социального ранга включал, наряду с бляшками или бусами, одну удлинненную золотую налобную пластину-метопиду греческого образца. Она обычно более широкая, чем аналогичные пластины, бывшие составной частью уборов с более сложным декором. Это уборы из кургана 18/1 у Львово, кургана 2 у Красного Перекопа, кургана 7 у с. Кут, кургана 5/5 у Златополя, из Казенной Могилы и кургана 8 в Елисаветовской и др. (см.: Ключко 1982, с. 123–125; 1983, с. 39, 49–51; рис. 4, 3; 6, 3; 8, 3).

Иногда головной убор знатных дам украшался лишь одной небольшой круглой бляшкой с изображением головы Горгоны, нашивавшейся, вероятно, надо лбом, и его облик представить не удастся. Так было в кургане 4 Страшной Могилы (Тереножкин и др. 1973, с. 143) и в кургане 4 1908 г. у ст. Елисаветовской (Миллер 1910, с. 97; рис. 5, 1). В кургане 1/1 у Макеевки (Мирошина 1977, с. 92) по одной треугольной бляшке находилось у висков (ср. с аналогичной ситуацией в сарматских погребениях в главе 2.2).

Неизвестно, к каким именно типам мужских уборов относились 36–38 однотипных бляшек в кургане 45 у Любимовки (без отверстий для нашивания, потому что их, видимо, наклеивали) и в кургане 2/2 у Старинской птицефабрики (ср.: там же, с. 89).

⁹⁶ Ссылка Т.В. Мирошиной при этом на изображение головного покрывала с ритона в Мерджанах (Мирошина 1981, рис. 8, б) как на «скифское», к сожалению, не может быть принята. Костюм мужского персонажа на ритоне (верхняя *нераспаиная* одежда, короткий плащ) не имеет ничего общего со скифским, а сам комплекс Мерджан сегодня убедительно передатирован Ю.А. Виноградовым II–I вв. до н.э. (см. главу 2.2) и справедливо связывается с сарматами.

Начельные украшения

Эпический Авх в поэме Валерия Флакка носит сразу две головные повязки, соединенные на каждом виске тремя узлами (Val. Flacc. Argon. VI. 50–68). Д.С. Раевский предполагал связь этого персонажа со жречеством. У персонажа 1 на круглотелом кубке из Куль-Обы видим повязку, оформленную иначе. Она украшена рядом круглых бляшек и повязана сзади так, что один короткий конец торчит вверх (рис. 27, 5). Однако в большинстве случаев даже детализированные изображения повязок лишены декора, и носят их персонажи с длинными волосами (рис. 27, 6–9). Известно изображение, где фрагмент повязки выглядывает в центре лба из-под длинных, с прямым пробором волос (юноша с амфорой на пекторали из Толстой Могилы) (рис. 27, 20).

Начельные украшения девочек из бедных семей демонстрирует находка в Вишневой Могиле (Прилипка, Болтрик 1991, с. 26; рис. 7). Это ремешок, к которому крепились пара височных подвесок по бокам и крупная глазчатая бусина надо лбом.

На налобной повязке девочки из кургана 64 у с. Марьевка сочетались бусы черного, желтого и синего цветов (Клочко 1993, с. 30). Видимо, речь идет об определенной *традиции*, так как повязка с аналогичным декором, но гораздо лучшей сохранности отмечена в женском погребении на Донском Левобережье, где, по данным Геродота, обитали савроматы, наиболее близкие скифам и прямо произошедшие от них (Her. IV. 21, 116–117). Здесь, в кургане 2/15 Сагванского I, по сообщению Ю.А. Смирнова, сдвоенные стеклянные бусы образовывали на повязке чередующиеся треугольники (из шести горизонтальных рядов) трех указанных цветов (в такой последовательности: черный — желтый — синий) (ср.: Гей 1978, рис. 115).

Головные повязки, возможно, иногда носили и сравнительно знатные дамы в сочетании со скифским «калафом». Так, в Большом кургане у Малой Лепетихи, в тайнике предполагается наличие повязки, обшитой рядом крупных квадратных золотых блях с изображением грифона (Клочко, Васина 2002, рис. 1).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

У греков скифские штаны (как, впрочем, и персидские: см. главу 4.1) не только рассматривались как признак варварства, но и считались вредными для здоровья (Гиппократ убежден, что их ношение вызывает импотенцию: Hippocrat. De aer. 30). Судя по изображениям на греко-скифской торевтике, где штаны часто показаны с характерными складками, они часто делались из плотных тканей. Известны и кожаные штаны (так, экземпляр из кургана 1 у Новорязановки у воина был обшит дополнительно железными панцирными пластинками: Ильинская, Тереножкин 1983, с. 111).

Штаны у мужчин были разной ширины. У центрального босого персонажа на чертомлыцкой амфоре они подвязаны выше щиколоток (та же традиция отмечена в римское время на рельефе из Топрак-калы: см. в главе 2.4 о хорезмийцах) (рис. 27, 46).

У мужчин известны комплексы, в которых очевидно преобладание декора штанов над декором плечевой одежды и иных элементов костюма, где они были наиболее роскошно оформленным элементом костюма. Однако отмечены они лишь в редких случаях (изображения на «круглотелом кубке» из Куль-Обы; бляшки из кургана Патиниотти со стоящим мужчиной; остатки реальных обшивок во вторичном погребении Солохи).

В кургане Солоха штаны обшивались бляшками восьми типов (семь из которых прямоугольной или подпрямоугольной — со скругленными углами — формы) (ОАК за 1913–1915 гг., 1918, с. 108; Манцевич 1987, с. 64–68). Типы № 41, 43 и 46 (около 160 экз.) располагались «вдоль ног», т.е., видимо, обшивали линию «лампасов». Остальные типы (№ 40, 42, 44–45, 47) (всего около 50 экземпляров), судя по изображениям декора штанов на торевтике (Яценко, 1993д, с. 335, табл. 4а), скорее всего, составляли, подражая текстильному орнаменту, «фон» штанин. Их сюжеты разнообразны (растительные, изображения травоядных, хищников и пары братящихся скифов).

Женские штаны изображены лишь частично и на одном изделии. Богиня, сидящая рядом с алтарем на бляшке из Чертомлыка (№ 101; Артамонов 1966, рис. 97), демонстрирует довольно высоко приподнятый подол платья, из-под которого выглядывают нижние края шаровар в горизонтальных складках. Дело в том, что богиня сидит оригинальным способом, видимо, характерным для скифов, при котором выдвинутые вперед ноги образовывали ромб (так же сидят «побратимы» на бляшках из Бердянского кургана: Gold 1993, S. 309; Abb. 100g). Достоверные штаны (в сочетании с короткой кофтой) детально переда-

ны у богини на подвесках из Мاستюгино (Манцкевич 1973, рис. 11, 2), однако эта находка происходит из Лесостепи.

Распашные юбки

На двух культовых навершиях из Александропольского кургана (Луговой Могилы) известны два варианта этой женской одежды. Обе юбки распашные спереди, сборчатые, сверху стягивались ремешком. Одна из них доходит до щиколоток (рис. 36, 22), другая длиннее — до пят. Богиня плодородия изображена в обоих случаях полуобнаженной, а юбка, похоже, надета на голое тело. В действительности же такой предмет должен был носиться в комплекте со штанами. На еще одном навершии, которое иллюстрируется очень редко (Динцес 1936, фиг. 10, справа), видно, что под такой юбкой (очень короткой) могла носиться обычная длинная юбка [здесь она украшена широкими вертикальными полосами с рисунком в виде крупной «елочки» внутри: такой орнамент известен и на синхронных платьях женщин Хорезма (рис. 62, 21) и в более ранней мужской одежде скифов (рис. 22, 5)].

Юбки типа понёвы/украинской плахты (рис. 36, 23)

Остатки одного из подобных образцов были выявлены у девочки в Вишневой Могиле. Этот предмет состоял из двух полотнищ ткани, сшитых, видимо, до середины. В целом он напоминал распашную довольно длинную (ниже колен) юбку. Правый ее конец — возможно, гораздо более длинный — подворачивался сзади, охватывая бедра, и подвязывался на левом боку. Этот своеобразный предмет дважды обвивался вокруг бедер шнурком. По углам он украшался небольшими кисточками (Прилипка, Болтрик 1991, с. 30; рис. 5, 3–4; 7).

Набедренные повязки (рис. 27, 47)

У одного из персонажей пекторали из Толстой Могилы под штанами явно выступают контуры некоего узкого предмета, по крою, видимо, напоминавшего современные мужские плавки. Считать его деталью штанов пока нет оснований.

Пояса

На ряде изображений (в частности, у одного из воинов на рельефе из Юбилейного на Тамани, на чаше из Гаймановой Могилы) (рис. 27, 68–69) мы видим очень широкие, явно кожаные пояса. В «Хирургических операциях» Эрасистрата (фр. 1) упоминается, что ими скифы приучены стягивать живот в голодные дни. При этом на изображениях скифских поясов никогда не представлены пряжки, и как они крепились — на первый взгляд не вполне ясно. Однако у одного из персонажей чаши из Гаймановой Могилы с пояса на животе свисают две широкие ленты (рис. 27, 68). Боевые мужские кожаные пояса часто снабжены стандартным набором из нашитых вертикально узких бронзовых обойм (этот предмет чисто воинской экипировки находится в целом вне рамок моего исследования). Изредка концы боевого пояса украшались двумя парами золотых бляшек в виде фигуры орла и головы грифона и 40 «пуговками» (Золотой курган в Крыму: ОАК за 1890, 1892, с. 4–6; Горелик 1993, табл. LIX, 57).

Наборные пояса аристократии были украшены рядом золотых бляшек. Например, в Мелитополе парадный пояс украшен 50 золотыми квадратными бляшками с изображением «богини на троне и юноши» (см. фото: Мозолевский 1983, с. 99). Знать более низкого ранга носила пояса с серебряными (или серебряными позолоченными) бляшками. Последние имели форму сильно удлиненного прямоугольника или квадрата. Так, в погребении 2 Хоминой Могилы ряд серебряных бляшек с четырьмя стилизованными человеческими лицами был нашит поперечно с большими промежутками примерно в 3 см (Мозолевский 1973, с. 27; рис. 34, 7). Хорошо сохранился мужской наборный пояс в кургане 4/2 группы Страшной Могилы (Тереножкин и др. 1973, с. 146; рис. 26). На кожаную основу было поперечно нашито впритык, без пробелов 115 серебряных золоченых однотипных бляшек со стилизованными трилистниками на концах. Понятно, почему на изображениях мы не видим пряжек: в нашем случае прямоугольная пряжка из электра располагалась на левом боку, который на изображениях всегда скрыт полкой кафтана (рис. 27, 71; 34). У юноши в кургане 9 у с. Пески пояс обшивали 24 прямоугольные серебряные золоченые бляшки (Клочко 1984, с. 67).

Вероятно, в ряде случаев (как это документировано в Аржане 2, у персов в Персеполе, а позже — у сарматов: см. главу 2.2) портупейный «воинский» пояс надевался одновременно с парадным. Например, в тайнике у входа в мужскую гробницу Мелитопольского кургана (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 45) были положены вместе оба таких пояса (Л.С. Клочко считает парадный женской головной повязкой).

Изредка использовавшиеся скифами поясные крючки (Александрополь) (Гуляев 1969), судя по уникальным изображениям на статуях Устюрта III—I вв. до н.э. (Конай, Карамунке), могли скреплять широкий воинский пояс на животе (Ольховский 1999, с. 183; рис. II, 17–18); поэтому соображения, исключающие этот вариант (Кокорина, Лихтер 2001, с. 235–236), пока не кажутся заслуживающими внимания.

Матерчатые кушаки изображались редко. Так, они представлены на «шлеме» из Передериевой Могилы (рис. 29 б). Они довольно узкие, место их завязывания скрыто полами кафтанов; надо думать, как и в случае с кожаными поясами, они крепились у скифов на левом боку.

Женские пояса на изображениях встречены редко, их декор передан крайне схематично (Л.С. Клочко даже убеждена в их отсутствии в достоверных степных комплексах: Клочко 1992а, с. 11). Так, на височных подвесках из Мاستюгино платье богини, сидящей на зооморфном троне, сопровождается наборным поясом с бляшками, которые схематично переданы самым простым способом — мелкими кружками («точками»), как и бусы ожерелья (см.: Бессонова 1979, с. 209, рис. 3; 1983, рис. 16, 3). Можно быть уверенным, что в данном случае форма бляшек передана вполне адекватно, так как это подтверждается находками

в погребениях. Например, в кургане 2/2 у с. Никольского в Молдове пояс женщины украшали именно круглые бляшки с розетками (Агульников, Антипенко 1999, с. 185–186); 21 подобная бляшка украшала пояс скифянки в Рыжановском кургане 4 (труп был помещен полусидя, и бляшки образовали «кучку» в районе бедер: Бобринский 1894, с. 140–141). Сходный декор (круглые бляшки с цветочным побегом) видим и у старой аристократки из Мелитопольского кургана (Мозолевский 1983, с. 99). Иными словами, оформление парадного женского пояса была вполне однотипным.

Обувь

Скифские полусапожки греческие авторы называли *скификами* (Σκιφίαι). Они упоминались поэтом Алкеем (fr. 103, где говорится об их подвязывании ремешком), в «Словаре» Гарпократиона (3) и в анонимных схолиях к Феокриту (X. 34). В словаре Гесихия (Gesych. Lexicon, раздел «Скифики») говорится о скификах из белой кожи. Судя по находке в кургане 5 у Булгаково, такая обувь была двухчастной (подошва кроилась отдельно от голенищ); здесь сохранился и ремешок для подвязывания (Клочко 1992в). Носки ее на изображениях были овальными или заостренными. Скифики крепились ремнями, которые охватывали лодыжку (рис. 27, 72, 75–76)⁹⁷, а иногда пропускались и под сводом стопы; короткие концы ремня свисали спереди (рис. 27, 73–74). Специально декорировать эту обувь было не принято.

Интересны полусапожки (?) всадника на реверсе одной из монет скифского царя Атея (Анохин 1973, с. 23–24; рис. 1). Они имеют очень длинные заостренные носки (рис. 27, 77).

Судя по одному изображению на изваянии (рис. 28, 13), носились и матерчатые/войлочные *ноговицы* (см. выше). Однако их единственное изображение не свидетельствует в пользу того, что они входили в комплект парадного костюма. В ряде случаев ногу облегал очень *высокие кожаные чулки* со швом с тыльной стороны (коленипреклоненный юноша на «шлеме» из Передериевой Могилы: рис. 27, 79); можно предположить, что они шились из овечьих кож и именовались *mes* (ср.: Абаев 1949, с. 171). Порой нижняя часть ног аккуратно обматывалась по диагонали узкой полосой ткани (бляшки со всадником из Куль-Обы: рис. 27, 78).

Женская низкая обувь на изображениях лишь выглядит из-под платья, имея иногда овальные носки (на височных подвесках из Толстой Могилы). Носки были так же заостренными, как в Мелитопольском кургане. Здесь, судя по размещению бляшек, они образовывали семь рядов, постепенно увеличиваясь в длину от конца носка (Мозолевский 1983, фото на с. 100). В Вишневой Могиле найдена цельнокроеная обувь типа поршней из красной кожи, детали которой были шиты стачными швами на торцах; она стягивалась ремешком, продетым в отверстия по верхнему краю. Такая обувь носилась даже рядовыми скифянками с двумя парами носков: верхние были из тонкой вуалеобразной ткани, а нижние — из холста (Прилипко, Болтрик 1991, с. 32; рис. 6) (рис. 36, 26). Л.С. Клочко допускает, что такую обувь могли носить и мужчины (Клочко 1992в).

⁹⁷ Типологически сходен, например, использовавшийся аналогично таджикский плетеный шерстяной шнурок *пехбанд*.

Прически

Волосы у скифов были от природы прямыми и мягкими (Aristot. De anim. gen. V. 3), рыжего цвета (Hippocrat. De aer. 28).

Мужские прически

Как сообщают Клемент Александрийский (Clement. Pedag. III. 3. 24) и Лукиан (Luc. Tox. 51), обычно скифы носили длинные волосы, которые были «рассыпаны по плечам» (Seneca. Epist. moral. XX. 7). Напротив, во время траура и великой печали их обрезали ровно вкруговую ножом (Eurip. Helen. 241; Clearch. Bioi. fr. 8); так делали и на царских похоронах (Her. Hist. IV. 71).

На изображениях греко-скифской торевтики примерно поровну мужских причесок с прямым пробором и без него — с ровно подстриженными надо лбом волосами. При этом они обычно тщательно расчесаны (исключения — два персонажа с головными повязками на пекторали из Толстой Могилы: рис. 27, 7–8). Волосы носили разной длины — иногда ниже плеч (рис. 27, 10, 19), не длиннее плеч (рис. 27, 7, 13, 21) и короткие (рис. 27, 1, 14, 22).

Одной из характерных черт скифской мужской прически при разной ее длине является собирание части волос в небольшой узел: обычно надо лбом (рис. 27, 10–14), иногда на темени (рис. 27, 17). Короткие волосы с пробором часто зачесаны назад (рис. 27, 9, 15–16). При этом на некоторых каменных изваяниях видно, что сзади они ровно подстрижены чуть ниже затылка (рис. 28, 6–7). На пластине из Геремесова кургана при внимательном осмотре подлинника видно, что на голове правого воина — не шлем с султаном на верхушке, а обычная короткая прическа с прямым пробором, с зачесанными назад волосами; при этом вверху часть волос пропущена через специальную узкую и длинную коническую втулку (вероятно — золотую); пучок волос лишь слегка выглядывает из нее (рис. 27, 16).

И.С. Сыромятникова первой обратила внимание на то, что в ряде случаев мужчины-скифы завивали все волосы на голове, а иногда лишь слегка завивали их на концах; при этом локоны были трубчатые или спиральные (Сыромятникова 1983, с. 48). В первом случае речь идет, прежде всего, о двух персонажах на пекторали из Толстой Могилы — о правом из шьющих одежду и о юноше с амфорой (рис. 27, 19–20). Поддвигались наружу края волос как у мужчин (рис. 27, 18), так и у женщин (рис. 36, 9), при прическе с пробором или без него.

Косы чаще всего изображались на изваяниях. Здесь они толстые, заостренные книзу, иногда с подчеркнутым плетением и разной длины (от очень коротких до спускающихся к тазу) (рис. 28, 1–2, 36, 8). На бляшках из Чертомлыка со сценой борьбы мужчины с грифоном из-под башлыка выглядывают не менее трех кос (Толстой, Кондаков 1889, рис. 132).

Бороды у мужчин на сделанных греками предметах скифской торевтики чаще всего окладистые, слегка заостренные (рис. 27, 10); встречаются и совсем короткие, и только на подбородке, при подбритых щеках (они покрыты мелкими точками) (рис. 27, 14), и более узкие, заостренные (два персонажа гребня из Солохи). На собственно скифских изваяниях бороды, напротив, почти не встречаются (исключение: № 106; рис. 28, 6, где борода схематично прочерчена на торце); здесь господствуют длинные вислые усы.

У персонажа на гривне в Куль-Обе (Trippet 1974, p. 40) сзади видим, что волосы скреплены высоко надо лбом узкой «ленточкой». Аналогия этому элементу, как уже отмечалось, есть на архаическом изваянии № 128 со Ставрополя. Очевидно, речь идет о воткнутом в прическу сзади вогнутом деревянном монолитном гребне-расческе (золотые и костяные гребни-расчески этого времени были плоскими: Фиалко 1999, рис. 1–2).

Женские прически

Сказать о них что-либо нелегко, так как на изображениях они почти всегда закрыты головным убором. Лишь на штампе для золотых бляшек с Каменского городища видно, что волосы без пробора; концы их подвиты (рис. 36, 9). На изваянии из Преградной волосы богини (вероятно, с прямым пробором) ниспадают на плечи поверх складок плаща (см., например: Ольховский, Евдокимов 1994, ил. 74). В отдельных могилах встречается по несколько булавок, которые, вероятно, скрепляли узлы сложной прически. Отмечался один из их типов, предположительно связанный с господствующим племенем царских скифов (Петренко 1975, с. 57).

Косметика и татуировка

Использование косметических средств было весьма актуально, так как скифы «вовсе не омывают тело водою» (Her. Hist. IV. 75); упоминается лишь ритуальное очищение наркотической баней — испарениями нагретых зерен конопли внутри специального войлочного шалашика (ibid. IV. 73). Косметические составы делались на основе коровьего или свиного сала (Gesych. Lexicon, в разделе «Свинья»). Женщины пользовались белилами и румянами. Например, в Толстой Могиле те и другие лежали комками рядом с небольшим растиральником из шифера (Мозолевский 1979, с. 103). В кургане 15 у Старинской птицефабрики красная краска образовывала два пятна на щеках умершей (Ильинская 1966, с. 161)⁹⁸.

Татуировка делалась у скифов женщинами с помощью булавок на разных частях тела. Татуировались также тела женщин соседних фракийских племен-данников (Clearch. Bioi. IV. fr. 8). Поскольку на изображениях тело в основном укрыто одеждой, мы можем видеть татуировку лишь на лице. Так, у богини на одной из парных височных подвесок из Толстой Могилы на левой щеке специально насечками переданы три параллельные линии (Мозолевский 1979, рис. 117). Аналогичная татуировка известна у мужчин ахеменидо-скифского времени (золотая фигурка всадника из Сибирской коллекции, Юго-Западная Сибирь, вероятно, служившая ручкой ритуального сосуда: Schiltz 1994, fig. 181) и в постскифских комплексах (солнечный бог на перстне из кургана Иссык в Семиречье); однако у них, в отличие от нашего женского изображения, подобный декор, видимо, представлен на обеих щеках.

Манера ношения

Борта кафтанов-сисирна крепились различными способами. В одних случаях они неглубоко запахивались налево. В других полы сходились, не заходя друг на друга, и держались лишь поясом. Кроме того, у знати кафтан крепился тремя застежками (на левой, «нефункциональной» поле три таких же украшения размещались для симметрии); при этом две из трех застежек размещались выше уровня талии. На круглом телем кубке из Куль-Обы это круглые пуговицы, видимо, подобные тем, которые находят у северных соседей скифов в Лесостепи (Граков 1971, с. 158, рис. ж), или же петли с овальными концами; на двуручной чаше из Гаймановой Могилы застежки имели форму двухъярусных растительных побегов (Черненко 1981, рис. 63) (рис. 27, 39). Известны изображения кафтанов, застегнутых наглухо (рис. 27, 31; 28, 18–19). У центрального персонажа на фризе чертомлыцкой амфоры видим кафтан, спущенный с правого плеча. Возможно, это связано с каким-то ритуалом (см. подобное в главе 2.5 об индо-скифах)⁹⁹, как и то, что этот мужчина босой, а его штаны необычным образом подвязаны внизу.

Женские халаты типа «кандис» носились внакидку, короткие кафтанчики застегивались. Для женщин характерно ношение одновременно двух платьев (нижнее из которых на 10–15 см длиннее). Широкие рукава платьев сужались у пришитых обшлагов.

Мужские штаны чаще носились заправленными в обувь, но, например, на охоте их часто носили навыпуск (двуручная чаша из Солохи; бляшки со всадником-охотником из Куль-Обы). Особо интересно изображение центрального босого персонажа на амфоре из Чертомлыка: судя по моим зарисовкам, нижний край штанов подвязан ремешком выше щиколоток; спереди нижний край образует треугольный выступ (он передан также на изображении персидского царя с «кратера Дария» в Неаполе: см. выше раздел 1) (рис. 27, 46; 32).

В «скифских калафах» пришитое покрывало считалось, видимо, не самым важным их элементом; во всяком случае, при ношении халата «кандис» покрывало оказывалось под ним (бляшки «богиня на троне и юноша»), а на подвесках из Любимовки и одном из наверший Александрополя у богини Аргимпасы покрывало вообще не считали нужным наметить (мастеру важнее было показать закрывавшие его крылья или воздетые руки). Женщинам из царской семьи в Чертомлыке, похороненным в камерах 1 и 2, видимо, принадлежали по два сходных парадных головных убора типа скифского «калафа», которые висели на крючьях (№ 128, 136 — в первой и № 113, 122 — во второй) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 63; № 113, 122, 128, 136; фото на с. 194–195, 206–208, 210–211, 213). Возникает вопрос: чем объяснить наличие подобного набора? У пары из камеры 2 пластины уборов с растительным орнаментом находились сверху, у пары из камеры 1 — внизу. У первой пары калафов зооморфный декор представлен геральдическими животными — козлами или грифонами; у второй он документирован сценами терзания или сидящим сфинксом. Думается, в интерпретации наличия двух пар парадных головных уборов с разным набором образов

⁹⁸ У восточных соседей скифов, живших в бассейне среднего Урала, красная краска могла сочетаться в погребении с темной, включающей перламутровые блески (курган 6 могильника Лебедевка III: Сдыков, Гуцалов, Бисембаев 2003, с. 55). Здесь краски помещались в таких экзотичных емкостях, как финикийские стеклянные сосуды или ископаемые раковины.

⁹⁹ Впрочем, у многих народов приспускание верхней одежды с правой руки документируется и в повседневном быту. См., например, у тибетцев: Hedin 1909, Abb. 220, 266, 339. Известно оно и у античных греков.

нам поможет обращение к быту знати самого могущественного ираноязычного этноса того времени — персов Ахеменидской империи (которые, как признано, оказывали известное влияние на культуру скифов). Выше отмечалось, что, во-первых, у персов документировался обычай разного оформления костюма по двум основным сезонам года. С другой стороны, персидские дамы брали в дальнюю дорогу (смерть вполне сопоставима с нею!) смену парадных головных уборов. В Большом кургане у Малой Лепетихи на воительницу был надет очень скромный башлык с костяным обручем, а другой, украшенный золотыми пластинами, был положен рядом.

В Толстой Могиле на голове у «княгини» были, возможно, надеты сразу два головных убора — цилиндрический и конусовидный (Мозолевский 1979, с. 202–203; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 113) (ср. выше в архаическом Келермесе; золотая диадема надевалась на боевой шлем).

Крой

Наиболее детально он документирован на мужских изображениях. Иногда конструктивные швы плечевой одежды специально подчеркивались на предметах греко-скифской торевтики (круглотелый кубок из Куль-Обы, где, судя по мельчайшим точкам, изображались не бляшки, закрывающие шов, а он сам: рис. 27, 24; 33). Стан кроился всегда с плечевым швом (у персонажей с круглотелого кубка из Частых курганов он сильно стерт, что дало Л.С. Ключко повод говорить об особом типе кроя). Спинка часто шилась из двух вертикальных полотнищ, а шов украшался широкой полосой декора (рис. 27, 35–38). У пожилого воина на «шлеме» из Передериевой Могилы (рис. 27, 20; 29) видно, что кафтан был с высокой кокеткой, а для выступающего клина подола использовались две треугольные вставки разного размера (левая пола).

Ткань или кожа обычно скашивались у ворота. В верхний край спинки вшивался элемент в форме не-высокого треугольника, реже — полуовала (рис. 27, 36–38); вероятно, этот элемент представлен и на изваяниях (рис. 28, 3). Этим скифы-сколоты отличались от других этносов ахеменидо-скифского времени, у которых такая вставка была в виде фигурной скобки «{» (персы, пазырыкцы, изображения Юго-Западной Сибири, ранние скифы). Считать такой «треугольник» капюшоном, как думала Л.С. Ключко (Ключко 1984, с. 61, 63; рис. 3), нет оснований: на таких объемных изображениях, как гребень из Солохи и амфора из Чертомлыка, он практически плоский. В этнографическом костюме народов Северного Кавказа еще недавно сохранялись архаичные по облику рукавные войлочные одежды типа «чопус» в Кахе (Дагестан) с подобным оформлением ворота (Tilke 1972, p. 34, pl. 104, 2, right).

Стан расширялся с помощью длинных и довольно узких боковин, хорошо видных на одном персонаже кубка из Куль-Обы (рис. 27, 28; 33). Использовались, по-видимому, пришивные обшлага, в том числе расширяющиеся раструбом (рис. 27, 41–42).

Л.С. Ключко выделяет два основных варианта кроя мужских кафтанов: «типа Куль-Обы» (тип I) и «типа Воронежской вазы», т.е. кубка из Частых курганов (тип II). Первый из них отличается наличием плечевого шва и длинных боковин, второй их лишен (ср.: Ключко 1984, с. 63–64). На деле существовал лишь один, первый тип (так как, по наблюдениям А.Ю. Алексеева 1996 г., поверхность кубка из Частых курганов сильно стерта, что не мешает, однако, видеть на них остатки декора плечевого шва; Л.С. Ключко же исходила из неточной прорисовки вещи).

В ряде случаев использовался пришивной подол разной ширины, подчас сшитый из нескольких полос; встречается и складчатый подол (рис. 27, 44). У знати подол спереди имел пришитые клинья разной длины. Сзади подол мог иметь разрез со скошенными краями (рис. 28, 16) или три небольших клиновидных выступа (рис. 28, 15).

Спинка женских кафтанчиков кроилась из двух вертикальных полотнищ. Нераспашные платья шили широкими; боковые разрезы на подоле известны лишь в одном случае (воительница из Беглицы). Л.С. Ключко подчеркивает наличие декора на проймах рукавов женских платьев, найденных в могилах, на разной высоте: примерно на уровне плеч — Казенная Могила или ниже — Толстая Могила, что свидетельствует о разных способах прикрепления рукавов к стану (приставлялись к нему или входили с середины кроя) (Ключко 1992а, с. 11).

Штанины иногда сшивали из множества горизонтальных или вертикальных полосок, что ярко демонстрируют персонажи № 6–7 в сцене бинтования ноги на куль-обском кубке (рис. 27, 54а, 67). Из двух частично сшитых полотнищ сделана детская «понёва» в Вишневой Могиле. Башлык «куль-обского типа» кроился из двух-трех частей. Обувь была как цельнокроеной, так и двухсоставной. Вот то главное, что можно сказать сегодня о крое «классического» скифского костюма.

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт мужского костюма, каким мы его видим по разным типам изображений и в остатках обшивок из погребений, практически прямой, напоминающий сигару. Этот силуэт образовывали длинные в среднем волосы, удлинённые полы кафтанов, которые не слишком сильно стягивались поясом, достаточно узкие штаны, заправленные в обувь. Силуэт женского костюма иной. Он обычно плавно расширяется книзу за счёт головного убора, часто имеющего покрывало, широкого и свободного, обычно не подпоясанного, платья с широкими рукавами. Халат «кандис» также носился внакидку, со свободно висящими полами и рукавами.

Дорогие ткани, обилие нашитых золотых бляшек и пластин, яркие многоцветные вышивки и т.п. заметно выделяли скифский костюм в глазах греческих авторов. Так, писавший на рубеже IV–III вв. до н.э. Клеарх Солийский, знакомый с роскошью персидских царей, в своих «Жизнеописаниях» (Clearch. Bioi. IV. fr. 8) пишет о скифах, что они «раньше предавались роскоши как никто другой. Это очевидно из остающихся еще до сих пор одежды и образа жизни их начальников». Высказывалось мнение, что в IV в. до н.э. греческая орнаментика повлияла на более свободное размещение отделки на мужской плечевой и поясной одежде (Горелик 1979, с. 33). К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока не дают достаточных оснований для того, чтобы с ним согласиться.

На греко-скифской торевтике у мужчин в ряде случаев мы видим комплекты костюма, где плечевая и поясная одежда декорированы примерно с одинаковым богатством (чаша из Гаймановой Могила; круглотелый кубок из Частых курганов); в этих случаях основные изобразительные мотивы у них сходны («бегущая» спираль). В иных ситуациях акцент делается на кафтан «сисирна» (медальон из Херсонеса; погребение в Дорт-Обе) или на штаны (круглотелый кубок из Куль-Обы; погребение в Солохе). В костюме аристократии один и тот же предмет мог каждый раз индивидуально украшаться бляшками особой формы. Например, носки женских туфель украшались в Гаймановой Могила рядами треугольных бляшек, в Толстой Могила — крестовидных, в Мелитопольском кургане — в форме цветка арацеи и т.п. Весьма часто использовались бляшки-личины с подвесками-бубенчиками, образующими, видимо, специфический декор краев тех или иных предметов одежды.

Основными элементами декора плечевой и поясной одежды были ряды из золотых бляшек-аппликаций (фиксируемые в погребениях), изобразительные мотивы которых менялись в течение IV в. до н.э., когда они были особенно разнообразны¹⁰⁰, вышивки и пестрые ткани (часто детально фиксируемые на изображениях греко-скифской торевтики), а также, видимо, полосатые. В случае если одежда шилась целиком из пестрых тканей, мотивами ее декора были кружки (в том числе с точкой в центре), треугольники из трех точек и крестики. Такие ткани нет необходимости считать только импортными: их вполне могли производить и зависимые от скотоводческих оседлые племена¹⁰¹.

Особенно богат был декор спинки кафтанов знати; вышивка с мотивом «бегущей спирали» (весьма популярная, кстати, и на противоположном краю тогдашнего кочевого мира — у пазырыкцев Алтая: Башадар) или стилизованных побегов закрывала широкой полосой ее вертикальный шов (чаша из Гаймановой Могила; шлем из Передериевой Могила). Борта кафтана часто декорировались полосой дорогого меха, параллельно которой шла полоса вышивки с той же «бегущей спиралью» или декора в виде сеточки (Передериева Могила; Частые курганы); иногда нашивались рядом две полосы меха разной ширины и, видимо, разных видов (Гайманова Могила: рис. 27, 29). В некоторых случаях декор бортов, видимо, состоял из сплетенных колос кожи и т.п. (рис. 27, 30, 33) (см. аналогичный принцип оформления в более позднее время у парфян: рис. 64, 29). Проймы рукавов обшивались полоской узорчатой ткани с меандрами, трилистниками, крестиками или кружками (рис. 27, 40). Изредка имелись «погоны», декорированные рядом кружков (куль-обский кубок, персонажи 2 и 5). Подол часто украшался той же декоративной полосой, что и борта; он мог также обшиваться рядом круглых или квадратных бляшек (рис. 27, 28а, 30) или тройной полосой (персонаж 3 на пластине из Сахновки: Яценко 1993, табл. 4а).

В женской распашной одежде (халаты, кафтаны) преобладал декор из бляшек квадратной формы вдоль бортов, ворота, а также пройм рукавов (рис. 36, 11–13). На нераспашных платьях основной акцент делался на обшивку ворота и особенно — нижней части рукавов (от локтя до запястья) поперечными рядами бля-

¹⁰⁰ К началу столетия относились бляшки с изображением побратимства двух воинов, к 30-м годам — аппликации с «богиней на троне и предстоящим юношей», к самому концу столетия — бляшки в виде имитаций антропоморфных изображений на боспорских монетах и разного рода растительных побегов (см.: Алексеев 2003, рис. 32).

¹⁰¹ Ср.: по данным Страбона, видимо, опирающегося на ранние сведения Гекатея, у горных полукошевых массагетов в Западном Туркестане одежды в это время «пестро раскрашиваются растительными соками, долго не теряющими своего блеска» (Strabo. Geogr. XI. 1. 6–7).

шек и бус, кожаными ремешками с нанизанными бусами; в единичных случаях украшен плечевой шов. При этом край подола, в отличие, например, от одежды сменивших скифов сарматов, практически не декорировался (единственное исключение — воительница из Беглицы на самом востоке Скифии: рис. 36, 20).

Иногда, как у женщины в Толстой Могиле, наблюдалась асимметрия в размещении украшений: на левом рукаве их было во всех симметричных рядах больше, чем на правом (Мозолевский 1979, с. 208) (см. о подобной асимметрии на рукавах женского платья у сарматов в главе 2.2). В Вишневой Могиле три ремешка, стягивавшие рукав платья девочки, были декорированы по-разному (на верхнем — всего одна глазчатая бусина-амулет, на нижнем — семь, на среднем не указанное число бусин желтого, синего и голубого цветов).

Штаны у мужчин украшались на изображениях двадцатью различными способами (рис. 27, 48–67). Основные из них три: 1) нашивка с внешней стороны вертикальной полосы пестрой ткани или кожи с бляшками (лампасы), которая украшалась крестиками, кружками, прямоугольниками с диагональными линиями внутри, сеточкой, изредка — рядом круглых бляшек; 2) пошив сплошь из пестрой ткани (с мотивом кружков, крестиков или их сочетания); 3) изготовление лицевой и тыльной половин каждой штанины из ткани с разным рисунком (спереди кружки, крестики или ряды точек; сзади сеточка, «бегущая спираль», выющийся побег или ряды из точек). Иногда штаны также шились из множества горизонтальных полос с различным декором.

Головные уборы неизмеримо богаче декорировались у женщин. Чаще всего украшалось их переднее полукружье (золотые пластины и бляшки), особенно обильно — нижний край надо лбом (крупные пластины, подвески и иногда бахрома). У девочек это часто не металлические аппликации, а бусы.

Пояса декорировались рядом однотипных бляшек, носки женских туфель — бляшками, которые образовывали треугольник (мужскую обувь, кроме окраски кожи, украшать было не принято).

Эстетический идеал этноса

Для классического времени такую информацию получить сравнительно легко по изображениям, *сделанным определенно или предположительно не греками, а самими скифами*. Кроме каменных изваяний (из их числа исключаются поздние экземпляры из Западного Крыма, создававшиеся под влиянием греческих изображений), это предметы торевтики (имеются в виду те, на которых не копируется явно античная иконография). Последние, содержащие наиболее детализированные фигуры, происходят фактически лишь с низовьев Днепра по обоим его берегам¹⁰².

Для обоих полов на собственно скифской торевтике характерны крупная голова, довольно массивная шея, круглое лицо, маленькие рот и круглые глаза, часто — сросшиеся узкие брови. У женщин, кроме того, маленькая грудь, сравнительно короткие ноги и крепкие руки. Мужские фигуры имеют очень узкую талию, довольно тонкую шею и подчеркнуто выступающие контуры прически (Гюновка, Геремесов курган¹⁰³). На изваяниях, в отличие от металлических изделий, часто подчеркнуты широкие плечи, а талия, напротив, практически не выделена; здесь всячески подчеркивались длинные вислые усы.

Судя по размещению костюмного декора, в облике мужчины зрительные акценты были сделаны на оформлении прически, отделке бортов и разных частей рукавов кафтанов, на пестрых тканях штанов. У женщины резко выделялся декор трех участков, размещенных по краям контура тела и в его центре — парадного головного убора, края рукавов платья и носков туфель. Мастерицы, изготавливавшие одежду для взрослых женщин, стремились никоим образом не подчеркивать (силуэтом или декором) такие части тела, как грудь и бедра, демонстрировать волосы. Характерна любовь к ярким цветам (алый, пурпурный, оранжевый, синий и др.), к пестроте тканей, которые, видимо, часто были полосатыми.

1.3. Пазырыкская культура Горного Алтая

История изучения костюма

¹⁰² Это, прежде всего, знаменитые наперстки из Александрополя и Слоновской Близницы, пластины из Гюновки (Отрошенко 1978, с. 26, цветная вкладка) и Геремесова кургана, а также штамп для бляшек с Каменского городища (Шрамко 1970, рис. 2, 2), бляшки из Чертомлыка с богиней у алтаря.

¹⁰³ На последнем схематичном изображении М.В. Горелик без достаточных, на наш взгляд, оснований видит не кафтан, а воинские доспехи (ср.: Горелик 1971).

Изучение пазырыкского костюма обычно было связано с публикациями материала конкретных курганных могильников. В некоторых монографиях, где публикуются отдельные некрополи, одежде посвящены даже специальные небольшие главы и разделы (Руденко 1953, с. 104–134; 1960, с. 204–212; Кубарев 1987, с. 76–118; 1991, с. 85–94, 106–132). Перу новосибирской исследовательницы Н.В. Полосьмак принадлежат несколько специальных статей, связанных с отдельными элементами костюма (Полосьмак 1998б; 2000; 2003), прической или косметикой (Полосьмак 1998а; 1999). Эти работы содержат много нового материала, технологических экспертиз и вводят в научный оборот ряд ценных идей.

Следует особо подчеркнуть прекрасное качество описаний и иллюстраций при характеристике костюма южной части Горного Алтая (могильники групп Ак-Алаха и Верх-Кальджин) в недавней обобщающей публикации по ним (Полосьмак 2001, с. 108–185). Для этой работы характерно необычное определение понятия «костюм» (в него включается, например, личное оружие) и чрезвычайно широкий, разнородный круг привлекаемых аналогий из различных районов Евразии. Ранее в докторской диссертации Н.В. Полосьмак также сделала ряд наблюдений, связанных с пазырыкским костюмом (Полосьмак 1997, с. 10–19, 43, 46). В частности, к «самодийскому» (аборигенному сибирскому) пласту в костюме отнесены приемы кроя всех меховых изделий, включая шубы-kandys и нагрудники; предполагалось, что «иранские» элементы костюма передавались в основном по женской линии. К сожалению, оба этих вывода не могут быть приняты, так как названные элементы имеют точные или близкие аналогии у достоверно иранских народов — ранних персов и ранних сарматов и, напротив, не имеют близких аналогов у исторических и этнографических самодийцев. В дальнейшем (отчасти под воздействием наших доводов) Н.В. Полосьмак изменила свое мнение и характеризовала костюм пазырыкцев уже как чисто «иранский» (Полосьмак 2003, с. 145). Детальный обобщающий очерк костюма пазырыкской культуры впервые был дан в моей специальной статье и затем (с большим количеством дополнений) — в особом разделе диссертации (Яценко 1999а, с. 145–170; 2002, с. 145–181). Уже в процессе публикации нашей книги вышла ценная коллективная монография-альбом, некоторые разделы которой Н.В. Полосьмак посвятила отдельным предметам одежды из коллекций Эрмитажа и новосибирского Института археологии и этнографии (в частности, новой атрибуции некоторых одеяний из курганов 2 и 3 Пазырыка). Они сопровождаются прекрасными графическими реконструкциями Д.В. Позднякова (Полосьмак, Баркова 2005, с. 43–103). Эти данные мне удалось использовать частично.

Источники

Комплексы из «замерзших» курганов Горного Алтая стали одним из крупных открытий мировой археологии. Здесь найдена единственная для античного времени серия хорошо сохранившихся предметов костюма предполагаемых ираноязычных народов. Костюм и его аксессуары являются наряду с конским убором наиболее ярким элементом культуры, выявленным в них. В ряде случаев именно ограбление кургана и следующее за этим образование в могильной яме из затекшей в нее воды линзы «вечной мерзлоты» способствовало дальнейшей сохранности органических материалов. К сожалению, неразграбленными оказались лишь два (!) алтайских кургана знати (притом низшего ранга) в Ак-Алахе, раскопанные в 1990 и 1993 гг. далеко к юго-западу от Пазырыка.

Н.В. Полосьмак склонна даже допустить, что и в «царские» курганы пазырыкцев¹⁰⁴ вообще не помещали массивных золотых вещей (Полосьмак 1994а, с. 97), а украшение одежды золотом у знати было «на грани бутафории», лишь покрытием тончайшей фольгой (Полосьмак 2001, с. 35). Эта трактовка, как нам кажется, не учитывает ряд важных фактов.

Во-первых, в таком случае остается неясным, для чего эти курганы подвергались весьма трудоемкому и рискованному ограблению вскоре после похорон¹⁰⁵. Причем следы большинства действий грабителей говорят сами за себя. Так, мумии в кургане 5 Пазырыка оказались раздетыми, так как, видимо, были облачены в дорогие одежды из импортных тканей; в кургане 2 грабители сдирали с юбки нашитые полосы импортных тканей (ср.: Руденко 1953, с. 246), и от большинства парадных одежд они оставили лишь фрагменты (по-разному интерпретируемые С.И. Руденко и Н.В. Полосьмак). Золотые детали явно снимали и с имевших сакральное значение музыкальных инструментов (ср.: Басилов 1991, с. 142–144). Некоторые аксессуары (гривны, ручные и ножные браслеты), видимо, делались из собственно серебра и

¹⁰⁴ Их, по ее мнению, сегодня известно 12 (Полосьмак 2000а, с. 29), а по мнению Л.С. Марсадолова — всего 5 (Марсадолов 1997, с. 96–97).

¹⁰⁵ Так, в кургане 11 в Берели в одном гробу лежали молодой мужчина и пожилая женщина, причем ограблена была только последняя.

золота (пазырыкское золото тоже имеет примесь серебра). Не случайно именно те части тела, на которых они носились у иранских народов — голова, кисть правой руки, ступни, — в кургане 2 Пазырыка были отрублены на трупах грабителями; в кургане 2 Башадара также были отрублены головы, а тело женщины разрублено на части. В целом все описанные действия грабителей явно предусматривали прежде всего изъятие материальных ценностей погребенных аристократов¹⁰⁶.

Во-вторых, зная особую роль золота в облачении знати древних иранцев, факт контроля пазырыкцев над путями торговли золотом в регионе, великолепное качество обработки золота местными мастерами (например, изготовление сверхтонкой фольги) и то, что украшения из золотой фольги здесь весьма обильны даже в могилах рядовых пастухов, не стоит спешить заведомо объявлять (как это делают сегодня несколько авторитетных ученых) алтайскую знать фактически самой аскетичной, если не нищей, во всем иранском мире.

В-третьих, в уцелевших от ограбления могилах кочевой аристократии культурно близких южных и юго-восточных соседей пазырыкцев V–III вв. до н.э. в Турфане (Алагоу), Северном и Восточном Ордосе (Алушайтень, Сигоупань, Налиньгаоту) действительно обнаружены массивные золотые аксессуары, которые стилистически и сюжетно очень близки пазырыкским образцам (см. главу 4.1). Это позволяет нам уточнить хотя бы приблизительно и облик унесенных грабителями пазырыкских драгоценных аксессуаров.

Представление о костюме знатных пазырыкцев неполно не только из-за ограбления всех богатых могил, но и потому, что нам достоверно известен главным образом комплект теплого сезона. Захоронения в курганах аристократии Алтая и соседней Тувы, видимо, чаще производились на рубеже лета и осени (Грязнов 1991, с. 46) или весной–летом (Полосьмак 1994а, с. 23; 1994б, с. 5; 2001, с. 19). При этом в кургане 1 Ак-Алахи 3, по определению Р. Хаури-Биоида, между смертью и захоронением прошло до полугода.

Общие замечания в связи с изучением костюма пазырыкской культуры

Две темы, весьма популярные у исследователей пазырыкской культуры VI–III вв. до н.э., — *датировка* элитного могильника Пазырык, ставшего для нее эпонимным памятником (т.е. давшим ей название), и вопрос *о языковой и этнической принадлежности* пазырыкцев.

Датировка элитных курганов пазырыкцев колеблется при разных подходах в пределах 200 лет. Американские и другие западные исследователи предлагают омоложение этих комплексов, основываясь на радиоуглеродных датах (см., например: Hiebert 1992, р. 120–122) и на трактовке импортных вещей (см., например, серию статей: Source 1991), и склонны относить их уже к постахеменидскому времени. Петербургские же авторы, опираясь на корреляцию дендрохронологических и радиоуглеродных дат (Марсадоллов, Зайцева, Лебедева 1994, с. 141–156), настаивают на том, что, например, богатый иранским и китайским импортом курган 5 в Пазырыке датируется рубежом V–IV вв. до н.э. или первой половиной IV в. до н.э. Недавно была предложена датировка всей пазырыкской культуры в рамках лишь IV–III вв. до н.э. (см., например: Полосьмак 2001, с. 107; Слюсаренко и др. 2002, с. 436–441). Для нас результат дискуссии, в которой еще далеко не сказано последнее слово, не имеет принципиального значения, так как во время существования этой культуры костюм пазырыкцев претерпел лишь очень скромные изменения. Однако пока я склоняюсь к версии о более ранней датировке в том числе и потому, что в позднем пазырыкском аристократическом костюме, как я надеюсь показать ниже (см. главу 4), проявилось специфическое влияние официального костюма Ахеменидов (невозможное после гибели их империи в 330 г. до н.э.). При любом подходе сегодня можно предположить, что весьма изящная культура пазырыкской элиты исчезла в результате захвата этой территории державой Хунну в начале II в. до н.э.

¹⁰⁶ Достаточно экзотичной выглядит версия А.А. Гавриловой о том, что грабители якобы вскоре после похорон «не грабили курганы, а лишь возвращали роду добытые ценности, отнятые у них во время погребения вождей», т.е. совершали «экспроприацию экспроприаторов» (Гаврилова 1996, с. 101). Сам характер описанных действий грабителей заставляет также сомневаться в том, что они в первую очередь стремились «лишить царственной силы умерших», т.е. проделывали исключительно трудоемкую работу именно для совершения *магического обряда* (ср.: Полосьмак 2000а, с. 33). По мнению Н.В. Полосьмак, то, что в колоде кургана 2 в Пазырыке осталась нетронутой одна дешевая деревянная гривна-заменитель, свидетельствует о том, что курган намеренно *вообще не грабили* (там же); нам же представляется, что эта вещь просто не заинтересовала грабителей.

В последние годы в Республике Алтай у ряда исследователей заметна тенденция считать пазырыкцев (и шире — всех ранних кочевников Евразии) *тюркоязычными*. Однако аргументы этой версии пока не столько научного, сколько идеологического, политического и морального характера (так, сторонники концепции ираноязычности части ранних кочевников заранее объявляются «проводниками имперской политики Кремля» и т.п.). Ни один авторитетный лингвист сегодня не разделяет это мнение. Более того, именно на территории бывшей пазырыкской культуры концентрируются топонимы иранского происхождения (к более позднему времени их отнести, как известно, нельзя) (Малолетко 1987, с. 52–53).

Не противоречат выводу об иранской принадлежности пазырыкцев и элементы преемственности с ними в культуре современных тюркоязычных этнографических алтайцев. Серьезные исследования или простые сводки материалов по этому вопросу пока отсутствуют. Между тем культурная преемственность в таком природном изоляте, как высокогорье Алтая, представляется мне вполне очевидной. Так, в погребальных обрядах южных алтайцев XIX в. немало точных аналогий тем, что зафиксированы в Пазырыке. Например, умерших у обоих этносов хоронили в подземном срубе под курганом с каменной наброской и с сопровождающими захоронениями одной или нескольких лошадей. Тело доставляли на волокуше. В могилу помещали каркас юрты, чтобы умерший построил себе дом; у могилы оставляли детали лопат (ср.: Тоцакова 1978, с. 129, 131–132, 154). Консервация древнейших традиций связана также с шаманством Саяно-Алтайского нагорья. Здесь еще недавно хоронили шаманов по обряду скифской эпохи — в специфической скорченной позе и с каменной «подушкой» под головой (ср.: Кенин-Лопсан 1987, с. 88). Шаманы носили подобные описанным ниже пазырыкским кафтан с длинными фалдами и пояс с рядом раковин каури. Для гадания они использовали зеркала, оформленные в традициях скифского времени (ср.: Дьяконова 1981, с. 149–150). У алтайцев гадания (Алексеев 1984, с. 205) проводились с миниатюрными луком и стрелами; нечто подобное документируется у индоиранцев (у кафиров Гиндукуша). Другой способ алтайских гаданий — с помощью трех пальцев — известен скифским энареям (Her. Hist. IV. 67). Третий — по трещинам на бараньей лопатке — недавно бытовал у таджиков и осетин. Число подобных примеров из разных сфер культуры можно без труда увеличить.

Вероятно, пазырыкцы были известны в Китае эпохи позднего Чжоу под определенным этнонимом. В «Каталоге гор и морей», содержащем китайские географические сведения, частично относящиеся к эпохе «Чжаньго», упоминается, что далеко к северу от Куньлуня живет *народ Цяо*, наносящий на тело татуировки в виде тигров (см. пазырыкские татуировки из кургана 2 в Пазырыке и кургана 1 в Ак-Алахе 3) (Яценко 1996а, с. 157). Этот этнос приобрел в глазах китайцев в другой версии текста сказочные черты (руки вместо ног), подобные локализуемым якобы где-то поблизости одноглазым аримаспам Геродота (III. 116; IV. 13).

Материал одежды

Для верхней одежды использовались местные меха (шуба из соболя и куртка из соболя и белки в кургане 2 Пазырыка, из горностая и соболя — в Катанде; кайма из окрашенного меха соболя, выдры, гнедого жеребенка у женщины из кургана 2 в Пазырыке; из шкурки крота — в кургане 2 Башадара, из сурка в Верх-Кальджине 2), замша, черная кожа (Башадар, курган 2), красная кожа (Уландрык I, курган 2), белый войлок (Пазырык, курган 3, Ак-Алаха 1), а для нижней одежды неоднократно — шторная красная шерсть, неокрашенный хлопок (мужская рубаха из кургана 2 Пазырыка). Особенностью пазырыкцев плато Укок на юго-западе было включение в материал для войлока и шнурков верблюжьего волоса (Глушкова 1994, с. 119). В другом могильнике юго-западного района (Катанда) были популярны тонкие ткани из верблюжьей шерсти (Киселев 1951, с. 345), которая поступала с запада.

В быту пазырыкской знати достаточно широко использовались импортные ткани. При этом богато орнаментированные персидские ткани на одежду не шли, чего нельзя сказать о шелке (женская рубаха из Ак-Алахи 3, мужские — из рядового кургана 1 Уландрыка I, одна из одежд, покрытая шелком, и нагрудник из Катанды¹⁰⁷). Н.В. Полосьмак склонна предполагать не китайское, а *индийское* происхождение всех пазырыкских шелков (Полосьмак 1999, с. 124–125; 2001, с. 111), но этот вывод нуждается в проверке. Достаточно отметить, что еще в 1989 г. на р. Тюман в районе Хотана (Синьцзян) в погребении конца эпохи бронзы (X в. до н.э.) найдены коконы шелкопряда (Майтдинова 2001в, с. 71), т.е. местное шелководство существовало гораздо ближе к границам Алтая, чем таковое в Китае и Индии, и много раньше, чем приня-

¹⁰⁷ Шелковые ткани среди прочих достоинств имели одно, весьма важное для гигиены кочевников. В нательной одежде из шелка трудно было прятаться обычным в то время вшам (см.: Петров 1995, с. 58).

то думать. Шерстяные ткани часто привозили из Восточного Средиземноморья; их окрашивали обычно в красный (краплак, кармин, кермес, пурпур) и синий (индиго) цвета (Полосьмак, Кундо 2005, с. 590–592).

Ткани и войлок одежд пазырыкской знати часто засалены, что объясняется не небрежным отношением хозяев к ним, а, видимо, распространенным не только в древности обычаем пропитки облачений для водонепроницаемости жиром или молоком, а также тем, что верхняя одежда часто использовалась кочевниками как тарелка и полотенце на пиру (ср.: Полосьмак 2003, с. 140). Одежду кочевников еще недавно было принято для получения лоснящейся или блестящей поверхности пропитывать толченой костью или известкой, а в кургане 1 Верх-Кальджина 2 штаны вываливали для прочности в аналоге талька — пиллофилите (там же, с. 140–141).

Плечевая одежда

У обоих полов ее полный перечень был отчасти сходен и включал у знати короткую куртку и парадную шубу «кандис». У женщин известны также нательные рубахи и нераспашное длинное платье, у мужчин — плащи-накидки. Однако даже у знати плечевая одежда часто представлена всего одним предметом (куртка или шуба), ношение нательной рубахи отнюдь не было обязательным (последнее обычно для кочевых народов в целом).

Распашная одежда

Общеиранская церемониальная шуба (в более южных районах — тонкий халат) «кандис», носившаяся знатю, была характерна главным образом для ахеменидо-скифского времени. Это богато декорированное, очень длинное, обычно носившееся внакидку одеяние с длинными и узкими рукавами (Linders 1984; Горелик 1985, с. 36–37; Шильц 1986, с. 115–116). В курганах пазырыкцев кандис встречен, видимо, и у мужчин (катандинский «халат»: рис. 49, 1–2), и у женщин (курган 2 в Пазырыке). Он шился из меха соболя, горноста и белки, часто декорировался полосками ажурных аппликаций из меха жеребенка и крепился лишь поясом. Это самые роскошные одеяния данного народа.

Остатки бортов женского кандиса (по Н.В. Полосьмак) из кургана 2 Пазырыка (Полосьмак, Баркова 2005, с. 43, 52–53; рис. 2, 15), декорированных ажурными ромбовидными кожаными аппликациями, ранее принимались за кожаный головной убор (ср.: Руденко 1953, с. 122; табл. XXVI, 4, XCVI, 3; Siberia 2001, p. 150–151, № 154). Рукава его имеют обшлаг из шкуры гнедого жеребенка и декорированы двумя прямоугольными кожаными пластинами, покрытыми золотом (Руденко 1953, табл. XCVI, 1). Они широки, но внизу зашиты.

В предполагаемом мужском экземпляре в том же кургане соболий мех снаружи выделан как замша. На спинке кандиса изображены два обращенных друг к другу спинами крупных стоящих оленя с рогами-деревьями, украшенными золотыми дисками, которые вместе с головками грифонов образуют «листья» (Руденко 1953, с. 105–106; табл. XCI, 4, XCII, 2) (рис. 50). Подол украшен рядом «завитков», подобно мужскому кафтану на ковре из кургана 5 Пазырыка (там же, табл. XCVIII, 1–2) (рис. 47). В обоих случаях борта наплечной одежды декорированы полосой меха, окрашенной в синий цвет. Последнее относится и к женскому кафтану из кургана 2, и к шубе из Верх-Кальджина 2 и отражает, вероятно, некую традицию, свойственную пазырыкцам. Рукава пазырыкского кандиса имеют обшлаг из шкуры гнедого жеребенка и декорированы двумя прямоугольными кожаными пластинами, покрытыми золотом (там же, табл. XCVI, 1). Они широкие, но внизу зашиты.

Еще богаче оформлен кандис мужчины из Катанды (Видонова 1938) (рис. 46, 21; 49). В литературе высказывалось мнение, что этот кандис мог быть женским, но без какой-либо аргументации (Грязнов 1992, с. 173). Не подтверждает это и состав сопровождавших его других предметов одежды (например, деревянная имитация поясной пряжки с изображениями в зверином стиле; см. ниже). Данный образец кандиса имеет форму, классическую для ряда иранских народов (саки-тиграхауда, арееи, мидийцы и персы на ахеменидских изображениях): очень длинные (102 см) и узкие (до 7 см) рукава, сильно расширяющийся книзу стан. Это двухсторонняя меховая одежда из меха горностая. Часть мехов была окрашена в красный и зеленый (синий) цвета, другая — сохранила природные желтоватый и коричневый.

Этот кандис украшали более 3000 кожаных квадратиков зеленого и красного цвета и более 8000 золоченых пуговиц в форме круга и квадрата. Большая часть стана и рукава были декорированы сплошной «чешуей», детали которой окрашены в красный, зеленый, желтый и коричневый цвета (внизу каждой «чешуйки» имеется треугольный выступ). Аналогичную структуру чешуек/перьев видим у «феникса»

на местном войлочном ковре из кургана 5 в Пазырыке. Эта парадная одежда имела следы ремонта, заметны части утеранных нашивных украшений (Видонова 1938, с. 136).

Женский кандис известен также на изображении богини на войлочном ковре из кургана 5 в Пазырыке (Руденко 1953, табл. ХСVIII) (рис. 47). Он так же, как и «классические» образцы, очень широк и длинен, имеет широкую полосу декора по борту (из тех же «завитков», что и мужской из кургана 2).

Короткие парадные шубы (полушубки) и кафтаны

Обычно они имеют длину до низа бедер. Особое место среди них занимают образцы со свисающим сзади выступом-фалдой в виде «бобрового хвоста». Наиболее эффектный образец такого рода — мужской «фрак» из собольего меха в Катанде с очень длинной (почти до пят) и широкой задней фалдой, покрытый шелковой тканью (У истоков 2004, фото на с. 144) (рис. 46, 22; 49, 3). Он необычайно эффектно смотрелся на всаднике. Этот тип одежды бытовал у шаманов Алтая до начала XX в. (ср.: Прокофьева 1971, с. 60); летняя одежда с подобной фалдой (*чегедек*) еще недавно носилась замужними алтайками (см., например: Радлов 1989, с. 132; Дьяконова 2001, с. 90–94).

Мужской белый войлочный *кафтан-дождевик* из кургана 3 в Пазырыке длиной до колен имел войлочную же подкладку, два неглубоких разреза сзади на подоле и завязывался на груди тремя парами шерстяных шнуров (Руденко, 1953, с. 107–109; рис. 57–58; Полосьмак, Баркова 2005, с. 80–81) (рис. 46, 19). Не исключено, что он пропитывался жиром от дождя. В Башадарском кургане 2 кожаный кафтан был расшит орнаментом из сухожильных ниток в виде «бегущей спирали» и рядами меховых прямоугольников (Руденко 1960, с. 208 и сл.; рис. 33). В рядовых мужских курганах 22 и 25 Юстыда XII борта кожаных одежд были мелко простеганы и украшены полосами с рядами стилизованных головок грифонов.

Видимо, с мальчиком связано символическое захоронение куклы в кургане 2 Уландрыка I. Найденный здесь кафтан из красной кожи имел меховую опушку ворота, подола и обшлагов и широкий горизонтальный ворот (Кубарев 1987, рис. 30, а) (рис. 46, 20). Считать его по сохранившимся фрагментам нераспашным (и, следовательно, нетипичным для пазырыкцев) пока нет оснований, так же как думать, что эта одежда из тонкой замши носилась зимой (ср.: там же, с. 84).

Мужские подлушубки представлены также на юго-западе (плато Укок), в могильнике Верх-Кальджин 2 (курганы 1 и 3) (Молодин 1995, с. 293; 2000, с. 101–102, рис. 119–121; Полосьмак 2001, рис. 92, 94; реконструкция V).

В кургане 3 Верх-Кальджина 2 слегка приталенный овчинный полушубок такого типа имел глубокий запах (Молодин 1995, с. 293; 2000, с. 101–102; Полосьмак 2001, рис. 94; реконструкция V). Длинные (длиннее рук) рукава у запястья стягивались продетым ремешком или зашивались; они имели высокие обшлага, скошенные внутрь. Стан весь мелко простегнут (плотность 15 стежков на 1 см). Оригинальный элемент этой шубы — своеобразное нашитое оплечье с ажурной каймой. Спинка внизу имела полуовальный выступ в форме «бобрового хвоста», и, возможно, вся шуба имитировала фигуру животного; такой хвост был удобен при подвижном быте пазырыкцев (на него можно было садиться при различных обстоятельствах). Подол имел опушку из красного верблюжьего волоса (?); имелась также оторочка синим мехом на подоле и краях обшлагов. Борта, швы стана и рукавов, а также край оплечья украшала плохо сохранившаяся кожаная полоса с ажурным орнаментом, разным на разных участках, и частично — выступами-зубцами.

Наиболее эффектен в данной группе женский беличий полушубок с длинным «хвостом», реконструируемый в кургане 2 Пазырыка (Полосьмак, Баркова 2005, с. 44; рис. 2, 16-2, 19) (рис. 48, 1 детали — рис. 52–53). Он декорирован по краям и вдоль спинки и на хвостобразном выступе подола ажурными кожаными аппликациями в виде стилизованных петушков, внутри фигур которых помещены золотые головки горного барана, а также лотосовидных побегов (орнамент делался не по трафарету). Предполагавшийся С.И. Руденко нагрудник на деле оказывается хвостобразным выступом заднего края подола (рис. 53). Кафтан имеет высокий стоячий ворот.

В кургане 1 Верх-Кальджина 2 короткий полушубок шился двусторонний из шкурок сурка, имел подкладку из овчины. Рукава его также зауживались шерстяным шнурком. Он декорирован по подолу кожными аппликациями и пучками окрашенного красным конского волоса.

Нераспашная одежда

1. Женское шерстяное платье, обшитое бронзовыми бляшками, известно из I Катандинского могильника 1865 г. (Захаров 1926, с. 79). Оно имело невысокий (около 4 см) стоячий ворот из тонкой ткани, на которой были нашиты ряды круглых и овальных (каплевидных) листков фольги. Такой же декор этой детали женского платья документируется в I в. н.э. у юэчжей Бактрии (Яценко 1989а, с. 263; рис. 17, б) и в богатых аланских могилах рубежа II–III вв. н.э. у устья Дона¹⁰⁸. Мнение о том, что стоячий ворот был в данной части Азии китайским по происхождению элементом (Сычев 1977, с. 32), основано на поздних материалах и представляется недоразумением.

Женское платье на изображении богини с войлочного ковра в кургане 5 Пазырыка выглядит из-под кандиса (Руденко 1953, табл. XCVIII) (рис. 46, 23). Оно едва достигает середины голеней, имеет длинные и очень узкие рукава с узкими же обшлагами, а также стоячий ворот (это явно не многовитковая гривна, так как данный элемент совершенно плоский).

2. Рубахи. На сегодня известны прежде всего у женщин. Они шились из шерсти (Ак-Алаха 5), хлопка (Пазырык, курган 2) или шелка (Ак-Алаха 3) белого или красного цвета. Рубахи имели глухой ворот, в их покрое соединены до 10 деталей. Для их кроя характерны стан из четырех частей с плечевым швом и боковые клинья из двух деталей, большая ширина (Полосьмак, Баркова 2005, с. 69–70). Конструктивные швы подчеркнуты красным ремешком или красной тесьмой (рис. 46, 18). Подчеркивание швов мужской рубахи красной тесьмой известно также в предскифское время на мумиях из Загунлука в Юго-Восточном Синьцзяне (см.: Ahmad, Dolkun 1986, S. 3–8).

Рубаха из Ак-Алахи 3 очень длинная (113 см), ее рукава (The Altai culture 1995, fig. 30; Полосьмак 1994б, с. 9; рис. 2–3; 2001, рис. 84) со сборками и длиннее руки (The Altai culture 1995, fig. 30; Полосьмак 1994б, с. 9; рис. 2–3; 2001, с. 72; рис. 84). Швы и края ворота и рукавов обшиты красной тесьмой, которая у населения Горного Алтая еще недавно считалась оберегом (Полосьмак 2001, с. 109). В целом декор рубах весьма скромн.

Нагрудники

Они имеют специфическую для пазырыкцев удлиненную конфигурацию. Декор их включает вертикальную орнаментальную полосу в центре, пояски растительного орнамента (у женщин) и головки копытных.

Наиболее близкие пазырыкским женские нагрудники известны у сарматов¹⁰⁹.

Детский нагрудник из кургана 7 Пазырыка отличается яркостью и богатством цветовой гаммы (Руденко 1953, с. 115–117) (рис. 46, 27). Кроме стилизованных растительных побегов он украшен по краю рядом головок сайгаков.

Нагрудник из кургана 1 в Тузте был покрыт бронзовой позолоченной (?) пластиной, на которой изображены геральдические ряды бегущих сайгаков (Руденко 1960, с. 119; рис. 70) (рис. 54). Следовательно, речь идет о своеобразной пекторали, подобной широко известным мужским скифским пекторалиям из Зивие и Толстой Могила и кушанской — из Матхуры (Rosenfield 1967, pl. 5).

Особое место занимает предполагаемый мужской нагрудник из Катанды, завернутый в шубу-кандис (В.Д. Кубарев теперь считает этот предмет диадемой: Кубарев 1992, с. 102). Он также меховой, покрыт шелком и по краю обшит золотой пластинкой. К нему с помощью ленточек из зеленого шелка и китайской тафты крепились семь фигурок лошадей в трех разных позах, с козлиными (?) рогами (Киселев 1951, с. 341). Близкий по конфигурации пазырыкским полуовальный нагрудник с обшивкой нижнего края рядами бирюзового бисера и верха — золотыми бляшками реконструирует К.В. Чугунов у «царицы» в Аржане 2.

Наплечные украшения

В Ак-Алахе 1 мужскую войлочную куртку украшали круглые вставки из красного войлока на левом плече и из зеленого войлока на правом. Края цветных войлоков вырезались в форме четырехлепестковой розетки (Полосьмак 1994а, с. 39; The Altai Culture 1995, pl. 32, b). На другой мужской куртке из Уландрыка IV (курган 3) на плечах крепились две однотипные берестяные, покрытые золотом аппликации в форме головы льва, держащего в пасти рыбу.

У лиц обоих полов известен такой элемент декора наплечной одежды, как серии подвесок-«балабошек», нанизанных на шнурки. Они найдены в юго-западных могильниках (Ак-Алаха, Кутургунтас). На каждый ви-

¹⁰⁸

¹⁰⁹ Могильники Высочино V, курган 18 и Новоалександровка 1, курган 20 (см. главу 2.2).

Нагрудники, украшенные растительными орнаментами, бытовали у этнографических таджиков (см., например: Майтдинова 2004, рис. 36, 38; ил. 21, 23). У «франних сарматов» III в. до н.э. сходное украшение, расшитое «серповидным узором» из золотых бус, найдено в кургане XIII/10 в Старых Кишшаках (Садыкова 1965, с. 134).

той шерстяной красный шнурок нанизывалось по семь «балабошек». Они найдены у плеча умерших и, вероятно, вшивались в шов верхней одежды (Полосьмак 1994а, с. 39; рис. 33). На реконструкции костюма мужчины из Ак-Алахи 1 низки с «балабошками» свисают с каждого плеча: (The Altai Culture 1995, pl. 32, b). В Ак-Алахе 1/2 у девушки пять «балабошек» с шерстяными шариками на концах нашиты на груди (Полосьмак 2001, с. 58).

Плащи-накидки

Одно из наиболее ранних в иранском мире изображений узкого короткого плаща типа римского *paenula* представлено на войлочном ковре из кургана 5 в Пазырыке (рис. 47). Он имеет желтый цвет и украшен крупными синими кружками. У пазырыкцев не было принято помещать такие плащи в могилу (возможно, потому, что они не входили в обязательный комплект парадной одежды).

Манера ношения плечевой одежды

Плечевая распахнутая одежда пазырыкцев почти всегда носилась в рукава и обычно запаховалась налево (исключение — кандисы и одна из шуб в Верх-Кальджине 2, где узкие длинные рукава были зашиты и одежда явно носилась внакидку). Пазырыкцы носили запахнутым даже кандис¹¹⁰ в отличие от остальных иранских народов, которые крепили его завязками на груди. Кафтан иногда крепился двумя парами завязок на каждом борту. Длинные зауженные рукава подчас стягивали у края ремешком (вероятно, это делалось в холодный сезон). Выступ подола шубы из Верх-Кальджина мог использоваться как сиденье.

Цветовая гамма плечевой одежды

Плечевая одежда обычно была в основном двух-трехцветной. Преобладали яркие цветовые контрасты. Так, на кандисе из Катанды основным является сочетание красного и зеленого с позолоченными поверхностями (с добавлением на отдельных участках желтого и коричневого). В Пазырыке распространено сочетание желтого/коричневого с синим. Рубахи нередко имели красную кайму на белом фоне. Кайма чаще бывала красной или синей.

Головные уборы

У мужчин и женщин их типы (за исключением уборов типа 1) существенно различались. Пазырыкцы изготавливали их из шерстяных тканей, тонкого войлока, кожи и замши.

Тип 1. Наибольший интерес, несомненно, представляют носившиеся взрослыми обоих полов и детьми островерхие уборы из плотного или тонкого войлока, сложный декор которых включал золоченые деревянные скульптурки животных двух-четырёх видов (Н.В. Полосьмак называет их «войлочными шлемами» или «воинскими шлемами», хотя защитой воину они служить не могли: Полосьмак 1998б) (рис. 46, 8–10). Эти уборы имели деревянный гребень, крепившийся на макушке особым шипом (у знати см.: Полосьмак 1994а, рис. 34–35; ср. в рядовом кургане 30 в Барбургазы I), а по нижнему краю они украшались иногда деревянной же золоченой или раскрашенной «диадемой»-метопидой. Войлочная основа таких уборов порой окрашивалась в красный (Юстыд XII, курган 19) или коричневый (изначально красный?) цвет (Пазырык, курган 2). В последнем случае убор сохранился фрагментарно.

Судя по образцу из Ак-Алахи 1, уборы типа 1 кроились из симметричных половин тонкого войлока, имели широкий назатыльник и длинные, узкие наушники (там же, с. 40–41). В Верх-Кальджине 2 они крепились под подбородком костяной палочкой-застежкой длиной около 8 см (Молодин 2000, с. 104). Силуэт убора имеет близкие аналогии у саков-тиграхауда и у персов (у последних верх свисал, так как был изготовлен из ткани).

В комплекте с уборами типа 1, видимо, мог носиться и «подшлемник» из тонкого войлока (рис. 46, 5), который был и самостоятельным убором (тип 8). Он найден также со сходным убором в могиле предскифского времени у оз. Лобнор в Синьцзяне (Bergman 1939, p. 137–139), у которого назатыльник был собран в складки белой нитью.

Деревянные гребни на таких уборах характерны для всех групп пазырыкского общества. Вероятно, образец их сохранился в ограбленном «аристократическом» кургане 2 в Пазырыке (Кубарев 1991, с. 108; 3. Самашев по неизвестной причине считает его завершим посоха). Он покрыт великолепной резь-

¹¹⁰ Запаховался также кандис, по облику очень близкий катандинскому, обнаруженный в могильнике Загунлук в Синьцзяне рубежа II–I тысячелетий до н.э., принадлежащем к кругу племен, с которыми предки пазырыкцев были тесно связаны (см.: Майтдинова 2001в, рис. 2).

бой с изображением терзания гуся орлом и завершается крупной скульптурной головой грифона, держащего в пасти голову оленя (рис. 46, 8; 56).

У знати низшего ранга в курганах 1 и 2 Ак-Алахи 1, кургане 3 Верх-Кальджина 2 гребень украшен двухстворчатой стилизованной головой птицы, на макушке которой с помощью клея установлена скульптурка коня или бычка на особом шипе (Полосьмак 1994а, рис. 34–35, 38, 81; Молодин 2000, рис. 125) (рис. 46, 9).

В рядовых могилах деревянные гребни имеют клювовидную форму, в которой практически не угадывается голова птицы, но с той же фигуркой коня наверху (Уландрык II, курган 8; Юстыд XII, курган 7, 8, 11) (Кубарев 1991, с. 26) (рис. 46, 10). Позже у преемников пазырыкцев — племен булан-кобинской культуры начала нашей эры известен сходный войлочный женский убор с гребнем, «обитым золотой пластиной», в кургане 10 могильника Усть-Эдиган (Худяков 2000, с. 132); однако этот гребень уже очень стилизован, а в целом декор убора совершенно иной.

В серии погребений взрослых — как мужчин (Барбургазы I, курган 30), так и женщин (Ташанта II, курган 3; Юстыд XII, курганы 21 и 27; Барбургазы I, курган 17) — с такими уборами найдены одна (реже — две) тоненькая палочка-прутик и порой — полоски бересты. В.Д. Кубарев считает их элементами жесткого каркаса убора (Кубарев 1991, с. 106). К сожалению, исследователь не учел более южные материалы предскифского времени из раскопок 30-х годов XX в. шведской экспедиции у оз. Лобнор, где аналогичные уборы лучшей сохранности, чем пазырыкские, выявлены в ряде могил (Bergman 1939, pl. 10, 2, 6; 26, 3; XXIX; Яценко 1999а, рис. 2, 3). Там на левом боку за полосы бересты, обвивающие убор, в подобные палочки втыкались вертикально по одному два-четыре длинных птичьих пера. У пазырыкских женщин эти перья с прутиками обычно встречались в сочетании с прической с тремя наконечниками.

Нижнюю часть головных уборов типа 1 у взрослых иногда охватывали деревянные обручи (рис. 46, 1). Они нередко окрашивались в красный цвет (Уландрык IV, курган 1). Эти обручи никогда не сочетаются с описанными выше перьями на прутиках. Они не были самостоятельным элементом костюма, и считать их диадемами (Кубарев 1991, с. 123–125) вряд ли правильно. У юго-восточных соседей — лоуфаней Ордоса обручи делались из золота (Яценко 1999а, рис. 2, 2) (рис. 58).

Иногда на них представлены сцены терзания одного копытного двумя барсами (Уландрык IV, курган 1: четыре барса и два оленя). Терзание оленя хищниками изображалось и на нижних пластинах скифских головных уборов, также имевших в данном случае в целом конусовидную форму (Чертомлык, северо-восточная камера; с. Будки) (Мирошина 1981, с. 59; рис. 9, а; Ключко 1983, рис. 7, 1). Однако у скифов вместо барсов фигурируют грифоны. Известны и парные изображения хищников (Уландрык IV, курган 3).

В других комплексах мы встречаем сайгаков (Ташанта II, курган 1), подчас — с рогами оленей (Юстыд XII, курган 23); известны также другие копытные (Юстыд XII, курган 22) или шесть водоплавающих птиц (Уландрык IV, курган 2). Серия изображений оленя/лося на нижних пластинах головных уборов также встречается на нижних пластинах-метопидах женских головных уборов у других древних иранских этносов (Кузьмина 1979, с. 18–19; рис. на с. 17).

В ряде случаев по нижнему краю убора, видимо, нашивалась полоса войлока или ткани с одним-двумя рядами бляшек-розеток (Юстыд XII, курганы 8, 19; Барбургазы I, курган 25) или простых круглых (Пазырык, курган 2). Подобное оформление налобных лент известно и у скифов, и у бактрийских юэчжей (Кубарев 1991, с. 124). В Ак-Алахе I на такую «повязку», видимо, наклеивалась сплошная полоса фольги с изображением «бегущей спирали».

Уборы детей в юго-восточных могильниках, как и у взрослых, имеют внизу крупную плоскую фигурку оленя с подвесками и наверху в виде скульптурки коня. Но у детей в декор головных уборов никогда не включались обычные для взрослых обручи, птичьи перья на прутиках и золотые зубчатые полоски. Изредка к названным фигуркам добавляли еще одну-две или нашивные зооморфные бляшки¹¹¹. В детских могилах с уборами типа 1 обычно встречены либо наборной пояс, либо гривна (они сочетаются в кургане 12 Юстыда XII). На плато Укок, судя по погребению мальчика из кургана 2 Ак-Алахи 1, схема декора могла быть и иной, но она пока известна лишь в единственном случае.

На мужских уборах юго-востока, кроме обычных крупного оленя внизу и наверху-коня, встречаем дополнительно еще по две-шесть фигурок животных одного-двух видов¹¹².

В южных районах женский головной убор этой разновидности накрывался подчас сверху особым «чехлом» войлока, который имел форму удлиненного прямоугольника со слегка закругленными углами. При

¹¹¹ Один олень (Уландрык II, курган 8), один орел (Юстыд XII, курган 8), один конь и один баран (Ташанта II, курган 1), бляшки в форме взлетающих орлов (Юстыд XII, курган 18).

¹¹² 4 барана и 2 коня (Уландрык IV, курганы 1 и 2), 1–2 оленя и 3 коня (Юстыд XII, курган 19), 2 коня (Ташанта I, курган 1) и т.п.

погребении он снимался с головы и клался отдельно, вне гроба. На единственной бляшке, украшавшей «чехол» в кургане 19 Юстыда XII, нанесено изображение крылатого коня.

Другая разновидность женских уборов типа 1 близка мужским. Они имели деревянный гребень с наверхшлемом в виде фигурки коня и крупной плоской фигуркой оленя внизу (туловище в данном случае не раздвоено). Для уборов этого варианта в юго-восточных могильниках характерно наличие узких зубчатых золотых полосок (в Барбургазы I их обычно по 2 экз., в Юстыде их число обычно кратно 5—5, 10, 15 экз.). Подобные зубчатые пластины в это время известны как у тагарцев Минусинской котловины (Курочкин 1992, рис. 22, 39—41), так и у европейских скифов (Алексеев Мурзин, Ролле, 1991, рис. на с. 247; кат. № 200) и у саков Семиречья (Иссык: Акишев 1978, табл. 1).

Наряду с этими пластинками нашивались бляшки из золотой фольги (иногда ажурные) в виде взлетающих орлов (отмечены только в наборе с зубчатыми полосками), головы сайги, режы — быка и лани (?).

Зооморфные украшения уборов типа 1 обычно представляли собой деревянные, покрытые золотом скульптурки, которые крепились на основании клеем и держались вертикально, а также приклеивающиеся плоские фигурки из фольги.

Сам состав зооморфных образов показывает, что изображались прежде всего не реальные животные, а мифологические персонажи. В.Д. Кубарев даже считает их инкарнациями божеств (Кубарев 1991, с. 114).

К наиболее распространенным относятся образы оленя и коня. Обычно одна фигурка оленя, всегда имеющего рога горного козла, крепится ниже одной-двух фигурок коня¹¹³. В Ак-Алахе удалось выяснить, что крупная скульптурка оленя располагалась на нижнем крае убора слева (Полосьмак 1994а, с. 41).

Олень иногда представлен крылатым (Юстыд XII, курган 16). В женских погребениях он часто изображался с раздвоенным и разведенным в стороны туловищем (в такие фигурки вписаны головы горного барана и сайги). Фантастические персонажи с подобным раздвоенным туловищем известны и на скифских головных уборах (Чертомлык) (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. на с. 202—203; кат. № 122), и в китайской торевице. У разных родоплеменных подразделений пазырыкцев фигурки оленя имели известную специфику, в частности, они смотрят в разные стороны (Кубарев 1992, с. 98).

Фигурки горных баранов встречаются на уборах как по одному экземпляру, в составе набора (Уландрык IV, курган 3; Ташанта II, курган 1), так и по 4 (вместе с 3—4 конями; Уландрык IV, курганы 1 и 2).

Фигурки сайгаков представлены только в женских погребениях (головной обруч — Ташанта II, курган 4; ажурные бляшки — Юстыд XII, курганы 4, 8, 27).

Фигурка быка известна на навершии убора восьмилетнего мальчика в Ак-Алахе I. Ажурные бляшки с бычьей головой украшали женские уборы Юстыда XII (курганы 16, 19).

Фигурки горных козлов, несмотря на популярность этого образа в пазырыкском искусстве, на уборах типа 1 не представлены. В целом образ горного козла, как и коня, популярен прежде всего в искусстве среднего этапа пазырыкской культуры; (см.: Баркова 1995, с. 74). Однако навершия с ними известны в соседних Туве (Кош-Пей I) (Семенов 1994, рис. 1, 5) и, возможно, в Западной Монголии (Улангом, могила 33) (Новгородова 1989, с. 334; рис. на с. 290).

В одном случае наверху мужского убора нашивались горизонтальные ряды бляшек с галопирующим крылатым монстром (Юстыд XII, курган 22).

Бляшки в виде стилизованного взлетающего орла нашивались в верхней части убора вертикальными рядами до пяти экземпляров в каждом (Юстыд XII, курган 19). Они найдены также в курганах 16, 18, 21 и 23 названного могильника, в кургане 26 в Барбургазы I и в кургане 1 Ак-Алахи I. Такие бляшки использовались в южной части пазырыкского ареала. В VII—II вв. до н.э. они крепились на мужских диадемах европейских скифов (Келермес, 1903 г., курган 1) и племен Тувы (Сулуг-Хем I, сруб 26) (Семенов 1992, с. 71; рис. 1), но нашивались при этом иначе — одним горизонтальным рядом. В I в. н.э. вертикальные ряды взлетающих орлов известны на аланской диадеме из Кобяково: там они связаны с изображением мирового древа (Гугуев 1991, рис. 16, 1).

В целом макушку островерхих уборов типа 1 могли венчать три различных животных. Чаще всего это покрытые золотом скульптурки коня (с рогами горного козла), иногда — быка (Ак-Алаха I, курган 2) или орла (Уландрык II, курган 12; Уландрык IV, курган 2; Юстыд XII, курган 25).

¹¹³ Интересно, что в соседней Туве (Аржан 2, курган 5) мы видим ровно *противоположную* схему размещения зооморфных фигурок на головном уборе: кони внизу и олень — вверху (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 21; Аржан 2004, с. 22; фото на с. 3).

Последний вариант известен на мужских уборах у других иранских народов древности¹¹⁴. Так, орел представлен на диадемах парфянских правителей и богов (Луконин 1977, рис. на с. 110; Ghirshman 1962, fig. 98), на уборах хорезмийских царей (Вайнберг 1977, табл. X; см. также: The Crossroads 1992, № 124; p. 320 sq.; в последнем случае возможна и кушанская принадлежность этой каменной головы правителя), на женском скифском головном уборе из I Мордвинского кургана (по форме, видимо, близкого пазырыкским) (Клочко 1993, рис. 1), на сосуде из Хотана (Синьцзян) II–VII вв. (Сорокин 1961, рис. 3, 6; здесь птица сидит прямо на голове) и в одном из курганов Северного Казахстана (Потемкина 1971). У таджиков и памирцев сохранились легенды, что царем мог становиться тот, на чью голову садилась птица (Андреев, Пещерева 1957, с. 22; Рахимов 1995, с. 166–167).

Закономерности размещения на головных уборах типа 1 наверху с тем или иным видом животного остаются пока неясными. Например, в Ак-Алахе 1 рядом были похоронены, вероятно, члены одной семьи: отец, взрослая дочь (?) и восьмилетний сын (?). Однако если у взрослых уборы оформлены совершенно одинаково и венчались фигуркой коня, то у ребенка наверху украшено уникальной фигуркой быка.

У древних иранцев известны и другие сюжеты зооморфных наверший. Так, убор правителя у саков Семиречья (Иссык) и юэчжей Бактрии (Тилля-тепе, могила 4) венчала золотая фигурка горного барана (Акишев 1978, с. 89, табл. 6; Турекулов, Турекулова 2001, с. 51; Sarianidi 1985a, pl. 113–120); у кочевников Тувы VII в. до н.э. (в Аржане 2: Эдвардс 2003, фото на с. 96; Çugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 21; Аржан 2004, с. 22) и у сарматов II–I вв. до н.э. (Косика) — оленя; у хорезмийских царей — верблюда (Вайнберг 1977, табл. X), в Туве и Монголии известны уже упоминавшиеся выше фигурки горного козла¹¹⁵, а у саков Кашгара убор царя — скульптурка льва (Бичурин 1950, II, с. 258).

Зооморфные навершия у центральноазиатских кочевников не обязательно делались из металла или дерева. Так, у южных соседей пазырыкцев, живших у оз. Лобнор, к макушке подобного убора пришивалась цельная шкурка горностая (женщина из могилы 36 в дельте Кумдарьи) (Bergman 1939, p. 137).

Интересно, что у шаманов Саяно-Алтая еще в XX в. сохранялась схема размещения образов ритуального головного убора, сходная со схемой пазырыкских образцов типа 1. Внизу обнаруживаем рога оленя и связанную с ними человеческую личину (ср. выше материал из кургана 4 Уландрыка III), выше — перья орла (Кенин-Лопсан 1987, с. 49–50). Некоторые уборы символизировали птицу и украшались цельной птичьей шкуркой или перьями (Прокофьева 1971, с. 63, 99).

Однако еще ближе нашим образцам некоторые синхронные памятники ранних кочевников. Такова схема метопиды женского головного убора из скифской Куль-Обы (пара коней, птица, полуантропоморфный персонаж, ряд розеток) (Клочко 1983, рис. 3, 3). По многим параметрам сходен и мужской островерхий убор из Иссыка в Семиречье (Акишев 1978, рис. 62–63)¹¹⁶: зубчатые пластинки, пара коней с козлиными рогами и зооморфное навершие на «постаменте»¹¹⁷.

Наиболее близкая аналогия уборам типа 1 с навершием в виде летящего орла и «диадемой»-обручем по нижнему краю известна у луфаней Ордоса (погребение 1973 г. в Алушайтене; см. главу 4.1). Найденные в составе этого убора «диадемы» скреплены серией штырьков верхнего экземпляра, вставлявшихся в полые цилиндрические пазы нижнего (позже подобное видим на золотых диадемах I в. н.э. из Тилля-тепе в Бактрии и Хохлача в Сарматии).

Тун 2. Этот тип убора хорошо сохранился у женщины в кургане 1 Ак-Алахи 3 и является как бы завершением тесно сплетенного с ним сложного парика. Верхняя коса последнего (см. ниже) была продета в войлочный красный конусовидный чехольчик, в который была воткнута булава с навершием в виде стоящего оленя (рис. 46, 17; 48, 2). К последнему крепилось «навершие» в виде большого овального лепестка высотой 61 см с деревянной основой, покрытого черной тканью. «Навершие» крепилось на деревянной подставке в виде усеченного конуса, украшенного золоченой фигуркой оленекозла с раздвоенным туловищем. По краю «навершия» находились 15 золоченых деревянных фигурок лебедей (?) с кожаными конечностями (Полосьмак 2001, рис. 98)¹¹⁸. Убор с аналогичным войлочным навершием-лепестком, по мне-

¹¹⁴ Фигурка орла была наверху головных уборов богов и героев и у такого индоевропейского этноса того времени, как кельты (Megaw, Megaw 2001, fig. 288, 290).

¹¹⁵ У другого индоевропейского этноса древности — кельтов — головной убор знати и богов могла венчать также фигурка кабана (см. на монетах, ритуальных котлах и др.: Megaw, Megaw 2001, fig. 246, 288, 302).

¹¹⁶ Нет необходимости вслед за К.А. Акишевым называть этот убор сасанидским термином «кулах», обозначавшим убор иных пропорций (см. главу 3.1).

В свою очередь, набор из четырех изогнутых зубчатых пластин, аналогичный иссыкскому, есть в скифском Чертомлыке (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. на с. 203; кат. № 122а).

¹¹⁸ К.В. Чугунов допускает нечто подобное для женского убора из могилы 5 Аржана 2 в Туве (Аржан 2004, с. 24). Однако набор из нескольких кусочков фольги с тисненными изображениями низкого качества, образующих горизонтальную линию длиной около 15 см, который находился примерно в 20 см от достоверного скопления украшений головного убора, у стенки могильного

нию Н.В. Полосьмак, был помещен в кургане 2 Пазырыка, а С.И. Руденко неверно трактовал его фрагменты как налобный обруч убора совсем иной формы (ср.: Руденко 1953, с. 122; табл. XXVI, 4, ХСVI, 3; Siberia 2001, р. 50–151, № 154). Войлок наверху был покрыт кожей; по внешнему краю размещены 10 вырезанных из кожи фигурок петушков.

Тип 3. В кургане 3 Пазырыка мужской убор сшит из двух кусков войлока оливкового цвета и покрыт кожей (Руденко 1953, с. 113; табл. ХСII, 2). По крою он напоминает капор мальчика из Уландрыка (см. ниже тип 7), но имеет длинные и довольно широкие ленты-завязки с утолщениями на концах (рис. 46, 7). Основная часть поверхности покрыта сплошным узором из «чешуек», сделанных на кожаной поверхности из темно-красного лака, и была расписана плохо сохранившимися изображениями каких-то фантастических зверей. Возможно, покрытие убора имитирует декор чжоуских боевых кожаных шлемов (Кубарев 1991, с. 110) (к сожалению, мне до сего дня не удастся лично ознакомиться в Эрмитаже с деталями этих плохо сохранившихся изображений и в целом — с большей частью коллекции одежды Пазырыка). На макушке пазырыцкого убора помещена миниатюрная, кожаная с позолотой квадратная башенка с четырьмя зубцами (современные ей персидские короны, вопреки мнению С.И. Руденко, она напоминает лишь очень отдаленно). Остатки сходного убора известны и в рядовом мужском погребении (Уландрык III, курган I) (там же, с. 178). Лучше сохранился такой убор в рядовом комплексе кургана 1 в Верх-Кальджине 2. В отличие от пазырыцкого он не имеет ни наверху, ни пышного декора, ни расширения на концах свисающих лент (рис. 46, 5).

Тип 4. Женский войлочный убор из кургана 1 в Ак-Алаха 3, сшитый из двух частей в виде узкого колпачка длиной около 85 см с небольшими полями. Более роскошный образец высотой 90 см обнаружен в кургане 2 Пазырыка (Полосьмак, Баркова 2005, рис. 2, 47) (рис. 46, 6). Нижние поля украшены кожаными кружочками с золотой фольгой. Оба убора сделаны из красного войлока. Аналоги V–IV вв. до н.э. известны в могильнике Субеши народа гуши (?) в соседнем Синьцзяне (Полосьмак 2000б, с. 78; 2001, рис. 102). По синьцзянским материалам (Mallory, Mair 2000, р. 196) ясно, что такие убора стояли вертикально благодаря каркасу из палочек.

Тип 5. Уборы с жестким каркасом, плоским верхом и широким назатыльником бытовали у многих иранских народов древности — у скифов (Мирошина 1981, рис. 4), персов, кушан, согдийцев. У пазырыцких он представлен в изображении богини с войлочного ковра в Пазырыке (курган 5). Убор украшен двухцветной красно-черной зубчатой полосой (рис. 46, 2). Наиболее близка ему «тиара» богини на терракотах Согда кушанского времени (Мешкерис 1989, рис. 26, 16 и 27, 16).

Тип 6. Головные убора с жесткой основой, через отверстия в макушке которых пропущены вверх две косы и искусственная коса между ними. Подобный убор найден в кургане 5 Пазырыка (Руденко 1953, с. 123). Он сделан из цельного куска кедр и покрыт кожей. Имеет два отверстия для кос диаметром около 1,5 см (рис. 46, 4). Уже давно отмечалось, что аналогичный образец представлен на изображении богини с пластины «Сон героя у мирового дерева» из Сибирской коллекции Петра 1 (Грязнов 1961, с. 22; рис. 11–12). Похожие берестяные шапочки с трубочкой сверху для косы известны в скифское время в соседней Туве (Семенов 1992, с. 74).

У ряда древних иранских народов типологически сходные убора с отверстиями сверху для косички носили представители обоих полов. Так было у европейских скифов к концу VI в. до н.э., у которых убор имел полусферическую форму¹¹⁹, и у хотано-саков Синьцзяна во II–VII вв. н.э. (см., например: Stein 1907, pl. XLIV; 1921, pl. CXXVI).

Тип 7. Головные убора типа капора у сибирских народов, плотно облегающие голову, без назатыльника и с лентами-завязками. Такая кожаная шапочка известна в погребении мальчика (?) из кургана 2 Уландрыка I. Она простегана вертикально и опушена мехом, а по нижнему краю украшена кожаной аппликацией в виде ряда петушков (рис. 46, 3)¹²⁰.

Некоторые находки женских уборов известны главным образом по описанию отдельных элементов их декора. Такого впускного погребения в кургане 5 в Яконуре, где убор украшался серией очень сложных и

сруба,

в сочетании с лежавшими чуть ближе к мужской голове тонкими узкими полосками фольги (ср.: Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 21), скорее принадлежал какому-то отдельному предмету.

¹¹⁹ См. изображения юноши-стрелка на афинской вазе: Vos 1963, pl. IV, b и убор на скифском перстне Аргота: Кузнецова 1986, рис. 1.

¹²⁰ Эти экзотические птицы стали известны жителям Алтая, как и обитателям Средиземноморья, незадолго до рассматриваемого периода. Первоначально их держали прежде всего ради петушиных боев (см., например: Салларес 1995, с. 96; примеч. 51). Стилизованные изображения ряда петушков (?) поперек полусферического головного убора известны на драмах парфянского Готарза I (ок. 90 — 80 г. до н.э.). Сводку изображений петушков на головных уборах и серьгах ранних кочевников Центральной Азии см.: Абдуллаев 1994, с. 30–31; рис. 1.

изящных ажурных вихреобразных кожаных трехлучевых свастик-триквестров (Погожева 1978; Грязнов 1992, табл. 67, 9). В позднем комплексе Каракольского кургана 1934 г. на убор нашивались несколько длинных золотых пластин и небольшая бляшка (Киселев 1951, с. 351).

Начельные украшения

Мужские начельные украшения (самостоятельные, не являющиеся лишь деталями головного убора) пока выявлены только в бедных могилах. Они сделаны из дерева, расширяются к центру. На них представлены обращенные друг к другу два копытных: олени (Юстыд XII, курган 23) или верблюды (Уландрык I, курган 1) (рис. 46, 1). Считать их копиями тканых или металлических образцов (Кубарев 1991, с. 123) пока преждевременно.

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Высказывалось мнение, что впервые штаны пазырыкцев были обнаружены в 1990 г. в Ак-Алахе (Полосьмак 1992, с. 143 и сл.). В действительности же они были найдены еще в 1865 г. в Катанде I (курган 8) и в 1954 г. в Туэкте (курган I)¹²¹ и затем — в Уландрыке IV (курган 1). Вместе с тем очевидно, что в восточной части Горного Алтая (Пазырык, Уландрык, Юстыд) местные племена, видимо, порой специально не помещали штаны в могилы. Они имели разную длину (до щиколоток — чуть выше колен) и заправлялись в обувь (Полосьмак, Баркова 2005, с. 83–84). Штаны носились мужчинами и девами-воительницами.

В Ак-Алахе 1 у мужчины и девушки штаны были сшиты из красной шерсти (кашемира и муслина), окрашенной мареной (последняя, видимо, привозилась из Средней Азии) (Глушкова 1994, с. 116 и сл., 120). У мужчины из Верх-Кальджина 2 они окрашены в малиновый цвет, у мужчины из Уландрыка IV — в красный с черными полосками (Кубарев 1987, с. 185; табл. LXVIII, а; Молодин 1995, с. 292). Сходные штаны из красной (обычно грубой) шерсти бытовали и у соседей пазырыкцев: у протоюэчжей Загунлука у Черчена (Ahmad, Dolkun 1986), у хунну Монголии (Ноин-Ула, курган 6) и, вероятно, у саков Семиречья (Иссык; сохранился лишь тлен). Позже у кочевников Кенкола в Киргизии (II–III вв.) они шились из красной кожи (Бернштам 1940, с. 9).

На юго-западе, в Ак-Алахе, штаны зауживались внизу, а сверху завязывались шнурком. Каждая штанина кроилась из двух половин, в шагу имелась квадратная вставка (сходный крой документируется в конце эпохи бронзы (?) в Загунлуке, Восточный Синьцзян). Мужские штаны дополнительно имели разрез спереди, прикрытый деталью в форме удлиненного треугольника без вершины (Садако Като 1994, с. 111–114; рис. 1, 4) (рис. 46, 25).

Мужские широкие штаны из красной шерсти, обнаруженные в двух могилах Верх-Кальджина 2, имеют ромбовидную вставку в шагу. Они более короткие, чем женские (чуть ниже колен), что объяснялось ношением в комплекте с ними высоких шерстяных чулок.

Катандинские штаны изготовлены из грубой шерсти. Штанины внизу очень узкие и имеют небольшой вырез. Он обшит шнурком, края которого свисали (Захаров 1926, с. 80). При необходимости штаны подвязывались им на лодыжках, как у стоящего персонажа на греко-скифской амфоре IV в. до н.э. из Чертомлыка (наблюдение А.Ю. Алексеева, 1993 г.).

В Туэкте мужские штаны из плотной замши, напротив, были широкими и кроились из более чем 400 разноцветных лоскутков. На каждой штанине было нашито вертикально по семи ажурных кожаных золоченых полосок с прорезным орнаментом внутри в форме *кругов* и *квадратов* (рис. 55, а). Такой орнамент, вероятно, несет значительную смысловую нагрузку, символизируя мужское и женское начало (см., например: Яценко 1987б, с. 135 и сл.). В шагу была вшита полоса из шкуры серого жеребенка (рис. 46, 26).

Интересно, что в известных нам случаях под штанами у погребенных не надета набедренная повязка.

Юбки

Юбка из Ак-Алахи 3 из плотной шерсти длиной до пят и шириной 110 см носилась молодой женщиной и вверху имела напуск для регулирования длины (последняя была больше, чем требовалось из-за заданной станком ширины тканых полос). Эта узкая юбка из трех полос была белой в центре и красной по краям и подпоясывалась тонким, сплетенным из ниток красным пояском с шестью кистями на каждом конце, повязанным простым узлом (Полосьмак 2000б, с. 74; 2001, рис. 85; Полосьмак, Баркова 2005, с. 64,

¹²¹ Садако Като предположила, что туэктинские фрагменты относятся не к штанам, а к плечевой одежде (Полосьмак 1994а, примеч. на с. 39), однако это мнение не аргументируется.

66) (рис. 46, 24). Сходная юбка в Ак-Алахе 5 состояла из четырех чередующихся белых и красных полос, а в кургане 2 в Пазырыке — из полос красной и зеленой ткани (Полосьмак 2005, с. 116). Юбки той же эпохи предполагаемого народа гуши из Восточного Синьцзяна (могильник Субеши 3) тоже украшены горизонтальными полосами трех цветов, но более узкими и частыми (Майтдинова 2003, рис. 125, 1). В погребении 13 Аржана 2 К.В. Чугунов предполагает двухполосную юбку.

Пояса

У пазырыкцев известны пояса нескольких типов. В.Н. Добжанский предлагает не вполне удачное, на наш взгляд, деление их по декору нашивных пластин: 1) с орнаментом; 2) с зооморфными изображениями; 3) смешанные (см.: Добжанский 1990, с. 22). Пояса делались из узкого, часто простеганного ремня (Пазырык, курган 2; Ак-Алаха 1, курган 1), широкого ремня прекрасной выделки черного цвета (мужчина из Верх-Кальджина II, кургана 3), плелись из нескольких тонких кожаных полосок (Башадар, курган 2) или из шерстяной ткани (женщина из Ак-Алахи 3). Подчас (как в пазырыкском кургане 2) они повязывались на животе; вероятно, это был «узел Геракла» (прямой морской), который характерен для поясов иранских народов древности (Горелик 1985, с. 39). Похожие узкие пояса, но из ткани, с орнаментом, известным на ряде поясных накладок пазырыкцев, недавно носили женщины алтайцев-тубаларов (см.: Алтайский костюм 1990, табл. 39, 39а).

Ременные пояса из кургана 2 в Пазырыке украшены растительным и геометрическим орнаментом, один из них — рядом идущих петушков (Siberia 2001, p. 145, No. 144). При этом вставки маленьких фигурных пластинок из золота и олова, видимо, имитировали реальную драгоценную полихромии (ibid., p. 146–147, No. 149) (рис. 46, 30; 59, а). У ребенка восьми лет из кургана 2 Ак-Алахи 1 ременной пояс декорирован весьма просто: внешняя замшевая поверхность прошита крест-накрест кожаным ремешком (Полосьмак 2001, с. 60). Женщина из Ак-Алахи 3 имела шерстяной пояс для крепления юбки в виде шнура с шестью небольшими кистями на каждом конце (рис. 46, 29). Пояс был длинным (более 190 см), так что концы его низко свисали. Сходные шерстяные кушаки, но с короткими шнурками до недавних пор носили алтайские женщины.

Воины носили, вероятно, по два пояса — «парадный» и портупейный для оружия, причем последний украшался наиболее эффектно (Пазырык, курган 2; Верх-Кальджин 2, курган 3).

Парадные мужские *наборные пояса* украшались парными крупными серебряными или золотыми (?) ажурными прямоугольными пластинами с сюжетными изображениями. Эти пояса по каким-то причинам в могилу не помещали (возможно, они наследовались, что часто упоминается в степном эпосе), а их пластины заменяли хрупкими деревянными, покрытыми золотой фольгой копиями.

В оформлении крупных пластин наборных поясов заметны связи с восточными соседями. Так, в Юстыде XII (курган 17) отмечены экземпляры, имеющие аналогии в соседних Туве и Монголии (Кубарев 1991, с. 86). Другой тип пластин, с имитацией рельефных круглых вставок самоцветов, имеет аналогии в металлических образцах из Монголии (Кубарев 1987, с. 76–78) (ср. в Верх-Кальджине 2 ободок поясных пластин окрашен в черный, а внутренность — в красный цвет: The Altai Culture 1995, № 75). Не следует исключать и связи с бывшими южными соседями — большими юэжками [ср. найденные в могиле из Пригородного района г. Бийска бронзовые пряжки (Руденко 1953, табл. LXXVIII, 2), имитирующие бирюзово-золотые изделия, со сценой терзания. Очень близкая аналогия им известна у юэжжйского князя из могилы 4 в Тилля-тепе: Sarianidi 1985a, pl. 122–123].

Кроме крупных пластин пазырыкские наборные пояса включали четыре малые прямоугольные пластинки с прорезью для подвесного ремня, покрытые геометрическим орнаментом (рис. 46, 32). Иногда этот орнамент повторяется в поясных наборах родственников из двух-трех разных курганов одного или соседних могильников. Орнаментированные пластины для дополнительных свисающих ремней были обычно привилегией мужчин. У сравнительно знатных юных воительниц, как явствует из находки в кургане 1 Ак-Алахи I (Полосьмак 1994а, с. 38; рис. 32, 2), они гладкие и обернуты золотой фольгой.

В ряде случаев пояса мальчиков и девушек украшались 20–35 раковинами каури и крепились двумя деревянными пуговками (Ак-Алаха 1, курган 1; Юстыд XII, курган 12). Этот парадный пояс сочетался с другим — портупейным у мальчика из Юстыда. Декор из каури известен и в соседних Туве и на Верхней Оби (Добжанский 1990, табл. VII (2, 7, 8), VIII (2); Семенов 1992, с. 72)¹²². Он до недавнего времени сохранялся на поясах шаманов Саяно-Алтая (Прокофьева 1971, с. 90). Характерно, что наборные пояса VII в.

¹²² Ближайшие районы добычи каури находились на Южно-Китайском или Андаманском морях, откуда они поступали, видимо, через Китай. В последнем в эпохи Инь и Чжоу такие раковины (*бэй*), как и подражания из металла и камня, являлись денежным эквивалентом.

до н.э. в соседней Туве отличаются как более частым размещением украшений на ремне, так и иными орнаментальными мотивами¹²³.

Особняком стоят пояса рядовых воинов из кургана 3 Уландрыка IV и кургана 25 в Барбургазы I. В первом пластинчатая пряжка с изображением лося дополнялась поясным крючком в виде фигурки лебедя (Кубарев 1987, табл. LXXVIII, 18–20). С пояса свисали ажурные портупейные ремни в форме стилизованных ажурных рыб. Присутствуют также малые наборные пластины (рис. 46, 31).

Обувь

Одной из характерных черт обуви у пазырыкцев были довольно высокие голенища. У иранских народов в скифское время такая обувь представлена и на изображениях бактрийцев, ареев, арахотов и ранних скифов (Ольховский, Евдокимов 1994, ил. 6, 8; с. 17). Она известна также у соседей Алтая — в Семиречье (Иссык) и Туве (Аржан 2). Подошва и голенище пазырыкской обуви кроились отдельно и со сборками у носков. Можно выделить четыре типа обуви.

Тип 1. Мужские *ноговицы* из ткани или кожи, крепившиеся лямками к поясу (рис. 46, 33), изображены у всадника на ковре из кургана 5 Пазырыка (рис. 46, 33; 47). Ноговицы того же облика с подчеркнутым кроем представлены позже на бляшках из кургана Тенлик в Семиречье, оставленного усунями, предки которых ранее были южными соседями пазырыкцев (Акишев 1983, рис. на с. 147; Байпаков, Савельева 2004, с. 73). В обоих случаях они шились из четырех основных частей. Близкий по крою, но подлинный синхронный экземпляр ноговиц известен в могильнике Субеши у Турфана (Ван Бинхуа 1993, фото на с. 15). Это позволяет уточнить их облик. Ноговицы шились из шерстяной ткани, а центральный элемент у колена — из узких полосок меха; по верхнему краю имелись завязки из тесьмы.

Тип 2. Высокие кожаные/меховые сапоги. Встречены пока у мужчин и мальчиков (?). В кургане 2 в Башадаре и кургане 2 в Уландрыке I они меховые. Даже у знати они шились экономно (в Башадаре голенища скроены из множества разнотипных кожаных квадратов) (Руденко 1960, рис. 29) (рис. 46, 35). Уландрыкские сапоги имели по верхнему краю ремешок, стягивающий голенища (Кубарев 1987, с. 85; рис. 30), у края которых под коленом имеется треугольный выступ (рис. 46, 34). Обе эти особенности до сих пор характерны для обуви населения Саяно-Алтая. Последняя из них известна и у южных соседей пазырыкцев в Загунлуке (Ahmad, Dolkun 1986).

Тип 3. Высокие войлочные сапоги-чулки. Известны у лиц обоих полов (Полосьмак, Баркова 2005, с. 92–95), были изготовлены из качественного белого войлока. Подошва, обычно красного цвета, кроилась отдельно. Красной горизонтальной декоративной полоской отделялась (как и на полусапожках) условная линия стоп. У женщины из Ак-Алахи 3 такие сапоги высокие (рис. 46, 38). Для наездницы в седле такая высокая обувь была необходима, так как ее юбка при этом высоко задиралась. У мужчин в такие «чулки» заправлялись укороченные штаны. По краю сапожки, как и в кургане 2 Пазырыка, украшались красной каймой с растительным орнаментом; обувь, как и юбка, была в целом бело-красной. В Синьцзяне (могильники Кызылчок и Субеши 3) такие высокие войлочные сапоги известны еще в эпоху поздней бронзы (Полосьмак 1997, с. 18; 2001, с. 126).

В Ак-Алахе 1 у погребенной также были войлочные сапоги до колен (тлен на одной из ног девушки) (ср.: Полосьмак 1994а, с. 40; рис. 19, 1; The Altai Culture 1995, fig. 32). У мужчины в Верх-Кальджине 2 они украшались полосками меха; от носка, вокруг щиколоток и по верхнему краю сапожек небрежно пришита красная лента¹²⁴; подошва кроилась отдельно. Интересны вшитые в качестве подошвы кожаные укороченные сзади «галoши» с лотосовидными ажурными орнаментом на носке и двумя ромбами на подошве (The Altai Culture 1995, pl. 32, b; Молодин 2000, с. 101; рис. 117–118)¹²⁵.

¹²³ Так, в могиле 5 Аржана 2 на ремне у мужчины через каждые 3 см нанизывались золотые обоймы с двумя вертикальными рядами «бегущей волны» (ср.: Çugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 21), а у дамы на нем крепились обоймы с мотивом зигзага (Аржан 2004, с. 24). Там же, в могиле 20, у менее знатного мужчины пояс украшался серией размещенных впрыток бронзовых блях в виде припавшего к земле кошачьего хищника (представлен мордой вниз) (ср.: Çugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 35).

¹²⁴ У «царя» в соседней Туве (Аржан 2) она делалась по верхнему краю уже не из ткани, а из широкой полосы золотой фольги (Çugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 23).

¹²⁵ На наш взгляд, именно такие войлочные сапоги с богато декорированным верхним краем выше колен и декоративными «галoшами» на стопах носила и женщина из тувинского Аржана 2 (ср.: Çugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 18, 26; Аржан 2004, с. 25; Çугунов, Парцингер, Наглер 2004, с. 10–11). Декоративные зоны сверху и снизу были оформлены сходно — сплошными горизонтальными рядами из мельчайших золотых трубочек, нашитых впрыток вертикально. Края «галoш» украшали две тонкие золотые пластинки, покрытые зернью и инкрустированными цветной эмалью клювовидными фигурами.

Тип 4. Женские полусапожки. В кургане 2 Пазырыка у женщины было две пары такой обуви. Сапоги с голенищами из шкуры леопарда (Баркова, Полосьмак 2005, рис. 2, 67) отличались особо роскошным декором как верхнего края (лотосовидный орнамент из нанизанных на сухожильные нити кусочков оловянной фольги), так и подошв (прорезной сходный декор на коже) (рис. 46, 36). Вторая пара из тонкой красной кожи была сплошь расшита сложным орнаментом со стилизованными лотосами (нити, обтянутые оловянной фольгой) и имела на подошвах вышивку в виде двух ромбов бисером из золотистых кристаллов пирита (Siberia 2001, p. 139, No. 133; Полосьмак, Баркова 2005, с. 92, рис. 2, 62) (рис. 59, б). В такой парадной обуви полагалось не ходить, а лишь сидеть по-турецки, демонстрируя богато расшитые подошвы (эта манера документируется у различных этносов, происходящих из восточной части Центральной Азии)¹²⁶. Красные полусапожки представлены у богини с войлочного ковра в Пазырыке.

Чулки войлочные

Делались из белого или черного войлока и носились мужчинами и женщинами, по высоте соответствуя обуви (последнее отмечено и у умерших в Загунлуке). Образцы хорошей сохранности происходят из кургана 2 Пазырыка (Полосьмак, Баркова 2005, с. 96, рис. 2, 68). У мужчины они высокие, скроенные из двух кусков со швом с тыльной стороны голенища и вдоль подошвы. По верхнему краю они украшены рядом стилизованных петушков (рис. 46, 37). Женщина надевала на каждую ногу одновременно по два коротких носочка разной высоты с треугольными выступами по краю. Кроме отдельной подошвы, основная часть скроена из одного куска.

Прически

Прически у лиц обоих полов в курганах 2 и 5 в Пазырыке отличались столь заметно, что С.И. Руденко считал эти пары принадлежащими к разным племенам (Руденко 1953, с. 131). В кургане 2 у обоих погребенных волосы на голове полностью сбриты (то же видим как будто и у богини на войлочном ковре из 5-го кургана). Зато в кургане 5 и у мужчины и у женщины их обрили только спереди; на макушке и затылке волосы были оставлены.

Мужские прически

Они известны как в погребениях, так и на некоторых изображениях мифологических персонажей.

Тип 1. В Пазырыке у всадника из кургана 5, изображенного на ковре, и у личин узды из кургана 1 волосы очень короткие, курчавые (или искусственно завитые), прическа с прямым пробором и небольшие усы (у всадника их концы загнуты вверх) (рис. 46, 11–12).

Тип 2. Другой тип прически представлен у «сфинкса» («аримаспа») на фрагменте войлочного ковра из кургана 5 и у всадника на золотой статуэтке из Сибирской коллекции (рис. 46, 13). Спереди волосы собраны над лбом в небольшой узел, сзади они довольно длинные и у «сфинкса» заплетены в косичку. Мужские прически с коком над лбом известны в это время также у европейских скифов (Яценко 1989б, табл. 4а, внизу).

Тип 3. В кургане 3 Верх-Кальджина 2 (Молодин 2000, с. 116; рис. 145; Полосьмак 2001, с. 162) светлые волосы мужчины были ровно и очень низко подстрижены спереди, а на макушке из нестриженных волос были сделаны две длинные косы из двух прядей каждая, длиной до плеч, концы которых соединялись. Две косы носил и аристократ из Берельского кургана, они сочетались с бородой и усами (Самашев и др. 2000, с. 25).

Тип 4. В кургане 5 в Пазырыке у мужчины волосы сбриты спереди, а оставленные на макушке и затылке были довольно длинными (рис. 46, 15) и могли заплетаться в небольшую косичку, как у «сфинкса» на ковре.

Тип 5. Встречен в кургане 1 Ак-Алахи 1. Пожилой мужчина имел волосы средней длины, подстриженные, видимо, «под горшок» и носившиеся без пробора (на лбу и макушке были залысины) (рис. 46, 14).

Тип 6. В рядовом кургане 3 могильника Верх-Кальджин рыжие волосы мужчины подстрижены кругом «под горшок»; на макушке оставлен нестриженный участок, из которого составлены две косы ниже плеч (каждая — из двух прядей) (Полосьмак 1997, с. 16).

Тип 7. В ряде случаев у мужчин известны остатки париков в виде толстых пятен черного тлена (см. ниже). Однако они не сопровождаются, в отличие от женских, шпильками и украшениями. У представителя знати в кургане 11 Берели сложносоставной парик сочетался с усами и бородой. Известны парики и в бедных комплексах (Юстыд XII, курган 26).

¹²⁶ См. серебряные накладки на подошвы V–III вв. до н.э. из Сихуингоу во Внутренней Монголии (Неи Мэньгу 1992, рис. 2, 2 на с. 93), сапожки с вышивкой на подошвах в хуннской Ноин-Уле, золотые подошвы «царицы» из могилы 3 юэчжйского Тилля-тепе, изображение сидящего персонажа на жертвеннике из Иссыкского клада у саков Семиречья (Байпаков, Савельева 2004, с. 94–95).

Борода носилась, видимо, нечасто, но у персонажа со звериными ушами на узде из кургана 1 Пазырыка (принято думать, что эти подвески узды имитируют отрубленные головы врагов¹²⁷) она окладистая и при этом, вероятно, искусственная, накладная (см., например: Баркова, Гохман 1994, с. 28, 30–31). Мужчины монголоидного облика из кургана 2, приспосабливаясь к местным обычаям, также пришлось носить искусственную, окрашенную в черный цвет бороду.

Женские прически

Тип 1. В кургане 5 в Пазырыке у женщины волосы были обриты, кроме затылка, где они собраны в две косы, каждая из которых сплеталась из трех прядей (рис. 46, 16); последнее также отмечено у богини на пазырыкском ковре и у шестнадцатилетней девушки в кургане 1/2 Ак-Алахи (Полосьмак 2001, с. 57). В пазырыкском кургане 2 они были перевязаны ремешками и обвиты волосяной бахромой. Затем эти косы были обмотаны вокруг искусственной косы из конского волоса и завязаны двумя войлочными полосками (Руденко 1953, с. 130). Для прочности в этот узел были воткнуты две железные вилкообразные булавки с зооморфными навершиями (Кубарев 1987, с. 96). Обе они имеют длину более 20 см¹²⁸. К концу искусственной косы добавили четвертую (из собственных волос), в которую были вплетены шерстяные шнуры. Все это сложное сооружение выглядывало из отверстия на макушке деревянного головного убора и стояло вертикально (Грязнов 1961, рис. 12) (рис. 46, 4). Традиция носить две косы из собственных волос в сочетании

с двумя накладными известна и у людей, погребенных в Загунлуке, Синьцзян (Ahmad, Dolkun 1986). Сходный тип женской прически (голова обривается спереди, оставленные на макушке волосы заплетаются в две косы) бытует на Алтае и в Туве до сих пор (правда, она сохранилась только у девочек; ср.: Дьяконова 1986, с. 35; Сат 1984, с. 189). Попытку ряда этнографов представить этот тип результатом позднего влияния китайско-маньжурской династии Цин в XVII–XVIII вв. в свете сказанного нельзя признать удачной.

Тип 2. Это наиболее эффектный тип прически замужних женщин: на обритой голове помещали особый *парик* из нескольких органических материалов в сложных футлярах. Он сочетался с головным убором типа 2. Верх парика образовывали пряди конского волоса, которые заплетали в три псевдокосы из трех прядей каждая. Две из них (уложенные над ушами с боков к макушке) покрывались двумя короткими и узкими желобчатыми деревянными золочеными (или с металлическими пластинками с резным орнаментом) футлярами-накосниками, причем декор этого комплекта в каждом случае индивидуален (Кубарев 1987, с. 94; рис. 36, 3, 6); так, в Ак-Алахе 3 эти накосники покрыты рядами головок грифонов (The Altai Culture 1995, No. 50). (Аналогичные пазырыкским, но сделанные из бронзы накосники представлены в могилах лоуфаней Ордоса, см.: Ордос тай 1985, с. 129, 212, 284, 361.) Эти две крупные косы укладывались с боков к макушке и укрывались желобчатыми накосниками. Третью прядь полагалось крепить вертикально сзади; для нее изготовлялся длинный накосник длиной более 20 см в виде изогнутого рога горного козла¹²⁹ или его схематичная имитация (Кубарев 1987, рис. 36, 1); в Уландрыке остатки подобной косы всегда прослежены вертикально над головой (там же, с. 94). Это означает, что они вставлялись в отверстие в верхней части головного убора-колпачка типа 2 (известны, кроме Ак-Алахи, в комплексах Уландрык IV, курган 1; Ташанта II, курган 4; Барбургазы I, курган 17). Подчас с одной женщиной находят до десяти маленьких простейших деревянных шпилек, хотя обычно использовались один-два крупных экземпляра с головой коня (Кубарев 1991, с. 111–112) (рис. 46, 17). В Ак-Алахе 3 тонкая несбритая прядь собственных волос на макушке пропускалась в небольшой чехол, связанный из красной шерсти. В него, в свою очередь (как и в кургане 2 Пазырыка), втыкалась булавка, увенчанная скульптуркой оленя (Полосьмак, Баркова 2005, с. 72–74). В волосы спереди втыкали эгрет с навершием в виде крупного оленя или барана с раздвоенным туловищем.

В Ак-Алахе 3 эти деревянные с золотой фольгой накосные украшения декорированы рядами головок грифонов (The Altai Culture 1995, No. 50). В кургане 1 собственные волосы заменены сложным париком, а

¹²⁷ Эти головы некоторые авторы считают головами монгольских хунну, воевавших с пазырыкцами-«юэчжами» (см.: Кляшторный, Савинов 1998, с. 171–176). В таком случае, во-первых, непонятны звериные уши у этих персонажей (заимствованные у кошачьих хищников), которые у индоевропейцев свойственны божествам, связанным с дикими животными, лесом и т.п. Во-вторых, юэчжи по китайским источникам локализируются на 2000 км южнее. В-третьих, костюм достоверных бактрийских юэчжей-кушан, как следует из описания в главе 2.3, почти ничего общего с пазырыкским не имел.

¹²⁸ Две золотые булавки длиной 25–30 см были воткнуты горизонтально, практически впритык друг к другу на уровне макушки в какой-то узел прически в могиле 5 Аржана 2 в соседней Туве (одна из них, как и пазырыкские, имеет навершие в виде фигурки оленя). В публикации утверждается, что они были элементом головного убора и лежали остриями друг к другу (Аржан 2004, с. 24; фото 38–39); на полевом же фото видно, что их острия были воткнуты практически в одну точку на макушке; при этом они торчали с левой стороны (см.: Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 21).

¹²⁹ У этнографических равнинных таджиков рога горного козла имитировались особым повязыванием головного платка у замужних женщин (см.: Писарчик 2003, с. 97, рис. 30).

более тонкая прядь на макушке пропускалась в небольшой чехол из красной шерсти. Прически в округе Турфана (Субеши) также скреплялись несколькими деревянными шпильками и охватывались плетеной «сеточкой». Поверх надевался «чехол», подобный найденному в Ак-Алахе 3 (Ван Бинхуа 1993, рис. на с. 16).

Особенностью *парики* женщин, похороненных в южных могильниках, была окраска их в черный цвет. Тлен от них иногда образует вокруг черепа пятно толщиной до 5–6 см (Кубарев 1991, с. 114). После находки в Ак-Алахе 3 стало ясно, что это были парики с основой из войлока, покрытого слоем конского волоса и поверх него слоем из обожженных зерен местного злака-волосенца, животного жира и, возможно, костного клея. Вверху конский волос собирался в пучок, который обертывался войлоком и завязывался. Такой парик надевался на обритую голову (вероятно, лишь замужними женщинами) (Полосьмак 1992, с. 9; 1997, с. 15, 19, 36; 2001, с. 145–147).

Косметика

Ее следы сохранились у умерших обоих полов и разных возрастов в виде полос какой-то минеральной краски темно-малинового цвета (не охры) на лице. В кургане 2 Быстровки 2 полосы краски образовывали на лице женщины надо лбом стилизованный трилистник и знак «V» у висков (Полосьмак 1998а, с. 66–69; рис. 23). Последний тип рисунка представлен и на согдийских терракотах кушанского времени (см. главу 2.6). В кургане 1 Ак-Алахи 3 в косметическом наборе представлен в качестве синего красителя местный минерал вивианит (Полосьмак 1999, с. 123)¹³⁰.

Татуировка

Пазырыкские татуировки делались накалыванием, при втирании сажи от котла (Полосьмак 2001, с. 231). Они известны у мужчины в могильнике Пазырык (курган 2) (Руденко 1949, рис. 3, 10, 14; 1953, рис. 80–83) (рис. 60), женщины в Ак-Алахе 3 и у мужчины в Верх-Кальджине 2 (The Altai Culture 1995, обложка; Полосьмак 2001, рис. 98, в) (рис. 61), у лиц, относящихся как к разным категориям знати, так и к простолюдинам. Они встречены на предплечьях, груди и на голенях (Пазырык), на всей руке (Ак-Алаха) или только на предплечье (Верх-Кальджин). В юго-западных могильниках татуировка обнажалась в теплый сезон, когда одежда приспускалась с правого плеча (Полосьмак 1997, с. 25–26). Сюжеты татуировок — практически только зооморфные (за исключением мелких значков вдоль позвоночника у мужчины в Пазырыке и на некоторых пальцах — в Ак-Алахе). Здесь представлены копытные и фантастические кошачьи, чаще всего — в динамичных позах (бег, подкрадывание, оглядка назад, S-видная поза). В Ак-Алахе есть и прямые сцены терзания; в Пазырыке заказчик их избегал. Ф.Р. Балонов рассматривает татуировку в Пазырыке как четырехмерную систему с противопоставлением трех горизонтальных зон, верха и низа, фронтального плана и тыльного. Он полагает, что изображения на голенях и предплечьях были рассчитаны на движения мышц конечностей, при которых они «оживали», перемещаясь вверх-вниз (Балонов 1987, с. 92–93); такую трактовку пока трудно подтвердить.

Весьма важен установленный мною факт, что некоторые мифологические образы на татуировках и «сфинкс» («аримасп») на ковре из кургана 5 в Пазырыке имеют прямые иконографические параллели только в описаниях частично синхронного *китайского сочинения «Каталог гор и морей»*. Барс с большим, спирально закрученным хвостом фигурирует в нем как «леопард чжу»; крылатый тигр — как бог Цюнцзи; тигр с рогами оленя — как божество-хозяин горных лесов. «Сфинкс» во всех основных деталях соответствует образу полузооморфного бога Луу (что, однако, допускает наличие у него специфической местной прически) (Яценко 1996а, с. 154–158). Эти соответствия не обязательно объясняются заимствованиями из Китая: возможно и противоположное их направление (так, местопребывание «леопарда чжу» и бога Цюнцзи локализуется в «Каталоге» на землях северных кочевых варваров)¹³¹.

В размещении персонажей на татуировке прослеживаются определенные закономерности. Так, «леопард чжу» в Пазырыке присутствует во всех группах изображений на разных частях тела. На обеих руках (рис. 60) изображены горизонтально по три бегущих копытных: в середине горный козел с клювом орла,

¹³⁰ В соседней Туве в кургане Аржан 2 в косметический набор включались комки двух красителей — красного и зеленого (Чугунов, Парцингер, Наглер 2004, с. 10). Что касается синей краски, то она в скифское время известна у кочевников Южного Урала: например, в кургане 2/2 у с. Варна на каменном «жертвеннике»-растиральнике находилась костяная коробочка в виде узкого цилиндра с синим порошком внутри (Боталов, Таиров 1996, с. 119).

¹³¹ Леопард «чжу» фигурирует и на петроглифах Горного Алтая (ср.: Кубарев 1998, табл. III, 2).

хвостом кошачьего и головками грифонов вдоль рогов; в верхнем и нижнем ярусах композиции чередуются горный баран и горный козел.

В Ак-Алахе 3 в верхней части предплечья изображен все тот же фантастический «горный козел», а ниже размещены сцены терзания оленя и горного барана уже знакомыми нам персонажами — «леопардом чжу» и тигром с рогами оленя. К сожалению, мелкие изображения на пальцах рук сохранились плохо. У рядового мужчины в Верх-Кальджине тот же «козел» украшает правое плечо.

Крой

Крой пазырыкской одежды в целом трудно назвать экономным — шубы, рубахи и иногда штаны были очень широкими. Последнее могло быть и престижным фактором или иметь магическое значение¹³². Вместе с тем войлок использовался даже в маленьких обрезках, и знатные лица носили одежду, сшитую в виде мозаики подчас из сотен кусочков (оформленную, впрочем, весьма изящно). Вероятно, это не результат скaredности хозяев (ср.: Полосьмак 1992, с. 53–54), а проявление их своеобразных эстетических вкусов и средство дополнительной магической защиты (как это было, например, у таджиков), хотя было весьма удобно и в быту (см. ниже).

Очень характерно широкое применение предметов, простеганных сухожильными нитями. Для прочности простегивались даже ременные пояса, подошвы обуви и меховые подкладки плечевой одежды, причем плотность стежков достигала подчас 20 на 1 см (!). Верхняя одежда обычно сплошь простегивалась очень частыми стежками. То же часто делали с меховой или кожаной подкладкой. Н.В. Полосьмак считает такой прием отчасти магическим действием (там же); однако сплошное простегивание отнюдь не идентично крою из лоскутков, на который она ссылается. Думается, функции такого простегивания предметов костюма были иными — увеличение носкости и эстетические достоинства.

Стан нижней одежды (рубах) кроился с плечевым швом из четырех полотнищ, у мужчин (перед и спинка — из двух вертикально сшитых кусков), как в кургане 2 Пазырыка, и из двух основных вертикальных полотнищ (но с имитацией вертикальных швов полосками тесьмы) у женщин (Ак-Алаха 3) (Полосьмак, Баркова 2005, с. 69). Спинка кафтанов и шуб могла быть цельной (Верх-Кальджин 2, курган 3) или кроиться из трех (Пазырык, курган 3) кусков и более (соболья шуба из кургана 2 и горностаевая из Катанды, с крупными клиньями по бокам) без ластовиц и со слегка присборенным краем рукавов. Конструктивные швы плечевой одежды подчеркивали ремешком или цветной тесьмой. Пришивной подол и широкие боковины редки (последние использованы в кандисе из Катанды, меньшего размера на рубахе из Ак-Алахи); обычно же использовались небольшие (в том числе двойные) треугольные клинья; иногда они заменялись глубокими боковыми разрезами (кафтаны). У ворота кафтанов материал скашивался лишь немного и далеко не всегда, что не типично для большинства иранских народов данного времени; к женским платьям пришивался невысокий стоячий ворот. Использовались небольшие ластовицы, пришивные обшлаги, длинные и зауженные ложные рукава¹³³. Шубы и полушубки шились на меховой подкладке (последний у мужчины в Верх-Кальджине сшит из сурка, а подкладка — из овчины). Парадные, с плечевым швом, одеяния вроде катандинского «фрака» имеют специфическую деталь кроя — выступ на подоле — «бобровый хвост» (кривящийся единым куском со спинкой), что имеет аналогии у более северных самодийских народов Сибири, у предков которых эта деталь, видимо, была заимствована (Руденко 1953, с. 208). У самодийцев похожий крой имела ритуальная одежда из цельной шкуры оленя (Равдоникас 1978). На спинке кандиса из Катанды по верхнему краю вшит элемент, который имеет форму фигурной скобки «{»; аналогичный элемент видим на золотых фигурке всадника и поясных пластинах «Охота в лесу» из Сибирской коллекции Петра I, происходящих из соседних районов Юго-Западной Сибири (Завитухина 1990, рис. 1, а-б; 4, а). Следовательно, он характерен для местных племен скифского времени.

Штаны шились из четырех частей с квадратной вставкой в шагу; у мужских разрез спереди закрывался пришивной треугольной деталью. Юбки кроились из 3–4 полос. У сапог и полусапожек подошва и задник шились отдельно, носок присбаривался, иногда имелся треугольный выступ под коленом; ноговицы традиционно кроились из четырех частей. Войлочные сапоги-чулки также кроили из четырех частей (головка, подошва, основная часть голенища и его верхний край). Полусапожки могли иметь расширяющиеся рас-

¹³² Возможно, типологически сходно было захоронение умершего в чужой и более широкой одежде. Так, в одном из ранних могильников Синьцзяна (нижнее течение Кончидары, 1979 г.) еще времени энеолита девочка была завернута в большее по размеру и гораздо более широкое платье взрослой женщины (Майтдинова 2003, с. 158). Отмечу, что необычно широкие женские платья иногда встречаются также у раннесредневековых аланов Северного Кавказа (Нижний Архыз — древний г. Магас) (Орфинская 1989, с. 113–114).

¹³³ С.И. Руденко предполагал накладные карманы на войлочном кафтане из кургана 3 Пазырыка. В костюме древних ирано-язычных этносов они если и использовались, то очень редко. Ср. предполагаемые карманы штанов «позднескифского» мужчины II–I вв. до н.э. из ящика IX Мавзолея Неаполя Скифского (Погребова 1961, с. 197).

трубом голенища. У носков подошва кроилась отдельно от основного куска войлока. Войлочные башлыки шились из двух сходных кусков.

Силуэт и декоративные принципы

Практически на всех известных мне степных изображениях мифопоэтических героев-мужчин античных кочевников мы не находим у персонажей гипертрофированных бицепсов. У героя с войлочного ковра в Пазырыке (Грязнов 1958, рис. 56), на золотых поясных пластинах с сюжетом «Сон героя у дерева» в Сибирской коллекции Петра I (там же, рис. 1), как и на ряде других изображений из Южной и Юго-Западной Сибири, фигура выглядит весьма грациальной. У идеального мужского персонажа в этом регионе *очень тонкая («осиная») талия* (впрочем, талия заметно выделена на большинстве изображений евразийской Степи); здесь всегда подчеркиваются крупная голова и роскошные усы (см., в частности, кроме персонажа на пазырыкском ковре рукоять ритуального сосуда со всадником из той же Сибирской коллекции: Siberia 2001, No. 80 и обложка). Действительно, в эпосе иранских народов (в отличие, например, от тюркских) физическая мощь героя часто не подчеркивается при описании его внешности. Он побеждает не только мускулами и боевым искусством, но и интеллектом. Это неизбежно: его врагами зачастую выступают демоны и могущественные колдуны, которых нельзя сломить физической силой в честном бою¹³⁴.

Плечевая одежда кроилась очень широкой, что на первый взгляд весьма неэкономно¹³⁵ [ср. «огромные размеры одежды (плечевой. — С.Я.) пазырыкцев вызывают удивление»: Полосьмак 1997, с. 13]. Широкиими иногда были и штаны, однако они заправлялись в обувь. Напротив, высокая обувь обычно шились узкой. Сложные скульптурные украшения головного убора, причудливые парики, длинные свисающие фигурные концы пояса и выступы подола в виде «бобрового хвоста» в сочетании с весьма свободной (несмотря на опоясывание и узкие рукава) и подчас носимой внакидку плечевой одеждой делали пазырыкский костюм далеким от контуров человеческого тела.

Благодаря хорошей сохранности органических материалов в «вечной мерзлоте» даже случайно дошедшие до нас и фрагментированные предметы костюма из разграбленных курганов Пазырыка V–III (?) вв. до н.э. производят сильное впечатление трудоемкостью изготовления, богатством орнамента и яркостью цветовой гаммы. Видимо, на украшение одежды и других изделий была направлена значительная часть творческой энергии этого воинственного народа.

Обкладка различных вещей золотой фольгой (изредка серебряной, медной или оловянной) распространена и в могилах рядовых лиц, что весьма необычно для иранских народов древности. Последнее могло объясняться обилием золотых приисков у соседей воинственных пазырыкцев, а в отдельные периоды также наличием конфликтов на путях торговли золотом, когда оно оставалось на Алтае (ср., например: Киселев 1951, с. 358 и сл.). Бляшки из золотой фольги у пазырыкцев подчас расписывались красной краской, как и находки из кургана Шибе (там же, с. 336). Аналогичная традиция известна у саков Семиречья (головной убор из кургана Иссык). При изготовлении («строении», как сказали бы на Руси) парадной одежды знати мастерицы часто стремились создать иллюзию сплошного золотого покрытия путем наклеивания сравнительно большими площадями на кожаную основу фигурных листочков золотой фольги, зубчатых полосок с золотой фольгой, обшивкой бусами из пирита¹³⁶. Реже (и часто в сочетании с золотом) использовалось «серебряное» покрытие (оловянная фольга, нанизанная кусочками вокруг сыромятных ниток) и медное. Иногда из кости вырезались нашивные бляшки со сложными сюжетами, имитирующие изображения на золотых образцах и даже бортик по их краю (ср. в Берели: Самашев и др. 2000, фото на с. 39).

У мужчин-воинов известно покрытие типа «чешуи» (подчас разноцветное) или из стилизованных перьев (кандис из Катанды, головные уборы типа 3 и др.) (ср. кафтан из Иссыка в Семиречье). Подобный декор одежды знатных воинов документируется и в эпических сказаниях тюркских народов (Айдаркулов 1979, с. 154).

Видимо, не менее было распространено сплошное покрытие отдельных кожаных предметов очень сложным орнаментом, образованным фигурными прорезями, надрезами и крашеными сухожильными ни-

¹³⁴ В алано-осетинском и персидском эпосах неоднократно встречаем, например, эпизод с походом героя в царство демонов, где его хозяин держит пленников (это может быть невеста героя) в крепости, охраняемой сверхъестественными силами. Ее можно взять только с помощью обмана и не без некоторого волшебства.

¹³⁵ Ср., однако, у кочевых казахов: «Одежду крои свободнее — можно ушить; железо режь покороче — можно удлинить»; «Узкая одежда износится быстро» (Казахские пословицы 2002, с. 47, 70).

¹³⁶ В соседней Туве в более раннее скифское время (VIII–VII вв. до н.э.) широко использовалась сплошная обшивка одежды бисером из бирюзы: таковы остатки обшивок в могиле 2/1 Аржана-1 (Грязнов 1980, с. 21).

тями (см., например, мужской кафтан из кургана 2 в Башадаре: Руденко 1960, с. 208) (рис. 55). Известны ажурные накладные композиции из бересты и цветного войлока. Некоторые предметы поясной одежды и обуви изготавливались в стиле меховой мозаики из сотен разноцветных прямоугольных кусочков. Неоднократно встречено оформление краев одежды и швов красной тесьмой или тканой полоской. Плечевая одежда иногда расшивалась сплошными длинными низками бирюзового бисера (в Берели они образуют узор из свисающих «языков пламени», как на пелеринах из Аржана 2: Самашев и др., 2000, фото на с. 26, и, возможно, так же украшали именно пелерины)¹³⁷.

В одном случае шуба в Верх-Кальджине 2 декорировалась на спинке окрашенными пучками конского волоса и кожаными аппликациями. Ворот и «погоны» были украшены широкой (15 см) полосой из шкуры черного жеребенка. Тот же материал украшал обшлага. На другой шубе по диагонали шли два параллельных ряда кусочков окрашенного в синий меха с подвешенными пучками из конского волоса красного цвета (рис. 51).

Наиболее популярными зооморфными мотивами в костюме пазырыкцев были изображения оленя и коня (головные уборы), петушков и ряда голов грифонов.

Цветовая гамма пазырыкского аристократического костюма была весьма разнообразной и яркой, в ряде случаев более всего напоминая костюм малых народов Приамурья¹³⁸. Преобладали три цвета — красный, белый и синий, часто в сочетании основных белого и красного [распространены также сочетания цветов: красный (синий) с желтым (коричневым)], реже использовались черный и зеленый цвета. Подчас на одном изделии небольшого размера сочетаются четыре-пять указанных цветов. Многие предметы костюма (головные уборы типа 1 и деревянные обручи — детали таких уборов, рубахи, штаны, юбки, полусапожки, детали пояса) были только красного цвета. Природный цвет дорогих мехов иногда предпочитали менять, окрашивая его в синий, красный или зеленый¹³⁹; иногда мех покрывали шелком (нагрудник из Катанды). В Верх-Кальджине пучки конского волоса на спинках шуб окрашивали в красный цвет.

Эстетический идеал этноса

Он особенно ярко отражен на изображениях конного героя и богини на ковре из кургана 5 в Пазырыке (Руденко 1953, табл. ХCV) (рис. 47). У обоих персонажей слегка вытянутая голова, маленькие глаза и рот, подчеркнуты тонкие брови при выступающих надбровных дугах, довольно крупный мясистый нос, длинные и тонкие руки и ноги. Очень малы кисти рук с миниатюрными пальцами. Ворот одежды плотно облегают шею. Прическа оставляет открытыми уши. У мужчины бритое лицо, завитые вверх толстые усы (как и у «грифона» — бога Луу на фрагменте другого ковра, пришитого к нашему), очень узкая талия. Широкие одежды, известные среди находок Пазырыка, здесь не представлены. Большинство этих деталей трудно отнести к стилизации изображения мастерицей, изготовившей ковер.

1.4. Хорезмийцы

История изучения костюма

Специальные работы по костюму древнего Хорезма, находящегося в крупном оазисе недалеко от впадения Амударьи в Аральское море, любого из рассматриваемых в книге периодов пока отсутствуют. Литература на эту тему ограничивается тремя фразами в статье И.Б. Бентович (Бентович 1980, с. 198, 208) и, разумеется, краткими описаниями различных публиковавшихся изображений. Недавно мною был дан

¹³⁷ На деревянной доске перекрытия могильной ямы в ограбленном комплексе Берели обнаружены также отпечатки двух небольших ромбовидных композиций из бисера (см.: Самашев, Мыльников 2004, рис. 86).

¹³⁸ Аналогии описанным выше изделиям см., например: Краски земли Дерсу, 1982, с. 85, 89, 91, 94, 101. Красочность ряда пазырыкских изделий пока не имеет соответствий среди других иранских этносов древности, у которых в костюме из погребений господствуют различные оттенки красного цвета. Однако думать, что в одежде однозначно преобладал именно красный цвет, а черного пазырыкцы «избегали» (ср.: Полосымак 2001, с. 141), в настоящее время нет оснований.

¹³⁹ Читателя может удивить подобное желание исказить вид драгоценного для европейцев меха соболя. Но следует помнить, что местные жители ценили этот мех гораздо меньше импортных и что, например, к моменту прихода русских в Восточную Сибирь многие тунгусы (эвенки) наклеивали соболий мех на поверхность лыж (Туголуков 1969, с. 15). В Пазырыке мех соболя иногда выделан как обычная *замша* с потерей ворса.

общий обзор развития хорезмийского костюма (Яценко 2004б). Таким образом, детальная характеристика хорезмийского костюма изучаемого периода в данной главе дается впервые.

Источники

Большинство материалов по костюму Хорезма данной эпохи датируется IV в. (реже — в рамках IV–III вв.) до н.э. Господствующий вид источников для этого времени — терракотовые изделия разных типов — небольшие фигурки божеств, фигурные хранилища для костей умерших — зороастрийские оссуарии (хорезм. *тапанкук*), рельефные изображения на глиняных флягах. Они найдены главным образом на территории и в округе крупного культового центра этого времени — храма-мавзолея правящей династии — Кой-Крылган-кала, исследовавшегося советскими учеными с 1950 г. Немало изображений обнаружено также в Калалы-гыре 2; отдельные находки происходят из укреплений Кюзели-гыр и Джанбас-кала. Почти все персонажи, изображенные в детализированном костюме на территории Хорезма этого времени, — божества или эпические герои, однако интересующие нас реалии обычно имеют выраженную местную специфику. Очень интересна голова глиняной скульптуры из Гяур-калы — видимо, реалистический портрет наместника крепости. Еще более важны реалистические, детализированные гравировки сцены охоты на льва и фигуры сидящего правителя на костяном изделии из Калалы-гыра 2 (Калалы-гыр 2 2004, рис. 5, 24 и последняя стр. обложки). Изображения хорезмийца-данника известно в числе представителей народов, символически поддерживающих трон династии Ахеменидов, на рельефе в Накш-и Рустаме (Walser 1966, Taf. 1).

Общие замечания в связи с изучением костюма Хорезма раннего периода

Хорезм — одно из древнейших самостоятельных государств Западного Туркестана (бывших советских Средней Азии и Казахстана), находившееся в низовьях Амударьи. Вероятно, еще в эпоху до персидского владычества Хорезм какое-то время контролировал ряд соседних народов; предположительно это первая страна, принявшая зороастрийскую веру (Арьянам Вайджа). Уже к середине VI в. здесь имелся городской центр Кюзели-гыр. В 30-х годах VI в. до н.э. страна была завоевана основателем Персидской державы Киром II и вошла в сатрапию с центром в Парфии. Однако к началу IV в. до н.э. Хорезм добился независимости. В это время в нем, по данным Е.Е. Неразика, было уже не менее 11 городов. Столицей государства, вероятно, надолго стало нынешнее большое городище Казаклы-Яткан (у г. Бируни). IV–III века были временем расцвета страны, активного строительства новых городов и крепостей, высокого развития ремесел (в том числе керамического). К 30-м годам IV в. до н.э. возможна кратковременная гегемония хорезмийского царя над кочевыми соседями (Arrian. IV, 15. 4). Хорезм, находившийся в оазисе и укрытый от многих врагов пустынями Каракум и Кызылкум, был страной, поддерживавшей теснейшие контакты (главным образом мирные) с соседними ираноязычными (а позже — тюркоязычными) кочевыми народами (Рапопорт 1998, с. 28–30; Рапопорт, Неразик, Левина 2000, с. 23–52).

Плечевая одежда

Она у хорезмийцев имеет заметные различия по половому признаку: мужская верхняя одежда — всегда распашная, женская — обычно нераспашная; существенно разнятся и принципы их декора.

Мужская распашная одежда

Распашные образцы документированы прежде всего у мужчин и на разных изображениях имеют много общего. Это во всех случаях короткие кафтаны до низа таза. У них длинные узкие рукава с узким обшлагом и полоса отделки по бортам и подолу. Ткань заметно скошена у ворота. Кафтаны обычно носились запахнутыми налево, но неглубоко (на ширину отделки), их полы крепились поясом (глубокий запах видим лишь у персонажей на костяном изделии из Калалы-гыра 2) (рис. 62, 9). Однако на известной фляге из Кой-Крылган-калы кафтан всадника не запахнут и держится лишь поясом (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, рис. 16). На фляге с мужчиной, несущим кувшин и гроздь винограда (там же, рис. 17), кафтан явно застегнут на пуговицы. На другой фляге с детализированным изображением пира возлежащий (?) мужчина имеет тщательно отделанные (вероятно, с декоративной каймой на проймах) рукава (там же, рис. 20). На костяном изделии из Калалы-гыра 2 кафтаны имеют широкую декоративную кайму вдоль бортов,

подола, плечевого и соединяющего рукава швов и по краю рукавов (она украшена посередине волнообразной линией). Изображения на оссурии из-под Кой-Крылган-калы (там же, рис. 18) и на терракоте из Джанбас-калы (рис. 62, 10) демонстрируют декоративную кайму бортов и подола из ряда квадратиков (возможно, это, как и у соседних родственных кочевников евразийской Степи, нашитые золотые бляшки). Однако если в двух первых случаях край подола кафтана горизонтальный, то на персидском изображении из Накш-и Рустама (рис. 62, 8) борта скошены от центра к бокам. Таков же облик на ахеменидских изображениях и парадных кафтанов ряда соседних с хорезмийцами этносов Западного Туркестана — преимущественно кочевых (саки хаумаварга и тиграхауда, «заморские»), а из оседлых — у согдийцев. На мужских изображениях данной эпохи, оставленных этносами Западного Туркестана (в древней Бактрии, Согде, в Хорезме, на кочевых сакских землях), ни одного кафтана с таким подолом пока не представлено, но у женщин они известны (см. ниже). И дело, видимо, не только в малочисленности подобных изображений. Либо в Накш-и Рустаме мы имеем дело с какой-то «концептуальной» неточностью резчиков, либо все дело в *хронологическом разрыве* (ведь персидские изображения датируются первой половиной V в. до н.э., а западнотуркестанские — IV и даже III в. до н.э.), или же персидские мастера отразили только *царскую* одежду соответствующих этносов, а одежда знати от нее отличалась рядом элементов кроя. Учитывая точность в передаче деталей костюма, которая характерна для имперского стиля Ахеменидов, я склоняюсь ко второму из этих объяснений.

Хотя пока отсутствуют изображения, но можно предположить, что у хорезмийцев данной эпохи (как и у их соседей — согдийцев, бактрийцев и др.) наличествовал общеиранский парадный халат «кандис», так как он пережиточно бытовал у народов низовий Амударьи (в частности, у туркмен, сохранявших значительный пласт иранской культуры) еще в XIX — начале XX в.¹⁴⁰.

Женская распашная одежда

Представлена пока только короткими кафтанами того же типа, что и у мужчин Западного Туркестана того времени, т.е. длиной до низа таза, со скошенными от центра к бокам нижними краями бортов, как у ряда сакских народов. Они известны на терракотах богинь из Калалы-гыра 2 (рис. 62, 19).

Нераспашная одежда

Женская нераспашная одежда

Женская одежда изображена на терракотовых фигурках местных богинь плодородия. Ее типы имеют много общего. Это длинное глухое платье до пят с узким горизонтальным воротом и длинными рукавами. Вместе с тем в оформлении этих платьев заметна местная специфика. Таково наличие довольно высокой кокетки; иногда она образует многочисленные вертикальные складки, украшается горизонтальными декоративными полосами (рис. 62, 16–17). Другая особенность — ношение двух платьев, нижнее из которых длиннее (верхнее доходит лишь до щиколоток) и украшается по подолу полосой с крупным зигзагом (рис. 62, 17–18). Иногда платье имеет пришивной подол, идущий от низа таза или от колен; порой он образует вертикальные складки (рис. 62, 19, 21). Ворот в ряде случаев присборен и имеет тонкую полосу отделки (Воробьева 1968, рис. 1, 3) (рис. 62, 16). Платье широкое и носилось свободно, лишь на одном изображении оно подпоясано (рис. 62, 17). Спереди область груди и живота могла украшаться крупным орнаментом. Так, на одной фигурке из Кой-Крылган-калы видим вертикальную полосу из крупных концентрических ромбов (рис. 62, 20). На другой статуэтке из Калалы-гыра 2 (рис. 62, 21) область живота украшает крупная фигура «перевернутого» Мирового древа (?) с девятью ветвями. Этот сюжет — не исключение в иранском мире данной эпохи (см. у скифов: рис. 22, 5). Край подола мог украшаться рядом круглых бляшек (?) (рис. 62, 20).

Плащи-накидки

В большинстве случаев крепятся на левом плече фибулой (?) (рис. 62, 20) или на обоих плечах (соединенная шнурками?: Воробьева 1968, рис. 1, 3) и иногда плотно оборачиваются вокруг туловища длиной до

¹⁴⁰ Речь идет, в частности, о женском, носившемся внакидку (в условиях исламского быта — уже на голове для ее укрывания) парадном халате *пуренджек*, украшенном вышивкой в виде стилизованных «мировых деревьев» (Лобачева 1991, с. 90–91).

колен (рис. 62, 16–17). Они могли иметь кайму по краю, расшитую рядом крупных круглых золотых бляшек (?) (рис. 62, 16).

Головные уборы и начельные украшения

Изображались в основном у мужских персонажей.

Тип 1. У хорезмийца — ахеменидского данника в Накш-и Рустаме изображена полусферическая шапочка с маленьким острым выступом на макушке и с двумя наушниками. На лбу из-под края убора выглядывает носившийся под ним платок (?) (рис. 62, 1).

Тип 2. У всадника на фляге из Кой-Крылган-калы представлен известный и у персов тип кочевнического убора из плотного материала с узкими назатыльником и наушниками, с выступающим горизонтально надо лбом овальным (?) верхом (рис. 62, 1а).

Тип 3. На голове предполагаемого правителя из Гяур-калы видим широкий головной убор в виде довольно высокого конуса (рис. 62, 2).

Тип 4. На фрагменте оссуария (?) из окрестностей Кой-Крылган-калы у персонажа убор в форме невысокого конуса из довольно мягкого материала (плотной ткани?) и потому со слегка свисающей верхушкой имеет широкий наушник (рис. 62, 3).

Тип 5. На скульптурном оссуарии из того же пункта изображенный убор представляет собой маленькую полусферическую шапочку с подвернутым (?) околышем. С боков имеются два выступа, возможно, имитирующие уши копытного (рис. 62, 4).

Тип 6. Этот тип убора представляет собой крупную «пилотку» с двумя высокими острыми выступами (рис. 62, 5).

Тип 7. Известен на женских статуэтках из Калалы-гыра 2. Это цилиндр с тремя горизонтальными полосами декора (рис. 62, 13).

Головная повязка с каким-то декором из поперечных линий представлена у дамы на скульптурном оссуарии из окрестностей Кой-Крылган-калы (рис. 62, 14).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Изображались только у мужчин. Носились заправленными в обувь. Были, видимо, весьма широкими, так как образуют многочисленные складки (рис. 62, 11).

Пояса

Известны на терракотовых фигурках. На образце из Джанбас-калы пояс схематично декорирован так же, как и кайма кафтана, — рядом квадратиков (рис. 62, 10). У сидящего правителя на костяном изделии из Калалы-гыра 2 пояс широкий и скреплен на животе простой пряжкой в виде вытянутого вертикально прямоугольника. Женский поясок на статуэтке из Кюзели-гыра — кушак с горизонтальными складками и длинными, свисающими ниже колен концами. Пояса могли повязываться на животе «Геракловым узлом» (изображения хорезмийцев-данников на персидских рельефах; терракота из Калалы-гыра 2: Калалы-гыр 2 2004, рис. 5, 11).

Обувь

У мужчин и у женщин это прежде всего полусапожки; у женщин их округлые носки едва выглядывают из-под длинного платья (рис. 62, 12, 16–17). На всаднике с фляги в Кой-Крылган-кале видим полусапожки с очень длинными заостренными носками, подобные известным у скифов (рис. 62, 12а). На терракоте из Джанбас-калы изображены, видимо, обычные длинные «чулки»-ноговицы, крепившиеся лямками к поясу (рис. 62, 11). У сидящего персонажа на костяном изделии из Калалы-гыра 2 на ногах надеты кожаные облегающие чулки, не достигающие до колен (их поверхность покрыта серией тех же характерных насечек, что и шкура изображенного рядом льва) (рис. 62, 11а).

Прически

Для обоих полов в это время характерны короткие прически без пробора.

У мужчин господствовала очень короткая стрижка. Иногда нижний край волос завивался (рис. 62, 2). Бытовали окладистые бороды разнообразных фасонов: окладистые дугообразные, окладистые «лопатой», с заостренным концом (рис. 62, 1, 3–4, 6, 6а). При этом усы (торчащие горизонтально, т.е., видимо, напомаженные) документированы лишь в двух случаях (рис. 62, 6, 7а на костяной вещице из Калалы-гыра 2). Правитель имеет прическу, близкую (но не идентичную) некоторым раннепарфянским образцам: слегка завитые, волнистые волосы зачесаны назад и набок и образуют пышную шапку, достигающую почти до плеч (рис. 62, 7а).

Женские прически не отличаются разнообразием и весьма короткие. Обычен вариант, когда волосы ровно подстрижены надо лбом; по бокам они достигали уровня рта (рис. 62, 13). Известна и очень короткая стрижка (рис. 62, 15).

Крой

Количество полотнищ стана неизвестно. Для распашной мужской одежды характерно скашивание ткани у ворота, подол — иногда с двумя выступами по бокам; для женской — наличие высокой кокетки и пришивного подола.

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт раннехорезмийской мужской одежды облегает тело; отсутствуют всякого рода ленты, свисающие шнуры и т.п. Женский силуэт при широком и обычно не подпоясанном платье имеет форму цилиндра. Декор женского костюма концентрируется по краю подола, реже — на высокой кокетке платья или представлен крупной вертикальной полосой отделки. Декор мужского костюма представлен прежде всего каймой на бортах и подоле распашного кафтана. Основные элементы отделки — ряд золотых круглых или квадратных бляшек (?), полоса зигзага или волны.

Эстетический идеал этноса

На изображениях этого времени у представителей обоих полов видим крупную голову с широким округлым лицом. Мужчинам свойственны большие глаза и маленький рот, сросшиеся брови и прямой нос, они часто имеют тонкую талию. Женщины имеют массивные бедра и ляжки, развитый торс и изящные голени.

Основные выводы

Изучение и сопоставление обширных материалов по наиболее полно документированным этносам позволяет, прежде всего, выявить *важнейшие особенности костюмных комплексов отдельных народов ахеменидо-скифской эпохи*.

Костюмный комплекс **персов** при Ахеменидах демонстрирует господство у мужчин, в отличие от степных кочевых соседей, верхней нераспашной плечевой одежды (аналогичная картина наблюдается и у северо-западных ираноязычных соседей персов — мидийцев и сагартиев, и у северо-восточных — парфян). Другой важной особенностью господствующего этноса империи Ахеменидов было большое количество заимствований знатно от предшественников — мидийцев (см. главу 4.1). Имперское положение персов обусловило повышенный комфорт и известную изнеженность в сфере использования костюма и его аксессуаров: широкое употребление дорогой косметики лицами обоих полов, обязательное ношение нагрудной одежды, сезонная смена окраски нераспашной одежды, укрывание знатными женщинами всего тела от солнечных лучей и ношение аристократией варежек и перчаток в теплом климате Персиды/Фарса, использование в качестве основного красителя самой дорогой в тогдашнем мире краски — пурпура, бытование чисто золотых поясов. Третья характерная черта персидского костюма — широкое использование пестрых тканей, особенно для штанов и нераспашного сараписа (на одном предмете — подчас до трех видов пестрых тканей с орнаментами в виде крупных кружков с розеткой, сетчатого и др.), и яркой окраски штанов и обуви. Силуэт костюма плавно сужался у мужчин к конечностям, женский — снизу вверх.

Халат «кандис» имел узкий и широкий отложной воротник (как и у ареев) и мог в случае необходимости крепиться сзади у ворота. Кафтаны «гаунака» обычно не запахивались, а держались лишь поясом; иногда они имели складчатые подол и рукава; документирован уникальный образец ворота с двумя лацканами. Верхняя нераспашная одежда «сарапис» иногда была с очень короткими или длинными расширяющимися рукавами и носилась в комплекте с рубахой; изредка она была стеганой; часто имела вертикальную полосу декора. Этническая традиция явно предписывала мужчинам носить головной убор и лицам обоих полов подпоясывать верхнюю нераспашную одежду.

Любимым мужским головным убором была «тиара» из войлока с заостренным и свисающим верхом и завязками у подбородка (у магов они сопровождалась особым прикрепленным платком). Оригинальна четырехгранная «тюбетейка» с треугольным вырезом надо лбом. Женщины носили длинные головные покрывала. Специфичны мужские широкие «наградные» диадемы из металла и толстые объемные обручи с богатым декором. Мужчины носили длинные волосы без прямого пробора; усы отпускали только вместе с бородой. Женщины заплетали косу, которая носилась в длинном тканом накоснике с крупным шариком на конце; известны и оригинальные типы коротких причесок (в том числе — с выступом надо лбом).

Штаны носили узкие с преобладающим декором из горизонтальных рядов зигзага, реже — сетчатого и др. Тканые кушаки у женщин и жрецов отличались длинными свисающими концами. Наборные пояса украшались квадратными или круглыми бляшками. О впервые упоминаемых в иранском мире золотых поясах ничего конкретного не известно. В отличие от народов более восточной части иранского мира («саков» Южной Сибири и Семиречья, бактриев, ареев, арахов) у персов господствовала низкая обувь (туфли и полусапожки).

Большое значение имеет анализ костюма самой знаменитой и могущественной группы кочевых этносов данной эпохи — европейских скифов.

Ранний комплекс **«архаических» скифов** документирован на изваяниях и торевтике. Здесь представлены такие наиболее специфические его элементы, как длинный мужской халат, женский кафтан с короткими рукавами, мужской со стоячим воротом и иногда — зубчатым подолом, башлыки нескольких типов (шлемообразный с гребнем и декором из горизонтальных полос на боковых лопастях; с невысоким острым верхом и длинным узким назатыльником), женский полусферический головной убор с отверстием на макушке для пряди волос и диадемы с двухрядным размещением украшений, широкие шаровары у обоих полов, широкие мужские пояса, застегнутые на животе прямоугольной пряжкой, женские туфли с загнутыми носками и мужские сапоги чуть ниже колен. В прическе характерны мужская коса, либо суженная книзу (Северный Кавказ), либо дополненная особым прямоугольным украшением на конце (Правобережная Украина), женский широкий накосник.

Системное сопоставление помогает решить давний спор ученых об *этнической принадлежности стрелков-варваров на афинской вазописи рубежа VI–V вв. до н.э.* Они не имеют никакого отношения к костюму ни персов, ни мидийцев, ни этносов Малой Азии, точно передавая этнографические черты конкретного кочевого ираноязычного этноса. Наиболее оригинальные элементы костюма на этих изображениях: кафтаны со скошенными к бокам полами (подчас безрукавные и со вставкой в верхней части спинки в виде фигурной скобки «{»); длинные, застегнутые наглухо халаты; некоторые башлыки (преобладающий тип с длинным заостренным верхом, узким назатыльником и лентами-завязками; с яйцевидным верхом и длинным узким назатыльником) и полусферическая шапочка с отверстием на макушке для пряди волос; туфли с острыми носками; длинная коса у зрелых мужчин и две косы в сочетании с длинным чубом у юношей. Эти элементы имеют прямые параллели только у кочевых саков Западного Туркестана (тиграхауда и «заморских») и кочевников более восточных районов (Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири), которых афинские греки видеть в конце VI в. до н.э. реально не могли. Однако многие из этих элементов достоверно документированы на раннескифских изображениях Северного Кавказа и Северного Причерноморья. В целом костюмный комплекс ранних скифов не имеет почти ни одного общего микроэлемента с костюмом более поздних «классических» скотов, что надежно подтверждает версию А.Ю. Алексеева о наличии двух волн миграции в Восточную Европу скифов разного происхождения.

Костюм **скифов-скотов «классического» времени**, богато документированный разными видами источников (изображениями на каменных изваяниях и так называемой греко-скифской торевтике, остатками предметов одежды в погребениях), имеет следующие характерные особенности. Носились мужские халаты до колен и женские типа «кандис» с расширяющимися внизу рукавами с закругленным краем и скругленными углами бортов. Мужские кафтаны «сисирна» иногда имели по три клиновидных выступа разной длины спереди на подоле или только сзади, треугольный элемент, вшитый в верхний край спинки, длинные узкие боковины, капюшон, обшлага раструбом. Кафтаны украшались в основном вдоль бортов (иногда полосой из меха или сплетенных кожаных полос; часто так же декорировался и край подола) и у

пройм рукавов; наиболее роскошной была вышивка вертикальной полосы на спинке («бегущая спираль», стилизованные побеги). У женщин бытовали очень короткие кафтаны и распашные безрукавки, длинные широкие плащи. Горизонтальный ворот мужских рубаш обшивался рядом полуовальных пластинок. Женские платья длиной от щиколоток до пят чаще всего были декорированы поперечными рядами бляшек или бус ниже локтя и отчасти у края ворота, изредка имели вертикальную полосу декора; у девочек известны образцы с резко расширяющимися рукавами, линией декора поперек груди; у воительниц бытовали платья с глубоким боковым разрезом подола.

Женщины носили распашные юбки разной длины и своеобразную юбку-понёву из двух частично сшитых полотнищ; конец более длинного из них подворачивался сзади, охватывал бедра и повязывался на боку. У мужчин известны штаны разной ширины. Их декор заключался в нашивке снаружи лампасов, в шитье из сплошь узорчатой ткани или в изготовлении лицевой и тыльной сторон штанины из ткани с разным узором (у женщин штаны предполагаются). Обувь в виде двусоставных полусапожек-«скификов», реже — высокие кожаные чулки и матерчатые ноговицы. Женской обувью были цельнокроенные туфли с декором носков из рядов бляшек, носившиеся в комплекте с чулками и полотняными обмотками. Мужские пояса иногда были очень широкими, крепились пряжкой или завязками на левом боку и украшались набором однотипных золоченых бляшек. Известны и женские наборные пояса.

Головные уборы женщин представляют несколько специфических цилиндрических форм («калафы» и «тиары» с длинным покрывалом, экземпляры с низким верхом и длинными наушниками), конусовидные (как с обильным золотым декором и покрывалом, так и скромные рядовые детские с навершием в виде кольца или фигурки птицы), башлыки (с округлым верхом и длинным широким назатыльником; кожаные уборы воительниц с обручем на лбу) и головные повязки девочек и девушек из ремешка с вплетенной в него бусиной или с декором из бус черного, синего и желтого цветов. Мужскими головными уборами были башлыки (с невысоким заостренным верхом и длинным широким назатыльником; с овальным высоким или облегающим верхом и в виде высокого конуса), маленькие полусферические шапочки, головные повязки (двойная с тремя узлами на висках; декорированная рядом бляшек и со свисающим на темени коротким концом).

Для мужских причесок характерны небольшой узел надо лбом при разной длине волос; завивка (спиральными или трубчатыми локонами всех волос или только подвивание их концов наружу, что отмечено и у женщин); коса разной длины; пропускание короткой пряди волос через коническую втулку на макушке; ношение гребня сзади в волосах.

В костюме часто использовались пестрые ткани (с узором в виде кружков, треугольников из точек или крестиков), реже — полосатые. Предпочитали яркие расцветки (алый и пурпурный цвета; сочетание красного и зеленого, оранжевого). Мужской силуэт был сигаровидным, женский плавно расширялся книзу. У мужчин акцент во внешнем облике делали на узкой талии, пышных висащих усах, на оформлении прически, декоре бортов и разных частей рукавов кафтана, пестрой расцветке штанов. У женщин не было принято акцентировать внимание на груди и бедрах.

Костюм **пазырыкцев** Алтая на фоне других иранских этносов древности специфичен прежде всего головными уборами типа 1 (с деревянным гребнем и несколькими скульптурками животных), уборами типа 2 (с колпачком для косицы и навершием в виде «лепестка» с фигурками птиц по краю), орнаментом (стилизованные петушки, фантастические рыбы, «змеиная чешуя», некоторые варианты растительных побегов и др.) и широким применением часто простеганных сухожильными нитями предметов, золотой и оловянной фольги. Головные уборы и прически, а также перечень одежд у обоих полов в основном несходны (для женщин специфичны длинные платья, нательные рубахи (?), юбки и пояса-шнуры к ним, нагрудники и полусапожки; для мужчин — плащи-накидки и войлочные куртки-дождевики, укороченные штаны, которые носились также девами-воительницами). Большое значение данный костюмный комплекс имеет в связи с удовлетворительной сохранностью многих образцов одежды, что позволяет достоверно представить ее крой.

Локальные особенности пазырыкского костюма проявились прежде всего в декоре мужских поясов, головных уборов и женских нагрудников. Имеются и другие отличия. Так, только в западных могильниках ткани включали иногда верблюжью шерсть и волос, только здесь с умершим помещали штаны; лишь на плато Укок известны войлочные сапоги и т.п. На парадных распашных одеждах подол имеет фигурные выступы (напоминающие либо длинные фалды фрака, либо полуовальный хвост бобра). У этнографических алтайцев древние традиции скифской эпохи сохранились в первую очередь в крое обуви и в таких консервативных элементах, как декор шаманского костюма и отдельные типы женских причесок, поясов.

Костюм **хорезмийцев** низовий Амударьи характеризуется как заметным различием полов в ношении плечевой верхней одежды (у мужчин — только распашная, у женщин — почти всегда нераспашная) и

принципиальными различиями в характере ее декора, так и целым рядом общих черт у обоих полов (плащи-накидки до колен с каймой; полусапожки, короткие прически без пробора). Женское глухое платье

с высокой кокеткой было длиной до пят и обычно украшалось на подоле полосой зигзага. Мужские кафтаны имели полосу отделки на бортах и подоле.

Мужские наборные пояса украшались квадратными бляшками; женские матерчатые кушаки имели длинные свисающие концы. Среди мужских головных уборов наиболее специфичны некоторые башлыки (полусферический с острым выступом на макушке, носившийся, видимо, поверх платка; невысокий конусовидный с широкими наушниками), облегающая шапочка с острыми «ушами» по бокам и «пилотка». У мужчин известны очень короткая стрижка, подвигание внутрь концов волос, бороды разных фасонов при бритых усах или только напояженные усы.

Силуэт мужской одежды облегающий, женский обычно имел облик цилиндра.

Еще более важным представляется выделение *общих тенденций и элементов в costume этносов ахеменидо-скифского времени*. Компаративный анализ наиболее полно документированных костюмных комплексов ираноязычных народов ахеменидо-скифского времени, расселившихся на огромных пространствах Евразии, должен выявить их общие черты и таким образом ретроспективно представить себе общую древнюю основу некогда единого комплекса протоиранцев.

Однако для реконструкции костюма *более ранней иранской общности* следует учитывать ряд факторов, как то: появление в эпоху раннего железа мировой империи Ахеменидов и ее влияние на родственные ираноязычные этносы; распространение в это время золотого декора костюма знати; значительная роль миграций кочевников в западном направлении; усиление международной трансевразийской торговли; влияние на этносы разных частей иранского мира костюма и аксессуаров греческих государств и Китая. Проблема заключается также в том, что район сложения иранской общности пока не выяснен, локализуясь в разных регионах от южнорусских степей до Казахстана, бассейна Амударьи и Южной Сибири, и является в ученом мире предметом острых дискуссий.

Отдельные предположения о составе древнейших общих элементов костюма иранцев высказывались и ранее. Так, А.Ш. Шахбази допускает, что в их список должны войти халат (кандис), кафтан, башлык с наушниками и острым верхом, штаны и башмаки (Shahbazi 1992, p. 723). К сожалению, он не аргументирует состав этого списка и тем более не уточняет особенности силуэта и системы декора этих предметов.

Е.Е. Кузьмина считает, что происхождение костюма древних иранцев надо связывать в первую очередь с *«андроновской» культурной общностью эпохи бронзы*, занимавшей значительную часть Центральной Азии. Из приведенного ею списка характерных элементов андроновской одежды (Кузьмина 1994, с. 158–159) наиболее «перспективными» с точки зрения совокупности собранного мною материала по началу эпохи раннего железа являются высокие конусовидные головные уборы и высокие кожаные сапоги, отчасти — нагрудники и трубочки-ворворки для продевания в них пряди волос на макушке. Однако в целом облик костюма «андроновцев» ясно говорит в пользу того, что *костюм иранцев формировался не на его основе*, а два последних элемента могут быть результатом контактов не столько этнических, сколько региональных. Дело в том, что наиболее яркие, характерные «андроновские» элементы — короткое женское платье длиной лишь немного ниже колен; пояс со свисающими амулетами; декор металлическими бусами; сложные наконечные украшения (Усманова, Логвин 1998, рис. 13–16); цветовая гамма женских головных уборов (желтый, красный, синий) и их особый бусинно-бляшечный декор (Усманова 1993, с. 80; рис. 1) совершенно не свойственны ранним достоверно ираноязычным народам. В последующую скифскую эпоху *единичные* традиции андроновского костюма (вязаные шапочки, украшенные рядами бронзовых бляшек; поясная одежда, декорированная клыками животных) сохранялись у отдельных, *самых восточных групп* предположительно иранских народов, в частности, у носителей тагарской культуры Минусинской котловины (ср.: Мартынов 1972, с. 41, 44), но эти исключения только подтверждают отмеченное правило.

Особый интерес для решения данной проблемы представляют *могильники западной окраины современного Китая — Синьцзяна* (Восточного Туркестана, ныне — Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР) (Загунлук у Черчена, Субеши под Турфаном, а также Кызылчок, Чумпак, Карадова, Керия, Джумбулак, Вупу, Сампула), где в условиях пустынного климата обнаружены мумии эпохи бронзы в одежде прекрасной сохранности (см., например: Mair 1995; The Bronze Age 1998; Mallory, Mair 2000; Sampula 2001). Важно и то, что в ряде могильников (Субеши) здесь прослежена прямая преемственность в облике костюма от эпохи бронзы до начала нашей эры. Сложность, однако, в том, что сюда дважды (во II и в I тыс. до н.э.) проникали племена, среди которых были предки как ираноязычных, так и тохароязычных индоевропейских народов (первые к концу античной эпохи сильно уступили свои позиции соседям и сохрани-

лись лишь на западе Синьцзяна), и вообще языковую принадлежность населения Восточного Синьцзяна в раннее время из-за отсутствия письменных источников установить трудно. Рассмотрение костюмных материалов этого региона осложнено и тем, что они распылены в редких изданиях на китайском и уйгурском языках, описаны обычно слишком кратко, а их датировка еще не во всех случаях ясна (этим объясняется и отсутствие специального раздела о костюме жителей Восточного Синьцзяна в нашей книге). Однако, даже если учесть, что часть важных костюмных находок региона передатирована уже более поздним временем (концом династии Чжоу и даже правлением Хань), а не эпохой бронзы, они принципиально важны для ранней истории иранского костюма в силу удаленности региона от крупнейших культурных центров иранского мира, и наиболее вероятно, что специфические элементы иранского костюма попали сюда еще в конце эпохи бронзы, при переселении саков с запада¹⁴¹. Столь же важна для нашей темы большая серия бронзовых изображений европеоидов — западных соседей иньского Китая XIII–XI вв. до н.э. — большая статуя (The Golden Age 1999, p. 208), фигурки и головы, найденные в Саньсиньдуйе (Sanxindui) в провинции Сычуань (www.guoxue.com/sxd/sxd_01.htm). Представляют интерес, в частности, запахнутый налево кафтан ниже колен на статуе, заправленные в штаны сапожки с острыми, загнутыми внутрь носами у сидящих фигурок.

Вероятно, разгадку формирования комплекса костюмов ираноязычных народов древности на сегодняшний день можно попытаться решить, анализируя материалы *разных культур* эпохи поздней бронзы на всей территории будущей иранской общности (от Западного Китая до Украины). К сожалению, специальные детализированные обобщения по костюму этих общностей пока отсутствуют. Вместе с тем отдельные известные мне яркие находки вполне обнадеживают в этом отношении¹⁴².

С учетом всего сказанного попытаемся выделить ретроспективно *список элементов костюма древнейшей иранской общности*.

Для этого сопоставим *общие черты пяти наиболее документированных ираноязычных этносов*: персов эпохи Ахеменидов (далее — А), скифов ранних (далее — СР), скифов поздних, «классических» (далее — СП), пазырыкцев (далее — П) и хорезмийцев (далее — Х) с учетом отрывочных данных ахеменидских изображений по этносам-данникам Западного Туркестана, остатков одежд саков Семиречья (курган Иссык) и материалов из Юго-Западной Сибири и Тувы.

Для всех или большинства названных групп характерны следующие элементы костюма, которые можно *предположительно считать общеиранскими*. 1. Короткие распахнутые кафтаны (перс. *gaunaka*, скиф. *sisirna*), носившиеся либо запахнутыми налево, либо скрепленные двумя-тремя застежками, либо с не заходящими друг на друга лапами, держащимися лишь поясом. 2. У большинства групп явно бытовал носившийся внакидку длинный парадный халат/шуба типа мидийско-персидского *kandys* (А, СП, П; отсутствие их у остальных объясняется скорее меньшим объемом информации по ним)¹⁴³. 3. Мужские штаны с лампасами

¹⁴¹ Важную роль в ознакомлении русскоязычного читателя с древнейшим костюмом Синьцзяна сыграли его описания в статьях и книгах уйгурско-таджикской исследовательницы Г.М. Майтдиновой, неоднократно бывавшей в фондах музеев региона и хорошо знакомой с соответствующей литературой на уйгурском и китайском (см. прежде всего: Майтдинова 1992, с. 118–120; 2000, с. 158–159; 2001в; 2003, с. 16–17, 23, 27–29, 32, 53, 57, 132, 160–163; необходимая литература на китайском была переведена для Г.М. Майтдиновой археологом из Синьцзяна Замиром Сайдулло). Более поздний костюм этого региона, начиная с римского времени до XIV в., подробно рассмотрен нами в специальной главе (Яценко 2000б, с. 296–384).

¹⁴² Так, в могильниках Загунлук и Субеши (Субуйси, Субаши) в Синьцзяне найдены халаты, по всем основным параметрам соответствующие кандису скифской эпохи (ср.: Майтдинова 2001в, рис. 2; 2003, с. 245), хотя в одном случае в Загунлуке кандис целиком вязаный (Saem Ghani 1993, s. 22). Ближе всего по крою он к пазырыкскому варианту кандиса, представленному в Катанде (большая ширина, запахивание и др.) (рис. 49). В том же могильнике Субеши выявлено декорирование одежды ниже таза (в данном случае — женской юбки) в виде ряда крупных вертикальных «елочек» (Pichangdaki Supechi ügümк 1994, s. 26–27; fig. 8), свойственное подолу наплечной одежды скифской эпохи (раннескифский мужской кафтан в Келермесе — рис. 22, 5; платье богини в Хорезме — рис. 62, 21), а в могильнике Карадова отмечена традиция опоясывания верхней одежды одновременно двумя поясами (Му Шунь Инн, Ван Мин Чже 1985, фото 52; Майтдинова 2003, с. 160, рис. 109). В Загунлуке найден башлык, аналогичный скифскому «куль-обскому» типу 10, а в Кумуле в 1978 г. — ноговицы, украшенные по краям бахромой, в нижней части — горизонтальными полосами и имеющие шнуры для крепления (Майтдинова 2003, рис. 106; с. 162–163). На Украине (Днепропетровская обл., курган 9/3 группы Вербки 2) А.Н. Андросовым в погребении трехлетней девочки катакомбной культуры обнаружен интересный аналог женским цилиндрическим головным уборам скифской эпохи типа «калафа» и «тиары». Здесь, по данным находчика (сообщение в ноябре 1989 г.), убор в виде цилиндра высотой 12 и шириной 9 см из войлока был украшен спереди через равные промежутки тремя узкими полосками красной охры. В одном из могильников в Узбекистане у женщин документирована бисерная обшивка верхнего края широких шаровар и выше — верхнего края полусапожек (Лунева 2002, с. 296, рис. 7–8).

¹⁴³ Распространено мнение о том, что в Иране первый кандис представлен на крайне примитивном изображении мужской фигуры с огромной головой, удлинненным туловищем и поднесенной ко рту рукой на ножке бронзовой подставки IX в. до н.э. из Хасанлу, найденной Робертом Дайсоном в 1957 г. (см. прежде всего: Knauer 1978, p. 22, fig. 8). На спине у этого персонажа от шеи до бедер выделена довольно широкая вертикальная полоса. Я не рискую присоединиться к названному мнению, так как в целом скептически отношусь к попыткам делать серьезные выводы на основании единичных примитивных (крайне схематичных) изображений (см. Введение). Эта полоска на спине может оказаться и рукавами наброшенной одежды (тогда непонятно, почему не выделе-

(ситуация с ними примерно та же, что и для предыдущего элемента: П, А, СР, СП). 4. Высокие конические головные уборы (все группы). 5. Мужские кожаные наборные пояса с комплектом однотипных металлических бляшек на ремне, появившиеся еще в эпоху бронзы (все группы). 6–7. Полусапожки и, вероятно, туфли (все группы). 8. Мужские ноговицы, крепившиеся на лямках к поясу (все группы). 9. Пелерины знати обоих полов в виде широкого круга с отверстием посередине (А, П, Х, Аржан 2 в Туве). 10–11. Золотые шейные гривны и узкие пекторали (последние имели изображения копытных и известны от Тувы (Аржан 2) и Семиречья (Жалаулы) до Скифии (Большая Близнеца) и Персеполя). Эти выводы в принципе могут быть дополнены палеолингвистическими выкладками (однако истолкование их более сложное и менее надежное, так как они не слишком конкретны). Эти элементы встречены и в рядовых могильниках эпохи поздней бронзы в Восточном Синьцзяне, за исключением № 3 (лампасы на мужских штанах) и № 9, а отсутствие там наборных поясов (№ 5) может объясняться как тем, что здесь похоронены простолюдины, так и появлением в эпоху раннего железа новых технологий обработки металлов, сделавших возможным широкое распространение небольших декорированных металлических накладок с заклепками-штифтами. Это укрепляет мнение об обитателях тогдашнего Синьцзяна как о вероятных иранцах или смешанном ирано-тохарском населении.

Ахеменидо-скифское время можно считать решающим для формирования традиций парадного костюма элиты ираноязычных этносов. Распространяется заимствованная из Месопотамии традиция обшивки краев одежд золотыми бляшками-аппликациями (см.: Oppenheim 1949). Возможно, в этом изначально сказалось влияние древнейшей бактрийско-маргианской традиции, представленной в южнотуркменском могильнике Гонур-депе, хотя там золотые бляшки обшивали только женскую одежду; ср.: Сарианиди 2001, с. 44; табл. 7–8). Оформилась (с определенной этнической спецификой) парадная шуба «кандис», носившаяся у некоторых этносов (пазырыкцы) лицами обоих полов. Во многих ираноязычных областях (порой дальних — вплоть до Горного Алтая на востоке) произошли определенные изменения в костюме благодаря дипломатическим дарам и культурному влиянию первой мировой империи в истории человечества, родственной по языку и культурным основам, персидской державы Ахеменидов (см. главу 4.1).

Кроме того, выделяется ряд черт, *общих для значительной части иранского мира*. Так, ношение высоких сапог было характерно для многих групп на востоке (пазырыкцы, в Западном Туркестане — бактрийцы и саки Семиречья и в примыкающих к ним с юга районах — арреи и арахоты, кочевники Алтая и Тувы); впрочем, не исключено, что это изначально особенность горных районов (у многих горных этносов Евразии распространены войлочные или вязаные сапожки с пестрым декором). Так, высокий сапог, стянутый у щиколоток ремешком, представлен на глиняном ритоне начала I тыс. до н.э. из Северного Ирана (Ноур в Мазендаране: Нац. музей Ирана, инв. № 11197). Кафтаны со скошенным в нижней части к бокам подолом характерны для группы этносов Западного Туркестана (хорезмийцы, саки хаумаварга и «заморские», а также ранние скифы, чье происхождение связано с этим регионом). В восточной же части иранского мира не документированы изображения и находки головных повязок; здесь (на Алтае и в Туве) встречены женские полуовальные нагрудники, обшивка одежд низками бирюзового бисера и вышивки на плечевой одежде в виде висящих вниз «языков пламени». Распространены были и пелерины (А, Х, СП?, Аржан 2 в Туве). Здесь впервые появляются наборные пояса с дополнительными свисающими ремнями.

Наконец, целый ряд оригинальных и часто сложных элементов костюма имеют ограниченное распространение в ахеменидском Иране и некоторых прилегающих к нему районах. Поэтому можно с известной долей осторожности предположить, что они отражают влияние империи Ахеменидов (а возможно, еще и Мидии) (см. главу 4.1).

ны ее борта), и короткой накидкой и многим-многом другим. Вряд ли кандис был одеждой оседлых народов (ср.: Майтдинова 2003, с. 175), так как в скифское время он надежно документируется у кочевников и полукочевников (скифы, пазырыкцы) или у персов, бывших в то время более чем на половину кочевым этносом. Корректно кандисом можно называть только одежду ниже колен (в публикациях, посвященных распространению «восточного» костюма в Европе, азиатских провинциях Рима и Византии, его часто путают с более коротким кафтаном, носившимся порой также внакидку).

Глава 2

ПАРФЯНО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
(III в. до н.э. — III–IV вв. н.э.)

Энкидму, человек каналов, плотин и плуга,
Чего у него больше, чем у меня,
Чего у земледельца больше, чем у меня?...
Если он даст мне свое белое одеяние,
Я дам ему, земледельцу, мою белую овцу взамен...
Если он даст мне хорошего хлеба,
Я дам ему, земледельцу, сладкого сыра взамен...
Чего у него больше, чем у меня?

(Из шумерской поэмы
о замужестве богини Инанны)

Парфяно-сарматская эпоха в истории ираноязычных народов может рассматриваться как одна из наиболее сложных и противоречивых. На мой взгляд, особенности этого многовекового хронологического отрезка заключаются в следующем.

Во-первых, это был *период активных миграций кочевников и политической нестабильности*. На западе расселение на новые территории еще частично продолжалось (в Венгрии — с начала I в. н.э.), *но на востоке территории иранских кочевых племен стали заметно сокращаться* из-за активности иноязычных кочевых «держав» — Хунну (с конца III в. до н.э.), а затем — Сяньби (с III в. н.э.). Эти миграции и политические перемены совпали, по данным современных палеопочвоведов, с *длительным засушливым периодом* в евразийской Степи, продолжавшимся с IV в. до н.э. по I в. н.э. (см., например: Демкин 1997, с. 135–137). В ряде районов кочевники постепенно переходили к оседлости.

Во-вторых, геополитическое положение в Евразии как раз с III в. до н.э. заметно изменилось. В различных частях Евразии, примыкавших к степной зоне, возникла новая *система великих держав*, поделивших на сферы влияния значительную часть континента (а не единственная персидская империя Ахеменидов). Эти новые державы (единый ханьский Китай; Кушанская империя; эллинистическая держава Селевкидов, а затем — ранняя Парфия; Римская республика и позже — Империя) теперь пытаются (и не без успеха) установить свой контроль над отдельными группировками ираноязычных народов, в том числе даже кочевыми. Часть этих империй была культурно чуждой тогдашним ираноязычным этносам.

В-третьих, наряду с негативными факторами можно отметить целый ряд факторов, которые способствовали экономическому, политическому и культурному развитию ираноязычных обществ. Начиная с рубежа II–I вв. до н.э. резко *активизировалась международная трансевразийская торговля*, создавшая во многом новую культурную ситуацию. Система подобных коммуникаций была условно названа немецким географом XIX в. Ф. Рихтгофеном *Великим шелковым путем*. Ее сухопутные трассы в значительной мере проходили через земли иранских народов, обогащая элиту и способствуя возникновению новых культурных потребностей.

В-четвертых, в степной зоне кочевники создали целую серию специфических крупных политических объединений — *кочевых империй*, среди которых были как иноязычные (Хунну, Сяньби), так и ираноязычные (Усунь, Кангюй). Эти образования оказали значительное влияние на иранских соседей, дав притягательные образцы парадного, синкретического по характеру, официального искусства и воинской экипировки. Вероятно, эти державы способствовали и распространению на запад (в низовья Сырдарьи, в Сарматии) ювелирных стилей (например, поздних версий «бирюзово-золотого звериного стиля»: Treister, Yat-

senko 1998, p. 53, 73–75). Все эти государства изначально находились под заметным воздействием культуры сильного единого Китая.

В-пятых, в ираноязычных областях с рубежа I–II вв. н.э. началось распространение мировых религий, в частности со II в. н.э. — буддизма в Кушании и других областях (см., например: Ставиский 1998, с. 23) и христианства со II–III вв. у сармато-аланов (см., например: Tertul. Advers. Iud. 7).

Названные события *нарушили относительную культурную обособленность иранского мира*, что также не могло не отразиться на различных аспектах развития костюмного комплекса.

Указанные выше особенности парфяно-сарматской эпохи следует постоянно учитывать при анализе нашего материала. Однако для правильной постановки и решения вопросов культурных связей и влияний (см. главу 4.1) необходимо вначале дать системную характеристику костюмных комплексов нескольких наиболее полно документированных ираноязычных стран этого времени: парфянского Ирана, Сарматии, Кушании (прежде всего, ее политического ядра — Бактрии), Хорезма, Согдианы/Согда и Хотана. Эта задача является основной в данной главе.

2.1. Парфянский Иран

История изучения костюма

Изучение парфянского костюма начиналось с западных пограничных областей державы Аршакидов (в частности — с Восточной Сирии). Серии изображений «в парфянском духе» были описаны вначале М.И. Ростовцевым в пограничной крепости Дура-Европос (Rostovtsev 1935, p. 157–307; Perkins 1973), а затем — в Пальмире (Seirig 1937, p. 4–31). В последней из названных работ впервые была предпринята серьезная попытка выделения иранских элементов костюма у обитателей семитоязычной Пальмиры I–III вв. н.э.; тогда же были исследованы основные материалы по текстилю Пальмиры (Pfister 1934; 1937; 1940) и Дура-Европос (Pfister, Bellindger 1945). Большую роль в возникновении интереса к парфянскому костюму сыграли сводные публикации по нумизматике аршакидского Ирана (см. прежде всего: Wroth 1903; Sellwood 1980).

Издавались отдельные статьи или небольшие разделы в более крупных работах по текстилю парфянского облика (Ackerman 1938; 1946; Trilling 1982; Downey 1983; Kawami 1989), ювелирным украшениям парфянской эпохи (Musche 1988; Pfrommer 1993; Curtis 1996) и отдельным аксессуарам костюма: поясам (Peck 1990; Post 1995; Curtis 2000), прическе (Bernard 1980), косметическим «мушкам» на лице (Invernizzi 1990), царским коронам (Ritter 1965; Sugiyama 1973; Olbrycht 1997) и диадемам (von Gall 1970), гривнам (Климова 2000, с. 187–190). Ряд интересных наблюдений по костюму имеется в общих трудах по парфянскому искусству (см. прежде всего: Colledge 1977; Schlumberger 1983; Kawami 1986; Mathiesen 1992). Некоторые авторы пытались найти черты приемственности от костюма первой великой иранской династии Ахеменидов к костюму парфян: парадные распашные кандисы, «длинные туники» и полусапожки; аргументация подобных мнений почти отсутствует (см., например: Kawami 1992, p. 738–739).

В 1988 г. в Институте археологии Лондонского университета была защищена диссертация доктора философии сотрудницы Британского музея Весты Сархош Куртис «Парфянский костюм: происхождение и распространение», посвященная комплексному исследованию парфянского костюма (Curtis 1988), которая, к сожалению, осталась неопубликованной. Основное внимание в этой работе уделено датировке отдельных аксессуаров костюма по аналогиям на монетах и на сравнительно узко датированных изображениях (см. также: Куртис 1992, с. 45–46; Curtis 1993, p. 165–168). Поэтому мой собственный комплексный анализ парфянского костюма будет полезным и даже необходимым. Той же исследовательницей издавались по материалам диссертации две статьи, посвященные общей характеристике костюма Парфии (Curtis 1998; 2000). Весьма краткий очерк парфянского костюма (практически только мужского) дан Т. Кавами в томе V/7 американской «Encyclopaedia Iranica» (Kawami 1992, p. 738–739). Исследователей интересовал также «кочевнический пласт» в костюме парфян (Картис 1991; Никаноров 2000, с. 32–33). Значительный интерес представляет попытка В.Н. Пилипко выделить костюм собственно парнов-парфян среди костюмных комплексов иранского облика на территории Парфянской империи и составить перечень его элементов (Пилипко 2001б); в его статье заслуживает внимания и тщательно, грамотно подобранный иллюстративный материал.

Подводя итог имеющимся на сегодняшний день публикациям, отмечу, что такой яркий и богато документированный костюмный комплекс, как парфянский, все еще исследован весьма неравномерно, а многие выводы исследователей носят предварительный характер и нуждаются в проверке.

Источники

Специфика источников по костюму Парфии заключается в том, что он документирован главным образом в памятниках скульптуры и рельефах. Нетронутые погребения с богатым костюмом практически неизвестны; материалы погребений и скульптура в результате грабительских раскопок попали в крупные музеи и частные коллекции, часто не имея надежной хронологической привязки (весьма показательны, например, дискуссии о датировке знаменитой бронзовой статуи правителя из Шами, которая варьирует от II в. до н.э. до II в. н.э.: см. прежде всего: Curtis 1993, p. 63–70, note 3). Большое количество скульптур и мелких драгоценных аксессуаров костюма найдено при случайных обстоятельствах. В результате датировка даже многих базовых памятников парфянского искусства в трудах основных специалистов до сих пор является спорной.

Костюм царского рода Аршакидов всего изучаемого периода представлен прежде всего в нумизматических материалах (монеты Парфии сегодня описываются согласно классификации Джона Сэллвуда: Sellwood 1980). Представляет интерес и костюм на монетах индо-парфянских правителей Западной Индии (Mitchiner 1978, p. 349 sq.; Simonetta, Widemann 1978).

Из наскальных рельефов и рельефов парфянского времени на каменных плитах и валунах на территории собственно Ирана наиболее важны для нас позднепарфянские (I — начало III в.) в пунктах Танг-и Сарвак, Хунг-и Камальванд, Хунг-и Аждар (Хунг-и Наурузи)¹⁴⁴, Кух-и Тина, Бард-и Нешанда, Масджид-и Сулейман, Сар-и Пол-и Зохаб (см., например: Hinz 1963, pl. LVII–LIX; Vanden Berghe 1963, pl. LIII–LVI; 1984, fig. 4–6, 15; Kawami 1987, pl. 6, 26; von Gall 1990; 2001; Пилипко 2001б, рис. 11, 6). К сожалению, важные детали костюма на многих наскальных рельефах сильно стерты и не могут быть здесь использованы.

Ценнейшим источником по костюму поздней Парфии являются скульптуры (Ghirshman 1962; Homes-Fredericq 1963; Schlumberger 1970, p. 122–144; Safar, Mustafa 1974; Al Snawi 1986; Amiet 2001) и граффити (Riccardi 1998) из священного города Хатра в Адиабене (Ассирии), существовавшего во II — начале III в. с преобладанием подвластного парфянам неиранского (семитского) населения. Аналогичные находки происходят из парфянских слоев соседнего города Ашшура (Andrae, Lenzen 1933; Aggula 1985), отчасти — из Дура-Европоса (Downey 1977). Парфянская скульптура сегодня сравнительно неплохо изучена и систематизирована (Colledge 1977; Kawami 1986; Mathiesen 1992), что, однако, не снимает ряда серьезных вопросов по ее датировке и иной атрибуции целого ряда изображений. Пожалуй, наиболее детализированное изображение костюма видим на упомянутой бронзовой статуе «князя» из Шами в Национальном музее Ирана (Vogelsang-Eastwood 2000). К сожалению, представленные в публикациях прорисовки этого памятника во многом неточны, и вырывает лишь знакомство с подлинником (см. рис. 67 с нашими уточнениями).

Из настенных росписей большой интерес представляет сцена жертвоприношения жреца Комона, найденная на стене храма пальмирских богов в крепости Дура-Европос на Евфрате. Последний был построен в конце I в. н.э., т.е. в период парфянской оккупации этого городка (которая длилась с конца II в. до н.э. по 115 г. н.э.). Парфянский костюм отразился (вскоре после гибели самой династии Аршакидов!) в некоторых сюжетах росписей синагоги (244–245) (Kraeling 1956) и храма Митры (первая половина III в. н.э.) уже в период римской оккупации Дура-Европоса (115–256).

Опубликован ряд интересных парфянских терракот из городов Месопотамии и Элама (см., например: Legrain 1930; Van Ingen 1939; Zeigler 1964; Van Buréen 1980, p. 792–806; Karvonen-Kannas 1987; 1995; Amiet 1992; Kervran 1995; Clay Figurines 2003), священных мест собственно Ирана, в частности — из Масджид-и Сулеймана (Ghirshman 1975, pl. C, CXI, CXII); известны и изображения на глиняных саркофагах (Curtis 2001, pl. V, b; Amirkhuz, Saidi Harsim 2002). Однако во многих случаях костюм на них передан слишком схематично, что делает невозможным корректное его использование. Важен также детализированный костюм единичных или парных персонажей на ажурных поясных пряжках с прямоугольной рамкой позднего периода (см., например: Tanabe 1988, fig. 11; Collon 1995, p. 159–160; Curtis 2001, pl. XIII, b). Серебряные блюда с парадными сценами (столь обычные для следующей династии, Сасанидов) для парфянского времени очень редки (Collon 1995, pl. 163).

В целом изобразительные материалы хорошего качества распределены весьма неравномерно. В парфянском искусстве практически отсутствуют фигуры простолюдинов, очень мало слуг; весьма редки случаи изображения женщин, даже знатных. Но и костюм мужчин-аристократов неизмеримо обильнее документирован для позднего периода.

Письменные источники, по сравнению с ахеменидской эпохой, крайне малочисленны и фрагментарны. Это случайные обмолвки в разнотипных римских источниках. Целостная характеристика парфянского костюма не сохранилась. Вероятно, она имелась, например, в не дошедших до нас трудах Страбона «Исторические записки» (гл. VI) и «Исторические события после Полибия» (гл. II) (Strabo. Geogr. XI. 9. 3), в сочинении Аполлодора из Артемиды «История парфян» (упоминаемом тем же Страбоном) и в сохранившейся лишь во фрагментах «Парфике» Арриана.

Общие замечания

в связи с изучением костюма Парфии

Прежде всего, не следует смешивать костюм ранних (ахеменидского времени) жителей области Парфия/Парфии (отраженный на персидских рельефах с изображениями народов-данников; вероятно, это делегация VI на лестнице ападаны Персеполя) и костюм кочевников-парнов, кочевавших в полупустынных районах по соседству и в 247 г. до н.э. захвативших под руководством основателя государства — Аршака I эту область (после чего парны получили в античной традиции прежнее имя парфян). Ниже речь пойдет именно о династии потомков парнов, захватившей затем не только Парфию, но и Иран и часть Среднего Востока.

В истории Парфии можно выделить два основных периода. Первый из них начинается со середины III в. до н.э. Реальным создателем могущества Парфянской державы стал несколько позже Митридат I (171–138 гг. до н.э.), захвативший Месопотамию и основавший там новую столицу Ктесифон. На рубеже II–I вв. до н.э. Митридат II (123–87 гг. до н.э.) фактически превратил Парфию в одну из мировых империй и принял титул «царя над царями» (шах-ан-шах). Знаменитый разгром при Каррах в 53 г. до н.э. войск Марка Лициния Красса сделал римско-парфянское соперничество устойчивым фактором мировой политики. Это был период значительного влияния эллинистической культуры на парфян, когда правители государства официально именовали себя филэллинами. Этот период *Старших Аршакидов* закончился к 12 г. н.э., когда после Фраата IV и нескольких кратковременных правителей воцарился Артабан III.

Следующий период — эпоха *Младших Аршакидов*, продолжавшаяся до гибели династии в 224 г. н.э., характеризуется постепенным ослаблением центральной власти, в результате чего Парфия практически превратилась в федерацию полунезависимых владений (см., например: Keall 1994). В этот период Аршакиды потерпели ряд серьезных военных поражений от Рима, а в 115–117 гг. столичная область в Нижней Месопотамии была превращена императором Траяном в провинцию. Границы Парфии (особенно на востоке) были весьма нестабильными.

В литературе уже отмечалось, что отстранение от власти старшей ветви Аршакидов привело к изменениям в использовании ряда костюмных аксессуаров (Климова 2000, с. 187–190). Так, шейные обручигривны с несомкнутыми концами, появившиеся на монетах, начиная с 9-й серии Аршака по Д. Сэллвуду, выходят из моды как раз после правления Фраата IV. Впрочем, еще с конца I в. до н.э. их начинает вытеснять ожерелье с медальоном или замкнутое шейное украшение [первоначально носившееся молодыми правителями — вероятными соправителями отца, начиная с Фраата III и Митридата III (60–54)]. Вместе с тем жрецы могли носить гривну и в поздний период (al-Salihi 1991, fig. 1).

В работе над материалом Парфии возникает вопрос: как отделить собственно парнский/парфянский костюм, надежно документированный изображениями на монетах и другими достоверными изображениями собственно парфянской придворной знати, от костюма ряда областей Парфянской державы, заселенных другими народами, в первую очередь — семитскими (в западных районах), а также иными ираноязычными (в восточных областях государства). Для большинства авторов (в том числе для основного исследователя парфянского костюма Весты Куртис) этот вопрос кажется несущественным, однако я придерживаюсь иного мнения, поддерживая в целом идею изучения *региональной специфики* костюма в статьях Т. Кавами и В.Н. Пилипко (Kawami 1987; Пилипко 2001б). Например, одним из основных источников наших знаний по парфянскому костюму являются статуи из Хатры — священного города солнечного бога Шамаша, население которого составляли главным образом семиты («арабы», по определению ряда современных арабских археологов). Столь же значим материал терракот из Вавилонии где обитали в основном также семиты. Не во всех случаях ясно, в какой степени отражен собственно парфянский костюм на отдельных изображениях в Эламаиде, управлявшейся местной династией. Иногда точного ответа на этот вопрос нет: мы пока должны смириться с мыслью, что известные нам границы собственно парфянского эт-

нического костюмного комплекса будут в некоторых своих элементах *приблизительными*, а сам термин «парфянский костюм» — «достаточно аморфным» (по выражению В.Н. Пилипко).

Материал одежды

На большинстве памятников монументального искусства изображены плотные ткани, образующие крупные складки (Kawami 1992, p. 738). Сложный орнамент тканей документируется редко, так как на небольших фигурах передать его детали было практически невозможно. У Фраата IV на монете полы кафтана сшиты из ткани с античными сюжетами — гиппокампам и танцующими менадами (Луконин 1977, рис. на с. 126). На статуе II в. из Хатры нераспашная одежда украшена широкой вертикальной полосой с греческими богом и богиней среди побегов аканта (статуя князя Абдсамийи: Curtis 2001, pl. X, d) (рис. 79) (см. также о тканях с изображением античных божеств: Downey 1983). Виноградная лоза иногда вышита на вертикальной полосе, декорирующей «тунику» и штаны (Шлюмберже 1985, с. 124–125). Борта кафтана могли украшаться полосой ткани с вьющимся побегом (Ghirshman 1962, fig. 124) (рис. 63, 14). Некоторые цари I в. до н.э. — анонимный правитель 70 г. до н.э., Ород II (57–38) и Фраат IV (38–2) — носили кафтаны, на бортах которых были вышиты 5–8-лучевые звезды (типы 36/1, 45, 47, 50).

В поздний период основных мотивов орнаментации тканей, судя по изображениям, было три. Во-первых, это сетка из ромбов, внутри каждого из них находились кружок или каплевидная подвеска с кружком-основанием. Такие ткани использовались для мужского плаща (рис. 64, 32) и рубахи (рис. 70), для женского платья (рис. 82). Во втором и третьем случаях орнамент передан на статуях в довольно высоком рельефе (что, возможно, означает использование аппликации). Другой популярный сюжет — вертикальная полоса крупных ромбов (на двух изображениях из Хатры у лежащих мужчин она украшает и кафтан и штаны) (см. также: Шлюмберже 1985, с. 119) (рис. 64, 40, 70) или ромбов, вписанных в круг (рис. 64, 42). Третий сюжет тканей — мелкая сетка из ромбов. Такой текстиль использовался для каймы на кафтанах (монеты Фраата V: Ghirshman 1962, fig. 142), вертикальной полосы спереди парадной «туники» (рис. 64, 36, 38–39), рукава (рис. 64, 47) и полусапожек (рис. 64, 73–74). Иногда этот орнамент сплошь покрывает нижнюю рубаху, как у главного персонажа на рельефе из Бард-и Нишанды (Curtis 2001, pl. IX, b). В целом основой всех этих орнаментов является ромбовидная фигура.

Мужская плечевая одежда

Распашная одежда

Сопоставляя серию изображений раннего (II–I вв. до н.э.) и позднего (I — начало III в. н.э.) периодов, следует прежде всего отметить существенную разницу в характере бытования и популярности распашной плечевой одежды. В раннее время, продолжая традицию кочевых предков — парнов, распашные кафтаны (kurtak) использовались у высшей знати в качестве парадной верхней одежды (рис. 63, 12–14); самые поздние образцы встречаются на монетах и медальонах царей рубежа нашей эры (см., например, рис. 63, 15). Весьма показательно, как на монетах разных периодов одет «парфянский лучник» (предположительно — обожествленный основатель династии). Вначале он изображался в древнем ахеменидском кандисе внакидку, с очень длинными заууженными рукавами (скорее всего, в реальном быту такая одежда в период Аршакидов не носилась; ср. у Помпея Трога: Justin. Trogi epit. XII. 2; см., например: Alram 1987, Taf. 11–13; Koshelenko, Pilipko 1994, fig. 5). Он сменился на обычный распашной кафтан с короткими рукавами лишь со времени Фраата III (57 г. до н.э.) (тетрадрахмы типа 39/1)¹⁴⁵, а начиная с Фраата IV (38–2), с типа 54/II, этот персонаж уже одет в *нераспашную* верхнюю одежду. Важно и то, что у лиц более низких рангов — некоторых придворных и слуг — на тех же наскальных изображениях верхняя одежда нераспашная (см. рис. 63, 22, 24). Особой была ситуация в Эламаиде, где правила местная династия и преобладала нераспашная верхняя одежда; см. сцену в Танг-и Сарваке.

В поздний же период распашная одежда в значительной степени была вытеснена нераспашной. В это время распашная одежда чаще всего, видимо, имитировала облик более популярной нераспашной. В ряде случаев бывает сложно отличить наглухо застегнутую распашную одежду от нераспашной (см. наиболее сложные случаи: рис. 64, 38–39, 48). На первый взгляд некоторые детальные изображения позволяют сделать это. Например, на погрудном изображении бога Шамаша в одном из частных домов в Хатре широкая

¹⁴⁵ Вырез на груди, образуемый сходящимися полами кафтана, многие исследователи были готовы трактовать как боевую «кирасу». См. критический отзыв об этом: Invernizzi 1996, p. 233–235.

кайма ворота перекрывает вертикальную полосу на груди (рис. 64, 37). И все же еще более детальные изображения «перекрывающего» вертикальную полосу ворота в синхронных поздней Парфии соседних ираноязычных странах (в частности, роспись II–III вв. в хорезмийской Топрак-кале: Топрак-кала 1984, рис. 43; В низовьях 2000, ил. 53; см. ниже) показывают, что на первый взгляд «глухой» ворот на самом деле был несшитым: один его конец имел маленький выступающий клапан (рис. 135, 11).

Длина подола у куртка в раннее время была до низа таза, в поздний период — до колен (рис. 64, 28–30); лишь на изображении царя, охотящегося на льва, в нижней части рельефа второй половины II в. н.э. в Танг-и Сарваке он ниже колен (Tanabe 1993, fig. 139). Как правило, край его горизонтальный. Но иногда сходящиеся полы образовывали *спереди полуовальный выступ*; при этом, судя по известной бронзовой статуе «князя» из Шами, спереди подол был гораздо длиннее (рис. 64, 23). Такой подол показан и на наглухо застегнутом кафтане у статуи хатрского царя Валгаша, правившего около 155–165 гг. (Curtis 2001, pl. II, a; X, a). В позднее время край подола, напротив, часто *имел дугообразное углубление спереди* (рис. 64, 28, 38, 43): такая форма, возможно, имитировала аналогичный крой подола нераспашной одежды народов Западного Туркестана — родины парнов-парфян, их бывших соседей ахеменидского времени — согдийцев и хорезмийцев (Горелик 1985, табл. II, 3–4). В ряде случаев пришивной подол имеет глубокие боковые разрезы, которые декорированы общей с краем подола полосой ткани; при этом одежда подпоясана (Vanden Berghe 1984, fig. 5; Riccardi 1998, fig. 8) (рис. 64, 40).

Форма ворота была различной. В одних случаях у кафтанов с глубоким запахом ткань скашивалась у ворота, в других (у кафтанов, носившихся плотно застегнутыми) мы этого не наблюдаем. Глубокий запах хорошо виден и на монетах индо-парфянских правителей рубежа нашей эры (Mitchiner 1978, p. 355, Nos 2556–2558), где этому способствует поза изображаемого (грудь — анфас, лицо — в профиль). Иногда халат с глубоким запахом налево изображается на терракотах (юноша из Суз: Clay Figurines 2003, fig. 27). У «князя» из Шами сзади, в верхней части спинки кафтана виден оригинальный прямоугольный вырез ворота, обрамленный широкой полосой меха (?).

Рукава кафтанов часто были, видимо, длиннее руки и собирались складками, сдерживаясь пришивным обшлагом, который практически не декорировался. Широкие обшлага в парфянском костюме явно отсутствовали: на изображениях мы видим либо отворот или узкую полоску ткани другого цвета (?) по краю.

Иногда у придворных II–III вв. видим рукава длиннее руки с расширяющимися внизу веслообразными «лопастями» (рис. 64, 39).

Нераспашная одежда

Форма ворота у нераспашных верхних одеяний практически стандартна. Он глухой, горизонтальный, довольно узкий и обычно лишен декора. Лишь у одного из придворных Митридата I позднего периода видим на рельефе в Хунг-и Аждаре (Хунг-и Наурузи) небольшой треугольный вырез ворота (рис. 64, 57a). Стоячий ворот встречен лишь однажды в одежде охотника (рис. 64, 45). В ряде случаев во II — начале III в. ворот мужской одежды, видимо, имел глубокий вертикальный разрез по центру: он украшался полосой дорогой ткани, спускавшейся до нижней части груди, почти до таза (рис. 64, 45–46).

Длина нераспашных верхних одежд колеблется от низа таза до колен (последний вариант, например, документирован у всех персонажей на валуне в Танг-и Сарваке (Tanabe 1993, fig. 139) и на статуе князя из музея в Алеппо (Curtis 2001, pl. X, c). Более длинные экземпляры единичны (впрочем, возможно, что здесь передан выглядывающий подол более длинной нижней рубахи, иначе оформленный (рис. 64, 47). Край подола чаще всего представлял собой ровную горизонталь. Однако в оба периода встречались и более сложные варианты.

Таков подол с тремя видимыми острыми короткими выступами (всего по окружности подола их было шесть). Они известны как у местных правителей Эламаиды, так и у собственно парфян (Хунг-и Аждар, Танг-и Сарвак) (Ghirshman 1962, fig. 67; Harper 1981, fig. 30) (рис. 63, 24), в том числе на одной из терракот с лежащим богом Митрой (рис. 64, 46).

Ключом к пониманию происхождения и семантики такого необычного оформления подола в виде острых клиньев, число которых кратно трем (3, 6, 12), являются, на мой взгляд (Яценко 1993г, с. 79–80), этнографические, весьма архаичного кроя шаманские костюмы народов севера Сибири — энцев и нганасан. У них такой декор подола имитировал древний крой из двух сшитых вместе шкур оленя со свисающими вниз частями шкуры, снятыми с хвоста и двух лап (ср.: Прокофьева 1971, с. 13, 16; рис. 6). В связи с этим стоит вспомнить, что само древнеперсидское название степных кочевников — *saka* — означает «олени», которые, видимо, считались тотемными предками. Интересно также, что у названных народов

севера Сибири собственный этнос появляется из волшебной оленьей шкуры (см., например: Долгих 1976, с. 179). В Иране ритуальная одежда с 12 длинными и тонкими, заостренными выступами подола продолжала бытовать и в раннеисламское время (Читаз 2000, табл. 495–496).

Другой вариант оформления края подола, встречавшийся иногда в поздний период, — дугообразное углубление спереди (и, видимо, сзади) (рис. 64, 55; 73). В таких случаях речь, несомненно, идет о пришитом подоле, который, судя по тому, как он заметно расширяется книзу, кроился с дополнительными (видимо, более чем с двумя) боковинами. Еще один вариант — полуовальный выступ спереди — известен лишь на одной из месопотамских терракот (Curtis 2001, pl. IV, *b*), и его собственно парфянской принадлежности кажется мне сомнительной, хотя позже, с IV в. у Сасанидов он распространился (см. подробнее главу 4.1, раздел о парфянских влияниях).

На ряде изображений видим пришитый складчатый подол (рис. 64, 47, 50, 52). На парфянской статуе из музея в Алеппо (рис. 64, 44) пришитой подол короче и украшен по краю, как и вертикальная полоса, тремя рядами круглых бляшек (?).

Рукава, как уже отмечалось, обычно длинные (длиннее руки) и узкие, собранные у запястья и образующие выше складки. Однако у мальчиков и юношей они бывают очень короткими (рис. 63, 22; 64, 56); возможно, именно юноша представлен на фрагменте рельефа из Старой Нисы (здесь под верхней одеждой с рукавами до локтей носилась нижняя рубаша с длинными рукавами, собранными у запястья: Пилипко 2001б, рис. 8). Иногда в поздний период они, напротив, носятся распущенными, опускаясь ниже пальцев рук. Такие рукава у парфян подчас кроились с заметным расширением ниже локтя, т.е. с использованием нескольких клиньев. У придворных они образуют своеобразные треугольные складки, как это видим на известном парфянском костяном ритоне из Ольвии и на терракоте из Урука с изображением Митры (рис. 64, 46, 54). Нижняя часть в одном случае по силуэту напоминает рабочую лопасть весла, конец которого закруглен; вдоль рукава на этом участке нашивался ряд круглых бляшек (рис. 64, 50).

По мнению Т. Кавами, мужчины-парфяне носили «туники» двух типов. Одни из них шились из жесткой гладкой ткани, имели «выпуклый подол» и подпоясывались широким поясом. Другие шились из тонких тканей, которые образовывали много мелких складок и подпоясывались узким пояском (Kawami 1992, p. 739). Однако в действительности оба типа различаются у Кавами лишь плотностью использованной ткани; подобные критерии типологизации не могут быть мною приняты.

Иногда мы видим выглядывающую *нижнюю одежду*, служившую парадной рубашкой. Если верхняя одежда нераспашная (рис. 64, 47), в том числе с разрезом ворота, скрепленным серией парных лент (рис. 63, 21), она заметно длиннее верхней. При распашном кафтане поздней модификации рубаша, напротив, немного короче (рис. 64, 29) (см. также рельеф из Бард-и Нишанды: Curtis 2001, pl. IX, *a-b*) (рис. 76, 1). В первом случае рубаша лишена декора, экземпляр с лентами украшен вертикальной декоративной полосой посередине. Рубаша, носившаяся с поздними кафтанами, украшена много богаче, чем верхняя (сложный узор дорогой ткани и ряд круглых бляшек по краю подола).

Плащи-накидки

Редкость плащей в изобразительных материалах объясняется «непарадным» назначением большинства из них (защита от непогоды), в то время как у мастера была задача выгодно продемонстрировать наиболее эффектные и социально значимые одеяния.

Во II — начале III в. плащ у светской аристократии часто крепился на правом плече (рис. 63, 33–34, 51). Священнослужители носили его на другом — левом плече (см., например: al-Salihi 1991, fig. 1; Curtis 1994, pl. I, *a*; 2001, pl. X, *c*) (рис. 74); некоторые авторы считают, что только они носили при этом плащ свернутым в толстый жгут на манер античного himateon, или, по выражению Т. Кавами, «плотный узел ткани, переброшенный через левое плечо». Предполагается, что подобная традиция заимствована от греко-македонских поселенцев в Месопотамии (Kawami 1992, p. 739; Curtis 1994, p. 203–204). В быту других социальных групп известен узкий плащ, достигавший низа таза, делавшийся из легкой ткани и близкий по облику римскому paenula (Ghirshman, 1962, fig. 119). Такие плащи обычно изображались на месопотамских терракотах: они скалывались в центре груди (Curtis 2001, pl. IV, *a-b*).

Другой тип плаща — роскошная царская мантия из плотной узорчатой ткани длиной до колен, которая скалывалась в центре верхней части груди массивной брошью, украшенной зернью (?) (рис. 64, 32). Такая же мантия белого цвета изображена поверх кафтана на «пророках» из храма Митры в Дуре-Европос (Sumont, Rostovtzeff 1939; Schlumberger 1970, p. 111); вероятно, она же представлена у аристократа на рельефе из Бид Зарда в Эламаиде (Curtis 2001, pl. III, *a*).

Крепления плащей двух названных типов весьма разнообразны (различные фибулы-броши, пряжки, повязывание лентами).

Женская плечевая одежда

Изображения ее весьма редки и почти все относятся к позднему периоду. При этом распашные образцы не документированы (это не обязательно означает их реальное отсутствие в быту).

Нераспашная одежда

В раннее время длинное платье шилось очень широким и стягивалось поясом. Ворот в ряде случаев имел небольшой треугольный вырез и дополнительный вертикальный разрез (рис. 65, 3).

В поздний период знатные женщины надевали по два платья. Один из вариантов верхнего являлся результатом заимствования в греческих городах Месопотамии классического греческого женского *chiton*, т.е. оно было безрукавным, длиной ниже колен, не сшитым в верхней части (образовавшиеся бретельки скалывались на плечах двумя фибулами-брошами) (рис. 65, 13–14; 82). В других случаях оно имело тесный горизонтальный ворот с широкой каймой декора (рис. 65, 15–16). Верхнее платье подпоясывалось довольно высоко под грудью (что было характерно для замужних женщин и у греков; см. также: Майтдинова 2003, с. 176). Нижнее платье было уже собственно парфянского (иранского) образца: оно имело длинные узкие рукава (шов которых украшался рядом круглых бляшек) с узким же обшлагом. Оно было более широким, чем верхнее, и более длинным, доходившим до пят (рис. 65, 13) (см., например: царица на троне на валуне в Танг-и Сарваке: Schlumberger 1970, p. 154).

Однако кроме таких платьев (документированных в «столичной» области Нижней Месопотамии) существовали и другие фасоны. Вторым типом можно считать нижнее платье царевны Радогуны [по разным версиям — либо ахеменидского времени, либо эпохи царя Митридата I (171–138 гг. до н.э.)], которая, как известно из знаменитой легенды, была вынуждена неожиданно броситься в бой именно в нижнем платье, не завершив туалет и переодевание. По описанию Филостратом ее изображения на греческой картине, платье было длиной до колен и подпоясано. Его короткие рукава имели разрезы от локтя до плеча, скрепленные на каждой руке по греческой традиции рядом из нескольких пряжек (Филострат 1936, с. 65), что напоминает силуэт некоторых поздних мужских нераспашных одеяний (рис. 64, 48). Иными словами, облик Радогуны на картине, несомненно, парфянский.

Третий тип близок предыдущему. Он представлен на одной из терракот (рис. 65, 15). Это безрукавное платье длиной до щиколоток, с глухим горизонтальным воротом, украшенным каймой. Оно высоко подпоясано широким поясом.

Четвертый тип платья представлен на одной из поздних пряжек с погрудным изображением супругов (рис. 65, 16). Он более традиционен для древних ираноязычных этносов: горизонтальный ворот средней ширины, длинные рукава с узким обшлагом и свободный край (вероятно, оно не подпоясано).

В Сузах документировано также платье с глубоким треугольным вырезом на груди (рис. 65, 4). В целом женское платье отличается от мужских «туник» не «только своей длиной», как полагала Т. Кавами (Kawami 1992, p. 739), но и манерой крепления на плечах и манерой ношения (часто оно короче, чем нижняя рубаха).

Иногда на изображениях парфянских богинь встречаются накидки, переброшенные через плечо, один край которых поддерживается левой рукой (Зиапур 1965; Майтдинова 2003, с. 176) (рис. 73); если этот тип одежды реально носился, то его можно считать греческим заимствованием.

Мужские головные уборы

Прежде всего, отмечу, что на всех изображениях раннего периода чаще всего отсутствуют обычные головные уборы (специфические царские короны в данной работе, как уже отмечалось во Введении, специально не рассматриваются). Изображались обычно начельные украшения — полосы из ткани вокруг головы (диадемы).

Тип 1. Тиара. Это свойственный ахеменидской знати войлочный/кожаный убор с невысоким коническим верхом и широким назатыльником, который сделан не из войлока, а из мягкой ткани, поэтому верх свисает (точнее, лежит) на левый бок; тремя парами завязок снабжены передний и нижний края убора. Подобные уборы около столетия были и царским атрибутом: они изображались с начала монетной чеканки Аршакидов (с типа 1/1 Аршака I, 238–211 гг.) (рис. 66), а перестал их носить (не сразу!) только

Митридат I (последний — тип 10). В другом случае (у царя Вологеза III) убор из плотного войлока со стоячим верхом повязан только двумя горизонтальными лентами разной длины и ширины со свисающими концами (рис. 64, 3–4).

Тип 2. Близкий по форме башлык изображен схематично на скальном рельефе в Хунг-и Камальванде (рис. 64, 5). Он отличается более узким и высоким коническим верхом-спилем (который, видимо, сделан не из войлока/кожи, а из более мягкой ткани, так как стоит непрочно, образуя изгибы). Он, как и у Вологеза III, повязан лентой с длинными свисающими сзади концами. Подобные, но «стоячие» конусовидные колпаки (из войлока?) известны и на парфянских глиняных фигурках всадников из Суз (Clay Figurines 2003, fig. 34–35).

Тип 3. Высокий убор с острым или слегка округлым верхом (при Сасанидах именовавшийся *kolâh*) из плотного материала (войлок?). Он имеет широкий назатыльник, широкую полосу надо лбом, декорированную по краю рядом полусферических бляшек (?), и стоячий верх разной ширины, иногда покрытый узорчатой тканью (при этом спереди отдельно нашивалась вертикальная полоса, украшенная по краям бляшками). Изображался у правителей Хатры, в том числе у царя Утталу (рис. 64, 1, 2; 70); известен также на терракотах из Суз (рис. 64, 51).

Тип 4. Убор в виде высокого узкого конуса, явно скроенный из плотного материала. Это специфический убор жрецов, известный как в Хатре (Curtis 1994, pl. II, b), так и на росписи языческого храма в Дура-Европосе (рис. 64, 8). В последнем случае он священного белого цвета, как и вся одежда жрецов. Вариант, представленный на скульптурной голове из Хатры в музее Тель Афар, не столь высок, имеет утолщение в нижней части; по нижнему краю и вдоль вертикального шва он украшен рядом бляшек (Invernizzi 1990, fig. 5) (рис. 64, 9).

Тип 5. Невысокий конусовидный убор из более мягкого материала (верхушка его свисает). Известен на терракотах (рис. 64, 6, 10).

Тип 6. Невысокий убор в виде усеченного конуса. Нижний край имеет узкую кайму. По-видимому, края четырех однотипных кусков, из которых шился убор, украшались довольно узкими вертикальными декоративными полосами. Представлен у всадников на поздних бронзовых пряжках с прямоугольной рамкой (рис. 64, 7).

Тип 7. Этот убор, известный на граффити из Хатры у двух знатных конных охотников (рис. 64, 11), имеет вид маленького, невысокого цилиндра, едва помещающегося на макушке, с цилиндрическим же возвышением в центре. Он также мог повязываться лентой с длинными свисающими концами.

Царские головные уборы Санатрука (правившего с 77 г. до н.э.) и его сына Фраата III, по мнению В.П. Никанорова, украшены по верхнему «гребню» рядом оленей и бычьим рогом, поскольку это культовые животные среднеазиатских саков-сакаравков, у которых Санатрук долго был заложником и с помощью которых он затем вззошел на трон (Никаноров 2000, с. 33). На мой взгляд, этого эпизода из жизни будущего царя еще не достаточно для появления упомянутого типа зооморфных наверший на царском сакральном уборе. К тому же сходный убор с «гребнем» из зооморфных скульптурок известен и на монетах индо-парфянских наместников рубежа нашей эры, в частности — на драмах Гондофара (Mitchiner 1978, p. 359, No. 2518).

Женские головные уборы

К сожалению, они документированы лишь в немногих случаях в Верхней Месопотамии и, возможно, отражают специфику местного семитского населения.

Начельные украшения

У парфянских правителей разного времени были популярны и повязки из ткани. Нумизматы обычно считают, что престижные тканые диадемы недавних повелителей — Селевкидов практически сразу заменили у парфян прежние персидские тиары (Abgarians, Sellwood 1971, p. 103–119). У Старших Аршакидов концы диадемы обычно завязывались на затылке узелком и свободно свисали. Подчас они весьма широкие, как на знаменитой бронзовой статуе «князя из Шами» (рис. 63, 2); в этом случае экземпляр из меха (?) повязывался сзади шнурком с «Геракловым узлом» (рис. 67). Один конец ленты мог полудугой подниматься вверх на затылке, как у Орода II (Loginov, Nikitin 1996, fig. 3, 19) (в поздний период, например у Вологезов IV и VI, такой конец ленты, видимо, имитировался на металлическом венце); в других случаях длинные концы ленты свисали сбоку, как у Митридата II (рис. 63, 3). Однако правители позднего периода, по примеру Фраата (2 г. до н.э. — 4 г. н.э., тип 58), стали завязывать царскую повязку длинным бантом

с резко расширяющимися концами. Это хорошо видно на редком изображении анфас на тетрадрахмах Артабана II (10–38) (тип 63/1; рис. 64, 12) и на царе с парадного костяного ножа I в. н.э. из Красногоровки (Treister 2001, p. 40–41; fig. 2) (рис. 64, 12a)¹⁴⁶. То, что царские диадемы у мужчин делались также из золота, сообщают китайские хроники (Бичурин 1950, II, с. 261); иногда такой зооморфный убор представлял собой золотую полосу со скульптурой животного (например, орла) наверху (рис. 64, 13).

Женские золотые диадемы были иной формы. Так, на мраморной голове царицы из музея в Тегеране (Ghirshman 1962, fig. 107, b) видим широкую венечную полосу, завершающуюся рядом ступенчатых пирамидок.

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Носили ли шаровары женщины-парфянки, неясно. Возможно не носили, так как они при любой позе не выглядывают из-под платья. Мужские шаровары было принято заправлять в обувь. Поэтому книзу они выглядели заметно суженными, в то время как у бедер они очень широкие. Впрочем, на рельефе второй половины II в. н.э. на валуне в Танг-и Сарваке видим, что у царя (в отличие от придворных) очень широкие штаны не заправлены в обувь, имеют тумбообразный силуэт и, видимо, стянуты шнурком по нижнему краю (Tanabe 1993, fig. 139). Шаровары спереди декорировались вертикальной полосой цветной ткани (линия проходила через колено). Иногда на поверхности виден грубый ворс, т.е. они сшиты из шкур (князь Эламаиды на рельефе из Хунг-и Камальванда (Vanden Berghe 1984, fig. 5).

Т. Кавами выделяет три категории парфянских штанов, следуя не вполне, на наш взгляд, удачному критерию. По ее мнению, они отличаются характером складок, подчеркиваемых на изображениях. Первый тип имеет «эллиптические складки» (т.е. штаны, видимо, более широкие?), второй — «короткие вертикальные» (что, на мой взгляд, объясняется не спецификой кроя, а тугим перехватом штанов сверху — у пояса и снизу — у щиколоток), третий — «горизонтальные» (это может объясняться большей длиной штанов, собранных в складки у голенищ полусапожек) (ср.: Kawami 1992, p. 738). Последний вариант документируется крайне редко (два изображенных справа персонажа на рельефе в Бард-и Нешанде: *ibid.*, pl. LXVIII) (рис. 76); я не исключаю, что так изображен не низ шаровар, а голенища высоких сапог, которые у «этнографических» ираноязычных народов подчас украшались горизонтальными цветными полосами.

Пояса

Одежда обычно подпоясывалась как мужчинами, так и женщинами; пояса носились даже тогда, когда детали кроя (зауженная талия) позволяли в принципе без них обойтись.

Ведущий специалист по парфянскому костюму Веста Куртис выделяет четыре типа парфянских поясов: 1) «простые» (пояса без декора и застежек); 2) «завязанные узлом на животе»; 3) «завязанные петлями» (концы завязанного узлом пояса заткнуты за него по бокам; как я пытаюсь показать ниже, единичные изображения такого рода с парфянами связывать рискованно); 4) «сделанные из бляшек» (Curtis 2001, p. 300–301). Такая классификация представляется не вполне удачной. Во-первых, смешаны разные принципы (классификация по способу декора и по методу крепления). Во-вторых, не учитывается разнообразие материала, из которого явно сделаны пояса (кожа, ткань, ажурные металлические). Наборные пояса у парфян вовсе не «делались из бляшек», а были, несомненно, как и у других носивших их народов, кожаными (с закрепленными с помощью заклепок или пришитыми нитками через угловые отверстия бляшками). Однако к типу 4 отнесены и сделанные явно целиком из металла (золота?) пояса из соединенных цепочками медальонов (см. ниже).

Видимо, большинство поясов составляли *кушаки* из ткани. Манера их ношения однотипна. На детализированном скульптурном изображении солнечного бога из Хатры видно, что они повязывались на животе «Геракловым» (прямым морским) узлом, концы свисали (рис. 64, 58)¹⁴⁷. В других случаях узел передан более схематично (рис. 64, 60–61); см. на валуне в Танг-и Сарваке: Tanabe 1993, fig. 139; на терракоте из Месопотамии (Curtis 2001, pl. IV, b). На одном фрагменте статуи из Хатры длинные концы подобного

¹⁴⁶ Отдельные правители предпочитали диадемам сложно оформленные шлемы-короны. Первыми подали подобный пример Митридат II (123–88) и Ород II (80–77), затем Санатрук (77–70) и Фраат III (70–57). Позже их носили анонимный правитель 70 г. до н.э., после длительного перерыва — Вонон II (51 г. н.э.) и Вологез II, Парфамасват, Вологез IV, Осрой II, а также два последних правителя — Вологез VI и Артабан IV (Пакор II и Вологез III на рубеже I–II вв. носили такие шлемы наряду с обычными повязками).

¹⁴⁷ Такой узел имитировался на поясах и в металле. Такова, в частности, ажурная золотая пряжка позднего периода, украшенная зернью и вставками гранатов, которая была куплена в 2003 г. Эрмитажем (см.: Иран в Эрмитаже 2004, № 63).

пояса заткнуты за него по сторонам (ibid., pl. VI, b). В парфянской принадлежности изображенного персонажа и подобной манеры ношения имеются серьезные сомнения, которые подробно рассмотрены в главе 4.1 (раздел о влиянии костюма Парфии). К сожалению, некоторые оригинальные типы поясов вообще оказались вне поля зрения В. Куртис. На ряде изображений хорошо видно, что кушак состоит из двух полос (рис. 64, 46, 53; 65, 13, 15). Известны также пояса, сплетенные из нескольких жгутов (рис. 65, 62). За мужские женщины и пышнотелые богини обычно опоясаны достаточно высоко (рис. 65, 13, 15; 69; 73), что соответствует не столько ахеменидской, сколько греческой традиции.

Второй тип поясов, использовавшийся лишь мужчинами, — наборные (он соответствует типу 4 по В. Куртис). Они носились как светской аристократией, так и жрецами. Ремень у них обычно довольно широкий. Особенность парфянских наборных поясов — украшение ремня рядом квадратных или прямоугольных, близких к квадратным, как на изображении предполагаемого Вологеза IV (147–191) на скале в Бисутуне (рис. 64, 60), металлических накладок. Декор накладок, который детализирован только на изображениях правителей, был разнообразен: рамка из двух ярусов косых полосок (рис. 63, 25) или восьмилучевая звезда с вписанным в нее кругом, в который, в свою очередь вписан крест (рис. 64, 65) (возможно, схематичной передачей того же сложного орнамента является круг в квадрате на бляшках пояса у жреца из Хатры: рис. 64, 63). У «пророков» в росписи храма Митры III в. н.э. в Дуре-Европосе внутри удлиненных прямоугольных накладок изображен «лежащий» ромб (Schlumberger 1970, p. 111). В Хатре, по данным В. Куртис, квадратные бляшки с геометрическими орнаментами бытовали в период правления местных царей от Санатрука I (ок. 176 г. н.э.) до Санатрука II (ок. 200–240 гг.: ibid., p. 303, 305). Такой пояс здесь сопровождался во второй половине II в. круглыми парными пряжками с бюстом богини [статуя Санатрука I (Safar, Mustafa 1974, pl. 2)], в начале III в. сменившимися полукруглыми пряжками с ажурным геометрическим декором (статуя Санатрука II: рис. 64, 65). Такой пояс мог повязываться на животе «Герাকловым узлом», как на статуе хатрского типа из музея в Алеппо (рис. 64, 59). В самый поздний период, при Санатруке II (Curtis 2001, p. 303; fig. 2) в Хатре получают распространение пояса с изображением на квадратных бляшках лежащих животных (грифонов, козлов и зайцев) (рис. 64, 66). У парфян известны также бронзовые ажурные прямоугольные пряжки наградных (?) поясов с бюстом того или иного царя (Национальный музей Ирана, инв. № 19589, 19611, 19618) и подобные же пряжки в виде двух обнимающихся мужчин (царя и наследника?) (там же, инв. № 19614–19616).

В. Куртис, рассматривая под увеличением серебряные монеты ряда правителей (Ород II, Фраат IV), предполагает наличие и бляшек круглой формы (Curtis 2001, p. 301). Подобный подход (субъективная трактовка изображенных *схематично*, в виде точек, мелких бляшек на поясе полной фигурки правителя на монете, как передающей абсолютно достоверно их *реальную* форму) не выглядит конструктивным. Наборный пояс скреплялся парными пряжками, которые соединялись либо на животе (рис. 64, 65–66; 83), либо на боку (так как в большинстве случаев они не видны). Золотые ажурные парные пряжки I–II вв. могли украшаться сценами в кочевническом «зверином стиле» и инкрустироваться бирюзой, как это было в кладе 1911 г. из селения Нихаванд — «сокровище Каренов-Пахлавов» (Herzfeld 1928, p. 22, fig. C). Известны бронзовые ажурные пряжки с прямоугольной рамкой, украшенные изображением одного-двух антропоморфных персонажей или кошачьего и кольцевидные с кнопкой и изображением утки (Post 1995; Hauser 1993, pl. 13; Curtis 2001, pl. XII–XIV).

Бытовали также широкие кожаные пояса без выраженного декора (тип 3; тип 1, по В. Куртис). На статуе жреца из Масджид-и Сулеймана такой пояс имеет круглую пряжку. Справа за пояс заткнут какой-то небольшой «прямоугольный объект» (Curtis 1994, p. 202; pl. I, a-b) (рис. 74). На ранней терракоте из Вавилонии с изображением лежащей богини видим широкий кожаный пояс с тонкими полосками по краям (рис. 65, 3).

Четвертый тип пояса, известный лишь во II–III вв., по-видимому — парадные пояса *из золота*, носившиеся лишь князьями и царями в Хатре (у собственно парфян этот тип по изображениям надежно не документирован) (по классификации В. Куртис — тип 4а). Он, в частности, изображен на статуе местного царя Валгаша (ок. 155–165 гг.). Конструктивно это пояс, свитый из четырех металлических цепочек. По периметру пояса через равные промежутки крепились девять крупных круглых блях-медальонов с изображением бюста богини (рис. 64, 67). Аналогичные медальоны известны и на других поясах из Хатры (Safar, Mustafa 1974, pl. 10, 75, 78, 181). Более детально пояс такого типа представить нетрудно, так как известна прекрасная аналогия из золота в более раннем юэчжийском могильнике Тилля-тепе в Бактрии (Sarianidi 1985a, pl. 88–97) (см. ниже). Он также свит из золотых цепочек, но не из четырех, а из девяти, и также украшен девятью однотипными крупными круглыми ажурными медальонами с изображением божества. Формы медальонов тилля-тепинского пояса с небольшими прямоугольными выступами на концах (как и инкрустация по диаметру круга, растительные побеги на

выступах) имеют очень близкую аналогию с собственно парфянской золотой пряжкой из упомянутогоклада у Нихаванда.

Обувь

Туфли

Их изображение представлено у жреца перед алтарем на многофигурном рельефе начала III в. в Бард-и Нишанде (Национальный музей Ирана, инв. № 18835) (рис. 64, 73). Они имеют заостренные носки и, похоже, зашнурованы. На статуе из Шами такие туфли (выглядывающие из-под ноговиц) были сделаны из плотной ткани, без подошвы, и имели мягкий округленный носок заметно длиннее стопы. Вдоль ее подъема выделен гравировкой продольный шов (рис. 67).

Полусапожки

Они явно были господствующим типом обуви. К сожалению, обычно из-под длинного подола женского платья выглядывает лишь нижняя часть женской обуви с округлым носком (рис. 65, 17).

Мужские полусапожки позднего времени весьма разнообразны по облику. Они иногда имеют сильно удлинённый (но не сужающийся) носок (иногда с гофрированной/складчатой верхней поверхностью) (рис. 64, 71), отвороты по верхнему краю. У щиколоток они повязывались лентой со свисающими и волочащимися по земле концами (подчас — сплетёнными из нескольких жгутов: рис. 64, 68). Концы лент могли быть фигурными (в виде листьев: рис. 64, 72). Иногда ленту заменял ремень, скреплённый круглой пряжкой (рис. 64, 75–76); он мог украшаться рядом бляшек (рис. 64, 69). Оригинален сапожок, кроившийся с *заостренным выступом спереди под коленом*; он изображен у правителя области на рельефе в Кух-и Камальване (Эламаида) (рис. 64, 78; 76, 2). Образцы с подобным кроем, но с более высоким голенищем документируются у скотоводческих индоевропейских племен Центральной Азии еще в эпоху бронзы (Синьцзян, могильник Загунлук) (Ahmad, Dolkun 1986; Майтдинова 2003, с. 161), но они стали широко распространёнными на Ближнем и Среднем Востоке лишь в период поздних Сасанидов (во второй половине V в., при Перозе: см. главу 3.1). Вероятно, здесь мы наблюдаем какое-то не ставшее популярным, случайное заимствование из степного мира.

Высокие сапоги

Документируются только в позднее время и только на одном упомянутом рельефе в Кух-и Камальване. Это сапог *на довольно высоком и тонком каблуке*, изображенный у пешего слуги (рис. 64, 79; 76, 2); такой весьма редкий экземпляр не имеет аналогов в мужском костюме ираноязычных народов античной эпохи.

Ноговицы

Этот кочевнический тип обуви носился только в ранний период (бронзовая статуя князя из Шами; стела из Ашшура: рис. 78). Парфянские ноговицы не закрывали носки полусапожек (рис. 63, 27–28). Их края на широких лямках сзади крепились на поясе; концы лямок при этом либо вновь подтыкались вверх за пояс, либо свисали вниз, украшенные длинной бахромой. На этих детализированных изображениях ноговицы лишены всякого декора.

Прически

Волосы у парфян, как и у многих других иранских народов древности, были светлыми. Так, у царевны Радогуны, судя по описанной Филостратом знаменитой картине на холсте, «голова белокурая, даже более чем золотистая» (Филострат 1936. с. 66).

Мужские прически

Тип 1. У мужчин популярной прической были короткие волосы, тщательно зачесанные назад, которые могли скрепляться повязкой, в том числе довольно широкой (рис. 63, 2, 4, 11; см. также: Ghirshman 1962, 135

fig. 57). Судя по источникам Плутарха (Plut. Crass. 24), парфяне делали такую прическу «на скифский манер» якобы для того, «чтобы казаться более грозными» в бою; такая трактовка сейчас вызывает недоумение.

Тип 2. Вариант предыдущей прически. Более длинные волосы зачесаны назад (рис. 63, 9).

Тип 3. Очень короткая стрижка с прямыми или волнистыми волосами. Последний вариант мы видим у юного правителя Пакора I (39 г. до н.э., тип 49) (рис. 63, 5). Второй представлен в поздний период в Хатре (рис. 64, 24).

Тип 4. Короткая стрижка с волосами, ровно подстриженными надо лбом и сзади по краю образующими валик (рис. 63, 10), или с валиком по всему нижнему краю (рис. 64, 22). Второй вариант известен во II — начале III в. Он представлен у обоих пирующих рядом супругов: рис. 64, 22. Некоторые исследователи связывают варианты короткой стрижки с влиянием соседних восточных римских провинций в I в. н.э. (Curtis 1993, p. 65).

Тип 5. Волосы собраны в шаровидный узел на макушке (рис. 64, 25).

Несколько типов представляют прически с *завивкой волос*. Они наиболее эффектны и специфичны для знатных парфян.

Тип 6. Все короткие или более длинные волосы завиты мелкими локонами (рис. 64, 20–21).

Тип 7. Завиты только концы волос надо лбом и на большую высоту — с боков (рис. 64, 18–19).

Тип 8. Волосы по бокам завиты в нижней части, образуя два больших круглых выступа. Видимо, здесь использованы накладные шиньоны. Часто скрепляется на лбу повязкой (рис. 63, 6, 8; 64, 13, 16–17). На монетах Парфии такая прическа стала изображаться лишь начиная с Готарза I (90–80) (тип 39). В I в. н.э. известна и на монетах индо-парфянских правителей.

Тип 9. Более сложный вариант, при котором к двум шаровидным выступам с боков добавлен третий на макушке. Бытовал в поздний период, видимо, только у правителей (рис. 64, 14–15; 77). Он введен при Осрое I (109–129) (с типа 80), но, судя по монетам, употреблялся лишь при нем и затем (после большого перерыва) при Вологезе V (191–208) (тип 86).

Бороды у парфян зрелого возраста были различных фасонов. Известны и длинные бороды «лопатою» (рис. 63, 3; 64, 3; см. также поздние монеты Вологезов IV и VI), и более короткие с овальным выступом (рис. 63, 4, 6, 8; 64, 14, 22, 25), и совсем короткие овальные бородки (рис. 63, 2; 64, 4, 6, 13). В поздний период носили заостренные короткие бородки (рис. 64, 23–24) и узкие острые бородки (рис. 64, 17). Небольшие клиновидные бородки изображаются среди прочего на крышках керамических саркофагов из Месопотамии и Эламаиды (образец из Суз, Национальный музей Ирана, инв. № 2045: Amirkhuz, Saidi Harsin 2002, fig. 6, 24).

Усы носило большинство мужчин зрелого возраста. Они обычно довольно короткие. Длинные усы торчали горизонтально: для этого их, видимо, умащали специальным составом (Curtis 2001, pl. XI, b) (рис. 63, 2, 4; 64, 4).

Женские прически

Они документированы в доступных нам материалах весьма редко, причем в каждом известном случае представлен оригинальный вариант.

В раннее время (I в. до н.э. до самого рубежа н.э.) на бюсте царицы из музея Бустан в Тегеране видим прическу с прямым пробором, короткие волосы подвиты по нижнему краю и зачесаны назад (*тип 1*) (рис. 65, 2). У царицы Музы (гречанки по происхождению, подаренной императором Августом парфянскому царю в связи с заключением мира в 20 г. до н.э.) на монете волосы зачесаны назад и собраны в две короткие косы, которые связаны на затылке бантом со свисающими длинными концами; у висков носился короткий завитый локон (тип 2) (рис. 65, 1). На поясной пряжке из Ирана видим сходную женскую прическу с двумя соединенными на затылке бантами; последняя крепилась широкой горизонтальной лентой, на затылке представлено несколько коротких прямых локонов (*тип 3*) (рис. 65, 7).

В поздний период иногда носили и косы. Так, на граффити из Ашшура у знатной дамы с ребенком две длинные косы (*тип 4*) (рис. 65, 8). Прическа обычно делалась с прямым пробором; лишь изредка волосы образовывали спутанные локоны, свисающие у висков (*тип 5*) (рис. 65, 12). Чаще всего волосы, разделенные прямым пробором, завивали по всему нижнему краю и укладывали, образуя валик (*тип 6*) (рис. 64, 11). Исследователи полагают, что этот тип заимствован во II в. н.э. из Римской империи (Ghirshman 1975, p. 251; Curtis 1994, p. 206). Такой валик мог скрепляться серией поперечных вертикальных лент (*тип 7*)

(рис. 65, 10). Еще один тип прически (*тип 8*) представлен на пряжке из Британского музея (рис. 65, 9). Густые короткие волосы подвиты надо лбом и с боков. У нагой богини с костяной накладкой II в., найденной на городище Багинети у Мцхеты в Грузии, представлена сложная прическа с накладными волосами, идентичная мужскому типу 9 (Очерки... 1956, фото на с. 475), но я сомневаюсь, что она реально носилась женщинами. У другой богини с костяной ложечки позднего периода из Эрмитажа (Иран в Эрмитаже 2004, № 62) волосы зачесаны на прямой пробор и заколоты, по-видимому, крупным гребнем с зубчатым верхним краем; сама же прическа короткая, и волосы едва укрывают затылок. Прически иногда скреплялись золотой булавкой вроде экземпляра II в. н.э., хранящегося в Музее Резы Аббаси в Тегеране¹⁴⁸.

Косметика

Как у мужчин, так и у женщин в Парфии известна традиция нанесения на лицо (на лоб, щеки и виски) круглых меток или мушек (Invernizzi 1990, fig. 8–9; Tanabe 1993, p. 69, fig. 24). Часто они были довольно крупными и имели маленький кружок внутри (Invernizzi 1990, fig. 2, 6, 7). Во-первых, обычно их наносили в нижней части виска (видимо, около каждого); во-вторых, между ним и краем брови, реже — на лбу и, в-третьих, еще реже — на щеках (ближе к ушам). Второй вариант появляется на монетах Орода II (57–38 гг.), начиная с типа 47 по Д. Сэллвуду; первый — начиная лишь с Фраата IV (38–2 гг.), с типа 50 (судя по изображению Вонона II, 51 г. до н.э., тип 67/1, такая мушка носилась только с одного бока); наиболее поздним является третий вариант (известен на монетах Пакора II, 78–105 гг., тип 73/II). Эти варианты не сочетались на лице у одного человека; первый из них характерен только для парфян.

А. Инверницци предполагает древнее сиро-месопотамское происхождение традиции нанесения меток. Такой вывод кажется сомнительным, так как точные аналогии подобному размещению меток здесь неизвестны. Кроме того, из высказываний А. Инверницци неясно, почему эта якобы древняя ближневосточная традиция игнорировалась при Ахеменидах и Селевкидах, но неожиданно вошла в моду при Аршакидах. Наше объяснение их происхождения дается ниже, в параграфе о кушанах (глава 2.3). Не менее сомнительной кажется мне версия канадского врача Г. Харта о том, что в данном случае мы имеем дело с чисто природным явлением — результатом бытующего в Западной Азии кожного заболевания *trichoeplithelioma*, якобы распространенного среди членов парфянской династии и будто бы поэтому тщательно и любовно изображаемого на монетах царей, на портретах верховных жрецов и князей Хатры (Hart 1966). Пока не убеждает меня и авторитет К. Танабе, присоединившегося к этой трактовке (см., например: Tanabe 1993, p. 69). Ведь в этом случае непонятно: почему этот «след кожного заболевания» изображался у парфян только у мужчин и всего в трех строго определенных местах на лице, почему у соседних кушан и согдийцев их размещение при этом иное?

Использование фибул в costume

Фибулы использовались главным образом для крепления на плечах мужского плаща или женского верхнего платья. Знать носила парадные фибулы-броши. Броши на плечах одежды с бретельками бытовали, возможно, не только у женщин, но и у мужчин. Так, у солнечного бога на скульптуре из Хатры (Ghirshman 1962, fig. 2) видим подобные однотипные очень массивные броши с изображением сидящего, расправляющего крылья орла (позже, при Сасанидах на плечах шелковых одеяний шахов видим тканые медальоны с таким изображением; ср.: Gunter, Jett, 1992, p. 41).

Крой

В парфянском искусстве (в отличие, например, от характеризующих ниже синхронных сармато-аланского или юзчжийско-кушанского) конструктивные швы плечевой и поясной одежды, обуви не изображались непосредственно и не подчеркивались полосой декора, за редчайшими исключениями (шов рукава). Находки подлинных крупных предметов собственно одежды в Парфии неизвестны. Возможна частичная реконструкция кроя, главным образом мужской плечевой одежды.

Стан плечевой одежды кроился, видимо, из двух полотнищ и с плечевым швом. Об этом свидетельствуют явные изображения плечевого шва, окруженного двумя рядками мелких круглых золотых

¹⁴⁸ Она имеет навершие в виде фигурки Эрота с жезлом. Из того же комплекса происходит, видимо, золотой гребень, vyplenny в античном духе, с изображением по верхнему краю двух крылатых фигур и парой медальонов с гранатовыми вставками.

бляшек (?) на монетах ряда правителей конца II и I в. до н.э. Они представлены начиная с драхм Артабана I (127–123 гг. до н.э.) (Sellwood 1980, types 20, 22), а затем — на монетах Митридата II (123–88) (тип 24/7 по Д. Сэллвуду) и после перерыва — Орода II (57–38) (типы 44–46). В одном случае такой шов подчеркнут

и показан без всякого дополнительного декора (тип Готарз I, 90–80 гг., тип 30/11); то же видим и на рубашке с глиняного рельефа в Старой Нисе (Пилипко 2001б, рис. 8). На кафтане «князя» из Шами спинка шилась из двух вертикальных полотнищ: на статуе сзади передан тонкий вертикальный шов.

На той же статуе (рис. 64, 23; 67) хорошо видно, что подол куртака спереди значительно длиннее, чем сзади (рис. 68). Пришивной подол, часто заметно более широкий, надежно документируется лишь со II в. н.э. (рис. 64, 47, 50, 52). Очень часто использовались клинья, расширявшие подол, в единичных случаях боковины расширяли стан по всей длине (рис. 64, 45); применялись клинья и для расширения рукавов (рис. 64, 39, 54). Последние пришивались без вырезной проймы. На отдельных монетах Митридата II (127–123) и Орода II (57–38) видим выступающую у затылка низкую кокетку со специально подчеркнутым швом (типы 24/7, 44) (рис. 63, 15). Нераспашная верхняя одежда была приталенной, что достигалось в ряде случаев расширяющимся с помощью клиньев пришивным подолом (рис. 64, 38, 40, 43, 54). Верхняя женская одежда часто не сшивалась в верхней части, образуя бретельки, скалывавшиеся на плечах. В ряде случаев мелкие частые вертикальные складки мужской нераспашной одежды могут изображать не грубую имитацию складок одеяния типа греческого хитона (ср. каменную статую из Масджид-и Сулеймана: рис. 74: Curtis 1994, p. 205–206, 208; pl. 1), а *стеганое* одеяние, так как традиция простегивания одежды существовала в регионе, вероятно, с глубокой древности (показательно, что «схематичная трактовка» складок мнимого хитона сочетается здесь с очень детальной передачей прически и пояса). Стеганный распашной кафтан со множеством горизонтальных стежков ясно виден на одном из монетных типов Готарза I (тип 30/1) (рис. 63, 17). Нераспашная одежда изредка имела глубокие боковые разрезы (рис. 64, 40). Документируется стоячий ворот (рис. 64, 45), у распашных одежд — скашивание ткани у ворота (рис. 63, 12–13; 64, 28).

Манера ношения

В ранний период, когда распашная одежда была более широко распространена (по крайней мере у знати), преобладало, вероятно, *запахивание* бортов кафтана (*kurtak*) справа налево (рис. 63, 12–13) в соответствии с древней кочевой традицией. Этот запах налево обычно был весьма глубоким. Он представлен в ряде случаев и на монетах (редкое изображение анфас на монете анонимного правителя 70 г. до н.э. — тип 35 по Д. Сэллвуду). В поздний период подобное запахивание известно в основном на изображениях отдельных богов, сохранивших архаический костюм: на саркофагах из Варки (Heinrich 1935, pl. 35; Vorlaufiger 1972, pl. 27с), на терракотах из Селевкии (Van Ingen 1939, pl. XXXIX, 284; pl. XLII, 305, 308), на рельефе с изображением «Герakла» в Масджид-и Сулеймане (Ghirshman 1975, pl. LXXXVI, 1) и бога подземного царства Неграла в Хатре (рис. 64, 28; 69).

Вместе с тем уже в раннее время существовали и другие варианты: полы скреплены поясом и практически не заходят друг за друга (Ghirshman 1962, fig. 120, 124; видимо, то же — на тетрадрахмах Артабана I, 70–38 гг., тип 63/1); наиболее наглядно — в изображении полуанфас на тетрадрахмах Фраата IV (Tapabe 1993, fig. 117) (рис. 63, 14). У парадных рубашек вырез завязывался семью парами ленточек, пришитых на противоположных сторонах; концы их в завязанном состоянии аккуратно расправлены горизонтально влево и вправо (эта своеобразная распашная рубашка в длину едва достигала бедер) (рис. 63, 21; 71). Кафтаны также наглухо застегивали. Однако при этом пуговицы или петли на изображениях не видны, и подчеркивать их не было принято, как у всадников из храма Митры в Дура-Европос и из Танг-и Сарвака или у жреца на граффити из Ашшура (Ghirshman 1962, fig. 60, 62, 69) (рис. 72), у аристократа на граффити из Дура-Европос (Cumont 1926, pl. XCIX, 2) (рис. 64, 35). Обычно куртак носился продетым в рукава. На каменной статуе князя из Шами кафтан лишь наброшен на левое плечо (Ghirshman 1962, fig. 36, 57). Иногда полы свободно свисали, не касаясь друг друга, например на статуе Убала — правителя г. Хатры, II в. н.э. (рис. 64, 29). Рукава у кафтанов зачастую были длиннее руки и собирались складками, сдерживаясь пришивным обшлагом.

Верхняя нераспашная одежда чаще всего подпоясывалась. Рукава такой одежды обычно длинные и узкие, собранные у запястья и образующие выше него складки (т.е. в распушенном виде они были длиннее руки: рис. 77).

Подол верхнего женского платья при ношении приподнимался левой рукой хозяйки для того, чтобы выглядывал подол более богато отделанного нижнего платья другого цвета.

Цветовая гамма

Она документирована для обоих периодов истории парфянского костюма весьма скудно. На ранних изображениях в Старой Нисе распахнутой кафтан синий или белый (Pilipko 2000, pl. I, 2; II, 2). В первой половине III в. на костюмах парфянского облика в занятом римлянами Дура-Европос окраска наглухо застегнутых кафтанов одинакова на росписях как в храме Митры, так и в синагоге: они розовые (Ghirshman 1962, fig. 62, 367 — левый нижний персонаж; Schlumberger 1970, p. 107).

Рубахи парфянского типа из синагоги в Дура-Европос имеют следующий набор основных цветов: зеленый, синий и красный (Schlumberger 1970, p. 107). Цветовая гамма костюма знати определялась не только окраской собственно тканей, но и нашивными украшениями. Вертикальная полоса на груди иногда украшалась крупным вышитым (?) орнаментом. Так, у первосвященника из Хатры на статуе, найденной в 1979 г., здесь вышита фигура стоящей Афродиты (al-Salihi 1991, fig. 1), на рубахе князя Абд-самийи — греческие бог и богиня в обрамлении листьев аканта (Curtis 2001, pl. IX, b) (рис. 79). Рубаха могла быть желтого цвета, как и кайма на рукавах, что, вероятно, передает золотую парчу (подолы в сцене с храмом Соломона в синагоге в Дура-Европос — Schlumberger 1970, p. 107).

У богини, изображенной рядом с богом подземного мира Негралом на рельефе из Хатры, верхнее платье — темно-красного цвета, выглядывающее из-под него нижнее — белое. У царевны Радогуны с римской картины нижняя плечевая одежда была оранжевой, «цвета шафрана» (Филострат 1936, с. 66). В целом мы видим одноцветные и весьма разнообразные по цветовой гамме женские одеяния. Для нижнего платья в поздний период использовались узорчатые ткани (сетка из ромбов с вписанными в них кружками) (рис. 82).

Цвет шаровар в разное время, возможно, был разным. На раннем изображении в Старой Нисе они голубые (Pilipko 2000, pl. I, 2; II, 2). Вместе с тем в памятниках Дура-Европос первой половины III в. н.э. они практически всегда красные, подчас с черной вертикальной полосой (в редких случаях встречены синие и синие с вертикальными белыми полосами — синагога) (Schlumberger 1970, p. 107; храм Митры: *ibid.*, p. 111; Ghirshman 1962, fig. 62, 367).

В общем, любимыми цветами были различные оттенки красного и синего.

В поздний период на верхней и нижней одежде сочетались яркие цвета (белый с красным, голубым или зеленым). Очень интересна разница в соотношении цветов плечевой одежды и шаровар при ношении распахнутого куртака и нераспахнутой рубахи. В случае, если носился куртак, оба предмета верхней одежды либо одинакового цвета (храм Митры и синагога в Дура-Европос) или очень близкого (Старая Ниса: синий и голубой; упомянутый храм Митры: розовый и белый). В случае, если носилась рубаха, мы, напротив, наблюдаем яркие цветовые контрасты (сцены с храмом Соломона и с Ковчегом Завета в синагоге в Дура-Европос: синий — красный, розовый и наоборот: зеленый — красный).

Силуэт и декоративные принципы

Правители старшей ветви Аршакидов, именовавшие себя филэллинами, допускали элементы греческих традиций даже в одежде и прическе зороастрийского жречества и придворных дам. Греческое влияние проявлялось, среди прочего, в преувеличенно большом внимании, уделяемом на изображениях длинным и частым складкам одеяний (что сохранилось, хотя и в меньшей степени, и у знати следующей династии). При этом сама трактовка многочисленных параллельных складок одежды у них иная, чем у эллинов (так, подчеркиваются многочисленные складки собранных у запястья рукавов — рис. 76; мелкие складочки, возникающие между рядами нашитых золотых бляшек, — рис. 79, 81; и складки, охватывающие полукольцом живот, у женщин — рис. 82). Мужская одежда по-прежнему почти полностью скрывает тело, за исключением кистей рук и иногда головы. Древний запрет иранских народов ходить взрослым мужчинам с непокрытой головой уже не соблюдался строго. Кроме прочего, велик был соблазн демонстрировать новые, еще более сложные, чем раньше, типы мужских причесок с париком, завитыми волосами, накладными буклями на отдельных участках и т.п. В это время создавалось немало фигур обнаженных и полуобнаженных богинь (в том числе греческих), а реальные персиянки иногда ходили простоволосыми, с открытой шеей и руками. Как и у гречанок, женский силуэт близок к цилиндру, бедра и грудь при этом обычно

не подчеркивались. Но внимание к груди привлекалось иным способом: основным зрительным акцентом на женской фигуре было два-три золотых кольца с массивными подвесками и крупными вставками самоцветов.

Младшие Аршакиды, правившие с 12 г. н.э., во многом под влиянием активного соперничества с Римом, ориентировались на античные образцы в меньшей степени. В *мужском* костюме позднего периода облик нижней части человеческой фигуры в идеале предполагал во многих случаях оригинальный ромбовидный силуэт: максимальное расширение у таза с сужением вверх (сравнительно узкие плечи и тонкая шея) и вниз (шаровары заправлены в полусапожки). Подчеркнуто узкой талии добивались либо подпоясыванием, либо особым кроем нераспашной одежды, при котором пришивной подол сильно расширялся за счет нескольких боковин. При довольно широкой груди руки заметно сужались к запястьям за счет узких обшлагов на рукавах обычной длины (без собирания ткани в складки) (см. прежде всего: Ghirshman 1962, fig. 60, 98, 105, 110; Ricciardi 1998, fig. 2, 4, 6). Подобный силуэт, образуемый конструкцией одежды, очень типичен для поздних парфян и легко узнаваем. *Женский* силуэт, напротив, тумбообразен.

Для парфянского костюма (по крайней мере для хорошо документированного мужского) характерно использование декоративных полос с однотипным орнаментом для украшения разных частей одного костюмного комплекта. Так, полоса декора как бы переходит с нераспашной одежды на штаны (рис. 64, 40, 48; 70), или с них — на обувь (рис. 64, 68, 75). Лишь в единичных случаях (фигура всадника из Старой Нисы: Пилипко 2001, табл. VI, 3) рукава заметно отличаются по цвету от стана.

У узкого горизонтального ворота мужского кафтана пришивная кайма могла украшаться рядом кружков (рис. 64, 36) или квадратиков с вписанным в них кружком (рис. 64, 35).

Борта кафтанов в большинстве случаев имели полосы отделки (часто, видимо, из цветной или вышитой золотом ткани) шириной около 3–5 см; лишь в редких случаях эта полоса достигает в ширину 10 см (монеты Орода III, 6 г. н.э., тип 59). Она могла делаться из плотного материала (короткого меха?), который резко контрастирует с мягкой, образующей многочисленные складки тканью стана (бронзовая статуя из Шами, где такую же кайму имеют ворот и край рукавов). У образцов, носившихся внакидку или с запахом налево, декор этих полос был однородным, но при этом с большим количеством вариантов. На монетах отделка бортов стала детально передаваться начиная с Артабана I (127–123 гг., тип 19). Некоторые из Старших Аршакидов изображались на разных монетах в кафтанах трех разных типов со сложным декором (Артабан I, 127–123 гг., типы 20–22; Ород II, 57–38 гг., типы 44–46, рис. 64, 18).

Наиболее распространенными элементами украшения бортов кафтанов Старших Аршакидов можно считать ряд круглых золотых бляшек (?). Такая отделка наиболее характерна прежде всего для правителей до 70 г. до н.э.: для Артабана I (127–123 гг., типы 20–22), Митридата II (123–88 гг., типы 23, 24/7), Готарза I (90–80 гг., тип 30), анонимного шаха 70 г. до н.э. — и выходит из употребления при Ороде II (57–38 гг., представлена только на его монетах типа 44–45). Вместо отделки бляшками Ород II вводит в обиход ношение шахами кафтана, борта которого украшены меховой оторочкой или же плетеными крупными полосами (рис. 64, 29) цветной ткани или кожи. Мех, вероятно, мог схематично передаваться рядом часто расположенных вертикальных или косых полос, наклонных V-образных фигурок (рис. 64, 31). Элементами декора могли быть: две полосы из нашитых золотых шариков двух размеров (рис. 63, 15); ткани с изображением вьющегося побега (рис. 63, 14; 64, 28); мелкая сеточка (с Фраата IV, 38–2 гг., тип 51); два ряда круглых пластинок, от каждой из которых отходит короткая горизонтальная линия, т.е., возможно, пуговиц с прорезями (с Вонона I, 8–12 гг., тип 60, рис. 63, 19).

Младшие Аршакиды использовали обычно меховую опушку кафтана (переданную на монетах, как уже отмечалось, схематично). Другой распространенный при них мотив — полоска зигзага — изображался начиная с Готарза II (40–51 гг., тип 65/30: рис. 64, 31).

Столь же разнообразен декор бортов застегнутых наглухо кафтанов. Как правило, это довольно широкая (от 4–5 до 10 см) вертикальная сквозная одинарная полоса. Внутри чаще всего она украшена полосой мелкого сетчатого орнамента (рис. 64, 36, 38–39) (по краям этой полосы иногда добавляли тонкие полоски или ряды кружков: рис. 64, 36), рядом довольно крупных ромбов с кружком внутри (Шлюмберже 1985, с. 119) (рис. 64, 40; 75); двумя полосами ткани, расшитыми рядами кружков (рис. 64, 42–43; 80), в единичных случаях — полосой квадратиков (рис. 64, 45) или виноградной лозой (там же, с. 124–125).

На монете Фраата IV борт кафтана декорирован рядом объемных шаровидных золотых (?) «бубенцов» (Луконин 1977, рис. на с. 126). Подобные шарики, насколько можно судить по почти синхронным достоверным находкам в могильниках Средней Азии (Ворух, курган 51; Чильгазы, курган 1), могли состоять из двух соединенных полусферических бляшек с петелькой внутри одной и двумя отверстиями — в другой, через которые продевалась нить (ср.: Литвинский 1973, с. 56; табл. 6, 5а–5б).

Проймы рукавов украшались полосой декора лишь в редких случаях (монеты Готарза I, 90–80 гг., тип 30/11; изображение бога Шамаша на граффити из Хатры: рис. 64, 37). На рельефе в Бард-и Нишанде край рукава, видимо, обшит рядом золотых бляшек-квадратиков с вписанным в них кружком, хотя в целом богатый декор края рукавов для парфян не характерен (рис. 64, 35).

Шов рукава наглухо застегнутых кафтанов правителей позднего времени мог украшаться полосой цветной ткани или круглых бляшек (рис. 64, 36, 42). Изредка встречается такой элемент, как «погоны», в частности на монетах Митридата II (123–88 гг., тип 24/7), где они декорированы двумя рядами круглых бляшек. Пришивной подол мог иметь вдоль верхнего и нижнего края полосу из ряда квадратиков с кружком внутри, как у одного из жрецов (рис. 64, 35).

У *нераспашных* верхних одеяний очень интересен документированный в ряде случаев декор пристяжного узкого глухого воротника из бляшек. Он может быть окаймлен полоской декора шириной 3–4 см из ряда кружков (рис. 64, 57). У князя Абдсамии в Хатре рельефный декор такого воротника представляет собой ряд квадратных бляшек с концентрическим кружком внутри (рис. 64, 41; более схематично — рис. 64, 35).

Ворот с глубоким вертикальным разрезом во II — начале III в. украшался полосой дорогой ткани, спускавшейся до нижней части груди, почти до бедер (рис. 64, 45–46). К кайме ворота иногда примыкали «погоны» из той же ткани (рис. 64, 56–57); в обоих случаях в одежде не взрослых мужчин, а мальчиков.

Нераспашная верхняя одежда правителей в отличие от распашной имела богато декорированные пристяжные высокие обшлаги. Они украшены в некоторых случаях той же узорчатой тканью, что и вертикальная полоса на стане, и рядом полусферических бляшек по краям (Хатра: Ghirshman 1962, pl. 105; Curtis 2001, pl. X, d; XI, b). На статуе князя Абдсамии кроме узорчатой ткани обшлаг украшен по нижнему краю той же системой чередующихся бляшек, что и пристяжной ворот (концентрические круги, чередующиеся с вертикальными «палочками») (рис. 64, 41). Весьма сложен декор рукава на изображении царя в Танг-и Сарваке (рис. 64, 47): здесь кроме отделки пройм видим особо выделенный декор основной части рукава из сетчатой ткани и высокий обшлаг с несколькими декоративными полосами.

Очень интересна имитация бывшего сплошного крепления распашной одежды серией парных лент: остались лишь ряды линзовидных щелей, но без торчащих концов лент. У сатрапа Суз Хвасака в сцене инвентитуры 215 г. н.э. подобные полосы украшают не только мнимый «борт кафтана», но и швы, идущие вдоль рукавов и шаровар (у его сюзерена царя Артабана IV, изображенного сидящим, такая полоса украшала только рукава) (Ghirshman 1962, fig. 70) (рис. 64, 48).

Шаровары спереди декорировались вертикальной полосой цветной ткани (линия проходила через коллено). Интересной особенностью декора парфянских штанов было то, что он дублировал украшения соседних предметов одежды (нераспашной плечевой — рис. 64, 69–70; обуви — рис. 64, 68; 81; см. также: Curtis 2001, pl. X, e), как бы продолжая их.

Полусапожки у знати порой украшались многоцветной сюжетной вышивкой. Так, у царевны Радогуны на картине была изображена «прекрасная обувь с вытканными на ней картинами» (Филострат 1936, с. 65).

Эстетический идеал этноса

В предыдущем разделе говорилось о заметной разнице в «идеальной» фигуре мужчин и женщин, во многом сформированной костюмом (у мужчин — расширение на груди и у таза с сильным сужением к шее, кистям рук и щиколоткам; у женщин — цилиндрический силуэт фигуры). В парфянском искусстве преувеличенно большое внимание уделялось передаче длинных частых складок одежды (рукава, шаровары, подол платья). На парадных портретах лиц обоих полов неизменно подчеркивались детали прически и декора нашивной каймы (бортов, подола, обшлагов, ворота). При этом последняя обычно менее яркая по окраске, чем окружающий фон.

В небольшой серии изображений в парфянском искусстве отражено вполне стереотипное восприятие верхней части человеческой фигуры. У обоих полов видим круглое лицо, короткую и довольно толстую шею (Ghirshman 1962, fig. 2, 66, 70), подчас удлиненные руки (*ibid.*, fig. 36, 70) с крупными ладонями (*ibid.*, pl. 70). Однако на большинстве известных композиций позднего периода мы встречаем персонажей того же социального статуса, но изображенных совсем в иной манере, которая особенно ярко проявляется у мужчин. Они также имеют круглое лицо, обрамленное уложенными густыми волосами, но длинную и довольно тонкую шею. В женском лице привлекали сросшиеся брови. Так, у царевны Радогуны «брови... почти срослись... еще прекраснее их ровный изгиб» (Филострат 1936, с. 66).

В костюме знатных женщин основной акцент делался на изображении двух-трех золотых коле с крупными вставками самоцветов и одного-двух ожерелий (массивные подвески подобных коле занимали центральную часть женской фигуры). Они привлекали внимание сложной конструкцией (массивная центральная подвеска коле, подвески в форме человеческих фигур, миниатюрных амфор или флакончиков) или полихромией (сочетание золота с агатом, со вставками гранатов) (см., например: Mushce 1988; Украшения... 1999, с. 37–38, 46–47, 49, 54, 57). При общем глухом покрое женской одежды часто оставались открытыми руки и прическа.

Образ Иного: парфяне в искусстве соседних стран

Серия подобных изображений известна на территории Римской империи (Rose 2005). Одно из них — фигура парфянина, возвращающего римлянам легионные орлы (захваченные у Красса в 53 г. до н.э.), на панцире статуи Августа в Прима Порта (Ingholt 1969). Другое рельефное изображение «парфянского князя» происходит из юэчжийско-кушанского Халчаяна в Бактрии (Пугаченкова 1971, № 52; рис. 59). Статуя из Прима Порта связана с миром, заключенным в 20 г. до н.э. между Римом и Парфией; халчаянское изображение датируется серединой I в. н.э. и, видимо, представляет Вардана, брата Готарза I, в ходе борьбы за престол нашедшего политическое убежище у Куджулы Кадфиза (Tacit. Annal. 11. 8–10) (Грене 2000, с. 132–134).

В Прима Порта парфянский офицер еще времен Старших Аршакидов показан в верхней короткой нераспашной одежде, что, судя по сказанному выше, определяет его не очень высокий статус. Пояс-кушак повязан на животе. Довольно узкие штаны заправлены в шаровары. Прическа из завитых волос включает небольшие букли ниже висков, густую бороду. Все это в точности соответствует тому, что нам известно о не слишком знатных парфянах того времени. От фигуры аристократа в Халчаяне осталась только упавшая со стены голова (Пугаченкова 1971, с. 50). На ней мы видим характерные завитые волосы, накладные с боков, широкую головную повязку, небольшие усы и маленькую бородку клинышком, что вполне соответствует известным мужским изображениям I в. н.э. В целом оба изображения *практически во всех деталях достоверно* отражают бытовавший в то время парфянский мужской костюм.

На римской мозаике из частного дома в Антиохии (совр. Антакья/Хатай), экспонируемой в местном музее Хатай-Мюсеси, в сцене «Орфей, играющий на кифаре в окружении животных» в облике знаменитого «варвара» мастер закономерно попытался представить аристократа из соседней с Сирией Парфии, в одежде которого есть и местные, сирийские черты. На нем длинная и очень широкая желтая (что нехарактерно для парфян) «туника» с расширяющимися книзу рукавами (в отличие от парфянских образцов они короткие — до локтей) и двумя вертикальными полосами. Из-под нее выглядывает рубаша с длинными узкими рукавами, края которых скреплены двухвитковыми золотыми браслетами. Плащ длиной до щиколоток, скрепленный на груди крупной круглой брошью, башлык с короткими боковыми лопастью, туфли и заправленные в них узкие штаны обычны для парфян (ср. рис. 64, 6, 52, 73). Цветовая гамма костюма этого персонажа в основном сочетает обычные для парфян красный (плащ, шапка и туфли) и синий (нателенная рубаша, штаны и полосы верхней одежды) цвета.

Приходится сожалеть об утрате небольшой бронзовой статуи побежденного Вологеза IV, которая размещалась под копытом знаменитой конной статуи Марка Аврелия в Риме в честь побед последнего в 164–166 гг.

Костюм парфянской придворной знати и знати самоуправляемых областей парфянского Ирана: общее и особенное

В автономном *Парсе* (Персида) древние ахеменидские головные уборы (tyara) вскоре исчезли, сменившись, начиная с Вадфардада III и Дарева II (Alarm 1986, Nos 350–367), парфянскими формами имперского головного убора, прически и оформлением плечевой одежды. На монетах правившей в *Эламаиде* автономной династии Камнаскиров (Mitchiner 1978, p. 124, Nos 702–707; Hansman 1990) мы наблюдаем примерно то же следование столичной моде, за исключением оригинальных головных уборов — шляп с довольно высокой тульей, дважды охваченной лентой с длинными свисающими концами. Специфичным для костюма знати *Эламаиды* можно считать доминирование верхней нераспашной одежды уже в раннее время

(Танг-и Сарвак); специфика *Мидии* (Масджид-и Сулейман) сводится к наличию оригинального головного убора в форме высокого цилиндра (рис. 64, 2а). В *Харакене* (Южная Месопотамия) представители поздней династии носили особую прическу из крупных локонов со спиральной завивкой (более длинных сзади), которая была скреплена узкой повязкой с маленьким узлом на темени и очень длинными свисающими концами (Mitchiner 1978, p. 127, No. 726). Иными словами, количество достоверно местных оригинальных форм и традиций пока крайне мизерно и сводится прежде всего к оригинальным головным уборам локальных династий.

Обратимся теперь к тем элементам мужского костюма аристократии *Хатры* (Верхняя Месопотамия) II — начала III в., которые кажутся наиболее специфичными (и предположительно носившимися *только местными семитами*) (см. Widengren 1960; Al Shawi 1987). Мы обнаруживаем любопытный факт: все эти «оригинальные» элементы имеют весьма точные (несколько более ранние или синхронные) соответствия в I–III вв. в восточных районах иранского мира, не входивших достоверно в состав Парфянской империи (они характеризуются в следующих разделах данной главы: 2.3, 2.4, 2.5). В их числе уплощенные головные уборы с заостренным или полуовальным верхом, расшитые дорогими тканями (у князя Утталу — рис. 64, 1; ср. в кушанской Матхуре: рис. 121, 7, 10); традиция, согласно которой вертикальная полоса однотипных бляшек на штанах как бы переходит на обувь (рис. 81; ср. в юэчжийско-кушанском Тилля-тепе: рис. 114, 2; 119); пояс с девятью круглыми медальонами с изображением божества, крепящимися рядом цепочек (рис. 64, 67; ср.: юэчжийско-кушанские образцы в Тилля-тепе и Гандхаре: рис. 119; 121, 81); застегивание поясов с квадратными бляшками двумя пластинчатыми пряжками с полуовальными торцами, с фигурной подвеской-утяжелителем на краю свешивающегося шнурка (у князя Санатрука II — рис. 64, 66; ср. у индо-скифов Гандхары: рис. 137, 44, 46); оформление накладного ворота верхней нераспашной одежды рядом бляшек, в котором чередуются через одну круглая с кружком внутри и вертикальная «палочка» (у князя Абдсемии — рис. 64, 41; ср. на одной из фигур из Зала царей в хорезмийской Топрак-кале: Топрак-кала 1984, с. 105). При таком распределении аналогий невозможно допустить, что они отражают именно локальную специфику *семитского* населения маленького автономного княжества в верховьях р. Тигр. Более того, мне не удалось обнаружить ни одного элемента местной костюмной специфики у мужчин (за исключением зооморфного декора пряжек поясов и оформления иных мелких аксессуаров, выходящих за рамки данной работы).

Возможная локальная специфика у *женщин* Верхней Месопотамии сводится к трем типам головных уборов, бытовавших во II — начале III в.

Тип 1. У княгини Вашфари на стеле из Хатры (рис. 65, 6) головной убор имеет форму слегка сужающегося кверху высокого цилиндра. Его плоскую верхушку венчает украшение в виде круга, от него как бы спускаются в стороны и вниз две «гирлянды» из круглых бляшек (сходный по облику и декору убор известен на востоке иранского мира — у хотано-саков: см. главы 2.7 и 3.5). Убор соединен с длинным покрывалом.

Тип 2. На одном из граффити в Ашшуре изображен крупный убор, напоминающий по форме шляпку шампиньона (рис. 65, 8). Судя по его «пухлomu» контуру, нависающему вокруг головы, он сделан из плотного материала.

Тип 3. У трех богинь на рельефе из Хатры убор напоминает шляпу со «вздутыми» полями и цилиндрической тульей. Надо лбом он украшен круглой бляхой (рис. 65, 5).

В целом можно согласиться с выводом Н. аль-Шави о том, что в мужском костюме Хатры отразилось центральноазиатское влияние, а в женском — эллинистическое, однако отрицать собственно парфянское происхождение выявленных там центральноазиатских элементов я бы не спешил. Наш анализ позволяет предположить, что династийный костюм Аршакидов отразился не только в общих чертах, но и во многих очень специфичных деталях у знати таких областей, как Эламаида и Адиабена/Ассирия (район Хатры и Ашшура) (о многих других областях государства я не решаюсь судить из-за крайней скудости информации).

Приведенные факты делают гораздо более логичным и обоснованным иное объяснение ситуации в Хатре. Костюм парфянских аристократов (не царей!) известен нам отрывочно и часто в достаточно схематичной передаче. На статуях же в Хатре детализация изображений во многих отношениях совершенно уникальна. Думаю, на изображениях князей Хатры, их жен и дочерей *отражен общеимперский костюм Парфянской державы, носившийся* (в отличие от ахеменидского Ирана) *не только собственно представителями господствующего этноса*. Сказанное позволяет мне отчасти согласиться с В.Н. Пилипко в том, что костюм аристократии Парфии — «это продукт региональной моды», но пока не позволяет заключить, что он «имеет мало общего с парфянским» (Пилипко 2001б, с. 299) (о реконструкции костю-

ма собственно кочевых парнов — создателей Империи и о преемственности с костюмом Ахеменидов см. в главе 4.2).

Если для В.Н. Пилипко «парфянский костюм» — это трудно реконструируемый *костюм маленького кочевого этноса парнов*, частично смешавшегося с древнейшими парфянами, то для меня (исходя из личного состава изображений) это, прежде всего, костюм *правлящего в Парфянской империи клана Аршакидов и их придворных*, этнически смешанного и подвергнувшегося культурному влиянию соседей, который распространил на иноэтничную знать многих областей державы (замечу, что костюм парнов-простолюдинов нам при любом подходе практически не известен).

2.2. Сарматы, ранние аланы и «поздние скифы»

Сармато-аланский костюмный материал дает на сегодняшний день огромный объем информации, и изучение его заняло у автора (с некоторыми перерывами) около 25 лет. Несмотря на относительно небольшой объем данного раздела, работа над этой темой была наиболее трудоемкой. Ниже впервые предпринимается попытка детального и системного анализа костюмного комплекса группы родственных сармато-аланских племен.

История изучения костюма

Сарматский костюм заинтересовал археологов уже в 30–40-х годах прошлого века. Первые наблюдения на эту тему были еще весьма поверхностны и основывались на нескольких единичных, наиболее ярких примерах¹⁴⁹. Пожалуй, более всего внимание ученых привлекал процесс «сарматизации» костюма причерноморских греков, соседних и дальних «варварских» народов¹⁵⁰, в меньшей степени — воздействие греко-римского костюма на сарматский (Яценко 1987в, с. 52; Гуриев 1990).

На сегодня по костюму этих родственных этносов наукой накоплен, пожалуй, самый *обширный из известных иранских народов материал*, существенно превосходящий по объему даже скифский. Значение этой серии трудно переоценить. На сегодняшний день изданы отдельные статьи разных авторов о деталях сарматских поясов¹⁵¹, о головных уборах (Гугуев 1991), затрагивающие мимоходом характер использования в костюме булавок-фибул¹⁵², о торговле бусами (Кондратьев 1988, с. 34–35; Островерхов 1988, с. 262) и серия моих специальных статей по сарматскому костюму (Яценко 1985; 1986; 1987а; 1989б; 1993в; 1993г; 1994б). Однако *огромное* количество сарматских материалов (включающее несколько тысяч погреб-

ний из различных районов древней Сарматии и контактных зон) *до сих пор остается неопубликованным*. Их обобщение, которое было задумано автором этих строк еще весной 1983 г., по не зависящим от него причинам не было завершено, а большинство подготовленных позже к печати рукописей¹⁵³ не было издано. Обобщающие наблюдения публиковались мною в кратком изложении в ряде работ, в том числе в монографиях и статьях других авторов (Максименко 1983, с. 91–92; Ждановский, Марченко 1990, с. 27–28; Yatsenko 1992, р. 759–760; Яценко 1993в). Опубликованы и графические реконструкции отдельных ярких костюмных комплексов (например, «жрицы» из Песчаного на Кубани (Ждановский 1990, с. 216; рис. 35) (рис. 97)¹⁵⁴, а также облик костюма «типичных сарматов» по нашим данным¹⁵⁵.

¹⁴⁹ Рыков 1925а, с. 20; 1936, с. 100; Миллер 1940, с. 32; Смирнов 1946, с. 278–286; Федоров 1960, с. 143–145; Шрамко 1962, с. 254; Мошкова 1963, с. 44; Вязьмитина 1971, с. 209; б.г., с. 76; Равдоникас 1990, с. 53–61.

¹⁵⁰ Ростовцев 1912, с. 19; 1918а, с. 173–174; Марти 1941, с. 38–39; Иванова 1961, с. 121–122; Ефанов 1968, с. 136; Десятчиков 1973, с. 72; Козуб 1977; Равдоникас 1978, 150–152; Яценко 1984; Марченко 1988, с. 12; Азбелев 1992, с. 212.

¹⁵¹ Мошкова 1960; Симоненко 1979; Вадаи, Кульчар 1981; Власкин 1989, Малашев 2000.

¹⁵² Калигинский 1927, с. 202–206; Михлин 1980, с. 193; примеч. 1; Кондрашов 1987, с. 42; Гудименко 1991; и др.

¹⁵³ Прежде всего это: 1) буклет «Костюм Танаиса» для музея-заповедника «Танаис» (1983); 2) материалы доклада «Костюм Сарматии как хронологический показатель», прочитанного на II Тихановских чтениях, 1992 (СПб.); 3) статья «Без карманов и пуговиц» (для сборника популярных статей по археологии «Золото, конь и человек», 1992 (Киев)); 4) рукопись монографии «Костюм сарматов и ранних аланов» (подавалась на конкурс РФФИ в 1997 г.).

¹⁵⁴ Серия таких реконструкций впервые была подготовлена мною совместно с ростовской художницей А. Ксенитой весной 1981 г. Она пока остается неопубликованной.

¹⁵⁵ Таков, например, «типичный» костюм сарматки в графической версии М.В. Баст и М.В. Горелика (см.: Ажигали, Адаев 2000, рис. на с. 61).

Источники

Источники по данной теме включают прежде всего *материалы курганных* (много реже — грунтовых) *погребений* сармато-аланов, довольно значительную серию изображений и небольшое количество беглых упоминаний о костюме у греко-римских авторов.

Большая часть используемых здесь материалов из погребений пока не опубликована (или опубликована в слишком кратком, тезисном виде). Иногда весьма ценные костюмные находки не издаются их авторами десятилетиями (и при этом далеко не всегда предоставляются для использования коллегам). Чаще всего сведения о сарматском костюме представляют собой краткие и не вполне ясные описания остатков нашивных украшений отдельных частей костюма (без комментариев, приведения аналогий, отсылок к какой-либо литературе и т.п.).

Большинство исследователей стараются весьма бережно относиться к полевой фиксации костюмного декора; вместе с тем просмотр большой серии полевых отчетов делает очевидной необходимость уточнения методики описаний в этой сфере (см. Приложение). К сожалению, полевая документация разных авторов, по которой в основном написан данный раздел, порой страдает изъянами, о которых говорилось во Введении. В исключительных случаях встречалась даже прямая фальсификация размещения золотых украшений в богатых могилах: так получилось по неясной причине при публикации П.Н. Шульцем погребения «позднескифского» царя Скилура конца II в. до н.э. в Мавзолее Неаполя Скифского (Зайцев 1994, с. 95 и сл.). Некоторые исследователи, видимо, специально изымали из своих полевых отчетов чертежи наиболее богатых могил с большим количеством золота, и сегодня выяснить многие детали

костюма уже невозможно¹⁵⁶. Случается и так, что уникальные по сохранности погребения с интересными аксессуарами костюма вообще не отражены в официальной документации. Они известны мне лишь по записям, хранящимся в личном архиве археолога¹⁵⁷ или благодаря моему близкому знакомству с чертежниками или рабочими, присутствовавшими на раскопках (достоверность такой информации, к сожалению, часто невелика). Иногда украшения костюма путаются с нашивными украшениями погребальных покровов — крупных прямоугольных кусков такни, кожи или войлока, накрывавших сверху всю могильную яму, крышку гроба или собственно одежду погребенного (ср.: Яценко 1994а, с. 205–207)¹⁵⁸. В результате названных причин сбор материала по сарматам (начиная с осени 1975 г.) оказался весьма сложной и деликатной задачей. В своих реконструкциях я счел возможным опираться после длительного отбора на полевые отчеты тех исследователей, которые постоянно или в течение ряда известных мне полевых сезонов уделяли большое внимание тщательной фиксации остатков костюма¹⁵⁹. К сожалению, именно в отчетах руководителей крупных «новостроечных», охранно-спасательных экспедиций, в сжатые сроки исследовавших большие могильники, иногда уделялось меньше внимания уточнению таких «мелочей», как остатки костюмного декора в погребениях. Здесь я имею возможность привести лишь немногие полевые чертежи и фотографии и графические реконструкции наиболее ярких или, напротив, самых типичных и хорошо документированных элементов костюма.

Часто встречается следующая ситуация. Исследователь делает высококачественный чертеж погребения, где ясно видны все детали расшивок одежды и погребальных покровов. Характерный пример такого чертежа с легко читаемыми, т.е. хорошо сохранившими свое первоначальное положение обшивками — золотыми бляшками в каждом случае оригинального типа по краям полукруглого нагрудника платья, краев обшлагов, головного покрывала и узкого длинного погребального покрывала, документирован прекрасным полевым исследователем В.Н. Каминским в 1985 г. в Михайловской (курган 9/25) на Кубани (рис. 95). Этот крупный, детальный рисунок, присланный мне, был сделан, к сожалению, лишь для «внутреннего пользования», тогда как и в официальном академическом отчете (куда, видимо, казалось неудобным при ограниченном формате подклеивать крупный чертеж) и в последующей публикации мы видим лишь очень маленькое, неизбежно схематичное изображение скелета, где реальное расположение нашивных украшений при всем желании передать невозможно (дело ограничивается несколькими точками). Поскольку получить «рабочие» чертежи в большинстве случаев технически нереально, большой объем информации о декоре одежды погибает после научного исследования погребений навсегда. Приводимые ниже описания костюмного декора (в частности, предполагаемых обшивок женских шаровар) из могильника Кобяково, сделанные мною при расчистках в 1985 г., к сожалению, также не получили отражения в академической полевой отчетности В.К. Гугуева за этот год (на чертежах вместо стройных рядов бисера видим маленькое хаотичное скопление точек).

Особую ценность представляют большие и тщательно документированные серии предметов костюма, обнаруженных в крупных и копавшихся долгое время могильниках городищ римского времени; таковы в Юго-Западном Крыму могильники Заветное (раскопки Н.А. Богдановой 1955–1963 гг.) и Бельбек IV (раскопки И.И. Гузиной), а в устье Дона — Танаис (раскопки Д.Б. Шелова и других исследователей 1955–1978 гг., позже — В.В. Чалого¹⁶⁰, 1974–1979 гг., и Л.Н. Гречановой с 1980 г.) и Кобяково (раскопки С.И. Капошиной 1955–1962 гг., с 1984 г. — В.К. Гугуева). Несмотря на частично смешанный характер этих памятников (в названных нижедонских могильниках отмечена значительная доля земледельческих, вероятно неиранских, племен меотов, которые, впрочем, ранее веками подвергались воздействию сарматских культур), именно на их массовом материале можно наиболее полно проследить ряд важнейших особенностей сармато-аланского костюма, не противоречащих особенностям собственно кочевнических памятников.

¹⁵⁶ Таковы, например, два погребения женщин-аристократок I в. н.э. из раскопок В.П. Шилова 1954 г. (Калиновка, курган 55/8: Шилов 1955, № 76) и А.А. Щепинского 1974 г. (курган Ногайчик, погребение 8: Щепинский 1975, рис. 94–101).

¹⁵⁷ Например, женское погребение с богато расшитым бисером нагрудником II–III вв. н.э., обнаруженное в 1974 г. В.В. Чалым в грунтовом могильнике Танаиса («могила 274»). С записями и рисунками автора мне удалось ознакомиться весной 1981 г.

¹⁵⁸ Такие покровы подчас декорированы очень богато. Например, в кургане 1/1 в Октябрьском V периода 1, где труп пожилого мужчины был завернут в ткань, расшитую более чем 3000 разнотипных золотых бляшек (Мысков, Кияшко, Скрипкин 1999, с. 151).

¹⁵⁹ Это Н.А. Богданова, И.И. Гузина и В.В. Дворниченко (Москва), Е.И. Беспалый, Л.Н. Гречанова и В.К. Гугуев (Ростов-на-Дону; музей «Танаис»), Т.Н. Высотская и Ю.П. Зайцев (Симферополь), И.И. Лобода (Бахчисарай), А.М. Ждановский и В.Н. Каминский (Краснодар). Особо отмечу детальные грамотные *текстовые* описания в отчетах и публикациях 20–30-х годов такого известного археолога, как П.С. Рыков (Саратов).

¹⁶⁰ Я считаю возможным и необходимым использовать в ряде случаев материалы этого главного исследователя танаисских курганов, с которым несколько сезонов пришлось работать и мне. Он не всегда был внимательным фиксатором (в его документации встречается путаница, а некоторые погребения почему-то вообще не включались в полевую отчетность, делались лишь записи для личного архива). Между тем в числе костюмных находок В.В. Чалого немало уникальных и весьма важных.

Изобразительный материал представлен как собственно сарматскими или греко-сарматскими изделиями, так и образами, созданными античными мастерами.

Сегодня известна также серия божеств и мифоэпических героев сармато-аланов, представленных на различных изделиях (от бляшек и пряжек костюма до блях конской упряжи, культовых сосудов и надгробий). Поэтому необходимым этапом работы было создание каталога культовых антропоморфных изображений Сарматии, где персонажи, видимо, часто представлены в парадном костюме конкретной эпохи (Яценко 1992, табл. 1–15; 2000д). В ходе анализа изображений II–I вв. до н.э. были выявлены случаи, когда одежда персонажей в мифоэпических сценах на фаларах упряжи (Янчокрак, Кривая Лука IX) не отражает сарматские реалии, так как сюжет является переработкой изделий юэчжийской Бактрии (Яценко 2000д, с. 253). Самым ранним из известных нам детализованных еще «скифоидных» изображений является мужчина-всадник на золотой оковке сосуда IV в. до н.э. из Филипповки в Башкирии (Золотые олени 2001, с. 84; № 30а) (рис. 88, 1).

Не менее интересны росписи некоторых склепов Неаполя Скифского, датируемых ныне II–III вв. (Зайцев 1995б, с. 17), в частности склепа 9. Цветные прорисовки его росписей опубликованы совсем недавно (Unbekannte Krim 1999, S. 28–29; Abb. 8–11; ср.: Попова 1984). Особенно интересны фигуры мужчины-арфиста (одет в короткую красную рубаху и черные штаны; на плечи наброшен черный кандис; темные волосы образуют на темени узел) (Зайцев 2003, рис. 137) и всадника-копейщика (красные рубаха и штаны).

Большая часть *боспорских* изображений — это в основном реалистические образы на надгробиях жителей городов сарматизованного Боспорского царства. Это образы Пантикапея/Керчи, отчасти Фанагории/Тамани; прежде всего это образы этнических греков-мужчин в костюме сарматского облика (большинство из них относятся к I–II вв.). Подобные изображения заинтересовали ученых уже давно (Kieseritzky, Watzinger 1909; Ростовцев 1912, с. 19; Горончаровский 2003); см. также последние работы по боспорским надгробиям (Матковская 1992; Савостина 1992).

Наибольший интерес из боспорских изображений представляют полихромные стенные росписи склепов Пантикапея начала I — середины II в. (Яценко 2004а). Это прежде всего склеп 1872 г. («Стасовский») в Пантикапее (Ростовцев 1913, табл. LXXVIII, 1–2, LXXIX; 1914, с. 305–307), который по тамге на первоначальной штукатурке анонимного соправителя царя Тиберия Эвпатора (154–170) может датироваться рубежом средне- и позднесарматского времени (Яценко 2001б, с. 67–68) (рис. 91). Здесь изображены эпизоды сражения боспорских греков и не слишком знатных кочевников (возможно недавно появившихся у устья Дона аланов-танайтов) около середины II в. н.э. (Ростовцев 1913, табл. LXXVIII, 1–2, LXXIX; 1914, с. 305–307), подробно анализируемые ниже. Сражение с молодыми сарматскими воинами представлено также справа и в центре композиции «склепа Ашика» в Пантикапее (Ростовцев 1913, табл. LXXXVII–XCI).

Наименее точны в плане реалий и, вероятно, сделанные римскими художниками по памяти изображения дунайских и украинских сарматов на триумфальных памятниках императора Траяна (колонна в Риме: Cichorius 1900, Taf. LXVI; La colonna 1988; памятник в Адамклисси в Румынии: Florescu 1959; Rădulescu 1988¹⁶¹). Более достоверно (хотя и типически) передают этнографический костюм сармато-аланов более поздние изображения — группы воинов на колонне Марка Аврелия в Риме и на арке императора Галерия в Салониках (Petersen, Domaszewski, Calderini 1896; Kinch 1890, pl. IX, X) и особенно изображения пленных сарматов и аланов на триумфальных композициях конца эпохи Империи (с середины IV в.). Из последних назовем прежде всего золотой медальон Констанция II 358 г. из Верховни с изображением вождя дунайских сарматов-лимигентов (Яценко 1993г) и костяную пластину из Гальберштадтского собора (Кузнецов 1974, с. 14; Яценко 1985, рис. 3е).

Известный интерес представляет для нас ряд сводных публикаций ювелирных изделий Сарматии, где представлены мелкие аксессуары костюма из могил знати (см., например: Анфимов 1987; The Treasures 1991; Entre 1995; L'or 2001; Oro 2001; Мордвинцева 2003).

Письменные сообщения (см.: Латышев 1893, 1904; Фавстос Бузанд 1953; Габиелян 1985; Мовсес Хоренаци 1990; Алемань 2003) крайне фрагментарны: отдельные элементы костюма лишь бегло упоминаются, далеко не всегда ясны их хронологические и региональные/племенные привязки. Только Тацит делает краткое замечание об общем облике сарматского костюма и его сходстве с ирано-парфянским (Tacit. Germ. 17).

¹⁶¹ У румынских авторов, описывающих изображения колонны в Риме, явно выражена «патриотическая» тенденция считать всех представленных здесь варваров *только даками* — одними из предков современных румын. Представленные здесь оружие и костюм не подтверждают эту концепцию (Малашев 1987, с. 53–54; 1988, с. 69–88). Однако во многих случаях сарматская атрибуция конкретных персонажей спорна (ср. рисунки: Васина 2003, с. 177–181). Следует отметить интересную статью по изображениям сарматских воинов в античной традиции (Istvánovits, Kulcsár, 2001).

Общие замечания в связи с изучением сармато-аланского костюма. Порядок рассмотрения материалов степной Сарматии

В последние годы в результате анализа огромного массива новых фактов сарматологам стала очевидна вся сложность картины частой смены культур на территории степной Сарматии в период с конца IV в. до н.э. по конец IV в. н.э. Весьма комфортное представление о неспешном эволюционном развитии (каким оно виделось в 20–70-х годах) сменилось панорамой постоянных миграций племен с востока и различных, в основном ираноязычных племен в самой Сарматии, их смешения, известной смены культурной ориентации элиты и т.п. Поэтому встает вопрос: как удачнее (корректнее) скомпоновать материалы для их систематизации и изложения в данном разделе? Я решил сохранить обычный (принятый в российской этнографии) порядок описания по отдельным элементам костюма (с описанием хронологической и этнической специфики в каждом небольшом разделе). Для того чтобы ликвидировать неизбежно возникающий «перекос», в конце главы дается итоговая характеристика костюма по каждой из трех «сарматских» культур и (по мере возможности) их отдельных этапов.

Современные данные сарматологии (в частности, выводы А.С. Скрипкина: Скрипкин 1992, и ряда других авторов) позволяют выделить в рамках известных археологических культур *пять периодов*, отличающихся заметной культурной спецификой. Они характеризуются различной внешней культурной ориентацией, различным образом жизни элиты и вторжениями новых кочевых племен с востока. Вместе с тем во многих районах Сарматии в течение ряда веков сохранялась и впечатляющая культурная преемственность. Ниже дается краткая характеристика этих хронологических периодов¹⁶².

Раннесарматская культура

Период 1: IV в. до н.э. (или даже ранее?) — первая половина II в. до н.э. В этот период активно действуют кочевники Южного Приуралья; в Приазовье упоминаются античными авторами племена *сарматов* (сайрима в «Авесте»), *сирматов* и, возможно, *язаматов* и *сираков*. Это время существования «скифоидных» культур, сохраняющих многие традиции прежней эпохи. Некоторые ученые (Н.Ю. Берлизов и др.) связывают миграции с последствиями походов Александра Македонского в восточные персидские сатрапии 329–327 гг. до н.э. По традиции сарматские племена иногда неточно называли по-прежнему «скифами». Изображения этого периода почти отсутствуют (единственное заслуживающее внимания исключение — золотая оковка ритуального сосуда из Филипповки в Башкирии).

Период 2: II–I вв. до н.э. Этот период при сохранении многих старых традиций отчасти связан с вторжением с востока (под влиянием миграции из современного Западного Китая юэчжей и усуней в середине II в. до н.э.) племенных групп *верхних аорсов* Северного Прикаспия, *аорсов* нижнего Дона, *роксоланов* Северного Приазовья, *языгов* нижнего Поднепровья и ряда других этносов. Это время активного выхода сарматских племен на мировую арену и определенного культурного влияния на них эллинистического Греко-Бактрийского царства, монгольской кочевой империи Хунну и даже далекого ханьского Китая.

Среднесарматская культура

Период 3: I — середина II в. н.э. Культурная окраска этого периода во многом задана миграцией из нынешнего Южного Казахстана племенной группировки *аланов*, осевших в низовьях Дона, и ряда неизвестных нам по названиям племен. Это время наивысшего культурного расцвета сарматского мира, период активных культурных контактов с греческим Боспорским царством в Крыму и странами Закавказья и наиболее роскошного образа жизни кочевой элиты.

Позднесарматская культура

Период 4: середина II — середина III в. н.э. Этот период характеризуется приходом с востока — из Западного Туркестана различных групп *аланов*: в низовья Дона — *асеев* и новой группы аланов, которых по реке проживания именовали *танаитами*, в Северный Дагестан — *массагетов/маскутов*, в устье Вол-

¹⁶² Отдельные детали этой классификации (прежде всего — граница ранне- и среднесарматской культур) продолжают дискутироваться. Однако для нас важно не очередное возможное перемещение хронологических рамок, а реальная характеристика каждого из объективно выделяемых по материалу костюма периодов.

ги — *барсильов/басильов* и сохранением на своих местах части старых племен (роксоланов, сираков и др.). Вероятные причины миграций — захватнические войны Кушанской империи при Канишке I (начало II в.) и вторжение в Западный Туркестан войск сяньбийского царя Тяньшихуа (с 158 г.). Высказывалось даже мнение, что на востоке ареала сармато-аланы частично смешиваются с мигрировавшими из Монголии хунну/гуннами (ср.: Боталов, Гуцалов 2000).

Период 5: середина III — конец IV в. н.э. Период появления и усиления в Северном Причерноморье германских племен (готов, герулов и др.). Господствующей силой в аланском мире становятся *аланы Центрального Предкавказья*; сохраняются танаиты, маскуты и барсилы. Появляются *тавро-скифы* в Крыму и *европейские аланы* у устья Дуная. Приход из Казахстана орды гуннов в 372–375 гг. положил конец сарматской эпохе.

Уже при поверхностном сопоставлении вполне ясно, что в целом у ираноязычных племен Сарматии принадлежности костюма выглядят совсем иначе, чем в скифское время. Характерны крепившиеся на плече плащи и нераспашная верхняя одежда. Широко распространяются богато декорированные броши к заколкам-фибулам и простые фибулы¹⁶³, поясные пряжки, золотые диадемы; гораздо чаще встречаются античные кольца, перстни с геммами. Отличительной особенностью сарматов можно считать также обильную обшивку разных частей костюма *бисером* (чаще голубого, зеленого и белого цветов) и *мелкими бусами*. Продажа бисера и бус сарматам, вероятно, приносила греческим купцам не меньше дохода, чем ранее спасивание скифов (достаточно вспомнить о прибыльности аналогичной торговли русских коммерсантов с сибирскими аборигенами и американских — с индейцами прерий и лесной зоны). Уже в начале периода I в боспорском эмпории в устье Дона, на Елисаветовском городище выявлены помещения, служившие «бусинными лавками» (Островерхов 1988, с. 262). В женских могилах кроме металлических были популярны бусинные браслеты на руках¹⁶⁴.

Поскольку основной объем информации об одежде сармато-аланов дают именно *остатки декоративных нашивок*, они описываются по всему разделу, а в специальном очерке его декоративных принципов в конце данного раздела дается лишь наиболее общая их характеристика.

Материал одежды

Очевидно, она делалась обычно из таких наиболее распространенных в кочевом хозяйстве материалов, как грубые шерстяные ткани, войлок, кожи домашнего скота и шкуры диких животных.

Меха использовались для зимней одежды и, видимо, для отделки парадных одеяний. меховые шубы упоминаются в первой половине I в. н.э. у языгов низовьев Дуная (Ovid. Tristia. III. 10) и у сатархов (P. Malae. De Chorogr. II. 15). «Скифы» носили шкуры лисиц и «мышей» (сурков?) (Seneca. Epist. Moral. XI. 1.10; Iustin. Trog. Epit. II. 49). Ритуальная шуба из лисьего меха фигурирует в древнейших сказаниях алано-осетинского эпоса (Нарты 1989, с. 423), а сарматы любили лисье мясо (Ieronimus. Advers. Iovian. II. 7). Сарматы Южного Приуралья (кочевая страна Янь) платили «кочевой империи» Кангюй дань вымениваемыми у северных соседей шкурками горностая или соболя (Фань Е. Хоуханьшу, цзюань 88). У осетин в эпосе до сих пор сохранился реликтовый термин «тинты карц» (соболя шуба), бытование которой не соответствует кавказским традициям. Причерноморские сарматы торговали с Римом шкурками и струей бобров (Plin. NH. XXXII. 110; Strabo. Geogr. II. 4. 15). По данным археологов, на меото-сарматских поселениях устья Дона I–III вв. жители охотились на таких пушных животных, как бобры, куницы и лисы (Татар 1962, с. 144; Цалкин 1969, с. 273–274).

¹⁶³ Естественно, наибольшее число фибул встречено в женском костюме тех варварских областей, которые непосредственно граничили с греческими городами — центрами их производства. У сельского населения Европейского Боспора они найдены примерно в каждой второй могиле (Ново-Отрадное) (Михлин 1980, с. 210). Аналогичная картина отмечена И.И. Гузиной в «позднескифском» могильнике I — начала III в. Бельбек IV.

¹⁶⁴ Так, в «позднескифском» могильнике Бельбек IV (материал любезно предоставлен И.И. Гузиной в 1997 г.) большое разнообразие вариантов и размещения таких браслетов характерно для могил с северной ориентировкой головы умерших. В комплексах обоих типов наиболее распространено ношение их *без металлических браслетов* у запястий (погребения 19, 35, 38, 41, 50, 159, 161, 170, 190, 198, 299, 303, 305, 310, 312, 314); особенно они свойственны могилам, где женщины лежали головой на южный сектор. Такие парные браслеты могли носиться у локтей (погребение 115) и выше (погребение 96) и посередине — между локтем и запястьем (погребение 183). Все эти комплексы ориентированные головой на север. Изредка на левой руке браслет носился у локтя, а на правой — ниже на запястье или чуть выше (погребения 81, 107, 111, 144). Иногда бусинный браслет сочетался с металлическим, который располагался чуть выше на запястье правой руки (погребение 175) или левой (погребения 158, 176), или на одной руке — бусинный браслет, на другой — металлический (погребения 101, 125, 129, 132, 156, 168) (все погребения — с северной ориентировкой). Одиночный бусинный браслет у запястья или чуть выше известен только в комплексах с южной ориентировкой (погребения 183, 185, 189, 217). Напротив, только в «северных» погребениях известны одиночные браслеты, надетые высоко — на локте (погребение 79) или почти у плеча (погребение 190).

Распашные кафтаны сарматского облика у жителей Боспора иногда явно делались из тканей, а не из кожи, так как на изображениях образуют многочисленные складки (см., например: Kieseritzky, Watzinger 1909, Taf. XXXVI, No. 529). Единственная серия тканей для материаловедческого определения была собрана мною в 1982 г. из курганных могил некрополя Танаиса второй половины II — середины III в. (раскопки В.В. Чалого 1974–1977 гг.). В это время довольно значительную часть населения этого боспорского городка составляла эллинизированная община сарматов-«танаитов», которых хоронили в грунтовом некрополе. Большинство образцов представляли собой грубые шерстяные ткани полотняного переплетения, плотностью от 10×14 до 16×16 нитей/см¹⁶⁵. Текстиль полотняного переплетения разной плотности преобладал на плечевой одежде в могильнике Большая Мазанка того же времени в Сальских степях (Цитковская 1998, с. 51–52). Часть местных тканей в Северном Причерноморье изготовлялась из конопли (Марченко 1954, с. 174–175). Имя одного из аланских царей V в. н.э., Кондак, означало «Носящий холст из конопли» (Абаев 1979, с. 293). У сарматов бытовала также нижняя одежда из импортных льняных тканей; она известна, например, в курганах нижнего Поволжья (Мошкова 1956, с. 180–181). В IV в. н.э. льняные рубахи носили языги на нижнем Дунае (Amm. Marc. Res gestae. XVII. 12. 2).

Только знатные женщины использовали драгоценный шелк. Возможно, самая ранняя из находок шелка (остатков пропитанных ладаном рукавов платья) сделана в Ногайчикском кургане в Степном Крыму (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 68; эти авторы датируют его началом I в. до н.э., А.В. Симоненко — 150 годами позже). В соседней Римской империи он, как считают, вошел в широкое употребление при Августе (Warmington 1928, p. 175) и попадал в Европу благодаря специфическому институту так называемой «даннической торговли» Китая (Fairbank, Teng 1942). Шелк шел на парадные платья, часто лишь на украшение их каймой. Им также покрывали диадемы (оз. Батырь: Яценко 1986, с. 16; № 7). При этом в Степис I в. н.э. употреблялся шелк не китайского производства¹⁶⁶, а произведенного из китайского сырца с римским декором (его, например, изготовляли из китайского сырья на о. Кос в Эгейском море: Hor. Sat. I. 2. 101). Такие ткани, видимо, часто окрашивали в разные оттенки красного цвета и декорировали растительным и архитектурным орнаментом из нитей золотой парчи¹⁶⁷. Уже в гуннское время (рубеж IV–V вв.) известен халат из красного шелка у мужчины-алана из кургана в Шипово (Рыков 1936, с. 99)¹⁶⁸.

Золототкачество считалось происходящим из Фригии, и еще в римское время золотошвеи назывались *phrygiones*. Парча в Сарматии употреблялась со II в. до н.э. Однако самая ранняя такая находка в Мавзолее Неаполя Скифского относилась, вероятно, не к одежде (ср.: Зайцев 1994, с. 99; рис. 1). Парча впервые становится популярной с рубежа нашей эры у племен сираков на Кубани (ст. Воздвиженская; хут. Рассвет: Raev 1998, fig. 3, No. 17). Речь, видимо, идет о малоазийских «одеждах Аттала» (Герцигер 1973, с. 84). В I в. н.э. эта мода распространилась на всю Сарматия, сохраняясь (чем позже, тем реже) до самого нашествия гуннов. Обычно полоской золотой парчи украшали край подола, реже — только грудь различных типов плечевой одежды¹⁶⁹. Показательно, что наиболее богатые вышивки золотом встречены в могилах

¹⁶⁵ Образцы были взяты в фондах музея-заповедника «Танаис» с соответствующих металлических предметов, к которым прилипли остатки тканей. Относительно тонкая ткань полотняного переплетения (22×26 нитей/см, № 21/30) принадлежала, видимо, плащу (ткань обволакивала фибулу, лежащую на плече: курган 10/9). Ткань репового переплетения (18×18 нитей/см, № 53/69) относилась к верхней одежде девочки из богатого погребения (курган 22/4) и лежала у двух фибул, скреплявших разрез платья на груди. Ткани были переданы А.К. Ёлкиной, но не были ею изучены детально и утеряны.

¹⁶⁶ Китайские декорированные шелковые ткани во II–III вв. н.э. изредка поступали в греческие города Крыма, например в Пантикапей (см., например: Толль 1927, с. 85); сегодня могилу с такой тканью О.В. Шаров датирует более поздним временем.

¹⁶⁷ В двух могилах периода 3 и начала периода 4 полоса шелка украшала подол платья. При этом на Украине под шелком для прочности была подкладка из коры (Соколова Могила: Копаненко 1986, с. 20; ср. то же у средневековых аланов: Доде 2001, с. 90) или войлока (Чугуно-Крепинка, курган 2/1: детальная характеристика этого погребения здесь и ниже основана на информации Л.Г. Шепко, данной весной 1985 г.). В кургане Хохлач (в Новочеркасске) начала II в. н.э. шелковая одежда с парчой была, вероятно, положена вне могилы в бронзовую чашу (Борисьяк 1864, с. 211). В том же районе устья Дона в могиле рубежа II–III вв. (Высочино V, курган 18, раскопки Е.И. Беспалого 1985 г.) использовалось шелковое платье (отпечатки на фибулах: Беспалый 1986, с. 44). В склепе 620 Усть-Альминского могильника 1996 г. в Крыму (вторая половина I в. н.э.) у умершего мужа была шелковая рубаха; на жене надето платье бордового цвета, покрытое шелковым же зеленым покрывом с грубыми складками (информация Ю.П. Зайцева 20.06.1997; см. также: Loboda, Puzdrovskij, Zaicev 2002).

¹⁶⁸ Этого человека нельзя считать гунном, поскольку он имел, как аланы III–IV вв., искусственно деформированный череп, курчавые рыжие волосы (сохранилась одна прядь), а при его погребении было разбито зеркало (сармато-аланский обычай). Это, видимо, один из знатных аланов периода подчинения последних гуннами.

¹⁶⁹ Погребения с наилучшей сохранностью парчовых вышивок: расшивка подола — Воздвиженская, мужское, I в. до н.э. (Гущина, Засецкая 1989, с. 125); женские: ОПХ «Рассвет», рубеж нашей эры (Raev 1998, fig. 3, No. 17); Большой Армавирский курган (Веселовский 1906, с. 63; рис. 108); Новый, курган 20/2, и Криволиманский I, курган 16/9, рубеж нашей эры (Ильюков, Власкин 1992, с. 42–44, 153); Соколова Могила, I в. н.э. (Ковпаненко 1986; рис. 123–124, 133) (рис. 93); Высочино V, курган 18, II–III вв. (Беспалый 1986, с. 47–48); мужское — Высочино VII, курган 12/1, II–III вв. (Чалый 1982). Расшивка документирована для *разных частей тела*: на *груди* — ст. Динская, погребение 3, женское, II–I вв. до н.э. (см., например, весьма неполную информацию: Анфи-

поблизости от греческих городов (Кубань, районы, прилегающие к Ольвии и Танаису). Обычно для вышивки использовались короткие тонкие крученые золотые нити, иногда длиной до 5 см (Большой Армавирский курган), в одном случае — до 25 см (Городцов 1905, с. 237). У женщин-воительниц Кубани встречена расшивка серебряной нитью (Рассвет, Динская); известна она и в сочетании с золотой (Кобяково, курган 10; Соколова Могила)¹⁷⁰.

Орнаментация золотой парчой сохранилась лишь в немногих случаях у женщин¹⁷¹. Более толстые нити на рубеже нашей эры служили на Кубани основой для подвешивания бубенцов вокруг верхнего края обуви (Песчаный, могила 10: Ждановский 1990, с. 216; рис. 35) или бахромой на подоле платья (Большой Армавирский курган: ОАК за 1903 г., с. 63; рис. 108).

Одним из любимых материалов как для костюма, так и для различных бытовых изделий была тонкая кожа, окрашенная в красный цвет. Она использовалась для кафтанов (Косика, могила 45: Дворниченко, 1988); женских платьев (Высочино V, курган 18: Беспалый 1986, с. 33); поясов (Пороги, могила 1: Симоненко, Лобай 1991, с. 10; Косика, могила 45; Новый, курган 84/2: Ильюков, Власкин 1992, с. 102; и др.); диадем (Кобяково, курган 10: Прохорова, Гугуев 1988, с. 41; рис. 1) и обуви (Танаис, курганы 10/41 1975 г. и 22/4 1977 г.). Около 114 г. н.э. царь Армении («Арташес») именно кожу в основном включил в свой свадебный выкуп за аланскую царевну, так как «у аланов в большом почете красная кожа» (*Мовсес Хоренаци*. История Армении. II. 50). Иногда такой кожей целиком обтягивали гроб (женская могила II–III вв. в кургане Г-5 у с. Кано на нижней Волге: Смирнов 1946, с. 41), а грабители подчас, возможно исходя из каких-то суеверий, специально разрывали предметы из красной кожи на кусочки и разбрасывали по всей могиле (ср.: Рыков 1925а, с. 10).

Упомяну и о таком своеобразном материале для одежды, как человеческие скальпы. Если у скифов упоминаются плащи из скальпов (Her. Hist. IV. 64), то в древнейших пластах аланского эпоса находим упоминания о ритуальной шубе полубога Сослана из скальпов врагов (Миллер 1884, с. 196–197).

Плечевая одежда

Представители обо полов у сармато-аланов носили, видимо, как распашную, так и нераспашную одежды, соотношение которых в разные периоды, возможно, было не одинаковым (в периоды 1–3 можно допустить большее применение первой у мужчин). По аналогии с современными народами, описанными этнографами, можно думать, что нательная одежда (рубашки, которые шили из дефицитных импортных тканей тонкой выделки) была в основном принадлежностью знати. Впрочем, и на многих мужских изображениях, представляющих отнюдь не рядовых пастухов, плотная парадная верхняя одежда явно надета на голое тело (Яценко 1985, с. 26, 33).

Остатков этих одежд практически не сохранилось. Лишь в одном случае в погребении II–I вв. до н.э.(?) удалось проследить кожаный тлен по контуру мужского кафтана (хут. Красногорский в Южном Приуралье: ОАК за 1903 г., 1906, с. 127; рис. 256; Ростовцев 1918, с. 125; Яценко 1985, с. 26; рис. 1) и в одной из женских могил I в. н.э. (Сватова-Лучка под Харьковом) — красный тлен по контуру женского платья (Трифилев 1905, с. 137).

мов 1987, с. 179; отчет Н.В. Анфимова за 1973 г. не сдан в Институт археологии РАН); Хатожукаевский аул, женское, первая половина I в. н.э. (Гущина, Засецкая 1989, с. 125); *грудь и область таза* — Никольское у устья Волги, курган 12, мужское, I–II вв. (Засецкая 1979, с. 98; по полевому дневнику — только над тазом, т.е. спереди); в Прикубанье, в позднесарматское время: Даховская, мужское, II–III вв. (Лунин, 1940, с. 34); ст. Воронежская, женское, III–IV вв. (Анфимов 1952, с. 206–207).

¹⁷⁰ В I–II вв. во многих случаях у женщин золотой парчой обшивали большой прямоугольный погребальный покров, который закрывал иногда всю могилу или использовался как подстилка: Соколова Могила — покров красного цвета; Кобяково, курган 10 — подстилка; Чутино-Крепинка, курган 2/1 — покров пурпурного цвета (см. также: Моруженко 1989, с. 49; Высочино I, курган 8/2 — подстилка зеленого цвета, возможно, первоначально могилу по всей площади покрывали листы золотой фольги: сообщение Г.С. Бейсова, сентябрь 1976 г.), у мужчин — паланкин на серебряных ножках (Косика, могила 1: Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, с. 44–45). Трупы женщин I в. до н.э. — I в. н.э. иногда помещали на небольшой прямоугольный «коврик» — из парчи: хут. Песчаный (Ждановский 1990: рис. на с. 216), Комарово, курган 1 (Гутнов 1998, с. 98–99) или с узкими её полосами (Суслы, курган 31: Рыков 1925а, с. 37). В последнем случае, возможно, для этой цели использовались головные платки.

¹⁷¹ В Соколовой Могиле на подоле платья нашивались в пять рядов полосы сложных композиций из растительных побегов, а также из медаллонов с побегами и архитектурными деталями (Ковпаненко 1986, рис. 125–126), причем для сохранности декора под вышивку была подложена полоса бересты (ср. то же у средневековых аланов Кавказа: Змейский могильник), на погребальном покрове — концентрические кружки с отходящими от них «кистями» (Елкина 1986, с. 133); в Воронежской на одежде — ряды волот (информация Н.В. Анфимова, апрель 1979 г.), на подстилке из Печаного — сплошные ряды коротких (до 10 см) секций из прямых нитей (информация А.М. Ждановского, сентябрь 1984 г.). Подол в мужских могилах бывал украшен полосой парчи шириной до 5 см (Высочино VII — информация С.В. Гуркина, сентябрь 1981 г.; Новый, курган 20 — Ильюков, Власкин 1992, 43–45), а на женских платьях рубежа нашей эры — несколькими параллельными полосами (ОПХ «Рассвет» — информация Н.В. Волкова, май 1994 г.). В Криволиманном I полоска парчи была пришита у таза и несколько полос были нашиты от колен до пят (Ильюков, Власкин 1992, с. 153).

Мужская плечевая одежда

Уже на изображениях III–II вв. до н.э. сразу бросаются в глаза особенности сарматского костюма по сравнению с предшествовавшим скифским, т.е. неизвестные скифам костюмные элементы. Речь идет о двух знаменитых двухъярусных композициях с Кубани, где сарматы побеждают скифов (что как-то связано с участием обоих этносов в борьбе сыновей Перисада I за боспорский трон около 310 г. до н.э.) (Яценко 1989б, с. 124–125). Это рельеф из Юбилейного, где на побеждающих изображена нераспашная верхняя одежда с треугольным вырезом ворота (Савостина 1987, рис. 4; 2001, табл. I–XV) и «Кубанский» ритон 1889 г., где побеждающие воины носят поверх кафтанов (*kurtak*) короткие плащи, скрепленные на плече (Придик 1912, табл. IV). Первый справедливо датируется И. Бергеманом «не ранее II в. до н.э.» (На 11 лет позже меня и не зная о моей публикации (Яценко 1989б), он также пришел к выводу, что здесь отсутствуют женщины-«амазонки», а изображены только мужчины двух разных этносов: Бергеман 2001, с. 138)¹⁷².

Распашная одежда

Она обычно имеет подол до низа таза и рукава до запястий шириной около 10 см. Это «классический» *кафтан* (*kurtak*). В литературе это одеяние называют совершенно произвольно: кафтан, куртка, камзол, казакин (см.: Яценко 1985, с. 25). Реже это образцы до колен (Воздвиженская: см. выше; пластина из бывшей коллекции Ф.С. Романовича: Ильинская 1978, рис. 7¹⁷³; Шипово, курган 3: Рыков 1936, с. 99, а в I–II вв. — и более длинные *халаты* до середины голеней (роспись из Пантикапея: Ростовцев 1913, табл. XC, 2); персонажи на пряжке из Кочковатки (рис. 89, 3) и зеркале из Соколовой Могилы: см. выше). В двух последних случаях это стеганые одежды явно восточного происхождения. Парадные длинные халаты восточного облика имеют необычные для Сарматии параметры рукавов (короткие: зеркало из Соколовой Могилы; длиннее пальцев руки — Шипово; расширяющиеся книзу раструбом — Кочковатка). Наконец, укороченный вариант древнего парадного кандиса ираноязычных народов известен на росписи периода 4 в склепе 9 Неаполя Скифского. Благодаря только что опубликованной давней крупной цветной прорисовке О. Домбровского мы можем наконец разглядеть важные детали костюма арфиста (Unbekannte Krim 1999, Abb. 11); в книге Ю.П. Зайцева он дан в черно-белом варианте практически в натуральную величину (Зайцев 2003, рис. 137). Его верхняя черная одежда длиной до колен, носившаяся внакидку, имеет столь же длинные и сужающиеся книзу «ложные» рукава (в прорисовке Зайцева их ширина равномерна). «Кандис» явно сшит из тонкой ткани, так как он не спадает складками, а словно облегает краями бортов слегка выступающие живот и грудь хозяина.

Полосы декора из золотых бляшек, парчи, бисера и т.д. на распашной одежде пришивались вдоль бортов, вокруг ворота, по шву рукава, реже (в периоды 1–2) — вдоль разрезов рукавов (Косика, могила 45; Кара-Су I, курган 7/3: Кушаев 1978, с. 81; рис. 1). Проймы рукавов декорировались так лишь на очень раннем изображении периода 1 (ритон 1889 г. с Кубани: Придик 1912, табл. IV–V), отражая еще нормы скифской эпохи. Этот декор, видимо, часто состоял также из вышивок и кожаных аппликаций, которые в могилах не сохраняются. Для периодов 1–2 известны широкие полосы декора на «погонах» и вдоль пройм рукавов (ритон с Кубани 1889 г.; Косика, могила 45). В Косике и в кургане 20/2 у хут. Новый (Ильюков, Власкин 1992, с. 42; рис. 7, 4–5) кафтаны обшивались бляшками двух типов — в форме трехступенчатых пирамидок и стилизованных зооморфных («жучки» в Косике и четыре головы баранов вокруг кружка в Новом). В кургане 27/4 в Жутово (Шилов 1965) пирамидки сочетались с ромбами (которых было в четыре раза меньше). В период 4 известна обшивка ворота полоской парчи и рядом каплевидных подвесок из голубого стекла (Новоалександровка I, курган 20/2: Беспалый 1990, с. 220). Самый богатый декор видим на одном из наиболее ранних изображений периода 1 — ритоне 1889 г., где у пешего копейщика кафтан оформлен еще в традициях скифского времени: на бортах бляшки образуют две полосы и широкую линию зигзага; полосками тех же бляшек оконтурены проймы рукавов, плечевой шов, края подола и рукавов (Степанов 1915, табл. VII).

¹⁷² Не только английскому исследователю И. Бергеману, но и всем русскоязычным авторам сборника об этом рельефе осталась неизвестной моя статья еще 1989 г. во вполне доступном издании, где подробно аргументировалась сарматская этническая атрибуция одной из групп персонажей (Яценко 1989б).

¹⁷³ Убежденность В.А. Ильинской в том, что эта пластина — скифская и датируется IV в. до н.э., не встретила однозначной поддержки скифологов. Известный французский иранист Р. Гиршман датировал ее рубежом нашей эры. Е.В. Черненко убежден, что это поздняя фальшивка, однако он исходит при этом лишь из сопоставления со скифскими реалиями (Черненко 2000, с. 117).

Нераспашная одежда

Такую одежду почти всегда носили как верхнюю парадную, а не как нательную¹⁷⁴. Во многих случаях на изображениях она практически лишена декора и, видимо, употреблялась в теплое время года как единственная наплечная одежда (рубаша). Обилие ее форм и изображений — одно из наиболее ярких отличий от костюма скифской эпохи. Чаще всего она была длиной до колен и более короткой (сарматы справа и

в центре композиции «склепа Ашика» в Пантикапее: Ростовцев 1913, табл. LXXXVII–XCI). Ворот такой одежды во все периоды бывал как глухим узким горизонтальным, так и с глубоким (лишь изредка — с неглубоким) треугольным вырезом на груди.

Одежда с горизонтальным воротом в качестве парадной часто носилась неподпоясанной и имела при широком подоле глубокие боковые разрезы (расписной саркофаг 1900 г. из Пантикапея: там же, табл. XCIII, сегмент II, 1) или один спереди (росписи пантикапейских склепов 1872 и 1876 гг.: там же, табл. LXXXI, 2; LXXXVIII, 2) (рис. 91–92). Разрез спереди декорирован рядом бус в могиле 213 в Заветном (Юго-Западный Крым) (ср.: Богданова 1963, с. 7). Такая одежда известна на «сарматизованных» жителях Пантикапея, но никогда — на собственно сармато-аланских изображениях божеств и эпических героев. В двух мужских погребениях периода 3 из Сальских степей и Калмыкии подобное одеяние украшалось рядами золотых бляшек двух типов (трехступенчатыми пирамидками и кружками, окруженными четырьмя стилизованными фигурками баранов (?). К сожалению, их первоначальный порядок восстановить невозможно¹⁷⁵. В первом случае подол доходил до таза и украшался полосой парчи.

Одежда с *глубоким треугольным вырезом* является, на мой взгляд, одной из наиболее ярких особенностей костюма Сарматии всех периодов¹⁷⁶. Ее длина — до колен или чуть ниже: рельеф из Юбилейного; персонаж гривны из Кобяково (рис. 89, 1); надгробная стела с Краснозорьевского городища и стела № 3 из Заветного в Юго-Западном Крыму (Яценко 1992, табл. 2, 2; 6, 1; 12, 8; 15, 7); пленный алан на пластине из Гальберштадтского собора (Кузнецов 1974, рис. на с. 14), иногда только до таза (пряжка из Мечетсая периода 2: Яценко 1992, табл. 11, 3). Такая одежда, часто украшенная полосами декора вдоль выреза ворота, краев подола и рукавов, не подпоясана.

В некоторых случаях (периоды 3–4) ворот, напротив, имеет очень неглубокий треугольный вырез («склеп Анфестерия» в Пантикапее; арфист из склепа 9 Неаполя Скифского).

Одежда с таким треугольным вырезом представлена на рубеже периодов 2 и 3 у сарматских всадников в «склепе Анфестерия» в Пантикапее (Ростовцев, 1913, табл. LI, 6). Она декорирована необычно — размещенными в шахматном порядке крупными кружками (см. ниже); при этом рукава ниже локтей сшиты из другой ткани (рис. 91, 1).

Документируется также одежда с *вертикальным разрезом ворота* (в центре груди или смещенным в сторону), скалывавшимся фибулой. Декор краев такой одежды неплохо сохранился в комплексе периода 3 в устье Дона (Красногорский III, курган 18/1: Гудименко 1990, с. 10; рис. 1а). Одеяние длиной чуть выше колен имело узкие рукава, закрывавшие пальцы рук. Вдоль швов рукавов нашивался ряд бляшек в форме низких цилиндров, по краю подола — в форме стилизованной головы барана (?). В «позднескифском» могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму, существовавшем с I до начала III в. (его долгое время раскапывала И.И. Гущина), разрез ворота у мужчин изредка скалывался как слева (могила 214), так и справа (могила 251).

В «склепе Ашика» (период 3) кочевники под панцирем явно носят нераспашную одежду разной длины (чуть выше или значительно ниже колен) светлых тонов с короткими рукавами. Эти «рубашки» очень широкие, что хорошо видно по облику их подола.

Большой интерес вызывает парадная одежда пленного царя нижнедунайских лимигантов на римском триумфальном медальоне 358 г. (Гороховский, Корниенко 1993, рис. 1, 1). Она имела по периметру подола шесть треугольных узких выступов-клиньев. Этот элемент, как и декор шаровар в виде вертикальной линии круглых бляшек и тип обуви, надежно документируется в более раннем костюме Парфии (Яценко 1993г, с. 79–81) (см. выше главу 2.1). Последнее неудивительно, так как речь, видимо, идет о потомках

¹⁷⁴ Единичные исключения, когда нераспашная рубаша носилась *под* верхней распашной одеждой, представлены у знати в мифологических сценах периодов 3–4: серебряный кубок из Косики (Яценко 1992, табл. 3, 1–2) и упомянутый арфист из склепа 9 в Неаполе Скифском (Зайцев 2003, рис. 137).

¹⁷⁵ Новый, курган 20/2 (Ильюков, Власкин 1992, с. 43–45) и Волга-Чограй XXXVII, курган 1/1 (Лапа 1989, с. 2–3; мелкие предметы перемещены грызунами).

¹⁷⁶ Этот элемент мужской одежды имеет параллели и на кельтских изображениях II–I вв. до н.э. (ср. персонаж на бронзовой рукояти меча: Megaw, Megaw 2001, fig. 260).

племени периода 2 — языгов, пришедших на Дунай в начале I в. н.э., предки которых на своей западно-туркестанской прародине общались с соседним парфянским Ираном. О сарматах периода 2 вполне ясно сказано, что они — «народ, весьма близкий парфянам по наружности» (Pomp. Melae. De Chorogr. III. 34)¹⁷⁷.

Плащи-накидки

Короткие, обычно до низа бедер узкие плащи известны на изображениях различных периодов, кроме периода 5. Они крепились заколкой-фибулой (часто явно с круглой брошью) или пряжкой на груди или на правом плече. Плащи появляются на «варварских» изображениях Прикубанья уже с III–II вв. до н.э. (рельеф из Юбилейного; ритон 1889 г. и ритон Мерджан; фалары из Галиче) (Степанов 1915, табл. VII; Яценко 1992, табл. 2, 1–2; 8, 1–2; 2000б, рис. 1, 1–2) (рис. 88, 2–3).

Возможно, был в ходу и широкий длинный плащ типа римского *sagum*. Подобное одеяние изредка встречается на боспорских надгробиях в период 2 (Болтунова 1969, с. 53; рис. 12). Лингвисты полагают, что к сарматской эпохе восходит название осетинского плотного плаща-бурки (Абаев 1949, с. 53).

На пантикапейских надгробиях у персонажей с костюмом сарматского облика периодов 2 и 3 мы наблюдаем такую условность: плащ изображался заколотым на правом или левом плече в зависимости от того, в какую сторону скачет всадник (!)¹⁷⁸.

В погребениях кочевников-мужчин заколка плаща чаще всего лежит у *правого плеча*, хотя в ряде могильников она могла лежать и слева (Рыков 1936, с. 95). Обычно это фибула, но в период 4 иногда пряжка (Кривая Лука I, курган 9/1: Древности 1977, с. 73; Танаис, могила 269: Арсеньева 1977, с. 94) или крупная бусина (Танаис, могила 280: Чалый 1975, с. 11). Изредка застежка плаща представляла собой сложный комплекс мелких украшений. Так, у мальчика из хут. Шульц в Поволжье (Рыков 1925, с. 61) на правом плече лежал костяной конус с продетым в его отверстие ремешком и два соединенных с ним колечка из бронзы и железа.

Женская плечевая одежда

Анализ имеющейся информации по этой теме был дан мною в специальной статье 18 лет назад (Яценко 1987а, с. 166–176). С тех пор накопились новый интересный материал и новые, неопубликованные обобщения.

Распашная одежда

Можно полагать, что она (прежде всего короткие *кафтаны-kurtak*) носилась реже нераспашной (платья) и чаще всего во время поездок, охоты и военных действий женщин-воительниц и т.п. Так, пленные женщины-сарматки в одежде, не отличавшейся от мужской (взятые в плен в ходе столкновений римлян в низовьях Дуная с разноплеменными союзниками готского короля Каннабы), были проведены по улицам Рима во время триумфа Аврелиана в 275 г. (SHA. Aurel. 33). Расшивка бортов такого кафтана однотипными бляшками выявлена в одном раннем комплексе (Косика, могила 15: Дворниченко 1987). У одной молодой воительницы периода 3 сохранился край подола короткого (до низа таза) кафтана из тонкой приспособленной вертикальными складками кожи (Суслы, курган 47: Рыков 1924, с. 52). В период 4 известна обшивка рукавов вдоль их швов по всей длине до запястий (Субботин, Дзиговский 1990, II, рис. 2, 9–14). Она состояла из ряда ажурных пластинок перламутра. В Южном Приуралье (Малково, курган 1; период 4) края короткого суконного кафтана были оторочены шелком, а верхние края бортов (как позже у мужчины в Шипово) украшал ряд плотно нашитых однотипных серебряных бляшек в форме буквы «V» с кружками на концах (Боталов 2001, с. 27; рис. 1).

Парадные длинные *халаты* известны пока лишь в период 3. Роскошный экземпляр такой одежды представлен к северу от Ольвии, на территории тогдашней страны Аорсии (курган Соколова Могила, погребение 3) (рис. 98). Халат длиной почти до пят, сшитый из окрашенного драгоценным финикийским пурпуром шелка, имел расширяющиеся книзу рукава (шириной до 20 см), носился свободно и скреплялся в нижней части груди серебряной пряжкой (Ковпаненко 1980, с. 169, 172–173; 1986, рис. 127–

¹⁷⁷ Даже если источники Страбона, как это часто бывало в античной литературе, путали Азовское море (Меотиду) с Аральским, предки парфян — кочевники-парны генетически связаны с восточными окраинами сарматского мира (ср.: Strabo. Geogr. XI. 9. 3; Десятчиков 1974, с. 9–10).

¹⁷⁸ Kieseritzky, Watzinger 1909, № 450, 559, 600 — на правом плече; № 640, 642, 669–670 — на левом.

131, 133). Это одеяние, несомненно, имеет центральноазиатское (юэчжийское?) происхождение (см. ниже, раздел 3).

Третьим типом распашной одежды можно считать *шубу* с меховой (?) опушкой бортов. Она изображена внакидку у женщины-аланки с «христианским» именем Нина на инталье середины IV в. из Абхазии (Турчанинов 1990, с. 156; табл. XXIII). Верх шубы, видимо, покрыт полихромной тканью, детали орнамента которой неясны.

Нераспашная одежда

Такая одежда по основным параметрам, описанным ниже, имеет принципиальное сходство, например, с образцами еще эпохи бронзы «андроновцев» Казахстана (длина подола, параметры рукавов, декор ворота, сопровождающий нагрудник и др.) (ср.: Кузьмина 1994, с. 158). Судя по изображениям и обобщению данных по декору одежды в погребениях, преобладающим видом женской одежды было довольно широкое и длинное (обычно до середины голени) платье с узкими (шириной 8–10 см) рукавами и горизонтальным воротом с дополнительным вертикальным разрезом на груди (весьма удобным для кормления грудью многочисленных в большинстве семей детей) (Яценко 1987а, с. 169, 171–173). Это не только самый массовый элемент женской одежды, но и самый богатый по оформлению элемент сарматского костюма в целом; поэтому на его описании я останавлиюсь подробнее. Такие платья почти всегда делались из тканей, были свободного покроя, и обычно их приходилось подпоясывать.

Формы ворота платьев

Горизонтальный ворот, если он был украшен по краю мелкими бусами, нелегко отличить от остатков ожерелий. Проще это сделать, если у шеи обнаружен 1–2 ряда золотых нашивных бляшек и бисера одновременно (рубеж нашей эры: Алитуб, курган 20/3: Шилов 1963, с. 61–62; Бережновка, курган 57/1: Яценко 1987а, с. 172; Заветное, могила 7: Богданова 1956, с. 4; Горгиппия, могила 6/1979 г.: Алексеева 1980).

В последнем из погребений ворот обшивали около 940 бисерин красного и розового цветов и 400 бусин.

В детской могиле 43/1982 г. периода 4 в Танаисе прослежена низка из 25 бусин и бисерин семи разных цветов, лежавшая ниже ожерелья (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 14, 94). Иногда платья имели глухой стоячий ворот, документируемый еще на изображениях периода 2: богиня на ритоне из Мерджан, у которой ворот обшит двумя рядами круглых бляшек (Артамонов 1966, табл. 331; Яценко 2000д, рис. 1, 2) (рис. 88, 2). С рубежа нашей эры до начала V в. известен декор такого ворота из двух рядов золотых бляшек в форме ромбов и цилиндрических пронизок с добавлением одного типа подвесок¹⁷⁹. В период 4 бытовали стоячие воротники, украшенные бляшками двух других типов: в форме полусфер и стилизованных листьев (каплевидной или сердцевидной формы)¹⁸⁰. Этот тип декора стоячего ворота имеет близкие параллели у более восточных ираноязычных племен (Яценко 1999, с. 152; примеч. 43). В могиле рубежа нашей эры из ОПХ «Рассвет» на Кубани (Волкодав 1983) бляшки двух типов (6-лепестковые розетки и трубочки-пронизки) обшивали не только край ворота, но и «погоны». Та же картина была, вероятно, и в другой синхронной могиле со сходным набором бляшек (Динская, раскопки Н.В. Анфимова, 1973 г.)¹⁸¹.

Преобладающим был, вероятно, горизонтальный *ворот с вертикальным разрезом на груди*. Он скреплялся одной, реже двумя и более фибулами. Однако эта традиция отмечена уже у девочек в возрасте до одного года (Кропоткин 1972, с. 265–266; Шелов 1961, с. 28). При креплении *двумя фибулами*, расположенными одна над другой, обычно они лежат приемником в сторону левого плеча и немного слева от позвоночника. Но иногда они развернуты приемниками в противоположную сторону (см., например: Кобяково, могила 9/1960 г.) или смотрят в разные стороны (там же, могила 31/1961 г.) (Капошина 1961, табл. LXVII, 1; 1962, табл. LXII, 2).

¹⁷⁹ В кургане 16/9 Криволиманного I два ряда пронизок разделялись рядом ромбов, дополнение — семь просверленных кристаллов пирита (Ильюков, Власкин 1992, с. 153). В IV–V вв. в Танаисе представлены парадные вороты известного по всей Южной Европе германо-аланского «культурного горизонта Унтерзибенбрунн»: в могиле 295 пронизки образовывали верхний ряд, ромбы — нижний, между ними — ряд овальных медальонов (Яценко 1987, с. 172; рис. 3, б); то же, видимо, было в могилах 10/1981 г. и 3/1990 г. Бляшек двух последних типов обычно поровну — по 12–13 экз. (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 9, 35, 219).

¹⁸⁰ Лебедевка, курган 23/4 (Железчиков 1979, с. 18, рис. 59). Вероятно, похожее расшитое золотом аланское платье с подобным воротом лежало или висело отдельно в помещении ЕН усадьбы 18 в Танаисе в период штурма города в середине III в. (ср.: Арсеньева, Науменко 1992, с. 77–78; рис. 100, 8–10). Возможно, такое же платье было в ограбленной катакомбе 17 в Нимфее (Грач 1999, с. 148; рис. 68, 2–3), где каплевидные бляшки сочетались с дисками, подвешенными на проволоке.

¹⁸¹ Отчет не сдан в Институт археологии РАН. Информацию см., например: Анфимов 1987, с. 179.

Разрез, скрепленный тремя фибулами (схематично переданными в виде треугольничков), изображен на одном из надгробий периода 3 из боспорского Мирмекия (Молева 1963, с. 111–112; рис. 6а) (Керченский музей-заповедник, инв. № КА-574) (рис. 94, 2). Чаще всего разрез был смещен влево, был «косым» (т.е. ворот с разрезом на груди в форме буквы «Г»), хотя достаточно часто встречается по центру груди и реже — справа. Могилы с более чем двумя фибулами, образующими вертикальную линию на груди, известны только в районах, граничащих с античными городами (устье Дона, Крым). Серия костяков с таким размещением обнаружена в Кобяково¹⁸²; при этом нижний край линии часто идет не параллельно позвоночнику, а несколько отдаваясь от него влево в нижней части.

В одной могиле периода 4 левосторонний разрез кожного платья обшивался по краю рядом серебряных бляшек (Еруслан II, курган 1: Рыков 1926, с. 113); в другой — он обшивался линией бляшек в виде стилизованной двойной секиры (Высочино V, курган 18/1: (Беспалый 1986, с. 43). То же отмечено в могиле 309 в Танаисе гуннского времени (Гречанова 1983, с. 17); здесь ворот обшивали бусы коричневого стекла (вдоль ключиц — один ряд, вдоль разреза — три ряда); возможно, эта расшивка маркирует вертикальный узкий запазушный карман, изредка встречающийся позже на платье раннесредневековых аланок (Орфинская 2001а, т. 1, рис. 2.16) (хотя для последних типичен более крупный и широкий вариант такого кармана).

Левосторонний косой ворот также иногда имел петельку, к которой подвешивался туалетный флакончик (начало периода 4, Чугуно-Крепинка, курган 2)¹⁸³. Обычно же у рядовых женщин он, видимо, был лишен декора из неорганических материалов. В наиболее распространенном варианте одна фибула-заколочка лежит у левой ключицы или у края ребер, обычно приемником — к левому плечу. Этот способ (включая положение приемником к плечу) был наиболее распространенным и в других частях Сарматии (см., например: Рыков 1925, с. 95; Михлин 1980, с. 193; примеч. 1; Кондрашов 1987, с. 42). В упомянутом рядовом «позднескифском» могильнике периодов 3 и 4 Бельбек IV этот вариант также наиболее популярен¹⁸⁴.

Широко бытовало и крепление вертикального разреза женского платья с горизонтальным воротом одной фибулой, которая лежит в центре верхней части груди на позвонках, чаще всего — дужкой к черепу¹⁸⁵. Иногда у девочки к фибуле подвешивался амулет из низки разнотипных бус (Танаис, курган 20/2: Чалый 1977, с. 13; рис. 30). В районе устья Дона в период 3 вдоль всего разреза иногда нашивалась широкая полоса из рядов бус (дети, Кобяково, могилы 2 и 48 1984 г.: Гугуев 1985). Там же в период 4 разрез ворота расшивался по всему периметру полосой из трех рядов украшений: уже знакомого нам сочетания рядов каплевидных и полусферических бляшек и между ними — перламутровых крестиков (Новоалександровка I, курган 20: Беспалый 1990, рис. 3, 23). Последний образец оформления платья наиболее близок вышивке ворота (гарван) женских платьев «этнографических» ираноязычных белуджей (Гаффенберг 1970, с. 75; рис. 8, 3, 5).

Реже фибула крепила разрез косого ворота справа¹⁸⁶. Иногда фибулы оконтуривали линию сложнопрофильного разреза ворота поперек позвоночника¹⁸⁷.

Горизонтальный ворот женского платья иногда имел неглубокий (в отличие от мужских рубах) треугольный разрез спереди¹⁸⁸. Это отмечено на изображениях периодов 2 и 4 («Тиха Хрисалиска» из крепости аспургин: Яценко 1992, табл. 4, 3); надгробие из с. Марьино в Северо-Западном Крыму: Шульц 1963, рис. 1 и 2) (рис. 90, б).

¹⁸² Могилы: 5 — 1958 г.; 15 — 1959 г.; 36 — 1961 г.; 1 — 1962 г.; 40 — 1985 г. Здесь размещены в ряд от трех до пяти фибул разных размеров. Самая крупная из них (или брошь) чаще всего находится в самом верху.

¹⁸³ Позже, у раннесредневековых кавказских взрослых женщин-аланок VIII–IX вв. надежно документировано, что слева на груди амулет крепился на петельке, а косой ворот сопровождался особым запазушным карманом (Иерусалимская 1976, с. 23; 1983, с. 110; Доде 1993, с. 18).

¹⁸⁴ Погребения 19, 28, 75, 121–122, 127–128, 134, 169, 174–175, 185, 190, 193, 197, 211, 214, 216–217, 257, 263, 304, 311; погребения 63, 138, 165, 258 — пол неясен. Иногда фибула закалывалась ниже, внизу у левого края ребер (погребения 84, 158, 209, 323(2), 294; погребения 83, 259 — пол неясен). Разновидностью этого варианта было использование двух фибул подобным образом на левой стороне груди (погребения 164, 310).

¹⁸⁵ В Бельбеке IV это погребения 11, 34, 46, 59, 64, 71, 103, 106, 113, 123, 167, 200, 286, 291, 295, 300–301, 313; пол в погребениях 66, 254, 322 неясен; иногда фибула лежит ниже, на позвонках в нижней части груди (погребения 107, 147, 260; погребения 72, 78, 91 — пол неясен). Разновидность этого варианта — скалывание разреза в центре двумя фибулами, одна над другой в верхней части груди (погребения 156, 201, 227) или в нижней (погребения 161, 187). В одном случае слева отмечен вертикальный ряд из трех фибул (погребение 305).

¹⁸⁶ В Бельбеке IV — погребения 70, 81, 194, 249, 251, 269, 287, 302, 326; погребения 65, 97, 168, 279 — пол неясен.

¹⁸⁷ В Бельбеке IV это отмечено в центре позвоночника (погребения 6, 227) или справа (погребения 68, 201).

¹⁸⁸ Единственное вероятное исключение у мужчин — надгробие периода 4 из Предущельного в Юго-Западном Крыму (Чореф 1975, рис. 3).

Подол

У платья он обычно достигал середины голени (т.е. прикрывал нижний край штанов). Однако иногда линия декора его края проходила даже выше колен (ОПХ «Рассвет», погребение 19 — три полосы серебряной парчи (Raev 1998, fig. 3, No. 17); у девочки из кургана 35 в Суслах — синие бусы: Рыков 1925а, с. 39), а иногда длина подола доходила до пят (Песчаный: Ждановский 1990, рис. на с. 216). Очень интересная картина, выявляемая в «позднескифском» могильнике Бельбек IV¹⁸⁹. Чаше всего край подола очерчен линией бус, нашивавшейся полуколышком спереди или по всему периметру; обычно при этом подол был довольно узкий (Яценко 1987а, с. 169). Такая линия могла быть волнистой (период 2: Калиновка, курган 46/8: Шилов 1959, с. 396). Изредка полоса обшивки была весьма сложной и эффектной. Так, в могиле женщины 45 лет из Неаполя Скифского кайма шириной около 10 см состояла из 15 рядов бисера пяти цветов¹⁹⁰. В Большом Армавирском кургане (период 2) нижний край обшивки составляли бусы голубого и зеленого цветов

и бусы с внутренней позолотой, а верхний ряд — бусы из халцедона, янтаря, желтого стекла и гагата (ОАК за 1903 г., 1906, с. 62–63). В погребении 2 у Комсомольского (Астраханская обл., период 3) край на уровне колен сопровождался сложным геометрическим орнаментом из трех рядов нашитых золотых бляшек (ширина — 5 см), причем для различных узоров использовались всего два типа бляшек (мелкие полусферы и «двулистники» на треугольном основании): в центре шли ряды ромбов из бляшек первого типа, а по краям — «двулистники», чередующиеся с двумя нашитыми вертикально полусферами (Дворниченко, Плахов, Сергацков 2002, с. 226–227; рис. 5) (рис. 85, 49). Иногда декор подола состоял из нескольких полос золотой вышивки.

При очень длинном подоле у женщин всадниц и воительниц были необходимы глубокие *боковые разрезы*. В погребениях периодов 2–3 такая обшивка разреза обычно отмечена лишь с одной стороны (слева или справа) (Калиновка, курган 55/8 — 2900 бисерин голубого и белого цветов: Шилов 1959, с. 403, 464; рис. 34, 5 — чертеж погребения отсутствует в полевом отчете; Беляус, погребение 10/1958 г.: информация О.Д. Дашевской; Тифлисская, курган 15: Веселовский 1903, с. 145). В период 4 в устье Дона существовала традиция украшать единой полосой подол и два боковых разреза¹⁹¹; в Высочино I левый разрез гораздо короче правого и доходит снизу только до колен (иначе такая обшивка мешала бы воительнице доставать правой рукой подвешенные слева меч и кинжал). В ряде случаев подол имел разрез спереди: он декорирован вертикальным рядом бус в могиле 213 в Заветном (Богданова 1963). В Крыму в период 3 известен и случай обшивки разрезов кожного подола рядом бронзовых бляшек (Заветное, могила 182: Богданова 1961, с. 28; рис. 65, 14).

Рукава

У платья, как уже отмечалось, они были обычно узкими, до запястий. Однако иногда благодаря тлену документированы очень короткие рукава (период 3 — Сватова-Лучка: Трефилов 1905, с. 137), и линией бляшек — очень длинные, длиннее руки¹⁹². Рукава выше запястий иногда имеют косой нижний край (период 3, Бережновка, курган 57/1: Синицын 1960, с. 57; рис. 80); эта традиция бытовала у осетинок до XX в. (Калоев 1971, с. 181). Все рукава «нестандартной» длины документируются пока только у аристократов. Так, в Песчаном и Комсомольском (периоды 2 и 3) ширина рукавов, судя по чертежам и полевым

¹⁸⁹ Здесь заметна разница в использовании бусинно-бисерных обшивок подола у погребенных, обращенных головой на север и на юг. Обшивка края подола известна здесь в трех вариантах. Первый, наиболее распространенный в Сарматии (линия бус попеременно середины берцовых костей), в Бельбеке IV отмечен у женщин лишь из могил с северной ориентировкой (погребения 79, 96, 149, 159, 257); при этом кайму порой образовывали два ряда бус (погребения 79, 96) и более (погребение 257). Обшивка низкого, на уровне щиколоток подола выявлена у погребенных, ориентированных в обоих секторах (погребения 81, 124, 189, 260, 294, 295, 313, 314), причем в ориентированных на юг также отмечены два ряда бус (погребение 189) и более (погребение 260). Очень короткий подол (обшивка выше колен) выявлен в одной южноориентированной могиле 217.

¹⁹⁰ Цветной чертеж схемы декора подола погребения 24, раскопанного В.И. Бабенчиковым в 1948 г. (Бабенчиков 1949, с. 25), любезно предоставлен мне Д.С. Раевским (см.: Раевский 1971, табл. III). Чередование рядов бус и пронизок разных цветов (сверху вниз, количество рядов одного цвета указано цифрой): белые (прозрачные) — 1, черные — 1, красные — 2, белые — 3, красные — 1, зеленые — 1, золоченые — 1, белые — 1, черные — 1, красные — 1, золоченые — 1, красные — 1.

¹⁹¹ Это Высочино I, курган 10 (Яценко 1987а, с. 173–174; рис. 3, з), где они обшивались несколькими сотнями бисерин шести цветов и бусами с внутренней позолотой; по краям разрезов крепилось по одному серебряному колокольчику. Другой комплекс — в одной из могил Танаиса из раскопок В.В. Чалого 1978 г.: особенно хорошо сохранилась обшивка правого разреза рядом чередующихся пронизок черного и зеленого стекла. Они были явно нанизаны на единый шнурок, так как съезжали вниз, к ногам, располагаясь там более плотно (материал не включен в отчет; сообщение Л.Н. Гречановой, 1979 г.). Третье погребение — Высочино V, курган 18/1 (Беспалый 1986, с. 43–44, 47–48), где на шелковом (?) платье декор образовывала полоска парчи.

¹⁹² Период 2 — Песчаный (Ждановский 1990, с. 216); период 3 — Чугуно-Крепинка, курган 2; период 4 — Еруслан II, курган 1 (Рыков, 1926, с. 113); Новоалександровка, курган 20/1 (Беспалый 1985).

фото, была около 20 см. Узкие рукава периода 3 по краям с тылу имели разрезы. Они известны благодаря их обшивкам (Соколова Могила: Яценко 1987а, с. 171; Бельбек I, могила 22: Печенкин 1905, с. 31–33). Рукава обычного облика хорошо документируются в Бельбеке IV¹⁹³.

Обычно у рядовых женщин край рукавов обшивался рядами бисера (такая вышивка иногда сохраняется на ткани рукава) (Ильюков, Власкин 1992, с. 46). Но встречаются и более интересные варианты. В могилах периода 4 известна обшивка четырьмя рядами разноцветного бисера: синего, желтого и прозрачного (Танаис, курган 19/2: Чалый 1976, с. 19–20: ширина — 9 см), голубого и черного (Бельбек IV, могила 92: Гущина 1973, с. 4). В богатых могилах периодов 2–3 на рукавах часто нашито несколько рядов бляшек двух типов (Песчаный; Кобяково, курган 10; Калиновка, курган 55/8; и др.).

Весьма эффектны рукава парадных платьев аристократок из погребений у устья Дона периода 4¹⁹⁴. В более скромной синхронной могиле из Юго-Западного Крыма уже знакомый нам набор бляшек в форме капель и полусфер дополнялся бисером (Труфанов 1996, с. 167). Сочетание на краю рукавов ряда бляшек в форме капель и полусфер известно еще в период 3 (Пороги, могила 2: Симоненко, Любай 1991, рис. 18; 19, 5–6), а в более позднее время становится более популярным. В погребении 2 у Комсомольского (период 3) вышивка рядами мелких полусфер сочетается с «двулистниками», образуя тот же узор, что и по внешним краям на подоле (см. выше), т.е. единый орнамент вышивки (Дворниченко, Плахов, Сергацков 2002, с. 227; рис. 5) (рис. 85, 49).

Горизонтальная полоса декора на груди

Возможно, она отмечала границу высокой кокетки. Такая линия декора — из трех полос бляшек трех разных форм (как и вертикальная линия, идущая от нее вниз) изображена на фаларе из Галиче (Яценко 2000д, рис. 1, 1) (рис. 88, 3). В рядовых могилах рубежа нашей эры на р. Карца в Осетии бисер определенного цвета образовывал отдельные ряды не только на груди, но и на спине (Абрамова 1974, с. 16). У «этнографических» ираноязычных народов такая полоса известна на платьях белуджей (Гаффенберг 1970, рис. 13, 3). За редким исключением, это особенность костюма аристократок периода 3. Обычно горизонтальная полоса состояла из 1–3 рядов золотых бляшек (в каждом из которых нашивались украшения одного типа) (Яценко 1987а, с. 173) (рис. 94, 3). Серии таких декоративных полос известны в могильниках устья Дона и в Юго-Западном Крыму (Заветное, Бельбек, Усть-Альминский), единичные — в степях Украины.

Большинство подобных нашивок неповторимо индивидуальны. Однако для каждого региона характерны и свои особенности. На всех декоративных полосах из украинских степей присутствует ряд золотых крестиков со вставками бирюзовой эмали¹⁹⁵. Обшивки из Юго-Западного Крыма лишь в одном случае включают эмали, но иногда у женщин невысокого социального ранга состоят не из золота, а сплошь из стеклянных пронизок (Заветное, могилы 99: Богданова 1959: 4–5; табл. VIII–IX) или из бус трех пород камня (Бельбек IV, могила 176, 302: Гущина 1976, с. 8; 1982). И на Дону, и на Украине для золотых бляшек разных форм характерны вставки эмали зеленого или красного цвета, имитирующие вставки бирюзы и сердолика (граната) и, видимо, подражающие синхронным мелким бляшкам одежды государств Западного Туркестана (юэчжийская Бактрия, Кангюй, Усунь). С тыльной стороны такие бляшки имели одну-две петельки, за которые они, вероятно, нанизывались на единый ремешок, нашитый горизонтально на грудь. Благодаря этим особенностям остатки таких нашитых полос легко выделить и в разрушенных грабителя-

¹⁹³

Рукава были обшиты у двух ориентированных головой на север женщин (погребения 92, 257). В последней из могил рукава довольно короткие (выше запястий) и при этом широкие (15 см), что в Сарматии изредка известно в среднесарматское время (Яценко 1987, с. 171). В первом из комплексов на левом рукаве по краю нашиты четыре ряда бус из голубого стекла и гагата.

¹⁹⁴

Так, в кургане 20 в Новоалександровке между крайним рядом золотых полусфер и золотых «капелек» размещался ряд перламутровых крестиков на фоне бисера из розового коралла (рис. 96, б). В кургане 18 Высочино V на левом рукаве кроме двух рядов из 15–20 бляшек в форме полусфер и капель были нашиты 27 амулетов-астралов из коралла, янтаря, гагата и перламутра.

¹⁹⁵

Сватова-Лучка (Трефилов 1905, рис. 21); Соколова Могила (Ковпаненко 1986, рис. 122); Белолесский, курган 3 у с. Михайловка (Субботин, Дзиговский 1990, II, с. 20–21; рис. 16, 1, 3–4). В двух последних случаях один ряд состоял из чередующихся крестиков и двоянных полумесяцев с эмалевыми «рогами», смотрящими в разные стороны.

ми могилах нижнего Дона (единственный комплекс этого района, где эти обшивки из бляшек¹⁹⁶ сохранились *in situ*, — курган 10 в Кобяково: раскопки Т.А. Прохоровой и В.К. Гугуева 1987 г.)¹⁹⁷.

Вертикальная линия декора на платье

Вертикальная линия декора на платье (от середины груди до низа живота) обычно сочеталась с описанной выше горизонтальной, но встречалась гораздо реже. Обе линии отмечены на упомянутых фаларах из Галиче (рис. 88, 3) и в погребении в Соколовой Могиле¹⁹⁸. Вертикальные линии обшивки известны также у «поздних скифов» (два погребения из Мавзолея Неаполя Скифского: Яценко 1987а, с. 179).

Нагрудники

Этот элемент женских платьев (вероятно, пришивавшийся к ним и прикрывавший глубокий разрез их ворота) встречается в периоды 1–4. Контуры этого украшения, обшитого бляшками или бисером, всегда имели форму полукруга. Иногда поверхность нагрудников сплошь обшита рядами бус¹⁹⁹. В период 3 они украшались только по краю внешнего полукруга одним или несколькими рядами нашитых золотых бляшек (рис. 95, 2)²⁰⁰; в одном случае типы бляшек были того же облика, что и у горизонтальных нагрудных обшивок, — ажурных крестов в квадратной рамке между двумя рядами цилиндрических пронизок (Усть-Альминский в Западном Крыму, склеп 620: Пуздровский и др. 1997, с. 98–100)²⁰¹.

Наплечное украшение

Этот особый элемент декора платья встречается очень редко. В период 1 на левом плече у девочки в Старых Киишках, курган XI/19 в Башкирии (Садыкова 1965, с. 134), обнаружена шестиконечная звезда, вышитая бусами с внутренней позолотой.

Платья на бретельках

Особая разновидность платья, которое, подобно греческому хитону, не сшивалось сверху, а крепилось на плечах двумя фибулами, в единичных случаях известно в «варварских» погребениях Центрального и Восточного Крыма еще в период 3 (Золотое, могила 25/1: Корпусова 1983, с. 101; Заветное, могила 125: Богданова 1959, с. 29). Однако широкое его распространение началось с середины II в. н.э. (ср.: Яценко 1987в, с. 51–52). Сходные платья в это время были весьма распространены и у варваров на Дунайской периферии римских владений (см., например: Garbsh 1965, Taf. 1, 6). Такое платье в районах, близких к античным городам, у племен степной Украины крепилось двумя небольшими однотипными фибулами²⁰², а в более вос-

¹⁹⁶ Сводную таблицу таких бляшек из богатых могил устья Дона предоставил в 1990 г. Е.И. Беспалый. В кургане 10 Кобяково сочетались один ряд (верхний) золотых трубочек-пронизок и один ряд (нижний) шестилепестковых розеток. В других донских могилах: Новоалександровка, курган 53/1 (Е.И. Беспалый, раскопки 1986 г.) — ромбовидные; там же и Царский, курган 38/1 (Л.С. Ильюков, 1987 г.) — в виде острого угла с зернью и вставками эмали; Валовый I, курган 9 (Е.И. Беспалый, 1987 г.) — ромбовидные и в виде ромба, от одного угла которого отходят две волути; Хохолач, 1864 г. — те же два типа, что в Валовом, и бляшки в форме соединенных и обращенных в разные стороны полумесяцев (они, как и в Соколовой Могиле, заполнены красной эмалью) (Толстой, Кондаков 1890, с. 132–133); Тузлуки, курган 2/1 (Е.И. Беспалый 1979) — треугольники с отходящими от двух углов и закрученными внутрь спиралями. В Юго-Западном Крыму три нашивки включают среди прочего ряды трубочек-пронизок: Заветное, могила 232 (Богданова 1963, с. 27; рис. 39) — ажурные в виде креста в квадратной рамке; Заветное, могила 8 (Богданова 1956, с. 5) — ряд круглых бляшек, окруженный двумя рядами трубочек.

¹⁹⁷ Отчет отсутствует в Институте археологии РАН. В 1988 г. В.К. Гугуев любезно познакомил меня с чертежами и полевыми записями, которые остались в его личном архиве.

¹⁹⁸ Такое сочетание двух полос декора на женском платье позже известно у средневековых аланов (Змейская, катакомба 15/1: Кузнецов 1961, с. 88; табл. XIII, 5) и на осетинских платьях «кыба».

¹⁹⁹ В Старых Киишках, курган XIII/10 (период 1) декор образовывали полукруглые ряды бус с внутренней позолотой (Садыкова 1965, с. 134). В Танаисе, в могиле 2 (275) 1974 г., период 4 (Чалый 1975; см. также: Арсеньева 1975, с. 97) ряды состояли примерно из 1000 бусин и бисерин, в основном из бус с внутренней позолотой и (в меньшем количестве) геширового бисера; при этом среди рядов золоченых бус изредка были нашиты по два экземпляра бирюзового цвета или по одному-два экземпляра красных, по одному экземпляру сине-фиолетовых. В рядах встречались единичные крупные бусы синего и красного цветов.

²⁰⁰ Михайловская, курган 9/25 (Каминский 1986); Белолесский, курган 3 (Дзиговский, Субботин 1990, II, рис. 16, 1). В последнем случае наряду с бляшками нашивался бисер.

²⁰¹ Этнографические, богато украшенные осетинские нагрудники (*gīnæg pægncytae*), видимо, генетически связаны с сармато-аланскими; они были заимствованы соседними горцами Грузии (Уарзиати 1990, с. 157). По форме близки сарматским и вышитые яркие нагрудники горных таджиков (см., например, на Дарвазе: Майтдинова 2004, ил. 23, 1). Осетинские нагрудники пришивались к платью, подобно пазырыкским на Алтае. У туркмен (в этногенезе которых общепризнана немалая роль аланов) аланским по происхождению элементом также считают нагрудник девушек и молодых женщин (Васильева 1991, с. 122).

²⁰² Наиболее достоверно документированные комплексы: в Крыму — одно из погребений в Керчи 1891 г. (ОАК за 1891 г., 1893, с. 158); Бельбек IV, могила 6/1969 г. (Гущина 1970, с. 2); несколько могил некрополя Тузла на Тамани (Сорокина 1957, с. 39);

точных районах иногда пряжками (Поволжье: Калиновка, курган 39/1: Шилов 1959, с. 393; несколько погребений в Кривой Луке). Известно изображение такого платья конца IV в. н.э. на пленной аланке с Гальберштадтского диптиха (Кузнецов 1974, с. 14): здесь его длина почти до пят. Вышивка золотом у такого платья отмечена на уровне колен (Высочино V, курган 18/1); золотой парчой декорированы и боковые разрезы. Видимо, оно, было шелковым и носилось поверх обыкновенного платья (Беспалый 1986, с. 43, 47–48).

Плащи-накидки

Если судить по изображениям, то плащ у сармато-аланов — мужской атрибут, хотя в быту картина была явно иная. Остатком реального плаща является обычно одиночная фибула, лежащая на плече умершей. Плащ крепился то на левом, то на правом плече²⁰³. Иногда вместо фибулы для застегивания плаща использовали крупную булавку для прически (период 3: Кобяково, курган 10), а вблизи античных городов — пряжки (Танаис, курган 10/9: Чалый 1976, с. 4; Заветное, могила 43: Богданова 1956, рис. 26), в том числе вырезанные из перламутра (Новоалександровка, курган 20: Беспалый 1990, с. 217) (рис. 96а).

Иногда к фибуле подвешивали низку украшений²⁰⁴. В периоды 4–5 наиболее распространенными были следующие варианты украшения заколок плащей.

1) Вместе с фибулой/пряжкой, покрывая ее с двух сторон, помещались два небольших диска с отверстием в центре. Они сделаны либо из дерева, обтянутого кожей (Усатово, курган F-16: Сеницын 1947, с. 52–53), либо из бронзы (Криничное, могила 6: Федоров 1969, с. 252).

2) К фибуле крепился колокольчик (Кано, могила В-6: Смирнов 1946, с. 41; Боканский, могила 10: Федоров 1956, с. 55).

3) Плащ крепится не заколкой, а ремешком, на который нанизаны одна-две трубочки-пронизки (бронзовые — Кано, могила В-6; перламутровые — Нижне-Гниловское, могила 21/1976 г.: Чалый 1977б, с. 4, рис. 6).

Головные уборы и начельные украшения²⁰⁵

На большинстве изображений Сарматии мужчины представлены с непокрытой головой. Эта особенность, явно связанная с культовой спецификой (см. главу 4.3), существенно осложняет нашу работу.

Основные типы головных уборов известны на изображениях мифологических персонажей, портретах умерших на надгробиях, пленных «варваров» и на сарматизованных жителях Пантикапея. Приводимые ниже материалы погребений дают в целом тот же набор форм; это лишний раз подтверждает, что в мифологических сценах передан реальный синхронный костюм.

Судя по изображениям, несколько типов уборов *были общими для лиц обоих полов*. Войлочный или кожаный башлык с невысоким заостренным и слегка округлым верхом (часто свисающим вперед) и небольшим выступом, прикрывающим затылок (назатыльник) (**тип 1**), представлен на женской статуэтке периода 2 из Балабинского I (Яценко 1992а, табл. 13, 4) и на мужских изображениях периодов 3–5 [пряжка из Неаполя Скифского (Веселовский 1891, с. 81); склеп 1875 г. в Пантикапее/Керчи: Ростовцев 1913, табл. LXXIII; пленный алан на диптихе из Гальберштадта: Кузнецов 1992, рис. 16]. В период 4 нижний край этого убора подчас загнут вверх. Это видно, например, на каменной (мергель) фигурке богини из меото-сарматского городища Роговское I на Кубани²⁰⁶. После Маркоманских войн на Дунае император Марк Аврелий, как известно, расселил около 8000 сарматских воинов в различных пограничных районах Империи и, в частности, 5500 из них — в Британии (Трейстер 1994, с. 52–53); здесь, в римском военном лагере Честер найдена сарматская надгробная стела с всадником (Sulimirski 1970, pl. 46) (рис. 90, а). На нем видим убор того же типа 1: боковые лопасти также отогнуты; надо лбом — украшение в форме буты-

на нижнем Дону — Танаис — могилы 171 и 309; курган 10/6 (Чалый 1976, рис. 29) и Кобяково, могила 14/1984 г. (Гугуев, 1985: в этом официальном отчете все рисунки представлены в столь малом масштабе, что работать по ним уже нельзя); на нижнем Днепре — Богодар (ОАК за 1891 г., 1893, с. 86–87), под Харьковом — Любовка, могила 2 (Радзиевська, Шрамко 1980, с. 103).

²⁰³ Так, в Бельбеке IV фибула скалывала женский плащ как у правого плеча (погребения 213, 270), так и у левого (погребение 210).

²⁰⁴ Так, в могиле 8 в Озерном (период 4) фибулу украшала низка из трех спаянных под разными углами бронзовых колец, двух бронзовых колокольчиков и крупной бусины (Лобода 1966, с. 15). У сарматов Венгрии к фибуле иногда подвешивалось два-три яруса украшений с подвесками (Vaday 1989, S. 140, No. 415, 5).

²⁰⁵ В основе этого раздела лежат неопубликованные материалы дипломной работы автора «Костюм населения юго-западной части степной зоны СССР сарматской эпохи как исторический источник (головные уборы)» (1981 г.).

²⁰⁶ Статуэтка экспонируется в Краснодарском краевом музее. Рисунок предоставлен нам И.В. Пьянковым. В его отчете за 1988 г. материалы Роговского I, однако, отсутствуют.

ли с толстым туловом. Уборы типа 1 известны на изображениях Азиатского Боспора с рубежа IV–III вв. до н.э., т.е. со времени появления по соседству сарматских групп (ср.: Кобылина 1962, с. 211).

Невысокие конусовидные уборы (**тип 2**), судя по этнографическим аналогиям по иранским и тюркским народам, кроились из четырех треугольных кусков кожи или войлока. На рельефах из Неаполя Скифского периода 2 у «Скилура и Палака» эти уборы сшиты из мягкой ткани, так как верхушка не выглядит заостренной; по нижнему краю уборы повязаны лентой с длинными свисающими концами (рис. 84, 1a). Там же на рельефе «конного Палака» шапка имеет высокий околыш с разрезом спереди (рис. 84, 2a)²⁰⁷. Кроме того, у мужчин такие уборы известны на терракотах Боспора с «варварскими» сюжетами I–III вв. (Кобылина 1974, табл. 29, 3; Яценко 1992, табл. 11, 2, 5), у персонажей с бронзового навершия периода 4 (?), найденного у Самары (Васильев 1975, 91–92; рис. 1–2) и на бронзовых фаллических аланских идольчиках, появившихся на Боспоре на рубеже III–IV вв. (Шелов 1984). У женщин конусовидный убор документирован у «варварской» богини с разведенными в стороны руками на боспорских терракотах III в. (Яценко 1992, табл. 3, 8). Такие уборы могли иметь опушку из меха (?), как на стеле № 5 из Заветного (Богданова 1965, рис. 3, 1). В погребении аристократа периода 2 (Косика, могила 45: раскопки В.В. Дворниченко, 1987 г.)²⁰⁸ конусовидный убор из войлока (?) высотой около 25 см был красного цвета. В лобной части он был украшен 3–4 вертикальными рядами бляшек-полусфер, а макушку венчала деревянная, обложенная золотом фигурка оленя (длина — 0,8 см) в позе «галопа», имеющая близкие аналогии у пазырыкцев Алтая. Женский конусовидный убор периода 4 из сукна с шелковой каймой высотой менее 15 см в Целинном I (курган 49) имел передний треугольный сегмент, обшитый по периметру серебряными круглыми бляшками (через одну нашивались образцы с подвесками-дисками); он, в свою очередь, был разделен веритикальным лобным швом, подчеркнутым рядом серебряных бляшек; так же декорировался и нижний край (Боталов, Гуцалов 2000, с. 111, рис. 36, 123; Боталов 2001, с. 27; рис. 1).

Маленькие полусферические шапочки (**тип 3**), имеющие по краю над переносицей небольшой треугольный выступ. Этот убор представлен на фаларах узды периода 4 у божества со звериными ушами (курган 1983 г. в Ростове-на-Дону: Яценко 1992, табл. 4, 5), у богини на золотой греко-сиракской броши периода 2 (Зубовский, курган 2: там же, табл. 8, 8).

Уборы типа берета (**тип 4**) (или тех же полусферических шапочек?), возможно, изображены на некоторых «варварских» надгробиях Крыма периодов 3–4, но они представлены очень схематично (см., например: Чореф 1975, с. 261; рис. 1), и их даже трудно отличить от короткой прически. Лишь на стеле периода 3 из Южно-Донузлавского городища у женщины поверх прически явно надет убор типа берета (Дашевская 1967, с. 214). Такие же уборы видим у двух мужчин на крышке ритуального бронзового котла периода 3 с р. Кальмиус (в экспозиции Археологического музея в Одессе: Штерн 1911, с. 43).

Начельные украшения

Основным их видом у сармато-аланов были диадемы (**тип 5**) (как из ткани, так и из металла). Их тканые образцы представлены у знатных мужчин на рельефе периода 1 (или 2?) из Юбилейного (экспонируется в ГМИИ им. Пушкина), на персонаже серебряного кубка периода 3 из Косики (Галль фон 1997, рис. 1) и на монетах аорсского царя Фарзоя второй половины I в. н.э. (Карышковский 1982), а в женском костюме — у богини на сарматском медальоне периода 3 из Бельбека IV, могила 81 (Гущина 1978, рис. 2, 3) и у пленной аланки конца IV в. на диптихе из Гальберштадта. Способ повязывания диадемы из ткани на монетах Фарзоя (один короткий конец торчит сзади дугой) аналогичен таковому у этноса *парфян* еще при Ахеменидах. В I в. н.э. упоминается статуя сарматского царя с диадемой из ткани (Seneca. Epist. Moral. XI.1.10). На рубеже I–II вв. у знатного воина в устье Дона известна подобная повязка из парчовой ткани; на ней был нашит ряд круглых бляшек (Красногоровка III, курган 18/1: Гудименко 1990, с. 10). В могиле эллинизированного сармата (?) периода 4 из Танаиса (катакомба 1972 г., погребение 1) диадема из тонкой коричневой (первоначально красной?) ткани украшалась в центре шестилепестковой розеткой, а по сторонам — имитацией традиционных листьев апия/сельдерея (Каменецкий 1993, с. 10)²⁰⁹.

Металлические (золотые) диадемы носились царями-мужчинами (сираки Кубани: Zinob. Epitom. V. 25). У женщин-цариц они известны в период 3 (две такие диадемы найдены у аланов нижнего Дона — в Хо-

²⁰⁷ На рисунке Ю.П. Зайцева (Зайцев 2003, рис. 47, 2), в отличие от любезно предоставленного им мне качественного фото, прорисован лишь правый край разреза околыша.

²⁰⁸ В Институте археологии РАН в соответствующем отчете (Дворниченко 1989) отсутствует альбом иллюстраций. Чертеж предоставлен из личного архива В.В. Дворниченко.

²⁰⁹ В Институт археологии РАН отчет сдан не был. Хранится в музее-заповеднике «Танаис».

холче (рис. 103, 5; в нынешнем, сильно поврежденном виде: Мордвинцева 2003, рис. 23) и Мигулинской; обе они античной работы, но в «варварском» вкусе, выполнены в полихромном стиле (Яценко 1986, с. 15–16; рис. 1, 5)²¹⁰. Мною детально описывались женские диадемы на тканой основе, с анализом специфики периода 3 и периода 4. В отличие от ранних образцов, обшитых золотыми пластинками и бляшками, украшенных изображениями Мирового древа и предстоящих животных²¹¹ или лягушки²¹² (аланы нижнего Дона), диадемы периода 4 украшены различными бусами или пластинками перламутра (Яценко 1986, с. 14–19)²¹³. Диадемы из органических материалов (Кобяково: Засецкая 1999, с. 168; оз. Батырь) были окрашены в ярко-красный цвет. Недавно Э.А. Хайрединовой был удачно реконструирован декор диадемы периода 5 из Южного Крыма (Лучистое, могила 82) из нескольких рядов бляшек (см., например: Aibabin and all. 2000, p. 61; fig. 10). В пограничном с Херсонесом могильнике Заветное (поселение Алма-Кермен, где стояли римские войска) диадемы туземцев периода 3 были выдержаны в античных традициях, в частности, включали имитацию характерных для погребальных венков листьев сельдерея (могилы 93 и 195: Богданова 1989, с. 46–47) (рис. 103). «Позднескифские» диадемы периода 4 представлены в могилах 25 и 28 в Нейзаце: это были, видимо, кожаные ленты, на которых в лобной части крепилось 5–6 бронзовых пластинок, иногда с пунсонным орнаментом (Храпунов 1998, с. 235).

Обратимся теперь к тем типам головных уборов, которые носились лишь представителями одного пола.

Мужские облагающие голову башлыки с длинным и довольно широким (в отличие от типа 1) наза-тыльником (**тип 6**) известны в периоды 2–3 на стеле № 1 из Заветного (Богданова 1961, рис. 2, 1), терракоте с «варварским» персонажем из Пантикапея (Силантьева 1974, табл. 50, 3) и «варварском» надгробии из окрестностей Фанагории (Соколов 1973, № 99). Убор держался на голове с помощью обруча. Хорошо сохранившийся экземпляр такого башлыка периода 5 найден К. Герцем в 1859 г. в одном из курганов под Фанагорией и хранится в Эрмитаже (Герц 1870, с. 98; Герцигер 1973, с. 86, 97), где я имел возможность его зарисовать и описать его крой весной 1980 г. благодаря помощи Д.С. Герцигер (античный отдел, инв. № 1859.20) (рис. 102). Убор шит из тонкого неокрашенного верблюжьего войлока нитками черного цвета швом «вперед иголку» из четырех частей: двух идентичных боковых лопастей сложной формы (28,2×18,5×9,7 см) и двух промежуточных — по форме близких к прямоугольнику на макушке (10,3×7,2 см) и надо лбом (7,2×7,0 см). Под башлыком на голове носился платок из сложенного вчетверо прямоугольного куска шерстяной полосатой ткани.

К специфически женским уборам относились покрывала (**тип 7**). Одно из них длиной почти до колен изображено у богини на надгробии Ямаха периода 4 из Марьино/Джан-баба в Крыму (Шульц 1963) (рис. 90, б). Еще недавно у осетин на похоронах замужних женщин в комплект одежды обязательно входило головное покрывало *kæliæ rzæp* (Калоев 1984, с. 77). Остатки таких покрывал сохраняются в могилах в виде двух расходящихся от черепа в стороны неровных линий из однотипных металлических бляшек (аппликации круглой формы в этом случае украшали край одной из четырех сторон прямоугольного куска ткани), реже (Михайловская, курган 9/25: Каминский 1986) оно напоминало длинное узкое полотенце (вероятно, укрепленное на голове лентой), торцы которого также обшивались бляшками (рис. 95).

В погребении девочки-подростка из Новочеркаска, открытом в 1973 г. (дата — рубеж IV–III вв. до н.э. по херсонесской амфоре типа I-Б: Монахов, 1989, прилож. 2, табл. IV–XI)²¹⁴, которое было частично нарушено строителями (сдвинут сам череп), этот ряд состоял из бляшек в виде личины мужского боже-

²¹⁰ Греческое золотое украшение из кургана Ногайчик в Северном Крыму (период ?) (Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 5, 2) представляло собой не диадему (Симоненко 1993, с. 88–89; фото 5), а сложное ожерелье (сообщение М.Ю. Трейстера, ноябрь 1996 г.).

²¹¹ И.П. Засецкая предположила, что их наличие на женских колтах (подвесках к головному убору) уже гуннского времени из хут. Верхне-Яблочного свидетельствует о взятии в жены гунским вождем женщины из аланского племени и выражает желание покойной украсить колты «сценой, характерной для изобразительного искусства своего народа». Это мнение пока не может быть поддержано мною, так как, во-первых, ни одного этноса среднесарматского времени (период 3) спустя 300 лет уже не существовало; во-вторых, в «промежуточные» периоды 4 и 5 подобные сюжеты на головных уборах сармато-аланов уже не документированы. Сомнения, высказанные И.П. Засецкой в отношении моей реконструкции композиции диадемы из ст. Усть-Лабинской, практически не аргументированы (ср.: Засецкая 1999, с. 170, 171).

²¹² В алано-осетинском язычестве в образе лягушки предстает одна из основных прародительниц аланов, являющаяся супругой героя Хамыца и происходящая из подземных карликов-бцентов.

²¹³ Позже, в период господства гуннов в европейских степях (конец IV — V в. н.э.) диадемы иногда сохраняют традиции сарматской эпохи. Так, на одном из двух типов этих диадем, известном к западу от Волги, гранатомы и стеклянные вставки как бы хаотично «рассыпаны» по поверхности; по облику каждая из них весьма индивидуальна. Одна из них найдена в Керчи на деформированном черепе и имеет вставки зеленого и красного цветов, что продолжает более ранние аланские традиции (ср.: Амброз 1992, с. 25–26).

²¹⁴ Датировка погребения уточнена благодаря любезному указанию А.Ю. Алексеева.

ства, нашитых головами вниз с промежутком в 2 см²¹⁵ (рис. 101). В том же Новочеркасске к украшениям покрывала можно предположительно отнести серию необычно крупных золотых бляшек в виде идущего оленя с 11 отверстиями для нашивки. Они были обнаружены в одном из тайников кургана Хохлач периода 3 в числе других украшений костюма (Эрмитаж, ОАБЕС, инв. № 2213/18). Серия бляшек столь крупного размера вряд ли нашивалась на другие предметы костюма.

В периоды 3–4 на нижней Волге известна из раскопок 20–30-х годов серия коротких головных покрывал, доходивших до плеч²¹⁶, которые украшались по краю рядом полусферических бляшек или бус, бисера²¹⁷. Короткое, необычно декорированное покрывало периода 3, как отмечалось выше, хорошо документировано на Кубани (Михайловская, курган 9/25: рис. 95, 1).

Иногда покрывала могли пришиваться к краю шапочки. Так можно интерпретировать, например, находки фибулы на лбу умершей (Кобяково, могила 261/959 г.: Капошина 1960, табл. LXXIX).

Женская облегающая полусферическая шапочка (**тип 8**), сплошь покрытая золотым декором, предположительно представлена в Ногайчикском кургане (период 2?) (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 66; рис. 4, 12–13).

Декор головных уборов

Уборы типов 1–4 и 8, вероятно, украшались по нижнему краю (изредка — почти по всей поверхности) рядами вышивок, аппликаций, бус или металлических бляшек. К сожалению, восстановить достоверно этот декор чаще всего невозможно. Даже если череп не был раздавлен рухнувшим сводом могилы, при разложении трупа он несколько раз менял положение. При этом мелкие украшения (после распада нитей, которыми они пришивались) скатывались с высокого, гладкого и округлого черепа вниз, смешиваясь с украшениями ожерелья, ворота платья. Поэтому следует обращать внимание лишь на те случаи, когда хотя бы часть украшений осталась на черепе *in situ*. Иногда обшивка распадалась на две части и, съехав с черепа, располагалась по его сторонам двумя дугами, частично сохраняя первоначальный порядок.

Сплошной декор поверхности относительно хорошо документирован для остатков шапочки в Ногайчике. Нижний край ее, видимо, украшала полоска из чередующихся дисков и «лиستиков» с петелькой (имеющих близкие аналоги в бактрийском Тилля-тепе), основная поверхность была расшита мелкими полусферическими и треугольными бляшками, а также трубочками-понишками.

Украшение головного убора на лбу одной–тремя металлическими бляшками или бусами

У мальчика из кургана 49 в Тифлисской (период 3) диск из листа золота диаметром 5,5 см лежал «на голове» (ОАК за 1901 г., 1903, с. 84–85). Так же, видимо, носился более крупный бронзовый диск диаметром 10 см, украшенный концентрическими кругами, в кургане 3 Альт-Веймара (Рыков 1925а, с. 59–60). Остатки кожаной шапки с более мелкой круглой бляшкой на лбу найдены под Бахчисараем (ОАК за 1896 г., 1898, с. 69, 162). К сожалению, форма убора во всех случаях не восстанавливается. В связи с этим интересна синхронная культовая статуэтка всадника из юэчжийской Бактрии (Дильберджин), где такая крупная круглая бляшка специально выделена в лобной части убора конусовидной формы (Пугаченкова, Кругликова 1977, с. 42; рис. 32, 3). В некрополе Танаиса периода 4 детский головной убор украшала, видимо, золотая овальная бляшка с пятью отверстиями для нашивки (могила 251: Арсеньева 1977, с. 69). Бронзовая пластинка треугольной формы найдена в могиле первой половины I в. н.э. в Ново-Отрадном на Керченском полуострове (Арсеньева 1970, с. 107). В разграбленном кургане 5 у ст. Некрасовской на Кубани (период 3) найдена бляшка редкого типа в форме трехлучевой свастики, повернутой против часовой стрелки (Гущина, Засецкая 1994, табл. 54, № 529/6). Позже подобные бляшки в этом районе использовались средневековыми аланами именно для украшения лобной части головного убора (Старокорсунская, могила 3/1: Каминский 1984, с. 132; рис. 4, 1).

²¹⁵ Правое крыло обшивки было уничтожено современными строителями, но по фотографии нетрудно уточнить первоначальное количество украшений (около 70) и длину покрывала (до таза). При погребении оно было откинута с лица умершей в стороны, образуя складки тканей.

²¹⁶ Впрочем, возможно, что бляшки/бусы обшивали не всю «лицевую» сторону покрывала, а лишь ее центральную часть, как это иногда имело место у раннесредневековых аланов Северного Кавказа (могильник Амгата: Доде 2001, рис. 20); в этом случае в действительности покрывала были той же длины, что и описанные выше (т.е. спускались до таза и ниже).

²¹⁷ Это могли быть голубой бисер и мелкие стеклянные бусы (Харьковка, курган III-13), бронзовые бляшки (Кано, курган В-6), бляшки из серебра или золота (Визенмиллер, курган II-1; Еруслан 2, курган 1) (Смирнов 1946, с. 280; Рыков 1925б, с. 131).

На нижней Волге известны случаи, когда у висков крепились по два украшения с каждой стороны. Это могли быть круглые бронзовые бляшки (Кривая Лука II, курган 1/7: Древности 1977, с. 15) или крупные бусины (Калиновка, курган 29/4: Шилов 1959, с. 388). Иногда у каждого уха нашивалось небольшое украшение из бисера (девочка из кургана 17 в Сулах: Рыков 1925б, с. 32).

Две бляшки, которые нашивались в лобной части убора, известны в Крыму в период 2²¹⁸. Наконец, в лобной части встречено и по три бляшки (период 4: Харьковка, курган III-6: Смирнов 1946, с. 42); возможно, то же можно отнести и к костяку 531 неапольского Мавзолея, период 2: Погребова 1960, с. 198). В детской могиле 146 Беяуса по три бляшки нашивались вплотную на лбу и на темени (Дашевская 1978, с. 56). В могиле 2 у хут. Зубовского (Веселовский 1901, с. 100) убор, видимо, украшался золотыми фибулами-брошами: одной — в виде богини и двух — в виде зайцев (Яценко 1992, рис. 2, 2).

Особую группу составляли украшения в два ряда предполагаемых боковых лопасти-наушников у башлыков группы 3 (видимо, уборов типа 1). Так, в могиле 187 в Заветном (Богданова 1962, с. 7) широкий наатыльник, видимо, украшали плотно нашитые раковины виноградных улиток, а в могиле 14/1961 г. в Кобяково (Капошина 1962, табл. XLVI, 1, 4) боковые лопасти (кроме собственно затылка) обшивали короткими полосками, включающие по 14 бронзовых каплевидных бляшек.

Декор края убора в 1–2 ряда

Особенно интересны некоторые уборы женщин-аристократок периода 3. На Кубани и под Ставрополем они, вероятно, могут соотноситься с племенным союзом сираков. Хотя черепа во всех случаях раздавлены и золотые бляшки разбросаны в разные стороны, можно предполагать, что они нашивались по краю²¹⁹. В Осетии в это время отмечена отделка края убора в виде двух плотно нашитых рядов бляшек — круглых и прямоугольных со сложным декором (Комарово, курган 1/12: Гиджрати 1984, рис. 112, 118). В одном из комплексов устья Дона периода 4 убор был, видимо, обшит золотыми пластинками шириной 1,1 см, зубчатыми по одному краю. Их общая длина — 37 см (Высочино V, курган 18/1: Беспалый 1986, с. 41; рис. 94). В ряде случаев в детских могилах периода 3 обшивка края состояла из ряда 50–120 бисерин двух цветов — голубого и желтого (Золотая Балка, могила 9: Вязьмитина 1972, с. 23; Танаис, могила 198: Арсеньева 1977, с. 31; Тбилисская, курган 7, комплекс 79: Ждановский 1978, с. 59–60).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

На изображениях, к сожалению, известны только у мужчин, за исключением надгробной статуи воительницы периода 1 из святилища Тасастау на Устюрте (Гасмагамбетов 2002, рис. на с. 12). Это, видимо, объясняется тем, что женские штаны (кроме богато украшенной нижней кромки) чаще всего неприлично было явно демонстрировать, т.е. они не должны были сильно выглядывать из-под платья. Вместе с тем их использование женщинами-кочевницами было практически неизбежным (см., например: Гаген-Торн 1933, с. 122). Изображенные мужские штаны обычно заправлены в обувь (в полусапожки) (исключение — фалар периода 2 из Галиче: рис. 88, 3), иногда — заужены по нижнему краю шнурком (пряжка периода 3 из Кочковатки: рис. 89, 3). Античные авторы подчеркивали, что сарматские штаны были широкими (Luc. De Bello Civ. I. 13–20, 430; Ovid. Tristia. V. 7) и, видимо, кожаными, так как им противопоставлены характерные для других народов одежды из ткани (льна) (Val. Flacc. Argon. V. 424). Очень широкие шаровары изображены на упомянутой пряжке из Кочковатки, что у бактрийцев и согдийцев документировалось еще с ахеменидского времени (Горелик 1997, с. 15).

Мужские штаны на росписях Пантикапея II в. н.э. имеют красный (бордовый) или синий (голубой) цвет (Ростовцев 1913, табл. LXXIII, LXXXI, 2). Весьма характерны для мужских штанов сарматов и ала-нов лампасы с рядами нашивных украшений, которые особенно разнообразны в III–I вв. до н.э. В это время мы видим полосу из «бегущей спирали» или два ряда круглых бляшек (ритон 1889 г. с Кубани), ряд бляшек в форме ступенчатых пирамидок (Кара-Су I, курган 7/3: Кушаев 1977, с. 81; рис. 1). Ряд круглых

²¹⁸ Они могли быть и однотипными (Мавзолей Неаполя Скифского, ящик III/5: Погребова 1960, с. 136) и разнотипными (Керчь, 1954 г., курган IV/1: Кунин, Кунина 1962, с. 289, 291; рис. 11, а).

²¹⁹ Так, в одном случае бляшки в форме цветочного бутона (?), видимо, окружали пришитую надо лбом прямоугольную золотую пластину 5×3 см (Калининский I, курган 2/6: Савченко, Мельникова 1986; в отчете есть только фотографии бляшек: рис. 254–256; их размещение ясно из крупного чертежа в личном архиве А.Н. Гея). В другом погребении по краю, вероятно, нашивался ряд бляшек в виде трех листьев, отходящих от стебля (?) (Новокорсунская, курган 2/6: Тарабанов 1986, с. 45–46). В третьем комплексе, по-видимому, край обшивался двумя рядами разных бляшек (один ряд — крестовидных, другой — в форме буквы «Г» и сдвоенных кружков) (Веселая Роща III, курган 21/11: Мирошина, Державин 1982, рис. 229).

бляшек на лампасах изображался и в период 5 (царь сарматов-лимигантиков на медальоне из Верховни: Яценко 1993г).

Женские шаровары документированы более обильно, но такие находки известны пока лишь с I в. н.э. Большая часть кожаных штанов со швами и вставкой в шаг сохранилась *in situ* в могиле 25/1959 г. в Кобяково (Капошина 1960, табл. LXXVIII, 3–4). В Соколовой Могиле (период 3) у аристократки обнаружены *наколенники* в форме трапеции (12×5 см) из светло-красного шелка, которые были изношены и сильно за-салены (Ковпаненко 1986, с. 123). Мужские наколенники — более удлиненной конфигурации — изображены у предводителя воинов на росписи середины II в. н.э. в «склепе 1872 г.» (Ростовцев 1913, табл. LXXIX). Интересно, что в Китае еще в позднечжоуское время такие красные наколенники считались одним из важных показателей «царского» ранга (Шицзин 1987, с. 325, примеч. 2; с. 328, примеч. 3).

В районах, граничивших с периферийными античными государствами (Боспором и Иберией), — на нижнем Дону, в Центральном Предкавказье, излюбленный сарматами бисер был дешевле и доступнее; здесь *нижний край женских шаровар* (носившихся, видимо, поверх обуви) иногда обшивали *несколькими рядами бисера ярких цветов*²²⁰.

В Кобяково в устье Дона обнаружена серия обшивок женских шаровар периодов 3–4, в расчистке которых в 1985 г. участвовал автор этих строк²²¹. Богатые катакомбы были ограблены в древности, но грабители не трогали район ног, а забирали лишь золотые и серебряные вещи с шеи, груди и рук. В могиле 34 низ шаровар, как мне удалось установить, был обшит по периметру кольцом из шести рядов поставленного на ребро вплотную оранжевого бисера. В могиле 16/17 расшивка левой и правой штанин была ассиметрична: слева нашивалось больше украшений²²²; при этом линии обшивки имели довольно свободные изгибы, т.е. были нашиты на мягкую ткань, а не на кожу или войлок, и явно не относились к верхнему краю обуви. В могиле 42 более скромный декор штанин также не был симметричным, хотя он включал на каждой два ряда бисера бирюзового и коричневого цветов. Сходные обшивки женских шаровар были обнаружены в Центральном Предкавказье, в синхронном Кобяково Подкумском могильнике (к сожалению, цвет бисера М.П. Абрамовой не указывался). В могиле 13/2 1972 г. обшивки внизу голеней также имели форму прямоугольника из нескольких плотных рядов агатовых бус и бисера (по устному сообщению исследовательницы, нашиты спереди полукольцом) (Абрамова 1973, с. 15–16; рис. 91). В могилах 1974 г. (30/2 и 33/2–3) типы украшений не описаны, но, судя по чертежам, обшивки здесь сохранились хуже и бисер слегка распозлся в стороны (Абрамова 1975, с. 5, 7; рис. 12, 30). Обшивки из нескольких рядов бисера и агатовых бус выявлены и в одном из комплексов под Кисловодском (Ковалевская 1977, с. 6). В несколько рядов был нашит бисер двух типов (около 700 экз. голубого и зеленого) в аналогичном случае в кургане F-16 у с. Усатово периода 4 (Синицын 1947, с. 53).

Возможно, именно к шароварам, а не к браслетам вокруг щиколоток относятся и многие кольцевые низки бисера в один ряд, известные во все периоды. У каждой группировки кочевников они имели локальные особенности. Так, в могильнике Новый в Сальских степях (период 2) низка состояла обычно из 40–60 бисерин бирюзового или красного цвета (Ильюков, Власкин 1992, с. 65, 103, 140).

Пояса

Хотя отдельные формы пряжек и наконечников ремней были заимствованы в I в. до н.э. у аристократии хунну (Яценко 1992а, с. 247–249) и бактрийских юэчжей (Яценко 1993б, с. 65), пояса сармато-аланов представляют собой специфичный и очень яркий элемент местного костюма. При отсутствии карманов к поясам подвешивались на специальных ремешках и шнурах чехлы с вещами различных размеров и назначения (например, деревянные чаши). На начальной стадии изучения поясов не обошлось без ошибок. Например, за декор собственно пояса принимали остатки крепившихся к нему аксессуаров²²³.

²²⁰ Эта традиция сохранилась у ряда современных ираноязычных этносов на севере Персидского залива и у белуджей (Hunte 1992, p. 830; fig. 67; Nadjma-badi 1992, pl. CLX, fig. 72). У горных таджиков подобные широкие и закрывавшие обувь шаровары были атрибутом невесты.

²²¹ К сожалению, мои полевые зарисовки, переданные В.К. Гугуеву, не отразились в официальном полевом отчете (ср.: Гугуев 1986, рис. 16, 147, 276), где бисерные обшивки оказались представлены в столь малом масштабе, что превратились в пятна размером 3–4 мм.

²²² Слева нашивались четыре ряда бисера (сверху вниз: оранжевый, черный, изумрудный, оранжевый), справа — три ряда (сверху вниз: черный, оранжевый, изумрудный). Диаметр обшивок — 8 см, ширина — 4 см.

²²³ Так случилось с остатками деревянных чаш, край которых украшался фигурными металлическими обоймами с заклепками, а края трещин сшивались крест-накрест медной проволокой (ср.: Симоненко 1979, с. 52–54; рис. 1, 2, 3, 5).

В богатых могилах на мужчинах были надеты одновременно два пояса — парадный («репрезентативный») и портупейный (для оружия и некоторых его аксессуаров) (Косика, могила 45; Пороги, могила 1: рис. 105). Сама пряжка могла крепиться к поясу толстыми нитками (Усть-Каменка, курган 1: Махно 1960, с. 25). Пояса делались как из ткани, так и из кожи. Иногда они, видимо, могли состоять из нескольких (например, пяти) параллельных ремней, соединенных на концах и сопровождаемых пряжкой, как это видно на рельефе всадника из Неаполя Скифского периода 2 (Зайцев 2003, рис. 47, 2).

Мужские пояса

Способы крепления поясов были весьма разнообразны. В период 2 тканый пояс, как у многих ирано-язычных народов древности, иногда повязывался на животе «геракловым» (прямым морским) узлом, как это изображено на фаларе из Кривой Луки IX (рис. 84, 32). Узкий парадный поясок из красной ткани обнаружен в могиле 45 в Косике. Нижний «портупейный» пояс в этом комплексе крепился простой по форме кольцевидной золотой пряжкой; ремень имел прямоугольный наконечник с округлым торцом²²⁴.

С рубежа II–I вв. до н.э. на мужских поясах знати стали широко использоваться подражания поясным пряжкам монгольских хунну, что во многом связано с престижностью воинской экипировки первой в мире «кочевой империи» (Яценко 1992а, с. 247, 250), а с рубежа нашей эры — золотые полихромные пряжки центральноазиатского облика с бирюзой (Яценко 2000а, с. 172). Сюжеты изображений на таких пряжках также зачастую следуют традициям, известным на территории Хунну (поединок двух драконов-лун: свх. Мясникяна, курган 3; тигр с рогами оленя: Кривая Лука VIII; терзание копытного двумя хищниками, один из которых или оба соответствуют «тарандру» по Л.С. Клейну: Запорожский и Покровка, курган 2; еж, терзающий змею: Новый, курган 70/5, и могила 1 в Косике). В это время известны экземпляры наборных поясов (ремень которых украшался рядом однотипных накладок); таков пояс с десятью серебряными бляшками в виде римской цифры X (крепились к ремню заклепками) из кургана 2/6 в Приозерном в Заволжье (Скрипкин 2003, с. 289–290; рис. 2, 10).

Для рубежа нашей эры следует особо отметить находки наборных поясов из могильника Новый в низовьях Дона. Один из них принадлежал юноше из кургана 70/5 в Новом (Власкин 1989, с. 32–34; Ильюков, Власкин 1992, с. 82; рис. 20, 7–9). Он был расшит рядом из 54 раковин каури (ранее подобная традиция бытовала в Южной Сибири: Добжанский 1990, табл. VII–VIII; Яценко 1999, с. 165), а наконечник пояса с округлым торцом украшен штампованным растительным орнаментом. У молодого мужчины из кургана 84/2 одна пластина была деревянной, другая — железной, а на ремне крепилось 20 бронзовых заклепок с полусферической головкой (Ильюков, Власкин 1992, с. 102).

В следующий период 3 мы наблюдаем уже весьма сложно оформленные наборные пояса. В Первомайском VII украшения пояса изготовлены на медной основе и украшены рядами полуovalов или «бегущей спирали» со вставками эмали. Здесь парные пластины имеют каплевидную форму. Особенно интересны наборные накладки основного ремня: это чередующиеся через одну пластины с головкой в форме вертикальной полоски и круга (Симоненко, Лобай 1991, рис. 27, 3) (рис. 106). Такое сочетание характерно для синхронных комплексов юэчжей/кушан Бактрии (The Crossroads 1992, 167, 169–170, 194; Yatsenko 2001, pl. 12, № 76).

Два мужских комплекса середины — второй половины I в. н.э. демонстрируют, на мой взгляд, при всех региональных отличиях, достаточно стереотипные представления о комплекте украшений для пары поясов — «парадного» и портупейного. Это могилы в разных концах Сарматии: № 1 в Косике под Астраханью и № 1 в Порогах на границе Украины и Молдовы. В первом случае пояс был нарушен строителями и известен в виде россыпи украшений. В Порогах же весьма скромный, носившийся на талии выше портупейного «парадный» пояс из красной кожи соединялся на животе парными золотыми пластинами с изображением борьбы двух драконов (железо с золотой плакировкой). На свисающих ремнях крепились четыре прямоугольные пластинки с фамильным знаком-тамгой хозяина. Нижний портупейный пояс из зеленой кожи застегнут золотыми с имитацией бирюзы парными пряжками с изображением бога — «Хозяина зверей» (Симоненко, Лобай 1991, с. 149; Симоненко 1992, рис. 8–12; 27, 1–2). На ремне крепились также две бляшки в форме бутона лотоса (от них спускались дополнительные ремни с золотым наконечником, имеющим овальный торцевой конец и украшенным вставками эмали; древнейший пояс с дополнительными ремнями реконструируется К.В. Чугуновым для VII в. до н.э. в Аржане 2 в Туве) и кольцо для подвешивания оружия.

Однако тот же набор элементов обнаруживаем в составе двух смешанных и неполных наборов в Косике, нарушенных строителями (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, табл. 11, 19–20; Fedorov-Davydov 1991, pl. 29–35). Действительно, здесь имеются и золоченая пряжка со сценой терзания (сова и мелкий зверек), и пара пластин с антропоморфными изображениями (личина) из золота и серебра, два кольца и наколочник свисающего ремня с овальным торцевым концом и эмалевыми вставками, две золотые пластинки в форме стилизованного трилистника (не опубликованы). При этом в целом набор косикских поясов гораздо разнообразнее за счет множества разнотипных наконечников и мелких бляшек-накладок (часть из них не опубликована).

Иногда пояса I в. н.э. пытаются реконструировать по набору украшений из разрушенных могил. Такие реконструкции, к сожалению, весьма произвольны и не находят соответствия в реальных сарматских материалах (ср. погребение 1913 г. из Ольвии, где найдены ромбовидные бляшки двух видов, в том числе со вставками из граната и зеленого стекла, которые Р. Загн считал нашитыми рядами на поясе: Treister 2003b, fig. 4–5).

Портупейный поясик шириной всего 3 см из Молдовы (Казаклия, курган 10: Агульников, Бубулич 1999, с. 12; рис. 3, 1) был сделан из сложенного вдвое ремня, который на месте сгиба (снаружи) и вдоль краев был прошит для прочности и красоты рядами плоской бронзовой и серебряной проволоки и скреплен несколькими вертикальными металлическими полосками с заклепками.

Сюжеты парадных пластин мужских поясов периода 3 весьма разнообразны, среди них встречаются и варваризованные греческие (сфинкс в Барановке: Яценко 1992, табл. 7, 9; грифон в могиле из Ольвии 1913 г.: Treister 2003b, fig. 4), но еще больше оригинальных, свойственных только Сарматии этого времени.

У рядовых мужчин периода 3 на территории Боспора встречаются образцы поясов, явно повязывавшихся сзади, а спереди расшитых украшениями полукольцом в один ряд. Так, у мальчика из могилы 79 в Танаисе это были медные позолоченные полусферические бляшки диаметром всего 1,5 мм, а у мужчины 45 лет из могилы 101/3 в Золотом — ряд из 209 бусин (Корпусова 1983, с. 106).

Пояса мужчин периода 4 оформлены гораздо скромнее. Во времена господства племен позднесарматской археологической культуры золото было, за редким исключением, заменено серебром. В это время от аланов нижнего Дона в Степи распространяется стандартная экипировка дружинников, включавшая в себя комплект серебряных пряжек и наконечников, пояса с гранеными (фацетированными) краями, подражавшие римским образцам (Безуглов 1997, с. 137–138). Эти пояса уже не сопровождаются зоо- и антропоморфными изображениями²²⁵. Сегодня смена облика поясной гарнитуры может быть во многих случаях выявлена с точностью до четверти столетия (Малашев 2000, рис. 1–2).

Пояса рядовых аланских мужчин-воинов периода 4 с бронзовыми (или низкопробными серебряными) деталями неплохо сохранились в кургане 10 в Танаисе, несмотря на частичное ограбление могил 31 и 33 (Чалый 1977, с. 7–8, 10–11; рис. 13, 20) (музей «Танаис», инв. № 50/12–50 и ряд вещей без номеров) (рис. 107). В последней пояс, сделанный из толстой кожи, имел ширину 7 см; его края для меньшего износа обшиты узкой полоской кожи. На одном конце нашивался треугольный кусок кожи с двумя отверстиями для продеваемых шнурков; эти отверстия для прочности окаймляла бронзовая пластина в форме буквы «Н»²²⁶. Дополнительные свисающие ремни шириной около 2 см были кольцевыми в сечении, края их сшивались с тыльной стороны. К краям штифтами-заклепками крепились бронзовые наконечники и кольца. В могиле 31 система накладок и наконечников на боковых ремнях пояса, а также обшивка краев полоской кожи сходны с предыдущим образцом. Здесь ширина основного ремня — 5,1 см. Один его край укреплен кожаной накладкой-язычком подтреугольной формы длиной 6,8 см, служившей утолщением ремня и одновременно его украшением, в отверстие которой крепилась штифтами небольшая бронзовая пряжка. С тыльной стороны ремня она была соединена с деревянной овальной пуговицей длиной 1,7 см, петля для нее была укреплена изнутри бронзовым стерженьком. Другой конец пояса также имел кожаную накладку полуовальной формы длиной 7,5 см. Пояс и обе накладки были укреплены бронзовым штифтом. «На месте изгиба пояса» находилась пара однотипных, соединенных заклепкой узких бронзовых пластинок (4,5×0,5 см). Снаружи на ремне была нашита бусинка из синего прозрачного стекла.

Аналогичные пояса представлены и на изображениях мужчин. Два всадника (связанные с позднесарматской культурой: Яценко 2004а) в основной композиции «склепа 1872 г.» в Пантикапее имеют довольно

²²⁵ Лишь в гуннское время, на рубеже IV–V вв. на пряжке из Октябрьского в Осетии видим изображение фаллического божества, свернувшегося в кольцо змея и летящей птицы. Эта сцена имеет параллели в алано-осетинском «нартском» эпосе (Яценко 1992, с. 200; рис. 7, 8).

²²⁶ Согласно любезной консультации И.В. Толочко 22.03.2001, медная накладка с фамильной тамгой, найденная в грунтовой могиле 98, оказалась не атрибутом пояса (как полагал Д.Б. Шелов), а окантовкой деревянной чаши.

широкие (5–7 см) пояса. У предводителя он крепится на животе: виден один из его сходящихся прямоугольных концов (Ростовцев 1913, табл. XXIX).

Вероятно, к мужским тканым поясам-кушакам периодов 4 и 5 в ряде случаев относились и единичные фибулы, найденные справа или слева у таза (Агаповский, курган 6: Сальников 1950, с. 119; Красноселье, курган Е-24: Синицын 1946, с. 90). В более раннее время мы встречаем у таза костяную булавку (подросток из кургана 12/23 в Калиновке: Шилов 1959, с. 365). Однако подобные застежки могли входить и в содержимое подвешенного к поясу мешочка.

В период 5, в IV в. среди степной аланской знати распространяются полихромные пояса в так называемом «сердоликовом стиле» без ременных накладок и наконечников. Пряжки к ним, как показало наше недавнее исследование, производились в Пантикапее: эти золоченые экземпляры имеют овальный щиток с бронзовой или серебряной основой и украшены вставками сердоликов (Яценко, Малашев 2000, каталог, № 29–32). Завершается развитие поясного декора появлением на нижнем Дону с середины IV в. пряжек в новом, полихромном стиле «клуазонне», для которого характерны тонкие вставки пилёного граната на золотом фоне. Некоторые элементы этого стиля, судя по новым данным О.Б. Шарова, генетически связаны со «свободными» германцами II–III вв., чьи заказы затем, на рубеже III–IV вв., выполнялись ювелирами в римском пограничье нижнего Дуная и Крыма.

Женские пояса

В могилах сохранялись, видимо, парадные пояса (так как умерших по алано-осетинской традиции полагалось хоронить в лучших одеждах: см. главу 4.3). Судя по всему, они обычно представляли собой матерчатые кушачки (остатки тканей иногда сохраняются на украшавших их металлических пластинах). Видимо, пояса повязывались сзади (украшения обычно располагаются полукольею спереди) в противоположность мужской манере. В периоды 4–5 появляется также крепление поясов на животе парными застежками и обычной для мужчин серебряной пряжкой. Обшивка пояса спереди полукольею в могилах обычно представляет собой ряд бисера или бус, перекрывающих верхний край таза. Подобные случаи в Сарматии периодов 3–4 известны в могильниках Юго-Западного Крыма (Бельбек IV, могилы 159 и 161: Гущина 1976, с. 2–3; Заветное, могила 7: Богданова 1956, с. 4; в Золотой Балке (могила 94/1: Вязьмитина 1972: 86) и на нижнем Дону (Мило-Яковлевка, могила 121: Максименко 1973²²⁷).

Во все периоды к женскому поясу подвешивались один-два кожаных мешочка с различными мелочами («карманы»), чтобы постоянно были «под рукой». Возможно, в таких мешочках хранились и запасные фибулы для костюма, так как иногда их находят по одному экземпляру (в единичных случаях — по два) у таза, чаще — слева от позвоночника (срав. в Кобяково, в женской могиле слева — погребение 26/1984 г.: Гугуев 1985; в мужской могиле — справа вместе с железной пряжкой — погребение 14/1960 г.: Капошина 1961, табл. LXXIX)²²⁸. В состав предметов из мешочка в могиле 44 в Скалистом входили три однотипные фибулы и множество иных предметов (Богданова 1965, с. 35). Однако одиночная фибула могла не находиться в мешочке, а скреплять края пояса, как это зафиксировано у восточных соседей сарматов — племен нижней Сырдарьи (см.: Левина 1996, с. 221).

К сожалению, материал тканых кушачков специально не анализировался текстильщиками-материаловедами. В кургане У-8 у Каменки (Нижнее Поволжье, период 4) он был сшит из грубой шерстяной ткани (Синицын 1946, с. 79), а в могиле у ОПХ «Рассвет» (Прикубанье, период 2) — из какой-то тонкой ткани, окрашенной в пурпур (Волкодав 1983).

В комплексах рубежа нашей эры и периода 3 у сираков Кубани пояса сопровождаются с обоих боков оригинальными подвесками. Так, у пожилой «жрицы» из могилы 10 у хут. Песчаного на поясок, крепившийся высоко под грудью, по бокам были нашиты по пять крупных полых биконических бусин, из отверстий которых, вероятно, свисала бахрома; см. нашу реконструкцию: Ждановский 1990, рис. 35) (рис. 97). В Большом Армавирском кургане у воительницы с одного бока подвешивалась свинцовая фигурка женщины в позе роженицы, с другого — голова медведя (?) (Гущина, Засецкая 1989, табл. X, 88а, г). В кургане 18 у Тифлисской к поясу на животе прикреплялись две бронзовые скульптурки птиц, выломанные из римской посуды, а у сарматов Венгрии женский пояс иногда представлял собой кушак, на длинном, свиса-

²²⁷ К сожалению, на чертеже в альбоме к отчету этот факт практически не документирован.

²²⁸ Комплексы периода 3: Аккермень, курган V (Вязьмитина 1960, с. 86); Верхнее Погромное, курганы 1/11 и 2/3 (Шилов 1975, с. 47–48, 50); Бельбек IV, могила 176 (Гущина, 1976, с. 8). Комплексы периода 4: Танаис, курган 19/2; Озерное, могила 53–54 (Лобода, 1969, рис. 14а, 16а); Скалистое, могила 40 — две фибулы (Богданова, 1965, табл. 76).

ющем ниже колен конце которого нашивались короткие горизонтальные низки разнотипных бус (там же, № 293; Istvánovits, Kulcsár 2001, fig. 2, 4; fig. 3, 2).

К тканым кушкам рубежа нашей эры и периода 3 относятся, видимо, накладные пластины в форме удлинённого прямоугольника с тисненым зооморфным изображением. В ОПХ «Рассвет» такую золотую пластину украшает копытное с птичьим клювом, размещенное в виде буквы «S» (Raev 1997, fig. 11), а в кургане 12/1 у Сладковки плохо сохранившееся изображение на распавшейся серебряной пластине было инкрустировано стеклянными вставками, имитировавшими самоцветы (Максименко 1979, с. 16, табл. XXVIII).

В самых богатых из сохранившихся могил аристократок периода 3 (Соколова Могила, курган 10 в Кобяково, могила 2 в Порогах и др.) какие-либо следы поясов отсутствуют. Это можно понимать и как их отсутствие вообще, и как символическое удаление в связи с похоронами. В некоторых могилах аристократок среднего ранга этого времени пояса обшивались тремя рядами золотых бляшек. В кургане 14 в Сладковке центральный ряд образовывали шестилепестковые розетки, обрамленные двумя рядами трубочек-пронизок (там же, с. 22, табл. XLV) (рис. 104), а в могиле 93 в Заветном (Богданова 1957, с. 19; рис. 37–38) ряды состояли из трубочек и бляшек в форме крестов и треугольников.

В период 4 в рядовых могилах узкие пояски украшались рядом бронзовых пронизок. Так, упомянутый матерчатый пояс из кургана Е-8 в Каменке украшался спиралями в 2,5 оборота, а в кургане 12 в Королях (Мамонтов 1970, с. 17; рис. 19, 15) — крупными бронзовыми бусами, нанизанными на кожаную ленту (на животе пояс украшали два бронзовых же нашивных диска). В разные периоды в женских могилах встречаются вероятные украшения поясов в виде треугольных бляшек с такой же трехгранной вставкой из цветного стекла или камня (Новый, курган 12/4 периода 2: Ильюков, Власкин 1992: 38; рис. 4, 24; хут. Октябрьский гуннского времени: Абрамова 1975).

Обувь

В погребениях обнаружена обувь из различных материалов. Обычно это тонкая неокрашенная кожа. Однако у знатных женщин мы встречаем и другие варианты. Это могли быть туфли фиолетового (пурпурного?) цвета, от которого сохранился тлен (период 2: Криволиманский I, курган 16/9: Ильюков, Власкин 1992, с. 153); туфли, сплошь затканые золотыми нитями и сшитые, вероятно, из ткани (период 3, Свато-Лучка: Трефилев 1905, с. 138); низкие войлочные сапожки, расшитые рядами разноцветного бисера (период 4: Высочино V, курган 18: Беспалый 1986, с. 47; 2000, рис. 2, 17); в период 4 — высокие сапоги из тонкой красной кожи (Танаис, курганы 10/41 и 22/4: Чалый 1978, с. 19, 23; рис. 44, 50) (рис. 100).

Обувь известна как цельнокроеная, так и двухчастная. Так, в период 2 у юноши из кургана 5/12 в Койсуге (раскопки В.Е. Максименко 1968 г.) были надеты цельнокроеные полусапожки²²⁹, сшитые, по данным В.Е. Максименко, у задников и носков выворотным швом. В кургане 22/8 в Танаисе (период 4) у мальчика сохранилась передняя часть цельнокроеных полусапожек из тонкой, прекрасно выделанной кожи, сшитых спереди строчным швом²³⁰. Поршни взрослого мужчины из сырмятной кожи периода 5 обнаружены в склепе 3/3 в Килен-балке под Севастополем (реконструкция их предоставлена в августе 1998 г. Т.Н. Крупой) (рис. 109).

Двухчастная обувь хорошо документируется находками низких туфелек девочек периода 3 из тонкой кожи: Танаис, могила 68 (Шелов 1961, с. 30; табл. XXXIX, 4; в экспозиции музея «Танаис»); Харьковка, курган III-16 в Поволжье (ГИМ, инв. № 58 702, были в старой экспозиции зала № 5). В обоих комплексах лучше сохранилась их передняя часть. Подошва кроилась отдельно; вторая деталь туфеля имела в центре полуовальный вырез. Носок присборен. Обе пары туфель были сшиты нитками швом «через край», для которого характерны редкие проколы и фасеточная деформация края деталей (Оятева 1973, с. 107). Верхний край туфеля в Харьковке был для прочности обшит также швом «через край» узкой полоской кожи.

У обоих полов известны три типа обуви: туфли, полусапожки и с периода 4 — высокие сапоги.

Туфли

²²⁹ В альбоме к отчету (Максименко 1969) этот сапожок не представлен. Описание его предоставлено мне В.Е. Максименко в 1979 г.

²³⁰ В фондах музея «Танаис» меня любезно познакомила с этим предметом Л.Н. Гречанова в 1982 г. К сожалению, инвентарный номер находки установить так и не удалось.

Бытовали во все периоды. На фаларе периода 2 из Кривой Луки IX видим туфли с необычайно длинными острыми носками; они скреплены лентой с концами, свисающими по бокам обуви (Яценко 2000д, рис. 2, 1). У «конного Палака» на рельефе из Неаполя туфли имеют очень длинные носки с округлым утолщением на конце (рис. 84, 37a)²³¹. Сходные туфли, украшения носков которых (круглые золотые бляшки) далеко заходят за концы пальцев ног, видимо, носились женщиной из могилы 15 в Косике (чертеж из личного архива В.В. Дворниченко). Подобные длинные носки не известны после рубежа нашей эры.

Для периода 3 характерны туфли с овальными носами (см. выше: девочка из Харьковки). Они изображены у юношей-сарматов в начале II в. н.э. на колонне Траяна (Cichorius, I 1896, Taf. XXXVII) (рис. 85, 35). (Туфли с такими носами дожили до второй половины IV в. лишь в степях Венгрии, где с I в. н.э. изолированно обитали сарматы-языги — медальон 358 г. из Верховни [Яценко 1993 г; Гороховский, Корниенко 1993, рис. 1]. Здесь их вырез повязан по верхнему краю лентой с низко свисающими концами.) У женщин одна пара таких туфель (Комсомольский, могила 2) в это время украшалась спереди веером из рядов по две золотые спиральные нити вдоль каждого пальца; между ними нашивался сходными рядами голубой бисер. При этом до края пальцев вышивка не доходила (Дворниченко, Плахов, Сергацков 2002, с. 226).

Остроносые туфли в периоды 4–5 и у аланов гуннского времени в ряде случаев известны в женских могилах; обычно лучше сохраняется передняя их часть (Богодар, где они сшиты тонким ремешком: ОАК за 1891г., с. 86; Танаис, могила 15/1984 г., где они сшиты из толстой дубленой кожи: вещь и ее характеристика предоставлены Л.Н. Гречановой в 1985 г.). В период 4 они в некоторых случаях имеют загнутые внутрь носки (женские: Усатово, курган F-16: Сеницын 1947, 51; рис. 26; мужские — терракота из Гор-гиппии: Алексеева 1987).

Полусапожки

Известны во все периоды. В некрополе Неаполя Скифского найден лепной сосуд периода 2 в форме полусапожка (Махнева, Колтухов 1979, с. 366). Представление о такой обуви дает и сосуд-сапожок черняховской культуры из Каборги IV (период 5), где лощеными линиями переданы стягивающие обувь ремни и прорези на носке (Магомедов 1979, с. 35; табл. VIII, 12). Судя по росписям склепов II в. н.э. в Пантикапее, в такую обувь заправлялись штаны (Ростовцев 1913, табл. LXIV, LXXIII, LXXVIII–XXIX, LXXXI). На известных изображениях полусапожки имеют округлые носы; но некоторые находки из мужских погребений документируют и другие формы. Так, в одном из курганов 1983 г. из Кобяково на носках были нашиты треугольные пластинки из луба, что, видимо, соответствует форме носов. Каменная модель остроносого же *левого* полусапожка была подвешена слева на поясе у женщины периода 3 и в кургане 4/1 Булановского могильника в Приуралье (Халяпин, Моргунова 2005, с. 128; рис. 9, 1). У князя периода 2 из могилы 45 в Косике (чертеж из архива В.В. Дворниченко) носы были очень длинные и при этом прямоугольные: их украшали четыре продольных ряда золотых бляшек разных типов (кружки, полусферы, низкие цилиндры и трубочки). Удлиненные носы видим также у всадника (главного героя) греко-сарматской росписи «склепа Анфестерия» в Пантикапее первой трети I в. н.э. (Ростовцев 1913, табл. LI, 6).

В большинстве случаев полусапожки крепились у лодыжек ремешком, свисающие концы которого у обоих полов часто имели по одному «наконечнику» в виде бусины или бронзовой пронизки²³². На ритоне из Мерджан (период 2) видно, что оба ремешка не завязаны и свисают; они пришиты в одной точке на внешней стороне лодыжек. Иногда такая обувь крепилась у верхнего края довольно широким ремешком с пряжкой (персонаж на гривне из кургана 10 в Кобяково, период 3) (рис. 85, 29; 89, 1). У мужчин полусапожки в ряде случаев крепились сверху кожаным обручем. Такой витой обруч найден в могиле периода 3 (Тифлисская, курган 15/1902 г.: Веселовский 1903, с. 145). У «поздних скифов» Крыма в период 2 также известна в одном случае кожаная лента с тисненным орнаментом (ниже подъема стопы эта обувь умершего скреплялась бронзовыми многовитковыми браслетами: Высотская 1968, с. 113). Сходный обруч документирован уже

на ранних сарматских изображениях периодов 1–2 на Кубани (ритоны из Мерджан и «кубанский» 1889 г.).

²³¹ Этих утолщений, к сожалению, не видно в прорисовке Ю.П. Зайцева (Зайцев 2003, рис. 47, 2), но они хорошо заметны на подлиннике и на его фото.

²³² Например, по одной крупной стеклянной бусине (Красноселье, курган E-14: Сеницын 1947, с. 80) или стеклянной пронизке (Танаис, могила 207: Алексеева 1975, с. 10), по одной бронзовой пронизке (Танаис, могила 46: Шелов 1961, с. 27; Боканский, могила 6: Федоров 1956, с. 53), по одной разнотипной бусине из горного хрусталя (Красногоровский III, курган 18/1: Гудименко 1990, с. 10, рис. 1, 7–8).

У мужчин периода 3 встречены следы крепления обуви ремнем не только над лодыжкой, но и под сводом стопы. Обрывки двух скрещенных узких ремешков, скрепленных бронзовыми обоймами, найдены в I Чертовицком могильнике, курган 27/7 (Медведев 1980, с. 24; рис. 81). Такие ремни скрепляли и найденные у хут. Царев золотые пряжки в виде удлинённых овалов с изображением лежащей львицы (Сергацков 1989, с. 237, 239–240; рис. 2, 5). В станице Воздвиженской у подъема стопы с тыльной стороны найдены две очень крупные дисковидные серебряные бляхи с изображением козла, терзаемого многоголовой змеей. Часто их без детальной аргументации считают фаларами конской узды (Mordvinceva 2001, Taf. 47, № 85), однако их специфическое размещение при костяке этому противоречит; аналогии такому размещению блях известны на обуви бактрийских юэжчей (Раев, Яценко 1993, с. 114). У сарматов Венгрии периодов 4–5 пряжки соединяли ремнем с заклепкой с помощью размещенной сбоку длинной прямоугольной пластины (Vaday 1989, S. 300–301; Abb. 8–9).

Декор полусапожек иногда идентичен у знати обоих полов. Например, украшение голенищ рядом свитых из серебряной фольги полосок в виде буквы «Х» известно на пороге нашей эры как у мужчины (хут. Бойко-Понура, погребение 3/1: Анфимов 1987, с. 186²³³), так и у женщины-воительницы (Калиновка, курган 55/8: Шилов 1959, с. 403–404)²³⁴. В период 4 украшение голенищ бляшками двух типов — в виде стилизованной головы барана (?) и полусферических (по 45–55 экз.) — выявлено и у мужчины в Западном Казахстане (Лебедевка V, курган 23/1: Железчиков 1979, с. 15; рис. 44), и у женщины в Крыму; в последнем случае бляшки каждого типа явно были нашиты отдельными горизонтальными рядами (Заветное, могила 182: Богданова 1961, с. 28; табл. 65, 14).

Большой интерес представляет обувь пожилой «жрицы» с золотыми украшениями конца I в. до н.э. из Песчаного на Кубани (см. нашу реконструкцию: рис. 97). Здесь на носках нашивалось по одной бляшке в форме креста и несколько — в форме «Y». На каждой ноге вокруг лодыжек свисало 28 золотых спиральных нитей и крепилось по 4 золотые витые цепочки с бубенчиками на каждой. Шнуровка обуви украшалась тремя проволоками с петельками на концах. Петельки цеплялись за шесть миниатюрных (0,6×0,55 см) золотых фигурок лошадок (каждая из них держит во рту бубенчик) (рис. 108). Набор из шести лошадок — вероятных застежек для обуви — известен в синхронной женской могиле хунну в Монголии (Сосновский 1946, с. 65). В целом же группе кубанских погребений, к которой относится Песчаный, свойственно обилие центральноазиатских элементов (Раев, Яценко 1993, с. 112–116). Магические браслеты на ногах с восемью цепочками, подобные песчанинским, еще недавно сохранялись в детском костюме туркмен, этногенез которых связан с аланами (ср.: Васильева 1986, с. 185, 187).

В период 3 декор голенищ женских сапожек даже у знати чаще состоял из бус и пронизок. Так, в кургане 10 в Кобяково (чертеж и описание из личного архива В.К. Гугуева) голенище украшали пять нашитых горизонтальных рядов бисера (сверху вниз: 1 — красный; 1 — синий; 3 — прозрачных). В другом случае вдоль лодыжек был нашит горизонтальный ряд прямоугольных пластинок из гагата с отверстиями (Бережновка III, курган 57/1: Сеницын 1960, с. 57–58; рис. 21, 3). В могильнике Тузлуки на голенищах спереди нашивались фигуры в форме цифры «8» из бус с внутренней позолотой высотой 10 см (курган 10/1: Беспалый 1981).

Особенностью женской обуви периодов 2 и 3 было украшение носков. В Калиновке (курган 55/8) декор их представлял два треугольника (на каждом нашито по 17 золотых полусферических бляшек). Такие же бляшки украшали носки обуви в Соколовой Могиле, но их много больше (156 экз.), так как они нашивались и выше, образуя вертикальную линию вдоль шва до верхнего края. В Мавзолее Неаполя Скифского (ящик VII/58) носок украшало всего по три-четыре крупные бляшки (Зайцев 1995а, рис. 91). В более скромных могилах на носке нашивался треугольник из однотипных бус (Заветное, могила 7: Богданова 1956, с. 4, рис. 6).

В периоды 4–5 украшались только голенища детских полусапожек; в Танаисе в середине II — середине III в. чаще горизонтальными рядами зеленого бисера (могила 254: Арсеньева 1977, с. 71–72; могила 278: Чалый 1975, с. 10; рис. 40). Судя по другой находке на Нижней Волге, такие ряды бисера нанизывались на тонкие ремешки (Бородаевка, курган F 6/5: Сеницын 1947, с. 40). Войлочная обувь у аристократки из Высочино V (курган 81/1: Беспалый 1986, с. 46) обшивалась восемью плотными рядами²³⁵. Для грунтовых могильников степей Одесчины периода 5 специфичны женские полусапожки и высокие сапоги, украшенные примерно 2000 бисерин пяти различных ярких цветов (Боканский, могила 5: Федоров 1956,

²³³ Отчет Л.А. Хачатуровой о раскопках 1972 г. в Институт археологии РАН не поступил.

²³⁴ За голенище у женщины был заткнут боевой нож. Еще одна находка таких пластин периода 3 сделана А.Е. Пуздровским в августе 2001 г. у мужчины в одном из склепов Усть-Альминского могильника.

²³⁵ Верхний ряд составляли золотые полусферические бляшки, ниже располагались 7 рядов бус (сверху вниз: 1 — призматические зеленые пронизы; 2 — желтый рубленый бисер; 1 — бусы с внутренней позолотой; 2 — красный рубленый бисер; 1 — синие бусы).

с. 53; Криничное, могила 6: Федоров 1969, с. 250–251). Очень велико количество бисера на голенищах и в одном из комплексов Танаиса (курган 10/23: Чалый 1976, с. 15).

Высокие сапоги

Сапоги до колен документируются у сарматов с середины II в. н.э., после новой волны миграций из Центральной Азии²³⁶; ранее они бытовали у древних бактрийцев, ареев и арахотов (Горелик 1997, с. 15, 18) и у выходцев из Средней Азии — архаических скифов (Яценко 2000, с. 27). Изображения таких сапог с магическими целями нанесены в период 4 на стене одного из общественных зданий Неаполя Скифского (Дашевская 1962, с. 183; рис. 12, 1). Наиболее детальное изображение представлено на посвятителном рельефе второй половины II в. н.э. наместника города Трифона из Танаиса, который экспонируется в Гос. Эрмитаже (Соколов 1973, № 162). Видно, что верхний край обрезан ровно, они имеют округлые носки и стянуты двумя ремнями вокруг лодыжки и у верхнего края. Ремень в одном случае декорирован тремя серповидными полосками серебряной фольги (Кантемировка, могила 1: Рудинский 1931, с. 139). В том же Танаисе периода 4 наиболее эффектны сапоги девочек-подростков. Так, в кургане 10/23 (Чалый 1976, с. 14, рис. 22, 96) ремни по верхнему краю скреплялись серебряными пряжками, а у подъема стопы их украшали два разнотипных бронзовых колокольчика. Голенища были расшиты в три яруса пятью рядами зеленого бисера. В кургане 22/4 (Чалый 1978, с. 23; рис. 44) сапожки из тонкой красной кожи имели острые носки (фонды музея «Танаис», инв. № 53/67), ремни у подъема стопы крепились золотыми пряжками²³⁷. В раскопанном неподалеку могильнике Кобяково в ограбленных богатых катакомбах иногда сохраняется один ряд расшивки голенищ: могила 27 — редко нашитые бусы пяти цветов; могила 38 — один ряд белого и бирюзового бисера, пронизок из бронзы (чертежи 1985 г. из личного архива В.К. Гугуева). Голенища женских сапог иногда расшивались в один ряд и в Танаисе (могила 154: Арсеньева 1977, с. 91–92). Наиболее богат декор женских сапожек III в. из Одесчины (Криничное, могила 5: Федоров 1956, с. 53). Носки и голенища были расшиты примерно 2000 бисерин шести цветов и бусами из сердолика и шифера. Там же (Дивизийский, курган 2: Субботин, Дзиговский 1990, II, рис. 2, 9–14) голенища украшались ажурными пластинками из перламутра. Интересно, что подобные богатые обшивки позднесарматского времени известны лишь в контактных зонах с римским миром, где бисер был дешевле и доступнее. Однако даже в названных могильниках (в частности, в Танаисе) большинство найденных высоких кожаных сапог не имеет никакого декора.

Ноговицы

Эта высокая всадническая обувь, крепившаяся лямками к поясу, не известна на изображениях Сарматии. Исключение — пленный алан на костяной пластине диптиха рубежа IV–V вв. из Гальберштадтского собора (Кузнецов 1992, рис. 16). Ноговицы здесь украшены спереди во всю длину вертикальной линией круглых бляшек (?)²³⁸.

Прически

Цвет волос документируется, к сожалению, на изображениях лишь со II в. н.э. По Аммиану, они были белокурые (Amm. Marc. Res gestae. XXXI. 2, 12–25). Во II в. рыжие волосы и усы с бородой имеет «варварский» предводитель на изображении в склепе 1872 г. из Пантикапея (Ростовцев 1913, табл. LXXVIII, 1). Натуральные локоны волнистых рыжих волос найдены в упоминавшейся могиле «гунна» в Поволжье (Шипово V, курган 3).

Волосы на изображениях обычно прямые. Курчавые короткие волосы представлены на единичных изображениях периода 3 (зеркало из Соколовой Могилы; кубок из Косики) (Яценко 1992в, табл. 3, 1; 6, 2)

²³⁶ Мнение В.А. Горончаровского о том, что такие сапоги изображены еще на рубеже нашей эры на надгробной стеле одного из предполагаемых вождей аспургиан — Матиана, сына Заидара, высеченной от имени царицы Динамии (Темрюкский музей) (Горончаровский 2000, с. 232; рис. 1), к сожалению, не подтверждается самой стелой (хорошо видно, что верхний край сапожек далеко не доходит до колен).

²³⁷ Мнение М.П. Абрамовой о том, что для сарматов периодов 3 и 4 не характерно использование пряжек для крепления обуви (с середины I в. н.э.) и даже пояса (Абрамова 1998, с. 225), сделано на скромном и непримечательном материале нескольких могильников двух соседних районов (периферийных для Сарматии этого времени) — Калмыкии и низовьев Волги, противоречит многочисленным известным фактам по Сарматии в целом и не может мною учитываться.

²³⁸ Такое же размещение декора (но из шаровидных бронзовых бубенчиков) известно позже у средневековых аланов (Змейская, катакомба 9, южный костяк: Кузнецов 1961, с. 79; рис. 11).

и на пряжке гуннского времени из Октябрьского в Осетии (Абрамова 1976). В различные периоды женщины Сарматии тщательно расчесывали волосы костяными гребнями, которые во многих случаях бывали импортными.

Мужские прически

Чаще всего на изображениях мы не встречаем очень длинных волос. Об аланах периода 3 сообщается, что их прически более короткие, чем у скифов (Лус. Тох., 51).

Тип 1. Короткая стрижка без пробора с выровненными высоко надо лбом волосами, зачесанными назад. Судя по изображениям, характерна для ранних периодов 1–2 (сосуд из Филипповки: Пшеничнюк 1989, рис. 8; Золотые олени 2002, фото на с. 24; ритон из Мерджан, рельеф из Юбилейного, фибула из Широкой Балки: Евдокимов, Куприй 1992, рис. 7, 5), также и для периода 3 (сарматские и боспорские юноши в «склепе Ашика» в Пантикапее) и периода 4 (надгробия из Рамазан-Салы в Крыму, навершие меча из Лебедевки VI: Яценко 1992, табл. 12, 3, 9; 13, 3; воины на стене «склепа 1872 г.»: Ростовцев 1913, табл. LXXXI, 2). У стоящего сзади всадника в пантикапейском «склепе Анфестерия» (первая треть I в. н.э.) такая прическа сопровождается острыми выступами у висков.

Тип 2. Короткая густая прическа с прямым пробором. Представлена на «кубанском» ритоне, купленном в 1889 г., фаларах из Галиче (периоды 1–2) (Яценко 2000д, рис. 1, 1) и в период 4 — на стене f 5 «склепа 1875 г.» в Пантикапее (Ростовцев 1913, табл. LXXIII).

Тип 3. Короткие, без пробора волосы, приподнятые валиком. Известны только в период 3 (гривна из Кобяково; кубок из Косики: рис. 88, 4; 89, 1).

Тип 4. Волосы, выровненные низко надо лбом и вокруг головы, закрывающие уши и тщательно расчесанные. Бытовала у лиц разных возрастов и в разное время (пластина из коллекции Ф.С. Романовича, предположительно период 2 (Яценко 1992, табл. 3, 3).

В период 3 на монетах Фарзоя второй половины I в. н.э.: волосы дополнительно подвиты по краю валиком (там же, табл. 14, 2). К этому времени относятся надгробие 1982 г. из Анапы I в. н.э. (экспонировалось в Институте археологии РАН) и голова статуи, найденной там же в 1990 г. и хранящейся в Анапском музее (волосы на макушке оформлены в виде маленькой вихревой свастики размером 6–7 см). В период 5 такую прическу носили юноша на инталее из Абхазии и пленник на диптихе из Гальберштадтского собора.

Тип 5. Очень длинные (ниже плеч) волосы, зачесаны назад. Видимо, такая прическа бытовала во все периоды. Представлена на «кубанском» ритоне 1889 г., у юношей-языгов на колонне Траяна (Cichorius 1896, Taf. XXXVII), на рельефе Трифона из Танаиса и у всадников из «склепа 1872 г.» в Пантикапее (Ростовцев 1913, табл. LXXIX). В письменных источниках I в. н.э. упоминаются языги, чьи волосы «не подстрижены ничьей рукой» (Ovid. Tristia, V, 7), и «нестриженные сарматы» (Seneca. Hercul. 533–546). Характерно само имя-прозвище периода 4 из Танаиса — «Стриженный» (греч. транскрипция — Ιρβιδος) (Абаев 1979, с. 285).

Тип 6. Иногда очень длинные волосы собирались в узел на затылке, который перетягивался у основания лентой. Возможно, на всех золотых изделиях такого рода изображен сходный мифоэпический персонаж (на бляшках женского покрывала рубежа IV–III вв. до н.э. из Новочеркасска (Яценко 2000д, рис. 3, 7); на золотых поясных пряжках периода 3 из Порогов и Кочковатки (Яценко 1992, табл. 6, 6, 8).

Тип 7. На изображении пленного царя дунайских лимигантов с медальона 358 г. в Верховне (период 5) волосы собраны сзади в четыре короткие косы с узелками или какими-то футлярчиками на концах.

Тип 8. На зеркале из Соколовой Могины (период 3) персонаж имеет две длинные узкие косы. Считать это изделие бактрийским импортом нет оснований, оно явно отражает местные реалии (Яценко 2000а, с. 179).

Тип 9. На черняховском изваянии периода 5 из с. Ставчаны у мужчины изображена сзади длинная коса (Вінокур 1972, с. 108; рис. 34). Многие авторы издавна стремились доказать праславянский или германский генезис таких памятников, однако сегодня вполне очевидны их иконографическая связь с более ранними сарматскими изваяниями разных районов Украины, отсутствие сходных изображений в более ранних памятниках соседних германцев и вероятных праславян и, наконец, значительная роль в южных районах многоплеменной черняховской культуры кочевых и оседлых аланов. Мужская прическа с одной косой бытовала и у средневековых аланов (см., например: Змейская, катакомба 15: Равдоникас 1972, с. 209).

Окладистые широкие бороды известны в период IV–I вв. до н.э. только на Кубани (ритоны: купленный в 1889 г. и экземпляр из Мерджан; пластина из коллекции Романовича). В других районах в это время изредка документируются узкие бороды (сосуд из Филипповки; узда из Балаклеи: Яценко 2000д, рис. 1, 5). Молодые мужчины безбороды. Последнее характерно и для периода 3. В это время бытовали бороды разнообразных фасонов: клинышком (бляшка-личина из Косики; стела 5 из Заветного: Яценко 1992, табл. 6, 5; 15, 3), широкие окладистые (гривна из Кобяково), узкие (зеркало из Соколовой Могилы). В позднесарматское время изображения бород редки: известны как узкие (меч из Лебедевки VI), так и густые окладистые (медальон из Верховни; диптих из Гальберштадта).

Усы

В период 2 они не пользовались популярностью, встречены лишь однажды и в сочетании с бородой (узды из Балаклеи). В период 3 они, напротив, носились довольно часто мужчинами разных возрастов; как правило, усы длинные, свисающие, изредка завиты вверх (зеркало из Соколовой Могилы). В Поволжье (Косики, Кочковатка) и у дунайских языгов (Cichorius 1896, I, Taf. XXXV) они носились и без бороды, а в позднесарматское время — обычно в сочетании с бородой (меч из Лебедевки, медальон из Верховни, инталья из Абхазии), за исключением узды, найденной в Ростове-на-Дону в 1983 г., где видим лишь усы (Яценко 1992, табл. 4, 5).

Женские прически

Тип 1. С периода 2 известны четыре длинных косы — по две с каждой стороны лица (на узде из Галиче; на фибуле из кургана 2 в Zubovskom: там же, табл. 8, 8; аланка на пластине из Гальберштадта).

Тип 2. В период 4 женщины иногда носили одну толстую косу, которая выявляется благодаря подвешенным к ней украшениям. Так, в одном богатом погребении (Валовый I, курган 9/1) к косе подвешивались через равные промежутки шесть крупных бусин (Беспалый 1988, рис. 123), в другом — два однотипных бронзовых колокольчика, лежавшие линией за черепом (Усатово, курган F-16: Сеницын 1947, с. 53; рис. 28, 4), что имеет аналогии у кушан Бактрии (Мандельштам 1966, с. 135).

Тип 3. Со II в. н.э. в районах, близких к античным центрам, в женских и детских могилах встречается у черепа (точнее — у темени) одиночная небольшая фибула, которая могла скалывать пучок волос (Скалистое, могила 22: Богданова 1965, табл. 39; Озерное II, могила 6: Лобода 1966; Танаис, курган 10/25: Чалый 1976, с. 16).

Тип 4. В могильнике Озерное II в Юго-Западном Крыму в периоды 3–4 известны находки у темени от 2 до 8 фибул (могилы 6, 8, 14: Лобода 1965, с. 11, 23; рис. 27а, 64; могила 64: Лобода 1970, с. 19). Подобная традиция ранее (еще в первой половине I в. н.э. известна на сельских поселениях Европейского Боспора (Золотое, могилы 42, 52/3: Корпусова 1983, с. 102, 104). Вероятно, фибулами скалывалось на затылке несколько небольших пучков волос.

Тип 5. В некрополе периодов 3–4 сельского поселения Семеновка на Европейском Боспоре в могиле 2 у черепа найдены 4 металлические шпильки (3 бронзовые и 1 серебряная), которые втыкались в узлы сложной прически (Кругликова 1969, с. 102). Обычно в погребениях женщин в кочевой Степи находят по одной шпильке из кости, бронзы или свинца, реже — серебра, скреплявшей прическу. Такова золотая булава рубежа нашей эры из Хатожукаевского, украшенная на головке зернью, с подвешенными на четырех витых цепочках дисками (Гущина, Засецкая 1989, табл. III, 54).

На отдельных изображениях аланов IV и начала V в. мы видим реальных аланских женщин, а не богинь. Пленница на пластине из Гальберштадта носит прическу с прямым пробором, волосы собраны на затылке в узел. Аланка Нина на инталье из Абхазии имеет короткие волнистые волосы также с прямым пробором (Турчанинов 1990, табл. XXIII).

В периоды 4–5 у обоих полов в разных социальных группах стали с детства деформировать череп с помощью особых повязок. Этот обычай был заимствован из Западного Туркестана.

Косметика

Во многих женских могилах разных периодов находят куски минеральной краски красного и (или) белого цветов в различных небольших емкостях — коробочках, ларцах, мешочках, раковинах речных моллюсков и просто кусками. Наиболее интересна находка в богатом кургане 3 периода 3 у с. Михайловка

под Одессой (Субботин, Дзиговский 1990, с. 20). С умершей был помещен деревянный ящичек (вероятно, античной работы) 10×16 см с шестью отделениями, в которых хранились мел и охра пяти цветов (желтый и четыре оттенка красного). Для растирания красок использовался свинцовый стерженек.

Начиная с периода 2 изредка в женских могилах лицо умершей по неизвестной нам причине окрашивалось толстым слоем минеральной краски (видимо, смешанной с жиром), которая позже пропитывала череп. Видимо, посмертная маска имитировала декор лица, делавшийся при жизни.

Как правило, использовались различные оттенки красного цвета²³⁹. Примеры подобного окрашивания этнографически зафиксированы в современных южнорусских степях: женщины в жару делают маски на лицо из бараньего жира, перетертого с мелом (Зуев 1996, с. 65); такая маска найдена и в кургане 11 в Сладковке (Максименко 1981, с. 5). В могиле 2 в Любовке над бровями нанесена коричневая краска, а на щеках — розовая (Радзівевська, Шрамко 1980, с. 103).

Вероятно, орнаменты краской наносились и на лица мужчин. Так, на сосуде из Филипповки видим по одному завитку на каждой щеке, которые обращены завитым концом друг к другу (Золотые олени 2001, с. 84; № 30а). Аналогичный знак (но развернутый в противоположную сторону) спустя девять веков нанесен синей краской у богини («Афины») на росписи в тохаристанском Дильберджине (Кругликова 1976, рис. 59).

Принципы, которыми руководствовались сарматы при окрашивании тела, известны благодаря античным источникам. Обычно краска изготовлялась из трав и использовалась женщинами для наиболее важных ритуалов и просто для красоты. Они намазывали краску друг другу на лице, а «у даков и сарматов даже мужчины разрисовывают себе тела» (Plin. NH. XXII, 2). Однако описанные выше случаи с минеральными красками — явление другого порядка.

Женщины часто выщипывали себе брови бронзовыми щипчиками. Использовались, видимо, и римские «духи» и душистые травы. Например, в кургане 2/1 Чугуно-Крепинки в золотом флакончике с крышкой помещалась сильно пахнущая до сих пор кашка из размельченных трав.

Татуировка

Она была широко распространена. Ее наносили уже новорожденным младенцам (Sext Empir. Pirron. III, 202). К сожалению, остатки татуировки не сохраняются в могилах, а на изображениях известны лишь на щеках мужских мифологических персонажей IV–II вв. до н.э. На узде из Балаклеи на каждой щеке — по три параллельных горизонтальных линии²⁴⁰. Последний вариант известен у кочевников предшествовавшей скифской эпохи — на фигурке всадника из Сибирской коллекции с Алтая (Schiltz 1994, p. 247, fig. 181) и на перстне из кургана Иссык в Семиречье (Акишев 1983, рис. на с. 103). Вместе с тем возможно, что в ряде случаев сходный декор лица был не татуировкой, а раскраской, как это можно судить, например, по росписи лица мужчины-«сака» эпохи эллинизма в Субеши (Синьцзян) (Pichangdaki Supechi ügümк 1994, s. 49).

Использование фибул в костюме

Фибулы (см.: Амброз, 1966) начали распространяться у кочевников Сарматии со второй половины II в. до н.э. (образцы так называемой среднелатенской схемы) и стали по-настоящему популярными с рубежа нашей эры. Количество фибул, используемых в костюме, во многом зависело от близости к греко-римским городам и от этнических стереотипов. Так, у «поздних скифов» Крыма одна фибула встречена в среднем на пять-шесть костяков, а у полуварварского сельского населения Европейского Боспора (Ново-Отрадное) — на два костяка (Михлин 1980, с. 210).

В наиболее варваризованном боспорском городе Танаисе местное производство фибул было налажено не позже 30-х годов I в. н.э. (Толочко 2003, с. 249). Популярность фибул здесь не была постоянной. Так, в грунтовом некрополе (раскопки 1955–1974 гг.), по моим подсчетам, в период 2 фибулы найдены у двух третей умерших, а в период 4 — у одной трети. В глубине степи, в частности в Поволжье, популярность фибул в период 4, напротив, была максимальной (Скрипкин 1977, с. 100).

Сравнение Танаиса с соседним крупным меото-сарматским городищем Кобяково в периоды 3 и 4 показывает, что в Кобяково господствуют фибулы из латуни, в то время как в Танаисе много и железных. В Кобяково фибулы у детей встречаются чаще.

²³⁹ «Красный» (Бишунгарово, курган 19/1: Пшеничнюк 1983, с. 3), алый (Селимовка: Городцов 1905, с. 210), лилово-розовый (Семеновка, могила 2: Кругликова 1969, с. 102). Подобный обычай известен и у европейских скифов; предполагается, что краска смешивалась с жиром (Ильинская 1968, с. 150).

²⁴⁰ У кельтов I в. до н.э. также известно изображение лиц с тремя однотипными элементами на каждой щеке, в данном случае — с тремя кружками, с точкой внутри каждого (монеты племени кориосолитов: Magaw, Megaw 2001, fig. 302).

В большинстве случаев фибулы отмечены у женщин, и наиболее распространенное их положение у сарматов и сарматизованных соседей — у левой ключицы, острием к плечу и головкой вниз, что связано с застегиванием разреза ворота платья с левой стороны. Это неоднократно отмечалось для крупных могильников разных регионов: Поволжья (Суслы: Рыков 1925а, с. 95), Кубани (Старокорсунская: Кондрашов 1987, с. 4), Северо-Западного Крыма (Беляус: Михлин 1980, с. 193, примеч. 1).

Наряду с импортными дорогими фибулами-брошами у сираков Кубани на рубеже нашей эры использовались сделанные на заказ греческими мастерами золотые/серебряные фигурные зоо- и антропоморфные фибулы. Часть фибул украшалась зернью и имела щиток с изображением в «зверином стиле»²⁴¹. На Украине в периоды 2–3 известны фибулы, на щитке которых представлены сарматские мифологические персонажи в могилах 81 и 101 Бельбека IV в Крыму (Гущина 1978, рис. 2, 3; 3, 4), где изображена богиня с необычно длинными волосами и большим листом дерева в руках; последнюю можно сопоставить с алано-осетинской богиней Ацирухс (Яценко 1992в, с. 76; рис. 2, 2); курган 2/11 в Широкой Балке под Одессой с изображением мужчины-всадника в кафтане и с копьем (Яценко 2000д, рис. 3, 8). Некоторые типы фибул аланы изготавливали сами. Таковы характерные для Нижней Волги периода 3 коленчато-изогнутые фибулы с завитком на конце приемника (Скрипкин 1977, с. 115). В Южном Приуралье отдельные типы фибул производились в период 4 (Мошкова 2000, с. 191–192).

Крой

Ряд ключевых элементов кроя плечевой одежды установить весьма сложно. Изредка на серебряных сосудах с эпическими (?) сценами изображалась мужская одежда с подчеркнутыми мастером конструктивными швами (ритон 1889 г. с Кубани: Придик 1912, с. 174, табл. IV²⁴²; кубок из Косики: Трейстер 1994, табл. 1; Яценко 2000в, рис. 1). Вместе с тем имеющиеся материалы позволяют сделать ряд важных выводов.

1. Полосы декора, нашитые вдоль плеч на персонажах упомянутого ритона с Кубани и у умерших знатных мужчин из могилы 45 в Косике (чертеж 1987 г. из личного архива В.В. Дворниченко) и из Красногорского (ОАК за 1903 г., 1906, рис. 256), позволяют предположить, что в *раннесарматское время* одежда кроилась с *плечевым швом*. Подтвердить это заключение помогает распространенный в этот период обычай закрывать основные конструктивные швы одежды (плечевой, боковые швы стана), а также «погоны» ниже плеч, края подола и бортов полоской из нанизанных на тонкий кожаный шнурок цилиндрических золотых пронизок (с гладкой или гофрированной поверхностью) — от 30 до 100 экземпляров (Яценко 1985, с. 26–27)²⁴³. Традиция подобной расшивки швов пронизками проникла к ранним сарматам от восточных соседей — кочевников Казахстана, где она известна с IV в. до н.э.²⁴⁴. Одежда, расшитая такими пронизками, была, видимо, как распашной, так и нераспашной.

2. Подол в ряде случаев несомненно кроился с боковинами (клиньями) и расширялся книзу. Это хорошо видно на силуэте одежды из хут. Красногорского и на надгробной стеле I–II вв. из Заветного в Юго-Западном Крыму (Бахчисарай 1976, фото на с. 11). Это также подчеркивалось на изображениях Крымской

²⁴¹ Известны скульптурные фибулы в форме зайца (Хатожукаевский аул; Зубовский, курган 2: Гущина, Засецкая 1989, табл. III, 53; XIII, 136; Усть-Лабинская, 1925 г.: Анфимов 1987, рис. на с. 221); в форме барана (Армавир, курган 1: Анфимов 1987, рис. на с. 219; Большой Армавирский: Гущина, Засецкая 1989, табл. XIV, 84; Елизаветинский 2, могила 31: Волков 1979); в виде отрубленной руки и двух голов (Зубовский курган: From the Land, № 13); с изображением богини с косами (Зубовский, курган 2: Яценко 1992, рис. 3, 2); с изображением на круглом щитке свернувшегося в кольцо барса (Тифлисская, курган 10 и Курджипс: Засецкая 1980, с. 49). См. также (Treister 1996, fig. 7).

²⁴² И. Маразов (Маразов 1975, с. 219–220) без детальной аргументации считает скифоидных персонажей этого ритона изображением абстрактных «варваров вообще».

²⁴³ Из самых ранних комплексов это хут. Красногорский в Приуралье (конец IV в. до н.э., по В.Ю. Зуеву) (Ростовцев 1918б, с. 125) и Кара-Су I, курган 7/3 в Западном Казахстане (Кушаев 1978, с. 81; рис. 1). Со II в. до н.э. по первую половину I в. н.э. этот обычай фиксируется в Кривой Луке VIII, курган 5/12 (Федоров-Давыдов 1975) и могиле 45 в Косике на Нижней Волге, в кургане 8/2 Ханаты в Калмыкии (Шнайдштейн 1977, с. 34, табл. 138, 153), в кургане 128/3 хут. Новый в Сальских степях (Власов, Илюков 1992, с. 135) и в могиле 3 у Бойко-Понуры (Анфимов 1987, с. 186). Серединой — второй половиной I в. н.э., т.е. среднесарматским временем, датируются комплексы с подобными обшивками в могиле 1 в Косике (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, с. 146–147) и в могиле 1 в Порогах на границе Украины и Молдовы (Симоненко, Лобай 1991; рис. 3; 28). Вероятно, эта традиция не прервалась и в начале позднесарматского периода (ст. Даховская в Закубанье, показания грабителя Я.А. Гурбанова: Луний 1940, с. 34). В двух ранних могилах такие пронизки сочетались с фигурными бляшками (Кара-Су I — в форме крестов; Косика, могила 45 — в форме ромбов с четырьмя отходящими выступами).

²⁴⁴ Это курган Иссык в Семиречье (Акишев 1978, фото на с. 69) и курган 3 1999 г. в Аралтобе под Гурьевом/Атырау (Масабаева 2001, фото на с. 35). Здесь их ряды нашивались в первом случае вдоль шва, соединяющего детали сапог, а также вдоль штанин, во втором — вдоль шва рукава.

«Скифии» периодов 3 и 4: на изваянии № 3 из Заветного (Яценко 1992, табл. 15, 7) и на мужчине со стены здания А в Неаполе (Дашевская 1962, с. 177, рис. 6).

3. Пришивной подол ранее всего представлен на рубеже нашей эры в кургане 16/9 Криволиманного I в низовьях Дона; здесь его верхний край на уровне таза был, видимо, отделан полоской парчи (см.: Ильюков, Власкин 1992, с. 153). Пришивной подол документирован также на изображениях мужских коротких распашных кафтанов I–II вв. на золотых и серебряных изделиях из Нижнего Поволжья: поясной пряжке из Кочковатки (Отчет 1916, с. 74; рис. 18; Яценко 1992, табл. 6, 8) и кубке из могилы 1 в Косике (Яценко 2000в, рис. 1). В первом случае (рис. 89, 3) он образован несколькими рядами узких горизонтальных полос; во втором (рис. 88, 4) нижняя часть левой и правой полок состоит из двух диагонально пришитых треугольных отрезков. Последний вариант известен в более раннее время у скифов — на золотом «шлеме» из Передериевой Могилы (Моруженко 1992, рис. 7). Пришивной подол известен и в нераспашной мужской одежде II в. н.э. Он выделен специальной линией в нижней части одеяний сармато-аланов и сарматизованных жителей Боспора на росписях «склепа 1872 г.» («Стасовский») и «склепа Ашика» в Керчи (Ростовцев 1913, табл. LXXXI; LXX).

4. Подол распашных кафтанов, скошенный к бокам (порой дугообразно), т.е. образующий с боков выступающие клинья, с I в. до н.э. иногда изображался на надгробиях жителей греческого Пантикапея, что объясняется сарматским влиянием (Марти 1941, с. 38–39). Вероятно, он воспроизводит древний ритуальный крой из шкуры оленя (Равдоникас 1978, с. 150–152)²⁴⁵. В предшествующее скифское время он был распространен у многих ираноязычных этносов Западного Туркестана, входивших в Ахеменидскую державу (см. главы 1.2 и 1.4).

5. Скашивание ткани/кожи у ворота распашных одежд известно на большинстве изображений сарматской эпохи.

6. Стеганая одежда. Документирована только на мужских изображениях I–II вв. н.э.: на пряжках из Кочковатки (см. выше) и Неаполя Скифского (Веселовский 1891, с. 81), где простегана только спинка, и на зеркале из Соколовой Могилы (Ковпаненко 1986, рис. 70–72), где представлен персонаж в халате явно местного, а не бактрийско-кушанского происхождения (Яценко 2000а, с. 179)²⁴⁶. В обоих случаях распашная плечевая одежда простегана редкими вертикальными стежками. Восточное, центральноазиатское происхождение этого обычая (свойственного таким народам, как пазырыкцы Горного Алтая, и выходцам из китайской провинции Ганьсу — юэжчам (см. раздел 3) применительно к сарматам несомненно.

7. Стоячий ворот. Известен только у женского длинного нераспашного платья в различные периоды (см. выше).

8. Бахрома на краю подола (рим. *fimbriae*). В период 2 известна у аристократов обоих полов. На мужском кожаном кафтане в могиле 45 Косики (Дворниченко 1988) она вырезана из той же кожи и была длиной около 1 см. Женское нераспашное платье первой половины I в. н.э. из Большого Армавирского кургана украшала бахрома из толстых витых золотых нитей длиной до 8 см. Бахрома в одежде древних кочевников и их оседлых потомков подчеркивалась на схематичных изображениях женщин в сценах религиозного характера. Такова бахрома у танцующих женщин на стене склепа 8 в Неаполе Скифском (Высотская 1979, рис. 83; Яценко 1987а, рис. 1, з), датируемого ныне рубежом II–III вв., и у женщин хунну, поклоняющихся божеству (Nowgorodowa 1980, Taf. 116).

Манера ношения

Распашная одежда носилась застегнутой или подпоясанной. Она запаховалась справа налево, обычно неглубоко (на ширину полосы отделки по краю бортов); более глубокий запах см., например, (Kieseritzky, Watzinger 1909, No. 255). Довольно часто распашная одежда разной длины крепилась на груди одной заколкой (фибулой?) или пуговкой (Яценко 1985, с. 32), иногда двумя (Пороги, могила 1). Реже на изображениях короткие кафтаны наглухо застегнуты почти до шеи, видимо с помощью небольших пуговиц из органики, так как они не изображались и не обнаруживаются в погребениях (ритон с Кубани; фалар из Галиче: Яценко 1992, табл. 2, 1; 8, 1; пантикапейские надгробия: Kieseritzky, Watzinger 1909, Taf. XXVII); эта традиция характерна и для «этнографических» осетин (Осетины 1967, с. 193). Изредка одежда подпоясана,

²⁴⁵ Т.Д. Равдоникас, увлекшись восточносибирскими аналогиями, склонна была даже выводить из этого региона сам тип такого кафтана. Кроме того, она видела его изображения даже на терракотах малоазийских и иных восточных божеств, найденных в северопрichernоморских городах (Равдоникас 1990, с. 6–19; ср.: Кобылина 1978, рис. 16, 20, 22–24, 29–34).

²⁴⁶ Персонаж в стеганой нераспашной одежде на фаларах упряжи из кладки 1906 г. у Янчокрака, Запорожской обл. (Гущина 1969, с. 44; рис. 1, 1) является варварской причерноморской переработкой юэжчийско-бактрийского образца, что демонстрирует его специфический костюм (Yatsenko 2001, p. 105).

но полы не заходят одна на другую (пластина из коллекции Романовича; гривна из кургана 10 в Кобяково: Яценко 1992, табл. 3, 4). Иногда верхняя парадная одежда в периоды 4–5 носилась на плечах внакидку. Так изображен арфист в склепе 9 Неаполя Скифского (Unbekannte Krim 1999, Abb. 11), аристократы (отец и сын) на предполагаемой аланской печатке середины IV в. из Абхазии (Турчанинов 1960, рис. 1; 1990, табл. XXIII). Наконец, в ряде случаев у таза покойных обоих полов находят заколку-фибулу. Так могли скреплять полы верхней одежды, снятой и обернутой вокруг бедер, в теплый сезон. Эта манера ношения документируется в том числе на изображениях начала II в. н.э. в контактной сармато-дакийской зоне в низовьях Дуная (колонна Траяна, сцены 239–240: Cichorius 1900, Taf. LXVI).

Цветовая гамма

Для мужской распашной одежды она лучше всего представлена на изображениях крымских склепов периода 4 в Неаполе Скифском (черный кандис: Unbekannte Krim 1999, Abb. 11) и Пантикапее (розовые, желтые, светло-зеленые кафтаны: Ростовцев 1913, табл. LII, 1; LXXIX, LXXXI). На многочисленных боеспорских надгробиях I в. до н.э. — II в. н.э. распашная одежда сарматского типа окрашена только в красный цвет (Иванова 1961, с. 135): возможно, эта особенность связана именно с погребальным ритуалом. Халат гуннского времени в кургане 3 Шипово V — малиновый (Рыков 1936, с. 99). Мужские штаны на росписях Пантикапея I — середины II в. н.э. имеют красный (бордовый) или синий (голубой) цвет (Ростовцев 1913, табл. LXXIII, LXXXI, 2). Женская обувь, как уже отмечалось, окрашивалась в красный, изредка фиолетовый цвет. В целом господствовала однотонная одежда.

Любимым цветом, как и у большинства иранских народов, были разные оттенки красного, что лишь отчасти связано с символикой воинского сословия у иранских народов, а в могилах — с требованиями погребального ритуала (см. главу 4.3). Особое отношение к красному и черному цветам отражалось и в аланских именах (Танаис периода 4: Абаев 1979). Изредка употреблялись зеленый, голубой (синий) и коричневый. Окраска костюма в целом в ряде случаев явно отражала племенные традиции. Так, где-то у низовьев Днепра проживало сарматское племя савдаратов («Одетых в черное», по В.И. Абаеву), упомянутых на рубеже III–II вв. до н.э. в ольвийском декрете в честь Протогена (см., например: Смирнов 1981) (их не стоит путать с более ранними «черноризцами»/меланхленами Геродота и других авторов, проживавших в другом районе). В конце I в. н.э. «по примеру» этого племени греческие жители Ольвии стали носить плащи и шаровары черного цвета (Dio Chrys. Orat. Borisph. II. 48).

Силуэт и декоративные принципы

Источники фиксируют ярко выраженную разницу в силуэте и фигуре для ранне- и среднесарматского времени. Все *раннесарматские* изображения (период 2) представляют мужчин в узкой, облегающей одежде и обтягивающих шароварах, со стройной талией и узкими плечами (Яценко 1992, табл. 2; 2000д, рис. 1, 1–2; 2, 2, 7). Это же можно сказать и о синхронных памятниках пограничных с сарматами кочевых группировок, например кочевников Устюрта (ср., например, статую из Коная: Дженито и др. 2000, рис. 3).

У мужчин довольно тонкая и длинная шея (Яценко 1992, табл. 7, 3; 8, 1; 10, 1). В *среднесарматское время* (к началу II в. н.э.) эта одежда описывается как более свободная, чем у германских племен, и развевающаяся при ходьбе (Tacit. Germ. 17). Это подтверждается полихромными росписями пантикапейских склепов и некоторыми изображениями божеств (там же, табл. 3, 2; 6, 8; 10, 6), хотя в изобразительных материалах все же преобладает прежняя традиция. Возможно, это отражает различия в эстетических идеалах разных племен.

Декоративные принципы сармато-аланского костюма весьма далеки от вкусов современного среднего европейского ценителя. У знати одежда обильно украшалась золотом: бляшками, парчой, отдельными массивными аксессуарами, иногда золоченой кожей, распространенной еще у скифов (Her. Hist. IV, 65; диадема гуннского времени из г. Энгельса: Синицын 1936, с. 81) и ставшей особенно популярной позже у раннесредневековых аланов, золотистыми кристалликами пирита. У женщин скромного достатка золото имитировалось латунию; этот материал в период 3 стал на Боспоре излюбленным материалом для фибул (Трейстер 1982, с. 163–164). Костюм и его аксессуары, реже и другие предметы, украшались множеством (иногда тысячами) золотых фигурных бляшек; при этом античные мотивы и человеческие изображения на них, в отличие от скифских, почти отсутствуют. Чрезвычайно разнообразны их формы, особенно в период

рубежа нашей эры — середины II в. н.э. (в отличие от скифов наиболее значим был обычно именно силуэт бляшек, и на их лицевой поверхности часто не было необходимости наносить декор тиснением или гравировкой). Наряду с простейшими геометрическими формами (круг, шар, полусфера, квадрат, треугольник, крест, дуга, запятая и др.) мы встречаем разнообразные растительные побеги и листья, реже — стилизованные изображения копытных (бараны, быки) и кошачьих хищников, птиц и совсем редко — человеческие личины и фигурки божеств. В 80-х годах классификацией и хронологией таких бляшек (особенно для Прикубанья: Марченко 1996, рис. 11) и их семантикой (Засецкая 1986, с. 128–140) занимались несколько исследователей «петербургской школы» (И.П. Засецкая, И.И. Марченко, Н.Ф. Шевченко). К сожалению, их работа не была завершена и не опробована для других регионов.

Демонстрировать основные конструктивные швы плечевой одежды во многих случаях, видимо, считалось некрасивым, и у мужчин периодов 1–2 они камуфлировались рядом золотых пронизок (рис. 99)²⁴⁷. Сходный обычай отразился и в эпосе тюркских народов, в частности в киргизском эпосе «Семетей» (Айдаркулов 1979, с. 154).

На нижнем Дону в период 3 края отдельных золотых предметов украшались морским жемчугом (диадема из Хохлача, браслет из Тузлуков, остатки вышивки из кургана 13 Валового I: Treister, Yatsenko 1998, p. 57, note 78). В период 4 на Дону и под Одессой костюм женщин обшивался рядами пластинок из перламутра в форме крестиков: во втором из этих районов формы накладок были сложнее и разнообразнее²⁴⁸.

Костюм (почти исключительно у женщин и детей разного социального положения) обшивался бисером и бусами. Такие обшивки образовывали, как правило, кайму на одежде. Их основные цвета — желтый, черный, голубой/синий и зеленый (реже — оранжевый, красный, белый, коричневый). Особенно любимым в раннее время было сочетание ряда черных и ряда позолоченных (ср., например: Книпович 1949, с. 44; Мошкова 1963, с. 45)²⁴⁹. В ожерельях (аристократки иногда носили их по два-три) рядовые женщины предпочитали кроме стеклянных бус минералы красного и желтого цветов (сердолик, гранат, кораллы, янтарь), черного (гагат), голубого (халцедон) и прозрачные (горный хрусталь), которым, несомненно, приписывались защитные или лечебные свойства, а также деревянные бусы²⁵⁰. Появление сарматов на левом берегу Дона с III–II вв. до н.э. сразу привело к изменению состава ожерелий (Максименко 1983, с. 93). Пристрастия к определенным наборам ожерелий были весьма консервативны, что в ряде случаев позволяет даже уточнить направления миграций отдельных племен (Кондратьев 1988, с. 34–35), в частности из Поволжья на Кубань. В выборе цветовой гаммы заметны не только племенные традиции, но и индивидуальный вкус каждой мастерицы. Так, в кургане 35 в Сулах костюм матери и ее маленькой дочери украшен принципиально одинаково: голубым бисером с небольшим добавлением синих бус (ср.: Рыков 1925а, с. 39). Однако надо учитывать и элемент случайности в таком подборе (нехватку бисера нужного цвета для ремонта ветхих нашивок; известная случайность в подборе типов бисера, привозимого купцами на кочевое стойбище, и т.п.).

В большинстве рядовых могил бисерно-бляшечный декор все же отсутствует. В этих случаях края одежд могли украшаться полосками из органических материалов: кожи, ткани, войлока, тисненными аппликациями или вышивкой.

Для сармато-аланов характерна асимметрия декора парных элементов костюма (рукавов, обуви и др.). Так, у женщин на левой («женской») стороне часто нашивалось больше украшений (Яценко 1987а, с. 172).

Эстетический идеал этноса

²⁴⁷ Этому предшествовало в скифскую эпоху декорирование плечевого шва и пройм рукавов мужской и женской одежды кочевых этносов рядом круглых золотых бляшек; они известны в женском скифском платье (рис. 36, 20), у мужчины на ковре из Пазырыка (рис. 47) и у знатной савроматки V–IV вв. до н.э. в Высочино VII, курган 17/3 (левобережье нижнего Дона у г. Азова, раскопки Е.И. Беспалого 1981 г., полевой чертеж раскопщика, 252 бляшки из сплава золота с медью).

²⁴⁸ Александровка I, курган 20 — платье: Беспалый 1990, рис. 3, 4; Криничное, могила 6 — диадема: Яценко 1986, рис. 1, 3; Алаклия, курганы 6 и 7: Субботин, Дзиговский 1990, I, табл. 3, 10, 18; 4, 13, 18; Дивизийский, курган 2 — обшивка платья и сапог: Субботин, Дзиговский 1990, II, рис. 2, 9–14; Васильевский, курган 14/5: Субботин, Дзиговский 1990, III, рис. 6, 13–14, 18–19).

²⁴⁹ Встречаются даже утверждения, что рядовые погребения с бисерными обшивками отражают какой-то особый статус умерших (Балонов 1980, с. 79). К сожалению, они не подтверждаются накопленным мною материалом. Наличие бисера вообще, присутствие тех или иных цветов или их сочетаний, насколько я могу судить, объяснялось как индивидуальным вкусом шившей одежду домохозяйки и близостью к торговым пунктам, так и случайными моментами (составом оказавшегося в тот момент под рукой бисера). Есть этносы, у которых бисерные обшивки (несмотря на прямое соседство с греко-римскими поселениями) не были распространены: таковы, например, «аланы» Юго-Западного Крыма III–IV вв.

²⁵⁰ Бусы из дерева сохранились, например, в одной из полуварварских богатых могил Танаиса (Каменецкий 1973, с. 24). Представляют интерес наблюдения о порядке размещения в низке ожерелья бус разных типов на материале грунтового некрополя Танаиса (Алексеева 1975, с. 11).

Более полную информацию в этом плане мы имеем по мужскому костюму. Для собственно сарматских мужских персонажей периодов 3 и 4 характерны обычно, в отличие от предшествовавших им, толстая и очень короткая шея, большая голова, массивное туловище, маленькие и довольно тонкие руки (Яценко 1992, табл. 6, 1–2, 6, 8; 12, 3, 9). Женщины на изображениях Сарматии часто имеют довольно тонкую шею и массивные руки (там же, табл. 4, 3; 8, 1, 2, 7).

Показательно, что на сарматских изображениях «варварского» и греко-варварского облика большое внимание уделялось передаче хотя бы контура *прически*, а также *краев ворота и рукавов* плечевой одежды, очерчивающих ее силуэт. Видимо, эти элементы воспринимались как важные этноопределители в противопоставлении «свой–чужой». Девичья красота в алано-осетинской традиции устойчиво ассоциировалась с сиянием (подобным солнечному или лунному), словно бы исходящим от белоснежной кожи и светлых («золотых») волос (см., например: Нарты 1989, с. 16, 331, 445).

Образ Иного: сармато-аланы в искусстве боспорских греков и на римских триумфальных изображениях

Все детализированные реалистические образы сарматов греческой работы, изображенные в полный рост, известны лишь на территории Боспорского царства, которое раньше остальных североPontийских греческих центров столкнулось с ними и в гораздо большей степени испытало их воздействие. В отличие от предшествовавшей скифской эпохи, ни одно из таких изображений не было связано с заказом кочевой знати и не найдено на территории кочевых племен. Западнее Боспора обнаружены лишь миниатюрные *погрудные* греческие изображения сарматских персонажей, вписанные в круг. В их числе всадник с копьем на щитке серебряной фибулы-броши II–I вв. до н.э. из кургана 2 в Широкой Балке, Херсонской обл. (Евдокимов, Куприй 1992, рис. 7, 4–5), серебряные медальоны I–II вв. из могил 81 и 101 в Бельбеке IV (Гущина 1978, рис. 2) и, наконец, портреты аорских царей Фарзоя и Инисмея на их чеканенных в Ольвии монетах второй половины I в. н.э. Этнографическая ценность этих изображений невелика.

Часто к изделиям боспорских мастеров на «сарматские» сюжеты уверенно причисляют грубые изображения полуварварского облика: в таких случаях обыкновенно утверждается, что это произведения выходцев из соседних варваров, работавших в городских мастерских Боспора. Проверить справедливость таких заключений очень сложно, но, так или иначе, изделия подобного облика здесь не рассматриваются. Круг изображений сармато-аланов, достоверно созданных здесь греческими мастерами в реалистической «этнографической» манере, в действительности очень невелик. Однако они являются ценным источником сведений о жизни сармато-аланских этносов Степи.

В *Пантикапее* это стенные росписи трех погребальных сооружений знати начала I — середины II в. н.э.: склепа Анфестерия, «склепа 1872 г.» («Стасовского») и «склепа Ашика», где группы собственно сарматов (мужчин) составляют лишь часть изображенных (Ростовцев 1913, табл. LXV; LXXVIII, 1–2 и LXXIX; LXXXVII–XCI). При этом сарматские персонажи во всех трех случаях изображаются обычно как всадники справа. Датировка названных склепов основана на любезно предоставленных наблюдениях В.А. Горнчаровского.

В *склепе Анфестерия, сына Гегесиппа*, датируемом В.А. Горнчаровским предположительно 10–30-ми годами I в. н.э.²⁵¹ (т.е. примерно правлением Аспурга и рубежом ранне- и среднесарматской культур), представлена наиболее ранняя из трех упомянутых сцен. Она достаточно точно зарисована Гроссом (там же, табл. LI, 6) (рис. 91, 1). Типологически сходен с ней ряд сцен с 9–10 персонажами в различных частях иранского этнокультурного мира. Согласно предложенной нами трактовке, здесь изображен героизированный умерший, уподобленный одному из основных героев сармато-аланского эпоса — Сослану — в эпизоде его путешествия в загробный мир (на «Небесную равнину») и общения с некой богиней и обитающими там «детьми» для получения волшебного дара (Яценко 1995, с. 190–193). Действительно, начало I в. н.э. было началом проникновения сарматов в состав правящей верхушки Боспора, а в росписи данной стены имеется ряд уникальных для античного Северного Причерноморья бытовых деталей кочевого происхождения²⁵². Здесь, по-видимому, в целях создания единой большой композиции соединены три разные сцены с различных изображений, выполненных в разной манере («юрта»

²⁵¹ При этом учитываются данные по датировке и трех близких склепов: Анфестерия, Алкима (его брата (?), также сына Гегесиппа) (открытых в 1867 г.) и «склепа 1891 г.», в том числе шрифт надписей в двух первых и монета рубежа 30–40-х годов в последнем.

²⁵² Можно предположить, что у Анфестерия была сарматская родня по линии матери, а его брат (?) Алким определенно использовал сарматскую тамгу (Ростовцев 1913, табл. L, 2).

со стоящим деревом и положенным на нее длинным копьем; богиня на троне, две «служанки» по сторонам и два мальчика с сосудами в руках; главный герой-всадник, едущий за ним спутник с запасным конем и шествующий за ними конь) и даже в разном масштабе. Лишь вторая из них выполнена целиком на основе античных иконографических образцов; остальные отражают прежде всего сармато-аланские бытовые реалии.

Наиболее важны (и, как мне кажется, этнографически точны) два всадника-сармата. Главный герой выделяется в этой паре обликом своего коня. На бедре и плече последнего видим характерные вставки в форме «запятах», имитирующие обычное размещение бирюзовых вставок на телах копытных с золотых изделий «бирюзово-золотого звериного стиля» в Сарматии. На левом боку у самого героя висит длинный всаднический меч; в правой руке он держит небольшой скипетр (рис. 91, 1, *b*). Он и его напарник одеты в полусапожки с заостренными носами; однако у главного героя они длиннее, что, как уже отмечалось, обычно для изображений знати как скифов, так и сарматов. Прически мужчин различаются: у первого волосы ровно подстрижены на уровне лба, а сзади — на уровне затылка; у второго лицо повреждено, но видно, что прическа еще короче, а у виска есть треугольный выступ. Привлекает внимание подчеркнутый художником декор ткани верхней нераспашной одежды обоих всадников в виде расположенных в «шахматном» порядке крупных кружков. Такой орнамент встречается в синхронных обществах Евразии очень редко. Наиболее близкие аналогии (сплошной орнамент на верхней нераспашной одежде) известны в I–II вв. лишь в Западном Туркестане — на изображениях Согда (Афрасиаб: Мешкерис 1989, рис. 43) и кушанской Бактрии (Халчаян: Пугаченкова 1971, с. 30), т.е. на территориях, тесно связанных генетически и культурно с сарматским степным миром. Эта одежда имеет ворот с небольшим треугольным вырезом; ее рукава ниже локтей явно скроены из другой ткани (без кружков).

«Склеп Ашика», открытый в 1841 г., В.А. Горнчаровский датирует третьей четвертью I в. н.э.²⁵³ Росписи дошли в копиях Ашика и Стафанского. По поводу точности последних подчас высказывались сомнения, во многих отношениях слишком суровые и недостаточно обоснованные («несомненно, интерполированы и дополнены»; посадка всадников — «несомненная фальсификация» и т.п.: Ростовцев 1914, с. 348, 352). На деле, думаю, в большинстве случаев мы сталкиваемся с ошибками и стилизацией не столько поздних копиистов, сколько древнегреческого художника. При большой точности в изображении одежды и причесок персонажей и мастерстве в передаче поз людей и лошадей, вооружение и конскую упряжь, напротив, он представил схематично или с ошибками (рис. 92).

На одной лежанке из первой комнаты склепа видим в верхнем ярусе возлежащего умершего героизированного юношу и стоящих по сторонам его ложа родных и близких. В нижнем ярусе, видимо, представлена батальная сцена, связанная с его смертью (Ростовцев 1913, табл. LXXXVIII, 2). Сражаются две группы юношей-всадников, образующих две шеренги (рис. 91, 3). Преимущество здесь во всех отношениях на стороне сарматов. Их вначале было больше (8 против 6), все они сражаются в чешуйчатых доспехах двух типов и в шлемах против простоволосых греческих юношей в длинных варварских кафтанах и близких сарматским чешуйчатым защитных рубахах или только нагрудниках.

В обеих группах все участники носят полусапожки на сарматский манер, в которые заправлены узкие, темных оттенков штаны. Однако греческие юноши одеты в сарматские *распашные* кафтаны, тогда как кочевники под панцирем носят явно *нераспашную* одежду разной длины (чуть выше или значительно ниже колен) светлых тонов с короткими рукавами. Такие «рубахи» очень широкие, что хорошо видно по облику их подола. Прически у обеих групп совершенно одинаковы: короткие волосы подстрижены надо лбом и зачесаны назад без пробора.

«Стасовский» склеп, открытый художником Гроссом в 1872 г., В.А. Горнчаровский склонен датировать первой половиной II в. н.э. (с учетом времени бытования двух найденных здесь разнотипных бальзамариев). Во входном коридоре склепа самые ранние знаки-*gakk* (тамги), процарапанные на первоначальной штукатурке в связи с поминками, включают знаки нижнедонских раннеаланских кланов середины I — середины II в. и знак неизвестного соправителя Эвпатора (154–170) (Яценко 2001, с. 67–68). Последнее свидетельствует о времени, близком к середине столетия, и о том, что изображенные враги не относились к донской аланской орде среднесарматского времени.

Здесь две интересующие нас батальные сцены связаны с воинскими подвигами умершего боспорского аристократа, первоначального «хозяина» гробницы, и покрывают стены его «лежанки» напротив входа. К счастью, росписи были удачно воспроизведены в цвете в 1909 г. М.В. Формаковским. Однотипно трактованный в обоих случаях грек поражает врагов-кочевников, конного и пешего (Ростовцев 1913,

²⁵³ Во многом это основывается на оценке времени и обстоятельств распространения на Боспоре гладиаторских боев, зафиксированных в росписях склепа (боспорская война 45–49 гг. и правление Котиса I).

табл. LXXVIII, 1; LXXIX). Количество сражающихся с обеих сторон в обеих сценах строго равное (один на один, четверо на четверо).

Образы сарматских воинов представляют большой историко-этнографический интерес. В обеих сценах они имеют несколько общих черт: сарматы обычно без головных уборов; их предводители носят наплечную одежду разных оттенков красного, синие штаны и белую обувь и не носят защитные доспехи. Однако некоторые факты убеждают в том, что художник хотел показать при этом участие нашего героя в ряде столкновений с несколькими кочевыми племенами, отличавшимися внешне. Действительно, гораздо более существенны различия этих групп, которые позволяют видеть в них представителей разных этнокультурных объединений Степи и даже, видимо, разных «археологических культур». Во-первых, у них разный цвет волос. В основной многофигурной сцене (рис. 91, 2, а) волосы сарматов странного голубовато-серого цвета (вряд ли так передана седина); у предводителя волосы длиной до плеч зачесаны назад (такая прическа бытует на всех этапах истории кочевников Сарматии), у других они несколько короче; все здесь безбороды. Напротив, одиночный воин в парной сцене (рис. 91, 2, б) рыжеволос, как, например, скифы (ср. Hippocrate. De aeg. 28), и носит окладистую бороду. Во-вторых, у значимых (композиционно выделенных) лиц в обеих сценах разное оружие. У пешего видим очень плохо сохранившиеся короткий меч и щит (последний, возможно, не овальной формы, как у боспорцев, в центре его красный ромб). У предводителя в основной композиции (как и в «склепе Ашика», он вступает в бой не первым) длинный всаднический меч позднесарматского типа (сохранилась верхняя часть) — с рукоятью-штырем и навершием в виде плоского диска. Он целится из небольшого лука (виден утолщенный белый конец его основной части: возможно, так передана костяная накладка). В-третьих, по-разному выглядят у сарматов в обеих сценах важные предметы одежды. Хотя в основной сцене у двух всадников ноги сохранились не полностью, предводитель, видимо, обут не в полусапожки, а в более высокие сапоги, характерные, как уже отмечалось, для носителей позднесарматской культуры с середины II в. н.э. У пешего сармата в первой сцене узкий пояс; два всадника в основной композиции, напротив, имеют довольно широкие (5–7 см) пояса. Художник счел нужным показать, что у предводителя пояс крепится на животе: виден один из его сходящихся прямоугольных концов. Все это соответствует параметрам сохранившихся позднесарматских кожаных поясов II–III вв., например найденным в кургане 10 в Танаисе (см. табл. 107). Если в первой сцене у пешего изображен, похоже, распахнутой кафтан чуть выше колен (несмотря на повреждения, видны расходящиеся внизу полы), то в основной композиции сарматы носят нераспахнутую одежду. В целом до середины II в. у мужчин-сарматов были распространены (и, возможно, преобладали) распахнутые одеяния, а на первом этапе позднесарматской культуры документируются только нераспахнутые образцы (см. рис. 85–86).

Предводитель в основной сцене, выступающий впереди отряда, выделяется среди остальных плащом синего цвета, рубахой розового цвета, обувью белого цвета и длинным всадническим мечом, а конь у него белой масти. Очень редкая деталь — наколенники на его штанах (другие известны у аристократки из Соколовой Могилы). Вообще обилие сравнительно редкого синего цвета в одежде изображенных сарматов необычно. У копыеносца, сидящего на коне и свесившего обе ноги влево, «по-женски», под короткой чешуйчатой рубахой до пояса надета обычная рубаха, тоже окрашенная в синеватый цвет.

Все боспорские воины в обеих сценах одеты в короткий чешуйчатый панцирь и шлемы, в то время как их сарматские противники, за исключением одного, носят лишь обычные рубахи и простоволосы. При этом главный сарматский противник «героя» в обоих случаях сражается против длинного копья тяжеловооруженного знатного воина не копьем (которое есть у его спутника), а лишь мечом или луком. Отсутствие защитного доспеха и молодость почти всех изображенных сарматов свидетельствуют в пользу того, что речь идет не о серьезной войне, а о каких-то двух небольших набегах, связанных с памятными хозяину гробницы поединками.

На *Азиатском* Боспоре (на Тамани) мы также сталкиваемся с батальными сценами указанного типа, но гораздо более ранними (III–II вв. до н.э.), причем здесь изображалось столкновение сарматов не с греками, а с другими «варварами».

Видимо, здесь в 1889 г. обнаружен знаменитый фрагментированный серебряный «Кубанский» ритон со сценами поединка двух пар пеших и конных воинов (Придик 1912, табл. IV). Вооружение (мечи и короткие копья) и особенно костюм переданы необычайно подробно. Однако внешний облик сражающихся (прически и типы переданной точечными наколами орнаментации кафтанов и штанов) еще почти идентичен облику скифов V–IV вв. до н.э. (см. главу 4.1), за исключением одной важной детали — коротких, скелотых фибулой на плече плащей у пеших воинов-сарматов (рис. 91, 4). Перед нами самое раннее изображение еще «скифоидных» по культуре сарматов (кубанских?), датируемое, видимо, III в. до н.э.

У современного хут. Юбилейный обнаружен знаменитый каменный рельеф с батальной сценой (Савостина 2001, табл. I–XV). Можно согласиться с заключением, что на нем со скифами сражаются не мифические амазонки, но мужчины другого этноса и сам рельеф датируется «не ранее II в. до н.э.» (Бергеман 2001, с. 138). Мною уже обосновывалась сарматская принадлежность побеждающих (изображенных справа) и скифская принадлежность терпящей поражение группы («амазонок», по Е.А. Савостиной). Конные сарматы сражаются здесь против пеших скифов, вооруженных копьями и мечами (Яценко 1989, с. 124–125). Для сарматов типичны представленные в «побеждающей» группе очень короткая прическа (тип 1), короткий плащ и нераспашная одежда с глубоким треугольным вырезом.

В целом боспорские изображения характеризуются высокой этнографической точностью и не содержат явных ошибок в передаче одежды и аксессуаров.

После середины II в. н.э. ряд весьма точных изображений сармато-аланов мы встречаем в римском искусстве. Так, на колонне Марка Аврелия в Риме показаны конные противники — сармато-аланы (см., например: Petersen, Domaszewski, Calderini 1896, Taf. 32, b, 101, a, 105, b, 117, a). Эти мужчины одеты, независимо от возраста и места в композиции, вполне стандартно: у них короткая (выше колен) нераспашная глухая одежда с небольшим треугольным вырезом ворота, подпоясанная простым ремнем (?) поясом; штаны средней ширины, заправленные в полусапожки; плащ, скрепленный на правом плече фибулой (в одном случае нижний край плаща украшен бахромой: *ibid.*, Taf. 101, a). Вместе с тем римский мастер нарочито подчеркивает «непричесанность» сарматов и неухоженность бород зрелых мужчин. Все изображенные детали, несмотря на большую стандартизованность образов, представляются этнографически достоверными; в частности, они отражают господство на первом этапе позднесарматской культуры (период 4) нераспашной мужской одежды и один из типов мужской прически, а наличие туфель вместо высоких сапог отражает сохранение части традиций прежнего периода 3 сарматами Подунавья и Украины.

Наиболее информативны среди римских изображений самые поздние из них — изображения сармато-аланских пленников IV и начала V в., прежде всего золотой медальон Констанция II 358 г. из Верховни (Яценко 1993) и костяная пластина из Гальберштадтского собора (Кузнецов 1974, с. 14; Яценко 1985, рис. 3, e). Они передают костюм знатных пленников со всеми деталями прически, декора одежды и т.п. и активно использовались нами выше.

2.3. Юэчжи/кушаны

История изучения костюма

Костюм и его аксессуары можно считать одним из самых ярких, оригинальных и художественно ценных элементов культуры первоначально кочевых больших юэчжей конца II в. до н.э. — начала IV в. н.э., один из княжеских кланов которых — Кушан — создал во второй половине I в. н.э. собственную империю (одну из четырех «мировых» наряду с китайской, парфянской и римской). Обширный материал по этой теме до самого последнего времени оставался необработанным. Такая ситуация создавала определенные трудности для специалистов, занимающихся вопросами формирования культуры Кушанской империи и шире — культурой народов Среднего Востока позднеэллинистического и римского периодов.

Обычно даже наиболее авторитетные исследователи ограничиваются краткими замечаниями с весьма скромной аргументацией и единичными примерами. Как правило, внимание нумизматов и искусствоведов привлекали лишь головные уборы правителей и отдельные мелкие драгоценные аксессуары костюма (гривны, кольцо, золотые бляшки и др.); единичные наблюдения по поводу других элементов костюма представлены в тезисном виде (см., например: Мкртычев 1990). Мой интерес к костюму юэчжей возник в декабре 1983 г., когда я начал работать над реконструкцией костюмного комплекса «золотого могильника» Тилля-тепе. Последующие публикации можно рассматривать как этапы приближения к весьма сложной цели — полной и по-настоящему всесторонней характеристике костюма данного этноса (Яценко 1989а; 1993е; 2000б, с. 353–358; Yatsenko 2001). Эти более ранние публикации нуждались в существенной доработке и дополнениях.

Источники

Источники по данной теме обильны и разнообразны. Более всего сведений дают каменные (реже глиняные), рельефные и скульптурные изображения (см. в первую очередь: Rosenfield 1967; Пугаченкова 1979; Stawiski 1979; Czuma 1985; Gupta 1985; Древности 1991; The Crossroads 1992). Они представлены

главным образом в династийных святилищах Кушан в Сурх-Котале (Афганистан) и в Пенджабе (Индия) (прежде всего Матхура и Сангол: Joshi 1966; Gupta 1985; Mathura 1989; Sharma 1994; 1995; Asthana 1999), в таких административных центрах пограничной Северной Бактрии (стык южных районов Таджикистана и Узбекистана), как Халчаян (Пугаченкова 1971) и Дальверзин-тепе (Pugachenkova 1978; Пугаченкова 1978б). В различных буддийских монастырях (в основном на территории Восточного Афганистана и Северного Пакистана) обнаружена большая серия рельефов с изображениями представителей господствующего в Кушанской империи этноса — кушан, предстающих как адоранты (молящиеся) — буддисты. Особенно богаты подобными изображениями древняя область Гандхара (район впадения р. Кабул в Инд на современном северо-западном пограничье Пакистана) и отчасти более восточный Пенджаб. Изучение «гандхарского» буддийского искусства предкушанского и кушанского времени — отдельная обширная отрасль современной науки²⁵⁴, и некоторые наблюдения исследователей по костюму персонажей (как этнических кушан, так и ираноязычных индо-скифов) весьма интересны для нас (см. библиографию: Zwalf 1996, p. 69, 73; note 43). На бактрийских терракотах кушанского времени представлены божества (в основном женские), но их костюм в большинстве случаев очень оригинален и явно отражает местную специфику (см., например: Пилипко 1985; Абдуллаев 1985; Мешкерис 1990; Pugachenkova 1992; Pyasov, Mkrtuchev 1992; Абдуллаев 2000). Даже на примитивных культовых терракотовых фигурках всадника из Бактрии и ряда династийных центров весьма детально изображен такой значимый элемент мужского костюма, как головной убор (Древности 1985, с. 117, № 321; Härtel 1993, fig. 193). На кушанских монетах (Göbl 1984) и изредка на геммах-печатах (Callieri 1997) представлены важные детали костюма кушанских царей; кроме того, некоторые боги и богини как будто также представлены в местной одежде. В ряде могильников на севере Бактрии обнаружены весьма интересные детали костюмного декора (см.: Мандельштам 1975, с. 68); однако особую, исключительную ценность представляют материалы могильника Тилля-тепе на юго-западе этой области (см. Введение).

Стенные росписи кушанского времени (I — начало III в.) и кушано-сасанидского времени (III–IV вв., Гульбиян: Grenet 1999) в Бактрии и Восточном Афганистане сохранились лишь в малой степени. Однако, прежде всего на изображениях Северной Бактрии, на стенах ряда изображений парадных зданий Дальверзин-тепе (Пугаченкова 1978, рис. 153), Дильберджины (Кругликова 1976, рис. 54–55) и Гульбияна (Grenet 1999), буддийских монастырей Фаязтепа (Альбаум 1975, табл. LI; 1990) и Уштурмулло (Зеймаль 1988; Соколовский 1990) можно обнаружить важные костюмные детали. Интерес представляют и парадные костюмные изделия, например поздний по времени ларец из Тахти-Сангина (Litvinsky 2001). Если справедлива трактовка К. Абдуллаевым сцены в комплексе Дт-9 в Дальверзин-тепе как «Великого исхода» Будды (Абдуллаев 2003, с. 16–18; по Г.А. Пугаченковой, это светская сцена со всадником и наблюдающими за ним с балкона женщинами), то он изображен здесь в обычном кушанском мужском костюме.

Изучение этой темы осложняется тем, что многие изображения найдены при случайных обстоятельствах и их точная дата и место производства (особенно для портативных предметов) не ясны. Часто они фрагментированы. Во многих случаях это изображения богов и богинь и трудно понять, в какой степени отражен в них реальный синхронный костюм местного населения (ср.: Tissot 1999, p. 399–412). Изображения *персонажей буддийского пантеона* из поля нашего зрения безусловно исключаются, так как их костюм обычно имеет явно *неиранский облик*. Портреты реальных людей — это обычно знатные мужчины в парадном костюме для теплого сезона и часто без верхней распахнутой одежды. Реальные женщины (не богини) лишь изредка изображались в облике буддийских адоранток и иногда музыкантш. С юэчжийско-бактрийской атрибуцией важных изображений, найденных за пределами Бактрии, подчас возникают серьезные проблемы (так, «бактрийские» ткани со всадниками из хуннских могил в Ноин-Уле (Монголия) Е.И. Лубо-Лесниченко считает сделанными не в Бактрии, а в Китае (Лубо-Лесниченко 1994).

Общие замечания в связи с изучением костюма юэчжей/кушан Бактрии

²⁵⁴ См., например: Foucher 1905; 1951; Meunié 1942; Marshall 1951; 1960; Rowland 1960; 1971; Facenna 1962; Hallade, Hinz 1968; Joshi, Sharma 1969; Lippe 1970; Ackerman 1975; Golman 1978; Nagar 1981; Пугаченкова 1982; Bussagli 1984; The Exhibition 1984; Tanabe 1985; Iconographical Study 1985; 2003; Tissot 1986; 1987; Mitterwallner 1986; Paul 1986; Errington 1987; Kurita 1988–1990; Henri 1989; Kurita 1990; Sengupta, Das 1991; Carter 1994; Zwalf 1996; Gandharan Art 1997; Dar 1998; Freschi 2000; Callieri, Filigenzi 2002; Gandharan Sculpture 2002; The Art 2002; Quagliotti 2003; Kurita 2003.

Родина больших юэчжей, по данным китайских источников, — современная западная китайская провинция Ганьсу. Возможно, часть объединения юэчжей первоначально была, по мнению Вяч.Вс. Иванова и В.А. Лившица, не ирано-, а тохароязычной, о чем свидетельствуют, согласно этой версии, и имена их более поздних правителей (клан Кадфизов и имена с суффиксом *-ика*). Тем не менее преобладает иранская языковая атрибуция юэчжей (см. последний обзор: Tezcan 2002, р. 258–264). Около середины II в. до н.э., потерпев поражение от своих еще недавних данников — хунну, большая часть юэчжей (большие юэчжи) была вынуждена мигрировать далеко на запад. Часть из них была задержана в районе оз. Балхаш другим бежавшим с востока кочевым этносом — усунями. Другая часть осталась на территории Согдианы/Согда и, видимо, Кангюя (Средняя Сырдарья) и Хорезма (во всяком случае, с юэчжами клана Чжаову связаны здесь местные династии). Однако основная часть больших юэчжей отправилась на юг, где в 20-х годах II в. до н.э. ими, возможно наряду с саками (Захаров 2001, с. 450–451) и парфянами, было разгромлено эллинистическое Греко-Бактрийское царство. Значительная часть юэчжей (по-видимому, речь идет об асиях-асианах античных источников: Tezcan 2004, р. 161) выбрала для поселения территорию Бактрии (стык современных Северного Афганистана, Южного Таджикистана и Узбекистана), расположенную в среднем и верхнем течении Амударьи. Первоначально оседавшие на землю кочевники создали пять враждующих княжеств. Вместе с тем, судя по отдельным монетным находкам, еще на рубеже нашей эры здесь сохранялись отдельные князьки греческого происхождения (Ртвеладзе 2002б, с. 232). В бактрийские дела во второй половине II — начале I в. до н.э. (особенно при Митридатe I, Фраате II и Митридатe II) активно вмешалась и парфянская держава (см.: Пилипко 2002, с. 210–212).

Лишь через полтора с лишним столетия началось объединение южных групп юэчжей, причем это попытался сделать правитель одного из периферийных княжеств (Кушан, кит. Гуйшуан), расположенного вне Бактрии, к югу от нее (в районе Кабула и прилегающей области Гандхара²⁵⁵) — ябгу Куджула Кадфиз (кит. Киоцзюкю) (30–80 гг.). Он постепенно стал влиятельным правителем (китайский хронист считает именно его объединителем Бактрии). Начиная же Куджула Кадфиз, видимо, как соправитель одного из последних индо-греческих царей Гермия. Его сын Вима Такто (80–90 гг.), по мнению Э.В. Ртвеладзе, за короткий срок смог объединить всех бактрийских юэчжей под своей властью и начать активные внешние завоевания (главным образом на юге, в Индии), создав великую империю (Ртвеладзе 2002, с. 140–144). Своего расцвета Кушанская империя достигла при четвертом владыке — Канишке I (100/120–126/146), который, среди прочего, оказал известное содействие общинам буддистов северного направления буддизма — махаяны. В целом Кушанская династия поклонялась сложному пантеону божеств различного происхождения, ярко отраженному в монетном материале. Китайские хронисты были склонны считать кушанского «Сына Неба» одним из могущественнейших правителей мира. Однако уже при следующем правителе — Хувишке (126/146–164/184) (датировки царствований кушанских владык см.: Sims-Williams, Cribb 1996, р. 106) началось ослабление империи. Вскоре враждебность кушан к новой династии Ирана — Сасанидам дала последним повод для неоднократных войн; в результате их и внутренних усобиц не позже начала IV в. фрагменты Кушании прекратили свое существование, и лишь во второй половине столетия часть бывших бактрийских земель была объединена одним из позднекушанских князей — Кидарой (кит. Цидоло).

Для успешного изучения костюма юэчжей/кушан надо попытаться решить здесь ряд серьезных проблем. Они сводятся к следующему: 1) выявление критериев отличия костюма ранних, доимперских юэчжей Бактрии от соседних ираноязычных народов. Для этого необходимо уточнение этнической атрибуции материалов могильника Тилля-тепе и сравнение известных материалов с данными по предшественникам юэчжей — бактрийцам ахеменидского времени (см. главу 1.1); 2) выяснение специфики костюма кушанского этноса имперского периода — юэчжей, объединенных первоначально, в правление Куджулы Кадфиза, в районе Кабула. Его необходимо как-то отличить от костюма их непосредственных соседей — индо-скифов Гандхары и Пенджаба, побежденных кушанами после середины I в. н.э. и живших затем под их властью (см. раздел 5); 3) установление специфики и динамики развития династийной одежды Кушанской империи второй половины I — III в.

Эти задачи, а также слабая изученность доимперского костюма ставят меня перед необходимостью рассматривать одежду юэчжей Бактрии отдельно по двум периодам — доимперскому и имперскому.

Костюмный материал распределен по этим двум периодам *весьма неравномерно*. К доимперскому периоду относятся лишь единичные ранние образы аристократов и костюмные комплекты Тилля-тепе. В последние годы многие важные антропоморфные изображения были несколько омоложены. Например, рельефы в Халчаане, росписи и статуи Дальверзин-тепе сегодня, в отличие от первоначального мнения Г.А. Пуга-

²⁵⁵ Именно здесь, в современной афганской провинции Баглан, первоначально обращались монеты Куджулы Кадфиза, а затем находились важнейшие династийные святилища (Сурх-Котал, Рабатак).

ченковой, датируются раннеимперским временем. Высказывалось мнение, что «парфянский принц» на одном из рельефов Халчаяна — это Вардан, брат Готарза I, который в ходе политической борьбы в 47 г. н.э. нашел убежище у Куджулы Кадфиза и «перенес свой лагерь на поля Бактрии» (Tacit. Annal. 11. 8–10) (Грене 2000, с. 132–134; 2002, с. 52–55). Гравированные рисунки на костяном ларце из Тахти-Сангина (Nikanorov 1997, 2, fig. 27, *a-c*) датируются в последние годы уже не рубежом нашей эры (Древности 1985, с. 98), а на основании деталей конструкции этого предмета — временем около середины III в. н.э. (Litvinsky 2001, p. 150–155).

Материал одежды

Весьма показательны в этом плане погребения некрополя Тилля-тепе. Здесь В.И. Сарияниди обнаружил остатки одежд из таких материалов, как хлопок, шелк, золотая парча, фрагменты и отпечатки тканей из более дешевых материалов (лен), много нашивных украшений отдельных частей платьев, варежек и туфель из рядов морского жемчуга. Даже небольшие золотые бляшки в этом княжеском могильнике украшались вставками из бирюзы, сердолика и лазурита. Китайский шелк и индийский хлопок были известны на территории Северной Бактрии еще в эпоху бронзы (Саллитепе, Джаркутан) (Майтдинова 2001а, с. 100). Шелк пунцового цвета найден в Халчаяне (Пугаченкова 1965, с. 54). Предполагается, что в Бактрии возникло собственное производство шелка либо во II–III вв. н.э. (Lyovushkina 1996, p. 146–147), либо в конце V в. (Майтдинова 1991а, с. 23).

2.3.1. Костюм бактрийских юэчжей доимперского времени (120 г. до н.э. — первая половина I в. н.э.)

Костюм могильника Тилля-тепе

Для характеристики костюма ранних юэчжей, на мой взгляд, особое значение имеют материалы могильника Тилля-тепе на севере Афганистана, который датируется наиболее поздними монетными и другими находками второй четвертью I в. н.э. В его погребениях отмечены обилие золотых украшений костюма и их хорошая сохранность *in situ*. Княжеский могильник на юге древней Бактрии исследовался Советско-Афганской экспедицией в течение 1978–1979 гг., перед началом гражданской войны в Афганистане. В шести могилах было обнаружено более 20 000 золотых украшений костюма и погребальных покровов²⁵⁶; некоторые из них до сих пор не опубликованы. Первоначальный вариант реконструкции был подготовлен в 1980–1982 гг. Я.М. Паромовым по материалам руководителя исследований на Тилля-тепе В.И. Сарияниди. Он отражен в ранних публикациях (Сарияниди 1983, с. 19–128; 1984, с. 144–153; Sarianidi, 1985a, p. 226, 230, 246, 252, 254; см. идентичный последнему текст: Sarianidi 1985b). С декабря 1983 г. по март 1985 г. В.И. Сарияниди предоставлял мне весь обширный и лишь частично опубликованный материал полевых исследований для создания более точных реконструкций²⁵⁷. Первый, предварительный вариант моих реконструкций с отдельными добавлениями В.И. Сарияниди был опубликован в обобщающем труде этого исследователя по Тилля-тепе в 1989 г. (Сарияниди 1989, рис. 15, 17, 25, 32, 41) и в одной из статей (Sarianidi 1998, fig. 1–2). В том же году была издана моя статья, содержащая обоснование методики работы, а также более детальный и точный вариант моей реконструкции костюма и новую трактовку могильника (Яценко 1989а, с. 251–293, рис. 1–17; см. также: Nikanorov 1997, 1, fig. 32, *h; l*).

Общая характеристика могильника

По версии, предложенной мною осенью 1984 г., могильник, вероятно, был захоронением правителя соседнего города Емши-тепе на юго-западе Бактрии и нескольких жен из его гарема (возраст от 18 до 30 лет), могилы которых образовывали кольцо вокруг могилы мужа (см. схему: Sarianidi 1985a, p. 56;

²⁵⁶ Могила 7 была обнаружена в конце работы экспедиции, однако раскопать ее не было возможности. Сразу после отъезда экспедиции она была разграблена солдатами-охранниками. Вещи оказались на антикварном рынке в Кабуле. После падения режима Наджибуллы, согласно одной из версий, вся более ранняя коллекция материалов из Тилля-тепе была разграблена моджахедами. Однако, насколько нам известно, она до сих пор хранится в Президентском дворце в Кабуле.

²⁵⁷ Основную документацию составляют не опубликованные до сих пор материалы: полевые чертежи по каждому из условных «слоев»; каталоги вещей по каждой могиле (рукописи); фотографии и слайды частей могил; составленные В.И. Сарияниди отчеты, хранящиеся в архиве Института археологии РАН (Сарияниди 1980а; 1980б); отдельные рукописные отчеты по могилам 1 и 4.

Яценко 1989а, рис. 1). Все погребения были тайными и были совершены, на мой взгляд, за очень короткий период времени; при этом нельзя уверенно утверждать, что мужское было самым ранним. По социальному статусу могилы делятся на две группы (см. подробнее главу 4).

В группу 1 входят могилы князя (могила 4) и двух женщин (могилы 3, 6), похороненных в возвышающейся над местностью древней крепости эпохи бронзы. Они отличаются особенно богатым костюмом и обилием знаков высокого ранга. К группе 2 отнесены могилы трех женщин, расположенные внизу, у подножия древней крепости (могилы 1, 2, 5). У них многие важные атрибуты сделаны не из золота, а из серебра («серебряный статус») и имеются индивидуально оформленные скипетры. Каждая из погребенных в Тилля-тепе женщин имела чрезвычайно своеобразный костюм.

Сохранность украшений костюма

На скелетах и вокруг них обнаружено от одного слоя (могила 5) до восьми слоев (могила 4) золотых украшений. Сохранность органических материалов (кости, ткани, кожа) плохая. Перекрытие могил сгнило, но при падении оно не разрушило остатки костюма, как вначале думал В.И. Сарияниди. Только в могиле 1 нарушен порядок бляшек от таза до колена²⁵⁸, а в могиле 4 откатились в стороны украшения головного убора. Преувеличенными были и опасения, что положение мелких вещей нарушилось при помещении умершего в гроб и установке гроба в могиле (ср.: Сарияниди 1983, с. 23). В некоторых случаях из-за неравномерного оседания и разрушения гробов, а также образования грубых складок ткани первоначальная последовательность слоев украшений была не вполне ясна. Бляшки от одного предмета оказывались иногда на разной глубине и в различных «слоях», условно выделенных при раскопках.

По решению В.И. Сарияниди, каждое из погребений раскапывалось и чертилось одним из археологов-участников экспедиции, и исследователи использовали индивидуальный подход. Каждая могила изучалась от одного до двух месяцев. Было выделено много условных слоев золотых украшений; при этом бляшки каждого типа обозначались на чертеже слоя условными значками различных цветов и формы. К сожалению, опубликовать эти чертежи, хранящиеся в личном архиве В.И. Сарияниди, в полном объеме почти невозможно.

Методика анализа украшений костюма в Тилля-тепе и его реконструкция

Сразу же выяснилось, что большинство золотых нашивных бляшек украшало не костюм, как думал В.И. Сарияниди (он считал, что «на одеждах покойного не осталось ни одного неукрашенного места»: Сарияниди 1989, с. 78), а погребальные покровы различных типов. Одни из них покрывали крышку гроба. Другие были положены непосредственно на погребенного поверх одежды. Края их часто совпадают, особенно в нижней части ног, где они, видимо, пришивались друг к другу или к одежде. Это были: а) крупные прямоугольные куски ткани (?), закрывавшие тело умершего, кроме головы и стоп; б) «передники» (В.И. Сарияниди считал их «юбками»), закрывавшие участок от таза до низа голеней, украшенные диагонально пересекающимися линиями бляшек, с лентами-завязками; в) платки, закрывавшие лицо и свисавшие с головного убора. Эти предметы многократно использовались при жизни хозяев для каких-то других целей (в рядах украшений много бляшек утеряно). Видимо, главным назначением покровов было изолировать от внешнего мира все естественные отверстия человеческого тела (Яценко 1989а, с. 253–254; рис. 2–5).

В ходе разбора документации выяснилось, что каждый отдельный предмет одежды или его крупный элемент (подол, рукав) обычно обшивался по контуру бляшками особого, не встреченного более в могильнике типа. Это облегчило выделение основных элементов костюма.

Методика моего анализа отдельных погребений была различной в каждом случае.

Могила 3

Это самое богатое погребение в Тилля-тепе с наиболее роскошным комплектом костюма, известным у ираноязычных народов, было сильно нарушено норами нескольких семей мышей. Вероятно, несколько тысяч золотых бляшек мыши вынесли на поверхность земли (отсюда и название некрополя — «Золотой холм»). Они переместили даже несколько массивных золотых вещей. Исследователи считали, что восста-

²⁵⁸ В момент обнаружения могильника рабочий повредил украшения головного убора в могиле 1. При расчистке могилы 2 около 200 бляшек халата и платья были неосторожно сдвинуты с места любопытным афганским чиновником, от которого зависело продление виз для участников экспедиции.

новить первоначальный облик костюма здесь невозможно (Сарианиди 1983, с. 46). Моя работа с материалом этого погребения в 1984 г. состояла из четырех этапов: 1) определение «степени перемешанности» украшений мышами (количество однотипных бляшек на единицу площади; наличие обрывков рядов из них). Выяснилось, что украшения сильно перемешаны лишь на небольшом участке в северо-восточном углу гроба; 2) определение характера переноса бляшек мышами. Оказалось, что ряды бляшек, сохранившиеся *in situ* в нижнем слое, как бы «продолжались» выше на большинстве участков верхних, сильно разрушенных слоев, т.е. бляшки перемещались мышами в основном вертикально. Благодаря этому при рассмотрении на плане можно отчасти представить силуэт и систему декора элементов костюма (рис. 110, 1); 3) разграничение декора костюма и погребальных покровов. На чертеж наносились все фрагменты рядов бляшек, содержащие не менее трех-четырех экземпляров. Было установлено, что одни линии бляшек размещены вдоль тела покойной и образуемый ими орнамент имеет аналогии на погребальных покрывалах в могилах 2 и 4. Бляшки других типов имели поперечное размещение и не выходили за контуры тела, располагаясь от груди до колен. Они украшали одежду; 4) выявление отдельных элементов костюма. На отдельные чертежи наносились бляшки определенного типа, если их найдено не менее десяти экземпляров. В результате были выявлены зоны, где скопления бляшек имели не случайный характер (в них сконцентрировано большинство бляшек одного или нескольких типов).

На груди сохранились *in situ* перекрывавшие друг друга три пары золотых застёжек²⁵⁹; рядом лежала сдвинутая мышами четвертая пара. Две из них, вероятно, украшали одежды типа халата; две нижние, меньшего размера, — разрез платьев. Рядом, на груди покойной слева (по отношению к ней) под большим зеркалом мыши не смогли повредить несколько рядов вертикальных линий бляшек разных типов. Эти линии образовывали два слоя, наложась друг на друга на одном участке (рис. 110, 2). Это были остатки бортов, как минимум, двух роскошных халатов; тысячи золотых бляшек от них были разбросаны мышами по всей могиле. Достоверной информации об этих двух халатах у нас немного. Положение застёжек по отношению к декору бортов показывает, что они запахивались справа налево, как было принято у ираноязычных народов. Длина халатов и параметры рукавов неясны. Можно высказать несколько аргументированных предположений об их облике, основываясь на размещении аналогичных бляшек в других женских могилах (Яценко 1989а, с. 257–258) (рис. 118). От колен до таза, примерно через равные промежутки прослежены параллельные линии обшивок. Они украшали подол нижнего платья, который, видимо, пришивался отдельно. Подол и рукава, как и в ряде других могил Тилля-тепе, украшались по краю бляшками с дополнительными боковыми подвесками.

Сильно нарушено положение украшений головного убора. *In situ* сохранилась теменная кость черепа, лежавшая в золотой чаше. Крупные ажурные золотые пластины тыльной части убора были растащены и изгрызены мышами. Их общий периметр — 66 см, и, вероятно, они размещались в два ряда, охватывая полукругом голову спереди. Одна из них, дугообразно согнутая, имела длину 35 см и сохранилась *in situ*. Верхний ряд, вероятно, образовывали четыре маленькие пластины. В чаше и вокруг нее были найдены вертикальные ряды чередующихся бляшек двух типов, украшавших тыльную сторону головного убора (рис. 110, 3). На одном участке они хорошо сохранились, что позволило определить количество бляшек на уборе в целом и количество их в каждом ряду, а также высоту убора — 21 см (рис. 118). Декор тыльной стороны головного убора аналогичен некоторым образцам головного убора у мужчин в Матхуре (рис. 121, 7). Примененная методика позволила также выделить в районе черепа потревоженную мышами зону размещения нескольких типов бляшек (рис. 110, 1). Это полоса, расходившаяся от черепа симметрично в стороны, к плечам. Хотя ее границы из-за «работы» мышей, естественно, «расплылись», можно предположить, что они обшивали край покрывала, как в могиле 1. С лицевой стороны головной убор, вероятно, украшался по нижнему краю четырьмя крупными подвесками (Sarianidi 1985a, pl. 38) (рис. 118). Сходным образом лицо закрывается подвесками у невест многих кочевых и полукочевых народов мира (см., например: Beckwith, Fisher 1999, p. 81, 83, 93).

Могила 1

Несмотря на отсутствие погребальных покровов и самую подробную для могильника документацию, реконструкция костюма в этой могиле оказалась наиболее сложной, заняв более года. На общем чертеже от таза до черепа сплошная масса из более чем 2000 золотых украшений. Оседание частей гроба и разложение отдельных частей одежды происходили неравномерно; в результате при раскопках были условно выделены четыре «слоя» украшений. Однако все бляшки разных «слоев» (за исключением рукавов), как

²⁵⁹

Одна из таких пар (Sarianidi 1985a, p. 241; cat. 3.45) по форме аналогична тем, что носили чиновники при первых Сасанидах в первой половине III в. (Hertmann 1989, fig. 2).

выяснилось, образовывали единый комплекс декора таких элементов платья, как бретельки (рис. 111, б), рукава, боковые разрезы подола и др. *Первоначальные слои* украшений выявлены после того, как были составлены чертежи по каждому типу бляшек и затем — обобщенные по отдельным частям тела. Особой сложностью отличалась обшивка рукавов. Ряд фактов позволил предположить, что на умершей были надеты два вида одежды с декорированными рукавами и что граница рукава верхней одежды шла по линии максимально широкой полосы декора (рис. 111, 4–5). Во-первых, ниже этой линии декоративная полоса резко сужается. Следовательно, женщина носила верхнюю одежду с короткими расширяющимися к краю рукавами и нижнюю с длинными узкими рукавами (рис. 116). Во-вторых, необычные вертикальные ряды бляшек встречены только выше этой линии и образуют второй слой украшений. В-третьих, размещение рядов бляшек на обоих рукавах сходно только ниже этой линии. Выше таза бляшки располагались хаотично, группами по три-четыре однотипных. Преобладают треугольники из трех бляшек (рис. 112). Сходный орнамент неоднократно встречается в костюме Кушанской империи. Слой золотой парчи, лежащий под скелетом, ниже украшений нагрудной ленты, как бы очерчивает контуры одного из предметов плечевой одежды. Хотя контур парчи на туловище неровен и не полностью соответствует контуру тела (рис. 112), в нем можно предположить обшивку верхней одежды на спине (ткань везде образует один слой). Вполне возможно, что под умершую подложили короткую одежду с вышивкой.

Головной убор был разрушен в момент открытия могильника и может быть восстановлен только частично. Уцелели украшения нижнего края, восстанавливается силуэт (облегающий голову); сохранились слева и линии бляшек крепившегося к нему короткого покрывала (Sarianidi 1985a, pl. 86) (рис. 112). Вдоль правой руки хорошо сохранился вертикальный ряд крупных бляшек, количество которых уменьшалось сверху вниз; они, видимо, украшали ленты на косах. Восстанавливается и сильно пострадавший при проседании крышки гроба декор разреза штанов (рис. 111, 3). Очень хорошо сохранились украшения нагрудной ленты (рис. 111, 1; 112). На спине от нее отходили вверх две ленты, расшитые рядами подвесок из золота и фаянса.

Могила 6

На груди обнаружены остатки трех слоев налегающих друг на друга воротов платьев и рубахи (рис. 113, 2–4). Наиболее интересен верхний ворот с богатым декором сзади (ibid., pl. Cat. 6.22); справа он имеет следы износа (потери бляшек): весьма вероятно, что это следы накладного кармана; роскошные обшлага, декорированные спереди и сзади (рис. 113, 5–6), также явно принадлежат этой верхней одежде. Очень эффектна золотая диадема (ibid., pl. 14–15). Из-за этой находки Е.Е. Кузьмина и В.И. Сарианиди даже считали умершую главной из жен — «царицей» (Кузьмина, Сарианиди 1982, с. 24). К сожалению, мнение о том, что царицы всех ираноязычных народов носили именно корону, не подтверждается фактами; например, у царицы из центральной камеры скифского кургана Чертомлык (IV в. до н.э.) оба головных убора были в форме расширяющегося вверх цилиндра («скифские калафы») (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 63; кат. № 128, 136, 206–208, 210–211, 213). На правом плече лежала сумочка трапециевидной формы (Яценко 1989a, с. 259–260; рис. 9, з, д); под ней вокруг шеи и правого плеча умершей обнаружено скопление крупных золотых дисков, которые, вероятно, украшали парадный шарф²⁶⁰. Туфли, как и в других могилах группы 1, декорированы вдоль шва, соединяющего подошву с остальной частью (рис. 113, 1). На руках сохранились остатки варежек, обшитых парчой и жемчугом (это не были перчатки, так как сплошной ряд бляшек отмечен поперек пальцев рук).

Могила 4

С одеждой в этой могиле произошло недоразумение. В.И. Сарианиди принял один из погребальных покровов за длинную юбку (Sarianidi 1985a, p. 246; Яценко 1989a, с. 253–254). Исследователь решил, что подобная «юбка» изображена также на подвесках из могилы 2, где якобы представлен реальный мужчина-правитель; но на них явно изображен бог — «хозяин зверей» с цветочной розеткой вместо ног (Sarianidi 1985a, pl. 44–47) (другой бог с дельфином на плече имеет такие же «ноги» и еще четыре щупальца) (ibid., pl. 86). В действительности верхней одеждой мужчины-князя был длинный халат (в эпоху Империи это документируется на монетах, начиная с правления Вимы II Кадфиза (90/110–100/120), но система его декора отличается от более поздних образцов (Яценко 1989a, с. 255) (рис. 114, 1). Халат был украшен рядами золотых цилиндрических пронизок (Sarianidi 1985a, pl. 2) вдоль бортов, боковых разрезов подола и по краю рукавов; бляшки типа Cat. 4.14 образовывали на спине вертикальную линию и украшали швы с

²⁶⁰ Бляшки в форме плоского цилиндра, диаметр — 2,0 см. Отсутствуют в Каталоге В.И. Сарианиди.

тыльной стороны рукавов. Судя по сохранившимся в центре груди полам, халат был застегнут с помощью пуговицы (Яценко 1989а, рис. 13, I — реконструкция). Реконструкция носившегося под ним кафтана (*kurtak*) не сложна (рис. 114, 2; 119). Его спинка была расшита золотом, в верхней части ее золотыми бляшками был образован треугольник (там же, рис. 13, II) (рис. 114, 5). Это не капюшон, как думал В.И. Сарияниди, так как на единственном известном у древних ираноязычных народов объемном изображении такого элемента кроя он совершенно плоский (золотой гребень из кургана Солоха, рубеж V–IV вв. до н.э.) (см. иллюстрации: Schiltz 1994, p. 136–140). Борта и подол украшены двумя рядами бляшек в форме круга и квадрата, как и у правителя в Халчаяне (Пугаченкова 1971, с. 49), что связано, видимо, с символикой земного и небесного огня (см., например: Keith 1925, p. 288; Dumézil 1966, p. 309–311; Яценко 1987б, с. 136). Рубаха (нижний слой украшений № 5) на спине (слой 8) имела довольно сложный рисунок и богато украшенные рукава (рис. 114, 3).

Изучение документации позволило реконструировать облик головного убора (рис. 119)²⁶¹. Верхний край его был украшен золотой скульптуркой дерева с листьями, имеющими аналогии в материалах Китая и Кореи (Сунь Цзи 1991, табл. 1–3), двумя маленькими золотыми шариками и великолепной фигуркой горного барана греческой работы (Sarianidi 1985a, pl. 112–120). Традиция украшать верхнюю часть мужского головного убора золотой фигуркой горного барана известна и в более раннее время у кочевников Центральной Азии: в Туве (Кош-Пей I, курган 1: Семенов 1994, с. 185, 192; рис. 5), в Западной Монголии (Улангом, могила 33: Новгородова 1989, с. 290, 334; рис. 9) и в Семиречье (курган Иссык: Акишев 1983, с. 105).

Бляшки на пальцах рук (рис. 114, 4) сохранили первоначальное положение хуже, чем в могиле 6, но, вероятно, это также были варежки. Штаны, судя по отпечаткам на бляшках, были сшиты из льна (плотность — 20×20 нитей/см). На ногах, выше украшений штанов обнаружены бляшки, нашивавшиеся на высокие (выше колен) чулки из ткани, крепившиеся, вероятно, специальными лентами к поясу (Яценко 1989а, с. 256; рис. 13, I) (рис. 114, I; 121, 96). Чулки, как и верхний халат, украшены достаточно скромно, и их можно рассматривать как комплект дорожной одежды.

Могила 2

Повторный антропологический анализ показал, что это погребение молодой *женщины-воительницы*. Стратиграфия украшений костюма в этой могиле проста. Верхней одеждой был довольно скромно украшенный (как и в могиле 4) халат (рис. 115, I; 117; 122, 30), расшитый не только бляшками, но и рядами бус (борта и рукава) (там же, с. 263; рис. 17, I) и крепившийся на груди парными застегками (Sarianidi 1985a, pl. 85). Ниже плеч были нашиты две фигурки музыкантов (*ibid.*, pl. 59). Гораздо роскошнее было короткое (до колен) платье (рис. 117; 122, 38) с большим количеством золотых украшений на груди и с тыльной стороны стоячего ворота (рис. 115, 2) и великолепными обшлагами (рис. 115, 4); к каждому обшлагоу подвешивались два шнура с амулетами (Яценко 1989а, с. 263–264) (на одном — рука, нога и топорик: Sarianidi 1985a, pl. 53–58; на другой — капля, рыба и астрагал: *ibid.*, Cat. 2.14). Подол платья имел, вероятно, шесть треугольных выступов, из которых три передних имели на концах низку из пяти бусин (сверху вниз: бляшка с подвешенным золотым диском, гранатовая бусина, две фаянсовые бусины, 1 золотая бусина) (рис. 115, 3). Головной убор украшался бляшками только спереди, и его декор хорошо сохранился (рис. 115, I; 117); такие же бляшки, но меньшего размера, декорировали ленты на косах (рис. 115, I).

Комплекты костюма

В комплекты женского костюма входили рубаха с вертикальным разрезом ворота; платье длиной до колен с длинными рукавами (кроме могилы 1, где короткие рукава расширяются книзу) и разнообразными типами ворота; халат длиной немного ниже колен с рукавами длиннее пальцев рук; штаны (неизбежные при коротком платье); индивидуально оформленный головной убор; невысокие туфли с округлым или острым носком. Пояс, вероятно, не носился (никаких следов его не обнаружено).

Комплект мужского костюма отличался прежде всего наличием короткого кафтана (*kurtak*), пояса и длинными чулками-ноговицами из ткани, крепившимися к поясу. Мужчина и женщина из могил 4, 6 носили костюм для *холодного сезона* (у них найдены варежки, шарф и по три одеяния).

Молодые женщины из могил 1 и 2 отличались наличием кос и платьем с горизонтальным воротом без вертикального разреза (по этнографическим аналогиям в Западном Туркестане, именно таким был костюм

²⁶¹ Первоначально В.И. Сарияниди предполагал, что золотые украшения крепились к краю фиалы.

молодых женщин до рождения первого ребенка). Иными словами, они вышли замуж незадолго до их принудительной смерти.

Для Тилля-тепе специфичны типы женских булавок, украшений кос (ibid., pl. 86) и парные застёжки одеяний на груди с изображением либо местных богов и богинь, либо Эротов верхом на дельфинах (ibid., pl. 78–79, 83, 85, 87). Прическа у большинства женщин представляла собой, вероятно, сложный узел из нескольких кос, уложенных на затылке; в него втыкались по диагонали, остриями вверх две золотые булавки с подвесками в виде цветов (ibid., pl. 16, 19–20).

Этническая атрибуция Тилля-тепе

Многие исследователи сомневаются в справедливости заключения исследователя могильника В.И. Сарианиди о том, что люди, погребенные в Тилля-тепе, были *юэчжами*, и считают их сако-парфянами (см., например: Fussman 1987, p. 386; Пугаченкова, Ремпель 1991, с. 131). Эти сомнения пока не аргументированы детально, и, на мой взгляд, для них в целом нет достаточных оснований. Напротив, в Тилля-тепе документируются некоторые специфичные именно для юэчжей элементы костюма, известные и во времена Кушанской империи (рис. 121–122; см. ниже). Например, головной убор главной жены (могила 3: рис. 118) был украшен с тыльной стороны орнаментом, вероятно в виде сетки из ромбов, внутри каждого из которых помещалась золотая бляшка с подвешенным на проволоке диском; позже такой орнамент известен на головных уборах мужчины в Матхуре (рис. 121, 7). В могиле 2 головной убор (рис. 117) имеет аналогию именно в кушанской Бактрии (рис. 121, 18). Традиция носить два нераспашных одеяния (верхнее с короткими, расширяющимися книзу рукавами и нижнее с узкими длинными рукавами) (могила 1: рис. 116) характерна в более позднее время только для Кушании (Rosenfield 1967, pl. IV, Nos 67, 68, 123; The Crossroads 1992, No. 167) (рис. 121, 55). Только там встречены специфически декорированные разрезы нижнего края женских штанов (рис. 138, 42), выявленные в могиле 1 (рис. 116). У мужчины из могилы 4 обнаружены крупные золотые диски, которые скрепляли (с помощью петель) края как шаровар, так и обуви; они известны у Канишки I (100/120–126/146) и у других знатных кушанских должностных лиц (Rosenfield 1967, pl. 67, 120; Пугаченкова 1978, рис. 141). Можно уверенно считать погребенных в Тилля-тепе именно ранними юэчжами времени, когда в области Кушан начинал царствовать Куджула Кадфиз, а в регионе, где находится Тилля-тепе (в Западной Бактрии), — местный юэчжийский князь Сападбиз (его монета найдена в одной из могил) (ср.: Ртвеладзе 2002, с. 149, 161). «Нумизматические» аргументы против юэчжийской принадлежности Емшитепинского княжества Агезилиса и Сападбиза представляются весьма сомнительными (там же, с. 161–162). В ювелирных изделиях Тилля-тепе прослежено влияние соседней Парфии (Pugachenkova, Rempel 1991), но некоторые изделия (Sarianidi 1985a, pl. 17, 37, 40; Cat. 3.31, 33, 44) имеют аналогии только в царстве индо-скифов (Bussagli 1984, p. 75, fig. 3; Czuma 1985, No. 82; Mani 1987, pl. 29, 31, 35), расположенном в Гандхаре. В.И. Мордвинцева недавно пыталась выявить в стиле ювелирных изделий Тилля-тепе несколько местных школ²⁶², однако в дальнейшем, напротив, подчеркивала их стилистическое сходство (Мордвинцева 2003, с. 21), что близко и моей позиции (Яценко 2003, с. 172). Видимо, следует отделять в первую очередь изделия, сделанные местными греческими (Sarianidi 1985a, pl. 89–97, 99, 112–120) и юэчжийскими мастерами.

Изображения мужчин-правителей

Известные ранние изображения представляют только знатных мужчин. Правители ранних юэчжей в Бактрии изображались в коротких (до нижней части бедер) кафтанах «куртак», запахнутых налево, в широких шароварах и туфлях. Таково, например, изображение юэчжийского князя, победившего лежащего греко-бактрийского воина, на халцедоновой гемме из коллекции Джонатана Розена (Нью-Йорк)²⁶³. Волосы этого персонажа собраны в узел на макушке (этот тип прически сохранился и в период Империи). К сожалению, изображения на монетах «доимперских» юэчжийских правителей Бактрии I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. — Сападбиза, Фсейгахариса, Танлисмаидата и др. (см.: Ртвеладзе 2002, с. 149–151, 170, 181; табл. XV–XVII) не дают нам информации по местным деталям их костюма (кроме, пожалуй, широкой многовитковой гривны на шее у первого). На монетах Санаба/Герая (которого одни исследователи отождествляют с Куджулой Кадфизом: Cribb 1993, p. 107–134, а другие — с его сыном Вимой Такто: Ртвеладзе

²⁶² Доклад «Формализованный и статистический анализ изделий „бирюзово-золотого стиля“ (на примере материалов некрополя Тилля-тепе)» в Скифо-сарматском отделе Института археологии РАН, 31.03.1999 г.

²⁶³ Информация, любезно предоставленная А.Б. Никитиным в феврале 1999 г.

2002, с. 141–142) мы видим диадему из плотной ткани, два коротких конца которой торчат сзади (аналогичный способ повязывания диадемы известен в ахеменидское время у дрангов), редкий тип прически, кафтан, запахнутый налево, и простую гривну из толстого прута (Zeimal 1983, pl. 18).

2.3.2. Костюм бактрийских юэчжей имперского времени (середина I — вторая половина III в. н.э.)

Плечевая одежда

Мужская распахнутая одежда

Она носилась как верхняя поверх рубахи. Парадной одеждой знати были *халаты* длиной до щиколоток или немного выше (рис. 121, 43–46; 123, 2). Иногда они имеют отложной воротник (рис. 121, 45) и отдельно скроенный подол со складками (рис. 121, 57). Халаты крепились на груди парой застежек в форме круга или капли (рис. 121, 37, 39, 42, 45), иногда борта держались поясом (рис. 123, 2). Такой запахнутый и подпоясанный халат у правого донатора на постаменте статуи «гарвардского Будды» (II в.) имеет узкую кайму по бортам и широкую полосу вдоль бокового шва; подол разделен на четыре широкие вертикальные секции с подбором, образующие серию фестончатых складок (Rhie 1999, fig. 1.76, 1.77a). Золотые бляшки (в ряде случаев, возможно, полоса меха — рис. 121, 45) украшали края бортов кафтанов и подола. Рукава были разной длины и ширины. Иногда вся поверхность украшалась однотипными золотыми бляшками, как на одной из статуй Вимы Такто (?) (рис. 121, 43). Халаты Хувишки отличаются также богатым декором полосы в верхней части рукава (Rosenfield 1967, pl. IV, Nos 69–73; V, Nos 86–87, 110) (см., например: рис. 121, 40).

Пока только в Гандхаре в кушанское время известны парадные распахнутые одежды «кандис» иранских народов, широко распространенные в ахеменидский период (рис. 121, 14, 24, 26) (см. также: Askerman 1975, pl. II, a), но они документированы в V–VI вв. в Бактрии/Тохаристане (см. ниже), и это позволяет предположить, что они принадлежали собственно юэчжам²⁶⁴. Такие длинные одежды с очень длинными и узкими рукавами в VI–IV вв. до н.э. были распространены на всей территории иранских народов — от пазырыкской культуры Алтая (Руденко 1968, рис. 9; Яценко 1989а, с. 148–150; 1999а, рис. 1, 21) до европейской Скифии (Yatsenko 1992, p. 758) (Л.С. Ключко называет их «халатами»: Ключко 1992а, с. 10) и Персии (см., например: Bittner 1985, fig. 23–24; 29, 1–2; 30, 3; 34, 3). В I–III вв. кандисы кушан носились не наброшенными на плечи, а надетыми в рукава (Мкрытчев 1990, с. 68).

В других случаях носились короткие *кафтаны* (*kurtak*) (рис. 121, 47–50; 124). В отличие от халатов у них богато декорированы не только три названные уже зоны, но и края рукавов (вероятно, украшались пришитые к рукаву обшлага). Кафтаны запахивались налево и держались с помощью пояса; они делались, вероятно, из плотной ткани или кожи. На штуктовых рельефах из буддийской ступы Дхармараджика в Таксиле (середина IV в. н.э.?) у нескольких молящихся видим кафтаны с косо срезанным наружу нижним краем пол (Rhie 1999, fig. 4.79). Аналогии им известны в предшествующее, ахеменидское время на персидских изображениях многих народов Западного Туркестана — согдийцев, хорезмийцев и саков: хаумарварга, тиграхауда и «заморских»; у первых они сохранялись в женском костюме и в начале средневековья (рис. 180, 37–39); у кушан скошенные подобным образом полы видим и на женских халатах (рис. 122, 31). Особый тип одежды, известный на монетах Хувишки, — распахнутая рубаха из ткани, борта которой завязаны вертикальным рядом парных шнурков (рис. 121, 52).

Женская распахнутая одежда

Она носилась как верхняя поверх рубахи или платья. Длинные, до пят халаты изображаются нечасто (рис. 122, 31, 33). Бытовали и чуть более короткие безрукавные накидки, крепившиеся на груди пряжкой (рис. 123, 16). Короткие кафтаны декорированы скромнее, чем у мужчин (рис. 122, 34–35).

Мужская нераспахнутая одежда

²⁶⁴ Кандис во II–IV вв. документирован также в Согде, где он изображен по древней традиции, наброшенным на плечи. Однако он известен только на терракотах с богинями, и неясно, носился ли он в быту (см.: Мешкерис 1989, рис. 33, 35).

В целом в мужском (и отчасти в женском) костюме кушан явно происходит процесс смены верхней *распашной одежды на нераспашную*. В официальных сценах цари и высшая знать еще используют старую традицию, но это не может ввести нас в заблуждение, когда мы анализируем изображения большого числа менее знатных адорантов. Еще в ахеменидское время нераспашные одеяния носились сагратиями, дрангами, парфянами, бактрийцами и арахотами как верхние.

Вероятно, специфически кушанским можно считать изредка встречающееся в Бактрии и Гандхаре у мужчин и женщин сочетание верхнего короткого одеяния с короткими же (не доходящими до локтей) рукавами и нижней рубахи с более длинным подолом и рукавами (Rosenfield 1967, pl. 68, 98, 123; Bussagli 1984, p. 125) (рис. 116; 121, 55). Как в Тилля-тепе, так и на ряде изображений правителей на статуях и монетах очевидно сравнительно скромное оформление верхних халатов и весьма роскошное — носившихся под ними парадных нераспашных рубаш.

Нераспашные одежды обычно имеют горизонтальный ворот (иногда с вертикальным разрезом — рис. 121, 57, 63; реже ворот с треугольным вырезом — рис. 121, 58, 61, 68). Верхняя одежда у юношей-адорантов в Фаязтепе имела, видимо, горизонтальный ворот с вертикальным разрезом слева, верхний край которого крепился на плече повязанной бантом короткой красной лентой (рис. 123, 4). Край ворота у мужчин обычно не декорировался (исключение — монета Хувишки: рис. 131). Длина одеяния, как правило, доходит до колен, лишь изредка — до пят (рис. 121, 55, 60). Одежда этого типа могла быть как верхней, так и нижней (видимые на изображениях части нижней рубахи часто никак не декорированы). Рубаха была широкой и обычно носилась с поясом, даже когда сверху надевали парадный халат. На «реликварии Канишки» такая одежда правителя имеет боковые разрезы, декорированные полоской отделки (рис. 123, 3). Пришивной подол мог иметь множество складок (рис. 121, 65), край с рядом сборок (рис. 121, 59–60) или с воланом (рис. 121, 55); по периметру подола иногда вшивались шесть свисающих клиньев (рис. 121, 38) или два больших клина по бокам (рис. 121, 66). Рукава были как длинные, так и короткие (в последнем случае они часто обильно декорировались — рис. 121, 53, 61, 63).

Женская нераспашная одежда

Платья имели длину до пят и полностью закрывали ноги (рис. 122, 39–42); обычно они не подпоясывались (исключения см.: рис. 122, 42; 123, 13). Иногда под платье надевалась рубаха. Изредка эти одежды были без рукавов (рис. 122, 42). Форма ворота у платьев различна: чаще всего он горизонтальный, иногда стоячий (рис. 122, 41) или с вертикальным разрезом (рис. 122, 29). У адоранток на стенной живописи из Фаязтепа видим под накидкой очень широкие и свободные платья с горизонтальным воротом, подол которых несколько длиннее ног (Kato 1992, fig. 5) (рис. 123, 16). Подчас как у адоранток, так и у богинь на терракотах видим платье с глубоким треугольным вырезом; под ним носилась рубаха с горизонтальным воротом или воротом с небольшим и узким треугольным вырезом (рис. 123, 13–14). У аристократок платья иногда шились из тканей с крупным однотипным орнаментом. Очень интересна оригинальная нераспашная шуба с очень глубоким разрезом, лишь немного не доходящим до края подола; в остальном по облику она напоминает классический кандис (рис. 122, 32). Сходная одежда позже известна в соседнем Хорезме (Ягодин, Ташходжаев 1970, цветная вклейка, 36; Рапопорт, Неразик, Левина 2001, рис. 21). Еще недавно подобные платья (*куртаи пешкушо*) были в ходу у женщин равнинных таджиков; помимо бытового удобства они имели магическое значение, символизируя «открытость» судьбы, и должны были облегчить роды (Широкова 1980, с. 304–305).

Часто в качестве верхней одежды носились богато декорированные рубахи поверх длинного платья или в комплекте со штанами. Длина рукавов у них различна: от коротких (рис. 122, 36–37) до более длинных, чем рука, и собранных в складки (рис. 122, 43; рис. 123, 12). Зачастую из-под такой рубахи выглядывает нижнее платье, которое немного длиннее и, вероятно, другого цвета. Ворот был горизонтальным, изредка с дополнительным вертикальным разрезом²⁶⁵. К платью иногда крепилась на лямках богато декорированная нагрудная лента (рис. 111, 1–2).

Плащи-накидки

Плащи были обычно довольно короткими и узкими. Они закалывались на плече (чаще всего на правом) одной фибулой. Видимо, более широкий плащ скалывался двумя фибулами в верхней части груди

²⁶⁵ Позднее, у «этнографических» таджиков рубаху с горизонтальным воротом носили незамужние женщины, а после выхода замуж — рубаху с дополнительным вертикальным вырезом *пешьяла* для кормления детей грудью (Писарчик 1979, с. 116; рис. 1).

(рис. 121, 59–60) (оба типа плаща известны, например, на монетах третьего правителя Кушанской империи, Вимы Кадфиза: Göbl 1984, Taf. 2). Их видим также у Канишки I; под ними он носил уникальную для кушанских царей нераспашную одежду (рис. 121, 57). Женские широкие парадные накидки встречены только у трех адоранток из Фаяз-тепе (Kato 1992, fig. 5). Длинной они почти до щиколоток, широкие и крепятся в верхней части груди парными дисковидными застежками с лентой на каждой (рис. 123, 16).

Наплечные украшения

Из мужских предметов одежды такого рода особо отмечу известную в Матхуре пелерину в виде креста с заостренными концами, похожую на элемент кушанского военного доспеха (рис. 121, 71), и пелерину в форме круга с отверстием для головы (рис. 126) (Пугаченкова 1979, рис. 109). На плече верхней женской рубахи иногда носили золотое украшение в форме розетки с четырьмя-пятью лепестками (Тилля-тепе, Халчаян) (Пугаченкова 1971, с. 30; Sarianidi 1985a, Cat. 1.6).

Мужские головные уборы

Они отличаются большим разнообразием. Наиболее распространены различные типы в форме невысокого конуса (рис. 121, 1–2, 5–8, 10, 15, 17–19, 21). Они делались из войлока или плотной ткани, так как верхняя часть у них острая или лишь немного наклонена вперед. Некоторые из них окрашены в белый цвет (Древности 1985, с. 77; № 205). У правителей они часто украшались вертикальными рядами бляшек различных форм, каждая из которых могла иметь дополнительный подвешенный диск (рис. 121, 1, 5–7, 10; 129). Иногда по нижнему краю, надо лбом пришивали круглую золотую бляшку, как на глиняной статуэтке всадника из Дильберджина (рис. 121, 21) и у божества в башлыке на «реликварии Канишки» (Coins 1999, обложка). Конус мог иметь плоскую вершину (рис. 121, 3, 12) или отворот вдоль нижнего края (рис. 121, 18). Традиции кочевников ярко проявляются также в использовании уборов с боковыми выступами (рис. 121, 4, 8–9, 19), которые первоначально делались из войлока. Такие уборы носились иногда и высшей знатью (аристократ на слоне — бронзовый фигурный ритон из музея Метрополитен: Knauer 1999, fig. 8).

Иногда создатели убора (и затем художники) специально подчеркивали его крой, декорируя швы золотыми бляшками (рис. 121, 1–2, 5, 7, 18–19). Богато декорированные головные уборы на изображениях относятся только к высшей аристократии. У первых трех кушанских правителей, судя по монетам, уборы популярных форм делались, видимо, из дорогих материалов и обвязывались по нижнему краю узкой лентой, длинные концы которой развевались сзади (рис. 121: Куджула Кадфиз — 12; Вима Такто — 7, 16; Вима Кадфиз — 3). Кушанские императоры до царствования Хувишки (126/146 — 164/184) иногда носили также уборы в форме цилиндра (рис. 121, 3, 11, 22), менее значимые персонажи — в форме полусферы (рис. 121, 16, 23). Весьма оригинален один из головных уборов Хувишки (рис. 121, 24). В редких случаях известны образцы, напоминавшие берет (рис. 121, 14), пилотку (рис. 121, 20; этот убор известен также у бога и богини на печати из Туп-хоны: Денисов, 1974, с. 51). *Шлемы* Хувишки, Васудевы, Канишки III и других царей здесь не рассматриваются. Некоторые цари (Вима Такто, Канишка I, Хувишка) изображались в головных уборах трех и более типов, которые, вероятно, имели разные функции и носились в разных ситуациях.

Женские головные уборы

Они менее разнообразны, чем мужские, и при этом почти не имеют с ними общих элементов (исключение — один тип убора в форме конуса (рис. 122, 3, 8; 123, 8) и двухзубая «пилотка» (Денисов 1974, с. 51). Как и у мужчин, у женщин известно несколько типов конусовидных уборов; если убор делался из мягкой ткани, верхушка его могла свешиваться вперед (рис. 122, 3) или назад (рис. 123, 8). Встречаются конусовидные уборы с утолщением по нижнему краю (рис. 122, 3–4, 6, 8) и в форме цилиндра (рис. 122, 10). Использовались и шапки с боковыми выступами, закрывавшими уши и затылок (рис. 122, 5, 11). Некоторые виды уборов замужних женщин сопровождаются небольшим и коротким покрывалом для волос (рис. 122, 1, 6). Более длинная «шаль» встречается редко (рис. 122, 9) (см. в Айртаме: Массон 1933, рис. 3; Ставиский 1979, рис. 82); судя по аналогиям у таджиков, это мог быть платок, особым образом сшитый из куска ткани, близкого к треугольнику (ср.: Широкова 1989, с. 189, рис. 22, 13; 27, 2). Оригинальны высокие и, видимо, уплощенные уборы в виде гребня (рис. 122, 1–2; рис. 123, 9) и трехъярусные короны, на которых в каждом ряду чередуются по три красных, белых и желтых элемента (рис. 122, 27). Известен ма-

ленький берет из ткани, которая украшена рядами мелких розеток с восемью острыми лепестками (Пугаченкова 1978, рис. 141).

Начельные украшения

У мужчин повязки-диадемы (рис. 121, 13–29) характерны для изображений ранних правителей и мифологических персонажей. Такая же диадема, как у Герая, использовалась Куджулой Кадфизом и Вимой Такто. Она изображена также у юноши на предполагаемой бактрийской шерстяной ткани I в. н.э., найденной в одной из могил Сампулы (к юго-востоку от Хотана, Синьцзян) (Rhie 1999, p. 273, fig. 4.11). На керамической мужской голове из Дильберджина представлен, видимо, золотой венец с горизонтальным рядом декора в виде кружка и «капель» по сторонам (рис. 123, 2a). Женские диадемы из белой ткани (Ртвеладзе 1978, с. 80, 81) (рис. 122, 16, 21) иногда украшались тремя бляшками с розеткой²⁶⁶. Истоки этой древней традиции связаны с Месопотамией, точнее — еще с Шумером). В одной из женских могил Бактрии (Бабашов, ограда IV, могила 9) найдена диадема, украшенная рядом золотых бляшек в форме полумесяца, буквы «W» и листьев дерева (Мандельштам 1975, с. 68, табл. XLI, 25; XLII, 2, 5).

Поясная одежда

Штаны (шаровары) и юбки

Мужские штаны шились обычно из ткани и были узкими или, реже (у аристократов), широкими (рис. 125). Женщины носили рубахи в комплекте с узкими штанами, которые заправлялись в туфли. Лишь в одном случае известно изображение широкой юбки (рис. 122, 44)²⁶⁷.

Передники

У мужчины-донатора в пещерном монастыре Квил-и Надир в Афганистане видим держащийся на тонких ремешках на бедрах довольно узкий прямоугольный передник, не доходящий до колен (Hackin, Carl, Meunier 1959, fig. 264). Несомненно, это ритуальный предмет. Возможно, своим происхождением и функциями он связан с китайским ритуальным мужским передником *би*, надевавшимся при жертвоприношении (ср.: Сычев, Сычев 1975, с. 36).

Пояса

Мужские пояса отличаются большим разнообразием. Они чаще всего, видимо, были кожаными (такие образцы иногда украшались сетчатым орнаментом: рис. 121, 79²⁶⁸), свивались из толстых ремешков (рис. 121, 74) или делались из ткани белого или черного цвета (Пугаченкова 1971, с. 58). Если они были из ткани, то в этом случае они, как у многих народов в древности, повязывались священным «узлом Геркала» (рис. 121, 77), причем он мог быть как спереди, так и, возможно, сзади. Кожаные пояса аристократов обычно крепились на концах парой золотых застежек в форме дисков с цветочной розеткой (рис. 121, 80) или изображениями животного (рис. 121, 73). К застежкам крепилась металлическая подвеска в форме наконечника копья (рис. 121, 78–79; 131, 48); она появляется начиная с царствования Канишки I (Rosenfield 1967, pl. 2). Чаще всего такой пояс украшался рядом однотипных золотых бляшек в форме квадрата с изображением цветочной розетки (рис. 121, 78, 80) или прямоугольника с двумя заклепками на концах в форме капли (рис. 123, 6), реже — круглыми бляшками с тем же сюжетом или чередующимися круглыми и квадратными бляшками.

«Наборные» пояса, украшенные рядом однотипных бляшек, были распространены у кочевников Центральной Азии с эпохи бронзы (Добжанский 1990). Особый интерес представляют пояса, целиком сделанные из золота. Они сплетались из десяти золотых цепочек (имитируя, видимо, плетение из шерстяных ни-

²⁶⁶ У северных соседей юэжжей были известны синхронные женские диадемы из красного шелка. Они найдены в Северном Кыргызстане (Кенкол, курган 9) (Бернштам 1940, с. 9) и в Ферганской долине (Карабулак, курган 1/1954 г.) (Баруздин 1955).

²⁶⁷ Такая же юбка изображена на ткани у богини (III–IV вв.) в Карабулакском могильнике в Ферганской долине (Лубо-Лесниченко 1982).

²⁶⁸ Этот орнамент известен уже в древности у кочевников Центральной Азии эпохи бронзы (см., например, «оленные камни» Монголии: Nowgorodova 1980, p. 131).

тей) и имели по периметру девять медальонов-дисков с изображениями мифологической сцены (рис. 121, 81). Такой пояс был найден в Тилля-тепе, но он известен и на более поздних изображениях (Rosenfield 1967, pl. 102).

Женские пояса делались из ткани (иногда с бахромой на концах) и завязывались «узлом Геракла» (рис. 122, 48–49). Из какого-то разграбленного погребения в Северной Бактрии происходит богатый набор золотых женских украшений, хранящийся в неуказанной частной коллекции на Западе (Heirs 1997, No. 63) (рис. 123, 15). В их числе — узкая золотая застежка от матерчатого (?) пояса, состоящая из двух соединенных шарнирами ажурных прямоугольных пластин. В центре каждой из них — фигура «8» из веток растений.

Обувь

Мужская обувь

Она чаще всего представлена полусапожками с носами обычно округлой формы. Они завязывались сверху ремешком, который иногда, как и верхняя часть обуви, украшался золотыми бляшками (рис. 121, 99). Концы ремешков могли отходить далеко в стороны, как в кушано-сасанидском Гульбияне (Lee, Grenet 1998; Grenet 1999, personnages 3, 5–6). Известны и сапоги высотой до колен (рис. 121, 97). Аристократы носили иногда специфический для кушан тип обуви с очень длинными и прямоугольными носами, поверхность которых была гофрирована (рис. 121, 90–94). Всадники порой носили отдельные широкие и очень высокие (до низа таза) ноговицы из ткани, которые крепились двумя ремешками к поясу (рис. 121, 96).

Женская обувь

Ею служили туфли. Они были низкими, с округлыми носами (рис. 122, 51), иногда красного цвета (Ртвеладзе 1971, с. 82).

Прически

Мужские прически

Они достаточно разнообразны. Прямой пробор (рис. 121, 30, 32) встречается редко. Обычно волосы ровно подстригали надо лбом (рис. 121, 26–28, 33–34). Чаще всего носили короткую стрижку, иногда с тонкой прядью волос у виска (рис. 123, 1). Более длинные волосы иногда собирали в узел на макушке (рис. 121, 30) или на темени (Litvinsky 2001, fig. 6). Завитые волосы либо укладывали надо лбом в два ряда (рис. 121, 35), либо локоны у висков загибали внутрь (рис. 121, 29, 35). Большинство мужчин носили усы. Встречается и небольшая борода (рис. 121, 28, 32, 36). Более длинную бороду (рис. 121, 25) иногда носили пожилые мужчины и старики (Древности 1985, с. 77; № 205). Замечу, что черепа мужчин в Халчаяне в ряде случаев искусственно деформированы: у них плоский затылок, в середине лба имеется углубление, у переносицы виден треугольный выступ (Пугаченкова 1971, с. 45).

Женские прически

Одну короткую косу, которая могла целиком прятаться в мешочек из ткани, расширяющийся к затылку (Ртвеладзе 1978, с. 83, рис. 56), носили крайне редко (рис. 122, 23). Интересный вариант представлен на статuae богини из Дальверзин-тепе: волнистые волосы ровно подстрижены надо лбом; сзади они собраны в длинный наконик, верхний край которого охватывает лоб в виде «диадемы» (рис. 122, 17–23). Другой вариант — две–четыре коротких тонких косы, дополняющие прическу (рис. 122, 16, 20). Искусственная завивка волос была двух типов. Первый тип связан с подвиганием локонов у висков (рис. 122, 13, 21–22), второй связан с накручиванием локонов на лбу вокруг кольцевого обруча (рис. 122, 14, 16, 19–20); в одном случае у богини видим три яруса уменьшающихся кверху локонов (Пугаченкова 1971, рис. 141); иногда такая прическа сопровождается пучком волос на макушке (рис. 122, 14, 19). В одном случае волосы собраны на макушке в шар, схваченный у основания лентой (Никитенко, Шагалина 2003, с. 108). Изредка контур прически сверху близок к параллелепипеду (рис. 122, 15, 22). Простая прическа с прямым пробором встречается редко (рис. 122, 21–22), еще реже — просто расчесанные длинные волосы (рис. 122, 24; 123, 9). Иногда волосы зачесаны назад и собраны в узел на темени (рис. 123, 10). В Дальверзин-тепе у

изображенных на балконе придворных дам завитые волосы коротко острижены и, вероятно, спрятаны под плетеную сетку (рис. 123, 11), как это делали в V–III вв. до н.э. кочевники Восточного Туркестана (могильник Субеши: Ван Бинхуа 1993, с. 16) и позже, в VII–VIII вв. — в Согде (гора Муг: Древности 1985, с. 243, № 590).

Косметика

Естественный цвет лица женщины изменяли с помощью косметики (в Тилля-тепе, например, найдены минеральная белая краска из карбоната свинца и розовая органическая из кermеса, а также черная из гематита и разновидности угля: Писарев, Устинов 1989, с. 217). И мужчины и женщины наносили на лицо красной или синей краской «мушки» (причем кушанские их формы и принципы размещения весьма специфичны). Расположение их и детали оформления были, видимо, различными у обоих полов. Так, на одной из монет Хувишки, где он представлен в профиль, видно, что две «мушки» в форме кружка с точкой в центре размещены на щеке по горизонтали у ее правого и левого края. На терракотовой голове богини из Дильберджина видим по одной круглой красной «мушке» на щеках, а на лбу она в виде кружка с точкой в центре, окруженного по периметру мелкими точками (Invernizzi 1990, fig. 11–12); на статуе богини Харити из Гандхары так же размещено по пятилепестковой розетке (Bussagli 1984, p. 125).

Крой

Плечевая одежда была широкой; перед и спинка, судя по характеру декора, кроились из двух сшитых вертикально полотнищ (рис. 114, 1; 121, 51, 67), с плечевым швом (последний часто подчеркивался полосой декора — рис. 114, 2; 121, 40, 44, 53, 61–64; 122, 30, 34; 123, 2); у кафтанов ткань скашивалась у ворота. Иногда по верхнему краю спинки вшивался особый треугольник (рис. 114, 5). Женское платье подчас было на высокой кокетке (рис. 122, 29). С пришитым подолом (часто складчатым) кроилась одежда как распашная (рис. 121, 46; 13, 31), так и нераспашная (рис. 118; 121, 58, 65). Иногда подол резко расширялся книзу дополнительными клиньями (рис. 121, 38, 51, 66; 122, 44). У мужчин подол мог быть с оборками или воланами (рис. 121, 55, 59–60).

Использовались также боковины (рис. 121, 51, 59), которые изредка украшались вдоль швов (рис. 121, 73). Лишь в редких случаях широкая нераспашная одежда имела боковые разрезы (рис. 122, 37; 123, 3). Оригинальны женские платья с глубоким треугольным вырезом и нераспашная шуба с очень глубоким разрезом (рис. 122, 32). Женские платья подчас имели стоячий ворот (рис. 122, 38, 41), мужские халаты — широкий отложной ворот (рис. 121, 45).

Нижняя часть длинных рукавов, возможно, иногда пришивалась (рис. 123, 2). Видимо, носились пришитые обшлаги (рис. 121, 47, 50; рис. 122, 34, 37; 123, 5).

Узкие женские шаровары порой имели внизу боковые разрезы (рис. 122, 37). Головные уборы, видимо, часто кроились из нескольких однотипных треугольных клиньев, причем вертикальный шов надо лбом акцентировался декором (рис. 121, 18–19; рис. 122, 8). Обувь была сложного кроя [во всяком случае, подолшва полусапожек и туфель кроилась отдельно (рис. 119–120) и даже делалась из золота: Тилля-тепе, могила 3].

Манера ношения

Плечевая одежда обычно носилась в рукава, запахнутой справа налево или застегнутой (видимо, серией пуговиц в нижней части, иногда парой крупных застежек высоко у шеи или крупной фибулой на груди, так что полы свободно расходились в стороны). В единичных случаях известно застегивание наглухо (статуя Вимы Такто (?) в Матхуре: Rosenfield 1967, pl. 1; бог на «реликварии Канишки»: Coins 1999, обложка). На кушанском бронзовом ритоне в виде слона с двумя седоками из музея Метрополитен (Knauer 1999, fig. 8) кафтан аристократа показан внакидку. У богини на троне (терракоты из Паенкурмана) поверх платья носилась внакидку какая-то одежда до колен (халат?) (Абдуллаев 2000, рис. 1). Края широких рукавов мужчины иногда закатывали (рис. 121, 44, 49, 55).

Штаны обычно заправлялись в обувь. У правителей встречается способ крепления нижнего края штанов к обуви с помощью крупной дисковидной пластины (рис. 121, 90, 92, 99).

Цветовая гамма

Она прослеживается на крупных предметах костюма, наиболее полно — в настенной живописи и скульптуре в Халчаяне, Дальверзин-тепе. *Любимым было сочетание белого и красного*. Кафтан (kurtak) у мужчин мог быть белого цвета (с черными и красными полосами у плеч; с рядами красных точек, черных спиралей и с зеленой полосой внизу). Плащ и рубаха в таком случае обычно красные (последняя — с черной каймой). Напротив, у предполагаемого Будды в кушанском одеянии в сцене «Великого исхода» из Дальверзин-тепе (Абдуллаев 2003, с. 16–18) короткий кафтан красный, а шаровары белые. В помещении 2 в Дильберджине кафтан адоранта — белого цвета с красными полосами отделки, нижняя рубаха — синяя (Кругликова 1976, рис. 55). Куртак мог быть также розовым или малиновым (с черной каймой внизу или с зеленой полосой у плеч). В одном случае он аквамаринового цвета с желтой полосой по краю (в сочетании с белыми штанами и красной рубахой).

У женщин платье могло быть белым (при этом из-под него выглядывала нижняя рубаха красного цвета или сверху набрасывалось красное одеяние) или зеленым. Плащи были белого цвета (с черными и красными горизонтальными полосами и с узором из спиралей; с полосой по краю) (Пугаченкова 1971, с. 30, 49–51, 56–58, 64; Ртвеладзе 1978, с. 81–82). Предпочтение, видимо, отдавалось одноцветным тканям, но по краю одежд нашивалась полоса ткани другого цвета. В более позднее, кушано-сасанидское время (вторая половина III — IV в.) в Гульбияне у кушанских персонажей (рис. 121, 1, 3–6) наряду с темно-красным встречаем сочетание белого или кремового (плечевая одежда) с черным (штаны) (рис. 121, 5). У донатора на росписи помещения 2 в Дильберджине поясок красный; на животе свисают его расширяющиеся концы (Кругликова 1976, рис. 55; ср.: рис. 14, 40). В кушано-сасанидское время (Гульбиян) цвет поясов зависел от одеяний, на фоне которых они носились (белые носились на красном фоне — персонажи 2, 5 и красные на белом фоне — персонажи 1, 4) (Grenet 1999, р. 66). Женские полусапожки были красными (богиня из Дальверзин-тепе: Ртвеладзе 1978, с. 82), а головные уборы и диадемы обычно окрашены в священный белый цвет. Одежда священнослужителей была, разумеется, тоже в основном белого цвета (см., например, в северном храме в Дальверзин-тепе: там же, с. 81).

Силуэт и декоративные принципы

В мужском аристократическом костюме юэчжей облик человеческой фигуры в идеале предполагал во многих случаях плавное расширение от плеч книзу (при ношении сколотого на груди и неподпоясанного длинного халата) с широкими рукавами или (при ношении верхней подпоясанной нераспашной одежды с расширенным клиньями подолом) трапециевидный силуэт нижней части тела. Резкого сужения контура одежд к конечностям часто не наблюдалось (при наличии широких рукавов и полусапожек с гипертрофированно крупными носами). Однако у менее знатных мужчин силуэт одежды был ближе к контурам человеческого тела. Женский силуэт либо близок к удлинённому цилиндру и не подчеркивает бедра, либо расширяется от груди, подчеркнутой высоко повязанным пояском. У мужчин голову и ноги часто стремились удлинить за счет использования соответствующим образом оформленной одежды (узкие длинные шаровары, удлинённые головные уборы).

Для нераспашной мужской одежды характерна вертикальная декоративная полоса на груди до середины или до нижнего края (рис. 121, 53–54, 56, 62); особенно богатый декор подобных полос известен на изображениях Хуишки. Судя по стенной живописи раннесасанидской Кух-и Хваджи и кушано-сасанидского Гульбияна (Ghirshman 1962, fig. 57; Lee, Grenet 1998; Grenet 1999, где персонажи 1, 3–6 одеты в кушанский костюм), такие вставки на груди делались из ткани другого цвета. Ткани с разноцветным узором использовались редко (рис. 121, 63).

Для костюма наиболее знатных юэчжей обоих полов характерно сплошное покрытие крупных предметов плечевой (реже поясной) одежды однотипными украшениями (бляшками), или сетчатым орнаментом, или крупным рисунком. Еще чаще встречается размещение бляшек рядами по краю одежд (часто использовались бляшки с подвешенными к ним дисками). Любимым мотивом на них были цветочные розетки разных типов, вписанные в круг или квадрат, «бегущие спирали». Другая распространенная форма бляшек — в форме знака «{» (рис. 121, 61, 87; 122, 45), которые особенно подробно переданы на известном рельефе из Айртама (Пугаченкова 1979, рис. 154) (рис. 127). Возможно, бляшки в форме скобки пришли из сакского мира Западного Туркестана; самые ранние образцы их найдены в кургане Иссык в Семиречье

(IV–III вв. до н.э.) (Акишев 1983, рис. на с. 89), позже, в I в. н.э. — в Гандхаре (Таксила)²⁶⁹, хотя своим происхождением такие бляшки исходно связаны с более ранними культурами Восточного Средиземноморья, в частности с крито-микенской Грецией, где они встречены неоднократно (см., например: Higgins 1961, pl. 10; Greek Jewellery 1997, No. 29). Основной способ нашивки бляшек в Тилля-тепе — по одному ряду вдоль края основных элементов костюма; в случае, если применялась инкрустация, ряд бляшек со вставками обычно сопровождался по краям двумя рядами «простых» золотых бляшек.

Исключительное внимание во многих случаях уделялось богатому декору обшлагов (рис. 113, 5–6; 115, 4; 121, 47, 50; 122, 34; 134). В кушанском мужском костюме, в отличие от парфянского, очень редко отмечено использование декоративных полос с однотипным орнаментом для украшения разных частей одного костюмного комплекта, когда полоса декора как бы переходит, «сползая» вниз, со штанов на обувь (только для штанов и обуви в Бактрии I в. н.э.) (рис. 119; см. также: Пугаченкова 1978б, рис. 26). Иногда плечевая одежда и головной убор сплошь покрыты параллельными и расходящимися из одной точки линиями однотипных прямоугольных бляшек (латунная фигурка «князя» из Афганистана: The Treasures 1992, No. 167). Интересно, что стоячий ворот платья порой украшался гораздо богаче сзади, чем спереди (рис. 113, 2; 115, 2). На правом плече женщины из могилы 1 в Тилля-тепе было золотое украшение в виде стилизованного цветка. Такая традиция появилась в Эламе во II тыс. до н.э. (золотая фигурка царицы Напирасу: Porada 1962, fig. 16; Winter 1980, fig. 49) и, вероятно, благодаря признанному эламскому влиянию на костюм ряда более восточных этносов сохранялась на Среднем Востоке до римского времени.

Мужские штаны могли быть белого цвета с крупными красными полосами (Пугаченкова 1971, с. 57, 59) или с орнаментом из точек, сетки, сердечек (рис. 121, 87–89). Любимый прием декорации — вертикальная полоса спереди (рис. 121, 85–86, 90) или по бокам (рис. 121, 84, 91). Наиболее распространенной и специфичной для кушан была полоса спереди с рядом квадратных бляшек (Sarianidi 1985a, pl. 30; Rosenfield 1967, pl. 62, 69, 92) (рис. 121, 90) или с двумя рядами круглых (рис. 121, 86; 137, 52). Еще один вариант декора штанов — вертикальная линия бляшек круглой формы, по бокам от которой размещались две параллельных полосы цветной ткани (рис. 121, 91). У царей известен на монетах Канишки III (241/261–270/290) (Rosenfield 1967, pl. 63; XII, No. 237).

Могила 1, 3, 6 в Тилля-тепе были настоящим «царством жемчуга» (в могиле 6 им обильно украшены диадема, ожерелье, платье у бедер и на рукавах, футляр зеркала, варежки, даже на туфлях внутри каждой полусферической бляшки нашивалась жемчужина (!); в могиле 1 жемчугом украшались, вероятно, воротник и медальоны на плечах).

В могилах 1, 4 отмечена асимметрия парных украшений (на левом рукаве больше бляшек, чем на правом); то же в это время документируется и у сармато-аланов европейских степей (Яценко 1987а, с. 172). Интерес представляют и *количественные параметры* бляшек. В Тилля-тепе в одних могилах количество бляшек каждого типа кратно пяти, почти все остальные числа — четные (могилы 1 и 3). В других погребениях преобладают четные числа, но не кратные пяти (могилы 2, 4, 6). В могиле 1 у нескольких типов бляшек их количество кратно 11. Видимо, бляшки заказывались партиями в соответствии с принятой системой исчисления.

Эстетический идеал этноса

Одежда юэчжей весьма свободная и широкая. Часто подчеркивались многочисленные складки плечевой и поясной одежды, что отчасти связано с греческим влиянием (хотя трактовка складок в большинстве случаев чужда греческому искусству). Тонкая талия и широкие плечи не входили в идеальный облик мужчины-аристократа.

Женщины у кушан часто изображались с крупной головой, удлинёнными руками и короткими ногами. Талия у них довольно узкая, а плечи скорее широкие. Лицо круглое или удлинённое, пухлый подбородок, часто — широкий лоб, рот среднего размера и удлинённые уши. У мужчин лицо в ряде случаев изображалось ярко-красным, а волосы — «серыми»; брови узкие, всегда подчеркиваются усы.

В костюме знатных женщин основной акцент делался, как и у парфян, на изображении дорогого ожерелья (см. подлинные артефакты, например: Sarianidi 1985a, pl. 64; Heirs 1997, No. 58) и прически. Верхняя часть груди у них тщательно скрыта одеждой с узким воротом, обычно закрыты и руки. У мужчин акцент делался на передаче деталей головного убора и пояса, бляшечной отделке краев бортов и обшлагов плечевой одежды.

²⁶⁹

См., например: Mani 1987, pl. 29. Позже такой декор коротких рукавов одежды (Gunter, Jett 1992, pl. on p. 131) и на сапогах (Harper 1981, pl. 27) известен у поздних Сасанидов.

Погребение кушанского купца в Синьцзяне

В 1995 г. на востоке Синьцзяна, в районе оз. Лобнор, в могильнике Цзиньпань (в 200 км к юго-востоку от уездного центра Юли) найдено погребение богатого иноземца — «купца с Запада» начала III в. н.э., т.е. самого конца династии Хань (Archaeological Treasures 1998, p. 229, No. 132; Синьцзян 1999, с. 4–16; Knauer 1999, p. 1181; fig. 27–30) (рис. 134). В костюме его много необычного, что объясняется прежде всего специфическим характером погребального комплекта. Умерший был в специальном ритуальном облачении: в золотой портретной маске, в двух оригинально оформленных кафтанах, в штанах и особой «обуви» (имитация в ткани полусапожек, повязанных вокруг щиколотки). Последняя украшена вставками из полихромной китайской ткани на подошвах и полосой вдоль подъема стопы. Золотая маска представляет бритое лицо с закрытыми глазами, с тонкими горизонтальными усиками. Кафтаны крепятся парными завязками у ворота и в нижней части груди (Синьцзян 1999, с. 15). Особенно интересен кафтан, являющийся верхней одеждой умершего. Спереди он сшит из дорогой шерстяной ткани с греко-римскими мотивами (там же, с. 10) (это же относится к боковинам, расширяющим подол, и обшлагам); сзади он из однотонной ткани без декора (там же, с. 14; Archaeological Treasures 1998, p. 229, No. 132). Кафтан запахнут слева направо; в Китае было принято представлять умершего в халате, запахнутом «наоборот»: следовательно, первоначально такой кафтан носился, как обычно у ираноязычных народов, запахнутым налево. Широкие штаны длиной несколько выше щиколоток, сшитые из ткани с античным крупным орнаментом в виде четырехлепестковых розеток, не заправлены в «обувь», а прикрывают ее верхний край.

Наиболее вероятно, что умерший «купец с Запада» был представителем одного из следующих иранских народов, активно торговавших с Китаем: парфян, кушан, согдийцев (зависимых от кангюйцев) или хотано-саков. Однако трудность заключается в том, что на известных нам изображениях этих регионов мы видим представителей отнюдь не купечества, а совсем иного социального слоя — аристократии. В этническом определении «человека из Yingpan» нам могут помочь следующие черты его облика: 1) богатый декор обуви на подошвах (что характерно в данную эпоху для кочевников, часто сидевших скрестив ноги, или недавних кочевников — хунну, юэчжей-кушан, племен Ордоса и др.); 2) широкие штаны, носимые навыпуск; 3) верхняя распашная одежда, изготовленная из полихромных тканей с крупным орнаментом; 4) бритое лицо с узкими усиками.

Прическа с бритым лицом и лишь с узкими усиками в I — начале III в. совершенно не характерна для парфян, носивших бороды или гладко выбритых, без усов (ср.: рис. 64, 1–27). То же можно сказать и о согдийцах (ср. рис. 152, 1–10). Хотано-саки до V в. ходили гладко выбритыми, без усов (ср. рис. 154, 1–3, 7). Ношение усов при отсутствии бороды обычно только для юэчжей-кушан (ср. рис. 121, 15, 25–32; 123, 2а; 124, 1; 126). Из названных народов особый декор подошв обуви документирован опять-таки только у юэчжей (могила 3 в Тилля-тепе: рис. 110, 9). Ношение широких штанов навыпуск не известно ни для согдийцев, ни для хотано-саков того времени. Не характерно оно и для поздней Парфии (рис. 64, 68–75), так носились штаны лишь в иранизированном костюме семитской знати автономной Адиабены (Хатра, Ашшур: рис. 70, 78, 81). У кушан же этот обычай известен, хотя и не является особенно распространенным среди знати (рис. 121, 99–100; 124, 2; 125). Изготовление всей (или только передней половины?) верхней мужской распашной одежды из пестрых тканей с крупным рисунком или сплошь обшитой бляшками также документировано в рассматриваемое время только у кушан (рис. 121, 43, 47). Иными словами, по всем четырем параметрам мы можем реально считать умершего купца только кушаном.

2.4. Хорезмийцы

Как уже отмечалось, специальные работы по костюму древнего Хорезма любого из периодов, отсутствуют. Характеристика хорезмийского костюма данного периода в этой главе дается впервые.

Источники

Источники по данному периоду датируются в основном II–III вв. и связаны с новым династическим центром — городищем Топрак-кала; они представляют собой фрагменты глиняной скульптуры и стенных росписей (см. прежде всего: Топрак-кала 1984). К сожалению, почти во всех случаях фигуры людей здесь фрагментированы: как правило, они сохранились либо погрудно, либо в самой нижней части, когда видны только подол одеяний и отчасти обувь. В единичных случаях интересную информацию

содержат изображения на погребальных глиняных оссуариях и детали портретов правителей на монетах (Вайнберг 1977).

Общие замечания

в связи с изучением костюма Хорезма I–III вв. н.э.

Хорезм в так называемый кушанский период (I–III вв.) был независимым централизованным государством. Важнейшим культовым центром правящей династии был Высокий дворец на городище Топрак-кала, построенный на 15-метровой искусственной платформе, который хорошо исследован. Около ста помещений в нем сохранили следы росписей. Несколько помещений украшались серией барельефных изображений человеческих фигур. В Зале царей помещались 23 статуи прежних правителей. К сожалению, все это великолепие дошло до нас лишь в обломках, рухнувших с глиняных стен и расколовшихся на сотни хрупких кусочков. Многолетний кропотливый труд реставраторов позволяет составить довольно ясное представление о многих деталях костюма изображенных здесь персонажей.

Материал одежды

В Высоком дворце в помещениях 8, 90 и 93 обнаружены среди прочего фрагменты тканей (Топрак-кала 1984, с. 63, 177, 230–231), которые дают некоторое представление о материале, из которого шилась одежда обитателей дворца. Значительная часть тканей — шерстяные, натурального белого цвета; найдены и двухцветные образцы. Большинство шерстяных тканей — гобеленового переплетения. Есть фрагменты, окрашенные в яркие цвета — алый, пурпурный (с вышивкой неокрашенной шерстью), желто-зеленый. В росписях помещения 12 среди фрагментов есть, по-видимому, орнамент на ткани красного цвета с сеткой белых ромбов и четырехлепестковым цветком внутри них (там же, табл. I, 5) (сходная орнаментация документируется на территории соседних великих держав — Парфии и Кушанской империи). Гораздо меньше обнаружено фрагментов неокрашенного хлопка и льна.

Большой интерес представляет серия фрагментов китайских шелков (в основном тафты): розового, алого, пурпурного, зеленого, желто- и сине-зеленого и неокрашенного. Некоторые из них украшены вышивкой цветной нитью с растительными мотивами. Найден и один фрагмент красной шелковой ткани, вероятно римского производства, с вышивкой золотой нитью и нитями четырех цветов.

Определенный интерес представляют квадратные пластинки из стекла медово-желтого цвета, которые накладывались на бронзовую или деревянную основу, покрытую золотой фольгой. Они, видимо, образовывали оторочку кафтанов или декор поясов статуй и барельефов. Обнаружен также бисер из жемчуга, несомненно использовавшийся для украшения одежды (там же, с. 223, 225, 227).

Плечевая одежда

Мужская распахнутая одежда

Одежда этого типа носилась в основном мужчинами. Судя по изображениям Топрак-калы и погрудным портретам правителей на монетах, распахнутые кафтаны (*kurtak*) были у них господствующим типом верхней одежды. Длина мужских кафтанов была различной: насколько можно судить по наиболее сохранившимся изображениям, чаще всего — ниже колен (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 53); в Зале побед (помещение 29) — выше колен (Топрак-кала 1984, рис. 53). Край подола лишь в одном случае сохранился более или менее полно; по его краю идет узкая полоса отделки. Ворот детально передан на росписи в помещении 19 (Топрак-кала 1984, рис. 47; Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 53). Он горизонтальный, с широкой каймой из белой ткани; по верхнему краю ворот имеет небольшой выступающий клапан для застегивания на пуговицу (рис. 135, 11).

Рукава сравнительно широкие (рис. 135, 11–12). Обшлага в обоих случаях — с белой полосой разной ширины по верхнему краю. Судя по ранним монетам, царские кафтаны декорировались рядом круглых золотых бляшек не только вдоль бортов, но и вдоль плечевого шва (рис. 135, 13). Борты декорировались как широкой полосой (рис. 135, 12), так и узкой (рис. 135, 11; см. также: Топрак-кала 1984, с. 62; рис. 27, 4).

Женская распахнутая одежда

Она представлена лишь на одном изображении. Женщина, изображенная сидящей в нише помещения 41, поверх платья носила внакидку распашную одежду длиной, как минимум, до колен, розового цвета. Она имела прорезы для рук у края бортов и, вероятно, представляла собой некое среднее звено в процессе эволюции парадной шубы с ложными рукавами к безрукавной накидке (там же, с. 142) (рис. 135, 27). Точного аналога таким прорезам на бортах не известно.

Мужская нераспашная одежда

Верхняя одежда такого типа документирована лишь одним изображением. Это статуя «жреца» (Толстов 1948б, рис. 55). Широкое одеяние не подпоясано, рукава явно длиннее руки и собраны у запястья (рис. 135, 14).

В другом случае под черным кафтаном видна красная рубаха (Топрак-кала 1984, с. 142). Интересно, что эта нижняя одежда подпоясана.

Женская нераспашная одежда

Известные в Топрак-кале образцы весьма близки друг другу. Это платья длиной до пят, с расширяющимся в нижней части (пришивным) подолом, узким горизонтальным воротом и высокой кокеткой. В большинстве случаев они узкие, приталенные и чаще всего не подпоясывались (т.е. они кроились со сложнопрофильными боковинами); однако известны и широкие платья с крупными складками (см. фото женского торса из ниши северной стены помещения 14: там же, рис. 38).

Накладная узкая полоса ворота платьев в большинстве случаев украшена по краю белой полосой, на которой, судя по более детализированным изображениям, вышит (?) красным ряд кругов с точкой внутри (рис. 135, 30, 32–34). В Зале царей на одной фигуре кружки²⁷⁰ разделяются двойной вертикальной полоской (там же, с. 105) (близкая схема оформления ворота известна в синхронном мужском костюме Парфии и Кушании, но типы украшений или их чередование там иные). Высокая кокетка — одна из специфически хорезмийских деталей платья: она известна и на терракотах богинь раннего периода. Кокетка чаще из белой ткани с горизонтальными полосками декора, вышитыми красными нитями каждый раз индивидуально: простыми полосками, чередующимися в шахматном порядке концентрическими ромбами или чередующимися рядами зигзага и концентрических кружков (рис. 135, 30–32). В одном случае нижнее платье имело длину до пят, а подол верхнего (декорированный горизонтальными полосами) был чуть ниже колен (рис. 135, 27). Пришивной подол платьев иногда отделен горизонтальной декоративной полосой шириной чуть более 20 см, которая иногда образовывала множество вертикальных складок (рис. 135, 35). Рукава платьев, как правило, доходили до запястий, но не кроились более длинными, как у мужчин, и не собирались у нижнего края. Иногда имеется узкий обшлаг (рис. 135, 27, 29). Проймы у длинных рукавов могли расшиваться рядом уже упомянутых кружков с точкой внутри, а низ рукава — рядом декоративных нашитых петель (?) (рис. 135, 37) или двумя полосками с вышитыми красными крестиками (рис. 135, 31). У платьев с короткими рукавами край последних мог обшиваться полоской «чешуи», а плечевой шов — уже упоминавшейся полоской с вышитыми крестиками (рис. 135, 30; 136)²⁷⁰.

Такие платья, судя по объемным изображениям, шились как из плотных, так и из тонких дорогих тканей. Вероятно, примерно к этому времени восходит легенда, записанная позже великим хорезмийцем — мусульманским энциклопедистом Бируни. Согласно этой легенде в древние времена местная царица Мина, опьянев от вина, вышла вечером из дворца в легком шелковом платье и заболела (Бируни 1957, с. 257).

Плащи и шарфы

Документированы только у женщин. Плащ мог закрепляться бантом на правом плече (рис. 135, 28). В другом случае (помещение 5) плащ длиной, вероятно, до колен завязан узелком в верхней части груди, что известно и на терракотах богинь раннего периода (рис. 135, 29). Шарф обычно накинут на левое плечо (Топрак-кала 1984, с. 61, 157 — в последнем случае он голубого цвета).

²⁷⁰ Весьма любопытную аналогию декору женского платья «пиковой дамы» из Топрак-калы видим на гораздо более раннем кельтском изображении середины IV в. до н.э. на ножном браслете из Рейнгейма (Megaw, Megaw 2001, fig. 117). Здесь у богини изображали небольшую пелерину, в верхней части рукавов платья — горизонтальную полосу орнамента из «чешуи», ниже — полосу ткани с кружками.

Мужские головные уборы

Тип 1. Башлык из войлока или кожи с невысоким заостренным верхом и широким назатыльником. В лобной части подчеркнут вертикальный шов. Это убор одного из представителей правящей династии в Зале царей. Под башлыком носилась широкая повязка или головной платок (рис. 135, 1). Вероятно, убор того же типа фрагментарно сохранился на голове царя или жреца, несущего священные свитки (рис. 135, 2). На правой нижней лопасти этого башлыка видим тамгу аристократического клана, известную на монетах, вероятно, в начале уже следующего, афригидского периода (IV–VIII вв.) (Яценко 2001б, рис. 29, № 86).

Тип 2. Высокий конусовидный убор на голове статуи правителя в Зале царей из довольно мягкого материала (плотная ткань?) со склоненной вперед верхушкой (рис. 135, 3).

Тип 3. Невысокий конусовидный убор с валиком по нижнему краю. Изображен на одном из представителей правящей династии в Зале царей (рис. 135, 5).

Три приведенных типа головных уборов кроме известной близости формы — основа в виде конуса — объединяет и то, что они окрашены в красный цвет (во втором случае, вероятно, с черной каймой).

Тип 4. У персонажа из Зала танцующих масок видим убор весьма оригинального типа. Верх его, облегающий голову, окрашен в желтый цвет. Узкие белые поля по бокам украшены двумя острыми черными выступами, напоминающими уши копытного (рис. 135, 4). Этот чисто хорезмийский тип документирован и в предшествующее время.

На ранних монетах Хорезма на головах правителей в ряде случаев не особые «короны» (которые, как уже отмечалось во Введении, специально не исследуются), а вполне обычные головные уборы, типы которых широко распространены у различных иранских народов. К ним могут быть отнесены, в частности, типы 5 и 6.

Тип 5. Эта «корона» представляет собой распространенную в кочевом мире шапочку с полусферическим верхом и треугольным по форме назатыльником. Ее нижний край, следуя распространившейся в гунно-сарматскую эпоху традиции, повязан на затылке двойной лентой с довольно длинными свисающими концами (рис. 135, 6).

Тип 6. Цилиндрический убор с узким назатыльником. Его верхний край украшен гирляндой. Она крепится лентой, концы которой свисают сзади (рис. 135, 7).

У женщин (за исключением богинь-воительниц; см., например: Топрак-кала 1984, с. 127, рис. 64) головные уборы не изображались, что само по себе заслуживает внимания. Весьма нетипично то, что женщины зрелого возраста представлены только «простоволосыми». Вероятно, это связано со специфическими сюжетами изучаемых дворцовых росписей, где изображены местные богини, плакальщицы в сценах траура, музыкантши и исполнительницы ритуального танца.

Начельные украшения

Изображались они редко. Повязку-диадему видим у юноши из помещения 36; в центре она украшена круглой бляшкой (рис. 135, 10). Повязка из белой ткани известна на голове богини из помещения 5. В лобной части она украшена крупной лунницей (рис. 135, 26). Белая повязка изображена и у одной из плакальщиц (рис. 135, 22).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Они носились, видимо, только мужчинами и заправлялись в обувь. В ряде случаев штаны декорированы вертикальной полосой. В помещении 27 такая красная вертикальная полоса (на черном фоне) расшита гирляндой с побегами, листьями и цветами (рис. 135, 15), что в данное время имеет аналогии только в таком заселенном семитами торговом пограничном городе Римской империи, как Пальмира (см.: Tanabe 1986, fig. 225–226).

Пояса

Они изображены чаще у мужчин. Пояса в большинстве случаев у обоих полов явно матерчатые (кушаки). К сожалению, мужские пояски показаны только спереди в виде сплошной цветной ленты: вероятно, они повязывались на боку или сзади.

Красный женский поясик на сине-зеленом платье одной из барельефных фигур из Зала царей имел свисающие концы с двумя дисковидными застежками, близкими раннесасанидским (рис. 135, 38).

Обувь

Документирована только на мужских изображениях, так как у женщин она практически не видна из-под длинного подола платьев.

Преобладающий тип мужской обуви — полусапожки с округлым носком. Они крепились ремешком, причем способы крепления были разнообразны. В одних случаях для этого явно использовались дисковидные пронизи с петлями с тыльной стороны, аналогичные тем, что бытовали в соседних великих державах (Парфии и Кушании); ремешки проходили под сводом стопы и охватывали щиколотки (рис. 135, 20). Иногда подобные ремни соединялись не с боку, а на подъеме стопы (рис. 135, 19). Наконец, известно повязывание ремешка только по верхнему краю (рис. 135, 18).

Кроме полусапожек известны более высокие сапожки (рис. 135, 16) и белые сапоги высотой до колен, которые стягивались в нижней части ремешком, охватывавшим подъем стопы и щиколотки (рис. 135, 15).

Прически

Мужские прически

Прямой пробор для них не характерен: волосы обычно зачесывались назад, как и в предшествовавший период; при этом у юношей волосы чаще всего доходили до плеч (тип 1) (рис. 135, 10; см. также: Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 53); концы их иногда подвивались (рис. 135, 10а). Другой тип прически (тип 2) представлен на оссуарии I–II вв.: густые волосы у мужчины ровно подстрижены высоко надо лбом; по бокам они опускаются ниже и достигают максимальной длины на затылке; прическа дополняется небольшой бородкой (рис. 135, 9).

Цари данного периода, судя по монетам (Вайнберг 1977, табл. XVII–XVIII), носили, в отличие от более позднего времени, окладистые бороды и довольно короткие, обычно чуть свисающие усы. Длинные бороды могли быть как прямоугольными, так и заостренными (типы 3–4) (рис. 135, 4, 8). Третий тип документирован и в ранний период.

Женские прически

В Большом дворце Топрак-калы изображены, видимо, прически замужних женщин. В некоторых случаях длинные волосы с прямым пробором зачесаны назад, иногда они скреплялись повязкой (тип 1) (рис. 135, 24, 26); волосы также собирали в узелок на макушке, как у одной из музыкантш (тип 2) (рис. 135, 25). Порой повязкой схвачена короткая стрижка (тип 3) (рис. 135, 22). Четвертый тип прически изображен в двух случаях у плакальщиц. Часть волос зачесана назад, над ухом видим небольшой треугольный выступ. Другая часть волос, видимо, уложена в кольцо, край которого сильно нависает надо лбом и соединен сзади (тип 4) (рис. 135, 21; см. также: Рапопорт, Неразик, Левина 2000, рис. 57 — одна из женщин). Этот тип прически специфичен для Хорезма. Наконец, длинные, до таза девичьи косы (не менее четырех–шести), с вплетенными белыми ленточками, изображены у двух плакальщиц (тип 5) (рис. 135, 23).

Крой

Стан плечевой одежды кроился из двух полотнищ с плечевым швом, что хорошо видно по полосе декора вдоль такого шва на мужских и женских фигурах (рис. 135, 13, 30). Мужские кафтаны шили свободными, женские, напротив, обычно узкие. Имелся пришитый ворот особого цвета. Женские платья часто были с высокой кокеткой (см. ниже). Борта мужских кафтанов (*kurtak*) не скашивались у ворота, как в ранний период. Нижняя часть подола женского платья была пришитой, при этом более широкой, подчас с мелкими вертикальными складками, вероятно за счет дополнительных клиньев: Топрак-кала 1984, рис. 53) (рис. 135, 36).

Манера ношения

Судя по материалам Топрак-калы, у знатных мужчин кафтан носился *застегнутым* (но не до самого нижнего края, а в верхней части туловища: на одной хорошо сохранившейся фигуре юноши в росписи видно, что на животе борта одежды свободно расходятся: рис. 135, 11). Вместе с тем на хорезмийских монетах (если следовать их датировкам, предложенным Б.И. Вайнбергом) цари, видимо по старой традиции, носили кафтан *запахнутым* налево (особенно качественные изображения видим в самых ранних сериях; см., например: Вайнберг 1977, табл. XXI, А III).

У женщин парадная накидка набрасывалась на плечи, а плащи крепились бантом или узелком на плече или в верхней части груди.

Мужские штаны всегда заправлялись в обувь (как и в соседней Парфии). Особенностью ношения штанов хорезмийцами надо считать то, что несколько выше (примерно на 5 см) того места, где они заправлялись в полусапожки, их стягивали шнурком со свисающими короткими концами (см., например, в Зале побед: Топрак-кала 1984, с. 110, 126; рис. 53) (рис. 135, 19).

Цветовая гамма

Кафтаны мужчин чаще всего были черного цвета (с белой или светло-зеленой каймой), в единичных случаях — голубого или темно-красного (с белой каймой) — персонаж, несущий свитки, в помещении 24 (там же, с. 62, 100, 123, 142; Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 49, 53) (рис. 135, 12). Этот персонаж из-за определенного сходства с описанием «туники», носившейся пятью веками ранее персидским царем Дарием III (Curt. III. 3. 17), иногда даже считают хорезмийским правителем (ср.: Топрак-кала, с. 100).

Преобладающий цвет женских платьев — розовый (не менее шести случаев). На розовом фоне могли быть мелкие черные и красные «сердечки» (рис. 135, 29). Реже встречены зеленые (с красной или черной каймой), белые (с красным декором) и красные экземпляры. В единичных случаях отмечены редкие цвета — серый, черный (с красной каймой), желтый, голубой (с красной каймой). Известны полихромные платья: голубое с красным корсажем и белой кокеткой (рис. 135, 27) и темно-зеленое с красной кокеткой и розовыми рукавами (там же, с. 129). Вышивка на платье во всех случаях красного цвета. Кокетка белая на белом же или зеленом фоне платья.

Цвет мужских шаровар чаще всего красный (в одном случае с голубой вертикальной полосой), в единичных случаях — черный (с красной вертикальной полосой) или голубовато-зеленый (там же, с. 102, 107, 110, 122, 129, 160).

Кушаки у мужчин красные с черным кафтаном и белые — с красным. У женских фигур в Зале царей пояски красные (к платьям разных оттенков зеленого) или желтый — к розовому платью (там же, с. 123–124).

Очевидна известная дифференциация мужской и женской одежды *по цвету*. Мужские халаты обычно черные, штаны и головные уборы — красные. У женщин платья обычно розовые с красным пояском; довольно широко использовались голубой и разные оттенки зеленого. В целом мужская цветовая гамма более яркая и контрастная.

Силуэт и декоративные принципы

В изучаемое время можно наблюдать существенные различия в силуэте мужской и женской одетых фигур. У женщин при хорошо развитых плечах и в целом верхней части туловища (чаще всего глухо закрытой одеждой) заметно сужен силуэт от талии до колен, а ниже (до пят) он опять расширяется за счет кроя платья. У мужчин при довольно узких плечах и не слишком мускулистых руках наблюдаем сужение у талии (застегиванием верхней части кафтана или опоясыванием), расширение от талии до щиколоток (распахнутые внизу полы кафтана, довольно широкие шаровары) и снова сужение у стоп (заправленные штаны).

В костюме обоих полов особо подчеркивался декор ворота и края рукавов. Любимыми видами орнамента в это время были ряд кружков с точкой внутри, ряд зигзагов или «косых» крестиков. У женщин исключительное внимание уделяется декору тщательно укрытой от взглядов груди: высокая кокетка платья богато украшена красной вышивкой.

Пришивные обшлаги с богатым декором для хорезмийского костюма, в отличие от многих других синхронных иранских этносов, не характерны. Вместо них у мужчин и женщин часто по самому краю рукава

и выше его примерно на 8 см пришивались две одинаковые декоративные полосы (у мужчин белые на темном фоне, у женщин — с красными крестиками на белом фоне: рис. 135, 11–12, 31–32).

Эстетический идеал этноса

Об эстетическом идеале хоремийцев позднеантичного времени можно судить прежде всего по высокохудожественным росписям и барельефам Высокого дворца Топрак-калы. У лиц обоих полов видим короткую и массивную шею, довольно тонкую талию, несколько удлиненное туловище, маленькие кисти рук. Идеалом считалось круглое лицо с пухлым подбородком, с прямым носом, маленьким тонким ртом, длинными тонкими сросшимися бровями, удлинёнными глазами. У женщин видим развитые, крупные торсы и руки, но с изящными пальчиками; зрительный акцент у них сделан на глазах и крупных (детально и любовно прорисованных) серьгах с многочисленными подвесками. При этом большая грудь не входила в число особо привлекательных сторон женского облика.

2.5. Индо-скифы

История изучения костюма

Описание костюма индо-скифов (индо-саков), ненадолго создавших в начале I в. до н.э. собственное государство в среднем течении Инда (в Западном, а затем и Восточном Пенджабе), а позже, в I — начале III в., видимо, проживавших там под властью вначале Парфии, а потом Кушанской империи, в литературе практически отсутствует, и историография ограничивается отдельными замечаниями, сделанными в основном при описании некоторых буддийских рельефов и монет. Единственный краткий очерк костюма данного этноса (раздел большой статьи) недавно издан мною (Yatsenko 2001, p. 99–102). Следует сразу отметить, что *термином «индо-скифы» здесь условно именуется все носящие некушанский и непарфянский, но иранский по облику костюм в долине р. Кабул и среднем течении Инда.*

Источники

Основным видом источников по костюму индо-скифских групп иранского происхождения является очень большое количество порой великолепных в художественном отношении каменных рельефов, связанных с буддийским культом, из областей в среднем течении р. Инд — древней Гандхары, индийского и пакистанского Пенджаба и прилегающих к северо-западу к долине Инда областей Восточного Афганистана/древних Парапомисад (Хадда и др.) (см. библиографию в разделе 2.3). Подавляющее большинство персонажей «гандхарского искусства» в этих районах представлены в костюме индийского облика. Но на рельефах мы иногда видим также как знатных адорантов, так и музыкантов и танцоров, не слишком знатных воинов в «иранской», а не в индийской одежде. Реже обнаруживались изображения адорантов из расписной глины, латуни или золота. Большой интерес представляют изображения отдельных божеств из сложного пантеона Великих Кушан, особенно женских, одежда которых во многих случаях также не индийская и не кушанская (Czuma 1985, No. 75; The Crossroads 1992, No. 143). Весьма показательны в этом плане и некоторые образы низших божеств — якшинь и отдельных крылатых персонажей (см., например: Marshall 1960, fig. 89; Bussagli 1984, p. 117; Czuma 1985, No. 78). Монеты индо-скифов, чеканившиеся в I в. до н.э. всего около 60–70 лет (см., например: Mitchiner 1975; 1978, p. 307–348; Senior 2000), к сожалению, в плане передачи деталей одежды малоинформативны. Изредка встречаются мифологические персонажи в хорошо проработанном костюме на каменных «туалетных дисках» (Пугаченкова 1982, рис. 34; Bussagli 1984, p. 91; fig. 2; p. 92; fig. 1) и фаларах конской упряжи (Treister, Yatsenko 1998, p. 62–65; fig. 1, 20).

Общие замечания

в связи с изучением костюма индо-скифов

272 Индо-скифские (индо-сакские) завоеватели (Shrava 1981) появились на р. Инд примерно в 85 г. до н.э. во главе с царем Мауэсом, постепенно вытеснили из Западного, а затем и Восточного Пенджаба греческих

правителей²⁷¹ и создали собственное государство, возглавляемое затем Азесом I, Азилисом и Азесом II (ср., например: Макдоуэлл 1996; Narain 1998, p. 48–54; Кошеленко 2000, с. 135). Однако царство индо-скифов оказалось непрочным из-за активного вмешательства новых внешних сил. Первая беда обрушилась на него около 20 г. до н.э. в лице войск соседней Парфии, которыми руководил Гондофар (20 г. до н.э. — 46 г. н.э.). Он и последующие индо-парфянские правители (см.: Bospearachi 1998) продержались в оккупированных областях недолго — менее столетия, а между 50 и 80 гг. н.э. их владения были захвачены князем возникшего здесь (по Э.В. Ртвеладзе) периферийного юэчжийского владения Кушан — Куджулой Кадфизом и затем около двух веков управлялись кушанскими императорами. Однако при Кушанах в Восточном Афганистане и Пенджабе, несомненно, сохранялись потомки ираноязычных «саков», пришедших вначале с Мауэсом, а затем — с Гондофаром, причем некоторые из них занимали высокие посты в местной администрации. Можно полагать, что часть индо-скифов, находившихся на кушанской службе, могли быть представлены в качестве адорантов на изображениях в династийном святилище Кушан в центре Северной Индии (*Матхура* в совр. штате Уттар-Прадеш).

В период Кушанской империи в среднем течении Инда и в долине р. Кабул в памятниках «гандхарского искусства» известно довольно большое число изображений людей в костюме иранского («скифского») типа. Их, пожалуй, не меньше, чем изображений в собственно Бактрии и в династийном искусстве Кушан. Но весьма непросто на первый взгляд отличить чиновников и колонистов — представителей господствовавшего в Империи кушанского этноса от родственных по языку и культуре индо-скифов, мигрировавших в Восточный Афганистан и Пенджаб ранее, в течение I в. до н.э. Несомненно, что значительная часть элементов костюма «иранского типа» в Гандхаре относится к юэчжам/кушанам. Поэтому прежде всего следует выделить такие элементы костюма, которые встречены в кушанское время *только в Восточном Афганистане и Пенджабе* или имеют аналогии в *более ранних* (до прихода юэчжей во второй половине II в. до н.э.) памятниках этносов, проживавших рядом с бывшей родиной индо-скифов/саков в *Западном Туркестане (Средней Азии)*.

Некоторые элементы костюма Восточного Афганистана и Пенджаба имеют близкие аналогии среди всех иранских народов лишь у европейских скифов VI–IV вв. до н.э. Таковы кафтаны с треугольными выступами на подоле (Яценко 1993д, с. 335–336; табл. 4, *а-б*) (рис. 137, 27–28), специфическая мужская прическа с узлом надо лбом (там же, табл. 4, *а*) (рис. 137, 2) и женская прическа с косой, которая проходит вертикально через отверстие в верхней части головного убора (богиня на золотом перстне скифского царя Скила; см.: Виноградов 1980, с. 107–108; Яценко 2000 г, с. 28) (рис. 138, 10). Это неудивительно, если родина скифов, по сведениям греческих авторов (Her. Hist. 4. 11, 13; Diod. Syc. 2. 43), находилась в современном Западном Туркестане (Средней Азии). Все названные элементы костюма, несомненно, относятся именно к индо-скифам.

Костюмный комплекс индо-скифов представляет большой интерес, помимо прочего, потому, что в памятниках Восточного Афганистана и Пенджаба с персонажами этого типа изображалось довольно много *простолудинов* (прежде всего музыкантов и танцоров). Это практически единственная серия для ираноязычных народов парфяно-сарматской эпохи (Bussagli 1984, p. 133, 168, 237; Czuma 1985, No. 87a). Почти все такие изображения иллюстрируют эпизоды земной жизни Гаутамы–Будды. Впрочем, в редчайших случаях встречаются изображения знатных музыкантш с роскошной прической, в украшенном бляшками платье, с дорогими серьгами и т.п. (Bussagli 1984, p. 237).

Плечевая одежда

Распашная одежда

Мужские кафтаны имели подол как горизонтальный, так и с двумя клиновидными выступами у бортов; длина таких выступов была различной (рис. 137, 27–28; 141–142). Подобный кафтан с короткими клиньями под влиянием традиций «гандхарского» искусства стал известен и в ранней буддийской иконографии Китая (колокол из галереи Фрир: Hai Wai 1990, p. 100; No. 234). Иногда кафтаны имели очень широкую полосу декора на бортах (рис. 137, 23).

У женских персонажей кафтан известен лишь на изображении якшини (Marshall 1960, fig. 89) и мифологических персонажей с капителей колонн (Bussagli 1984, p. 73, 2–3) (в последнем случае в Буткаре мастер явно ошибочно изобразил распашной кафтан заколотым вдобавок фибулами на плечах, как греческий хитон: рис. 146).

²⁷¹ Восточный Пенджаб смог отнять у последнего индо-греческого правителя Стратона III лишь Радживула примерно в 10 г. до н.э.

Нераспашная одежда

У мужской верхней нераспашной одежды неоднократно изображался особый карман, пришитый слева на груди (рис. 137, 34–36; 143), и капюшон (который известен и у женщин) (Ackerman 1975, pl. IX; Fisher 1983, fig. 3). У юноши-музыканта с бубном в сцене пиршества из Хадды надеты две рубахи — верхняя парадная, необычно короткая, с фестончатым краем подола, длинными рукавами и небольшим треугольным вырезом ворота, и нижняя, видимо с такими же рукавами и воротом, но почти достигающая колен и подпоясанная (Marshall 1960, fig. 49).

Женские платья обычно длиной до пят (в комплекте со штанами носились короткие рубахи). Их ворот чаще горизонтальный и довольно узкий (реже — стоячий: рис. 138, 25, 31), иногда украшен по краю фестонами (рис. 138, 30)²⁷²; вместе с тем у женщин чаще, чем у мужчин, встречается треугольный вырез ворота как на верхней, так и на нижней одежде (Bussagli 1984, p. 72; p. 112, fig. 1; p. 213). Подол мог быть пришитым складчатым (ibid., p. 112, fig. 1; Czuma 1985, No. 75). Изредка носилась одежда типа греческого chiton, которая скалывалась на плечах двумя фибулами (Bussagli 1984, p. 33; 51, fig. 1; 57, fig. 1). На статуе царицы Камбуджики из Археологического музея в Матхуре (ibid., p. 33) поверх подобной одежды (которая, в свою очередь, носилась поверх рубахи с длинными рукавами) видим обернутое вокруг бедер обычное индийское *дохти* (см.: Loth 1979).

Плащи-накидки

У мужчин они по облику и манере крепления принципиально не отличались от описанных выше кушанских (рис. 137, 29–30). Оригинален длинный и широкий женский плащ, крепившийся на груди крест-накрест ремешками (рис. 138, 35).

Манера ношения

Распашную одежду часто носили с неглубоким запахом налево или же полы держались лишь поясом. Изредка борта халата скалывались на кушанский манер лишь фибулой-брошью в верхней части груди (в отличие от кушан, она была не круглой, а в форме полумесяца или шестилепестковой розетки: рис. 137, 24–25; 139). Часто кафтан наглухо застегивался (рис. 137, 27–28), в единичных случаях носился с глубоким запахом (Bussagli 1984, p. 140) (рис. 144). Халат мог носиться внакидку (ibid., p. 69). Рукава мужского халата (часто кроившиеся длиннее руки) могли быть распушенными (Ackerman 1975, pl. II, a); у танцоров и музыкантов длинные рукава подчас закатывались (Rosenfield 1967, pl. 58; Bussagli 1984, p. 133; Czuma 1985, No. 87a).

Изредка в теплый сезон женский кафтан спускали в особых ситуациях с правого, «рабочего» плеча (ропись со знатной адоранткой из Хадды: Auboyer 1968, fig. 63). Вокруг туловища женщин иногда обернут шарф, который придерживали левой рукой (Bussagli 1984, p. 192).

Головные уборы

Весьма оригинальны типы мужских головных уборов, такие, как маленькая шапочка с толстым околышем, башлыки и конические уборы с навершием в форме шарика или плоского горизонтального диска, низкая конусовидная шляпа (рис. 137, 4, 7–8, 10). Иногда мужские уборы имеют с боков две ленты для завязывания под подбородком (рис. 137, 6, 8; 145).

На знатных дамах-адорантках иногда показаны своеобразные короны с зубцами или фестончатыми выступами (рис. 138, 4, 8) или шапочки с толстым и богато декорированным околышем (рис. 138, 5, 7). В ряде случаев высокий конусовидный убор носился с длинным, до низа бедер покрывалом, напоминая один из типов женских уборов европейских скифов (Rosenfield 1968, pl. 57, a).

Женщины иногда носили длинное головное покрывало (рис. 138, б), с которым порой надевался узкий шарф с кисточками на концах (рис. 138, 22). Женские полусферические головные уборы из ткани, покрытой узорами в виде сетки или ярких полос (рис. 138, 9–12; 149), имели круглое отверстие сверху, в которое через металлическую трубочку продевалась прядь волос.

²⁷² Такой ворот был, видимо, известен и прежним соседям индо-скифов на их северной родине — кангюйцам бассейна Сырдарьи, так как в следующий период, в V–VI вв., на городище Канка он представлен на оттиске печати правителя (см.: Bogomolov, Burjakov 1995, fig. 7, Nos 21–24).

Начельные украшения

Иногда с различными типами прически у представителей обоих полов изображена узкая повязка из ткани (рис. 137, 13; рис. 138, 19–20).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Штаны у обоих полов обычно весьма узкие, зауженные книзу. Они могли украшаться вертикальным рядом квадратных бляшек и двумя полосами по бокам (*ibid.*, pl. 62, 69, 92) (рис. 137, 50); реже встречаются и другие варианты бляшечного декора (рис. 138, 51–53).

Женские шаровары иногда имели треугольные разрезы с боков по нижнему краю (рис. 138, 42). Нижние края широких штанов танцующих женщин могли закатываться и справа собираться в узел, чтобы они не мешали двигаться (Bussagli 1984, p. 237) (рис. 147).

Пояса

Наборные пояса у мужчин отличаются разнообразием форм бляшек, многие из которых специфичны (треугольники, лунницы, овалы) (рис. 137, 41–42, 45–47). В одном случае три типа бляшек образуют на ремне сложную композицию (рис. 138, 46; 143). Есть пояс, сплетенный из 12 шерстяных веревочек (рис. 137, 39). Пояс сатрапа Кастаны, жившего во времена Хувишки, имеет чередующиеся бляшки двух типов — круглые и квадратные, на которых изображены всадник или сидящее демоническое существо — ваяла (Rosenfield 1967, pl. 3) (рис. 140).

У богинь на золотых полихромных изделиях известны и наборные пояса «мужских» типов с рядом однотипных бляшек. Так, у Харити на медальоне из Сиркапа бляшки квадратные с толстым ободком, а у «Тихе» с другого изделия, выполненного в стиле инкрустации «cloisonné», — квадратные с точкой внутри (ср.: рис. 121, 76) (The Crossroads 1992, Nos 75, 143). Женские пояса как на платье (Marshall 1960, fig. 41), так и на кафтане (Bussagli 1984, p. 72) крепились высоко под грудью (в первом случае тонкий поясик свит из шнуров: рис. 138, 37). Однако в целом женщины носили пояса нечасто.

Обувь

Мужская обувь в целом включала низкие полусапожки (обычно с овальным носком), которые чаще всего повязывались ремешком у щиколотки, и реже — высокие сапоги и ноговицы. Иногда полусапожки имели специфические носы, загнутые внутрь (рис. 137, 56–57). Музыканты и танцоры обоих полов могли изображаться босыми (*ibid.*, p. 133, 168, 237).

Прически

У мужчин преобладали прически без прямого пробора, волосы ровно подстригались надо лбом, а сзади были до затылка. Весьма часто встречалась завивка. Известны варианты, когда нижние концы волос навивались на кольцевой валик (рис. 137, 12) или собирались в узел надо лбом (рис. 137, 2). Адоранты на изображениях Матхуры, в отличие от собственно бактрийских, почти не носили усов; бороды у индо-скифов крайне редки.

Для женской прически специфичны косы, покрытые мешочками из ткани (рис. 138, 16–17), порой очень короткие (до плеч: Rosenfield 1968, pl. 32), и разнообразные формы завивки волос надо лбом (рис. 138, 3, 13, 21). Иногда завитые волосы образуют узел на затылке или темени или две короткие косы (Auboyer 1968, Taf. 63; Rosenfield 1967, pl. 112). Встречается челка надо лбом (рис. 138, 14), узел на затылке или темени (рис. 138, 12, 19), подвивание локонов у висков (рис. 138, 17, 19). У знатных дам волосы часто покрыты разноцветной (обычно сетчатой) тканью с отверстием для пряди волос на макушке; иногда прядь проходила через него и специальную металлическую трубочку.

Крой

Количество полотнищ стана не известно. Кафтаны кроились как со скашиванием ткани у ворота, так и без него. Разрезы подола плечевой одежды не документированы.

Женские одеяния довольно часто кроились приталенными, что предусматривало наличие сложнопрофильных боковин. Это касается как нераспашных платьев и коротких рубаш (Marshall 1960, fig. 41; Rosenfield 1968, pl. 32–34, 57a; Bussagli 1984, p. 166, 2; 213), так и распашных кафтанов (Marshall 1960, fig. 89; Auboyer 1968, fig. 63). На первом из упомянутых изображениях (рельеф из Тахти-Бахти со сценой представления невесты Гаутаме) платье одной из женщин заметно сужается на двух уровнях — под грудью и ниже колен. Платья могли иметь пришитой складчатый подол (рис. 138, 37; Czuma 1985, No. 75). Пристязной ворот с бляшками, стоячий ворот и обшлага у женщин крайне редки. На рубаше до колен с широким горизонтальным воротом у адорантки на глиняной расписной фигурке видны крупные пришитые обшлага (сшитые, как и штаны, из ткани с орнаментом в сеточку) (рис. 138, 38).

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт костюма у индо-скифов, в отличие от костюма юэчжей/кушан, в среднем ближе к контуру человеческого тела. Так, у мужчин почти не встречаются широкие рукава, нет широких шаровар и обуви с очень длинными и широкими носами; женщины часто носят приталенные платья, узкие шаровары в комплекте с короткими рубашками и т.п. Вместе с тем иногда костюм мужчин и женщин из простого народа совершенно идентичен (Bussagli 1984, p. 178, fig. 2).

В декоре одежды знати преобладала нашивка ряда бляшек круглой формы. В целом на индо-скифских изображениях бляшки встречаются гораздо реже, чем у кушан. В отличие от костюма кушан, в мужском костюме индо-скифов совершенно отсутствовал декор края рукавов и почти не было пришитых обшлагов. Я готов допустить, что в ряде случаев на изображениях божеств из Гандхары достоверно представлен бляшечный декор пристязного горизонтального ворота нераспашной одежды. Он украшен полосой ткани с чередующимися золотыми квадратными бляшками с изображениями круга и четырехлепестковой розетки (ibid., p. 123, fig. 2; 215, в первом случае — схематично) (рис. 138, 32) (в отличие от позднепарфянских аналогов, где чередуются квадратные бляшки с кружком внутри, и хорезмийских, где размещен ряд концентрических кружков).

Цветовая гамма одежды хорошо прослеживается на ряде росписей и керамических фигур адоранток из Хадды (Auboyer 1968, fig. 63; Bussagli 1984, p. 166, fig. 2; Czuma 1985, No. 12). Во втором случае у знатной дамы красное платье и белый головной убор; в остальных — ткань белая с крупным черным орнаментом в виде кружков с отростками или сеточки.

Эстетический идеал этноса

Судить о нем очень трудно, поскольку в гандхарском искусстве, в котором можно выделить несколько стилистических направлений, господствуют эстетические представления, свойственные в первую очередь именно «коренным» этносам Северо-Западной Индии. Если же исходить из предположения, что за период своего достаточно длительного пребывания в регионе индо-скифы эти представления во многом восприняли, то картина будет следующей.

Тип головы, соответствующей идеалу для обоих полов, — крупный, нос прямой, лицо очень широкое, полное, часто с двойным подбородком. Шея короткая и достаточно массивная. Телосложение крепкое. Кисти рук обычно крупные. У женщин часто ноги короткие, подчеркнуты грудь и талия, волосы не покрыты. У мужчин широкие плечи и обычно тонкие вислые усы.

2.6. Согдийцы

История изучения костюма

Специальная работа по одежде Согдианы/Согда позднеантичного времени (вторая половина II в. до н.э. — III в. н.э., т.е. после миграции кочевых саков и юэчжей и до распада соседних Кушании, Кангюя и Хорезма) имеется, насколько я знаю, всего одна: она посвящена одному типу «чалмообразных» женских головных уборов, происхождение которых М.Г. Воробьева связывала с влиянием далекой Гандхары (Мешкерис 1979, с. 13–17). Издавались и статьи по некоторым мелким аксессуарам костюма, например

булавкам от прически (Скугарова 2001). В остальном историография сводится к отдельным замечаниям исследователей в связи с описанием терракот.

Источники

Основной (и почти единственный) источник по костюму земледельческого этноса согдийцев данного времени — это *культовые терракоты* с изображениями божеств и эпических героев (изображенные на них музыканты, скорее всего, тоже представляют божественных музыкантов). Как уже отмечалось, на них преобладают *женские* персонажи (богини плодородия)²⁷³. Такая ситуация уникальна для крупных ирано-язычных этносов древности и на первый взгляд создает ряд серьезных проблем.

Другим источником являются наиболее ранние согдийские монеты с погрудным портретом правителя. Среди них монеты правившего в Бухарском оазисе Гиркода/Уркода (вторая половина II в. до н.э., его династия правила по II в. н.э.) и много позже, в IV в. — Асбара, воцарившегося на юге Абгата (I в. до н.э.) (см., например: Ртвеладзе 2002, табл. I, 12; II, 13–14, 25). Особенно важны реалистические профильные изображения Асбара, где детально переданы прическа и лента-диадема.

Остальные источники представляют собой костяные поясные пластины из курганов *кочевников* долины р. Зеравшан. Таков «портрет согдийца» на фрагменте из кургана 19 Куюмазарского могильника (Обельченко 1992, с. 225, фото) и знаменитые поясные пластины из могильника Орлат (рис. 151), которые много раз иллюстрировались, датировались в самом широком диапазоне от I в. до н.э. по IV в. н.э. (сегодня наиболее распространенная датировка I–II вв. н.э.; см.: Pyasov, Rusanov 1998, p. 123–130; Никаноров, Худяков 1999) и изображения на которых трактовались как битва контролировавших Согд кангюйцев (аристократии северного соседа — «кочевой империи» Кангюй) со своими врагами, например юэзжами (Pyasov, Rusanov 1998, p. 134). Последний вариант маловероятен, если учесть, что противник, как я уже отмечал, одет явно не в юэзжийский костюм (см.: Yatsenko 2001, p. 104), а этнографический облик двух групп противников в деталях практически идентичен (Яценко 2000в, с. 90). Однако главное заключается в том, что кочевники, похороненные в курганах, вероятно, *прямого отношения к рассматриваемым здесь их соседям — этническим согдийцам не имели*.

Общие замечания

в связи с изучением костюма согдийцев

Политически раздробленный Согд в I–II вв. н.э., судя по китайским источникам, находился в значительной степени под политической властью северной «кочевой империи» Кангюй (в III в. на территорию Согда даже переносится кангюйская столица). Западная его часть, возможно, была в той или иной степени зависимой от Кушании. Однако почти все находки интересующих нас терракот происходят из восточной (т.е. определенно «кангюйской») части страны — с городища древнего Самарканда (Афрасиаб). В это время, видимо, начинается знаменитая «согдийская торговая колонизация» по трассам Шелкового пути, поставившая небольшой и политически слабый этнос в ряд наиболее развитых народов мира. В целом современные знания об этом периоде истории и культуры Согда все еще весьма скромны.

Прежде всего возникает вопрос: *насколько изображенный на культовых терракотах костюм отражает реально бытовавшие в это время его формы?* Ответить на него можно уже на начальной стадии рассмотрения материала (см. рис. 152–153). Во-первых, многочисленные представленные микроэлементы костюма не имеют почти никаких соответствий в костюме соседних крупных стран (Кушания, Хорезм, парфянский Иран) и, следовательно, логично думать, что он может отражать именно *местный* костюмный комплекс. Во-вторых, то, что на терракотах изображены божества или эпические герои²⁷⁴, в нашем конкретном случае — в период, когда религиозное искусство Согда еще не находилось под большим влиянием иконографии соседних держав с развитой зороастрийской, буддийской или брахманистско-индуистской изобразительной традицией, — не противоречит первому выводу. Мы можем лишь допустить, что на

²⁷³ Этот тип памятников описан прежде всего в серии работ В.А. Мешкерис (см. наиболее важную из них: Мешкерис 1989). К сожалению, обширный личный архив В.А. Мешкерис, посвященный среднеазиатским терракотам, погиб во время пожара в ее ленинградской квартире.

²⁷⁴ Сегодня стало популярным мнение (не сопровождаемое детальной аргументацией), что в весьма архаичных по характеру ираноязычных обществах заказчик культовых изображений якобы стремился изобразить на них не столько почитаемых верующими персонажей, сколько прежде всего самого себя (в облике всадника, воина-героя). Эта версия уже неоднократно рассматривалась мною; я и сегодня считаю ее чисто модернизаторской (см.: Яценко 2000д, с. 255).

терракотах в ряде случаев представлены несколько устаревшие формы одежд. Это также не вызывает серьезных возражений, так как, во-первых, меня вполне устраивает точность датировки: плюс минус одно-два столетия; во-вторых, нет явных оснований полагать, что у этноса, не имевшего к тому времени развитой иконографической традиции, местный костюм божеств и героев мог серьезно разниться с реально бытующим в данное время.

Еще одной проблемой являются ошибки, порой допускаемые В.А. Мешкерис при определении пола ряда персонажей на терракотах. Исправить их помогает обращение к синхронным костюмным реалиям соседних ираноязычных этносов²⁷⁵.

Распашная одежда

У мужских персонажей известно изображение одного очень короткого кафтана с узким складчатым пришивным подолом. Он застегнут наглухо (рис. 152, 12).

Женская распашная одежда включает в себя два вида — халаты и парадную шубу, напоминающую кандис более раннего времени. Кафтаны не документированы.

Кандис очень длинный — до пят. Он может иметь классические, очень длинные зауженные рукава (рис. 153, 26) или более короткие (рис. 153, 27). Халаты, носившиеся в рукава, имели длину до колен (рис. 153, 23–25, 28) и надевались поверх платья. В одном случае халат имеет довольно широкие обшлага.

Нераспашная одежда

У мужчин это обычно верхние рубахи длиной до низа таза, с узким горизонтальным воротом и длинными рукавами (рис. 152, 14–18). Они, как правило, подпоясаны. Иногда виден пришивной подол — складчатый (рис. 152, 14) или отличающийся тканью с пестрым орнаментом (рис. 152, 16). Размещение декора весьма разнотипно: это пестрая ткань (рис. 153, 17); пришивной подол из пестрой ткани в сочетании с вертикальной линией бляшек в верхней части груди (рис. 152, 16); декор бляшками (?) в форме буквы «V» по краю подола и вдоль шва на плечах и рукавах (рис. 152, 18). Более длинная (до щиколоток) верхняя одежда имеет сходные основные параметры и складчатый подол (рис. 152, 13). Любопытно, что оба нераспашных одеяния со складчатым подолом показаны у музыкантов.

Женская верхняя нераспашная одежда представляет собой платья с длинными рукавами; длина подола различна — до пят, до щиколотки и колен (в комплекте с платьями двух последних видов определенно носились часто изображаемые шаровары). В случаях, когда платье было нижней одеждой, оно могло быть или немного короче верхней распашной (рис. 153, 24), или иметь одинаковую с ней длину (в большинстве случаев). Пришивной складчатый подол известен у одного короткого образца (рис. 153, 36).

Преобладает горизонтальный узкий ворот без декора. Лишь в одном случае ворот имеет треугольный вырез (рис. 153, 30), а в другом он стоячий (рис. 153, 34). Рукава обычно довольно узкие; они могут быть складчатыми (т.е. кроившимися длиннее рук и собранными у запястий) (рис. 153, 34–35, 37), шиться из пестрой ткани (рис. 153, 36). В одном случае нижний край их скошен (что иногда документируется и у сарматов) (рис. 153, 33). Обычно рукава имеют небольшие отвороты.

Плащи и накидки

Женская накидка, изображенная всего на одном типе терракот (рис. 153, 29), закрывает спину, и концы ее поддерживаются левой рукой на бедре. По краю идет кайма с крупным зигзагом. Стоит также отметить узкий шарф, наброшенный на плечи (Мешкерис 1989, рис. 54).

Головные уборы

Мужские головные уборы чаще всего представляют собой конструкцию, в основе которой лежит конус (рис. 152, 1–3, 5–6). Они сделаны из жесткого материала (войлок, кожа), поэтому верхушка у них обычно стоячая. Среди таких уборов: башлык со сравнительно высоким верхом, широким и длинным назатыльником (рис. 152, 1), высокий конусовидный с выделенным вертикальным швом (рис. 152, 2), образцы с не-

²⁷⁵ Так, головы юношей с распространенным типом мужской прически исследовательница относит к богиням (Мешкерис 1989, с. 136; рис. 42) и, наоборот, фигуры женщин в характерном уборе в виде высокого массивного цилиндра со сложным декором считает мужскими (Мешкерис 1989, с. 152; рис. 56).

большим околышем (?) (рис. 152, 5–6). Очень оригинален убор в виде высокого цилиндра (рис. 152, 4). Шапочка с толстым околышем (рис. 152, 7) относится к распространенным в иранском мире типам.

Женские уборы содержат несколько весьма оригинальных типов. Это образцы в виде цилиндра с декором в несколько ярусов; он напоминает так называемые «скифские калафы», но лишен сопровождающих их покрывала и височных подвесок (рис. 153, 7–9), шапочка с полями, напоминающая «пилотку» (рис. 153, 20), в виде своеобразного уплощенного валика с подчеркнутым каркасом из поперечных лент (рис. 153, 16) и конструкция в форме сложного крупного узла («чалма») (рис. 153, 10). Последний тип убора М.Г. Воробьева выводила из находящейся далеко южнее Гандхары (Мешкерис 1979, с. 14). Возможно, импульс исходил именно оттуда, однако точных аналогий нашему убору в Гандхаре я не вижу (ср., например: Пугаченкова 1982, рис. 86). Кроме этого известен обычный конусовидный убор со слегка свисающим верхом (рис. 153, 19).

Начельные украшения

У мужских персонажей они не документированы, у женских встречаются довольно часто (рис. 153, 3–4, 17–18, 22). Иногда на ленте диадемы нашита надо лбом одна круглая бляшка с кружком в центре или же ряд таких бляшек украшал всю ленту. Оригинальна диадема богини в виде полосы, к которой вертикально крепился ряд перьев (?), что имеет прямые аналогии в Месопотамии уже с аккадского периода (рис. 153, 18).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

У мужчин известны только узкие штаны, заправленные в обувь; у женщин наряду с ними бытовали и очень широкие шаровары, подчас носящиеся поверх обуви (рис. 153, 38–39). Иногда они украшены вертикальной декоративной полосой.

Пояса

У мужчин пояс чаще всего представляет собой узкую ленту. Иногда видно, что он крепится круглой пряжкой, конец его (иногда расширяющийся) немного свисает (рис. 152, 19–20). У женских персонажей лишь на одном типе терракот верхняя нераспашная одежда подпоясана.

Обувь

У женщин это всегда туфли с округлым носком. На одном изображении представлены уникальные *туфли на высоком каблуке*, которые не имеют аналогов в иранском мире. Сапоги на высоком каблуке видим на парфянском рельефе из Эламаиды (см. раздел 1) (рис. 153, 43). У мужчин типы обуви более разнообразны. Это туфли (рис. 152, 21), полусапожки (рис. 152, 22) и высокие сапоги (рис. 152, 23). Два последних типа имеют отворот по краю голенища.

Прически

Из *мужских* персонажей на культовых терракотах мы чаще видим юношей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они лишены не только бороды, но и усов. Прямой пробор не отмечен. В большинстве случаев волосы ровно подстрижены надо лбом; сзади они длиннее, на уровне щек (рис. 152, 9) или затылка (рис. 152, 6–8). Известна и очень короткая стрижка (рис. 152, 10), в том числе с коком надо лбом (рис. 152, 11). Носились небольшие усики и борода (в форме полушария или конуса) (рис. 152, 6, 8–9).

Женские прически более разнообразны. В отличие от мужчин у них был распространен прямой пробор (рис. 153, 2–3, 10–11, 13–14). Еще чаще волосы ровно подстригались надо лбом (рис. 153, 1, 6–8, 12, 17, 20–22). Прическа часто крепилась на макушке или надо лбом лентой, образующей сложный узел (рис. 153, 11, 13, 15). Ленты могли скрепляться заколкой в виде розетки (рис. 153, 14) или образовывать крупное фигурное навершие (рис. 153, 12). К прическам двух последних типов сзади крепилось довольно длинное покрывало (рис. 153, 12, 15). Концы волос ниже висков могли подвигаться внутрь (рис. 153, 2, 4, 11–12) или наружу (рис. 153, 6); иногда их завивали по всему периметру (рис. 153, 8). Изредка встречается как очень

короткая стрижка (рис. 153, 1), так и длинные, повязанные на лбу волосы, рассыпанные по плечам (рис. 153, 17). Прически с узлом на затылке или темени, видимо, не носились.

Косметика и татуировка

Неоднократно отмечены рисунки на женском лице. Известно несколько их вариантов, включающих кружки (иногда концентрические), реже — знаки «V»²⁷⁶. Кружки могли размещаться по одному на лбу (рис. 153, 16), парой на щеках (рис. 153, 5) и, наконец, на щеках и на лбу, что известно и у кушан (Мешкерис, 1989, рис. 28). При последнем варианте кружки порой заменены знаками «V» (рис. 153, 10). Вероятно, все эти знаки, как и у других иранских народов данной эпохи, наносились чаще всего красной краской.

Крой

Количество полотнищ стана плечевой одежды неясно. Изредка платье кроилось из четырех крупных полос, соединенных, видимо, лентами из ткани другого цвета (рис. 153, 27). Часто использовался пришивной подол. Нижняя часть одежды расширялась клиньями или боковинами; боковые разрезы не документированы. Известно платье на высокой кокетке (рис. 153, 37). Распашная одежда скашивалась у ворота, который у платья мог быть стоячим. Обшлага не характерны (исключение: рис. 153, 25). На головном уборе иногда подчеркивался декором вертикальный шов над лбом.

Манера ношения

Мужской кафтан носился запахнутым наглухо, женские халаты надевались в рукава (с неглубоким запахом налево или с несоединенными бортами), реже — внакидку. Шаровары заправлены в обувь (единственное исключение у женского персонажа: рис. 153, 39).

Силуэт и декоративные принципы

Для мужского силуэта согдийцев кушанского времени свойственны близость к контурам человеческого тела и несколько удлиненные пропорции тела (удлиненная головным убором голова, узкая подпоясанная рубаша с такими же рукавами и узкие, заправленные в обувь штаны). Женский силуэт, образованный костюмом и его аксессуарами, напротив, напоминает цилиндр (свободные широкие одежды, уплощенные обычно прически).

Основных способов декорирования костюма у ранних согдийцев документируется пять: 1) пошив нераспашной верхней одежды, реже — шаровар целиком из пестрых тканей (рис. 152, 17; 153, 30, 34, 43); 2) пошив отдельных элементов плечевой одежды (рукава, реже — пришивной подол) из пестрой ткани (рис. 152, 18; 153, 36); 3) нашивка декоративной полосы (иногда, видимо, с бляшками) вдоль швов, соединяющих рукав или штанины (рис. 152, 18, 21; 153, 41–42); 4) украшение бортов распашных одежд (рис. 153, 23, 25, 27–28); 5) очень характерна для данного этноса вертикальная полоса декора (разной ширины) на верхней нераспашной одежде (рис. 152, 16; 153, 31, 33, 37).

У халатов обычно декорированы борта (один-два ряда круглых бляшек или полоса крупного зигзага). Горизонтальный ворот женского платья обшивался полосой с рядом круглых бляшек (рис. 153, 34). Основной декор штанов — вертикальная полоса с рядом бляшек (?) в форме буквы «V» (рис. 152, 21; 153, 41). Декором головных уборов и диадем наиболее часто были крупные круглые бляшки с кружком в центре (рис. 152, 3; 153, 18, 22); реже (на женских уборах) встречаются два ряда более мелких круглых бляшек (рис. 153, 9, 12). Полоса зигзага характерна только для женского костюма. Кроме бортов халатов она отмечена на платье (рис. 153, 34, 37) и на головном уборе (рис. 153, 8).

Эстетический идеал этноса

²⁷⁶ Подобные «V»-образные фигуры и ряды параллельных (горизонтальных и вертикальных) полос (см. рис. 84, 8), документируемые в данное время у сарматов и согдийцев, на деле были наиболее распространенными типами татуировки во многих традиционных обществах (см., например: Киселева 2003, с. 45).

У мужчин ценилась стройная фигура, у женщин — дородность (хотя грудь не слишком подчеркнута); демонстрировать открытые плечи было не принято. Как правило, у лиц обоих полов укрупненная голова, короткая и очень массивная шея, укороченные маленькие ноги, лицо обычно очень широкое (часто с массивным квадратным подбородком), маленький рот. Весьма показательна приведенная В.А. Мешкерис сравнительная таблица пропорций тела в согдийской короoplastике и древнегреческой скульптуре (Мешкерис 1977, рис. 3). У женщин обычно очень густые (но не сросшиеся) брови, глаза часто удлинены; у мужчин же брови, напротив, узкие; глаза, как правило, обычных пропорций.

2.7. Хотано-саки

Хотано-сакский комплекс географически является самым восточным из детально документированных комплексов одежды ираноязычных народов данной эпохи. Хотано-саки — группа родственных иранских этносов, проживавших на западе современного китайского Синьцзяна (Восточного Туркестана) в оазисах в предгорьях Наньшаня, Куньлуня и Памира. Основными политическими центрами хотано-сакских княжеств наряду с собственно Хотаном были расположенные к северо-западу от него города Яркенд (кит. Согюй) и Кашгар (кит. Сулэ). Однако привлекаемый в данном разделе материал обнаружен пока лишь в Хотанском княжестве.

История изучения костюма

М.М. Аллад в специальном разделе описала элементы костюма на изображениях буддийского монастыря IV–V вв. Токкуз-сарай (Hallade 1964, р. 178–206); однако практическая ценность ее описаний для моей работы невелика, так как здесь изображены в основном буддийские персонажи, а анализируются главным образом аксессуары.

Фактически первой работой, посвященной анализу одежды Хотана параллельно с одеждой его северных индоевропейских соседей — тохароязычных обитателей Кучи, стала статья Н.В. Дьяконовой. Несмотря на то что исследовательница использовала лишь небольшую часть известных изображений, в ее работе содержится ряд важных выводов. В частности, впервые определены многие специфические черты обоих костюмных комплексов (Дьяконова 1980, с. 181–182, 184–185, 190–191). Н.В. Дьяконова выразила несогласие с теми авторами, кто, мимоходом говоря о них, видел здесь лишь конгломерат внешних «влияний», главным образом западных (согдийских, персидских, византийских). Принципиальное значение имеют вывод о небольшом числе изменений в одежде в течение всего периода поздней античности и раннего средневековья, документируемый костюмными находками (II–VIII вв.), и попытка разграничения бытового костюма и костюма персонажей буддийского пантеона, вероятность иноземного и более древнего происхождения элементов которых очень велика; несмотря на это, одеяния буддийских персонажей часто считают «достоверным» источником по местной одежде (там же, с. 175–176, 178, 193). Представляет интерес также попытка выявить костюм одной группы иностранцев.

Исследовательница привела ряд аргументов против «согдийской версии» происхождения силуэта плечевой одежды, прически, орнаментации тканей и других элементов костюма Хотана, как, впрочем, и согдийского происхождения местного искусства. Это было весьма существенно, так как ранее в литературе господствовали версии, отрицавшие оригинальность костюмных комплексов Хотана и Кучи. Народы Восточного Туркестана (в том числе хотанцы) в подобных версиях всегда априорно предстают исключительно как потребители плодов «западных влияний». Вопрос о возможном противоположном направлении костюмных контактов в литературе даже не ставился. В работах такого рода обычно отмечается «поразительное сходство» с формами одежды той или иной западной страны, но — практически без аргументации, кроме весьма туманной ссылки на несколько иллюстраций: отсутствует анализ силуэта, пропорций, размещения декора и его типов.

Впервые всесторонний анализ костюмного комплекса хотано-саков (по сложившейся в историографии традиции — в сопоставлении с другим, наиболее документированным комплексом соседней тохароязычной Кучи) был недавно дан мною в специальной главе коллективной монографии (см.: Яценко 2000б, с. 302–303, 313–350, 353–367). Весь период со II в. н.э. до захвата Хотана мусульманским войском Караханидов в 1006 г. рассмотрен в нем суммарно. В предлагаемом разделе этот анализ существенно углублен,

дается в рамках двух хронологических периодов, и многие выводы скорректированы. Ниже впервые приводится специальная характеристика именно ранней хотанской одежды.

Источники

Основным источником наших сведений о костюме Хотанского княжества (кит. Юйтянь) во II–IV вв. (Дьяконова, Сорокин 1960, с. 33–37) являются керамические изделия предполагаемой древней столицы этого государства, расположенной на известном городище Йоткан. Керамика, вероятно происходящая из этого пункта, наиболее подробно классифицирована и описана С.С. Сорокиным по материалам коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа (там же), а также на более широком материале — Б.А. Литвинским (Литвинский 1995, с. 106–123). Коллекции йотканской керамики с интересующими нас изображениями оказались в различных музеях мира (прежде всего это Британский, музей Эрмитаж, Национальный музей в Дели, Музей Синьцзяна) и некоторых частных коллекциях. Среди них много мужских личин-налепов на художественной керамике (двух-трехручных вазах, кувшинах, флягах и др.); впрочем, немало и гротескных образов, далеких от местных реалий; на горлышке у кувшинов порой рельефно изображались два «арлекина» — музыканты или танцоры в богатой одежде, ряд сидящих под арокками музыкантов или мужчины, держащие цветочные гирлянды. Иногда изображается местный оркестр в полном составе. Среди налепов на посуде высока доля изображений мифопоэтических персонажей. Известно много и целых терракотовых фигурок стоящих мужчин и женщин, в том числе иногда экзотических иноземцев (китайцы с характерной позднеханьской прической; см.: Hoernle 1901, pl. XI, 3); часто от них сохранялись лишь головы, дающие представление прежде всего о местной прическе²⁷⁷.

Относительно терракот Йоткана Н.В. Дьяконова считала «несомненным, что они отражают эволюцию местного костюма». Исследовательницей были предложены два критерия выделения ранних и поздних изображений: степень реализма и богатство отделки (Дьяконова 1980, с. 179–181). Однако при случайном характере рассматриваемых находок нет никаких гарантий, что они не производились одновременно.

В единичных случаях персонажи в местной одежде изображены на других мелких предметах из Йоткана, например: танцовщица на каменной пластинке (Дьяконова 1980, с. 179–181), некоторые геммы (Stein 1921, pl. V, Yo. 07).

Велика ценность обширной коллекции различных текстильных изделий I–III вв. из могильника Сампула (к юго-востоку от Хотана), среди которых преобладают предметы одежды, тканые пояса и др. К сожалению, она опубликована лишь частично (Rhie 1999, p. 272–276).

Определенный интерес представляют документы III–IV вв. на языке кхароштки из расположенного восточнее древнего государства Крорайна (часть населения которого составляли переселенцы из Индии). Здесь упоминаются явно чуждые костюму индийцев и китайцев войлочные одежды и короткие куртки, присущие соседям-хотанцам (документы № 149, 318, 348, 382, 534: Biggow 1940, p. 27, 59, 67, 77–78, 105).

Общие замечания

в связи с изучением костюма хотано-саков

Попавшие в западный и юго-западный Синьцзян (Восточный Туркестан) около рубежа II–I тысячелетий до н.э. предки ираноязычных хотано-саков оказались в весьма разнообразном этнокультурном окружении. С запада их окружал родственный мир иранских народов; южными соседями стали кочевые предки современных тибетцев — цяны (их монголоидный облик со временем приобрели хотанцы); с востока, вероятно, тоже ираноязычные, малые юэцжи и усунь, тохароязычное (индоевропейское) население оазисов Нии, Карашара и Кучи, а также кочевые хунну и их потомки. Китайское культурное влияние, несмотря на двукратное кратковременное подчинение хотано-саков империи Хань (впервые — с 110 г. до н.э. после походов войск императора У-ди) и появление некоторого числа китайских военных поселенцев, было в это время относительно небольшим.

В начале интересующего нас периода регион во второй раз попал на некоторое время (73–106 гг. н.э.) под власть Китая благодаря активности такого видного политика, как Бань Чао. В дальнейшем район Хо-

²⁷⁷ См.: Hoernle 1901, pl. XI; Stein 1907, II, p. 317; pl. XLIV–XLV; Stein 1921, pl. I–III, CXXVI; Хуан Вэньби 1958, № 11, 40; Дьяконова 1958, рис. 2; Дьяконова, Сорокин 1960, № 15, 19; Gropp 1974, fig. 179; Синьцзян гудай 1975, табл. 257; Дьяконова 1980, табл. II.

тана, вероятно, ненадолго был захвачен Кушанской империей (о предполагаемых следах кушанского влияния в costume см. главу 4.1). Позже небольшие южные оазисы Синьцзяна были относительно самостоятельны лишь какое-то время в III в. н.э.

С I в. до н.э. Хотанское княжество стало важным перевалочным пунктом на Великом шелковом пути. К этому времени здесь не только проживали торговцы из разных стран, но и возникли большие колонии индийцев и китайцев. Образованные хотанцы знали индийские и китайский языки. Окрестности Хотана были богаты зеленым и белым нефритом, яшмой, бирюзой и золотом (одно из названий этой области — «Золотая страна»), а хотанские мастера славились их художественной обработкой.

Государственной религией Хотана стал буддизм, официально принятый, вероятно, в 60 г. н.э. при царе Више Самбхаве (по преданию, земля княжества была создана самим Буддой из лучей 363 священных лотосов, на концах которых сами собой зажглись светильники). Уже во второй половине III в. н.э. княжество превратилось в один из крупнейших идеологических центров северной ветви буддизма — махаяны, и хотанские монахи в III–IV вв. сыграли большую роль в обращении китайцев в новую веру.

К югу от Хотанского оазиса расположены хребты Кунылуна и Наньшаня, на западе — хребты Памира высотой более 7000 м; на севере он граничил с песчаной пустыней Такла-Макан, где самые высокие в мире барханы. Половину древнего Хотанского княжества занимали пустыни и бесплодные горы. Сухой пустынный климат Хотана сделал эти места «археологическим раем» мирового значения, сохраняя древние рукописи и деревянные вещи.

Материалы городища Йоткан — предполагаемой столицы княжества, к сожалению, происходят лишь из случайных сборов и грабительских раскопок на его территории. Эти артефакты датируются благодаря находкам местных монет с надписями на сино-кхароштии, в пределах II–IV вв. н.э.

Материал одежды

К сожалению, наши сведения о материале одежд за этот период еще крайне скудны. В документах на кхароштии из соседнего государства Крорайны упоминаются связанные как с соседним Хотаном, так и с местным тохароязычным населением войлочная одежда *namata* (видимо, она была дорогой, так как в одном случае фигурирует как подарок от нескольких человек, а в другом — ею уплачивается штраф), куртка из конопляной ткани, куртки из белого шелка. Упоминаются также *lastuga* из полихромного шелка и рулоны шелка, украшенные вышивкой *vidapa* и *lyokmana* (Burrow 1940, № 382, 385, 489, 566). Упоминаемые одежды были белого, желтого или голубого цвета или многоцветными. В погребении так называемого «Короля пустыни», найденном в 1995 г. в Ние (княжество Шаньшань), в одежде сочетались китайские шелка красного, белого, зеленого и синего цветов (Legasy 2000, No. 01). В могильнике Сампула найдена серия из примерно 1000 различных текстильных изделий I–III вв., главным образом из шерсти и хлопка (см., например: Rhie 1999, p. 272–276).

Плечевая одежда

Распашная одежда

Для костюмного комплекса Хотана уже в раннее время верхняя мужская одежда, за редкими исключениями, была нераспашная, а у женщин — распашной. Мужской кафтан имел длину до колен (рис. 154, 7).

У женщин был распространен комплект из халата или короткого кафтана и носившегося под ним платья до пят (рис. 154, 14). Можно допустить также ношение в ряде случаев юбки (установить это наверняка из-за застегнутых кафтанов нельзя).

Женские халаты длиной до колен или до щиколоток у разных социальных групп отличались очень широкими (до 80 см) рукавами (рис. 154, 14; 188). Они имели ворот с одним правосторонним лацканом (рис. 154, 14) или двумя лацканами (Stein 1921, pl. I) (рис. 155, 4).

Кафтан, наглухо застегнутый, мог носиться со штанами; он имел как короткие (рис. 154, 9), так и длинные рукава (Дьяконова 1980, рис. II, I).

Древнейшие в Евразии изображения кафтанов и халатов с одним боковым (правым) и двумя лацканами известны именно в коропластике Хотана II–IV вв. н.э. (рис. 154, 7, 14; 155, 4). Кафтаны с двусторонними отворотами в целом в Синьцзяне имеют гораздо больше форм и разновидностей, чем в Западном Туркестане (ср.: Лобачева 1979, с. 33). Мужские одеяния с двумя лацканами в Хотане, как позже и в Средней

Азии, отмечены у разных слоев общества и у обоих полов в отличие от соседней тохароязычной Кучи, где они были атрибутом лишь служилой знати (Яценко 2000б, с. 333).

Нераспашная одежда

У мужчин длина подола верхней нераспашной одежды была до колен или до низа таза (рис. 155, 1, 3). Она имеет узкий горизонтальный ворот (иногда его край, как у кушан, собирался лентой, завязывавшейся узелком со свисающими концами на правом плече: рис. 155, 3) и узкие рукава до запястий. В ряде случаев она подпоясывалась.

Подол нижних рубаш иногда выглядывает из-под верхней мужской одежды. У персонажа в Йоткане и в более позднее время (в V в.) — в Раваке (рис. 154, 3, 5) подол и края боковых разрезов декорированы широкой каймой с полосой зигзага. Эту декоративную схему в данном случае я не могу вывести из позднесасанидского костюма (см. главу 3.1): во-первых, йотканское изображение древнее; во-вторых, в отличие от сходных персидских образцов хотанские одежды с таким подолом носились как нижняя одежда. Специфичен для Хотана и не имеет персидских аналогов и декор с зигзаговидным орнаментом.

Женщины носили свободные платья до пят, выглядывавшие из-под халата (рис. 154, 14). Ворот у них горизонтальный (рис. 155, 4), широкий подол образует вертикальные складки (или полосы).

Накидки

В Йоткане на «арлекинах» видим крестовидные пелерины кушанского облика с полосой декора по краю (рис. 154, 1–2). Иногда они украшались рядом круглых нашивных бляшек (Дьяконова, Сорокин 1960, с. 20, № 770).

Головные уборы

В отличие от мужчин большинство женщин изображены *простоволосыми*, не скрывающими сложную прическу.

Тип 1. Маленькая облегающая мужская полусферическая шапочка, через отверстие в макушке которой иногда пропущена прядь волос. Нижний край украшен рядом медальонов, над ушами крепятся два ромбовидных «крыла». Представлена у «арлекина» (рис. 154, 1–2; 155, 27). Убор с подобной пропущенной в отверстие прядью известен также у западных соседей — индо-скифов.

Тип 2. Убор в форме невысокого конуса с округлым верхом (рис. 155, 31).

Тип 3. Убор в виде высокого конуса из мягкого материала (ткани), верхушка свешивается назад (рис. 155, 33).

Тип 4. Мужская цилиндрическая шапочка с козырьком (рис. 155, 29).

Тип 5. Мужская шляпа с облегающим верхом и узкими полями, загнутыми наружу (рис. 155, 32).

Тип 6. Мужская чалма, напоминающая некоторые североиндийские образцы (что неудивительно: восточными соседями Хотана были индийские переселенцы в Крорайне) (рис. 155, 28).

Тип 7. Этот единственный женский тип убора имеет форму низкого цилиндра с округлыми краями. На лбом размещено кольцо, от которого в стороны расходятся ленты. У музыкантши к нему еще имеется покрывало длиной до таза (рис. 155, 8, 25).

Начельные украшения

Вероятный тип диадемы из тонкой полоски с рядом треугольных выступов представлен на фигурке богини с поднятыми руками (рис. 155, 26).

Поясная одежда

Штаны

На изображениях мужчин и девушки-танцовщицы штаны узкие, они заправлены в обувь. Однако мужские шерстяные штаны I в. н.э. из двух могил Сампулы были весьма широкими, с вертикальными складка-

ми, стянутые ремешком как по верхнему краю, так и по нижнему. Они сшиты из бактрийской (юэчжийской) ткани, на которой сохранилось в одном случае портретное изображение юноши, в другом — бегущего кентавра на фоне цветов (Rhie 1999, p. 273–275; fig. 4.11, 4.13).

Пояса

Мужчины подпоясывались далеко не всегда. У женщин же тонкий поясок виден лишь у танцовщицы в «мужской» одежде (рис. 154, 9). Пояса хотанцев — это обычно узкие ременные ленты без украшений. На поясе одного из мужчин сзади свешивается ряд одинаковых, довольно длинных петель (рис. 154, 11).

Обувь

Мужская обувь на всех изображениях — туфли с округлыми носками. Вероятно, у знати они выглядели так, как в соседней Крорайне, т.е. частично покрывались китайскими полихромными тканями (ср.: Legasy 2000, No. 29). У женщин обувь скрывает длинный подол платья. Только у девушки-танцовщицы, одетой в «мужскую» одежду, видим сапоги с треугольным выступом под коленом (рис. 154, 9), известные в соседних районах уже в конце эпохи бронзы (могильник Субеши; см.: Майтдинова 2001в, с. 80, рис. 9).

Прически

Женские прически Хотана отличаются сложностью, и в основном они уникальны. Единичные аналогии им, имеющиеся в Гандхаре, в частности у индо-скифских персонажей, не вполне точны (см., например: рис. 138, 1).

Можно выделить пять основных типов женской прически, из которых первые три имеют ряд вариантов. Во всех случаях использован прямой пробор. 1) Волосы уложены на макушке в большой шаровидный узел, скрепленный у основания богато декорированной лентой или цепочкой. Сзади прическа дополнялась дугообразно приподнятой косой или крепившейся булавками и свисающей вниз лентой (рис. 155, 1–3, 5, 9, 11). Сзади волосы ровно подстрижены на уровне затылка. 2) Волосы зачесаны назад в виде большого числа мелких косичек и навиты на специальный каркас прямоугольной формы, крепившийся вертикально; иногда сзади свисал кусок ткани, украшенный перьями, а сверху возвышался дополнительный шаровидный узел волос (рис. 155, 4, 6). 3) Волосы оплетали на макушке вокруг толстой палочки (?) и повязывали пестрой тканью, край которой свисал сзади (рис. 155, 7). 4) Волосы собирали в небольшой узел на макушке, украшенный специальным чехлом (рис. 155, 17). 5) Волосы сзади ровно подстрижены на уровне подбородка, спереди — надо лбом. На макушке и на затылке в них воткнуты два украшения-броши в виде крупного диска с цветочной розеткой, с края которого свисают две ленточки (Stein 1921, pl. XLIV).

У женщин (рис. 155, 3, 5–6, 9–10, 16–18), как и у бородатых мужчин (рис. 155, 24, 29), часто видим спускающиеся с висков короткие, слегка завитые локоны.

На налечах керамики из Йоткана в эрмитажной коллекции представлены мужские лица; у всех у них короткая стрижка с прямым пробором, лицо гладко выбрито. На зооморфных кувшинах мужские изображения более реалистичны. Здесь представлена очень короткая прическа с прямым пробором, волосы ровно подстрижены надо лбом. С висков спускаются толстые локоны, достигающие до уровня рта. В единичных случаях встречены горизонтальные и довольно длинные (видимо, напояженные) усы (Литвинский 1995, табл. 8, 8).

В целом на хотанских изображениях преобладает короткая стрижка как с пробором (рис. 155, 19–20, 24), так и (гораздо реже) без него (рис. 155, 23). Два изображения с более длинными волосами, до плеч и ниже, ровно подстриженными надо лбом и без пробора (рис. 155, 21, 32), возможно, представляют иностранцев. Небольшие усы, а также короткие окладистые бородки (рис. 155, 24, 29, 31) носились, видимо, редко. На одной из гемм (Stein 1921, pl. V, Yo. 07) волосы коротко ровно подстрижены и завиты на концах на уровне лба.

Косметика

У мужских личин на хотанской керамике на лбу иногда нанесен кружок, короткая линия или знак «V» (аналогичный синхронным согдийским в Афрасиабе: см., например: Литвинский 1995, с. 122). Женщины, 285

вероятно, подкрашивали брови графитовыми стержнями, известными и в соседних оазисах (ср.: там же, с. 254).

Крой

О крое стана плечевой одежды данных нет. Предположение, что ворот халатов с одним большим лацканом и наглухо застегнутых до шеи, кроился одинаково (Сычев 1977, с. 42; Крюков, Малявин, Софронов 1984, с. 152), кажется явным недоразумением: ведь при мысленном совмещении лацканы заходят друг на друга под углом (см.: Grunwedel 1912, fig. 21; Яценко 2000б, табл. 59, 2). Подол нераспашной мужской одежды иногда сильно расширялся вставными клиньями (Дьяконова 1980, табл. II, 3).

Манера ношения

Кафтаны имели запах налево; при этом правая пола заходила на левую на 3–5 см — на ширину отделки. Вместе с тем в соседней с востока Крорайне, в Ние в погребении «Короля пустыни» мы уже видим, что кафтан того типа, который был свойствен местному тохарскому и иранскому населению, запахнут, но на китайский манер — направо (Legasy 2000, No. 01). У мужчин кафтан обычно застегивался (видимо, пуговицами) до верхней части груди, оставляя лацканы. У женщин бытовал наглухо застегиваемый кафтан, в том числе с серией парных петель вдоль бортов (рис. 154, 9; см. также: Дьяконова 1980, табл. II, 1). Женские халаты либо застегивались до верхней части груди, оставляя правый лацкан или два лацкана, либо застегивались наглухо (там же, табл. II, 2). Иногда женщины стояли, скрестив руки на животе так, что они попадали в противоположные рукава (Йоткан: Дьяконова, Сорокин 1960, с. 20, № 770).

Силуэт и декоративные принципы

Женский силуэт у ранних хотанцев обычно напоминал конус, слабо расширяющийся книзу (свободные одежды с расширенным благодаря клиньям подолом, доходящие до пят). Мужской силуэт, плавно сужаясь к голове и ногам, напоминал сигару.

Декор ворота распашной одежды — полоса цветной ткани — обычно однотипен с бортами. Распространенной была отделка рядом круглых золотых (?) бляшек по краям одежды. Она известна на рукавах женского халата (там же), на подоле мужской нераспашной одежды и на пелерине (рис. 154, 1). Ворот нижней рубахи одного из персонажей (возможно, иностранца: рис. 155, 21) украшен рядом квадратных бляшек с круглой вставкой в центре, обычных для более западных иранских народов (в частности, парфян).

У женских халатов декорировались также проймы рукавов (рис. 154, 14). У халатов с расширяющимися рукавами они иногда украшены вдоль шва с тыльной стороны широкой полосой бахромы (?) (табл. 154, 14). Подол нераспашной одежды танцоров в Йоткане оформлен шестью заостренными клиньями, оканчивающимися «бубенцами» (рис. 154, 1–2). Он украшался также полосой зигзага (рис. 154, 3).

Девичьи сапоги обильно украшались полосами аппликации по верхнему краю и вдоль основных швов голенища и головки (рис. 154, 9).

Эстетический идеал этноса

Хотанцы этого периода не слишком стремились казаться стройными. Мужчины туго подпоясаны лишь в редких случаях, у женщин обычно одеяния также свободные. Акцент в облике женщины делался на очень сложной прическе, не скрытой головным убором, и необычайно широких и богато декорированных рукавах. Грудь и бедра, напротив, никак не акцентировались. На терракотах у женских персонажей обычно крупненные головы и короткие ноги.

На многих йотканских керамических налечах у мужских лиц большие, слегка выпученные глаза, очень крупный рот, толстые губы, большой, с широкими ноздрями нос и слегка заостренные уши (Литвинский 1995, с. 122). Однако мне представляется, что более адекватно отражают реально бытующие местные эстетические представления антропоморфные кувшины, опубликованные Г. Монтелем и С.С. Сорокиным (см., например: там же, табл. 8, 8; 9, 2–3). У многих персонажей на них монголоидные лица. Короткая прическа не закрывает удлинённых ушей, подбородок чуть заострен, шея обычной толщины.

Основные выводы

Прежде всего, сформулируем *важнейшие особенности костюмных комплексов отдельных этносов парфяно-сарматской эпохи*.

Рассмотрение **костюма Парфии** во многих отношениях позволяет прийти к новым важным выводам, касающимся его специфики. У мужчин предполагается крой стана из двух полотнищ, наличие стеганой плечевой одежды; использовались низкая кокетка и пришитый подол. Распашная одежда и шаровары здесь характерны только для мужчин. В ранний период распашные кафтаны не длиннее колен в основном запахивались или застегивались различными способами (специфично крепление бортов на всю их высоту с помощью серии парных петель). Часть этих кафтанов имеют дугообразное углубление на подоле, что, видимо, имитирует крой нераспашной верхней одежды бывших соседей предков парфян — парнов в Западном Туркестане. В поздний период (после 12 г. н.э.) характерно большее распространение нераспашной одежды (даже обожествленный основатель династии на монетах стал изображаться в подобной одежде с конца I в. до н.э.), а распашная часто носилась наглухо застегнутой (последняя декорировалась наиболее богато). Для распашной и нераспашной одежды знатных мужчин характерны рукава длиннее руки с удлинённой веслообразной нижней частью. Нераспашные одеяния носились приталенными, без пояса, что обеспечивалось соответствующим кроем, и имели богато оформленные (в том числе сюжетными тканями) обшлага; у мальчиков на них нашивались «погоны». Из плащей для парфян характерны широкая парадная мантия до колен, скалывавшаяся в центре груди, и греческий himation, носившийся в скрученном виде на левом плече жрецами.

Женщины часто носили два платья, из которых нижнее было длиннее (иногда его рукава имели разрезы, скрепляемые серией парных лент).

Мужские шаровары всегда заправлялись в обувь. Их декор часто дублировал аналогичные украшения соседних предметов костюма — плечевой одежды или обуви. Господствующим типом последней были полусапожки. Они повязывались у щиколоток лентой с длинными, часто свисающими до земли концами.

У мужчин преобладают конусовидные головные уборы, среди которых — высокий узкий с широким назатыльником; во все периоды распространены повязки-диадемы (со времени Фраатака, правившего на самом рубеже нашей эры, они повязывались сзади крупным бантом). До середины II в. до н.э. правители сохраняли традицию ношения кочевнического башлыка с мягкой верхушкой. Среди оригинальных парфянских (относящихся исключительно к позднему периоду) уборов и начельных украшений мужчин следует назвать маленький цилиндр с цилиндриком же наверху и диадемы с очень крупными сложными бантами сзади. Для женщин специфичны высокий плотный берет и шляпа со «вздутыми» полями.

Преобладающим видом пояса у обоих полов был матерчатый кушак (часто на изображениях он разделен горизонтальной линией). Для кожаных наборных поясов характерны накладки в виде ряда квадратных блях с разнообразной орнаментацией (преобладают геометрические мотивы). Со II в. н.э. известна серия поясов, сплетенных из золотых цепочек, с девятью крупными медальонами.

Для мужчин-аристократов характерны очень сложные прически, требовавшие завивки волос и, видимо, использования накладных шиньонов: они образовывали три полусферических выступа у висков и редко — на макушке. Один из таких типов был введен Осроем I (109–129 гг.). Для косметики обоих полов специфично использование круглой метки в одной из трех точек на лице, впервые носившейся Ородом II (57–38 гг. до н.э.).

В декоре парфянских тканей позднего периода господствует сетка из ромбов или полоса отделки с рядом ромбов, внутри которых помещены точка или маленький ромб.

Важной особенностью парфянского костюма было введение новых форм среди знати или только членов царского рода, видимо *по личной инициативе ряда правителей*. Наши наблюдения позволяют считать активными в этой области, как минимум, десять правителей (Митридат I, Артабан I, Готарз I, Фраат III, Ород II, Фраат IV, Вонон I, Фраатак, Готарз II, Осрой I), менявших типы головных уборов или прически, декор кафтана и мушки на лице. Кажется наиболее вероятным, что подобные инициативы связаны со значительным влиянием на Иран культуры эллинистических монархий Селевкидов и Птолемея. Можно полагать, что в ряде случаев подобные новшества могли вноситься раньше, чем они появляются на монетах.

Рассмотрение данных по мужскому и женскому костюму обоих периодов позволяет прийти к заключению о наличии *общеперсского костюмного комплекса знати*, присущего не только этническим парнам-

парфянам. Специфика семитского костюма Верхней Месопотамии (Хатра), костюмов Эламаиды, Мидии и Парса проявляется весьма слабо.

Анализ **сармато-аланской** одежды позволяет прийти к следующим выводам. Прежде всего, несмотря на этнополитическую нестабильность в степях Сарматии, являвшихся своеобразным проходным коридором для более восточных групп кочевников, *в течение всей сарматской эпохи* (рубеж IV–III вв. до н.э. — конец IV в. н.э.) мы отмечаем *бытование определенного набора устойчивых, общих элементов костюма* (см. главу 4.2).

Однако в наших материалах преобладает информация, свидетельствующая о яркой *хронологической* (по основным этапам сарматских культур) *специфике костюма*. Наличие подобных серьезных различий связано с появлением в европейских степях каждые 1–1,5 столетия новых волн восточных кочевников, которые часто, независимо от своей численности, становились политическими гегемонами на обширных территориях. Разумеется, их костюм несет отпечаток связей с восточной прародиной (см. главу 4.1). Наиболее яркие особенности свойственны периодам 3 и 4, в то время как специфика периода 1 («скифоидные» культуры) и наиболее позднего периода 5 (вторая половина III — конец IV в.) на фоне сарматской эпохи в целом пока почти не прослеживаются (!) (речь не идет, разумеется, о *мелких костюмных аксессуарах*, как импортных, так и местных, вроде фибул, гребней, типов бус и т.п.).

В периоды 1 и 2 в целом (конец IV — I в. до н.э.) характерны такие элементы, как полосы декора вдоль пройм рукавов и на «погонах» плечевой одежды, тип мужской прически без пробора с выровненными на уровне лба волосами. Только для периода 2 свойственны ношение обоими полами одежды с «погонами» и с бахромой на подоле, бытование мужских наборных поясов с рядом однотипных накладок.

Наиболее яркий в истории Сарматии период 3 (начало I — середина II в. н.э.) характеризуется ношением обоими полами длинных, роскошно оформленных халатов, туфель с округлым носком, мужской простеганной плечевой одежды. Для него также типичны пары мужских поясов («парадного» и портупейного) и поясов с разнотипными накладками, включающими украшенные эмалью наконечники ремней; женские диадемы с однорядным размещением основных украшений (часть из них декорированы золотом и содержат изобразительный мотив Древа жизни с предстоящими животными); женские платья с горизонтальной линией декора на груди, украшенной золотыми бляшками с цветной эмалью.

Периоды «позднесарматской культуры» 4 и 5 (середина II — конец IV в. н.э.) объединяют бытование женского платья на бретельках, скрепляемых на плечах парой фибул; высокие сапоги и остроносые туфли, декорирование разрезов платья рядом бус или бляшек, дисковидные украшения застежки плаща на плече. Кроме того, в это время в мужской плечевой одежде уже решительно господствуют *нераспашные* формы (рис. 86–87).

Периоду 4 (середина II — середина III в. н.э.) свойственно употребление для декора женской плечевой одежды фигурных пластинок из перламутра и набора из двух типов бляшек (каплевидные и в форме полушеры), украшение рукавов ее — четырьмя рядами разнотипного бисера; крепление мужских плащей на плече железной пряжкой; женские диадемы с трехрядным размещением украшений; длинная коса с подвесными украшениями у женщин; мужские наборные пояса с фасетированными деталями и женские, украшенные рядом бронзовых пронизок.

В целом своеобразие сармато-аланского костюмного комплекса сложилось в результате нескольких волн миграций номадов с востока и многовековых контактов с греко-римскими соседями и государствами Кавказа, активной вовлеченностью кочевников Сарматии в мировую политику и торговлю.

Античные письменные источники по сармато-аланскому костюму (к сожалению, незначительного объема) при сопоставлении с археологическим материалом и в ряде случаев — с этнологическими материалами по иранским народам демонстрируют в целом объективность и большую познавательную ценность. Это относится и к наблюдениям общего характера о силуэте (Tacit. Germ. 17) и о родственных связях сарматского костюма внутри иранского костюмного комплекса (Pomp. Melae. De Chorogr. III. 34). Большинство таких сведений относятся к I–II вв. н.э.

Костюму **юэчжей/кушан** свойственна преемственность от периода политической раздробленности, ярко представленному в Тилля-тепе, к имперскому. Для этого этнического комплекса характерны бытование разнообразных форм мужских и женских халатов, сохранение древнего кандиса (однако он носился уже в рукава), мужская нераспашная одежда с оборками или воланами на подоле и рубеха с косым воротом, повязанным лентой. Оригинальны женские платья с глубоким треугольным вырезом ворота и нераспашная шуба с очень глубоким разрезом. У обоих полов встречается сочетание верхней одежды с короткими, расширяющимися рукавами и нижней — с длинными узкими. Мужские халаты аристократов часто носились застегнутыми высоко на груди фибулой, а полы свободно расходились в стороны. Специфи-

чен декор тканями мужской одежды «в сеточку», которая образована рядами треугольничков из бляшек. Преобладающая цветовая гамма одежды — бело-красная.

Характерны мужские пелерины в виде круга и креста с заостренными концами и ритуальные передники. Головные уборы преобладают конусовидные, с декором вертикального шва надо лбом; у женщин бытовали уборы в виде высокого уплощенного гребня. Мужские штаны отличаются вертикальным рядом из квадратных бляшек или двух рядов круглых, тканями со сплошным декором из точек или сердечек; их нижний край (как и ремни обуви) мог крепиться крупной круглой пластиной с петлями. Наборные мужские пояса часто имеют копьевидную подвеску. Бляшки обычно квадратные, реже — круглые или сочетание первых и вторых, орнамент — цветочные розетки. Мужские полусапожки часто имели удлиненные прямоугольные (и гофрированные) носы. Лицо украшалось красными «мушками» с оригинальным размещением.

Костюмные новшества, несомненно, могут быть связаны с такими выдающимися правителями Кушанской империи, как Канишка I (100/120–126/146) и Хувишка (126/146–164/184). С первым можно соотносить появление поясов с копьевидной подвеской, халатов с отложным воротником и исчезновение царских диадем и ряда головных уборов, повязанных лентами. Хувишка, вероятно, ввел богатый декор пройм рукавов халата и вертикальной полосы на груди рубахи, перестал носить цилиндрические головные уборы. Он ввел также парфянские элементы декора и застегивания парадных рубах (рис. 121, 52–53).

Для костюмного комплекса **хорезмийцев** данного периода характерны манера плотного застегивания кафтанов лишь в верхней части и обшлага их рукавов с белой полосой; у женских халатов — прорезы у бортов при отсутствии рукавов; приталенные женские платья часто имеют высокую кокетку из белой ткани. Женский плащ иногда завязывался на плече сложным бантом. Ряд мужских головных уборов с конусовидной основой были традиционно красного цвета; специфична шапочка с имитацией ушей копытного на ее полях; то же можно сказать о женской прическе с нависающим надо лбом сложным узлом. Мужские штаны стягивались ремешком чуть выше голенищ полусапожек. Очень интересна дифференциация плечевой одежды полов по цвету (преобладание у мужских кафтанов черной окраски, а у женских платьев — розовой); в целом мужская цветовая гамма выглядела более яркой и контрастной.

К наиболее важным специфическим особенностям мужского костюма **индо-скифов** кушанского времени можно отнести очень широкую полосу декора на бортах кафтана, особый карман, пришитый слева на груди, и капюшон (он известен и у женщин) у нераспашных одеяний; штаны с вертикальным рядом квадратных бляшек и двумя полосами по бокам, обувь с носами, загнутыми внутрь, некоторые типы головных уборов (рис. 137, 4, 7, 11), пояс, сплетенный из 12 шерстяных веревок, и типы бляшек, украшающих пояса (рис. 137, 41–42, 45–47). Женский костюм отличался приталенной одеждой разных типов; распространено было ношение узких штанов в сочетании с короткой рубахой. Оригинальны головные уборы с толстым околышем и разнообразные «короны» (не у цариц). Волосы покрыты разноцветной (обычно сетчатой) тканью, иногда с отверстием на макушке: через него и специальную металлическую трубочку выходила прядь волос. Для прически специфичны также короткие косы, покрытые мешочками из ткани, и разнообразные формы завивки волос надо лбом.

Интересной особенностью костюма индо-скифов является то, что костюм обоих полов иногда был совершенно идентичен (два крайних слева персонажа в обоих рядах на рельефе из Чарсады «Отрок Гаутама едет в школу»: Пугаченкова 1982, рис. 110); у некоторых женских персонажей встречен такой «мужской» элемент, как наборный пояс. Заслуживают внимания изображения, где маленький мальчик одет в точно-сти так же, как его отец (Rosenfield 1967, pl. 32; Bussagli 1984, p. 192).

В костюме **согдийцев** данного периода у мужчин господствует в качестве верхней короткая нераспашная рубаха, оригинален головной убор в форме удлиненного цилиндра. У женщин сохраняется древний кандис (но более длинный — до пят), платье часто имеет вертикальную полосу декора. Для них специфичны головные уборы в форме низкого широкого цилиндра; «чалмы» со сложным узлом надо лбом; плоский валик с подчеркнутым каркасом из лент; прически со сложным узлом надо лбом (к этому узлу иногда крепилось покрывало). Уникальны туфли на высоком каблуке. На лица женщин наносились краской знаки нескольких вариантов, иногда они имеют форму буквы «V». Для обоих полов были популярны одеяния с пришитым складчатым подолом и рукавами из пестрой ткани, отличавшейся от основного фона одежды; головные уборы и начельные украшения с декором из концентрических кружков.

В одежде **хотанцев** наблюдается преобладание у женщин верхней распашной одежды, у мужчин — нераспашной. У женщин наиболее интересны халаты с резко расширяющимися книзу рукавами, иногда украшенными вдоль шва бахромой, и короткие, наглухо застегнутые кафтаны. Хотан был, видимо, родной распашной одежды с одним правым лацканом, а также с двумя лацканами, которая позже (в V–VI вв.) распространилась на запад. У мужчин нераспашная одежда с «сасанидским» подолом (подол и его бо-

ковые разрезы декорированы единой полосой цветной ткани) известна до ее появления в Иране. Она носилась в качестве нижней и была декорирована полосой зигзага. Известен также подол с шестью клиновидными выступами, украшенными бубенцами.

Из головных уборов специфичны мужские цилиндрические шапочки с козырьком, шляпы с узкими, загнутыми внутрь полями и чалма; женские уборы были в виде цилиндра с округлым краем и характерным декором (надо лбом размещено кольцо, от которого в стороны отходят ленты).

Отметим также основные **общие тенденции и элементы в костюме этносов парфяно-сарматского времени**.

Произошедшие в Евразии в парфяно-сарматскую эпоху экологические, политические и культурные перемены вызвали в масштабах иранского мира в целом рост миграций племен и соответственно резкий рост импорта разнообразных высококачественных тканей²⁷⁸, распространение на обширных территориях ряда общих элементов, новых ювелирных стилей — поздних версий «бирюзово-золотого звериного стиля» (см.: Treister, Yatsenko 1998, p. 52–53; Мордвинцева 2003), а также «сердоликового» (Яценко, Малашев 2000, с. 226–227, 242–244) и гранатового с золотыми перегородками — «cloisonné» (Бажан, Щукин 1990).

В это время мы видим целый ряд общих черт у различных ираноязычных народов. Они могут объясняться в одних случаях последствиями миграций кочевых ираноязычных племен (почти исключительно в западном или юго-западном направлениях); в других — они были следствием влияния таких крупных держав, как царство Селевкидов и Парфия, в меньшей степени — державы Хунну, Римской и Кушанской империй, т.е. политических связей с ними, влияния декора, технологии пошива одеяний высшей знати (эти влияния подробнее рассмотрены в главе 4). Иными словами, немалую роль сыграли перемены в мировой политике. Элементы, предположительно определяемые влиянием держав, которое, видимо, проявлялось гораздо реже, ниже обозначены значком *.

В числе таких общих черт:

— рост значения нераспашной одежды в качестве верхней; получают распространение: 1) халаты и отчасти стеганая одежда; 2) приталенные платья и в западных районах — женская одежда типа греческого *chiton*; сохранение в ряде случаев поздних модификаций шубы *kandys*; 3) крой нераспашных одеяний с тремя или шестью острыми клиньями на подоле или с дугообразным углублением на подоле и резкое расширение подола клиньями; нераспашная одежда с вертикальным разрезом ворота, с нагрудным карманом и косоворотки; 4) короткие узкие плащи, сколотые на плече;

— декор плечевой одежды (реже — других элементов костюма) вдоль швов рядом нанизанных на ремешок золотых трубочек-пронизок; «погоны» на плечах; пристяжной горизонтальный воротник в виде полосы с рядом бляшек одного-двух типов;

— бытование золотых диадем с изображением Мирового древа и птиц; мужские головные уборы с лентами по нижнему краю (со свисающими сзади концами) или с круглой бляшкой на лбу; береты; короткое женское головное покрывало; появление женских шарфов (Кушания);

— шаровары с вертикальной полосой ткани или рядов бляшек над коленом; наборные пояса и пояса с крупными парными пряжками (Хунну); комплект из портупейного и «парадного» мужских поясов; высокие сапоги (подчас с треугольным выступом под коленом) в западных и юго-западных районах и в Хотане; крепление края шаровар и полусапожек крупной дисковидной застежкой; в ряде стран (Парфия, Согд) документированы единичные находки сапог или туфель на высоком каблуке (это новшество не получило дальнейшего развития);

— широкое использование для одежд знати шелка для украшения их, золотой парчи, реже — вышивки жемчугом (Иран); преобладание на нашивных бляшках костюма геометрических и растительных орнаментов; распространение фибул (Рим);

— красные «мушки» на лице (как правило, круглой формы) (Китай?); деформация черепа в детстве.

В целом парфяно-сарматская эпоха стала временем гораздо более интенсивных перемен в костюме иранского мира, отражающих резко возросшую взаимосвязь разных народов Евразии.

²⁷⁸ Интересно, что наиболее древние образцы «фригийского искусства» — вышивки золотом в кочевом мире документированы пока в Юго-Западной Сибири — в Омской области с III в. до н.э. Так, в кургане 1 в Сидоровке парчой обшиты разные предметы одежды (Матюшенко, Яшин 1987, с. 102); в кургане 3/6 у Исаковки золотая парча образовывала орнамент из ряда треугольников на красном или желтом фоне.

Глава 3

САСАНИДСКОЕ ВРЕМЯ И РАННЕЕ (ДОИСЛАМСКОЕ) СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (III/IV–VII/VIII вв.)

Его дочь — красавица Агунда...
 Ее шелковая коса — до пят,
 Взгляд ее черных глаз — яркое солнце после грозы...
 [Кажется, что] она плывет, как утка,
 Рано утром, когда она проходит,
 Свой тонкий стан слегка изгибая...
 Солнечный свет льется из ее собственного лица.

(Из осетинской «Песни о нарте Ацамазе»)

Эта эпоха была весьма сложной и во многом даже трагичной в этнической и культурной истории иранского мира. Прежде всего, с востока постоянно двигались волны новых, неираноязычных кочевых народов — вначале гуннов, с середины VI в. — тюрков, захватывая ираноязычные страны, заселяя их и постепенно ассимилируя их население. Иранский мир подвергся нашествиям тюрков и китайцев с востока, византийцев и особенно арабов — с запада и юго-запада. Вместе с тем в предтюркское время в Западном Туркестане ираноязычные кочевые династии — хионитов в середине IV в. и особенно эфталитов («белых гуннов») в V — первой половине VI в. — смогли создать крупные державы. В начале V в. причерноморские аланы, часть которых была отброшена гуннами на запад Европы, оставили следы своего пребывания в разных районах Франции, Западной Испании и Северной Италии.

В сокращающемся иранском мире, как и во всем тогдашнем мире в целом, особую роль играла могущественная, централизованная, экспансионистская *персидская империя династии Сасанидов* (225–651). Развивая наступление против восточных владений Рима и позже — Византии, часто успешно отражая их военные акции и вторжения восточных кочевых соседей, сасанидский Иран в различные периоды контролировал страны Закавказья (Армению, Грузию и Кавказскую Албанию/Азербайджан), часть Аравии (вплоть до Йемена на юге), на востоке — земли вплоть до Западной Индии, часть земель в бассейне Амударьи (Бактрию/Тохаристан, частично Согд и, возможно, Хорезм). Уже в правление первого Сасанида — Арташира I (225–241), по данным ат-Табари, опиравшегося на недошедшую сасанидскую хронику «Книга царей», были якобы завоеваны Мерв, Хорезм и Балх (Бактры), а послы кушанского царя изъявили покорность персам (Nöldeke 1973, S. 17–18); при следующем шаханшахе, Шапуре I (242–272), судя по надписи около 260 г. в «Каабе Зороастра», Сасаниды на короткое время закрепили за собой земли Кушаний «вплоть до Пашкабура (Пешавара) и дальше до границ Каша (т.е. Кашагара, находившегося уже к востоку от Памира и Гиндукуша), Согда и Шаша (Чача — района современного Ташкента)» (см.: Magicq 1965). После царствования Хосрова Ануширвана (531–579) персидские купцы, вероятно, в основном вытеснили конкурентов — согдийцев с сухопутных трасс Великого шелкового пути (см.: Frye 1993, p. 75).

Наряду с империей Сасанидов большую культурную и экономическую роль в тогдашнем мире играл политически раздробленный *Согд* (ранее — Согдиана), т.е. долина р. Зеравшан в районе Бухары и Самарканда. Согдийцы создали города-колонии вдоль сухопутных трасс Шелкового пути вплоть до Западного Китая, Монголии и Южной Маньчжурии и во многом контролировали международную торговлю, давали кредиты правителям. В крупных китайских городах согдийцы занимали целые кварталы. По словам китайских авторов, новорожденному согдийскому мальчику родители давали схватить губами сладости, а ручки мазали клеем, чтобы в дальнейшем золото само «липло» к будущему торговцу, а его речи были сладки как мед; «они искусны в торговле и бьются за ничтожную прибыль. Едва их юношам исполняется двадцать, как их посылают в чужие страны... Где бы ни появилась выгода, они всюду поспевают» (Крюков, Малявин, Сафронов 1984, с. 41). Однако Согд славился в других странах не только и не столько своими торговцами, сколько великолепными художниками, музыкантами и танцовщицами; он был знаменит дорогими винами, высокохудожественной серебряной посудой и достаточно качественными шелками, торговлей коврами и самоцветами.

Важную культурную роль в Восточной Европе продолжали играть вплоть до XI–XIII вв. (несмотря на подчинение гуннам, а потом тюркским правителям, и на смешение с различными соседями) *аланы* Северного Кавказа и Южнорусских степей (см.: Кузнецов 1992; Бубенок 1997). Восточная группировка кавказских аланов долго политически и культурно ориентировалась на соседний сасанидский Иран. (Костюм этой группы родственных племен в этой книге, как уже отмечалось, не рассматривается.)

Решающую роль в упадке или модификации традиционных культур ираноязычных народов сыграли арабские завоевания. Вначале основной удар арабских армий пришелся на соседний Иран (завоеванный полностью к 651 г.); после этого в 662 г. арабы захватили Кабул, в 712 г. военачальник Кутейба смог занять Самарканд и Хорезм. Из крупных иранских этносов лишь кавказским аланам в союзе со своими пове-

лителями-хазарами с трудом удалось задержать в 724–737 гг. рвавшиеся в глубь Европы войска таких талантливых полководцев Халифата, как Джеррах, Маслама и даже Мирван. Последней в 1011 г. мусульманской династией Караханидов была захвачена самая восточная ираноязычная буддийская область Хотан (на западе современного Китая).

3.1. Сасанидский Иран

История изучения костюма

Несмотря на признаваемое специалистами влияние на другие страны, весьма оригинальный облик и высокие эстетические достоинства, разнообразие форм и большое количество изображений, костюм сасанидского Ирана до сих пор не охарактеризован детально. Из специальных публикаций имеется лишь краткий общий очерк Эльзы Пек для тома V/7 «Encyclopaedia Iranica» объемом около пяти страниц текста (Peck 1992), ее же статья по изображениям элементов костюма на рельефах «Хосрова II» (вероятно, Арташира III) в Так-и Бустане (Holmes-Peck 1969) и статья Б.Голдмана о всадническом костюме (Goldman 1993). Довольно много внимания уделил сасанидскому времени Дж. Зиапур, в своей книге об одежде доисламского Ирана опиравшийся на серию изображений (Зиапур 1965), а М. Риази на их основе подробно рассмотрел орнаментику тканей (Риази 2003). Имеется также специальный раздел М. Домою по костюму и тканям персонажей в Так-и Бустане (Fukai and all. 1984, p. 96–134).

Кроме того, серия работ посвящена женским образам в сасанидском искусстве (Harper 1971), и в частности образу богини Анахиты (Ringbom 1957), а также сценам с правителем на троне (Harper 1979), сценам «банкетов» (Hunter, 1988) и композициям скальных рельефов (см., например: Herrmann 1976; 1977; Gall 1990). Определенный интерес для нашей темы представляют публикации по ювелирному делу (см.: Painter 1977; Musche 1988).

Источники

Источники по данной теме весьма разнообразны. К наиболее ценным и информативным относятся образцы серебряной посуды (прежде всего блюд и кувшинов), разбросанные по музеям и частным коллекциям по всему миру²⁷⁹. На них часто представлены эпизоды охоты конного шаханшаха, банкетные сцены, храмовые танцовщицы, богиня Анахита, бюсты представителей аристократии.

Другим важнейшим источником следует считать наскальные рельефы (обычно ранние) из ряда пунктов. Основное место среди названных изображений занимают сцены инвеституры и побед правителя (см.: Sarre, Herzfield 1910; Vanden Berghe 1980; 1988; Herrmann 1980–1983; Gall 1990). Это, прежде всего, изображения времени ранних правителей III–IV вв. н.э. Среди них рельефы *Арташира I*, 225–241 гг., в Накш-и Рустаме I (Vanden Berghe 1984, pl. 18), Фирузабаде и Накш-и Раджабе (Ghirshman 1962, fig. 164–166; Vanden Berghe 1984, fig. 8–9); *Шанура I*, 241–272 гг., в Накш-и Рустаме, Накш-и Раджабе, Бишапуре и Дарабгирде (Ghirshman 1962, fig. 196–209; Vanden Berghe 1984, pl. 20, 22); *Варахрана II*, 276–293 гг., в Сар Машхаде (Ghirshman 1962, fig. 216–217; Trümpelman 1975, pl. 7), в Сараб-и Бахраме (Vanden Berghe 1984, fig. 10), Накш-и Рустаме и Накш-и Бахраме (Ghirshman 1962, fig. 212–214) и Бишапуре (ibid., fig. 211); *Нарсе*, 293–302 гг., в Накш-и Рустаме VIII (Vanden Berghe 1984, pl. 32); *Хормизда II*, 302–309 гг., в Накш-и Рустаме (Ghirshman 1962, fig. 156, 219), *Шанура II*, 309–379 гг., в Бишапуре (ibid., fig. 225–226) и *Арташира II*, 379–383 гг., в Так-и Бустане (ibid., fig. 233–234).

Из поздних рельефов наиболее известны изображения в Так-и Бустане, которые ранее датировались правлением *Хосрова II*, 531–579 гг., а ныне К. Танабе по костюмным реалиям — временем *Арташира III*, 628–630 гг. (Ghirshman 1962, fig. 235; Peck 1969; Fukai, Noryuchi 1969; 1972; Fukai and oth. 1984; Риази 2003; Tanabe 2004b) со сценой инвеституры в гроте и с необычайно масштабными сценами, связанными с царским выездом на охоту.

Третий ценный источник — геммы (вставки в перстни) знатных лиц и крупных чиновников (см.: Луконин 1960; 1961; 1977; Борисов, Луконин 1963; Bivar 1969; Gignoux 1978; Gyselen 1993; 1995). На них часто представлен погрудный портрет хозяина или хозяйки.

²⁷⁹ См.: Смирнов 1909; Орбели, Тревер 1935; Тревер 1937; Sasanian Silver 1967; Grabar 1967; Fukai 1968; Shepherd 1968; Fraye 1971; Carter 1974; 2003; Маршак 1980; Тревер, Луконин 1987; Harper 1977; 1978; 1981; 1988; Hunter 1988; Gunter, Jett 1992; Vanden Berghe, Overliat 1993; Tanabe 1998; 7000 Jahre 2000.

Монеты как сасанидских шаханшахов (Göbl 1968; Mochiri 1977; Chegeni, Nikitin 1996, pl. I–VI; Sellwood et al. 2000), так и наместников на востоке — кушаншахов (Cribb 1990) менее информативны в плане передачи костюма (и особенно плечевой одежды), чем предшествовавшие парфянские. Основное внимание на них уделено короне правителя.

Из фрагментов мозаик и стенной живописи особенно интересны ранние мозаики дворца в Бишапуре II (Ghirshman 1956; 1963, fig. 180–186) и росписи Кух-и Хваджи в области Систан, датируемые сегодня в основном раннесасанидским временем (Ghirshman 1962, fig. 55–58; Facenna 1981). С началом сасанидской эпохи связана часть стенной живописи римского Дура-Европос (Ghirshman 1962, fig. 223; Gutman 1973; Goldman, Little 1980). Ценна серия изображений на керамических плитках, использовавшихся в отделке стен, и штукатурная пластика, в частности из Хаджиабада (см.: Kröger 1982; Azarnoush 1994) и дворца IV–V вв. в Чал-Тархане (г. Рей) (см., например: The Splendour 2001, photo on p. 288–290). Изредка встречаются интересные расписные сосуды, в частности ваза из Мерва, использованная в качестве оссуария для костей умершего (Кошеленко 1966). Весьма важны раннесасанидские граффити Персеполя (Callieri 2006).

Письменные источники о сасанидском персидском костюме весьма скромны по объему, что во многом объясняется гибелью большинства персидских текстов после арабского завоевания. Некоторые сведения о головных уборах, поясах и плечевой одежде знати сообщают нам Аммиан Марцеллин в «Деяниях» (Res gestae. XVIII. 5–6; XXIII. 6. 84), Прокопий Кесарийский в «Истории войн с персами» (Procop. Hist. Bell. I. 17), а также Иоанн Златоуст. В «Бревиарии» Никифора описывается статуя Хосрова II, уничтоженная византийцами в одном из зороастрийских храмов в войне 622 г. (Чичуров 1980, с. 160). Немало сасанидских реминисценций, связанных с костюмом, находим в главах огромной эпической поэмы из 50 000 двустиший Абуль Касима Фирдоуси «Шах-наме» конца X в. (хотя к их привлечению следует отнестись с известной осторожностью, помня и о трех веках арабского правления)²⁸⁰. Особенно ценны свидетельства китайской хроники «Бэйши», где говорится не только о костюме знати (Бичурин 1950, II, с. 261–262). Наконец, представляют интерес детали костюма последнего шаханшаха Йездигерда III перед его убийством, противоречиво описанные арабскими авторами ат-Табари и ал-Балазури (Материалы 1939, с. 63, 96).

Общие замечания в связи с изучением костюма сасанидского Ирана

Государство Сасанидов было многонациональным, но в моем очерке речь пойдет именно о костюме этнических персов, представленном прежде всего в придворном искусстве.

Важной особенностью документации по сасанидскому костюму является наличие серии изображений *простолюдинов* различных профессий — музыкантов, танцовщиц, охотников, виноградарей, лодочников, телохранителей и др. Таким образом, мы получаем редкую (наряду с Согдом и частично Тохаристаном) возможность представить костюм не только аристократии и божеств.

Следует отметить, что многие сасанидские ювелирные изделия пока могут быть датированы лишь в достаточно широком диапазоне (например: V–VII вв.). Датировки некоторых важных изображений в последнее время пересмотрены. Так, сегодня стенные росписи в крепости Кух-и Хважда на стыке Афганистана, Ирана и Пакистана относят не к парфянскому, а к сасанидскому времени, как раннему (правление Шапура I, 240–272), так и позднему (Ghanimati 2000, p. 146).

Говоря о сасанидском костюме, исследователи обычно бегло упоминают об отдельных различиях в его облике в ранне- и познесасанидское время. Однако нам следует более четко определить границы обоих периодов *костюмной* истории при Сасанидах и выяснить их специфику. В процессе предварительной обработки материала мною было отмечено, что *многие важные костюмные изменения происходят во второй половине V в.* Где-то здесь и проходит, на мой взгляд, условная граница двух периодов. Аналитические сводные таблицы составлялись по ним отдельно. Подробнее все эти элементы одежды описаны ниже.

Материал одежды

По китайским источникам, из Ирана вывозили красный сафьян, шелковые и шерстяные ткани, а также использовавшийся для украшения одежды крупный жемчуг. В VI–VII вв. Иран становится одним из миро-

²⁸⁰ К сожалению, иллюстрации этого эпоса, появившиеся вскоре после опубликования поэмы (см., например: Welch 1976, pl. 1–10; Simpson 1979; Шукуров 1983; Искусство ислама 1990, № 33; Swiechowski, Carboni 1994; Зохур-е «Шахнаме» 2002), отражают уже поздний костюм эпохи ислама.

вых лидеров в производстве высокохудожественных полихромных шелков (см., например: Толль 1932; Martiniani-Reber 1997; Watt, Wardwell 1998; Sheng 1999; Риази 2003). Материалом для кафтана шаханшаха была, по данным «Бэйши», полихромная ткань («парча»), расшитая жемчугом (Бичурин 1950, II, с. 261)²⁸¹. По данным Аммиана, одежда знатных персов «блестела множеством мерцающих цветов» и была украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом (Amm. Marc. Res gestae. XXIII. 6.84). В ранний период, судя по ряду изображений (статуя Шапура I в гроте у Бишапура; блюдо с царевичем Варахраном на охоте: рис. 157, 28a, 46a), кафтан и штаны мужчины-правителя могли шиться из козьей шкуры с подчеркнутыми свисающими или спутанными прядями (Смирнов 1909, табл. XXIV, № 53; Ghirshman 1962, fig. 209). Иногда использовалась стеганая плечевая одежда (рис. 157, 35; 161, 1). К сожалению, подлинных одежд собственно сасанидского времени практически не сохранилось. Однако сасанидские силуэт, крой и тканый декор сохранил роскошный образец постсасанидского детского (мальчикового) кафтана VII–VIII вв., хранящийся в Музее искусств в американском Кливленде (Knauer 1999, fig. 1).

Распашная одежда

У мужчин в поздний период она явно стала выходить из употребления и использовалась, судя по изображениям, на охоте и других выездах (они представлены лишь у Арташира III на рельефах Так-и Бустана: Fukai, Horiuchi 1972, fig. 4; Fukai and oth. 1984, fig. 44). Поэтому вполне достоверны китайские сведения этого времени о том, что именно женщины, в отличие от мужчин, наряду с длинным платьем носили *распашные* одеяния, а последние носят рубахи, надеваемые через голову (Бичурин 1950, I, с. 261).

Мужская распашная одежда

Короткие (до низа бедер) кафтаны в ранний период изображены у Шапура I на рельефах в Накш-и Раджабе и Дарабдирге, на статуе в гроте у Бишапура (рис. 157, 26, 28–28a), у Варахрана II в Накш-и Рустаме (Vanden Berghe 1984, pl. 26), а также у местного правителя и «конного Эрота» на росписях Кух-и Хваджи (рис. 157, 44). Иногда они шились из дорогого меха с подчеркнутыми свисающими прядями (статуя в гроте у Бишапура). На эрмитажном блюде со сценой охоты Шапура II (Тревер, Луконин 1987, цв. фото 6–7) кафтанчик развевается сзади; он крепится на груди парными дисковидными застежками (ср. табл. 157, 26); рукава имеют высокие обшлаги.

Халаты встречаются в раннесасанидское время на изображениях богов: в Кух-и Хвадже и у Ахура-Мазды в сцене инвеституры Арташира I в Накш-и Рустаме (рис. 157, 24–24a). Во втором случае халат изображен полностью: он длиннее колен и имеет глубокие боковые разрезы. Эти халаты носились внакидку. Единственное исключение: халат, представленный у шаха на граффити во дворце в Персеполе (рис. 161, 2). Он также длиннее колен, носится в рукава и скреплен парой ленточек в верхней части груди; халат весь крупно простеган, на плечах его вышиты декоративные медальоны (см. ниже). У кафтанов и халатов этого периода часто скошена ткань у нижнего края бортов (рис. 157, 24, 26).

В поздний период короткие кафтаны и халаты вообще исчезают. Длинный кафтан до колен, наглухо застегнутый, видим на изображении стоящего с луком в руке Арташира III в Так-и Бустане. Он имеет неглубокие боковые разрезы на подоле (рис. 158, 19). На блюде со сценой охоты шаха на двух львов из Музея Резы Аббаси (Тегеран) видим нераспашную одежду с разрезом ворота или полосой нашивки, *имитирующей* прежние распашные формы. По сторонам полосы нашиты четыре пары лент, вероятно с петлями для пуговиц (рис. 158, 15).

Женская распашная одежда

Она документирована только в самом конце сасанидской эпохи — в VI–VII вв. и представляет собой длинные халаты. В сцене инвеституры Арташира III в Так-и Бустане богиня Анахита одета в халат типа древнейшего персидского мужского кандиса (если учесть, что при Ахеменидах и Аршакидах такая одежда у женщин пока не документирована, это изображение особенно интересно) (рис. 159, 32a). Как и древне-

²⁸¹ Эта традиция (благодаря обилию жемчужных промыслов у Персидского залива и определенному консерватизму традиций персидской знати) дожила в Иране до XIX в., отразившись, в частности, в живописи династии Каджаров, особенно при Фатх Али шахе (1798–1834), лучше всего представленной в тегеранском музее «Гулистан»; в костюме знатных мужчин того времени сохранились некоторые переосмысленные сасанидские традиции — пелерины, особые широкие браслеты выше локтя, богато декорированные расширяющиеся концы пояса, перевязи через плечо (Сазонова 2003, фото на с. 9, 26, 28, 33–35).

персидские кандисы, длиной она примерно до середины голени, имеет очень длинные (в данном случае спускающиеся ниже колен) ложные рукава, декорирована в основном вдоль бортов и носится внакидку. Халат такой же длины наброшен на плечи в сцене пира царицы с царем на блюде из галереи Фрир (Gunter, Jett 1992, p. 131). Изображенный на постсасанидском блюде из Риггисберга (Швейцария) халат также носится богиней внакидку; он имеет длину почти до щиколоток и сильно притален, декорирован по краям узкой каймой (Knauer 1999, fig. 23). Четвертый женский халат представлен у сидящей дамы на блюде из Британского музея, возможно относящемся к самому началу арабского владычества (рис. 159, 32). Он очень широк, запахнут налево и имеет длинные рукава, собранные в складки у запястья.

В целом распашная одежда характерна для начала правления Сасанидов — главным образом для III в. н.э. Однако и в это время по распространенности в качестве *верхней* она явно уступает нераспашной и является главным образом парадной одеждой шаханшахов. Выделяются халаты и более короткие кафтаны; к сожалению, многие фигуры представлены лишь погрудно (в том числе на монетах и геммах) или повреждены (на рельефах), что обычно не позволяет судить о важных параметрах этих одежд.

Нераспашная одежда

В сасанидское время она, судя по изображениям и сообщению китайской хроники «Бэйши» (Бичурин 1950, I, с. 261), практически полностью вытесняет распашную, во всяком случае у мужчин; однако во многих случаях она, как и в парфянское время, имитировала декор распространенной когда-то мужской парадной распашной (вертикальная полоса «бортов», впрочем, обычно не доходящая до края ворота и подола). Изредка (как, например, на монетах Варахрана I: рис. 157, 27) такая одежда носилась под парадным кафтаном, причем края и ее и кафтана были декорированы одинаково.

Мужская нераспашная одежда

Варианты ее длины в оба периода те же и представлены примерно в той же пропорции. Оба периода она примерно в равной степени имеет длину либо до колен (рис. 157, 26, 35, 38, 41, 43–45; рис. 158, 17, 21–23, 29–30), либо более короткая (рис. 157, 28–29, 37, 40, 42, 46–47; рис. 158, 18, 24–26, 28, 31); образцы длиннее колен встречаются редко (рис. 157, 37–38; рис. 158, 14).

При этом у разных слоев общества была распространена одежда с обычным горизонтальным подолом. Однако характерной чертой сасанидского времени является широкое бытование разнообразных «фигурных» подолов, обычно с боковыми разрезами. (Видимо, уже тогда существовали одежды с тремя-четырьмя боковыми разрезами подола, вроде тех, что представлены у прислуги на постсасанидском блюде: рис. 158, 16.) Изображение плечевой одежды богов в этом плане часто более традиционно (Реск 1992, p. 749). В IV в. появляется подол с *полуовальным выступом спереди* и боковыми разрезами, носившийся высшей аристократией (рис. 157, 40–41; 163); в VI–VII вв. он присущ уже одежде разных социальных слоев: и богов, шаханшахов, и простых танцоров; есть они у мальчиков (рис. 158, 14, 22, 25–25a). Этот подол был, несомненно, заимствован у семитского населения пограничных с Ираном восточных римских провинций, где он бытовал в I–III вв. (см. изображение юноши из Пальмиры: Tanabe 1986, fig. 420, и слуги в сцене с Мардохеем и Есфирью из синагоги в Дура Европос в римской Сирии 244–256 гг.: Gutmann 1973, fig. 6). Во второй половине V в. появляется особый «вздутый» подол с глубокими боковыми разрезами; и край подола, и сами разрезы украшались единой широкой полосой богатой отделки; часто край такого подола был вырезан дугой внутрь (рис. 158, 21–23; 165). У слуги на слоне на рельефе из Так-и Бустана видно, что на каждом боку такой подол образовывали два расположенных рядом небольших клина (рис. 158, 24). Здесь на рельефах со сценой охоты Арташира III он носился придворными и привилегированной прислужкой из его окружения (Fukai and oth. 1984, fig. 39–40, 42–43, 46a). Простой вариант подобного «вздутого» подола (без вогнутости и всякого декора по краям) был известен с самого начала сасанидского правления (рис. 157, 37–38, 45); он также, видимо, пришел от семитского населения пограничной римской Сирии, так как ранее всего изображен в упомянутой синагоге в Дура Европос в 244–256 гг. у мужчин в «парфянской одежде» (Gutmann 1973, fig. 7)²⁸². У охотника-простолудина в поздний период видим оригинальный короткий подол с небольшим треугольным выступом спереди (рис. 158, 26) или подол с разрезом спереди (рис. 158, 23a). На постсасанидском блюде из Эрмитажа у прислуги видим

²⁸² Традиционное оформление подола верхней мужской одежды — характерные боковые разрезы «вздутого» подола, декорированные одной нашивной полосой его самого и разрезов, а также подол с вогнутой передней частью — хотя уже на *распашных* халатах — сохраняются и в раннеисламском Иране (Читаз 2000, табл. 55, 58).

подол

с восемью разрезами (рис. 158, 16).

Ворот одежды, как правило, горизонтальный, узкий и часто практически лишен декора (рис. 157, 38, 45, 47; 158, 22, 23, 25) (подчас с декоративной полосой ворота можно спутать уплощенную шейную гривну). В ранний период ворот иногда имел небольшой и неглубокий *треугольный вырез* с каймой отделки, который в поздний период вышел из употребления. В позднее время известен также вертикальный разрез, скреплявшийся четырьмя парами застежек (рис. 158, 15). В III в. он более узкий и лишен декора (рис. 157, 42), в IV–V вв. более широкий и украшенный каймой отделки (рис. 157, 36, 43). В позднее время вместо него появляется невысокий *стоячий* ворот, который представлен, например, у многих персонажей в Так-и Бустане (*ibid.*, fig. 39–40, 42–43, 45–46) (рис. 158, 27, 32). Он может иметь вертикальный разрез с рядом пуговиц (рис. 158, 31a).

Рукава обычно собирались у запястий, но были длиннее руки и образовывали складки. Очень короткие рукава, как и у парфян, были в детском костюме (рис. 158, 25a) или у рубашки под кольчугу. Отвороты (рис. 157, 42) или обшлага довольно узкие и чаще всего лишены сложного декора. Вместе с тем на рубеже VI–VII вв. появляется высокий обшлаг (*ibid.*, fig. 45: музыкант в царской лодке в Так-и Бустане), который был популярен до VIII в. также в Согде и реже встречался в Тохаристане.

В мужском костюме практически всегда документировано ношение лишь одного предмета нераспашной плечевой одежды, т.е. нательная одежда практически не представлена. Возможно, это объясняется лишь характером имеющихся изображений (ворот одежды обычно узкий и глухой).

Женская нераспашная одежда

Основным видом ее было длинное платье с глухим воротом (рис. 176). В поздний период появляется также платье на бретельках, видимо носившееся обычно поверх первого; его бретельки, судя по всему, завязывались сзади на шее, а расширяющиеся концы их по облику напоминали нижний конец современного мужского галстука (рис. 159, 42).

Длина подола в раннее время была до пят. В поздний период бытуют различные варианты: наряду с названным встречаем платье длиной до колен или чуть ниже, отрезное по талии, с разрезом спереди («Азаде и Бахрам Гур»; жрица с курильницей: рис. 159, 35, 41). Танцовщица в одном случае имеет «мужской» короткий подол с полуovalным выступом спереди (рис. 159, 45).

Важнейшей, этнически специфичной, но вскоре ставшей популярной и в соседних более восточных странах формой подола стал при Сасанидах подол с рядом эффектных оборок или воланом по краю, бытующий весь этот период; он известен и у платьев на бретельках (рис. 159, 42). Обычно это довольно узкая полоса, но иногда она становится частью более широкой полосы пришивного подола (рис. 159, 34).

Ворот платья чаще всего был горизонтальным и очень узким, однако в раннее время встречаются и образцы с треугольным вырезом (рис. 159, 12). На штуковой плитке из дворца Чал-Тархан в Рее у богини-всадницы видим прямоугольный *нагрудник*, обшитый по краю рядом круглых бляшек. Рукава в ранний период лишены декора. В поздний период бытует лишь узкий обшлаг (рис. 159, 29, 34–35, 38), а у арфисток в Так-и Бустане, как и у некоторых мужчин, высокий обшлаг из узорчатой ткани (рис. 159, 33; 171). В одном случае у жрицы подчеркнут шов, идущий вдоль рукава с тыльной стороны (рис. 159, 35).

Поверх платья иногда носилась короткая рубашка длиной до бедер или короче, на подоле которой были полуovalные выступы. Она имела ворот либо узкий горизонтальный (рис. 3, 42a), либо стоячий, с треугольным вырезом (рис. 159, 36).

Изредка, как и в парфянское время, под коротким (чуть ниже колен) платьем с воланом носилось более длинное нижнее (рис. 159, 40). Танцовщицы на позднем кувшине из Музея Резы Аббаси приспускают платье на бретельках, и под ним видна облегающая рубаша из тонкой (полупрозрачной) ткани (с орнаментом в виде редких треугольников из трех точек), с рукавами, собранными в многочисленные мелкие складки.

Плащи-накидки и пелерины

Мужские плащи бытовали лишь в ранний период (последний раз на монетах они изображены на Варахране V, 421–439 гг.; исчезают они также на рельефах и на других типах памятников). Плащи были разной

длины: до низа таза (рис. 157, 35) или до колен (рис. 157, 33). Первый вариант крепления плащей — на груди двумя лентами, продетыми в специальные петли (Варахран II на рельефе в Сар Машхаде; граффити в Гареме в Персеполе: рис. 157, 34–35) или одной фибулой-брошью (рис. 157, 33). Другой вариант — крепление (на левом или правом плече) брошью со свисающими короткими ленточками (охотящийся шаханшах на блюде из Британского музея). Именно этот последний вариант изображается на монетах, причем

у самых ранних правителей (III в.) (Шапур I, Хормизд I, Варахраны I, II) брошь имеет форму розетки; начиная с Нарсе (293–302) она обычно дисковидная, часто с парой подвесок (Шапур II — в виде крестовидной розетки).

Женский плащ-накидка наброшен на нагое тело танцовщицы на кувшине, найденном у дер. Квацпилево в Приуралье (рис. 159, 39). Его длина до щиколоток; он крепится на горле двумя ленточками. Накидка богини Анахиты сшита, согласно Абан-яшту «Авесты» (Yašt. V), из 30 шкурок самок священного бобра. Эта богиня изображена в плаще того же типа, что и на упомянутой танцовщице, в сцене инвеституры правителя на серебряном постсасанидском блюде (Knauer 1999, fig. 23). Ткань плаща украшена рядами мелких кружков и, видимо, тонкой каймой из меха. Плащи иного типа (из красной или белой ткани) представлены у женщин в сцене похорон на поздней вазе-оссурии из Мерва: они обернуты вокруг туловища, оставляя свободными правые плечо и руку (Кошеленко 1977, рис. 81); такие плащи известны и в ранний период (рис. 159, 10).

Пелерины были прежде всего элементом одежды мужчин-жрецов. Они имели форму круга с отверстием для головы. Их края были ровными или фестончатыми (рис. 157, 48–49). Вероятно, в позднее время они изредка носились и правителями (Варахран V, он же Бахрам Гур: Зианур 1965, рис. на с. 255)²⁸³, а также царскими наместниками («соболя на плечах»: Егише 1971, с. 122–124). Возможно, пелерины бытовали и у женщин. Во всяком случае, на алебастровой плитке IV–V вв. из дворца Чал-Тархан в Рее на погрудном изображении богини видим такую узкую пелерину, украшенную поперечными полосами.

Мужские головные уборы

Тип 1. Наиболее значимым после царских корон типом мужского головного убора был конусовидный *kulah* из плотного материала (Аммиан Марцеллин по старой греческой традиции именует его *tyaga*: Amm. Marc. Res gestae. XVIII. 5–6, а Фирдоуси — кулахом). Эти уборы делались из сравнительно плотного материала (острая верхушка лишь чуть-чуть наклонена вперед или стоит торчком) и обычно повязывались по нижнему краю лентой, крепившейся сзади (рис. 157, 1–4, 6). Часто на правом боку этого убора у аристократа помещался крупных размеров фамильный знак хозяина (*nišan*) (см., например, на рельефах в Накш-и Раджабе и Бишапуре: Negtman 1983, fig. 3; 1989, fig. 2; Яценко 2001б, с. 103). Как справедливо отмечал В.Г. Луконин, этот тип убора был обычно атрибутом светских чиновников (Луконин 1961, с. 53–54). У царей и наследников престола в III в. (по крайней мере от Арташира I, 225–241 гг., до Варахрана II, 276–293 гг.) верхушка кулаха иногда украшалась миниатюрной скульптурной головой орла, являясь явным пережитком сходных уборов с зооморфными навершиями скифо-ахеменидской эпохи (см.: Tanabe, 1993, p. 11, No. 45; p. 76–77; p. 113, No. 5) (рис. 157, 5). Часто эти уборы повязывались по нижнему краю лентой, короткие концы которой свисают сзади. Кулах бытовал только в ранний период.

Тип 2. Полусферические невысокие уборы (рис. 157, 7–9). Они кроились из двух крупных частей, причем шов, идущий вертикально надо лбом, украшался рядом мелких круглых бляшек. Одну из разновидностей таких уборов носили главным образом зороастрийские жрецы (Луконин 1961, с. 53–54); они также могли украшаться фамильным знаком — «нишан». Изредка такие уборы имеют короткий и узкий назатыльник (Gyselen 1995, fig. 1) (рис. 157, 9), в том числе у главного жреца (*magnumata*) страны — знаменитого Картира на рельефе в Накш-и Рустаме (Chegini, Nikitin 1996, fig. 10).

Вариант такого убора, который носили правители, судя по изображениям на росписи в Кух-и Хвадже и на ткани из Антинои с Хосровом на троне (рис. 157, 7а; 158, 3; 166), был красного цвета, с декором из желтых полос. В позднее время его носили уже не жрецы, а светская знать (рис. 158, 4–5), и иногда он украшался по нижнему краю лентой с длинными свисающими концами (рис. 158, 2).

²⁸³ В комплексе гробницы императора Гаоцзуна в Цяньлине стояли статуи связанных с Империей эмигрантов — членов клана Сасанидов. У них к наглухо застегнутому халату пришта пелерина с прорезью на груди (Juliano, Lerner 2001, p. 220).

Тип 3. Шляпы. Известны только в поздний период. По данным «Бэйши», мужчины носили шляпы из белой кожи (Бичурин 1950, I, с. 261). У охотника-простолюдина видим шляпу с низким коническим верхом и довольно узкими полями (рис. 158, 5a).

Тип 4. На голове мужчины с бритым лицом, возлежащего и пьющего вино, изображенного на поздней серебряной чаше в Музее искусства г. Кливленда, видим своеобразный «ночной колпак» в виде сильно удлиненного конуса, сшитого из пестрой ткани (рис. 158, 1).

Женские головные уборы

Тип 5. Оригинальный башлык изображен на «свадебном блюде» VII в. из галереи Фрир как у знатной невесты, так и у служанки-арфистки (рис. 159, 21a). В основе его — колпак в виде длинного, сильно сужающегося конуса. Заостренный верх свешивается назад и украшен рядом крупных бусин (?) и на конце — цветком граната (?). Убор имеет также короткий, но широкий назатыльник. Завязки для подбородка в виде полосы ткани пришиты через весь верх.

Тип 6. Жена Варахрана II — Шапурдухтак на рельефе в Сар Машхад носит высокую яйцевидную шапку, сшитую, видимо, из двух половин (шов подчеркнут декоративной полосой) (рис. 158, 7).

Тип 7. У супруги Арташира I Денаг в сцене его инвеституры в Накш-и Раджабе III изображен башлык с облегающим полусферическим верхом, узким назатыльником и короткими узкими наушниками (рис. 159, 1).

Тип 8. Другой тип башлыка с длинным или коротким широким назатыльником, сшитым из более мягкого материала — из пестрой ткани, видим в позднее время у двух жриц на блюде из Индии (рис. 159, 15–16). Вероятно, именно такие шапочки в ряде случаев (в Так-и Бустане) принимались за своеобразную чалму (Реск 1992, р. 741, pl. LXX).

Тип 9. В поздний период танцовщицы неоднократно изображались в невысокой шапочке с околышем, имеющей конический верх с шариком на конце (рис. 159, 18–19).

Тип 10. У танцовщиц на позднем кувшине из Музея Резы Аббаси изображены маленькие полусферические шапочки вроде тубетеек, разбитые на узкие вертикальные сектора.

Тип 11. Головное покрывало из пестрой ткани. Более длинный образец с декором из трилистников видим у жрицы с курильницей (рис. 159, 14); хотя женщина поддерживает его нижнюю часть левой рукой, понятно, что по длине оно доходило до колен. В другом случае более короткое покрывало, до бедер, крепилось на затылке женщины (видимо, с помощью булавок): оно сшито из полосатой ткани (рис. 159, 29); нечто подобное видим и у некоторых арфисток в Так-и Бустане (ibid., pl. LXXI).

Начельные украшения

В настоящее время опубликованы лишь краткие тезисы доклада о царских диадемах (Shepherd 1972, р. 79). Мужские диадемы представляли собой полосы ткани. В раннее время они изображаются очень редко, но в поздний период мы видим их как у вельможи, так и у рядовых персонажей — охотников, музыкантов (рис. 158, 6, 8). В последнем случае диадема повязана на правом боку и имеет короткие торчащие концы; ту же систему крепления видим и на некоторых поздних женских диадемах (рис. 159, 26).

Женские диадемы достаточно разнообразны. На детализированных изображениях видно, что они состояли из двух-трех полос, как у «владычицы гарема» Арташира I царицы Денаг (рис. 159, 2), на терракотовых плитках дворца в Кише (рис. 159, 3) или на изображениях флейтисток на чаше из Тегерана (рис. 159, 30). В последнем случае они двухполосные и в лобной части украшены стилизованным трилистником, как бы выходящим из шара (ту же диадему видим и у всадника-правителя на вазе из Мерва), а на одном раннем изображении диадема имеет шесть коротких зубчиков (рис. 159, 4).

Поясная одежда

Штаны (шаровары)

Мужские штаны знати в сасанидское время имели весьма необычную конструкцию. К собственно штанине, вдоль всей ее длины сзади пришивалась как бы вторая штанина — своеобразный воздушный мешок, делавшийся из достаточно плотной ткани, чтобы она не обвисала; зачастую «вторая штанина» ши-

лась из пестрой ткани другого цвета, нежели основная. Часто она собиралась складками (рис. 157, 65–68, 77; 158, 47). Такие штаны были особенно характерны для раннего периода (хотя позже известны, например, у Хосрова II: рис. 158, 47).

Бытовали и более обычные виды штанов; они были как широкие, так и узкие. Изображались и расклешенные образцы (рис. 157, 69). Иногда штанины шились у царевичей из козьей шерсти, свисающие пряди которой подчеркивались (рис. 157, 46a, 75). Примерно во время гибели сасанидской державы на одном из блюд видим ромбовидный наколенник (рис. 158, 46). Кроме того, на кувшине из музея Guuuan в Нинься-Хуэйском районе Китая представлены полуобнаженные юноши (танцоры?) в коротких, выше колен, но довольно широких штанах (Carter 2003, fig. 9).

Женские штаны обычно широкие и стягивались у щиколоток ремешком. Однако в сцене с парой «влюбленных» из галереи Фрир они узкие и в целом совершенно идентичны по крою и декору мужским (ср.: рис. 158, 33).

Юбки

Юбка надета на женщине с обнаженной верхней частью тела на оссуарии III–IV вв. из Байрам-Али у Мерва (Кошеленко 1977, рис. 82) (рис. 159, 45). То, что это юбка, а не платье, можно утверждать из-за ритуальной обнаженности части тела (дама, как и ее сын, изображены молящимися с воздетыми руками). Подол юбки по краю заметно расширяется.

Пояса

Мужские пояса бытовали как кожаные, так и матерчатые (впрочем, последние, судя по изображениям, уже в ранний период носились реже, а в позднее время у знати вообще не известны). Явно матерчатые пояса, традиционно повязываемые на животе «узлом Геракла» (прямым морским), в III в. еще изображаются у персидских воинов (рис. 157, 57). Обычно их концы не свисают свободно, а красиво заткнуты по сторонам (эта традиция явно пришла из соседних восточных римских провинций, где она была распространена в предшествующий период, в I–III вв.; см. в Пальмире: Seyrig 1937, pl. 21; fig. 21, E). В этот период пояса иногда повязывались на боку. Часто они скреплялись парой дисковидных застёжек на животе; в последнем случае в IV — первой половине V в. концы широкой ленты повязывались бантом; короткие, расширяющиеся от застёжек концы ее выглядели весьма эффектно (рис. 157, 51–52, 54). Правители достаточно часто изображены носящими сразу два пояса — парадный и портупейный (первый носился выше).

К началу VII в., при Арташире III, судя по изображениям Так-и Бустана, бытовали как обычные наборные пояса без подвесок, так и пояса с рядом прилегающих друг к другу на каждом боку по четыре, пять или шесть подвесок в форме удлиненного прямоугольника с округленным нижним торцом. Наиболее часто встречаются пояса с четырьмя подвесками на каждом из боков; их носили прислуживающие шаханшаху люди: лодочники, музыканты (Fukai and oth. 1984, fig. 42, 45, 46a) (рис. 158, 40–42). Вместе с тем у погонщика слона их могло быть шесть, а у музыканта на блюде из Британского музея, изготовленном сразу после арабского завоевания, и по два (рис. 158, 39). У самого Арташира II в сцене, где он стоит с луком в руке, таких подвесок по пять на каждом боку, причем они двухъярусные (рис. 158, 43)²⁸⁴. На знатном всаднике с расписной вазы-оссуария из Мерва (Кошеленко 1977, рис. 80), датируемой, как нам кажется, рубежом VI–VII вв. (см. главу 4.1), кожаный пояс украшен редко размещенными золотыми бляшками в форме удлиненного прямоугольника (ср. синхронные в Согде: рис. 181, 67).

Кроме того, представители жречества и высшей знати носили длинный широкий пояс из плотного материала (кожа?) без бляшек и иной орнаментации, длинный конец которого (всегда соответствовавший длине подола носимой одежды!) свисал на животе (рис. 157, 73). На блюде Хосрова I из Эрмитажа (рис. 158, 34a) свисающий конец пояса у каждого из придворных декорирован индивидуально.

Знать за свои заслуги получала право носить также пояса из золота (Procop. Hist. Bell. I. 17). Хороший образец передней части такого золотого ажурного пояса раннего периода, состоящей из пяти соединенных шарнирами деталей и украшенной крупными вставками лазурита, а по краям — зернью и гранатовыми кабошонами, представлен в коллекции Патти Берч (США) (рис. 175). Судя по длине сохранившейся ча-

²⁸⁴ Подобные пояса с близкими, сгруппированными по три, но гораздо более длинными подвесными ремнями с накладками бытовали и в раннеисламское время (Читаз 2000, табл. 234–236).

сти (32,5 см), пояс мог первоначально быть целиком золотым и состоять из трех таких сходных частей. Подобные пояса из золота и серебра позднего периода упоминает Фирдоуси в «Шах-наме», в частности золотые пояса со вставками изумрудов в каждой бляшке (Беленицкий, Распопова 1980, с. 214) и со вставками жемчуга (Егише 1971, с. 122–124). Пояс правоверного мужчины-зороастрийца (*kostik*), надеваемый с момента достижения совершеннолетия, сплетался из 72 нитей верблюжьего волоса или из шерсти козы и служил защитой от злых духов (Vend. XVIII. 2–15, 23, 115; Boyce 1975, I, p. 257–258).

Женские пояса изображаются редко. Образцы раннего периода крепились на бедрах, как у Шапурдух-так — жены Варахрана II (276–293) на рельефе в Сар Машхаде, наподобие мужских, с помощью двух дисковидных застежек, через которые пропускались завязанные бантиком ленты (рис. 159, 13). Пояса девушек, судя по раннему описанию богини-девственницы Анахиты в Авесте (Yt. V. 19, 78), видимо, было принято подпоясывать высоко. В поздний период она же представлена танцующей в окружении животных на золоченом кувшине из музея в Тегеране с подобным, высоко повязанным поясом (рис. 159, 37) (ср. в «классической» Греции противоположную традицию: девушки повязывали пояс низко, замужние женщины — высоко под грудью). В целом в позднее время пояс мы видим только на изображениях храмовых танцовщиц, у которых он туго стягивает талию (рис. 159, 45–45a); на кувшине из галереи А. Саклера в Вашингтоне (Carter 2003, fig. 7) пояс состоит из двух горизонтальных полос и скреплен на животе круглой пряжкой.

Мужская обувь

В ранний период господствовали низкие полусапожки и туфли. Они во многих случаях стягивались широким ремешком, проходящим под сводом стопы и у щиколоток; такой ремешок в III в. часто крепился, как и в парфянское время, сбоку с помощью дисковидной застежки с петлями (рис. 157, 81, 86, 88–89). С начала IV в., видимо в правление Нарсе (293–302), появляется манера крепить полусапожки лентой, повязываемой спереди, у подъема стопы, бантом (это отражено впервые в сцене его инвеституры в Накш-и Рустаме VIII: Vanden Berghe 1984, pl. 32) (рис. 157, 77, 80, 84–85, 87), реже — двумя лентами, соответственно с двумя бантами (рис. 157, 82). В позднее время такая обувь хотя и сохранялась у представителей разных социальных групп, но использовалась реже (рис. 158, 16, 46, 48–50).

Вместе с тем уже в ранний период у простолюдинов бытовали и высокие сапоги. Хороший образец такого рода обуви сохранился на рядовом работнике — пожиле «Соленом мужчине», погибшем в III в. н.э. в соляных копиях Чехрабад у г. Занджан (Иранский Азербайджан) (рис. 157, 76)²⁸⁵.

В поздний период (примерно с середины V в.) и у знати распространяются высокие сапоги с треугольным выступом под коленом (рис. 158, 53–60). Этот тип сапог происходит из глубин Центральной Азии: еще в конце эпохи бронзы он известен в могильнике Загунлук у Черчена в Синьцзяне (Ahmad, Dolkun 1986). Ранее в парфянском Иране известен образец такого рода обуви у знатного всадника на рельефе I–II вв. в Хунг-и Камальванде (Vanden Berghe 1984, fig. 5) (см. главу 2.1; рис. 76, 2). Тогда эта форма не получила развития, но ее бытовое удобство, видимо, способствовало ее распространению при поздних Сасанидах (ср.: позже, в VII в. аналогичные тюркские образцы заимствовались в Китае, где носились даже женщинами: Крюков, Малявин, Софронов 1984, с. 157–158; рис. 34, 37). Сапоги такого типа у правителей изредка крепились, как и полусапожки, ремнем у щиколотки и под сводом стопы (рис. 158, 55–55a). Однако чаще они были достаточно узкими и хорошо держались на ноге. Носок у этой обуви был как заостренным, так и округлым.

В единичных случаях известны сапоги другого типа — с голенищами, расширяющимися раструбом. Они документируются самым началом арабского завоевания (блюдо из Британского музея) (рис. 158, 52).

Что касается крепившихся к поясу *ноговиц*, то в отличие от моих коллег, занимавшихся сасанидским костюмом (см., например: Реск 1992, р. 747–748), я полагаю, что их достоверные изображения крайне редки (часто за ноговицы принимают широкие складчатые штаны). Такова, например, обувь охотника на львов на блюде с Волыни (рис. 158, 54).

Женская обувь

²⁸⁵ Его останки найдены в 1993 г. и экспонируются в Национальном музее Ирана. Верхний край сапог из довольно тонкой неокрашенной кожи аккуратно закатан. Две детали (носок и задняя часть подошвы) пришиты отдельно, основная деталь (образующая голенище и подъем стопы) сшита вертикальным швом сзади.

Она представлена почти исключительно на изображениях позднего периода. В отличие от мужской женская обувь практически лишена декора.

Обычно это полусапожки с острыми носками (рис. 159, 35, 47–48). Они имели толстые, кроившиеся отдельно подошвы, шов которых подчеркивался на ряде изображений. У жирицы с курильницей на блюде из Индии в Британском музее видны обычные мужские высокие сапоги, которые повязывались у щиколоток лентами (рис. 159, 46; 178). У обнаженной танцовщицы на серебряной статуэтке из Эрмитажа единственное, что надето, — высокие сапоги, из-под которых выглядывает верхний край вязаных (?) чулок с полосатым пестрым декором (рис. 159, 46a)²⁸⁶.

Мужские прически

В ранний период у знати мне известны только прически без пробора; позже они же иногда встречаются и с прямым пробором (рис. 158, 7, 12). В ранний период аристократия сохраняла *парфянские традиции* ношения париков и завивки волос. Как и в парфянское время, носились накладные «букли», выступающие полушариями по бокам (рис. 157, 18–19). Порой прическа с завивкой была шаровидной (рис. 157, 15); волосы иногда завивались спиральными или кольчатыми локонами (рис. 157, 13–14); в других случаях они завивались только на концах (рис. 157, 20, 22; 158, 11) или немного отступив от них (рис. 158, 7). У высокопоставленных жрецов в ранний период завитые волосы образовывали множество длинных тонких локонов с кольцевой завивкой длиной чуть ниже плеч, на концах которых крепились шарики (рис. 157, 16–17). Главный жрец страны, Картир, во второй половине III в. носил волосы, завитые крупными и длинными спиральными локонами (Накш-и Раджаб; см., например: Nazmjoo 2004, p. 83). У упомянутого «Соленого мужчины» — пожилого горняка из соляных шахт — длинные (ниже плеч) и редкие седые волосы были тщательно расчесаны на прямой пробор (рис. 157, 23).

В среднем в позднее время у разных слоев общества преобладала короткая стрижка. У сборщика винограда волосы собраны в пучок, перевязаны лентой и уложены на макушке по кругу (рис. 158, 9).

В ранний период носили длинные бороды — как прямоугольные, так и клиновидные (рис. 157, 8, 12–14, 16, 22). В поздний период картина резко меняется, и мы видим только очень короткие бородки (рис. 158, 6, 10); некоторые шаханшахи носили маленькие накладные полусферические бородки и длинные, торчащие горизонтально напояженные усы (Ghirshman 1962, fig. 267, 269). Борода шаханшаха, по свидетельству Сюаньцзана, была перетянута внизу золотой цепочкой (рис. 162, 1). Это же мы видим и на монетах, иногда и на серебряных чашах, правда у гораздо более ранних правителей (некоторые монеты от Шапура I и Хормизда I, которые носили так бороду периодически, до Йездигерда I или Варахрана V), т.е. с середины III в. до первой трети V в. н.э. Судя по изображениям, борода была перевита цепочкой несколькими витками и образовывала иногда словно бы тонкую трубочку длиной около 3–4 см, оканчивалась своего рода овальной «лепешкой» из волос (это видно на блюде из Эрмитажа со сценой охоты Шапура II на львов: Тревер, Луконин 1987, табл. 8). В позднее время стал распространенным обычай гладко бриться (при этом часто оставляли усы).

Женские прически

Преобладали прически с косами разной длины и количества. Кроме того, встречалась и короткая стрижка, подчас с подвиванием волос по бокам (рис. 159, 3–4, 29–31). С висков часто спускались два локона, в раннее время иногда завитых или подвитых лишь на концах (рис. 159, 2, 5); в тот же период порой отдельные тонкие локоны, иногда подвитые, свисали со лба (рис. 159, 5), и в редких случаях волосы сплошь завивались (рис. 159, 2–3). И при короткой стрижке, и при наличии кос волосы иногда собирались в узелок на темени (рис. 159, 9, 27); в других случаях он собирался на затылке и повязывался бантом (рис. 159, 2, 20). Парики запрещались, как и окраска лица (Ardā Wiraznāmag, 23v).

В ранний период как женщины, так и девушки (богиня Анахита) носили по три довольно коротких косы с каждой стороны (Azarnoush 1994, fig. 120) (рис. 159, 1, 6–7) или всего две, иногда украшенные крупными шариками на концах (рис. 159, 5, 8). Кроме того, в III в. у цариц (в частности, у Денаг), как и у мужчин-жрецов, встречалась прическа с большим количеством длинных спиральных локонов с шариками на концах, но при этом волосы у первых были длиннее (рис. 159, 2). В поздний период господствовало но-

²⁸⁶ Последние напоминали, вероятно, знаменитые вязаные шерстяные чулки-джурабы горных таджиков и памирцев (см., например: Широкова 1993, с. 96–102; Майтдинова 2004, с. 78–79).

шение четырех кос, как коротких (по грудь), так и более длинных, чем раньше (до бедер и ниже); они часто помещались в сетчатый футлярчик (рис. 159, 22а, 27). Длинные косы могли оканчиваться конусовидными подвесками (рис. 159, 22) или пропускаться через ряд полых конусов или цилиндров (рис. 159, 21, 23); основания каждой пары кос иногда связывались лентой (рис. 159, 24). Реже носились две косы разной длины (рис. 159, 17–18, 20); в случае если косы были более длинными, они на трех участках скреплялись лентами.

В позднее время женщины, по сведениям «Бэйши», собирали волосы спереди в узел, украшали золотыми или серебряными цветами, а косы пропускали через разноцветные (стеклянные или каменные?) шаррики (Бичурин 1950, I, с. 261). Эти сведения кажутся вполне достоверными: подобный узел надо лбом представлен у богини Анахиты (рис. 158, 27; 177), множество шариков приклеплены к косам на монетах царицы Буран (рис. 159, 23), а венок из искусственных цветов видим у одной из танцовщиц (рис. 159, 22).

Прическа определенного вида для лиц того или иного пола, возраста и общественного положения была одним из важных показателей личного достоинства, и ее изменение по решению властей каралось серьезным наказанием. Так, по данным «Бэйши», за не слишком тяжелые преступления наказание ограничивалось обриванием у мужчин головы или половины бороды (Бичурин 1950, I, с. 262).

Манера ношения

В раннее время, как и в парфянскую эпоху, кафтаны иногда имели запах налево: у правителя в Кух-и Хвадже в Систане (Ghirshman 1962, fig. 56); у Шапура I на рельефе в Накш-и Раджабе (Vanden Berghe 1984, pl. 20) (рис. 157, 28). Труднее сказать, был ли он у правителей, изображенных на монетах, так как там видим лишь верхнюю, распахнутую часть бортов (рис. 157, 27). Кроме того, кафтаны наглухо застегивали с помощью серии мелких пуговиц (это хорошо видно на изображении «конного Эрота» в том же Кух-и Хвадже: Ghirshman 1962, fig. 62). Их могли застегивать также высоко у горла небольшими парными застегками в форме дисков или капель (рис. 157, 25–26). Халат на изображениях богов крепился также с помощью двух пар галунов посередине бортов (ibid., fig. 57); то же видим у бога Ахура-Мазды в сцене инвеституры Арташира I в Накш-и Рустаме (рис. 157, 24). На охоте, во время стрельбы из лука кафтан иногда носили спущенным с правого плеча, как на известной расписной вазе-оссуарии из Мерва (Кошеленко 1977, рис. 80).

Знатные женщины носили халат внакидку (Gunter, Jett 1992, p. 131) (рис. 159, 32а) или запахивали налево (рис. 159, 32). Наконец, у богов в ритуальной сцене из Кух-и Хваджи халаты лишь наброшены на левое плечо (Ghirshman 1962, fig. 57). На упомянутой алебастровой плитке из дворца Чал-Тархан платье богини в верхней части, между грудей сколото фибулой так, что образуются красивые веерообразные складки.

Жрица в ходе ритуального танца могла приспустить верхнее платье, оставаясь в полупрозрачной коротенькой сорочке и обнажая гениталии (рис. 159, 42), танцовщица — выступать с обнаженным торсом (рис. 159, 45).

На блюде из галереи Walters в Балтиморе (Ghirshman 1962, fig. 259), где пируют царственные супруги, у царицы верхнее из двух платьев спущено с правого плеча. То же видим у девушки в платье на бретельках на вазе-оссуарии из Мерва (Луконин 1977, рис. на с. 216–217). Женщины в сцене похорон на той же вазе завернуты в накидки, оставляющие свободными правое плечо и руку (Кошеленко 1977, рис. 81). Мужчины-придворные и воины-гвардейцы во второй половине III в. (во всяком случае, во времена Шапура I и Нарсе) в ряде случаев изображены в парадных сценах в нераспашной одежде с удлиненными рукавами: с правым в обычном варианте (стянут ремешком у запястья) и распушенным левым (при этом видно, что он заметно длиннее руки и расширяется книзу) (Ghirshman 1962, fig. 196; Chagini, Nikitin 1996, fig. 11) (рис. 157, 47). В позднее время у вельмож рукава верхней одежды могли также распускаться; на дворцовом приеме руки держали скрещенными на груди, при этом их вкладывали в противоположный рукав (рис. 158, 21).

Штаны у мужчин либо заправлялись в обувь, либо стягивались внизу ремешком (часто одним с обувью). У охотника-простолюдина в рабочей обстановке штаны закатаны у колен (рис. 158, 45). У женщин штаны явно считались достаточно интимной частью туалета, и полностью открыты на изображениях они только у танцовщиц (рис. 159, 44–45). В любовной сцене на малоизвестном серебряном блюде из галереи Фрир (Gunter, Jett 1992, p. 37) у обоих «влюбленных» правая штанина длинных узких штанов снята и обернута как шарф вокруг шеи.

Пояса у девушек повязывались высоко (рис. 159, 37), у замужних женщин — ниже, на бедрах (рис. 159, 13).

Крой

Плечевая одежда иногда кроилась с плечевым швом (монеты Арташира I: рис. 157, 39a), но обычно он декором не подчеркивался. Одежда у лиц обоих полов часто кроилась с боковинами, расширявшими подол от талии. Боковые разрезы делались на подоле даже широкой распашной (рис. 157, 24) и нераспашной одежды. Пришивной подол с особым декором документируется у представителей обоих полов лишь изредка (рис. 158, 27; 159, 34). У знатных женщин подол дополнялся по краю воланом или рядом оборок. Одежда могла быть стеганой (рис. 157, 35). В поздний период у мужчин и женщин бытовал пришивной стоячий ворот. Рукава сшивались с тыльной стороны, и этот шов иногда выделен полоской отделки (рис. 158, 34; 159, 35).

Головные уборы мужчин кроились, судя по размещению полосы отделки, в основном из двух половин (рис. 158, 2–3). Штаны иногда бывали расклепанными (рис. 1, 69), имели квадратные наколенники (рис. 158, 46). У правителей штанины шились двойными (сзади пришивали аналогичный по размеру «воздушный мешок»). У мужских сапог голенище кроилось отдельно, и его вертикальный шов мог быть как спереди, так и сбоку. На женских полусапожках подчеркнуты границы кроившихся отдельно подошв.

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт костюма сасанидской знати очень эффектен и специфичен (и соответственно — легко узнаваем).

У высшей знати мужской силуэт в ранний период во многих случаях был близок к прямоугольнику за счет свободной распашной плечевой одежды, просторных «двойных» или в складках шаровар и обилия на разных предметах одежды длинных парных (развевавшихся на ветру) лент; руки и ноги закрыты благодаря многочисленным складкам (рис. 160). Иноземцев поражало обилие парных лент, свисающих с царских одежд и развевающихся на ветру. Разъезжающий на лошади перед войском Шапур II «в облаке лент» казался Иоанну Златоусту «дикийным зверем». (Подобное видение характерно и для современной иранской художественной культуры. Так, на полотнах последних лет художника Арианпура духи-пери предстают в виде летящих и развевающихся драпируемых одежд в сасанидской традиции, облегающих контур невидимого тела.) Позже, со второй половины V в., благодаря «вздутому» из-за особого кроя подолу, для силуэта характерно расширение от бедер до колен.

Женский силуэт был более сложным. Он плавно расширялся от головы (за счет ниспадающих длинных кос или покрывала) к талии, где (из-за ношения приталенных платьев или опоясывания) сужался, а ниже опять плавно расширялся до щиколоток и завершался еще более заметным расширением в самом низу за счет ряда оборок или волана.

В раннее время у коротких мужских кафтанов декорированы обычно борта и край рукавов. Это полосы из золотой парчи (?) (Кух-и Хваджа: рис. 157, 44), ряд круглых бляшек на полосе цветной ткани (Варахран I на монетах; Шапур I в Накш-и Раджабе: рис. 157, 27–28). В первом случае декор кафтана сложнее: полосы парчи (?) образуют орнамент из двух прямоугольников на рукавах, имеются они и на подоле. Длинный кафтан у Арташира III в Так-и Бустане обшит по подолу и краю рукавов двумя рядами «перлов» (рис. 158, 19). Длинные женские халаты иногда обшивались теми же двумя рядами «перлов» вдоль бортов (рис. 159, 32a).

Мужская верхняя нераспашная одежда в ранний период имела подол, декорированный рядами горизонтальных полосок (рис. 157, 42), каймой из бахромы (рис. 157, 43), рядом круглых бляшек между двумя полосками (рис. 157, 40), или полосой, завершающейся рядом крупных «зубчиков» (рис. 157, 37, 41), или просто полоской другой ткани. В позднее время наряду с частичным сохранением прежней орнаментации (рис. 158, 21–22, 25, 28) господствуют другие подходы, связанные с декорированием вогнутых подолов с боковыми разрезами полосой однотипного дорогого полихромного шелка, в том числе с животными в медальонах (римско-византийское название такой единой декоративной полосы на подоле и боковых разрезах — *gammadie*) и многорядными полосами с включением вышивки (лоза или ряд крестиков — рис. 158, 21a, 23). Обычный горизонтальный подол украшается двумя рядами «перлов» (рис. 158, 17).

304 Ворот таких мужских одежд в раннее время обычно декорировался довольно стандартно (ряд круглых бляшек между двумя параллельными полосками) (рис. 157, 27, 30, 41–46). В поздний период узкий гори-

горизонтальный ворот либо вообще не декорировался, либо обшивался полосой цветной ткани. Невысокий стоячий ворот декорировался редко (в Таки-и Бустане у лодочников изредка он сшит из узорной ткани с четырехлепестковыми цветами). Изредка встречается ворот с «погонами»: если в IV–V вв. он представлен на обломке бронзовой статуэтки шаханшаха (рис. 157, 37), то на рубеже VI–VII вв. он документирован только у прислуживающих царю (персонажи в Так-и Бустане: рис. 158, 27, 32). Погоны украшались иной тканью, чем сам ворот: на более раннем образце — сетчатой, позже — с цветочными розетками.

Пришивные обшлаги обычно довольно узкие и имеют две-три полосы декора, в том числе с одним-двумя рядами круглых бляшек (?), с сетчатой тканью (рис. 157, 46; 158, 13, 19). В раннее время декоративная полоса отмечена иногда ниже плеч (рис. 157, 29), у пройм (рис. 157, 47a), или же ряд бляшек шел вертикально вдоль шва рукава (рис. 158, 28).

Важной особенностью сасанидского костюма были *наплечные круглые медальоны* из полихромной ткани или с вышивкой золотыми нитями (на ряде блюд эта деталь специально золотилась) — орбикулы (лат. orbiculi). Обычно они встречаются на нераспашной одежде, известны и на халатах. Они бытовали уже в самом начале правления династии Сасанидов; в III в. декор медальонов имеет вид двойного круга (рис. 157, 42; граффити в Гареме в Персеполе: Fukai and oth. 1984, fig. 29) (в поздний период такие медальоны известны и на женском платье: рис. 159, 34), в IV–V вв. основной мотив их — многолепестковая розетка (рис. 157, 36, 40–41; 161, 1) и орел (Gunter, Jett 1992, p. 41). По мнению П. Харпера, идея подобных медальонов была заимствована в III в. из восточных римских провинций (Harper 1971, p. 513). В поздний период у правителей на монетах (Арташир III, Хосров II, шахиня Буран) вместо них мы видим на плечах нашитый полумесяц со звездой между «рожками» (Chagini, Nikitin 1996, fig. V–VI; fig. 35).

Вертикальная полоса декора на груди могла спускаться почти до края подола; в позднее время она доходит подчас лишь до бедер или до низа груди. В ранний период она имела декор в виде тройной полосы: зигзага или ряда точек посередине и полос-полуovalов по краям (рис. 157, 29, 39) либо нескольких параллельных полос (рис. 157, 30). В позднее время это либо одноцветная полоса (жрец: рис. 158, 13), либо тройная (рис. 158, 14, 18, 23a); по сторонам основной полосы иногда идут два ряда круглых бляшек, иногда наклоненных к плечам (рис. 158, 21). Встречается и украшение вертикальной полосой только пришивного подола (рис. 158, 27).

Парадные нераспашные «рубahi» мужчин иногда сплошь украшались редкими горизонтальными или вертикальными рядами однотипных золотых круглых бляшек, в том числе с дополнительной подвеской (Хосров на троне — ткань из Антинои, — где бляшки переданы желтым: Ghirshman 1962, fig. 289; Арташир III в Так-и Бустане: Fukai, Horiuchi 1972, fig. 4) (рис. 158, 17, 28). Однако постепенно такой декор, видимо, заменялся полосами вышивки золотой нитью. Орнамент на шелковых тканях теперь мог имитировать ряды золотых бляшек с подвеской (Риази 2003, с. 283). На цветной миниатюре VI в. «Поклонение волхвов» из армянского Эчмиадзинского евангелия (Дурново 1979, фото на с. 160), где отражен более ранний сасанидский костюм I-го периода (см. ниже), подол плечевой одежды, вертикальные декоративные полосы на ней и на штанах состоят из двух золотых линий, между которыми заключены ромбы с точкой внутри, «бегущая спираль» или кружки, окаймленные по сторонам двумя точками. Накладные же полосы у локтей, возможно, сделаны из золотой фольги, в них в шахматном порядке размещены три ряда зеленых самоцветов.

В самом начале Сасанидской династии еще встречались плащи, сшитые из пестрых тканей с парфянской орнаментикой (сетка ромбов с кружком внутри каждого) (рис. 157, 35). У левого из «волхвов» в Эчмиадзинском евангелии видим на красном фоне ряды небольших темных кружков, что известно в текстильной орнаментике Ирана в поздне-сасанидское время (рис. 158, 25, 28; 159, 43) и еще раньше (в I–III вв. н.э.) было обычным в Западном Туркестане (Средней Азии) (ср.: кушаны — рис. 121, 87; ранние согдийцы — рис. 152, 17).

Жреческие пелерины украшались по краю рядом крупных фигур: восьмилучевыми звездами или четырьмя горизонтальными полосками, пересеченными одной вертикальной (рис. 157, 49–50).

Некоторые простые геометрические орнаменты на полихромных тканях, из которых иногда целиком шилась одежда, были у мужчин, судя по изображениям, весьма стабильными *все сасанидское время*. Основные мотивы этих текстильных орнаментов — ряды треугольников из точек (рис. 157, 47a; этот мотив становится особенно популярным в позднее время: рис. 158, 22, 26, 30–31, 45); ряды кружков (в раннее время внутри каждого из них помещалась точка) (рис. 157, 72, 78; 158, 25, 28); сеточка, где внутри каждого квадрата помещен кружок (рис. 157, 35, 66; 158, 18), и простая сеточка (рис. 157, 46, 67–68; 159, 33). Другие мотивы, характерные *для позднего периода*, — различные трилистники (рис. 158, 23; 159, 14) и цветочные розетки (слуги Арташира III в Так-и Бустане), чередование в одном из горизонтальных рядов трилистников из точек и двух коротких параллельных линий или полосы с рядами точек

внутри (рис. 158, 33; 159, 44), «карточные пики» (штаны Арташира-всадника в Так-и Бустане) и изображения птиц (гуси, а также петухи, соколы, цапли) (Рирази 2003)²⁸⁷. Элементами декора кафтана, вероятно, могла быть золотая парча, как в Кух-и Хвадже (Ghirshman 1962, fig. 56–57). Например, борта запахнутого кафтана князя имели желтую кайму из парчи (?); такие полосы украшали и декоративный прямоугольник в центре тыльной стороны рукава. То же касается вертикальной полосы на груди рубахи одного из богов.

«Двойные» штаны самых знатных мужчин в III в., включая правление Нарсе, шились частично из сетчатых или полосатых тканей с включением орнамента в виде кружков или звезд (рис. 157, 65–68, 77). «Простые» штаны раннего времени в ряде случаев декорировались спереди вертикальной полосой квадратных бляшек и рядом более мелких круглых — по сторонам (рис. 157, 72). В поздний период система декора штанов, за одним исключением (охотник-простолюдин: рис. 158, 18), иная: это либо ткани со сложным рисунком, либо вертикальный ряд крупных круглых бляшек спереди (рис. 158, 46–47), либо сплошная обшивка золотыми бляшками с пришитыми дисками (рис. 158, 48).

У женщин в ранний период, в отличие от мужчин, плечевая одежда (платья) шилась не из пестрых тканей, а одноцветной; в поздний период такими были лишь верхние платья на бретельках. Декор тканей на поздних платьях не слишком разнообразен: ряды кружков, треугольников из точек или чередующихся рядов тех и других, цветочные розетки (рис. 159, 33–34, 36–37, 43). В позднее время на женских платьях появляется по медальону из полихромных тканей на плечах (рис. 159, 34) и по бокам на подоле (рис. 159, 34, 43); у платьев на бретельках они бывают квадратными (рис. 159, 33) — табليоны (лат. *tabulae*). Другое проявление влияния восточноримских туник — по одной вертикальной полоске на плечах (рис. 159, 42a). Ворот иногда обшивался полоской другой ткани (рис. 159, 12, 33, 35). В редких случаях видим, как и на мужской нераспашной одежде, вертикальную полосу декора спереди, соединенную с каймой ворота (рис. 159, 33).

Носившиеся поверх платья рубашки иногда украшались лишь рядом круглых бляшек на подоле (рис. 159, 42a). У богини Анахиты видим более сложный вариант: рукава сшиты из пестрой полосатой ткани, стан — из полосатой же с «добавлением» между полосами чередующихся кружков и треугольников из точек; ворот обшит рядом круглых бляшек (рис. 159, 36). Плащ украшался рядом круглых бляшек (?) по краю и на лентах-завязках (рис. 159, 39).

Штаны женщин часто шились из пестрых тканей, в том числе полосатых (рис. 159, 44). В некоторых случаях они узкие, сшиты и украшены пестрой тканью — во всем идентичны мужским (пара «влюбленных» на блюде из галереи Фрир; ср.: рис. 158, 33).

Декор ранних мужских матерчатых поясов обычно не показан. В одном случае такой пояс у эпического героя (?) декорирован полосой тройного зигзага (рис. 157, 64). Кожаные пояса раннего времени обычно наборные и украшены между полосками каймы рядом круглых или овальных бляшек (рис. 157, 54–55, 58, 62–63), в одном случае (у Шапура II в сцене охоты на оленя на блюде) — квадратные (рис. 157, 61).

В V–VI вв. на наборных поясах сохраняются те же формы бляшек — круглые и прямоугольные; однако они крупнее, так как на ремне нет каймы по краям (рис. 158, 13, 38). В конце VI — VII в. на ремне пояса нашивались бляшки разнообразных форм. У лиц из окружения шаханшаха Арташира III это четыре ряда мелких круглых бляшек (рис. 158, 36), квадратные с тремя кружками на каждой из сторон и одной в центре (рис. 158, 37) и четырехлепестковые розетки (рис. 158, 42). Вероятно, как подвески, так и типы бляшек могли оформиться под влиянием активных контактов с восточными могущественными соседями — тюрками (хотя точных совпадений с поясами персонажей собственно тюркских изваяний, торевтики и изображений ранних тюрков на стенных росписях Афрасиаба, Кучи и Китая я ни в одном случае не наблюдаю).

Однако у богов, царей и наместников даже в позднее время мы видим гораздо более простые формы накладных бляшек, причем их облик находит прямые соответствия с формами накладок прежней Аршакидской династии. Так, местный правитель на кувшине-оссуарии из Мерва представлен в поясе с золотыми (?) бляшками в виде удлиненного прямоугольника (Кошеленко 1977, рис. 80) (рис. 158, 13), у Арташира III видим бляшки в виде квадрата с вписанным в него кругом (рис. 158, 43), а у бога Митры на блюде из Эрмитажа как будто схематично передан пояс с серией медальонов (рис. 158, 38).

Мужской островерхий головной убор (*kulah*) порой украшался по нижнему краю рядом круглых бляшек, иногда так декорировался и весь шов, соединяющий две половинки убора (рис. 157, 1, 6). У пирующего вельможи на вазе из Мерва видим, что белая ткань головной повязки украшена тремя рядами черных точек (рис. 158, 6); та же система декора характерна и для поздних женских диадем. Женские головные

²⁸⁷ Орнаментация сасанидских шелков в раннеисламское время сохранялась в шелкоткачестве г. Рей (Национальный музей Ирана, инв. № 8558–8560; Рухфар 2001, с. 16–17).

повязки часто шились из двух-трех разноцветных (?) полос (рис. 159, 2, 30); известны образцы, украшенные рядом круглых бляшек (рис. 159, 26).

В раннее время продольный шов у мужских полусапожек декорировался на носке полоской ткани (рис. 157, 80–81), иногда с рядом круглых или квадратных бляшек (рис. 157, 67, 77, 82). Такая обувь часто покрывалась у высшей знати в IV — первой половине V в. пестрой тканью (ряды кружков с точкой внутри: рис. 157, 78, 80–81). У сапог с треугольным выступом над коленом полосой декора часто выделялся вертикальный шов на голенище спереди или сбоку (последний украшался рядом фигурок в виде буквы «V» или двумя рядами круглых бляшек) (рис. 158, 55а, 58) или шов по нижнему краю голенища (рис. 158, 60). Верхний край ноговиц также украшался декоративной полосой, иногда с фестончатым краем (рис. 158, 54), верхний край сапог — рядом круглых бляшек (рис. 158, 55а, 57). Голенище иногда покрывалось пестрой тканью (рис. 158, 57) или украшалось спереди вышивкой в виде пальмового листа (рис. 158, 55–56).

Цветовая гамма

В ранний период в Систане (на росписях дворца в Кух-и Хвадже) цвет халатов у богов белый, с двойной желто-голубой каймой (под ними — рубахи голубого или зеленого цветов) (Ghirshman 1962, fig. 57). Примерно то же в поздний период видим на кафтане знатного всадника с вазы-оссуария из Мерва: белый кафтан с голубой каймой (под ним — малиновая рубаха) (Кошеленко 1977, рис. 80). Вместе с тем на той же живописи в Кух-и Хвадже кафтан у правителя — малинового цвета, а платье у его стоящей рядом жены — сиреневого (ibid., fig. 56); на мозаиках из Бишапура у женщин наблюдаем сочетание красного с голубым при наличии платья и шарфа-накидки (ibid., fig. 180–182, 186). На миниатюре из Эчмиадзинского евангелия в одежде «волхвов» сочетаются пурпурный (фиолетовый) и зеленый.

В поздний период представляет интерес расписная ваза-оссуарий VI в. из Мерва (Луконин 1977, рис. на с. 215, 217). Здесь у пирующего правителя белый цвет имеют все основные предметы одежды — диадема, плащ, кафтан и штаны; при этом у кафтана красная кайма (рис. 166). Одежда жреца — это сочетание красного кафтана с белой каймой (противоположность кафтану правителя). На ткани из Антинои с изображением Хосрова на троне у воинов цвета верхних «рубах» и штанов соотносятся в следующих вариантах: синий–желтый, голубой–?, желтый–красный; в верхней нераспашной одежде шаханшаха видим сочетание полос красного, синего и белого цвета (рис. 166) (Ghirshman 1962, fig. 289). Поздние полихромные шелковые ткани, представленные подлинными артефактами (ibid., fig. 275–281) и на стенных росписях древнего Самарканда/Афрасиаба (Альбаум 1975, табл. V–VI, XV–XVI, XVIII, XX, XXII, XXVI, XXVIII), украшены разнообразными зоо- и (гораздо реже) антропоморфными мотивами (часто в медальонах, реже, судя по Так-и Бустану, в ромбовидных и крестовидных рамках) *обычно на белом или красном, реже — на синем фоне (с включением синих и белых элементов)*; крайне редко единичные сюжеты с фантастическим зооморфным персонажем (сенмурв, крылатый лев) видим на зеленом или синем фоне. Исходя из попыток реконструкции цветовой гаммы в охотничьих сценах Арташира III в Так-и Бустане (Риази 2003, табл. 174–179), можно предположить, что у шаханшаха преобладал красный фон с синими деталями или синий — с золотыми; у прислуживающих лиц сходная картина: красный фон с оранжевыми, синими (зелеными) или черными орнаментами, а также синий — с желтыми или зелеными деталями.

Мужские полусферические облегающие шапочки правителей были в основном красными, с декором из желтых полос (у «волхвов» Эчмиадзинского евангелия они зеленые). Это мы наблюдаем в разное время: и в Кух-и Хвадже, и на упомянутой ткани с Хосровом из Антинои. Обувь (туфли) у тех же «волхвов» тоже красного цвета.

Иными словами, в целом преобладающими цветами были красный, синий и его оттенки (голубой, фиолетовый) и белый; гораздо более редки желтый (обычно в отделке) и зеленый. Красный цвет в иранском искусстве традиционно осмысливается как цвет победы. Черный же цвет, как и тень издревле и до недавних пор почти отсутствовали в изобразительном искусстве Ирана, ибо они символизируют зло. Явное предпочтение отдавалось ярким, чистым цветам, а не переходным оттенкам. Однако по сравнению, например, со средневековой Европой (см.: Эко 2003, с. 61) картина дополнялась каймой другого цвета, нашитыми наплечными медальонами и тканями с мелким однотипным рисунком (ср. в ахеменидо-скифское время полосатые ткани, в парфяно-сарматское — ткани с крупной вышивкой).

Эстетический идеал этноса

Переворот 225 г. н.э. и приход к власти Сасанидов означали торжество более строгой версии зороастризма (ведь Сасаниды были наследственными жрецами древнего храма богини Анахиты). Несмотря на это, именно в данное время в придворном искусстве успешно пробили себе дорогу откровенно чувственные сюжеты.

Эстетический идеал эпохи Сасанидов резко отличается от идеала, господствовавшего при предыдущей династии, причем многие изменения в идеальном силуэте одетой фигуры произошли сразу, в правление первого же шаханшаха, Арташира I (вероятно, частично эти вкусы сформировались незадолго до того в автономной области Персида/Фарс, откуда родом был жреческий клан Сасана).

В человеческой фигуре для представителей обоих полов идеальными явно считались крупная голова, овальное (реже круглое) лицо с длинным прямым носом и маленьким ртом, короткая и массивная шея, довольно крупные кисти рук.

У мужчин видим большие глаза, ноги иногда удлинены. В центре внимания зрителя в сасанидское время были, прежде всего, два важнейших в иранском мире мужских атрибута — головной убор и пояс с подвешенными аксессуарами. Особое внимание уделялось также передаче многочисленных складок свободной плечевой и поясной одежды и серии крепившихся к головному убору, плащу, разрезам подола и обуви множества парных лент, раздуваемых ветром (которые крепились на головном уборе, плечах, тазе и обуви), и обильных бантов на разных предметах одежды. Весьма необычными были штаны членов царской семьи с широким воздушным клапаном на каждой штанине сзади, который в спокойном состоянии образовывал по краям множество мелких складок. В позднее время в мужском силуэте благодаря особому, «вздутому» подолу визуальное увеличение области таза. Иными словами, мощь и монументальность фигуры аристократа подчеркивалась в эту эпоху не столько развитыми бицепсами и определенными позами (как при Ахеменидах), сколько необычным и эффектным силуэтом одежды.

Что касается открытых частей тела, то у мужчин в сасанидское время ношение одежд с короткими рукавами известно так редко, что его можно не принимать в расчет, а головные уборы стали, похоже, носить чаще (это отчасти может быть связано с тем, что прическа, особенно во втором костюмном периоде, т.е. после середины V в., заметно упростилась).

Женское тело при Сасанидах отражает уже не античный, а иной, местный идеал красоты. У женщин обычно изображены сросшиеся брови дугой и часто — удлинённые глаза. В отличие от двух ранних династий, женская одежда приталенная, акцентирующая внимание зрителя на богато декорированной причёске, подчеркнута широких бедрах и развитой груди. Нарочито тонкую талию при этом имеют обычно лишь танцовщицы и музыкантши. В женской одежде почти совсем исчезают короткие рукава и входят в моду приталенные платья и разнообразные косы, которые обычно не покрывают, т.е. ходят простоволосыми. В идеал включали и короткие ноги, длинные пальцы, естественный румянец щёк, длинные косы.

Среди женских образов в этот период мы встречаем множество изображений нагих богинь. Храмовые танцовщицы в определенный момент спускают в танце единственное платье, обнажая гениталии, но верхняя часть тела при этом закрыта эфемерной сорочкой. В других случаях танцовщицы, напротив, представлены с открытой грудью (рубаша обернута вокруг бедер), но в широких шароварах. Заметим, что у женщин широкие шаровары явно считались интимной частью туалета, которую не демонстрировали постоянно. Они полностью открыты только на изображениях танцовщиц и в немногих сценах, где мужчина изображен с женой или наложницей.

На парадной серебряной посуде для пиров мы находим иногда весьма откровенные изображения интимных парных сцен. Так, на упомянутом блюде позднеасанидского времени из американской галереи Фрир представлены две пары обнимающихся «влюбленных» из знати, сопровождаемые фигурой сидящей богини. В каждой из пар у мужчины и женщины одна из штанин плотно облегающих штанов снята и обмотана вокруг шеи как шарф (!) (Gunter, Jett 1992, pl. on p. 37). Впрочем, главная супружеская пара страны изображалась много скромнее. На знаменитом блюде из галереи Walters в г. Балтиморе Ездигерд II и его супруга в коронах сидят на лежанке и непринужденно беседуют. «Вольности» здесь ограничиваются лишь тем, что мужчина поставил правую ногу в высоком сапоге на колено партнерши (знак доминирования), а ее верхнее платье приспущено на правом плече.

Персы сасанидского времени

в искусстве других стран:

образ Иного

Изображения персов этого времени представителями других культур известны сегодня в очень большом количестве. Ниже я хочу обратить внимание на шесть таких композиций.

Одна из них отражает военную победу римлян над персами в 298 г. и украшает триумфальную арку императора Галерия (293–311) в Салониках (Kinch 1890, pl. IX–X) (рис. 172). Здесь в сцене столкновения двух всадников и нескольких пеших мы видим у трех персидских воинов сходный тип верхней плечевой нераспашной одежды длиной чуть выше колен, с глухим узким горизонтальным воротом, поперечной, расположенной ниже плеч полосой декора верхней части рукава и полосой по краю подола (у четвертого, под копытами римского полководца, видна лишь голова). Такая одежда на оказавшемся на коленях и обороняющемся мечом персонаже украшена вертикальной полосой ткани, а подол украшен широкой полосой ткани с изображением растительного побега. У всадника на одежде подчеркнут пришивной складчатый подол. Для обоих названных персонажей характерен также декор ворота в виде узкой полосы ткани (?). У левого персонажа, отступающего со щитом, видим сравнительно короткий плащ, сколотый на шее крупной фибулой-брошью с овальным щитком. Довольно широкие штаны персов не заправлены в полусапожки, а стянуты по нижнему краю шнурком. Головные уборы представляют собой невысокие шапочки в форме конуса с округлым завершением и лишены декора. Пояса пеших воинов простые, узкие, также без декора, пояс же их конного предводителя, напротив, довольно широкий; его лента украшена по краям двумя полосами, между которыми виден не вполне ясный узор (насколько можно понять, это не обычный на ранних поясах ряд круглых бляшек, а нечто более сложное). Что касается прически, то у трех зрелых мужчин мы видим окладистые бороды; у них и у более молодого, безбородого, обороняющегося на коленях воина волосы волнистые, без пробора и по бокам достигают плеч.

Все названные детали (кроме центрального элемента орнамента пояса конного персонажа) *с протокольной точностью* воспроизводят известные на сегодняшний день элементы силуэта и системы декора мужской одежды знатных персов раннесасанидского времени. При этом персонажи (в частности, трое пеших воинов) отнюдь не однотипны по облику, как часто пытались представить врагов-иноземцев в сражении. Вероятно, художник, проектировавший рельефы арки, имел возможность наблюдать или трупы врагов на поле сражения, или (что более вероятно) знатных персидских пленных.

Другое изображение несомненных персов видим на ранневизантийской мозаике 530-х годов в церкви Сант-Аполлинаре Нуово в Равенне, где они изображены в виде трех «волхвов», пришедших с востока (т.е. из Ирана) поклониться младенцу-Христу (Матф. 2. 1, 11), — двух зрелых мужчин и более молодого в центре (рис. 173). (Вообще для ранневизантийских и раннеармянских христианских мастеров было естественно изображать «волхвов», как и некоторых оказавшихся в Месопотамии персонажей Ветхого Завета, в роскошном костюме современных соседних персов-Сасанидов.) Художник-мозаичист точно передал форму головных уборов — красные колпаки-кулахи двух следующих за ним представителей светской знати со слегка наклоненной вперед верхушкой (ср. рис. 157, 3–4). Мужская прическа также обычна для персов и документирована (в том числе на предыдущем изображении). Достоверны и довольно узкие штаны из ткани, орнаментированной кружками (период 1: рис. 157, 77), носимые поверх полусапожек; у среднего Мельхиора они сшиты из золотой парчи. Точно соответствуют сасанидским образцам узкие вертикальные полосы декора спереди на штанах двух первых персонажей, украшенные рядом круглых или прямоугольных фигур (ср. рис. 157, 66, 72; 158, 47). Вполне обычны для персов широкий плащ длиной до колен с каймой и манера его крепления на груди крупной круглой брошью (такие плащи носили и в ранний период). Что касается подолов верхней нераспашной короткой одежды с полуovalным выступом спереди и разрезами по бокам (известных с IV в.), то они также переданы в целом правильно. Плечевая одежда во всю длину украшена вертикальной полосой ткани, что пока не известно на территории самого Ирана, но документировано у сасанидских «волхвов» на четвертом из приводимых изображений (см. ниже).

Вместе с тем есть любопытная декоративная деталь, не имеющая точных аналогий в известном на сегодняшний день позднесасанидском костюме. Это широкая полоса из пестрой ткани, пришитая по верхнему краю плащей и образующая своеобразную кокетку. В целом есть основания утверждать, что и в данном случае мастер, даже в деталях, не отошел от исторической правды, желая подчеркнуть пышность облачений восточных гостей, хотя он изобразил *устаревший костюм*, вышедший из употребления примерно за сто лет до этого.

Третье изображение — византийская икона VI в. «Три отрока в печи огненной» из монастыря св. Екатерины на Синае (Райс 2002, с. 23, рис. 15). Отроки, как и следовало ожидать, представлены в сасанидской одежде и при этом одеты почти идентично. Верхней одеждой является плащ до колен из ткани с рядами белых кружков, сколотый на груди фибулой-брошью с рядом перлов по краю. У центрального персонажа под ним видим рубаху с боковыми разрезами и полуovalным выступом подола спереди, трактованную

так же, как и в Равенне, и ту же вертикальную красную полосу декора. Узкие штаны не заправлены в туфли и по краю имеют треугольный выступ спереди (что, как отмечалось в главе 1.1, известно в Иране со времен Ахеменидов). В целом все это (включая декор тканей и ряд важных микродеталей) вполне согласуется с нашим представлением о сасанидской одежде.

Четвертое изображение представляет сцену, сходную со сценой с «волхвами», но на миниатюре рмянского «Эчмиадзинского евангелия» VI в. (Дурново 1979, фото на с. 160). Здесь «волхвы» также представлены в устаревшей одежде I-го периода, т.е. как минимум предыдущего столетия, но переданной очень точно (судя по этому и второму изображению, определенная иконография «волхвов» сложилась в раннехристианском искусстве до костюмных реформ в Иране 60-х годов V в.). На голове персов полусферические шапочки зеленого или красного цвета, по нижнему краю повязанные лентой со свисающими длинными концами (ср. рис. 161). Синий или красный длинный плащ сколот на шее овальной золотой фибулой-брошью со вставкой крупного самоцвета (ср.: рис. 157, 33; подлинник см., например: Украшения Востока 1999, фото на с. 58). Верхняя нераспашная одежда имеет подол с полуовальным выступом спереди и вертикальной полосой декора (см. предыдущее изображение). У правого «волхва» — борода клинышком и волосы завиты (см. рис. 157, 15). У обоих персонажей с блюдами, окружающих Марию с младенцем, частично видны наборные пояса из квадратных звеньев, внутри каждого из которых круглая вставка самоцвета (такие пояса надежно не документированы у ранних Сасанидов, но известны у поздних парфян: рис. 64, 63). Широкие штаны резко сужены по нижнему краю ремешком (крепящим также и обувь), на котором размещена крупная круглая бляха-распределитель с каменной вставкой (рис. 157, 82, 87); ее бордюр украшен чередующимися кружками — белыми (жемчуг?) и темными. Все эти детали в точности совпадают с известным нам мужским костюмом начала III — середины V в. и кое в чем пополняют наши знания о нем.

Пятое изображение предполагаемых персов позднеасанидского времени видим на консульском диптихе из слоновой кости VI в., найденном у обелиска Феодосия в Константинополе (Delbrück 1929, No. 69R; Knauer 1999, fig. 13). Здесь в сцене из жития апостола Павла представлено несколько варваров (видимо, учитывая связанную с римским Востоком биографию св. Павла — пребывание в Сирии, Аравии и др., они должны изображать персов). Персонажи бриты или же носят недлинные бороды и короткие, подровненные надо лбом волосы (ср. рис. 158, 10). Варвары одеты в заправленные в полусапожки штаны и носят внакидку сравнительно короткие кафтаны до колен с очень длинными, свисающими до краев подола рукавами (ср. рис. 159, 32; у богини Анахиты см.: рис. 162, 2). Мастер стремился показать длинными волнообразными линиями то, что эта одежда (во всяком случае, ее наружный слой) сделана из грубой шкуры

с крупными прядями. Все это соответствует нынешним представлениям о современном резчику персидском костюме, за исключением укороченного подола кафтана: подобные образцы благодаря персидскому влиянию носились в то время в византийском Египте²⁸⁸.

Шестой комплекс такого рода — это каменные статуи членов персидской шахской семьи, эмигрировавших в Китай после завоевания родины арабами и связанных с императорским двором. Они поставлены у гробницы императора Гаоцзуна (683 г.) в Цяньлине (Juliano, Lerner 2001, p. 220–221). Персы представлены в длинных, подпоясанных халатах до щиколоток, имеющих два лацкана и неглубокий запах (т.е. в халатах тюркского типа, популярных тогда в Китае). Руки вставлены в противоположные рукава (что имело место и в Иране: рис. 158, 21); сами рукава очень длинные, в многочисленных складках. Кроме того, мы видим пелерину, известную у членов сасанидского шахского рода (рис. 158, 28). Иными словами, эмигранты сохранили некоторые из элементов костюма своей родины.

Проблема «костюмных инициатив» отдельных правителей и изменения в сасанидском костюме во второй половине V в.

В целом несомненно, что Арташир I, сломив династию Аршакидов и воцарившись на троне Ирана, провел масштабную костюмную реформу, резко изменив по крайней мере костюм светской знати и высшего жречества. Что же касается более поздних костюмных новшеств, то здесь до сих пор имеется много неясного²⁸⁹. Вместе с тем можно назвать и других шаханшахов, при которых вводились костюмные нов-

²⁸⁸ См. изображения адорантов на костяной пиксиде св. Мины из Александрии (?) VI в. в Британском музее: Райс 2002, рис. 6.

шества. В частности, при Нарсе (293–303) плащи стали крепить на плече застежкой с дисковидным щитком, а полусапожки подвязывать лентой с бантом.

Однако наиболее масштабные и, видимо, весьма резкие изменения произошли, как показал выше наш анализ сасанидских материалов, во второй половине V в. Среди этих перемен прежде всего надо назвать: появление в мужской плечевой одежде «вздутого» подола, боковые разрезы и нижний край которого декорированы широкой полосой цветной ткани (рис. 158, 21–24), и исчезновение коротких кафтанов и мужских плащей; длинные женские халаты (рис. 159, 32–32а) и платья на особых бретельках (рис. 159, 32, 42), платья отрезные по талии с разрезом спереди на подоле (рис. 159, 35, 41); на мужской нераспашной одежде исчезает ворот с треугольным вырезом и появляется невысокий стоячий (рис. 159, 27, 32); исчезают мужские островерхие головные уборы «кулах» и пояса из тканей (кушаки); меняется декор ворота мужской одежды в целом, исчезают наплечные круглые медальоны и появляются высокие обшлаги рукавов (рис. 158, 27, 32; 159, 33); появляются женские платья из пестрых тканей, высокие мужские сапоги с треугольным выступом под коленом (рис. 158, 53, 55–59) и мужские шляпы. В прическе у мужчин длинные бороды сменяются бритьем лица или короткими бородками; у женщин преобладающие две косы сменяются четырьмя (часто с рядом пронизок или подвесками).

Нельзя ли уточнить время и характер этих перемен? Сделать это весьма сложно из-за отсутствия сегодня письменных источников, минимального количества изображений правителей и придворных того времени в полный рост, отсутствия «узких» дат для многих важных изображений. И все же с высокой степенью вероятности можно утверждать, во-первых, что эти инновации возникли за короткий срок, вероятно при жизни одного правителя, поскольку в более ранние периоды в Иране мы имеем ряд подобных прецедентов (ср. в главе 4.2 данные о «костюмной реформе Феравла» в Персии при Кире Великом, в главе 2.1 о «костюмных инициативах» отдельных Аршакидов и выше — о костюмных новшествах Арташира I); во-вторых, новшества, судя по имеющейся скудной информации, можно связать с конкретным шаханшахом — *Перозом* (457–484). В частности, на блюде из Эрмитажа со сценой его охоты на горных баранов (рис. 164) мы впервые видим два таких новых элемента, как вогнутый подол с боковыми разрезами, обшитами, как и край подола, широкой полосой полихромной ткани, и сапоги с треугольным выступом под коленом.

Если эти изменения произошли именно в течение длительного царствования Пероза, то каковы их причины? Ясного ответа на этот вопрос я пока не могу дать. Известно, что, начиная с 70-х годов, это было трудное время для Ирана, так как шаханшаху пришлось столкнуться с новыми восточными кочевниками — эфталитами, правитель которых Вахшунвар перед самым своим воцарением захватил Тохаристан и другие области Западного Туркестана. Все три войны оказались весьма неудачными для персов и в конце концов обернулись трагедией: Пероз погиб со своей семьей сыновьями и на Иран была наложена тяжелая дань. Думаю, костюмные новшества были введены в начале правления шаханшаха — в еще благополучные 60-е годы. Пока нет оснований полагать, что какая-либо часть костюмных новшеств могла быть введена и чуть позже — в начале длительного правления Кавада I (488–531), заключившего на востоке мир с эфталитами и женившегося на их принцессе. М.Г. Майтдинова считает, что костюмные инновации при Перозе (по ее мнению, это «рубаци», имеющие глубокие боковые разрезы, и сапоги с треугольным выступом) являются заимствованием у захвативших часть Западного Туркестана кочевников-эфталитов (Майтдинова 1992а, с. 128). Однако обе эти формы в единичных случаях известны в Иране ранее — в позднепарфянское время, когда самого эфталитского этноса еще не существовало (см. главу 4.2).

3.2. Согдийцы

Одежда этнических согдийцев — жителей района современных Самарканда и Бухары — в раннем средневековье (до арабского завоевания в середине VIII в.) документирована в их родных местах необычайно подробно, разнообразна по облику. Поэтому она представляет большой интерес для мировой истории костюма.

История изучения костюма

²⁸⁹ Э. Пек придает столь большое значение такому новшеству времени Шапура II (309–379), впервые отраженному на блюде из музея Метрополитен (Ghirshman 1962, fig. 254), как одежда с подолом с полуовальным выступом спереди, что даже всю историю сасанидского костюма делит на два периода: до и после его царствования (Pech 1992, p. 749). Ее подход кажется мне недостаточно обоснованным.

Несмотря на очевидно важное место согдийского костюмного комплекса в панораме евразийской одежды раннего средневековья, крупные обобщения по нему до сих пор отсутствуют. Своеобразной историографической традицией с конца 70-х годов стало совместное, компаративное рассмотрение костюма Согда и костюма соседней с ним более южной области — Бактрии/Тохаристана, главным образом по материалам стенных росписей; это, вероятно, связано с тем, что только эти два этнических комплекса (почему-то без учета хорезмийского) считаются для Западного Туркестана наиболее обильно документированными.

Первая попытка такого рода была предпринята этнографом Н.П. Лобачевой (Лобачева 1979), затем (только для *женского* костюма) — Г.М. Майтдиновой в кратких тезисах, статье и недавней книге (Майтдинова 1983; 1987; 2003, с. 206–209, 212–213) и Натали Лапьер в тезисах (Лапьер 1990). Согдийскому материалу посвящена значительная часть статьи И.Б. Бентович о древнем костюме Западного Туркестана (Бентович 1980). Единственная обобщающая статья, *специально* посвященная именно костюму Согда объемом около полутора страниц, написана для «Encyclopaedia Iranica» русско-американским исследователем А.И. Наймарком (Naumark 1992). Авторы названных обобщающих работ по одежде не стремились к сколько-нибудь полному охвату известного к тому времени материала по согдийцам, ограничиваясь серией ярких примеров; при этом критерии отбора материала ими, как правило, не указываются, и они не всегда ясны. Большая специальная публикация автора по согдийскому костюму основана на материалах диссертации (Yatsenko 2006).

Особое место в изучении костюма Согда традиционно занимает характеристика такого крупного аксессуара, как *пояс* (которому, как и другим аксессуарам, в рамках моей работы не уделяется слишком много внимания). Необходимо отметить статью А.М. Беленицкого и В.И. Распоповой о золотых поясах согдийских аристократов (Беленицкий, Распопова 1980), статью и раздел об украшениях наборных поясов В.И. Распоповой (Распопова 1965; 1999, рис. 22–25) и статью И.А. Аржанцевой о поясах на росписях городища Афрасиаб, где наряду с изображенными иностранными послами и тюрьками уделено внимание и поясам собственно этнических согдийцев (Аржанцева 1987).

Источники

Основными источниками по согдийской одежде IV–VIII вв. являются изображения в настенной живописи, терракотовые статуэтки и уплощенные «образки».

Стенная живопись происходит, прежде всего, из жилых комплексов древнего Пенджикента на востоке Согда, где хорошо сохранились первозданные яркие цвета²⁹⁰. Часть обширных материалов знаменитых пенджикентских росписей еще предстоит качественно опубликовать. В гораздо меньшем объеме сохранились росписи с изображениями собственно этнических согдийцев (а не тюрок и не иноземцев²⁹¹) на городище древнего Самарканда — Афрасиабе²⁹² и в столице окраинной согдийской области Уструшана — городе Бунджикате (городище Калаи Кахкаха I) (Негматов 1973; Воронина, Негматов 1975; Oхus 1989, Kat. 88–91; Marshak, Negmatov 1996). Представляют интерес также несколько изображений в загородном дворце правителей Бухары — Варахше (Шишкин 1963). Весьма важны вопросы датировки отдельных живописных композиций, которые не всегда решаются просто, и стилистические особенности отдельных периодов (Беленицкий, Маршак 1979; Azarpay 1981; Mode 1993; Яценко 1995б; Косолапов, Маршак 1999, с. 15–23).

Очень ценна большая серия терракот, происходящих главным образом из древнего Самарканда (городище Афрасиаб) (Мешкерис 1977; 1989). Некоторое количество терракот найдено в районе Бухары (Адылов 1983; Ахраров, Усманова 1990), в Пайкенде, а также в Еркургане.

Интересны также рельефные изображения на поздних керамических вместилищах для очищенных костей умерших — оссуариях из разных районов Согда, датированных VII–VIII вв. (Pavchinskaya 1994, fig. 6, b). Однако для нас важны лишь те из них, которые не являются простой переработкой сасанидских или византийских образцов (Дресвянская 1983; Павчинская 1987; 1990; Pugachenkova 1994). Несколько

²⁹⁰ См.: Живопись 1954; Скульптура 1959; Беленицкий 1973; Belenizki 1980; Древности 1985, № 565–577; Marshak 1990; Marshak, Rasporova 1994; Маршак, Распопова 2000, рис. 84; Marshak 2002; Silvi Antonini 2003.

²⁹¹ Последнее замечание не кажется лишним, так как в местной живописи из-за разнообразия международных связей Согда изображались индийские мифологические и литературные персонажи, реальные китайцы и др. Например, попытка Г.М. Майтдиновой отнести к согдийцам женщин в лодке на живописи из афрасиабского «Зала послов» (Майтдинова 1984, с. 23–24) не кажется убедительной, поскольку основные элементы костюма изображенных находят параллели только в Хотане (Западный Китай) (Яценко 2000б, с. 383).

²⁹² Альбаум 1975; Аржанцева 1987; Mode 1993; Marshak 1994; Kageyama 2002b; Аржанцева, Иневаткина 2003; 2005; Yatsenko 2004с.

весьма важных погрудных изображений правителей находим на согдийских монетах (Смирнова 1981; Zeimal' 1994). Что касается антропоморфных изображений на серебряной посуде, то они в основном датируются уже периодом арабского владычества (Маршак 1971; Marschak 1986). Видимо, согдийцем созданы персонажи на резных деревянных панелях дворца VII–VIII вв. в Куйрыктобе на Сырдарье — к северу от Согда (Байпаков, Терновая 1998), но изображают они, возможно, тюрок.

Письменные источники по костюму согдийцев невелики по объему. Значительный интерес представляют китайские династические хроники «Бэйши» и «Таншу», характеризующие главным образом жителей Самарканда (см.: Бичурин 1950, II, с. 271, 310), а также описания даров согдийских посольств Срединному государству и впечатления от выступлений согдийских танцоров и музыкантов, прибывших в Китай (Шефер 1981, с. 85, 264, 270, 280). Об облике согдийцев периода арабского завоевания сообщают и такие авторы, как ал-Куфи (Kurat 1948), ат-Табари (At-Tabari 1889) и Наршахи (Наршахи 1897).

Из реальных остатков предметов одежды особенно ценны изготовленные из тканей и плетенные из хлопчатобумажных нитей изделия из горного замка правителя Деваштича на горе Муг рубежа VII–VIII вв. (Бентович 1956; Винокурова 1957; Беленицкий, Бентович, Лившиц 1963).

Общие замечания в связи с изучением одежды раннесредневекового Согда

Известная нам одежда раннесредневекового Согда, на мой взгляд, может рассматриваться в рамках двух периодов. Первый из них связан с преобладанием в Западном Туркестане кочевников-эфталитов (V — первая половина VI в.). Второй период связан с политическим преобладанием ранних тюрок (примерно с 565 г. по 40-е годы VIII в.), в правление которых Согд переживал экономический и культурный подъем. Однако второй период *костюмной* истории начался, видимо, отнюдь не сразу после установления тюркского владычества, а лишь полвека спустя, с начала VII в. В это время тюркизация Согда, особенно после реформ западнотюркского кагана Тон-ябгу (618–630), в ходе которых местная знать в покоренных странах получила тюркские титулы и официально включилась в административную систему Каганата, стала вполне явственной. Усилились также связи с Китаем после прихода к власти в 626 г. симпатизировавшей «западным варварам» династии Тан. Таким образом, граница двух периодов поздней «костюмной» истории Согда проходит, на мой взгляд, примерно в 20-х годах VII в.²⁹³

Раннесредневековый Согд — один из выдающихся центров мировой культуры того времени, страна квалифицированных ремесленников, активных на разных трассах Шелкового пути торговцев, знаменитых художников, прославившихся во многих странах Азии танцоров и музыкантов. К сожалению, костюмный материал по Согду документирован крайне неравномерно как в хронологическом отношении, так и географически.

Из многих владений политически раздробленной страны до нас дошел сколько-нибудь обильный материал лишь из единичных пунктов. Наиболее многочисленны изображения, происходящие из маленького, периферийного в тогдашнем Согде города Пенджикента, но прекрасно изученного за многие десятилетия Пенджикентской археологической экспедицией. Почти все они представлены на стенных росписях домовладений богатых горожан и датируются в основном самым поздним периодом жизни города — VII — началом VIII в.²⁹⁴ Не меньше изображений согдийских персонажей документировано в Самарканде (старый Самарканд располагался на городище Афрасиаб), однако здесь обнаружены почти исключительно терракотовые статуэтки (Мешкерис 1989) различных периодов. В области Уструшана на периферии Согда, как и в гораздо более значимой в древности Бухаре, выявлено небольшое количество стенных росписей и терракот с собственно согдийскими персонажами. Большинство наиболее интересных поздних оссуариев с антропоморфными изображениями VII–VIII вв. происходят из южных районов Согда. Не будет

²⁹³ Иная классификация (три этапа) предложена Г.М. Майтдиновой для всей оседлой Средней Азии раннего средневековья (Майтдинова 2003, с. 206, 213). Первый этап (V–VI вв.) она называет эфталитским и считает, что одежда эфталитов распространилась в это время по всему обширному региону (см. раздел 3). Второй этап (конец VI — середина VII в.) связывается ею с сохранением эфталитских форм и распространением тюркской одежды. Третий этап, самый короткий (рубеж VII–VIII вв.), по мнению исследовательницы, не был связан с этническим доминированием и означал прежде всего усложнение кроя, нивелирование национальных особенностей и их синтез. Сама необходимость выделения последнего периода, как и его характеристика, пока не встречается у нас поддержки.

²⁹⁴ К сожалению, многие из замечательных согдийских стенных росписей еще не опубликованы в цвете; некоторые из черно-белых прорисовок явно несовершенны и страдают некоторыми неточностями и схематизмом. Все сомнительные случаи в данной работе не привлекались.

преувеличением сказать, что наши знания о согдийской одежде во многом определяются на сегодняшний день поздними пенджикентскими находками и самаркандскими терракотами с не всегда ясной датировкой. При этом живописных изображений эфталитского времени (V–VI вв.) очень мало, а датировки многих терракот этим временем весьма приблизительны, так что всерьез говорить об *отдельной* детальной характеристике одежды этого периода не приходится (хотя по возможности основные особенности ее описываются ниже).

Спорными в ряде случаев являются согдийская принадлежность элементов одежды эпических персонажей и божеств на согдийских терракотах и росписях (в последних есть явно индийские и сасанидские элементы) и идентификация как собственно согдийских ряда персонажей в «Зале послов» Афрасиаба. Вместе с тем мнение Н. Лапьер о том, что одеяния и богинь и музыкантш с танцовщицами — почти исключительно ритуальные и слабо отражают реальную действительность (Лапьер 1990, с. 52), остается почти не аргументированным и кажется преувеличением.

Как показывает сопоставление согдийских персонажей на терракотах и в живописи, в их одежде нет сколько-нибудь серьезной, принципиальной разницы, поэтому ниже их материалы могут рассматриваться совместно.

Материал одежды

В предарабское время художественное текстильное производство в Согде достигло высокого уровня, и его продукция находила широкий международный сбыт. Одним из ведущих его центров было селение Зандана под Бухарой. Здесь, судя по сообщению Наршахи, производились ткани из хлопка (Бентович 1980, с. 209). В том же пункте изготовлялись и знаменитые шелковые «занданечи». Бухарский текстиль и закройщики были столь знамениты, что вскоре, в IX в. арабские халифы требовали дань из этого города только готовой одеждой (Наршахи 1897, с. 29–30). К VIII в. Согд уже славился и своими полихромными (часто трехцветными: синий/зеленый, красный/розовый, черный/коричневый) шелками, более дешевыми, чем китайские и персидские, сюжеты на которых часто заимствовались из Ирана и Византии (Иерусалимская 1972; 1992, с. 13–14; Орфинская 2001б, с. 13–14; Kageyama 2002a). Г.М. Майтдинова полагает, что все персонажи разных этносов в росписях Афрасиаба одеты именно в шелка согдийского производства с зооморфными мотивами в медальонах и идущими однотипными животными (Майтдинова 1996, с. 58; рис. 30–39); к сожалению, на подобных достоверно согдийских тканях из музейных коллекций (ср.: там же, рис. 50, 52–53, 56, 58–64) рисунок гораздо схематичнее и примитивнее, чем на тех образцах текстиля (видимо, сасанидского), которые великолепно переданы художниками в Афрасиабе. То, что сасанидский Иран был уничтожен примерно за 15 лет до того (Yatsenko 2004), не должно нас смущать: ведь отрезки дорогих шелков и в недавние, описанные этнографами времена (например, у таджиков) скапливались в богатых семьях и одежду из них часто шили многие годы спустя. Немало использовалось и китайских шелков, в частности камчатных («принг / араб. фаринд») (Винокурова 1957; Беленицкий, Бентович, Лившиц 1963).

Вместе с тем даже в одежде правителя наряду с шелком использовались полотняные ткани (Бичурин 1950, II, с. 271). Китайские источники сообщают о поступающих из Согда в качестве даров таких знаменитых в VI–VIII вв. видов местной продукции, как «шерстяная парча» (вероятно, из смеси шелка с шерстью), а также красителей — синего индиго и оранжевого шафрана (Шефер 1981, с. 264, 270, 280). Однако основным материалом одежды большинства населения, судя по находкам в замке на горе Муг, были довольно грубые неокрашенные хлопчатобумажные ткани полотняного переплетения и без орнамента; известен и комбинированный хлопково-шелковый текстиль (Винокурова 1957, с. 17–20).

Распашная одежда

Она носилась реже нераспашной. Вместе с тем на женских персонажах согдийских терракот верхней одеждой была именно распашная. К сожалению, не во всех случаях можно уверенно отличить наглухо застегнутый кафтан от нераспашной одежды с вертикальной полосой декора. Например, об одежде пирующих «купцов» в росписи помещения XVI/10 с вертикальной полосой отделки (Беленицкий 1973, табл. 19; Лобачева 1979, рис. 1, 1–2) (ср.: рис. 181, 43, 48) этнограф Н.П. Лобачева пишет, что ее «мы без колебания можем отнести к распашной» (Лобачева 1979, с. 21), а я также без колебаний (опираясь на детализированные изображения не только Согда, но и других ираноязычных стран того времени), напротив, считаю *нераспашной*.

Мужская распашная одежда

Длина верхней одежды этого типа была весьма разной: от очень короткой, встречаемой крайне редко (до верхней или нижней части бедер) (рис. 180, 21; 181, 57), до весьма длинной — до щиколоток (поздний период: рис. 181, 38; Marshak 1990, fig. 23, 29). Однако наиболее обычная ее длина — до колен (рис. 180, 19, 23–24; 181, 35, 39, 41–42, 51, 87) или чуть ниже (рис. 181, 37, 38).

Подол обычно имел горизонтальный край. Изредка у пришивного складчатого подола был фестончатый край (рис. 180, 21). У знатного пленника на росписи помещения VI/13 в Пенджикенте²⁹⁵ сзади на подоле был треугольный вырез (рис. 181, 57). Кафтан юноши из помещения III/7 имеет округленные нижние концы бортов (рис. 181, 41), что отражает древнейшую согдийскую традицию (так изображали за тысячу лет до того, на рубеже VI–V вв. до н.э., кафтаны согдийцев — данников Ахеменидов: Горелик 1985, табл. II, 3).

Ворот по оформлению также был разнообразен, отражая различные традиции и влияния. Иногда ткань в соответствии с древнейшей традицией скашивалась у ворота (рис. 180, 19–20; 181, 35). Спецификой одежды юношей в VII–VIII вв. был иногда кафтан с одним лацканом, чаще с правым, в одном случае — с узким левым (рис. 181, 44).

В тот же период встречается и ворот с двумя лацканами, его обычно носили взрослые мужчины (рис. 180, 22; рис. 181, 45, 47).

Рукава чаще всего имели длину до запястий и были довольно узкими. При этом в позднее время они порой имели высокую манжету (рис. 181, 39, 42, 45, 47). Иногда они были длиннее и собирались у запястий узким отворотом, образуя складки (рис. 180, 19, 25; 181, 44). С VI в. известны и очень короткие рукава (рис. 181, 35–36; иногда их край косо срезан — рис. 181, 49, 59) или доходящие до локтей (рис. 181, 41).

Женская распашная одежда

Длина ее также различна: это и короткие кафтаны до низа таза (рис. 180, 37, 39), и халаты до щиколоток (их И.Б. Бентович называет «плащ-накидка») (рис. 182, 17, 21–22). Короткие кафтаны на различных терракотах имеют округленные нижние концы бортов (рис. 180, 37–39; ср. у мужчин: рис. 181, 41), что отражает древнейшую согдийскую традицию.

У кафтанов ткань обычно скашивалась у ворота (рис. 180, 36–37), у халатов в позднее время видим два лацкана в соответствии с тюркскими традициями (рис. 182, 17–18), а у длинного халата танцовщицы с оссуария в Ак-Кургане — оригинальный маленький левый лацкан (рис. 182, 21). Рукава женской нераспашной одежды всегда длинные и узкие.

Мужская нераспашная одежда

Такую одежду иногда именуют «нераспашным кафтаном» (Бентович 1980, с. 200). Длина ее бывала весьма различной. На изображениях богов могла быть короткой — чуть ниже таза (рис. 181, 49, 65). Известны также экземпляры с подолом выше колен (рис. 181, 50, 57, 59), но чаще всего он доходил до колен (рис. 180, 23–24; рис. 181, 40–42, 48–49, 51, 60, 65). Гораздо реже у царственных персон отмечен подол ниже колен (рис. 181, 54, 56). Наконец, использовались и одеяния длиной до щиколоток (рис. 181, 56а, 60, 62а, 64); в Уструшане у персонажа, стоящего слева от «римской волчицы», видим подол с 12 клиновидными выступами по периметру (см. в главах 1–2 о подобных клиновидных выступах, число которых всегда кратно трем), пришивной подол украшен горизонтальными полосами крупного зигзага (Немгатов 1973, рис. 15, персонаж 6), но, возможно, в реальности он не бытовал в Согде.

С VI в. н.э. подол часто по сасанидской традиции имел боковые разрезы, которые вместе с краем подола обшивались широкой полосой декора (рис. 180, 24; 181, 48, 50, 62–62а, 64), однако при этом подол был достаточно узким, т.е. не был «вздутым», как в Иране. Считается, что он удобен в сидячем положении, чтобы прикрывать ноги (Бентович 1980, с. 198). В одном случае документирован заметно расширяющийся книзу подол с тремя разрезами спереди (рис. 180, 23). Иногда на поздних изображениях богов поверх одежды с «сасанидским» подолом с разрезами носилась короткая (до таза или несколько ниже их) парадная

²⁹⁵ Если ниже указывается номер помещения без указания пункта находки, речь идет о Пенджикенте.

рубаша с рукавами (ниже локтей) и подолом, край которого оформлялся рядом полукруглых вырезов или, наоборот, выступов (рис. 181, 64).

Ворот обычно был горизонтальный и достаточно узкий, обшивался полоской ткани другого цвета. Известен и широкий ворот с широкой же полосой отделки по краю (рис. 181, 12, 42–43); в раннее время он иногда стягивался у левого плеча двумя короткими ленточками-завязками (рис. 181, 45). Известен и ворот с вырезом, чаще треугольным, иногда довольно глубоким (рис. 180, 25; 181, 63) или в виде удлиненного полуовала (оплакиваемый юный бог: рис. 181, 58). Невысокий стоячий ворот документирован лишь в одном случае у эпического героя в помещении III/17 (рис. 181, 60).

Рукава рассматриваемых одежд обычно узкие и длинные (до запястий); лишь в одном случае они явно длиннее и собраны у запястья (рис. 181, 52). Вместе с тем в ранний период у аристократии и богов документированы короткие рукава верхних коротких же рубаш, скошенные наружу (рис. 181, 49, 59); носившиеся под такими рубашами более длинные одежды имели также скошенный край (овальный выступ, закрывавший запястье) (рис. 181, 49, 59, 61). Если носились две нераспашные одежды, то рукава нижней часто были более узкие и длиннее (до запястий) (рис. 181, 36, 41, 64).

Женская нераспашная одежда

Она была в тот период явно преобладающей. Основным видом ее было платье (обычно до пят), которое часто дополнялось верхними короткой (до низа бедер) рубашкой, распашным халатом (носившимся внакидку у знатных дам) или кафтаном (застегнутым почти доверху). Короткое (чуть ниже колен, иногда даже немного выше их) платье носилось как верхняя одежда в комплекте с шароварами (росписи восточного двора храма II в Пенджикенте и музыкантша на оссуарии из Канки: рис. 182, 28, 40). У танцовщицы с оружием из помещения VI/55 (рис. 182, 19) и у богинь (рис. 180, 38–39; 182, 23) под парадной рубашой или кафтаном надето платье до пят, край подола которого на сасанидский манер оформлен воланом или рядом оборок; то же видим у танцовщицы (?) из помещения VI/42. Две другие музыкантши в той же сцене одеты в длинное, до пят, расширяющееся книзу платье на кокетке (рис. 182, 27а). Характерно, что подобные, редкие формы плечевой одежды встречены именно у музыкантш и танцовщиц.

Ворот верхних коротких рубаш был с треугольным вырезом (рис. 182, 24); эта традиция сохранилась на бывших землях согдийцев до XX в. в женских рубашках «пешьяла» (ср.: Писарчик 1979, рис. 1). Ворот платьев обычно горизонтальный и довольно узкий (рис. 182, 28). Однако известны образцы с удлиненным овальным вырезом (девушка: рис. 182, 25) и (в VI в.) на бретельках с очень широким открытым воротом (плакальщица в храме II: рис. 182, 32). Рукава верхних коротких рубашек были также очень короткие (рис. 182, 19, 24, 27). У платьев они почти всегда узкие, длиной до запястий. Лишь на платьях, носившихся знатными адорантками под халатами, выглядят рукава заметно шире обычных (рис. 182, 17–18). У согдийской девушки в «индийской» сцене из помещения VI/41 документирован невысокий стоячий ворот, как и у мужчин.

Плащи-накидки

Собственно плащи, скрепленные в верхней части груди, известны только у мужчин. Такой плащ с брошью, имеющей круглый щиток, виден у музыканта на одной из терракот (рис. 180, 26), у бога на троне (Marshak, Rasporova 1994, fig. 13, 16) и у адоранта в помещении II/5 (рис. 181, 65в); в последнем случае он черного цвета и достигает колен. Другой плащ такой же длины представлен в VI в. у бога из храма II (ibid., fig. 4) (рис. 181, 65а). По верхнему краю он имеет широкую плотную (кожаную?) ленту, концы которой соединены дисковидной застежкой с подвесным диском.

На изображениях царя, жреца и богини (рис. 181, 65б; 182, 34) видим оригинальную накидку длиной примерно до низа таза из пестрой ткани. Ее концы не соединялись на груди, а держались ниже плеч за счет особых массивных золотых или золоченых шаровидных или дисковидных утяжелителей на концах, завершающихся маленькими цветочными бутончиками или шариками (рис. 184).

Кроме того, женщины носили длинные шали, накинутые на оба плеча или только через левое плечо (Бентович 1980, с. 208).

Наплечные украшения

У согдийцев они известны обычно у женских персонажей. У царственной девы-всадницы в эпической сцене из помещения III/17 видим «мужскую» кушанскую крестовидную пелерину с заостренными выступами (рис. 182, 35). Та же пелерина, стилизованная в виде бутона, изображена еще у одной молодой женщины (там же, рис. 46). У богини в эпической сцене помещения VI/41 изображены нашитые наплечные медальоны сасанидского типа, но не с обычной для Ирана розеткой или погрудным изображением внутри, а сделанные из шелка с медальоном из перлов (рис. 182, 31). Такие наплечные медальоны сплошь из золотой парчи реально представлены в лицевой повязке у жреца в «Зале послов» Афрасиаба (персонаж 11 южной стены) (Альбаум 1975, табл. XXVII; исследователь явно принял этот медальон за султанчик на голове лошади, которую этот мужчина ведет сзади; ср. реконструкцию: там же, рис. 12, № 11).

Мужские головные уборы

Представлены восемью типами.

Тип 1. Судя по изображениям, очень популярным видом уборов был довольно высокий войлочный конусовидный колпак (рис. 180, 2–4, 6; 181, 3–6a). Его носили юноши и молодые мужчины. Иногда, например у простолюдина-работника, колпак лишен декора (рис. 181, 6a). У колпака был довольно узкий околыш, который иногда имел разрез спереди (рис. 181, 5). Иногда он скреплялся по нижнему краю узким несплошным обручем, концы которого сходились надо лбом (рис. 181, 3) или сзади (рис. 181, 5a). На изображении юноши из помещения XXI/1 в эпизодах из басен Эзопа (рис. 181, 4) колпак, похоже, длиннее обычного и его нижний край завернут в наружную сторону, при этом он образует очень широкий околыш (позже у этнически родственных памирцев подобный шерстяной колпак-паколь подворачивался зимой несколько раз: Сухарева 1954, с. 325). У участников ритуального пира в околыш колпака могли вставляться зеленые веточки миндаля (рис. 181, 3).

Тип 2. Колпак с округлым верхом. Изображен у старика (рис. 180, 6). Он тоже имеет узкий околыш и скреплен по нижнему краю обручем.

Тип 3. Войлочные шляпы. Они имели высокую тулью и широкие, опущенные книзу поля (рис. 180, 7). Правитель Самарканда в VII–VIII вв. носил шляпу, украшенную золотом и драгоценными камнями (Бичурин 1950, II, с. 310).

Тип 4. Полусферические маленькие шапочки. Известны пока лишь на терракотах и богато декорированы (рис. 180, 10–11).

Тип 5. Оригинальный убор белого цвета с полусферическим основанием (имеющим с боков разрезы) и чуть наклоненным назад узким и длинным заостренным верхом у одного из пирующих (рис. 181, 9) отнюдь не обязательно считать стальным шлемом причудливой формы.

Тип 6. Береты, богато декорированные по верхнему краю, известны только на терракотах (рис. 180, 9).

Тип 7. Чалма тюркского облика, довольно просто повязанная, известна в поздний период на изображении всадника-согдийца (рис. 181, 1).

Тип 8. На одной из терракот юноша представлен в очень оригинальной низкой шапочке с двумя «рожками» по бокам и шариком на макушке, с выступами в виде трилистника на ушах и двумя узкими лентами, свисавшими сзади (рис. 180, 8). Однако я не убежден, что этот убор реально носился в Согде.

Женские головные уборы

Типы их в целом соответствуют мужским, но имеют иные пропорции и систему декора.

Тип 1. Невысокий конический колпак у богини на изображении VI в. имеет фестончатый край и сопровождается довольно длинным покрывалом (рис. 182, 2).

Тип 2. Войлочные шляпы. Женский образец отличается от мужского тем, что у него не прогнута тулья и не опущены поля (рис. 180, 33).

Тип 3. Полусферическая шапочка. Она обшита полихромной тканью с крупными медальонами (рис. 180, 32).

Тип 4. Береты. Известный экземпляр имеет более высокое основание, чем мужские (рис. 180, 34).

Тип 5. Чалма. Женский ее образец, изображенный у девы-богини Луны, повязан достаточно сложным способом, однако совсем иначе, чем у женщин предшествовавшего кушанского времени (рис. 182, 1).

Типы 6–7. Пожалуй, единственным видом убора, не имеющим аналогов у мужчин, являются небольшие платки из черной ткани, закрывающие узел прически. Знатные женщины в позднее время, по данным «Бэйши» и «Таншу», украшали эту ткань золотыми цветами (Бичурин 1950, II, с. 271, 310). Такой

платок видим у девушки-всадницы в эпической сцене из помещения III/17 (рис. 182, 8). Другой, очень изящный тип для покрытия головы — ажурные сеточки из хлопчатобумажных нитей, скрывавшие целиком волосы и верхнюю часть кос, найденные в замке на горе Муг (Бентович 1956; Древности 1975, с. 243, № 590) (рис. 182, 3).

Кроме указанных типов известны различные виды трезубых (см., например: рис. 180, 30–31) и иных корон, которые специально мною не рассматриваются.

Начельные украшения

Диадемы в Согде носили и мужчины и женщины. Мужские диадемы повязывались сзади; при этом свисавшие концы были иногда довольно длинными (рис. 181, 12–13). В одном случае диадема повязана сзади крупным бантом еще в позднепарфянском духе (рис. 181, 2). У воинов, судя по сведениям ат-Табари, в некоторых случаях они делались из зеленого шелка (Бентович 1980, с. 209). Оригинальна повязка с рядом воткнутых перьев (рис. 180, 12), напоминающая древнейшие месопотамские образцы. В центре повязки могла крепиться золотая круглая бляшка с ободком (рис. 180, 13) (ср.: в соседнем горном Чаче у главного посла в «Зале послов» Афрасиаба: Альбаум 1975, рис. 7, персонаж 22). В Уструшане (Калаи Кахкаха I) повязка украшена группами из трех крестиков (рис. 181, 16a). У юношей повязка часто не имеет особого декора (рис. 180, 14; 181, 13). Правитель Самарканда на рубеже VI–VII вв., судя по данным «Бэйши», носил золотую диадему со вставками семи драгоценных камней (Бичурин 1950, II, с. 271).

У женщин разного социального положения узкая повязка часто шилась из дорогой ткани и лишена декора (рис. 182, 5a, 16). На одной из терракот низко на лбу крепится лента с тремя медальонами (рис. 180, 35).

Штаны (шаровары)

Мужские штаны обычно средней ширины; изредка встречаются и узкие (рис. 181, 78). Лишь у бога в росписи «дома с зернохранилищем» изображены сасанидские царские «двойные» шаровары с «воздушным мешком» сзади (рис. 181, 65), но в реальности согдийцы их, видимо, не носили. К сожалению, штаны обычно лишь немного выглядывают из-под подола плечевой одежды. Большой интерес в связи с этим представляют изображения полуобнаженных тел умерших воинов в помещении XXI/1 и борцов в помещении XVII/14 (Бентович 1980, рис. 3, ж) (рис. 181, 75–76). Штанины у них закатаны чуть выше колен. Штанины и верх всегда кроились из разных тканей (обычно мы видим именно нижний край штанин со сложным декором (часто из пестрых тканей). У акробатов видим очень короткую поясную одежду вроде облегающих шортов (рис. 181, 77). Вряд ли это специальная «спортивная форма» (ср.: там же, с. 209): аналогичные, несколько более свободные короткие штаны были у одного из убитых воинов в батальной сцене помещения XXI/1 (Беленицкий 1973, табл. 32). В одной набедренной повязке согдийцы ни при каких обстоятельствах не изображались: это явно считалось крайне неприличным.

Интересной конструктивной особенностью женских штанов было то, что идущий спереди шов штанин по нижнему краю не сшивался, образуя небольшой треугольный вырез (рис. 180, 40; 182, 42). Из-за этой детали кроя Г.М. Майтдинова даже предложила выделить особый, второй тип согдийских штанов (Майтдинова 1983, с. 52).

Пояса

Мужские пояса представляли собой обычно или матерчатые кушаки, или кожаные черные наборные пояса с рядом однотипных металлических бляшек-накладок. Последние неоднократно описывались в литературе (см. выше историографию).

Кушаки (их носили и жрецы) повязывались на животе узлами различных типов, концы немного свисали; они имели бахрому, которая обычно передается схематично (рис. 181, 74). На терракотовых фигурках божества, известных с VI в., кушак повязан священным «узлом Геракла» (прямым морским) (рис. 180, 28). На изображениях богов с VI в. из помещения II/6 и в «доме с зернохранилищем» видим пояс сасанидского облика с двумя дисковидными застежками, в отверстия которых продеты две широкие ленты яркой (красной) ткани (рис. 181, 65); в реальном бытовании таких поясов в Согде я сомневаюсь.

Наборные кожаные пояса обычно средней ширины; они явно застегивались не на животе, где следов их крепления нет, а на боку. Накладки на изображениях чаще всего были золотыми или бронзовыми позолоченными, с ободком во всю ширину ремня, и обычно имели с рубежа V–VI вв. (рис. 181, 71) форму удлиненных прямоугольников (рис. 181, 43, 62, 67–68; Негматов 1973, рис. 13). Известны также и квадрат-

ные бляшки (рис. 180, 27; 181, 68a), круглые разных размеров (Варахша: рис. 181, 53), в форме золотых четырехлепестковых розеток с белой жемчужиной (?) в центре (рис. 181, 72), у царя и аристократов сочетались бляшки двух разных форм с инкрустацией (квадратные и треугольные: рис. 181, 66; квадратные и овальные: Беленицкий, Распопова 1980, рис. 4). На изображениях сидящих божеств представлены и пояса со сплошным рядом круглых блях с ободком из жемчужин бактрийско-тохаристанского происхождения (Варахша: Шишкин 1963, табл. XIV; схематично на терракотах — рис. 180, 19–20) (ср.: изображения бодхисаттв II в. н.э. в кушанской Бактрии из комплекса Дт-25 в Дальверзин-тепе, где такой пояс был не наборным кожаным, а состоял из соединенных мелких золотых медальонов: Turgunov 1992, fig. 9–10); их реальное бытование в Согде весьма сомнительно.

С установлением политического господства тюрок с середины VI в. возникла традиция чередовать на наборных поясах крупные круглые бляхи с ободком с двумя–четырьмя мелкими полусферическими бляшками (согдиец-священнослужитель, ведущий дарственных лошадей, — персонаж № 11 южной стены в «Зале послов» Афрасиаба). Теперь на поясе иногда просто размещался ряд мелких полусферических бляшек (адорант: рис. 181, 69). Кроме того, на поясе появились характерные для тюрок дополнительные короткие подвесные ремни для крепления различных аксессуаров. Подобные пояса тюркского облика в согдийском искусстве изображаются редко (рис. 181, 69), но, судя по частым археологическим находкам их наклеек (см. прежде всего в Пенджикенте: Распопова 1999, рис. 22–26), в реальной действительности картина была иной.

Кроме того, лица из сословия аристократов (дихканов), входившие в свиту правителя, еще в первой половине VIII в. носили, по древней персидской традиции, *целиком золотые* пояса (Наршахи 1897, с. 15; Беленицкий, Распопова 1980, с. 213), отдельные элементы которых, соединенные шарнирами и цепочками, инкрустировались драгоценными камнями; судя по одному изображению в Афрасиабе (Альбаум 1975, табл. V), последние были синего и белого цветов, т.е. могли быть любимыми в Согде лазуритом и крупным жемчугом.

Женские пояса на изображениях обычно представляют собой узкую ленту, видимо из ткани. Девушки изредка могли носить наборный пояс с квадратными золочеными (?) бляшками (помещение VI/41: Беленицкий 1973, табл. 16). У богини на изображении VI в. из помещения II/5 (рис. 182, 37) черный матерчатый пояс также обшит квадратными золотыми бляшками, но расположенными более редко; между ними в три яруса располагались нашитые жемчужины.

Мужская обувь

Наиболее редким ее типом были туфли с треугольными вырезами с боков (это, видимо, означало, что они кроились целиком из одного куска, с отдельным округлым язычком) (рис. 181, 79).

Другой тип — полусапожки, в которые иногда заправлялись штаны (последние чаще носились навыпуск). У знатных лиц они имели подчас вывернутую наружу полосу по верхнему краю, в том числе с фестончатым свисающим выступом-лентой (рис. 181, 85a). На северной стене помещения IV в шахристане полусапожки в нескольких случаях имеют необычайно длинные заостренные носки (рис. 181, 85a–в). Такая обувь на одной росписи в Джартепа крепится шнурком вокруг лодыжек; с верхнего края спереди свисает бахрома другого шнурка (Бердимуратов, Самибаев 1999, рис. 131). Иногда кончик носка полосатый (рис. 181, 97).

Популярной обувью были высокие сапоги, почти до колен, с острыми носками, верхний край которых мог быть горизонтальным или же, по позднесасанидской традиции, иметь треугольный выступ и иногда стягиваться у щиколоток лентой с бантом (рис. 181, 91). Штаны, видимо, всегда заправлялись в них. Среди приношений в священной пещере Кухи Сурх (рис. 181, 88) сохранился подлинный образец такого сапога из тонкой, окрашенной в коричневый цвет кожи с тисненым декором.

Женская обувь

Роскошные сандалии богини из помещения II/5 VI в. из черной кожи, обшитые рядом жемчужин и скрепленные у подъема стопы бантом (Беленицкий 1973, табл. 1), возможно, не имеют отношения к реальным согдийским образцам. Вместе с тем, по данным Наршахи, одни только обувь и чулки царицы Бухары, расшитые золотом и усеянные дорогими камнями, в 676 г. арабы оценили в 200 тысяч дирхемов (Naymark 1992, p. 757). Основным типом обуви, видимо, были полусапожки (рис. 180, 40; 182, 42). В одном случае у танцовщицы на оссуарии из Канки видим высокие сапоги (рис. 182, 40).

Мужские прически

Они документированы на большом числе изображений и весьма разнообразны. Преобладала короткая стрижка без пробора, лицо обычно брилось. Бороды (обычно клиновидные: рис. 180, 6; 181, 15–16) носились редко зрелыми и пожилыми мужчинами. Усы известны узкие, различного вида, обычно короткие (рис. 180, 6, 15, 17; 181, 34), изредка — закрученные вверх (рис. 181, 31) или длинные вислые (рис. 181, 25).

Прически без прямого пробора с волосами, ровно подстриженными на уровне лба, а от ушей спускающимися ниже. Очень часто при стрижке оставлялись острые клинышки у ушей (рис. 181, 23, 25). Юноши и молодые мужчины в позднее время носили также по очень тонкой, подчас весьма длинной пряди у висков (рис. 181, 7, 21). Изредка волосы целиком завивались (жрец: рис. 181, 19; божество — рис. 180, 16) либо подвигались с боков (рис. 181, 15) или по всему нижнему краю (рис. 180, 15). Очень короткая стрижка встречена редко и известна у юношей (рис. 180, 16; 181, 6а, 23, 33), в ряде случаев у правителей (рис. 181, 20, 32) и в одном — у босого адоранта перед богиней (рис. 181, 34) (у него необычная короткая стрижка «в кружок», возможно связанная с каким-то обетом). Иногда надо лбом выступает небольшой острый локон (рис. 181, 21). Более длинные волосы, слегка завитые по краям или без завитки, носились юношами (рис. 180, 3, 18; рис. 181, 18, 22). Прически без пробора иногда сопровождались несколькими тонкими, но длинными косами (рис. 181, 7, 13, 30). Кос было шесть, четыре или две. У всадника из Варахши при очень коротких волосах изображены сзади две очень короткие косички в цилиндрических футлярчиках (Шишкин 1963, табл. XVIII). Вероятно, две подобные же миниатюрные косички, но без футлярчиков, носил молодой священнослужитель, погоняющий священных гусей, в «Зале послов» (Альбаум 1975, табл. XXV). Косы на тюркский манер носил к началу VII в., по данным «Бэйши», и правитель Самарканда (Бичурин 1950, II, с. 271); возможно, это было следствием господства тюрков (ср. примерно в это же время, в 590 г., давление восточных тюрков на правителя Турфана Кан Боя с целью внедрить тюркские мужские халаты и прически с косами: Яценко 2000б, с. 361, 363). Прическа молодых мужчин с одной короткой косой известна на серебряной статуэтке из Джартепа и на бронзовой из Калаи-Нофин (Бердимурадов, Самибаев 1999, рис. 77, 81).

Иногда на макушке волосы собирались в небольшой узелок (рис. 181, 17). Для позднего времени характерно украшение волос юношей и молодых мужчин следующим оригинальным способом: прядь волос вставлялась в золотую (золоченую) трубочку, сужающуюся кверху. В ряде случаев такая трубочка была глухой и могла завершаться небольшим шариком (рис. 181, 7), но чаще трубочка была сквозной, и прядь немного свисала с ее верхнего края (рис. 181, 10–10а). При этом такая прическа иногда скреплялась головной повязкой и сопровождалась короткой челкой, которая могла идти поверх повязки (рис. 181, 10а), или пропускаться под нее (роспись в помещении IV шахристана). Аналогичные прически, как уже отмечалось в главе 1, бытовали у ираноязычных кочевников Евразии еще в ахеменидо-скифскую эпоху (ранние скифы, пазырыкцы). Такую прическу с трубочкой исследователи часто явно ошибочно считают изображением какого-то оригинального боевого шлема, не замечая ни тщательно переданной фактуры расчесанных волос, ни даже свисающей поверх повязки челки.

Прически с прямым пробором встречаются редко. При этом у юношей и у жреца на изображениях волосы длинные, до плеч (рис. 181, 22, 26); они также сопровождались острыми клинышками у ушей. В Уструшане известна также совсем короткая стрижка (рис. 181, 16а) или же длинные волосы собраны в сложный узел на макушке (рис. 181, 16б). Еще в одном случае у юноши по бокам волосы завиты на концах (рис. 181, 20).

Женские прически

Девушки и молодые женщины обычно носили косы; в VI в. и отчасти позже — две косы с прямым пробором. У богини в помещении II/5 они короткие и заканчиваются прямоугольными футлярчиками с рядом подвесок (рис. 182, 15); у богинь на одной из терракот косы, видимо, перевязаны лентами (рис. 180, 33), а на другой в них вплетены бусины или жемчужины (рис. 180, 32). Танцовщица на оссуарии из Ак-Кургана носит длинные косы, при этом на затылке к волосам булавкой (?) крепилась длинная развешивающаяся лента, которая напоминает позднесасанидские бретельки у платьев (рис. 182, 9)²⁹⁶. У богини Луны концы лент имеют расширения, а надо лбом видим два маленьких завитых локона (рис. 182, 1). У плакальщицы из храма II косы как будто распущены.

²⁹⁶ А.И. Наймарк считает свисающие по сторонам концы этой ленты еще двумя косами необычного облика (Naymark 1992, p. 754).

В VI в. уже отмечено и ношение девушками и молодыми женщинами четырех кос разной длины. В одной из могил сельского некрополя Наврузшах найдены украшения четырех наконечников (в каждом была бусина из граната и низка из восьми жемчужин) (Якубов 1993; Майтдинова 2003, с. 127). В поздний период ношение четырех кос преобладало и в них также мог вплетаться ряд белых бус или жемчуга (рис. 182, 12). Длинные тонкие косы видим у девы-воительницы (рис. 182, 10), есть и более короткие образцы (рис. 182, 8). В комплексе XVI/A представлена прическа с двумя длинными и двумя короткими косами (рис. 182, 4); в комплексе VI/41 сочетались четыре длинных косы и две коротких с утолщением на концах (рис. 182, 7). Такой обычай известен в Западном Туркестане с эпохи бронзы до этнографической современности (Сухарева 1954, с. 313). В обоих последних случаях косы дополнялись пучком волос на макушке, украшенным либо бантом в сасанидском духе (рис. 182, 4), либо композицией из крупных золотых (?) цветов (рис. 182, 7) или невысоким белым трубчатым конусом. Это примерно соответствует упоминавшейся информации «Бэйши» и «Таншу» о том, что жена правителя Самарканда и другие знатные женщины собирали волосы в пучок, который покрывался черной тканью, украшенной золотыми цветами.

Известны и более короткие прически, когда волосы достигали затылка, при этом они не имели пробора и иногда скреплялись головными повязками (рис. 182, 5а, 16). Волосы также зачесывались назад (рис. 182, 6), подстригались сзади на уровне затылка (рис. 182, 16), концы их подвивались по краям (рис. 182, 5а). В одном случае с висков спускались два тончайших прямых локона (рис. 182, 11).

Косметика и татуировка

О них мы почти не имеем сведений. Лишь у богини Луны в предарабское время (рис. 182, 1) на лбу нарисована крупная черная точка. Мужская татуировка представлена на лице персонажа одной из поздних терракот (Мешкерис 1977, рис. 10, 2). На каждой щеке прочерчены по три коротких вертикальных полосы (это очень древний рисунок татуировки, описанный в главах 1 и 2 и характерный для позднескифского и раннесарматского времени (перстень из Иссыка в Семиречье, сарматские фалары из Балаклеи).

Крой

Вероятно, справедливо мнение И.Б. Бентович и Н.П. Лобачевой о том, что господствовал туникообразный крой без плечевого шва (Лобачева 1979, с. 46; Бентович 1980, с. 198, 211). Кафтаны изредка были стегаными, как у музыкантов и танцовщиц на позднем оссуарии из Ак-Кургана (рис. 181, 38; рис. 182, 21). Они могли иметь пришивной складчатый подол (рис. 180, 2). Ткань на ранних образцах часто скашивалась у ворота, иногда у нижнего края бортов (рис. 180, 37–38; 181, 41).

Нераспашная одежда с боковыми разрезами, по мнению Н.П. Лобачевой, кроилась с помощью раскошенных боковин, пришитых к прямому стану (Лобачева 1979, с. 21). В V–VI вв. у мужчин бытовал пришивной подол нераспашной одежды, украшенный двумя вертикальными полосами (рис. 181, 50, 59); у женщин (богинь) он выделен декором на парадных рубашках (рис. 182, 24, 29). Пришивной на талии подол видим у жреца (рис. 181, 52). Широкий подол часто имел боковые разрезы разной длины, иногда дополняемые разрезом в центре (рис. 180, 23). В Бухарском Согде (Варахша) документируется мужская нераспашная одежда на кокетке (рис. 181, 53). У девушек-музыкантш известно длинное платье на кокетке, сильно расширяющееся книзу клиньями (рис. 182, 27а). Штаны мужчин и женщин были сравнительно узкими и кроились по сходной схеме. Шов женских штанов спереди иногда не сшивался в самом низу, оставляя треугольный вырез.

У полусапожек бывают выделены шов, разделяющий голенище и головку (рис. 181, 84–85), носок от подошвы и особым квадратиком отмечена пятка (рис. 181, 85б). На изображениях высоких сапог подчеркивались вертикальный боковой шов на голенище (рис. 181, 87–88, 90), шов, отделяющий голенище от головки (рис. 181, 86, 92, 96) и изредка — шов подошвы (рис. 181, 96).

Манера ношения

Полы мужских кафтаны крепились по-разному. Часто они застегнуты, но не до самого верха, иногда же, напротив, только в самом верхе (танцор: рис. 181, 38) или держатся только поясом (рис. 180, 19–20; 181, 41). Довольно часто они также запахнуты налево (обычно неглубоко — на ширину отделки бортов) (рис. 180, 21; 181, 35–36, 38, 44, 47, 51). Впрочем, крайне редко известен и «противоестественный» запах кафтана направо (воин из помещения VI/1 в Пенджикенте). У сидящего персонажа он изредка бывает

распахнут (рис. 181, 39). Работник мог подвязывать правую полу длинного кафтана к поясу, чтобы не мешала (Marshak 1990, fig. 23); сидящий мог спустить его с левого плеча (помещение VI/13: Беленицкий 1973, рис. на с. 25, верхний ярус).

Женская распашная одежда зачастую носилась застегнутой в средней части (на терракотах при этом отсутствует пояс) (рис. 182, 21, 37–39) или внакидку (халаты: рис. 182, 17–18). Запахивались только длинные халаты: обычный вариант — налево (рис. 182, 20), а у знатной адорантки из помещения VII/24 в Пенджикенте он неглубоко запахнут направо (рис. 182, 17). У танцовщицы на оссуарии из Ак-Курга-на очень длинный халат, застегнутый только на груди, в танце открывает тело до уровня гениталий (Rugachenkova 1994, fig. 4 b)²⁹⁷.

У мужчин рукава нераспашной одежды изредка закатаны чуть выше локтя (помещение VII/11) (Bel-enizki 1980, Taf. 61). У жреца в одном случае немного закатан край рукавов (рис. 181, 46). У бегущего егеря-простолюдина в помещении VI/41 (Беленицкий 1973, рис. на с. 27) верхняя одежда снята и закреплена на бедрах, а рукава вверху заткнуты за пояс.

Штаны у мужчин и женщин при низких полусапожках чаще всего носились навыпуск, а при ношении высоких сапог заправлялись в них. Впрочем, изредка мужские штаны заправлялись даже в низкие туфли (воины из помещения VI/1: рис. 181, 79) или крепились поверх них штрипкой (рис. 181, 80). У знатного адоранта при поклонении божеству пояс-кушак развязан, и концы его свисают на бедрах (что делалось, судя по этнографическим материалам, лишь в исключительных случаях, так как считалось опасным для жизни хозяина пояса: см. главу 4.3).

Цветовая гамма

Как правило, основная цветовая гамма одежды была трехцветной (например, у пленника на росписи из помещения VI/13 верхняя плечевая одежда темно-красная, нижняя — синяя, штаны — желтые). В полихромных шелковых одеяниях (с включением тканей с медальонами из перлов) у предполагаемых этнических согдийцев в Афрасиабе сочетаются белый, красный и синий цвета при преобладании белого (Альбаум 1975, табл. XIX). (Трехцветным, но иным, был и декор согдийских тканей VIII–IX вв., найденных в кавказской Алании: Орфинская 2001а, с. 104.) Лишь изредка (например, у бухарского правителя в Варахше: Шишкин 1963, табл. XIV; в помещении VI/13) одежда практически одноцветная (желтая). Фон плечевой, поясной одежды и обуви (как у персонажей росписей помещения VI/41 или согдийцев-переводчиков № 7 и 20 на западной стене «Зала послов» Афрасиаба) — белый, с каймой из золотой парчи (?) (Беленицкий 1973, табл. 15–17). Важную роль в общей цветовой гамме одежды играла кайма из дорогого полихромного импортного шелка с цветочным орнаментом или медальонами из перлов (последние часто были белые с красным ободком).

Основной цветовой фон мужской плечевой одежды был красный с белой или желтой каймой (рис. 181, 57; Живопись 1954, табл. XVI; помещения VI/1, VI/41 и VII/13, XVI/10, XXI/1 в Пенджикенте), розовый (рис. 181, 44; Живопись 1954, табл. XVI), желтый с красной каймой или только с красными обшлагами и серыми бортами (рис. 181, 39; Беленицкий 1973, табл. 11, 19; Древности 1985, № 575), черный, в том числе с желтой каймой (помещения I/10, VI/26, помещение II, простенок А) или с черной же каймой в белый горошек (помещение VI/1), белый (помещение II/5), иногда с голубыми лацканами и подкладкой (рис. 181, 41) или красной каймой (Древности 1985, № 576), с зеленой каймой (помещение VI/41) или темно-зеленый с белыми (реже золотыми) каймой или обшлагами (рис. 181, 36; помещения VI/41, XVI/10, XXI/1) и, наконец, целиком из узорчатого шелка (то же помещение; в Афрасиабе: Альбаум 1975, табл. XIX). Иными словами, цветовая гамма кафтанов была очень разнообразной: неоднократно встречено шесть разных цветов. Подкладка кафтанов и халатов бывала обычно красной или желтой.

Жрец у алтаря из помещения I/10, разумеется, носил нераспашное одеяние белого цвета (рис. 181, 52); в основном оно белое (кроме узкой узорчатой шелковой каймы) и у священнослужителей, с лицевой повязкой-радам, ведущих дарственных коней и гусей чаганианцев в «Зале послов» в Афрасиабе (там же, табл. XXVII). Однако в первом случае белую одежду носил не только жрец, но и все молящиеся.

Цвета основного фона женских халатов: черный с голубой каймой; серо-зеленый с желтой каймой, голубой (с черной каймой); неоднократно встречается и пестрая ткань (помещение VI/8). Платья красные с желтым воротом и голубыми обшлагами (рис. 182, 30) или коричневые (рис. 182, 24), белые (182, 26–27), черные с белой кокеткой (богиня из храма II, VI в.: Живопись 1954, табл. XXIII), серо-зеленые (плакаль-

²⁹⁷ Ср. бытовавший в соседнем Чаче (Шаше) девичий эротический танец, популярный и в Китае, в конце которого танцовщицы спускали с плеч не только кафтан, но и рубашку, обнажая груди (ср.: Шефер 1981, с. 84–85).

щица, VI в.: рис. 182, 32), желтые с голубыми обшлагами (помещение VI/8 — девушка); рубахи — розовые с белым пришивным подолом (рис. 182, 24).

Штаны на убитых воинах и у девушки-воительницы в эпической сцене красные (у одного воина белые с красной каймой медальонов) вверху и с оранжевыми штанинами (у девушки есть также дополнительные узкие горизонтальные голубые полосы)²⁹⁸ (рис. 181, 75; 182, 39; 187), у одной из богинь — красные с черной вертикальной полосой на штанинах (рис. 182, 42). У всадника узорчатую кайму имеет не только нижний край штанов, но и вертикальный шов сзади (рис. 181, 93). У акробатов — белые или красные облегающие «шорты» с черной каймой по краям (рис. 181, 77). Довольно часто у воинов и аристократов штаны желтые с черным орнаментом (рис. 181, 78, 80, 86); встречаются и белые с черным декором (рис. 181, 81). Иными словами, преобладали три варианта основного цвета штанов: красный/алый, желтый/оранжевый и белый, часто с черным декором тканей.

Мужские колпаки были белого или красного цвета (рис. 181, 3–4). У пирующих мужчин в помещении I/10 околыши колпаков украшены воткнутыми зелеными веточками миндаля и венками с крупными цветами. Пояс у богини из помещения II/5 — черный с золотыми бляшками, у бога в том же комплексе — красный.

Мужские сапоги могли быть белыми с желтой вертикальной полосой (рис. 181, 95) или иметь белый низ и желтый верх (рис. 181, 92), розовыми (рис. 181, 91), желтыми (Беленицкий 1973, табл. 19), коричневыми (рис. 181, 88) или, на тюркский манер, черными (рис. 181, 83); полусапожки — черными или (изредка) белыми.

Силуэт и декоративные принципы

У лиц обоих полов силуэт одежды в позднее время близок к контурам тела и практически не имел резких, выступающих деталей. В целом плечевая и поясная одежда была узкой и облегающей, что особенно ясно видно у сидящих фигур (только в редких случаях встречаются складки на рукавах). В VII — первой половине VIII в. мужской силуэт напоминал узкую сигару (пояс лишь немного суживал и без того узкую фигуру, а подол с разрезами лишь слегка ее расширял; рукава, штаны и обувь сужались к конечностям). Силуэт девичьей и женской одежды был обычно близок мужскому (одежда узкая, подпоясанная) и дополнялся свисающими косами. Лишь у аристократок иногда силуэт был другим за счет накидки или носившегося внакидку халата, расширенного воланом и рядом оборок подола платья.

У мужских кафтанов борта могли украшаться пестрой (в точках) тканью (рис. 181, 45) или рядом круглых бляшек (рис. 180, 19). В поздних комплексах известен случай, когда кайма отделки нашивалась лишь в верхней части, до живота (рис. 181, 36). Борта женских кафтанов и халатов иногда украшались рядом квадратных бляшек, или полосой зигзага (рис. 180, 36; 182, 22), или узорчатой тканью (рис. 182, 17–18). В VII — начале VIII в. одежда знати иногда шилась целиком из импортных персидских или местных тканей с медальонами (мужчины: Афрасиаб: Альбаум 1975, табл. XIX; Пенджикент: Беленицкий 1973, табл. 20; женщины: Скульптура 1959, табл. XXIII) или цветочными орнаментами (женские халаты и накидки: помещения II/5, VII/24). В качестве основного материала плечевой одежды использовали ткани с сетчатым рисунком (рис. 182, 25), обычно с цветочной розеткой или кружком в каждом квадрате (Шишкин 1963, табл. XIV; Marshak 1990, fig. 22; Майтдинова 1996, рис. 41, 43), у женщин также с цветочной розеткой, иногда в круге (II/5, VI/8); цари использовали ткани, декорированные цветочными бутонами (помещения III/6, VI/1) (см. также: Майтдинова 1996, рис. 40–43). Известны плащи из полосатых тканей («игроки в нарды»: Беленицкий 1973, рис. на с. 20).

На нераспашной верхней одежде бога на изображении в храме II VI в. (рис. 181, 49) подол оформлен необычайно своеобразно. Он состоит из серии крупных, небрежно («вчерне») сшитых треугольников; те из них, которые обращены основанием книзу, украшены вертикальной полосой декора с ромбиками. У другого бога в том же храме к фестончатому краю подола короткой рубахи на каждом полуовальном выступе крепились на цепочках (?) по три золотых диска (рис. 181, 64). Ворот нераспашной одежды чаще всего декорировался полоской ткани иного цвета, чем основной фон (на широком вороте такая полоса была более широкой). У царей и эпического героя-всадника, у знатных воинов декор ворота на одежде с короткими рукавами в позднее время дополнялся аналогичной каймой на «погонах» (рис. 181, 54–56; Беленицкий

²⁹⁸ Речь идет об особенностях кроя женских штанов, документированного позже у потомков согдийцев — таджиков. Штаны шились из трех частей: мотни, верхней части, включавшей часть штанин, и нижней, которая была частично видна из-под одежды «на людях» и шилась из разноцветных полосатых тканей (последнее, возможно, имело и магическую функцию) (см., например: Рассудова 1970, с. 45; рис. 16).

1973, табл. 26). У оплакиваемого юного бога в храме II полуовальный вырез ворота завершается внизу плоской вышивки, окаймленной по краю рядом вертикальных «палочек» с кружком на конце (рис. 181, 58). Близкая декоративная вставка, но на воротах без выреза, представлена на терракоте «плакальщика» (рис. 180, 25a). Треугольный вырез ворота на терракоте музыканта украшен полосой с мотивом вьющейся лозы (рис. 180, 25). Ворота короткой рубахи бога на поздней росписи в помещении 11 храма II (рис. 181, 64) украшен рядом квадратных бляшек (?), что имеет аналогии на женской одежде Согда еще кушанского времени (рис. 153, 31, 33). Кокетка на одежде правителя в Варахше окаймлена полосами цветной ткани (рис. 181, 53).

Короткие рукава верхних рубах, скошенные наружу (рис. 181, 49, 59), декорированы рядом круглых бляшек с инкрустацией (?); подобный декор известен и на женских верхних рубашках (танцовщица с мечом: рис. 182, 19). Возможно, это влияние традиции политически господствовавших тогда в регионе эфталитов (об их, правда, длинных, а не коротких одеждах имеется сообщение китайских источников об использовании «коротких рукавов, украшенных золотом и драгоценными камнями» (Sprecht 1883, p. 337). С VI в. и особенно в более позднее время очень характерной чертой в Согде становится рукав с высоким обшлагом (рис. 181, 39–40, 42–43, 51, 54, 56a, 60, 62). По мнению Н.П. Лобачевой, этот позднесасанидский элемент был заимствован тюрками именно от согдийцев (Лобачева 1979, с. 25). Обшлага шились из ярких тканей (часто с цветочными орнаментами и красными медальонами из перлов на белом фоне), и у знати подчас обшивались сплошь золотой парчой. Длинные рукава у нижних рубах мужчин и у женских платьев в VI в. иногда были из трех горизонтальных полос разных цветов (сверху вниз — черный, желтый, серый — рис. 181, 61; 182, 27). У лиц обоих полов была распространена манера украшать одежду широкой вертикальной полосой яркой ткани (рис. 181, 37, 40, 43, 48; 182, 31), иногда доходившей лишь до талии (рис. 181, 51; 182, 26; Негматов 1973, рис. 14).

У богинь очень богато украшался пришивной подол верхних рубах с короткими рукавами. Отделка могла состоять из чередующихся вертикальных полос и рядов кружков (рис. 182, 29) или из имитации ряда треугольных клиньев с шариками на концах (рис. 182, 24); по подолу иногда шел ряд полукружий (рис. 182, 23). Ворота платья чаще всего украшался полосой ткани другого цвета; в одном случае он декорирован полосой с рядом кругов, как и в кушанское время (рис. 182, 30; ср.: рис. 153, 34). У девушек на верхних рубахах или на платьях видим вертикальную полосу, доходившую иногда лишь до бедер и порой украшенную круглыми бляшками (рис. 182, 26, 31); в одном случае дополнительно к кайме ворота — «погоны», как у мужчин (рис. 182, 26). У божественной арфистки по краю треугольного выреза рубашки нашит ряд жемчужин (?) (рис. 182, 24). Низ рукавов у платьев богинь иногда шился из двух-трех полос разноцветной ткани (рис. 182, 28, 33). Фон платьев и рубах часто был из крупной сетки (рис. 182, 6, 25, 27). Высокий «сасанидский» обшлаг из однотипной ткани встречался в позднее время не менее часто, чем у мужчин (рис. 182, 19, 25–26, 30–31). На платьях, носившихся знатными адорантками под халатами, обшлаг широкого рукава также высокий (рис. 182, 17–18).

Мужские штаны украшались декоративной полосой по нижнему краю штанин. Кроме того, было принято шить верх и штанины из тканей разного цвета: штанины, видимые «на людях», чаще всего имели желтый или белый фон тканей и вообще шились из более дорогих тканей (эта традиция сохранялась, например, у горных таджиков: Рассудова 1970, с. 30). Рисунок тканей штанин очень разнообразен: сетка из ромбов с розеткой внутри (рис. 181, 85), вертикальные полосы зигзага (рис. 181, 79–80), ряды из точек (рис. 181, 81), изредка — из весьма сложных фигур (рис. 181, 78), у женских — часто из рядов розеток (рис. 182, 39, 41).

Мужские колпаки иногда схватывались внизу обручем с поперечными полосками (рис. 181, 5a); нижний край мог также украшаться рядом круглых блях (рис. 180, 4), или треугольник из круглых блях размещался надо лбом (рис. 180, 3). Поскольку такой убор, вероятно, кроился из четырех треугольных деталей, одна из них с лицевой стороны обшивалась лентой с рядом квадратиков (рис. 180, 1). Полусферические шапочки по нижнему краю могли повязываться лентой, завязанной бантом надо лбом (рис. 180, 11), или украшались с боков и на макушке тремя пришитыми кругами из цветной ткани (рис. 180, 10). Берет обшивался по верхнему краю, по традиции парфяно-кушанского времени, рядом концентрических кружков, разделенных вертикальными полосками (рис. 180, 9).

Мужские высокие сапоги иногда декорировались вдоль шва, соединяющего голенища вертикальным рядом завитков (рис. 181, 87), широкой темной декоративной полосой (рис. 181, 95). Иногда голенище по краю украшалось полосами разной ширины, а внутри — тонкими вертикальными полосками (рис. 181, 89). Реальные сапоги из пещеры Кухи Сурх сплошь декорированы тисненым орнаментом в виде полос, расположенных под углом по обе стороны от шва голенища с разной частотой (рис. 181, 88). В одной из

сцен в помещении II/5 ранние образцы сапог у адоранта стянуты у щиколоток белыми лентами со свисающими концами на сасанидский манер (рис. 181, 91).

Эстетический идеал этноса

Наиболее оригинален он в поздний период. У лиц обоих полов в целом одежда была скорее облегающей. Как у мужчин, так и у женщин сухоощавая фигура, довольно крепкая шея, но тонкие талии и запястья, удлинённые тонкие пальцы и узкие удлинённые глаза. У мужчин тело и лицо часто удлинены, подчеркнуты широкие плечи, очень длинные и тонкие локоны у висков. Важную роль играло окаймление: знать обильно украшала свои одежды рядами жемчуга и полосами двухцветных узорчатых тканей. Особое внимание уделялось изяществу движений рук, сложным поворотам кистей, идеально драпируемой одежде на ногах сидящих. Мужчины из высшего сословия дихканов часто выглядят безукоризненными кавалерами с изысканными манерами, иногда, пожалуй, чрезмерно утонченными; во всяком случае, перед нами наиболее изящные мужчины за всю историю иранского мира.

Согдийцы в искусстве других стран: образ «Иного»

Для выделения изображений представителей конкретных этносов Западного Туркестана и Синьцзяна особую роль играют терракоты раннетанского Китая VII–VIII вв. (см., например: Ancient Mortary Traditions 1991; Kageyama 2001). Попытки идентификации глиняных фигурок различными авторами, часто не сопровождающиеся аргументацией, и иноземцев в живописи пока в целом еще нельзя назвать успешными (см.: Mahler 1959; Schloss 1969; Kerezky 1984). По китайским источникам мы знаем, что среди торговцев из этих регионов преобладали этнические согдийцы²⁹⁹ и тохаристанцы, а танцоры и музыканты были выходцами из Чача (район Ташкента к северу от Согда), самого Согда (Самарканда и Бухары) и Кучи, Кашгара, Турфана (в Синьцзяне). Однако проблема в том, что костюм Чача и Кашгара остается практически неизвестным; костюм Кучи представлен на местных изображениях отнюдь не купечеством, а чаще аристократами и служилой знатью. Костюм согдийских и тохаристанских купцов на их родине также практически достоверно не известен (хотя некоторые из участников сцен на росписях Пенджикента и именуются подчас «пирующими купцами»).

Среди известных мне раннетанских терракот я могу с высокой степенью вероятности атрибутировать как согдийца полихромную поливную фигурку купца на верблюде из коллекции берлинского Музея народного наследия (Heirs 1997, pl. 6) (подобные фигурки стали изготавливаться в 50–60-х годах VII в., когда Китай имел возможность активно контролировать Согд через марионеточных тюркских каганов). Купец изображен в желтой рубахе с подолом, имеющим треугольные вырезы на боках (на правой поднятой руке рукав аккуратно закатан); белые шаровары заправлены в высокие кожаные неокрашенные (?) коричневые сапоги, имеющие треугольный выступ под коленом. Головной убор — невысокий конусовидный, со слегка наклоненным вперед верхом («фригийский колпак»). У купца короткая заостренная борода и узкие горизонтально подстриженные усики. Основные описанные элементы костюма вполне соответствуют известным на изображениях собственно согдийцев, хотя некоторые из них достаточно редки (сапоги с треугольным выступом; горизонтальные узкие усы); обычна для согдийского костюма и цветовая гамма одежды, хотя белые штаны у согдийцев изображались реже, чем желтые или красные. В целом препятствий для согдийской атрибуции персонажа нет, и я присоединяюсь к сугубо предположительной его интерпретации авторами цитируемого выше выставочного каталога.

Другая интересная для нас раннетанская терракота происходит из коллекции Жана Гастона Малера, вполне произвольно атрибутировавшего ее как фигуру «караванщика из Северо-Восточного Ирана» (Mahler 1959, pl. XIX, a-c). Ряд элементов одежды торговца в таком сочетании известны лишь в предрабском Согде: высокий конусовидный колпак с околышем, имеющий треугольный вырез надо лбом (специфичен именно для Согда; ср.: рис. 181, 5), кафтан с одним *левым* лацканом (также специфичен для Согда; ср.: рис. 181, 44) и, видимо, пришитым, более широким подолом (ср.: рис. 180, 21), высокими сапогами с горизонтальным верхним краем. Даже необычный тогда еще в Западном Туркестане запах кафтана напravo иногда также документируется у мужчин-согдийцев.

²⁹⁹ О согдийцах за рубежом в целом см., например: Sims-Williams 1996; Cheng Yue 1996, Rong Xinjiang 2000; Yoshida, Kageyama 2002; Les sogdiens (in print).

Третья важная для нас терракота стоящего мужчины со свернутым ковром под мышкой была найдена в Кашгаре и хранится в Королевском музее Онтарио в Канаде (Курьер ЮНЕСКО, фото на с. 23). Этот торговец коврами атрибутирован как араб или перс. Между тем все черты костюма этого персонажа характерны именно для Согда того времени. Это халат с *левосторонним* лацканом (ср. рис. 182, 21) и короткими, до локтей рукавами (ср. рис. 181, 41), шапка с полусферическим верхом и широким околышем (ср. рис. 180, 7), пояс со свисающим на животе коротким концом и узкие шаровары, заправленные в обувь. Торговля согдийских купцов коврами упоминается еще в одном из знаменитых «Старых согдийских писем» из Дуньхуана, датированных В. Хеннингом началом IV в. (см., например: Harmatta, 1979).

В целом китайские терракоты начала династии Тан, как видим, являются весьма объективным и надежным источником по одежде согдийцев (хотя их образы явно не составляют заметной доли в подобных изображениях «западных варваров»).

Очень любопытно изображение «тибетского или согдийского посла» в составе прибывшего в Китай посольства, изображенного на свитке художника Ян Либэня около 641 г. (дошедшего до нас в копии времен династии Сун и хранящегося в пекинском музее Гугун) (Heller 2003, fig. 27). Прежде всего замечу, что у персонажа практически нет ни одного характерного элемента *тибетского* костюма того времени. Его узкий халат длиной почти до щиколоток сшит из дорогих полихромных согдийских шелков двух типов с медальонами — с гусем или идущим львом (?) внутри каждого: эти сюжеты известны у персонажей в росписях Пенджикента и Афрасиаба. Халат имеет небольшой запя́х налево и наглухо застегнут. Рукава его короткие (до локтей), из-под них выглядывают рукава рубахи, вышитой шелком того же типа, что и края халата. Ворот, борта и боковые разрезы подола халата обшиты каймой шелка с медальонами с гусем внутри. Халаты с таким декором и с короткими рукавами известны в данное время лишь у согдийцев (рис. 181, 48). На голове посла — шелковая повязка; прическа с ровно подстриженными надо лбом и спускающимися сзади до затылка волосами также известна у согдийцев (рис. 181, 14). Пожилой мужчина с лысиной носит короткие усики и очень тонкую окладистую бородку, что в Согде встречается изредка (рис. 180, 17; Yatsenko 2004, pl. 3, 1/3). Такой тип прически бытует и у поздних Сасанидов (рис. 158, 6), а для Тохаристана же не характерен. Наборный (видимо, с редкими металлическими бляшками, которые лишь слегка намечены художником) кожаный пояс персонажа с маленькой пряжкой имеет по бокам дополнительные свисающие ремни, на которых крепятся сумочки, коробочки и др. Последнее характерно для тюркских чиновников (не забудем, что в Согде того времени тюрки составляли значительную часть управленческого аппарата), но в Согде изображается редко (рис. 181, 69). На мужчине видим обычные черные тюркские сапоги, носившиеся и в Западном Туркестане, и в более восточных районах, вплоть до Китая. В целом совокупность изображенных элементов костюма позволяет однозначно считать посла именно согдийцем.

Сложнее удостовериться в согдийской этнической атрибуции одного из донаторов в росписях монастыря Бамина в Афганистане (Tarzi 1977, fig. 62), предполагаемой К.Танабе (Tanabe 2004a, p. 195). Несомненно лишь желание заказчика быть изображенным в традициях согдийской живописи. Кафтан с двойными лацканами и высокой манжетой бытовал как в Согде, так и в Тохаристане и Хорезме (см. ниже). Простая прическа персонажа изредка встречалась в Согде, но известна и в других регионах (см. рис. 181, 29). Сапоги с подчеркнутым продольным швом сбоку изображались и в Согде, и в Тохаристане. Кайма кафтана сшита из ткани с распространенным узором из ромбов с точкой внутри; однако основная ткань декорирована сеткой квадратиков с трилистниками люцерны внутри, что пока имеет аналогию не в дальнем Согде, а в соседнем Тохаристане (Балалык-тепе) (рис. 193) (см.: Майтдинова 1996, рис. 9–10, 17, 72). Иными словами, объявлять донатора согдийцем я бы не торопился.

Весьма важны для нашей темы резные каменные панели погребальных лож проживавших в Китае согдийцев — купцов и чиновников второй половины VI — первой половины VII в. (см., например: Marshak 2001; Kageyama 2001; Grenet and all. 2004). Впрочем, эти сцены трудно в полной мере назвать изображениями «Иных», так как они сделаны по заказу самих согдийцев и в ряде случаев, возможно, согдийскими же мастерами. На одной из таких композиций (Lerner 1995, pl. 1) (рис. 174) представлена согдийская религиозная церемония с участием зороастрийского жреца, трех-четырех наиболее значимых мужчин (колени-преклоненные персонажи наносят себе ножами порезы на лице) в сопровождении двух женщин и группы рядовых мужчин. Женщины изображены в верхнем ярусе у края стойла с верблюдами, а в нижнем — идущими вслед за мужьями.

Верхняя одежда купцов здесь нераспашная, длиной почти до щиколоток, с горизонтальным узким воротом. На некоторых образцах сбоку линией подчеркнут вертикальный шов, соединяющий полотнища стана. Широкая декоративная кайма нашита на краю подола (здесь она наиболее широка — ср. рис. 184), проходит вертикально спереди, а также на рукавах чуть выше локтя (т.е. верхний кафтан, видимо, имел

укороченные рукава: рис. 181, 41, 48, 50), более узкие полосы обрамляют ворот и край рукавов нижней одежды. У нескольких персонажей ясно видна также широкая вертикальная полоса декора. Прическа без пробора с волосами, ровно подстриженными надо лбом и опускающимися по бокам почти до плеч, с небольшими усиками, иногда документируется в Согде (ср. рис. 181, 31). Пояса не наборные и вообще лишены декора. У женщин видим длинные (до пят) неподпоясанные платья с короткими рукавами. Прически их включают, видимо, короткие косы; на темени видим своеобразный гребень (ср. рис. 182, 6). На рельефах гробницы Виркака в г. Сиань (Grenet and all. 2004, fig. 3) мужчины явно носят полусапожки, в которые заправлены штаны. На раскрашенных мраморных панелях из японского музея Мико (Juliano, Lerner 2001, p. 298, 309, 311) в сцене банкета на мужчину, видимо, наброшена накидка (ср. рис. 181, 656), надеты сложнокроенные сапоги (ср. рис. 181, 88, 93), рукава распушены (как у танцоров на рельефах других гробниц). Бело-красная цветовая гамма обычна для согдийцев. Очень интересны здесь неизвестные в самом Согде уборы наиболее значимых мужчин — башлыки с назатыльником и коническим или яйцевидным верхом, маленькая тюрбейка с плоским верхом.

В целом (несмотря на явное нежелание вдаваться в орнаментику тканей) эти изображения весьма ценны для нас, так как мастер весьма точно передал черты костюма тех слоев согдийского общества, которые не относились по происхождению к аристократии. Китаизация костюма проявляется лишь в запахивании кафтанов и халатов направо.

3.3. Тохаристан и прилегающие с юга районы

Тохаристан, в античное время называвшийся Бактрией, — область в верховьях Амударьи на стыке современных Узбекистана, Таджикистана и Афганистана. Ко второй половине III в. Кушанская империя прекратила свое существование, а Бактрия вскоре оказалась под властью сасанидских наместников — кушаншахов. В целом в IV–V вв. начался новый период в истории местной культуры, называемый условно раннесредневековым.

История изучения костюма

Костюм раннесредневекового Тохаристана изучен весьма разносторонне. Решающая заслуга в этом принадлежит проживающей в Душанбе известной уйгурско-таджикской исследовательнице Г.М. Майтдиновой, с начала 80-х годов опубликовавшей серию статей по одежде и тканям народов Западного Туркестана (Майтдинова 1983; 1987) и в 1991 г. защитившей диссертацию по тохаристанскому костюму (Майтдинова 1991а); в следующем году она опубликовала ее материалы в виде монографии. Она не прерывала работу даже в трудные годы гражданской войны в Таджикистане.

В этой книге основное внимание уделено костюмным аксессуарам и тканям, однако и собственно тохаристанской одежде посвящено довольно большое место — целых 19 страниц (Майтдинова 1992а, с. 42–61). Исследование Г.М. Майтдиновой заслуживает высокой оценки как комплексная работа, в равной степени отражающая знакомство автора как с археологическими, так и с этнографическими материалами, в которой она стремилась рассмотреть тохаристанский материал на фоне соседних территорий. Здесь практически впервые для ираноязычных народов охарактеризованы декоративные принципы одежды и эстетический идеал этноса, выраженный в ней (глава 3). Подробно описан исследовательницей также *крой* изученных ею и неоднократно публиковавшихся остатков одежд рубежа V–VI вв. из могильника «Курган» в Термезе (там же, 1992а, с. 72–85; см. также: Елкина, Майтдинова, Козловский 1996; Майтдинова 2001б). Г.М. Майтдинова использовала результаты своих работ при создании коллекции моделей современной одежды в Доме моделей «Бону» в Душанбе (показ в апреле 1990 г.: Майтдинова 1992а, табл. 89–92).

Краткие характеристики одежды Тохаристана давались наряду с Г.М. Майтдиновой Н.П. Лобачевой (Лобачева 1979, с. 32–33, 36) и Н. Лапьер (Лапьер 1990, с. 52–54). Как уже отмечалось, традиционно тохаристанский материал при этом сопоставлялся с соседним Согдом. Одна из наших статей специально посвящена одежде Тохаристана (Яценко 2004г): в ней еще использованы неточные датировки некоторых комплексов живописи Б.И. Маршаком (Косолапов, Маршак 1999, с. 24–26).

Хотя работы Г.М. Майтдиновой дают весьма подробную характеристику одежды раннесредневекового Тохаристана, это отнюдь не отменяет настоятельной необходимости *новой* попытки такой характери-

стики в предлагаемом разделе. В нем учтены дополнительные изобразительные материалы (прежде всего эфталитские геммы), более строго отобраны изображения собственно тохаристанцев (так, прямого отношения к тохаристанцам не имеют изображения послов из Горного Чача в «Зале послов» Афрасиаба) (Альбаум 1975, рис. 7, персонажи 21–23; ср.: Майтдинова 1992а, рис. 15, 8; 19, 4); видимо, не отражает реально бытовавшую одежду подавляющее большинство из привлеченных Г.М. Майтдиновой изображений персонажей буддийского пантеона. В ряде важных элементов мне представляется дискуссионной классификация и соответствующая терминология (например, вряд ли оправдано отнесение длинных халатов к «драпируемой» одежде, отделение ее от «распашной» и объединение в категорию «накидок» вместе с пелеринами и обычными короткими плащами) (Майтдинова 1992а, с. 42–43, 51–52; рис. 14). Несмотря на то что подавляющее большинство известных нам изображений Тохаристана относятся к наиболее позднему периоду (времени тюркского владычества), Г.М. Майтдинова придает в своих работах особое значение костюму кратковременных повелителей этой страны середины V — середины VI в. — кочевников-эфталитов. Она полагает, что комплекс их этнически специфичной одежды просуществовал как минимум до арабского завоевания, активно повлиял даже на сасанидский Иран (там же, с. 128–129; ср. анализ этих аргументов в разделе 1), и считает зоной его распространения огромную территорию — от Западного Китая/Синьцзяна (оазисы Кучи и Хотана³⁰⁰) до Ферганской долины (Мунчактепе) и Согда (Пенджикент) на севере; она пишет: «В V–VI вв. в Средней Азии... господствует эфталитский костюм» (см., например: там же, с. 30, 131–132; Майтдинова 1992б, с. 81). «Проэфталитская» позиция Г.М. Майтдиновой и ее аргументация в этом вопросе требуют проверки (особенно в свете того, что многие *достоверно эфталитские* элементы одежды и их соотношения и прически на монетах и геммах не находят параллелей в ранней «эфталитской» одежде Дильберджина). В любом случае, для второй половины VI — начала VIII в. я бы говорил о возможном изображении на памятниках представителей трех этносов Тохаристана: этнических бактрийцев/тохаристанцев, эфталитов и тюрков, а не неких абстрактных носителей «эфталитского костюма». Интересно, что в китайской «Синьтаншу», отражающей уже период тюркского господства, говорится о туземном населении, живущем вперемешку с эфталитами (яда).

Источники

Основным видом источников по одежде Тохаристана и прилегающих к нему южных территорий V–VIII вв. являются настенные росписи дворцов, замков и храмов. К сожалению, в целом ряде пунктов пока известны лишь изображения божественных буддийских персонажей в явно не местном костюме и невнятные фрагменты изображений адорантов, что не позволяет использовать их материалы. В Северном Тохаристане (т.е. на самом юге приамударьинских районов современных Таджикистана и Узбекистана) это, прежде всего, серия изображений тюркского времени — в замке Балалык-тепе/Балалыктепа и в Тавке, где, видимо, сохранен еще «эфталитский» костюмный комплекс (Альбаум 1960; Рахмонов 2001), но датированных керамикой (по В.С. Соловьеву и С.Б. Болелову) соответственно второй половиной VII в. и VII–VIII вв. (Соловьев 2004, с. 91) и синхронных — в Аджина-тепе/Аджинатепа (Литвинский, Зеймаль 1971; Litvinskij, Zeimal' 2004) и Калаи-Кафирнигане (Литвинский 1981б). В Южном Тохаристане (современный Северный Афганистан) известна серия наиболее ранних («эфталитских») изображений в помещениях 12 и частично 16 Дильберджина (Кругликова 1979; Соловьев 2004, с. 92) и Тепе-Маранджан (Hackin, Carl, Meunnié 1959, fig. 10). Г.М. Майтдинова относит к памятникам с изображением костюма Тохаристана также образцы в более поздних пещерных монастырях Бамиана, где есть и «эфталитская» группа изображений С (Tarzi 1977; Higuchi 1983–1984; см. также: Klimburg-Salter 1989), и Фондукистана (Hackin, Carl, Meunnié 1959). Хотя, строго говоря, они лежат южнее, вне границ этой древней страны, я согласен с выводом об особой близости представленного в них костюма с тохаристанским и также считаю возможным привлекать эти материалы совместно. Высказывалось мнение, что среди росписей Бамиана есть якобы росписи, датированные еще 358 г. и изображающие сасанидских принцев-кушаншахов. Это мнение опирается практически исключительно на тип одной из корон, «подражающей короне Шапура II» (Bivar 1998, p. 108; pl. XV, b), и противоречит изображенным костюмным реалиям (прежде всего собственно сасанидским того времени; см. раздел 1): комплекс Бамиана датируется 30-ми годами VII в. (Tanabe 2004a, p. 204–205).

Большой интерес представляет серия изображений делегации одной из областей Тохаристана — *Чаганиана* в живописи «Зала послов» согдийского Афрасиаба второй половины VII в. н.э. (Yatsenko 2004, pl. 2, I) (рис. 195). Согласно трактовке Л.И. Альбаума (Альбаум 1975), посольство царя (*чананхудата*)

³⁰⁰ В действительности эфталиты в начале VI в. ненадолго захватили лишь самые западные оазисы региона — Кашгар и Яркенд.

этой области Туранташа в Самарканд изображено наиболее пышным и состоит из 14 человек. На *западной* стене представлены три посла с главой миссии — *дапирпатом* (начальником канцелярии) Пукар-зате, который упомянут в надписи на этой стене и, вероятно, возглавляет шествие послов слева (персонаж 4 или фрагментированный персонаж 4а). На *южной* стене, по мнению Л.И. Альбаума, изображена встреча правителем Самарканда своей невесты из Чаганиана с сопровождающим ее свадебным эскортом (там же, с. 56). Атрибуция Л.И. Альбаумом персонажей 3 и 4 западной стены как *послов Чаганиана* и его трактовка шествия на южной стене в последние годы вызывает возражения у ряда исследователей (М. Моде, Б.И. Маршак, В.А. Лившиц). Однако аргументация их версий, противоречащих позиции Л.И. Альбаума, пока выглядит недостаточно проработанной, тем более что многие элементы костюма изображенных явно не согдийские³⁰¹.

К эфталитскому и тюркскому времени восходит немало изображений правителей на монетах³⁰² и геммах (Ставиский 1961; Callieri 1999). Представители знати эфталитского времени достаточно часто изображались на серебряной посуде (см.: Смирнов 1909, табл. XXXVIII, CXXV; Маршак, Крикис 1969; Абдуллаев 1991, рис. 1–2).

Ранний скальный рельеф со сценой инвеституры персидского шаханшаха Арташира II в Так-и Бустане (около 380 г.) (Ghirshman 1962, fig. 233–234) изображает сцену его триумфа над поверженным бактрийским правителем в одежде, отражающей еще кушанские традиции (стоящий рядом бог Митра попирает символ буддизма, господствовавшего в Бактрии/Тохаристане, — лотос).

Терракотовые статуэтки из Тохаристана этого времени (Абдуллаев 1985; Мешкерис 1990; 1992) с изображениями божеств малочисленны, часто примитивно исполнены и в плане изучения реально бытовавшего костюма малоинформативны (см., например: Майтдинова 1992а, табл. 31, 4), хотя есть и несколько отрядных исключений (Il'yasov 2001, pl. I, 1–2).

³⁰¹ Так, В.А. Лившиц, исходя из своей трактовки согдийской надписи на фигуре 3 (“twpt mrtu”), предположил, что это тибетец (цит. по: Mode 1993, S. 44; Anm. 96). Однако костюм этого персонажа и его аксессуары не соответствуют изображениям тибетцев VII–VIII вв., известным в китайском искусстве.

Фигура 4, согласно гипотезе М. Моде, это не кто иной, как правитель сасанидского Ирана Йездигерд III ! (Mode 1993, S. 59–71.) Исследователь обратил внимание на то, что халат этого мужчины шит из иранской шелковой ткани с изображением божественной собакоптицы Сэнмурва. Существует гипотеза ряда немецких авторов о том, что Сэнмурв при Сасанидах мог быть исключительно царским символом (ibid., S. 60–64). Действительно, на сегодняшний день он известен из предметов костюма лишь на тканях халатов Арташира III в Так-и Бустане и на головном уборе принца-наследника времени Варахрана II на монетах. К сожалению, этого недостаточно для столь серьезного вывода, а письменные и эпиграфические источники никак его не подтверждают. В этом случае нам пришлось бы также объявить исключительно царскими символами и других животных, представленных на тканях одежд монархов Ирана и на их головных уборах, что явно не соответствует действительности.

Формы головного убора и блях пояса в действительности не имеют точных аналогий в костюме правителя Ирана VI–VII вв. (С тем же основанием мы могли бы считать шаханшахом Ирана мужчину-всадника — персонаж 14 на южной стене, который носит идентичную шапочку.) Персонаж 14 лишен обязательного для иранской аристократии этого времени шейного украшения — ожерелья или гривны — и носит слишком скромные сапоги без всякого декора, что для костюма царей на парадных приемах не документируется. Трудно представить себе, согласившись с версией М. Моде, Йездигерда III — в 648 г. все еще богатого и сильного правителя — находящимся на дипломатическом приеме без персидской свиты, униженно приносящего относительно скромные дары в своих руках.

Сложно также согласиться с мнением, что разрушенная поздней ямой фигура персонажа 4а представляет важнейшего участника события — самого царя Самарканда, Вархумана (ср.: ibid., S. 74).

В последние годы высказывалось также мнение, что на южной стене изображено не свадебное шествие, а религиозная церемония, связанная с неким культовым сооружением. Б.И. Маршак (Marshak 1994) предположил, что она обусловлена местными погребальными и поминальными традициями и что здесь представлены согдийцы, так как изображения людей в повязках, закрывавших нижнюю часть лица (*padam*), известны на согдийских оссуариях (Mode 1993, S. 14; Anm. 279). М. Моде считает, что здесь изображена музыкальная капелла на возвышении у городских ворот, которая встречает слона и придворных дам в сопровождении жрецов. Композиция западной стены связана, по мнению обоих авторов, с почитанием богини Наны представителями соседних с Самаркандом и входящих с ним в одну федерацию городов (ibid., S. 91–92).

Обе эти версии пока плохо объясняют некоторые детали изображений. Так, в первом случае неясно, почему в шествии участвуют гуси. Что означает надпись на крупе лошади персонажа 13 «Он дал нам...» (ibid., S. 147, Anm. 288)? Почему шествие возглавляют роскошно одетые женщины-аристократки, не проявляющие никаких признаков скорби? Изображенная постройка со столбами-опорами мало похожа как на зороастрийскую погребальную дахму, так и на храм. К тому же многие детали костюма для Согда явно не характерны.

Неясно также, почему столь роскошно одеты предполагаемые музыканты на платформе с кровлей. Трудно считать эту легкую конструкцию массивными городскими воротами. Если люди ведут животных, предназначенных для коллективного жертвоприношения, тогда необъяснима сопровождающая их надпись, что животные посланы в подарок лично царю Вархуману (надпись на одном из гусей). Совсем не обязательно трактовать жезлы с головой дракона у персонажей 9 и 10 как сакральные атрибуты жрецов. Повязки на нижней части лица у персонажей 11 и 12 также вряд ли были только атрибутами жрецов, так как на иранском блюде рубежа VII–VIII вв. из Эрмитажа повязка изображена у слуги, готовящего еду для священной особы правителя (Луконин 1977, рис. на с. 169). См. также статью: Yatsenko 2004.

³⁰² Göbl 1967, IV; 1981; Mitchiner 1978, p. 221–116; Alram 1986, Taf. 47; Kuwayama 1992.

Большой удачей археологов является открытие небольшой серии подлинных одежд рядового населения древнего Термеза (мужской, женской и детской) рубежа V–VI вв. в могильнике «Курган» (Майтдинова 1992а, с. 72–85; Елкина, Майтдинова, Козловский 1996; Майтдинова 2001б). Несмотря на довольно плохую сохранность, они позволили Г.М. Майтдиновой сделать ряд ценных выводов.

Письменные китайские источники по тохаристанской одежде малочисленны и фрагментарны. Очень краткие характеристики содержатся в «Записках о странах Запада» великого китайского путешественника первой половины VII в. Сюаньцзана (Шефер 1981, с. 273) и в одной из хроник (Бичурин 1950, II, с. 332). Сведения о специфике одежды собственно эфталитов крайне отрывочны, в частности у Сон Ю (Beal 1906, р. ХСII–ХСIII), и довольно неопределенны (Sprecht 1883, р. 337).

Общие замечания в связи с изучением костюма раннесредневекового Тохаристана

В IV и начале V в. часть Бактрии принадлежала потомкам кушанских правителей — кидаритам (Zeimal 1996) и кочевникам-хионитам. Политическая история Тохаристана в раннем средневековье (до исламизации) весьма сложна и во многом неясна (см., например: Соловьев 1997). Она полна вторжений все новых завоевателей — персов, эфталитов (происхождение которых до сих пор является весьма спорным и которых подчас отличают от хуна индийских источников; см., например: Ильясов 2004), тюрков, китайцев и арабов. Несмотря на это, тохаристанские ремесленные изделия оставались известными и в отдаленных странах, а купцы были, видимо, достаточно деятельны на трассах Шелкового пути. Все это время основной религией жителей страны оставался пришедший сюда при Кушанах буддизм. Политическая мощь завоевателей не означала ликвидации множества местных княжеств. Так, в первой половине VII в. Тохаристан, по данным Сюаньцзана, был раздроблен на 27 зависимых от тюрков владений (о тюркских князьях в этой стране см.: Humbach 1998). При этом считают, что южная часть Тохаристана (к югу от Амударьи, т.е. на севере Афганистана) была завоевана тюрками только в первой трети VII в., возможно при западном кагане Тон-ябгу (618–630) (Маликов 2001, с. 47).

Китайские хроники фиксируют для этого времени в Тохаристане относительно равноправное положение женщин в обществе, распространение полиандрии (многомужества), что прямо связано с неблагоприятной демографической ситуацией в этой стране, с небольшим количеством женщин (Маявкин 1989, с. 68–69). В составе чаганианского посольства сохранились фрагментарные изображения четырех женщин из предполагаемой свиты чаганианской принцессы; показательно, что женщины находятся впереди всего свадебного поезда и среди них есть всадницы.

В истории посткушанского и постсасанидского Тохаристана можно выделить *два основных периода*, обильно документированных: первый, связанный с господством эфталитов (вторая половина V — первая половина VI в.), и второй, ознаменовавшийся политической властью тюрков (вторая половина VI — начало VIII в.). Однако развитие *костюма*, видимо, не вполне совпадало с политическими событиями.

Мне представляется заслуживающей внимания большая роль, которую отводит Г.М. Майтдинова оформлению *лацканов* плечевой одежды как этнокультурному и отчасти хронологическому показателю (односторонний, правый лацкан как элемент одежды *эфталитского* костюмного комплекса и двусторонние как элемент *тюркского* комплекса) (см., например: Майтдинова 1992а, с. 43–44, 138). В связи с этим я хотел бы сделать три важных дополнения.

Во-первых, в живописи монастыря в Бамиане имелась важная композиция с группой царственных донаторов (Tagzi 1977, pl. A1), где мы видим только одежды с одним правым («эфталитским») лацканом, в то время как на изображениях донаторов на остальных росписях, напротив, наблюдаем лишь «тюркские» двойные лацканы (ibid., fig. 20, 62; pl. D 55). Возможно, первые выполнены раньше. В живописи замка Балалык-тепе в Северном Тохаристане также господствует одежда с правосторонним («эфталитским») лацканом. Лишь один-единственный персонаж из множества изображенных (первая группа западной стены: Альбаум 1960, рис. 106–107) представлен с двусторонними «тюркскими» лацканами, хотя и пирующая с ним дама и служанки представлены с обычным здесь одиночным правым. При этом ни цветовая гамма одежды персонажа, ни его прическа, ни оформление пояса ничего общего не имеют с собственно тюркскими образцами, достоверно известными по «Залу послов» Афрасиаба, надгробным изваяниям, китайским изображениям и письменным источникам. Видимо, одностильные росписи Балалык-тепе, хотя и сделаны через столетие после установления тюркской власти, отражают в основном более ранний костюмный комплекс. В еще более поздней по времени Тавке также бытуют именно «эфталитские» лацканы

(ср.: Рахмонов 2001, рис. 36; с. 111, 114). Они сохранялись в Тохаристане и в мусульманское время (росписи Хульбука на севере и Ляшкар Базара на юге; ср.: Майтдинова 2004, с. 15; рис. 2; ил. 3).

Во-вторых, можно уточнить атрибуцию Г.М. Майтдиновой одежд с правым лацканом и с двусторонними. Не отрицая их привнесение в Тохаристан в первом случае эфталитами и во втором — этническими тюрками, замечу, что наиболее ранние образцы тех и других известны вовсе не у них, а у одного из ираноязычных этносов Западного Китая (Синьцзяна) — хотано-саков Хотана. Серия их представлена на терракотах с развалин предполагаемой ранней столицы этого княжества — городища Йоткан, и датируются они монетными находками в целом еще кушанским и кушано-сасанидским временем — в пределах II–IV вв. (см. главу 2.7). Иными словами, одежды с соответствующими лацканами отнюдь не были изобретением ни ранних тюрков, ни эфталитов. Синьцзян по ряду версий был родиной обоих этносов, но подобные одежды бытовали там еще до их возникновения.

В-третьих, соглашаясь с Г.М. Майтдиновой по поводу важной роли в одежде Тохаристана образцов с *разными типами лацканов*, не могу не отметить, что в V — начале VIII в. на деле бытовали не два, а четыре типа оформления ворота верхней распашной плечевой одежды. Наряду с крупным правосторонним лацканом, который акцентирует внимание на особом, ярком цвете подкладки, в ранних комплексах (Дильберджин, помещение 16) бытовал иной, маленький и очень узкий лацкан в виде буквы «У», который к тому же не акцентировал цветом внимание на выступающей подкладке (Кругликова 1979, рис. 2, 21, 23, 56) (рис. 189, 27–28). Кроме того, на рубеже VII–VIII вв. наряду с манерой оставлять грудь открытой при наличии у ворота одного-двух лацканов известна и манера ношения мужского кафтана без лацканов — плотно застегнутым до шеи («дароносцы» в Аджина-тепе: Литвинский, Зеймаль 1971, табл. 5–6;

Древности 1985, фото на с. 165) (рис. 189, 46) или с незастегнутым верхом. Наконец, у чаганиянцев известен глубоко запахиваемый кафтан с оригинальным маленьким правым лацканом в форме прямоугольного выступа (рис. 195, 12). Это побудило меня в рабочем порядке выделить четыре комплекса оформления ворота верхней распашной одежды и попытаться рассмотреть их корреляцию с другими элементами одежды.

Материал одежды

Во многом он определялся традициями еще кушанского времени. По одной из версий, собственное шелкоткачество возникло в Тохаристане в конце V в. (Майтдинова 1991а, с. 23). Г.М. Майтдиновой предпринята попытка предположительно выделить особенности техники и декора шелков тохаристанского производства по принципу «найденно или изображено на территории Тохаристана» (Майтдинова 1996, с. 19–21; рис. 9, 12–26)³⁰³. По ее мнению, полихромные шелковые ткани, изображенные на одежде персонажей в Балалык-тепе и ряде других пунктов, — *исключительно* местного производства. Если это так, то на тохаристанцах (чаганиянцах), мужчинах и женщинах — участниках свадебного поезда в Афрасиабе — и у дамы в Калаи-Кафирнигане (Древности 1985, фото на с. 171) мы видим ткани совсем иного рода — одноцветные с каймой из персидских тканей с медальонами (Альбаум 1975, табл. XXII–XXIII) или же, напротив, из пестрых персидских тканей на белом или красном фоне с медальонами и без них (там же, табл. XXIX).

По данным Сюаньцзана и династийной хроники «Бэйши», в повседневной одежде знати преобладали шелковые или же хлопчатобумажные ткани, а у простолюдинов — шерстяные, в особенности белые (Бичурин 1950, II, с. 332; Шефер 1981, с. 273; ср.: Като 2001, с. 105; Beal 1906, p. 291, 296). Видимо, в Тохаристане производили и очень дорогие ткани, в том числе золотую парчу. В 682 г. китайский император Гаоцзун из соображения конфуцианских приличий был вынужден даже отказаться от подобного дара тохаристанского посольства как «слишком роскошного» (Шефер 1981, с. 264). Знатные дамы, как и в Согде, украшали шелковые одежды драгоценными камнями (Ghirshman 1948, p. 129).

Подлинные образцы тканей местного производства эфталитского времени из различных материалов — довольно низкого качества из хлопка с ромбовидным рисунком, шерсти, комбинированные из хлопка и шелка и шелковые неокрашенные, подчас украшенные вышивкой, — известны в Старом Термезе, Биттепе и Балалык-тепе (Майтдинова 1996, с. 13–17; 2003, с. 65). В одежде простолюдинов в могильнике «Курган» ткани были хлопчатобумажными неокрашенными, простого полотняного переплетения (Ел-

³⁰³ Исследовательница отмечает, что «тохаристанские образцы в музейных коллекциях еще не выявлены» (Майтдинова 1996, с. 132).

кина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 317); такие ткани, как известно, преобладали в регионе и позже (горняцкий поселок XI в. Базардара на востоке Памира: Бубнова 1992, с. 32; 1993, с. 136–142).

Плечевая одежда

В отличие от согдийцев, хорезмийцев и персов, в Тохаристане мы видим на изображениях лиц обоих полов главным образом *распашную* верхнюю одежду. Можно предположить, что это связано с господством кочевых этносов (эфталитов и тюрков). Пожалуй, лишь мужчины-чаганианцы на южной стене «Зала послов» одеты только в нераспашную верхнюю одежду с длинными узкими рукавами, с боковыми разрезами от уровня колен на подоле и горизонтальным воротом с каймой.

Распашная одежда

В соответствии с оформлением ворота, о котором говорилось выше, можно выделить (во всяком случае, на более полно документированном мужском материале) верхние «эфталитские» одежды с маленьким треугольным правым лацканом (*тип 1*), с крупным правым лацканом (*тип 2*) и «тюркские» — с двусторонними лацканами (*тип 3*), а также с наглухо застегнутым верхом³⁰⁴ или с расстегнутым верхом без лацканов (*тип 4*; ср. у тюрков: Кубарев 2000, с. 85); известны, однако, единичные изображения оформленного так ворота и на монетах эфталитов (Mitchiner 1978, p. 236, Nos 1538–1539).

Мужская распашная одежда

Длина одежд типа 1 — чуть выше колен (рис. 189, 27), у мальчика (Кругликова 1979, рис. 56) — до низа таза. Одежда типа 2 также имеет в ряде случаев длину выше колен (рис. 189, 31, 37–38), однако в Балалык-тепе известны экземпляры до щиколоток (рис. 189, 35, 43). У «тюркских» образцов типа 3 из областей, прилегающих с юга к Тохаристану (Бамиан, Фондукистан), длина выше колен (рис. 189, 39, 41, 51a). Халаты типа 4 часто более длинные — от колен (?) (рис. 189, 42) и ниже (рис. 189, 46), даже до щиколоток (рис. 189, 56a), но в одном случае халат явно очень короткий. Таким образом, при разнообразии параметров в течение обоих периодов преобладала длина кафтанов чуть выше колен.

Для ворота одежд типа 2 характерен большой лацкан, верхний край которого начинается от горловины (рис. 189, 29, 31, 33–34). Однако в одном случае в Балалык-тепе (рис. 189, 30) он начинается несколько ниже и имеет узкую дополнительную нашивную полосу по краю ворота, предназначенную для предохранения от загрязнения более дорогой ткани бортов.

У «тюркских» одеяний типа 3 двусторонние лацканы обычно больше, но у одного донатора в Фондукистане — узкие (рис. 189, 38). В Балалык-тепе мы также видим пришитую у самой кромки ворота узкую «защитную» полосу простой ткани (рис. 189, 35). У наглухо застегнутых распашных одеяний типа 4 оформление ворота различное: в одних случаях он вообще лишен декора (рис. 189, 45), в других имеется узкая (рис. 189, 69) или широкая (рис. 189, 42) кайма цветной ткани. Борта чаще узкие (исключения: рис. 189, 29, 42).

Рукава обычно до запястий. Часто у одежды типов 1–3 рукава имели пришивные высокие обшлаги. У поздних одеяний типа 4, застегивавшихся наглухо, документируются разнообразные типы рукавов: «обычные» с высоким обшлагом (рис. 189, 42); длиннее руки, собранные у запястья и образующие выше него складки (Аджина-тепе: рис. 189, 45–46); и наконец, очень короткие (святой воин: рис. 189, 51a).

На ряде мужских изображений в Балалык-тепе (Альбаум 1960, рис. 100, 102, 107) видим выглядывающий из-под халата верхний край нательной распашной рубахи (?) с небольшим треугольным вырезом ворота. Распашные нательные мужские рубахи известны в данном регионе вплоть до «этнографической» современности; они, в частности, бытовали у таджиков Припамирья и верховьев Зеравшана, а также у соседних тюркоязычных этносов (Рассудова 1970, с. 22; Сухарева 1979б, с. 97).

Женская распашная одежда

На собственно тохаристанских изображениях представлены широкие халаты длиной до щиколоток или до пят (наиболее длинными были халаты с правосторонним лацканом: рис. 190, 22, 24, 27). Всадницы из Чаганиана в Афрасиабе носили более короткие (до колен), широкие и свободные распашные кафтаны из тонких тканей, без пояса, с собранными у запястья рукавами (рис. 195, 30).

³⁰⁴ Ср. у тюрков: панель погребального ложа рубежа VI–VII вв. из Северного Китая в музее Михо: Juliano, Lerner 2001, p. 309, fig. K.

В отличие от мужских, на женских изображениях «эфталитского» комплекса в Южной Бактрии видим и халаты без лацканов (рис. 190, 21–21а). Рукава в этом комплексе разнообразны. Так, в Балалык-тепе у служанки они, как обычно, узкие и длинные, а у госпожи (рис. 190, 22) расширяются книзу (не менее 20 см). На «эфталитских» халатах в большинстве случаев (видимо, из-за характерных ракурсов) рукава не подчеркивались, поэтому Г.М. Майтдинова считает их безрукавными накидками; однако в ряде случаев рукава на такой одежде все же выглядят совершенно явно (Альбаум 1960, рис. 104). Полы халатов аристократок могли соединяться на уровне груди двумя кольцевидными застежками, к каждой из которых крепились по две длинные ленты (последние обычно были двуцветными) (рис. 190, 22).

Мужская нераспашная одежда

В качестве верхней она фигурирует на изображениях Тохаристана, прежде всего в ранний период — при кидаритах, и отчасти в «эфталитском» комплексе. В Дильберджине она документирована как у взрослых (рис. 189, 48, 51–52), так и у детей (рис. 189, 54). Интересно, что у «эфталитов» по Г.М. Майтдиновой (в Дильберджине и Балалык-тепе, в сцене с царственными парами в Бамиане) преобладают верхние *распашные* формы, в то время как на монетах (Alam 1986, Taf. 47, Nos 1475–1476, 1479–1482) и геммах (Callieri 1999) достоверных эфталитских правителей, напротив, господствуют *нераспашные*, в нумизматическом материале они обычно сочетаются с плащом, скрепленным на груди двумя дисковидными застежками.

Обычно длина такой одежды — до колен (рис. 189, 52, 55) или несколько выше (рис. 189, 48, 50, 52). У простолюдина из «Кургана» в одном случае документирован более длинный экземпляр с боковыми разрезами (Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 309); такая длинная рубаха еще в начале XX в. была повседневной одеждой мужчин у таджиков в верховьях Зеравшана (ср.: Рассудова 1970, с. 23). Подол в «эфталитском» комплексе, как и в сасанидском Иране, часто имел боковые разрезы, которые были декорированы единой широкой полосой цветной ткани (однако, в отличие от персов, у тохаристанцев такой подол не был «вздутым») (рис. 189, 51–52, 55). Изредка встречается и другой вариант сасанидского подола с разрезами — с полуовальным выступом спереди (рис. 189, 48–49); в «тюркском» комплексе он известен лишь на изображении святого воина (рис. 189, 50).

Ворот таких одежд обычно был глухой горизонтальный (рис. 189, 51, 53, 55–57), однако у одного персонажа в помещении 12 в Дильберджине он имеет узкий и довольно глубокий треугольный вырез (рис. 189, 52), простолюдины же носили и косоворотки с разрезом слева («Курган»: Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 309–310, 312; Майтдинова 2001б, с. 82); последние могли застегиваться сзади двумя пуговицами и завязываться выступающей лентой на краю ворота. В «Кургане» известен невысокий стоячий ворот (у взрослых — 2 см) при разной форме ворота у взрослых и детей. Горизонтальный ворот у мальчиков в «эфталитском» комплексе в Дильберджине (рис. 189, 54) собран по краю в складки; в таком случае его край стягивался лентой, короткие концы которой свисали на кушанский манер у правого плеча («Курган»: Майтдинова 2001б, рис. 1, 3). Рукава иногда лишены декора (рис. 189, 54, 57). Порой в «эфталитском» комплексе они имеют узкий обшлаг (рис. 189, 55–56). Часто встречается высокий пришивной обшлаг, в том числе декорированный на протяжении обоих периодов пестрой тканью (рис. 189, 52–53).

Нижняя нераспашная одежда (нательные рубахи) на известных изображениях знати обычно отсутствует (т.е. распашные кафтаны надевались чаще на голое тело). На серебряной, предположительно эфталитской чаше из клада у Датун в Северном Китае рубаха имеет треугольный вырез (рис. 189, 2а). Исключением в тюркское время можно считать одного из адорантов в Аджина-тепе (рис. 189, 3б), у которого видим рубаху с глухим горизонтальным воротом с широкой полосой отделки.

Женская нераспашная одежда

У знатных женщин и служанок нераспашная одежда во всех случаях известна только как нижняя, что весьма необычно для Западного Туркестана в целом.

В «эфталитском» комплексе она имеет длину до пят и соответственно длиннее верхней (рис. 190, 21, 29); в «тюркском» она несколько короче (до щиколоток) и одинаковой длины с верхней (рис. 190, 30). В первом комплексе платье имеет короткий (до 1,5 м) шлейф (Дильберджин: рис. 190, 21). Эти короткие (длиной чуть более 1 м) шлейфы у придворных дам упоминает и Сон Ю: их край несли специальные слуги (Beal 1906, р. ХСII–ХСIII; Майтдинова 1992а, с. 54). В середине VII в. одна из женщин на слоне в составе чаганианского посольства из Афрасиаба (подруга или служанка невесты, сидящая сзади нее?) (персонаж 5) одета в длинное светло-голубое платье до пят с воланами в сасанидском духе (Альбаум 1975,

табл. XX). Ворот женских платьев всегда горизонтальный и довольно узкий. Это мы наблюдаем и на платье («рубaxe», по Г.М. Майтдиновой) рядовой горожанки в «Кургaне» (Майтдинова 1992a, табл. 27).

Нательные рубахи знатных дам в Балалык-тепе — с узким горизонтальным воротом и каймой отделки (рис. 190, 22, 27). У одной из дам в Тавке ворот невысокий стоячий.

Плащи-накидки

У женщин плащи не изображались. У мужчин они были достаточно короткими (в одном достоверном случае — до низа таза: рис. 189, 60). Мужские плащи в IV в., при кидаритах крепились на плече (рис. 189, 61). Позже они часто застегивались по-персидски на груди двумя дисковидными застегками с продетыми в них лентами с коротким свисающим концом (рис. 189, 3) (монеты Незака: Alam 1986, Taf. 47, No. 1481). Наиболее ранние изображения таких плащей известны, однако, в самой Бактрии еще в кушанское время — на женщинах-адорантках из Фаяз-тепе (Kato 1992, fig. 5) (рис. 123, 16). В тюркское время у святого воина он крепится брошью на груди (рис. 189, 60). У двух чаганианцев в «Зале послов» плащ-накидка серого цвета, с завязанным на левом плече бантом (в том числе сзади — таким образом, что небольшая часть полотнища свешивалась узкой лентой ниже банта) (персонаж 4 западной стены и персонаж 14 южной стены) (Альбаум 1975, табл. XXIX).

Что касается пелерин кушанского типа в форме креста с заостренными концами, то они пока достоверно известны лишь на местных изображениях Будды и святых (рис. 189, 87–89). По нижнему краю они могли украшаться бубенчиками, в центральной части — четырьмя круглыми медальонами.

Головные уборы

Их формы у лиц обоих полов весьма просты и немногочисленны. Из семи типов уборов типы 1, 2, 6 и 7 документированы в «эфталитском» комплексе, тип 5 — в «тюркском» комплексе, тип 3 — в обоих комплексах.

Тип 1. Довольно высокий конусовидный мужской убор из черной ткани, верх которого свисает назад. Надо лбом он украшен имитацией цветка лотоса, окрашенного в голубой цвет (рис. 189, 1).

Тип 2. У правителя на серебряной чаше из Северной Индии в Британском музее видим убор в форме очень низкого конуса. По нижнему краю он повязан лентой, концы которой свисают сзади (рис. 189, 3).

Тип 3. На местной ткани одеяния фигуры 30 в Балалык-тепе видим мужчин в облегающих головы маленьких головных уборах (рис. 189, 2). Такой убор из узорчатой шелковой ткани бытовал и в Чаганиане (персонаж 4 западной стены и персонаж 14 южной стены в «Зале послов»).

У женщин один из типов головных уборов, аналогичный типу 3 у мужчин, сшит из темной (черной, серой или синей) ткани (рис. 190, 2, 2a, 3a); на изображениях в Тавке видно, что такая девичья (?) шапочка подчас имела небольшое отверстие на макушке, в которое мог пропускаться длинный локон.

Тип 4. На предположительно эфталитской серебряной чаше из Датунa (КНР) у юноши изображена миниатюрная уплощенная облегающая шапочка, закрывающая макушку. Она имеет узкую полоску декора по краю (рис. 189, 2a).

Тип 5. На терракотовой фигурке тюркского персонажа из Термеза (рис. 189, 7) видим довольно высокий конусовидный убор с высоким околышем, имеющим вертикальные стенки. Он украшен орнаментом в виде зигзага.

Тип 6. Этот женский убор имеет очень узкий околыш и образует на голове два полусферических выступа (рис. 190, 1).

Тип 7. В Тавке известен женский убор, силуэтно близкий мужскому типу 5 (Ш.А. Рахмонов называет его «чалмой») (рис. 190, 5б): его основой является конусовидная шапочка из плотной ткани или войлока черного цвета или темных оттенков синего, коричневого; околыш, видимо, образует ткань, обмотанная несколько раз вокруг головы и скрепленная в нескольких местах поперек ремешками. В.С. Соловьев все типы головных уборов Тавки у лиц обоих полов, в том числе узкие повязки-диадемы (рис. 189, 3a; 190, 5a), считает *арабской чалмой* (на деле они не имеют аналогов на ранних арабских изображениях) и на этом основании называет персонажей на росписях мусульманами (Соловьев 2004, с. 90–91).

Начельные украшения

334 Раннее украшение кидаритского правителя в сцене инвеституры Арташира II — повязка с тремя медальонами и свисающими сзади концами (рис. 189, 5) продолжает кушанские традиции. У мужчин-«эфта-

литов» простая повязка скрепляет короткую прическу (рис. 189, 25). На одной из гемм повязка украшена по верхнему краю серией имитаций бутонов лотоса — одного из основных буддийских символов (рис. 189, 26). В Дильберджине белая повязка имеет по бокам два треугольных выступа, а надо лбом по верхнему краю — имитацию бутона лотоса синего цвета (рис. 189, 6).

На рубеже VII–VIII вв. подобные повязки редки. В Аджина-тепе узкая желтая повязка завязана узелком сбоку, слева, в Тавке — на темени (рис. 189, 3а, 20). Узкие головные повязки у мужчин-чаганианцев в одних случаях красные (персонаж 3 западной стены и персонаж 9 южной стены в Афрасиабе), в других — белые (персонаж 2 западной стены и персонаж 10 южной стены).

Женские головные повязки «эфталитского» комплекса документированы на ранних росписях Бамиана (рис. 190, 6, 20). Одна из них, как и описанная выше мужская, повязана узелком слева. Другая украшена надо лбом полумесяцем. На рубеже VII–VIII вв. повязка документирована на одном изображении в Аджина-тепе и в Тавке (рис. 190, 5–5а). Она крепится более сложно, чем мужские образцы, дважды охватывая голову.

Хорошо сохранились женские головные повязки эфталитского времени в периферийном предгорном могильнике Ляхш (Майтдинова 1992а, табл. 33, 1; 34, 1; 2003, с. 130; рис. 99). В одном случае на ленте нашивались два яруса полусферических бляшек, в другом — ряд бронзовых крупных бляшек в форме многолепестковой розетки со вставками стекла и перламутра.

Штаны (шаровары)

Мужские штаны в «эфталитском» комплексе обычно были довольно узкими (редкие широкие экземпляры в Дильберджине см.: рис. 189, 76–78). В VII–VIII вв., напротив, преобладали широкие штаны (рис. 189, 50, 75; исключение — рис. 189, 86). В «Кургане» ширина штанин — от 25 до 33 см (см.: Майтдинова 2001б, с. 84–85). У «эфталитов» они иногда, видимо, имели разрез сзади по нижнему краю (см.: рис. 189, 74), а у «тюрок» крепились под сводом стопы узкой лямкой (рис. 189, 75). В «Кургане» девичьи и детские штаны имеют боковые разрезы по верхнему краю длиной от 25 до 40 см, назначение которых не вполне ясно.

Женские шаровары обычно не видны из-за длинной верхней распашной одежды. Однако в редких случаях, когда шаровары короткие (у всадниц в Афрасиабе), видно, что они очень широкие и стянуты ремешком по нижнему краю (персонаж 6: Альбаум 1975, табл. XXII).

Пояса

Интересной особенностью всех изображенных тохаристанцев является господство у них ременных поясов; матерчатые кушаки почти отсутствуют (возможно, это объясняется лишь наличием здесь не вполне рядовых персонажей). Ремень часто окрашен в черный цвет. Пояса довольно узкие (лишь у одного из свя-
тых воинов он широкий: рис. 189, 69).

В «эфталитском» комплексе пояс у мужчин иногда крепился на сасанидский манер двумя дисковидными застежками с продетыми в них лентами (рис. 189, 66; в тюркское время это документируется лишь у свя-
того воина: рис. 189, 68). Пряжки поясов в этот период были весьма разнообразны, имея форму полукруга (у лиц обоих полов: рис. 189, 65; рис. 190, 31), двойного сердечка (рис. 189, 64), розетки (рис. 189, 70). На ремне крепились мелкие круглые бляшки с ободком (рис. 189, 63) или треугольные (рис. 189, 70).

Иначе выглядят пояса «тюркского» комплекса. Адорант тюркского облика в Дильберджине (поздний, третий слой живописи северной стены) носит, видимо, золотой пояс, состоящий из ряда крупных дисков, окруженных по краю «жемчужинами» (рис. 189, 73). Другой тип целиком золотого пояса из плотного ряда крупных круглых блях со вставкой драгоценного камня в центре синего или красного цвета известен у чаганианца в Афрасиабе (рис. 195, 21). Золотые пояса с подобными вставками известны по письменным источникам у соседних персов и согдийцев, но на изображениях наиболее точную аналогию нашему поясу пока дают лишь синхронные образцы у знатных мужчин Кучи в Синьцзяне (Grünwedel 1912, fig. 12–13, 16). Третий тип сплошь золотых поясов с рядом крупных круглых бляшек с ободком документирован также у чаганианцев в Афрасиабе (посол Пукар-зате? — рис. 195, 23; южная стена, персонаж 10; оба пояса скреплены массивной прямоугольной пряжкой, отсутствующей у самаркандских тюрок). У Пукар-зате с пряжки свешивается каплевидная подвеска. Не исключено, что последний элемент восходит в конечном счете к специфически кушанским каплевидным подвескам к пряжке (см.: Rosenfield 1967, pl. 8, 22, 67; Yat-

senko 2001a, pl. 12, 78–79). Оба носителя этих поясов (персонажи 4 и 10) возглавляют шествие чаганианских мужчин-послов на западной и южной стенах.

Наборные ременные пояса имели весьма разнообразный бляшечный декор. Несколько его вариантов представлено у чаганианцев-послов в Афрасиабе. Так, у персонажа 14 на южной стене на ремне размещены с довольно большими промежутками крупные круглые золотые/золоченые бляхи с ободком по краю, т.е. декор соответствует поясам ряда тюркских чиновников в живописи того же зала (рис. 195, 17). Идентичные пояса хорошо известны у этнических согдийцев (Пенджикент: Беленицкий 1973, табл. 20; Беленицкий, Распопова 1980, рис. 2; Варахша: Шишкин 1963, табл. XIV). У персонажа 3 западной стены (рис. 195, 18) чередуются два типа накладок, аналогичные таковым и у части чиновников-тюрков в том же зале (крупные круглые с ободком и пары мелких полусферических: рис. 195, 18). У соседнего персонажа 2 (рис. 195, 20) видим однотипные бляшки редкой формы, аналогии которой известны в раннетюркских наборах с Северного Кавказа (Аржанцева 1987, рис. 8, 23). В Аджина-тепе встречен ряд квадратных золотых/золоченых бляшек (рис. 189, 71). У одного донатора в том же комплексе видим тюркский пояс с несколькими дополнительными свисающими ремнями (Litvinskij, Zeimal' 2004, fig. 36).

Кушаки, вероятно, изображены в «эфталитском» комплексе у адоранта в монастыре Тепе-Маранджан (рис. 189, 56) и у слуги на серебряном блюде из бывшего собрания Строгановых (рис. 189, 67). Они аккуратно крепятся на животе. В первом случае кушак повязан так, что короткий кончик торчит вверх, во втором — длинный конец свисает вниз. На обоих изображениях перед нами персонажи не самых высоких рангов.

В целом в оформлении поясов в «эфталитском» комплексе мы наблюдаем заметное сасанидское влияние (подробнее см. главу 4.1). Позже, несмотря на тюркское владычество в течение примерно 200 лет до арабского завоевания, влияние тюрков в декоре поясов обнаруживается лишь на одном из собственно тохаристанских изображений (оно отмечено также на некоторых поясах чаганианцев, изображенных согдийским мастером в Афрасиабе). Эта картина весьма необычна: исследователи привыкли к тому факту, что оформление тюркского пояса оказывало заметное влияние на соседствовавшие с тюрками этносы.

Женские пояса узкие, лишены декора и, как правило, пряжек (исключения — рис. 190, 31–32).

Обувь

У мужчин в кидаритском и «эфталитском» комплексах она весьма разнообразна: туфли, полусапожки, сапоги; при этом в «эфталитском» комплексе все виды обуви имели острые носы. Преобладают сапоги. Высокие сапоги имеют горизонтальный верхний край (рис. 189, 82, 82a), но чаще он образует под коленом треугольный выступ на сасанидский лад (рис. 189, 77–78, 83) (см. раздел 1). В первом случае эти ранние сапоги крепились ремешком в два оборота у щиколоток (рис. 189, 82–82a). Бытовали также туфли, крепившиеся ремешком под сводом стопы (рис. 189, 81), и полусапожки, стянутые ремнем у щиколоток (рис. 189, 79).

В «тюркском» комплексе на терракотовой фигурке известны туфли (рис. 189, 46a), но господствующий вид обуви — черные (по тюркской традиции) сапоги с треугольным выступом. По верхнему краю они могут иметь выступ в виде розетки (рис. 189, 84). Вероятно, он предназначался для крепления края сапога ремешком к поясу, как это мы явно видим у одного из донаторов в Фондукистане (рис. 189, 86).

У женщин обувь на собственно тохаристанских изображениях всегда скрыта подолом одежды. На всаднице из Афрасиаба видим черные полусапожки (Альбаум 1975, табл. XXII).

Прически

Тохаристанцы были темноволосыми. У мужчин до арабского завоевания господствует короткая стрижка без пробора (единственное исключение — персонаж из Дильберджина: рис. 189, 6). В «эфталитском» комплексе края волос подчас завивались (рис. 189, 23–24, 26), в том числе у слуги (рис. 189, 17). Изредка волосы сзади были заметно длиннее, частично закрывая шею (рис. 189, 2–3, 21). В отличие от Согда мужские прически с косами здесь совершенно отсутствуют. Тонкую прядь волос иногда видим у висков (рис. 189, 2, 11–12); в «тюркском» комплексе прядь фигурная, имеет форму своеобразного трилистника (рис. 189, 11).

Персонажи обычно гладко выбриты (в Балалык-тепе брили и усы). Короткая клиновидная борода бытовала изредка лишь в кидаритско-хионитском (рис. 189, 5) и «эфталитском» (рис. 189, 2–3, 15) комплексах; в тюркское время чаганианцы носили окладистые бороды (там же, табл. VI, XXIV, XXXIX). Усы бывали иногда вислыми (рис. 189, 14) или чуть загнутыми вверх (рис. 189, 24). На ряде монет эфталитских

правителей видим длинные, изогнутые, но в целом идущие горизонтально (вероятно, напomaженные) усы (Mitchiner 1978, p. 221–236).

У женщин в «эфталитском» комплексе прямой пробор также делался крайне редко (рис. 190, 3, 8; в «тюркском» см. рис. 190, 14а, 19). Волосы могли подвигаться по краям и укладываться широким кольцом вокруг макушки (рис. 190, 4) или подвигаться с боков (рис. 190, 3). Изредка встречается очень короткая стрижка без кос (там же, табл. XXII), в том числе со свисающей надо лбом подвеской (рис. 190, 18).

В Тавке девушки спускали на лоб короткий, завитой на конце локон; еще два коротких прямых локона свисали с висков, и один продевался через отверстие в макушке шапочки (рис. 190, 2а, 3а). У всадниц-чаганианок в Афрасиабе длинные волосы зачесаны назад и частично сколоты на темени двумя булавками (рис. 195, 25). У замужних женщин часто видим прическу с двумя длинными и довольно тонкими косами (рис. 190, 10–13); к ним иногда крепились три бусины, аналогичные этнографическим «бугмача» (см.: Альбаум 1960, примеч. 6). У знатных дам на эфталитских геммах косы довольно короткие и имеют на концах крупные наконечники: низку из трех пронизок или две крупные подпрямоугольные подвески (рис. 190, 15–16). Реже встречаются четыре косы (девушка: рис. 190, 2), две косы в сочетании с локонами у висков (рис. 190, 11, 14) или только два локона, порой очень длинных (рис. 190, 8, 11) (в последнем случае волосы сзади иногда собирались в узел, с которого свисали концы ленты: рис. 190, 11–12, 14). У одной из женщин в Дильберджине косы образуют овал вокруг ушей (рис. 190, 17).

У «Афины» в Дильберджине также изображены две косы, носившиеся сзади, и два длинных локона у висков (рис. 190, 7). Та же прическа у чаганианки на слоне в Афрасиабе (рис. 195, 24). Эта традиция характерна как для Тохаристана, так и для Согда. Еще недавно такая прическа, считавшаяся принадлежностью только незамужних девушек, широко бытовала в Западном Туркестане, в том числе среди ираноязычных таджиков (см., например: Широкова 1976, с. 104–105). Известна также прическа, когда только два очень длинных локона («косички») спускаются с висков (рис. 190, 20) или волосы собраны в кольцо на макушке (рис. 190, 19). Лишь в тюркское время для скрепления прически использовали головные повязки (рис. 190, 5–6, 20).

Косметика

У «Афины» на росписи из Дильберджина «эфталитского» комплекса видим на каждой щеке по одному крупному завитку, нанесенному синей краской (рис. 190, 7), а у женщины, стоящей за ней, — на лбу кружок того же синего цвета (Кругликова 1979, с. 128; рис. 10); у женщин в Балалык-тепе и Аджина-тепе известен подобный кружок красного цвета (рис. 190, 11). Из-за неточностей в имевшихся прорисовках фигур предполагаемых чаганианцев в «Зале послов» я, возможно, неверно увидел небольшую красную круглую метку между носом и верхней губой у ряда персонажей³⁰⁵. Эта традиция у лиц обоих полов в Бактрии/Тохаристане документировалась еще в кушанское время. Для подкрашивания век использовали порошок графита (Литвинский, Соловьев 1985, с. 106). Благовонным составом, экспортируемым из Тохаристана, часто придавалась форма крупного плода (Шефер 1981, с. 214).

Крой

Наряду с рассматриваемыми изображениями знати и дворцовой прислуги большую роль играют в этом плане материалы одежды рядовых горожан эфталитского времени из могильника «Курган» у Старого Термеза, проанализированные Г.М. Майтдиновой (Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 308–319; Майтдинова 2001б, с. 81–85). Высказывалось мнение, что использование легких шелков или, напротив, плотных тяжелых тканей должно было заметно менять конструктивное решение одежды (Майтдинова 1992а, с. 41–42). К сожалению, это пока не подтверждается доступными материалами.

Халаты тюркского комплекса, видимо, иногда имели пришитый подол из пестрой ткани (Дильберджин — верх фигуры, к сожалению, плохо сохранился: рис. 189, 56а). То же можно сказать о некоторых женских платьях этого комплекса (рис. 190, 30).

³⁰⁵ И.А. Аржанцева и О.Н. Иневаткина, исходя из достоверности собственных прорисовок, склонны считать, что на росписях Афрасиаба речь *всегда* идет не о точке, нанесенной красной краской, а об U-образной ямочке над подбородком (Аржанцева, Иневаткина 2005, с. 125). Плохая сохранность подлинников росписей сегодня не позволяет проверить справедливость этого заключения.

Верхняя нераспашная одежда у мужчин кидаритского и «эфталитского» комплексов обычно имеет расширяющийся книзу (явно с помощью боковин) подол и в тех случаях, когда боковые разрезы отсутствуют (рис. 189, 56). У эфталитских и более поздних правителей одежда, видимо, кроилась с плечевым швом. Во всяком случае, он выделен полосой декора однотипных бляшек на монетах Незака, Гобозико и Серо (Alram 1986, Taf. 47, Nos 1473, 1479, 1482). Рубахи из «Кургана» имели туникообразный крой без плечевого шва и подчас были очень широкими. Они расширялись либо непосредственно из-под рукавов или имели подол с клиньями; иногда верх спереди шился из яркой ткани (Майтдинова 1992а, табл. 54–56).

Штаны, обнаруженные в «Кургане», кроились из двух полотнищ-штанин и вставки-мотни, скроенной из одной прямоугольной или трех мелких частей (Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 312–313). Высокие сапоги у мужчин кроились начиная с кидаритского времени (IV в.) с вертикальным швом на голенищах спереди (рис. 189, 82а, 86). На «эфталитских» образцах иногда выделялся также шов, отделявший голенище от головки.

Манера ношения

У женщины на слоне в Афрасиабе поверх платья, по-видимому, носился внакидку красный халат. На собственно тохаристанских изображениях длинные халаты носились так же. Женские кафтаны всадниц в Афрасиабе имели глубокий запах налево, причем правая, идущая сверху пола, видимо, крепилась на боку пуговицей (рис. 195, 30). В целом одной из особенностей костюма Чаганиана можно считать очень глубокий запах кафтанов налево у лиц обоих полов (персонажи 2–4 на западной стене, 6–8 на южной стене в Афрасиабе). Ворот верхней нераспашной одежды у мужчин Тохаристана иногда стягивался лентой, концы которой свисали на правом плече. Такая одежда всегда носилась подпоясанной; у женщин в разные периоды она также чаще всего подпоясывалась.

Штаны у мужчин чаще были заправленными в обувь (не заправляли их иногда в «эфталитском» комплексе: рис. 189, 74, 79); женские стягивались по нижнему краю штанин ремешком (всадницы в Афрасиабе). Пояса у «эфталитских» женщин обычно крепились высоко под грудью (см. исключение: рис. 190, 25).

Цветовая гамма

В Дильберджине у мужчин цвет плечевой одежды и штанов обычно одинаков, кайма штанов окрашена так же, как и подол. Это цвета: белый (часто с синей каймой), желтый и коричневый (иногда со светло-коричневой каймой), реже красный (без каймы или с черной каймой), розовый или синий (с желтой каймой); кайма в разных случаях — синяя, красная, желтая, коричневая, черная. В Балалык-тепе у кафтанов цвета желтый (с черной или красной каймой и белой или красной подкладкой), белый (с красной или черной каймой и желтой или красной подкладкой), красный (с черной или желтой каймой и желтой подкладкой), серо-зеленый (с красной каймой и белой подкладкой) и черный (с желтой каймой и желтым пришитым подолом). Нижние рубахи в Балалык-тепе белые или голубые. В целом преобладают для основного

фона верхней одежды три цвета: белый, красный и желтый, в отделке также часто встречен черный. На рубеже VII–VIII вв. в Аджина-тепе и Калаи-Кафирнигане фон верхней одежды белый или кремовый, у чаганианцев в Афрасиабе — обычно белый (в одном случае — красный).

Женские распашные халаты и кафтаны позднего «эфталитского» комплекса в Балалык-тепе чаще всего красные (с каймой желтого, черного, зеленого, голубого или болотного цвета), желтые с черной, красной или коричневой каймой и белой подкладкой, белые с серой или желтой каймой и белой подкладкой, реже — серо-зеленые (с красной каймой) и коричневые с черной каймой и белой подкладкой. Здесь господствуют те же три цвета — белый, красный и желтый. В Тавке халаты белые. В «тюркском» комплексе они бывали красные (женщина на слоне в Афрасиабе) или розовые (Калаи-Кафирниган). Платья в «эфталитском» комплексе были красными (Дильберджин и Балалык-тепе) или желтыми (с темно-коричневым или темно-фиолетовым воротом) (Тавка), а в «тюркском» — иных цветов: желтыми (Калаи-Кафирниган), синими (Аджина-тепе) или голубыми (упомянутая женщина на слоне). Каждая из трех едущих рядом всадниц в Афрасиабе, вероятно, имела особый цвет как кафтана, так и шаровар.

Интересно, что на тканях одежд почти отсутствует зеленый цвет, неоднократно встреченный на археологических тканях Тохаристана (ср.: Майтдинова 1991а, с. 18–19). Возможно, это связано с тем, что в

раскопках представлены главным образом дешевые хлопчатобумажные образцы. В целом, по данным китайских источников и материалам могильников («Курган»), у простолюдинов преобладала одежда из неокрашенных (белых) хлопчатобумажных тканей. Много позже у горных таджиков верховьев Зеравшана белый цвет сохранил лишь ритуальное значение (для свадебного костюма, для одежд стариков): любимым цветом парадной одежды лиц обоих полов стал красный (ср.: Рассудова 1970, с. 18–19).

У хионитов, по пехлевийским источникам, известны «красные» и «белые» хионы, отличавшиеся цветом мужских (?) головных уборов (см., например: Майтдинова 1996, с. 119). Головные уборы более позднего, «эфталитского» комплекса у обоих полов в Дильберджине всегда черные. Ранняя головная повязка

в Дильберджине — белая, образцы VII–VIII вв. в Афрасиабе — белые или красные, в Калаи-Кафирнигане — розовые, в Ажина-тепе — желтые.

Обувь в «эфталитском» комплексе у адорантов в Дильберджине светлая (белая, светло-коричневая, желтая), а также в тюркское время, по тюркской традиции, черная.

Силуэт и декоративные принципы

Силуэт мужской одежды в «эфталитском» комплексе не имеет резких сужений или расширений; он сужается у пояса, слегка расширяется клиньями подола до колен и плавно сужается книзу (из-за широких шаровар навывпуск). Важную роль играл облик одежды в сидячем положении носящего ее. Женский силуэт обычно в целом напоминал цилиндр (за счет ношения свободной верхней распашной одежды). У сидящих аристократов, особенно у женщин в накинутых длинных халатах, фигура напоминает шар.

У мужских кафтанов «эфталитских» типов 1 и 2 подол и борта украшались однотипной довольно узкой каймой; иногда по краю подола шла очень короткая и толстая бахрома (рис. 189, 44). У кафтанов и халатов «тюркских» типов 3 и 4 декор более разнообразен: он мог иметь широкую многослойную полосу на подоле (рис. 189, 41) или декоративную кайму только на бортах (рис. 189, 38–39, 46)³⁰⁶. В одном случае длинный халат, вероятно, имел пришивной подол (?) из пестрой ткани (рис. 189, 56a). Лацканы были наиболее богато оформлены у «эфталитских» образцов типа 2: здесь мы иногда видим до 5–6 полос декора (правитель в ранней сцене из Бамина: рис. 189, 34). У наглухо застегнутых распашных одеяний типа 4 оформление ворота весьма различается: в одних случаях он вообще лишен декора (рис. 189, 45), в других имеется узкая или широкая (рис. 189, 42) кайма из цветной ткани. Высокие обшлага на рукавах кафтанов и халатов в «эфталитских» комплексах в целом одноцветные (для распашных одежд с воротом типа 2 отмечены и две дополнительные полосы особого декора по краям: рис. 189, 34, 44); у «тюркских» образцов типа 3 встречаются и обшлага из пестрой ткани (рис. 189, 35). Борта декорированы обычно однотипно (цветной тканью или мехом); у «эфталитов» известен ряд круглых бляшек с ободком (рис. 189, 44).

У женских халатов подол и борта украшались обычно однотипной полосой декора. В одной из сцен в Балалык-тепе это наблюдается у госпожи, а стоящая рядом служанка имеет лишь декорированные борта (рис. 190, 27). Богато декорировались, как и у мужчин, халаты с правым лацканом (рис. 190, 24–25), в том числе полосой ткани с выющимися побегими. На верхней одежде (т.е. явно на халате) у замужних эфталитов подвешивались кисти по количеству имеющихся мужей в условиях обычного здесь многомужества (Бичурин 1950, II, с. 268, 286). Правая пола запахнутых кафтанов всадниц Афрасиаба имеет очень широкую кайму иного цвета по борту; ее декор составляют серия кружков из жемчуга (?) посередине и ряд розеток по краям (рис. 195, 30).

Нераспашная мужская одежда с боковыми разрезами подола в эфталитское время орнаментировалась, как и в сасанидском Иране, единой широкой каймой цветной ткани вместе с краем подола. Иногда параллельно нашиты две полосы с разным декором (рис. 189, 47, 55). У чаганианских гостей на южной стене «Зала послов» как разрезы подола, так и ворот окаймлены полоской многоцветной шелковой ткани с узорами; на западной стене этого зала у персонажей 2 и 4 на плечах видны «погоны» из разноцветной ткани (у представителей других этносов в этих росписях они отсутствуют) (рис. 195, 12–13). В «эфталитском» комплексе «погоны» документированы в одежде ребенка (Дильберджин: рис. 189, 54). У кидаритского правителя на рельефе с инвеститурой Арташира II (Ghirshman 1962, fig. 233–234) ворот декорирован широкой полосой ткани, на которую нашит по древней юэчжийской традиции ряд чередующихся бляшек в форме круга с триквестром в центре и в виде песочных часов (рис. 189, 57). Отделка ворота рубахи № 2 в «Кургане» состояла из полихромного (красно-зелено-желтого) шелка (Майтдинова 2001б,

³⁰⁶ На монетах ряда эфталитских правителей на нетипичных для их эпохи кафтанах с воротом типа 4 борта украшены двойной линией круглых бляшек, а плечевой шов — одинарной (Mitchiner 1978, Nos 1538–1539: рис. 189, 42a).

с. 82). Ворот женских платьев имеет как узкую полосу отделки по краю (рис. 190, 24; Альбаум 1960, рис. 102), так и широкую (с начала тюркского времени) (рис. 190, 28, 30). У взрослых женщин (?) в «Кургане» рубахи обшивались спереди вертикальной узкой полосой из каких-то мелких украшений (бусин?), которые сняли при помещении трупа в могилу (карман?); на детской рубашке такая полоска сверху довольно широкая, а от нижней части груди заметно сужается (см.: Майтдинова 1992а, табл. 16, 27, 40, 1); Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 312; Майтдинова 2001б, рис. 1). Рукава платьев длиной до запястья, обычно узкие. Однако в Балалык-тепе известны экземпляры с сильно расширяющимися к краю рукавами (рис. 190, 28), а в поздний период и широкие («вздутые») с узким обшлагом (Аджина-тепе: рис. 190, 30).

Штаны у мужчин как в «эфталитском» (рис. 189, 80), так и в «тюркском» (рис. 189, 75) комплексах имели сбоку с наружной стороны вертикальную полосу, подчас двойную (лампасы), известную пока только в Дильберджине. В этом же пункте документируется ситуация, когда штанины шились из сетчатой ткани, а нижний край с разрезом сзади украшался полоской полосатой ткани (рис. 189, 74).

В эфталитское время в Дильберджине одежда в основном однотонная, с цветной каймой; лишь изредка отмечены ткани сетчатые или с рядами значков «Y». Наибольшая пестрота и разнообразие полихромных шелковых тканей в одежде тохаристанцев наблюдались в таком комплексе середины VII в., как Балалык-тепе: здесь мы видим сетку из квадратов или ромбов, в которую вписаны геометрические, растительные и зооморфные мотивы; ряды крупных медальонов с растительными, зооморфными и антропоморфными мотивами; знаки трех карточных мастей (Сычева 1990) и т.п.

В «тюркском» комплексе в целом также преобладают одноцветные одежды с каймой. У чаганиянцев в Афрасиабе некоторые мужчины носят одеяния из сасанидских тканей с рядами зооморфных мотивов (рис. 200). Узорные шелковые ткани изображены в Афрасиабе в костюме представителей всех среднеазиатских этносов. Однако среди них есть ткани с такими сюжетами, которые представлены только у чаганиянцев (причем неоднократно). Во-первых, это изображение в медальонах белого гуся, держащего в клюве ожерелье, на белом или красном фоне (персонаж 3 на западной стене — основной фон одежды; персонаж 13 на южной стене — основной фон конской попоны). Возможно, ткани с гусем использовались чаганиянцами не случайно (гуся, как следует из комментирующей изображения надписи, фигурируют в числе ответных даров самаркандскому царю Вархуману от родственников невесты и, по предположению В.А. Шишкина, были священными птицами). Во-вторых, это ткани с крылатыми львами в медальонах (белых на белом фоне) (попона слона на южной стене; дарственный сверток ткани у персонажа 3 на западной стене).

Мужская обувь почти лишена декора. Высокие сапоги с треугольным выступом в течение обоих периодов имеют полосу отделки по верхнему краю (рис. 189, 83, 86). Сапоги с горизонтальным верхним краем в раннее кидаритское время могли украшаться полоской вдоль вертикального шва голенища (рис. 189, 82а). У полусапожек одного чаганиянца скромно декорирован подъем стопы (рис. 195, 14).

Эстетический идеал этноса

На эфталитских геммах и росписях Дильберджина и Балалык-тепе у персонажей обоих полов массивная шея, округлая голова, пухлые щеки и нижняя часть бритого лица, удлиненные миндалевидные глаза, тонкие, длинные, несходящиеся брови. То же мы видим позже в Калаи-Кафирнигане. Судя по ряду монет, правящий клан эфталитов отличался особо деформированным (видимо, в детстве, с помощью повязок), удлиненным черепом (Mitchiner 1978, p. 221–236). В Балалык-тепе у изображенных длинный прямой нос и миниатюрный рот. У мужчин плотная и удлиненная фигура, мускулистые руки, но тонкие пальцы. У женщин бедра и бюст не подчеркивались. Большое значение придавали выразительным и изящным движениям кистей рук: особое внимание уделялось при этом положению пальцев (оттопыренный мизинец и т.п.).

Высказывалось предположение, что весьма заметные различия в почти синхронных изображениях в Дильберджине (Южный Тохаристан) и Балалык-тепе (Северный Тохаристан) (удлиненность фигуры на втором из памятников и большая длина халатов, изысканность поз, галантность по отношению к дамам) отражают неожиданную и очень быструю эволюцию идеала мужчины в связи с оформлением «рыцарского сословия» (Майтдинова, 1992а, с. 39–40). Однако я допускаю, что суть этих отличий не столько в некой эволюции, сколько в культурной специфике разных частей страны.

Этническая одежда эфталитов

или одежда эфталитского времени?

Г.М. Майтдиновой приведен список предполагаемых особенностей одежды этнических эфталитов (Майтдинова 1991б, с. 10), который пока не кажется мне удачным. В него входят: распашная одежда с правым лацканом (которая, как уже отмечалось, связана своим происхождением с Восточным Туркестаном и известна там еще во II–IV вв.: см. главу 2.7), «рубahi» с боковыми разрезами на подоле с дуговидным вырезом (т.е. сасанидские: см. раздел 1) и с единой декоративной полосой по краю подола и его разрезам (что, как отмечалось выше, характерно для соседнего сасанидского Ирана со времен Пероза).

С точки зрения Г.М. Майтдиновой, костюм Тохаристана V–VI вв. — это вполне однотипный костюм *этнических эфталитов*. Однако такая трактовка пока не может объяснить ряд особенностей комплексов одежды этого времени. Во-первых, если кафтаны с *правосторонним лацканом* действительно характернейшая черта одежды именно эфталитской аристократии (ср.: Майтдинова 1992а, с. 124, 126, 138; P'yasov 2001, p. 190), то почему же на всех ее наиболее достоверных изображениях (на монетах и геммах) этот лацкан среди большого разнообразия изображений встречен лишь в одном (!) случае — в чекане второстепенного правителя (серебряная драхма конца V в. из Музея национальной истории в Ташкенте: Ртвеладзе 1987, с. 139; Майтдинова 1992а, рис. 13, 14; Tanabe 2004a, fig. 14), хотя персонажи изображены погрудно, чаще всего повернутыми вправо (т.е. этот лацкан должен был быть виден обязательно). То же мы наблюдаем почти на всех серебряных чашах. Во-вторых, почему на геммах и монетах эфталитов мужчины представлены не в кафтанах (преобладающих в Дильберджине, «эфталитских по облику» изображениях Бамина и Балалык-тепе), а в скелотых на груди двойной застежкой плащах или нераспашной одежде? В-третьих, почему типы женских причесок на геммах (две коротких косы с массивными наконечниками украшениями, прическа типа рис. 190, 16) (Callieri 1999, Cat. U7.41–42, 45) совершенно не совпадают с известными у знати в ранней живописи Дильберджина?

Наиболее предпочтительными кажутся мне следующие ответы. Появление и бытование правостороннего лацкана пока нет необходимости (и реальных фактических оснований) связывать именно с этническими эфталитами. Кроме того, в тохаристанском материале достоверная собственно эфталитская одежда явно продолжает древние местные кушанские традиции (преобладание нераспашной верхней одежды, типы многих причесок и т.п.: см. главу 4.2). Не исключаю, что это говорит в пользу гипотез о происхождении эфталитов с окраин собственно Тохаристана (Ртвеладзе 1985, с. 110–112) или соседнего Бадахшана (Enoki 1955, p. 235). Вместе в тем в одежде, представленной у знати на росписях с V–VI вв., явно прослеживаются новшества, связанные с Западным Китаем (правосторонний лацкан: см. следующий раздел, и ряд других элементов³⁰⁷) и кочевым миром (господство распашной верхней одежды).

Тохаристанцы в искусстве других стран: образ Иного

Среди китайских танских терракотовых фигурок VII–VIII вв. возможные изображения тохаристанцев крайне редки. На одной из них, происходящей из коллекции Ж.-Г. Маллера (Mahler 1959, pl. V, b), на тохаристанскую атрибуцию указывают имеющие кушанскую аналогию головной убор мужчины и его ноговицы (ср.: рис. 121, 18, 96). Изображения ноговиц в парадных сценах из собственно Тохаристана пока не известны, так как этот элемент относился не к парадной, а к дорожной одежде. Кафтан застегнут в нижней части груди парными дисковидными застежками и имеет по хотано-тюркской традиции два лацкана. Вместе с тем странным кажется то обстоятельство, что данный персонаж не подпоясан.

Большой интерес для изучения костюмных комплексов Евразии VII в. представляет серия изображений представителей разных этносов в упоминавшемся «Зале послов» в согдийском Самарканде (городище Афрасиаб). Мне неоднократно приходилось отмечать высокую этнографическую точность в изображениях этого комплекса (Яценко 1995б; Yatsenko 2004). Чем ценны в данном случае выполненные на высоком художественном уровне согдийские изображения выходцев из северотохаристанской области Чаганиан, соседствовавшей с Согдом (Альбаум 1975, табл. VI, XIII–XIV, XX–XXIV, XXIX–XXX)? Прежде всего тем, что они, на мой взгляд, являются, как правильно заключил в свое время Л.И. Альбаум, свадебным эскортом во главе с начальником государственной канцелярии (дапирпатом Пукар-зате), сопровождаю-

³⁰⁷ На шелковой ткани 487 г. из пещер Магао в Дуньхуане, где изображены знатные дамы из кочевого племени тоба, захватившего Северный Китай и основавшего там царство Северное Вэй (Juliano, Lerner 2001, p. 144, No. 45), мы видим свойственные «эфталитам» Дильберджина платье с коротким шлейфом и головной убор с двумя полукруглыми выступами, а узор на тканях халата наиболее сходен с одним из образцов в Балалык-тепе (ср.: Майтдинова 1996, рис. 23).

щим в Самарканд чаганианскую невесту (там же, с. 56), и отражают в костюме ряд свадебных обычаев тохаристанской знати того времени (см. главу 4.3). Изображения чаганианцев в Афрасиабе необычайно детализированы, и это позволяет сделать ряд важных уточнений по костюмному комплексу Тохаристана в целом. Так, выясняется, что верхняя одежда из сасанидских шелков с изображением божественной собакоптицы Сэнмурва была не только спецификой костюма сасанидских шаханшахов (Mode 1993, S. 59–71) (вероятный Пукар-зате — персонаж 4 западной стены), а широкие одноцветные головные повязки (фигуры 2 и 3 западной стены, 9 и 10 южной стены; ср. у женщины в Калаи-Кафирнигане: рис. 190, 5) носились не только женщинами, но и мужчинами. Впервые документируются золотые пояса у знати (персонажи 4 западной стены, 9, 10 и 15 южной стены) (наличие которых, впрочем, при расположении между Ираном и Согдом, где они надежно документированы, следовало ожидать) и ременные наборные пояса с блестящим декором тюркского облика (персонажи 2 и 3 западной стены), что совершенно естественно в условиях тюркского господства в регионе. Зато несколько неожиданным оказывается сохранение в одежде тюркского времени (тем более в северной, более удаленной от Ирана части Тохаристана) довольно значительного количества сасанидских форм, что пока не находит подтверждения в материалах из остального Тохаристана (см. главу 4.1), и несколько архаичных элементов одежды женщин-всадниц (короткие кафтаны с глубоким запахом в сочетании с шароварами). Этот консерватизм одежды маленького княжества, вероятно, как-то связан с традициями и политической ориентацией правившей в нем династии.

3.4. Хорезмийцы

Специальная характеристика костюма хорезмийского этноса в раннем средневековье в литературе практически отсутствует.

Источники

Подавляющее большинство рассматриваемых в разделе материалов относится к VII — началу VIII в., т.е. непосредственно к периоду перед арабским завоеванием Хорезма. Это, прежде всего, изображения на росписных оссуриях из Миздакхана и Ток-калы (Гудкова 1964, рис. 29, 31; Ягодин, Ташходжаев 1970, цветная вклейка 3; Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 31). Это также изображения божеств и эпических персонажей на серебряных блюдах, найденных в бывших Пермском и Красноуфимском уездах Пермской губернии (Смирнов 1909, табл. XVIII, № 42, 45; XX, № 46). Интерес представляют и погрудные изображения поздних хорезмийских правителей на монетах (Вайнберг 1977). Наконец, весьма важны отдельные находки фрагментов подлинных одежд и обуви в руинах нескольких феодальных замков (замки № 11 и 36, Тешик-кала и Якке-Парсан: Неразик 1966, с. 97–100).

Общие замечания

в связи с изучением костюма

раннесредневекового (доисламского) Хорезма

С начала IV в. в Хорезме наступает период политической децентрализации и известной нестабильности, отчасти связанный с пресечением прежней династии. Предание, сохраненное нам Бируни, связывает начало новых времен с воцарением некоего Африга, потомка Кей-Хосрова. Царской резиденцией при Афригидах стал новый город ал-Фир (городище Аяз-кала 2?). Это время существования нескольких тысяч мелких «замков» (под ними у ранних арабских авторов, таких, как ал-Макдиси, подразумевались, видимо, укрепленные фамильные усадьбы). Несомненно, страна подверглась давлению гуннов и хионитов в IV в. н.э., эфталитов в V в. и тюрков со второй половины VI в. Самостоятельное развитие Хорезма закончилось в основном в 712 г. — после того, как хорезмшах Чеган призвал на помощь во время усобиц в стране арабского полководца Кутейбу ибн-Муслима (см., например: Рапопорт, Неразик, Левина 2000, с. 69, 77). Хорезм «славился» холодной и ветреной погодой в зимний сезон. Так, в начале X в. знаменитое посольство багдадского халифа во главе с Ибн Фадланом было вынуждено по прибытии туда приобрести много теплой одежды, так что, сидя на верблюде, никто из участников посольства «не мог двигаться от одежд» (Материалы 1939, с. 158).

Материал одежды

К раннеисламскому времени относятся ценные сведения о международной торговле северными мехами, в которой активно участвовал и Хорезм (так называемый «Меховой путь»); есть все основания полагать, что он существовал и в предарабское и в еще более раннее время. Так, в сочинении ал-Макдиси «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» в числе основных предметов международной торговли Хорезма названы меха соболя, горностая, куницы, бобра, серой белки, рыжей и степной лисиц, крашенный мех зайца и козы шкуры (там же, с. 202). В трактате ал-Истахри «Китаб месалик ал-мамалик» утверждается, что к хорезмийцам попадает «большая часть мехов степных лисиц, соболей, лисиц, бобров и других» (там же, с. 180).

В одном из источников упоминаются шелковые ткани хорезмийского производства типа «занданечи» (Беленицкий, Бентович 1961, с. 66). В укрепленных замках афригидского Хорезма VII–VIII вв. представлены тонкие хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Преобладают первые, напоминающие по облику этнографические ткани «мата» (Неразик 1966, с. 98). В названном раннеисламском сочинении ал-Макдиси и в анонимном персидском трактате «Худуд ал-алам» сообщается о том, что в Хорезме производятся вывозимые в другие страны «прекрасная парча (для подарков), цветные одежды», стеганые одежды и войлочные колпаки (Материалы 1939, с. 202, 216). Вероятно, эти сведения хотя бы отчасти можно отнести и к предисламскому периоду.

Мужская распашная одежда

Можно предположить, что у мужчин распашная верхняя одежда (халаты) с рукавами была характерна, прежде всего для знати. Парадные халаты тюркского облика изображены у эпического персонажа на серебряном блюде из дер. Нижне-Шахаровки (рис. 202, 4) и у главного мужского персонажа на оссуарии № 1 из Ток-калы (рис. 202, 5; 203). Они почти до щиколоток, с длинными узкими рукавами, подпоясаны и имеют два больших лацкана, характерных в это время для тюрков (Яценко 2000б, с. 333). На первом, более детализованном изображении видим узкую кайму отделки по бортам и подолу. На лацканах выглядывает полоса подкладки (видимо, другого цвета); судя по размерам лацканов, они скроены как парадный, а не функциональный элемент костюма: при попытке застегнуть их на шее концы лацканов из-за их ширины не сошлись бы. Оба халата явно застегнуты на груди несколькими пуговицами, ниже (как и в предшествующий период) полы несколько расходятся. О том, как выглядели халаты рядовых жителей для холодного сезона, свидетельствуют их остатки из замков № 36 и Тешик-кала: они трехслойные (между двумя слоями белой хлопчатобумажной ткани помещен слой войлока) (Неразик 1966, с. 98).

Другой тип распашной одежды — безрукавные кафтаны, которые носили наглухо застегнутыми. Длинной они были до колен или до щиколоток и обычно подпоясаны. Их верхняя часть хорошо видна, в частности у персонажей 1 и 4 на крышке оссуария № 1 из Ток-калы (здесь и далее нумерация персонажей на росписях оссуариев дается слева направо) и на оссуарии № 4 из того же комплекса, нижняя часть — у лежащего умершего на оссуарии № 2 (рис. 202, 6–7, 9). Одежда этого типа кроилась очень широко: на первом из перечисленных изображений хорошо видны широкие боковины, пришитые к стану по всей его длине. Видно также, что длинные рукава — другого цвета и относятся к нижней рубаше. Борты и в одном случае — ворот (рис. 202, 7) имели по краю широкую кайму декора (гораздо более широкую, чем на кафтанах первого типа). Куртки/кафтаны, по данным ал-Истахри, были основной одеждой мужчин и в начале исламского периода (Материалы 1939, с. 180).

В холодные зимы хорезмийцам и иностранным купцам приходилось надевать по три предмета распашной одежды — короткую куртку, длинный кафтан и шубу (там же, с. 158).

Женская распашная одежда

Как и в более ранний период, мы имеем единственное изображение такого типа — на торце одного из оссуариев в некрополе Миздахкан (Ягодин, Ташходжаев 1970, цветная вклейка 3, б) (рис. 202, 23). В этом некрополе в подобных случаях изображены, похоже, только женщины-плакальщицы; кроме того, данный персонаж имеет специфическую прическу, известную только у женщины же на оссуарии № 2 из Ток-калы (рис. 202, 20). Женщина представлена в кафтане белого (траурного) цвета, борты которого скошены у ворота и, видимо, застегнуты в нижней части на пуговицы. Длинные рукава имеют узкие обшлага. Несомненно, распашная верхняя одежда носилась женщинами лишь в каких-то особых случаях.

Нераспашная одежда

Мы сталкиваемся с большим разнообразием ее форм и заметными отличиями по половому признаку. Интересной ее особенностью можно считать достаточно глубокий треугольный вырез, бытовавший у лиц обоих полов.

Мужская нераспашная одежда

Начнем с характеристики верхней парадной нераспашной одежды, которая всегда носилась подпоясанной и имела длинные рукава с узкими обшлагами. Один из персонажей оссуария № 2 из Ток-калы показан в одежде длиной до колен (рис. 202, 8). Ворот имеет треугольный вырез, обшитый широкой каймой цветной ткани. Еще один тип видим у крайнего справа персонажа № 8 на оссуарии № 1 (рис. 202, 8а). У парадного одеяния, в соответствии с сасанидской традицией, опускающийся ниже колен пришивной подол, «вздутый» боковинами у бедер, вертикальная полоса отделки, продолжающаяся и по верхнему краю пришивного полотнища. Одежда имеет глубокие боковые разрезы, причем виден цвет подкладки. Одежда в целом бело-красная, с красной подкладкой. Образец третьего типа представлен на серебряном хорезмийском блюде из Верхне-Березовского, бывш. Пермского уезда (рис. 202, 10). Здесь у козлоголового персонажа (возможно, он в маске) видим короткую одежду (до низа бедер), подол и ворот которой украшены полосой отделки разного облика. Подол ее явно скроен со вставкой клиньев.

Нижние рубахи в большинстве случаев имеют узкий горизонтальный ворот. На изображениях они белого или бурого цвета. Их длинные рукава порой достаточно ярко окрашены и дополняют верхнюю безрукавку (рис. 202, 6). В случае ношения парадных кафтанов тюркского облика видно, что длина рубахи и длина кафтана одинаковы (рис. 202, 5); ворот рубах не декорировался. Из-под ворота наглухо застегнутого кафтана в одном случае выглядывает стоячий ворот рубахи, края которого скошены (рис. 202, 7).

Женская нераспашная одежда

Женские парадные платья представлены несколькими типами. У богини на серебряном блюде из деревни Ковина бывш. Пермского уезда видим платье с очень глубоким (до колен) треугольным разрезом ворота и длинными рукавами с узкими обшлагами, с воланами по краю подола (характерными для Ирана сасанидского времени). Края этого выреза декорированы тройной полосой сложной отделки, включавшей, видимо, круглые золотые бляшки; тройной полосой украшен и край подола.

Второй тип платья имеет глубокий треугольный вырез, доходящий примерно до талии и в одном случае имеющий узкую полосу отделки, и короткие или длинные рукава. Он известен на оссуарии № 3 из Ток-калы и одном из оссуариев Миздахкана (рис. 202, 25, 26).

Третий тип документирован у рвущих на себе волосы плакальщиц (персонажи 5–7 на крышке и персонажи 1, 5 нижнего уровня на стенках оссуария № 1 из Ток-калы (рис. 202, 27–28). Это широкое открытое (с небольшим декольте) безрукавное платье длиной до щиколоток, с лифом. Ворот горизонтальный, но, судя также по персонажу в сходной одежде у персонажа № 5 на крышке того же оссуария, — с глубоким вертикальным разрезом, украшенным широкой полосой декора. Платья такого типа красно-белые, лиф выделен черным цветом. Платье носилось подпоясанным и без пояса. Более схематично, видимо, такое же платье передано у плакальщиц с одного из оссуариев в Миздахкане (Ягодин, Ташходжаев 1970, цветная вкладка 3, а).

Четвертый тип платья той же длины и также имеющий ворот с вертикальным разрезом и полосой декора по его краю, однако с длинными рукавами. Горизонтальный ворот и край подола украшены декоративной каймой (рис. 202, 29).

Наконец, на оссуарии № 2 из Ток-калы у женщины, сидящей справа от умершего, видим глухое платье с длинными рукавами. Его узкий ворот имеет небольшой треугольный вырез (рис. 202, 30).

Платья названных типов в большинстве случаев носились неподпоясанными. Их цветовая гамма, как я надеюсь показать в главе 4, связана преимущественно с погребальным характером всех сцен с раскраской.

Плащи-накидки

На правом плече лежащей на ковре умершей с оссуария № 1 в Ток-кале виден плащ красного цвета (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, рис. 31).

Головные уборы

К сожалению, на изображениях этого периода персонажи обычно представлены в ритуальных сценах и потому «простоволосыми» (исключением, разумеется, являются короны царей на монетах). Сложнее объяснить отсутствие начальных украшений (повязок). Единственный головной убор видим на умершей богине (?) с оссуария № 1 в Ток-кале (рис. 202, 16). Он невысокий, конусовидный (видимо, как и сегодня у народов Западного Туркестана, сшитый из четырех треугольных кусков), черного цвета. В раннеисламское время хорезмийские войлочные колпаки были, по данным ал-Истахри, одним из основных элементов мужского костюма; по ал-Макдиси, их вывозили за рубеж (Материалы 1939, с. 180, 202). В начале исламского периода хорезмиец-мужчина носил зимой войлочный колпак и бурнус-чалму, «из которого были видны только два его глаза» (там же, с. 158).

Штаны (шаровары)

На изображениях они почти не видны из-за длинных подолов мужской и женской одежды. Лишь у козлоголового персонажа на блюде из Верхне-Березовского и у «святого всадника» в нимбе на блюде из деревни Нижне-Шахаровки видно, что штаны узкие и внизу заправлены в обувь (рис. 202, 13, 14). У одной из женщин на оссуарии № 2 из Ток-калы (сидящей справа от умершего) из-за схематизма изображения мы можем это лишь предполагать (Гудкова 1966, рис. 28). Зимой носились шаровары на теплой подкладке, о которых сообщает Ибн Фадлан (Материалы 1939, с. 158).

Пояса

Обычно пояса на изображениях очень узкие и не детализированы. Однако у «святого всадника» на блюде из Нижне-Шахаровки пояс широкий. На двух главных мужских персонажах, изображенных справа на оссуарии № 1 в Ток-кале, пояса наборные, и, видимо, они украшались однотипными прямоугольными бляшками (рис. 202, 5, 8а). У козлоголового персонажа на пояске крепился ряд круглых бляшек (?) (рис. 202, 10). Несомненно, в VII–VIII вв. бытовали и наборные пояса тюркских типов с дополнительными свисающими ремнями: их бляшки в форме кружков, сердечек, с выступами в виде трилистника, крепившиеся к ремню двумя штифтами, и поясные наконечники найдены, например, на такырах у Наринджан-бабы (Толстов 1948а, рис. 74, а–б). Узкие женские пояса лишены декора.

Обувь

Обувь на росписях ток-калинских оссуариев в большинстве случаев сходна у мужчин и женщин. Это высокие (почти до колен) узкие черные кожаные сапоги (рис. 202, 31). Нижняя часть подобных остроносых сапог с кроившейся отдельно подошвой обнаружена в замке № 11 (рис. 202, 11). Однако у трех персонажей на оссуарии № 1 — умершей (богини?) и у двух крайних справа мужских персонажей 7–8 (первый из которых представлен в уменьшенном масштабе) видим обувь из красной кожи. У мужчин голенища таких сапог широкие, а носки очень длинные и острые (рис. 202, 12). Зимой поверх сапог из шагреновой кожи (*кимухта*) надевали еще и другие сапоги (Материалы 1939, с. 158). Носились также полусапожки (рис. 202, 13) и туфли (рис. 202, 14); зимой они дополнялись теплыми гетрами (Материалы 1939, с. 158). Образец детской остроносой туфли известен в замке Якке-Парсан (рис. 202, 15).

Мужские прически

Тип 1. У «святого всадника» представлен редкий тип прически. Волосы ровно подстрижены над лбом, другие пряди — ниже, на уровне рта (рис. 202, 1).

Тип 2. Очень короткая стрижка равномерно по всей голове изображена на мужских персонажах оссуария № 1 из Ток-калы (рис. 202, 2).

Тип 3. Тип очень короткой стрижки с выровненными надо лбом волосами представлен на оссуарии № 2 из того же пункта (рис. 202, 3).

Ношение бороды в VII — начале VIII в. не документируется, усы редки. На монетах группы «Г», появившихся не ранее VI в., правители представлены безбородыми, с маленькими усиками (Вайнберг 1977, с. 60; табл. XXI, XXIII–XXIV).

Женские прически

Тип 1. У умершей на оссуарии № 1 из Ток-калы прическа, видимо, состояла из двух длинных кос, которые могли несколько варьироваться по длине (рис. 202, 17–18).

Тип 2. На одном из оссуариев Миздахкана у женщины как будто большое количество мелких косичек. Их длина неясна (рис. 202, 19).

Тип 3. На оссуарии № 2 в Ток-кале и одном из миздахканских волосы зачесаны назад и образуют на затылке толстый пучок (рис. 202, 20) (см. также: Ягодин, Ташходжаев 1970, цветная вклейка 3, б).

Тип 4. Некоторые женщины в сцене прощания с умершей на оссуарии № 1 в Ток-кале и ряде оссуариев в Миздахкане, по-видимому, очень коротко обрезают себе волосы ножом. При этом на одном из последних виден закрывающий ухо тонкий локон (рис. 202, 22).

Крой

Рассмотренный выше материал свидетельствует о том, что при изготовлении одежды широко использовали пришивной подол, расширяемый с помощью клиньев. Мужская распашная одежда иногда кроилась с длинными (вдоль всего стана) боковинами; лацканы могли быть большого размера за счет дополнительных вставок. Для нераспашной одежды характерны треугольный, различный по глубине вырез ворота, его вертикальный разрез, боковые разрезы на подоле, известен стоячий ворот. Одежда кроилась на подкладке, иногда была трехслойной. Обувь сложнокроеная, с пришивной подошвой и чуть торчащим вверх носком.

Силуэт и декоративные принципы

Для мужского силуэта хорезмийцев данного времени свойственны умеренно широкие плечи, резкое сужение к талии, ниже — резкое расширение (за счет пришивного подола с рядом клиньев), сужение на руках и в нижней части ног. Женский силуэт имеет два варианта. Наиболее распространено одеяние без рукавов, сужающееся к талии (благодаря крою или подпоясыванию), затем равномерно широкое до щиколоток и резко сужающееся на ногах (длинные, до пят платья предшествовавшего времени и их расширение в нижней части в данное время, видимо, вышли из употребления). В некоторых случаях сужения у талии не наблюдается.

Основное внимание у лиц обоих полов уделялось декору на груди (декор треугольного разреза; лацканы халатов у мужчин, декор вертикального разреза ворота или лифа у женщин). Цветом отделки, отличным от остального фона, на женских платьях стремились выделить пришивной подол и лиф парадных одеяний, подчеркнуть края таких специфически женских элементов плечевой одежды, как глубокий вырез на груди или вертикальный разрез ворота. На мужской плечевой одежде декоративная кайма подчеркивала цветом лацканы престижных «тюркских» халатов, края ворота и бортов. Цветовая гамма, судя по росписям, включала три основных цвета — белый, красный и в меньшей степени черный. Основной способ декорирования — кайма из одноцветной ткани по краям основных элементов плечевой одежды; однако встречались и обшивка золотыми (?) бляшками, и кайма из многоцветной ткани.

Эстетический идеал этноса

Для изображений того времени характерны крупная голова с широким лицом и пухлым подбородком, длинный прямой нос и большие глаза, сравнительно тонкая и более длинная, чем в предшествовавший период, шея, миниатюрные ноги. Очень тщательно передана прическа.

У мужчин подчеркнуто тонкая талия, которая к тому же туго стягивалась поясом, и маленькие руки. У женщин иногда руки, как и в раннее время, довольно полные; часто они оголены вместе с плечами.

3.5. Хотано-саки

История изучения костюма

Анализ историографии, данный для раннего комплекса хотано-саков II–IV вв. в главе 2.7, в целом относится и к более позднему комплексу. Специально характеристика раннесредневекового костюма хотано-саков дается впервые.

Источники

Важнейшим источником по одежде этого времени являются изображения адорантов в росписях буддийских монастырей в разных пунктах Хотанского княжества: Балавасте (Gropp 1974, Abb. 43, 71–72), Равак (Montell 1935, fig. 30; Gropp 1974, Abb. 34–36), Дандан-уйлык (Stein 1907, I, photo 67; II, pl. LIX–LXIII, LXVII), Тарышлак (Stein 1921, pl. CXXVI); см. также общий очерк источников и анализ монастырских комплексов и стиля буддийских изображений (Rhie 1999, p. 257–318). В ряде крупных монастырей имелись собственные монахи-художники, в других их нанимали; они создавали как настенные росписи, так и иконы на дереве.

В Балавасте в комплексе, обнаруженном в 1916 г. и датируемом примерно концом VI в. (Косолапов, Маршак 1999, с. 29–30), выявлено немало образцов буддийской настенной живописи, выполненной с преобладанием индийского влияния. Среди них есть фигуры адорантов перед фигурой Будды. Для изображений характерна особая тяга к тщательной передаче деталей орнаментов на цветных тканях и различных украшений костюма. Весьма важен портрет семьи представителей знати (супругов и их сына) (Stein 1921, pl. VII, CXXVI). При прекрасно выписанных лицах и тщательной передаче декора костюма монастырский художник неумело отразил пропорции тел и их сложные ракурсы. В более поздних росписях «храма А» (VIII–X вв.?) изображена коленопреклоненная аристократка. Ценным источником является «сцена в лодке» на одной из стен «Зала послов» в Афрасиабе, персонажи которой (10 женщин в лодке), как мне уже приходилось отмечать (Яценко, 1995б, с. 15–16; 2000б, с. 383; Yatsenko 2004), имеют одежду, по многим параметрам характерную лишь для хотанцев (см. ниже).

Живописные школы Хотана привлекли внимание ряда исследователей (Дж. Вильямс, М. Буссалли, Б.И. Маршак) (Williams 1973, p. 109–154; Bussagli 1979, p. 53–68; Косолапов, Маршак 1999, с. 31; Rhie 1999, p. 288–303, 311–316); однако практически речь идет исключительно об иконографии персонажей буддийского пантеона. Что же касается изображений реальных хотанцев-адорантов, то уже справедливо отмечалось, что они стилистически не подвержены индийскому влиянию (Косолапов, Маршак 1999, с. 32).

Среди росписей по дереву выделяется серия панелей и посвяtitельных табличек VIII в. из «святилища D» монастыря в Дандан-уйлыке (Британский музей). На них изображены в плоскостной графической манере персонажи местных религиозных легенд (в частности, о привнесении культуры выделки шелка в Хотан иноземной принцессой), сидящий со скрещенными ногами четырехрукий «иранский бодхисатва» с орудиями шелкоткачества в руках (Stein 1907, II, pl. LXI). Одна из табличек выполнена в китайской традиции и изображает одного над другим едущих всадников (на коне и на верблюде) — местных святых с нимбами, в туземных костюмах, держащих в правой руке по пиале с напитком (ibid., pl. LXII); представленное здесь божество — юноша верхом на пестром коне — было популярно среди хотанцев. Костюм персонажей на этой «иконе», как и у «Принцессы шелка», весьма специфичен и, видимо, отражает местные реалии.

В меньшем числе, чем в живописи, известны изображения адорантов в монастырской культовой пластике таких пунктов IV–V вв., как Равак в Хотане (Stein 1907, pl. XIV, XXIX) и находящийся к северо-западу от него район Тумшука (Токкуз-сарай: Toumchouq 1961, fig. 91, 94, 172, 245–246, 248; Hallade 1964, pl. E, 12–14, 21; R, 7). В последнем пункте на изображениях божественных персонажей и в меньшей степени — адорантов обнаруживается довольно много характерных кушанских элементов одежды (см. ниже главу 4.1). На деревянной резной панели из Дандан-уйлыка представлены два адоранта перед сидящим Буддой.

Датировка произведений искусства Хотана и соседних территорий основана в данной работе на известной схеме А. Грюнведеля — Е. Вальдшмидта (см., например: Waldschmidt, Le Coq 1933, S. 24–29) и уточнена данными Б.И. Маршака (Косолапов, Маршак 1999, с. 31–32). Однако и сегодня датировки многих комплексов все еще спорны.

Описания в китайских хрониках («Бэйши» и «Таншу») обычно, видимо, касаются лишь знатных мужчин. Особо характеризуются головные уборы хотанского князя и его супруги (Бичурин 1950, II, с. 247, 285, 301). Довольно подробные записки о Хотане оставили некоторые иностранные буддисты-паломни-

ки; особенно знамениты описания великих китайских путешественников Фасяня в 401 г. и Сюаньцзана в 630 г. (последний кратко характеризует и одежду соседних населенных хотано-саками территорий — Аксу и Кашгара) (Fa-sien 1957, p. 19–20; Si-You-ki 1906, p. 24, 306, 309). Важные сведения о костюме и тканях дает анализ сохранившихся местных документов, произведенный, прежде всего, Г. Бэйли (Bailey 1982, p. 15–16).

Общие замечания в связи с изучением костюма хотано-саков

Относительная природная изоляция оазисов, заселенных хотано-саками (Хотан, Кашгар, Яркенд, Аксу), теоретически должна была бы способствовать углублению локальных особенностей в одежде каждого из них (к сожалению, наши сведения почти целиком относятся лишь к Хотану). В начале VI в. этими территориями завладели эфталиты; в середине столетия их сменили тюрки Великого каганата, в середине VII в. танский Китай, и вскоре Тибет. Видимо, хотано-саки должны были испытать некоторое влияние костюмных комплексов этих крупных «метрополий». Наряду с инновациями в костюме знати на одежду местных жителей могли повлиять иноэтнические поселенцы в оазисах — этнические китайцы, согдийцы и тюрки.

Основание второй столицы государства — г. Хотан (первой было находившееся неподалеку городище Йоткан) — позже было связано буддийской традицией с бодхисатвой, нашедшим на этом месте младенца — будущего первого царя. Пришедшая вскоре к власти при царе (ḡrūnd) Шри Виджита Самграуме вторая династия Виджита, многие века правившая Хотаном, происходила из Индии.

Маленькое Хотанское княжество большую часть своей раннесредневековой истории находилось под властью сильных иноземных оккупантов — Тюркского каганата, Китая и Тибета. Однако завоеватели, находившиеся под определенным впечатлением от высокой культуры и мастерства хотанцев, не меняли принципиально местные порядки, сохранив и древнюю династию. Даже китайские летописцы, пожалуй, только об одном народе мира позволили себе сказать так: «...в обычаях их очень много изысканности» (Бичурин 1950, II, с. 300); «традиции их справедливы и не похожи на порядки варваров». Путешественников удивляли миролюбие, развитость этикета жителей и глубокое постижение ими религиозных идей. К VI в. в княжестве имелось пять больших и десятки маленьких городов. В последние века существования оригинальной культуры Хотана в нем сформировалась развитая рыночная экономика с интенсивным денежным обращением. Гордостью хотанцев было высокопродуктивное выращивание арабских лошадей и вьючных животных для караванной торговли.

Во многих странах славились тончайшие хотанские шелка, отменные ковры и тонкий войлок, местные музыка и танцы, а буддийские богословы и художники приглашались в соседние страны. Хотан дал буддийскому миру немало прославленных художников и самого знаменитого из них — Вишу Ирасанга (известного затем в Китае как Юйчи Исэн, после того как в 627 г. князь отправил его в столицу Китая Чанъань в качестве своеобразного подарка). Считается, что чуть позже, во время тибетской оккупации, в частности в правление в Тибете Ральпачаны (817–836), искусство Хотана заметно повлияло на тибетское. Хотанцы славились как великолепные резчики по местному нефриту и яшме.

Материал одежды

Судя по хотанским деловым документам, кроме шелка и шерсти на ткани шли местные хлопок и конопля. Именно в Хотане найдено больше хлопчатобумажного текстиля, чем в других частях Синьцзяна (Лубо-Лесниченко 1995, с. 70). Обычно хотанцы ходили в одежде из белого полотна и ноской тафты, реже — из шерсти и кожи (Si-Yu-ki 1906, p. 309). Была популярна и кожаная одежда. Хотан славился экспортом высококачественных головных уборов и шелковых изделий (хотан. *thauna*) (*ibid.*, p. 309). Интересны ткани с цветочным орнаментом, изображенные на двух предполагаемых хотанках из лодки в «Зале послов» (Альбаум 1975, табл. XXXIX; Майтдинова 1984). Видимо, речь идет о местных шелках. В той же сцене у придворной дамы (№ 17) накинут халат, расшитый, видимо, почти целиком золотой нитью.

В Хотан и Кашгар шелкоткачество проникло не позже V в. н.э. и отсюда распространилось на запад, в Среднюю Азию (Лубо-Лесниченко 1994, с. 70–73). Культура шелка, видимо, появилась в Хотане в 419 г. Согласно легенде (Сюаньцзан. Сиюй цзи, I), царственная невеста из соседнего княжества, желая обогатить новую родину и своего супруга — четырнадцатого по счету местного князя Виджаи Джайю, тай-

но провезла коконы шелкопряда под своей шляпой. Эта история отразилась даже в местной иконописи, а одним из главных божеств Хотана считался четырехрукий покровитель ткачества, изображавшийся с ткацкими орудиями в руках. Характерно, что налоги с сельского населения власти часто собирали не деньгами, а художественными местными тканями.

Распашная одежда

Как уже отмечалось для костюмного комплекса Хотана в главе 2.7, в раннее время женщины в качестве верхней использовали распашную одежду, а мужчины обычно нераспашную. Для раннесредневекового комплекса характерно ношение распашной одежды лицами обоих полов; исключения из этого правила у мужчин весьма редки (детский костюм, мифологические персонажи). Весьма показательно в этом плане изображение семьи донаторов в Балавасте (рис. 154, 12, 15). Здесь глава семьи представлен в распашном халате, а ребенок (мальчик) — в парадной нераспашной. В верхнем нераспашном одеянии представлен один знатный мужчина в Раваке (рис. 154, 5). Можно предположить, что внедрению у мужчин верхней распашной одежды способствовало влияние кочевых соседей (тюрок и др.).

По хотанским документам известны кожаные куртки (*pasta*). Вероятно, к плечевой одежде относятся, кроме прочего, 18 неясных терминов из хотанских документов.

Длина подола распашной одежды варьировала от низа таза (Тарышлак: Stein 1921, pl. CXXVI) или от колен (Toumchouq 1961, fig. 172) — кафтаны, до щиколоток — халаты (рис. 154, 6) (см. также: Gropp 1974, fig. 179).

Ворот обычно не имел пришивного воротника, его основным украшением были лацканы из цветной ткани. У обоих полов в VI–VIII вв. господствовал известный в Хотане и в раннее время ворот с двумя лацканами. Его нельзя связывать с тюркским влиянием: как уже отмечалось в главе 2.7, кафтаны с двумя отворотами-лацканами (и с правым лацканом) в Хотане зафиксированы ранее, чем в Западном Туркестане, — в Йоткане II–IV вв. Видимо, одежды с такими лацканами в IV–VI вв. были привнесены на запад кочевыми народами (с правым лацканом — хионитами или какими-то группами эфталитов, с двумя лацканами — тюрками). У знатного адоранта видим высокие «сасанидские» обшлага (рис. 154, 6).

У женщин был распространен комплект из кафтана и носившегося под ним платья до пят (рис. 154, 10, 12–13). Одежды кроились сильно приталенными.

Яркой спецификой Хотана, как и в ранний период, были женские кафтаны длиной до низа таза, с двумя лацканами и с необычайно широкими (до 80 см) рукавами, расширяющимися от локтя. Эти кафтаны изображены в Балавасте и Тарышлаке (рис. 154, 12–13). То же отмечено и в соседнем Тумшуке (Токкузсарай: Hallade 1964, pl. E, 22; Яценко 2000б, табл. 56, 17). Ношение кафтана с короткими рукавами и глубоким запахом документировано лишь у «Принцессы шелка» в Дандан-уйлыке (рис. 154, 16). Как и в раннее время, декорировались проймы рукавов (рис. 154, 12–13). Рукава у дочери-адорантки в Тарышлаке (Stein 1921, pl. CXXVI) и на халатах у гребущих служанок в Афрасиабе (рис. 206, 8) имеют высокие обшлага.

Кроме кафтанов носились длинные парадные халаты без лацканов. У знатных дам в лодке из Афрасиаба рукава довольно узкие, но при этом много длиннее руки (Альбаум 1975, рис. 21).

Нераспашная одежда

Длина подола у мужчин разнообразна — от низа бедер до щиколоток (рис. 154, 4–5, 15) (Stein 1907, II, pl. LIX, LXVII). Разрезы на подоле известны лишь в сравнительно раннее время (терракота из Йоткана, рельеф ступы в Раваке: рис. 154, 3, 5).

Те одежды, которые не опоясывались, кроились приталенными. Подол был разной длины (от таза до щиколоток (рис. 154, 4–5, 15) (*ibid.*, pl. LIX, LXVII). В обоих оазисах ворот нераспашной верхней одежды узкий горизонтальный (*ibid.*) (рис. 154, 15). Рукава обычно были до запястий, но у одного из персонажей в Дандан-уйлыке (*ibid.*) они очень короткие. У «святых» в Балавасте (Gropp 1974, S. 189) и Дандан-уйлыке (Stein 1907, II, pl. LXI), как в более западных странах иранского мира, видим имитацию застегнутого кафтана на нераспашной одежде благодаря широкой вертикальной декоративной полосе, которую перекрывает столь же широкая кайма ворота. Носилась ли такая одежда реально, сказать трудно.

Нижние рубахи, изображенные у персонажей в Дандан-уйлыке, выглядят из-под кафтанов с короткими рукавами. У них широкий горизонтальный ворот и узкие рукава до запястий.

Судя по хотанским документам, женщины носили платья (в хотанских документах — *guna*) и рубахи (*ttasakana*). Лишь на одном изображении аристократки в Раваке (Montell 1935, fig. 30) нераспашная одежда представлена как верхняя. Она длиной до пят, расширяется от таза книзу и имеет разрез спереди. Ворот и обшлага украшены каймой сетчатой ткани. Оригинальны свисающие с края рукавов небольшие «клапаны», предназначенные, видимо, для того, чтобы прятать в них кисти рук.

Все нижние одежды (платья) длиннее мужских — до пят. Характерным элементом хотанского костюма являются носившиеся под халатом женские платья с высокой кокеткой, расширяющийся подол которых украшен большим количеством узких вертикальных полос трех разных цветов (Балавасте: рис. 154, 12, дамы в лодке в Афрасиабе: рис. 206, 6)³⁰⁸. Ворот, похоже, имеет узкий вертикальный разрез. Вероятный хотанский термин для подобной одежды — «*guna*» (см.: Bailey 1982, p. 15–16). В других случаях платья лишены подобного декора; они весьма широкие, так как у опустившихся на колени молящихся дам в Тарышлаке они, выглядывая из-под довольно узкого кафтана, кажутся вздутыми (Дьяконова 1980, табл. III, 5).

В Токкуз-сарае (Тумшук) у богини представлена короткая распашная кофта с длинными рукавами, горизонтальным воротом с разрезом справа и прямоугольным вырезом-декольте (здесь, видимо, вставлена прозрачная кисея). Сходное по облику декольте бытовало реально: оно изображено в соседних северных оазисах у плакальщиц (Туюк) и танцовщиц (пещера 77 в Кизыле) (Яценко 2000б, с. 337). Речь, несомненно, идет о ритуальном элементе, открывающем грудь, и утверждение, что цель подобных декольте в традиционном женском костюме — «возбуждение мужской чувственности» (Писарчик 1979, с. 174), кажется мне явно модернизаторским.

Плащи-накидки

В хотанских документах фигурируют плащи и мантии (*karastra*, *mandula*) и войлочные плащи (*namata*). Однако на изображениях они не представлены.

Головные уборы

В Хотане и соседней тохароязычной Куче их типы совершенно не совпадают (Яценко 2000б, с. 243). Некоторые формы уборов были общими для мужчин и женщин. Облик мужских уборов у местных святых на «иконах» из Дандан-уйлыка специфичен и, видимо, отражает местные реалии.

Тип 1. У мальчика в Балавасте изображена маленькая цилиндрическая шапочка (рис. 154, 15). Вероятно, сходный убор из шелка (камки) носил князь Хотана (Бичурин 1950, II, с. 285).

Тип 2. У святого воина в Дандан-уйлыке представлена невысокая шапочка с яйцевидным верхом, изготовленная, видимо, из узорчатой ткани (основная ее поверхность имитирует бересту). Околыш имеет спереди треугольный выступ с шариком на конце (Stein 1907, II, pl. LIX).

Тип 3. Убор имеет форму слегка расширяющегося сверху цилиндра (рис. 155, 15, 36). Украшен декоративными полосками по краям (Дандан-уйлык) либо дисковидной пластиной (?) надо лбом (Равак); по нижнему краю повязан длинной лентой со свисающими сзади концами.

Тип 4. Хотано-сакские районы Синьцзяна славились своими шляпами высокого качества. Правитель носил шляпу, покрытую мехом колонка (Бичурин 1950, II, с. 285). Плетеные шляпы из Кашгара шли на продажу в другие страны (Si-Yu-ki 1906, p. 306). Шляпа (*khosa*), вероятно, и в позднее время выглядела так, как она представлена на ранней янусовидной личине из Йоткана: с облегающим верхом и узкими полями, загнутыми наружу, она известна в Хотане (рис. 155, 32).

Тип 5. У святого всадника в Дандан-уйлыке (Stein 1907, II, pl. LXII) убор с коническим верхом средней высоты. На околыше спереди видим три крупных треугольных выступа.

Тип 6. Маленькая женская облегающая голову полусферическая шапочка, у которой через отверстие в макушке могла быть пропущена прядь волос. Представлена у девушки из Тарышлака (рис. 154, 10; 155, 13).

Тип 7. Основа убора (маленькая полусфера с отверстием на макушке) та же, что и у предыдущего типа; у основания отверстия находится небольшой колпачок, через который пропущена прядь волос. По бокам крепятся два крупных ромбовидных «крыла», надо лбом идет вертикальная полоска. Представлен у принцессы и придворных дам в лодке на росписи в Афрасиабе (рис. 206, 2–3). Убор изготовлен из мягкого ма-

³⁰⁸ В основе их, возможно, лежали китайские образцы, оформившиеся, в свою очередь, под влиянием соседних «варваров». Благодаря влиянию Китая близкие по облику платья знатных дам из большого числа повторяющихся вертикальных разноцветных полос (по четыре) известны с IV–V вв. в Корее (Фрески 1979, фото на с. 47) и с более редкими полосами — у хотанских соседей в тохароязычной Куче (Яценко 2000б, табл. 62, 1–2).

териала (во всяком случае, сзади в него воткнуты две крупные булавки). Ранее, во II–IV вв. сходный убор с пропущенной вверх прядью и двумя ромбовидными «крыльями» изображался у «арлекинов» в Йоткане (рис. 154, 1–2) и в синхронных памятниках индо-скифов.

Тип 8. Особый тип женского убора, известный и в ранний период, представлен у «Принцессы шелка». Он имеет форму низкого цилиндра с округлыми краями. Надо лбом размещено кольцо, от которого в стороны расходятся ленты (рис. 154, 16).

Тип 9. Тип убора сходен с предыдущим, но более высокий. Представлен у адорантки на штукатурке из Равака (Montell 1935, fig. 30).

Начельные украшения

Фасянь упоминает корону (ttava) хотанского князя на рубеже IV–V вв. (Fa-sien 1957, p. 19). Во второй половине VI в. хотанская княгиня носила «золотой венец» (Бэйши, Суйшу: Бичурин 1950, II, с. 247, 285).

Штаны

Штаны (kaumadai) у мужчин, как и в ранний период, были однотонными, узкими и заправлялись в обувь.

Пояса

По документам известны три типа поясов: hura, gana, urabada, однако суть различий между ними не известна. Мужская одежда на изображениях всегда подпоясана; иногда подпоясывалось под халатом и нижнее женское платье (хотанки в Афрасиабе: рис. 206, 6; у княжны поясок желтого цвета и, возможно, заткан золотой нитью). Иногда, как и у ряда ираноязычных этносов данного времени, одновременно носилось по два пояса — парадный и более простой, портупейный (аристократ из Балавасте: рис. 154, 6). У мальчика, сына аристократа, металлический (?) пояс, как и носимый выше парадный пояс отца, имеет девять круглых медальонов, подобно известному у юэчжей (Тилля-тепе) и в Парфии (рис. 154, 15). У отца на парадном поясе с каждого из медальонов свисала каплевидная подвеска.

Могущественному императору Тайцзуну (627–649) уже после введения в Китае его предшественником новых правил оформления поясов должностных лиц местный князь Уми подарил пояс из установленных имперским законом 24 нефритовых пластин, изображавших солнце и месяц (см., например: Литвинский 1995, с. 232). Возможно, пояса с нефритовыми пластинами носили и в самом Хотане.

Обувь

Мужская обувь представлена высокими сапогами (таблички из Дандан-уйлыка) (Stein 1907, II, pl. LXI–LXIII), полусапожками (?), частично скрытыми лапами длинного халата (донатор в Балавасте: рис. 154, 6), и туфлями (Балавасте: Groppe 1974, S. 189). Все виды обуви имели острые носки.

Прически

У женщин известны следующие основные типы причесок.

Тип 1. Волосы у женщин в Тарышлаке коротко острижены и стянуты на лбу тонким ремешком, при этом образуют над ним невысокий выступ (рис. 155, 12, 14). У знатной дамы в такую прическу на затылке воткнут цветок.

Тип 2. У «Принцессы шелка» волосы собраны в две коротких косы; у висков видим два тонких загнутых локона (рис. 154, 16).

Тип 3. У гребущих служанок в лодке из Афрасиаба волосы собраны в длинную прядь, пропущенную на макушке через тонкий золотой (?) конус; на затылке конец этой пряди крепится длинной булавкой (другая булавка воткнута на макушке, у основания конуса (рис. 206, 1).

Тип 4. У девушки в Тарышлаке прядь волос пропущена на макушке в отверстие головного убора и свисает сзади; надо лбом — широкая челка (рис. 155, 13).

Тип 5. У матери-адорантки в той же сцене в Тарышлаке представлена короткая стрижка с прямым пробором и прядями у висков (рис. 154, 12). В целом, по сравнению с ранним периодом, типы причесок совершенно иные.

У мужчин стрижка довольно короткая, без пробора. Волосы ровно подстрижены надо лбом, сзади — на уровне низа затылка. Лицо гладко выбрито. Прическа мальчика отличается двумя узкими прядями волос, свисающими из-под шапочки на лоб (рис. 154, 15).

Косметика

Кашгарцы расписывали себе не только тело, но и лицо вокруг глаз (Si-Yu-ki 1906, p. 306).

Крой

У мужчины-аристократа в Балавасте видим, что рукав нераспашной одежды пришивался к стану весьма низко (Gropp 1974, S. 166, fig. B. 3.30); вероятно, так подчеркивался кимонообразный крой. Нераспашная одежда в ряде случаев кроилась у женщин на высокой кокетке (платья в Афрасиабе: рис. 206, 6), у мальчиков — на невысокой кокетке и с пришитым подолом (Балавасте: рис. 154, 15). Отрезная часть обычно выделена декором из цветной ткани.

У женщин при использовании корсетов для «осиной талии» (Балавасте) подол кафтанов явно кроился с несколькими сложнопрофильными боковинами.

Манера ношения

Кафтаны имели запах налево; при этом правая пола заходила на левую на 3–5 см (на ширину отделки). Обычно кафтан застегивался до верхней части груди, до лацканов. Глубокий запах отмечен пережиточно лишь на изображениях мужчин — местных святых и у легендарной «Принцессы шелка» (рис. 154, 16) на «иконах» Дандан-уйлыка. Наглухо застегнутые кафтаны, известные в раннее время у женщин, теперь представлены только у мифологических мужских персонажей (святой в Балавасте: Gropp 1974, S. 189; «иранский бодхисатва» в Дандан-уйлыке: Stein 1907, II, pl. LXI).

У хотанок в лодке на росписи из Афрасиаба халаты самых знатных дам (см. ниже более детальный анализ) носились внакидку (рис. 206, 7), а у служанки, которая гребет, халат сколот булавкой под подбородком, и концы свободно расходятся (рис. 206, 8).

В некоторых важных случаях миряне могли на короткое время надевать монашеское одеяние. Так, во время буддийского праздника четвертого месяца, в ходе праздничного шествия повозку со статуей Будды встречал князь, босой и, видимо, в монашеской одежде (Fa-hsien 1957, p. 19–20).

Цветовая гамма

Цветовая гамма большинства росписей в Балавасте — темно-красная и коричневая, немного белого, бледно-зеленого или бледно-синего цветов (орнаменты). Некоторые росписи в этом пункте выполнены в гораздо более яркой, праздничной желто-красной цветовой гамме. У мужчин в Дандан-уйлыке цвет одежды сдержанный (бледно-зеленый, коричневый). Гораздо более ярким он был у знатных дам в «сцене в лодке» в Афрасиабе: синие халаты сочетаются с красным нижним платьем, на подоле которого чередуются вертикальные полосы красного, синего, голубого и желтого цветов.

Силуэт и декоративные принципы

Идеальная женская фигура имела сложный силуэт (расширение на груди, резкое сужение у талии и плавное расширение ниже ее). Мужская фигура при ношении короткого кафтана имела широкие плечи и сильно суженную талию, а ниже плавно сужалась к ногам (засчет узких штанов, заправленных в обувь).

Как правило, ворот, обшлага, борта и подол распашной одежды декорировались однотипной полосой декора. У одной из дам в Афрасиабе (персонаж № 18) борта халата окаймлены коричневой полоской меха (?). У знатных дам двойной полосой могли украшаться верхний и нижний край пришитого подола (рис. 154, 12). На том же изображении края и проймы расширяющихся рукавов украшены одной-двумя де-

коративными полосами. В халатах знати немалое значение придавалось высоким обшлагам. Важным зрительным акцентом в одежде были вертикальные полосы различных чередующихся цветов³⁰⁹, украшавшие платья.

Основные мотивы текстильных орнаментов у мужчин — сетка и ряды мелких кружков (причем одежда иногда целиком кроилась из сетчатого текстиля) (Балавасте, Тарышлак), у женщин — ряды цветочных розеток (такие ткани использовались для окаймления одежд) (Тарышлак, Афрасиаб).

Эстетический идеал этноса

Идеалом у лиц обоих полов была стройная талия. Мужчины при этом всегда подпоясаны, женщины, напротив, почти всегда обходились без пояса (Дьяконова 1980, с. 188). Изредка в Хотане (гораздо реже, чем в соседней Куче) встречены женские фигуры с резко зауженной, «осиной талией» (Тарышлак: рис. 154, 13). Вероятно, для этого использовали корсет. У женщин акцент делался на декоративном оформлении подола длинных одежд и нижней части рукавов.

Образ «Иного»:

костюм хотано-саков в согдийском и китайском искусстве

Внимание исследователей часто привлекало изображение лодки на северной стене «Зала послов» в согдийском Самарканде (городище Афрасиаб) с десятью находящимися в ней женщинами (фигуры 11–20, по Л.И. Альбауму) (Альбаум 1975, рис. 21; табл. XXXVIII–XXXIX). «Сцена в лодке» трактовалась в литературе по-разному. Для изображенных характерна довольно жесткая иерархия, выраженная их местом в композиции и деталями костюма. Сегодня ряд ученых считают этих женщин китайками и сравнивают их костюм с костюмом дам из известной гробницы принцессы Синьчэн, дочери императора Тайцзуна 663 г. (Тан Чжаолин 1997, рис. 1–4), но без детальной аргументации. Мне кажется, что *близких аналогов этим и иным синхронным китайским образцам (кроме нижних юбок) костюм женщин в лодке не имеет*, хотя определенная китаизация костюма ненадолго оккупированного в то время Империей Хотана имела место. К этому мнению полностью присоединяется специалист по китайскому костюму эпохи Тан проф. Хуан Чженьцзянь (любезная консультация 18.12.2005, Пекин).

В центре лодки стоит, как предполагает Л.И. Альбаум, невеста (фигура 11), изображенная в два человеческих роста. Только у нее мы видим серьги и кольцо (при этом со вставками синего камня — лазурита или сапфира) (рис. 206, 4–5). Лица всех спутниц, кроме активно работающих веслами женщин на краях лодки, обращены к ней. Княжна (принцесса) одета в красное платье на высокой кокетке, подпоясанное широким желтым (парчовым) поясом. Ниже талии платье полосатое (видны две красные вертикальные полосы, по одной — голубой, синей и желтой) (рис. 206, 6). Поверх платья надет голубой халат с длинными (длиннее руки) и широкими рукавами, обшлага и борта которого украшены полосами ткани с желтыми цветами на черном фоне (рис. 206, 7).

Княжну непосредственно окружают пять «придворных дам», имеющих сходный с ней головной убор. Волосы у всех у них заплетены на макушке в косу, которая пропущена вверх через золотой конус и спускается на затылок. У висков двумя крупными золотыми или золочеными булавками приколоты вертикально плоские ромбовидные «крылья» из золотой фольги, инкрустированные бирюзой (?) (Аржанцева, Иневаткина 2005, рис. 6–7). Княжну выделяет лишь наличие в лобной части убора небольшого золотого диска (рис. 206, 3).

Пять «придворных дам» и княжну отличают от других женщин в лодке не только головной убор, но и нижнее платье с преобладанием красного цвета. Интересна дама, находящаяся справа (по отношению к зрителю) от госпожи (фигура 12) и одетая так же, как она (кроме серег, кольцо и диска надо лбом, которые есть лишь у княгини), включая цветовую гамму частей костюма. Левее княжны изображена беседующая с нею дама (фигура 17) в парчовом (?) халате с синими бортами. Она держит соседку за руку. Последняя (фигура 18) носит синий халат, борта которого декорированы коричневым мехом (рис. 206, 7).

³⁰⁹ Как уже отмечалось, в это время сходные (но не идентичные) женские одежды известны у ряда народов Восточной Азии. Ритуальная детская одежда корейцев еще недавно включала образцы с рукавами из узких разноцветных полос 3, 5, 7 или 9 цветов (сэктонъгори) (Корейский 1977); такие чередующиеся цветные полосы служили хозяину оберегами. Среди индоевропейских народов древности наиболее близкие аналоги таким платьям с полосками известны у кельтов (см. изображения женщин на глиняном кубке гальштадтской культуры из Сопрон-Варишеги, Венгрия: Megaw, Megaw 2001, fig. 16).

Три названные дамы, как и княжна, отличаются тем, что халаты носят на плечах распахнутыми (внакидку), а борта их декорированы каймой. Фигуры 12, 17, 18 сидят на переднем плане, окружая княжну. Выше их на заднем плане изображены «фрейлины», которые хотя и имеют головные уборы с золотыми «крыльями» и платья на высокой кокетке с преобладанием красного цвета, но лишены верхних парадных халатов и при этом стоят.

Еще четыре женщины по краям лодки явно относятся к категории прислуги. Позади княжны изображены две музыкантши, фигуры которых плохо сохранились. Обе они в красных платьях; нижняя (фигура 15), как и ее госпожа, одета в голубой халат, украшенный каймой с изображением цветов. Волосы музыкантши собраны на голове в невысокий узел, который скреплен длинной золотой шпилькой.

По краям лодки стоят еще две женщины-гребца с веслами (фигуры 16, 20). Их костюм отличают две особенности. Во-первых, их верхние халаты носят скелотыми булавками (?) у шеи; ниже этого места полы халатов расходятся вниз и в стороны (рис. 206, 8). Во-вторых, как и у знатных дам, их волосы заплетены в косу, которая пропущена через золотой конус к макушке, но затем коса дважды приколоты к волосам. У висков воткнуты две большие булавки из золота (?), напоминающие современные швейные иглы с длинным ушком (фигура 16) (рис. 206, 1), аналогичные булавкам у аристократок.

Для уточнения этнополитической принадлежности дам в лодке обратим внимание на уникальные особенности их костюма (Yatsenko 2004).

1. Традиция собирать волосы на макушке в прядь или заплетать в косичку и пропускать ее через конус или отверстие в макушке головного убора. В женском костюме различных индоиранских этносов такая прядь документирована с ахеменидо-скифского времени: она представлена у богини на перстне скифского царя Скила конца VI в. до н.э. и у скифа-полицейского в Афинах на афинской расписной вазе того же периода (рис. 23, 17), в материалах курганов гор Саян и Алтая (женский убор из кургана 5 в Пазырыке V–IV вв. до н.э.: рис. 46, 4; женские уборы из могил в Туве: Семенов 1993, с. 74).

В поздней античности и раннем средневековье известен только один этнос Евразии, сохранивший эту традицию для обоих полов — хотанско-саки Хотана. В серии терракот II–IV вв. из древней столицы Хотанского княжества мы видим такие прически на фигурках мужчин (так называемых «арлекинов») — вероятных участников какого-то дворцового ритуала (Stein 1907, II, pl. XLIV; Дьяконова, Сорокин 1960, № 16, 19; Дьяконова 1978, рис. на с. 226). В более позднее время эта прядь представлена, например, у девушки-служанки в группе адорантов на росписи из Тарышлага (Stein, 1921, pl. CXXVI). В Согде типологически близкие уборы с пропущенной прядью известны только у мужчин Пенджикента, и исследователи часто ошибочно принимают их за боевые шлемы (рис. 181, 9; Живопись 1954, табл. VII, XXXVII). При этом они отличаются от наших как декором (вертикальные тройные полосы), так и конструкцией (иначе оформленное выходное отверстие на макушке).

2. У тех же хотанских «арлекинов» II–IV вв. (и нигде более в Евразии) мы видим изображенные и на «сцене в лодке» полусферические головные уборы с двумя золотыми ромбовидными «крыльями» по бокам в сочетании с названной традицией пропускания косички через отверстие в их макушке.

3. Женские платья с высокой кокеткой и большим количеством узких вертикальных полос разных цветов. В раннем средневековье кроме нашей «сцены в лодке» они известны на изображениях только в одном пункте — в Балавасте на территории Хотана (Gropp 1974, S. 169). В других случаях (например, у северного соседа Хотана — в тохароязычной Куче на пещерных росписях в Кизыле и Кумтуре) полос на платьях меньше и каждая из них при этом шире (Grünwedel 1912, Fig. 17, 191, 216, 366).

Таким образом, подтверждается интуитивное заключение Л.И. Альбаума о том, что в лодке изображены жительницы «одной из областей Восточного Туркестана» (Альбаум 1975, с. 19, 70). К 662 г. (когда были, на мой взгляд, заказаны эти росписи: см. раздел 2) Китай непосредственно владел Хотаном (при сохранении местной династии); через столицу Хотана лежал традиционный путь в Среднюю Азию. Логично допустить, что китайское посольство могло заодно эскортировать хотанскую невесту — дочь хотанского царя по пути в Самарканд (Yatsenko 2004).

После новой расчистки афрасиабских росписей отрядом Г.В. Шишкиной в 1978 г. было замечено, что ниже описанной сцены с дамами в лодке неумело воспроизведена личная печать художника с китайским иероглифическим текстом (Аржанцева, Иневаткина 2003, с. 20–21). Думается, это хорошо объясняет некоторые странные особенности «сцены в лодке»: монголоидность женских лиц (свойственную и хотанцам), явные элементы китайской живописной традиции для передачи деталей поз персонажей. Видимо, самаркандский мастер для воплощения не вполне привычного «этнографического» сюжета воспользовался каким-то китайско-хотанским (?) живописным свитком, добавив затем нужные в данном случае детали. Это тем более вероятно, что уже в первой половине VII в. в самом Китае громкую славу приобрели, например, художник из Хотана Юйчи Исэн и художник-согдиец Кан Сато, творившие якобы настоящие чудеса и реформировавшие ки-

тайскую живопись. Пока я не нахожу оснований видеть в этой сцене (как и в целом на изображениях двух стен «Зала послов») сюжет китайского весеннего праздника Дуаньюйцзе (ср.: Compareti, Cristoforetti 2004).

Интересно изображение группы «западных варваров» — музыкантов и танцоров на глазурованной китайской фляге из могилы Фань Цуя 575 г. в провинции Хэнань (Sullivan 1973, p. 54; No. 39). Они одеты в халаты до щиколоток с двумя лацканами, из-под которых выглядывают штаны, заправленные в полусапожки. Прическа очень короткая, без пробора, нижняя часть лица гладко выбрита. Все эти элементы находят соответствия в костюме Хотана. Однако некоторые важные детали (рукава халатов много длиннее руки собраны складками ниже локтей; широкие матерчатые, в горизонтальных полосках кушаки) у хотанцев не известны. К тому же среди хотано-сакских областей в Китае прославились исполнители музыки и танцев не из Хотана, а из соседнего *Кашгара* (см., например: Кибирова 2000, с. 387). Поэтому вполне логично видеть в персонажах на фляге именно родственных по языку и культуре кашгарцев.

Основные выводы

Отметим прежде всего важнейшие особенности костюмных комплексов отдельных крупных ирано-язычных этносов сасанидского времени и раннего средневековья.

В костюме **персов** времен Сасанидов большую роль играл декор из серии парных лент и бантов, крепившихся на различных предметах, и многочисленные (преимущественно горизонтальные) складки свободных одежд. Мужской силуэт был близок к прямоугольнику, женский расширялся от головы до талии, и от талии — вниз.

Костюмные новшества характерны как для периода воцарения первого Сасанида — Арташира I, так и во второй половине V в. при Перозе; отдельные костюмные инициативы отмечаются у таких шаханшахов, как Нарсе и Шапур II.

В распахнутой одежде у женщин сохранялся кандис; у мужчин кафтан подчас шился из шкур со свисающими прядями; нижние края бортов могли скашиваться; он часто крепился парными круглыми или каплевидными застежками или двумя парами галунов. Нательная одежда в это время персами почти не носилась. В нераспахнутой мужской одежде характерны различные фигурные подолы (с полуovalным выступом спереди и боковыми разрезами — с IV в.; «вздутый» с боковыми разрезами и иногда — вогнутым нижним краем — с середины V в.; с треугольным выступом — VI–VII вв.). Ворот таких одежд в раннее время иногда имел треугольный вырез, а в позднее был невысоким стоячим. Жреческие пелерины круглой формы чаще всего украшались по краю рядом звезд.

Женские платья длиной до пят часто имели по нижнему краю волан или ряд оборок; иногда носилось и платье с бретельками (концы которых оформлялись на манер современного мужского галстука); платья имели наплечные медальоны (как и мужская нераспахнутая одежда), а по бокам подола — круглые или квадратные вставки. Известны и короткие одежды с разрезом спереди. Иногда поверх платья надевалась короткая рубашка с фестончатым подолом.

Мужчины из высшей знати носили конусовидные колпаки «кулах», украшенные сбоку фамильной тамгой, у правителей они имели зооморфные навершия (голова орла). Известны башлыки с длинным узким верхом, украшенным рядом шариков. Для женщин специфичны яйцевидные шапки (у цариц), конические шапочки с околышем и шариком на макушке (у танцовщиц) и покрывала из пестрых тканей, крепившиеся булавками к волосам на затылке. Диадемы-повязки у лиц обоих полов часто шились из двух-трех разноцветных полос или украшались тремя ярусами черных точек и завязывались на правом боку.

Мужские штаны у высшей знати были «двойными», т.е. кроились с «воздушным мешком» сзади; они могли иметь ромбовидные наколенники. Пояса в ранний период у лиц обоих полов подчас скреплялись двумя дисковидными застежками, концы которых соединялись лентой с бантом. В позднее время распространились наборные пояса с четырьмя–шестью подвесками на каждом боку; аристократы носили также пояс из кожи с длинным, свисающим с живота до края подола концом. Золотые пояса украшались вставками лазурита или изумруда. Женские пояса крепились низко, девичьи — высоко.

С IV в. появляются полусапожки, повязанные у подъема стопы бантом, с середины V в. — сапоги с треугольным выступом под коленом и сапоги с голенищем раструбом.

Среди причесок, известных у лиц обоих полов, оригинальны прически со множеством длинных завитых локонов с шариками на концах у жрецов и дам. Девушки и женщины в ранний период носили, в

основном по шесть кос, в поздний — по четыре (иногда — с конусовидными пронизками по всей длине или на концах); часто встречаются также тонкие локоны у висков (порой завитые) и узел на темени.

Одежда **согдийцев** характеризуется следующими основными особенностями.

На распашных кафтанах, которые носили чаще всего застегнутыми, известны в ряде случаев скругленные концы бортов. У взрослых мужчин кафтаны обычно имели два лацкана, у юношей — иногда один (почти всегда — правый). Женские длинные халаты носились внакидку.

Нераспашная одежда мужчин обычно была длиной до колен, иногда имела треугольный вырез сзади. «Сасанидский» подол с боковыми разрезами и единой широкой каймой декора в Согде не являлся точной копией иранских образцов (он не «вздутый» и не «провисший»). Изредка у воинов и девушек встречен невысокий стоячий ворот. Весьма характерна в позднее время высокая «сасанидская» манжета. У знати известны одежды с короткими рукавами (с косо обрезанным овальным краем, украшенным рядом круглых бляшек). Женские платья имели ворот различных типов (в том числе удлинённый овальный и невысокий стоячий). Бытовали также открытые платья на бретельках; у танцовщиц в сочетании с шароварами они были короткими, у музыкантш могли шиться на кокетке и иметь расширяющийся подол; поверх платья иногда носилась короткая парадная рубаша. Под парадными халатами надевали платья с широкими рукавами. И мужчины и женщины носили прямоугольные плащи-накидки, державшиеся ниже плеч при помощи специальных золотых утяжелителей в виде шариков; у женщин известны шарфы.

Молодые мужчины носили войлочный (?) высокий конусовидный колпак с околышем, имевшим разрез спереди, иногда скрепленный внизу обручем. У лиц обоих полов бытовали шляпы, полусферические облегающие шапочки и изредка — просто повязанная чалма. Мужские диадемы украшались одной круглой бляшкой надо лбом, женские — тремя медальонами.

Известны облегающие мужские «шорты». Штаны у мужчин и женщин имели верх и штанины из тканей разного цвета. Для наборных поясов особенно характерен декор в виде ряда удлиненных прямоугольных бляшек с ободком. Специфичны мужские туфли с длинными заостренными носками, женские обувь и чулки, украшенные драгоценными камнями. Высокие сапоги часто имели вертикальные полосы декора (в том числе из рядов завитков).

Мужская стрижка обычно была без пробора, лицо брили. У лиц обоих полов известны тонкие длинные пряди, спускающиеся от висков, и короткая прядь надо лбом. Мужчины (частично под тюркским влиянием) носили от двух до шести тонких кос; на макушке волосы иногда вставлялись в золотые трубочки (обычно с отверстием, через которое пропускалась прядь волос). Для женщин в ранний период особенно характерны две-три косы; в позднее время преобладали четыре косы. Волосы на голове замужних женщин часто покрывались черной тканью с золотыми украшениями в виде цветов.

В целом силуэт одетых мужчин и девушек был сигаровидным; у женщин-аристократок он осложнялся ношением внакидку халатов и коротких парадных плащей, расширением по сасанидскому образцу нижней части подола.

Для согдийского комплекса весьма характерна близость по многим параметрам элементов одежды мужчин и девушек. Это распашные кафтаны (правда, застегнутые иным способом) и нераспашная одежда с невысоким стоячим воротом, с вертикальной полосой декора и «погонами»; крестовидные пелерины; штаны со сходными принципами декора; наборный пояс; «чалма» (у девы-богини Луны); высокие сапоги (у танцовщиц). Характерно также совпадение основных типов головных уборов у лиц обоих полов; наиболее существенная разница между мужчинами и женщинами заключалась в формах причесок и в декоре плечевой одежды.

Излюбленным было окаймление одежд полосками узорчатых (двух-трехцветных) шелков и рядом жемчуга. Цветовая гамма одежды в целом обычно трехцветная.

Для ираноязычного населения **Тохаристана**, находившегося под властью хионитов, эфталитов и тюрков, специфично преобладание у обоих полов распашной верхней одежды (при этом на достоверных изображениях этнической собственно *эфталитской* знати господствует нераспашная одежда). В разные периоды длина мужской распашной одежды чаще всего была чуть выше колен. В «эфталитском» комплексе известны правые лацканы с пятью-шестью декоративными полосами. Во все периоды известны высокие обшлага рукавов сасанидского происхождения. Специфична нательная распашная мужская одежда. У женщин (кроме Чаганиана тюркского времени) верхними были длинные халаты (иногда в эфталитский период — с расширяющимися рукавами и бортами, отороченными мехом). Нераспашная одежда женщин всегда имела горизонтальный узкий ворот, у аристократок она украшалась драгоценными камнями и имела сзади небольшой шлейф. У простолюдинов рубаша подчас имела невысокий стоячий ворот, у женщин и детей — с вертикальным нагрудным карманом (?), иногда сужающимся в нижней части и расшитым бусами, у мужчин — с левосторонним разрезом. Мужской плащ в тюркское время мог появля-

зываться на плече бантом (Чаганиан). Основной цветовой фон плечевой одежды в «эфталитском» комплексе для распашной одежды обоих полов был белый, красный или желтый; в «тюркском» комплексе он белый (реже кремовый) у мужчин и красный, розовый или желтый у женщин.

И мужчины и женщины носили облегающие маленькие черные или пестрые шапочки (у мужчин эфталитского времени закрывавшие иногда лишь макушку). В «эфталитском» комплексе бытовали женская шапочка с двумя полусферическими выступами сверху и у лиц обоих полов — головные уборы и начельные украшения с имитацией голубых/синих цветов лотоса; представители обоих полов носили головные повязки (порой повязанные слева), у женщин они иногда декорированы крупными бляшками-розетками. Штаны этого комплекса подчас имели у мужчин разрез по нижнему краю сзади, у девушек и детей — боковые разрезы по верхнему краю, в тюркский период документируются лямки под сводом стопы. Весь раннесредневековый период у мужчин господствовали ременные пояса. Обувь «эфталитского» комплекса всегда имела острые носки; в оба периода у мужчин преобладали высокие сапоги. Мужчины как в «эфталитском», так и в «тюркском» комплексе чаще носили короткую стрижку без пробора и обычно гладко брились, оставляя короткие усы; знать деформировала голову. У «эфталитских» аристократок бытовали, среди прочего, две коротких косы с крупными (иногда трехъярусными) подвесками.

Для одежды **хорезмийцев** характерны мужские халаты и женская верхняя нераспашная одежда. У мужчин бытовали и безрукавные кафтаны. Из-за довольно суровых зим носились сразу три вида распашной одежды (короткая куртка, кафтан, меховая шуба); простолюдины использовали трехслойные халаты на войлочной подкладке. Нераспашная одежда характеризуется разнообразием форм, употреблением лицами обоих полов одеяний с глубоким треугольным вырезом. Женские платья порой имели неглубокое декольте и лиф, выделенный черным. В целом в плечевой одежде особое внимание уделялось декору груди (лацканы, треугольный вырез); для нее характерна бело-красная цветовая гамма (с включением черного). Мужчины и женщины носили кроме прочих уборов невысокие войлочные колпаки. Сапоги знатных мужчин иногда шились с длинными острыми носками.

Для костюма **хотанцев** свойственна распашная одежда, которую носили не только женщины, но и мужчины (влияние кочевых соседей?); одежда часто кроилась сильно приталенной (у женщин — «осиная талия», что объясняется ношением корсета). В распашной одежде господствовал местный древний тип ворота с двумя лацканами. У женщин распространен комплект из короткого кафтана или халата и платья до пят; платье на высокой кокетке имело подол со множеством узких вертикальных полос трех цветов. Мужские нижние рубахи шили с широким горизонтальным воротом. Среди мужских головных уборов (экспортом которых славилось княжество) специфичны шляпы (в том числе меховые) и конические уборы с одним или тремя треугольными выступами на околыше. Мужчины в отличие от женщин ходили опоясанными; пояса у знати имели по девять круглых медальонов. Знатные мужчины носили короткую стрижку без пробора и гладко брились.

У лиц обоих полов силуэт при широких плечах резко сужался к талии и у женщин плавно расширялся ниже, а у мужчин плавно сужался ниже бедер. Цветовая гамма женской одежды («сцена в лодке» в Афрасиабе) представляла собой сочетание красного, синего/голубого и желтого; мужская — более темных оттенков (бледно-зеленый, коричневый, темно-красный). Особый акцент у женщин делался на декоре пришивного подола и нижней части рукавов.

Отметим также наиболее важные **общие тенденции и элементы в костюме этносов сасанидского времени и раннего средневековья**. Причины наличия общих черт в одежде различных частей иранского мира иногда неясны. В других случаях они могут объясняться влиянием империи Сасанидов (ниже отмечены аббревиатурой **Са**), в третьих — последствиями воздействия могущественных кочевых ираноязычных племен — хионитов и эфталитов (отмечены аббревиатурой **Эф**) и кочевых тюрков (единого Тюркского и позже — Западного каганата) (отмечены аббревиатурой **Тю**) (в ряде случаев все эти кочевники сами были носителями более древних традиций народов Синьцзяна, в том числе хотано-саков).

Для большинства ираноязычных этносов данного периода было характерно:

- преобладание нераспашной одежды в качестве верхней (за исключением самых восточных районов — Тохаристана и Хотана, где противоположная тенденция, видимо, связана с ростом влияния кочевников);
- преобладание ношения застегнутой распашной одежды при неглубоком запахе;
- наличие на одежде обоих полов в Восточном и Западном Туркестане ворота с одним лацканом (Эф) или двумя лацканами (Тю);
- распространение наплечных медальонов (Са);
- бытование рукавов с высокой манжетой (Са) и, реже, коротких рукавов;

- ношение (зачастую внакидку) женских длинных халатов (вне Ирана — часто с расширяющимися рукавами);
- нераспашная одежда с треугольным вырезом ворота, реже — с невысоким стоячим воротом или с воротом, стягиваемым по краю у плеча лентой;
- в декоре нераспашной мужской одежды важна роль каймы вдоль боковых разрезов подола (Са);
- пошив парадных плащей обычно из полихромных тканей и крепление их на груди парными застежками с лентами (Са);
- мужские, реже женские, пелерины разных типов;
- женские платья с воланом или рядом оборок по краю подола (Са);
- женские легкие шарфы, оборачиваемые вокруг туловища;
- пошив штанов из полихромных тканей, уменьшение доли «лампасов» у мужчин;
- мужские золотые пояса с серией медальонов со вставками драгоценных камней;
- мужские (много реже женские) пояса, скрепленные на животе парными застежками с пропущенными в них лентами (Са);
- наборные пояса с рядом бляшек прямоугольной или круглой формы с ободком (при большой редкости подлинно тюркской системы размещения бляшек);
- зооморфные головные уборы мужчин-правителей;
- широкое распространение у обоих полов головных уборов в форме невысокого конуса или маленьких полусферических шапочек;
- мужские и женские шляпы с довольно широкими полями (войлочные и плетеные);
- ношение чалмы (кроме Ирана), чаще женщинами (Тю);
- высокие сапоги с треугольным выступом под коленом с богатой вышивкой (Иран) или черного цвета (на остальных территориях) (Тю);
- преобладание короткой мужской стрижки без пробора, с гладко выбритым лицом;
- распространение в Западном Туркестане мужских кос (Тю);
- женская прическа с двумя косами разной длины и серией массивных пронизок-накосников.

Для одежды знати второй половины данного периода характерно использование полихромных шелков, произведенных уже во многих случаях в различных местных центрах Ирана, Согда, Тохаристана и Хотана. При этом роль декора из рядов золотых и иных бляшек-аппликаций уменьшается.

Глава 4

МЕХАНИЗМЫ КОСТЮМНЫХ КОНТАКТОВ И ХАРАКТЕР ЭВОЛЮЦИИ КОСТЮМА ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ. СИМВОЛИКА КОСТЮМА

Одежда из шерсти и сердце без тревог
Милее мне шелка и парчи.
Шатер, овеваемый ветрами пустыни,
Милее мне пышных дворцов.
...Ломоть простого хлеба в шатре
Милее мне пирожных и тортов.
Сородич бодрый мой, чей строен стан,
Милее жирного остолопа.

*Лабид. Причитание невесты
(бедуинки, выдаваемой
за городского богача)*

«Этнический» материал по 13 ираноязычным народам, впервые обобщенный системно, по единой программе в трех предыдущих главах (разделенных согласно хронологии трех основных периодов иранского доисламского мира), позволяет перейти к рассмотрению вопросов более общего характера. Две проблемы, которые мы попытаемся частично разрешить, связаны с *механизмами воздействия одежды отдельных ираноязычных народов и государственных образований* на соседние территории и с *направлениями эволюции одежды у отдельных крупных этносов*. Третья проблема связана со *знаковыми функциями костюма*. На возникающие при этом вопросы трудно ответить без привлечения большого круга разнотипных источников на территории от Китая и Монголии на востоке до Сирии и дунайских провинций Римской империи на западе.

Для решения первой проблемы требуется рассмотрение больших серий изобразительных материалов, в меньшей степени — материальных остатков предметов древней одежды и сведений письменных источников. Для успешного решения этих проблем необходимо также привлечение материалов этносов, соседствовавших или существенно влиявших даже без непосредственного соседства на древних иранцев: китайцев, индийских народов, самодийских народов Сибири, хунну и тюрок, финно-угров Восточной Европы, древнейших народов Кавказа, древних этносов Месопотамии и Элама, семитских народов Ближнего Востока, фракийцев Балкан, греков и римлян, древних германцев. Для уточнения механизмов костюмных контактов ираноязычных *кочевников* нужно также учитывать аналогичные процессы, документированные у иноязычных могущественных соседей — хунну и тюрок, создавших в разное время великие «кочевые империи» и оказавших заметное влияние на костюмные комплексы многих оседлых и кочевых народов Евразии.

Для решения третьей проблемы необходимо привлечение *этнографических данных* по индоевропейским и прежде всего по ираноязычным народам, отчасти — индоарийским и индоиранским. Важными источниками являются тексты, связанные с религиозными представлениями древних иранцев и освещающие их социальную структуру, и исследования по данным темам. Особую ценность представляют данные по этносам, оказавшимся в «природных изолятах» высокогорных районов Гиндукуша (индоиранские кафиры, отдельные группы пуштунов), Тянь-Шаня и Памиро-Алая (некоторые группы таджиков и памирцы), Курдистана (курды), Кавказа (осетины) и пустынных районов Среднего Востока (белуджи). Неудивительно, что они до середины XX в. сохранили ряд весьма архаичных представлений и ритуалов, связанных с традиционным костюмом.

Все названные проблемы изучены на сегодняшний день явно недостаточно; фактически, ряд обобщений по всем разделам данной главы в рамках иранского мира делается впервые.

4.1. Механизмы костюмных контактов³¹⁰

Для решения проблем такого рода в методическом плане представляют интерес работы, посвященные следам межэтнических контактов в *этнографической одежде* (см., например, в русскоязычной литературе: Белицер 1947; Забелин 1948; Гаген-Торн 1960; Слава 1964; Прыткова 1970; Студенецкая 1989).

1. Влияние «кочевых империй»

Кочевой мир Евразии вплоть до развитого средневековья, как принято думать, заимствовал отдельные элементы костюма *культурно родственных так называемых «кочевых империй» Евразии* (см. о них прежде всего: Крадин 1992; Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002), точнее, самых крупных и экспансионистских из них: империи Хунну, Великого Тюркского каганата и др. Менее выяснен в литературе характер их воздействия на костюм многих оседлых соседей.

а) Влияние ираноязычных «кочевых империй» на соседние народы. Великая Скифия

Воздействие костюма кочевых скифов-сколотов (которые в IV в. до н.э. уже не были политически едины) наиболее явно прослеживается у тех народов, которые находились в V–IV вв. до н.э. под их контролем [прежде всего это племена днепровского лесостепного Луго- и Правобережья (в этих районах известны и собственно скифские этнические комплексы знати — Рыжановка, и их не следует путать с собственно туземными)], и у синдов и меотов нижнего и среднего течения Кубани. Наша информация, к сожалению, неизбежно ограничена кругом доступных сегодня источников³¹¹.

В украинской Лесостепи это влияние прослежено в костюмных аксессуарах аристократии: в типах золотых шейных гривен, в использовании золотых перстней, некоторых типов серег, в расшивке одежды золотыми бляшками и подвесками (как правило, тех же типов, что и у скифов), в крупных длинных и богато декорированных золотых пластинах-метопидах на головных уборах женщин. Под влиянием скифской знати появляются мужские наборные пояса, включающие 9–10 пластин с сюжетными изображениями. При этом декор таких блях не копирует точно известные у кочевых скифов (ср. пояс из степного Золотого кургана и близкий ему в кургане у с. Берестяги в Лесостепи: Горелик 1993, табл. LIX, 57–58), и сделаны они подчас из более дешевых материалов (бронза), хотя сюжеты их вполне «скифские». В упомянутом кургане 4 у с. Берестяги на днепровском Правобережье пояс украшали 10 бронзовых блях с изображениями протома льва, а наконечники имели вид двух крупных блях с львиными головами, обращенными друг к другу (Бобринский 1901, с. 94). На Левобережье, в бассейне Сулы известен пояс с девятью золотыми пластинами, на которых изображен сидящий скифский воин (Аксютинцы, курган 5) (Граков 1971, фото на с. 139).

У синдо-меотских племен нижней и средней Кубани ситуация несколько иная. Здесь скифское влияние проявилось прежде всего в самом обычае расшивки одежд фигурными золотыми бляшками: это бляшечные наборы из Семибратних курганов 2, 3 и 6, кургана у станицы Ивановской (1967 г.), курганов 4 и 5 аула Уляп и курганов 1912–1917 гг. у станицы Елизаветинской (Артамонов 1966, рис. 42, 45, 48–51, 67–68, 70–72; Анфимов 1987, с. 108–110, 116, 127, 129, 131–132, 168–169; Шедевры 1987, рис. 30, 33 и 35–38; Галанина 2003, табл. I–II). В Семибратних курганах, Карагодеуашхе, Елизаветинской и Ивановской, т.е. в пределах территории, контролируемой греческим Боспорским царством, мы встречаем типы бляшек как имеющие прямые аналоги в Скифии, так и известные лишь здесь. Наиболее оригинален набор бляшек из курганов у аула Уляп, максимально удаленных от Скифии и греческих городов.

Найденные здесь *антропоморфные изображения* имеют явные следы скифского влияния. Однако степень этого влияния, несомненно, разная. Так, изображения мифологических героев на парадных вещах из кургана Карагодеуашх под Анапой — серебряном ритоне для вина (Блаватский 1974, рис. 1) и золотой треугольной пластине головного убора (Анфимов 1987, с. 120, 154–155) — взяты, несомненно, с каких-то скифских образцов и полностью отражают *собственно скифский* костюм; при этом в степной и ле-

³¹⁰ Детально взгляды автора на эту тему были впервые изложены в докладе на первой в Восточной Европе конференции по «археологическому» костюму в Самаре в марте 2000 г. и в статье по ее итогам (Яценко 2001а, с. 9–17).

³¹¹ В названных районах почти нет антропоморфных изображений, выполненных в местной традиции, остатки тканей сохраняются крайне редко, а богатые погребения, в которых контуры одежд обильно документированы нашивками, либо разграблены, либо обычно исследовались до Первой мировой войны, когда методика раскопок была весьма несовершенной.

сосетпной Скифии антропоморфные изображения ни разу на подобных вещах не встречены. Но по мере удаления от границ Боспорского царства и Скифии картина становится несколько иной.

Другую группу изображений представляют золотой колпачок из кургана Курджипс (там же, фото на с. 170) и каменная статуя № 2 из святилища у станицы Преградской (Ольховский, Евдокимов 1994, ил. 75, № 124), т.е. изделия из комплексов *в предгорьях*. Здесь на первый взгляд местные мифо-эпические мужские персонажи одеты в совершенно скифский костюм, со всеми деталями его силуэта, кроя и декора, с прической и т.п. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что это не совсем так. Прежде всего, на персонажах в «скифском» костюме в Курджипсе видим неизвестный у скифов сплошной декор штанов в виде криволинейных орнаментов. В Преградской кинжал крепится к поясу не так, как у скифов (сбоку), а так, как его традиционно носят кавказские народы (спереди, на животе). Все это явно отражает местную специфику.

Наконец, известны такие изображения мужских персонажей, где доля скифских черт в костюме очень невелика и не отражается именно в *одежде*. Так, в 2001 г. в одном из курганов у станицы Тенгинской на Кубани В.Р. Эрлихом была найдена крупная ажурная бронзовая бляха узды второй половины IV в. до н.э. с полупрофильной мужской фигурой, сделанная, несомненно, местным мастером из меотских племен (Конь 2003, с. 35, № 59). У персонажа представлен вариант скифской прически (с узлом надо лбом, с длинными зачесанными назад волосами, нижняя часть которых, однако, собрана в оригинальный нахосник), но местная кавказская обувь (высокие сапоги, которые никогда не носились ни скифами, ни, скорее всего, персами и которые обнаружены, например, в Семибратнем кургане № 6, где они сшиты из меха). Кроме того, в Семибратнем кургане 2 найдено типично скифское наплечное украшение аристократии — «сеточка» из золотых трубочек-пронизок и подвесок-амфорок по нижнему краю.

На основании изобразительного материала в целом можно сделать вывод, что скифизация *мужского* костюма (по крайней мере у знати) была весьма значительной. Совсем иную картину мы наблюдаем в костюме знатных *женщин*, где скифское влияние было гораздо меньшим. Так, на женском изваянии из того же святилища в Преградской (Ольховский, Евдокимов 1994, ил. 74, № 123) видим совершенно нехарактерные для скифянок основные элементы: платье с высокой кокеткой, пришивной подол образует крупные длинные складки, широкий и длинный до пят плащ, длинная прическа с непокрытыми волосами, ниспадающими на плечи. Не имеет скифских аналогов и декоративная схема конического головного убора из Карагодеуаша с очень крупной треугольной золотой пластиной в лобной части (хотя связанное с ним покрывало до бедер, украшенное по краю бляшками двух типов, для скифянок вполне обычно). Иногда в женских головных уборах предгорий использовались отдельные элементы «скифских калафов»: так, в налобная золотая полоса-метопида, украшенная рядом из 20 объемных цветочных розеток в кургане 6 IV–III вв. до н.э. (?)³¹² у станицы Бесленевской 1895 г. (на притоке верхней Кубани — Зеленчуке в Караево-Черкесии), сопровождающаяся бляшками местного типа в виде головы волка (ОАК за 1895 г., с. 131; рис. 303–306; Веселовский 1896, лист 29).

На рубеже V–IV вв. до н.э. определенное влияние скифского костюма проникло даже в *горные* районы Центрального Предкавказья. Оно выразилось, в частности, в использовании золотых нашивных бляшек в традициях степного «звериного стиля» (см.: Мошинский 2004, с. 9).

б) Влияние неираноязычных «кочевых империй» на соседние народы

Держава Хунну

Как известно, она никогда не распространяла своего политического влияния на запад далее бежавших от ее власти в Среднюю Азию усуней и отчасти больших юэчжей (это влияние, впрочем, по данным китайских хроник, там было весьма ограниченным). Исключением был «тупиковый» рейд изгнанного на запад и ненадолго захватившего Кангюй шаньюя Чжичи, который был разгромлен на средней Сырдарье в 36 г. до н.э. китайско-усуньской армией. Есть все основания полагать, что некоторые элементы воинской экипировки множества разбитых, но славных державным величием и образцовой для кочевого мира организацией военного дела хунну (в том числе формы и декор поясных пряжек) после этого стали ненадолго объектом подражания западных соседей. Появившиеся в Сарматии из Средней Азии в середине II в.

³¹² А.М. Ждановский в начале 80-х годов датировал курганы у Бесленевской, раскопанные Н.И. Веселовским, более поздним временем (II–I вв. до н.э.). Независимо от возможных хронологических уточнений для меня в этих комплексах принципиально важно сохранение целого ряда элементов костюма и традиций звериного стиля скифской эпохи.

до н.э. новые группы номадов, видимо, не могли получить подобные пряжки *иным* путем: ведь *бежавшие* от хунну и *разгромленные* ими (но не платившие им ранее дань) большие юэчжи и усунь вряд ли располагали сколько-нибудь значительным количеством поясов хуннского облика, а сами хунну (кроме войск Чжичи) до того там физически не присутствовали.

В Сарматии на рубеже нашей эры известны как подлинные образцы хуннских поясных пластин, так и подражания им (Яценко 1992а, с. 248, 250). Среди сюжетов показательно изображение медведя и «сарматского тарандра», терзающих с одного бока лежащую в профиль лошадь: ему подражали на рубеже II–I вв. до н.э. как сарматы Южного Приуралья (Покровка 2, курган 17/2), так и китайцы — даже в южных областях (пров. Ганьсу, могильник Шицзышань: Богданов 1999, с. 269; рис. 1, 1–2).

Тюркский каганат, Западный и Восточный тюркские каганаты

Обширнейший Тюркский каганат второй половины VI в. и особенно его наследники в VII в. — Западный и Восточный каганаты, сыграли, видимо, более важную роль в распространении выработанных на Востоке элементов костюма (ср. с более поздними тюркскими народами, в том числе турками-османами: Gervers 1981; 1982). Именно тюрки *распространили* и в Западном Туркестане, и на востоке (в Китае) вариант такого древнего изобретения скотоводов Центральной Азии (с эпохи бронзы — Загунлук: Богданов 1999, с. 269; рис. 1, 1–2), как высокие сапоги с треугольным выступом под коленом, но окрашенные в черный цвет. То же можно сказать о кафтанах *с двумя лацканами* на бортах, созданных хотано-саками Восточного Туркестана (они известны на терракотах столицы ираноязычного Хотана — Йоткана со II–III вв. н.э.: см. главу 2.7), и о китайской традиции запахивать одежду *направо* начиная с VIII–IX вв. (см.: Яценко 2000б, с. 323–325, 332–333, 348, 360–361).

Лишь в одном случае тюрки стремились *насаждать силой* свой костюм у покоренного населения (см. неудачную попытку правителя оазиса Турфан Кан Боя в 590 г. ввести китайский костюм вместо предприсылавшегося тюрками: Таншу, ССХХI: Chavannes 1903, p. 102–103). Эта попытка, вероятно, связана с желанием восстановить свое влияние на легендарной прародине и не допустить усиления китайского (Яценко 2000б, с. 361–363).

Большую роль в распространении элементов тюркского костюма (и прежде всего *наборных поясов* особых типов) у народов Западного Туркестана (Средней Азии), вероятно, сыграли административные реформы западного кагана Тон-ябгу (618–630), которые включили знать покоренных народов в систему управления каганатом, предоставили ей тюркские титулы и т.п. (ср.: Кляшторный, Савинов 1994, с. 22; Майтдинова 2003, с. 181, 66; рис. 60, 2). Вместе с тем изобретение поясов с серией свисающих ремней и наконечниками с округлым нижним торцом отнюдь не является достижением тюрков или Сасанидов, как это принято думать; они известны еще в начале скифской эпохи³¹³. Такие пояса, впрочем, отсутствуют даже у самих тюрков в росписях Самарканда, а у согдийцев и тохаристанцев встречены всего по одному разу (Пенджикент: рис. 181, 69; Аджина-тепе: Мкртычев 2003, рис. на с. 220; Litvinskij, Zeimal' 2004, fig. 36).

Рассмотрим хорошо документированные ранние следы тюркизации костюма у ираноязычных этносов Западного Туркестана.

Весьма показателен в VII–VIII вв. характер тюркизации костюма *Согда* — одной из наиболее важных областей, входивших в Каганат. Судя по материалам, рассмотренным в главе 3.2, тюркское влияние проявилось в костюме обоих полов в ношении особой чалмы, кафтанов и халатов с двумя лацканами, а также мужских причесок с двумя, четырьмя или шестью косами и во включении в состав украшений наборных поясов наряду с крупными бляшками групп из пар или четверок мелких полусферических бляшек. У согдийцев Китая к началу VII в., судя по каменным панелям сиденья из музея Михо (Juliano, Lerner 2001, fig. I, J), бытовали как распахнутые одежды с двумя лацканами, так и черные сапоги с треугольным выступом.

В *Тохаристане*, южная часть которого была, вероятно, присоединена к Каганату только в первой трети VII в. и который находился гораздо дальше, чем Согд, от границ кочевой Степи, тюркских элементов в костюме соответственно также меньше. Здесь, в отличие от Согда, мало местных изображений наборных поясов с собственно тюркскими конструкцией и декором (пояс со свисающими дополнительными ремня-

³¹³

В действительности самые ранние наборы таких поясов на сегодняшний день известны у племен Тувы (Аржан 2), а с первой половины I в. н.э. — у сарматов европейских степей (Пороги и Цветна на Правобережной Украине; Первомайский VII, кург. 14/3 на Нижнем Дону; Косика, погр. 1 на Нижней Волге: см. главу 2.2).

ми у одного из донаторов в Аджина-тепа [Мкртычев 2002, рис. на с. 220; Litvinskij, Zeimal' 2004, fig. 36] и типы накладок наборных поясов у чаганианских делегатов в росписи Афрасиаба). Нет в Тохаристане и мужских причесок с косами. Однако здесь неоднократно представлены халаты лиц обоих полов с двумя лацканами (рис. 189, 35–41) и высокие черные сапоги с треугольным выступом под коленом.

В *Хорезме*, в состав Каганата не вошедшем, но граничившем с ним в VII–VIII вв. (см. главу 3.4), следы тюркских влияний примерно те же, что и в Тохаристане. Здесь, вероятно, бытовали пояса тюркского облика (судя по случайным находкам бляшек-накладок), которые, впрочем, совершенно отсутствуют на известных изображениях. Известны также мужские халаты с двумя лацканами (рис. 202, 4–5) и высокие черные сапоги (рис. 202, 31).

В *сасанидском Иране* мы сталкиваемся лишь со своеобразной *переработкой* тюркских поясов с дополнительными свисающими ремнями (ср. рис. 158, 39–43; 170). Особенно интересен кафтан всадника-правителя на расписной вазе из Мерва (Кошеленко 1977, рис. 80). Хотя он приспущен с левого плеча для стрельбы, видно, что по левому борту он имеет лацкан. Видимо, такой же лацкан имелся и на откинутой правой половине кафтана (у эфталитов известен, как уже отмечалось, односторонний лацкан, но только с правой стороны). Следовательно, это кафтан тюркского облика, который не может датироваться ранее конца VI в., что позволяет точнее датировать и саму вазу.

У народов *Северного Кавказа*, прежде всего у ираноязычных аланов, со второй половины VI в. распространяются наборные пояса с дополнительными свисающими ремнями. Однако такие пояса у сармато-аланов известны, как уже отмечалось, еще с I в. н.э.; кроме того, на декоративное оформление этих поясов оказали решающее влияние отнюдь не тюркские, а *византийские* образцы с их мотивами ажурных личин и иной прорезной орнаментацией (Ковалевская 1970, с. 144–155; 1981, с. 92; рис. 61; 1995, с. 59–66). При сопоставлении с поясными наборами тюрок Сибири и Западного Туркестана VI–VII вв. и, в частности, с изобразительными мотивами на бляшках (см.: Могильников 1981, рис. 19, 13, 29, 38–39, 34, 42, 50) вполне очевидно, что древнетюркские типы ременных бляшек у аланов в VI–VII вв. практически отсутствуют; можно отметить лишь единичные и весьма неточные аналогии первым³¹⁴, что в принципе может быть связано с военной активностью тюрок в регионе с 70-х годов VI в. (см., например: Kazanski, Mastukova 2003, p. 150–152). Некоторые типы таких поясных наборов свойственны именно северокавказским аланам и даже позволяют выделить погребения аланских воинов к югу от Кавказа (см., например: Ковалевская 1992, с. 47; рис. 6–8). У кавказских аланов с VIII в. известны длинные халаты с характерными для тюрок двумя лацканами (кафтан из шелка с сэнмурвами: Иерусалимская 1978, рис. 1).

В *Хотане* влияние тюрок сказалось в появлении тюркского термина и, наверное, самого типа плаща-дождевика — *yadama* (Bailey 1982, p. 16).

2. Дары кочевых правителей

С ними сходны по характеру также «костюмные» дары правителей оседлых княжеств, включенных в состав кочевнических государств и отчасти заимствовавших их традиции, их «коллегам» в земледельческие страны. Это главным образом *парадные наборные пояса*, которые были у кочевников начиная с парфяно-сарматской эпохи одним из важнейших атрибутов социального ранга, хотя известны и как дары в составе партий готовой одежды.

В ряде случаев вассальные кочевые правители старались, видимо, дарить примерно то, чего от них ожидали их владыки в соответствии с местными церемониями.

Саки-тиграхауда

Члены делегации этих среднеазиатских данников Ахеменидов, изображенной на лестнице ападаны Персеполя, привезли в качестве дара персидскому царю кроме породистого коня предметы костюма и вручают их в определенном логическом порядке: вначале дорогие золотые аксессуары (браслеты с зооморфными ручками), затем парадную верхнюю распашную одежду (*kandys*), далее — носившуюся под ней рубаху (?) и в последнюю очередь — местные высокие сапоги (Shahbazi 1992, pl. LII). Перед нами —

³¹⁴ Это круглые уплощенные бляшки, мотивы четырехлистной розетки, трехлистного побега на «постаменте» (ср.: Ковалевская 1981, рис. 61, 3, 5, 8).

уникальный пример комплекта даров кочевого вассального правителя в виде важнейших элементов местного мужского костюма (см. ниже раздел «Новогодние дары правителю»).

Кангюй

Известные сегодня предметы «бирюзово-золотого звериного стиля» появляются в Сарматии с самого рубежа нашей эры, что совпадает с установлением зависимости восточных частей этого региона от могущественной «кочевой империи» Кангюй на средней Сырдарье (Яценко 2000а, с. 178–179). По своему составу золотые изделия данного стиля представляют не столько парадные мечи или детали упряжи, сколько аксессуары мужского и отчасти женского костюма (прежде всего парные поясные пластины-застежки, гораздо реже гривны или браслеты). Такой состав заставляет предположить, что во многих случаях мы имеем дело с дарами кангюйских правителей в виде парадных поясов (и подражанием их оформлению у лиц с менее высоким статусом).

Тюркский каганат и зависимые ираноязычные территории

Весьма показательна серия даров, полученных китайскими императорами в VII в. В 627 г. западнотюркский каган Тун Шеху, желая заключить брак с китайской принцессой, подарил императору наряду с короной золотой пояс, украшенный драгоценными камнями и «несметным количеством заклепок» (Бичурин 1950, с. 625; Шефер 1981, с. 293). Пояса дарили императору и правители зависимых в то время от тюрок владений: Каписы в 619 г. и Хотана в 632 г. (Шефер 1981, с. 293, 298). То же можно сказать о захваченном тюрками Тохаристане: видимо, основной дар, вручаемый делегацией чаганианцев самаркандскому Вархуману около 662 г., — парадный пояс (его несет персонаж 2 западной стены в росписях «Зала слов» Афрасиаба). Пояс этот не золотой, а кожаный, украшенный позолоченными бляшками, но имеет два яруса драгоценных подвесок.

Монголы

В 1222 г., когда Чингис-хан уже контролировал обширные земледельческие страны, монгольские полководцы Субэдэй и Джэбэ предложили европейским половцам мир и союз и обещали: «...дадим вам столько золота и одежды, сколько душа ваша пожелает» (Тизенгаузен 1884, с. 31–32). В художественной литературе средневекового Ближнего Востока также отразилось представление о том, что кочевой хан дарит иноземцам прежде всего множество одежд и золотых аксессуаров костюма (см., например: Руставели 1966, с. 135).

Особняком стоят *заведомо недружественные дары*, имевшие главным образом магическое назначение. Так, хуннский шаньюй, желая поражения китайской кавалерии в начинающейся войне, около 90 г. до н.э. отправил императору одежду из конских шкур, а своим колдунам приказал «совершать заклинания над связанной лошадей» (Бичурин 1953, с. 202).

3. Распространение элементов одежды различных династий Ирана

Мидия и персы

Мидия, разгромив Ассирию, до утраты своей государственной самостоятельности после завоевания персами (до 550 г. до н.э.) была крупнейшим государством Ближнего Востока. При Киаксаре (625–584) и его сыне Астиаге (584–550) мидийский двор, воспринявший придворные традиции древних государств Месопотамии, славился своей роскошью. Неудивительно, что основателю персидской державы Ахеменидов — Киру II (558–530), восхищенному обычаями мидийской знати при Астиаге — своим бывшем повелителе, эти обычаи побежденных, в том числе «царские облачения», «показались столь подходящими для царской пышности» (Strabo. Geogr. XI. 13.9).

Очень важные подробности введения мидийского парадного костюма и вооружения в новой империи мы находим у Ксенофонта, сведениям которого в данном аспекте как будто нет оснований не доверять. Он утверждает, что введение этих новшеств, а также ряда новых элементов придворных ритуалов было подготовлено церемониймейстером Кира Феравлом сразу после завоевания Вавилона (т.е. осенью 539 г.

до н.э.). Был разработан новый ритуал торжественного царского выезда из дворца, и именно «тогда персы впервые надели на себя мидийскую одежду». В этот день Феравл организовал раздачу «самым знатным» заранее заготовленной разнотипной одежды, среди которой выделены плащи разных оттенков красного цвета (пурпурные, темно-красные, багряные и алые). Командиры войск копыеносцев и колесничих получили при этом «хитоны» двух разных видов, а командиры кавалерии — длинные плащи-кас (Хен. Куг. VIII. 3.1–2). Ксенофонт, как мне представляется, вполне достоверно определяет мотивировку подобного новшества: «Властители должны отличаться от подданных... и способностью очаровывать других... Он (Кир II) и сам предпочел носить мидийскую одежду и убедил пользоваться ею своих сотоварищей. Он считал, что эта одежда помогает скрыть телесные изъяны тем, кто их имеет, и позволяет... казаться красивыми и высокими. Действительно, мидяне носят такие башмаки, в которые они могут совсем незаметно что-нибудь подкладывать, чтобы казаться более высокими» (ibid. VIII. 1.40–41). **«Костюмная реформа» Феравла 539 г. до н.э. привела к появлению самой роскошной придворной одежды тогдашнего мира.** Эта реформа — первая из известных в истории человечества.

Относительно костюма *мидийской* аристократии первой половины VI в. до н.э. и его соотношения с синхронным костюмом персов у исследователей нет единства. Многие авторы полагают, что комплекту мидийского происхождения у Ахеменидов соответствуют длинная шуба с очень длинными зауженными рукавами (kandys), длинный, до пят плащ-кас, полусферические шапки и башлыки с облегающим голову полусферическим верхом.

Многие ученые, опираясь на изображения в имперском искусстве (в частности, на отличия в костюме «типичных» перса и мидийца в композиции «Трон Империи, поддерживаемый народами» на скальной гробнице Дария I в Накш-и Рустаме), без особых сомнений разделяют персонажей в «мидийском» и «персидском» костюме. Так, Дж. Куртис, описывая золотые посвященные пластины Амударьинского клада, называет «мидийскими» персонажи в простых нераспашных сараписах и головных уборах-тиарах (№ 49, 74, 77–81, 83, по Дальтону): оба элемента (как отмечалось выше) действительно имеют мидийское происхождение; «персидскими» же (правильнее было бы: аншано-эламскими. — С.Я.) названы одежды мужчин и особые складчатые юбки у женщин (№ 89–93, по Дальтону) (Curtis, Seeright 2003, p. 235).

В действительности письменные источники *вполне ясно указывают, что именно входило в комплект парадного мидийского костюма, заимствованный персами*; к сожалению, эта информация в полном объеме исследователями пока не учитывается. В этот перечень входят 11 элементов: 1) парадная шуба-кандис, 2) тиара (оба элемента известны и на мидийских скальных рельефах) и 3) особые шаровары (Plut. Alex. XLV), 4) пурпурные «chiton» (sarapis), 5) длинные плащи красного цвета кас, 6) особые башмаки на высокой подошве, 7) мужские прически с накладными волосами, 8) золотые браслеты (видимо, с зооморфными

окончаниями), 9) золотая «цепь», 10) мужская и женская косметика (Хен. Куг. I. 3.2; 4.1; VIII. 1.40) и 11) женская «stola», т.е. очень длинная нераспашная одежда (Strabo. Geogr. XI. 13.9). Кроме того, авторитетные античные авторы вполне недвусмысленно указывают, что почти весь парадный костюм знатных персов времени Ахеменидов заимствован именно у их предшественников-мидийцев (Strabo. XI.13.9), и у нас нет серьезных оснований для вольной трактовки этих сведений. Есть прямые свидетельства того, что современники (в том числе греки) даже в дни крушения державы Ахеменидов ясно различали мидийские и персидские компоненты в парадной одежде знати (см.: Plut. Alex. XLV).

Наряду с упомянутыми у древних авторов, видимо, мидийское происхождение имеет и элемент 12 — полужайцевидная шапка, представленная у ряда придворных в Персеполе (персидский тип 8), поскольку именно она представлена у данников-мидийцев (как и у сагартиев). Элементом 13 можно считать роскошные пелерины, которые обычно связывают с Эламом или Аншаном, так как близкие им аналогии недавно обнаружены у тувинских кочевников VII в. до н.э. (см. главу 1.1). Таким образом, к «исконно персидским» элементам ахеменидского костюма можно отнести лишь кафтан (gaunaka), несколько типов головных уборов, какие-то виды шаровар, полусапожки и ноговицы, пояса.

М.В. Горелик попытался представить эту проблему в необычном ракурсе, считая, что персидская и мидийская одежды исходно были очень похожи и «под „мидийской одеждой“ источников... следует понимать, как правило, *просто персидскую одежду высшего качества* мидийского производства». Придворную персидскую одежду эламского облика он также считает исключительно персидской, так как именно Эламаида и Аншан (а не Персида) составляли изначально домен потомков Ахеменидов. В результате исследователь готов считать собственно *мидийским* лишь **один** элемент костюма мидийских данников уже ахеменидского времени (когда сами мидийцы находились под персидской властью) — башлык с тремя

складками надо лбом, носившийся к тому же и соседним с мидийцами народом сагартиев (Горелик 1985, с. 37–38). Иными словами, получается, что мидийцы вообще не имели своего этнически специфичного костюма. В целом, как нам представляется, эта версия в ее нынешнем виде пока противоречит как данным письменных источников, так и, в известном смысле, логике политической истории Ирана.

Ахемениды³¹⁵

Персидский аристократический костюм благодаря баснословной роскоши и при этом значительной стандартизации (облегчавшей знакомство с ним и его копирование) оказал заметное влияние на соседние общества на определенных этапах их развития.

Греки и македоняне

Еще во время греко-персидских войн костюм персов казался грекам ярким воплощением всего варварского; ср. в «Осах» у Аристофана: «Мы их кололи, как тунцов, в мешки штанов»; «пестрые мешки»; у него же стоячая тиара сравнивается с петушиным гребнем (правда, еще до этих войн знаменитый Пифагор из Самоса носил персидские шаровары: Aelian. Var. hist. XII. 32, а мужчины из ионийского Колофона перенимали у лидийцев их роскошные пурпурные одежды, сложные прически и благовония: Xenophon. fr. 3 Diehl). Но после серии военных побед афиняне, ранее всячески порицавшие роскошь и практически не носившие пестрых тканей, стали подчас ходить «в пурпурных гематиях и пестротканых хитонах... скрепляли [прически] золотыми шпильками и увешивались золотыми украшениями... Таковы были маратонские победители» (Aelian. Var. hist. IV. 22). После разгрома Мардония в битве при Платеях греки раз-

де-лили огромную добычу, включавшую золотые и серебряные украшения костюма, персидских наложниц в дорогих одеяниях и т.п. Геродот сообщает, что спартанские илоты полководца Павсания снимали с убитых персов золотые браслеты и ожерелья, «а на вышитые одеяния варваров никто (из свободных греков. — С.Я.) даже не обратил внимания». Далее илоты якобы тайно присвоили много драгоценностей, которые потом продали торговцам с острова Эгина, очень нажившихся на этом (Her. Hist. IX. 80–81). Вероятно, Геродот не случайно приписывает начало «развращения нравов» Греции именно неполноправным людям, презираемым илотам.

Впрочем, еще раньше в Греции сказывалось воздействие искусства Империи (Alexander 1980); персидские ювелирные изделия оказали влияние и на оформление вазовой живописи (Shefton 1971) (ахеменидские костюмные аксессуары продолжают вдохновлять и современных греческих ювелиров³¹⁶). Со времен греко-персидских войн пурпурные одежды и обувь с золотыми деталями стали носить и прославленные скульпторы, живописцы (Her. Hist. IX. 3). Легко и с радостью перенимали персидскую роскошь и высокопоставленные беглецы из Греции. Спартанец Павсаний — победитель армии Ксеркса, находясь в эмиграции в Персии и «гордый близостью к царю», также «был пленен всем мидийским» (т.е. главным образом парадными одеяниями) (ibid. IX. 41). Побывавший в Персии среди наемников Ксенофонт восклицает: «... кто проявляет больше стараний, чтобы одеть своих подданных в красивые одежды, чем этот (персидский) царь?» (Xen. Kyr. VIII.2.9). Городу Эфесу, подвластному Империи, проникновение персидских обычаев грозило «полной варваризацией» (Plut. Lysand. 3). Видимо, ахеменидское влияние испытало оформление весьма ценившихся в Греции одежд из италийской колонии Тарент. Здесь производились одеяния шафранного цвета (популярного в Персии), разноцветные хитоны и т.п. (Aelian. Var. hist. VII. 9). Но и на рынке в Афинах рубежа V–IV вв. до н.э., судя по комедиям Аристофана, продавались такие вещи, как мидийский плащ (Осы. 493), персидские туфли (Женщины в народном собрании. 319) и пурпурная ткань из Сард (Мир. 1174).

Более заметным было влияние на греческий детский и женский костюм. С конца V в. до н.э. в нем изредка использовались, в частности, короткие распашные кафтаны (gaunaka), которые, впрочем, носились внакидку (чего не было у самих персов) и без персидского декора женщинами, а также детьми во время весеннего праздника Anthesteria (Knauer 1978, p. 23, fig. 5, 9–10; Simon, Hirmer 1976, Taf. 231; Karouzou 2000, No. 1226, photo on p. 150)³¹⁷.

³¹⁵ Следует помнить, что еще во времена Геродота значительная часть собственно персов (три племени из семи) оставались кочевниками (Her. Hist. I. 125).

³¹⁶ См., например, соответствующие образцы в творчестве такого известного ювелира, как Илиас Лалаоунис (Chador-Sampson, Lalaounis-Tsoukopoulou 1998, photo on p. 43, 46–47).

Еще более впечатляющим было воздействие персидской добычи на греков и македонян, участвовавших в восточном походе Александра Великого. Уже после первой битвы при Гранике Александр отослал часть захваченных «пурпурных тканей и других вещей подобного рода» своей матери в Македонию (Plut. Alex. XVII). После первых удачных сражений, по словам Плутарха, «македоняне впервые научились ценить золото... вкусили прелесть варварского образа жизни» (ibid. XXIV). В начале оккупации собственно Персиды весной 330 г. до н.э. было захвачено парадных персидских одежд на фантастическую сумму — 1000 талантов. Приближенные Александра стали при купании пользоваться благовониями, а теосец Гаггон, что особенно занимает Плутарха, даже башмаки подбил серебряными гвоздиками (ibid. XXXIX, XL).

Достигнув Парфии, Александр выбрал себе парадное одеяние, сочетавшее элементы как собственно мидийские, так и собственно персидские (ibid. XLV). К этому времени Александр «увлекся мидийской и персидской роскошью... сменил родную македонскую одежду на мидийскую... не постыдился надеть тюрбан побежденных персов» (Arrian. Alex. IV. 7.4). Готовя свой собственный культ и желая выглядеть законным преемником власти персидских монархов в их привычном облике (Plut. Alex. XLV; см. также Абдуллаев 2005, с. 119–122), великий завоеватель оценил и сложную символику персидского аристократического костюма. Отдыхая короткое время в Парфии, куда он прибыл из Гиркании, Александр с удовольствием примерил (затем надевая их лишь при варварах, а позже и на официальных приемах) белый «хитон», шаровары и тиару; по другой версии — персидскую царскую диадему Дария III, его белый «хитон» и золотой пояс, не решившись надеть лишь кандис, шаровары и тиару (Diodor. Syc. XVII. 77.5; Curt. VI. 6.4; Plut. Alex. XLV). Дело в том, что именно последние три предмета рассматривались греками и македонянами как наиболее варварские, по словам Плутарха — «необычные и театральные» (т.е. наиболее далекие от эллинских), предметы мужской одежды.

При взятии Персеполя греки и македоняне не сумели по достоинству оценить персидские одежды, окрашенные драгоценным пурпуром, и рубили отрезы подобных тканей мечами (Diodor. Syc. XVII. 70. 3–5). При возвращении из индийского похода дорогими персидскими одеждами — белыми и многоцветными — македоняне устилали повозки (Curt. IX. 10.22). Однако уже в Гиркании Александр раздал приближенным персидские одеяния из пурпурных тканей, расшитых золотом (Iust. XII. 3; Diodor. Syc. XVII. 77.5). В эти одежды он нарядил «своих друзей и всадников-командиров против их воли» (Curt. VI. 6.7).

Несомненно, под впечатлением персидских золотых поясов оформлены и золотые пояса эллинистической Греции, в частности известный пояс III–II вв. до н.э. из Археологического музея в Афинах, состоящий из двух длинных, соединенных шарнирами полос; декор же из напаянных цветочных розеток и сердоликовых вставок на нем вполне греческий (Greek Jewellery 1997, photo on p. 65); этот пояс охватывал лишь переднюю половину талии.

Народы Малой Азии

На мужчинах из предполагаемой делегации знатных каппадокийцев на ападане Персеполя (Shahbazi 1992, pl. LI) хорошо видны персидские элементы их костюма: характерный башлык-тиара из мягкой ткани, застегнутый на подбородке; узкие штаны, заправленные в полусапожки; нераспашная верхняя одежда до колен типа сарапис, несомый на руках парадный кафтан (он короче, чем кандис). Логично видеть в этих элементах влияние именно персидского костюма (ни одного предмета достоверно *мидийского* происхождения среди них нет: см. выше). Это неудивительно: Каппадокия подверглась определенной иранизации и здесь существовали, как известно, персидские колонии.

Влияние на ираноязычные этносы

Некоторые близкие аналоги специфическим элементам ахеменидского костюма распространены в *нескольких* регионах, заселенных ираноязычными народами — как входившими в состав Империи на ее окраинах, так и бывших независимыми (европейские скифы-сколоты).

Таковы широкий плащ типа персидского «кас» у мужчин или женщин (хорезмийцы, скифы-сколоты, арреи), завязывавшийся на шее; украшение подола плечевой одежды тканью с полосой зигзага (хорезмийцы, ранние скифы); широкая вертикальная полоса декора верхней мужской или женской нераспашной одежды (хорезмийцы, скифы-сколоты); женский матерчатый пояс, завязанный спереди на бедрах, с длин-

³¹⁷ Западные авторы обычно называют эту одежду «kandys», хотя она не совпадает с последним по всем основным параметрам (кроме ношения внакидку).

ными свисающими концами (хорезмийцы). Интересна и такая специфическая аналогия, как кафтаны у ранних скифов с очень короткими рукавами.

Скифы-сколоты и народы Северо-Западного Кавказа

В целом, судя по материалам главы 1, список элементов, имеющих специфические аналогии только в ахеменидском Иране и у скифов-сколотов, неожиданно оказывается весьма обширным.

В их числе элемент спинки мужской плечевой одежды в виде треугольника, вшитого у верхнего его края, край спинки с плечевым швом (рис. 1, 27a) и орнаментальные «погоны» на плечах (рис. 10); нераспашная одежда с треугольным вырезом ворота (рис. 1, 40–41); рукава женского платья с резко расширяющимися книзу краями (рис. 2, 7–8); мужские штаны с треугольным выступом спереди по нижнему краю штанин (рис. 12e), головные уборы в виде довольно высокого цилиндра без дополнительных лопасти (рис. 1, 15) и женские цилиндрические уборы с длинным покрывалом (рис. 2, 2), мужские золотые пекторали сходных пропорций, мужские прически с завивкой волос (рис. 1, 12, 18–19); декор тканей в виде рядов кружков или сплошной сеточки (рис. 1, 31–32, 35, 37–38, 47a, 56a).

Эти специфические сходжения требуют объяснений. Вероятно, их следует дать сразу два. Во-первых, оба эти этнических комплекса наиболее полно документированы у ираноязычных народов данного времени; возможно, в действительности распространенность части названных элементов была более широкой. Однако вряд ли такой довод может объяснить *все*. Во-вторых, какие-то из этих элементов могли быть результатом реальных контактов скифов с персами — как прямых, так и косвенных. Почти несомненно это относится к орнаментике тканей, прическам с завивкой и, как минимум, к некоторым экзотическим элементам края плечевой одежды. Сегодня отмечены проявления персидского влияния в культуре соседнего со Скифией греческого Боспорского царства (Fedoseev 1997) и даже предполагается завоевание последнего при Дарии I (Яйленко 2004, с. 56–59)³¹⁸. Правда, в этом случае трудно понять, почему у скифской знати нет аксессуаров костюма, копирующих ахеменидские, и почему все персо-скифские костюмные сходжения датируются только IV в. до н.э., когда Империя не имела прямых военно-политических контактов со Скифией и заметно ослабела. Персидское влияние в скифском «зверином стиле» также незначительно. Персо-скифские поздние костюмные сходжения были, вероятно, результатом торговли тканями, проникновением ряда предметов ахеменидской торевики и даров сатрапов Закавказья и Малой Азии (костюмные дары центрального правительства имели иной характер; ср.: Aelian. Var. hist. 1. 22).

У персонажа на упомянутой бронзовой бляхе узды местной меотской работы (вторая половина IV в. до н.э.) с полупрофильной мужской фигурой из станицы Тенгинской на Кубани, как уже отмечалось, скифская прическа и местная высокая обувь (Конь 2003, с. 35, № 59). Однако меня привлекают также два элемента, характерные именно для ахеменидского мужского костюма. Это широкие штаны с узором в косую сеточку и короткий кафтан (не запахнутый, а держащийся лишь поясом) с пришитым складчатым подолом. Пока трудно сказать, являются ли эти персидские элементы результатом копирования какого-то ахеменидского изображения или же они отражают реальное влияние одежд великой Империи, чьи владения прямо граничили с Кавказским хребтом.

Аршакиды

Сегодня общим местом стало мнение, что костюм парфянских Аршакидов также оказал значительное влияние на соседние народы (этноты Западного Туркестана, кушан, индо-скифов, сарматов). К сожалению, оно до сих пор не обосновано необходимыми в таких случаях системными сопоставлениями костюмных комплексов. Ниже впервые предпринимается такая попытка.

а) Пальмира

Впервые вопрос об «иранском костюме» в семитской Пальмире I — первой половины III в., входившей в это время в состав Римской империи и при этом граничившей и торговавшей с Парфией, был

³¹⁸ В.П. Яйленко считает, что в конце VI в. до н.э. Дарий на некоторое время завоевал самих скифов-сколотов, которых он отождествляет с «заморскими» скифами Бехистунской надписи и подданными царя Скифарба в «Персидской истории» Ктесия. У меня нет возможности детально разбирать все аргументы исследователя, которые, среди прочего, противоречат достаточно авторитетным сведениям Геродота.

всерьез поставлен в статье Х. Сэрига в 30-х годах прошлого века (Seyrig 1937; см. также: Colledge 1987). Ниже дается сопоставление по элементам известного нам костюма Парфии и «иранских» образцов из Пальмиры.

Мужская плечевая одежда

Пальмирские мужские *tunicae*, скорее всего, *нераспашные*, так как и подол и ворот на их детализированных изображениях обычно имеют сплошную горизонтальную декоративную кайму. Декор каймы ворота у пальмирцев весьма разнообразен: здесь видим и крупные розетки, и квадраты, разделенные парой кружков, и ряд горизонтально положенной «елочки» (рис. 207, 2–5). В одном случае видим глубокий, достигающий почти до края подола разрез, украшенный полосой ткани с заостренным концом, орнаментированной вьющимся побегом с цветами (рис. 207, 6): все эти элементы не имеют точных парфянских аналогов. Вертикальная полоса декора на мужских туниках включает узор в виде ветви с листьями дуба, пальмы или плюща (?), виноградной лозы с сидящими птицами, чередующимися ромбами и кружками, которые перемежаются парой кружков, рядом квадратов с двумя полосками по бокам (рис. 207, 3–4) (см. также: Tanabe 1986, fig. 375–378). Ни один из этих орнаментов не имеет точного соответствия на детализированных изображениях парфянской мужской одежды. Кайма на подоле декорирована либо рядом соединенных ромбов, либо упоминавшимися ветками дуба и плюща (рис. 207, 3, 4, 6, 20). Эти варианты декора также не имеют парфянских соответствий. То же можно сказать и о коротких боковых разрезах на тунике одного юноши (ibid., fig. 435–436). Подол одной из туник выступает спереди полукругом: такой элемент кроя действительно бытовал в Иране, но не при Аршакидах, а при следующей династии Сасанидов (см. главу 3.1). В парфянской Месопотамии известна одна терракота с подобным подолом (Curtis 2001, pl. IV, b); однако я думаю, что подобные редкие изображения I — начала III в. в римско-парфянском пограничье, причем именно на территориях, заселенных семитскими народами, свидетельствуют скорее в пользу связи этого элемента с семитами. Соответствия же более поздним — раннесасанидским образцам не удивительны, так как Пальмира достигла своего расцвета и кратковременной независимости между 255 и 272 гг. — в период, когда Оденат Младший и затем полководец Зенобии, Забда, успешно воевали с Ираном. Римские авторы отмечают тягу Зенобии и ее окружения к пышным нарядам: роскошный парадный костюм могущественных врагов хорошо для этого подходил. Богатый декор рукавов, в отличие от парфян, для пальмирцев совершенно не характерен (исключение — декор обшлагов у одного юноши: Tanabe 1986, fig. 359). Распашной кафтан, носившийся наброшенным на плечи, у пальмирцев был одинаковой длины с нижней рубахой (рис. 207, 9), в то время как у парфян последняя была короче или длиннее.

Женская плечевая одежда

Знатные пальмирки носили платья с очень широким воротом и резко расширяющимися книзу рукавами, которые украшались орнаментальной полосой и иногда — полоской меха по краю. На груди у них нашивались две широких орнаментальных полосы, далеко отстоящие друг от друга (рис. 207, 19). Поверх платья часто носилась накидка, скалывавшаяся огромной фибулой (иногда с подвесками) на левом плече. Все перечисленное не имеет ничего общего с парфянскими образцами.

Шаровары

Мужчины довольно часто носили шаровары, которые, как и у парфян, заправлялись в полусапожки. Часто декоративная вертикальная полоса на них украшалась так же, как и туника (ibid., fig. 239–240). Обычно это два ряда мелких кружков, разделенных рядами полосок (рис. 207, 11); на парфянских штанах этот орнамент не представлен. Женские шаровары, не документируемые у парфянок, стягивались по нижнему краю штанин ремешком (ibid., fig. 273).

Пояса

У пальмирцев обычные в синхронных парфянских комплексах наборные кожаные пояса не представлены. Они, в отличие от парфянских соседей, носили тоненькие, явно матерчатые пояски, однотипно украшенные рядом прямоугольников, в которые вписан знак «х». Концы с короткой бахромой не свисали свободно, а заправлялись за пояс (рис. 207, 12–13). Как и у парфян, поясок завязывался «геракловым» (прямым морским) узлом, но этот единственный сходный элемент не может однозначно связываться

именно с ними, потому что он был широко распространен в разных частях Евразии. Важна и манера ношения таких поясков: длинные концы заткнуты за пояс по сторонам. В Парфии известно только одно изображение подобного пояса на фрагменте статуи из Хатры (Curtis 2001, pl. VI, b); я думаю, что совпадение в данном случае объясняется общими традициями греческого происхождения, так как эта манера бытовала в Элладе уже в эпоху архаики (много раньше, в середине I в. до н.э., подобным образом крепил пояс и Антиох — правитель маленького Коммагенского княжества в верховьях Евфрата на известном рельефе из Нимруд-Дага: Ghirshman 1962, fig. 80). Интересно, что в начале следующей династии, Сасанидов, на триумфальном рельефе Шапура I в Бишапуре II, среди групп, выражающих покорность иноземцам, фигурируют люди в поясах, повязанных описанным способом, и по другим элементам одежды сходные с жителями Пальмиры. Г. фон Галль, видимо, справедливо считает их пальмирцами (von Gall 1998, S. 54; pl. V, b).

Обувь

Как и у парфян, у пальмирцев обоих полов преобладали *полусапожки*. Однако их декор и крой обычно не имеют ничего общего с собственно парфянским. Они шились из плотной, очень дорогой ткани, покрытой орнаментом из крупных цветочных розеток или, реже, ромбиков, по верхнему краю украшались полоской из бегущей волны, окруженной по бокам рядами кружков или полоской зигзага. Декором подчеркивался конструктивный шов в передней части (рис. 207, 16–18). Иногда верхний край имеет спереди треугольный выступ, известный в Парфии лишь в Кух-и Камальване (рис. 207, 14).

У пальмирцев, как и у парфян, бытовала всадническая обувь — широкие тканые ноговицы, крепившиеся лямками к поясу. Однако в отличие от практически лишенных декора парфянских образцов пальмирские ноговицы пышно украшены как по верхнему краю, так и вдоль вертикального шва (рис. 207, 20) (см. также: Tanabe 1986, fig. 441).

Женская обувь представляла собой туфли, не известные у парфянок (ibid., fig. 273).

В целом сопоставление костюмных комплексов Парфии и Пальмиры позволяет заключить, что в женском костюме нет практически ничего общего. В мужской одежде наблюдается заимствование целого комплекса предметов одежды с соответствующим кроем (распашные кафтаны, шаровары, ноговицы, полусапожки), но при этом их *декор* у обоих этносов также не имел ничего общего. Иранские элементы костюма были весьма удобны в подвижном быту знаменитых пальмирских купцов (ими, естественно, были только мужчины). Поэтому можно согласиться с мнением, что костюм «парфянского облика» у обитателей пограничных с Парфией римских провинций был «популярен в среде богатых торговцев» (Пилипко 2001б, с. 299).

б) Юэцжи/кушаны

К моменту создания Кушанской империи Парфия была одной из величайших мировых держав с более чем двухвековыми имперскими традициями. Несомненно, длительное соседство с Парфией могло повлиять на жизнь знатных юэцжей, включая костюм. Однако в эпоху Кушанской империи ситуация несколько изменилась. К началу III в. н.э. силы двух стран были примерно равными, между ними, по данным армянских источников, существовали тесные династические связи и родство. Поэтому влияние могло быть взаимным. Наибольшее число датированных связей относится к позднему периоду существования обоих государств (II — начало III в.). Особый интерес представляют обильно документированные памятники Хатры.

И в Парфии и у Кушан известны у мужчин и женщин красные «мушки» на лбу, щеках и висках. А. Инверницци предположил их парфянское происхождение (Invernizzi 1990, p. 35–50, fig. 3–12), но он не учитывает тот факт, что еще раньше, чем в Парфии, и до миграции юэцжей на запад такие знаки появились в Китае у придворных дам Цинь Шихуана (в ранних цивилизациях Восточного Средиземноморья известны более сложные рисунки на лице в виде кружка с ореолом из мелких точек). Следовательно, они, скорее всего, попали к юэцжам раньше, чем к парфянам.

Парадный куртак с двумя застежками-дисками на груди (рис. 121, 33, 42, 45) известен раньше кушанских образцов в Нимруд-Даге (Коммагена, вторая половина I в. до н.э.)³¹⁹. По китайским источникам (Бэйши, 97), более поздние сасанидские цари носили куртак, украшенный золотой парчой и жемчугом; сходный декор представлен и в Тилля-тепе. Распашная рубаша, завязанная на груди рядом парных лент, которую носил Хувишка (рис. 121, 52), использовалась знатными мужчинами во II — начале III в. н.э.

³¹⁹

Считать такие одеяния поздними модификациями кандиса (Мкртычев 1990) пока, как мне кажется, нет оснований.

(Ghirshman 1962, fig. 70: Хвасак, сатрап Суз, 215 г. н.э.). Нераспашная одежда с шестью треугольными выступами на подоле (рис. 121, 38) в Юго-Западном Иране известна примерно в то же время или чуть раньше — в Хунг-и Аждаре (Хунг-и Наурузи) и в Танг-и Сарваке на рельефах с изображением региональной знати (ibid., fig. 67; Harper 1981, fig. 30; Smekens 1983; Vanden Berge, Shippman 1985). Этот декор подола имитировал древний крой из двух сшитых вместе шкур оленя со свисающими вниз частями шкур, снятыми с хвостов и двух лап (например, у древних народов севера Сибири — энцев и нганасан — такой силуэт воспроизводился до XX в. на ритуальных одеяниях шаманов: Прокофьева 1971, с. 13, 16; рис. 6). В римское время подобные одежды носились также сарматами (Яценко 1993г, с. 79–80: триумфальный медальон Констанция II из Верховни), близость костюма которых к парфянскому отмечалась римскими авторами (Pomp. Mela. 3. 34). Одна из рубаш на монетах Хувишки (рис. 121, 53) имеет очень близкую аналогию на синхронном парфянском серебряном блюде (Collon 1995, pl. 163) и костяном ритоне из Ольвии (Ghirshman 1962, fig. 352); однако не исключено, что такой декор и парфянских и кушанских одежд происходит из сакского мира Южного Казахстана (он встречен также на фигуре правителя, связанной с иконографией Евкратиды на золотом перстне II–I в. до н.э. на территории усуней недалеко от оз. Балхаш — могильник Беткайнар, курган 12: Байпаков, Касенов 1997, с. 20–34; рис. 7). Интересно, что из кушанских царей наиболее явные заимствования парфянских одежд отмечены у Хувишки.

У поздних парфян известны нераспашные одеяния с крупными треугольными выступами на каждом боку (рис. 64, 28, 38, 55), которые, вероятно, являются имитацией кроя из шкуры оленя (Равдоникас 1978, с. 150–152). В раннее время сходные, но *распашные* одеяния известны у иранских народов Западного Туркестана, подчинившихся персам и изображенных на знаменитых ахеменидских рельефах в Персеполе и Накш-и Рустаме: согдийцы, хорезмийцы и три группы кочевых саков — хаумаварга, тиграхауда и «заморские» (см., например: Горелик 1997, табл. IV, 1–5). Эти одежды, вероятно, исходно парфянские, были заимствованы не только кушанами (см., например, бога Фарро на кушанской гемме Харболана: рис. 121, 58), но и индо-скифами Гандхары, у которых они носились и мужчинами и женщинами (рис. 137, 37; 138, 36). У Кушанской династии одежды с таким подолом известны только на монетах позднего царя Васишки (222/242–242/260) (см.: Carter 1993, fig. 13). Некоторые одежды Ирана украшались по всей поверхности бляшками с подвесками (Ghirshman 1962, fig. 100) (рис. 121, 43). Эта традиция сохранялась и у поздних Сасанидов (Fukai, Horiuchi 1972, pl. 4). В Иране мужчины-правители носили бляшки с подвеской в форме капли, но аналогии им у юэчжей есть только в раннее время у женщин (Тилля-тепе: Sarianidi 1985a, Cat. 2.14, 3.12). Кушанские аналогии часто датируются временем более ранним, чем парфянские; поэтому нельзя исключить, что оба этноса заимствовали их из третьего источника («сако-дахо-массагетские» народы Средней Азии?). В ряде случаев совпадает и орнамент тканей (Ghirshman 1962, fig. 100 — головной убор, 102 — плечевая одежда) (рис. 122, 41).

Как у парфян, так и у юэчжей мужчины носили штаны, украшенные спереди вертикальной линией из одного ряда однотипных бляшек; иногда она как бы незаметно переходила на носки обуви (Хатра в Парфии: ibid., fig. 98, 110) (рис. 119). Но у юэчжей бляшки были чаще квадратной формы (Rosenfield 1967, pl. 38–39, 62–63, 69, 92; Яценко 1989а, рис. 13, II), а у парфян — круглой. Последние в Кушанской империи известны крайне редко (Rosenfield 1967, pl. 63; Пугаченкова 1978б, рис. 26), а у царей — только на динаре Васишки (Carter 1993, fig. 13). При этом на парфянской статуе из музея в Алеппо (рис. 64, 75) и на кушанской из Дальверзин-тепе (Пугаченкова 1978б, рис. 26) видим декор на обоих предметах костюма из трех рядов круглых бляшек. Важно, что часть заимствований декора парфянских штанов встречена у кушан уже после падения династии Аршакидов. Интересна большая близость конструкции золотых поясов с девятью медальонами (на которых изображалось божество), соединенными витыми цепочками. Великолепный образец такого пояса из 10 цепочек найден в Тилля-тепе (Sarianidi 1985a, pl. 88–97) и известен на изображениях имперского времени (Rosenfield 1967, pl. 102). Во II в. н.э. он представлен и на одной из статуй в парфянской Хатре (Curtis 2001, pl. X, a); однако на основании одной этой (весьма поздней) находки делать однозначный вывод о том, что подобные юэчжийско-кушанские пояса — парфянского происхождения, я бы не решился.

В целом в период Кушанской империи заимствования элементов придворного костюма Парфии отмечены *только с пятого царя Хувишки*. Известно, что начало его правления (вторая четверть II в. н.э.) сопровождалось какими-то большими бедствиями для Империи, разрушением главных храмов и городов и что уже при нем индийские провинции стали более самостоятельными по отношению к центральной власти. Вероятно, эти политические процессы могли сопровождаться растущими связями с Парфией. В более ранний период расцвета Империи такие связи вряд ли были возможны, так как уже первый царь, Куджула Кадфиз, начал создание будущего великого государства с войны с Парфией. Канишка I также волевал с парфянами и добился серьезной победы; при нем подобные заимствования не отмечены.

в) Грузия

В придворном искусстве античной Грузии в ряде случаев заметно влияние не только иконографии парфянских изображений, но и такой реалии, как парадный костюм. В частности, на костяных пластинах I в. н.э. из дворца в Дидоплис Миндори нижняя часть тела всадников-охотников имеет ромбовидный силуэт, характерный для позднепарфянского мужского костюма: зауженную талию с большим расширением у бедер и резко сужающиеся к щиколоткам широкие шаровары. Кафтан в одном случае явно наглухо застегнут, как у парфян (Gagoshigze 1992, fig. 10–13) (рис. 214). Подобное парфянское влияние не удивительно, так как уже во II в. до н.э., судя по данным грузинской хроники «Картлис цховреба», царь Параджом «был почтен доверием персов», а его преемник был непосредственно родом из правящего семейства Парфии (Картлис цховреба 1975, с. 29–30; Gagoshidze 1992, p. 46).

г) Коммагена

Маленькое княжество в верховьях Евфрата прославилось в наше время выдающимся архитектурным памятником — культовым комплексом на горе Нимруд-Даг. Особый интерес представляют для нашей темы два рельефа середины I в. до н.э. с портретами местного князя Антиоха, общающегося с греческим Гераклом и персидским Митрой (Ghirshman 1962, fig. 79–80). У Антиоха мы видим ряд элементов, которые в то время были известны и в Парфии. Это многовитковая гривна, полусапожки, стянутые у щиколотки лентой со свисающими концами, и сетчатый декор ткани верхней части стана нераспашного одеяния. Однако два из трех названных элементов известны в регионе еще со времен древней династии Ахеменидов (к потомкам которой причислял себя Антиох), а подобный рисунок ткани в данное время, видимо, распространился достаточно широко (см. выводы по главе 2). Что же касается оформления *ключевых* для данного парадного костюма элементов — верхней плечевой и поясной одежды, то они совершенно не совпадают с парфянскими. Это верхняя рубаша с короткими рукавами (которую у парфян носили, как отмечалось в главе 2, лишь подростки) и длинная (до щиколоток) юбка, передний край подола которой специальной крепящейся к поясу лентой поднимался спереди до бедер. В целом попытки увидеть в костюме Антиоха Коммагенского «сильное парфянское влияние», широко распространенные в литературе, не вызывают у нас сочувствия.

Сасаниды

а) Кушанская Бактрия

После установления новой династии — Сасанидов в 225 г. н.э. Кушания и Армения поддержали свергнутых Аршакидов. Это дало повод для сасанидской агрессии. При первых двух шахах, Арташире I и Шапуре I, в 30–60-х годах III в. н.э. персидские войска действовали с переменным успехом. Они как минимум два раза надолго занимали Бактрию и соседние области, а Варахран I выпустил монету с символом г. Балха (Nikitin 1999, p. 260; fig. 1, a). Кушанские правители признавали свою зависимость от Сасанидов, но кушано-сасанидское вассальное государство было создано, вероятно, только в начале IV в. (ibid., p. 261). В связи с этим интересны рельефы из Накш-и Раджаба и Бишапура, на которых представлены придворные в конических головных уборах, на правой стороне которых изображен крупный фамильный знак — «нишан» (Hermann 1983, fig. 3; 1989, fig. 2). Такую «тиару» (на деле она именовалась *kulah*, но римские авторы использовали давно устаревший термин) обычно носили чиновники духовного звания (Луконин 1961, с. 54); право на ее ношение предоставлялось только шаханшахом, и оно давало возможность участвовать в совещаниях с ним и в дворцовых пирах (Amm. Marc. Res gestae. XVIII. 5–6). В кушанском династийном святилище в Матхуре известно изображение аристократа в таком головном уборе (рис. 121, 5). Но тип знака на нем не имеет аналогий у Сасанидов и, видимо, принадлежал местному клану. Вероятно, редкие для кушан подолы с воланами (см., например: Зиапур 1965, с. 411; Ghirshman 1962, fig. 159, 256) и оборками (рис. 121, 55, 59–60) также имеют раннесасанидское происхождение. Очень интересен алебастровый мужской торс из Тахти-Сангина, где из-под защитной рубахи-доспеха³²⁰ выглядывает подол нераспашной одежды с полукруглым выступом спереди, который появляется у Сасанидов в IV в. (Древности 1985, с. 92, № 206). Вместе с тем на кушано-сасанидской стенной росписи III–IV вв. в Гульбияне (Южная Бактрия) кушанские персонажи 1, 3–6 одеты в местный костюм без каких-либо следов сасанидского влияния. То

³²⁰ На эту деталь обратил мое внимание Б.А. Литвинский в январе 2004 г.

же, видимо, относится к сохранившейся лишь внизу одежде донаторов из буддийского монастыря Уштурмулло в северной части страны.

б) Поздний Рим, ранняя Византия,
Грузия, Дагестан

В 298 г. эдиктом Диоклетиана в Римском государстве вводится заимствованная у Сасанидов золотая диадема, украшенная драгоценными камнями; входит также в обычай целовать край одежды императора. По словам современников, именно Диоклетиан «первым придал Римской империи облик, соответствующий обычаям царей... и он облачился в одежду и обувь, украшенные драгоценными камнями» (Eutrop. Brev. IX. 26). Позже утвердилось персидская традиция вручения царских подарков вельможам во время большого праздника в виде пурпурных одежд, расшитых жемчугом.

Сами формы парадных головных уборов ранних Сасанидов оказали, вероятно, влияние на подобные образцы у византийской элиты. Особенно наглядна известная сцена провозглашения императором Феодисеем (829 г.) из хроники Иоанна Скилицы, где на высших придворных — динатах (которые обычно изображаются простоволосыми) видим невысокие остроконечные шапки, идентичные сасанидским «наградным» «тиарам» (kulah), а на церковных иерархах — обычные полуяйцевидные уборы, идентичные таковым у высшего зороастрийского жречества (см., например: Каплан 2002, рис. на с. 40).

Несомненно, под влиянием Ирана в Византии уже в начале ее существования сложился обычай вручения от имени императора золотых поясов с драгоценными камнями чиновникам нескольких высших рангов и несколько позже — придворным дамам («опоясанным патрицианкам»)³²¹ как символ их вступления в должность (см. раздел 3). Кроме них золотые пояса с самоцветами носили и телохранители императора (Феофилакт Симокатта 1957, с. 139). Возможно, с сасанидским импульсом исходно связана также форма свадебных поясов из золотых медальонов с вакхическими сценами и изображениями супругов — принадлежность византийских аристократок.

Пристязжные парадные воротники женских платьев Византии явно имеют в ряде случаев персидскую декоративную схему. Так, на известной мозаике из Равенны 561 г. с изображением святых женщин ворот у одной из них украшен крупными квадратными бляшками со вставками драгоценных камней, разделенными вертикальными полосками из жемчужин. С сасанидским влиянием следует также связать широкие византийские золотые гривны в виде сплошного «воротника» из двух скрепленных шарнирами полукружий. Такая гривна VI–VII вв., повторяющая схему ворота познепарфянских парадных рубаш из крупных квадратов, разделенных вертикальными «полосками» (рис. 64, 41), и обильно украшенная перегородчатой инкрустацией гранатами, найдена в Петроасе (Румыния) (Adams 2000, pl. XIV, 1–2).

Сегодня принято считать, что распространение в Византии некоторых типов сшитых нераспашных одежд (в частности, некоторых типов рукавных туник) и распашных кафтанов также связано с персидским влиянием (см.: Kondakov 1924; Беляев 1926, с. 201). Среди знаменитых текстильных находок в Антиное (Верхний Египет) часто фигурируют в литературе кафтан VI–VII вв. из шерстяной ткани и ноговицы, описанные Агнес Гейджер (Geijer 1972; del Francia Barocas 1998). Кафтан имеет рукава, доходящие почти до края подола. Появление такого типа одежд связывают с кратковременной оккупацией Египта Сасанидами (см., например: Pesk 1992, p. 751) или вообще с сасанидским влиянием (Knauer 1978, p. 29); они изображены, например, на египетской пиксиде св. Мины из Британского музея (Райс 2002, рис. 14). В нашем случае, однако, у кафтана видим ряд деталей, не имеющих аналогов на сасанидских образцах: оригинальный прямоугольный узкий выступ посередине правой полы, видимо, как-то облегчавший традиционное запахиживание налево; сложный геометрический декор каймы рядом сдвоенных ромбов, крестов и др., представляющих стилизованные четырехлепестковые розетки.

На одном из «фаюмских» коптских портретов из Египта (около V в.), хранящихся в музее Бенаки в Афинах, на шее юноши видим массивную золотую гривну из толстого прута с двумя шариками на соединенных концах сасанидского типа (Greek Jewellery 1997, p. 160). Некоторые рисунки шелковых тканей также имеют сасанидское происхождение, например ряды треугольников из трех точек на накидке придворной дамы из окружения императрицы Феодоры (пятая справа) на мозаике первой половины VI в. в церкви Сен-Витале в Равенне; ткани в крупных медальонах с изображениями.

³²¹ С исходным сасанидским импульсом можно связать ношение чисто золотых поясов у ряда более отдаленных народов средневековья: и наиболее значимыми персонажами осетинского нартического эпоса (Сатана в осетинском нартическом эпосе: Абаева 1978, с. 133), и должностными лицами Новгородской республики («триста золотых поясов»), и монголами XIII в. (последние переняли также персидскую традицию ношения всей знатью дарованной правителем праздничной одежды: Книга 1990, с. 67–68).

Показательны кафтаны VI — начала VII в. длиной до щиколоток с длинными, почти достигающими до края подола (т.е. много длиннее руки) узкими рукавами на изображениях соседней с Ираном *Грузии*; их носят внакидку, т.е. они весьма сходны с очень редкими вариантами древнего ахеменидского *kandys* (к сожалению, наряду с ними так — *kandys* — сегодня часто неправильно именуют и довольно короткие образцы)³²². Очень близкие персидские одежды известны в тот же период (богиня Анахита и Арташир III в Большом гроте Так-и Бустана: рис. 162, 2). В храме Джвари в г. Мцхета, построенном вскоре после 586 г., представлены донаторы на рельефах: первый эрисмтавар («патрикий») ставшей независимой Грузии, Стапанос I, и его брат Деметрэ (Аладшвили 1977, рис. 20–21). Изображение последнего сохранилось лучше. Такая одежда могла крепиться у шеи фибулой-брошью, которая крепилась на левом борту, тогда как у византийских кафтанов подобное не предусматривалось. Края подола и рукавов украшены рядом четырехлепестковых розеток, что имеет аналогию на кафтане из Антинои.

На бронзовой фигурке воина из аула Гигатль (Западный Дагестан, который соседствовал с персидскими владениями) (Гаджиев 2001, рис. 1) мы как будто видим схематично переданный «вздутый» подол с боковыми разрезами, известный в Иране начиная с правления Пероза.

в) Авары

На изображениях этого влиятельного кочевого племени, во второй половине VI в. совершившего бросок из Монголии до степей Венгрии, можно также отметить ограниченное (видимо, косвенное) сасанидское влияние. Так, один персонаж на сосуде из клада рубежа VII–VIII вв. в Нагисентмиклош (The Gold, 2002) одет в короткую облегающую нераспашную рубаху до колен с орнаментом в мелкую сеточку (в центре каждого из ее квадратов помещена точка).

г) Согд, Тохаристан и Хорезм

В костюмных материалах *Согда* VI — начала VIII в. представлен целый ряд сасанидских элементов. Это неудивительно, так как, несмотря на господство в регионе сильных кочевых держав (эфталитов и позже Тюркского каганата), Согд сохранял тесные связи со своим великим соседом.

В плечевой одежде это подол с боковыми разрезами с единой широкой декоративной полосой (хотя в Согде он при этом не был скроен, как в Иране, т.е. не был ни «вздутым», ни «провисшим») и подол с воланом по нижнему краю у танцовщиц, высокий обшлаг, вертикальная полоса красного декора на белом фоне (ср. сасанидскую вазу-оссуарий VI в. из Мерва: Луконин 1977, рис. на с. 215), высокие сапоги с треугольным выступом под коленом, повязанные у щиколоток бантом и появившиеся весьма поздно наплечные медальоны (они по декору отличались от собственно персидских, будучи сделаны из золотой парчи или вырезаны из куса полихромного шелка). Показателен жрец-согдиец в сцене приема чаганианского посольства в «Зале послов» Афрасиаба (Альбаум 1975, табл. XXVII: персонаж 11 южной стены), в одежде которого наблюдаем и характерный «сасанидский» подол с разрезами, и наплечные золотые (парчовые) медальоны. На изображениях богов VII–VIII вв. в Пенджикенте видим и царские сасанидские «двойные» штаны с «воздушным карманом», и пояс с двумя дисковидными застежками; оба предмета повязаны бантом из двух лент с короткими свисающими концами, однако нет никаких оснований предполагать реальное бытование этих двух элементов в Согде.

Тохаристан (Бактрия) в III–IV вв. какое-то время находился под властью Сасанидов и управлялся наместниками — кушаншахами. В это время число сасанидских заимствований у посткушанского населения страны минимально. Так, подол нераспашной одежды с округлым выступом спереди и боковыми разрезами (распространившийся в Иране в IV в.) представлен на одной из наиболее поздних, на наш взгляд, находок в святилище Тахти-Сангин — глиняном раскрашенном мужском торсе (см.: Древности 1985, с. 92, № 206)³²³. Позже отношения персов с новыми повелителями страны — эфталитами — были весьма сложными и обычно враждебными. Между тем именно в эфталитский и тюркский периоды (когда Иран непосредственно не управлял Тохаристаном) мы обнаруживаем ряд очевидных сасанидских костюмных заимствований.

³²² Настоящий *kandys* отличался не только длиной до щиколоток, но и почти всегда имел обычные (т.е. достигающие лишь до запястий) рукава (см. рис. 1, 21–25; 7). Многие западные авторы считают, что одежда под таким названием в парфянское время «эволюционизировала» в короткий кафтан, однако ни один источник этого не подтверждает. Для кафтана у парфян имелся особый термин — *kurtak*. К тому же парны-парфяне были не прямыми наследниками древних персов, а иноземными захватчиками со своими костюмными традициями.

³²³ В 2004 г. Б.А. Литвинский любезно ознакомил меня с детальным фото этой терракоты.

В росписях V–VI вв. в Дильберджине видны подола нераспашной мужской одежды с боковыми разрезами и со сплошной широкой полосой отделки и появившиеся в более раннее время подола с полукруглым выступом спереди (Кругликова 1979, рис. 2, 4), а также высокие обшлаги и сапоги с треугольным выступом под коленом (в отличие от более поздних тюркских образцов, они имеют не черный цвет, а светлую окраску). Показательно, что большинство этих элементов получило хождение в самом Иране лишь во второй половине V в., т.е. в период господства эфталитов над Тохаристаном. При этом у одного персонажа могут встречаться по два элемента сасанидского происхождения — особый подол и сапоги с выступом. У периферийных персонажей в сцене с большой группой стоящих мужчин-адорантов эти сасанидские элементы не представлены. Для мужской одежды и обуви в этой композиции использованы ткани с сасанидским декором (ср. в Иране: рис. 157, 43; 158, 58).

На серебряном блюде из бывшей коллекции Строгановых подол сасанидского типа показан у слуги; сидящий рядом правитель одет в характерный для эфталитского времени кафтан с правосторонним лацканом, но его пояс имеет сасанидский облик (на животе две дисковидные застежки соединены лентами со свисающими короткими концами) (Смирнов 1909, табл. XXXVII, № 67). Позже, в тюркское время в районах, прилегающих к Тохаристану с юга, подобную манеру крепления пояса видим лишь у божественных буддийских персонажей (святой воин на росписи из Фондукистана: Hackin, Carl, Maunié 1959, fig. 199), а в Северном Тохаристане сапоги с треугольным выступом в соответствии с тюркскими традициями уже окрашивали по-тюркски в черный цвет. В замке Балалык-тепе (вторая половина VI в.) пояс одного из персонажей декорирован сплошь чередующимися черными и белыми треугольниками, что в более раннее время известно у Сасанидов (ср.: рис. 157, 64).

Особый интерес для решения вопроса о роли и масштабах сасанидских костюмных влияний представляет серия изображений участников предполагаемого свадебного поезда из Чаганиана (одна из областей Северного Тохаристана) в «Зале послов» в согдийском Самарканде. Хотя сам сасанидский Иран, завоеванный арабами, прекратил существование за несколько лет до этого, а Чаганиан был расположен сравнительно далеко от иранских границ, однако из-за того, что персидские политические связи княжества с Ираном долгое время были интенсивными, в одежде членов делегации мы наблюдаем не только широкое использование полихромных персидских шелков, из которых часто целиком скроена одежда, но и ряд сасанидских форм. Среди них следует назвать широкую единую полосу декора края подола и боковых разрезов у послов — персонажей 2, 3, 4 на западной стене и «погоны» — у главного персонажа 2 (Альбаум 1975, рис. 14; табл. VI); платье с рядом оборок по краю — у служанки на западной стене (там же, табл. XXI).

В *Хорезме*, несмотря на непосредственное соседство с сасанидским государством, персидское влияние в костюме минимально. У мужчин это широкая вертикальная полоса, переходящая в декор ворот (рис. 202, 7), подол нераспашной одежды с боковыми разрезами и расшивкой их и края подола широкой полосой ткани другого цвета (рис. 202, 8а; в первом случае подол, как и в Иране, «вздутый»). Отметим платье богини с воланом по нижнему краю (на блюде из дер. Ковина).

Следы сасанидского влияния в мужской верхней одежде прослеживаются и в более восточных районах. Таковы «вздутый подол» (правда, скромный, с узкой полоской отделки) у «воина» в росписях буддийского монастыря Равак в Хотане (Синьцзян) (Gropp 1974, fig. 34–35) и наплечные медальоны на одеяниях императоров раннетанского Китая.

4. Кушанская империя и соседние народы

Некоторые предметы костюма, произведенные в Бактрии, к I в. н.э. становятся предметом международной торговли. К ним относятся латунные поясные пряжки, которые на востоке попадали к хунну Монголии и Южного Прибайкалья (Миняев 1976). Подражания золотым пряжкам со сценами терзания копытных, подобные найденным в Тилля-тепе (Sarianidi 1985a, pl. 122–123), встречены в северной части Горного Алтая (погребение в г. Бийск: Руденко 1953, табл. LXXVIII, 2), где они сделаны из бронзы.

Иран

В кушанское время в Бактрии и Согде был распространен текстильный декор в виде небольших кружков (полученных, видимо, методом «перевязки») (рис. 121, 87; 152, 17). Такой орнамент стал популярным в Иране только в позднеасанидское время (рис. 158, 25, 28; 159, 43).

Восточный Туркестан

Недавно нами был проведен комплексный анализ костюма основных этносов, населявших Восточный Туркестан/Синьцзян в древности и раннем средневековье (Яценко 2000б, с. 292–380, табл. 55–70), и это позволяет сопоставить с ними кушанские материалы. В I–II вв. н.э. правители Кушанской империи неоднократно пытались (и, вероятно, иногда успешно) завоевать отдельные части этого региона, вернув себе земли своей исторической родины на западе провинции Ганьсу и присоединив находящиеся еще ближе к Бактрии территории ираноязычных хотано-саков. Однако следы кушанского влияния в костюме относительно невелики и встречены главным образом в южной части Синьцзяна.

Хотан

На терракотах II–IV вв. из Йоткана («арлекины») (Stein 1907, pl. XLIV; Gropp 1974, S. 317; Abb. 179; Яценко 2000б, табл. 56, 1–2) встречены характерные черты костюма кушан. Это специфические пелерины в форме заостренного креста (рис. 121, 71) (подобные пелерины см. также на реликварии из Субеши в Куче, V–VII вв.: Douldour-Aqour 1982, pl. Q, 26 bis) и подол нераспашной одежды с шестью острыми выступами (рис. 121, 38). Очень близки или идентичны кушанским некоторые типы головных уборов, женской и мужской прически на хотанских терракотах (рис. 121, 26, 30; 137, 12; 138, 1, 10)³²⁴. То же можно сказать о женском полусферическом головном уборе из Тарышлака с круглым отверстием сверху, через металлическую трубочку в котором выходила прядь волос (Stein 1921, pl. CXXVI) (рис. 138, 10). У мальчика из семьи адорантов в Балавасте видим пояс с девятью медальонами, аналогичный тому, который носил князь в Тилля-тепе (Sarianidi 1985a, pl. 88) (рис. 121, 81), и головной убор, характерный для кушанских мальчиков (Gropp 1974, Abb. 71) (рис. 121, 12 — без лент). На деревянной панели из Дандан-уйлыка у местных мифологических персонажей отмечено типичное для одежды кушан сочетание верхней распашной и нераспашной одежды с короткими, расширяющимися книзу рукавами и нижней рубахи с длинными узкими рукавами (Stein 1907, pl. LXIII, LXVII).

Хотано-саки Тумшука

В монастыре Токкуз-сарай (IV–V вв.) костюм и адорантов и буддийских мифологических персонажей включает большое число кушанских элементов, которые здесь преобладают (Яценко 2000б, табл. 57, 11–19). Это неудивительно, так как Тумшук находится на западе Синьцзяна, недалеко от границ Бактрии.

Основной способ декора здесь — ряд квадратных (реже — круглых) бляшек по краям одежды (Toumchouq 1961, fig. 94; 172; 246, pl. E, 22; 290, pl. E, 21). Документированы такие специфичные для юэчжей элементы, как декор обуви линией квадратных бляшек, переходящей выше на штаны (*ibid.*, fig. 248), тип головного убора (Hallade 1964, p. 204) и украшения края женской одежды на груди рядом чередующихся крупных бляшек двух специфических типов; подобная полоса известна кроме этого лишь в Тилля-тепе (Toumchouq 1961, pl. R, 7; срав.: Sarianidi 1985a, pl. 60) (рис. 115, 9).

Крорайна (Ния и Миран)

На территории этого государства к востоку от Хотана проживали индийцы и тохароязычные народы. В Ние в 1959 г. была обнаружена могила знатной семьи тохароязычного населения (II–III вв.). Здесь были найдены две «пилотки» из красной ткани, украшенные по верхнему краю бахромой (Xinjangden 1975, pl. 32) (ср. рис. 121, 20). В монастыре в Миране (III–IV вв.) мы также видим ряд элементов, специфичных для костюма Кушанской империи. В их числе головные уборы нескольких типов (Stein 1921, pl. LI, XLIV) (рис. 121, 9) и мужские прически (рис. 121, 33). Отмечу также форму ворота распашной одежды (*ibid.*, pl. XLV) (рис. 121, 45). Близка цветовая гамма одежд (белый, красный, желтый). Хотя не все элементы костюма имеют кушанские аналоги, представляется несомненным, что среди заказчиков были выходцы из бывшей Кушанской империи.

Куча

В этом северном оазисе Синьцзяна в IV–V вв. прослежены следы лишь *косвенного* кушанского влияния. При этом даже сходные элементы оказались модифицированными, переработанными (у них иная си-

³²⁴ Прическа молодых женщин со свисающей на лоб прямоугольной узкой челкой из Балавасте (Stein 1921, pl. CXXVI) ранее известна в Гандхаре (Bussagli 1984, p. 178, fig. 2).

стема декора и новые дополнительные детали). Во-первых, это упоминавшаяся система коротких расширяющихся рукавов верхней одежды и длинных узких рукавов нижней рубахи (Grünwedel 1921, fig. 51, 53, 191a). Во-вторых, две-три короткие ленты, укрепленные на плече (*ibid.*, fig. 15, 51–53). В-третьих, это крестовидная в плане пелерина (Douldour-Aqour 1982, pl. Q, 26 bis). Кроме того, это «пилотка» («распорядитель» с жезлом на реликварии из Субеши) (*ibid.*, pl. O).

Согд

Сегодня нет ясных сведений о контроле кушан над Согдом, но имеются китайские сообщения о том, что значительной частью Согда с рубежа нашей эры владела «кочевая империя» Кангюй. К началу 80-х годов I в. н.э. (т.е., вероятно, в начале правления Вимы Такто) был заключен династический брак Кушании и Кангюя, и это, видимо, сделало границу кушанской метрополии — Бактрии с Согдом безопасной и стабильной. Влияние кушанского костюма сказалось на терракотах древнего Самарканда/Афрасиаба (к сожалению, их датировки на сегодняшний день весьма приблизительны, но приводимые ниже образцы могут с наибольшей вероятностью датироваться I–IV вв.). Эти терракоты изображают мифологических и эпических персонажей и лишь в редких случаях — царей и знатных адорантов. Ситуация осложняется и тем, что согдийские керамисты широко заимствовали иноземные сюжеты предметов торевтики и т.п.

Один из типов терракот Согда представляет собой фигурку стоящего анфас типичного кушанского мужчины-адоранта, которая, видимо, была скопирована с каких-то бактрийских вещей (Мешкерис 1989, с. 139; рис. 43, 1–2). У этого персонажа изображены характерный головной убор (рис. 121, 9), пояс с подвеской (рис. 121, 78), орнамент на штанах (рис. 121, 84) и сапоги (рис. 137, 63–64). На других терракотах богинь отмечены бактрийские женские головные уборы (там же, с. 135, рис. 40, 1; с. 230, рис. 125) (рис. 122, 1, 11, 13). Вероятно, бактрийское происхождение имеют золотые пояса, носившиеся аристократами-дихканами (Беленицкий, Распопова 1980, с. 213–218). Высказывалось мнение, что на костяных пластинах из Орлата изображено сражение кангюйцев и кушан (Ilyasov, Rusanov 1998, p. 134). К сожалению, присутствие юэжжей не подтверждается ни костюмом, ни типом мужской прически (в том числе маленькой «козлиной» бородкой на лицах ярко выраженного монголоидного типа) (Яценко 2000в, примеч. 12).

В целом влияние собственно костюма кушан на завоеванные территории Восточного Туркестана и на независимых соседей в Западном Туркестане было весьма скромным. Причинами этого могли быть отсутствие у кушан в отличие от китайцев традиции включать предметы костюма в состав дипломатических даров и то, что они специально не навязывали свою одежду покоренным народам. В Сарматии же близость к кушанскому костюму объясняется, видимо, иной причиной — несколькими волнами миграций с востока этносов, проживавших ранее на границах Бактрии (см. ниже). Наиболее интересен в этом плане период второй половины I в. — первой половины II в. н.э. (который был периодом наивысшего расцвета как Кушанской империи, так и «сарматов» — аланов Нижнего Подонья и аорсов Украины).

5. Костюм кочевников и малые «торговые» народы

Весьма охотно заимствовались номадами элементы парадного костюма и ювелирные изделия таких политически слабых, но прославившихся своими ремеслом и торговлей народов, как *греки* или *согдийцы*. Эти этносы никогда не были «имперскими» и не представляли реальной военно-политической угрозы для соседей; к тому же их ремесленники легко справлялись с заказами иноэтнической знати на изготовление предметов костюма в различных стилях.

Греческие колонисты

Деятельность *греческих* мастеров в античном Северном Причерноморье занимает особое место. Еще в первой половине V в. до н.э. скифский царь Скил заплатил жизнью за свою тайную приверженность греческой религии и греческому костюму (Her. Hist. IV. 78). Однако вскоре подход к восприятию греческих новшеств в Скифии частично изменился. Показательно использование, прежде всего в костюме знатных *скифских* женщин, с V в. до н.э. большой серии престижных мелких золотых аксессуаров костюма *греческих* форм (Клочко 1992, с. 15–17, 19). Это явление во многих отношениях уникально в практике «костюмных» взаимоотношений кочевых и земледельческих народов. (Следует учесть и почти одновременное со скифами проникновение греков в Северное Причерноморье на рубеже VIII–VII вв. до н.э., и политическую

раздробленность и относительную слабость соседних греческих колоний, и высочайший, непревзойденный до XX в. технический и художественный уровень уже *ранних* изделий греко-скифской торевтики типа гребня из Солохи и др.) Греки — фактически первый в истории этнос с полноценной рыночной экономикой (и никогда не бывший *имперским*) — в этом случае вступили в своеобразный симбиоз с номадами.

В *Сарматии* уже во II–I вв. до н.э. мы также наблюдаем *приспособление* греческих ремесленников к вкусам соседних варваров (восьмерковидные сарматские пряжки с античными сюжетами и фибулы-броши — с варварскими, серия специфических золотых аксессуаров костюма у кубанских сираков) (Яценко 2000а, с. 252–253). С конца III в. н.э. до гуннского нашествия, как показали наши недавние совместные исследования с В.Ю. Малашевым, мастера Пантикапея и Херсонеса, переработав традиции соседних стран, изготавливали уникальные образцы полихромных браслетов и поясных пряжек, которые попадали либо к сармато-аланской знати, либо к сарматизованной элите Пантикапея, но ни в одном случае — к соседним германским народам или горским племенам Кавказа (Яценко, Малашев 2000, с. 242).

Сармато-аланы заимствовали от греков название наплечной одежды «chiton» (осетин. хæдон) наряду с рядом других бытовых терминов (Гуриев 1990, с. 22). С середины II в. по всему сармато-аланскому миру в короткий срок распространяется женское платье на бретельках, скрепленное на плечах двумя фибулами (см. главу 2.2), что можно связать с длительным и обогатившим сарматскую знать участием сармато-аланов в Маркоманских войнах с Римом на Дунае (Яценко 1987в, с. 51–52)³²⁵. Однако отдельные образцы таких одежд появляются еще в I в. н.э., и их можно объяснить непосредственным заимствованием у греческих колонистов в Северном Причерноморье.

Греческий мужской костюм также иногда привлекал персидскую знать при Ахеменидах. На западе Малой Азии многие персидские сатрапы Ионии и Лидии и их приближенные не гнушались носить греческую одежду.

Согдийцы

Согдийский костюм отчасти повлиял на ранний тюркский. Это отразилось, например, в ношении тюркскими чиновниками, которых видим на росписях Афрасиаба, одежд (распашных и нераспашных) с заимствованными согдийцами от Сасанидов *высокими пришитыми манжетами* из дорогой узорной ткани (Лобачева 1979, с. 25; рис. 1), в манере крепить одну полу халата к другой пуговкой на животе (Альбаум 1975, рис. 5, фигура 5)³²⁶ и в редком употреблении появившихся впервые у персов чисто золотых поясов (Беленицкий, Распопова 1980, с. 213) (см. выше — у тюркского кагана Тун Шеху).

Активное участие согдийцев в торговле шелком и другими товарами на сухопутных трассах Шелкового пути в VI–IX вв. приводило в ряде случаев к тому, что, приобретая рулоны шелка, другие народы (подчас очень дальние) могли наблюдать за внешним обликом самих согдийских купцов и изредка получать от них подношения в виде готовых одежд (хотя преобладал, по-видимому, дележ среди местных жителей дорогих импортных тканей сравнительно *мелкими* кусками (см., например: Иерусалимская 1992, с. 6)³²⁷. Во всяком случае, именно с влиянием образцов согдийской купеческой одежды можно связать единичные случаи находок в аланских могилах Северного Кавказа VIII–IX вв. мужских халатов и женских шуб, где у ворота полихромной вышивкой имитировался правый лацкан (ср.: Иерусалимская 1978, с. 159; рис. 12), и меховых женских халатов, у которых борта по древней согдийской традиции скруглены по нижнему краю (ср.: Орфинская 2001а, рис. 2.4).

Весьма показательны *индивидуальные предпочтения* первых царей персидской империи Ахеменидов. Похоже, во многих ситуациях они были достаточно свободны в своем выборе. Так, будущий владыка Ирана Дарий I, бывший в свите Камбиза в столице завоеванного Египта, был так восхищен красным плащом самосского эмигранта Силосонта, что стал отчаянно уговаривать хозяина уступить плащ и добился того, что тот в конце концов просто подарил его ему (Her. Hist. III. 139). Основатель империи Кир II, по данным

³²⁵ Этот и подобные примеры для римского и более позднего времени в Восточной Европе заставляют сдержанно относиться к утверждениям археологов (И. Вернера, М.М. Казанского и др.) о том, что в «примитивных» обществах предметы женского костюма практически *не могут являться предметом прямого заимствования* в силу большей сакрализованности, которая более окрашена этнической спецификой (см. из последних работ: Ахмедов, Казанский 2004, с. 172).

³²⁶ Эта манера специфична для согдийцев еще с ахеменидского времени (Горелик 1985, табл. II, 3) и пережиточно сохранялась в детском костюме горных таджиков (Рассудова 1970, рис. 8).

³²⁷ Замечу, что этому наблюдению А.А. Иерусалимской противоречит высказанное позже мнение той же исследовательницы, что мелкие нашивные украшения (например, коптский шерстяной нашивной медальон из Мошовой Балки) должны были попадать к кавказским аланам *непременно нашитыми на импортную одежду* (см.: Иерусалимская 2001, с. 89). В действительности они могли шиться из полос импортных тканей, имитируя знакомые аланам украшения их союзников-византийцев.

Аристобула, был захоронен в роскошной гробнице в Пасаргадах, где в золотом гробу лежали любимые им индийские штаны и плащ вавилонской работы (Arrian. Alex. VI. 29.5–6).

6. Предметы костюма как дипломатические дары земледельческих государств и их воздействие

Империя Ахеменидов

Правители первой в истории человечества «мировой державы» Ахеменидов придавали дипломатическим дарам не только политическое, но и сакральное значение. Помимо даров, предназначенных иноземному владыке, каждый из послов получал персонально стандартный набор даров. В него входили (кроме денег и драгоценной посуды) парадная «особая мидийская одежда, называемая дарственной» (специфически оформленный кандис?), золотые браслеты (явно с зооморфными ручками типа изображенных на рельефах Персеполя) и драгоценное кольцо с цепью (последнее официально оценивалось в 1000 золотых монет-дариков) (Aelian. Var. Hist. I. 22).

У *пазырыкцев* Горного Алтая в V–III вв. до н.э. сказывалось влияние ахеменидского варианта общеперсидской распашной парадной одежды типа «kandys» в декоре *рукавов* мужских образцов этих одеяний. Так, обшлаг у кандиса из Пазырыка украшен двумя вертикально нашитыми удлиненными прямоугольными пластинами, а спинка катандинского — кожаным оплечьем в форме фигурной скобки (ср. также фигурку конного лучника из Саяно-Алтая в Сибирской коллекции Петра I: Руденко 1960, рис. 114). Оба эти элемента представлены на кандисе аристократа с персидской серебряной статуэтки, хранящейся в государственных берлинских музеях (Горелик 1985, табл. IV, к; с. 41). В пятом пазырыкском кургане для конского чепрака была использована разрезанная на мелкие куски парадная ахеменидская одежда (см.: Гаврилова 1980, с. 54; Иран в Эрмитаже 2004, № 48).

Влияние церемониальной одежды знати Ахеменидов на Горный Алтай (и попадание туда персидских тканей и подлинных персидских одежд) может объясняться какими-то дальними дипломатическими контактами (Яценко 1999, с. 149). То же можно сказать о золотых шейных гривнах и браслетах ахеменидского облика из соседних степей Юго-Западной Сибири (Сибирская коллекция Петра I). Эти вещи могли попасть через восточные сатрапии (Бактрия, Гандхара или Согдиана) или через самых восточных кочевых подданных (каковыми можно считать, вероятно, саков хаумаварга — аморга у Ктесия) (ср.: Gardiner-Garden 1987, p. 25–32). Не исключено, что империю Ахеменидов отделяла от Алтая лишь территория Семиречья.

Китай

Сведения о костюмных дарах кочевникам сохранились прежде всего в китайских источниках, имеющих в этом плане исключительное значение. Такое дарение было нечастым и несопоставимо по количеству и значению с *отрезами тканей* (шелк, узорчатые вышитые ткани и др.). Предметы *костюма* поступали к правителям наиболее опасных для Срединного государства кочевых группировок, которых пытались умиротворить и «приручить». В глазах китайских властей факт дарения сам по себе включал варварских вождей в иерархию *подданных*.

Уже в 174 г. до н.э. основатель империи Хунну шаньюй Модэ получил от императора с его собственного плеча два расшитых цветными узорами халата и золотой венчик для волос. В дальнейшем в рамках договора «о дружбе и родстве» между Китаем и Хунну в периоды мирных отношений шаньюи могли навещать императорскую столицу Лоян. В ходе таких визитов они по-прежнему получали от правителей Старшей Хань предметы одежды. Так, в 49 г. до н.э. Хуханье было вручено 110 одежд (при этом 9 тыс. рулонов шелка!), а в 33 г. до н.э. — в два раза больше и того и другого. В 1 г. до н.э. другой шаньюй был одарен 370 одеждой (и 30 тыс. рулонов шелка). В раннем средневековье это касалось правителей Тюркского каганата. Так, в 612 г. н.э. кагану Чуло вручили вместе с китайской царевной 1000 кафтанов из штофной ткани (и 10 тыс. отрезков шелка) (Бичурин 1950, I, с. 56, 90, 93, 101, 284).

Что касается правителей соседних *земледельческих* государств, то китайцы не стремились навязать им свой костюм³²⁸.

³²⁸ Известен случай, когда во времена династии Хань князь Кучи (Синьцзян) после пребывания в китайской столице решил скопировать у себя все придворные китайские обычаи, в том числе костюм, что вызвало откровенные насмешки правителей соседних владений (Бичурин 1950, II, с. 204).

Византия

Судя по «Книге церемоний византийского двора» Константина VII Багрянородного, в Империи ромеев к X в. изготовление одежд специально для иноэтничных «знатных перебежчиков и для отсылки к знатым варварам» от имени императора приобрело весьма широкие масштабы: специально изготовлялись (видимо, с учетом «варварского» вкуса) скроенные, но не сшитые наплечные одежды разных видов, декоративные полосы и иные нашивки к ним, парадные пояса и сафьяновая обувь (Кондаков 1906, с. 56–57). Вместе с тем тот же император советует своему сыну не вручать «варварским» правителям столь часто просимые ими у Византии императорские регалии и отдельные одежды: «...когда... народ из северных и скифов вздумает требовать себе что-либо из царских одежд или венцов или облачений... следует тебе отказать» (Константин Багрянородный 1991, с. 155).

Как происходило подобное дарение и чего ожидали варварские правители и их окружение от императора, можно представить себе по такому примеру. При заключении союза с западной группой тюрок около 630 г. император Ираклий во время торжественной встречи с каганом, по сообщению Никифора, вручил кагану свою корону (видимо, наименее парадную), комплект одежды с собственного плеча и драгоценные серьги. Он также лично вдевал в уши приближенным кагана жемчужные серьги, которые тюркские мужчины, как известно, носили по одной (Чичуров 1980, с. 159–160).

Арабский халифат

Посольство багдадского халифа, отправлявшееся в начале X в. в Волжскую Булгарию, за пропуск через территорию кочевых тюрок-огузов также дарило местной знати прежде всего готовые предметы одежды. Так, одному из князей-беков пришлось подарить дорогой кафтан персидской работы стоимостью 10 динаров. Хану огузов были подарены одежды из парчи, пять одежд из шелка, а два роскошных халата из Мерва (после того как были уточнены запросы хозяина) пришлось срочно разрезать на части и сшить из них две короткие куртки и тканые сапожки; жене его вручили покрывало (Материалы 1939, с. 161, 163).

7. Продажа кочевникам партий готовой одежды

Речь идет прежде всего о *новой* одежде, так как дарить или продавать одежду, уже бывшую в носке, казалось опасным для жизни бывших хозяев; в случае необходимости ее приходилось очищать с применением огня или золы, удалением ряда деталей и т.п. (см., например: Рассудова 1989, с. 139). Подобные свидетельства относятся к *европейским*номадам различных эпох и, к счастью, исходят от наиболее авторитетных авторов своего времени. Уже для рубежа нашей эры Страбон (Geogr. XI. 2. 3), говоря о торговле на одном из крупнейших в Причерноморье рынков в Танаисе, указывает, что кочевники-*сарматы* получали от греческих купцов в обмен на свои товары *одежду*, а также «вино и прочие принадлежности культурного обихода» (см.: Страбон 1964, с. 469; Гайдукевич 1952, с. 395). Готовая одежда здесь стоит *на первом месте* среди товаров, интересующих кочевников³²⁹. То, что это отнюдь не случайно, свидетельствуют более поздние авторы, характеризующие восточноевропейских кочевников. Так, ал-Истахри в «Книге путей стран» (около 950 г.) отмечает, что *хазары* (имеется в виду, несомненно, знать) «сами одежды не выделяют, но они исключительно ввозятся ими» (Караулов 1901, с. 51); ибн Хаукаль уточняет, что эти одежды хазары получали из Византии, стран Закавказья и Северного Ирана (Гадло 1979, с. 176). Писавший на рубеже XII–XIII вв. Ибн ал-Асир в своем самом крупном в раннеисламском мире историческом сочинении «Полный свод истории» называет предметы *одежды* в числе важнейших товаров, которые получили *половцы* через крымский порт Судак/Сугдею (Тизенгаузен 1884, с. 25–26). Вместе с тем *в могилах* кочевой знати лишь в редких случаях встречаются единичные импортные предметы одежды. Так, в могиле молодой аристократки II–III вв. из района оз. Лобнор найдены китайские туфли с верхом из богато декорированных шелков (Bergman 1939, p. 132–133; pl. XIII b; 24, 2; 25, 1).

Гораздо менее обоснованны утверждения о том, что якобы можно было *за тысячи километров* *свободно заказать либо так или иначе регулярно получать целые партии уникальных золотых аксессуаров костюма* со вставками самоцветов. Показательна в этом плане гипотеза о поступлении в I в. н.э. серий ювелирных изделий за 4000 км из Бактрии в Сарматия (Гугуев 1992, с. 128). После эффектных нахо-

³²⁹ Известный исследователь-античник Д.Б. Шелов пытался оспорить достоверность сведений Страбона именно об одежде, а не *тканях*, а также утверждал, что эта статья импорта была поставлена на первое место *случайно* (Шелов 1970, с. 170), однако его позиция осталась практически не аргументированной.

док в могильнике бактрийского князька и его гарема в *Тилля-мене* В.И. Сарианиди утверждал, что почти все ювелирные изделия в могилах варварской знати Юго-Восточной Европы I–II вв. н.э. могут быть *бактрийским импортом* (Сарианиди 1987, с. 82). Однако проведенный нами сопоставительный анализ полной совокупности вещей в «бирюзово-золотом зверином стиле» из Бактрии и Сарматии по пяти основным параметрам (декор бордюров, формы каменных вставок, принципы их размещения на изделиях, перечень сюжетов и список антропоморфных образов) показал, что в синхронных ювелирных вещах этих двух регионов нет почти ничего общего (Treister, Yatsenko 1998, p. 72–77; fig. 6–8; Яценко 2000а, рис. 1–3)³³⁰.

Как же названные дары и покупные одежды повлияли на *силуэт и крой крупных предметов* кочевого костюма собственного изготовления? Ответить на этот вопрос нетрудно. Прежде всего, в периоды, к которым относятся конкретные названные свидетельства по тем или иным кочевым этносам, мы не обнаруживаем практически *никаких следов влияния* одежды земледельческих империй в костюме знати ни в реальных артефактах из погребений, ни на погребальных статуях кочевников³³¹. Вероятно, отчасти это связано с *ритуальным* характером подобных комплексов, где чужеземным одеяниям не находилось места. Иноземные дары, видимо, использовались редко и имели специфический (в некоторых ситуациях даже *маргинальный*) статус. Хунну уже во II–I вв. до н.э. хоронили знать в одеждах из «парчи» (китайских полихромных тканей) (Бичурин 1950, I, с. 50), и материалы могильника Ноин-Ула показали, что они изготавливались в местных традициях.

Вместе с тем тюрки-огузы, жившие на границах Хорезма в раннем средневековье, покупали готовые хорезмийские одежды для подарка отцу невесты. Одежды из Хорезма были также желанным подарком для всякого, кто пытался попасть в огузские кочевья. По сообщению Ибн Фадлана, ни один иноземец «не может проехать их страну, пока не назначат ему из их среды друга (биста), у которого он останавливается и привозит ему... одежды и для его жены покрывало» (Материалы 1939, с. 158, 160). У нас нет никаких оснований полагать, что этим престижным импортным одеждам огузы подражали (скорее, напротив, из текста Ибн Фадлана следует, что они твердо держались своих этнических традиций в данной сфере). То же было и позже: производимые в Хиве парадные халаты еще в XIX в. стабильно закупали кочевые туркмены и казахи (Джаббаров 1971, с. 108).

Земледельческие общества часто воспринимались кочевыми народами как «данныки» (зачастую даже гигантские Китай или Рим) или хитрые торгаши, с прикованным к презренному земледелию и лишенным гражданской свободы населением, и их костюм чаще всего не вызывал заимствований. Исключение составляли единичные функционально привлекательные *мелкие аксессуары* костюма (фибулы, поясные пряжки). Например, самая западная группа *скифов*, живших в Буджаке в IV в. до н.э., использовала серию фибул гальштадтских типов (что остальному скифскому этносу не свойственно). А в VII–VIII вв. (прежде всего в период между 680 и 759 гг.) династические браки правящих семей Византийской империи и Хазарского каганата и возникший между ними военно-политический союз, видимо, способствовали заметному влиянию византийских декоративных схем на оформление пряжек и наконечников хазарских наборных поясов (Комар 2000, с. 74–75).

В литературе мы зачастую имеем дело с широкими, но слабо аргументированными обобщениями. Характерна, например, убежденность в том, что плечевая одежда *со стоячим воротом* распространялась в Центральной и Восточной Азии с древнейших времен именно из Китая (Сычев 1977, с. 32): она основана на очень поздних материалах и не подтверждается, поскольку этот элемент документирован у скотоводов Центральной Азии не позже эпохи бронзы и далеко от границ Инь или раннего Чжоу (см., например, мумии из Загунлука: Яценко 1999, с. 152, примеч. 45, 48). Слабо на сегодняшний день аргументированы и версии о значительном влиянии на отдаленные территории в глубинах Азии парадного костюма таких земледель-

³³⁰ В.И. Мордвинцева недавно подвергла предложенный там подход жесткой критике, но пока лишь в тезисной форме и выдвинула взамен на территории Сарматии I в. до н.э. — I в. н.э. пять (!) ювелирных «полихромных звериных стилей» (Мордвинцева 2003, с. 7–8, 51–52).

³³¹ Во времена Страбона никаких следов воздействия силуэта и кроя греко-римского костюма на сарматов нет. Лишь с середины II в. н.э. у новых жителей Степи — «поздних сарматов» широко распространяется женское платье, скальывавшееся на плечах фибулами наподобие греческого хитона. Подобному заимствованию могло способствовать то, что такая одежда благодаря античному влиянию изредка использовалась в I–II вв. и на территории, примыкавшей к *прародине* этих племен, — в Кушанской империи и парфянском Иране.

ческих империй, как ханьский и танский Китай³³², сасанидский Иран³³³ и Византия. В качестве характерного примера можно привести многочисленные попытки обнаружить элементы влияния двух последних в парадном костюме знати Кучи и Хотана (Восточный Туркестан) (см.: Яценко 2000б, с. 357–358, 366).

Злую шутку сыграла с рядом ученых первоначально совершенно невинная мысль немецкого географа XIX в. Ф. Рихтгофена условно назвать систему международной сухопутной и морской евразийской торговли «Великий Шелковый путь» (ВШП)³³⁴. Программа ЮНЕСКО, Великий шелковый путь, и особенно мероприятия 1990–1991 гг., последовавшие за ними международные конференции и выделение грантов вызвали у части исследователей разных стран неоправданный ажиотаж. Не только журналистам и широкой публике, но и некоторым солидным авторам ВШП стал казаться чуть ли не системой стабильных шоссе, оборудованных неплохими гостиницами и надежной стражей. По ним якобы весьма свободно распространялись *не только* рулоны дорогих тканей, изделия с декором из лака или цветных стекол, пряности или редкие наркотики. Теперь мы часто встречаем утверждения, будто по трассам Шелкового пути якобы могли свободно распространяться (запросто меняя хозяев или будучи заказаны в дальних странах) и важнейшие, *этнически, религиозно и сословно обусловленные крупные элементы и мелкие аксессуары костюма отдельных народов*. Подобные краткие высказывания общего характера о так называемой *международной моде*, которая распространялась благодаря функционированию ВШП, обычно не конкретизированы и не имеют детальной аргументации.

8. Привлекательность кочевого костюма для развитых земледельческих обществ и характер заимствований

Два ярких примера такого рода — греческие колонии Северного Причерноморья «классического» и эллинистического периодов и Китай в период династии Тан. В обоих случаях оседлое общество тесно контактировало с кочевыми соседями (от выгодной масштабной пограничной торговли до смешанных браков среди знати, активного привлечения воинских контингентов номадов).

«Сарматизация» костюма этносов Восточной Европы и Кавказа

В литературе даются разные определения этого явления, зависящие от трактовки тем или иным исследователем роли сарматов в Северном Причерноморье в позднеэллинистическое и римское время. В результате «сарматизацией» называют как заимствование основных элементов сарматского костюма, так и весьма поверхностное воздействие: принятие некоторых его декоративных принципов (расшивка женской одежды разноцветным бисером: Н.В. Анфимов, Ю.М. Десятчиков, К.Ф. Смирнов, Э.А. Рикман) и «усиление разнообразия украшений» (Т.Н. Книпович, Ю.М. Десятчиков), распространение отдельных, собственных первоначально сарматам мелких аксессуаров костюма (А.К. Амброз, М.Г. Мошкова, Н.Н. Погребова) (Яценко 1984, с. 55). Следует заметить, что с начала оформления сарматологии (М.И. Ростовцев) до середины 70-х годов у исследователей преобладало мнение о сарматизации культуры в целом как о весьма важном и оказавшем серьезное воздействие процессе для этносов — соседей сармато-аланов. Позже как у античников, так и у сарматологов возобладало противоположное мнение — о том, что сарматизация этих народов была крайне поверхностной, фрагментарной и что «весьма низкий уровень культуры» самих

³³² «Костюмная» роль Китая вплоть до IX в. (когда началась активная — и добровольная — китаизация соседних оседлых варваров, например турфанских уйгуров) даже в отношении ближайших соседей была незначительной. Единственное исключение — принятие китайского костюма как официального правителем дружественного Силла в 648 г. (Ким Бусик 1959, с. 154, 169) только подтверждает это правило. Впервые распространение традиций китайского костюма на западе началось уже после гибели династии Хань. Так, в деловых документах соседней, заселенной индийцами Крорайны (район к востоку от Хотана) упоминаются широкие «китайские одежды» (халаты) (Bigtow 1940, р. 27, № 149). Именно в это время захватившие часть Китая кочевники (сяньби, тоба) заимствуют чисто китайскую манеру запахивать халат слева *направо* (в Куче единичные персонажи такого облика известны с V в.).

³³³ Особую группу «костюмных» заимствований представляют в ряде случаев *парадные головные уборы правителей*. Так, выработавшаяся в древнейшей Месопотамии (Шумер) декоративная схема царской диадемы в виде ленты с рядом (три или более) бляшек-розеток была заимствована ассирийцами, от них парфянами и кушанами (изображения Дальверзин-тепе) и через них — раннесредневековыми тохаристанцами и согдийцами. Некоторые типы парадных корон уже первых Сасанидов стали источником частичного копирования и переработки в раннесредневековых Западном Туркестане (монеты эфталитов, согдийские терракоты) и Хотане (кувшины с рельефными «арлекинами» из Йоткана).

³³⁴ В действительности, если уж употреблять такой термин сегодня, под ним стоит понимать, вслед за известным историком экономики А.М. Петровым, «огромное, подвижное по времени историко-культурное пространство» (Петров 1995, с. 46).

сармато-аланов в принципе не предусматривает иного или же она признавалась только для позднейшего периода в истории Боспора — с середины III в. н.э. Неопровержимые проявления сарматизации стали объяснять не столько привлекательностью отдельных аспектов «сарматских» культур, сколько «негативным моментом» — кризисом античной культуры в римское время и его воздействием на ближайшую варварскую периферию.

Мне представляется, что обе названные тенденции являются крайностями, не объясняющими совокупность наличных данных. Речь идет не о появлении качественно новой серии фактов, а исключительно о смене исследовательских подходов, подверженных известной «моде»: она связана с активным вхождением в науку нового поколения античников, более тесно связанных с западными коллегами и «отталкивавшихся» от традиционных трактовок. Столь же сомнительной кажется и названная «теоретическая предпосылка». История знает много примеров заметного воздействия костюма «отсталых» народов на соседей (ср., например, воздействие в этом плане сибирских аборигенов, североамериканских индейцев и эскимосов на русских и англо-саксонских поселенцев). К тому же нельзя сбрасывать со счетов никем не оспариваемый факт: документируемое письменными и археологическими источниками военно-политическое доминирование сармато-аланских племен во многих районах Северного Причерноморья в отдельные периоды. Несомненно и то, что сарматизация (со второй половины I в. н.э. правильнее говорить об *аланизации*) Боспора со временем несколько усиливалась.

На ряде надгробий боспорских греков уже с рубежа нашей эры мужская одежда стала «почти совершенно иранской». Сарматизация проявлялась более всего в костюме и воинской экипировке (Ростовцев 1918, с. 174). С начала I в. н.э. широко известны факты сильного влияния сарматской одежды и на мужчин-греков Северо-Западного Понта. Однако, думается, они до сих пор не получили правильного разъяснения. Неудивительно, что в местном греческом обществе носителями новых элементов стали именно *мужчины* (в отличие от женщин-затворниц, которые почти не видели своих кочевых «сестер», многие мужчины-греки постоянно тесно контактировали с сармато-аланами в разных условиях и неизмеримо больше нуждались в специализированной и приспособленной к местным условиям одежде)³³⁵. Справедливо замечание, что изображение сарматской одежды в *ритуальных сценах на надгробиях* I–II вв. не обязательно отражает *реальное* соотношение греческих и сарматских форм в быту и что в действительности роль последних могла быть большей (Иванова 1961, с. 121–122). Очень короткие распашные кафтаны (под которыми носился традиционный хитон, подчас чуть более длинный), обычно с неглубоким запахом налево стали изображаться у мужчин с I в. до н.э. (Kieseritzky, Watzinger 1909, Taf. XLV, No. 255; Марти 1941, с. 34 и сл.; Яценко 1985, с. 27; Матковская 2001, с. 107, рис. 3, 10). Интересно, что копировались даже незначительные детали варварской манеры ношения (например, на надгробии Стратоника из Пантикапея края штанин со свисающими спереди треугольными выступами не заправлены в обувь, а подвязаны ремешком (ср. рис. 12, в; 135, 19) (Матковская 2001, рис. 29). Тогда и позже сарматские *формы* (плечевая одежда; шаровары разной ширины, носимые даже детьми и обычно заправляемые в обувь, а также полусапожки с ремнем вокруг лодыжек, с середины II в. н.э. — высокие сапоги и пояса) заимствовались мужчинами без варварской *системы декора*. Исключение составляет *цвет* одежды: выше говорилось о заимствовании *черной* одежды ольвиополитами. На боспорских рельефах одежда умерших была окрашена обычно в разные оттенки *красного* (см., например: Иванова 1961, с. 135), что свойственно не носителям античной традиции, а именно *сарматам* (см. главы 2.2 и 4.3). Судя по всему, сарматизация (аланизация) Боспора постепенно усиливалась, причем важным рубежом в этом плане можно считать вторую половину II в. н.э. (см., например: Treister 2003a, p. 76–77; Толочко 2004, с. 18–19), и к началу III в. римские авторы уже с некоторым основанием называют местных жителей народом греко-сарматов (Hippol. Port. Lib. gener. 34). С рубежа I–II вв. представители греческой элиты Боспора носили и золотые гривны, представленные, в частности, в Горгииппии (статуя Неокла: Соколов 1973, с. 159; гробница 1975 г.: Treister 2003a, fig. 1; p. 46).

Сходный процесс происходил и в более западных районах, хотя здесь наиболее яркие проявления сарматизации пока датируются в рамках I в. н.э. Уже в начале этого столетия в римском городке Томы на западном берегу Понта (совр. Румыния) жители-греки одевались по-сарматски и свободно говорили на языке сарматов-языгов (Ovid. Tristia. V. 7, 10). Во второй половине I в. н.э. одежда греков-мужчин в Ольвии (кафтаны, шаровары и плащи) была в основном черного цвета благодаря влиянию соседнего сармат-

³³⁵ Китайские знатные дамы и простые служанки эпохи Тан (см. ниже) также заимствовали именно мужской тюркский костюм. Любопытно, что при обсуждении этого вывода по причерноморским грекам на XIII Крупновских чтениях (апрель 1984 г., Майкоп) многие участники упрекали докладчика в том, что он якобы недооценил «очевидный факт: женская мода всегда более прогрессивна».

ского племени савдаратов («одетых в черное») (Dio Chrys. Orat. Borisph. II. 48), упомянутого еще в известном декрете в честь Протогена на рубеже III–II вв. до н.э. (Смирнов 1984, с. 67–68). В этом столетии в некрополе Ольвии известны и комплекты парадного костюма сарматского облика (могила, вскрытая в 1913 г.: Treister 2003b, fig. 3; детская могила 20/1973 г.: Козуб 1974, с. 28; 1977, с. 72; рис. 1).

Несколько иным представляется механизм влияния *женской* сарматской одежды, которое, видимо, связано с поселением в городах небольших групп сарматских семей. В кочевом женском костюме гречанок, в отличие от мужчин, мог привлекать прежде всего *декор* плечевой одежды. Представителей сарматской общины часто хоронили на отдельном участке городского некрополя. Так, в Горгиппии широкое распространение бисерных обшивок отмечено Е.М. Алексеевой с I в. до н.э. на юго-восточном участке некрополя. В Танаисе со второй половины II в. н.э. курганный «Сарматское кладбище» находится к северо-востоку от цитадели, хотя и в новых для города грунтовых склепах особого типа проявилось «мощное влияние позднесарматской культуры» (Толочко 2003, с. 256–257; 2004, с. 18–19); с того же времени захоронения носителей позднесарматской традиции локализуются в северной части некрополя Илурата (Хршановский 2003, с. 273–274) и т.п.

В конце IV в. н.э. в Приазовье (в том числе на Боспоре) в среде оседлых групп сармато-аланов оформляется женское «княжеское» платье со специфическим набором золотых бляшек геометрических форм на вороте, груди и рукавах. В первой половине V в. оно в условиях Великого переселения народов становится престижным во многих варварских областях, где присутствовали и аланы (Северный Кавказ, Верхний Дон, Подунавье, Римская Африка) (ср.: Мاستыкова, Казанский 2003, с. 75–76). Названные авторы отрицают аланский вклад на том основании, что между 250 и 375 гг. металлические обшивки одежды у сармато-аланов не использовались, однако это не соответствует фактам (таковы, по данным В.Ю. Малашева, например, на нижнем Дону комплекс Новосадковский, курган 18, в Южном Приуралье Малковский, курган 1; Георгиевский бугор, курган 1; Покровка 10, курган 19/2. Кроме того, типы нашивных бляшек этого платья не документированы у германцев и черноморских греков, но почти все ранее бытовали у сарматов).

Земледельческие, политически зависимые от сармато-аланов или сарматизированной элиты Боспора племена *меотов* на Кубани испытали влияние сарматского костюма сразу же после появления здесь первой волны савромато-сарматов (сираков?). Уже в III в. до н.э. у них распространяется сарматский обычай обшивки бисером края рукавов и шаровар (Марченко 1988, с. 12). С рубежа нашей эры сколько-нибудь заметная специфика меотского костюма в доступных нам материалах практически не выявляется³³⁶.

Вопрос об инфильтрации сармато-аланов в земледельческие поселения других этносов и об их культурной роли в них остается в литературе до сих пор дискуссионным и варьирует от заочного отрицания самой возможности оседания кочевников Сарматии на землю до утверждений об их весьма существенной роли. В связи с этим весьма интересен анализ костюма в разных группах могил двух наиболее изученных нижнедонских могильников I — начала III в. в *Кобяково* и в находящемся неподалеку городе *Танаис*, окруженных воинственными сармато-аланскими ордами³³⁷. Сегодня и влияние и непосредственное заметное присутствие «сарматов» в обоих населенных пунктах и их некрополях с определенного времени представляется бесспорным³³⁸.

Благодаря более тщательной методике раскопок В.К. Гугуевым с 1984 г. было отмечено, что в *Кобяково*, где известны три типа могил (ямы с заплечиками, подбой и катакомбы), почти все бисерные обшивки и другие характерные элементы сарматского костюма связаны с *катакомбами*, которые появились на рубеже I–II вв., резко выделялись богатством и в большинстве случаев были ограблены уже современни-

³³⁶ Единственная (и весьма незначительная) специфическая черта — использование на шее пары крупных бусин (застежек?): Воронежское городище № 3, могилы 3, 5, 95, 108, 145: раскопки Н.В. Анфимова 1966 г.; Елизаветинское городище № 2, могила 31: раскопки И.Г. Волкова 1978 г. Материал грунтовых погребений любезно предоставлен А.М. Ждановским в 1984 г.

³³⁷ Заметим, что в I–II вв. курганы аланской аристократии (взаимоотношения которой с Боспором были весьма непростыми и закончились в середине II в. разгромом Танаиса) находятся всего в 8–10 км от города, и это заставляет задуматься над степенью боспорского суверенитета над устьем Дона.

³³⁸ Любопытно, что современные исследователи, даже констатируя факт наличия в некрополе Танаиса III–I вв. до н.э. высокого процента женских погребений с оружием (не менее 40% всех погребений с оружием) и признавая сарматский облик части последнего, не допускают возможности инфильтрации соседей-сарматов в состав городского населения и готовы приписать все погребения с оружием... домоседкам-гречанкам. (Ср.: Глебов, Ильяшенко, Толочко 2004, с. 299, 301.)

Проникновение *неэллинизированных* групп сармато-аланов (не ранее известных танаитов) стало заметным во второй половине II в. н.э., когда в Танаисе, возможно, боспорским царем Савроматом II была поселена в качестве военных союзников группа «поздних сарматов». В некрополе *Кобяково* их этнические традиции отражены как в курганах, так и в подбойных могилах с умершими, лежащими головой на север, а в Танаисе с грунтовыми и подкурганными склепами с входными ямами по одной оси с камерами (где очевидно «мощное влияние позднесарматской культуры») и курганами степного облика на северо-восточной окраине (Толочко 2003, с. 252, 256–257).

ками³³⁹, и много реже — с относительно богатыми *подбоями* (со II в. появляются подбои, окруженные ровиками: см. Ларенок 2004, с. 68). Столь же яркие сарматские черты прослежены и в курганной части могильника; интересно, что в кургане 10 Кобякова городища найдено знаменитое погребение аланской княгини, клан которой, видимо, и осуществлял политический контроль над туземными земледельцами. Погребенных в названных могилах трудно считать *меотами* в том числе и потому, что на их родине — в соседнем Прикубанье (откуда часть меотов вынуждена была на рубеже нашей эры мигрировать в устье Дона) все характерные для «кобяковцев» элементы костюма отсутствуют. Все это существенно корректирует вывод первых исследователей о роли сарматского компонента: речь идет, видимо, не об *исключительно сарматской* этнической принадлежности могильника (впервые: Ефанов 1968, с. 137–143) и не о *сарматизации костюма* якобы исключительно создавших его земледельцев-меотов (впервые: Каменецкий 1965, с. 11–14), а о *сословном и, возможно, военно-политическом господстве местных сарматов над меотами*, притом что представители обоих этносов похоронены в одном некрополе (следов этнического смешения двух групп, в отличие от Кубани, в низовьях Дона очень немного)³⁴⁰.

Сказанное выше относится и к «поздним скифам» Крыма. Уже в начале существования «Малой Скифии» (в конце II в. до н.э.) здесь совершенно отсутствуют близкие соответствия традиционным для «Геродотовых» скифов формам головных уборов (не составляет исключения, вопреки распространенному мнению, и тип, представленный на монетах Скилура (Карышковский 1973, с. 29) и изображенный у предполагаемых царей Скилура и Палака (Зайцев 2003, рис. 47, 1; ср.: Шульц 1946, рис. 22) (рис. 84, 1а), и распашных кафтанов. Изначально на «позднескифских» изображениях мы видим такие сарматские элементы костюма, как плащ типа римского *paenula*, нераспашная верхняя одежда. Вскоре после возникновения Крымской Скифии Аргота–Скилура–Палака широко распространяется бисерная обшивка одежды (краев рукавов, подола платья и низа шаровар). При этом ранее у скифянок V–IV вв. до н.э. обшивка бусами и бисером нераспашного платья концентрировалась в целом *на других* участках: она отсутствовала на подоле, рукава декорировались не столько по самому краю, сколько выше (в том числе от локтя до запястья), на разных участках рукавов размещались перевязи из бус и т.п. (гл. 1.2).

У населения Центрального Предкавказья тот же процесс наблюдается в I в. н.э. В этом же столетии в результате набегов сарматов на их северо-западных соседей — бастарнов и венедов последние переняли во многом сарматский быт (Tacit. Germ. 46).

Сегодня имеется еще не много материалов о воздействии сармато-аланов на костюм северных лесных соседей (племен пьяноборской, городецкой, зарубинецкой и других культурных общностей). Например, у «чегандинцев» среднего течения Камы влияние разных групп сарматов можно видеть в «многочисленных параллелях... наиболее близких» последним: в бытовании высоких головных уборов с плоским верхом, наборных поясов, крепления и декора обуви, в использовании бисера, некоторых типов металлических бляшек и пронизок, в декорировании лампасов штанов (ср.: Красноперов 2006, с. 13, 16–17, 19, 20–22). Вместе с тем следов раннего влияния ираноязычных этносов на костюмную терминологию финно-угров по данным лингвистики не прослежено (Абаев 1981, с. 87–88). В целом воздействие сарматов на одежду соседних «варваров» связано не только с присутствием первых в соответствующих регионах, но и с их политическим доминированием там.

Итак, заимствовались прежде всего крупные предметы *мужского* костюма (плечевая одежда, шаровары, сапоги и пояса), но обычно без соответствующего декора.

³³⁹ Грабители-современники хорошо знали все детали погребального обряда. Как правило, их интересовали золотые или серебряные вещи, украшавшие шею (колье, гривны), руки (браслеты) и таз (пояса). Зато ноги, особенно их нижняя часть, при ограблении часто оставались нетронутыми, сохранив очень интересные обшивки обуви и шаровар.

³⁴⁰ Не менее интересно *сравнение материалов могильников Танаиса и Кобяково* периодов 3 и 4 (данные учтены до 1987 г.). В «сельском» Кобяково фибулы носили чаще, чем в Танаисе, где популярность фибул в период 4 заметно упала по сравнению с предшествующим. При этом «кобяковцы» интересовались прежде всего латунными фибулами, в то время как в Танаисе были весьма популярны и железные. Это тем более показательно, что в Кобяково фибулы, видимо, попадали только через Танаис (Шелов 1972, с. 191). В Кобяково наиболее распространенным было положение одной-двух фибул на груди слева (оно встречалось примерно в два раза чаще, чем положение справа или на позвонках). Здесь, в отличие от Танаиса, нет следов *плащей*, крепившихся на плече фибулой, бусиной или пряжкой; единственное исключение — аланская княгиня из кургана 10. Для Кобяково характерно использование в костюме девочек и женщин ряда из трех-четырех фибул для застегивания вертикального разреза ворота платья. Фибулы на черепе найдены в обоих некрополях, но использовались там с разными целями. Столь же существенны отличия в характере бисерно-бляшечных обшивок. В Кобяково не получили распространения бусинные браслеты на руках, на ногах они крайне редки (погребение 6 1965 г.); отсутствуют здесь обшивки бусами или бляшками пояса, нет накладных пластин.

В целом из ярких костюмных находок *ни одна* вещь из Танаиса не имеет близкого соответствия в синхронных комплексах соседнего Кобяково (типы бусинных обшивок, оформление обуви, диадемы, нагрудники). Несомненно, в могилах Танаиса и каткомбно-подбойных могилах Кобяково были похоронены наряду с меотами и другие представители сармато-аланских групп, но при этом — *разных*.

В чем причины подобных заимствований? Ю.М. Десятчиков видел в подобных явлениях отражение как идеологических процессов (увлечение местной греческой элиты «иранством»), так и прямую инфильтрацию отдельных сарматов в античные города (в последнем случае о сарматизации местной культуры в узком смысле говорить, конечно, не приходится) (Десятчиков 1974, с. 20). В отношении костюма я бы назвал совсем иную причину: решающим фактором таких заимствований была большая приспособленность многих элементов кочевого костюма к местному климату и соответственно их бытовое удобство (Яценко 1984, с. 55–56).

Для сравнения можно привести такие примеры. Китайцами одежда *воинов*-кочевников была оценена уже в IV в. до н.э. (в княжестве Чжао кавалерия была экипирована Улин-ваном в 307 г. до н.э. в точности как у северных кочевников, включая высокие сапоги: Бичурин 1950, I, с. 45; Крюков и др. 1983, с. 198). Византийцы в VI в. полагали, что «одежда самих воинов должна быть просторна, длинна и красива, как у *аваров*» (Маврикий 1903, с. 17). С появлением половцев в Предкавказье местные оседлые аланы заимствовали у них утепленные юбки типа «бельдек» (Доде 1993, с. 9).

Танский Китай

В эпоху династии Тан как знатные мужчины, так и женщины-служанки порой носили целый набор основных элементов тюркского мужского костюма (халаты с двумя лацканами, сапоги с треугольным выступом под коленом, наборные пояса с серией свисающих ремней). Важными причинами заимствований были тяга образованного общества к экзотике в период максимальной открытости страны и правительственная политика терпимости в отношении варварских обычаев (см., например: Крюков, Малявин, Софронов 1984, с. 150–158). Кроме того, и танских интеллектуалов, и некоторые группы греческих философов привлекали «простота и естественность нравов» кочевников, следствием которых были их «непобедимость» и «справедливость»³⁴¹. Разумеется, за подобными, довольно длительными периодами увлеченности следовал «откат», и заимствования изначально встречали резкую отповедь защитников цивилизационных устоев.

9. Межэтнические браки и военное побратимство

Вероятно, отдельными смешанными браками с земледельческими соседями можно объяснить, например, известную «сарматизацию» костюма кубанских меотов уже с III–II вв. до н.э. (использование бус наряду с ожерельем на запястьях и на щиколотках: Марченко 1988, с. 12). Показательна трапецевидная подвеска женского костюма из Мощинскогоклада с сарматской родовой *тамгой* (Лесостепь, юг Калужской обл., III в. н.э., по А.М. Обломскому) (Никольская 1959, рис. 20, 7), тип которой известен лишь в скоплении тамг I–III вв. в гроте 37 Каменной Могины (Северное Приазовье) (Яценко 2001б, рис. 14, III).

Браками с сарматками можно объяснить и серию заимствований в костюме (прежде всего в женском) готов «черняховской культуры» Украины, особенно заметных в середине IV в. н.э.: особый состав ожерелий и амулетов на шее и на поясе, браслеты из бисера, характерные способы крепления обуви пряжками (Бобровська 2000, с. 14–15).

Безусловно, имели место и случаи, когда женщины выдавались замуж (по политическим мотивам) или похищались и оказывались *далеко от родины*. Характерный пример: наличие украшений диадем и перстни из Ферганы у нескольких женщин из «сарматского» могильника Темясова на Южном Урале II–III вв. н.э. (Горбунова 1992, с. 191–192). В отличие от смешанных браков с непосредственными соседями, влияние подобных случаев на облик костюма «принимающей стороны» обычно не прослеживается.

Благодаря выдаче замуж за правителей хунну китайских принцесс на кочевников могли повлиять и некоторые традиции придворной косметики. Так, наносимые красной краской сложные «мушки» на щеках и над подбородком (Invernizzi 1990, p. 35–50), изобретенные еще при дворе Цинь Шихуана, к рубежу нашей эры оказались занесенными (откочевавшими на запад юэчжами?) в кушанскую Бактрию и Парфию (Yatsenko 2001, p. 99). В VII в. прибывшая в Византию хазарская принцесса ввела придворную моду на ношение одежды «щицакий», которая использовалась императором во время пасхальных торжеств (Кондаков 1929, с. 225).

³⁴¹ Еще в XV–XVII вв. в Польше, в период постоянных войн с татарами и контактов с бывшими кочевниками — венграми, знать увлеклась «сарматизмами», заимствуя не только фамильные знаки-тамги, но предметы мужского костюма, связанные с кочевой традицией (на деле — уже тюркской) (см.: Borchard 1970, p. 15–22; Sulimirski 1970).

Некоторые находки можно объяснить *дарами побратимов* в рамках военного союза. Так, далеко от границ проживания собственно степных скифов, в глубине лесной зоны на средней Волге (в Марийской республике) неоднократно обнаружены в могильниках детали боевых мужских поясов Урарту и племен Закавказья — трофеи скифских походов VII в. до н.э. В новых условиях они нарезались на куски и использовались в совершенно иных целях — в качестве нашивных бляшек женских диадем (ср.: Патрушев 1982, с. 192, рис. 4)³⁴².

10. Следы дальних миграций

Сегодня наука располагает свидетельствами о миграциях кочевников античной эпохи почти исключительно в направлении *с востока на запад*. Вместе с тем в литературе сегодня отсутствуют версии миграций, при аргументации которых сколько-нибудь детально привлекался бы костюмный материал. Следует учесть, что в ряде случаев к довольно точным и специфичным костюмным соответствиям могло приводить даже *отдаленное родство* группы кочевых народов, потомки которых периодически «сдвигались» на запад. Рассмотрим серии специфических костюмных параллелей у этносов, разделяемых огромными расстояниями.

Восточная часть Центральной Азии — европейские скифы-сколоты V–IV вв. до н.э.

Как уже отмечалось в главе 1.2, костюмные комплексы ранних и «классических» скифов разительно несходны между собой. Если первый имеет особый набор аналогий среди кочевых этносов Западного Туркестана (саки тиграхауда и «заморские», племена Северного Тянь-Шаня и Юго-Западной Сибири), то для скифов более позднего времени такой перечень аналогий только предстоит составить (моя первая попытка еще 1990 г. теперь нуждается в существенной корректировке, в том числе и в плане того, что далеко не все центральноазиатские аналогии сконцентрированы на изображениях именно *на востоке* степной Скифии; ср.: Яценко 1993д, с. 320). Некорректными аналогиями из своего прежнего списка я считаю также сближение башлыка «куль-обского типа» и убора саков-хаумаварга, довольно редких широких штанов именно с бактрийскими и согдийскими.

Более подробный и точный список специфических аналогий, составленный с гораздо большим количеством сопоставительного материала, предложен ниже. Он выглядит достаточно неожиданно: ближайшие аналогии почти всем специфическим элементам есть лишь у этносов, проживавших в глубинной восточной части Центральной Азии: у «*сакских*» племен *Южной Сибири*, а для следующих эпох (как только в соответствующих районах начинают документироваться сколько-нибудь обширные костюмные *серии*) — в китайских провинциях Синьцзян и Ганьсу, где обитали *тохароязычные* (индоевропейские) жители оазисов Куча и Ния, а также у первоначально отчасти тохароязычных юэчжей и зависимых от них, видимо, пришедших из юго-восточных районов Казахстана, индо-скифов.

1) Для скифских мужских кафтанов характерно оригинальное оформление краев подола острыми клиньями, сходящимися к краям бортов. Ближайшие аналогии: аристократы на росписях Кизыла в оазисе Куча (Grünwedel 1912, fig. 191a, 336; Le Coq, 1977, fig. 20–21) и могила 1959 г. в пустыне к северу от Нии (Синьцзян Миньфэн 1960, табл. 6, 10, 12), а также у индо-скифов (рис. 137, 27–28). 2) Элемент кроя спинки кафтана в виде треугольника у ее верхнего края. Ближайшие аналогии: юэжчи Бактрии (Тилля-тепе, могила 4: рис. 114, 5). 3) Женские распашные юбки. Ближайшие аналогии: Куча (Grünwedel 1912, fig. 58). Л.С. Ключко склонна связывать такие юбки у скифов с поздними тюркскими (в частности киргизскими) аналогами (ср.: Лобачева 1997). 4) Крой штанин мужских штанов из серии пестрых полосок. Ближайшие аналогии: пазырыкская культура (рис. 46, 26) и Субеши в Куче (Qiuci Murals 1986, форзац). 5) Мужская короткая прическа с небольшим узлом надо лбом. Ближайшие аналогии: индо-скифы (рис. 137, 2).

Имеется ряд специфических сходжений, известных пока *только у скифов-сколотов и пазырыкцев Алтая*.

1) Традиция ношения халата «кандис» женщинами. Ближайшие аналогии: пазырыкцы (богиня на ковре из кургана 5 в Пазырыке). 2) Конические женские головные уборы с навершием в виде фигурки птицы (Мордвиновский I — Уландрык IV, курган 2). 3) Бытование гривен в 1,5 витка с изображением ряда коша-

³⁴² Пока нет сколько-нибудь серьезных оснований считать погребенных из марийских могильников того времени этническими «царскими скифами», отколовшимися от основного их массива (ср.: Her. Hist. IV. 22).

чьих хищников, «шествующих» к протоме оленя (Толстая Могила — Ак-Алаха I). 4) Высокие кожаные/войлочные облегающие чулки («шлем») из Передериевой Могила — Башадар, курган 2).

Кроме того, ряд специфических пазырыкских костюмных аналогий у скифотом и их восточных кочевых соседей V–IV вв. до н.э. связан с деталями декора и сюжетами зооморфных изображений на парадных головных уборах и гривнах. В их числе золотые длинные зубчатые полосы в составе уборов (Чертомлык, кат. № 200 — Барбургазы I, Юстыд); размещение на нижней пластине конусовидного убора сцены терзания оленя двумя хищниками [северо-западная камера Чертомлыка, с. Будки (Мирошина 1981, рис. 9а; Клочко 1983, рис. 7, 1) — Уландрык IV, курган 1]; состав изобразительных мотивов декора головных уборов: пара коней, птица, фантастическое животное, ряд розеток (метопида из Куль-Обы: Клочко 1983, рис. 3, 3 — пазырыкские уборы типа 1); размещение на уборе фантастического животного с раздвоенным туловищем (Чертомлык, кат. № 122). Заслуживает внимания также специфическое сходство иконографии наконечников гривен Уландрыка с аналогичными образцами, изображающими тех же барсов и волков в Казинском кладе (Ставропольский край) [Королькова (Чежина) 1995, с. 84–87; Золотые олени 2001, с. 156–157].

В литературе высказывалась точка зрения, что костюм «классических» скифотом имеет наиболее близкие аналогии у оседлых ираноязычных этносов Западного Туркестана — с согдийским, отчасти с хорезмийским по изображениям персидских народов-данников (Горелик 1997, с. 21). Однако я, в свете более полного обобщения материала, наблюдаю противоположное. Между этими комплексами практически нет ни одного специфического элемента сходства: нет сходства в формах башлыков (по сравнению со скифским «башлыком куль-обского типа» у них, в частности, отсутствует длинный и широкий назатыльник; при этом прорисовка башлыков из Куль-Обы у М.В. Горелика не вполне точна); кафтаны имеют поразному оформленный подол (у согдийцев и хорезмийцев полы скошены к бокам, у скифов — к бортам); пояса крепятся совершенно иначе (у двух названных западнотуркестанских этносов — на животе «геракловым узлом» или маленьким бантиком, у скифов — на боку и иным способом). В целом я не наблюдаю ни одной специфической костюмной аналогии у «классических» скифов элементам, известным именно у этносов Западного Туркестана.

Что касается нескольких специфических аналогий скифскому костюму в комплексах *Северного Ирана* (Гиляна) в Марлике начала I тыс. до н.э., то они, видимо, не связаны прямо с этногенезом (см. ниже).

Генезис пазырыкской культуры

Пазырыкцы на Алтае предстают как пришельцы, прародина которых не установлена. Не исключено, что основная территория этой культуры находилась к югу от российского Алтая — в Западной Монголии, которая археологически изучена весьма поверхностно. Анализ костюма пазырыкцев в главе 1 выявил множество специфических параллелей именно с костюмом *ираноязычных* этносов. (Не противоречит нашим выводам и тот факт, что пазырыкская элита в V–III вв. до н.э. в среднем имела гораздо более монголоидный облик, чем рядовые скотоводы.) Яркий облик и высокие художественные достижения пазырыкской культуры способствуют появлению все новых и новых теорий ее происхождения. Еще недавно предполагалось, что процесс формирования будущей пазырыкской культуры в южной части Горного Алтая был длительным и начался еще в VIII–VI вв. до н.э., причем на рубеже VII–VI вв. в состав населения были включены какие-то пришлые группы (Суразаков 1988, с. 7). В дальнейшем, однако, в представлении многих ученых хронологические рамки существования этой культуры стали стремительно «таять». Недавно Н.В. Полосьмак была выдвинута версия о появлении носителей пазырыкской культуры с запада в очень позднее время — сразу после падения империи Ахеменидов в 330 г. до н.э. (Полосьмак 2001, с. 107).

Большую роль в уточнении пазырыкского этногенеза играет традиционный костюм, который, на мой взгляд, ясно демонстрирует наибольшую этническую близость пазырыкцев к южным и, позже, юго-восточным, предположительно иранским соседям. Показательно, что многочисленные и очень специфические синьцзяно-пазырыкские соответствия в одежде документируются для Восточного Синьцзяна еще в доскифское (в эпоху бронзы) и частично скифское время (прежде всего Загунлук — от 1500 г. до н.э. до рубежа нашей эры, где часть важных могил датируется ныне V в. до н.э., а также дельта Кумдары, Субеши/Субэйси, Кызылчок)³⁴³. Это касается и текстильного декора. Китайской исследовательницей Ву Мин

³⁴³ Среди них, например: кандис из Субеши и Загунлука, из иранских народов наиболее близкие именно пазырыкскому в Канде (большая ширина, запахивание); подчеркивание швов рубахи красной тесьмой (Пазырык, курган 2); штаны из красной шерсти с квадратной вставкой в шагу и крой юбок (Ак-Алаха); головные уборы, к которым сбоку слева крепились одно-два птичьих пера и высокие конические; войлочные футляры для женской прически и декор наконечников; ношение войлочного подшлемника под убором пазырыкского типа 1; высокие сапоги с треугольным выступом под коленом и ремешком по верхнему краю (как в кур-

опубликованы шерстяные набивные ткани из Загунлука, орнамент которых имеет прямые параллели в зверином стиле и орнаментике именно пазырыкцев (полосы из повторяющихся элементов, изображающих подтреугольное ухо животного с изогнутым триквестром внутри и с отходящим спиральным завитком; сложные завитки, вписанные в ромб: Ву Мин 1992; Майтдинова 1996, с. 5, рис. 3–4; David-Campbell 1998, pl. 20, 22); эти могилы ныне датируют не эпохой бронзы, как предполагалось первоначально, а V в. до н.э., что не снимает вопроса о *причинах* такой близости.

Многие специфические костюмные параллели для пазырыкцев находим у их современников V–III вв. до н.э. на юге и юго-востоке: у *лоуфаней* Ордоса (этноопределение С.С. Миняева) (Миняев 1991, с. 124), у вероятных *гуши* (?) района Турфана и *протоюэчжей* Ганьсу и Черчена (последние переселились затем в Бактрию)³⁴⁴. Для торевтики предполагаемых *лоуфаней* Ордоса V–III вв. до н.э. очевидны и прямые соответствия иконографических схем с пазырыкскими. Ср., например, серебряные поясные пластины с изображением тигра, терзающего копытное из Сихуигу (Неи Мэньгу 1992, с. 92; рис. I, 5), и гроба-колоды с резьбой из Башадара. То же можно сказать и о некоторых деталях оформления костюма *гуши* (?) округа Турфана. Так, в кургане 8 Пазырыка известны своеобразные ромбовидные золотые бляшки, внутри каждой из которых представлены четыре малых граненых ромба (Руденко 1953, рис. 76, и). Идентичные бляшки происходят из могилы М-30 в Алагоу у Турфана (Восточный Туркестан 1988, рис. 30). В торевтике южных соседей пазырыкцев представлены золотые изделия в «зверином стиле» очень высокого художественного уровня, при этом подчас китайского влияния не наблюдается (см., например, бляху с изображением тигра в «8»-видной позе из того же Алагоу: Сёсоин бунка 1986, табл. 8).

Наиболее яркая аналогия пазырыкским уборам типа 1 с навершием в виде летящего орла и «диадемой»-обручем по нижнему краю (как в Уландрыке II, курган 12) известна у предполагаемых *лоуфаней* Ордоса. В 1973 г. на северо-западе этого плато в местности Алушайтень было обнаружено богатое захоронение IV в. до н.э. Головной убор был украшен массивными деталями из литого золота (рис. 58, 2). Навершие представляет золотую фигурку парящего орла с головой из бирюзы, на его «постаменте» выгравированы четыре волка, грызущие горных баранов. «Диадем» в нижней части было две, обе — из литого золота (диаметр 16,5 см, вес 1020 г). На нижней из них на концах изображены лежащие копытные (горный баран и лошадь), на сохранившейся половине верхней — крылатый волк. Манера изображения животных также чрезвычайно близка пазырыкской. В «аристократическом» погребении вероятных *лоуфаней* Восточного Ордоса (Налиньгаоту, IV–III вв. до н.э.) убор венчала золотая фигурка горного козла с огромными рогами, хвостом кошачьего хищника, густой шерстью и клювом орла (рис. 58, 1). Этот редкий монстр имеет аналогии только у пазырыкцев (поясная пластина из Катанды и особенно татуировка руки мумии из кургана 2 в Пазырыке). В Субеши представлена близкая аналогия и пазырыкским уборам типа 4. На Ордосе встречены пластины накольников, близкие по форме и декору пазырыкским, но сделанные не из дерева, а из бронзы. В Субеши отмечены известные на Алтае прически, которые были сколоты несколькими деревянными шпильками и покрыты войлочным «чехлом».

Женщины пазырыкцев и женщины из Субеши также носили юбки с трехцветными горизонтальными полосами. Аналогия наплечному украшению пазырыкцев в виде пучка лент/шнурков или розеток с отростками позже известна также у бывших южных индоевропейских соседей пазырыкцев в Синьцзяне и Ганьсу и у их потомков — как у ираноязычных (хотано-саки; юэчжи, откочевавшие затем в Бактрию), так и тохароязычных (жители Кучи). Такие украшения крепились на правом плече; к сожалению, мелкие детали на них не видны. В Куче они документированы у лиц обоих полов (Grünwedel 1912, fig. 16, 51–53, 116), а у юэчжей Бактрии (Тилля-тепе, могила 1; скульптура Халчаяна) — у женщин (Яценко 1989а, с. 262).

В меньшей степени наблюдается сходство костюма пазырыкцев и саков Семиречья (которые, как и их тянь-шаньские соседи, судя по данным антропологии, тесно связаны с южносибирскими кочевниками) (см., например: Тур 1995, с. 48–50).

Н.В. Полосьмак, как мне представляется, склонна несколько упрощенно объяснять особую специфическую близость по многим параметрам костюма кочевников Горного Алтая и народов Восточного Туркестана: «Чем объяснить *поразительное* сходство одежды пазырыкцев и племен Синьцзяна (могильники Субеши, Сампула, Керия, Черчен и др.)? В обоих случаях «это *народный иранский* костюм (? — С.Я.),

гане 2 Уландрыка I); высокие войлочные сапоги (подобные найденным в могильниках Субеши 3 и Кызылчок в Синьцзяне), на которых могут быть кожаные «галоши» (Субеши, 1992 г.) и крой ноговиц; женская прическа из двух собственных и двух накладных кос и мужская с двумя косами и т.д.

³⁴⁴ Лишь недавно исследователи стали признавать тесные контакты пазырыкцев, их культурное родство в V–III вв. до н.э. с племенами, проживавшими на 3 тысячи км южнее, в Ордосе (т.е. на большой излучине Хуанхэ): «...связи с ними были более тесными, чем это представлялось ранее» (Деревянко и др. 1994, с. 143–144).

поэтому он **одинаков** и на Алтае, и в Синьцзяне» (курсив везде мой. — С.Я.) (Полосьмак 2003, с. 145). Подобное объяснение для серии весьма специфических сходжений пока не кажется удовлетворительным. Иначе пытался объяснить подобное сходство А.А. Ковалев. По его мнению, знать луфаней Ордоса, заключивших к концу IV в. до н.э. союз с китайским царством Янь, просто испытала влияние пазырыкского искусства (Ковалев 1998, с. 80–81). Однако почему это влияние выразилось именно в этнически специфичных предметах костюма и чем объяснить ряд подобных параллелей для Синьцзяна еще в эпоху бронзы, подобная версия пока объяснить не в состоянии.

В этнической атрибуции пазырыкцев Н.В. Полосьмак вначале очень осторожно склонялась к признанию их, вслед за С.И. Руденко, *юэчжами* (Полосьмак 2000а, с. 30). Однако реальное поэлементное сопоставление костюма пазырыкцев и *достоверных* юэчжей (документированных в Бактрии во II в. до н.э. — III в. н.э.: см. главу 2.3) не позволяет обнаружить буквально *ни одного* сугубо специфического (т.е. не известного никакому третьему народу) сходжения (Yatsenko 2001, p. 95). Недавно Н.В. Полосьмак сформулировала новую, собственную версию пазырыкского этногенеза, согласно которой на Алтай они «пришли с территории бывшей Ахеменидской империи», предположительно это *согдийцы*, бежавшие после завоеваний Александра. При этом на Алтае «весь иранский и среднеазиатский импорт выглядит как разовое поступление», появившееся здесь с согдийцами (Полосьмак 2003, с. 145–146). Однако неизбежно возникает ряд вопросов, которые эта версия сегодня не в состоянии разрешить³⁴⁵.

Реальный материал пазырыкского костюма, на мой взгляд, пока не дает оснований и для того, чтобы подтвердить гипотезу Л.С. Марсадолова о приходе предков пазырыкцев из Фригии (юго-западная часть современной Турции): ими, по его мнению, были задержавшиеся там загадочные *киммерийцы* (ср.: Марсадолов 1996; 1997; 2000б). Во всяком случае, с раннескифским костюмом у пазырыкцев сходжений почти не обнаруживается (см. главу 1.1).

Контакты с предками *самодийских и тунгусо-маньчжурских народов* Сибири отражены в костюме пазырыкской аристократии в бытовании наплечной одежды типа катандинского «фрака» и, вероятно, в большом разнообразии цветов костюма в целом.

Восточные аналогии

в костюме сарматов и ранних аланов

Недавно были существенно скорректированы представления о датировке и происхождении «сарматских» культур. Согласно схеме А.С. Скрипкина, дополненной рядом авторов, существовали раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.), среднесарматская культура (I — середина II в. н.э.) и позднесарматская культура (которая разделяется на этапы: а) середина II — середина III в.; б) середина III — вторая половина IV в.). Каждая из этих культур во многом является результатом миграции из Западного Туркестана. В первом случае в миграции участвовали также небольшие группы юэчжей, с которыми связаны топонимы с элементом «тохар» на Северном Кавказе (Керефов 1988, с. 128–130). Во втором случае основными мигрантами были аланы с восточного побережья Аральского моря (Яценко 1993б, с. 67–68). В третьем случае в первой половине II в. н.э. (в царствование Канишки I?) предполагается миграция кочевников, проживавших на окраинах Бактрии, в район низовий Урала и затем их проникновение в Европу в середине II в. н.э. (Мошкова 1994, с. 22). Пришельцы не составляли большинства в населении Степей.

Среди специфических сходжений регионов *Южная Сибирь — Западный Туркестан — Европейская Сарматия* обычай украшать стоячий ворот платья знатных женщин двумя рядами бляшек — круглых и в форме древесного листа (или каплевидных, сердцевидных) (пазырыкцы Алтая — Катанда II 1865 г.; юэчжи Бактрии — Тилля-тепе, мог. 2; «аланы» II–III вв. н.э. — Высочино V, курган 18/1 на Нижнем Дону, Лебедевка, курган 23/2 в Приуралье) (Яценко 1999, примеч. 42–44). Кроме того, в погребении сарматского аристократа II–I вв. до н.э. под Астраханью (Косика, могила 45) найден невысокий островерхий головной убор, верхушка которого украшена деревянной скульптуркой «летающего» оленя, покрытой золотой фольгой. Аналогия ему известна только в Горном Алтае предшествовавшей скифской эпохи (Уландрык: Кубарев 1987, рис. 41). Одна и та же татуировка на щеках мужского солнечного божества в виде трех па-

³⁴⁵ Во-первых, как и зачем оседлые равнинные согдийцы-земледельцы могли в считанные дни перейти на полукочевой образ жизни в лесо-луговых горах Алтая? Во-вторых, почему у мужчин-пазырыкцев наблюдаем принципиальное несходство с известным костюмом согдийцев ахеменидского времени (у первых нет ни полусапожек, ни кафтанов с подолом, скошенным к спинке, а матерчатые пояса повязывались не «геракловым», а иным узлом и т.п.)? В-третьих, как в этом случае объяснить уже упомянутые специфические костюмные аналогии пазырыкцев — народов Синьцзяна (относящиеся часто еще к эпохе бронзы)?

параллельных линий известна и на перстне из кургана Иссык (Акишев 1983, фото на с. 103), и на сарматском фаларе из Балаклеи. В Сарматии во II–I вв. до н.э. распространяются бронзовые подвески ожерелья в виде миниатюрных котлов, родиной которых была Минусинская котловина. Обшитый бурами полукруглый нагрудник III в. до н.э. из Старых Кишешек имеет близкую аналогию в Аржане 2.

Другой яркий пример такого рода — появление начиная со II в. до н.э. обычая расшивать края швов плечевой одежды лиц обоих полов (плечевой, швы рукавов, вертикальные швы стана и др.) рядом золотых пронизок-цилиндров, нанизанных на кожаный ремешок. Ранее всего, на рубеже III–II вв. до н.э. такая традиция документирована в кургане 3/6 у Исаковки в Омской области, где 246 пронизок, видимо, обшивали плечевой шов и борта кафтана³⁴⁶. В Западном Туркестане мы наблюдаем это с I в. до н.э. в юэчжийском Тилля-тепе в Бактрии (могила 4) и в недавно открытом женском погребении кочевников Западного Согда, контролировавшихся державой Кангюй, в кургане на заброшенном городище Кок-тепа (Исамиддинов, Рапен, Грене 2001, с. 81–82; чертеж на с. 80; Rapin, 2001, fig. 7)³⁴⁷.

Среди части специалистов по гунно-сарматской эпохе до сих пор популярны варианты старой и не подтвердившейся фактами теории О.В. Обельченко о «сарматском завоевании Средней Азии» во второй половине II в. до н.э. В ее рамках утверждалось, что сарматы якобы вначале оказали заметное влияние на культуру более цивилизованных народов *Средней Азии*, а затем, описав огромный круг, через 200 лет «вернулись на родину», в европейские степи и будто бы привнесли туда серию культурных новшеств. Эта версия неоднократно критически рассматривалась (см., например: Яценко 1993б, с. 61; Заднепровский 1994, с. 55–59). Между тем в литературе последних лет известны версии о влиянии костюма «сарматов» в ходе неких «военных походов» на восток *вплоть до Минусинской котловины* и в последующую, *поздне-сарматскую* эпоху (см., например: Азбелев 1992, с. 214).

Рассмотрим теперь восточные костюмные аналогии *по трем основным периодам* их бытования.

II–I вв. до н.э.

В этот период в Сарматии появляются одеяния длиной до колен или чуть ниже, с глубоким треугольным вырезом ворота (Юбилейный: Яценко 1992в, табл. 1, 2; 2000д, примеч. 22), которые использовались затем на этой территории до V в. н.э. (Яценко 1985, рис. 3) и характерны также для юэчжей Бактрии (рис. 121, 61; 122, 32). В нескольких случаях известны и другие близкие (хотя и не точные) аналогии элементам костюма *юэчжей*. В могиле 45 в Косике (Астраханская обл.) носки обуви князя были большими, прямоугольными (рис. 121, 92), но имели иную систему декора (их украшали четыре параллельных ряда бляшек от 11 до 25 в каждом, каждую линию образовывали бляшки специфической формы) (Дворниченко 1989). В раннем (III в. до н.э.?) кургане XI/19 в Старых Кишешках (Башкирия) плечо платья девушки было украшено шестиконечной звездой, вышитой золочеными бусами (Садыкова 1965, с. 134; ср.: Sarianidi 1985a, Cat. 1.6). На Северном Кавказе известны аналогии женским золотым аксессуарам костюма, близким находкам из Тилля-тепе. В кургане у Хатожукаевского аула (Краснодарский край) обнаружена золотая булавка, украшенная мелкими золотыми шариками, с дисками, подвешенными на цепочках (Гущина, Засецкая 1989, табл. IV, № 35; ср.: Sarianidi 1985a, pl. 20). В кургане 1/24 в Комарово (Северная Осетия) одежду женщины украшали крупные золотые бляшки в виде колес с 10–11 спицами (Гиджрати, Наглер 1985, рис. 5; ср.: Sarianidi 1985a, pl. 11). В Крыму аналогичны юэчжийским некоторые типы бляшек с петлями для подвешивания (головной убор из кургана Ногайчик) (Щепинский 1975, с. 54; фото 94, 96; Симоненко 1993, фото 25; Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 5, 8–9; ср.: Sarianidi 1985a, Cat. 3.32, 3.46).

Отдельные особенности костюма юэчжей отражены на изображениях на серебряных фаларах упряжи рубежа II–I вв. до н.э. из Янчокрака (Нижнее Поднепровье) и Кривой Луки IX (Нижнее Поволжье) в Сарматии, которые, вероятно, являются местными репликами образцов из Бактрии (Яценко 2000д, с. 243, табл. 1, 3; 2, 1). Здесь верхней является короткая рубаша с короткими же (не доходящими до локтей) рукавами, а нижней — одежда с более длинным подолом и рукавами (см. выше). Края рукавов, ворота и подола обеих одежд при этом декорированы несколькими орнаментальными полосами. Отметим орнаментальное оформление лампасов на штанах, имеющее аналогию на рельефе из Халчаяна (Treister, Yatsenko 1998, p. 63; note 138) (рис. 121, 84).

³⁴⁶ Любезная информация В.Ю. Зуева. Неопубликованный материал из раскопок В.И. Матюшенко 1989 г.

³⁴⁷ Здесь, судя по чертежу, платье аристократки было расшито пронизками вокруг ворота (на большом расстоянии от него — на границе высокой кокетки?), на «погонах» и у пройм рукавов, вертикальной короткой линией на груди. Это погребение заслуживает пристального внимания как первая неразграбленная могила знати крупнейшей в то время в Западном Туркестане державы Кангюй, с которой связан и этногенез ряда сармато-аланских группировок.

I — середина II в. н.э.

М.И. Ростовцев считал, что изделия «бирюзово-золотого звериного стиля» принесли в Сарматия племена, проживавшие на границах Бактрии (Rostovtzeff 1922, p. 44–45). Эта версия была поддержана и развита В.И. Сарианиди и В.К. Гугуевым, которые даже посчитали почти все ювелирные изделия Сарматии (среди которых преобладают аксессуары костюма) бактрийским экспортом (Сарианиди 1987, с. 82; Гугуев 1992, с. 127–128). Однако эта версия не подтвердилась в результате проведенного мною сравнительного анализа основных элементов ювелирных изделий Бактрии и Сарматии (Treister, Yatsenko 1998, p. 72–74; Яценко 2000а, с. 174–175).

Имеют сходство некоторые типы золотых бляшек (см., например: Марченко 1996, рис. 11; ср.: Sarianidi 1985a, Cat. 1.9, 2.13, 2.26, 3.8–9, 3.13, 4.11–13, 4.18–19, 6.25). В Сарматии неоднократно встречены золотые браслеты из круглого в сечении прута с утолщающимися концами, которые характерны именно для юэчжей (Яценко 2000а, примеч. 18; ср.: Pugachenkova 1978, fig. 73, 76; Sarianidi 1985a, Cat. 2.33, 3.17, 5.4, 6.16; Древности 1985, с. 104, № 259). Конструкция золотых диадем с «мировыми деревьями» и птицами близка в кургане аланской царицы Хохлач (Ростовская обл.) (Яценко 1986, с. 15–16; рис. 1, 5; Treister, Yatsenko 1998, fig. 15) и в Тилля-тепе (Sarianidi 1985a, pl. 14–15; Яценко 1993в, с. 65): каждая фигурка имела внизу стержень, который вставлялся в отверстие верхнего края диадемы. В обоих регионах носили сходный берет (Южно-Донузлавское: Дашевская 1967, с. 214; ср.: рис. 121, 14). Существовала традиция украшать нижний край мужского головного убора надо лбом большой круглой золотой или бронзовой бляшкой (рис. 121, 21); в Сарматии такие украшения известны на Нижней Волге (Альт-Веймар, курган 3: Рыков 1925, с. 59–60), на средней Кубани (Тифлисская, курган 49/1901 г.: Гушина, Засецкая 1994, с. 50, кат. № 147; с. 114, табл. 15, № 147) и в Крыму (могила 1896 г. под Бахчисараем: ОАК 1898, с. 69, 162). Близки золотые наконечники поясов с изображением бутона в аланском царском кургане 1 в Дачах (Ростовская обл.) и в Тилля-тепе (The Treasures 1991, No. 116; ср.: Sarianidi 1985a, Cat. 4.29). Нагрудные ленты знатных женщин с рядом розеток (рис. 116) в Сарматии имеют лишь отдаленное сходство, так как сопровождаются дополнительно одним-двумя рядами бляшек других типов (Яценко 1987, с. 173). Пояс из кургана 14/3 Первомайского VII (Волгоградская обл.) украшен, среди прочего, чередующимися бронзовыми золочеными бляшками со штифтами в форме круга и вертикальной полосы, что образует систему декора, известную у кушан (Симоненко, Лобай 1991, рис. 27, 3) (рис. 106; 121, 76).

Середина II — середина III в. н.э.

В это время в Сарматии появляются высокие сапоги, известные ранее в Западном Туркестане, и туфли с загнутыми внутрь носками (Усатово, курган F-16: Синицын 1947, с. 51, рис. 26; «варварская» терракота из Горгииппии: Алексеева 1987, с. 21–22, рис. 1, 7; Яценко 1992, табл. 13, 8). В римском военном лагере в Честере (Англия), где с середины II в. н.э. находились на римской службе сарматы, найден сарматский рельеф с «кушанским» головным убором (Sulimirski 1970, pl. 46) (рис. 90, а; ср. рис. 121, 8).

В Высочино V, курган 18/1 (Ростовская обл.) (Беспалый 2000) есть ряд специфических параллелей с могилой 2 в Тилля-тепе. Халат расшит бляшками с двулезвийным топориком (Sarianidi 1985a, pl. 42), среди амулетов есть золотые полихромные изображения руки и астрагалов (ibid., Cat. 2.14–15). Стоячий ворот платья обшит сзади рядами бляшек в форме полусферы и капли/сердечка (ibid., Cat. 2.10, 2.37). (См. аналогию в Лебедевке, курган 23/2, Уральская обл. Казахстана: Железчиков 1979, с. 18, рис. 59.) Конический головной убор был положен за головой, рядом с ней (см. параграф 3) (Беспалый 1986, с. 41, 43, 45; рис. 100). С могилой 1 в Тилля-тепе названное погребение объединяет декор в виде линии однотипных украшений, соединяющей край подола и края двух боковых разрезов (один из которых более короткий) (рис. 112) (см. также: Высочино I, курган 10/1, Ростовская обл.: Яценко 1987а, рис. 3).

Позже у средневековых аланов Северного Кавказа в VIII–IX вв. известны женские платья с очень глубоким разрезом (рис. 122, 32) (Мошечая Балка: Иерусалимская 1976, с. 23).

В Сарматии близость к кушанскому костюму объясняется, вероятно, несколькими волнами миграций с востока этносов, проживавших ранее на границах Бактрии. Наиболее интересен в этом плане период второй половины I — первой половины II в. н.э., который был периодом наивысшего расцвета как Кушанской империи, так и аланов Нижнего Подонья и аорсов Украины.

Костюм юэчжей/кушан и их прародина

Среди российских исследователей до сих пор популярна версия С.И. Руденко конца 50-х годов о том, что родина юэчжей связана территорией с пазырыкской культурой Горного Алтая. Она не согласуется

с китайскими источниками, которые локализуют ее на 2000 км к югу — в современной китайской провинции Ганьсу. Проведенный мною недавно комплексный анализ костюма пазырыкской культуры показал, что силуэт основных элементов костюма этих двух этносов (головные уборы, наплечные одежды, пояса, сапоги, пекторали) практически совершенно не совпадает; резко отличаются и орнаментальные мотивы (Яценко 1999а, с. 145–170, рис. 1). Единственный общий элемент — упоминавшееся украшение стоячего ворота женского платья рядами бляшек в форме круга и капли (сердечка) (Тилля-тепе, могила 2; Катанда I, могила 1865 г.: там же, с. 152; Захаров 1926, с. 79); отмечу также использование для костюма бус из кристаллов пирита (Пазырык, курган 2; могильник Ксиров в Северной Бактрии). Однако обе эти традиции известны и у других иранских народов (например, у сармато-аланов Европы II–III вв.).

На востоке Синьцзяна были встречены очень близкие аналогии костюму из Тилля-тепе. Например, знаменитый русский путешественник и исследователь Центральной Азии Н.М. Пржевальский в 70-х годах XIX в., во время пребывания в Черчене описал обнаруженную грабителями древнюю могилу с мумией девушки в длинном шерстяном платье. Ее костюм во многих элементах сходен с находками из могилы I молодой женщины, обнаруженной недавно в Тилля-тепе (рис. 116). В обоих случаях отмечены особая золотая лента, которой прикреплялась нижняя челюсть; на груди широкая лента из ткани, украшенная рядами крупных звезд из золота; прическа с двумя косами и т.п. (Восточный Туркестан 1988, с. 19–20). В Черченском уезде, в Загунлуке, в 1985 г. найдено семейное захоронение с мумиями рубежа II–I тыс. до н.э. Для нас интересны прежде всего следующие параллели с юэжжами/кушанами. У женщины было платье из красной шерсти со швом вдоль спины, с треугольным вырезом ворота, прическа с двумя косами, конический головной убор из войлока, штаны из красной шерсти (Ahmad, Dolkun 1986, s. 2–8).

Рядом, в провинции Ганьсу, в могильнике Хамадун встречена серия подбойных могил, которые сегодня связывают с юэжжами (Заднепровский 1993, с. 38. См. сводку версий об этногенезе юэжжей и кушан: Tezcan 2002, p. 254–264).

11. Костюмные следы проникновения ираноязычных этносов в Западный Иран в X–VII вв. до н.э.

Вопрос о характере и механизмах проникновения в западные районы современного Ирана первых групп ираноязычных племен весьма важен. Одни исследователи, такие, как французский иранист Р. Гиршман (см., например: Ghirshman 1977) и петербургский археолог Г.Н. Курочкин (см., например: Курочкин 1974; 1993), считали, что уже в самом начале I тыс. до н.э. иранцы играли в регионе заметную политическую роль, что отразилось, по их мнению, и в серии культовых изображений на парадных вещах. Другие авторы подобную роль отвергают, ссылаясь на политические реалии того времени (гегемонами региона были такие государства, как Ассирия, Урарту и Манна). Важную роль в решении этого вопроса может и должен сыграть *костюмный* материал, обильно представленный в культовых сюжетах и на изображениях знати того времени. В связи с этим мною в последнее время составлялись сводки материалов по костюму *Элама* и таких регионов Ирана, как северный *Гилян*, северо-западный *Курдистан* (где располагалось государство Манна), юго-западный *Луристан* (где заметно эламское и отчасти вавилонское культурное влияние). Особенно обилён материалами местных культовых художественных бронз X–VII вв. до н.э. Луристан. Изучение сводки данных по этому региону (рис. 217) и отчасти по Гилян (рис. 218) оказалось наиболее перспективным в плане выявления предположительных иранских элементов.

Сопоставление по микроэлементам костюмного комплекса *Луристана* с костюмом ираноязычных народов следующей скифо-ахеменидской эпохи приводит меня к таким выводам. Элементы, которые можно связать с иранскими племенами, на луристанских изображениях действительно есть, но они *малочисленны*. Это кафтан (перс. *gaunaka*), иногда без запаха (когда борта скрепляются поясом и не заходят друг на друга: Amiet 1976, № 215; Vanden Berghe 1982, № 281) или наглухо застегнутый (навершие из коллекции David-Weill во Франции: Amiet 1976, № 215), с очень глубоким запахом налево (рис. 217, 44–45) или же с *неглубоким* запахом, который был наиболее распространенным у ираноязычных племен (Persian Art 1931, p. 6, No. 10 E; Moorey 1971, No. 179). На детализированных изображениях видно, что борта и иногда «погоны» кафтанов украшены рядом золотых (?) бляшек квадратной или круглой формы (рис. 217, 44–45). Носился также длинный (почти до щиколоток) богато декорированный *халат*, запахнутый налево (Ghirshman 1963, fig. 96). Все эти варианты бытовали у ираноязычных народов скифского времени. Изредка кафтан надет поверх драпируемой одежды или туники и имеет короткие рукава (Persian Art 1931, p. 6, No. 10 E; Ghirshman 1963, fig. 68, 96) (рис. 221), что известно и у персов, и у ранних скифов. На бронзовой фигурке богини в коллекции David-Weill (7000 years 1964, No. 241; Amiet 1976, No. 241) представлены

кафтан с двумя разрезами сзади, образующими трехчастный подол с закругленными концами (рис. 217, 69, 73), аналогичный изображению на одном из скифских изваяний V в. до н.э. (ср.: рис. 22, 4), цилиндрический головной убор типа скифского «калафа» с покрывалом (рис. 217, 60) и, наконец, пояс-кушак с длинными свисающими на животе концами (рис. 217, 69), что позже характерно для персиянок.

Это также известные у мужчин и женщин (рис. 220) узкие штаны с вертикальными полосами декора спереди, украшенными рядом золотых бляшек (?) квадратной формы или в виде буквы «V» (рис. 217, 41, 74). Предположительно с иранской группой племен можно связать также некоторые другие типы головных уборов (конический колпак и один из видов башлыка; женская шапочка с околышем и небольшим покрывалом на терракотовой фигурке из Баба Джана: рис. 217, 6, 8, 64) и полусапожки, стягиваемые ремнями, прежде всего у пленника в сцене на бронзовой поясной пластине из коллекции Adam в Англии (Moorey 1974, No. 118a) (рис. 217, 54).

Иногда на одном изображении *сочетаются даже по два элемента предположительно индоиранского происхождения*: шаровары и полусапожки на упомянутом изображении пленника; кафтан и шаровары у бога — «Хозяина зверей» (Ghirshman 1963, fig. 51) (рис. 219), кафтан с особо оформленным подолом и цилиндрический убор с покрывалом (названная фигурка богини). Индоиранские элементы костюма чаще всего изображались на двух категориях бронзовых изделий: на парадных *булавках* и *ритуальных наконечниках* с фигурой «Хозяина зверей». Что касается своеобразной *диадемы с рядом торчащих перьев* (рис. 217, 11), то связывать ее с древнейшими мидийцами или персами (Barnett 1967, fig. 1056–1057, 1063–1065) нет оснований. Еще в последней трети III тыс. до н.э. она изображена у пленного знатного местного лулубея-горца на знаменитом триумфальном скальном рельефе аккадского царя Нарамсина (2254–2218) в Сар-и Пуле (Porada 1962, fig. 15). Во II — начале I тыс. до н.э. такие диадемы были распространены на большой территории и сочетаются с явно неиранской по облику одеждой. Элементы костюма, изображенные на керамических изделиях из Баба Джана (рис. 217, 48–49, 64, 78), вопреки существующему мнению (Goff 1978, p. 42; fig. 13), не имеют практически ничего общего с достоверно *мидийскими*. Показательно и отсутствие в Луристане традиции повязывать пояс священным «узлом Геракла» (прямым морским), головных уборов с зооморфными наконечниками и многих других элементов, характерных для ираноязычных народов VI–IV вв. до н.э.

Обобщая мои наблюдения, отмечу, что единичные элементы иранского происхождения, появившиеся на изображениях туземных божеств и эпических героев Луристана X–VII вв. до н.э., свидетельствуют не столько об активном проникновении в эту область собственно предков мидийцев, как думал Р.Гиршман (ни одним письменным ассирийским или серией археологических свидетельств этого наука сегодня не располагает), сколько о заимствовании некоторых удобных или эффектных элементов костюма этих племен для изображений аборигенных горских божеств и, видимо, для реального использования в быту, т.е. *о влиянии* костюма иранских племен, расселявшихся неподалеку. Все это не позволяет мне присоединиться к тем ученым, которые склонны преувеличивать культурную и даже политическую роль иранцев в Юго-Западном Иране того времени.

Заметно меньше выявляется пока иранских элементов на изображениях области *Гилян* (Северный, прикаспийский Иран).

В мужской одежде этого региона есть предмет, несомненно связанный с проникновением ираноязычных племен. Это кафтан с богатым декором и шестью острыми выступами по краю подола (эпический герой с серебряного сосуда из Марлика, изображенный в профиль рядом с клюющими пададь огромными орлами: рис. 218, 9; Negahban 1996, I, No. 54). Единственным близким по времени аналогом такой одежды является кафтан-*sisirna* скифских аристократов на серебряной чаше IV в. до н.э. из кургана Гайманова Могила (ср. рис. 27, 29). Спинка плечевой одежды здесь иногда кроилась из двух вертикальных полотнищ, что подчеркивалось на изображении (золотая статуэтка-наконечник: *ibid.* II, pl. XXII). На этой же статуэтке видим повязанную сзади повязку-диадему с одним торчащим вверх под углом коротким концом (рис. 218, 2), что имеет прямые аналоги у скифов (ср.: персонаж на кубке из Куль-Обы, рис. 27, 5). Представляет некоторый интерес и цилиндрический головной убор богини на одной из глиняных фигурок (Ghirshman 1963, fig. 32) (рис. 218, 17). Следует отметить также бытование женского короткого кафтана с длинными рукавами, близкого скифскому, у курдов Северо-Западного Ирана до XX в. (Scarce 1981, p. 31).

Идеальная мужская фигура в Гиляне отличалась от таковой в других районах Западного Ирана (в том числе Луристана): широкие плечи сочетались с сильно зауженной (особым покроем или поясом) талией (см. прежде всего наиболее реалистические изображения в Марлике: Negahban 1996, I, 54; II, No. 19, fig. 4). Такой идеал сильно отличается от идеала более поздних мидийцев и персов, но соответствует воззрениям «классических» скифов.

Итак, все предполагаемые иранские элементы в костюме Гиляна *находят аналогии лишь у одного ираноязычного этноса следующей эпохи — «классических» скифов*. Это весьма важное наблюдение требуется прокомментировать. Наиболее вероятным объяснением мне кажется наличие прямых и косвенных связей «классических» скифов с соседней с Кавказом территорией Северного Ирана в конце VI и в V в. до н.э., проявившихся в разных сферах культуры в ходе набегов и иных контактов.

Кроме того, на известном *эламском* рельефе VIII–VII вв. до н.э. со сценой пира (Porada 1962, fig. 43/5.60) слуга с опахалом, прислуживающий знатной даме, носит нетипичный наборной пояс с рядом треугольных бляшек (треугольники чередуются через один: вершиной вверх и вниз). Единственная убедительная аналогия такому оформлению поясов (причем массовая и во множестве вариантов) известна в эпоху поздней бронзы на «оленных камнях» — надмогильных плитах из Монголии, приписываемых индоиранцам (ср.: Nowgorodowa 1980, S. 131).

В целом иранские элементы костюма, представленные в Луристане, Гиляне и Эламе, можно связать как с предками мидийцев и персов, так и с другими, более северными и неизвестными нам по названиям племенами.

4.2. Характер эволюции костюма отдельных этносов

Наиболее полно эволюция костюма может быть прослежена на рассмотренных выше материалах таких оседлых древнеиранских этносов, как персы, согдийцы, бактрийцы-тохаристанцы и хорезмийцы, обеспеченных большим количеством детальных изображений разных периодов. Гораздо сложнее выявить ее у кочевых и полукочевых народов с силу их этнополитической нестабильности.

Роль эламо-аншанских элементов в становлении парадного костюма ранних персов

Предполагаемым элементом такого происхождения в костюме персов можно считать в первую очередь особую юбку с вертикальными складками вдоль ног (см. подробнее в главе 1.1) (рис. 217, 42). Это достаточно поздний по происхождению элемент, так как в более раннем костюме Элама юбки у лиц обоих полов выглядят иначе (см., например, рис. 216). К списку «эламо-аншанских» элементов М.В. Горелик добавляет «венцы» различных типов (рис. 1, 15–15а; ср. рис. 216, 4 и 217, 3, 11) и особые башмаки, крепившиеся у подъема стопы тремя пуговками, которые в источниках определенно названы *мидийскими* (Горелик 1985, с. 37).

Преемственность и характер новшеств в костюме трех великих доисламских династий Ирана

Между правлением Ахеменидов и завоеванием разных областей Ирана Аршакидами прошло около полутора веков господства вслед за Александром греко-македонских Селевкидов. Тем не менее многие элементы традиционной иранской культуры сохранялись, и мы были бы в праве ожидать заметную преемственность в костюме этих двух иранских династий. Однако детальное сопоставление по всем микроэлементам этих ожиданий не оправдывает.

В мужском костюме наиболее очевидным элементом преемственности можно считать верхнюю нераспашную одежду типа ахеменидского сараписа, которая украшена вертикальной полосой с сетчатым орнаментом (см. подобный элемент декора в греческой вазописи: рис. 1, 32), с дугообразным вырезом на подоле. Столь же очевидно сохранение прически с накладными «буклями» по бокам (у Аршакидов впервые представлена на монетах Готарза I, 90–80 гг. до н.э.) и завивки волос. Редкий у Ахеменидов мотив орнаментации тканей в виде сетки ромбиков с точкой внутри (рис. 1, 47а) в парфянское время становится обычным. Изредка известны башлыки с облегающим голову верхом и широким назатыльником, но этот тип вообще широко представлен у иранских народов. В женском же костюме *ни одного* элемента сходства мы не наблюдаем.

Новыми завоевателями Ирана во II в. до н.э. стали, как известно, ираноязычные *кочевники парны* из Восточного Прикаспия, возглавляемые кланом Аршака. Первоначально они захватили соседнюю со своими кочевьями область Парфия, откуда распространили свое влияние (отсюда их название «парфяне» в греко-римской традиции). Логично было бы рассчитывать, что в парадном костюме возникшей империи Аршакидов среди изображений знати можно легко выявить костюм собственно парнов. Однако сложный этнический состав Ирана того времени, сохранение влияния костюма прежних повелителей региона (персов и греко-македонян) привели, по-видимому, очень быстро к оформлению синкретического новообразования — *имперского костюма парфянского Ирана*, распространившегося у знати разных этносов (см. главу 2.1).

Большую роль в уточнении наших представлений о раннем костюме клана Аршака играет, как принято думать, изображение на реверсе ранних парфянских монет так называемого «парфянского лучника» — сидящего на троне предполагаемого обожествленного основателя династии Аршака I (238–211 гг. до н.э.) с луком в руке. Первоначальный вариант его иконографии известен со времени самого Аршака I (тип I/1 по Д. Сэллвуду) до Митридата I (171–138 гг. до н.э., тип 10). Сегодня думают, что здесь представлен искомый парнский (дахский) кочевой костюм (Пилипко 2001б, с. 295). К сожалению, согласиться с этим я не могу. Дело в том, что *все* элементы одежды «парфянского лучника» соответствуют тем, что носили столетием с лишним раньше (до македонского вторжения) *ахеменидские сатрапы*-персы (не цари) отдельных областей (эта одежда не предназначалась для ношения иноэтничной знатю!): классический халат кандис, головной убор из ткани — тиара с опущенным на правый бок верхом, узкие штаны, полусапожки и под кандисом — нераспашной сарапис. Остается предположить одно из двух. Во-первых, «парфянский лучник» может не иметь прямого отношения к подлинному облику основателя династии (тогда он по каким-то причинам лишь воспроизводит некую более раннюю ахеменидскую статую или рельеф с сатрапом на троне). Во-вторых, можно допустить, что на далекой окраине бывшей Ахеменидской империи — в области Парфия — еще век спустя после ее гибели и греко-македонской оккупации каким-то чудом сохранялась традиция носить *полный комплект* костюма бывших сатрапов, которая была воспринята вождем занявшей Парфию кочевой орды. Этот последний вариант, пожалуй, нельзя полностью исключить. «Парфянский лучник» в ранних вариантах явно имеет удивительное для европеоидных кочевников *бритое лицо*; но и это объясняется скорее не традицией какого-то маленького племени (ср.: Пилипко 2001б, с. 297), а прямым влиянием обычая, заведенного новыми властителями Среднего Востока — греко-македонянами по примеру Александра Великого.

Сравним для начала ранний «имперский» костюм с костюмом *древнейших жителей области Парфия* (предположительно это делегация данников XV в. в Персеполе — см., например: Walser 1966, pl. 65; Пилипко 2001б, с. 294 — или другая, связываемая также с парфянами, — см., например: Горелик 1997, табл. III, 2), чтобы понять, отразился ли он и в какой мере в костюме поздних парнов-«парфян». По мнению В.Н. Пилипко, большинство его элементов было воспринято парнами (Пилипко 2001б, с. 294–295). К сожалению, *в обоих вариантах* мои наблюдения сегодня ведут к противоположным выводам. В раннем мужском «имперском костюме» (рис. 63) нет *ни одного* элемента, сколько-нибудь полно соответствующего гипотетическому древнепарфянскому: диадемы повязывались совсем иным способом, верхней одеждой знати были *распашные* кафтаны, матерчатые кушаки в целом сменились кожаными поясами с набором металлических бляшек, поверх шаровар обычно носились чулки-ноговицы; высокие сапоги, напротив, не носились³⁴⁸. Таким образом, завоевание области Парфия во второй половине III в. до н.э. ордой парнов практически *никак* не сказалась на облике костюма их знати.

Можно ли достоверно реконструировать облик костюма знати (не царей) кочевников-парнов до создания ими великой империи? На этот вопрос я, как и В.Н. Пилипко, готов ответить положительно, но при помощи иных методов. Задача эта не слишком трудоемка и методически проста. Прежде всего следует сравнить «имперский» костюм знати *периода Старших Аршакидов* (до 12 г. н.э.) с костюмом, бытовавшим еще при Ахеменидах как в Иране (см. главу 1.1), так и у разных этносов в Западном Туркестане (на родине парнов) (см.: Горелик 1985; 1997), а также с костюмом тех кочевых народов, которые одновременно с парфянами (со II в. до н.э.) создавали свои государства на соседних территориях Среднего Востока (юэчжи, индо-скифы) (см. главы 2.3 и 6). Такой компаративный анализ позволяет с высокой степенью вероятности представить себе облик ранней парнской аристократии. Я не вполне согласен с мнением, что

³⁴⁸ У меня нет серьезных оснований видеть в высоких сапогах ряда народов-данников Ахеменидов (у предполагаемых парфян или бактрийцев, ареев и арахотов) оригинальные образцы именно *зимней* одежды (ср.: Пилипко 2001б, примеч. 3). В мировом искусстве в целом, как уже отмечалось, господствует передача одежды *теплого* сезона, дающая больше разнообразной информации зрителю и соответствующая древним иконографическим стереотипам.

эта цель труднодостижима, так как «отдельные элементы имеют точные соответствия у всех сакских групп» (Пилипко 2001б, с. 298): все дело не в *отдельных элементах*, а в их специфическом *сочетании*.

К мужскому костюму знатных парнов можно отнести: 1) короткий распашной кафтан-kurtak, запахнутый налево (для него был характерен богатый декор бортов и шва, идущего вдоль рукава); 2) узкий короткий плащ (хотя он известен в основном на изображениях Месопотамии, однако, как уже отмечалось, характерен для большинства иранских народов гунно-сарматского времени, но не всегда считался парадным и изображался в официальных сценах); 3) штаны средней ширины, заправленные в обувь; 4) наборный пояс с рядом квадратных бляшек (подобных изображенным на бронзовой статуе из Шами); 5) короткие прически без пробора (волосы либо ровно подстриженные на уровне лба — рис. 62, 10, либо ровно подстриженные надо лбом, а по бокам опускающиеся ниже уровня ушей — рис. 62, 4) и маленькая борода; 6) налобная повязка, завязанная сзади, с двумя длинными свисающими концами (наиболее ясно она представлена на монетах Пакора I).

Женское платье (судя по описанию царевны Радогуны у Филострата) имело в ряде вариантов короткие рукава.

Не менее важен вопрос о преемственности между имперским костюмом Аршакидов и костюмом следующей династии, Сасанидов, восставшей против первой, победившей ее, проводившей во многом иную политику и опиравшуюся на древние традиции Персиды.

Сопоставление костюма Ирана времени Младших Аршакидов (12–224 гг. н.э.) и ранних Сасанидов (первая половина III — вторая половина V в. н.э.) показывает, что количество сходных микроэлементов в первое время (особенно в течение III в. н.э.) было еще достаточно большим, причем некоторое их число бытовало и много позже.

Так, отец Арташира I — Папак, жрец храма Анахиты, предположительно изображенный на известном граффити из Гарема в Персеполе, и некоторые персонажи других изображений представлены в верхней нераспашной «тунике» с вертикальной декоративной полосой (рис. 157, 29–30, 39); такая полоса сохранялась в мужском костюме и при поздних Сасанидах (рис. 158, 13–14, 18, 27). В одном случае видим рукава подобной одежды, расширяющиеся книзу до локтя (рис. 157, 47), а у мальчиков по-прежнему бытовали верхние рубахи с очень короткими рукавами (рис. 158, 25а). В ранний период правители иногда еще использовали запахнутые налево кафтаны. Как и раньше, женщины носили платье на бретельках (правда, оно снова вошло в моду в поздний период и отмечено у лиц низких рангов: музыкантша, рис. 159, 33), два платья, нижнее из которых было длиннее, и женский драпируемый длинный шарф (рис. 159, 10), платья с треугольным вырезом ворота. У мужчин сохранялись отдельные традиции декора штанов: с вертикальной полосой отделки спереди рядом круглых бляшек; полосой, окруженной двумя рядами мелких круглых бляшек; штанины из серии узких горизонтальных полос (рис. 157, 74; 158, 46). Плечевая одежда также иногда украшалась рядами золотых бляшек с подвесками (рис. 158, 17). Формы блях и медальонов парфянских поясов в раннесасанидское время сохранялись у шаханшахов. Прическа мужчин-аристократов с накладными волосами, образующими два овальных выступа по бокам, и ряд форм с завивкой волос, также сохраняются. То же можно сказать об использовании в женской прическе завивки и сложных узлов. Многочисленные банты на одежде Сасанидов генетически связаны, видимо, с крупными бантами на позднепарфянских мужских диадемах и в женской прическе. Очень редкие в позднепарфянское время высокие сапоги с треугольным вырезом под коленом в позднеасанидское время неожиданно получают широкое распространение.

Сохраняется и декор горизонтального ворота нераспашной одежды полосой с рядом круглых бляшек у царей, высшего жречества и других знатных лиц (рис. 157, 27, 30, 41, 45); украшение крупных предметов одежды вертикальными рядами круглых бляшек с каплевидными подвесками (рис. 158, 17); декор тканей в виде сетки ромбов с кружком внутри каждого (рис. 157, 35) — теперь он документирован и у рядовых персонажей (охотник-простолудин: рис. 158, 18). Однако все это лишь отдельные элементы прежней костюмной традиции на фоне господства новых форм. Их больше, чем ахеменидских форм у Аршакидов, что объясняется в более позднем случае *непосредственной* сменой династий (в то время как между Ахеменидами и Аршакидами существовала более чем столетняя эпоха греко-македонской оккупации), когда местные автономные правители — предшественники Сасана и Папака в области Персида/Парс не могли не заимствовать отдельные элементы костюма имперской знати.

В целом я прихожу к выводу о *весьма динамичном* развитии костюмных комплексов ираноязычной знати Ирана в античное и раннесредневековое время. При этом женский костюм, хотя он и документирован много беднее мужского, изменялся более радикально, и на каждом очередном этапе в нем остается *меньше* старых форм, чем в мужском. Особенно резкими, возможно, были перемены при смене династий,

в начальный период утверждения новой элиты (Кир II, Арташир I). К сожалению, арабское завоевание не позволило сохраниться источникам о «костюмных инициативах» отдельных сасанидских шаханшахов. Однако они, видимо, были весьма характерны в целом для иранской истории. Весьма любопытны также отдельные попытки возрождения древних, ахеменидских костюмных форм при Сасанидах. К ним можно отнести, например, мужские пелерины, разрезы спереди на подоле женских платьев и использование шариков на концах кос.

При Ахеменидах и Сасанидах многие наиболее важные «костюмные реформы» были проведены *при первом правителе* династии, исключения редки (изменения при Перозе предположительно в 60-х годах V в. н.э.). Совершенно особой была ситуация при Аршакидах. Как отмечалось в главе 2.1, у них зафиксированы (почти исключительно на нумизматических материалах) костюмные новшества не менее десяти правителей разных периодов, причем далеко не все они вошли в историю как наиболее активные и могущественные. Даже на погрудных изображениях на реверсе серебряных монет детальнейшим образом подчеркивались важные элементы декора кафтанов и прически. Несомненно, нам пока известны далеко не все свидетельства подобных новшеств; однако даже по самым скромным подсчетам, судя по монетам правившей около 500 лет парфянской династии, костюмные новшества открыто демонстрировал в среднем как минимум *каждый четвертый* правитель.

Почему же именно парфянское время столь богато костюмными инновациями? Думаю, это объясняется сочетанием двух факторов. *Во-первых*, это весьма сложная структура государства, частично представлявшего собой федерацию автономных этнических княжеств, сохранявших собственные династии, монетную чеканку и оригинальные черты в парадной одежде. На западе Парфянской державы сохранялись автономные греческие города, заметным был экономический и политический вклад семитских этносов. Поэтому одной из задач в рамках укрепления единства страны, вероятно, было создание относительно *единого общеимперского интернационального придворного костюма*. В отличие от Ахеменидов, такой костюм теперь не только носился представителями господствующего народа, но и, видимо, частично насаждался у *иноэтничной знати* вассальных княжеств. Он неоднократно «корректировался» верховной властью, и локальные элиты должны были приспосабливаться к этому. *Во-вторых*, парфянские владыки долго проводили «филэллинскую» политику и частично ориентировались на соседние эллинистические монархии Селевкидов и Птолемея³⁴⁹.

Заметную роль в развитии костюмного комплекса Ирана сыграли костюмные *заимствования*, наиболее масштабные в период сложения Иранского государства. Так, в процессе оформления придворного костюма Империи введение при первом правителе — Ахемениде Кире Великом большой серии элементов одежды мидийцев и отчасти эламитов не только оказало заметное влияние на дальнейшее развитие одежды персидской знати, но и повлияло на многие соседние народы. При Аршакидах перенимались женские платья на бретельках, жреческие плащи типа himateon, ряд форм причесок и ткани с греческими орнаментальными мотивами и изображениями божеств. При Сасанидах наблюдаем заимствование восточноримских провинциальных элементов (наплечные медальоны, мужские подолы с полуovalным выступом спереди, а также с каймой, идущей по нижнему краю и вдоль боковых разрезов) и единичных элементов, связанных с тюрками (ряд подвесок к наборному поясу).

Отношение к идеальному силуэту одетой фигуры и к сексуальности в Иране, как становится ясным из сопоставления персидских материалов трех династий в главах 1–3, также достаточно интенсивно менялось со временем. Для Аршакидов и Сасанидов одним из движущих факторов перемен можно считать контакты Ирана с двумя великими цивилизациями Старого Света — соседней, античной, и, в гораздо меньшей степени, китайской. Фигура женщины становилась со временем несколько более открытой, а крой одежды и украшения все более подчеркивают прелести прекрасного пола. Этот процесс был заторможен после завоевания Ирана исламскими войсками Арабского халифата в 651 г.

Вместе с тем следует подчеркнуть также определенную *преемственность в костюме всех трех великих доисламских династий* в течение 1200 лет, прежде всего у мужчин. Весь этот период в плечевой одежде она проявилась в преобладании верхних нераспашных форм, употреблении для них различных «фигурных» (негоризонтальных) подолов и редком использовании стеганых одежд, в употреблении парадных длинных широких плащей, завязанных на груди. Распространена была вертикальная полоса декора. Отмечу также бытование золотых поясов и кушаков, скрепленных на животе «узелом Геракла», головных уборов, повязанных по нижнему краю лентами со свисающими сзади концами, причесок с завивкой и парика-

³⁴⁹ Вместе с тем, как нам представляется, влияние эллинской и эллинистической эстетики в Иране подчас *преувеличивается* в современной историографии, особенно авторами из ираноязычных регионов.

ми. Весьма популярными были пестрые ткани с простыми геометрическими узорами, прежде всего сетчатые (в том числе с точкой внутри каждого квадрата) и с различными комбинациями из кружков.

Ряд общих черт, характерных для *всех трех* периодов, прослеживается и в облике идеальной фигуры. Среди них — господство изображений мужчин и женщин плотного телосложения, но не полных. Худые персонажи вообще отсутствуют, а люди с явным превышением веса изображены лишь в исключительных случаях, да и случаи эти скорее объясняются недостаточной квалификацией мастера, нарушившего ряд пропорций (рис. 9). Интересно и то, что при всех трех династиях взрослые женщины часто изображаются простоволосыми (это отчасти связано с высокой долей ритуальных сцен с ними).

Преемственность и характер новшеств в костюме этносов Западного Туркестана (Средней Азии и Казахстана)

Последние два-три десятилетия в литературе высказывалось мнение о прочной и глубокой преемственности в основных элементах кроя и силуэта плечевой одежды, головных уборов и других компонентов костюма в бассейнах Амударьи и Сырдарьи, по крайней мере от античной эпохи до этнографической современности. Однако следует отметить, что список этих общих элементов (даже при допущении, что все названные авторами аналогии совершенно корректны) в целом очень невелик (см., например: Лобачева 1979, с. 46; 1989, с. 6–7; Майтдинова 1992а, с. 141–142).

Пытаясь проверить справедливость подобных утверждений, мы столкнемся с несколькими очень серьезными проблемами.

Во-первых, неплохо изученные сегодня архаичные элементы этнографического костюма Средней Азии документированы главным образом материалом удаленных от городских центров бедных крестьянских общин. В древних же памятниках региона, напротив, изображалась практически только одежда *знати, божеств и эпических героев* (единичные исключения в раннесредневековых росписях — обитатели замков из оссуарных некрополей Хорезма; прислуга, танцоры и т.п. в Пенджикенте; служанки в замке Балалык-тепе — только подтверждают это правило). Что касается реальных остатков костюма в погребениях, то их серии у простолюдинов представлены только для эфталитского времени (V–VI вв.) в Тохаристане («Курган» в Старом Термезе) и в Фергане (Мунчактепе) (но в последней области, напротив, не документирована одежда аристократии).

Во-вторых, информация о костюме тех или иных историко-культурных областей в доисламский период *крайне неравномерна*. Костюм как массовое явление должен изучаться не на основе единичных, случайно сохранившихся во фрагментах и часто без уверенности приписываемых определенному этносу изображений, а на костюмных сериях. Естественно, возникает вопрос: у каких же этносов Западного Туркестана такие серии документированы для всех основных периодов доисламской истории (ахеменидско-скифский, эллинистический, кушанский, раннее средневековье) без заметных лакунов? В *Согде* основной объем информации приходится на самый конец доисламского периода (VI — начало VIII в. н.э.); кушанский период представлен почти исключительно терракотами с изображением божеств (в основном женских) и эпических героев; эллинистический период практически не документирован, а ахеменидский — двумя схематичными предполагаемыми изображениями среди персидских данников. В *Бактрии/Тохаристане* дела обстоят пока немногим лучше: единичные предполагаемые изображения мужчин среди персидских данников и на пластинке из Тахти-Сангина первого, ахеменидского периода (Древности 1985, с. 94; Литвинский, Пичикян 1992; Abdullaev, Badanova 1998); эллинистическая голова правителя в том же Тахти-Сангине (Древности 1985, № 205). Лишь для поздних периодов (начиная с I в. н.э.) документированы значительные серии одежды знати.

Однако в Западном Туркестане есть один древний этнос, для которого документированы серии изображений с детализированным костюмом всех четырех доисламских периодов. Это хорезмийцы. Между тем именно хорезмийский костюм, по удивительному стечению обстоятельств, практически не привлек внимания исследователей, и о нем к 2004 г. не было ни одной специальной публикации. Краткий обзор был дан нами недавно (Яценко 2004б). Детально он впервые рассмотрен в этой книге.

Хорезмийцы

На изображениях костюмный комплекс этнических хорезмийцев представлен тремя основными хронологическими группами (рассмотренными в соответствующих разделах предыдущих глав). *Период 1* дати-

руется изображениями IV в. (реже IV–III вв.) до н.э., т.е. стыком ахеменидской и эллинистической эпох, когда Хорезм был государством, не зависящим от соседней Персии и затем — державы Селевкидов. *Период 2* представлен главным образом материалами династического культового комплекса на Топрак-кале (II–III вв. н.э.). *Период 3* связан с эпохой политической раздробленности и документируется в основном изображениями на оссуариях из некрополей VII–VIII вв. Рассмотрим кратко элементы преемственности в костюме этих трех периодов.

Выясняется, что в целом преемственность в хорезмийском костюме трех периодов очень невелика. Ближе друг к другу периоды 1 и 2. Для них обоих сходны основные типы мужских головных уборов (башлык из войлока или кожи с невысоким заостренным верхом и широким назатыльником, под которым носилась широкая повязка или головной платок; конусовидные уборы разной высоты; полусферический, с торчащими «ушками» по бокам); многие параметры женских платьев (длинные, глухие, с горизонтальным воротом, на высокой кокетке; обычно не подпоясывались; ношение двух платьев, из которых нижнее длиннее), бытование широких мужских штанов и подбивание в ряде случаев краев короткой мужской прически. Лишь по очень небольшому числу параметров есть специфические схождения периодов 2 и 3 (близость общего силуэта мужского костюма; сходство некоторых элементов идеального облика лица у обоих полов: большие удлиненные глаза, пухлый подбородок; у мужчин — тонкая талия и маленькие руки). Пожалуй, единственная общая черта *всех* периодов — бытование женских плащей.

Если попытаться сформулировать основные направления *эволюции костюма трех периодов* в доисламском Хорезме, то она проявилась, судя по результатам нашего анализа в главах 1–3, в следующем. У мужской плечевой одежды менялась манера ношения распахнутого кафтана (смена запахивания различными видами застегивания) и оформление края его ворота; на конечной стадии развития заметно возросло значение верхних *нераспахнутых* форм. В женской верхней плечевой одежде развитие шло от свободных широких форм к приталенным, а у последних — к распространению глубокого вертикального разреза или выреза. У мужчин постепенно распространилась обувь с высокими голенищами, а в период 3 долго бытовавшие кушаки сменились кожаными наборными поясами. Заметна тенденция к уменьшению размера бороды, а затем и ее роли в целом. Женский силуэт с римского времени заметно изменился за счет приталенности плечевой одежды и сужения платьев на двух разных уровнях; в поздний период он осложнился заимствованием сасанидских форм.

В целом у хорезмийцев все доисламское время существовал очень оригинальный и интенсивно развивавшийся местный костюм; лишь к VII в. появилась серия элементов сасанидского и тюркского происхождения (связанных с плечевой одеждой и обувью лиц обоих полов, мужскими поясами).

Тохаристанцы и их южные соседи

Г.М. Майтдинова считает, что кушанские традиции играли *определяющее* значение в костюме Тохаристана раннесредневекового времени (Майтдинова 1991б, с. 15). Такой вывод кажется мне преувеличением. На деле уже спустя два-три столетия после середины IV в. число кушанских элементов в Бактрии из-за господства Сасанидов, хионитов, эфталитов и тюрков оказалось относительно небольшим. Среди них я могу назвать следующие элементы.

У женщин в «эфталитском» комплексе по-прежнему использовались классический древний кандис (Дильберджин: Кругликова 1976, рис. 62) и «мужской» халат (рис. 121, 44), который завязывался на груди двумя лентами (Балалык-тепе: Альбаум 1960, рис. 101–102, 115–120); подобные одежды известны и у женщин этнографических хазарейцев (Ferdinand 1992, p. 817, fig. 64).

У поверженного кидаритского правителя, изображенного около 380 г. на рельефе с инвеститурой Арташира II в Так-и Бустане (Ghirshman 1962, fig. 233–234), ворот декорирован широкой полосой ткани, на которую нашит по юэчжийской традиции (известной еще в могиле 2 в Тилля-тепе) ряд чередующихся бляшек в форме круга с триквестром в центре и в виде песочных часов (рис. 189, 57; 191). Ворот мужской нераспахнутой одежды стягивался по краю лентой, короткие концы которой свисали на правом плече (кушанская роспись в Фаяз-тепе; детская рубашка эфталитского времени из «Кургана»). Лампасы сбоку на наружной стороне мужских штанов (рис. 189, 75, 80) известны пока только в одном пункте Южной Бактрии (Дильберджин), но как в эфталитское, так и в тюркское время (ср.: рис. 121, 91). Совпадают и некоторые редкие типы бляшек с одежды (Sarianidi 1985a, Cat. 3.30–31; 6.12; Кругликова 1979, рис. 2–3; цв. табл. 4 — персонаж 5).

Сохранились некоторые мужские кушанские типы поясов. Таков пояс с двумя застежками-дисками и копьевидной подвеской в Дильберджине (Кругликова 1979, с. 122–123, рис. 2, 4) и пояс из золотых цепочек с девятью золотыми медальонами (рис. 121, 81) у «святого воина» в Фондукистане (Hackin, Carl,

Муеме 1959, р. 57). Золотой пояс знатного адоранта тюркского облика из Дильберджина (рис. 189, 73) состоит из ряда крупных дисков, по периметру которых идет ряд «перлов». Этот тип пояса в кушанское время известен на глиняной скульптуре буддийского персонажа (бодхисатва) с объекта ДТ-25 в Дальверзин-тепе (Turgunov 1992, fig. 9), но пока не выявлен на изображениях реальных местных жителей.

Диадема в виде ленты, которая украшена тремя золотыми бляшками с изображением розетки (рис. 122, 13), найдена в могильнике Ляхш (Кумедская область Таджикистана) (Майтдинова 1992а, с. 88–89; рис. 34, 1). Другой тип диадемы (лента с полумесяцем надо лбом на скульптуре богини в Халчаяне) представлен позже у знатной дамы в росписи Бамиана (Tarzi 1977, pl. A1, 06).

Устойчивым оказался один из типов мужской прически (рис. 121, 27): он известен в настенной живописи в помещении 16 в Дильберджине (Кругликова 1979, рис. 18) и на деревянной статуэтке мужчины из пещеры Кухи Сурх (Древности 1985, с. 172; № 595). «Мушки» на лице в Балалык-тепе также копируют кушанские образцы. Кушанский облик сохранили и крестовидные пелерины (рис. 121, 71) из Калаи-Кафирнигана (там же, с. 188, № 484), Фондукистана (Haskin, Carl, Mueme 1959, fig. 179) и Бамиана (Tarzi 1977, pl. D, 53 g).

Очень интересны элементы кушанских традиций в костюме посольства Чаганиана, изображенного в «Зале послов» в Афрасиабе³⁵⁰ (рис. 195). Руководитель посольства Пукар-зате (персонаж 4?, западная стена) изображен в золотом поясе с каплевидной подвеской и в обычном для кушан головном уборе (рис. 121, 12). В целом костюм Чаганиана и в VII в. сохраняет древнейшие черты бактрийского костюма еще ахеменидской эпохи — узкие головные повязки с концами, заправленными внутрь, нераспашную верхнюю одежду, очень широкие шаровары (у женщин-всадниц) (ср.: Горелик 1985, табл. III, 2). К сходным выводам о преемственности пришла в своей диссертации Г.М. Майтдинова, хотя она наблюдает ее лишь с кушанского времени.

Г.М. Майтдинова видит кушанские традиции в таких орнаментах тканей V–VII вв., как ромбы, шахматная сетка, розетки, гирлянды; однако цветовая гамма костюма стала уже иной (Майтдинова 1991б, с. 7–8). На женском головном уборе из Старого Термеза V–VI вв. ткань украшена так же, как и у кушан (Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 317, рис. 96; Майтдинова 1996, рис. 8–9) (рис. 122, 41), еще позже то же наблюдаем в одежде из Балалык-тепе³⁵¹ (ср. рис. 121, 89).

Некоторые традиции кушанского костюма сохранились до этнографической современности у потомков кушан и тохаристанцев — некоторых групп «этнографических» *таджиков*. Аналогии кушанским образцам у них наблюдаются прежде всего в более консервативном костюме замужних женщин горных районов. Среди их головных уборов есть шапочки с коротким покрывалом для волос сзади («кулута»), близкие образцам кушан (рис. 122, 1, 6, 11), и шали (Широкова 1989, рис. 22, 2–5, 7, 9, 13; 27, 2; Ершов, Широкова 1969, табл. 39) (рис. 122, 9); у этих головных уборов в ряде случаев делалось отверстие на макушке для продевания кос (Рассудова 1970, с. 30, 46) (ср. рис. 138, 10). То же можно сказать и об одном специфическом типе женской прически с большим количеством мелких косичек (Ершов, Широкова 1969, табл. 39). Близок тип ворота женской одежды (там же, табл. 37) (рис. 122, 43) и глубокий разрез одежды (Токарев 1958, рис. на с. 338; Ершов, Широкова 1969, табл. 13, 15) (рис. 122, 32). Халаты «мунисак» имеют близкие аналогии древнему кандису иранских народов (Ершов, Широкова 1969, табл. 44, 2) (такая одежда у горных таджиков верховьев Зеравшана еще недавно носилась женщинами не только как ритуальная: Рассудова 1970, с. 29). Характерное для кушанского костюма сочетание белого и красного цветов сохранилось лишь в платье невест (Ершов, Широкова 1969, табл. 25, 29, 37).

Попытаемся теперь сравнить «эфталитский» и более поздний по происхождению «тюркский» (период 2) комплексы одежды Тохаристана. Различия между ними весьма велики. В первом, как уже отмечалось в главе 3.3, среди иноземных влияний резко преобладали сасанидские, во втором — тюркские. В обоих комплексах типы женских причесок в основном близки. Вместе с тем если в «эфталитском» головные повязки носили лица обоих полов, причем их концы подчас повязывались с левой стороны, то в «тюркском» они бытовали только у женщин. Вместо образцов с правым лацканом у «эфталитов», у «тюрков» появились кафтаны и халаты с двумя лацканами или наглухо застегнутые (типы 3–4). Цвет основного фона верхней распашной плечевой «эфталитской» одежды у лиц обоих полов сходен (белый, красный или желтый), тогда как для «тюрков» у мужчин преобладает белый фон, у женщин — различные оттенки красного. Вместе с тем в соответствии со вкусами тюрков, в отличие от «эфталитов», пестрые ткани встречаются в «тюркском» комплексе реже, преобладает одноцветный основной фон (часто с каймой из полихромных шелков).

³⁵⁰

В настенной живописи Афрасиаба, по моему мнению, на трех стенах из четырех изображен официальный прием реальных посольств Китая, Когуре, Хотана, Чаганиана, Чача, прибывавших в Самарканд в течение 662 г. (Яценко 1995б, с. 13–17; Yatsenko 2004). Персонажи нумеруются по: Альбаум 1975.

³⁵¹

Этот сюжет на тканях Г.М. Майтдинова связывала с более поздним появлением эфталитов (Майтдинова 1991а, с. 28).

Основной цветовой фон женского «эфталитского» платья — красный, а «тюркского» — различные оттенки синего и желтый. Горизонтальный ворот женского платья «эфталитов» имеет обычно узкую кайму отделки, у «тюрков» — широкую. Мужские штаны у первых обычно были узкие, у вторых — широкие.

Таким образом, вполне очевидны новшества, появившиеся в тюркское время. В «тюркском» комплексе нет (кроме Чаганиана) сасанидских элементов. Многие формы характеризуются *большой вариативностью*. Так, изменилось оформление ворота распахнутой мужской плечевой одежды. Вместо образцов с правым лацканом появились кафтаны и халаты с двумя лацканами или наглухо застегнутые; декор их ворота, бортов и подола стал более разнородным. Большим разнообразием отличаются теперь длина и декор рукавов таких одежд, форма носков мужской обуви. Местная знать носит золотые пояса (чаганианцы в Афрасиабе).

В целом для развития комплекса одежды Бактрии/Тохаристана характерно сохранение серии элементов, сложившихся в эпоху великой Кушанской империи, а позже — «эфталитских» традиций. Вместе с тем одежда населения страны интенсивно менялась каждые полтора-два столетия, причем это касалось (примерно в равной степени) как мужчин, так и женщин.

Согдийцы

У них элементов преемственности в одежде от кушанского времени в раннем средневековье оказывается ничтожно мало.

У лиц обоих полов изредка документированы кафтаны с округленным нижним краем бортов, известным у согдийцев еще в ахеменидское время (рис. 180, 37, 39; 181, 41). У женщин это шарфы и длинные халаты, носившиеся внакидку, изредка встречаемое сочетание короткого платья с дополняющими его шароварами и туфлями.

По-прежнему известны диадемы с тремя медальонами и имитацией ряда воткнутых перьев. Пояс с «узлом Геракла» изображался в позднее время лишь в редких ритуальных сценах у божества (рис. 180, 28). У мужчин сохранились короткие прически без пробора и с челкой надо лбом (рис. 181, 10a).

Позже у равнинных таджиков в таком крупнейшем центре позднесредневековой «моды», как Бухара, наблюдалась следующая закономерность: новые формы у *женщин* проявлялись прежде всего в *нижней (домашней) одежде*, в то время как верхняя (выходная и в некоторых отношениях более ритуально значимая) устойчиво сохраняла архаические черты (Люшкевич 1978, с. 143).

Преемственность в костюме сарматов и ранних аланов

Во всех трех «сарматских» археологических культурах (IV в. до н.э. — IV в. н.э.) на огромной территории Сарматии, от Урала до низовьев Дуная, при частых миграциях и смене политической гегемонии в отдельных районах мы наблюдаем целый ряд общих черт. Среди них — традиция обшивки бисером краев женского платья и шаровар и широкое распространение фибул; камуфлирование конструктивных швов плечевой одежды рядом нашитых на ремешок золотых пронизок-трубочек; обилие и, видимо, преобладание *нераспахнутой* мужской и женской верхней одежды; короткие узкие плащи, скрепленные на плече; мужская рубаша с глубоким треугольным вырезом ворота и длиной обычно до колен; преобладание женского платья длиной до середины голени с вертикальным разрезом на груди (подчас скрепленным несколькими фибулами) и иногда — с горизонтальной полосой декора на ней, у аристократок — с рукавами «нестандартной» длины; женские покрывала, полукруглые нагрудники и прическа с одной-двумя длинными косами; наличие у лиц обоих полов головных уборов в форме невысокого конуса, башлыков с невысоким заостренным верхом и небольшим назатыльником и полусферических с навершием в виде одного или трех шариков. Этот перечень наглядно иллюстрирует определенную этнокультурную преемственность трех основных «сарматских» археологических культур и крупнейших племенных союзов.

Преемственность и новшества в костюме хотано-саков

Доступные нам материалы позволяют сравнить два периода — II–IV вв. (глава 2.7) и V–VIII вв. (глава 3.5).

В течение обоих периодов верхняя одежда у женщин была распашной и иногда наглухо застегивалась. На распашной одежде лиц обоих полов бытовал ворот с двумя лацканами; кафтаны и халаты часто застегивались до верхней части груди с неглубоким запахом. Женские парадные одежды сохранили сильно расширяющиеся рукава, декоративной полосой отделялись проймы рукавов. Сохранилось большинство типов головных уборов. Лицо у мужчин чаще всего было гладко выбритым.

Вместе с тем в поздний период верхняя мужская одежда стала обычно распашной (вероятно, под воздействием кочевых соседей). Исчезли женские короткие, наглухо застегнутые кафтаны, рукава и ворот стали украшаться полосой цветной ткани. Принципиально изменились женские прически.

4.3. Знаковые функции костюма

Знаковые функции костюма доиндустриальных обществ давно привлекают этнографов и историков костюма³⁵². Вот уже более столетия практически каждая крупная работа, посвященная костюму доиндустриальных обществ, включает во введении во многих чертах совпадающий *перечень* его знаковых функций, ставший банальностью. Задача этого раздела — не иллюстрирование в очередной раз на новом материале давно известных положений, а попытка внести определенные *дополнения* в сложившуюся картину. Выигрышной стороной таких дополнений можно считать то, что они хотя численно и не слишком велики, но надежно документированы конкретным материалом иранских народов, и, соответственно, основанные на них выводы в высокой степени достоверны и в принципе проверяемы.

Костюм как показатель возрастного и семейного статуса

Ахемениды

Среди даров ахеменидских царей ни разу не упомянут пояс (что вполне естественно, так как он тогда, видимо автоматически, вручался знатному юноше по достижению совершеннолетия). Напротив, когда царь желал приговорить кого-либо из знатных мужчин к смерти, он хватал его за пояс (Diodor. Sic. XVII. 30.4); это могли также сделать по приказу царя собравшиеся сановники (Xen. Anab. I. 6.10). *Обряд опоясывания* у зороастрийцев и позже также явно связан с совершеннолетием юноши и проводился в возрасте 15 лет (Avesta. Vend. Frag. 18. 2–15, 23, 115). Особый пояс верующих зороастрийцев (kustig) иногда связывается с первозарем Йимой/Джемшидом (Molé 1963, p. 410–411; Boyce 1975, p. 257–258).

Судя по ряду намеков, одежда мальчиков при Ахеменидах отличалась от мужской. В частности, они носили два «хитона» — короткий и длинный (Xen. Cyr. I. 3.17).

Скифы

Возрастная специфика у них пока выявлена в незначительной степени; костюм девочек расшивался бусами или бляшками с одного года — двух лет (например, у ребенка (девочки?) этого возраста из кургана 3 у Старинской птицефабрики ворот и рукава одежды, видимо, уже были расшиты бусами: Ильинская 1966, с. 156–157). У скифов, вероятно, не было *специфически детских* элементов одежды. Проблема выделения детского костюма (особенно у девочек) усложняется тем, что многие специфические элементы одежды скифов обнаружены на сегодня в единственном экземпляре именно в их могилах (головной убор в Мордвиновском кургане; плечевая одежда в Вишневой и Толстой Могилах и др.). У скифских детей отмечаются лишь использование специфических мелких аксессуаров (у девочки двух лет в Толстой Могилах нашивные бляшки платья были более миниатюрными, чем у взрослых) и иная частота использования тех или иных приемов декора. Так, по наблюдениям Л.С. Ключко, головные уборы девочек гораздо чаще, чем у взрослых женщин, украшались рядами нашивных бус; большую, чем у взрослых, роль играло ношение бусинных браслетов на руках (чаще на правой) (Ключко 1987, с. 191). У мальчиков единственным заметным отличием от мужчин, видимо, было ношение одной серьги (ср.: Ключко 1987, с. 190).

³⁵² См., например: Dress 1965; Богатырев 1971; Deslandres 1976; Fabrics 1979; Козлова 1980; Lurie 1981; Маслова 1984; Turnau 1986; Petrachek-Heim 1988; Тропина 1988; Кузнецов 1989; Этнографическое 1989; Mérimod 1989; Байбури 1992; Innemq 1992; Табаукин 1994; Харченко 1994; Ивлева 1994, с. 155–172; Жукова 1999; Самбуева 2000; Калашникова 2002; Павлова (в печати).

Л.С. Ключко предположила, что набор мелких аксессуаров костюма взрослых женщин степной Скифии в ряде случаев мог отражать особенности их семейного статуса. По ее мнению, набор: серьги — ожерелья — перевязи из бус — у молодых женщин означал их девичество. Набор: серьги — ожерелье/гривна — перстни — у пожилых женщин различных социальных рангов в комплекте с цилиндрическими головными уборами с золотыми аппликациями означает, что они умерли при живом муже. Напротив, набор: серьги — браслеты — перевязи из бус — был присущ женщинам, умершим вдовами (Ключко 1992г, с. 38–39). К сожалению, сегодня проверить справедливость этих предположений сложно.

Пазырыкцы

У них отличия детского костюма от взрослого невелики. Наиболее ярко они проявлялись в оформлении специфических головных уборов типа 1 с зооморфным декором: у детей на них не помещались золотые зубчатые пластинки, не крепились вертикально крупные перья, и состав зооморфных образов, возможно, также был особым.

Парфяне и Сасаниды

Отличительными особенностями костюма мальчиков в Парфии (в отличие от взрослых мужчин) были очень короткие рукава нераспашных одежд (Vanden Berghe 1984, fig. 4; Шлюмберже 1985, с. 107) и пришивавшие к кайме ворота «погоны» из той же ткани; они известны на изображениях позднего периода. Такая же рубашка с очень короткими рукавами документирована у мальчиков и при Сасанидах (Смирнов 1909, табл. XVI, № 39) (рис. 64, 25). Это, возможно, пережиточный элемент, часто сохранявшийся именно в детском и подростковом костюме. У подростков, судя по монетам Пакора I (39 г. до н.э.) бытовала очень короткая стрижка (тип 49, по Д. Сэллвуду). На позднем парфянском серебряном блюде прическа сына много короче, чем у сидящего рядом отца (Collon 1995, pl. 163) (рис. 64, 17, 20); то же см. на другом изображении мальчика (рис. 64, 26).

Видимо, в сасанидском Иране также производился обряд опоясывания юноши. Во всяком случае, на изображении матери и мальчика (Г.А. Кошеленко считает его «слугой») в росписи оссуария из Байрам-Али у Мерва последний представлен в длинной неподпоясанной (хотя и приталенной) рубашке (Кошеленко 1977, с. 162, рис. 82).

Как уже отмечалось в главе 3.1, у мужчин при Сасанидах распашная верхняя одежда (кафтаны, халаты) сохранялась лишь в начале их правления (в III–IV вв.). Однако в Музее искусства в Кливленде хранится детский (мальчиковый) кафтанчик постсасанидского времени (VIII в.?) с неглубоким левым запахом (ср.: рис. 157, 27–28), сасанидский как по силуэту, так и по декору (ряды крупных медальонов с изображением пары гусей) (Кнауер 1999, fig. 1). Видимо, как это часто бывает, детская одежда сохранила формы, давно исчезнувшие у взрослых.

Сарматы-аланы, средневековые аланы и осетины

В алано-осетинской традиции детская одежда по декору и набору элементов заметно отличалась от взрослой (особенно в возрасте до трех лет, когда ребенок еще считался «не вполне человеком»). Девочке в возрасте одного года впервые надевали ожерелье (Калоев 1971, с. 184), а во время летнего праздника «Кахцганан» мальчикам, родившимся в течение первой половины года, дедушка и бабушка по матери дарили новую одежду, а также жеребенка для будущего наездника, игрушки и др. (Уарзиати 1995, с. 84–85).

У трехлетних мальчиков первым этапом приобщения к костюму взрослых был апрельский праздник «Цуагга», суть которого заключалась в смене божественного покровителя (от богини плодородия — к охранителю мужчин). В ходе праздника, после молебна у святилища им дарили праздничную взрослую одежду, бутафорское оружие (!) и надевали украшенный парчой головной убор и богато отделанную сафьяновую обувь. Затем шапку снимали, и мальчикам брили головы. После этого мальчики, с некоторыми ограничениями, считались членами общины, и их можно было хоронить на кладбище на участке взрослых (Чочиев 1985, с. 88; Уарзиати 1987, с. 23; 1995, с. 68). Вместе с тем костюм мальчиков отличался от мужского, в частности, шириной рубахи и формой ее ворота, наличием нагрудного кармана и сужающимися штанинами (Гаглоева 1964, с. 229), оформлением войлочной шляпы и войлочной обуви (Дзуцев, Бесаева 1994, с. 63). В повседневной жизни мальчики до 10–12 лет обычно ходили почти обнаженными (Осетины 1967, с. 272).

В 15–16 лет юноша считался взрослым со времени летнего праздника «Атынаг» или «Цыргъисан». Он получал новое взрослое имя, а также пояс и взрослый головной убор. С этого момента ходить вне дома без шапки и должным образом скрепленного пояса считалось неприличным (Уарзиати 1987, с. 25; Чочиев 1985, с. 66). Головной убор был гордостью мужчины и символом его достоинства, и если посторонний случайно касался его, это могло привести к длительной кровной мести (Кокиев 1989, с. 55). В целом еще в XIX–XX вв. у осетин в быту значение *головного убора* как показателя определенной половозрастной группы было, пожалуй, наибольшим³⁵³.

Этим традициям, отмеченным в XVIII–XX вв., в основном соответствуют материалы Сарматии, которые старше примерно на два тысячелетия, и отдельные скифские обычаи. Так, у скифов обычай, связанный с особым статусом мужской шапки и «одежды на выход» в целом, бытовал в смягченной форме: за такое серьезнейшее оскорбление, как попытка сбросить с головы шапку или разорвать одежду виновника, ожидала не кровная месть, а солидный штраф, налагаемый старейшинами (Лис. Anach. 11).

В Сарматии первые наборы ожерелий и единичные фибулы-заколки действительно отмечены у младенцев в возрасте *до одного года*. С трех-четырех лет были в ходу дорогие браслеты (см., например, Бердянский V, курган 5 в Приуралье: Моргунова, Мещеряков 1995, с. 227, рис. 31) и сережки, появляется расшивка бусами подола. У девочек-подростков, вступивших в брачный возраст (13–14 лет), документированы диадемы (Танаис, курган 22/4) и головные покрывала (Новочеркасск, могила 1973 г.). Нагрудники (которые, вероятно, как и у «этнографических» иранских народов, закрывали вертикальный разрез платья на груди), пояски и богато декорированная обувь известны только у взрослых женщин. Древнеиранский обычай опоясывания юноши при вступлении в сообщество взрослых существовал, видимо, и у сарматов. Характерно, например, что подростки на росписи в пантикапейском склепе Ашика и отдельных надгробиях явно не подпоясаны (Kieseritzky, Watzinger 1909, No. 522; Ростовцев 1913, табл. XC, 2).

У кавказских аланов VIII–IX вв. мальчиковый кафтанчик зачастую имел более архаический крой (крой стана из одного куска, без пришивного подола) и мог быть более коротким (Орфинская 2001a, с. 214; 2001b, с. 107). Для мальчиков характерны, по данным О.В. Орфинской, маленькие шапочки — «тюбетейки», сшитые из четырех клиньев и подчас имевшие околыш из меха. У них отсутствовали такие характерные мужские атрибуты, как шлемовидные головные уборы, высокие чулки-ноговицы, перчатки-митенки.

Для раннесредневековой кавказской Западной Алании VIII–IX вв. А.А. Иерусалимская предполагает фиксацию семейного положения взрослой женщины прежде всего прической и реже — головным убором: 1) девушки — волосы не покрыты и заплетены в несколько мелких косичек; 2) замужние, но еще не рожавшие женщины — одна непокрытая коса; 3) рожавшие женщины — волосы спрятаны под шапочку с накосником, скрепленную повязкой-диадемой и повязанную шарфом с бахромой; такая шапочка имела надо лбом углубление в виде «подтянутого угла», образуемое особым кроем (см., например: Иерусалимская 2001, с. 88, 91). К сожалению, фрагментарная сохранность разграбленных могил не позволяет проверить справедливость этой версии (в частности, наличие второй группы). Одним из признаков девичьего костюма была маленькая полусферическая шапочка. У замужних женщин важным элементом платья был глубокий вертикальный разрез ворота и более низкий вырез горловины ворота типа «хомут» (Орфинская 2001b, с. 108); платье имело также крупный нашивной запаушный карман для хранения различных мелочей (Доде 1993, с. 7; Иерусалимская 2001, с. 87–88). Другими атрибутами замужней женщины были пелерины и головные платки полуовальной формы (иногда последние, видимо ошибочно, также относили к пелеринам; они имели кайму цветной ткани на одном из участков или по всему периметру). У верхнедонских аланов VIII–IX вв. в возрасте 40–55 лет — «старших женщин» в семье — найдены особые амулеты в виде колец с четырьмя птичьими головками по краю (Албегова 2000, с. 12).

Индо-скифы

У данного этноса, судя по немногим достоверным изображениям, мальчики имели практически тот же костюм, что и взрослые мужчины (Bussagli 1984, photo on p. 192).

Тохаристан и Фергана в раннем средневековье

У мальчиков Тохаристана *в ряде случаев* подол верхней нераспашной одежды короче, чем у мужчин (Майтдинова 1991b, с. 10). Детские рубахи отличались также легким стягиванием края ворота специаль-

³⁵³ Интересно, что на обнаженных фигурах идольчиков обоих полов периода 2 (мужские в Сапогово, женский в Балабинском) подчеркнуты половые органы, но при этом они обязательно сопровождаются одним предметом костюма (Балабинский — *головной убор*; Сапогово — *пояс* с подвешенным колчаном: Яценко 2000b, рис. 3, 5; Зуев 1993, рис. 1–2).

ной лентой («Курган»; Дильберджин: Кругликова 1979, рис. 2), иногда — специальной прямоугольной вставкой на груди из полихромной ткани («Курган»). Кафтан мальчика в Дильберджине подпоясан, как у взрослого (там же, рис. 56).

В Фергане у годовалого младенца (мальчика?) в могильнике Мунчактепе (Майтдинова 1996, с. 114) надеты три (!) предмета нераспашной плечевой одежды: верхняя шелковая, а две нижние — хлопчатобумажные. Особенно интересно, что верхняя одежда была *подпоясана* шелковым пояском. Рукава и ворот этой рубахи обшивались рядами бисера, рукава по длине равнялись самой руке (т.е. закрывали пальцы), а подол и боковые разрезы нижней обшивались на сасанидский манер каймой однотипной шелковой ткани.

Таджики

Новорожденному после отпадения пуповины или на третий день жизни горные таджики надевали специальную рубашку «куртаи чиллаги» (в миниатюре воспроизводящую взрослые), которую часто готовили «невинные» девочки. Ее делали из одного куска, без рукавов, бока часто почти не соединяли (так как по-верх ее были пеленки), подол не подшивали. (Чаще всего она была белого цвета, причем при крое использовалось старое платье бабушки или многодетной женщины; см. ниже раздел об одежде-обереге: Люшкевич 1978, с. 140.) Через 7, 20 или 40 дней ее снимали и, поскольку ей придавалось большое магическое значение, хранили в семье как оберег, надевая на следующих детей. В некоторых общинах ее надевали на собаку, чтобы она унесла с нею возможные горе и болезни; бросали в проточную воду, обеспечивая тем самым долгую жизнь ребенку; затыкали сосуд с маслом, который закапывали под фруктовым деревом (обеспечение плодородия) (Кисляков 1970, с. 15; Рассудова 1970, с. 35–36; Люшкевич 1978, с. 140).

Первым важным возрастным рубежом у горных таджиков был праздник первой стрижки волос (у мальчика их срезал старик, у девочки — старуха, желавшие ребенку долгой жизни) с приглашением гостей и угощением. Волосы оставляли лишь у висков, где их оформляют в косички. Позже, в возрасте четырех-пяти лет эти косички, уже обещанные «хозяину» святого места, срезали и относили на мазар (Кисляков 1970, с. 14).

Первые «символические» штаны девочка получала в три месяца (это имело скорее ритуальный, чем практический смысл, так как у них было большое отверстие на месте мотни), а затем в один год обычные, а мальчику — в три года. Новые штаны и рубаху вначале от сглаза прикладывали к благословенному животному — собаке, а потом устраивали пир для родных и соседей. После того как ребенок вырастал из своей первой «нормальной» рубахи, ему постепенно давали обычную одежду, общую для девочек и мальчиков (рубаха, халат, штаны, шапочка) (Рассудова 1970, с. 33–34). У детей подол одежды оставался неподшитым до пяти-шести лет. У мальчиков на рубахе иногда делали плечевые разрезы, в которые продевали амулеты — шнурки черного и белого цветов (они же скрепляли незашитые бока и низ рукавов); у девочек на спинке жилетки пришивали различные амулеты, в том числе глазчатые бусины (Люшкевич 1978, с. 140–141).

12-летний возраст (первый период жизненного цикла по 12-летнему животному циклу) был важнейшим рубежом в жизни девочки у равнинных таджиков. Так, в Бухаре на нее во время ритуального пиршества «калтача-пушон» надевали предметы одежды ритуального белого цвета (имевшего в данном случае магическое значение): специальные девичью шапочку (туппи) и рубаху, а также халат из пестрой ткани (мунисак, калтача), что символизировало ее переход в категорию потенциальных невест (Люшкевич 1978, с. 136; Сухарева 1982, с. 91).

Еще одним важным этапом в оформлении костюма женщины было *рождение первого ребенка*. С этим событием был связан обряд повязывания женской чалмы у равнинных таджиков. Головной убор такого типа, как неоднократно отмечалось в литературе, присутствует в междуречье Амударьи и Сырдарьи еще с I–III вв. н.э., а сам праздник «саллабандон» изначально не был связан с исламом и часто совмещался с праздником укладывания ребенка в колыбель (гаворабандон), происходившим на седьмой день. «Виновица» торжества в этот день надевала новые платье и халат, а на голову — сложный убор из шапочки с накосником, платка, закрывающего грудь (необходимого при глубоком вертикальном разрезе платья), и второго, сложно повязанного платка. До первых родов в районе Бухары разрешалось носить девичьи маленькие полусферические шапочки (Люшкевич 1978, с. 138).

Женщины-матери у горных таджиков носили шапочки «кулута» с накосником, поверх которого повязывали вышитый платок «карс», а пожилые женщины — два платка (Рассудова 1970, с. 30–31) (у равнинных таджиков такую шапочку надевали утром после свадьбы). Другим важнейшим атрибутом замужней женщины было платье с вертикальным разрезом ворота (для кормления грудью) — «пешьяла» (Писарчик

1979, с. 116). У молодых женщин равнинных таджиков видимый низ штанов имел яркий, крупный рисунок (у пожилых он был более темный и мелкий, а сами штаны становились длиннее — от середины голени до щиколоток) (Люшкевич 1978, с. 135).

Кафиры

У них показателем взросления мальчиков было получение ими первых *штанов*, до этого они ходили в одной рубашке (у соседей кафилов — индо-арийских калашей — это происходило в *десятилетнем* возрасте) в ходе новогодних праздников 16–17 января (Йеттмар 1986, с. 145, 396). Сходную традицию мы наблюдаем позже в том же регионе у белуджей: здесь штаны надевались в возрасте *12 лет*, и с этого времени на мальчиков распространялась кровная месть (Гафферберг 1970, с. 68).

Интересно наличие ряда украшений костюма, которые могли фиксировать возраст и *важные события в жизни* хозяина. Так, прямая аналогия пазырыкской традиции крепления на плече женщины «балабошек» отмечена у ираноязычных осетин. Здесь у женщин на левом плече нашивалась низка из семи длинных шнурков. Количество узлов на шнурках соответствовало, по одним сведениям, числу прожитых человеком лет, по другим — количеству недель траура по одному из ранее умерших близких родственников (Гаглойти 1964, с. 225). У эфталитских женщин шнурки на плечевой одежде нашивались по количеству имеющихся у женщины мужей в соответствии с традицией многожества (Бичурин 1950, II, с. 268, 286).

В целом уже к раннему средневековью у разных групп ираноязычных этносов мы наблюдаем заметные расхождения как в обычае опоясывания мальчиков, так и в целом в характере отличий мужского и мальчишеского костюма. Вместе с тем можно думать, что для большинства этносов доисламского времени принципиально важными рубежами в изменении детского костюма был возраст в 3 года и в 10 или 12 лет и, разумеется, период достижения девочками и мальчиками совершеннолетия.

Костюм как показатель социальной стратификации и личных заслуг

Царский статус: отражение в костюме

У иранских народов древности правитель считался, как известно, вместилищем *фарна* (небесной огненной субстанции и благодати) страны — частицы *фарна* небесного; зримым воплощением этого понятия было *золото* (= *небесный огонь*)³⁵⁴, в данном случае — изготовление из цельного золота целого ряда важных атрибутов, укрывание тела царя при определенных обстоятельствах золотом и т.п. У сасанидских шаханшахов даже борода могла быть позолоченной, как сообщает Иоанн Златоуст о Шапуре II.

Одеяния божеств древнего Ирана порой также сплошь сияют золотом. Так, костюм богини-девы Анахиты, описанный, видимо, с какой-то ее статуи, известной в ахеменидское время (Yasht 5. 64, 78, 126–129), включал женский кандис (?) из золотой парчи, золотую восьмичастную диадему, украшенную лентами, дорогое ожерелье и одну массивную золотую серьгу, а также ремешок с золотым декором, обвивающий голени, и, наконец, обувь (туфли), расшитые золотыми нитями.

Не случайно ираноязычных правителей, обнаруженных в погребениях Центральной Азии (в Казахстане: Иссык в Семиречье, исследованный Б.Н. Нурмуханбетовым и К.А. Акишевым в 1969 г. и курган 3 Аралтобе под Атырау/Гурьевом 1999 г.; в Афганистане: Тиля-тепе), археологи и журналисты единодушно окрестили «золотыми людьми» (см. подробнее: Акишев 1981; Акишев, Акишев 1981; Литвинский 1982; Лелеков 1984; Мусабаева 1992, с. 35). Вместе с тем, *только три комплекса*, известных современной археологии, имеют на отдельных участках *сплошное золотое покрытие* в виде однотипных бляшек и, собственно, только их хозяева заслуживают названия «золотых людей»: эти погребения относятся к скифской эпохе и найдены на территории Казахстана (в Иссыке и Аралтобе такой декор связан с верхним коротким распахнутым кафтаном — скиф. *sisirna*³⁵⁵ и в одном из них — в Иссыке — с высокими сапогами) и Тувы (супруги из кургана Аржан 2, где в одежде мужчины сплошь декорированы плечи и штанины). Типологиче-

³⁵⁴ Характерно, что тело древнеиндийского бога огня Агни — из золота (Ригведа. IV. 10.6). Типологически сходны данные алано-осетинского эпоса о *сиянии*, которое испускают тело и волосы божественных и полубожественных персонажей обоих полов (см., например: Нарты 1989, с. 321, 324, 445).

Любопытно, что согласно популярной концепции Кэрролл Джексон об определенных соответствиях цвета кожи, глаз и волос цвету одежды, людям «типа Осень» с рыжеватыми волосами и кожей желтоватого оттенка (к которым относились древние иранцы) более всего подходит ношение именно золота.

ски сходна и следующая информация по алано-осетинам: в национальных версиях кавказского нартского эпоса, исходно связанных с сармато-аланами, встречается мотив похищения героем-полубогом волшебной золотой одежды (шубы) у великанов (Дзицойты 2003, с. 116).

Ахеменидский Иран

Персидского царя в эту эпоху отличали, прежде всего, особые *диадема и пояс* (ср. Diodor. Sys. XVII. 77.5). (Эти два атрибута сохраняли свое символическое значение и позже: ср. в «Шах-наме» в пророчестве о воцарении Феридуна слова о том, что он добьется короны и пояса.) Параллели находил в гораздо более поздних сасанидских и постсасанидских текстах, вплоть до «Фарс-наме», где благословленный на царство правитель, бывший ранее вассалом, получал право носить головной убор «тиара» (по-видимому, в особом — царском — оформлении, с парадной диадемой) и одновременно мог снять с себя пояс сюзерена — символ вассальной зависимости (Le Strange, Nicholson 1921, p. 43; Widengren 1969, S. 21–32)³⁵⁶. Позже (в парфянской время) особая роль диадемы подчеркивалась сценами ее вручения царю божеством. Правитель, во всяком случае в ранний период, носил особый *золотой пояс*, что, видимо, было заимствованием у более древних цивилизаций. В Египте мужские золотые пояса с самоцветами известны еще в период Древнего Царства, где они были цельными, ср.: Сокровища 2003, с. 344. Судя по более поздним сасанидским находкам и упомянутым греческим подражаниям эпохи раннего эллинизма, он был целиком золотым и достаточно массивным. Такой пояс вызывал преклонение подданных (Plut. Flex. LIV). Важным атрибутом можно считать *перстни*, которыми правитель в особых случаях мог наделывать своих приближенных (в этом случае они были серебряные, а не золотые: Есф. 3. 10–11). Царь носил также стоячую коническую тиару (прочие делали ее из мягкого материала: Xen. Anab. II. 5.23), вокруг которой была повязана диадема из пурпурной с белым ткани (Curt. III. 3.19), набрасывал пурпурный кандис или надевал плащ-кас, расшитый золотой нитью, с двумя геральдическими ястребами и опоясанный кушаком; надевал «хитон» — *sagapis* с вертикальной белой полосой посередине и красные длинные узкие штаны-анаксириды (Xen. Cyr. VIII. 3.13; Curt. III. 3.17). Характерно, что как в диадеме, так и в наплечном сараписе сочетались основной красный (пурпурный) фон с полосой белого цвета.

*Коронационная одежда*³⁵⁷ также должна была украшаться золотыми бляшками-аппликациями (Curt. IV. 21–23), символизирующими, видимо, царский фарн (пока кажется маловероятным, что наплечная одежда могла иметь *сплошное* золотое покрытие, как у кочевников Казахстана того времени). Даже придворный для беседы с царем об ответственном деле становился перед ним на золотую пластинку (Aelian. Var. Hist. 12. 62). Не совсем верно подобные представления были поняты источниками Страбона, который утверждал даже, что, «так как персы ценят его (золота) огненный блеск... из уважения к огненному блеску золота *не кладут* покойнику золота» (Strabo. XV. 3.18) — это противоречит известному нам погребальному ритуалу персов в ахеменидское время.

Высоко ценились бережно хранимые церемониальные одежды *основателя династии*³⁵⁸. Так, при Ахеменидах во время церемонии восшествия очередного царя на престол в храме в Пасаргадах он в определенный момент снимал свою одежду и облачался в одежды Кира Великого (Plut. Artax. III). Другой комплект — *новая одежда* — также использовался при коронации (позже он надевался в особо важных случаях, в том числе перед решающими сражениями: Curt. III. 3.5); подобные одежды из пурпура во время коронации несли на руках как главный атрибут (Curt. IV. 21–23). Вероятно, парадные одежды царя носили специальные «пурпуросцы» (Xen. Anab. I. 2.19). Эта категория придворных была вооружена копьями (Curt. III. 3.15).

³⁵⁵ В обоих случаях богато (но не сплошь) была расшита золотыми бляшками и нижняя рубаха (декор которой, однако, при раскопках зафиксирован хуже). Замечу, что в Исыке «фроскошь» «золотого человека» граничит с бутафорией, так как на деле бляшки были *медными* и лишь обклеены золотой фольгой.

³⁵⁶ Обращаясь к Киру II, иудейский бог устами пророка Исаии говорит: «...чтобы покорить тебе народы... сниму пояса с чресел царей» (Исаия. 45.1).

³⁵⁷ В персидских преданиях первый шах был и создателем царских регалий; он также ввел употребление золота, серебра и жемчуга для украшений (у автора середины IX в. Мусы ибн ал-Кисрави в «Китаб ал-махасин уа ад-дад»: Иностранцев 1909, с. 87).

³⁵⁸ Ср. в Киевской Руси: в важнейших храмах, в частности в киевской Десятинной церкви и Успенском соборе во Владимире, «порты (одежда в широком смысле) блаженных первых князей, еже бяху повышали в церквах». Эти одеяния, расшитые золотом и жемчугом, — регалии князей-основателей считались важнейшей государственной и церковной святыней. Во Владимире, например, их по церковным праздникам вывешивали для поклонения на двух веревках на большом расстоянии от Золотых ворот до самого собора (см.: Толочко 1991, с. 35, 38).

Царица имела сходные с царем знаки царского ранга. Во-первых, она носила особый пояс, который считался важным атрибутом (можно предположить, что он, как и у царя, был золотым). Во всяком случае, в Персии существовала традиция, по которой царь дарил жене доходы с группы селений в одной из са-трапий «на пояс», т.е. на обновление ее гардероба (Хен. Anab. I. 4.9). Во-вторых, царица носила диадему, несомненно также золотую (Есф. 2.17), — видимо, более узкую, чем у правителя, и имеющую ряд острых зубцов, как на соответствующих изображениях (рис. 2, 2; 3, 20). Женщины из царского клана отличались от остальных знатных дам также специфическим золотым ожерельем (Plut. Artax. V).

Основными символами царского ранга в позднем *сасанидском* Иране (судя по эпизоду в день гибели последнего сасанидского шаханшаха Йездигерда III в описаниях ранних арабских авторов), были особые пояс, корона и перстень (ал-Балазури), т.е. те же атрибуты, что у Ахеменидов, или, в другой версии (которая кажется мне менее точной), — перстень, браслет и кожаная нагрудная перевязь с медальонами (ат-Табари) (Материалы 1939, с. 63, 96). В тронном зале Ктесифона во время церемоний шаханшах сидел на троне, а над его головой на специальной цепи висела большая золотая корона. В раннее же время, возможно, только мужчины из царской семьи носили особые штаны с вертикальным «воздушным карманом» сзади, а также длинные халаты и кафтан со штанами, сшитые целиком из козьих шкур с длинным мехом; женщины-шахини отличались в это время прежде всего головными уборами (у Шапурдухтак — яйцевидная шапка типа 6; у Денаг — башлык с полусферическим верхом и узким назатыльником — тип 5). Видимо, придворные целовали у сасанидского шаханшаха край одежды. Вельможи, явившиеся на прием к шаху, должны были, дабы не осквернить священную особу правителя своим дыханием, повязывать рот особой повязкой-радам³⁵⁹.

Кочевники Тувы скифской эпохи

В кургане Аржан 2, исследованном К.В. Чугуновым, в могиле 5 похоронены мужчина и женщина царского ранга (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003; Аржан 2004). Характерными особенностями их костюма можно считать, во-первых, роскошные широкие пелерины с разрезом спереди, каждая из которых расшита по всей площади более чем 2000 золотых бляшек, образующих узоры в виде свисающих «языков пламени». (Отдаленным прототипом пелерин с таким декором можно считать декор ворота парадных одежд, известных с энеолита в древних Маргиане и Бактрии, в частности в знаменитом Гонур-депе: Сарианиди 2001, рис. 176.) Во-вторых, обоих отличают головные уборы, расшитые внизу золотыми бляшками, декорированные золотыми аппликациями в виде копытных, орлов и др. В-третьих, они носили золотые шейные украшения со множеством зооморфных фигурок (мужчина — массивную, сомкнутую гривну, женщина — небольшую плоскую пектораль). Мужчина, по К.В. Чугунову, носил два пояса, один из которых (портупейный) впервые в Евразии имел серию дополнительных свисающих ремней (7 экз.). В-четвертых, на ногах обоих тоже было много золота. Мужчина носил довольно широкие штаны, которые до самых щиколоток были сплошь расшиты вертикальными низками с более чем 100 тысячами (!) мельчайших золотых колечек (Аржан 2004, с. 25, 47). У женщины был декорирован только край подола короткой, чуть выше колен рубахи горизонтальными рядами золотых трубочек, которые после нанизывания специально сплющивались. Верхний край обуви у обоих отмечался кольцевыми золотыми полосками; у стоп она была расшита тоже упомянутыми, сплюснутыми впоследствии золотыми трубочками (у мужчины это были сапожки ниже колен, у женщины — туфли). Фактически одежда умерших сплошь сияла золотом (у женщины имелись, впрочем, «прорехи» у бедер и ниже колен), зримо представляя воплощенный в этом благородном металле *фарн* (благодать) царской семьи³⁶⁰.

Скифы-сколоты

К сожалению, достоверные (которые считают таковыми все скифологи), удовлетворительной сохранности погребения *царей* (*ксаис*, по В.И. Абаеву) сводятся к единственному впускному комплексу в Солохе (скелет В). Его связывают с личностью сына Ариапифа, Октамасада (Алексеев 2003, с. 229–230, 233). Чем же отличается здесь набор одеяний от других, известных по погребениям костюмных комплексов скифских аристократов?

³⁵⁹ Противоположными были действия по отношению к максимально нечистому объекту — покойнику. У парсов-зороастрийцев было принято, чтобы несущие труп плотно оборачивали одеждами все тело, кроме лица (Modi 1892, p. 12).

³⁶⁰ Весьма любопытно наблюдение К.В. Чугунова, что среди многочисленных зооморфных образов на предметах из этой могилы нет ни одного фантастического монстра, которые столь обычны для более позднего искусства кочевников.

Во-первых, это единственный скифский мужской комплект, где акцент в золотом бляшечном декоре сделан именно *на штаны*. Возможно, это не случайно, так как их декор мог акцентировать идею плодородия³⁶¹ (ср. особый дар персидского военачальника Артаферна в виде украшенных золотом штанов в храм Афины на острове Родос: Blinkenberg 1912, S. 334).

Во-вторых, его наплечное украшение («сеточка») оформлено более сложно и богато, чем в других могилах, и включало помимо золотых подвесок и трубочек-пронизок синие стеклянные бусы (то же отмечено для «царицы» из камеры 2 в Чертомлыке) и, видимо, овальные бляшки с фигурой лося. Наконец, прическа царя сопровождалась уникальным пока *золотым гребнем* со скульптурной сценой эпического поединка.

У скифов, вероятно, большое значение имел царский *пояс*, к которому подвешивалась на конце пряжки золотая чаша (во всяком случае, он фигурирует в так называемом втором варианте скифской генеалогической легенды). Им будущий царь должен был опоясаться особым, трудно выполнимым способом (Her. Hist. IV. 9–10). К сожалению, не известно, как он выглядел, так как в Солохе и других знатнейших мужских погребениях такой парадный пояс в могилу не помещали³⁶².

У «царицы» — жены мужчины из главной, северо-западной камеры Чертомлыка — в отличие от двух других женщин из царской семьи в том же кургане (камеры 1 и 2) *все пальцы* обеих рук украшены золотыми *перстнями*, в то время как у других найдены лишь два перстня или одно простое колечко³⁶³.

Юэчжи/кушаны

Ранги знатных женщин особенно интересно выделить на примере *состава гарема одного правителя*. Уникальную возможность такого рода дают материалы могильника бактрийских юэчжей *Тилля-мене*. Среди жен, могилы которых образовывали кольцо вокруг своего повелителя, мною были отмечены две группы (Yatsenko 2001, p. 75–76).

В группу 1 входят князь (могила 4) и две женщины (могилы 3, 6), похороненные в древней крепости эпохи бронзы, возвышающейся над местностью. Они отличаются особенно богатым костюмом и обилием знаков высокого ранга. Лица этих умерших были покрыты особыми платками, обувь обильно украшена золотыми бляшками. У обеих женщин верхняя одежда (халаты) крепилась на груди крупными парными прямоугольными золотыми застежками с мифологическими сценами. Особенно выделяются погребения князя и одной из женщин (могила 3), вероятно главной жены. Для них характерна топографическая выделенность (женская могила — в высшей точке древней крепости, мужская — в ее центре). Головы погребенных — вместилища царского фарна — помещены в золотые чаши. Тело отделено от окружающего пространства «золотой преградой» (тело мужчины завернуто в золотую парчу; у женщины на ногах — обувь с золотыми подошвами³⁶⁴) (см. также: Литвинский 1982, с. 35). У обоих — золотые гривны, а слева у пояса — личные печати. Каждый имел максимальное число предметов *наплечной* одежды (по четыре экземпляра) и чужеземные золотые монеты. У наиболее влиятельных жен этой группы обнаружены головные уборы с крепившимися по бокам массивными золотыми подвесками с изображениями мужских или женских божеств юэчжей (Sarianidi 1985a, pl. 40 — схематическое изображение в центре). В хорошо сохранившихся могилах 4 и 6 умерших сопровождали весьма редко документированные варежки и шарф, расшитые жемчугом или золотыми бляшками (вспомним, что знатные персы при Ахеменидах носили толстые рукавицы исключительно «из-за изнеженности»: Xen. Kyr. VIII. 8.17).

К *группе 2* относятся могилы трех женщин, расположенные внизу, у подножия стен древней крепости (могилы 1, 2, 5). У них многие значимые атрибуты сделаны не из золота, а из серебра («серебряный статус»). Это бляшки погребальных покровов и скипетр (могила 5), сосуд под головой и монета во рту (могила 6). У всех умерших были индивидуально оформленные скипетры. Монеты — не иноземные, а местные «варварские подражания». Каждая из женщин имеет чрезвычайно своеобразный костюм. Особенно специ-

³⁶¹ Не исключено, что штанам правителя приписывалась порождающая сила (ср. русский девичий обряд на Святки вывешивать украденные мужские штаны на шесте на краю деревни: Мадлевская 2002, с. 514).

³⁶² Видимо, особым поясом отличался и правитель в раннесредневековом Чаганиане. Во всяком случае, посольство этого княжества к царю Самарканда Вархуману несет семье правителя предполагаемые свадебные дары, среди которых пояс с золотыми крестовидными подвесками, к которым, в свою очередь, крепились крупные подвески из горного хрусталя и лазурита (?) (фигура 2 на западной стене в Афрасиабе: рис. 195, 22).

³⁶³ У дальних восточных родственников скифов — саков Семиречья — в это время в число важнейших атрибутов ранга «золотого человека» из Иссыка (возможно, девушки-воительницы) также входили два золотых перстня (на одном из них гравирован бюст местного бога солнца в сиянии).

³⁶⁴ Sarianidi 1985a, p. 240, cat. 3.40. Подошвы из серебра со спиральным орнаментом найдены в более ранней могиле во Внутренней Монголии (Неи Мэньгу 1992, с. 93; рис. 2, 2).

фичны одеяния женщины из могилы 1. В отличие от остальных верхняя одежда у нее нераспашная; совершенно своеобразен набор нашивных бляшек и перечень антропоморфных образов, отсутствует обычный набор амулетов. Также в отличие от других погребений в могиле 1 бляшки одного типа украшают разные одежды, заметна *асимметрия* декора *парных* украшений (рукава и др.). Костюм имеет иной силуэт, чем у других женщин, благодаря нагрудной ленте и боковым разрезам подола. Возможно, эта дама происходила из другого юэчжийского княжества. В могиле 5 золотые нашивные украшения костюма вообще отсутствуют. Обычный для этого могильника набор амулетов снят с одежды и положен (в мешочках?) у головы. Видимо, эта женщина имела среди остальных сравнительно скромный (маргинальный?) статус.

В *имперское время* показателями царского/княжеского ранга у *мужчин-кушан*, несомненно, можно считать кроме нескольких весьма разнообразных типов головных уборов халаты, застегнутые высоко на груди парными золотыми застёжками и носившиеся с распахнутыми полами; оба типа пелерин и пекторали со сложным декором (рис. 121, 104); золотые пояса с медальонами и плетеными цепочками; обувь, ремни которой крепились крупной золотой дисковидной бляхой с петлями, или туфли с сильно удлиненными прямоугольными, часто гофрированными носками.

Сармато-аланы

В докладе автора этих строк «О социально-политическом развитии сармато-аланов» (Скифо-сарматский отдел Института археологии РАН, 16.05.1990) были впервые предложены детальные критерии различения частично разграбленных могил представителей царских родов (группа 1)³⁶⁵ и высшего сословия аристократов-ардаров (группа 2) в I — середине II в.; большую роль в такого рода разделении сыграл облик костюма.

В «царской» группе 1 встречены золотые *гривны* с зооморфными изображениями или геммами, возможно особые золотые *перстни* («перстень Инисмея»: Архипов, Симоненко 2004), комплекты предметов импортной серебряной посуды и точильные камни в золотой оправе. Кроме того, для мужчин характерны такие атрибуты, как *обильно украшенные золотом* пояс и меч, личные знамена (Дачи), конская упряжь с золотыми бляхами, серебряные сосуды разных типов с изображениями местных мифоэпических сцен, серебряные кубки с зооморфными ручками. У женщин встречены золотые *диадемы* и *браслеты* с мифологическими сюжетами в полихромном стиле, золотые кубки с зооморфной ручкой и туалетные флаконы.

Хотано-саки

Хотанская княжна из «сцены в лодке» в «Зале послов» Афрасиаба и сопровождающая ее родственница (? — персонаж 12) выделяются из окружающих фрейлин по ряду параметров костюма (рис. 206). Они одеты в платье с полосатым многоцветным подолом, поверх которого накинута голубой халат с широкими и очень длинными рукавами, носят пояс из золотой парчи (?). Только у княжны видим серьги и кольцо со вставками лазурита (?).

Согдийцы

Судя по изображениям и письменным источникам, цари и царицы городов-государств очень часто носили практически те же одежды, что и представители высшей аристократии, т.е. их костюм нельзя назвать весьма своеобразным. Важнейшим специфическим элементом облика мужчины-правителя у согдийцев был головной убор — диадема или особая шляпа. Одним из отличий костюма согдийских правителей было украшение его драгоценными камнями. Так, на рубеже VI–VII вв. царь Самарканда носил золотую диадему с семью драгоценными камнями, а несколько позже — шляпу с драгоценностями (Бичурин 1950, II, с. 271, 310). У царицы Бухары во второй половине VII в. туфли и чулки были также украшены не только золотой парчой, но и драгоценными камнями (Naymark 1992, p. 757).

Новогодние дары правителю

В связи с представлением об обновлении Мира у персов существовала традиция дарить в первый день Нового года (Науруза) — 22 марта новую одежду. Это, разумеется, касалось и царя (такие подарки, по данным Бируни, он мог подробно осматривать и примерять несколько позже — на шестой день года: Иностранцев 1909, с. 92). Яркие сцены шествий новогодних делегаций отдельных покоренных Ахемени-

³⁶⁵ К ним можно отнести: Дачи; Косика, могила 1; Высочино VII, курган 28; Садовый; Пороги; Запорожский (мужчины); Хохлач, Кобяково, курган 10; Мигулинская; Армавир, покупка 1904 г.; Тузлуки, курган 2/1 (женщины).

дами народов можно видеть на рельефах дворцов города Персеполя/Парсы, который строился во многом именно для отправления новогодних торжеств (см., например: Nazmjoо 2004, p. 16–28). При этом *комплекты одежды* дарят царю представители далеко не всех народов, а лишь родственных по языку и культуре (ираноязычных: мидийцы, сагартии, саки-тиграхауда — или подвергшихся заметной иранизации, как каппадокийцы (см. выше); вавилоняне и киликийцы вручают лишь знаменитые плащи собственного производства). Этот комплект вполне стандартен и вручается в соответствии с определенной традицией. У некоторых народов дело ограничивается только дарением комплекта мужской одежды без аксессуаров (сагартии, каппадокийцы). У других (мидийцы, саки-тиграхауда) этот набор дополняется парой парадных браслетов с головками животных на концах. Наконец, иногда из предметов костюма в состав даров включаются лишь золотые браслеты (согдийцы/хорезмийцы? и ассирийцы). При вручении комплекта мужского костюма или одежд (наиболее полон он у делегации мидийцев, славившихся у персов своей костюмной роскошью) существовали определенная очередность и манера подачи подарков: вначале преподносили пару драгоценных браслетов (у мидийцев даже две пары — с головками разных животных), затем на вытянутых руках аккуратно разложенный лицевой стороной вверх парадный халат «кандис», далее — более короткую одежду с более короткими рукавами (нераспашной сарапис) и в завершение — длинные (до бедер) всаднические чулки-ноговицы. Иными словами, соблюдалась очередность: верхняя одежда — нижняя наплечная одежда — чулки для ног.

Возможно, на Науруз лично созданные парадные одежды царю дарили и его жены. (Известно, что правитель очень ценил предметы одежды, сшитые любимыми женщинами из гарема.) Так, Аместрида подарила Ксерксу плащ собственной работы с многоцветной вышивкой (Her. Hist. IX. 108).

Отражение в костюме сословной специфики, воинского статуса и личных заслуг

а) Воинская знать и жречество

В иранистике распространено мнение, что ношение такого шейного украшения, как *обруч-гривна*, головных уборов с *зооморфным навершием* и сам факт *обкладки золотом* (бляшками, пластинами) ряда предметов костюма является признаком принадлежности к аристократии или даже царскому роду. Однако находки в рядовых могильниках пазырыкской культуры Горного Алтая (см. ниже) демонстрируют ошибочность подобных заключений, так как **все эти элементы встречены и в могилах простых пастухов**. Это должно заставить нас проявлять большую осторожность при характеристике подобных «критериев сословных отличий». Дело, видимо, не столько в *самом факте* наличия одного из перечисленных элементов у погребенного, а в том, *какие персонажи* изображены на гривнах и *из какого материала* гривны сделаны, *как именно размещено на костюме* «золотое покрытие», литые вещи или лишь покрытые фольгой и т.п. В скифском мире в целом на гривнах знати, видимо, преобладали *кошачьи хищники* (у европейских скифов — львы, у саков Семиречья — тигры, у пазырыкцев — снежные барсы) и грифоны.

В Иране сословная символика костюма проявлялась, возможно, наиболее ярко. При этом в воинственной империи Ахеменидов (где каждого юношу-перса в качестве основного навыка в жизни учили хорошо стрелять из лука, не лгать и любить отечество) важную роль играла символика сложной системы не только придворных должностей, но и *воинских званий и родов войск*. Персы из элитных частей старались идти в бой в парадной одежде (в этих случаях казалось, что «все войско запыхало пурпуром» — цветом воинского сословия, надевшего окрашенные «хитоны»-сараписы) (Хер. Куг. VI. 4.1; VII. 1.2). Не случайно греки долгое время робели в бою перед персами и отступали «при виде мидийской одежды и воинов, одетых по-мидийски» (Her. Hist. VI. 112).

В случае преодоления препятствий мужчины сбрасывали с себя пурпурные кафтаны и оставались в дорогах «хитонах» и пестрых шароварах (Хер. Anab. I. 5. 8). В битве при Платеях командующий конницей Мاستисий поверх панциря из золотых чешуек надел пурпурный «хитон» (Her. Hist. IX. 20).

Аристократы выделялись не столько количеством предметов плечевой одежды, сколько *цветовой* гаммой нераспашного сараписа, отличающегося от нижней белой рубахи и менявшего цвет по двум основным сезонам года (Strabo. Geogr. XV. 3.19) (см. главу 1.1). Вообще, *символика цвета* играла важную роль. При Ахеменидах знатные копейщики-телохранители носили наплечную одежду *пурпурного (красно-фиолетового)* или *оранжевого* цветов, а лучники — «цвета пламени и крови» (*ярко-красного*) (Aelian. Var. hist. IX. 3). По сведениям Страбона, персидская знать носила сразу трое штанов и две наплечные рукавные одежды

(причем верхняя была пестрой, а нижняя — белой) длиной до колен, а простые персы — две более длинные наплечные одежды иной цветовой гаммы (Strabo. Geogr. XV. 3.19).

Одна из категорий телохранителей числом 365 (по количеству дней в году) носила пурпурные плащи (Curt. III. 3.10). Десять тысяч других телохранителей царя («бессмертных») обильно украшали свои одежды золотыми аппликациями (по рангу даже их слуги должны были носить роскошные одежды) (Her. Hist. VII. 83). Их плащи были расшиты золотом, «туники» имели длинные рукава и даже украшались драгоценными камнями (Curt. III. 3.13); они носили золотые ожерелья. Наконец, пятнадцать тысяч «родственников» царя были одеты «с почти женской роскошью» (Curt. III. 3.14) и носили тиары, повязанные диадемой (Xen. Куг. VIII. 3.13). (Возможно, погребение представителя одной из двух последних категорий, включавшее большое количество золотых аксессуаров и особенно — ожерелий, было найдено в упомянутом погребении, вскрытом в 1901 г. в цитадели Суз.)

Несколько ближайших советников царя и мужчины семи знатнейших родов Персиды имели право носить особую диадему. В числе важнейших аксессуаров знатных мужчин были массивные золотые браслеты и шейные обручи-гривны (от *griv* — «шея»). Они обильно инкрустировались бирюзой, лазуритом и жемчугом (см., например, в той же могиле из Суз: The Royal City 1992, No. 171–173). Кроме того, важную роль в костюме знати играли дары царя, полученные *за личные заслуги* (см. ниже раздел «Костюм как показатель личных заслуг»).

В ахеменидском Иране важным социальным знаком могли быть также *удлиненные носки обуви* разных видов — туфель и полусапожек (они хорошо видны, в частности, у приближенных Дария I разных рангов на рельефе с аудиенцией из Сокровищницы в Персеполе).

Одну из двух основных групп придворных на изображениях из Персеполя и Суз образуют люди, одетые *в пелерину и юбку* («персы» в так называемом «придворном костюме»). Это либо высшие сановники, либо высокопоставленные жрецы-маги, либо гвардейцы-«бессмертные». Головные уборы этой группы — «короны» из вертикальных, заостренных сверху пластин или широкие золотые ленты, подчас с имитацией вития (у светских лиц), либо особые тиары, складки которых закрывают рот (у вероятных жрецов). На шее у подобных «светских» персонажей иногда видим плоские золотые (?) пекторали. Важный элемент их облика — *парадные туфли* мидийского происхождения, застегнутые тремя пуговицами.

У персонажей второй группы («мидийцев» во «всадническом костюме») головной убор имеет вид невысокой полусферы (его край повязан короткой узкой лентой), иногда у воинов — обычные тиары. Вместо роскошных пелерины и юбки они носят простую рубаху «сарапис». Изредка мы видим у них на плечах также халат «кандис» или плащ «кас». Все они обуты в обычные в иранском мире полусапожки (стянутые ремешками у щиколоток и повязанные «геракловым узлом»). Такой персонаж возглавляет делегации сагартиев (№ 7) и мидийцев (№ 1) на ападане Персеполя. Однако считать лиц второй группы *этническими мидийцами* при персидском дворе, как принято сегодня думать, а первую — *этническими персами* я пока не вижу особых оснований. Во-первых, туфли лиц первой группы — это, как ясно следует из свидетельств греческих авторов, именно *мидийский* этнический признак, заимствованный Киром Великим. Во-вторых, все изображенные у лиц второй группы предметы наплечной одежды (*sarapis, kas, kandys*) носились в эпоху Империи как раз *персами*. В случае принятия господствующей сегодня версии смущает также непропорционально большое число мидийцев при царском дворе в собственно Персиде, не отраженное в текстах. Гораздо проще и логичнее предположить, что обе группы придворных представляют собой *этнических персов*, которые отличаются своим рангом

(во многих сценах персонажи в башлыках в виде полушария и в полусапожках показаны явно *на вторых ролях*).

Судя по ряду намеков, *знати покоренных народов Империи запрещалось носить комплект парадной одежды персидской знати*. Такое право даровалось лишь за особые личные заслуги перед государством, в исключительных случаях даже простым воинам (Plut. Alex. XXXI).

Жрецы (в частности, те, которые в сражении сопровождали колесницу «Юпитера» — Веретрагны?) носили, разумеется, одежды сакрально чистого белого цвета (Curt. III. 3.10). Этим цветом сакральной чистоты они также «противопоставляют себя мраку... и уподобляют сиянию и блеску» (Plut. Moral. XXVI. 270).

Знатные женщины отличались дорогим узорчатым покрывалом (Aelian. Var. hist. 12.1). Аристократкам, обычно следовавшим за войском и за своими мужьями в повозках, обитых листами золота, из-за их демонстрируемой изнеженности полагалось быть «закутанными так, чтобы ни одна часть тела не оставалась обнаженной» (Diodor. Sys. XVII. 35. 3–5). Судя по составуклада аристократки из Пасаргад, зарытого в 330 г. до н.э., наборы украшений были кратны трем (три пары золотых серег, три ожерелья из золотых

львов и разных пород камня, три ожерелья других типов); вероятно, эти наборы предназначались для различных ситуаций (напомню: все, что связано с составом *кладов*, заслуживает максимально настороженного отношения).

Сасаниды

При них важнейшим показателем принадлежности к высшей знати у мужчин были вручаемые решени-ем шаханшаха знаки статуса — конусовидные головные уборы (кулахи, у римских авторов по традиции — «тиары») (Amm. Marc. Res gestae. XVIII. 5–6) и золотые пояса (Procop. Hist. Bell. I.17). В целом пояс у светской знати служил символом ее службы царю. В «Гаршасп-наме»: «Когда ты находишься перед царем... надень пояс и служи ему по его приказу» (Аржанцева 1979, с. 66). Золотая диадема с драгоценными камнями вручалась некоторым вассалам царя; в случае опалы ее отнимали. Появляясь на официальном приеме, царский наместник должен был надевать особые золотые регалии: «почетную диадему и сверху возложить золотую тиару, и кованный, литого золота пояс, инкрустированный жемчугом и драгоценными камнями... и в уши серьги, и гривну... и соболей на плечи». В случае признания вины вельможи главный палач перед лицом царя снимал с него эти регалии и надевал особую одежду смертника (Егише 1971, с. 122–124). В число таких регалий, несомненно, входили *пекторали*. Их образцы парфянского и сасанидского времени экспонируются в Музее им. Резы Аббаси³⁶⁶. Особые священные пояса были главным отличием трех корпораций магов (Avesta. Vend. V.162), их же, видимо, отличали и оригинальные полусферические головные уборы (см. главу 3.1).

Скифы

Сегодня еще недостаточно фактов, чтобы надежно отделить костюм царского рода от остальной аристократии, т.е. сословия воинов (у древних иранцев — *raθaestar/nar*). Эффектные высокохудожественные атрибуты власти, обычно изготовленные по заказу греческими мастерами, найдены в богатейших «царских» и «княжеских» курганах (Чертомлык, Куль-Оба, Солоха, Толстая Могила, Большой Рыжановский и др.); среди них аксессуары костюма занимают видное место. Кроме того, многие детали костюма на греко-скифской торевтике, рассмотренные в главе 1.2, также трудно отнести к одежде простолюдинов. Судя по материалам, разобранным в главе 1.2, к специфическим предметам костюма собственно знати можно отнести следующие.

У лиц обоих полов документированы золотые гривны в полтора витка проволоки с изображениями «шестивия» или одного-двух лежащих львов, в единичных случаях — с фигурами всадников (Куль-Оба) или с головами цапель (Пески, курган 9) (известные кроме Рыжановского кургана только в Степи и редко встречаемые у женщин)³⁶⁷, золотые перстни, наплечное украшение-«сеточка» из нескольких ярусов подвесок и пронизок, прическа обоих полов с завивкой волос.

Специфическими атрибутами мужского костюма знати можно считать высокие конусовидные колпаки, декорированные по нижнему краю (медальон из Херсонеса): они были важнейшим атрибутом высшего сословия «колпаконосцев» (Luc. Scyth. 1), налобные повязки с рядом золотых бляшек (кубок из Куль-Обы), плоские широкие золотые пекторали с символикой трех ярусов мироздания и сценами из скифских мифов (Толстая Могила) и полусапожки с очень длинными заостренными носками (монеты Атея). Кафтаны мужчин отличались прежде всего двумя клиньями по краю подола спереди или шестью клиньями спереди (на изваяниях из скифских курганов такой элемент не представлен) и двойной опушкой бортов дорогими мехами (чаша из Гаймановой Могилы).

Женщин-аристократок выделяли головные уборы — роскошные цилиндрические «калафы» и конусовидные уборы (оба типа дополнялись покрывалом из дорогой ткани, расшитым по краю золотыми бляшками), туфли с обшитыми золотыми бляшками носками. Можно допустить, что важнейшим отличием ранга женщин из царского рода, княжеских семейств и более низких прослоек знати был главным образом *декор головных уборов* (ср. разную конструкцию и декоративную схему «калафов» у царицы из Чертомлыка

³⁶⁶ Декоративная схема их в обоих случаях принципиально сходна (прямоугольный центральный элемент с круглой каменной вставкой и по три шарика, напаянных по внешним краям; украшение разделено центральным бортиком-гребнем на два продольных сегмента, на каждом из которых — линия треугольников из зерни). На экземпляре II в. н.э. центр украшен кабошонами граната, на сасанидском V–VI вв. — круглыми лазуритовыми вставками (в центре — бюст царя; по сторонам центрального квадрата — головы львов).

³⁶⁷ Ср., например: в Кафиристане до его исламизации одним из основных символов статуса племенных вождей и князей, а также их жен и дочерей были шейные гривны, в данном случае — серебряные (Восток 2003, ил. 34).

и княгини из Толстой Могилы и гораздо более простого по декору убора того же цилиндрического облика в кургане 4/3 Гаймановой Могилы).

Влиятельные гадатели по полоскам липовой коры — энареи, служившие богине Аргимпасе, не только вели себя «по-женски», но и носили «женскую одежду», т.е. по крайней мере некоторые из ее основных элементов (Her. Hist. IV.67). Исследователи, занимавшиеся головными уборами знатных скифянок, полагают, что носительницы роскошных, обильно украшенных золотом и дорогими тканями «калафов», «тиар» и конусовидных уборов были, по Т.В. Мирошиной, «*жрицами* Аргимпасы, Апи или Табити» (Мирошина 1977, с. 94), выполняли важные функции в социальной жизни (были «жрицами»: Клочко 1992а, с. 7). Более осторожна в этом вопросе С.С. Бессонова («может быть, даже жрицы»: Бессонова 1983, с. 76). При этом обе исследовательницы ссылаются прежде всего на сложный *набор сюжетов* изображений на золотых украшениях этих уборов, *семантика которых связана с культом плодородия*. К сожалению, неясно, что имеют авторы в виду, употребляя термин «жрицы» (в известных мне текстах он не раскрывается).

Если подразумеваются *профессиональные или полупрофессиональные служительницы культа* той или иной богини *из влиятельного жреческого сословия*, то непонятно, почему об их существовании молчат античные авторы (уделившие скифам и их религии столь много внимания), почему в могилах этих дам совершенно отсутствуют атрибуты, хотя бы предположительно интерпретируемые как культовые (они должны иметь аналоги в списке атрибутов служителей культа, в том числе женщин, известных нам по письменным источникам у персов, у «этнографических» иранских и индо-иранских кафиров, таджиков и осетин). Кроме того, поскольку такие убора встречаются почти *в каждом* удовлетворительно сохранившемся богатом погребении, возникает вопрос: если это *профессиональные жрицы*, то где же могилы аристократок *из господствующего воинского сословия*? Объяснение, что это могут быть именно аристократки из воинов, но *эпизодически* выполняющие наряду со своими мужьями *отдельные жреческие функции* во время праздников, меня также пока не вполне удовлетворяет. Дело в том, что и в праздничном этнографическом костюме *бедных крестьянок* из удаленных провинциальных местностей индоевропейских народов (прежде всего в свадебном) мы также встречаем *не менее богатый, яркий и разнообразный набор символов, связанных с «культом плодородия»*, однако всех этих простолюдинок по понятным причинам никто «жрицами» не объявляет. Возможно, дело лишь в том, что свадебные (?) головные убора аристократок, в которых их хоронили, обильно украшались аппликациями *из металла* (золота), а у рядовых скифянок (у которых те же изобразительные мотивы на уборах, видимо, делались *из органических материалов* — вышивок, кожаных аппликаций) они практически не сохраняются в могилах. При этом я, разумеется, не отвергаю в принципе саму *возможность* исполнения этими дамами (в качестве *жен* аристократов-администраторов) отдельных общественно значимых племенных обрядов.

У соседних со скифами *савроматов* или *сирматов* низовьев Северского Донца мы наряду с женщинами «золотого статуса» встречаем знатных женщин более низкого, «серебряного» статуса (см. выше о юэчжийках в Тилля-тепе), когда важнейшие аксессуары костюма (шейная гривна, серьги и др.) делались не из золота, а из серебра. Такова воительница с полным набором оружия (копье, меч, колчан со стрелами) из кургана 4 в Сладковке (Смирнов 1982, с. 121).

Пазырыкцы

С.С. Суразаков пытался выделить множество различных социальных групп пазырыкцев по аналогии с европейскими скифами (т.е. основываясь на очень детальном членении высоты и диаметра курганов и параметров могильных ям) (Суразаков 1983, с. 72–86). Гораздо более продуктивным можно считать предложенное Л.С. Марсадоловым выделение среди знати группы семей племенных вождей, похороненных в двойных или одинарных срубках, а также группы племенной знати и родственников вождей (Ак-Алаха, Яконур, Кутургунтас) (Марсадолов 2000а, с. 32–33). Костюмные отличия мне представляются не менее важным показателем. У пазырыкцев костюм высшей аристократии отличался, на мой взгляд, наличием парадных шуб-«кандис», нагрудниками, женскими головными уборами с плоским верхом (уборы типа 3 и типа 5), штанами с золочеными полосками ажурного орнамента или сшитыми из меховой «шахматной» мозаики, женскими полусапожками с богатой вышивкой, портупейными мужскими поясами с металлическими бляшками и накладными кусочками фольги, большим разнообразием цветовой гаммы, использованием дорогих (хлопчатобумажных) тканей даже для нательных рубаш, более тонких шерстяных тканей и войлока (и с минимумом ткацких ошибок) и, вероятно, изготовлением ряда атрибутов (гривен, браслетов, поясных

пластин) из литого золота. Костюм знати низшего ранга (хорошо документированный в материалах Ак-Алахи 1 и 3) лишен всех этих черт³⁶⁸.

Несомненны также отличия в репертуаре зооморфных образов у знати в целом и у простого народа на таких важных для древних иранцев атрибутах ранга, как гривны и пояса. Гривны *знати* часто изготавливались примерно так же, как и у простолюдинов, т.е. делались из дерева и покрывались золотой фольгой³⁶⁹, но имели несколько иной репертуар образов (более двух хищников). Так, на образце из кургана 2 Пазырыка представлено «шествоие» грифонов (ср. аланскую гривну I в. н.э. из Хохлача), а на гривне из Ак-Алахи 1 — три барса, грызущие голову оленя (ср. на скифской гривне из Толстой Могила — «шествоие» барсов к протоме оленя), из Ак-Алахи 3 — лежащие барсы. На *поясных* крупных пластинах знати изображались сцены терзания (Пазырык, курган 2; Катанда) или парные хищники (Ак-Алаха 1). Вероятно, сложные зооморфные татуировки, известные в Пазырыке и Ак-Алахе, также являются знаком принадлежности к аристократии³⁷⁰.

Сармато-аланы, средневековые аланы

Сарматская аристократия буквально утопала в роскоши (драгоценные шелковые и золото-парчовые одежды с каймой из сотен золотых фигурных бляшек, дорогие благовония). Костюм знати отличался как материалом (включая аксессуары с сакральными изображениями и вставками самоцветов), так и *набором специфических золотых или серебряных аксессуаров* (гривен, серег, перстней, фибул-брошей). Например, на сарматских изображениях периода 2 из атрибутов высокого ранга всячески старались подчеркнуть большие многовитковые золотые гривны (Галиче, Нижние Серогозы, Янчокрак, Сапогово: Яценко 2000б, рис. 1/1, 3; 2/2; 3/1; 2001г, с. 100, 103); в Сапогово на один идольчик даже надета «настоящая» миниатюрная гривна из золота³⁷¹.

У знати отличался от рядовых соплеменников и *силуэт* ряда элементов костюма: обувь в периоды 2–3 — с носками необычно длинными и узкими (Косика, могила 15; на росписи в «склепе Анфестерия»

в Пантикапее они отличают знатного главного героя) или массивными прямоугольными (Косика, могила 45); особые халаты периода 3 (Соколова Могила); ритуальная нераспашная одежда периода 5 с острыми выступами-клиньями на подоле (медальон Констанция II из Верховни).

Большую роль в выделении нами по материалам погребений сарматской знати I — середины II в. *группы 2*, отличающейся от царского рода (представители высшего сословия аристократов-ардаров, см. выше)³⁷², сыграл облик костюма. У мужчин этой группы представлены *пояса* и конская упряжь с позолоченными пряжками и бляхами и простые по оформлению золотые *браслеты*, меч с более скромным золотым декором, бронзовая импортная посуда. У женщин известны скромные *гривны*, *диадемы* с включением мелких золотых элементов, особые скипетры, специфические *ожерелье из амулетов* и сумочка с амулетами, единичные идольчики, серебряные туалетные флаконы и перстни; большинство предметов окрашено в красный цвет.

В целом только у сарматов в иранском мире известна серия погребений людей (знатных женщин) с ярко выраженными культовыми функциями, с большими наборами разнообразных амулетов и иных культовых атрибутов (Яценко 1986б, с. 182–184). В частности, они особенно характерны для предполагаемых жен «скипетроносцев» — правителей небольших племен (ardar) (подробнее см.: Яценко 1994б, с. 85–86). Даже в таком вполне достоверном погребении двух «жриц», как склеп 595 в Усть-Альме с большим количеством специфических культовых атрибутов (деревянный мини-шатер; кресло, на которое были поставлены специальные деревянные сосуды для гаданий с резными фигурками животных и людей, и пучок

³⁶⁸ Я не вижу пока серьезных причин присоединиться к атрибуции первооткрывательницы этих комплексов Н.В. Полосьмак весьма скромных могил как принадлежащих к местной высшей аристократии.

³⁶⁹ В Ак-Алахе 1 у девушки отмечена двухсоставная гривна: лицевая часть — из дерева (изображения волков покрыты золотой фольгой), а задняя — из бронзы.

³⁷⁰ У других кочевых групп конца скифской эпохи можно предположить высокую социальную значимость простой на первый взгляд мужской татуировки на лице (по три горизонтальные полосы на каждой щеке), которая выделена у мифозписческих персонажей на золотых обкладках ритуальных деревянных сосудов (ручка со всадником из Сибирской коллекции Петра I; сосуд из Филипповки в Башкирии).

³⁷¹ Ср. весьма тщательно изготовленные миниатюрные золотые гривну и серьги на железном идольчике из более ранней богатой могилы V в. до н.э. в Грузии (Вани) (Dshawachischwili 1986, S. 44). У кочевников сарматской эпохи гривны для знати характерны в еще большей мере, чем в скифскую эпоху (ср., например: Яценко 1999б, с. 166).

³⁷² К ним относятся: Никольское, курган 12; Кирсановский III, курган 2; Волга-Чограй XXXVIII, курган 1 (?); Грушка; Первомайский VII, курган 14 (мужчины); Соколова Могила; Чугуно-Крепинка, курган 2; Сладковка, курган 14; Тифлисская, курган 20; Усть-Лабинская, курган 32 (женщины).

ореховых прутиков для той же цели; объемный макет фигуры лежащей взнузданной лошади и др.), довольно многочисленные детали одежды «жриц», оставшиеся после грабителей, ничем не отличаются от таковых

у остальных сарматских аристократок (ср.: Зайцев 2000, с. 295).

Определенная специфика костюма служителей культа прослежена лишь у потомков аланов — осетин, у которых она выражалась в цветовой гамме. Так, в алано-осетинском нартском эпосе мужчины «жрече-ского» клана Алагата носят одежду священного белого цвета (в белый цвет были частично окрашены и их дома) и не носят оружия (Ставиский, Яценко 2002, с. 357). То же этнографы сообщают об осетинских наследственных жрецах святилищ, посвященных отдельным богам (дзуарлагах), прежде всего о жрецах бога-громовержца (Чибиров 1984, с. 184–185). Жрец бога-«хозяина» оспы ограничивался лишь белой головной повязкой.

Вероятно, у донских аланов и политически связанных с ними соседей периода 3 декор *диадем* отражал ранги знатности местных дам. Так, в Хохлаче³⁷³ диадема царицы сделана из массивного золота, обильно украшена альмадинами и по контуру основных деталей — жемчугом (Treister, Yatsenko 1998, pl. 15). Здесь композиция венечного фриза наиболее развернута (бюст богини, выломанный из эллинистического изделия, окружен двумя орлами; в верхнем ярусе три центральных древа из пяти окружают по два оленя и козла, а крайние — по паре уток). Божество, связанное с оленями и козлами, хорошо известно в алано-осетинской мифологии: это богиня плодородия Ацирухс («Божественный свет») (Яценко 1992, с. 198–199; 1992г, с. 76). В кургане 10 в Кобяково у не столь знатной княгини диадема сделана из кожи, к которой приклеены золотые пластинки (см.: Гугуев 1991, с. 57–58; L'or 2001, No. 239). Наконец, в кургане 46 из Усть-Лабинской на соседней Кубани наклеиваемые на ткань пластинки уже не золотые, а бронзовые (покрытые золотой фольгой) (Яценко 1986а, с. 16; рис. 1, 4; другой вариант реконструкции: Гугуев 1991, с. 60; рис. 16, 2).

Предводитель отряда аланов-носителей позднесарматской культуры, изображенных в середине II в. н.э. в «склепе 1872 г.» в Пантикапее (см. главу 2.2), отличается от подчиненных более длинной прической и особыми наколенниками на штанах.

В могильниках ряда районов Сарматии, где кочевники стали постепенно оседать на землю (Прикубанье, устье Дона, окрестности Одессы), вполне очевидно, что более богато оформленный костюм найден в курганах, а в *грунтовых* могилах он весьма скромный. Весьма показательно в этом плане сравнение курганного и грунтового некрополей в Танаисе периода 4³⁷⁴. Именно в курганном могильнике на северо-восточной окраине города найдены все яркие, этнически окрашенные элементы сармато-аланского костюма: диадема-трехрядка (курган 4/22), обшивка края рукавов и разрезов подола (неизвестное по номеру погребение, исследованное в 1976 г.), обувь, окрашенная в красный цвет (курганы 10/23, 10/25, 10/41, 22/8), расшивка голенищ высоких сапог огромным количеством бисера (курган 10/23) и др. Вероятно, дело в том, что представители знатных родов, похороненные в курганах, в большей степени сохраняли в городских условиях традиции своего этноса и связи с кочевой степной родней (как правило, в истории кочевых народов первыми переходят к оседлости представители *низших* социальных групп, более зависимые от неблагоприятных внешних условий).

У *раннесредневековых аланов* Кавказа до их крещения в начале X в. костюм знати документирован более или менее обильно, к сожалению лишь для лиц среднего и низшего ее уровней и на материале только одного небольшого региона с хорошей сохранностью органики в могилах — кавказской Западной Алании. Важным социальным различием было *качество используемых тканей* (Доде 1993, с. 18); для знати важнейшим маркером было употребление византийских шелков (Орфинская 2001б, с. 15). Знать (во всяком случае, мужчины) носила также верхнюю одежду целиком из наиболее дорогого импортного шелка, а шелковое белье (рубahi) в ее среде встречались даже у детей (Орфинская 1989, с. 114). У мужского кафтана «вождя» полки состоят из одного куска ткани (а не из двух, как обычно), что, возможно, вызвано желанием продемонстрировать большую площадь дорогой ткани (Орфинская 2001в, с. 110). В целом же у мужчин крой распашной одежды был более сложным, а достоверных целиком шелковых наплечных одежд у женщин пока не обнаружено (Орфинская 2001а, с. 120; 2001в, с. 111).

³⁷³ Предпринятые в последние годы попытки В.К. Гугуева и И.П. Засецкой поставить под сомнение мою реконструкцию композиции этой диадемы пока лишены детальной аргументации.

³⁷⁴ Доклад автора этих строк «Костюм некрополей Танаиса и Кобяково в I–III вв. н.э.» (Скифо-сарматский сектор ИА АН СССР, ноябрь 1987 г.). Ср. общую характеристику обоих некрополей (Казакова, Каменецкий 1970, с. 86; Толочко 2003, с. 251–258).

Для знати обоих полов также характерны одеяния из дорогих мехов (?), шелковые пояса, перчатки-митенки сложного кроя (они подчас шились из белой телячьей кожи с красным декором) (Jerusalimskaja 1996, Abb. 203; Орфинская 2001а, рис. 2.13.б), красный цвет головного убора и обуви (Доде 2001, цв. ил. 4, 14) (к плечевой одежде это относится лишь в немногих случаях), украшение одежды золотыми или бронзовыми золочеными бляшками или же декор плечевой одежды, головных уборов, поясов и обуви фигурными кожаными золочеными или шелковыми накладками в форме буквы «w», обычной и трехрогой лунниц, четырехлистника, сердечка, ромба и др. (Орфинская 2001а, рис. 2.18 — т. 1; 1.5.4, 1.7.22 — т. 2). Мужчины носили кожаные пояса с набором серебряных (иногда инкрустированных цветным стеклом) бляшек. Учитывая данные по персам, скифам и сармато-аланам, можно предположить также значительную роль *перстней* со вставками самоцветов (вроде образцов с альмадиновыми и лазуритовыми вставками, изготовленных уже после христианизации и найденных в погребениях Северного Зеленчукского храма — кафедрального собора Аланской епархии; см.: Кузнецов 1993, рис. 135, 17–19).

Согдийцы

Фрагментированные письменные источники и неясная социальная принадлежность многих изображенных в стенной живописи не позволяют на сегодняшний день выделить элементы одежды разных рангов знати. Несомненно, костюм знати был отражен в мифоэпических сценах стенных росписей (прежде всего в хорошо изученном Пенджикенте; см.: Marshak 2002), но, к сожалению, наиболее важные фигуры на них сохранились очень плохо. Можно пока лишь суммарно перечислить элементы, которые принадлежали знати (дихканам) и богатым купцам, игравшим в социально-политической жизни торговых городов-государств Согда и соседних стран немалую роль.

К таким элементам можно отнести одежды сплошь из узорчатых шелковых тканей, украшенные рядами жемчуга, с наплечными медальонами; короткие накидки, державшиеся у плеч золотыми утяжелителями; парадные женские халаты, носившиеся внакидку, с бортами из пестрых дорогих тканей; нераспашные одежды VI в. со скошенными короткими рукавами; платья с воланами по краю подола и мужские одежды, имеющие «сасанидский» подол с двумя боковыми разрезами; крестовидные «кушанские» пелерины; чалмы; прически с завивкой волос; золотые пояса со вставками самоцветов у мужчин и кушаки, расшитые жемчугом, у женщин; мужские полусапожки с длинными острыми носами.

Как уже отмечалось, в VII–VIII вв. согдийцы иногда изображались с наборными кожаными поясами тюркского типа с тюркскими же типами бляшек (которые, вероятно, были менее престижными, чем собственно золотые). Можно полагать, что символика этих поясов была примерно такой же, как у завоевателей Согда — тюрков.

Тохаристан и прилегающие к югу территории

Знать в «эфталитском» комплексе носила одежды целиком из шелковых тканей, часто полихромных с богатым однотипным декором. Лица обоих полов иногда делали прическу с завивкой волос по краям и носили головные повязки с имитациями цветов лотоса, украшали рукава верхней одежды высокими обшлагами из дорогих тканей. Знатные дамы отличались платьями с короткими шлейфами, украшенными драгоценными камнями; подчас они имели расширяющиеся рукава. Поверх платьев они носили внакидку длинные халаты с меховой опушкой. Важными атрибутами знатности были золотые гривны и перстни.

Для характеристики специфики одежды знати *тюркского* комплекса обратимся к материалам по владению *Чаганиан* в Северном Тохаристане, знать которого представлена на изображениях самаркандского «Зала послов» (Альбаум 1975; Yatsenko 2004, pl. 2, I) (рис. 195). Основным показателем иерархии у мужчин-чаганианцев, судя по этим изображениям, было ношение *полностью золотых поясов*. На западной стене хозяин такого пояса стоит впереди посольства: это, возможно, сам посол Пукар-зате, упомянутый здесь же в надписи, — персонаж 4 (хотя перед ним показан фрагментарно сохранившийся персонаж 4а); на южной стене золотые пояса показаны у ближайших к самаркандскому царю мужчин — послы на верблюдах (персонажи 9 и 10) и один из всадников на лошади (персонаж 15).

Важную информацию о статусе мужчин-чаганианцев дает *декор их наборных поясов*. Из пяти известных типов четыре являются при этом копией или результатом переработки известных *тюркских* образцов.

Тип 1. Сплошь золотые пояса с набором накладок, аналогичным наиболее значимым лицам тюркской группы 2 (западная стена, персонаж 4 — «Пукар-зате»; южная стена, персонаж 10). Оба пояса скреплены

массивной прямоугольной пряжкой, отсутствующей у самаркандских тюрок. У «Пукар-зате» с нее свешивается каплевидная подвеска. Не исключено, что она восходит, в конечном счете, к специфически кушанским каплевидным подвескам к пряжке (см.: Rosenfield 1967, pl. 8, 22, 67; Yatsenko 2001a, pl. 12, 78–79). Оба носителя этих поясов возглавляют шествие чаганианских мужчин-послов на западной и южной стенах. При этом «Пукар-зате» не имеет гривны.

Tun 2. Сплошь золотой пояс из плотного ряда крупных круглых блях со вставкой драгоценного камня в центре синего или красного цвета (южная стена, персонаж 15). Золотые пояса с подобными вставками известны по письменным источникам у соседних персов и согдийцев. На изображениях наиболее точную аналогию нашему поясу дают синхронные образцы у знатных мужчин Кучи в Синьцзяне (Grünwedel 1912, Fig. 12–13, 16).

Tun 3. Ременной (кожаный) пояс, скрепленный массивной прямоугольной пряжкой. На ремне с довольно большими промежутками размещены крупные круглые золотые/золоченые бляхи с ободком по краю, т.е. декор соответствует поясам ряда тюркских чиновников в живописи того же зала (южная стена, персонаж 14). Идентичные пояса известны у согдийцев в Пенджикенте (Беленицкий 1973, табл. 20; Беленицкий, Распопова 1980, рис. 2). Чаганианский персонаж с поясом этого типа не имеет гривны.

Tun 4. Ременной пояс с декором из двух типов накладок, аналогичный таковому у большинства чиновников-тюрок в том же зале (западная стена, персонаж 3). Этот мужчина носит золотую гривну без каплевидной подвески.

Tun 5. Ременной пояс с декором из однотипных бляшек редкой формы, аналогии которой известны в раннетюркских наборах с Северного Кавказа (Аржанцева 1987, рис. 8, 23) (западная стена, персонаж 2). Персонаж носит золотую гривну с каплевидной подвеской.

В одежде мужчин — предполагаемых чаганианцев в афрасиабском «Зале послов», на мой взгляд, выявляются *три специфических комплекта* предметов костюма, каждый из которых представлен на нескольких персонажах. Основные отличия этих групп — в типе головного убора, оформлении (или отсутствии) гривен.

Группа 1. Цилиндрические (?) невысокие головные уборы из узорчатой шелковой ткани и плащ-накидка серого цвета, завязанный на левом плече бантом по сасанидской традиции (персонаж 4 западной стены и персонаж 14 южной стены). Эти мужчины не имеют золотых гривен. Головные уборы лиц данной группы имеют прототипы на территории Бактрии/Тохаристана еще II–III вв. (Rosenfield 1976, pl. 23, 24; Yatsenko 2001a, pl. 12, 22).

Группа 2. Узкие белые головные повязки и плечевая одежда белого цвета (персонаж 3 западной стены и персонаж 9 южной стены). Персонажи имеют золотые гривны без каплевидной подвески.

Группа 3. Узкие красные головные повязки; узоры на тканях плечевой одежды — головы кабанов внутри круглых медальонов (персонаж 2 западной стены и персонаж 10 южной стены). Они имеют золотые гривны с каплевидной подвеской.

Комплекты костюма этих трех групп трудно связать с определенными сословными различиями или рангами чиновников. Каждый из них представлен у лиц, занимающих, видимо, весьма различные места среди участников посольства — то на важных, то на второстепенных ролях. Столкнувшись с наличием нескольких устойчивых наборов (комплектов) костюма, Л.И. Альбаум попытался выйти из затруднения, полагая, что одни и те же люди дублировались художником на западной и южной стенах (Альбаум 1975, с. 45–46); однако этому противоречат слишком многие детали изображенных персонажей (в том числе их лица).

Наиболее приемлемым представляется следующее объяснение. Названные три группы мужчин в разных костюмах *отражают тройное племенное деление* чаганианцев, что весьма обычно для древних индоиранских народов (скифы-сколоты у Геродота, алано-осетины, кафиры и др.). В цепочке послов на западной стене у представителей каждой из трех групп отличаются и типы подвешенных к поясу сумочек-кошельков тюркского типа «каптарга» (у персонажа 4 — прямоугольный, у персонажа 3 — в форме сердца, у персонажа 2, судя по манере крепления, — круглый). По одному представителю в каждой из групп посольства носят золотой пояс, при этом формы бляшек-накладок у них также различны (но, например, у обоих персонажей группы 1 они определенно одинаковы).

Видимо, аристократы высоких рангов отличались и сюжетами тканей одежды. Так, халат возможного главы посольства — начальника госканцелярии (западная стена, фигура 4) — сшит из персидской ткани с изображением священной собакоптицы Сэнмурва³⁷⁵.

³⁷⁵ Из подобной же ткани сшит халат аланского князька VIII–IX вв. из погребения в Мощевой Балке (окрестности Архыза, Карачаево-Черкесия) (Иерусалимская 1992, с. 14).

Хотано-саки

В настенной росписи «Зала послов» в Афрасиабе знатные дамы, сопровождающие княжну, отличаются от женской прислуги носимыми внакидку парадными халатами и платьями с преобладанием красного цвета. Их волосы собраны на макушке в косу, которая пропущена через золотой конус на макушке, а у висков прическа украшена двумя золотыми «крыльями», инкрустированными бирюзой (?) и закрепленными с помощью пары золотых булавок.

Чач

В упомянутой настенной росписи в Афрасиабе знатные послы этой области на средней Сырдарье отличаются прежде всего особыми кожаными (?) лентами-диадемами с одной (у руководителя — с тремя) золотой бляшкой-розеткой (Yatsenko 2004, pl. 3/15).

б) Костюм как показатель личных заслуг

У иранских народов костюмные дары за заслуги исходили от верховного правителя (и видимо, в ряде случаев, от его наместника).

Подобные сведения сохранились более всего для *Ирана*. Здесь *при Ахеменидах* только царь имел право дарить *золотые* мужские атрибуты. В их число обычно входили шейные гривны, браслеты и конская упряжь (Xen. Anab. I. 2.25; Xen. Kyr. VIII. 2.8–9).

Знатные персы за свои заслуги могли получать красивые одежды, золотые браслеты, ожерелье, гривну и кинжал или же венок, пропитанный самыми дорогими благовониями (Plut. Artax. XV, XXI; Xen. Kyr. VIII. 5.18). Один персидский аристократ, оказавший особые услуги государству, ежегодно наделялся «лучшей мидийской одеждой» (Her. Hist. III. 84). В другом случае человек, которого правитель «хотел отличить почестью», получал из рук одного из царских родичей на главной площади столицы одежду с царского плеча, золотую диадему и коня в парадной сбруе (Есф. 6. 7–10). Вероятно, отличием за заслуги являлись и редко изображаемые у придворных *золотые пекторали* в виде неширокой и сужающейся к концам гладкой полосы; сходные украшения известны при всех доисламских династиях Ирана (Тронный зал Ксеркса и северная лестница ападаны Персеполя: The Splendour 2001, photo on p. 237; Nazmjoо 2004, p. 104). Иногда царь лично дарил полный драгоценный комплект костюма *знатным женщинам*, сопровождавшим своих мужей-сановников в их поездках, сражениях и т.п. и воодушевлявшим их (Xen. Kyr. VIII. 5.18).

Сохранились сведения и о наградах для менее знатных лиц. Так, за спасение царской жизни офицеру могла быть подарена золотая диадема (Her. Hist. VIII. 118). То же перед решающим сражением могли обещать греческим наемникам (Xen. Anab. I. 7.7). Иноземный воин за особо важный подвиг мог быть награжден не только несколькими селениями с доходами от их жителей, но и *правом носить персидскую парадную одежду* (Plut. Alex. XXXI).

Особое место занимают *царские праздничные подарки и ответные дары царей во время путешествий*. В день своего рождения, в праздник «тикта» ахеменидский царь единственный раз в году умищал голову особыми благовониями и делал роскошные подарки приглашенным на официальный пир. Они, вероятно, в основном состояли из драгоценных предметов костюма, при этом «царь не может никому отказать в просимом» (Her. Hist. IX. 110). В библейской книге «Есфирь» Мартодей получает от царя Артаксеркса в подарок, по-видимому, красно-белую рубаху-сарапис и пурпурный плащ-кас (ср.: Есф. 8. 15). Во время поездок по стране в качестве ответного дара царь также мог вручить парадную верхнюю одежду (в подлиннике употреблен латинский термин «stola»: Aelian. Var. hist. I. 32). Распространенным даром еще при мидянах был набор из пурпурных одежд, золотых браслетов и шейной «цепи» (Xen. Kyr. I. 3.17). Видимо, в аналогичной ситуации Ксеркс подарил властям греческого города Абдеры во Фракии тиару, покрытую золотой парчой, и золотой кинжал (Her. Hist. VIII. 120).

Во времена *Сасанидов* невысокая островерхая шапка («tiaga») жаловалась аристократам самим шаханшахом и давала «право на участие в царском столе, голос на совещаниях с царем и подачу мнения в советах» (Amm. Marc. Res gestae. XVIII. 5–6). По данным Прокопия, все золотые пояса у персов могли быть только царским даром за заслуги (Procop. Hist. Bell. I. 17). Напротив, полководцу, проигравшему важное сражение, шаханшах мог «как позорное оскорбление, в знак бесчестия» подарить набор женской одежды. Так было после поражения персидского военачальника Бахрама в начале VII в. на р. Аракс в Закавказье (Феофилакт Симокатта 1957, с. 80)³⁷⁶.

³⁷⁶ Аналогичный обычай существовал у аланов: за трусость и нарушение клятвы предводитель мог приказывать надеть на голову воинов женское покрывало: Нарты 1989, с. 114.

У «пазырыкцев» Алтая, судя по рядовым могильникам, *гривны* носились взрослыми обоих полов и детьми. Возможно (как и в случае с поясными бляхами), это лишь заменители подлинных металлических образцов. Такие украшения найдены, однако, в немногих рядовых могилах и, вероятно, связаны с особым статусом этих лиц (личные заслуги хозяина или главы его семьи?). Другим показателем личных заслуг могла быть простая и занимающая минимальную площадь *татуировка*. Так, у воина из кургана 3 в Верх-Кальджине 2 крупная фигура фантастического животного «перекинута» через плечо (ср. мнение о том, что татуировки должны были наноситься каждому взрослому «пазырыкцу»: Черемисин, Запорожченко 1996, с. 31, что представляется недоразумением).

У южных *кафиров* воин, убивший не менее восьми врагов, на «празднике заслуг» среди прочих почестей удостоивался чести *танцевать* в особом головном уборе, украшенном перьями, в поясе с подвешенными бубенчиками и в красной (цвета крови) одежде. В его честь участники праздника несли по селению деревянную крестовину с надетой на нее красной же рубахой (Йеттмар 1986, с. 174).

В преарабском *Согде* VII — начала VIII в. местные тюркские и тюркизированные правители (см. выше, в начале главы), вероятно, санкционировали ношение наборных поясов тюркского типа, часто с характерными для тюрков формами металлических бляшек в качестве одного из показателей личных заслуг. Однако в отношении символики собственно тюркских поясов мы имеем очень мало достоверных сведений, но, увы, много разнообразных спекуляций в современной литературе. Судя по древнетюркским надгробным надписям из Саяно-Алтая, люди из сословия знати (*beγ*) могли носить по воле кагана до 40–50 золотых пластинок на поясе (Добжанский 1990, с. 78), т.е. материалом бляшек для них было золото, а количество их колебалось в зависимости от заслуг. Так, знатный тюркский чиновник на росписи VII в. в «Зале послов» в Афрасиабе — «персонаж 6 западной стены» — носил на поясе около 30 крупных круглых золотых бляшек. Иначе выглядели персонажи из двух привилегированных групп сословия рядовых воинов (*eγ*). Люди одной из них на той же росписи носили пояса, где сочетались крупные и мелкие *золоченые* (?) бляшки, а чиновники из низшей группы (персонажи 15–17 западной стены), видимо, использовали бляшки из *серебра* (Yatsenko 2004). При этом, судя по материалам курганных погребений, даже самый простой наборный пояс носил далеко не каждый тюркский воин: его можно было надеть явно лишь в результате неких заслуг перед обществом (Добжанский 1990, с. 73).

В Бухаре до XX в. дожила древняя традиция, по которой представители властей дарили по праздникам определенному кругу знатных лиц и за работу известным мастерам, среди прочего, по новому халату (см.: Ремпель 1981, с. 69, 78–79).

в) Костюм женщин-воительниц

Судя по сохранившимся письменным и археологическим свидетельствам, он был у разных этносов весьма различным по набору элементов — то почти ничем не отличаясь от мужского, то соответствуя в целом обычному женскому, но с рядом специфических дополнений³⁷⁷.

Персиянки времен Ахеменидов ездили вместе со своими мужьями на охоту (Athen. XII. 5.14c) и на войну, при этом они могли быть и всадницами (Curt. III. 3.22) (обычно, видимо, сидя в седле «по-женски», т.е. боком). Так, на мидийском или персидском каменном изображении богини из Луристана (колл. К. Мескина: Persian Art 1931, p. 6, No. 10E) она сидит на лошади «по-женски» и охотится с луком на горных козлов. Ее наряд состоит из обычного женского широкого платья до пят, короткого распахнутого кафтана и облегающей полусферической шапочки, из-под которой выглядывают сзади короткие волосы.

Иногда женщины непосредственно участвовали в военных действиях. К сожалению, облик их одеяний в последнем случае обычно никак не описывается, но из ряда сообщений можно заключить, что они носили в этом случае одежду, аналогичную мужской. Во время решающей битвы с мидийцами за независимость персов у Пасаргад персидские женщины (вероятно, участвовавшие в битве), увидев бегущих мужей, задрали подолы *коротких* рубах («хитонов», т.е. сараписов) и стали громко стыдить их (Polyaen. Strat. VII. 45.2); это означает, видимо, что они, как и мужчины, надевали короткие рубахи в сочетании со штанами.

³⁷⁷

Мы сталкиваемся при этом с любопытным парадоксом. Известно, что у иранских кочевников античной эпохи (европейских скифов и сарматов, пазырыкцев Алтая и других), судя по курганным погребениям, был подчас высокий процент женщин-воительниц. Но у иранцев почти совершенно отсутствуют достоверные их *изображения*, и крайне слабые следы сюжетов с ними находим в эпосе. У сменивших же их в степях *тюркских* этносов все обстоит наоборот: их женщины (кроме некоторых групп половцев, смешивавшихся с ираноязычными аланами) в войнах *не участвовали*, зато в *эпосе* эти сюжеты необычайно развиты и подчас становятся ядром сказаний (как, например, каракалпакский цикл «Кырк кыз» — «Сорок девушек» или алтайское «Очы-бала»). У ранних тюрков известны и изображения со сценами единоборства *разнополых* богатырей (см. знаменитое хазарское серебряное блюдо из Коцкого городка).

По данным Гелланика Митиленского, в одной из восточноиранских стран древняя царица Атосса, дочь некоего царя Ариаспа (возможно, легендарная покровительница Зороастра?), «скрывая женские мысли, первой придумала носить тиару (мужской головной убор. — С.Я.), первой же — штаны, и первой же — услуги евнухов и посредством книг давать ответы».

У *саков* Западного Туркестана, судя по описанному Ктесием эпизоду встречи в бою царицы саков Заринеи и Стриангея (Пьянков 1975, с. 77), одежда воительниц по облику практически не отличалась от мужской, так что воины противника даже не могли сразу опознать пол павших врагов. (Весьма вероятно, что девой-воительницей был и знаменитый «золотой человек» из Иссыка — национальный символ Казахстана. Антропологическое определение пола для него не было произведено, а кости утеряны, но при нем найдены атрибуты, *сочетание* которых не известно у саков-мужчин, — зеркало, ожерелье и обилие разнотипной, в том числе кухонной посуды; см. Акишев 1978, с. 23, рис. 33.) Это отмечается и для других кочевых племен Степи. Так, во время визита Александра Македонского в Мидию в 324 г. до н.э. сатрап этой области Атрапат подарил царю среди прочего 100 женщин-воительниц из племени «амазонок», которые «носили снаряжение воинов-всадников» (Arrian. Anab. VII. 13.2–6). Та же ситуация была, видимо, у восточных соседей скифов — *савроматов* Волго-Донского междуречья, у которых «женщины вместе с мужьями и без них ходят на охоту и войну и носят (в этих случаях. — С.Я.) одинаковую с мужчинами одежду» (Her. Hist. IV.116).

У *скифов-сколотов* костюм воительниц-девственниц (без определенных воинских успехов женщина, вероятно, не могла устроить свою личную жизнь) был специально кратко рассмотрен Л.С. Ключко (Ключко 1996, с. 19–21). По ее мнению, он практически ничем не отличался от костюма «обычных» женщин соответствующего возраста и социального положения. Правда, при наличии 15–20 стрел у девушек в возрасте 25–30 лет ими носилась *одна* серьга в ухе (то же отмечено и у более молодых воительниц 20–25 лет); при наличии большего числа стрел — *две* серьги. Однако сходная картина выявлена и у «невоинственных» женщин, у которых она отражает лишь возрастную специфику.

В действительности же в костюме воительниц были специфические черты. Так, у женщины из погребения 10 Беглицкого некрополя (Каменецкий 1959, с. 23; чертеж 8) платье имело слева разрез, удобный для верховой езды. Он был расшит по краям рядом стеклянных амфоровидных подвесок, а по краю подола — бисером. Только у воительниц встречен и особый головной убор — башлык с очень широким наза тыльником и обручем из кости или дерева на лбу (гр. БОФ; Большой курган у Малой Лепетихи).

Весьма интересен в этом плане материал трех могил родственниц — цариц или царевен в Чертомлыке. Если у «невоинственной» супруги царя, похороненной с ним в одной камере, был конусовидный убор, то женщины-воительницы из камер 1 и 2 (видимо, незамужние, сопровождаемые колчаном со стрелами или просто набором стрел) носили убор иного типа — «скифский калаф».

В *Туве* костюм воительницы из Аржана 2 отличается от костюма ее мужа (?) рядом деталей. Это *более короткая* пелерина с узорами из золотых бляшек в виде кошачьего хищника (при этом у женщины его фигура всегда повернута только влево — на «женскую сторону», в то время как у мужчины барс на бляшках смотрит в разные стороны) и намного меньшее число золотых пронизей на поясе (всего пять!) (Аржан 2004, с. 24–25). Ее оружие ограничивается кинжалом, тогда как у мужчины были также колчан со стрелами и клевец (чекан).

У *сарматов* костюм воительниц, видимо, весьма различался у разных племен. С одной стороны, известны случаи, когда римляне не могли отличить на поле боя по внешнему виду мужчин от женщин (SHA. Avrel. 22); знатные женщины-воительницы носили прочные и широкие (?) боевые пояса: так, подобный пояс царицы нижнекубанского племени язаматов (иксоматов) Тиргатао отразил удар меча заговорщика, подосланного боспорским царем (Polyaen. Strat. VIII. 55). Изображение воительницы III–I вв. до н.э. с подчеркнутыми грудями известно на одной из каменных надмогильных статуй Западного Казахстана (плато Устюрт, святилище Тасастау) (Тасмагамбетов 2002, рис. на с. 12). Здесь женщина (голова и шея на статуе, к сожалению, не сохранились), похоже, также одета по-мужски (довольно широкий пояс с пряжкой у правого бока и с подвешенным кинжалом; штаны, перетянутые на правой ноге выше колена ремнем для крепления ножен второго кинжала; нераспашная рубаха?).

С другой стороны, в могилах сарматских воительниц известны специфические узкие длинные платья с глубокими разрезами, удобные для верховой езды (Высочино I, курган 10, где с умершей лежали меч и кинжал). Есть много оснований полагать, что сарматы в случае необходимости мобилизовывали в армию как девушек, так и молодых замужних женщин, и облик костюма «амазонок» на войне, не считая легких доспехов, вероятно, заметно не отличался от того, который носили в быту (Яценко 2001в, с. 248–249).

а) Специфика костюма низших социальных групп

Информацию на эту тему получить весьма непросто. Ведь у тех этносов, *погребальные памятники* которых раскопаны в большом количестве (сармато-аланы, скифы, большинство погребений пазырыкцев), сама одежда, сделанная, как и подавляющее большинство элементов ее декора, из органики, почти не сохраняется, а аксессуары и украшения из неорганических материалов (обшивки из бисера, пряжки и т.п.) более чем скромны и не слишком информативны. Этот декор и отдельные уцелевшие одежды описывались в первых трех главах. Что же касается костюма простолюдинов *на изображениях*, то небольшие группы прислуги — телохранителей, погонщиков, танцовщиц и музыкантов (см., например: Майтдинова 1989)³⁷⁸, в редчайших случаях — земледельцев, охотников и иных простонародных персонажей документируются фактически лишь *в самый поздний период*, с V–VI вв. н.э. в сасанидском Иране и соседних с ним западнотуркестанских Тохаристане и Согде. При этом, как правило, мы видим именно лиц из окружения царя или высшей знати, а костюм их явно богаче и разнообразнее собственно простонародного³⁷⁹. В связи с этим представляют интерес *этнографические* материалы по наиболее консервативным в бытовом отношении иранским группам, живущим в горных районах, удаленных от городских центров.

Интересно, что в героическом эпосе и исторических преданиях иранских народов одним из основных символов простолюдинов была простая *обувь из сыромятной кожи*, противопоставляемая обуви знати из хорошо выделанной кожи, в том числе сафьяна. Так, в осетинском нартском эпосе при посещении героем Сосланом мира мертвых он наблюдает символическую борьбу сыромятной и сафьяновой обуви (Нарты 1989, 152–153). В таджикской легенде основателем династии волею небес стал выходец из бедноты Аяс; однако, когда он правил, как символ его происхождения на фасаде дворца висели его старые сыромятные сапоги (см.: Рахимов 1995, с. 166–167).

У *скифов* между аристократией и «толпой простых скифов» — так называемых «восьминогих», т.е. кочевавших на повозке, влекомой двумя быками (Luc. Scyth. 1), видимо, реально существовали промежуточные слои. Женщины, принадлежавшие к ним, носили в ряде случаев головные уборы с узкой и длинной налобной золотой пластинкой-метопидой по нижнему краю, которые также расшивались серией мелких золотых бляшек. Они могли также иметь отдельные мелкие аксессуары костюма из золота и серебра, изредка украшали платье небольшим количеством золотых бляшек. Л.С. Ключко полагает, что появление золотых метопид на уборах некоторых рядовых скифянок является результатом воздействия развивающейся *моды* в позднем скифском обществе, ссылаясь, насколько можно понять, на ситуацию в *эллинистическом* мире (Ключко 1983, с. 51). Однако ее вряд ли можно применить к кочевому скифскому обществу, скованному достаточно жесткими сословными предрассудками; противоречит этому и отмеченный самой же Л.С. Ключко явно сакральный характер изображений на метопидах. Гораздо естественнее, на мой взгляд, предположить, что женщины разных социальных групп украшали одни и те же элементы парадного костюма *сходными мотивами* с сакральной нагрузкой (как это отмечено в этнографических материалах большинства индоевропейских народов), но выполненными *в разных материалах* (вышивка, кожаная аппликация, золотые тисненые пластинки) и *в разном объеме* соответствующих материалов. Другое суждение исследовательницы о том, что золотая метопида становится «знаком, определяющим *достаток* семьи» (там же, с. 53), кажется не менее спорным. Подобная ситуация исторически не документирована для кочевых народов. Однако у них хорошо известна традиция отмечать особые (прежде всего воинские) заслуги *мужей* некоторых женщин особыми знаками общественного признания (в том числе правом носить особые костюмные аксессуары); возможно, это касалось и жен. Не исключено также, что золотые нагельные полосы были отражением прошлых заслуг отдельных женщин в качестве *воительниц*.

Для скифских простолюдинок, хорошо представленных, например, в знаменитом могильнике Мамай-Гора, золотые и серебряные аксессуары не характерны — они обычно сделаны из *бронзы* (браслеты иногда из железа).

Для *кочевников Тувы* интересен материал кургана Аржан 2. У подчиненных лиц из могил 13 и 20, которых трудно причислить к рядовым пастухам, декор костюма весьма скромнен. У женщины в могиле 13 головной убор (башлык из войлока и многоцветной ткани с широким назатыльником) венчала маленькая золотая пластинка в виде горного барана (как и у царской семьи, она украшена вставками голубой эмали, имитирующей бирюзу) — единственное золотое украшение. Верхняя часть платья, поверх которого носи-

³⁷⁸ Увы, очень часто к *достоверному* костюму музыкантов относят одежду божественных небесных персонажей буддийского пантеона, музыкантов-демонов на капителях средневековых католических соборов и т.п.

³⁷⁹ В популярном в раннем средневековье таджикоязычном сочинении XI в. «Кабус-наме», отражающем некоторые более ранние доисламские традиции, говорится, что наемный музыкант, общаясь даже с не слишком знатными заказчиками, должен был не только иметь чистую новую одежду, но и умашаться разнообразными благовониями (Кабус-намэ 1958, с. 203).

лась шуба из местного меха, была расшита низками из нескольких сотен бусин из бирюзы, сердолика и стекла. Платье было, как минимум местами, сшито из яркой импортной ткани. У мужчины из второй могилы обнаружен лишь простой наборный пояс с бронзовыми пронизьями, к которому подвешивались колчан со стрелами, чекан (клевец) и деревянный ковшик (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, S. 147–150; Abb. 33–35; Аржан 2004, с. 29–30).

У *пазырыкцев Алтая* в южных группах рядовых могильников Уландрык, Юстыд и Барбургазы у лиц обоих полов представлена большая серия головных уборов типа 1 с *зооморфными наверхушками* и золочеными зооморфными фигурками в лобной части. Только у бедноты документированы пока на уборах указанного типа помещенные за полоски бересты вертикальные палочки с воткнутыми в них птичьими перьями, а также деревянные налобные обручи с изображением пары копытных (Юстыд XII, курган 23; Уландрык I, курган 1), стеганные шапочки типа капора. *Покрытие различных вещей золотой фольгой* также распространено в могилах рядовых лиц, что весьма необычно для других иранских народов древности. Обилие золота и позолоты у простолюдинов могло объясняться обилием золотых приисков у соседей воинственных пазырыкцев, а в отдельные периоды также наличием конфликтов на путях торговли золотом (ср., например: Киселев 1951, с. 358 и сл.). У простых пазырыкцев на наконечниках *гривен* преобладают изображения единичных барсов (иногда крылатых: Уландрык I, курган 12; Уландрык 2, курган 7) и волков, изредка — тигров (Верх-Кальджин 2); в Юстыде XII встречены также грифоны и лоси (курганы 19, 20), в Барбургазы I — бараны (курган 18).

В отличие от знати у рядовых лиц на крупных парных *пластинах поясов* изображены копытные (Уландрык IV, курган 3). Часть простых пазырыкских воинов использовала наборные пояса с подвесками в виде стилизованных рыб, носила шубы с каймой ажурной кожаной аппликации (см., например: Кубарев 1987, рис. 30; табл. LXXXVIII; 1991, табл. LI, LV, LVII). Шубы мужчин-простолюдинов делались из простой овчины (Верх-Кальджин 2, курган 1) и из недорогих мехов. Однако в наплечной одежде использовалась аппликация ажурными кожаными полосами или цветным мехом.

Для *сармато-аланского* общества были характерны глубокие социальные контрасты. В курганах Степи резко преобладают нищие могилы рядовых скотоводов, где почти отсутствуют какие-либо неорганические атрибуты костюма (а собственно материал одежды обычно не сохраняется), тем более нет золотых украшений. У женщин часто встречается скромное короткое ожерелье, одна фибула и поясная пряжка.

У *средневековых кавказских аланов* VIII–IX вв., в связи с прохождением в этом районе одного из ответвлений Шелкового пути, даже рядовым людям были доступны достаточно дорогие импортные ткани, хотя их одежда, как правило, изготовлялась из льна, а также конопли и шерсти. Простолюдинам были доступны и наиболее дешевые согдийские шелка, которые шли в основном на отделку краев одежды, даже нижней (Орфинская 2001б, с. 14–15; Иерусалимская 2001, с. 88).

У горных *таджиков* в комплект одежды рядовых мужчин входили рубаха, халат (в некоторых районах вместо рубахи носили нижний халат), теплые шаровары, кожаные сапоги и портянки к ним, матерчатый пояс и шапочка. У многих реально имелся лишь один комплект носимой одежды (халат и шаровары обычно служили два года, головной убор — до четырех лет). Более богатые крестьяне могли позволить себе иметь многие предметы (халат, рубаха, штаны, шапочка) в двух экземплярах — для холодного и теплого сезона. Женщины, несмотря на неблагоприятный климат, одевались хуже мужчин; в их комплект входили рубаха, штаны, платок, сапоги и шапочка, зимой добавляли легкий халат (Рассудова 1970, с. 21–22, 28–29).

У тех этносов, костюм которых известен главным образом по изображениям, на последних мы видим исключительно или почти исключительно знатных лиц. Тем больший интерес представляет анализ немногочисленных исключений и сопоставление их с костюмом знати.

У *индо-скифов* Гандхары мужчины-музыканты (гораздо реже — танцоры) на каменных рельефах отличаются от знатных мужчин преимущественно короткой стрижкой, отсутствием нашивных бляшек, узким пояском («веревочкой») без сложных узлов и всяких украшений. Они изображены в простых коротких рубахах и подчас носят обычные кочевнические башлыки с коротким узким назатыльником, также лишённые декора. На одном рельефе из Хадды (Quagliotti 2003, fig. 45) юноша с бубном — босой, его туго подпоясанная рубаха имеет пришивной подол, образующий складки. Один из танцоров выступает полуголым, но в полусапожках и коротких (выше колен) «шортах», подпоясанных веревочкой (Tanabe 2003, fig. 20). Женщины-танцовщицы представлены в узких штанах и часто босыми.

На серебряной посуде древнего *Ирана* мы иногда видим также изображения различных, как будто незнатных персонажей (музыканты, подавальщики на пиру). Однако, как уже отмечалось, их одежда явно отличается от простонародной. На ритоне времени *Ахеменидов* из Эрбуну видим женщин, прислуживаю-

щих сидящему в кресле сатрапу (?): одна из них, подносящая сосуд, одета в «придворную» юбку со складками эламского типа, другая, играющая на двойной флейте, — в обычном длинном платье.

В *позднесасанидское время* их одежда декорирована дорогими пестрыми тканями (теми же, что носила знать) и порой включает такую схему размещения дорогих нашивных украшений в виде полос тканей (вертикальная полоса, «погоны» и обшивка «вздутого подола» и его разрезов, изредка — подчеркнутый декор штанов у мужчин; медальоны-таблионы на плечах и подоле у женщин), которая наводит на весьма пессимистические мысли о возможности изучения собственно народной одежды. Изображенные на серебряной посуде танцовщицы во многих случаях явно не развлекали знать во дворцах, а танцевали в храмах. (Интересно, что женщины-арфистки в Так-и Бустане носят два платья, из которых верхнее крепится на бретельках по старинной парфянской традиции: рис. 159, 33; 171, 3.) У танцовщиц на позднесасанидском кувшине из Музея им. Резы Аббаси видим витые гривны. Слуги-мужчины на пиру, подающие блюда священной особе правителя, носят, подобно зороастрийским священнослужителям, повязку-*padam*, закрывающую рот и нос от собственного «нечистого» дыхания (серебряное блюдо из галереи А. Саклера и Эрмитажа).

Прическа разных категорий прислуги и простолюдинов, охотников и земледельцев отличалась от прически собственно знати: она обычно короче, у мужчин лишена париков и завивки, у женщин-музыкантш — длинных кос. У мужчин видим образцы с прямым пробором (рис. 158, 7, 12); у сборщика винограда волосы собраны в пучок и уложены кружком на макушке (рис. 158, 9).

Знать явно не носила известный у «простых» офицеров раннего периода пояс-кушак с повязанными «геракловым узлом» концами, подоткнутыми по бокам, характерный в более раннее время для восточных римских провинций (см.: рис. 157, 57). Подол одежды и рядового охотника на львов очень короткий, не с округлым, а с треугольным выступом (рис. 158, 26). У охотников мы видим шляпу с узкими полями и высоко закатанные штаны (рис. 158, 5а, 45), на одном блюде из Дагестана штаны заправлены в высокие сапоги (Абакаров, Давудов 1993). На эрмитажных блюдах из Чечни и блюде со сценами охоты и Сэнмурвом на охотниках видим рубаху выше колен из пестрой ткани с сетчатым орнаментом, с довольно широкой декоративной вертикальной полосой ворота на старый парфянский манер (ср. рис. 158, 18, 23а), шляпу названного типа и узкие штаны, заправленные в полусапожки или закатанные до колен (Тревер, Луконин 1987, цв. фото 75; Иран в Эрмитаже 2004, № 66). Акробаты выступают в очень коротких рубахах, перехваченных простым ремненным поясом и, видимо, в длинных чулках-ногoviцах (Heller 2003, fig. 3); юношитапцоры подчас представлены полунагими, в очень коротких (выше колен) «шортах» и в полусапожках, как и их уже упомянутые коллеги у индо-скифов (Carter 2003, fig. 9). Борцы с очень короткой стрижкой состояются почти голыми: их рубахи обвязаны вокруг бедер («свадебная» чаша из Кливленда).

У *согдийцев* позднего периода чаще всего представлена специфическая одежда профессиональных танцовщиц, музыкантов и акробатов, связанная в значительной степени с запросами знатных зрителей. Это длинные, расширяющиеся книзу платья на кокетке у музыкантш (рис. 182, 27а), «сасанидские» платья с рядом оборок по краю подола (рис. 182, 19) и высокие сапоги у танцовщиц (рис. 182, 40), стеганные длинные халаты у лиц обоих полов (рис. 181, 38; 182, 21), облегающие шорты у акробатов (рис. 181, 77). У остальных единичных простолюдинов в фольклорных сценах предметы одежды по силуэту не отличаются от известных у знати, но лишены богатой отделки. У согдийцев Китая у танцоров обоих полов и прислуги нет вертикальной полосы декора на верхней одежде, девушки в танце распускают рукава, а одежды прислуги часто короче.

Иногда отдельные элементы костюма знати одной из древних династий после смены ее новой (часто из иноэтничной среды завоевателей) многие века спустя (в этнографической современности) документируются у крестьян удаленных от городских центров районов. Обычно этнологи однозначно воспринимают эти отдельные аналогии как доказательство того, что простолюдины носили подобную одежду *изначально и синхронно* с древней знатью. К сожалению, этот факт можно трактовать и *иначе* (например, как заимствование простолюдинами в более поздний период костюма соседнего этноса, который знать переняла раньше). К тому же очень остро стоит вопрос о *корректности* подобных аналогий, поскольку этнологам, интересующимся древностью, костюм ранних периодов известен гораздо более фрагментарно, чем археологам.

В *Тохаристане* в период существования «эфталитского» комплекса одежда простолюдинов документируется находками подлинных одежд в могильнике «Курган», изображениями служанок в росписях Балалык-тепе и сведениями китайских авторов. В отличие от одежды знати, она обычно изготовлялась из неокрашенного хлопка простого полотняного переплетения и изредка украшалась каймой из цветных (в том числе дешевых шелковых) тканей. Рубахи могли быть длиннее, чем у знати (в этом случае предусматривались боковые разрезы на подоле), и иметь невысокий (до 2 см) стоячий ворот, у мужчин подчас

дополняемый разрезом слева (материалы «Кургана»). В Балалык-тепе служанки с опахалами в отличие от знатных дам носят вместо роскошных свободных халатов узкие длинные халаты, туго стянутые поясом.

В *Хотане* римского времени (Йоткан) на танцовщице видим короткий и облегающий, наглухо застегнутый кафтан, практически лишенный отделки, и узкие «мужские» штаны, заправленные в сапоги. Музыкантши из «сцены в лодке» в Афрасиабе отличаются от знатных дам простой прической в виде узла, который, впрочем, сколот золоченой (?) булавкой, а халаты служанок-гребцов, в отличие от фрейлин, иначе крепятся (сколоты булавками у шеи). В раннесредневековый период у служанки в сцене с адорантами из Балавасте видим, в отличие от госпожи, сходный с описанным выше кафтан с узкими рукавами и юбку без выраженного декора.

В раннее время в Йоткане на горлышке у кувшинов порой рельефно изображались два «арлекина» — придворные музыканты или танцоры в пелерине и с клиньями на подоле (и то и другое украшено бубенцами), а также в «царской» короне³⁸⁰.

В целом характер отличий одежды простолюдинов от одежды знати у каждого из этносов отмечен заметной спецификой. Но в среднем она силуэтно более проста и более функциональна, почти лишена декора; прически более простые и короткие, у мужчин различается длина подола верхней одежды. Женщины из прислуги (танцовщицы, музыкантши) часто имеют элементы одежды, обычно присущие мужчинам.

Костюм как модель мироздания

Универсальными для маркирования трех зон мироздания (верхней, средней и нижней) и основных протосословий у индоевропейцев были соответственно цвета: *белый, красный и черный/синий* (ср. у индоарийских дардов Гиндукуша три Мировых дерева указанных цветов) (Иванов 1981, с. 166–167; Йеттмар 1986, с. 217). В связи с этим у ряда этнографических ираноязычных народов комплект костюма или его крупный предмет (чаще всего верхняя плечевая одежда) содержит преимущественно эти три цвета³⁸¹.

Так, явно не случайным кажется преобладание у пазырыкцев трех цветов одежды — красного, белого и синего. У горных таджиков одежда повседневной носки у лиц обоих полов в обязательном порядке должна была включать те же три цвета (ср.: Рассудова 1970, с. 19). В контактной таджикско-узбекской зоне в ряде мест шаман должен был иметь в своем гардеробе три платья именно этих цветов (ср.: Басилов 1982, с. 47). Те же цвета господствовали в живописи некоторых кушанских центров (Воробьева 1995, с. 47). Красный, белый и синий цвета до сих пор присутствуют на характерных для населения Саяно-Алтая жертвенных лентах «ялама» (Сагалаев 1992, с. 85), символизировавших, помимо прочего, жертвенную одежду (Дьяконова 1984, с. 30–31).

На известном шелковом фрагменте из Антиной рубежа VI–VII вв. сасанидский шаханшах Хосров II на троне (рис. 166) имеет парадную короткую нераспашную одежду, разделенную на три широких горизонтальных полосы разных цветов. На этом сакральном наряде они идут в несколько измененном порядке: белый, красный и синий (Ghirshman 1962, fig. 289). На расписной вазе из Мерва того же времени плечевая одежда всадника-правителя также сочетает эти три цвета, причем в порядке их следования по зонам мироздания (верх кафтана — белый, его подкладка, выступающая на лацканах и пр., — голубая/синяя, рубаша под ним — малиновая/красная). Эти три цвета сочетаются и на саване того же знатного умершего в другой сцене его жизни (Кошеленко 1977, рис. 80–81). Данная традиция восходит к Ахеменидам. На знаменитом персидском ворсовом ковре из Пазырыка у знатных всадников (в отличие от лиц более низкого ранга, ведущих лошадей) в одежде видим те же цвета — белый (фон рубахи), голубой/синий (штаны) и красный (туфли) и вертикальные полосы на рубахе; их размещение на одежде также соответствует космической символике основных сословий (У истоков 2004, с. 98; Полосьмак, Баркова 2005, рис. 4.10).

У вождей сармато-аланов начала позднесарматской культуры (середина II в. н.э.) рангом ниже сходная схема трех зон отражалась не на одном предмете, а в целом на одежде и в «классическом» их порядке. Так, в сцене сражения с боспорцами в «склепе 1872 г.» в Пантикапее у обоих предводителей *белая* обувь, *синие* штаны и *красная* наплечная одежда (Ростовцев 1913, табл. LXXVIII, 1; LXXIX). У этнографических осетин в женской одежде, сохранившей более архаичные черты, в цвете штанов и платья мы подчас находим те же цвета — красный с синим и белый (см., например: Осетины 1967, с. 36, 196, 193).

³⁸⁰ Музыканты в стилизованной царской короне известны и на керамике других иранских народов; например, персонаж, сидящий со скрещенными ногами и играющий на барабане, на персидской сасанидской терракоте из Суз (Clay Figurines 2003, fig. 41).

³⁸¹ Те же три цвета мы наблюдаем в жертвенной одежде северных соседей иранцев — древних угров (см., например: Богордаева 1999, с. 99–100).

У осетин еще недавно при жертвоприношении божествам и иных обрядах, связанных с тремя различными сферами мироздания, использовалась одежда трех разных цветов. Для общения с небесными божествами жрецы (в нартском эпосе, по данным Ж. Дюмезиля, представленные как люди клана Алагата) носили *белые* одежды, жили в белых домах и т.п. Для жертвоприношения небесному громовержцу во все белое одевался жрец, а подчас и все многочисленные участники церемонии. Вещи и животные *красного* цвета, ассоциировавшегося со средним миром, приносились богу ветров Галагону, на голову больному надевали красную повязку. *Черный* цвет однозначно ассоциировался с подземным миром (Чибиров 1984, с. 178, 190–192).

Три зоны мироздания могли обозначаться и особым *размещением антропоморфных изображений* божеств на костюме аристократа. Так, в юэчжийском Тилля-тепе в костюме женщин нами прослежена определенная система их размещения, в соответствии с которой тело человека делилось на три вертикальных яруса (первый — голова и головной убор, второй — грудь, третий — область бедер), и в каждом из них размещались божества, ассоциировавшиеся преимущественно с Верхним, Средним или Нижним миром. Для первого яруса характерны изображения бога и богинь в облике «хозяев зверей» с парой фантастических животных по бокам, в том числе — бога огня Фарро (могилы 2, 3, 6) (ср.: Sarianidi 1985a, pl. 44, 48–50, 81–84). Во втором ярусе встречены местная богиня плодородия, сцена «священного брака» и Эроты (могилы 2, 3, 6) (ibid., pl. 8, 38, 44–47, 81–85, 87, 99). В третьем ярусе изображались Афина или Ника, связанные с военной функцией (могилы 2, 3, 5) (ibid., pl. 72–73, 108–109).

У сармато-аланов наиболее ярко проявилась космическая символика в оформлении описанных выше женских диадем периода 3, где вечный фриз украшают изображения одного–пяти «мировых деревьев» с животными-спутниками (копытными и птицами) и иногда — бюст женского божества (Хохлач). Позже у средневековых аланов Северного Кавказа известны девичьи шлемовидные шапочки с четырьмя «мировыми деревьями», каждое с тремя основными ветвями (кожаная аппликация, могилиник Подорванная Балка (Доде 1989, с. 124); у женщин их потомков — «этнографических» осетин на шапочке подчас вышивались те же четыре «мировых дерева» и две змеи по сторонам (Андиев, Андиева 1960, рис. на с. 127). Полусферическая шапка влиятельного зороастрийского священнослужителя, «анбарката Ирана» Вахудена-Шапура на его личной печати украшена семью изображениями «мировых деревьев» с семью ветвями каждое (Guselen 1995, fig. 1). У ряда позднеантичных и раннесредневековых этносов Западного Туркестана крупное изображение «древа» представлено на плечевой одежде рядовых женщин. Так, на халате из Мунчактепе в Фергане (рубеж VI–VII вв.) оно выполнено аппликацией, занимает большую часть стана и как бы перекинута со спинки на плечи и грудь цветущими ветками вниз (рис. 222); на более раннем хлопчатобумажном платье из кушанской Бактрии (III в., могилиник Иттифок), видимо, на подоле латунной проволокой было четыре раза повторено стилизованное древо с тремя ветвями и две парящие над ним птицы (Древности 1985, с. 114; № 315; Майтдинова 2003, с. 66; рис. 60, 2; 141, 1).

Важно понять, как в конкретной этнической или сословной среде воспринимался сакральный декор костюма аристократа и на чье восприятие ориентировалась мастерица у того или иного этноса: *самого хозяина*, которому при надетой одежде удобнее было смотреть на него «вверх ногами», или *на стороннего зрителя* (в том числе божества). На первый взгляд кажется, что последний вариант должен безраздельно господствовать. Однако не следует спешить с выводами, несколько примеров чему я приведу ниже.

Так, пазырыкские орнаменты одежды в виде «чешуи» как будто трудно уверенно связать конкретно с птичьим оперением, змеиной или рыбьей чешуей, так как чешуйки идут в направлении, *противоположном природному*, — овальным выступом вверх. Все разъяснится, если мы предположим, что размещение «вверх ногами» рассчитано именно на взгляд хозяина одежды (и светлых божеств Верхнего мира). В таком случае легко объяснить и покрытие куртки «золотого человека» в Иссике (Семиречье) бляшками, схематично изображающими птичьи перья. До недавнего времени на шаманских костюмах Южной Сибири, включая отдаленных потомков «пазырыкцев» — алтайцев, все мелкие подвески, бахромы и т.п. означали птичьи перья (а *костюм в целом представлял волшебную птицу*) (Прокофьева 1971, с. 84, 87)³⁸².

На упомянутом шелковом фрагменте из Антиной с шаханшахом Хосровом II на троне парадная одежда имеет цвета трех зон мироздания. Однако при этом порядок цветов дан «вверх ногами» (белый — внизу) и, следовательно, *рассчитан на восприятие с точки зрения самого носителя* (шаханшаха) и небесных божеств зороастризма. То же мы наблюдаем на одежде сармато-аланских предводителей в сценах сражения с боспорцами в «склепе 1872 г.» в Пантикапее (белая обувь — синие штаны — красная наплечная одежда).

382

Замечу, что в чжоуском Китае, оказавшем известное влияние на «пазырыкцев», чешуя рыбы символизировала войско в доспехах (см.: Го Юй 1987, с. 330; примеч. 26).

Элементы одежды как обереги и волшебные предметы

У многих иранских народов, чтобы избежать «порчи» красивого ребенка, родители специально плохо его одевали, пачкали ему лицо и т.п. (см., например: Сухарева 1982, с. 120). Еще недавно замужние женщины у разных этносов, пока они были в фертильном возрасте, покрывали волосы, считая их отчасти вместилищем души; связывать эту традицию с поздним господством ислама нет оснований (см., например: Рахимов 1995, с. 139–140).

Нижняя, нательная одежда считалась у многих народов Евразии прямым продолжением тела, «второй кожей» и поэтому, несомненно, была важнейшим оберегом ее хозяина. У азиатских «варваров», включая персов, видимо, по этой причине считалось великим позором, если кто-то случайно увидит обнаженным даже мужчину (Her. Hist. I. 10). То же можно было наблюдать в раннесредневековой Европе, где хронисты и авторы житий под «полным обнажением» тела людей перед казнью, при взятии в плен врагами и различных насилиях подразумевают на деле, что они обязательно оставались в нательных рубашках. Показательно, что у ранних тюркоязычных огузов, которых ряд исследователей считает смешанным тюрко-иранским этносом, даже хан в соответствии с древней традицией носил свою рубаху (т.е. именно нижнюю одежду, прилегающую непосредственно к телу), не снимая до тех пор, «пока она не рассыплется на лоскутки», будучи пропитана грязью (Материалы 1939, с. 163). Примерно то же мы наблюдаем у пазырыкцев: «...нижняя одежда... носилась до полной негодности» (Полосьмак, Малахов 2000, с. 390); этот факт, однако, часто сводится археологами по сути лишь к *неряшливости* кочевников — к тому, что эти одежды никогда не стирались и т.п. (Полосьмак 2003, с. 138–139). Разумеется, кочевники в прошлом часто почти всю жизнь не мылись. Вместе с тем у индоиранцев не известны религиозно мотивированные запреты на стирку одежды, обычные у ряда монгольских, тюркских и финских народов. По причине сказанного, а также в силу дефицита у кочевников тканей тонкой выделки богатый декор рубах, носимых под кафтаном, встречается у них крайне редко³⁸³.

Защитные функции имела (например, у таджиков) и обшивка краев верхней парадной одежды плетеной или вышитой тесьмой (Восток 2003, с. 80; ил. 30); ту же функцию можно предположить для обычая обшивки края одежд золотыми бляшками. Важным оберегом женского платья (как, впрочем, и средством обеспечения плодovitости) считались ластовицы (*хиштак*), сшитые из ткани другого цвета (см., например, у таджиков, у которых под мышками могло также специально пришиваться изображение цветочной розетки: Писарчик 2003, с. 56–57, 71). У горных таджичек именно их изготовление из цветной ткани обеспечивало многодетность (Писарчик 1979, с. 115).

Функцию оберега выполняли изображенные или нашитые на предметах костюма образы мифологических зооморфных существ и божеств. Уникальные возможности в этом плане создают пазырыкские находки хорошей сохранности в «вечной мерзлоте» Горного Алтая. Весьма показательны, в частности, некоторые зоо- и антропоморфные мотивы на головных уборах типа 1 пазырыкской культуры.

Один из образов, представленный на них, — *крылатый конь*. Бляшка в виде его фигуры была нашита на чехол убора в кургане 19 Юстыда XII. Единичное его изображение известно также на налобной пластине-метопиде женского убора из Чертомлыка (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. на с. 210 и сл.). Это важный образ индоиранской мифологии (см., например: Кузьмина 1977, с. 100 и сл.). Крылатый конь всегда представлен в центре композиции (амфора и упомянутый убор из скифского Чертомлыка; усуньская гривна («диадема») из Каргалы в Семиречье и др.).

Изображения коня обычно парные, при этом конь всегда имеет рога горного козла (Кубарев 1991, с. 117). Подобное гибридное существо представлено также на головном уборе из кургана Иссык в Семиречье (ср.: Акишев 1978, с. 17–18; рис. 9). Этот мифологический персонаж наряду с «классическим» конем-оленом «бура» дожил в религии алтайцев до XX в.³⁸⁴

Единственное антропоморфное изображение на пазырыкских уборах типа 1 — мужская монголоидная личина со звериными ушами и рогами, помещенная у ног оленя (Уландрык III, курган 14). Оно может

³⁸³ Подобные находки известны пока в Западном Туркестане. Так, у саков Семиречья (курган Иссык) рубаха «золотого человека» украшалась разнотипными золотыми бляшками, похоже, не менее богато, чем кафтан; однако для этих слоев украшений почему-то не были сделаны ни фото, ни чертежи, а описание остатков этой одежды путано и при этом смешано при публикации с остатками погребальных пелен (ср.: Акишев 1978, с. 41, 49–50; табл. 16). Богато декорирована золотом (в том числе на спине) и рубаха юэчжийского князя в Тилля-тепе на севере Афганистана (рис. 119, 3, 5).

³⁸⁴ Волшебный конь «бура» на шаманских бубнах подчас изображался именно с рогами горного козла, и нет оснований вслед за Л.П. Потаповым считать это «ошибками» художников-шаманов (ср.: Потапов 1935, с. 136; рис. 4–5). Козел рассматривался как волшебный конь шамана у туркмен, в этногенезе которых общепризнан значительный иранский пласт (ср.: Басилов 1986, с. 102).

быть без труда идентифицировано с конкретным божеством индоиранцев (Кубарев 1987, рис. 42; табл. LXII, 12–13; The Altai Culture 1995, № 91)³⁸⁵. Сходные монголоидные личины со звериными ушами у пазырыкцев помещались и на конской узде (Пазырык, курган 1: в этом случае их иконография близка египетско-ахеменидским изображениям бога Бэса).

Не менее интересны и некоторые украшения прически пазырыкцев. Таковы упоминавшиеся наконечники в виде изогнутого рога горного козла или его схематичной имитации из Уландрыка IV, Ташанты II и Барбургазы I. Совсем не обязательно связывать ношение таких украшений, как принято думать, с непосредственно тотемистическими представлениями, сохранявшимися на Алтае до XX в.³⁸⁶

Особая защитная роль костюма породила у многих индоевропейских народов сюжеты о волшебных *шапке и поясе* — наиболее значимых элементах мужского костюма. Поэтому у некоторых этнических групп (таджики верховьев Зеравшана) даже дети ходили только с покрытой головой (Рассудова 1970, с. 25). Несомненно, важнейшую защитную функцию выполнял *пояс*, в частности плетеный (например, у взрослого мужчины в древнем Иране: Avesta. Vend. 18. 2–15, 23, 115). В представлении зороастрийцев пояс (*kustig*) из 72 шнурков по числу глав Ясны отделял верхнюю часть тела, уподобляемую раю, и нижнюю, порождающую, отданную демонам («Гузастак Абалиш»: Бертельс 1997, с. 44–45). Позже шнур-пояс символизировал у них также мистическую связь группы людей, выполняющих определенный ритуал, в частности погребальный (Мейтарчян 2001, с. 117, 120). В алано-осетинской традиции пояс распускали вне дома только в исключительных случаях. Так, при заключении группового побратимства перед военным набегом юноши-сверстники распускали их друг другу. Новобрачная могла спать с мужем лишь после того, как ей развязывали пояс у святилища богини плодородия (Чочиев 1985, с. 47, 66, 131–134). Вероятно, магической защитой окруженного им тела служил пояс, сплетенный из 12 шерстяных шнурков, у одного индо-скифского аристократа (рис. 137, 39).

Как у детей, так и у взрослых пояс мог фактически представлять собой низку амулетов (надо учесть, что многие украшения таких поясов, сделанные из органических материалов, к сожалению, не сохраняются). Так, у девочки 10–12 лет из погребения 6 Восточного некрополя Неаполя Скифского (Бабенчиков 1949) на него были нанизаны 12 сверленных бараньих коленных косточек (астрагалов) и 5 пронизей из птичьих костей. У знатной дамы сарматского племени сираков на Кубани (Армавирский курган 1903 г.) к поясу подвешивались идоличик в виде женщины-роженицы и фигурка кабана (ОАК за 1903 г., 1906, с. 62–63). У аланок Верхнего Дона в VIII–IX вв. амулеты в виде различных костей собаки или лисицы подвешивались к поясу (Плетнева 1961, с. 193)³⁸⁷. У молодой женщины из синхронного пещерного погребения 4

в Нижнем Архызе (Карачаево-Черкесия) на тазе находился тонкий ремешок, к которому подвешены круглые амулеты из раковин, стеклянные бусы, плоды и косточки растений, зуб оленя (Кузнецов 1993, с. 124). В синхронном аланском могильнике Хасаут найден «жреческий» (видимо, также женский) пояс хорошей сохранности. Он связан узелками из двух тонких ремешков. В свою очередь, к ним подвешивалось на коротких ремешках через равные промежутки несколько разнообразных амулетов — рог, бронзовая фигурка лошади, крупная стеклянная бусина, мешочек с тремя конусообразными «фишками» внутри и др. (Кузнецов 1992, с. 297; рис. 67)³⁸⁸. У мужчин к поясу иногда подвешивали по несколько (обычно по семь)

³⁸⁵ Сходный мифологический персонаж с ушами и (или) рогами копытного в петроглифах предполагаемых лоуфаней (район, примыкающий с севера к Ордосу) и саков Семиречья изображался как всадник верхом на олене (см.: Gai Shanlin 1986, fig. 117; Марьяшев 1979, с. 225; рис. 14). У осетин подобным образом представлялся бог-покровитель диких животных Афсати. Он очень тесно связан с оленями (на ритуальных масках изображался, видимо, в образе старика с рогами оленя; предстает в виде «хозяина стада золотых оленей», из оленьих рогов сделана его кровать и т.п.). Афсати (как и его индийский аналог Пасупати) имеет имя индоиранского происхождения. Видимо, первоначально он считался покровителем всех животных, включая домашних. Он представлялся огромным одноглазым старцем, восседающим на вершине самой высокой горы в стране. Этому персонажу есть аналог в облике Цернунна у кельтов (см.: Гуриев 1991, с. 14–19). То, что данный персонаж — единственный из антропоморфных в костюме пазырыкцев, отнюдь не удивительно. Еще недавно у живших на древней пазырыкской территории южных алтайцев в могилу из всех изображений божеств помещали лишь идола — покровителя диких животных (ср.: Тоцакова 1978, с. 132).

³⁸⁶ У индоиранцев Гиндукуша и Памира известны представления о богине-хозяйке горных козлов, помогающей женщинам при родах и т.п. (см.: Литвинский 1981). Ср.: в мифологии алтайцев с козлом связана богиня-хозяйка Земли-воды (Дьер-су).

³⁸⁷ У аланок Западного Предкавказья того же времени они крепились у нижнего края бокового разреза подола платья, справа (Иерусалимская 2001, с. 95).

³⁸⁸ К такому рода поясам пока нет необходимости причислять образец из могильника Амгата (Доде 1993, с. 15; 2001, рис. 13). На этом кожаном, украшенном набором бронзовых бляшек поясе подвешены кожаные ремешки (концы их оборваны), на которых, видимо, крепились различные бытовые предметы.

наконечников стрел. Таков, например, пояс скифского времени из кургана 4 могильника Айдын-Кул III (Таджикистан) (Литвинский 1968б, с. 89–90; табл. 6).

Видимо, особая охранная сила придавалось у иранских народов священному «узлу Геракла» (прямоу морскому) на поясах. Наиболее ярко это проявилось в раннесредневековом Согде. Здесь в ряде пунктов встречены терракоты VI–VII вв. с изображением божественного юноши, стоящего с расставленными ногами (Древности 1985, с. 197, № 487). Его одежду скрепляет пояс-кушак, детали которого переданы необычно подробно; он повязан «геракловым узлом», свисающие концы крепко зажаты в руках. Иногда

в интерьерах общественных зданий изображался «узел Геракла» сам по себе, как бы парящий в воздухе; внутри его могли помещаться головы драконов (Пенджикент, помещение с айваном одного из храмов: Беленицкий 1973, рис. 76).

Вероятно, оформлению подола платьев и рубашек девочек и молодых женщин придавалось большое значение. В частности, края подола нередко оставляли неподшитыми или делали бахромой, которая в таджикско-узбекской традиции отчетливо ассоциировалась с плодородностью, «приплодом». Таково, вероятно, значение оформления подола рубашек рубежа V–VI вв. в Тохаристане (могильник «Курган») (см.: Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 324–325).

Важную роль играл ритуальный крой ряда предметов одежды из множества разноцветных лоскутков. Подчас археологи невольно модернизируют ситуацию, видя в подобных случаях у знатных лиц проявление особой скупости, аскетизма и т.п.: «Вся одежда, обнаруженная в пазырыкских погребениях, вне зависимости от статуса умерших, была поношенной, с заплатами и штопкой». Отсюда делается вывод, что специальной ритуальной одежды (в частности, погребальной) у пазырыкцев не было (Полосьмак 2003, с. 141). На деле же аккуратное шитье из тщательно подобранных мелких фрагментов тканей или меха вовсе не обязательно объяснялось именно экономией тканей³⁸⁹. Примеров магического кроя из лоскутков этнография иранских (и шире — индоевропейских) народов дает немало. В одних случаях «лоскутный» облик одежды формировался постепенно (в процессе носки), в других — планировался изначально. К ситуациям первого типа можно отнести использование поношенной нательной рубахи в раннесредневековой Европе (которая, как уже отмечалось, была оберегом носителя, его «второй кожей»). На нее по мере износа нашивались все новые и новые заплатки; когда же она приходила в полную негодность, ее разрезали на лоскутки, которыми затем латали для магической защиты... новую рубашку (см., например: Горбачева 2000, с. 23).

Примером ситуаций второго типа был обычай *горных таджиков*, в случае если в семье долго не рождались или часто умирали дети, изготавливать для новорожденного особый халатик «джомачаи гадои» из разноцветных лоскутков, подаренных в семи домах. Шили его по частям несколько замужних женщин из зажиточных домов, имевших много детей. К плечам этой одежды крепили мешочки с деньгами и сладостями, изображения различных оберегов из ткани. Халатик надевали на ребенка на 40-й день и устраивали угощение для участвовавших женщин (см.: Рассудова 1970, с. 31, 33). В могильнике эпохи бронзы — раннего железа Загунлук в Синьцзяне из разноцветных лоскутков также шили весь халатик и другую одежду; кроме того, ее украшали спереди нашитыми лентами из подобных разноцветных лоскутков (ср.: Майтдинова 2003, с. 162). Известен такой крой и в раннеисламском Иране (Читаз 2000, рис. 205).

В осетинском нартском эпосе часто фигурирует волшебная шуба-фетиш, принадлежавшая владыке «погибельной страны» духов Челахсартагу, которая «перед богом воротом поет, рукавами хлопает, полами пляшет», и говорится, что «нет ничего лучше» (см., например: Нарты 1989, с. 118, 375). Добыть ее требует жена Сослана, дочь Солнца — Ацирухс. Любимый герой эпоса Сослан пользуется другим волшебным предметом — парой старых башмаков, которые после молитвы якобы переносили хозяина издалека домой (см., например: там же, с. 98, 373).

Большую роль играло священное число 7 (реже — 8, особая роль которого до недавнего времени сохранялась в осетинской традиции). К сожалению, при исследовании древних погребений числовым параметрам украшений пока уделяется мало внимания. Так, у знатной сарматки периода 3 в Соколовой Могиле отмечено 7 перстней, 7 узлов на золотом ожерелье, 7 сосудов в ногах; кратное семи число бус многих типов на бусинном ожерелье, число подвешенных к ручке серебряного кувшина амулетов и т.п. (Яценко 1994б, с. 85). Семь простых бронзовых бляшек на груди — единственное украшение платья скифянки-простолюдинки из погребения 2/2 кургана 143 самого большого могильника Скифии — Мамай-Гора (Андрух, Тошев 2004, с. 28, 33). Весьма обычным было также использование числа украшений, крат-

³⁸⁹ Разумеется, кроме магических целей такой крой мог отражать и эстетические запросы пазырыкцев, как и частое простегивание больших площадей, о котором говорилось в главе 1.3.

ного 5 и 10. Характерный пример: 100 металлических однотипных бляшек наборного пояса в кургане 356 Алтыназара 4л в низовьях Сырдарьи (Левина 1996, с. 213–214; рис. 117–118).

Обряды с костюмом

По этому аспекту использования костюма источники весьма разнообразны. Во многих случаях следы обрядов удастся выявить при археологических раскопках (особенно в погребениях). Некоторые из подобных ритуалов отразились в изображениях божеств и реальных живых людей в местном искусстве. Письменные источники затрагивают эту тему лишь в очень редких случаях.

Для изучения данной темы большое значение имеют *этнографические* параллели (см., например: Маслова 1984), в том числе связанные с ритуальным использованием головных уборов (Гаген-Торн 1933б), обуви (Зеленин 1913; Оятева 1978; Курбатов 2002), особого погребального костюма (см., например: Jones 1967; Cunington, Lucas 1972; Конькова 1999). Для ираноязычных народов ниже приводятся наиболее архаичные традиции, не связанные своим происхождением с исламом.

1. Костюм как элемент жертвоприношения. Его облик при проведении обрядов

Ахеменидский Иран

Комплекты костюма жертвовались Ахеменидами для украшения священных деревьев в святых местах. Так, Ксеркс приказал вывесить на растущем в пустынной местности крупном священном дереве комплекты одежд, золотые ожерелья и браслеты и пребывал там с молитвами целые сутки (Aelian. Var. hist. II. 14). Во время жертвоприношений ради выздоровления члена царской семьи Артаксеркс приказал устлать всю дорогу между дворцом в Персеполе и храмом длиной примерно в 3 км пурпурными тканями и одеждами (Plut. Artax. XXIII). Из одежды в числе даров влиятельному храму Афины в г. Линдос на острове Родос персидского военачальника Артаферна, судя по сохранившейся храмовой хронике, были украшенные золотом *штаны*; целый набор парадной одежды посвятил этому же храму царь Артаксеркс III (358–337 гг. до н.э.) (Blinkenberg 1912, p. 334). При молении богам полагалось снимать часть парадных одежд. Так, Дарий I при молении Солнцу снял с себя халат-кандис и головной убор-тиару, оставив из значимых предметов только диадему (Polyaen. Strat. VII. 12).

Восточные кочевые соседи скифов

У жителей «внутренней Скифии» посвящали богу войны пояса (P. Mela. De Chor. II. 15).

Индо-скифы

Иногда Будде посвящался комплект драгоценного парадного костюма знатной женщины. Так, в основании одной из буддийских ступ в Гандхаре середины I в. н.э. найден реликварий с набором золотых украшений: семь типов нашивных бляшек, серьги и застёжки халата (?), два ожерелья и два перстня (см.: Czuma 1985, p. 166–167; No. 82). Вероятно, здесь находилось и парадное шелковое платье. Все это принадлежало жене некоего Кадамы, жившего в правление завоевателя этой области, первого кушанского императора Куджулы Кадфиза. Вероятно, и сами завоеватели-кушаны следовали такому обычаю, хотя он возник несколько ранее в среде местной западноиндийской знати³⁹⁰.

Согдийцы

Здесь на росписях Пенджикента VII–VIII вв. (помещение I/10) мы видим во время ритуального пира воткнутые в мужские колпаки зеленеющие ветки миндаля (украшение головного убора умершего веточками отмечено и в могильнике конца эпохи бронзы Загунлук в Синьцзяне). Здесь же в белые одежды облачен не только жрец, но и все участники моления. В сцене жертвоприношения у всех присутствующих сняты головные уборы.

³⁹⁰ Таковы, например, два реликвария самого рубежа нашей эры, найденные в ступах на территории бывшего княжества Оди (в долине р. Сват), где в это время правила династия Апрака. Они посвящены Будде князем и женой одного из аристократов, но набор украшений в них примерно одинаков — это парадное ожерелье и нашивные золотые бляшки в форме цветочной розетки (Salmon 2003, fig. 4; 25–28).

Алано-осетины

У осетин было принято приносить в жертву богу-громовержцу среди прочего лучшую одежду человека, убитого молнией. Ее не клали в могилу, а вывешивали перед ней на специальном шесте (Осетины

сти жертву духу его умершего отца. Для этого нужно было один его сапог (видимо, правый: см. ниже) наполнить доверху пеплом от сожжения большого числа дорогих женских шелковых одежд (см., например: Нарты 1989, с. 300, 311). Считать это заменой человеческой жертвы (Абаев 1979, с. 228) вряд ли имеет смысл; аналогичную жертву путем сжигания драгоценных пурпурных одеяний совершил по важному поводу царь Лидии Крез (Her. Hist. I. 50). В связи с этим весьма интересна серия керамических сосудов в виде туфель у «поздних скифов» Крыма и в виде сапожков на рубеже бронзового и железного веков в Иране: аналогичные сосуды (часто изображающие парадные изделия с богатым декором, переданным во всех деталях) известны у кельтов, ранних германцев и других индоевропейцев; осмысление таких изделий неясно.

Отмечавшаяся выше особая значимость головного убора приводила к тому, что в культовых сценах мужчины сармато-аланов обычно изображались с непокрытой головой. Объясняется это тем, что головной убор, видимо, снимался при общении с божеством и в других, подчас менее значимых случаях (например, у осетин мужчины снимали головной убор, когда в дом приходили женщины из другой семьи).

Ритуальное укрывание жертвенной пищи верхней одеждой (буркой) имело место за неделю до Нового года, во время праздника, посвященного домовому. После обращенной к нему молитвы все жители гасили свет и на долгое время выходили из дома (Уарзиаты 1995, с. 40).

В ряде общин мужчина-старейшина, совершавший раз в году паломничество к родовому языческому святилищу, обязан был приходить туда чистым и в новой одежде, *сшитой им самим*, а не женщиной (что в иных обстоятельствах было невозможно) (см., например: там же, с. 135).

Горные таджики

У них, как и у осетин, в святых местах полагалось оставлять их «хозяину» оторванный от одежды лоскут. Такие лоскуты привязывали к веткам растущего в святом месте куста или дерева, и отрывали их, в частности, путники перед опасным участком горной тропы. Кроме того, в святилище посвящали пряди или (чаще) косички детских волос после первой стрижки ребенка, а также первую младенческую (20- или 40-дневную) рубашку, если он болел (Кисляков 1970, с. 9, 15).

Кафиры

К алтарю бога войны Гиша кафиры клали одежду убитых врагов (Йеттмар 1986, с. 94); на праздник этого бога женщины устраивали особую пляску, переодевшись в одежду мужей и размахивая их оружием (Йеттмар 1986, с. 94).

В целом преобладало жертвоприношение комплекта парадной одежды, часто с драгоценными аксессуарами.

2. Костюм в погребальном ритуале

Подобные обряды обычно связаны с особым подбором предметов для погребения, особым цветом одежд покойного, либо с помещением отдельных предметов костюма в могиле *вне тела* умершего человека, либо с *видоизменением* этих предметов (специальной поломкой или деформацией, изъятием части деталей и др.), а также с обрядами, совершаемыми древними грабителями над остатками костюма обираемого покойника.

Индоевропейское население Восточного Синьцзяна эпохи бронзы — скифского времени

В могильнике Загунлук (у совр. г. Черчен) упоминавшийся прототип иранского кандиса был брошен поверх погребенного. В некрополе, исследованном в 1979 г. на оз. Лобнор, девочка была завернута в очень широкое, не по размеру платье взрослой женщины, данное ей «на вырост» (?) (Му Шунь Инн, Ван Мин Чже 1985, с. 20, фото 19). В некрополе Субеши в одной из могил, изученных в 1992 г., у юноши был

сапог только на одну, левую ногу (см. ниже о сармато-аланах), а у женщины — одна левая рукавица (Pichangdaki Supechi ilkunji 1994). Позже, в эпоху европейского эллинизма в могильнике Субеши высокий двусоставный головной убор женщины не помещался в могиле, и тогда его верхнюю часть отделили и положили хозяйке на грудь (Pichangdaki Supechi ügümk 1994, s. 40).

Иран

Ахеменидского царя готовили к погребению в парадных одеждах; их, в свою очередь, закрывали «до-рогими похоронными покрывами» (Plut. Artax. XII. 64). Умершего обряжала его жена, используя все лучшие наличные драгоценности (см., например, погребение лица неясного пола в бронзовом саркофаге из цитадели Суз 1901 г., где покойного сопровождали золотые вещи со вставками самоцветов: большое число ожерелий, гривна, браслеты, серьги, пуговицы; многие из этих предметов имеют следы износа — выпавшие вставки и др.: Tallon 1992, fig. 54; Nos 171–179). В случае, если это был сановник, его украшения помогали нести его помощники, а одежду мог нести сам царь (Хен. Кур. VII. 3.5–7). В гробнице Кира Великого в Пасаргадах, по сведениям Аристобула, погребальное ложе было застлано шкурами, окрашенными пурпуром, на них были положены предметы его одежды, *уже бывшие в носке*, — плащи разных цветов (темные, пурпурные и др.), его любимые индийские шаровары и вавилонский плащ, золотые браслеты и серьги с самоцветами, а посередине ложа стоял золотой гроб с набальзамированным телом (Arrian. Alex. 29. 5–6). В более позднее время мы встречаемся и с иными представлениями. По верованиям зороастрийцев, в конце времен Творец подарит всем воскресшим *новую* прекрасную одежду (Saddar Bundereš. 32–37; Крюкова 1995, с. 77). Однако при похоронах поздние зороастрийцы надевали на покойного чистую, но *старую* одежду, из наплечной одежды — одну рубаху. Носильщики же трупа должны были надевать все белое (как и все участники погребальной процессии), включая перчатки. При помещении умершего в «башню молчания» они разрывали одеяния трупа, сбрасывая их остатки в центральную яму башни (Мейтарчян 2001, с. 117, 120–121, 139).

Скифы-сколоты

У них известны случаи символического помещения в мужскую могилу вещей жены. Так, в Большом Рыжановском кургане начала III в. до н.э. женщину символически замещали декорированный золотом *головной убор* («скифский калаф») и веретено. При этом пришивавшееся к убору покрывало было аккуратно откинута от лицевой части под углом около 100 градусов. Получалось, что заменявший жену головной убор вполне зримо маркировал тело отсутствующей супруги, она «лежала» в ногах мужа перпендикулярно ему и повернута «лицом» направо от него (ср.: Chochorowski, Rydzewski, Skoryj 1999, photo 7; план могилы — s. 45). У покойного мужчины (?) из кургана 8 в Елисаветовской украшения костюма размещались в ногах (в ларце хранилась одежда, расшитая золотыми бляшками); здесь, замещая хозяйку, присутствовали женский головной убор и ожерелья (ср.: Мирошина 1977, с. 92; L'or 2001, p. 111).

В курганах скифской знати одежды и головные уборы умерших, расшитые бляшками, развешивались на железных крюках, вбитых в стены погребальных камер (ср.: Степанов 1915, с. 12–13; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 63, 114). В северо-восточной камере 2 Чертомлыка, где захоронили воительницу с колчаном, были помещены два костюмных набора, включающие платья (одно из них, вероятно, кожаное с отделкой мехом, другое — из коричневой шерстяной ткани с зелеными и красными полосами), а также пару головных уборов-«калафов» и пару наплечных украшений-«сеточек» (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, № 113–115, 121–122, 124, 127). В юго-восточной камере 1, видимо, было совершено *символическое*, без помещения тела захоронение одной из «цариц»; однако в ее камере был развешан на крюках полный набор костюма с золотым декором, включавший парадные платья, два головных убора — «скифских калафа», наплечное украшение — «сеточка» и два золотых перстня. Женщина была воительницей, и в ее могиле вдоль стен были расставлены наконечники стрел.

У царя в Чертомлыке в камере 5 кожаные одежды с золотым декором были положены в специальной нише Н; на гвоздях, вбитых у соседней ниши К, видимо, висели боевые пояса с подвешенным к ним оружием. Также существовал обычай помещать один предмет парадного мужского костюма в ямку-тайник у входа в погребальную камеру наряду с предметом вооружения (украшенные золотом меч или колчан). Так было в Толстой Могиле (золотая пектораль) и Мелитопольском кургане (пояс). В Золотом кургане пояс лежал вместе с панцирем (ОАК за 1890 г., с. 4 и сл.). В Нимфейском кургане 4/1876 г. в особой «кладовой» рядом с панцирем стоял на треножнике большой бронзовый котел, в котором вместе с губкой находились какие-то предметы одежды из холста, меха, а также из узорчатой ткани (ОАК за 1876 г., с. XVII).

У женщин известно размещение предметов костюма в головах. В Александропольском кургане (Древности I, 1866, с. 1–25) в северо-восточной гробнице в головах лежала истлевшая ткань, расшитая серебряными бляшками — возможно, остатки платья. В рядовом комплексе кургана 5/5 у Златополя в 40 см за головой находились украшения головного убора (Клочко 1982, с. 123). Реже встречаются другие варианты; так, у княгини из Куль-Обы золотые серьги положены отдельно, «близ пояса» (Древности Босфора 1866, с. XIX).

В главе 1.2 высказано предположение, что пары головных уборов и платьев «цариц» в камерах 1 и 2 в Чертомлыке связаны со сменой одежды по двум основным сезонам, как это документировано у Ахеменидов. При этом на даме, похороненной в саркофаге в камере 4, был надет иной — конусовидный, более скромный по оформлению головной убор с золотой начельной лентой, серией мелких однотипных бляшек от верха и пурпурным головным покрывалом (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 62). Несколько иную картину мы наблюдаем подчас у лиц менее высокого ранга. В кургане 9 у с. Большая Лепетиха первой половины IV в. до н.э. знатная воительница была похоронена в более чем скромной одежде без золотых бляшек, пластин и т.п. Комплект парадного костюма (головной убор, наплечное украшение — «сеточка», а также браслеты) был помещен при этом в одну особую нишу; в другой лежало ее оружие (Евдокимов, Данилко 1996, с. 39; Вітрик, Данилко 2002, с. 139–142).

Несколько экзотична (и пока лишена аргументации) версия Ю.А. Виноградова о том, что знаменитые драгоценные изделия греко-скифской торевтики с изображениями скифов и многие золотые костюмные аксессуары изготовлялись «исключительно для помещения в могилу» (Виноградов 2000, с. 102). Подобные факты для индоевропейских народов, насколько мне известно, не документируются.

У восточных соседей и ближайших родственников скифов — *савроматов* Нижней Волги в богатых курганах известны тайнички с элементами женского костюма. Так, в кургане 2 у Сазонкина Бугра первой половины V в. до н.э. в парной могиле супругов между их головами в дне могилы был вырыт тайничок с нишей. В ней размещались золотая шейная гривна, ожерелье, золотые серьги и бляшки от какой-то одежды, т.е. прежде всего украшения, связанные с этой частью тела умершей (головой) (см.: Берхин-Засецкая, Маловицкая 1965, с. 147). Отмечены также обряды с головным убором. У нижнедонских савроматов в кургане 2/15 Сагванского I, по данным Ю.А. Смирнова, женскую налобную повязку, расшитую разноцветными бусами, небрежно бросили в остатки тризны на краю ровика могильного кургана (ср.: Гей 1978, рис. 115).

Пазырыкская культура

У пазырыкцев надежно документирован распространенный в древности обычай класть в символическое захоронение одетую куклу человека, чей труп по каким-то причинам не мог быть захоронен на родовом кладбище. Видимо, такое символическое погребение в одном случае связано с мальчиком (курган 2 Уландрыка I) (Кубарев 1991, с. 41–42; рис. 30, а). Иногда, если рядом с умершей женщиной не было возможности похоронить мужа, его символически замещали два важнейших знаковых элемента мужского костюма — его *головной убор и пояс* (Ак-Алаха 5, курган 1; ср.: Полосьмак 2001, с. 90). В Катандинском кургане покойные были, видимо, погребены без украшений и парадной одежды. Наиболее значимые предметы последней (шуба-кандис, «фрак» и нагрудник) были при этом помещены в свертках на перекрытии могилы (Радлов 1989, с. 446, 448).

Вероятно, у пазырыкцев, как и других кочевых иранских народов древности (например, у скифов), существовал обычай *сохранять* некоторое время одетый труп умершего для объезда с ним родственников и для захоронения в нужном месте и в нужное время. Именно из-за этого, скорее всего, одежда умерших (даже в тех случаях, когда мумифицированный труп обнаружен в могилах с необвалившимся сводом и несдвинутой крышкой гроба) содержит, по данным В.В. Малахова, до 10% и даже до 25% пыли и грязи (ср.: Полосьмак 2003, с. 139)³⁹¹.

В пазырыкских могилах целый ряд изделий заменялся их копиями из дерева или уменьшенными моделями, особенно у детей (конская узда, иногда разные виды оружия, зеркала и др.)³⁹². В костюме это касалось гривен и парадных наборных поясов, которые, видимо, наследовались и поэтому в могилу не поме-

³⁹¹ Н.В. Полосьмак объясняет этот факт в духе современного прагматизма, т.е. полагает, что все дело в особой нечистоплотности этого народа — в нежелании при жизни стирать и вытряхивать одежду.

³⁹² Ряд современных исследователей пазырыкской культуры всерьез считают, что кочевникам Горного Алтая, не знавшим особого дефицита металлов и иного сырья, было необычайно удобно носить пояса или использовать конскую уздечку (т.е. предметы, на которые регулярно приходилась большая механическая нагрузка) именно из весьма непрочного материала — местного дерева.

щались³⁹³. По удачному выражению З. Самашева, у пазырыкцев, «уходя из жизни, человек как бы погружался в иной мир — мир дерева» (Самашев, Мыльников 2004, с. 182); действительно, у многих индоевропейских народов существовало убеждение, что покойник не любит металла. И у русских еще недавно старались заменить все металлические детали костюма деревянными (Зеленин 1991, с. 374).

В некоторых погребениях мы встречали отдельные аксессуары костюма в двух экземплярах у одного умершего (два головных убора — Барбургазы I, курган 25; две гривны — Юстыд XII, курган 25). Подобная традиция прослеживается и в погребениях знатных женщин у европейских кочевников (скифский Чертомлык, аланский Хохлач); она, видимо, была связана либо с выполнением этими лицами и после смерти различных ритуальных функций (Yatsenko 1992, p. 758), либо с тем, что они предназначались для двух сезонов года. Н.В. Полосьмак предполагает у женщины в кургане 2 Пазырыка наличие двух комплектов костюма (шубы, рубахи, юбки), по две пары кожаной и войлочной обуви. В кургане 3 Пазырыка мужской войлочный кафтан-дождевик поместили в конскую могилу, возможно, для того, чтобы прикрывать какие-то ценные детали парадной упряжи.

Различные манипуляции производились при помещении в могилу головных уборов. Так, иногда в южной части Горного Алтая женский убор клали в сумочку (Уландрык II, курган 5), «чехол» — вообще вне гроба (Юстыд XII, курган 19; Ак-Алаха 3), а убор мужчины или мальчика — в миску (Барбургазы I, курган 25; Уландрык I, курган 6). Подшлемник клали под подушку (Верх-Кальджин 2, курган 1). В том же некрополе при помещении в могилу мужского головного убора его костяная застежка, крепившаяся под подбородком, была сломана пополам («убита») и положена перед лицом умершего (Молодин 2000, с. 104).

Обрезание кос перед погребением у ряда женщин (Пазырык, курган 2; Юстыд XII, курган 16), как уже отмечалось, должно было, видимо, демонстрировать их посмертную связь с мужем (вспомним аналогичный обычай у осетин и находки отрезанных женских кос в хуннских курганах Ноин-Улы). У женщины из Пазырыка голова была обрита (это вовсе не обязательно связано с посмертной трепанацией черепа, как часто думают), а косы, вероятно, были отрезаны. У основания обе косы были закручены в пропитанный клеем узел (Руденко 1953, с. 130).

На умерших не было принято надевать целый ряд совершенно необходимых в быту предметов одежды: плащи, набедренные повязки, а в восточной части Горного Алтая для предотвращения вредоносного воздействия покойного — штаны (в последнем случае, вероятно, речь идет об охранительном обряде против «оживающего» покойника: Кубарев 1987, с. 85 и сл.).

У наследников многих традиций пазырыкцев — южных алтайцев было принято хоронить умершего мужчину в лучшей одежде и с любимыми вещами. Женщину хоронили в одежде, в которой она впервые вошла в дом мужа (т.е. в свадебной), при этом особое внимание уделялось костюму и другим вещам многодетных матерей (Тощакова 1978, с. 142, 149). Похоже, и у пазырыкцев умерших тоже хоронили именно в парадной одежде, хотя и ношеной, чиненной, причем разные одежды одного хозяина могли использоваться с разной интенсивностью (понятно, что сильнее остальных изнашивались в условиях всаднического быта штаны, а парадная верхняя плечевая одежда могла носиться долго).

Племена Тувы скифской эпохи

В парной могиле 5 Аржана 2 у мужчины были сняты пояса и положены вместе с предметами вооружения в стороне, на уровне груди, рядом с протянутой левой рукой умершего. К портупейному поясу были подвешены холодное оружие (чекан/пробойник) и плетъ (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 18, 24, 25; Аржан 2004, с. 19). У похороненной здесь женщины на отдельный деревянный столбик в головах была повешена золотая пектораль ближневосточной конструкции, но с местным декором в «зверином стиле», возможно выполненная по заказу кочевников в Китае: Чугунов 2004, с. 276; здесь же находились кожаные сосуды (Čugunov, Parzinger, Nagler 2003, Abb. 28; Аржан 2004, с. 20–21).

В символическом захоронении (кенотафе) при отсутствии самого трупа в кургане 15 могильника Догээ-Баары 2 ряд вещей были положены так, словно они были надеты на тело умершего (Чугунов 1996, с. 71): *портупейный* пояс с подвешенными клевцом и кинжалом, бронзовая гривна, обтянутая золотой фольгой, и золотая серьга. Можно думать, здесь был и несохранившийся (сделанный из органических материалов) головной убор. На прилегающей стене на бронзовом крючке крепился второй — *парадный* пояс отсутствующего покойника с подвешенными к нему деревянным ковшом и колчаном со стрелами. В данном случае символическое значение пояса акцентировано.

³⁹³ И у нынешнего, уже тюркоязычного населения Южной Сибири в эпических сказаниях герой часто обретает пояс отца наряду с оружием и конем.

Сармато-аланы, средневековые аланы и осетины

Материал по сарматам и аланам (как по огромному числу погребений Сарматии и зон обитания ранне-средневековых аланов, так и по соответствующим осетинским обычаям, привлечшим внимание путешественников и ученых разных стран с середины XVIII в.) обилен и представляет, на мой взгляд, особую ценность. Уникален он и масштабами сохранения многих традиций в течение последних двух тысяч лет. «Этнографические» осетины высокогорных районов — потомки сармато-аланов оказались в этом плане крайне слабо затронутыми влиянием христианства и ислама.

Основной цвет одежд в сарматских погребениях, судя по материалам, рассмотренным в главе 2.2, был *красный*. (Позже у осетин в белом хоронили лишь людей, убитых молнией, т.е. богом-громовержцем, с которым ассоциировалось все белое.) В алано-осетинской традиции было принято хоронить умершего в парадной и обычно в новой одежде, причем полагалось надевать сразу несколько одежд (до пяти у женщин), которые часто шили родственники незадолго до смерти (Гаглоева 1964, с. 224–225; Калоев 1984, с. 77). В архаичных сюжетах осетинского нартского эпоса и в записях этнографов также упоминается специальная погребальная новая одежда (Осетины 1967, с. 54; Нарты 1989, с. 254), причем воин, отправляющийся на опасное дело далеко от дома, на всякий случай надевал иногда похоронную одежду (Нарты 1989, с. 254). В сказании «Гибель Сослана» этот полубог требует похоронить себя в заранее приготовленной новой шелковой одежде. В другом сказании считают достойным похоронить умерших героев в новых одеждах из золотой парчи (там же, с. 29). Все это прослеживается и в сарматских могилах (включая редкие погребения для отсутствующего умершего — кенотафы), где знатные умершие явно лежат в роскошных одеяниях, а многочисленные золотые бляшки-аппликации обычно не имеют следов износа.

Однако правило погребать умерших в парадной и новой «погребальной» одежде соблюдалось не везде и не всеми группами сарматов и аланов. Так, у средневековых западнокавказских аланов в VIII–IX вв. умерших чаще хоронили в уже носившейся одежде, с заплатами и т.п. (Орфинская 2001б, с. 10). Хрестоматийным примером такого рода является так называемое «рубище бедняка» — кафтан из Мощевой Балки обычного кроя, но сильно поношенный и весь покрытый заплатами (Иерусалимская 1978, рис. 13; Орфинская 2001в, с. 112).

В мужских могилах аланов Северного Кавказа рубежа VII–VIII вв., как у более ранних скифов, с мужчиной, видимо, иногда хоронили набор женских аксессуаров, символизирующих присутствие с ним жены. Такие наборы (серьги, перстни, бусы, браслеты, зеркало) могут лежать или около одной из рук мужчины, или в особой сумочке (в катакомбе 341/1 могильника Клинь-Яр последняя помещена слева от входа в погребальную камеру) (Коробов 2003, с. 243). Вероятно, часть амулетов из мужских могил верхнедонских аланов VIII–IX вв. является даром жен (Албегова 2000, с. 10).

Некоторые важные костюмные аксессуары (золотые гривны, браслеты) сармато-аланы подчас перед помещением в могилу предварительно «умерщвляли» для ношения *мертвым* хозяином (деформировали их ударами, неестественным выгибанием, насечками и т.п.); так, в Ногайчикском кургане (период 2) гривна была надета на умершую задом наперед (объемными выступами с фигурками животных к затылку) (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 67). Вместе с тем у них не известен обычай *распрямления* поясов и гривен, бытовавший у части финнов (Красноперов 2006, с. 10) и тюрок (Евглевский 1998) Восточной Европы. Иногда в карманы одежды помещали пищу для умершего (так, у средневековых кавказских аланов в западный карман платья могли положить горсть обычного в местных горах лакомства — лесных орехов: Иерусалимская 2001, с. 94).

В Сарматии фибулы подчас помещались не на костюме, а отдельно от умершего: за головой (Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: женщина из погребения 117 — 2 экз.; Высочино V, курган 18 у устья Дона) или в миске (Бельбек IV, ребенок из погребения 195). Последний вариант неоднократно отмечен в синхронных могильниках Озерное II (Юго-Западный Крым) и Кобяково (устье Дона).

Часто набор мелких аксессуаров костюма помещался у женщин в отдельном мешочке. Показательны в этом плане комплексы Ногайчикского кургана, Соколовой Могилы и Чугуно-Крепинки. В этих и других (Кобяково, курган 10; Пороги, могила 2) могилах аристократок парадные пояса в могилу не клали (видимо, они оставались в семье). В одном случае слева у пояса взрослой женщины крепился мешочек с тремя сломанными маленькими фибулами и четырьмя детскими браслетами (младенец был похоронен у нее в ногах: Заветное, могила 43: Богданова 1956, с. 37–38). Древние грабители, полностью «обчистив» покойного, подчас сознательно оставляли на месте *пояс*, даже расшитый золотыми бляшками (Танаис, курган 22/7; ср.: Чалый 1979, с. 4; рис. 10). У мужчин раннесредневековых аланов под Кисловодском в первой половине VIII в. пояс иногда помещался в особом сосуде слева от входа в могильную камеру (Лермонтовская

Скала II, катакомба 12) (Коробов 2003, с. 252); в склепе 3 у горы Кугуль наборный пояс с серебряными бляшками (Рунич 1979, с. 240, рис. 6) лежал на полу у входа в склеп рядом с керамическим кувшином; при этом на покойном был надет другой, гораздо более простой пояс с единственной серебряной пряжкой.

В уцелевших *тайниках* курганов аланских мужчин-аристократов нижнего Дона I–II вв. н.э. мы часто видим наряду с другими вещами *всего один предмет парадного костюма* (золотой пояс — совхоз Мясника, курган 3; золотой браслет: Дачи, курган 1: Беспалый, 1992). У женщин, в частности у знаменитой царицы в Хохлаче, предметы парадного женского костюма (золотая диадема, предполагаемые бляшки от покрывала, браслеты и др., а также чаша с тканью из «золотистого шелка») лежали, по данным Н. Борисьяка, в одной из четырех «куч» вещей в насыпи кургана (Борисьяк 1864, с. 211–212). Интересно, что в названных комплексах у мужчин крупные золотые аксессуары абсолютно новые, а у женщин — поношенные, с выпавшими каменными вставками и т.п. Возможно, у последних это связано с включением их в комплект свадебной одежды, носившейся женщинами нескольких поколений.

Вероятно, в ряде случаев с умершего снимали один сапожок. Так, во впускной женской могиле периода 3, найденной Каховской экспедицией в 1968 г. (Любимовка, курган 26/2)³⁹⁴, при общей хорошей сохранности нижней части костяка обшивка голенища сапожка рядами из 50 стеклянных коричневых боченкообразных бус присутствовала только на левой ноге. Речь идет о снятии именно *правого* сапожка, особая ритуальная роль которого документируется у многих народов Евразии (клятва, принятие в новый род и т.д.) и отразилась в том числе в Библии³⁹⁵. Пару женских туфель подчас ставили отдельно в ногах умершей слева в «неестественном» положении ногами друг к другу (период 4: Усатово, курган F-16) (см.: Синицын 1947, с. 53; рис. 26).

В ряде погребений женщин-аристократок периода 3 перемещение украшений костюма связано с обычаем посмертного отсечения правой руки (вариант особого отношения к отсеченной правой руке в иранской традиции) (Кобяково, курган 10; ср.: Прохорова 1998, с. 20), кистей обеих рук (Соколова Могила: Ковпаненко 1986, с. 12; рис. 6), а в период 2 — помещения одной или двух рук в небольшие серебряные сосуды (Ногайчик, Песчаный). Перстни с пальцев и браслеты перед этим снимали и укладывали в отдельном скоплении или мешочке³⁹⁶.

При помещении в могилу женский головной убор могли класть за головой (период 4: Высочино V, курган 18). Головное покрывало в момент прощания с умершей (?) иногда откидывали в стороны от лица, как это видно по размещению ряда украшений края в одной из могил периода 1 (Новочеркасск, курган, исследованный в 1973 г.). (Кстати, еще недавно у осетин существовал обычай брать головное покрывало для похорон замужней женщины в доме ее отца: Калоев 1984, с. 77.) В период 3 женскую диадему при этом, возможно, иногда разрывали на две части, оставляя умершей лишь около половины (правой по отношению к ней); это можно предположить на основании сохранности украшений в кургане 46 у Усть-Лабинской (ср.: Засецкая 1999, с. 170). В осетинском погребальном обряде головной убор умершего мужчины часто не клали в могилу: он служил призом на поминальных скачках (Калоев 1971, с. 179).

У аланов Кисловодской котловины VI–VIII вв. поясная пряжка и сам пояс могли размещаться кроме обычного положения и у головы или у одной из рук (Коробов 2003, с. 221), у правого плеча (Афанасьев 1979, с. 172). На покойного могли накидывать шубу (парное женское пещерное погребение 4 в Нижнем Архызе: Кузнецов 1993, с. 123). Судя по эпосу, у средневековых аланов члены семьи надевали на палец умершего перстень, чтобы потом узнать его в царстве мертвых (Кузнецов 1980, с. 86, 91). Наконец, у верхнедонских аланов IX в. женский нагрудник также мог размещаться за головой (Верхнесалтовский, катакомба 27/1996 г.: Колода 2004, с. 232, рис. 12, 3, 9).

Юэцжи/кушаны Бактрии

В могильнике Тилля-тепе костюм умерших, в отличие от сармато-аланов, явно часто надевался при жизни. Сильно стерты все застежки, браслеты, перстни. Во многих случаях линии бляшек не сплошные, так как некоторые из них выпали и были потеряны (могилы 1 и 4). Наиболее сильный износ у тех элементов, которые чаще остальных терлись о другие предметы костюма³⁹⁷.

³⁹⁴ Материал из личного архива А.В. Симоненко. Предоставлен в 1988 г.

³⁹⁵ «Прежде такой был обычай у Израиля при выкупе и при мене, для подтверждения какого-либо дела: один снимал сапог свой и давал другому, и это было свидетельством у Израиля» (Руфь. 4. 7). См. подробнее: Оятева 1978, с. 90–91.

³⁹⁶ Так, в Ногайчике в подобной сумочке наряду с серебряными ложками и т.п. лежали три уникальных амулета (от браслета на запястье) и снятые с пальцев три кольца и перстень из золота и серебра (Зайцев, Мордвинцева 2003, с. 68).

³⁹⁷ Например, в могиле 3 из 45 бляшек типа 3.43 только в трех сохранились вставки из бирюзы; в могиле 6 сильно потерты нагрудный карман, в могиле 4 — обшивки рубахи на спине, в могиле 1 — тыльная часть рукавов и нагрудная повязка. Часто утеряны вставки из камней в золотых бляшках (в могиле 2 в ряду бляшек типа 2.10 по КATALOGU [Sarianidi 1985a] утеряны вставки по

С помещенными в могилу предметами костюма здесь совершали следующие обряды. В могиле 2 конусовидный головной убор был положен недалеко за головой умершей. То же положение такого же по форме головного убора мы видим на оссуарии из соседнего Хорезма, где изображена сцена прощания с умершей женщиной (Ток-кала, VII–VIII вв.: Гудкова 1964, рис. 27, б). В могиле 4 длинные чулки из ткани были небрежно положены поверх туфель; в могиле 3 золотые подошвы были положены между ногами. В некоторых могилах предметы костюма были использованы в качестве погребальных покровов и подстилок.

Как уже отмечалось в главе 2.3, погребение «западного купца» в могильнике Цзиньпань на востоке Синьцзяна начала III в. н.э. по многим параметрам может быть только кушанским (см.: Archaeological Treasures 1998, p. 229, No. 132; Синьцзян 1999, с. 4–16; Knauer 1999, p. 1181; fig. 27–30). Его костюм имел некоторые специфические погребальные элементы, причем в нем отразились как иранские (кушанские), так и китайские представления об облике комплекта для покойника. Умерший был в золотой портретной маске, на ногах была имитация в ткани полусапожек, повязанных вокруг щиколотки³⁹⁸). Верхний парадный кафтан был запахнут слева *направо*, что, видимо, отражает *китайскую* традицию (по китайским представлениям, мертвецу подобает халат, запахнутый «наоборот»: следовательно, первоначально такой кафтан носился, как обычно у ираноязычных народов, запахнутым *налево*).

Тохаристанцы и жители Ферганы

В эфталитское время в рядовых могилах горожан из «Кургана» видим предметы явно специально погребальной одежды *упрощенного кроя* (ср.: Елкина, Майтдинова, Козловский 1996, с. 316–317; рис. 95–96). Это шапочка-куколь из прямоугольного куска красной ткани, сложенной пополам и сшитой с одной стороны, и чулки также из одного куска ткани, сшитого «в форме ножен» с ленточкой-завязкой сверху (возможно, это имитация вязаных чулок типа современных джурабов). Шапочка аналогичного кроя в ряде случаев специально шилась для погребальной одежды женщин у таджиков на территории древнего Северного Тохаристана³⁹⁹. С парадных рубах взрослых и детей здесь при положении в могилу спарывали украшения (крупные бусины?) со своеобразной вертикальной декоративной нагрудной полосы (ср.: там же, с. 312).

В Фергане в кушанское время в Карабулакском могильнике у женщины из кургана 7, видимо, не было обычной одежды; однако тело от бедер до ног было укрыто наброшенной шубой, а лицо покрыто куском красного шелка размером 0,72×0,25 м. Перед грудью умершей (она была положена в скорченном виде на правый бок) помещен ее ременной пояс, скрученный в кольцо (Баруздин 1955). В раннесредневековом некрополе Мунчактепе в одежде «средних слоев населения» декоративная кайма из шелка на вороте, краях рукавов и подоле, вероятно, была съемной (Майтдинова 1996, с. 119), и при погребении эти дорогие детали были изъяты. Здесь также помещали в могилы поношенную одежду.

Кафиры

У них, как и у сарматов, умершего одевали в одежду *красного* цвета, что, видимо, символизировало принадлежность его к иному миру: духи-пери также носили именно красные одеяния (ср.: Йеттмар 1986, с. 64, 291). У древнего населения Индии, родственного иранцам, сама Смерть, как известно, ходит в одеждах именно темно-красного цвета.

Кочевники Северной Киргизии кушанского времени

У женщины, обнаруженной в кургане 9 Кенкольского могильника (1939 г.), расположенного на границе древних Усунь и Кангюя, практически все элементы костюма (налобная лента, отделка халата, кожаные сапоги, закрывающий лицо треугольный платок с завязками) также окрашены в красный цвет. Одежда умершей далеко не новая: она сильно изношена и имеет много заплат (Бернштам 1940, с. 9–10, 22–23).

Таджики

10 бляшек подряд); то же происходило и с погребальными покрывалами (которые тоже для каких-то целей часто использовались при жизни). Иногда утерянные бляшки в ряду заменялись сходными по форме (могила 3).

³⁹⁸ См. такую же имитацию в близкой по времени могиле князя государства Крорайна из того же района — знаменитого «Пустынного короля», — найденной в 1995 г. в Ние (Legasy 2000, fig. 27).

³⁹⁹ Ср.: Бабаева, Бахтоваршоева 1979, с. 129; рис. 1, в центре. Сходные по облику (но двухчастные) специфически погребальные куколки известны и у других индоевропейских народов, например у восточных славян (Маслова 1984, с. 90; рис. 22).

После смерти в доме, перед помещением в могилу, а также при переноске на кладбище тело умершего накрывали с головой его халатом (Троицкая 1971, с. 236, 239) (подобную картину мы видим и во многих погребениях древних иранцев).

К погребальной одежде женщин у таджиков предъявлялось больше требований (больше элементов одежды, причем считалось, что умершая должна быть одета полностью). Погребальная рубаша у лиц обоих полов отличалась от бытовой отсутствием боковин, ластовиц и рукавов, несшитыми боками; перед и спинка подола часто были разной длины. Мужчинам обертывали бедра куском ткани, а женщинам надевали специальную нагрудную повязку; концы обоих предметов не сшивались, т.е. были свободны. Мужчины были без головного убора, а у женщин он подчас имел простейшую форму капюшона (из квадратного куска ткани, сложенного по диагонали).

У детей погребальная одежда была разной степени комплектности в зависимости от возраста. Мальчикам с 12 лет надевали лишь набедренную повязку; взрослый комплект они получали с 15 лет. Девочке с 7 лет полагался полный комплект детской одежды — рубаша, штаны и платок, а с 14 лет — уже полный женский комплект (Бабаева, Бахтоваршоева 1979, с. 128–131).

Итак, в целом в погребальном обряде ираноязычных народов древности мужчину часто символизировал пояс, а женщину — головной убор. Наблюдалось дублирование некоторых предметов одежды (особенно головного убора). Отдельные элементы одежды могли помещать в головы, в ноги, перед грудью, в специальных сосудах или сумочках, а также вешать на вбитых в стену гвоздях, помещать в специальные стенные ниши или ямки, класть при входе в погребальную камеру. Головные уборы и обувь часто снимали с головы и конечностей и клали рядом. Во многих случаях сознательно помещался неполный комплект, отдельные аксессуары или нашитые украшения портились («убивались»). В отношении использования для умершего новой или, наоборот, поношенной, но любимой одежды у иранских народов уже в ахеменидо-скифское время не было единой традиции. Красный цвет господствовал в костюме как символ смерти лишь у отдельных этносов. Упрощенная погребальная имитация реальной одежды или удаление с нее украшений распространяется в отдельных регионах в начале средневековья.

3. Костюм на поминках и в период траура

Особое оформление костюма живых в период траура чаще всего заключалось в его цветовой гамме. Среди иранистов господствует убежденность, что общеиранским траурным цветом был *белый* (как и в целом у большинства народов Евразии).

Хорезм

Популярность в Хорезме в конце античности и в раннем средневековье сцен *оплакивания* умершего божества или человека делает хорезмийские изображения особенно ценным источником и позволяет представить динамику смены представлений, связанных с оформлением траурного костюма.

Во II–III вв. белый цвет здесь явно полагался лишь полупрофессиональным (?) *плакальщицам*. На росписи из загородного здания у Топрак-калы в белый цвет у них окрашены и плечевая одежда, и накидка, и головная повязка, и вплетенные в косы ленты (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 57–58). В Высоком же дворце в сценах прощания с умершим дамы одеты в платья *разнообразных ярких цветов с декоративной каймой*; лишь сам гроб покрыт белой тканью (Топрак-кала 1984, рис. на с. 168).

В более поздний, афригидский период на оссуариях из Миздахкана *плакальщицы* одеты в белое. Однако весьма показательна картина на росписях лучше сохранившихся оссуариев из Ток-калы. Мы видим *белый цвет* лишь как *основной фон* одежды самой умершей и двух сидящих у трупа плакальщиц (?), декоративные же вертикальные полосы на платье и обувь у всех троих красные, а одежда остальных скорбящих, собравшихся вокруг коврика с умершей, — почти исключительно во всех своих элементах *красная* (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 31) (рис. 203).

Женщины при оплакивании умершего расцарапывали себе лица. На изображениях II–III вв. видна длинная тонкая и аккуратная красная горизонтальная полоса на щеках, нанесенная, вероятно, острым ножом (там же, ил. 50, 54, в, г). В VII–VIII вв. это несколько коротких вертикальных порезов, судя по изображениям на одном оссуарии из Миздахкана (там же, рис. 21).

На изображениях II–III вв. н.э. во дворце в Топрак-кале женские персонажи, в отличие от мужских, *всегда* представлены простоволосыми, что (на фоне остальных известных ираноязычных народов) вряд ли было в повседневной жизни. Видимо, это связано не столько со специфическим *статусом* женщин (жены

в дворцовых покоях, придворные дамы перед владыкой, богини плодородия), сколько с *обрядовым* характером большинства изображений (принято думать, что этот архитектурный комплекс был связан в первую очередь с почитанием усопших членов правящей царской династии).

Сходные (зороастрийские по сути) погребальные и поминальные ритуалы бытовали и в соседнем *Согде*. Здесь в сцене оплакивания в храме II Пенджикента видим то же царапанье лиц ножами (только у мужчин), распускание кос у женщин, ритуальное приспускание одежды с правого плеча. Оплакиваемый юный бог также лежит в красной нижней рубаше.

Иран

В ахеменидское время были весьма распространены такие публичные выражения скорби, как раздиранье на себе одежд и биение себя в грудь, что касалось лиц обоих полов. Интересно, что мужчины-аристократы и евнухи поступали так не только в период траура, но и тогда, когда с правителем империи случалось какое-либо горе (когда его видели плачущим и т.п.: Her. Hist. III. 66; Arrian. Anab. VII. 24.3).

При Ахеменидах, судя по упомянутому сообщению Элиана, траурным цветом одежды был якобы *черный* (хотя речь идет о *гречанке* — Аспасии из Фокеи, ставшей одной из жен царя Кира, описанная ситуация относится ко времени, когда она, уже приняв персидские обычаи, тем не менее надела специальные «траурные одежды»: Aelian. Var. Hist. XII. 1). Как уже отмечалось, есть все основания видеть в этом лишь недоразумение, так как черный цвет в то время был траурным у греков.

Женщины после смерти близкого обнажали голову и рассыпали в беспорядке волосы (Curt. X. 5.19). (Типологически близкая ситуация с обнажением головы замужней женщины допускалась, если близкого человека ожидала казнь. В частности, мать в ряде ситуаций могла спасти от нее сына, окутав его своими распущенными волосами: Plut. Artax. III.) В более позднее время у периферийных групп (Гилян на северо-западе) на поминках мужчины оборачивали свои одежды вокруг головы и бороды, т.е. нарушали обычный порядок их ношения (об этом сообщает в X в. Макдиси: Иностранцев 1909, с. 115).

Часть одежд умершего не хоронили с ним. Иногда их могли отдать другим людям для ограниченного использования (женщинам во время менструаций и мужчинам-инвалидам) (Vend. VII. 14–15, 17–19).

Аланы и осетины

В ходе поминок женщины-осетинки отрезали свои косы и приносили их на могилу умершего мужа как знак соединения с ним: эти косы вешали на шестах (см., например: Осетины 1967, с. 79–80)⁴⁰⁰. На траурных платьях осетинок на свисающих с плеча шнурках завязывались узелки по числу недель траура. По истечении года траурную одежду в ряде случаев относили на могилу в знак верности покойному мужу (Галгоева 1964, с. 225).

Особое значение в период траура имела «Ночь мертвых» («Мæрдты бадæн»), справлявшаяся весной (Уарзиаты 1995, с. 40). В доме умершего в его новую любимую одежду наряжали специальный манекен (куклу)⁴⁰¹, изображающий его самого, перед которым на столике ставили богатое угощение и небольшое деревце, символизирующее Мировое. Этот обычай, несомненно, принесен аланами со своей прародины в Центральной Азии (Уарзиаты 1987, с. 75; 19906, с. 167).

Горные таджики

В знак траура мужчины до первых поминок (совершаемых на третий или седьмой день) надевали до трех (!) халатов и верхний обязательно подпоясывали; в качестве последнего подчас использовали бывший свадебный халат, хранящийся в семье (Люшкевич 1978, с. 128). Траурная одежда обязательно была ношеной (желательно — старым человеком). Видимо, *для разных степеней родства существовало два разных цвета траура* (синий и черный, что регламентировалось уже исламской традицией). (У равнинных таджиков для траурного платья было обязательно отсутствие излюбленного в быту красного цвета: Люшкевич 1978, с. 131; у женщин здесь кое-где три траурных халата включали уже в состав приданого: Писарчик 2003, с. 76.)

⁴⁰⁰ У другого народа, связанного с кочевыми традициями, — древних хунну Монголии отрезанные косы жен помещали непосредственно в могилу (см.: Руденко 1962, с. 90–91).

⁴⁰¹ Естественно, облик одежды умершего в поминальном ритуале мог и отличаться от одежды живых. Так, на осетинских поминальных скачках мертвого сородича изображал лучший наездник в общине, который приезжал с подарками живым — с одеждой из луба, к которой подвешивали различные сладости (там же, с. 103).

Оплакивание покойника начиналось сразу после его смерти и было бурным (царапанье женщинами лица, вырывание волос и т.д.); женщины данной семьи распускали волосы, в ряде местностей не расчесывали их и не мыли голову полгода, целый год не стирали траурную одежду. В день Нового года, отмечаемого весной (в некоторых общинах — на двадцатый день, во время «промежуточных» поминок «*дил-пурси*»), женщины причитали над расстеленными одеждами умершего. Если за эти дни в общине умирал еще один человек, то женщины, начавшие ранее соблюдать траур, приходили. В ряде мест над могилой лиц, не успевших побывать в браке, как и у осетин, на шесте прикрепляли куклу, видимо изображающую умершего (юноши — в виде всадника); одежда такой куклы шилась из рубахи покойного, а девичьи куклы украшались волосами «хозяйки» (Троицкая 1971, с. 236, 241–244). Женщины в период траура опоясывались своими головными уборами — платками. Когда же траур заканчивался, у равнинных таджиков это отмечалось ритуалом надевания платья обычного цвета (распорядительница обряда разрывала траурное платье спереди по всей длине, и вдова «выходила из траура» ногами).

4. Костюм в свадебных обрядах

Свадебные торжества предусматривали ряд важных обрядов с костюмом, причем не только у жениха и невесты, но и у других участников. Это касалось и количественных и качественных параметров одежды. Например, у *осетин* богатые женщины надевали до семи и более предметов плечевой одежды (Гаглоева 1964, с. 222). В ходе свадьбы осетинки, девушки и женщины, обряжались в мужские одежды и шапки, прикрепляли «усы» и в таком виде устраивали для мужчин танцы выраженного сексуального характера (Уарзиати 1987, с. 102). Важным элементом осетинского свадебного обряда было развязывание и завязывание *пояса* невесты у почитаемого «женского» святилища: только после этого ей разрешалось спать с мужем (Чочиев 1985, с. 47)⁴⁰².

У *горных таджиков* в процессе сватовства родственникам жениха и невесты дарили прежде всего головные уборы (Пещерева 1978, с. 181). Одежду новобрачным шила близкая родственница — старуха со счастливой судьбой (счастливо прожившая с мужем и имевшая много детей). Вначале кроили белое платье невесты, из оставшегося материала — рубаху и штаны жениха. Жениху перед свадьбой многодетный старик брил голову наголо под музыку и танцы молодежи (при этом в шапку жениха бросали мелкие подарки); он же потом в родном доме жениха (или уже в доме невесты) помогал ему облачаться в парадную одежду, которую жениху дарила семья невесты. В этот набор обязательно входили два халата (верхний, богато декорированный халат у бедняков часто отсутствовал, и тогда в общине такой «общественный» свадебный халат использовался много раз), а также вышитый платок, который он держал в руках во время свадьбы. При этом рубаха была белой, а халат — пестрым. Невесте в последний раз делала девичью прическу (две длинных и две коротких косы) ее подруга. Прежнюю, снятую одежду жениха и невесты брали себе «на счастье» их друзья и близкие родственники. Жених входил в дом невесты по расстеленной и перед входом в дом и внутри его материи; невеста позже, входя в дом жениха, также вступала на расстеленную ткань⁴⁰³ (Троицкая 1971, с. 230–233; Широкова 1979, с. 123–126). Наиболее богато была декорирована одежда невесты в день переезда в дом мужа. На нее надевали по двое шаровар и два платья — красное и белое. Подол верхнего 40 дней не подшивали (эта «бахрома» гарантировала обильное потомство),

а его рукава спускали ниже рук, чтобы они не были видны. Подчас на невесту старались надеть максимально возможное число платьев сразу (сколько могло налезть) (Майтдинова 2004, с. 91–93).

У *равнинных таджиков* (Самарканд) в состав приданого еще в конце XIX в. входило 10 платьев (в следующем десятилетии у состоятельных семей их число возросло до 40!) и два (или больше) ритуальных халата (*мунисак*), напоминающих древний кандис (Сухарева 1982, с. 15–18)⁴⁰⁴; в приданое включали также по 5 шапочек (Широкова 1989, с. 186). После переезда невесты в дом мужа, в «день смотра лица» (рубинон) на ее голове кроме покрывала была парчовая шапочка и налобное украшение «коши-тилло» (иногда добавлялось второе налобное украшение иного типа), новые серьги; надевали также по несколь-

⁴⁰² Для индоевропейских свадебных обрядов в среднем характерно особое внимание к развязыванию и завязыванию *узлов* на теле молодоженов (тайное завязывание узла недоброжелателем могло привести к большой беде для новобрачных).

⁴⁰³ Ср. в осетинском нартском эпосе: герой перед встречей с богиней — будущей женой вдруг обнаруживает в дремучем лесу дорожку, выложенную из шелка, с обочинами из цветных ковров (Нарты 1957, с. 57).

⁴⁰⁴ В Бухаре его аналогом был халат «*фаранчи*» (см.: Люшкевич 1978, с. 137; рис. 13).

вышивкой: Люшкевич 1978, с. 139.) Сглаза невесты во время «смотрения лица» не боялись, так как считалось, что ее оберегают сам декор одежды и многочисленные украшения, поэтому сглаз переходит на них, не касаясь тела (Сухарева 1982, с. 120). Костюм жениха включал специальный свадебный халат из пестрой ткани, подпоясанный сразу двумя поясами-платками — белого и красного цвета (Ремпель 1981, с. 244–247).

У *персов* сасанидского времени, судя по китайской хронике «Наньши» (Лубо-Лесниченко 1961, с. 255), при торжественной встрече мужем молодой жены он, как и у таджиков, надевал особую одежду — узорчатый халат (последний изредка использовался только в ранний сасанидский период) и штаны из узорчатой ткани со львами (видимо, в медальонах). На северо-западной периферии Ирана, по данным Макдиси, после объявления брака супруги татуировались (Иностранцев 1909, с. 116). В позднесредневековое время жених красил хной волосы, ладони и подошвы, а невеста делала на лице мушки (там же, с. 130).

Свадебные ритуалы в древнем изобразительном искусстве иранцев представлены детализированно, в виде многофигурных композиций — крайне редко. Поэтому исключительный интерес представляет *часть изображений VII в. н.э. в «Зале послов»* (помещение 1 участка 23) *на территории* одного из крупнейших центров Согда — *Афрасиаба (городища древнего Самарканда)*. Они опубликованы Л.И. Альбаумом (Альбаум 1975, с. 39–58; рис. 4, 9–12, 14; табл. VI, XX–XXXI). Посольство царя южного соседа Согда — области Чаганиан в Самарканд, если верить трактовке Л.И. Альбаума, изображено наиболее пышным. Оно состоит, на мой взгляд, из 14 человек (Yatsenko 2004).

На западной стене названного зала представлены три посла с начальником государственной канцелярии Пукар-зате, который упомянут в надписи на этой стене и, вероятно, возглавляет шествие послов слева (фигура 4). Атрибуция Л.И. Альбаумом фигур 3 и 4 как послов Чаганиана вызывает у ряда исследователей возражения, которые пока кажутся слабо аргументированными. На южной стене, по мнению Л.И. Альбаума, изображена *встреча правителем Самарканда своей невесты из Чаганиана с сопровождающим ее свадебным эскортом* (Альбаум 1975, с. 56). Эта «устаревшая» версия (см. мои аргументы в ее поддержку в главе 3.3) кажется и сегодня наиболее перспективной.

Для того чтобы проверить ее достоверность, следует учесть, что уже на рубеже VI–VII вв., по данным «Суйшу», свадебные обычаи знати Согда были уже в основном *тюркскими* (Бичурин 1950, II, с. 281). Обратимся теперь к хорошо документированным письменными источниками «эталонным» свадебным обычаям тюрок-огузов Средней Азии IX–XIII вв. На мой взгляд, практически все детали процессии на южной стене легко объясняются с их помощью (ср., например: Агаджанов 1980, с. 228, 230–236).

В соответствии с этой традицией невеста даже в рядовых семьях ехала в специальном паланкине, который крепился на верблюде (огырмак) (принцесса в средневековом Чаганиане вполне могла использовать для этого слона). Для свадьбы строили специальный шатер или домик (гирдек), в котором перед прибытием невесты пировал жених с друзьями (ср. фигуры 1–4 внутри особого сооружения на платформе); позже в нем уединялись жених с невестой. В момент прибытия невесты знатные мужчины вставали, чтобы приветствовать ее (ср. те же фигуры 1–4). Перед свадьбой (и после уплаты женихом выкупа за невесту) членам семьи жениха также делали некоторые (гораздо более скромные) подарки. К ним, видимо, относятся на южной стене конь с парадной уздой, которого ведет персонаж 11, и четыре священных гуся, которых ведет перед собой юноша — персонаж 12 (на одном гусе надпись «farn» — «благодать», на другом — «гусь») (Mode 1993, Anm. 281); о культовом значении гусей у иранских народов см.: Рапопорт 1977). На западной стене *к вероятным ответным подаркам относятся два предмета мужского и женского костюма и сверток шелковой ткани для одежды* у фигур 2–4.

Шествие могли сопровождать родственницы (тетки) невесты и иногда ее подруга, которую, как и сваху, у ряда тюркских народов называют «йенге» (ср. знатных женщин, персонажи 6–8, следующих за паланкином, и девушку — персонаж 5 на слоне). Наконец, становится понятным, почему предполагаемый глава свадебного поезда (вероятно, это по древнему обычаю дядя невесты по линии матери) и его спутники — всадники на лошадях (фигуры 13–15) кроме обычного вооружения на росписях Афрасиаба — мечей и кинжалов — везут с собой на парадный прием также громоздкие луки со стрелами. Дело в том, что свадьба обязательно сопровождалась соревнованием в стрельбе из лука, и понятно желание взять с собой собственную, знакомую вещь.

У древних согдийцев прибытие невесты было связано с *совсем другими* обрядами, непохожими на описанный. Так, можно утверждать, что невесту было принято встречать ночью, при свете факелов или костров, а не днем (см.: Кисляков 1958, с. 134).

Афрасиабская роспись вполне вписывается в указанную серию древнетюркских обрядов. На южной стене шествие чаганианцев открывают невеста (ее фигура практически не сохранилась) со служанкой или

подругой на слоне (фигура 5). Далее следуют три «фрейлины» (скорее это родственницы невесты), нижняя из которых выделена (согдийская надпись: «знатная дама»). За ними едут на верблюдах молодой и старый «послы» с жезлами, украшенными головой дракона. Шествие дарственных животных замыкает увеличенная в два раза фигура главы свадебного поезда, вероятно дяди невесты (фигура 13) (его верхняя часть не сохранилась, но, надо думать, что он держит в руке бунчук, как и едущие сзади и аналогично экипированные всадники, а не жезл с драконом, как полагал Л.И. Альбаум). В хвосте шествия едут два всадника с бунчуками, ведущие за собой сменных лошадей.

Не исключено, что три-четыре посла, изображенные на западной стене, прибыли в Самарканд чуть раньше остальных чаганиянцев «для выражения почтения» (так говорится в тексте на стене) самому Вархуману и вручения ему немногочисленных даров, представляющих драгоценные *компоненты парадного костюма* (предполагаемый Пукар-зате и его спутники держат в руках золотые гривну и кольцо, пояс с подвесками из драгоценных камней и рулон персидской шелковой полихромной ткани). При этом кольцо, видимо, предназначено для дамы (матери жениха?).

На южной стене изображены четыре знатных согдийца, встречающие свадебную процессию из Чаганиана и стоящие в шатре (?) на особой платформе (фигуры 1–4). Наиболее вероятным кажется видеть царя Вархумана в средней из стоящих вплотную фигуре 3, которая частично закрывает собой соседнего персонаж 4. *Его нераспашная одежда в основном белого цвета*, в отличие от стоящих по сторонам соседей с бело-красным ее декором (нераспашная одежда/рубаха *жениха*, как и невесты, еще недавно обязательно имела белый цвет у потомков согдийцев — таджиков; см.: Рассудова 1970, с. 18; Широкова 1979, с. 123–124, 126).

Основные выводы

В целом анализ обширного материала, произведенный в данной главе, приводит нас к ряду новых важных заключений о костюме ираноязычных (и не только) народов древности.

Из «кочевых империй» древности следует выделить влияние Великой Скифии на костюм знатных мужчин зависимых племен украинской Лесостепи и бассейна Кубани; позже разнообразные элементы костюма Тюркского каганата оказали наибольшее влияние на политически наиболее связанный с тюркской знатью Согд.

При сопоставлении письменных и изобразительных источников удастся уточнить состав мидийских элементов в парадном костюме Ахеменидов. Вполне достоверными следует признать сведения Ксенофонта о «костюмной реформе» Феравла 539 г. до н.э., определившей облик придворного костюма первой в истории человечества «мировой империи». Приведенный в разделе 1 анализ позволяет точнее и полнее представить воздействие ахеменидской одежды на различные народы (в частности, отмечается ее *весьма скромное* влияние на подвластные и соседние с Империей ираноязычные этносы, выявляются разнообразный характер и динамика влияния на греков и македонян). Важную роль сыграли дипломатические дары и индивидуальные награды ахеменидских правителей, а также военная добыча во время войн с персами.

Сопоставление костюмного комплекса империи Аршакидов — Парфии и синхронного костюма Пальмиры приводит к выводу о минимальном количестве заимствований (только у мужчин — местных купцов и при этом без парфянской системы декора). Сравнение парфянского комплекса с костюмом Кушанской империи показывает, что известное парфянское влияние наблюдалось лишь с пятого правителя — Хувишки (т.е. со времени ослабления Кушании), причем в поздний период предполагаются и заимствования в противоположном направлении. Традиции поздних Сасанидов существенно повлияли на костюм знати таких регионов, находившихся тогда под контролем тюрок, как Согд и особенно Северный Тохаристан, а также на Византию.

Заимствование элементов одежды Кушанской империи было весьма скромным (что, вероятно, объяснялось нежеланием Кушан навязывать костюм покоренным народам и невключением его в состав дипломатических даров) и в наибольшей степени отмечено у хотано-саков Синьцзяна (Хотан, Тумшук). «Сарматизация» костюма греков, меотов и других этносов Северного Причерноморья, видимо, означала, прежде всего, заимствование удобных в местных условиях предметов мужского костюма кочевников, но без сарматской системы декора. Становится возможным выявить племенные различия соседних синхронных сармато-аланских групп в декоре одежды на большом материале двух соседних могильников I–III вв. н.э. (Танаис и Кобяково). Уточнен вопрос о костюмном влиянии согдийцев на трассах Шелкового пути (наиболее ярко документируемом пока у северокавказских аланов VIII–IX вв.).

Неоднократные упоминания о торговле с кочевыми народами *готовой одеждой* свидетельствуют, вероятно, о том, что она изготовлялась с учетом вкусов аристократии кочевников; видимо, такие одеяния имели в кочевом обществе специфический статус (например, они не помещались в погребения и не представлены на культовых изображениях).

Систематизированный в предыдущих главах материал по одежде помогает уточнить этногенез и в значительной степени район *прародины* ряда крупнейших кочевых группировок Евразии позднеантичного времени. Так, «геродотовы» скифы V–IV вв. до н.э. имеют наибольшее число костюмных сходжений не с согдийцами и хорезмийцами Западного Туркестана, как предполагали ранее, а с проживавшими далеко на востоке «саками» Южной Сибири и народами Синьцзяна, алтайские пазырыкцы — с южными соседями в том же Синьцзяне. В одежде ранних сарматов вполне явственен пласт аналогий с пришедшими из Западного Китая в Бактрию кочевыми юэчжами, а во II–III вв. н.э. у «поздних сарматов» обнаруживаются главным образом аналогии, связанные с Кушанской империей. Одежда самих юэчжей-кушан не находит аналогий на Алтае более раннего времени (тем самым не подтверждается популярное отождествление ранних юэчжей с пазырыкцами, идущее от С.И. Руденко).

Анализ «костюмных» следов раннего проникновения иранцев на территорию нынешнего Западного Ирана на рубеже II–I тысячелетий до н.э. показывает, что даже в Луристане они весьма малочисленны и могут быть связаны не столько со значительным присутствием собственно иранцев (ранних мидийцев и др.), сколько с определенным *влиянием* их костюма (в связи с его бытовым удобством).

Важными представляются приведенные выше наблюдения о *соотношении эволюции и преемственности* в костюмных комплексах тех народов, у которых одежда обильно документирована два-три изучаемых периода подряд (персы, хорезмийцы, тохаристанцы, согдийцы, хотанцы). При исследовании материалов *Ирана* становится очевидным мизерное число элементов преемственности от Ахеменидов к Аршакидам, отмечаемое только у мужчин. Одежда Парфянского государства предстает как интернациональное имперское образование, насаждавшееся (в отличие от ахеменидского времени) среди знати подвластных территорий. Теперь возможно предложить новую, более детально обоснованную реконструкцию первоначального облика костюма кочевников-*парнов* — создателей державы Аршакидов. В целом сопоставление материала по трем великим доисламским династиям Ирана демонстрирует весьма динамичную эволюцию одежды в этом «традиционном обществе», причем у женщин ее формы претерпели более значительные изменения. Несмотря на большие лакуны в известных сегодня источниках, можно утверждать, что наиболее характерными «личные костюмные инициативы» отдельных правителей были в парфянское время. При этом во всех случаях большую роль играли, видимо, перемены в костюме, утвержденные первым правителем конкретной династии; впрочем, немало новшеств подчас документируется и для не слишком прославленных и слабых правителей. Для *Тохаристана* характерно как сохранение довольно большого числа кушанских элементов, так и примерно равные темпы эволюции для лиц обоих полов. Весьма важно наличие в течение всех пяти периодов трех «археологических» кочевых культур Сарматии целого ряда общих черт в одежде, несмотря на постоянные миграции новых племен с востока и политическую нестабильность в регионе.

Впервые удастся дать достаточно широкую панораму возрастных отличий (в первую очередь для мальчиков и мужчин) в костюме иранского мира разных периодов и охарактеризовать на материале целого ряда этносов отличия одежды царской семьи, знати и, что было особенно важным, исходя из особенностей наших источников, простолюдинов, а также женщин-воительниц — их комплекты, как копирующие мужские, так и оригинальные — юбки с глубокими разрезами и др.

На различных материалах характеризуется для целой группы иранских народов роль костюма в структуре погребального ритуала. Это прежде всего особенности размещения и символизации его элементов, их неполная комплектность, цветовая гамма (преобладание красного у большинства этносов), роль головного убора у женщин и пояса у мужчин. Выясняется, что уже в ахеменидо-скифское время не было единой традиции у иранских народов, не было единого подхода к погребению умершего в новой или, наоборот, поношенной, но любимой одежде. При анализе следов поминальных традиций выяснено, что господство белого цвета в качестве траурного не всегда было абсолютным. Для методики изучения свадебных ритуалов наиболее важен анализ многофигурной композиции с изображением предполагаемого свадебного поезда чаганиянцев в «Зале послов» Самарканда / Афрасиаба VII в. Мы пытались продемонстрировать, в том числе на облике одежды, соответствие этой сцены важным деталям раннетюркских свадебных традиций, что подтверждает значительную тюркизацию быта тохаристанской знати в VII в. н.э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге, с которой ознакомился читатель, впервые в мировой науке предпринята попытка дать по единой программе комплексный (в том числе сравнительный) анализ одежды одной из наиболее крупных человеческих общностей древности и раннего средневековья, использовавшей при этом эффектный и обильно документированный костюм. При такой постановке вопроса выбор для исследователя на деле *очень невелик*, и он вполне естественно пал на *ираноязычные* народы Евразии, исследованию костюма которых автор посвятил около 30 лет. Действительно, материал по ним можно считать *эталонным* для изучения костюма ранних доиндустриальных обществ благодаря уникальному сочетанию факторов: обширности занимаемой ими территории, большому числу этнических групп, значительному политическому и культурному влиянию, большому разнообразию форм одежды, сложности и роскоши ее декора, обилию сохранившихся изображений и письменных источников.

Базой для наиболее важных выводов стала достаточно полная реконструкция (в том числе графическая) состава 13 важнейших этнических костюмных комплексов, бытовавших в общей сложности в течение примерно полутора тысячелетий (VII в. до н.э. — VIII в. н.э.) на территории, примерно равной Европейскому континенту. Методология и конкретные методики исследования в значительной степени уточнены или самостоятельно разработаны автором.

В связи с чрезмерным обилием и разнообразием мелких *аксессуаров* исследование общеиранских особенностей и тенденций развития было ограничено материалом собственно *одежды*. В условиях дефицита данных о крое силуэт и система декора являются надежными и достаточно репрезентативными источниками, позволяющими решить поставленные нами задачи. Некоторые результаты такого исследования были труднопредсказуемы: не секрет, что многие давно тиражируемые в научной и популярной литературе выводы по истории костюма доиндустриальных обществ, считающиеся едва ли не аксиомой, в действительности были сделаны на весьма ограниченном (во временном и территориальном отношении), фрагментарно документированном или неточно иллюстрированном материале.

Костюм древних ираноязычных этносов исследовался прежде всего на основе строгого отбора наиболее полно сохранившихся и документированных материалов погребений и изображений. Применительно к доисламской эпохе истории иранского мира в целом оказалось оправданным рассмотрение материалов *по этнолингвистическому принципу*, а не по региональному: такой, несколько неожиданный ракурс позволяет гораздо полнее представить как исходное костюмное единство протоиранцев, так и последующие активные культурные и политические связи родственных народов (при явном доминировании собственно Ирана). Согласно базовой гипотезе, изучались в первую очередь этносы, дающие *большие костюмные серии*, а их материалы *сопоставлялись* в рамках крупных исторических периодов (ахеменидо-скифское и парфяно-сарматское время, сасанидское время и раннее средневековье). Такой подход позволил более полно выявить воздействие Иранской державы на родственные народы и следы недавних миграций кочевых этносов, связи в данном аспекте с другими культурными общностями и уточнить характер эволюции и преемственности в одежде отдельных ираноязычных народов.

Полевая фиксация и описания *остатков древней одежды* в погребениях дают основной объем информации по многим этносам и археологическим культурам. Однако их состояние в странах СНГ на сегодняшний день нельзя признать удовлетворительным, что во многом объясняется отсутствием детально

разработанной единой полевой методики. Автором сформулированы некоторые предложения на эту тему (см. Приложение).

Анализ *изобразительных материалов* по древнему костюму сегодня также нуждается в серьезном методическом обосновании, так как, вопреки господствующему мнению, на изображениях далеко не «всё очевидно», и информация, получаемая на их основе по конкретному этносу в целом, обычно бывает крайне ограниченной и искаженной. Принципиально важны тщательный отбор изображений и обоснованное во Введении особое «аналитическое» иллюстрирование.

Иноэтничные *письменные* источники, за исключением редко встречающейся путаницы, оказываются весьма достоверным и информативным источником по костюму. В частности, изучение наиболее обильно документированных античными авторами сведений по костюму Ахеменидской державы в сопоставлении с изобразительными материалами позволяет предложить новое аргументированное решение проблем соотношения мидийских (по Ксенофону, Плутарху и Страбону) и персидских элементов в придворной одежде первой «мировой империи».

Изображения представителей ираноязычных народов в таких развитых инокультурных изобразительных традициях, как раннеклассическая греческая, китайская периодов династий Хань и Тан, позднесогдийская, неожиданно продемонстрировали во многих случаях гораздо более высокую этнографическую точность передачи иноземного костюма, чем принято думать. Элементы стилизации в целом весьма незначительны. Так, изображения аттической вазовой живописи рубежа VI–V вв. до н.э. подтверждают версию о присутствии контингента «раннескифских» воинов в Афинах, а анализ фигур варваров более поздней (после 490 г. до н.э.) вазописи выявляет наличие большой группы достоверных изображений персов. Этот факт, как и комплексное обобщение сведений по костюму базовых этносов иранского мира, создает широкие возможности этнокультурной атрибуции многих слабоизученных ныне памятников. (До сих пор из-за отсутствия единого полного и систематизированного описания костюма тех или иных древних народов атрибуция древних изображений была во многом гадательной.) Например, удалось выявить серии достоверных образов персов эпохи Сасанидов и согдийцев в искусстве ряда стран.

Для изучения *эволюции* костюма наиболее ценным можно считать материал двух древних ираноязычных стран — Ирана и Хорезма, где костюм без больших лакун документирован в течение всех трех периодов. Костюм отдельных иранских народов характеризуется не только яркой этнической спецификой, но и весьма динамичным развитием в течение коротких периодов (на территории собственно Ирана в наибольшей степени женской одежды), что не соответствует распространенным утверждениям о «консерватизме» костюма традиционных обществ ряда изучаемых регионов.

Создается впечатление, что чаще всего желание максимально регламентировать одежду и прическу и радикально ее менять возникало *в периоды заметных перемен*, реформ в стране или при смене этнического доминирования. Не случайно в том же Иране наиболее яркие костюмные инициативы часто исходили от *основателя* новой династии (Кир II, Арташир I). В этих случаях новый облик костюма считался, видимо, наиболее наглядным, скорым и относительно дешевым воплощением, своего рода *символом новшеств* в государстве. Неудивительно поэтому, что одежде зачастую придавалось *большие* значения, чем изменениям в экономике или политическом строе. Нашим же современникам зачастую трудно понять, почему уделяли столь большое внимание новшествам и унификации обыденного и форменного костюма горожан Петр I и Павел I (см., например: Флиер 2000, с. 286–287) и изгнавший монголов из Китая император-крестьянин Чжу Юаньчжан, а также Гитлер, Атаатюрк и многие другие правители, проводившие бесконечные реформы во многих областях жизни своих стран.

Разумеется, подобные весьма частые и масштабные перемены по инициативе сверху были возможны при достаточно авторитетном правлении и во вполне традиционном обществе; к тому же эти «реформы» обычно явно не касались рядовых подданных. Иначе зачастую обстояло дело в Новое время⁴⁰⁵. В костюмных переменах в Иране трудно обнаружить какую-либо четкую закономерность: большую активность в сфере моды мог проявлять и государь, правивший десятки лет, и мимолетный гость на троне; как сильный характером и имеющий большой авторитет в стране, так и слабый, зависящий от внешних обстоятельств. Что касается *индивидуальной вариативности* тех или иных форм одежды в рамках этноса, то создается впечатление, что наиболее специфичен был каждый раз декор самых крупных ее предметов — верхней (парадной) плечевой одежды (она же наиболее часто служила подарком и сравнительно слабо из-

⁴⁰⁵ Вспомним хотя бы «невинную» попытку одного из просвещенных министров испанского Карла III, итальянца по происхождению Эскилаче, запретить в 1767 г. ношение любимых испанцами широкополых шляп и широких плащей. Это привело к большому беспорядкам, отставке министра и вскоре — к изгнанию из страны иезуитов. Вспомним также, какое недовольство у русских горожан вызвали «костюмные» указы Петра I и Павла I.

нашивалась), в то время как облик мелких аксессуаров, связанных с магической защитой волос прически и головных уборов, обычно регламентировался в большей степени.

В течение трех изучаемых хронологических периодов на развитие этнических костюмных комплексов ираноязычных народов оказывали влияние весьма несходные факторы. В ахеменидо-скифское время наблюдается расцвет кочевого иранского мира, и огромные территории подпали под влияние (в том числе костюмное) первой в истории человечества «мировой державы» Ахеменидов. Следующая, парфяно-сарматская эпоха была менее благоприятна для иранского культурного мира, и на развитие костюма повлияли прежде всего усиление миграций, интенсификация международной торговли и создание системы мировых держав от Рима до Китая. Третий период (сасанидское время и раннее средневековье) ознаменовался сокращением территории иранского мира, тюркским, китайским и арабским наступлением на него, а внутри его — значительным воздействием культуры сасанидского Ирана.

Рассмотрение общих предметов костюма народов ахеменидо-скифского времени помогает ретроспективно реконструировать костюм *протоиранцев*. Однако это еще не позволяет уточнить их прародину, а общие «праэлементы» пока фрагментарно представлены на огромной территории от Западного Китая до Украины. Элементы иранского костюма на изображениях в современном Западной Иране в X–VII вв. до н.э. малочисленны и не свидетельствуют о сколько-нибудь заметной культурной роли этих племен в регионе в период их проникновения. Ахеменидо-скифское время (прежде всего VI–V вв. до н.э.) было решающим для оформления костюмных традиций племенной элиты ираноязычных этносов.

Комплексный анализ одежды как одного из важнейших этнических показателей помогает уточнить районы прародин целого ряда народов: ранних скифов (Западный Туркестан), «классических» скифов (Южная Сибирь и Саяны), пазырыкцев Алтая (Саяны), юэчжей (район Ганьсу, что подтверждает сведения китайских источников), племен ранне- и позднесарматской археологических культур (соответственно территорий, примыкавших к владениям юэчжей или кушан Бактрии).

Для всех 13 изучаемых этносов и соответствующих периодов их развития выявлены основные декоративные принципы оформления одежды и отраженный в костюме эстетический идеал этноса; выяснены их заметные различия для каждого из периодов, даже у этносов с весьма устойчивой и консервативной культурой, т.е. их определенная эволюция. За исключением раннесредневековых тохаристанцев, это сделано впервые.

Для иранского мира можно выделить несколько видов костюмных контактов внутри его и с иноэтничными соседями. Наиболее важные из них были связаны с воздействием различных династий основной державы в рамках этой общности — Ирана, с последствиями миграций ираноязычных кочевых этносов, с влиянием греческих колонистов и эллинистических монархий, а также с культурными контактами в пределах Шелкового пути. Из кочевых ираноязычных этнических массивов наиболее явное воздействие на соседей оказали скифы-сколоты и сармато-аланы. Влияние таких неиранских держав, как Хунну, Римская империя, Китай, Тюркский каганат, сказывалось прежде всего в распространении аксессуаров, реже — причесок и лишь в исключительных случаях (тюрки) — элементов собственно одежды (детали оформления халатов и сапог).

Обобщение материалов по древним ираноязычным этносам в сопоставлении с наиболее архаичными традициями их этнографически исследованных потомков позволяет уточнить некоторые представления о знаковых функциях костюма. Выясняется, что недавние этнографические материалы в целом не противоречат археологическим. Ключевые возрастные обряды связаны с возрастом 1 и 3, 12–14 лет для девочек и 3, 10–12 и 15–16 лет для мальчиков. У мужчин особый статус имели пояс и головной убор, у женщин — шапочка/покрывало и платье.

Обобщенный анализ иранских материалов позволяет также охарактеризовать специфику одежды не только аристократии, но и простолюдинов, у которых она обычно силуэтно более проста и функциональна, почти лишена декора, сшита из дешевых тканей и подчас дольше сохраняет архаичные элементы, и особенности комплексов женщин-воительниц: оригинальные головные уборы, платья с глубокими разрезами подола.

Большой объем информации касается использования костюма в системе погребального ритуала. Для иранского мира особенно характерны помещение части элементов костюма вне тела умершего, их частичная символизация и неполный набор, изъятие одной из парных деталей, иногда особая цветовая гамма, связанная с символикой Нижнего мира (красная). Выясняется, что господство белого цвета в качестве траурного не было абсолютным, а грабители могил порой предпочитали не трогать дорогие, но наиболее сакрально значимые предметы.

Приведенные выводы, основанные на реконструкции «этнических» комплексов одежды иранских народов трех изучаемых периодов и их компаративном анализе с привлечением этнографических данных,

существенно уточняют панораму истории мирового костюма эпохи древности и раннего средневековья, выявляют ряд новых важных закономерностей контактов и эволюции в этой сфере культуры. Все это желательно учитывать при исследовании этно- и культурогенеза, культурных контактов, политической истории и развития искусства Центральной Азии, Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы соответствующих периодов.

Москва
21.12.2005

Приложение

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МЕТОДИКЕ ФИКСАЦИИ И ОПИСАНИЯ ОСТАТКОВ КОСТЮМА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ

Введение

В последние годы в связи с кризисом полевых археологических исследований на бывшей территории СССР на первый план выходят вопросы максимально точного соблюдения существующих полевых методик и их дальнейшего совершенствования.

В числе методически почти не разработанных тем — наиболее оптимальная фиксация и характеристика остатков древнего костюма в ходе раскопок погребений. Эта категория археологических находок во многих отношениях может считаться наиболее уязвимой и зависящей от точности и объективности их своевременного описания. Одна из основных проблем заключается в том, что исследователю, расчищающему древнее погребение, часто психологически и технически сложно представить себе весьма *хаотично* разбросанные по могиле после частичного разложения ее содержимого единичные мелкие вещи и их скопления (бусы, бляшки, фрагменты и отпечатки тканей и кожи, заколки, пряжки и др.) в качестве некогда единого, тщательно продуманного во всех деталях и гармоничного *ансамбля* костюма, отражающего вкусы и иные представления, материальные и технические возможности его хозяев и мастериц. Вместо этого ансамбля современный археолог часто видит в остатках костюма лишь бессистемный «перечень предметов погребального инвентаря». Между тем одинаково важна тщательная фиксация *всех* этих остатков костюма, независимо от их сохранности (тлен, отпечатки), материала (органические или неорганические) и условий их нахождения (под костями умершего, под металлическими предметами, в несколько слоев): только в этом случае создается возможность объективной *реконструкции* костюма — одного из важнейших компонентов культуры древних обществ, элементы которого часто составляют большинство находок в том или ином могильнике.

Предлагаемая методика в основном подготовлена автором в 1980–1985 гг. на основе личного опыта расчистки погребений античной эпохи и знакомства с архивными материалами Юга России и Средней Азии (Западного Туркестана).

Основные пожелания относительно фиксации остатков «археологического» костюма сводятся к следующему.

1. Общий чертеж костяка в масштабе 1:10 при наличии скоплений украшений дополняется отдельными чертежами таких скоплений в масштабе 1:2 или 1:1 с соответствующей фотофиксацией. Малый размер альбомного листа для полевого отчета не является достаточным поводом для *невключения* подобных «рабочих» чертежей в полевую отчетность и публикации (в последних в странах бывшего СССР сегодня преобладают схематичные и ничтожно малые по размеру изображения подобных скоплений, во многом обесценивающие нелегкий труд археолога в поле).

2. Скопления украшений и отдельные предметы, найденные под скелетом после снятия костей, не должны фиксироваться лишь текстуально (как якобы «невидимые» под костями или «найденные при контрольной зачистке»). Их желательно либо наносить на чертеже погребения пунктиром, либо изображать на дополнительном чертеже отдельного участка. Изготавливать в этих случаях сложные чертежи в *стереометрии* нет строгой необходимости.

3. Особой сложностью часто отличается картина размещения нашивных и подвесных украшений у черепа. Если он раздавлен, то украшения головного убора подчас образуют три слоя: на самом черепе, в заполнении и под ним; в этом случае желательно оформление трех отдельных чертежей по слоям. Если череп хорошо сохранился и лежит лицевой частью вверх, то обшивки головного убора при разложении последнего могут разместиться двумя дугами по его сторонам. При положении черепа на боку украшения лицевой части зачастую образуют плотное скопление, в котором могут «читаться» бывшие ряды обшивки.

4. Факт разрушения грызунами или ограбления богатой могилы со значительным перемешиванием грунта и вещей в нем не означает, что исследователь может менее тщательно фиксировать отдельные

сохранившиеся *in situ* украшения и их фрагменты. Справедливо как раз обратное. В заполнении погребения выделяются условные слои, по которым составляются отдельные чертежи (на них указываются фрагменты рядов украшений и отдельные бусы/бляшки в перемещенном состоянии). В дальнейшем сопоставление материала этих условных слоев поможет выявить участки, где преобладание украшений того или иного типа не носило случайного характера и было связано с их первоначальным размещением. Древние грабители во многих случаях в соответствии с суевериями не трогали отдельные, даже весьма дорогие, предметы парадного костюма (ожерелья с амулетами, пояс и др.).

5. Богатые и неограбленные могилы знати с остатками роскошного костюма чаще всего исследуются в непростой обстановке (ограниченное время и пространство расчистки, иногда отсутствие надежной охраны, дефицит необходимых для консервации материалов, недостаточная для такой ситуации квалификация чертежников и расчищающих могилу рабочих, подчас недостаточное освещение и даже хищения отдельных украшений посторонними). В подобных чрезвычайных обстоятельствах хочется призвать исследователей прежде всего к откровенному указанию (если не в полевом отчете, то хотя бы в публикации) на неизбежно допущенные просчеты в ходе расчистки (уничтожение по небрежности рабочих ряда деталей и т.п.). Важно избежать частых в подобных случаях противоречий в данных полевого дневника, чертежей и текста. Недопустимо изъятие авторами раскопок из полевой отчетности фотографий отдельных ценных вещей и скоплений интересных находок с целью не допустить несанкционированного копирования.

6. При большом разнообразии украшений и их взаимоналожении в скоплениях они изображаются различной штриховкой (чрезмерная детализация таких предметов — вмятины, трещины и пр. — лишь осложняет восприятие); наиболее мелкие украшения — разнотипными условными значками (подобные обозначения, отличающиеся лишь *цветом*, непрактичны).

7. В плотных скоплениях обшивок одежды из рядов бисера или бус обычно невозможно передать на чертеже каждую отдельную бисерину. Важно прежде всего точно обозначить *контуры* орнаментальной зоны (отдельно над и под костяком), дополнив такой чертеж текстовым описанием количества сохранившихся рядов обшивки и *плотности* бус в рядах. Передача контура на чертеже важна и для остатков вышивки золотой парчой и жемчугом, поскольку в ряде случаев расшитые ими одежды не надевались на покойного, а лишь клались на или под него; при этом контуры рукавов и других деталей одежды не очень точно повторяют контуры тела. *Отдельные* небольшие бусины и бисерины отмечаются на чертеже в тех случаях, когда они лежат с достаточно большими промежутками. Желательно указать хотя бы примерное число (процент) разрушившихся бус в каждом скоплении. Определить первоначальный цвет бус во многих случаях без специальных навыков невозможно.

8. Изображение фибулы на чертеже должно быть таким, чтобы было ясно, куда обращены ее приемник и дужка (манера застегивания одежды), а при наличии рядом нескольких фибул — детали их взаиморасположения. Нельзя отмечать фибулы на чертеже крупными точками, допускать расхождение положения одной и той же фибулы на чертеже, на фото и в текстовом описании.

9. Нашивные бляшки, лежащие лицевой и оборотной сторонами (в последнем случае этот могут быть следы обшивки тыльной стороны элементов одежды и образованных ею складок), отмечаются на основном или дополнительных чертежах разной штриховкой или цветом. Наиболее интересные из подобных участков желательно брать монолитом или делать гипсовые слепки. Особенно важны случаи взаимоналожения отдельных бляшек и особенно их рядов (уточнение стратиграфии слоев одежд и погребальных покровов). В тексте указывается среднее расстояние между бляшками (изредка они частично налегали друг на друга, пришиваясь по краям одной нитью; иногда встречаются рукава, края которых обшивались всего четырьмя-пятью бляшками).

10. Необходимо указывать, есть ли на бляшках отверстия и насколько аккуратно они проделаны (небрежно сделанные отверстия часто проделывались в бляшках, нашивавшихся на одежду умершего перед самым погребением); при отсутствии отверстий бляшки могли наклеиваться или нашиваться нитью за выступы по краям. Большой интерес представляет наличие фрагментированных или заметно стертых бляшек, наличие несплошных линий из них — с прорезами (следы износа одежды); характер и размещение подобных следов часто помогают уточнить функции того или иного предмета одежды. Желательно определить пробу золота или серебра не только в бляшках каждого типа, но и среди однотипных бляшек, обшивавших разные части одежды (среди них подчас встречаются различия). При описании облика разнотипных бляшек вместо эмоциональных и сугубо предположительных определений (так, одна и та же форма разными авторами описывается как «стилизованная голова барана», «летающая птица» или «распустившийся цветок») важнее корректно и *детально описать ее геометрическую форму* («Y»-образная, с плавно отогнутыми наружу верхними концами и утолщением у основания).

11. Особый интерес представляют сравнительно редко встречающиеся ряды бус или бляшек, найденные вдоль или поперек груди, костей конечностей, вдоль плеч. Они часто украшали линии конструктивных швов одежды (а иногда пережиточно имитировали когда-то распространенный крой), края пелерины или нагрудника. При характеристике остатков таких низок помимо чертежей важно указывать в тексте, лежат ли они только на костях или также под ними (обшивки кольцом или полукольцом), насколько они выходят в стороны за границы костей (прежний диаметр обшлагов, ножных браслетов и т.п.), прямая линия или извилистая, лежит ли она перпендикулярно кости или под углом к ней (рукав с косым краем).

12. Желательно указывать для ожерелий длину низки (короткое ожерелье может означать, например, наличие головного покрывала), порядок чередования в ней бус разных цветов и материалов, наличие в ней интервалов (возможно, отмечающих несохранившиеся бусы из органических материалов).

13. Многие *парные* украшения (бусинные и металлические браслеты, пряжки, булавки и т.п.) и нашивки (обшлагов, обуви и др.) на первый взгляд часто кажутся практически идентичными. В действительности картина бывает более сложной, что необходимо учитывать при их описании (на левой/женской или правой/мужской стороне в соответствии с определенными религиозными представлениями украшений нашивалось меньше; подвески в виде конечностей с четырьмя или пятью пальцами связаны с символикой соответственно левой и правой стороны и т.п.). При описании и музейном хранении подобные парные украшения не должны смешиваться и обезличиваться.

14. Для золотых/серебряных нитей парчи отмечаются их тип (прямые, крученые разных видов), ширина нити, плотность нашивки, направление нитей. Для отпечатков тканей на металлических и иных предметах до их механического удаления при реставрации последних необходимо определить плотность тканей (нитей/см, основы и утка) и тип переплетения. Для фрагментов кожаных изделий указываются толщина кожи, окраска, характер отверстий для сшивания деталей и среднее расстояние между стежками.

Для отчетов и публикаций кожаные изделия фотографируются с внешней поверхности и только в распрямленном виде.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

- аксессуары костюма* — элементы костюма, не являющиеся собственно одеждой, т.е. не укрывающие тело от атмосферных и иных воздействий
- астрагал* (греч.), также *альчик*, *асык* и др. — игральная кость, коленная кость овцы
- грацильный* — тонкий, худощавый
- диахронный* — последовательный, преемственный во времени
- иранский мир* — культурно-историческая общность древних ираноязычных народов Евразии
- коропластика* — искусство изготовления художественных изделий из обожженной глины
- находчик* (устар.) — человек, нашедший что-либо
- образ Иного* — образы представителей иных социальных (в том числе этнических) групп
- палеокостюмология* — дисциплина, изучающая костюм древних и средневековых обществ
- торевтика* — художественные изделия из металла
- триквестр* — трехлучевая свастика
- шиифер* — мягкий минерал, широко использовавшийся в древности для различных поделок
- эмпорий* (греч.) — торговое поселение, фактория
- этнический костюмный комплекс* — совокупность элементов костюма представителей определенного народа, образующих систему и зримо воплощающих этническую специфику
- этнографический народ* — этнос, традиционная культура которого изучалась этнографами XIX–XX вв.
- cloisonné (клуазоне)* — ювелирные стили, основанные на перегородчатой инкрустации
- in situ* (лат.) — на месте первоначального положения. Используется в археологии для указания относительной непо тревоженности положения вещи с момента ее попадания в грунт и до ее нахождения

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Отчеты о полевых исследованиях

- Абрамова М.П., 1973.* Отчет о раскопках могильника у ст. Подкумок близ г. Кисловодска в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4704.
- Абрамова М.П., 1975.* Отчет о раскопках Подкумского могильника близ г. Кисловодска // Архив ИА РАН. Р-1. № 5469. Альбом а.
- Алексеева Е.М., 1980.* Отчет о работе Анапской экспедиции ИА АН СССР. Краснодарский край. 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9485. Альбом в.
- Бабенчиков В.П., 1949.* Отчет о раскопках грунтового могильника на восточном склоне Неаполя скифского в 1947–1948 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 270.
- Баруздин Ю.Д., 1955.* Кара-Булакский могильник «Мыртын-гурун». Отчет о раскопках 1954 года. — Архив Ошского областного музея (Кыргызстан) // Фонд ФА. № 133/1.
- Беспалый Е.И., 1981.* Отчет об исследовании курганов в районе строительства орошаемого участка в совхозе «Орошаемый» у хут. Тузлуков. Ростовская область. 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8817. Альбом а.
- Беспалый Е.И., 1985.* Отчет Приморского отряда Азовского музея в Ростовской области. 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 557. Альбом а.
- Беспалый Е.И., 1986.* Отчет о работах Приморского отряда Азовского музея в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 859.
- Беспалый Е.И., 1988.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской обл. в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12 382.
- Богданова Н.А., 1956.* Отчет о работе археологической экспедиции Бахчисарайского историко-археологического музея на могильнике I–III вв. нашей эры в районе с. Заветное, Бахчисарайского района Крымской обл. // Архив ИА НАНУ. 1955/25. № 2432.
- Богданова Н.А., 1957.* Отчет об археологических исследованиях могильника I–II вв. нашей эры в районе с. Заветное Бахчисарайского района // Архив ИА НАНУ. 1956/16з. № 2694.
- Богданова Н.А., 1959.* Отчет об археологических исследованиях 1958 г. могильника первых веков нашей эры в районе с. Заветное // Архив ИА НАНУ. 1958/13и. № 3252–3253.
- Богданова Н.А., 1961.* Отчет об археологических раскопках и разведках Бахчисарайского историко-краеведческого музея за 1960 г. // Архив ИА НАНУ. 1960/41. № 3545–3547.
- Богданова Н.А., 1963.* Отчет об археологических исследованиях 1962 г. могильника первых веков нашей эры у с. Заветное Крымской обл. // Архив ИА НАНУ. 1962/45. № 3974–3976.
- Богданова Н.А., 1965.* Отчет об археологических исследованиях 1964 г. могильника первых веков нашей эры в районе с. Скалистое Бахчисарайского района Крымской обл. // Архив ИА НАНУ. 1964/51. № 4381.
- Веселовский Н.И., 1896.* Раскопки на земле Бесленевской станицы у хутора Николинкина // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. 1895. № 93.
- Веселовский Н.И., 1903.* Отчет о работах в Кубанской области за 1902 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. № 93.
- Волков И.Г., 1979.* Отчет о раскопках Елизаветинского могильника № 2. Краснодарский край. 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7201.
- Волкодав Н.И., 1983.* Отчет о работе отряда Краснодарской археологической экспедиции по исследованию кургана на территории ОПХ «Рассвет» поселка Пашковского Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 13 487 (Альбом — № 13 488).
- Гей А.Н., 1978.* Отчет о работах в 1977 г. Т. V // Архив ИА РАН. Р-1. № 8110.
- Гиджратли Н.И., 1984.* Отчет о работах в Моздокском районе СО АССР. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11854. Альбом а.
- Гречанова Л.Н., 1983.* Отчет об охранных раскопках Танаисской новостроечной экспедиции РОМК в 1982 г. // Архив Музея-заповедника «Танаис».
- Гугуев В.К., 1984.* Отчет о раскопках на территории г. Ростова-на-Дону отрядом археологической лаборатории РГУ, 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 483. Альбом а.
- Гугуев В.К., 1985.* Отчет о раскопках на территории Кобяковского грунтового могильника отрядом археологической лаборатории РГУ. 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 586. Альбом а.
- Гугуев В.К., 1986.* Отчет об исследовании Кобяковского грентового могильника отрядом археологической лаборатории РГУ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12 141. Альбом а.

- Гущина И.И., 1973. Отчет о работе Крымской археологической экспедиции ГИМ в 1973 г. // Отдел археологии ГИМ.
- Гущина И.И., 1976. Отчет о работе Крымской археологической экспедиции ГИМ в 1975 г. // Отдел археологии ГИМ.
- Дворниченко В.В., 1985. Отчет о работах Енотаевского отряда Поволжской экспедиции у с. Косика в Астраханской обл. 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 879. Альбомы а–б.
- Дворниченко В.В., 1987. Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского р-на Астраханской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11 799. Альбом а.
- Дворниченко В.В., 1989. Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской обл. в 1987–1988 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14 801.
- Ждановский А.М., 1978. Исследования курганного могильника у ст. Тифлисская Краснодарского края. Отчет за 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6293.
- Ждановский А.М., 1980. Исследование кургана и поселения «Батарей» в Тбилисском районе Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7909.
- Железчиков Б.Ф., 1979. Отчет об археологических работах в Уральской области за 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6929.
- Каменецкий И.С., 1959. Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского Музея. 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2494. Альбом а.
- Каменецкий И.С., 1973. Отчет Нижне-Донской археологической экспедиции за 1972 г. // Архив Музея-заповедника «Танаис».
- Каминский В.Н., 1986. Отчет о раскопках курганов в станице Михайловской Курганинского района Краснодарского края. 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 116. Альбом б.
- Капошина С.И., 1960. Отчет об археологических работах Кобяковской экспедиции 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2022.
- Капошина С.И., 1962а. Отчет об археологических исследованиях, произведенных Кобяковской экспедицией в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2368.
- Капошина С.И., 1962б. Отчет о работах Кобяковской археологической экспедиции (раскопки курганов на территории Института виноградарства и виноделия). 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2497.
- Ковалевская В.Б., 1977. Отчет по раскопочным работам Средневекового Мало-Карачаевского отряда // Архив ИА РАН. Р-1. № 6209.
- Козуб Ю.И., 1974. Отчет о раскопках на территории некрополя Ольвии в 1973 г. // Архив ИА НАНУ. 1973/13 в.
- Лапа Н.Л., 1989. Отчет о раскопках за 1988 год // Архив Калмыцкого НИИ общ. наук. Ф. 14. Оп. 2. № 58.
- Лобода И.И., 1966. Отчет об археологических раскопках 1965 г. могильника II–III вв. н.э. Озерное II, Бахчисарайского района Крымской области // Архив ИА НАНУ. 1965/64. № 4684.
- Лобода И.И., 1968. Отчет о раскопках 1967 г. могильника I–III вв. н.э. Озерное II, Бахчисарайского района Крымской области // Архив ИА НАНУ. 1967/53. № 4827–4828.
- Лобода И.И., 1969. Отчет об археологических раскопках могильника I–III вв. н.э. Озерное II, Бахчисарайского района Крымской области // Архив ИА НАНУ. 1968/58.
- Лобода И.И., 1970. Отчет об археологических раскопках в 1969 г. могильника I–III вв. н.э. Озерное II, Бахчисарайского района Крымской области // Архив ИА НАНУ. 1969/59. № 5551–5552.
- Максименко В.Е., 1969. Отчет о раскопках в Константиновском и Азовском районах Ростовской обл. 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3876. Альбом а.
- Максименко В.Е., 1979. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.
- Мамонтов В.И., 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР. Сезон 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3959.
- Мирошина Т.В., Державин В.Л., 1982. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции в зоне строительства 3-й очереди Большого Ставропольского канала // Архив ИА РАН. Р-1. № 9785.
- Рыков П.С., 1925а. Отчет о раскопках в области немцев Поволжья и в Аткарском и Камышинском уу. Саратовской губ. в 1924 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. № 178.
- Савченко Е.И., 1984. Отчет о работах отряда Северо-Кавказской экспедиции в Краснодарском крае. 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11 676. Альбом б.
- Сарианиди В.И., 1980а. Отчет о работе Советско-Афганской археологической экспедиции в 1978–1979 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2225.
- Сарианиди В.И., 1980б. Отчет о раскопках на Тилля-тепе // Архив ИА РАН. Р-1. № 8017.
- Тарабанов В.А., 1986. Отчет о раскопках двух курганов у ст. Новокорсунской Тимашевского района Краснодарского края в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10 891.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1975. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноморском районе Астраханской области. 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5315. Альбом б.
- Чалый В.В., 1974. Отчет об археологических исследованиях двух погребений танаисского некрополя весной 1974 г. // Личный архив В.В. Чалого.
- Чалый В.В., 1975. Отчет о спасательных археологических исследованиях на западном участке некрополя «Танаис» в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5626.

- Чалый В.В., 1976. Отчет о спасательных археологических исследованиях Нижне-Гниловского городища в 1975 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5751.
- Чалый В.В., 1977а. Отчет о спасательных археологических исследованиях на западном участке некрополя Танаиса в 1976 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6357.
- Чалый В.В., 1977б. Отчет о спасательных археологических раскопках некрополя Нижне-Гниловского городища в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6357.
- Чалый В.В., 1978. Отчет об археологических спасательных раскопках курганного некрополя «Танаис» в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6603.
- Чалый В.В., 1979. Отчет об археологических спасательных раскопках курганного некрополя «Танаис» в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7128.
- Чалый В.В., 1982. Отчет о раскопках в г. Азове и Азовском районе. Ростовская область. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8753. Альбом а.
- Шилов В.П., 1955. Отчет о работах Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. № 76.
- Шилов В.П., 1963. Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2727.
- Шнайдинштейн Е.В., 1977. Отчет об археологических исследованиях в Калмыкии в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6974. Альбом а.
- Щетинский А.А., 1975. Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1974 г. // Архив ИА НАНУ. 1974/18а. № 8362–8365.

Публикации, рукописи диссертаций и монографий

- Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.–Л.
- Абаев В.И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.
- Абаев В.И., 1979. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (III тысячелетие до н.э.). М., с. 84–90.
- Абаева З.А., 1978. Этюды по нартскому эпосу. Цхинвали.
- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
- Абдулганеев М.Т., 1996. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). Барнаул, с. 128–134.
- Абдуллаев К., 1985. Корoplastика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпохи. Автореф. канд. дис. М.
- Абдуллаев К., 1991. К атрибуции серебряной чаши из Датун (пров. Шаньси, КНР) // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 18, с. 154–164.
- Абдуллаев К., 1994. Золотая фигурка птицы из Темир-Коруга // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, с. 66–81.
- Абдуллаев К., 2000. К атрибуции тронных изображений в кушанской корoplastике (По материалам крепости Паен-курган в Северной Бактрии) // ВДИ. № 2, с. 18–29.
- Абдуллаев К., 2003. Сцена «Великого исхода» из Капилавасу из Дальверзин-тепа // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. (Отв. ред. Ж.Т. Тентиев). Бишкек, с. 14–19.
- Абдуллаев К., 2005. Персидское платье Александра (к вопросу о культурном взаимодействии на эллинистическом Востоке) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. (Отв. ред. Анорбоев). Таш., с. 116–123.
- Абрамова М.П., 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., с. 4–23.
- Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. н.э. из Северной Осетии // СА. № 1, с. 156–172.
- Абрамова М.П., 1998. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI, с. 209–229.
- Агаджанов С.Г., 1980. Брачные и свадебные обряды огузов Средней Азии и Казахстана в IX–XIII вв. // СНВ. Вып. 22, с. 162–177.
- Агульников С.М., Антипенко Е.О., 1989. Скифские курганы в Нижнем Поднестровье // Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, с. 185–186.
- Агульников С.М., Бубулич В.Г., 1999. Сарматский курган I в. н.э. у с. Казаклия // Проблемы скифо-сарматской археологии. (Отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье, с. 11–15.
- Адлер Б.Ф., 1903. Возникновение одежды. СПб.
- Адылов Ш.Т., 1983. О корoplastике Бухарского Согда // ИМКУ. Вып. 18, с. 65–75.
- Ажигали С.Е., Адаев Ж., 2000. Каспийский шельф. У берегов прикаспийской истории. Алматы.
- Азбелев П.П., 1992. Культурные связи степных народов предтюркского времени (на материалах Тепсейских и Орлатских миниатюр) // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции. СПб., с. 112–116.

- Азбелев П.П., 1993. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // ПАВ. Вып. 3, с. 73–79.
- Айдаркулов К., 1979. К вопросу об изображениях «звериного стиля» на одежде и украшениях в эпосе «Семетей» // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». (Под ред. А.И. Мартынова). Кемерово, с. 153–155.
- Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.
- Акишев А.К., 1981. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, с. 123–131.
- Акишев К.А., Акишев А.К., 1981. К интерпретации символики иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М., с. 165–178.
- Аладивили Н.А., 1977. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI веков. М.
- Албегова З.Х., 2000. Палеосоциологическое исследование религии алан V–XII вв. Автореф. канд. дис. М.
- Алексеев А.Ю., 1984. О месте Чертомлыцкого кургана в системе погребений скифской знати IV–III вв. до н.э. // АСГЭ. Вып. 25, с. 75–87.
- Алексеев А.Ю., 1987а. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI Республиканской конференции молодых археологов. Киев, с. 9–13.
- Алексеев А.Ю., 1987б. Значение некоторых украшений конского оголовья в Европейской Скифии V–IV вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции. Омск, с. 184–186.
- Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. (Скифы в VII–IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). СПб.
- Алексеев А.Ю., 1994. О поддельных предметах скифской торевтики из коллекции Ф.С. Романовича // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тезисы докладов. СПб.
- Алексеев А.Ю., 1996. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н.э.). Автореф. докт. дис.
- Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н.э.). СПб.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). Киев.
- Алексеев Н.А., 1984. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Вып. 1. (САИ. Вып. Г1–12). М.
- Алексеева Е.М., 1984. Раскопки некрополя Горгиппии // Горгиппия. Т. 1. Краснодар, с. 32–56.
- Алексеева Е.М., 1987. К изучению короластики Горгиппии // КСИА. Вып. 191, с. 62–68.
- Алемань А., 2003. Аланы в древних и раннесредневековых письменных источниках. М.
- Алтайский национальный костюм, 1990. Горно-Алтайск.
- Альбаум Л.И., 1960. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Таш.
- Альбаум Л.И., 1975. Живопись Афрасиаба. Таш.
- Альбаум Л.И., 1990. Живопись святилища Фаяз-тепа // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Таш., с. 18–27.
- Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР (САИ. Вып. Д1–30). М.
- Амброз А.К., 1992. Хронология раннесредневековых древностей Боспора // Боспорский сборник. Вып. 1. М., с. 6–124.
- Андреев М.С., Пещерева Е.М., 1957. Янгобские тексты. М.–Л.
- Андрух С.И., 1999. Металлические украшения в убранстве рядовых скифов (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, с. 19–26.
- Андрух С.И., Тоцев Г.Н., 1999. Могильник Мамай-Гора. Кн. I. Запорожье.
- Андрух С.И., Тоцев Г.Н., 2004. Могильник Мамай-Гора. Кн. III. Запорожье.
- Анохин В.А., 1973. Монеты Атея // Скифские древности. Киев, с. 20–41.
- Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. Вып. 23, с. 114–142.
- Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Аракелян Б.И., 1971. Клад серебряных изделий из Эребуни // СА. № 1, с. 143–158.
- Аржан, 2004. — Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. Из материалов раскопок, проводившихся в 2002–2003 годах Центрально-Азиатской экспедицией Гос. Эрмитажа совместно с Германским Археологическим институтом. (Под ред. М.Б. Пиотровского). СПб.
- Аржанцева И.А., 1979. Пояса в росписях Афрасиаба. Дипломная работа. М. (кафедра археологии МГУ).
- Аржанцева И.А., 1987. Пояса на росписях Афрасиаба // ИМКУ. Вып. 21, с. 106–122.
- Аржанцева И.А., Иневаткина О.Н., 2003. Росписи Афрасиаба: новые открытия, которым четверть века // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. (Под ред. Т.К. Мкртычева и др.). М., с. 18–21.
- Аржанцева И.А., Иневаткина О.Н., 2005. Еще раз о росписях Афрасиаба: новые открытия, которым четверть века // Центральная Азия: источники, история, культура. (Отв. ред. Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев). М., с. 118–144.
- Арсеньева Т.М., 1970. Могильник у с. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала нашей эры. М., с. 47–72.
- Арсеньева Т.М., 1976. Двадцатый год раскопок Танаиса // АО-1976, с. 323–325.
- Арсеньева Т.М., 1977. Некрополь Танаиса. М.

- Арсеньева Т.М., Науменко С.И., 1992. Усадьбы Танаиса. М.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.
- Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага–Ленинград.
- Археология, 1986. — Археология Украинской ССР. Том второй. Скифо-сарматская и античная археология. Киев.
- Архипов А.А., Симоненко А.В., 2004. Перстень царя Инисмея // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. I. (Отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб., 2004, с. 285–290.
- Афанасьев Г.Е., 1979. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА. 1979. № 3, с. 171–185.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы: Киевский клад и его историко-культурный контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. (Под ред. В.М. Горюновой, О.А. Щегловой). СПб., с. 168–202.
- Ахраров И., Усманова З.И., 1990. Терракоты Бухары // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Таш., с. 36–44.
- Ахунбабаев Х., 1990. Дворец ихшидов Согда третьей четверти VII в. н.э. на Афрасиабе // Культура древнего и средневекового Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Таш., с. 43–45.
- Бабаев А.Д., 1979. Саки, юзджи и Северная Бактрия // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, с. 59–61.
- Бабаева Н., Бахтоваршоева Л., 1979. Саван // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 127–133.
- Бадяева Т.А., 1974. Декоративные принципы древнерусского лицевого шитья XV ст. Автореф. канд. дис. М.
- Бажан И.А., Щукин М.Б., 1990. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. Вып. 30, с. 138–146.
- Бажан И.А., Еременко Е.Е., 1992. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнике // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. (Отв. ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей). СПб., с. 14–21.
- Байбурун А.К., 1992. Пояс // Сб. МАЭ. Т. XLV, с. 5–13.
- Байпаков К.М., Исмагил Р.Б., Касенов М.С., 1997. Раскопки могильника Беткайнар на Курдайском перевале // Изв. МН — АН РК. № 1, с. 86–94.
- Байпаков К.М., Терновая Г.А., 1998. Центральный зал дворца городища Куйрук-тобе в Отрарском оазисе // Приаралье в древности и средневековье. М., с. 156–166.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., 2004. Древние сокровища Алматы и Жетысу. Алматы.
- Балонов Ф.Р., 1980. Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. Вып. 11. Кемерово, с. 57–65.
- Балонов Ф.Р., 1987. Пазырыкские этюды // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, с. 91–94.
- Балонов Ф.Р., 1991. Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культур Востока. (Под ред. Б.А. Литвинского). М., с. 88–121.
- Баркова Л.Л., 1995. О хронологии и локальных различиях в искусстве ранних кочевников Алтая // АСГЭ. Вып. 32, с. 72–80.
- Баркова Л.Л., Гохман И.И., 1994. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 27–33.
- Бартольд В.В., 1963. Туркестанский край в XIII в. // Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. М., с. 247–283.
- Басилов В.Н., 1982. Ташмат-бола // Глазами этнографов. (Под ред. Ю.В. Бромлея). М., с. 171–176.
- Басилов В.Н., 1986. Пережитки шаманства у туркмен гекленов // Древние верования и культы народов Средней Азии. (Отв. ред. В.Н. Басилов). М., с. 98–118.
- Басилов В.Н., 1991. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. № 4, с. 141–148.
- Бахчисарай, 1976. Историко-археологический музей. Фотоальбом. (2-е изд.). Киев.
- Безуглов С.И., 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // ИАИАИАНД. Вып. 14, с. 127–135.
- Безуглов С.И., Гугуев В.К., 1988. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. // Проблемы сарматской археологии (тезисы докладов конференции). (Отв. ред. В.Е. Максименко). Азов, с. 19–27.
- Беленицкий А.М., 1973. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., 1961. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи») // СА. № 2, с. 66–78.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Ливищ В.А., 1963. Камчатные ткани с горы Муг // СЭ. № 4, с. 19–23.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., 1979. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // УСА. Вып. IV, с. 32–46.
- Беленицкий А.М., Распопова В.И., 1980. Согдийские «золотые пояса» // СНВ. Вып. 22, с. 213–218.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., 1991. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1983 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIII. Душ., с. 363–400.
- Белинский А.Б., Ольховский В.С., 1996. Комплекс скифских изваяний со Ставрополя // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир–Москва, с. 59–66.

- Белицер В.Н., 1947. К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды) // СЭ. Вып. 41, с. 118–126.
- Беляев Н.М., 1926. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, с. 201–228.
- Бентович И.Б., 1956. Ажурные плетеные изделия с горы Муг // КСИИМК. Вып. 61, с. 56–69.
- Бентович И.Б., 1980. Одежда раннесредневекового населения Средней Азии (по данным росписей VI–VIII вв.) // СНВ. Вып. 22, с. 196–212.
- Бергеман И., 2001. «Смешанный стиль» поздней классики или эллинистическая традиция изображения битвы? // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). (Отв. ред. Е.А. Савостина). М.–СПб., с. 112–143.
- Бердимуратов А.Э., Самибаев А.П., 1999. Храм Джартепа. Таш.
- Бердник Т.О., 2004. Архитектоника костюма (социокультурная динамика). Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону.
- Березова С.А., 1996. Фигурні сережки із колекції Музею історичних коштовностей України // Музейні читання. Тези доповідей наукової конференції Музею історичних коштовностей України, грудень 1994 р. Київ, с. 6–9.
- Бернштам А.Н., 1940. Кенкольский могильник. Л.
- Бертельс А.Е., 1997. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М.
- Берхин-Засекая И.П., Маливицкая Л.Я., 1965. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3, с. 143–153.
- Беспалый Е.И., 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1, с. 185–193.
- Беспалый Е.И., 1992. Погребение сарматского времени у г. Азова // СА. № 1, с. 175–191.
- Беспалый Е.И., 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону, с. 156–185.
- Бессонова С.С., 1979. Религиозные представления населения степной Скифии. Канд. дис. Киев: ИА НАНУ.
- Бессонова С.С., 1983а. Религиозные представления скифов. Киев.
- Бессонова С.С., 1983б. Серьги с изображением Владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, с. 18–36.
- Бессонова С.С., Раевский Д.С., 1977. Золота пластина із Сахнівки // Археологія. Вип. 21, с. 39–50.
- Бессонова С.С., Кирилин Д.С., 1977. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы. Киев, с. 102–110.
- Бируни, Абурейхан, 1957. Избранные произведения. Т. 1. Таш.
- Бисер, 1990. — Бисер в культуре народов мира. Альбом-каталог Первой международной выставки. (Под ред. Н. Сосниной, В. Хвалиной). Л.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–2. М.–Л.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф), 1953. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 3. М.–Л.
- Блаватский В.Д., 1974. Сцена инвеституры на Карагодеуашском ритоне // СА. 1974. № 1, с. 38–45.
- Бобринский А.А., 1884–1901. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Т. II–III. СПб.
- Бобровская О.В., 1999а. О некоторых сарматских элементах в черняховском уборе // Проблемы скифо-сарматской археологии. (Отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье, с. 38–40.
- Бобровская О.В., 1999б. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // 100 лет черняховской культуре. Киев, с. 150–170.
- Бобровська О.В., 2001. Наместо та підвески у вбранні населення черняхівської культури. Автореф. канд. дис. Київ.
- Богатырев П.Г., 1971. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Вопросы теории народного искусства. М., с. 297–366.
- Богданова Н.А., 1961. Две стелы из могильника Заветное в Крыму // СА. № 2, с. 133–137.
- Богданова Н.И., 1965. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА. № 3, с. 86–93.
- Богданова Н.А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. (Тр. ГИМ. Вып. 70). М., с. 96–127.
- Богордаева А.А., 1999. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестник антропологии, археологии и этнографии. Этнография. Вып. 2, с. 97–101.
- Богословская И.В., 1988. Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханана по древнеегипетским изображениям XIV–XII вв. // ВДИ. 1988. № 1, с. 214–225.
- Богуславская И.Я., 1973. Древние мотивы народной вышивки. Автореф. канд. дис. Л.
- Бокий Н.М., Ольховский В.С., 1994. Раннескифский курган на Днепровском Правобережье // РА. № 2, с. 56–63.
- Болтунова А.И., 1969. Неизданные надгробия из пантикапейского некрополя // КСИА. Вып. 116, с. 118–126.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., 2002. Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. (Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко). М., с. 9–36.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.
- Борисяк Н., 1864. [Без названия] // Донские войсковые ведомости, № 27 (14 июля), с. 211–212.
- Боровка Г.И., 1921. Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана // ИРАИМК. Вып. 1, с. 169–192.
- Боровкова Л.А., 1989. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. — VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.

- Бородовский А.П., Глушков И.Г., 1987. Роль эксперимента в анализе погребальной обрядности // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, с. 55–58.
- Боталов С.Г., 2001. Элементы женского наряда гунно-сарматского населения // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 22–31.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., 1996. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды Музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, с. 114–132.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Бредис Н.Ю., 2001. Исследование скифского текстиля (нач. III в. до н.э.) из Большого Рыжановского кургана // Восточноевропейский археологический журнал. № 4 (11) (июль–август 2001 г.) — <http://www.archaeology.kiev.ua/journal/htmo40701/bredis>
- Бубенок О.Б., 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII в.). Киев.
- Бубенок О.Б., 2004. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XIV вв.). Киев.
- Бубнова М.А., 1992. Элементы костюма и ткани, бытовавшие у ремесленников XI в. // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Таш., с. 32–33.
- Бубнова М.А., 1993. Древние рудознатцы Памира. Душ.
- Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергиева Г.А., 2001. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино.
- Буслаев Ф.И., 1864. Древнерусская борода // Буслаев Ф.И. Древнерусские народная литература и искусство. Т. 2. СПб., с. 216–235.
- Бутовская М.Л., 2004а. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.
- Бутовская М.Л., 2004б. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино.
- Вадаи А.Х., Кульчар В.К., 1981. К вопросу о т.н. сарматских пряжках // Acta Archaeologica. Т. XXXVI. Budapest, с. 112–121.
- Вайнберг Б.И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.
- Ван Биньхуа, 1993. Субэйсийские находки // Китай. № 3, с. 15–17.
- Васильев И.Б., 1975. Бронзовое навершие из деревни Пустыньково // Историко-краеведческие записки. Вып. III. Волгоград, с. 53–59.
- Васильева Г.П., 1973. Народное декоративно-прикладное искусство как источник этногенеза (на примере туркмен). М.
- Васильева Г.П., 1986. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., с. 182–195.
- Васильева Г.П., 1991. Ювелирные украшения как источник для этногенетических исследований (по материалам Туркмении) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. М., с. 119–128.
- Васина З.А., 2003. Український літопис вбрання. Том 1. 11 000 років до н.е. — XIII в. н.е. Науково-художні реконструкції. Київ.
- Веселовский Н.И., 1891. Скифский всадник. Поясная пряжка // ИТУАК. Вып. 14, с. 341–373.
- Веселовский Н.И., 1901. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области // ИАК. Вып. 1, с. 125–134.
- Веселовский Н.И., 1905. Курганы Кубанской области в период римского владычества // Тр. XII АС. М., с. 132–144.
- Веселовский Н.И., 1906. Раскопки в Кубанской области // ОАК за 1903 г., с. 62–67.
- Видонова Е.С., 1938. Катандинский халат (по материалам реставрационной мастерской ГИМ) // Тр. ГИМ. Вып. VIII, с. 169–178.
- Винник Д.Ф., 1977. Работы Иссык-Кульского отряда // АО-1976, с. 354–356.
- Виноградов Ю.А., 2000. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. № 4, с. 98–128.
- Виноградов Ю.Г., 1980. Перстень царя Скила // СА. № 3, с. 103–109.
- Вінокур І.С., 1972. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межирччя II–V ст.н.е. Київ.
- Винокурова М.П., 1957. Ткани из замка на горе Муг // Известия Отд. обществ. наук АН ТаджССР. № 14. Душ., с. 17–32.
- Вітрик І.С., Данилко Н.М., 2002. Поховання знатної скіф'янки у «Великому кургані» М.І. Веселовського // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. (Видп. ред. Л.С. Ключко). Київ, с. 138–149.
- Власкин М.В., 1989. Золотые зооморфные пряжки из курганного могильника у х. Нового // ИАИАНД в 1988 году (вып. 8), с. 76–83.
- Воробьева М.Г., 1968. Ранние терракоты древнего Хорезма // История, археология и этнография Средней Азии. (Под ред. А.В. Виноградова и др.). М., с. 135–147.
- Воробьева-Десятовская М.И., 1992. Тибетцы (Раздел 5) // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Т. 2.] Этнос, языки, религии. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). М., с. 157–193.
- Воробьева С.И., 1995. Техника исполнения росписей Еркургана // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств. Материалы и тезисы международной конференции. (Под ред. Э.В. Ртвеладзе). Самарканд, с. 46–48.
- Воронина В.Л., Негматов Н.Н., 1975. Открытие Уструшаны // Наука и человечество. М., с. 51–71.

- Восток, 2003. Искусство быта и бытия. (Сост. В.А. Набатчиков). М.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье, 1988. [Т. I] Очерки истории. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). М.
- Ву Мин, 1992. Бу пи (Ткани). Тайбэй (на кит. яз.).
- Высотская Т.Н., 1968. Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып. II. Киев, с. 95–102.
- Высотская Т.Н., 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.
- Вязьмитина М.И., 1971. Пам'ятки і культура сарматів // Археологія Української РСР. Т. II. Київ, с. 182–198.
- Вязьмитина М.И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев.
- Вязьмитина М.И. [б.г.] Сарматские племена на территории степной Украины. Киев. Рук. Архива ИА НАНУ. В-99. Ф. 12. № 330.
- Габриелян Р.А., 1985. Армянские источники об аланах. Документальные материалы и комментарии. Вып. 1–3. Ер.
- Гаврилова А., 1980. Узор на иранской ткани из 5-го Пазырыкского кургана // СГЭ. Вып. XLV, с. 52–55.
- Гаврилова А.А., 1996. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 89–102.
- Гаврилюк Н.А., 1999. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. Киев.
- Гаген-Торн Н.И., 1933а. К методике изучения одежды в этнографии СССР // СЭ. № 3–4, с. 119–135.
- Гаген-Торн Н.И., 1933б. Магическое значение волос и головного убора // СЭ. № 5–6, с. 173–185.
- Гаген-Торн Н.И., 1960. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары.
- Гадлоева З.Д., 1964. Осетинский национальный костюм // Изв. ЮОНИИ. Вып. XIII. Цхинвали, с. 222–230.
- Гаджиев М.С., 2001. К интерпретации бронзовой статуэтки воина из Гигатля (Дагестан) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 76–86.
- Гаджиева С.Ш., 1981. Одежда народов Дагестана XIX — начала XX в. М.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.
- Гайдукевич В.Ф., 1952. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // Боспорские города. (МИА. № 25). М.–Л., с. 146–157.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.
- Галанина Л.К., 2003. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. Вып. 36, с. 89–99.
- Галль фон Х., 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. № 2, с. 173–197.
- Гафферберг Э.Г., 1970. Одежда белуджей Туркменской ССР // Сб. МАЭ. Т. XXVI, с. 52–100.
- Герц К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. II. Ч. 3 (отд. отт.). М.
- Герцигер Д.С., 1973. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., с. 127–134.
- Герчук Ю.Я., 1990. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.
- Гиджрати Н.И., Наглер А.О., 1985. Сарматское погребение у с. Комарово Моздокского района СО АССР // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, с. 116–128.
- Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В., 2004. Оружие из некрополя Танаиса эллинистического времени // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. (Отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб., 2004, с. 292–307.
- Глушкова Т.Н., 1994. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха) // Полосмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). (Приложение). Новосибирск, с. 117–122.
- Горбачева Л.М., 1996. Костюм XX века от Поля Пуаре до Эммануэля Унгаро. М.
- Горбачева Л.М., 2000. Костюм средневекового Запада. От нательной рубахи до королевской мантии. М.
- Горбунова К.С., 1983. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
- Горбунова Н.Г., 1992. К вопросу о связях древних ферганцев с сарматами Южного Приуралья // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конференции. СПб., с. 193–196.
- Горелик М.В., 1971. Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Геремесова кургана // СА. № 3, с. 236–245.
- Горелик М.В., 1972. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник // СЭ. № 2, с. 43–52.
- Горелик М.В., 1979а. Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов древности // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., с. 32–33.
- Горелик М.В., 1979б. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., с. 49–69.
- Горелик М.В., 1982а. Кушанский доспех // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., с. 181–190.
- Горелик М.В., 1982б. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. № 3, с. 96–103.
- Горелик М.В., 1985. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., с. 36–46.
- Горелик М.В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.
- Горелик М.В., 1997. Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексе костюма иранских народов VI–IV вв. до н.э. // Базы данных по истории Европы в средние века. Вып. 3. М., с. 11–28.

- Городцов В.А., 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 года // Тр. XII АС. М., с. 207–243.
- Горончаровский В.А., 2000. Между Империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // *Stratum plus*. № 4, с. 229–236.
- Горончаровский В.А., 2003. Между Империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.–М.
- Гороховський Е.Л., Корнієнко П.Л., 1993. Вбрання Констанція II на Верхівнянському медальйоні // *Археологія*. № 2. Київ, с. 71–82.
- Гофман А.Б., 2004. Мода и люди. 3-е изд. СПб.
- Го Юй, 1987. — *Го Юй*. Речи царств. (Пер. и примеч. В.С. Таскина). М.
- Граков Б.Н., 1971. Скифы. Научно-популярный очерк. М.
- Грaч Н.Л., 1984. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // *ТГЭ*. Вып. 24, с. 100–109.
- Грaч Н.Л., 1986. Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба // *Античная торетика*. Л., с. 75–90.
- Грaч Н.Л., 1999. Некрополь Нимфея. СПб.
- Грене Ф., 2000. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // *ВДИ*. № 2, с. 130–134.
- Грене Ф., 2002. Новая гипотеза о датировке рельефов Халчаяна // *Культурное наследие Средней Азии*. (Гл. ред. Р.Х. Сулейманов). Таш., с. 50–57.
- Грязнов М.П., 1958. Древнее искусство Алтая. Л.
- Грязнов М.П., 1961. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // *АСГЭ*. Вып. 3, с. 17–28.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Грязнов М.П., 1992. Алтай и приалтайская степь // *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. (Под ред. Б.А. Рыбакова). М., с. 168–182.
- Гугуев В.К., 1991. Головной убор из кургана 10 Кобяковского могильника // *ИАИАИАНД* в 1990 году. [Вып. 10], с. 56–62.
- Гугуев В.К., 1992. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов в I в. н.э.) // *ВДИ*. № 4, с. 126–137.
- Гудименко И.В., 1990. Работы I Приморского археологического отряда в 1989 г. // *ИАИАИАНД* в 1989 году. [Вып. 9], с. 38–44.
- Гудименко И.В., 1991. Фибулы III–IV вв. н.э. с позднеантичных поселений дельты Дона // *ИАИАИАНД* в 1990 году. [Вып. 10], с. 194–202.
- Гудкова А.В., 1964. Ток-кала. Таш.
- Гуляев В.И., 1969. Зооморфные крючки скифского периода // *МИА*. Вып. 151, с. 109–127.
- Гуриев Т.А., 1990. Следы греко-скифских (аланских) контактов // *Вопросы иранистики и алановедения. Тезисы докладов*. Владикавказ, с. 56–58.
- Гуриев Т.А., 1991. Наследие скифов и алан. Очерки о словах и именах. Владикавказ.
- Гурова О.Ю., 2004. Идеология в вещах: социокультурный анализ нижнего белья в России (1917–1980-е годы). Автореф. канд. дис. М.
- Гутнов Ф.Х., 1998. Впускные катакомбы Моздока // *Проблемы археологии Восточной Европы. Тезисы докладов*. (Под ред. В.Я. Кияшко и др.). Ростов-на-Дону, с. 98–99.
- Гуцина И.И., 1969. Янчокракский клад // *Древности Восточной Европы*. М., с. 152–163.
- Гуцина И.И., 1978. Изображения женского божества на бляшках из погребений Бельбекской долины Крыма // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., с. 93–97.
- Гуцина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // *Тр. ГИМ*. Вып. 70, с. 143–161.
- Гуцина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.
- Дашевская О.Д., 1962. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // *СА*. № 1, с. 134–141.
- Дашевская О.Д., 1967. Археологические исследования близ озера Донузлав // *АО-1966*, с. 234–235.
- Дашевская О.Д., Голенищев А.С., Старченко Е.В., Федотов В.В., 1979. Раскопки Беляуса // *АО-1978*, с. 251–253.
- Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у села Косика Астраханской области // *ВДИ*. № 3, с. 146–172.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Сергацков И.В., 2002. Сарматские погребения у поселка Комсомольский Астраханской области // *НАВ*. Вып. 5, с. 225–230.
- Демкин В.А., 1998. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении природы и общества. Пушино.
- Денисов Е.П., 1974. Глиняная печать из Туп-Хоны (Дангаринский район) // *Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР*. № 2, с. 48–52.
- Деревянко А.П. и др., 1994. Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск.
- Десятчиков Ю.М., 1973. Сарматы на Таманском полуострове // *СА*. № 4, с. 69–80.
- Десятчиков Ю.М., 1974. Процесс сарматизации Боспорского царства. Автореф. канд. дис. М.
- Джаббаров И.М., 1971. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX — начале XX в. // *Занятия и быт народов Средней Азии*. (Тр. ИЭ АН СССР. Т. ХСVII). М., с. 72–146.

- Дженито Б., Ольховский В.С., Самашев З.С., Франкфор А.-П., 2000. Исследование древних святилищ Арало-Каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. (Отв. ред. В.С. Ольховский). М., с. 7–20.
- Дзицойты Ю.А., 2003. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал.
- Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З., 1994. Этнография детства у осетин. Владикавказ.
- Динцес Л.А., 1936. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. М.–Л.
- Добжанский В.Н., 1990. Наборные пояса кочевников Евразии. Новосибирск.
- Доде З.В., 1989. Аланский женский головной убор из могильника Подорванная Балка в Нижнем Архызе // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, с. 124–131.
- Доде З.В., 1993. Средневековый костюм народов Центрального Предкавказья как источник по истории региона в VII–XIV вв. Автореф. канд. дис. М.
- Доде З.В., 2001. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерк истории. М.
- Долгих Б.О., 1976. Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М.
- Древнее золото. Из собрания Музея исторических драгоценностей УССР, 1975. (Сост. И.В. Бондарь). М.
- Древний мир на Юге России, 1918. Изборник источников. М.
- Древности Астраханского края, 1977. М.
- Древности Геродотовой Скифии, 1866. Т. 1. СПб.
- Древности Таджикистана, 1985. Каталог выставки. (Отв. ред. Е.В. Зеймаль). Душ.
- Древности Южного Узбекистана, 1991. (Отв. ред. Г.А. Пугаченкова). Токио, Таш.
- Дресвянская Г.Я., 1983. Раннесредневековые оссуарии из Южного Согда // Общественные науки в Узбекистане. № 3, с. 32–41.
- Дурасов Г.П., 1991. Об одной группе архаических узоров в русской народной вышивке и их истоках // СЭ. 1991, № 4, с. 65–79.
- Дурново Л.А., 1979. Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М.
- Дьяконов И.М., 1990. Люди города Ура. М.
- Дьяконова В.П., 1981. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., с. 146–159.
- Дьяконова В.П., 1984. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., с. 27–34.
- Дьяконова В.П., 1986. Этнокультурные параллели к традиционным прическам теленгитов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, с. 32–39.
- Дьяконова В.П., 2001. Алтайцы. Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Дьяконова Н.В., 1958. Культурное наследие национальных меньшинств Синьцзяна // ТГЭ. Т. II, с. 203–208.
- Дьяконова Н.В., 1978. Фольклорные мотивы и апотропеи в изобразительном искусстве Восточного Туркестана // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., с. 222–229.
- Дьяконова Н.В., 1980. К истории одежды в Восточном Туркестане II–VII вв. // СНВ. Вып. 22, с. 174–195.
- Дьяконова Н.В., Сорокин С.С., 1960. Хотанские древности. Терракота и штук. Л.
- Евглевский А.В., 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII–XIV вв. // Археологический альманах. № 7. Донецк, с. 141–156.
- Евдокимов Г.Л., Данилко Н.М., 1996. Погребения скифской знати на Херсонщине. (К вопросу о раскопках Н.И. Веселовского в 1916 г.) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, присвяченої пам'яті видатного українського археолога і поета Б.М. Мозолевського. Київ, с. 38–40.
- Егише, 1971. О Вардане и войне армянской. Ер.
- Елкина А.К., Левина Л.М., 1995. Одежда, ткани и кожа из джетыясарских могильников // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Ч. 5. М., с. 284–302.
- Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А., 1996. Одежда конца IV — V в. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989 гг. (Отв. ред. Б.Я. Ставиский). М., с. 307–326.
- Ермилова Д.Ю., 2003. История домов моды. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.
- Ермоленко Л.Н., 2003. Могли ли раскрашиваться древнетюркские изваяния? // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. (Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский). СПб., с. 236–239.
- Еришов Н.Н., Широкова З.А., 1969. Альбом одежды горных таджиков. Душ.
- Ефанов Ю.П., 1968. Кобыковский грунтовый могильник и вопрос о его этнической принадлежности // Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., с. 135–144.
- Жабрева А.Э., 2002. Русский костюм. Библиографический указатель книг и статей на русском языке. 1710–2001 гг. СПб.
- Ждановский А.М., 1990. Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, с. 68–80.
- Ждановский А.М., Марченко И.И., 1990. К древней истории крестьянства Северо-Западного Кавказа // Из истории Северо-Западного Кавказа. Ейск, с. 8–129.
- Живопись древнего Пянджикента, 1954. М.

- Жукова Л.Н., 1999. Одежда юкагиров: генезис и семантика. Автореф. канд. дис. Якутск.
- Завитухина М., 1990. Золотая фигурка конного лучника V–IV вв. до н.э. — художественное произведение круга Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. Вып. 54, с. 21–25.
- Заднепровский Ю.А., 1993. Подбойные погребения Центральной Азии: к вопросу об этнической атрибуции памятников юэчжей // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, с. 78–81.
- Заднепровский Ю.А., 1994. Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, с. 129–137.
- Зайцев Ю.П., 1994. Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице Мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., с. 94–105.
- Зайцев Ю.П., 1995а. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э. Канд. дис. Киев: ИА НАНУ.
- Зайцев Ю.П., 1995б. Неаполь Скифский во II в. до н.э. — III в. н.э. Автореф. канд. дис. Киев.
- Зайцев Ю.П., 2000. «Склеп жриц» Усть-Альминского позднескифского некрополя // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М., с. 294–319.
- Зайцев Ю.П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., 2003. «Ногайчинский» курган в Степном Крыму // ВДИ. № 3, с. 61–99.
- Зарина А.Э., 1962. Отражение развития производительных сил и производственных отношений в одежде латгалов VII–XIII вв. Автореф. канд. дис. Рига.
- Засецкая И.П., 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. Вып. XX, с. 58–81.
- Засецкая И.П., 1980. Изображение «пантеры» в сарматском искусстве // СА. № 1, с. 112–119.
- Засецкая И.П., 1986. Зооморфные мотивы в сарматских бляшках // Античная торевтика. Л., с. 128–140.
- Засецкая И.П., 1999. Сармато-аланская традиция в украшениях гуннской эпохи // АСГЭ. Вып. 34, с. 161–171.
- Захаров А.А., 1926. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. Вып. 1. Разряд археологический, с. 76–93.
- Захаров А.В., 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону, с. 27–45.
- Захаров А.О., 2001. К этническому аспекту проблемы падения Греко-Бактрии // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. Москва–Магнитогорск, с. 446–454.
- Зеймаль Е.В., 1979. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.
- Зеймаль Е.В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душ.
- Зеймаль Т.И., 1988. Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. // АРТ. Вып. XXI, с. 321–324.
- Зеленин Д.К., 1913. Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. Т. 22, № 1–2, с. 1–16.
- Зеленин Д.К., 1948. Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Советское финноугроведение. Вып. 1. Л., с. 81–90.
- Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Зианур Дж., 1965. Пуршак-е бустани-йе ираниан аз кохантерин заман та пайан-е шаханшахи-йе сасаниан (Одежда иранцев с древности и до конца династии Сасанидов). Тегеран (на фарси).
- Зинько В.Н., 2003. Нимфейский полис и скифы в V–IV вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. (Под ред. В.Н. Зинько). Керчь, с. 103–112.
- Золотые олени Евразии, 2001. Каталог выставки. (Под ред. М.Б. Пиотровского и Р.Г. Кузеева). СПб.
- Зохур-е «Шахнаме» дар хонар-е Иран-е эслами, 2002. (Проявление «Шахнаме» в искусстве исламского Ирана). Тегеран (на фарси).
- Зуев В.Ю., 1993. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polum. Сборник статей в честь Л.П. Хлобыстина. СПб., с. 124–131.
- Зуев В.Ю., 1996. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 54–69.
- Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесова Л.С., 1984. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М.
- Иванов Вяч. Вс., 1981. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии) // Балто-славянские исследования-1980. М., с. 164–171.
- Иванов С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник // Тр. ИЭ. Вып. 81, с. 6–142.
- Иванова А.П., 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев.
- Иванчик А.И., 2000. История державы Ахеменидов: источники и новые интерпретации // ВДИ. № 2, с. 174–199.
- Иванчик А.И., 2001. Еще раз о «греческой» легенде происхождения скифов (Herod., IV, 8–10) // Миф. Вып. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, с. 324–350.
- Иванчик А.И., 2002. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. № 3, с. 33–55.
- Ивлева Л.М., 1994. Ряжение в русской традиционной культуре. СПб.
- Иерусалимская А.А., 1972. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., с. 5–56.
- Иерусалимская А.А., 1976. Одежда раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа (по материалам могильника VIII–IX вв. Мошечая Балка) // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре. Тезисы докладов конференции. М., с. 38–40.

- Иерусалимская А.А., 1978. Аланский мир на Шелковом пути (Мошевая Балка — историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., с. 151–162.
- Иерусалимская А.А., 1983. Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа // СЭ. № 1, с. 101–118.
- Иерусалимская А.А., 1992. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.
- Иерусалимская А.А., 2001. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам одежды адыго-аланских племен VIII–IX вв.) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 87–105.
- Иессен А.А., 1961. Так называемый «Майкопский пояс» // АСГЭ. Вып. 2, с. 13–135.
- Ильинская В.А., 1966. Скифские курганы около г. Борисполя // СА. 1966. № 3, с. 153–166.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Іллінська В.А., 1971. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. Вип. 4, с. 73–79.
- Іллінська В.А., 1976. Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я // Археологія. Вип. 20, с. 31–36.
- Ильинская В.А., 1978. Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича // СА. № 3, с. 93–99.
- Ильинская В.А., 1982. Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степной Скифии. Киев, с. 38–47.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1980. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифы и Кавказ. Киев, с. 34–43.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1986. Скифия // Археология Украинской ССР. Том второй. Скифо-сарматская и античная археология. Киев, с. 43–169.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Ильясов Дж., 2004. Некоторые замечания к проблеме происхождения эфталитов // Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия — коллеги и ученики. (Отв. ред. А. Саитов). Таш., с. 117–127.
- Иностранцев К.А., 1909. Сасанидские этюды. СПб.
- Иран в Эрмитаже, 2004. — Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций. Каталог выставки. (Под ред. М.Б. Пиотровского). СПб.
- Исамиддинов М., Рапен К., Грене Ф., 2001. Раскопки на городище Коктепа // Археологические раскопки в Узбекистане — 2000 год. Самарканд, с. 79–85.
- Исенко С.П., 1999. Этнокостюмология в контексте современной культуры. Автореф. докт. дис. М.
- Исенко С.П., 2000. Введение в курс «Народный костюм». Лекция для студентов. М.
- Искусство ислама, 1990. Каталог выставки. Л., 1990.
- Исмаилов Р.Б., 1991. Скифо-греческий торговый путь или миграционный маршрут сарматов? // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. А.-А., с. 87–89.
- Исмаилов Р.Б., 1993. Ранние скифы и Центральная Азия. Автореф. канд. дис. в форме научного доклада. СПб.
- Йеттмар К., 1986. Религии Гиндукуша. М.
- Йосида И., Кагэяма Е., 2002. Согудзианадзин. Тю гоку сирё ниётте урадзукэру кокогаку но атарсий дэта ни мотодзу-ку кэнкю (Согдийцы. Исследование, основанное на новых археологических материалах, которые дополняют китайские исторические источники) // Sinica. 2002. № 9 (на яп. яз.).
- Кабус-намэ, 1958. 2-е изд. (Пер. Е.Э. Бертельса). М.
- Казакова Л.М., Каменецкий И.С., 1970. Курганы Танаиса // КСИА. Вып. 24, с. 64–69.
- Казахские народные пословицы и поговорки, 2002. (Сост. В.Б. Захаров). Алматы.
- Калалы-гыр: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н.э., 2004. (Отв. ред. Б.И. Вайнберг). М.
- Калашиник Ю.П., 1995. Золото Боспора // Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. СПб., с. 259–272.
- Калашиникова Н.М., 2002. Народный костюм: семиотические функции. Учебник для вузов культуры и искусства. Саратов.
- Календарные, 1985. — Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. (Отв. ред. Р.Ш. Джарылгасинова, М.В. Крюков). М.
- Калитинский А.П., 1927. О некоторых формах фибулы из Южной России // Seminarium Konakovianum. Вып. 1. Прага, с. 106–117.
- Калоев Б.А., 1971. Осетины (Историко-этнографическое исследование). 2-е изд. М.
- Калоев Б.А., 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в. // СЭ. № 4, с. 71–97.
- Каменецкий И.С., 1965. Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э. Автореф. канд. дис. М.
- Каминский В.Н., 1984. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, с. 52–63.
- Каплан М., 2002. Золото Византии. М.
- Карамышева Б.Х., 1987. К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии. Душ., с. 124–137.
- Караулов Н.П., 1901. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении, Азербайджане. Тифлис.

- Картис В., 1991. Кочевническая одежда парфян: сохранение центральноазиатской традиции // Мерв в древней и средневековой истории Востока. Тезисы докладов научной конференции. Аш., с. 33–34.
- Картлис цховреба, 1975. Т. 1. Тбилиси (на груз. яз.).
- Карышковский П.О., 1973. Про так звані портретні монети царя Скілуря // Археологія. Вип. 9, с. 57–64.
- Карышковский П.О., 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, с. 88–95.
- Каталог гор и морей (Шань хай цзин), 1977. (Пер. и коммент. Э.М. Яншиной). М.
- Като К., 1992. Тюо ардзиани окэру буккё то сонно сисэки (Буддизм и его памятники в Центральной Азии) // Буккё гидзюцу. № 205 (декабрь 1992 г.), с. 15–66 (на яп. яз.).
- Като К., 2001. Термез и Тохаристан по сведениям китайского монаха Сюань-цзана // Место г. Термеза в истории мировой цивилизации. (Отв. ред. М. Исхаков). Ташкент–Термез, с. 104–105.
- Квасниця В.М., Бондаренко І.М., Підвисоцька О.П., 2001. Про хімічний склад золотих виробів скіфського періоду // Музейні читання. Матеріали наук. конф., грудень 2000 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, с. 14–25.
- Кенжеахметулы С., 2002. Казахские народные традиции и обряды. Алматы.
- Кенин-Лопсан М.Б., 1987. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск.
- Керефов Б.М., 1988. Памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Кибирова С., 2000. Музыкальная культура // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Том IV.] Архитектура. Искусство. Костюм. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). М., с. 385–537.
- Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Киселева Т.Г., 2002. Женский образ в социокультурной рефлексии. М.
- Кисель В.А., 1997. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб.
- Кисель В.А., 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.
- Кисляков Н.А., 1958. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков // КСИЭ. Вып. XXX, с. 93–108.
- Кисляков Н.А., 1970. Вотивные предметы горных таджиков // Сб. МАЭ. Т. XXVI, с. 5–15.
- Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Климова Л.О., 2000. Иранская гривна в изображениях I тыс. до н.э. // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В.Г. Луконина. (Под ред. А.Б. Никитина). СПб., с. 184–191.
- Клочко Л.С., 1979. Реконструкція скіфських головних жіночих уборів (за матеріалами Червоноперекопських курганів) // Археологія. Вип. 31, с. 16–28.
- Клочко Л.С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. Киев, с. 118–130.
- Клочко Л.С., 1983. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, с. 37–58.
- Клочко Л.С., 1984. Верхній плечовий одяг скіфів // Археологія. Вип. 47, с. 57–68.
- Клочко Л.С., 1986. Реконструкція конусоподібних головних уборів скиф'янок // Археологія. Вип. 56, с. 14–24.
- Клочко Л.С., 1987. Детский костюм по материалам скифских погребений // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Теория и методика археологии. Каменный и бронзовый века. Скифская проблема. Омск, с. 189–192.
- Клочко Л.С., 1991. Головний убір з кургану Тетянина Могила // Археологія. № 3, с. 58–63.
- Клочко Л.С., 1992а. Скіфський жіночий костюм. Автореф. канд. дис. Київ.
- Клочко Л.С., 1992б. Плечовий одяг скиф'янок // Археологія. № 3, с. 95–101.
- Клочко Л.С., 1992в. Скифская обувь // СА. № 1, с. 26–33.
- Клочко Л.С., 1992г. Комплексы украшений скифского женского костюма // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Мелитополь, с. 37–39.
- Клочко Л.С., 1993. Скіфський дитячий костюм // Пам'ятки декоративно-ужиткового мистецтва із колекцій Музею Історичних коштовностей України. Київ, с. 28–50.
- Клочко Л.С., 1996. Костюмні комплекси «скіфських амазонок» // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, присвяченої пам'яті видатного українського археолога і поета Б.М. Мозолецького. Київ, с. 19–21.
- Клочко Л.С., 2000. Зооморфні образи в декорі скіфських головних уборів V–IV ст. до н.е. // Музейні читання: Матеріали наук. конф. 24 груд. 1999 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, с. 23–28.
- Клочко Л.С., Васина З.О., 2001. Жиноче вбрання населення чорноліської культури // Музейні читання. Матеріали наук. конф., грудень 2000 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, с. 26–40.
- Клочко Л.С., Васина З.О., 2002. Реконструкція жіночого вбрання за знахідками у «Великому кургані» М.І. Веселовського // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. (Видп. ред. Л.С. Клочко). Київ, с. 150–168.
- Клочко Л.С., Васина З.А., 2004. Костюм предскифского времени на территории современной Украины // Kimmerowie, Scytowe, Sarmaci. (Pod red. J. Chochorowskiego). Krakow, s. 185–198.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994. Степные империи Евразии. СПб.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1998. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии. (Отв. ред. Д.Г. Савинов). СПб., с. 169–177.

- Книпович Т.Н., 1949. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.—Л.
- Кобылина М.М., 1962. Скульптурный портрет из Фанагории // СА. № 3, с. 107–111.
- Кобылина М.М., 1969. Сооружения V в. до н.э. на южной окраине Фанагории // КСИА. Вып. 116, с. 101–108.
- Кобылина М.М., 1974. Терракотовые статуэтки Фанагории // Терракотовые статуэтки. Ч. IV (САИ. Вып. Г1-11). М.
- Кобылина М.М., 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.
- Ковалев А.А., 1998. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. (Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина). Барнаул, с. 75–82.
- Ковалевская В.Б., 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., с. 144–155.
- Ковалевская В.Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. (Отв. ред. С.А. Плетнева). М., с. 83–188.
- Ковалевская В.Б., 1992. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н.э. в Закавказье // Аланы и Кавказ (Alanica- II). (Отв. ред. В.Х. Тменов). Владикавказ–Цхинвал, с. 22–50.
- Ковалевская В.Б., 1995. Археологическая культура — практика — теория — компьютер. М.
- Ковпаненко Г.Т., 1980. Сарматское погребение в Соколовой Могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев, с. 65–84.
- Ковпаненко Г.Т., 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев.
- Козлова Т.В., 1980. Костюм как знаковая система. Конспект лекций. М.
- Козуб Ю.И., 1977. Стекланный ритон из Ольвии // История и культура античного мира. М., с. 69–74.
- Кокиев Г.А., 1989. Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, с. 51–62.
- Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.Л., 2001. Куда смотрит вещь. От ориентации к функции // Миф. Вып. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, с. 233–239.
- Колода В.В., 2004. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, с. 213–241.
- Колтухов С.Г., Пуздровский А.Е., 1983. Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя Скифского // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, с. 148–155.
- Комар А.В., 2000. Византийское влияние в поясных наборах хазарского круга // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Тезисы докладов Международной археологической конференции. (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 73–76.
- Кондаков Н.П., 1906. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.
- Кондаков Н.П., 1929. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага.
- Кондратьев И.И., 1988. Происхождение стекланных бус Прикубанья // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, с. 77–85.
- Кондрашов А.В., 1987. Фибулы грунтового могильника в ст. Старокорсунской // Древности Кубани. (Материалы семинара). Краснодар, с. 23–24.
- Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. М.
- Конь и всадник. Взгляд сквозь века, 2003. Выставка 21 марта — 29 сентября 2003 г. (Под ред. А.П. Мошинского). М.
- Конькова О.И., 1999. Мужчина и женщина в жизни после смерти. (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Сб. МАЭ. Т. LVII, с. 23–39.
- Копейкина Л.В., 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. (Отв. ред. Н.Л. Грач). Л., с. 28–63.
- Корейский этнографический музей, 1977. Альбом. Пхеньян.
- Коробов Д.С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа VI–IX вв. СПб.
- Королькова (Чежина) Е.Ф., 1995. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. Вып. 32, с. 81–89.
- Корпусова В.Н., 1983. Некрополь Золотое. М.
- Косвен М.О., 1947. Амазонки // СЭ. Вып. 2, с. 33–39.
- Косменко А.П., 2002. Традиционный орнамент финноязычных народов северо-западной России. Петрозаводск.
- Косолапов А.И., Маршак Б.И., 1999. Стенная живопись Центральной Азии. (Историко-художественное и лабораторное исследование). СПб.
- Кошеленко Г.А., 1966. Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. № 1, с. 134–138.
- Кошеленко Г.А., 1977. Родина парфян. М.
- Кошеленко Г.А., 2000. Парфяне и Индия: политические и культурные контакты // Индия и Центральная Азия (доисламский период). (Под ред. Б.И. Кнопова). Таш., с. 135–142.
- Кравцова М.Е., 2003. История культуры Китая. СПб., 2003.
- Крадин Н.Н., 1992. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток.
- Краски земли Дерсу, 1982. Фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья. Хабаровск.
- Краснощёров А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. — V в. н.э.). Автореф. канд. дис. Ижевск.
- Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX в.), 1967. М.
- Кропоткин В.В., 1972. Золотая подвеска из Рыжевки // СА. № 1, с. 148–153.
- Кругликова И.Т., 1969. Некрополь поселения у дер. Семеновка // СА. № 1, с. 116–129.

- Кругликова И.Т., 1976. Настенные росписи Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 1. М., с. 87–110.
- Кругликова И.Т., 1979. Настенные росписи в помещении 16 северо-западного культового комплекса Дильберджина // Древняя Бактрия. Вып. 2. М., с. 120–145.
- Крупа Т.М., 2001. Дослідження тканини IV ст. до н.е. з раскопок некрополя Беш-оба (Ак-кая. Курган 4. Поховання 2) // Музейні читання. Матеріали наук. конф., грудень 2000 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, с. 152–155.
- Крыласова Н.Б., 2001. История прикамского костюма. Костюм древнего населения Пермского Предуралья. Пермь.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983. Китайцы в эпоху централизованных империй. М.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1984. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.
- Крюкова В.Ю., 1995. Саван у зороастрийцев // Чужая вещь в культуре. Материалы научной конференции. СПб., с. 76–78.
- Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.
- Кубарев В.Д., 1994. Диадемы из высокогорных курганов Алтая // Проблемы изучения культурного наследия Алтая. (Отв. ред. С.С. Суразаков). Горно-Алтайск, 1994, с. 55–57.
- Кубарев В.Д., 1998. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. (Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина). Барнаул, с. 81–92.
- Кубарев В.Д., 2000. Халат древних тюрков Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3, с. 81–88.
- Кузнецов В.А., 1961. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской, Северной Осетии. (Отв. ред. Е.И. Крупнов). Орджоникидзе, с. 62–135.
- Кузнецов В.А., 1974. Путешествие в древний Иристон. М.
- Кузнецов В.А., 1980. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ.
- Кузнецов В.А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь.
- Кузнецов И.В., 1989. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.
- Кузнецова Т.М., 1986. О сюжете на перстне царя Скила // КСИА. Вып. 186, с. 69–76.
- Кузьмина Е.Е., 1977. Конь в религии саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, с. 97–176.
- Кузьмина Е.Е., 1979. Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада // КСИА. Вып. 159, с. 16–23.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоары? Материальная культура андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузьмина Е.Е., Сариниди В.И., 1982. Два головных убора из погребений Тилля-тепе и их семантика // КСИА. Вып. 170, с. 99–104.
- Куклина И.В., 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.
- Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., 1996. Погребения раннего железного века в районе с. Усть-Алейка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. (Материалы научно-практической конференции). Барнаул, с. 123–127.
- Кунин В.Э., Кунина Н.З., 1962. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи (охраненные раскопки 1954 г.) // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь, с. 164–193.
- Курбатов А.В., 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // Археологические вести. Вып. 9. СПб., с. 155–172.
- Курочкин Г.Н., 1974. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. № 2, с. 34–48.
- Курочкин Г.Н., 1992. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.
- Курочкин Г.Н., 1993. Богиня с зеркалом и герой с секирой (к проблеме антропоморфизации скифского искусства) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, с. 68–73.
- Куртис В., 1992. Изображения парфянских поясов и их использование как датирующих признаков // Культура Востока: проблемы и памятники. Краткое изложение докладов, посвященных памяти В.Г. Луконина. 15–21 января 1992 г. СПб., с. 45–46.
- Курьер ЮНЕСКО, 1981. Сентябрь–октябрь.
- Куфтин Б.А., 1926. Материальная культура русской Мещеры. Ч. 1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. М.
- Кушаев Г.А., 1978. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. Вып. 154, с. 62–69.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Лагранд С., 1998. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила // РА. № 4, с. 47–55.
- Ланьер Н., 1990. Костюм женщины раннего средневековья в Тохаристане и Согде // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО, Самарканд, 1–6 октября 1990 г.). Таш., с. 52–55.
- Ларенок В.А., 2004. Новые исследования некрополя Кобыкова городища // ИАИАИД. Вып. 19, с. 68–72.
- Латышев В.В., 1889. Неизданные дневники Дюбрюкса // ЗООИД. Т. 15, с. 104–107.
- Латышев В.В., 1893–1904. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1–2. СПб. (2-е изд.: ВДИ, все номера 1947–1949 гг., Приложение).
- Лебедева Н.И., Маслова Г.С., 1967. Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., с. 87–114.

- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.
- Лелеков Л.А., 1984. К символизму погребальных облачений скифо-сакского мира («золотые люди») // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, с. 39–41.
- Лесков А.М., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.
- Литвинский Б.А., 1968а. Кангюйско-сарматский фарн. Душ.
- Литвинский Б.А., 1968б. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. Душ., с. 76–98.
- Литвинский Б.А., 1973. Украшения из могильников Западной Ферганы. М.
- Литвинский Б.А., 1981а. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана (Тохаристан) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., с. 122–137.
- Литвинский Б.А., 1981б. Семантика древних верований и обрядов памирцев (I) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., с. 197–116.
- Литвинский Б.А., 1982. «Золотые люди» в погребениях Центральной Азии // СЭ. № 3, с. 32–41.
- Литвинский Б.А., 1995. Бытовой инвентарь (глава 3) // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Т. III]. (Под ред. Б.А. Литвинского). М., с. 106–254.
- Литвинский Б.А., 2004. Еще о назначении и семантике золотых пластин из Амударьинского клада // Археология и палеоэкология Евразии (Отв. ред. А.П. Деревянко, Т.И. Нохрина). Новосибирск, с. 325–338.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., 1971. Аджина-Тепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С., 1985. Средневековая культура Тохаристана. М.
- Литвинский Б.А., Пичилян И.Р., 1992. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. № 3, с. 169–178.
- Лобачева Н.П., 1979. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М., с. 18–48.
- Лобачева Н.П., 1989. О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., с. 5–38.
- Лобачева Н.П., 1991. Народная одежда как источник по этногенезу // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып. III. Этнография. М., с. 82–95.
- Лобачева Н.П., 1997. Киргизские бельдемчи // ЭО. № 6, с. 124–131.
- Лобачева Н.П., 2001. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М., с. 69–97.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1961. Некоторые термины для шелковых тканей в древнем Китае // ТГЭ. Т. V, с. 248–262.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1982. Цветные ткани могильника Кара-Булак // По следам памятников культуры Киргизстана. Фрунзе, с. 78–86.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1994. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и средневекового Китая. М.
- Лубо-Лесниченко Е.И., 1995. Ткачество // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Т. III]. (Под ред. Б.А. Литвинского). М., с. 36–74.
- Луконин В.Г., 1960. Памятники культуры сасанидского Ирана. Л.
- Луконин В.Г., 1961. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки истории культуры. Л.
- Луконин В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.
- Лунова В., 2002. Истоки ювелирного искусства Узбекистана // ИМКУ. Вып. 33, с. 284–298.
- Лунин Б.В., 1940. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью из находок у ст. Даховской // Изв. РОМК. Вып. 2, с. 42–50.
- Лэй Цзунь, 1936. Цзин дянъ чжи цуо чжи ифу юй бу (Об одежде и тканях, упоминаемых в древних классических книгах). Шанхай (на кит. яз.).
- Люшкевич Ф.Д., 1978. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сб. МАЭ. Т. XXXIV, с. 123–144.
- Маврикий, 1903. Тактика и стратегия. СПб.
- Магомедов Б.В., 1979. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М., с. 32–46.
- Мадлевская Е.Л., 2002. Святочное воровство // Русский праздник. Иллюстрированная энциклопедия. (Под ред. И.И. Шангиной). СПб., с. 514–515.
- Майтдинова Г.М., 1983. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Бактрия–Тохаристан на древнем и средневековом Востоке». М., с. 51–53.
- Майтдинова Г.М., 1984. К интерпретации живописи Афрасиаба VII в. н.э. (Сцена в лодке) // Известия Отделения общ. наук АН ТаджССР. № 2, с. 20–27.
- Майтдинова Г.М., 1987. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // ИМКУ. Вып. 21, с. 114–132.
- Майтдинова Г.М., 1989. Раннесредневековый костюм музыкантов и танцоров Средней Азии // Изв. Отделения общ. наук АН ТаджССР. № 1, с. 48–61.
- Майтдинова Г.М., 1991а. Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии). Канд. дис. Таш.

- Майтдинова Г.М., 1991б. Костюм раннесредневекового Тохаристана (по памятникам искусства и археологии). Автореф. канд. дис. Таш.
- Майтдинова Г.М., 1992а. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. Душ.
- Майтдинова Г.М., 1992б. Этнические знаки в раннесредневековом костюме населения Средней Азии // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Таш., с. 80–81.
- Майтдинова Г.М., 1996. Раннесредневековые ткани Средней Азии. Душ.
- Майтдинова Г.М., 1996а. Генезис костюма таджиков. Древность и раннее средневековье. Автореф. канд. дис. Душ.
- Майтдинова Г.М., 2000. Синтез в костюме населения Северной Индии и Средней Азии в доисламский период // Индия и Центральная Азия (доисламский период). (Под ред. Б.И. Кнопова). Таш., с. 157–160.
- Майтдинова Г.М., 2001а. Памятники Бактрии–Тохаристана в исторических и этнографических реконструкциях (костюм и текстиль) // Место г. Термеза в истории мировой цивилизации. (Отв. ред. М. Исхаков). Ташкент–Термез, с. 100–103.
- Майтдинова Г.М., 2001б. Значение костюмного комплекса для исследования этногенеза (по археолого-этнографическим данным Средней Азии) // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Таш., с. 81–90.
- Майтдинова Г.М., 2001в. Древний костюм из могильников Синьцзяна // Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии. (Под ред. Г.М. Майтдиновой, Ю.Я. Якубова). Душ., с. 70–87.
- Майтдинова Г.М., 2003. История костюма таджикского народа. Т. I. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. Душ.
- Майтдинова Г.М., 2004. История таджикского костюма. Т. II. Средневековый и традиционный костюм. Душ.
- Макдоуэлл Д.В., 1996. Династия Аза в историческом контексте // ВДИ. № 3, с. 113–122.
- Максименко В.Е., 1981. Работы Тацинского отряда Азово-Донецкой экспедиции в 1976–1981 гг.». Азов, с. 2–6.
- Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Малашев В.Ю., 1987. Сарматы на колонне Траяна // Античная цивилизация и варварский мир (тезисы материалов к семинару). Новочеркасск, с. 42–44.
- Малашев В.Ю., 1988. Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. Ч. 1. М., с. 105–112.
- Малашев В.Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. (Отв. ред. Ю.К. Гугуев). Ростов-на-Дону, с. 194–232.
- Маликов А.М., 2001. Тюрки Тохаристана в раннем средневековье // Место г. Термеза в истории мировой цивилизации. (Отв. ред. М. Исхаков). Ташкент–Термез, с. 47–232.
- Малолетко А.М., 1987. Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Евразии. (Отв. ред. А.И. Мартынов). Кемерово, с. 52–53.
- Мандельштам А.М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Бактрии. (Тр. ТАЭ. Вып. VII). Л.
- Манцевич А.П., 1941. О скифских поясах // СА. Т. VII, с. 19–30.
- Манцевич А.П., 1959. Золотой венец из кургана на р. Калитве (к вопросу об агафирсах) // Известия на Археологический институт. Вып. XXII. София, с. 60–77.
- Манцевич А.П., 1962. Горит из кургана Солоха // ТГЭ. Т. VII, с. 111–115.
- Манцевич А.П., 1964. О пластине из кургана Карагодеуашх (к толкованию сюжета) // АСГЭ. Вып. 6, с. 128–133.
- Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам Гос. Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 15, с. 34–45.
- Манцевич А.П., 1975. К вопросу об изображениях варваров на предметах торевтики из курганов Северного Причерноморья // Studia Thracica. Вып. 1. София, с. 113–123.
- Манцевич А.П., 1976. Изображения «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // Archeologia. Т. XXVI. Warszawa, с. 243–258.
- Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.
- Маразов И., 1975. Керченский ритон с протоной коня из Эрмитажа // Studia Thracica. Вып. 1. София, с. 215–224.
- Маразов И., 1985. Амазонката и самодивата // МИФ. Вып. 1. София, с. 90–117.
- Маразов И., 2001. Фиалата от Кул Оба — образът на «другия» в изкуството на скитите // Миф. Вып. 7. На акад. Дмитрий Сергеевич Раевски. София, с. 360–423.
- Марсадолов А.И., 1996. История и истоки изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.
- Марсадолов А.И., 1997. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) // Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. Вып. 1. СПб., с. 24–65.
- Марсадолов Л.С., 2000а. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. в горных районах Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. докт. дис. СПб.
- Марсадолов Л.С., 2000б. Киммерийцы в Передней Азии // Погребальный обряд древних племен Алтая. Вып. XI. Барнаул, с. 161–165.
- Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Л.М., 1994. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 141–156.
- Марти Ю.Ю., 1941. Позднеэллинистические надгробия Боспора как историко-культурный документ // СА. Т. VII, с. 54–68.

- Мартынов А.И., 1972. Об одежде людей тагарской культуры // Тр. Новосибирского педагогического ин-та. Вып. 38. Новосибирск, с. 36–46.
- Марченко И.И., 1988. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во 2-й пол. IV в. до н.э. — III в. н.э. (по материалам курганных погребений). Автореф. канд. дис. Л.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений нижней Кубани). Краснодар.
- Марченко К.К., 1999. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействия в Северном Причерноморье скифской эпохи // *Stratum plus*. № 3, с. 333–353.
- Маршак Б.И., 1971. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.
- Маршак Б.И., 1980. История восточной торевтики III–XI вв. и проблемы культурной преемственности. Автореф. докт. дис. М.
- Маршак Б.И., Крикис Я.К., 1969. Чилекские чаши // ТГЭ. Т. X, с. 67–76.
- Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г., 1999. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1998 году. СПб.
- Маршак Б.И., Распопова В.И., 2000. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 1999 г. СПб.
- Маршак Б.И., Распопова В.И., 2001. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2000 году (Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Вып. III). СПб.
- Маршак Б.И., Распопова В.И., 2004. К вопросу о методике изучения реалий росписей Средней Азии // Древности Востока. Сборник к 80-летию проф. Л.Р. Кызласова. (Отв. ред. И.Л. Кызласов). М., с. 47–56.
- Марьяшев А.Н., 1979. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Новосибирск, с. 218–132.
- Маслова Г.С., 1978. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.
- Маслова Г.С., 1979. К методике изучения орнамента // Полевые исследования Института этнографии АН СССР, 1977 г. М., с. 235–243.
- Маслова Г.С., 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. М.
- Мастыкова А.В., Казанский М.М., 2003. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. Историческом музее. Тезисы конференции. Часть 2. М., с. 75–76.
- Массон М.Е., 1933. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н.э. (Мат. Узкомстариса. Вып. 1). Таш.
- Материалы, 1939. — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. (Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского). М.–Л.
- Матковская Т.А., 1992. Мастерские надгробного рельефа Европейского Боспора I в. до н.э. — II в. н.э. // СГМИИ. Вып. 10, с. 6–142.
- Матковская Т.А., 2001. Мужской костюм европейского Боспора первых веков н.э. // Боспорский сборник. Вып. 1. Керчь, с. 101–136.
- Матющенко В.И., Яшин В.Б., 1987. Погребение воина из могильника у с. Сидоровки Омской области и некоторые вопросы мировоззрения кочевников степей // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Теория и методика археологии. Каменный и бронзовый века. Скифская проблема. Омск, с. 192–195.
- Махнева О.А., Колтухов С.Г., 1979. Раскопки на пригородной территории Неаполя Скифского // АО-1978, с. 243–245.
- Махно Е.В., 1960. Разкопки пам'яток эпохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // АП УРСР. Т. IV. Київ, с. 131–142.
- Махова Е.И., Русайкина С.П., 1961. Программа сбора материала по одежде народов Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.–Л., с. 94–109.
- Медведев А.П., 1999. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.
- Международный «круглый стол» «Ранние скифы и их культура», 1994. Дискуссия // ВДИ. № 1, с. 64–81.
- Мейтарчиян М.Б., 2001. Погребальные обряды зороастрийцев. М.–СПб.
- Мерцалова М.Н., 1972. История костюма. М.
- Мерцалова М.Н., 1993. Костюм разных времен и народов. Т. 1. М.
- Мешкерис В.А., 1977. Коропластика Согда. Душ.
- Мешкерис В.А., 1979. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 13–18.
- Мешкерис В.А., 1989. Согдийская терракота. Душ.
- Мешкерис В.А., 1990. Опыт периодизации коропластики Бактрии–Тохаристана // КСИА. Вып. 20, с. 57–65.
- Мешкерис В.А., 1992. Коропластика Средней Азии IV–III вв. до н.э. — VII–VIII вв. н.э. (периодизация, типология, динамика стилей). Автореф. докт. дис. М.
- Миллер А.А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35, с. 95–107.
- Миллер В.Ф., 1882. Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП, август. [Т. VIII], с. 154–183.
- Миллер М.А., 1940. Остатки сарматского поселения у ст. Нижне-Гниловской // Памятники древности на Дону. Вып. 1. Ростов-на-Дону, с. 48–61.
- Минасян Р.С., 1991. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыцкого кургана // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.) (Приложение 13). Киев, с. 378–389.

- Миняев С.С., 1976. Бактрийские латуни в сюннских памятниках // Бактрийские древности. Л., с. 88–95.
- Миняев С.С., 1991. К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Барнаул, с. 122–125.
- Мирошина Т.В., 1977. Об одном типе скифских головных уборов // СА. № 3, с. 79–94.
- Мирошина Т.В., 1980. Скифские калафы // СА. № 1, с. 30–45.
- Мирошина Т.В., 1981. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. № 4, с. 46–69.
- Мирошина Т.В., 1983. Греческие головные украшения Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 174, с. 10–17.
- Михлин Б.Ю., 1980. Фибулы Беляусского могильника // СА. № 3, с. 92–106.
- Мкртычев Т.К., 1990. Об одном виде иранского костюма у кушан // Археология Средней Азии. Тезисы докладов конференции. Таш., с. 68–69.
- Мкртычев Т.К., 2002. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.
- Мовсес Хоренаци, 1990. История Армении. (Пер. Г. Саркисяна). Ер.
- Могильников А.А., 1981. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. (Отв. ред. С.А. Плетнева). М., с. 29–42.
- Моданова Т.А., 1999. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск.
- Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. (Отв. ред. А.И. Тереножкин). Киев, с. 187–234.
- Мозолевский Б.М., 1979. Товста Могила. Київ.
- Мозолевский Б.М., 1983. Скифский степ. Київ.
- Молева Н.В., 1963. Группа антропоморфных надгробий из некрополя Мирмекия // Античный мир и археология. Вып. 3. Саратов, с. 97–105.
- Молодин В.И., 1995. Исследование кургана с мерзлотой могильника Верх-Кальджин II // АО-1994. М., с. 293–294.
- Молодин В.И., 2000. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. (Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин). Новосибирск, с. 92–112.
- Монахов С.Ю., 1989. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В., 1995. Раскопки в Оренбуржье // АО-1994, с. 226–228.
- Мордвинцева В.И., 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь.
- Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В., 2001. Фалар из Янчокрака и «змееногая богиня» скифов // Миф. Вып. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, с. 157–171.
- Моруженко А.А., 1989. Сарматские памятники Донецкой области // Научно-практический семинар: Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов. Донецк, с. 47–52.
- Моруженко А.А., 1992. Скифский курган Передериева Могила // Археология. № 4, с. 77–85.
- Мошинский А.П., 2004. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н.э.: систематизация и хронология. Автореф. канд. дис. М.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. (САИ. Вып. Д1–10). М.
- Мошкова М.Г., 1994. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов. (Отв. ред. А.С. Скрипкин). Волгоград, с. 91–96.
- Мошкова М.Г., 2000. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // НАВ. Вып. 3, с. 186–200.
- Музейни читання, 1996. Київ.
- Мурзин В.Ю., 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Мусабаева К., 2001. Воскресная экскурсия // Весь Атырау. Вып. 9–10, 2000–2001. Алматы, с. 30–35.
- Мухитдинов Х.Ю., 1973. Терракота Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. канд. дис. Душ.
- Му Шунь Инн, Ван Мин Чже, 1985. Синьцзян гудай миньзу вэньу (Памятники материальной культуры народов древнего Синьцзяна). Пекин (на кит. яз.).
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С., 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. Вып. 2, с. 146–167.
- Нарты, 1989. Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М.
- Наршахи М., 1897. История Бухары. Таш.
- Негматов Н.Н., 1973. О живописи дворца правителей Уструшаны // СА. № 3, с. 183–202.
- Неи Мэньгу вэньу каогу. 1992. № 6–7.
- Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
- Никаноров В.П., 2000. Кочевнический пласт в культурном наследии парфянской державы // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). (Под ред. В.М. Массона). Ашгабат–СПб., с. 30–34.
- Никаноров В.П., Худяков Ю.С., 1999. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск, с. 186–198.
- Никитенко Г., Шагалина Н., 2003. Уникальные находки с городища Кампыртепа // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. (Под ред. Т.К. Мкртычева и др.) М., с. 109–113.

- Никитин А.Б., 2000. Митра из Урука // Эрмитажные чтения 1995–1999 гг. памяти В.Г. Луконина. (Под ред. А.Б. Никитина). СПб., с. 12–13.
- Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. (МИА. Вып. 72). М.
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.
- ОАК за 1876 г., 1879. СПб.
- ОАК за 1890 г., 1892. СПб.
- ОАК за 1891 г., 1893. СПб.
- ОАК за 1895 г., 1896. СПб.
- ОАК за 1896 г., 1898. СПб.
- ОАК за 1901 г., 1903. СПб.
- ОАК за 1903 г., 1906. СПб.
- ОАК за 1913–1915 гг., 1918. Пг.
- Обельченко О.В., 1992. Культура античного Согда. М.
- Ольховский В.С., 1999. О поясных крючках скифского периода // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, с. 182–187.
- Ольховский В.С., 2001. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник. Автореф. докт. дис. М.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–IV вв. до н.э. М.
- Онайко Н.А., 1974. Заметки о технике боспорской торевтики // СА. № 3, с. 78–86.
- Онайко Н.А., 1976. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М., с. 172–183.
- Орбели А., Тревер К.В., 1935. Сасанидский металл. М.
- Ордос тай, 1986. (Бронзы Ордоса). Пекин (на кит. яз.).
- Орнамент всех времен и стилей, 2002. (Под ред. О. Расина). Т. 1–2. М.
- Орнаменты, 1984. — Орнаменты на тканях народов СССР. Российская Федерация, Украина, Белоруссия. Л.
- Орфинская О.В., 1989. Реконструкция одежды населения Нижне-Архызского городища VIII–IX вв. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, с. 112–123.
- Орфинская О.В., 2001а. Средневековый текстиль из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Канд. дис. М.
- Орфинская О.В., 2001б. Средневековый текстиль из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Автореф. канд. дис. М.
- Орфинская О.В., 2001в. Аланский костюм VIII–IX вв. (по материалам скальных могильников Карачаево-Черкесии) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 106–122.
- Осетины, 1967. — Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). (Сост. Б.А. Калоев). Орджоникидзе.
- Осипов Д.О., 2003а. Кожаная обувь XII–XVIII вв. из раскопок в Москве. Автореф. канд. дис. М.
- Осипов Д.О., 2003б. Кожаная обувь: информационные возможности коллекций кожаной обуви (по материалам раскопок в Москве) // РА. 2003. № 2, с. 17–30.
- Островерхов А.С., 1988. Торговля бусами в эллинистической Ольвии // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Ч. III. Симферополь, с. 161–163.
- Островерхов А.С., 1990. Стекланные антропоморфные бусы-маски в памятниках на юге Восточной Европы V–III вв. до н.э. (опыт комплексного исследования) // Охранные историко-археологические исследования на Юго-Западе Украины. Одесса, Запорожье, с. 126–147.
- Островерхов А.С., 1996. Торговля стеклянными бусами на юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, с. 363–369.
- Отроценко В.В., 1978. Охота скифской амазонки // Курьер ЮНЕСКО. № 1, с. 21–22.
- Отчет, 1916. — Отчет Исторического музея за 1892–1908 гг. М.
- Очерки истории СССР, 1956. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. (Под ред. П.Н. Третьякова и А.Л. Монгайта). М.
- Оятева Е.И., 1971. Ранние находки кожаной обуви на территории Западной Европы (опыт методической разработки) // АСГЭ. Вып. 13, с. 107–112.
- Оятева Е.И., 1973. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15, с. 105–111.
- Оятева Е.И., 1978. О семантике ритуального башмака // АСГЭ. Вып. 19, с. 86–92.
- Оятева Е.И., 1980. Систематизация древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 21, с. 85–90.
- Павлова А.Н., [в печати]. Семиотика костюма волжских финнов I — нач. II тыс. н.э.
- Павчинская Л.В., 1987. К истолкованию изображений на Муллакурганском оссуарии // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, с. 20–29.
- Павчинская Л.В., 1990. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). Автореф. канд. дис. Самарканд.
- Пармон Ф.М., 1991. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.

- Пармон Ф.М., 1997. Композиция костюма. Учебник для вузов. М.
- Патрушев В.С., 1982. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. № 4, с. 186–195.
- Передольская А., 1956. Мастер миниатюрной леканы с изображением амазономахии // СГЭ. Вып. X, с. 182–186.
- Петренко В.Г., 1975. К вопросу об употреблении костяных булавок скифами в VI–IV вв. до н.э. // КСИА. Вып. 142, с. 53–57.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. (САИ. Вып. Д4–5). М.
- Петров А.М., 1995. Великий Шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С., 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. (Учебное пособие). М.
- Печенкин Н., 1905. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. Вып. 38. Симферополь, с. 64–77.
- Пещерева Е.М., 1978. Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., с. 176–188.
- Пилипко В.Н., 1985. Поселения Северо-Западной Бактрии. Аш.
- Пилипко В.Н., 1992. Росписи Старой Нисы // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Таш., с. 113–115.
- Пилипко В.Н., 2001a. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.
- Пилипко В.Н., 2001b. О костюме парфян и парнов // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. М., с. 293–316.
- Пилипко В.Н., 2002. Роль Парфии в разгроме государства бактрийских греков // Культурное наследие Средней Азии. (Гл. ред. Р.Х. Сулейманов). Таш., с. 209–213.
- Писарев С.А., Устинов С.В., 1989. Комплексное исследование археологических материалов из раскопок Тилля-тепе // Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., с. 232–237.
- Писарчик А.К., 1979. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 113–122.
- Писарчик А.К., 2003. Одежда таджиков Нурата. Душ.
- Пичикян И.Р., 1998. Возрождение Большого Клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея // ВДИ. № 1, с. 92–107.
- Плаксина Э.Б., Михайловская Л.А., Попов В.П., 2003. История костюма. Стили и направления. Учебное пособие. М.
- Плетнева С.А., 1961. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья // Исследования по археологии СССР. Л., с. 188–196.
- Погожева А.П., 1978. Погребения ранних кочевников на западе Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, с. 97–116.
- Погребова Н.Н., 1961. Погребения Мавзолея Неаполя Скифского // МИА. Вып. 96, с. 186–208.
- Погребова Н.Н., Раевский Д.С., 1989. К вопросу об «отложившихся скифах» Геродота // ВДИ. № 1, с. 76–88.
- Полосьмак Н.В., 1992. Исследование пазырыкского кургана Кутургунтас // ВДИ. № 4, с. 51–57.
- Полосьмак Н.В., 1994a. «Стерегиущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., 1994b. Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное обобщение) // Altaica. Вып. 4. Новосибирск, с. 3–9.
- Полосьмак Н.В., 1997. Пазырыкская культура: реконструкция мировоззрения и мифологических представлений. Автореф. докт. дис. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., 1998a. Красящие вещества в погребениях пазырыкской культуры (к вопросу о косметических средствах пазырыкцев) // Сибирь в панораме тысячелетий. (Материалы международного симпозиума). Т. 1. (Отв. ред. В.И. Молодин). Новосибирск, с. 66–69.
- Полосьмак Н.В., 1998b. Воинские шлемы пазырыкцев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. (Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина). Барнаул, с. 148–151.
- Полосьмак Н.В., 1999. Некоторые вопросы исследований материалов из «замерзших» могил Укока методами естественных и точных наук // Скифы Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. М., с. 123–125.
- Полосьмак Н.В., 2000a. Пазырыкская культура: «замерзшие» могилы и мумии (гл. 1.2) // Феномен алтайских мумий. (Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин). Новосибирск, с. 29–41.
- Полосьмак Н.В., 2000b. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ (гл. 2.2) // Феномен алтайских мумий. (Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин). Новосибирск, с. 57–108.
- Полосьмак Н.В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., 2003. Некоторые исторические и этнографические аспекты изучения древнего текстиля и одежды // Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия академика Г.М. Бонгард-Левина. (Отв. ред. С.Л. Тихвинский). М., с. 138–146.
- Полосьмак Н.В., Малахов В.В., 2000. Некоторые аспекты изучения древних тканей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск, с. 389–392.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л., 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., 2005. Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия: источники, история, культура. (Отв. ред. Е.А. Антонова, Т.К. Мкртычев). М., с. 589–599.

- Попова Е.А., 1984. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка позднескифской столицы // ВДИ. № 1, с. 78–89.
- Потанов Л.П., 1935. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. № 4–5, с. 132–147.
- Потемкина Т.М., 1971. Археологические памятники — важнейшие источники по изучению древней истории края // Роль краеведения в коммунистическом воспитании трудящихся. Материалы областной юбилейной конференции краеведов. Курган, с. 23–25.
- Придик Е.М., 1911. Мельгуновский клад // МАР. Вып. 31, с. 92–117.
- Придик Е.М., 1912. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа // ЗООИД. Т. XXX, с. 103–114.
- Прилико Я.П., Болтрик Ю.В., 1991. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневои Могили // Курганы Степной Скифии. Киев, с. 18–33.
- Прокофьева Е.Д., 1971. Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. Т. XXVII, с. 23–67.
- Прохорова Т.А., 1998. Обряд отсечения правой руки — специфическая черта культа грозового божества скифов и сарматов // Донская археология. 1998. № 1, с. 20–24.
- Прохорова Т., Гугуев В., 1988. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // Изв. РОМК. Вып. 5. Ростов-на-Дону, с. 37–49.
- Прыткова Н.Ф., 1961. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л.
- Прыткова Н.Ф., 1970а. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л., с. 57–76.
- Прыткова Н.Ф., 1970б. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., с. 208–222.
- Прыткова Н.Ф., 1971. Один из источников изучения одежды (по материалам обских угров) // Сб. МАЭ. Т. XXVII, с. 101–112.
- Пугаченкова Г.А., 1965. Халчаян. Таш.
- Пугаченкова Г.А., 1971. Скульптура Халчаяна. М.
- Пугаченкова Г.А., 1978а. Дальверзин-тепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. (Отв. ред. Л.И. Ремпель). Таш., с. 89–107.
- Пугаченкова Г.А., 1978б. Дальверзин-тепе. Л.
- Пугаченкова Г.А., 1979. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М.
- Пугаченкова Г.А., 1982. Искусство Гандхары. М.
- Пугаченкова Г.А., Кругликова И.Т., 1977. Дильберджин. Вып. 2. М.
- Пугаченкова Г., Ремпель Л., 1991. Реплика (еще раз к вопросу о сокровищах Тилля-тепе) // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 18. М., с. 130–132.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И., 1997. Погребения сарматской знати I в. н.э. на Усть-Альминском некрополе // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов конференции. Севастополь, с. 98–100.
- Пишеничнюк А.Х., 1983. Культура кочевников Южного Урала. М.
- Пишеничнюк А.Х., 1989. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале (препринт доклада). Уфа.
- Пьянков И.В., 1975. Средняя Азия в трудах античного историка Ктесия. Душ.
- Равдоникас Т.Д., 1972. О некоторых типах аланской одежды X–XII вв. // Кавказский этнографический сборник. Вып. V. М., с. 198–208.
- Равдоникас Т.Д., 1978а. Поздние аналоги мужской плечевой одежды обитателей эллинистического Пантикапея // Сб. МАЭ. Т. XXXIV, с. 145–153.
- Равдоникас Т.Д., 1978б. Одна из функций стеганой одежды народов Средней Азии // Сб. МАЭ. Т. XXXIV, с. 175–181.
- Равдоникас Т.Д., 1981. Об одной детали военного костюма кабардинских феодалов XVIII в. // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., с. 15–16.
- Равдоникас Т.Д., 1990. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. — конец XVII в.). Л.
- Радзевська Е.В., Шрамко Б.А., 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. Вип. 33, с. 99–107.
- Радлов В.В., 1989. Из Сибири. Страницы дневника. М.
- Раев Б.А., Яценко С.А., 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. (Отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск, с. 111–125.
- Раевский Д.С., 1971. Этнический и социальный состав населения Неаполя Скифского. Канд. дис. М.: МГУ.
- Раевский Д.С., 1977. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Райс Д.Т., 2002. Искусство Византии. М.
- Рапопорт Ю.А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.
- Рапопорт Ю.А., 1977. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., с. 74–89.
- Рапопорт Ю.А., 1998. Краткий очерк истории Хорезма в древности // Приаралье в древности и средневековье. М., с. 28–45.
- Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М., 2000. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М.
- Распопова В.И., 1965. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. № 4, с. 118–124.
- Распопова В.И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. М., с. 72–84.
- Распопова В.И., 1999. Металлические изделия из Пенджикента (находки 1971–1998 гг.). СПб.

- Рассудова Р.Я., 1970. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана // Сб. МАЭ. Т. XXVI, с. 16–51.
- Рассудова Р.Я., 1989. Сравнительная характеристика мужской одежды населения Фергано-Ташкентского региона XIX–XX вв. // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., с. 139–154.
- Рахимов Р.Р., 1996. Концепция лидерства в культуре таджиков. Традиция и современность // Этнические аспекты власти. (Отв. ред. В.В. Бочаров). СПб., с. 138–188.
- Рахимова З.И., 1984. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI–XVII вв. как источник по истории костюма. Автореф. канд. дис. Таш.
- Рахимова З.И., 1990. Среднеазиатский женский костюм на миниатюрах Мавераннахра XVI–XVII вв. как источник по истории костюма // Культура Среднего Востока. Развитие связей и взаимодействия с древнейших времен до наших дней. Таш., с. 135–151.
- Рахмонов Ш.А., 2001. Тавка (к истории древних таможенных сооружений Узбекистана). Таш.
- Ремпель Л.И., 1981. Далекое и близкое. Бухарские записи. Таш.
- Риази М.Р., 2003. Тасвирха Сар-е лебасха ва парчеха-йе Сасаниайн (Рисунки на одеждах и тканях Сасанидов). Тегеран (на фарси).
- Ролле Р., 1999. О фризе чертомлыцкой амфоры. Киев.
- Ростовцев М.И., 1912. Боспорское царство и Южнорусские курганы. СПб.
- Ростовцев М.И., 1913. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. СПб.
- Ростовцев М.И., 1914а. Античная декоративная живопись на Юге России. Текст. Пг.
- Ростовцев М.И., 1914б. Воронежский серебряный сосуд // МАР. Вып. 34, с. 79–92.
- Ростовцев М.И., 1917. Эллино-скифский головной убор // ИАК. Вып. 63, с. 69–101.
- Ростовцев М.И., 1918а. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг.
- Ростовцев М.И., 1918б. Курганные находки Оренбургской губ. эпохи раннего и позднего эллинизма (МАР. Вып. 37). Пг.
- Ртвеладзе Э.В., 1978. Храм в северной части Дальверзин-тепе // Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. (Отв. ред. Л.И. Ремпель). Таш., с. 67–83.
- Ртвеладзе Э.В., 1985. К истории эфталитов-алхонов // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Таш., с. 110–112.
- Ртвеладзе Э.В., 1987. Древние монеты Средней Азии. Таш.
- Ртвеладзе Э.В., 2002а. Древние и средневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. Таш.
- Ртвеладзе Э.В., 2002б. К монетному чекану юэчжийской Бактрии // Культурное наследие Средней Азии. (Гл. ред. Р.Х. Сулейманов). Таш., с. 227–233.
- Руденко С.И., 1949. Древнейшая «скифская» татуировка // СЭ. № 3, с. 132–138.
- Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.
- Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.
- Руденко С.И., 1962. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.–Л.
- Руденко С.И., 1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.
- Рудинский М. 1931. Кантемировські могили Римської доби // Зап. Всеукр. Археологічного комітета. Т. 1. Київ, с. 66–79.
- Рунич А.П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4, с. 232–247.
- Руставели Ш., 1966. Витязь в тигровой шкуре. (Пер. Н. Заболоцкого). М.–Л.
- Русяева М.В., 1998. Елліно-скіфське мистецтво IV ст. до н.е. (археологічні пам'ятки торевтики з зображеннями скіфів). Автореф. канд. дис. Київ.
- Рухфар З., 2001. Тоулид-е парчеха дар аср-е эслам (Производство тканей в исламский период). Тегеран (на фарси).
- Рыков П.С., 1925а. Сусловский курганный могильник. Саратов.
- Рыков П.С., 1925б. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 года (предварительный отчет) // ИНВИК. Вып. 1, с. 128–147.
- Рыков П.С., 1926. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. // Известия краеведческого института изучения нижеволжской области при Саратовском гос. университете. Т. 1. Саратов, с. 143–172.
- Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Сабурова М.А., 1967. Реконструкция женского убора по материаламклада Щербинского городища // КСИА. Вып. 112, с. 104–106.
- Савостина Е.А., 1987. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. № 1, с. 174–183.
- Савостина Е.А., 1992. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // СГМИИ. Вып. 10, с. 8–75.
- Савостина Е.А., 1993. Античность и варвары: возможность сопоставления культур // Античная цивилизация и варварский мир. (Отв. ред. Б.А. Раев). Ч. II. Новочеркасск, с. 24–31.
- Савостина Е.А., 1995. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир–Москва, с. 110–119.
- Савостина Е.А., 1999. Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной конференции. СПб., с. 200–207.

- Савостина Е.А., 2001. «Боспорский стиль» и сюжет Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). (Отв. ред. Е.А. Савостина). М.—СПб., с. 284–300.
- Сагалаев А.М., 1992. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск.
- Садако Като, 1994. Штаны из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха 1 // Полосьмак, «Стерегиущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). Новосибирск (Приложение), с. 111–114.
- Садыкова М.Х., 1965. Сарматы на территории Башкирии. Канд. дис. М.: Ин-т археологии РАН.
- Сазонова Н., 2003. Меджлисы и пиры. Живопись династии Каджаров // World Art Музей. 2003. № 5, с. 9–36.
- Салларес Р., 1995. Экология древнего мира: проблемы и подходы // ВДИ. № 3, с. 92–116.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Т., Сунгатай С., 2000. Берель. Алматы.
- Самашев З., Мыльников В.П., 2004. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). Алматы.
- Самбуева С.Б., 2000. Символика традиционного бурятского женского костюма. Автореф. канд. дис. Улан-Удэ.
- Сарианиди В.И., 1979. Царский некрополь в Северном Афганистане // Вестник АН СССР. № 7, с. 112–117.
- Сарианиди В.И., 1983. Афганистан: сокровища безымянных царей. М.
- Сарианиди В.И., 1984. Бактрия сквозь мглу веков. М.
- Сарианиди В.И., 1987. Бактрийский центр златоделия // СА. № 1, с. 66–75.
- Сарианиди В.И., 1989. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.
- Сарианиди В.И., 2001. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сат Л.Ш., 1984. Прически и традиционные украшения тувинских женщин (XIX — начало XX в.) // Проблемы истории Тувы. Кызыл, с. 186–194.
- Сбыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А., 2003. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск.
- Семенов Вл. А., 1993. Реконструкция скифского погребального костюма (по материалам раскопок в Туве) // Античная цивилизация и варварский мир (Отв. ред. Б.А. Раев). Ч. II. Новочеркасск, с. 69–76.
- Семенов Вл. А., 1994. Хронология курганов знати могильника Кош-Пей I в Уюкской котловине в Туве // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 83–90.
- Сергацков И.В., 1989. Погребение среднесарматского времени у с. Царев // СА. № 3, с. 216–222.
- Сёсоин бунка-но фурасабо-о тадзунэтэ. Сируко родо тэн, 1986. (Восходя к истокам культуры Сёсоин. Выставка, посвященная Шелковому пути). Токио (на яп. яз.).
- Силантьева П.Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. IV (САИ. Вып. Г1–11). М., с. 11–32.
- Симоненко А.В., 1979. О сарматских поясах // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, с. 76–84.
- Симоненко А.В., 1992. Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // ВДИ. № 3, с. 148–162.
- Симоненко А.В., 1993. Сарматы Таврии. Киев.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у села Пороги). Киев.
- Синицын И.В., 1936. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИНВИК. Т. VII, с. 77–85.
- Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов.
- Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. Вып. 78, с. 124–187.
- Синьцзян гудай, 1975. — Синьцзян гудай миньцзу вэньу (Памятники материальной культуры народов древнего Синьцзяна). Пекин (на кит. яз.).
- Синьцзян каогу сюэцзя гумму фацзюэ, 1999. (Открытие гробницы в археологии Синьцзяна) // Вэньу. 1999. № 1, с. 4–16 (на кит. яз.).
- Синьцзян Миньфэн, 1960. — Синьцзян Миньфэн бэй да шамочжун ичжи мицзандюй Дун Хань хэнзан му циньли цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании супружеской могилы периода Восточная Хань в могильнике древней стоянки, находящейся в пустыне севернее Миньфэна в Синьцзяне) // Вэньу. № 2, с. 78–82.
- Скорый С.А., 1992. К истории взаимоотношений населения Степи и Лесостепи в V–IV вв. до н.э. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной конференции. Мелитополь, с. 88–90.
- Скорый С., 1996. Киммеріці // Kochownicy Ukrainy: Katalog wystawy. Katowice, с. 31–48.
- Скорый С., Хохоровский Я., 2003. Последняя археологическая сенсация XX в. // Древний мир. № 3, с. 4–13.
- Скржинская М.В., 1997. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. № 3, с. 121–130.
- Скрипкин А.С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2, с. 100–120.
- Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. Научный доклад, представленный в качестве докт. дис. М.
- Скрипкин А.С., 2003. Сарматский погребальный комплекс II–I вв. до н.э. из Заволжья // НАВ. Вып. 6, с. 289–294.
- Скугарова Н.Г., 2001. Костяные заколки из Кампыртепа // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. (Под ред. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаева). Таш., с. 44–51.
- Скульптура и живопись древнего Пянджикента, 1959. (Отв. ред. А.М. Беленицкий, Б.Б. Пиотровский). М.
- Слава М.К., 1964. Культурно-исторические связи прибалтийских народов по данным одежды. М.
- Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Кристен Дж.А., Орлова Л.А., Бурф Дж.С., 2002. Анализ результатов радиоуглеродных «привязок» древесно-кольцевой хронологии курганов пазырыкской культуры Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII. Новосибирск, с. 436–441.

- Смирнов К.Ф., 1946. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н.э. — IV в. н.э. Канд. дис. М.
- Смирнов К.Ф., 1976. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, с. 64–70.
- Смирнов К.Ф., 1982. «Амазонка» IV века до н.э. на Дону // СА. 1982. № 1, с. 120–130.
- Смирнов Я.И., 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
- Соколов Г.И., 1973. Античное Причерноморье. Альбом. Л.
- Соколовский В.М., 1990. Реставрация и исследование росписей Уштур-мулло // АРТ. Вып. XXII, с. 262–266.
- Сокровища Египта, 2003. Иллюстрированный путеводитель по Египетскому музею в Каире. (Под ред. А. де Луки, М. Солое Кроче). М.
- Соловьев В.С., 1997. Северный Тохаристан в раннем средневековье. Елец.
- Соловьев В., 2004. Вопросы датировки и интерпретации раннесредневековой живописи Тохаристана // Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия — коллеги и ученики. (Отв. ред. А. Саитов). Таш., с. 89–94.
- Сорины, сестры [Петрова Е.А., Коробцева Н.А.], 1996. Психифизика одежды. Учебное пособие. М.
- Сорокин С.С., 1961. Керамика древнего Хотана // АСГЭ. Вып. 3, с. 69–82.
- Сорокина Н.П., 1957. Тузлинский некрополь. М.
- Сосновский Г.П., 1946. Раскопки Ильмовой пади // СА. Т. VIII, с. 143–155.
- Стицын А.А., 1918. Скифо-сарматские курганы Крымской степи // ИТУАК. Вып. 54, с. 165–178.
- Ставиский Б.Я., 1961. Хионитская гемма-печать // СГЭ. Вып. 20, с. 20–30.
- Ставиский Б.Я., 1998. Судьбы буддизма в Центральной Азии. По данным археологии. М.
- Ставиский Б.Я., Яценко С.А., 2002. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). Учебное пособие. М.
- Сташенков Д.А., 1998. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы) // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Самара, с. 213–231.
- Степанов П.К., 1915. История русской одежды. Вып. 1. Пг.
- Страбон, 1964. География в 17 книгах. (Пер. Г.А. Стратановского). М.
- Студинецкая Е.Н., 1989. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Киев.
- Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. Киев.
- Сунь Цзи, 1991. Буняо (Ген чже учжу дунцуо де фэй ян у туань), буняо дин юй дин шусин [Буняо (раскачивающееся украшение, колеблющееся, когда владелец ходит), шапка с буняо и ее аксессуары] // Вэньу. № 11, с. 73–79 (на кит. яз.).
- Суразаков С.С., 1983. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. (Отв. ред. С.С. Суразаков). Горно-Алтайск, с. 72–86.
- Суразаков С.С., 1988. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск.
- Сухарева О.А., 1954. Древние черты в формах головных уборов Средней Азии // Тр. ИЭ. Т. XXI, с. 229–238.
- Сухарева О.А., 1979а. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 3–13.
- Сухарева О.А., 1979б. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 77–102.
- Сухарева О.А., 1982. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М.
- Сыромятникова И.С., 1983. История прически. М.
- Сычев А.П., Сычев В.Л., 1975. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в искусстве и литературе. М.
- Сычев Л.В., 1977. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии. (К проблеме классификации) // СЭ. № 3, с. 31–46.
- Сычев В.Л., 1979. К вопросу о восточноазиатских элементах в иранском костюме // III Всесоюзная конференция «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР». Тезисы докладов. М., с. 80–82.
- Сычева В.Л., 1990. О так называемых «знаках карточных мастей» в искусстве Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., с. 64–69.
- Тан Чжаолин, 1997. — Тан Чжаолин боугуань Синьшэн да гунджу му фацзюэ дуань баогаошу (Краткий отчет об открытии гробницы Старшей принцессы Синьшэн Музея Тан в Чжаолине) // Каогу ю вэньу. 1997. № 3, с. 3–38 (на кит. яз.).
- Тарабукин Н.М., 1994. Очерки по истории костюма. М.
- Тасмагамбетов И., 2002. Кулпытас. Астана.

- Терекулов Т., Терекулова Н., 3332001. Новая реконструкция «золотого человека» // Кумбес. № 9–10 (2000–2001). Весь Атырау. Алматы, с. 46–51.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, с. 113–186.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.
- Токарев С.А., 1958. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.
- Толль Н.П., 1927. Заметки о китайском шелке на Юге России // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. I. Прага, с. 137–145.
- Толочко А.П., 1991. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия. (Отв. ред. П.П. Толочко). Киев, с. 34–42.
- Толочко И.В., 2003. Некрополь Танаиса I–III вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. (Под ред. В.Н. Зинько). Керчь, с. 248–269.
- Толочко И.В., 2004. Некрополь Танаиса (нач. III в. до н.э. — V в. н.э.): опыт сравнительного изучения. Автореф. канд. дис. М.
- Толстов С.П., 1948а. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.
- Толстов С.П., 1948б. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.
- Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстой И., Кондаков Н., 1889–1890. Русские древности в памятниках искусства. Т. II–III. СПб.
- Топрак-кала, 1984. — Топрак-кала. Дворец. (Отв. ред. Ю.А. Рапопорт, Е.Е. Неразик). М.
- Тотров В.К., 1978. Культ змеи в верованиях и мифологии осетин // Изв. ЮОНИИ. Вып. 23. Тб., с. 127–136.
- Тоцакова Е.М., 1978. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск.
- Тревер К.В., 1937. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.–Л.
- Тревер К.В., Луконин В.Г., 1987. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М.
- Трейстер М.Ю., 1982. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Вып. II. Краснодар, с. 157–168.
- Трейстер М.Ю., 1994а. Сарматская школа художественной торевтики. (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. № 1, с. 172–204.
- Трейстер М.Ю., 1994б. Малоизвестный эпизод истории сарматов: сарматы в Британии // Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов Международной конференции. (Отв. ред. А.С. Скрипкин). Волгоград, с. 112–114.
- Трейстер М.Ю., 1998. Ионийские ремесленники — скифам // ВДИ. № 4, с. 130–141.
- Трифилев Е.П., 1905. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г. // Тр. XII АС. Т. 1. М., с. 53–68.
- Троицкая А.Л., 1971. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана // Занятия и быт народов Средней Азии. (Тр. ИЭ. Т. ХСVII). Л., с. 224–255.
- Тропина Т.Н., 1988. Русский народный костюм в контексте народной художественной культуры. Автореф. канд. дис. М.
- Труфанов А.А., 1996. Пізньоскіфський могильник біля с. Брянське у Південно-Західному Криму // Матеріали Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. (Ред. О.В. Бондарець). Київ, с. 64–69.
- Туголуков В.А., 1969. Следопыты верхом на оленях. М.
- Тулегенова Н.И., Виноградов С.М., 2003. Погребения II–IV вв. н.э. на территории уральского Левобережья (по материалам раскопок 2002–2003 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, с. 256–261.
- Тур С.С., 1995. Среднеазиатские саки и Центральная Азия. (По материалам палеоантропологии) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, с. 44–57.
- Турчанинов Г.Ф., 1960. Древнейшая, IV в. н.э. осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталье из Эрмитажа // Изв. СОНИИ. Т. XXII, вып. 4, с. 122–128.
- Турчанинов Г.Ф., 1990. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ.
- Уарзиати В.С., 1987. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе.
- Уарзиати В.С., 1990а. Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе.
- Уарзиати В.С., 1990б. О столике «фынг» и ритуальной пище осетин // Литературная Осетия. № 74, с. 165–190.
- Уарзиаты В.С., 1995. Праздничный мир осетин. Владикавказ.
- Уильямс Д., Огден Д., 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э. СПб.
- У истоков цивилизации, 2004. (Под ред. А. Журавлева). М.
- Украшения, 1999. Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США. (Под ред. К. Искольдской, И. Клопковой). Париж.
- Усманова Э.Р., 1993. Головной убор и его статус в погребальном обряде (По материалам андроновских некрополей) // ВДИ. № 3, с. 75–83.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998. Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск.
- Ушаков Н.В., 1982а. Указатель типов одежды народов Восточной Европы (проект) // Сб. МАЭ. Т. XXXVIII, с. 28–42.
- Ушаков Н.В., 1982б. К вопросу классификации одежды восточных славян // Сб. МАЭ. Т. XXXVIII, с. 16–27.
- Фавстос Бузанд, 1953. История Армении. (Пер. М.А. Геворгияна). Ер.

- Федоров Г.Б., 1956. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Изв. Молд. филиала АН СССР. № 4 (31). Кишинев, с. 46–72.
- Федоров Г.Б., 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. Вып. 89, с. 83–104.
- Федоров Г.Б., 1969. Позднесарматский могильник у с. Криничное // МИА. Вып. 169, с. 246–267.
- Феофилакт Симокатта, 1957. История. М.
- Фиалко Е.Е., 1999. Костяные гребни из скифских памятников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, с. 254–259.
- Фиалко Е.Е., 2002. Греческие калафы из скифских могил // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы X Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, с. 82–85.
- Филострат Стариий, 1936. Картины. (Пер. С.П. Кондратьева). М.
- Фирдоуси, 1957. Шах-наме. Критический текст. Т. 1. (Под ред. Е.В. Бертельса). М.
- Флеров В.С., 1997. «Время сберегать» (Екк. 3, 5) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов. Самара, с. 64–67.
- Флиер А.Я., 2000. Культурология для культурологов. М.
- Фрески, 1979. — Фрески периода Когурё. Пхеньян.
- Фролов Э.Д., 1998а. Скифы в Афинах // ВДИ. № 1, с. 135–152.
- Фролов Э.Д., 1998б. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., с. 132–140.
- Фукаи С., 1968. Иран гэйдзюцу то кокогаку кэнкю гарасу сэйсан то киндзоку како (Исследование иранского искусства и археологии. Стеклоделие и металлообработка). Токио (на яп. яз.).
- Фэн Ханиши, 1959. Ван цзянь му чуту дадай као (Изучение пояса из погребения Ван Цяня) // Каогу. № 8, с. 174–179 (на кит. яз.).
- Хазанов А.М., 2000. Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы.
- Халяпин М.В., Моргунова Н.Л., 2005. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, с. 116–129.
- Харченко Л., 1994. По одежке встречают... Секреты русского костюма. СПб.
- Храпунов И.Н., 1998. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI, с. 230–238.
- Христановский В.А., 2003. Некрополь Илурата: топография, хронология, этнокультурная характеристика // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. (Под ред. В.Н. Зинько). Керчь, с. 270–276.
- Хуан Вэньби, 1958. Талиму пэньди каогуцзи. (Археологические раскопки в Тариме). Пекин (на кит. яз.).
- Худяков Ю.С., 2000. Реконструкция женского головного убора кочевников Горного Алтая хуннского времени // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов. Самара, с. 131–133.
- Цитковая Ю.И., 1998. Анализ текстильных остатков из могильников Большая Мазанка II–III // [Парусимов И.Н.] Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, с. 50–53.
- Цыхай, 1948. (Море слов). Шанхай (на кит. яз.).
- Черемисин Д.В., Запорожченко А.В., 1996. Пазырыкский «шаманизм»: артефакты и интерпретации // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 30–32.
- Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.
- Черненко Е.В., 2000. До питання автентичності золотої пластини з колекції Романовича // Музейні читання: Матеріали наук. конф. 24 груд. 1999 р. (Видп. ред. Ж.Г. Арустамян). Київ, с. 114–117.
- Чжан Моюань, 1959. Чжунго Хань тай ифу ян (Образцы китайской одежды периода Ханьской династии). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго Дуньхуан литай фуши ту ань, 2002. (Орнаменты китайских одежд из Дуньхуана и украшения различных эпох). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго фуши уцянь нянь, 1984. (5000 лет китайского костюма). Сянган (на кит. яз.).
- Чибиров Л.А., 1984. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали.
- Читаз М.Р., 2000. Тарих-е лебасха-йе Ирани (аз агаз-е аср-е эслам та хамле-йе могул) (История иранских костюмов [от начала исламской эры до монгольского нашествия]). Тегеран (на фарси).
- Чичуров И.С., 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.
- Чореф М.Я., 1975. Два новых рельефа сарматского круга // СА. № 1, с. 193–198.
- Чочиев А.Р., 1985. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали.
- Чугунов К.В., 1996. Погребальный комплекс с кенотафом из Тувы. (К вопросу о некоторых параллелях археологических и письменных источников) // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 69–80.
- Чугунов К.В., 2004. Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2004, с. 273–276.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А., 2004. Золотые звери из Долины царей. Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве. СПб., 2004.

- Шангина И.И., 1975. Образы русской народной вышивки на обрядовых полотенцах XIX–XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки). Автореф. канд. дис. М.
- Шан Цунвань, 1981. Чжунго гудай фуши яньцзю (Изучение древнекитайского костюма). Сянган (на кит. яз.).
- Шауб И.Ю., 1993. Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, с. 79–88.
- Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. Каталог выставки. (Под ред. А.М. Лескова, В.Л. Лапушняна). М.
- Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). (МИА. Вып. 98). М.
- Шелов Д.Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М.
- Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шелов Д.Б., 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., с. 123–127.
- Шеффер Э., 1981. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.
- Шилов В.П., 1959. Калиновский курганный могильник // МИА. Вып. 60, с. 8–193.
- Шильц В., 1986. К вопросу о персидском «канди» и его распространении в Азии // Городская среда и культура Бактрии–Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. — VIII в. до н.э.). Тезисы докладов советско-французского colloquium. Таш., с. 115–116.
- Шильц В., 2003. О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. Вып. 36, с. 68–71.
- Широкова З.А., 1976. Традиционная одежда женщин Горного Таджикистана. Душ.
- Широкова З.А., 1979. Традиционный костюм жениха у горных таджиков // Костюм народов Средней Азии. (Отв. ред. О.А. Сухарева). М., с. 123–127.
- Широкова З.А., 1980. О некоторых особенностях вышитых платьев женщин Горного Таджикистана // Памяти А.А. Семенова. Душ., с. 302–308.
- Широкова З.А., 1989. Традиционные женские головные уборы таджиков // Традиционная одежда народов Средней Азии. (Под ред. Н.П. Лобачевой, М.В. Сазоновой). М., с. 182–203.
- Широкова З.А., 1993. Таджикский костюм конца XIX — XX в. Душ.
- Шицзин. Книга песен и гимнов, 1987. (Пер. с кит. А. Штукина). М.
- Шишкин В.А., 1963. Варахша. М.
- Шлюмберже Д., 1985. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М.
- Шляев Б.А., 1955. Стела Гокона // ВДИ. № 2, с. 205–209.
- Шрамко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
- Шрамко Б.А., 1965. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореф. докт. дис. Киев.
- Шрамко Б.А., 1970. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии // СА. № 2, с. 217–221.
- Штерн Э.Р., 1911. Несколько античных бронз из коллекций Одесского музея // ЗООИД. Т. XXIX, с. 126–138.
- Шукуров Ш.М., 1983. «Шах-Наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М.
- Шульга П.И., 2000. Предварительные итоги раскопок могильника Локоть-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск, с. 441–446.
- Шульц П.Н., 1963. Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 3, с. 94–101.
- Шульц П.Н., 1976. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М., с. 226–235.
- Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. № 4, с. 156–168.
- Щеглова О.А., 2000. О некоторых возможностях реконструкции женской одежды по материалам наборов украшений из кладов «древностей антов»: источники, аналоги, результаты // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Тезисы докладов. Самара, с. 136–141.
- Эдвардс М., 2003. Скифы: золотых дел мастера // National Geographic. Октябрь, с. 86–103.
- Эко У., 2003. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.
- Этнографическое изучение знаковых средств культуры, 1989. М.
- Ягодин В.Н., Таиходжаев Т., 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Таш.
- Яйленко В.П., 1989. Изменение политической структуры Скифии на рубеже V–IV вв. до н.э.: миграции агафирсов, царских скифов и будинов // Тезисы докладов конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, с. 180–181.
- Яйленко В.П., 2004. Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. (Отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб., 2004, с. 55–60.
- Яковенко Э.В., 1985. Скифы на Боспоре. (Греко-скифские отношения в VII–III вв. до н.э.). Автореф. докт. дис. М.
- Якубов Ю.Я., 1993. Работы Верхнезеравшанского археологического отряда на поселении Наврузшах в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV, с. 296–304.
- Яценко И.В., 1997. О времени и причинах исчезновения «кубанских» шлемов в скифской культуре Северного Причерноморья и Северного Кавказа // Сарматы и Скифия. (Донские древности. Вып. 5). Азов, с. 164–175.
- Яценко С.А., 1983. Костюм как элемент системы погребального ритуала у сарматов и поздних скифов // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология). Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, с. 86–88.
- Яценко С.А., 1984. «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, с. 55–56.

- Яценко С.А., 1985. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. (Отв. ред. В.А. Кузнецов). Орджоникидзе, с. 25–36.
- Яценко С.А., 1986. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 186, с. 14–20.
- Яценко С.А., 1987а. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // СА. № 3, с. 166–176.
- Яценко С.А., 1987б. О семантике одного из элементов декора парадного костюма ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, с. 135–136.
- Яценко С.А., 1987в. Греко-римское влияние на костюм сармато-алан // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье–Приазовье. Тезисы докладов к семинару. (Отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск, с. 51–52.
- Яценко С.А., 1989а. Костюм и покровы кочевой аристократии из некрополя Тилля-тепе (Афганистан) // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока. (Отв. ред. Г.А. Кошеленко, С.А. Узянов). Ч. 1. М., с. 259–293.
- Яценко С.А., 1989б. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV — первой половины III в. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). (Отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск, с. 120–126.
- Яценко С.А., 1989в. К выделению специфических элементов костюма скифских аристократов на изображениях IV в. до н.э. // Тезисы конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». (Отв. ред. Г.Н. Тошев). Запорожье, с. 183–184.
- Яценко С.А., 1992. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. (Отв. ред. В.В. Техов). Владикавказ–Цхивал, с. 189–214.
- Яценко С.А., 1992а. Элементы культуры хунну на территории Сарматии // VI Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации. (Отв. ред. В.М. Солнцев). Вып. I. М., с. 247–252.
- Яценко С.А., 1992б. Торговые пути Сарматии в I в. до н.э. — III в. н.э. // Степи Евразии во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье (тезисы докладов). Международный научный семинар. Донецк, с. 86–88.
- Яценко С.А., 1992в. О приемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов // Проблемы этнографии осетин. (Отв. ред. В.Х. Тменов). Вып. 2. Владикавказ, с. 64–80.
- Яценко С.А., 1993а. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. (Отв. ред. Б.А. Раев). Ч. II. Новочеркасск, с. 75–83.
- Яценко С.А., 1993б. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. Вып. 3, с. 60–72.
- Яценко С.А., 1993в. Основные волны появления новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. — III в. н.э. Происхождение стиля «клуазонне» // ПАВ. Вып. 4, с. 97–105.
- Яценко С.А., 1993г. Костюм вельможного варвара на медальоне з Верхіні // Археологія. № 1, с. 79–81.
- Яценко С.А., 1993д. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (к вопросу об этнографизме изображений) // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. I. М., с. 304–338.
- Яценко С.А., 1993е. Характерные черты кушанского мужского костюма II–III вв. н.э. // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Азии. (Тезисы). Чарджев, с. 42–44.
- Яценко С.А., 1994а. Погребальные покровы сармато-аланок // Тезисы докладов международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья»-II. (Отв. ред. Г.Н. Тошев). Запорожье, с. 205–207.
- Яценко С.А., 1994б. Наборы амулетов среди атрибутов одной из групп знатных сармато-аланок европейских степей сер. I — сер. II в. н.э. // «Вещь в контексте культуры». Материалы научной конференции. СПб., с. 85–86.
- Яценко С.А., 1994в. К истории формирования одного из ключевых стереотипов сарматологии // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 200–204.
- Яценко С.А., 1994г. Алано-славянские культурные контакты в VI–XIII вв. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII международной научной конференции. (Отв. ред. В.Н. Копылов). Ростов-на-Дону, с. 86–88.
- Яценко С.А., 1995а. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. № 3, с. 188–194.
- Яценко С.А., 1995б. О точной дате и обстоятельствах прибытия посольств, изображенных на росписях Афрасиаба // «Узбекистан — вклад в мировую цивилизацию. Бухара и мировая культура». (Тезисы). Вып. 3. Ч. I. Бухара, с. 13–17.
- Яценко С.А., 1996а. Загадочные монстры пазырыкцев и китайская мифология эпохи Чжоу // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. (Под ред. А.Ю. Алексеева и др.). СПб., с. 154–158.
- Яценко С.А., 1996б. Некоторые культовые сюжеты в искусстве сарматов Северного Кавказа I в. до н.э. — I в. н.э. // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции. СПб., с. 141–143.
- Яценко С.А., 1996в. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I — сер. III в. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. (Тезисы докладов V археологического семинара). (Отв. ред. Б.А. Раев). Новочеркасск, с. 19–20.
- Яценко С.А., 1998а. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА. № 3, с. 67–74.
- Яценко С.А., 1998б. Археология // Культурология. XX век. Энциклопедия. Том первый. (Гл. ред. А.Я. Левит). СПб., с. 35–37.

- Яценко С.А., 1999а. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. № 3, с. 145–170.
- Яценко С.А., 1999б. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V–IV вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. (Отв. ред. П.П. Толочко). Запорожье, с. 282–285.
- Яценко С.А., 2000а. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I–II вв. н.э. // НАВ. Вып. 3, с. 172–185.
- Яценко С.А., 2000б. Раздел «Костюм» // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Том IV]. Архитектура. Искусство. Костюм. (Отв. ред. Б.А. Литвинский). М., с. 296–384.
- Яценко С.А., 2000в. Эпический сюжет ираноязычных народов в древностях Степной Евразии // ВДИ. № 4, с. 186–204.
- Яценко С.А., 2000г. Костюм Скифии в «архаическое» (VII–VI вв. до н.э.) и «классическое» время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). (Отв. ред. Б.А. Раев). Краснодар, с. 24–31.
- Яценко С.А., 2000д. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н.э. // Stratum plus. № 4, с. 251–272.
- Яценко С.А., 2001а. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). (Отв. ред. Д.А. Шашенков). Самара, с. 4–21.
- Яценко С.А., 2001б. Знаки-тамги иранских народов древности и раннего средневековья. М.
- Яценко С.А., 2001в. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников // Выбор метода. Изучение культуры в России 1990-х годов. (Отв. ред. Г.И. Зверева). М., с. 244–252.
- Яценко С.А., 2001г. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности. (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этнонациональные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. (Отв. ред. К.М. Климов). Ижевск, с. 99–104.
- Яценко С.А., 2001д. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв. н.э.) // ИАИАИАНД за 1999–2000 гг. Вып. 17, с. 363–373.
- Яценко С.А., 2002. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Докт. дис. М.
- Яценко С.А., 2003а. Об особенностях ювелирного стиля Тилля-тепе // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. (Под ред. Т.К. Мкртычева и др.). М., с. 171–172.
- Яценко С.А., 2003б. Заметки по истории и культуре сармато-аланов // НАВ. Вып. 6, с. 304–317.
- Яценко С.А., 2004а. Образы сармато-аланов в искусстве северопафтийских греков // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. II. (Отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб., 2004, с. 312–324.
- Яценко С.А., 2004б. Преемственность в костюме древних народов Среднеазиатского Междуречья (на примере Хорезма) // Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия — коллеги и ученики. (Отв. ред. А. Саитов). Таш., с. 99–105.
- Яценко С.А., 2004в. Глиняные фигурки всадников древних иранских народов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI. Запоріжжя, с. 294–298.
- Яценко С.А., 2004г. Одежда Тохаристана в раннем средневековье // Ирано-славика. 2004. № 2. М., с. 76–83.
- Яценко С.А., Малашев В.Ю., 2000. О полихромном стиле позднеиромского времени на территории Сарматии // Stratum plus. № 4, с. 226–250.
- Abdullaev K., Badanova E., 1998. Bactrian Dress in the Achaemenian Period // Mesopotamia. Vol. XXXIII. Firenze, p. 189–218.
- Abgarians M.T., Sellwood D.S., 1971. A Hoard of Early Parthian Drachms // Numismatic Chronicle. 1971. 11, p. 103–119.
- Ackerman H.C., 1975. Narrative Stone Reliefs from Gandhara in the Victoria and Albert Museum in London. Catalogue and Attempt at a Stylistic History. Rome.
- Ackerman Ph., 1938. Textile through the Parthian Period // Survey of the Persian Art. Vol. 1. (Ed. by A. U. Pope). London, p. 682–685.
- Ackerman Ph., 1946. Note on some Parthian Textile Elements // Bulletin of the Iranian Institute. Vol. VI, p. 19.
- Actes, 1952. — Actes du 1er Congrès International du Costume. Venezia.
- Adams N., 2000. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // Kontakte zwischen Iran, Byzand und der Steppe in 6.–7. Jahrhundert (Her. Von C. Bálint). Budapest, Napoli, Roma, S. 13–70.
- Ahmad R., Dolkun K., 1986. Tarim arheologik ekspeditsiyasining birdinbir tepdiv // Xinjiang madiniyitining yadgarlikliri. No. 1. Urumchi, s. 1–9.
- Aggula B., 1985. Inscriptions et Graffites Araméens d'Assour // Suppl. de Instituto Universitario Orientali Napoli. Suppl. 43. Vol. 45, fasc. 2. Naples, p. 136–152.
- Aibabin A., Pilet Ch., Kazanski M., Kharedinova E., 2000. Les fouilles de la nécropole de Loutchistoye (Crimée) // Colloquia Pontica. Vol. 5, p. 53–63.
- Akurgal E., 1961. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. B.
- Akurgal E., 1966. Griechisch-persische Reliefs aus Daskyleion // Iranica Antiqua. Vol. 6, p. 147–156.
- Alexander S.M., 1980. The Influence of Achaemenian Persia on the Jewellery of the Migrations Period in Europe // Ancient Persia: The Art of Empire. Vol. Four. (Ed. by Schmandt-Besserat). Undena, p. 87–94.

- Alkazi R., 1983. *Ancient Indian Costume*. New Dehli.
- Alram M., 1986. *Nomina Propria Iranica in Nummis*. Materialgrundlagen zu den Personennamen auf antiken Münzen. Tafelband (Iranisches Personennamenbuch. Bd. IV). Wien.
- Alram M., 1987. Die Vorbildwirkung der arsakidischen Münzprägung // *Literae Numismatae Vindobonenses*. Bd. 3, S. 117–146.
- Al Shawi H.A., 1986. *Sculptures of Hatrans: A Study of Costume and Jewelry*. Baghdad.
- The Altai Culture*, 1995. Catalogue. Seoul.
- Amandry, P., 1958. Orfèvrerie achéménide // *Antike Kunst*. Bd. 1. Olten, S. 9–23.
- Amiet P., 1976. Les antiquités de Luristan. (Collection David-Weill). Paris.
- Amiet P., 1972. Les ivoires achéménides de Suse // *Syria*. Vol. 49, p. 167–191.
- Amiet P., 1986. L'âge des échanges interiraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris.
- Amiet P., 1992. Les figurines de Suse. Vol. 1. Paris.
- Amiet P., 2001. La sculpture susienne à l'époque de l'empire parthe // *IA*. Vol. 36, p. 239–281.
- Amirkhuz A.Ch., Saidi Harsim M.R., 2002. *A Glæ at Iranian Ancient Coffins*. Tehran.
- Ancient Greek Dress*, 1964. (Ed. by M. Jonson). Chicago.
- Ancient Mortuary Traditions of China*, 1991. Papers of Chinese Ceramic Funerary Sculptures. (Ed. by G. Kuwayama). Los Angeles.
- Andrae W., Lenzen H., 1933. *Die Parthischer Assur* // *MDOG*. Vol. 57. B.
- Archaeological Treasures of the Silk Road in Xinjiang Autonomous Region*, 1998. Shanghai.
- Archéologie vivante*. 1968. Vol. II. Paris.
- The Art of Gandhara, Pakistan*, 2002. (Catalogue). Tokyo.
- Artamonov M.I., 1970. *Goldschatz der Scythen*. Prague.
- Arrhenius B., 1985. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm.
- Asthana S.P., 1999. *Mathura Kala* (Catalogue of Sculptures in National Museum). New Dehli.
- Auboyer J., 1968. *Afghanistan und seine Kunst*. Prague.
- Azarnoush M., 1994. *The Sasanian Manor House at Hājīābād, Iran*. Florence.
- Azarpay G., 1977. Sasanian and Sogdian Artistic Patterns: A Comparative Study // *Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale*. Paris, p. 323–328.
- Azapray G., 1981. *Sogdian Painting (The Pictorial Epic in Oriental Art)*. Berkeley, Los Angeles, London.
- Azapray G., 1994. Designing the Body: Human Proportions in Achaemenid Art // *IA*. Vol. 29, p. 182–186.
- Bailey H. W., 1955. *Ariana. Dress and Equipment* // *Orientalia Suecana*. Vol. IV. Uppsala (Donum natalicium H.S. Nyberg oblatum), p. 126–158.
- Bailey H.W., 1982. *The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan*. Delmar.
- Baldershofen-Netoliczka A., 1921. *Kidaris* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. T. XI/1. Stuttgart, S. 378–379.
- Barnett R.D., 1967. The Earliest Representation of Persians // *Servey of Persian Art*. Vol. XIV. London, p. 2997–3007.
- Barnett R.D., 1975. *Assyrian Sculpture in the British Museum*. Toronto.
- Barnett R.D., 1976. *Sculpture from the North Palace of Assurbanipal in Nineveh (668–627 B.C.)*. London.
- Barsis M., 1973. *The Common Man through the Centuries. A Book of Costume Drawings*. New York.
- Beal S., 1906. *Buddhist Records of the Western Word*. Vol. 1. London.
- Beck P., 1972. A Note on the Reconstruction of the Achaemenid Robe // *Iranica Antiqua*. Vol. 9, p. 116–122.
- Beckwith C., Fisher A., 1999. African Marriage Rituals // *National Geographic* 196/5 (November 1999), p. 64–69.
- Belenitzki A.M., 1980. *Mittelasiens Kunst der Sogden*. Lpz.
- Bergman F., 1939. Archeological Researches in Sinkiang, Especially the Lop Nor Region // *Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin*. Publication 7. Archaeology. Stockholm, p. 126–147.
- Bernard P., 1969. Les bas-reliefs gréco-perses de Dascylon à la lumière de nouvelles découvertes // *Revue d'archéologie*. No. 2, p. 17–29.
- Bernard P., 1980. Plutarque et la coiffure des Parthes et des nomades // *Journal des Savants*. Janvier-juin 1980, p. 67–84.
- Bespaly E.I., 1986. Barrows with Roman Imports, Excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979–1984 // *Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin*. (BAR International Series, 278). Oxford, p. 285–296.
- Beyhaqi H.A., 1992. Clothing of Khorasan // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. V, fasc. 7. Costa Mesa, p. 833–836.
- Bielefeld E., 1951. *Amazonomachia*. Halle.
- Bittel, K., 1964. Fibulen in Persepolis // *Vorderasiatische Archäologie. Studien u. Aufsätze Anton Moortgat zum 65. Geb. gewidmet von Kollegen, Freunden u. Schülern*. Hrsg. von K. Bittel, E. Heinrich, B. Hrouda, W. Nagel. B., S. 39–41.
- Bittner S., 1985. *Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres der Zeit der Achaimeniden*. München.
- Bivar A.D.H., 1959. Details and "Devices" from the Sasanian Sculptures // *Oriental Art*. New Series. Vol. 5/1, p. 11–14.
- Bivar A.D.H., 1969. *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum, Stamp Seals II: The Sasanian Dynasty*. London.
- Bivar A.D.H., 1998. The Sasanian Princes at Bamiyan // *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. (Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand and J.M. Rogers). London, New York, p. 103–110.

- Blinkenberg Chr.*, 1912. Exploration archéologique de Rhodos VI. La Chronique du temple lindien // Bulletin de l'Académie des Sciences et des Lettres de Danmark. 1912. Copenhagen, p. 291–352.
- Boardman J.*, 1970. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London.
- Boardman J.*, 1995. Athenian Black Figure Vases. The Archaic Period. London.
- Bogomolov G.I., Burjakov Yu.F.*, 1995. Sealings from Kanka // In the Land of the Gryphons. Asian Archaeology in Antiquity. (Ed. by A. Invernizzi). Firenze, p. 132–141.
- Böhme H.W.*, 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München.
- Böhmer H., Thompson J.*, 1991. The Pazyryk Carpet: A Technical Discussion // Source. Notes in the History of Art. Vol. 10. No. 4, p. 30–36.
- Borchard G.E.*, 1970. Reflections on the Polish Nobleman's Attire in the Sarmatian Tradition // Costume. No. 4. London, p. 121–127.
- Borchhardt J.*, 1968. Epichorische, gräko-persisch beeinflusste Reliefs in Kilikien. Studien zur Kunst an den Satrapenhöfen Kleinasien // Istanbuler Mitteilungen. Bd. 18, S. 161–211.
- Bospearachchi O.*, 1998. Indo-Parthians // Das Partherreich und seine Zeugnisse (Hg. J. Wiesenhöfer). Stuttgart, S. 390–402.
- Bothmer von D.*, 1957. Amazons in Greek Art. Oxford.
- Bovon A.*, 1963. La représentation des guerriers perses et la notion de barbare dans la 1ère moitié du Ve siècle // Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 87, p. 579–602.
- Boyce M.*, 1975. A History of Zoroastrianism. Vol. I. The Early Period. Leiden.
- Broby-Johansen R.*, 1968. Body and Clothes. London.
- Brosius M.*, 1996. Women in Ancient Persia (559–331 BC). Oxford.
- Brückner W.*, 1985. Kleidungsforschung aus Sicht der Volkskunde // Mode. Tracht. Regionale Identität. Cloppenburg, S. 13–22.
- Burrow T.*, 1940. A Translation of the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan. London.
- Buss D.M.*, 1999. Evolutionary Psychology. Boston.
- Bussagli M.*, 1979. Central Asian Painting. Geneva.
- Bussagli M.*, 1984. L'Arte del Gandhara. Torino.
- The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, 1998. (Ed. by V. Mair). Vol. 1–2. Washington, Philadelphia.
- Calder W.M.*, 1981. Diadem and Barrel-Vault: A Note // American Journal of Archaeology. No. 85. Cambridge, p. 334–335.
- Calder W.M.*, 1983. Golden Diadems Again // American Journal of Archaeology. No. 87, p. 102–103.
- Callieri P.*, 1997. Seals and Sealings from the North-West of the Indian Subcontinent and Afghanistan (4th c. BC — 11th c. AD). Napoli.
- Callieri P.*, 1999. Huns in Afghanistan and the North-West of the Indian Subcontinent // Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. (Ed. by M. Alram & D.E. Klimburg-Salter). Wien, p. 277–292.
- Callieri P.*, 2006. At the Roots of the Sasanian Royal Imagery: The Persepolis Graffiti // *Iran und Antiquitäten*. Studies Presented to Boris Ilich Marshak in Occasion of His 70th Birthday. (Ed. by M. Compagnot, P. Raffetta, G. Scarcia). Venice, p. 129–148.
- Calmeyer P.*, 1969. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kirmanshah. B.
- Calmeyer P.*, 1973. Reliefbronzen in babylonischem Stil. Eine westiranische Werkstatt des 10. Jahrhunderts v. Chr. München.
- Calmeyer P.*, 1977. Vom Reishut zur Kaiserkrone B. Stand der archäologischen Forschung zu den iranischen Kronen // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 10, S. 168–190.
- Calmeyer P.*, 1988. Zur Genese altiranischer Motive, X: Die elamisch-persische Tracht // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 21, S. 27–51.
- Calmeyer P.*, 1989. Die roten Schuhe // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 22, S. 133.
- Calmeyer P.*, 1990. Belts // Encyclopaedia Iranica. Vol. IV, p. 130–132.
- Calmeyer P.*, 1992. Crown in the Median and Achaemenid Periods // Encyclopaedia Iranica. Vol. V, fasc. 7. Costa Mesa, p. 407–408.
- Carter M.L.*, 1974. Royal Festal Themes in Sasanian Silverwork and Their Asian Parallels // Acta Iranica. Vol. 1. Leiden, p. 171–202.
- Carter M.L.*, 1993. A Selection of Ancient Gold Coins from Afghanistan in the Herbert E. and Dorothy C. Schwarz Collection at the American Numismatic Society // BAI. NS. Vol. 7, p. 173–182.
- Carter M.L.*, 1994. A Preliminary Study of two Indo-Scythian Bronzes in the Nitta Group Collection // South Asian Archaeology 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists. Vol. 1. Helsinki, p. 125–136.
- Carter M.L.*, 2003. Preliminary Notes on a Silver-Gilt Ewer with Bird Medallions in a Private Collection // SRAA. Vol. 9, p. 185–212.
- Castriota D.*, 1995. Barbarian and Female: The Other on the West Front of the Parthenon // Representations of the Other in Athenian Art c. 510–400 B.C. (Ed. by E. Davies). (Source. Notes in the History of Art. Vol. 15. No. 1), p. 32–38.
- Černenko E.V.*, 1983. The Scythians 700–300 BC. London, 1983.
- Chador-Sampson A.B., Lalaounis I.*, 1998. Lalaounis Ilias: Modern Revival of Ancient Gold. I. Lalaounis Jewellery Museum, Athens.

- Chavannes E., 1903. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux (Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. VI). СПб.
- Chegeni N.N., Nikitin A.B., 1996. Sasanian Iran — Economy, Society, Arts and Crafts (Chapter 2) // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. (Ed. by B.A. Litvinsky). Paris, p. 82–103.
- Cheng Yue, 1996. A Summary of Sogdian Studies in China // China Archaeology and Art Digest. 1996. No. 1, p. 21–30.
- Chochorowski J., Rydzewski J., Skoryj S., 1999. Wielki kurhan Ryżanowski. Przewodnik po wystawie «Tutanchamon ukraińskich stepów». Kraków.
- Cichorius C., 1896–1990. Die Reliefs der Trajanssäule. T. 1–2. B.
- Clay Fugurines, 2003. — Clay Fugurines. Human Heads of Ancient Iran. Tehran.
- Coins, 1999. — Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. (Ed. by M. Alram & D.E. Klimburg-Salter). Wien.
- Colas R., 1933. Bibliographie générale du Costume et de la Mode. Paris.
- Colledge M.A.R., 1976. The Art of Palmyra. London.
- Colledge M.A.R., 1977. Parthian Art. New York.
- Colledge M.A.R., 1987. Parthian Cultural Elements at Roman Palmyra // Mesopotamia. Vol. 22.
- Collon D., 1995. Ancient Near Eastern Art. Berkeley, Los Angeles.
- Compareti M., Cristoforetti S., 2004. Una tipica festa cinese tra le pitture del VII secolo d. C. di Afrasyab (Samarcanda)? // www.cinaoggi.it/storio/tipico-fosto-cinoso.htm
- Courtais C., 1973. Woman's Headdress and Hairstyles. London.
- Cribb J., 1990. Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // Studia Iranica. Vol. 19/2, p. 151–193.
- Cribb J., 1993. The "Heraeus" Coins: Their Attribution to the Kushan King Kujula Kadphises, c. AD 30–80 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins. (Ed. by M. Price, A. Burrett, R. Bland). London, p. 167–181.
- The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan. An Exhibition at the Fitzwilliam Museum, 1992. (Ed. E. Errington, J. Gribb). Cambridge.
- Csallany D., 1962. Der awarische Gürtel // Acta archaeologica. T. XIV, fasc. 3–4. Budapest, S. 125–146.
- Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A., 2003. Der scythische Fürstengrabhügel von Aržan 2 in Tuva. Vorbericht der russisch-deutschen Ausgrabungen 2000–2002 // Eurasia Antiqua. Bd. 9, S. 113–162.
- Cumont F., 1926. Fouilles de Doura Europos. Atlas. Paris.
- Cumont F., Rostovtzeff M.I., 1939. The Pictures of the Late Mithraeum. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Seventh and Eighth Seasons of Work. New Haven, p. 104–115.
- Cunnington P., 1974. Costumes of Household Servants. From the Middle Ages to 1900. London.
- Cunnington P., Lucas C., 1972. Costume for Births, Marriages and Death. London.
- Curtis J., Searight A., 2003. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning // Culture. Ritual Objects. Ancient Near Eastern Studies in Honour of P.R.S. Moorey. (Ed. by T. Potts, M. Roaf and D. Stein). Oxford, p. 219–247.
- Curtis V.S., 1988. The Parthian Costume: Origin and Distribution. Unpublished Ph.D. dissertation. London: Institute of Archaeology, University of London.
- Curtis V.S., 1993. A Parthian Statuette from Susa and the Bronze Statue from Shami // Iran. Vol. XXXI, p. 63–70.
- Curtis V.S., 1994. More Parthian Finds from Ancient Elymais in Southwestern Iran // Iranica Antiqua. Vol. XXIX, p. 201–214.
- Curtis V.S., 1996. Parthian and Sasanian furniture // The Furniture of Western Asia. Ancient and Traditional. (Ed. by G. Herrmann). Mainz, p. 233–244.
- Curtis V.S., 1998. The Parthian Costume and Headdress // Das Partherreich und seine Zeugnisse. (Ed. J. Wiesehöfer). Stuttgart, p. 61–73.
- Curtis V.S., 2000. Parthian Culture and Costume // Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods. Rejection and Revival c. 238 BC — AD 642. (Ed. by J. Curtis). London, p. 23–43.
- Curtis V.S., 2001. Parthian Belts and Belt Plaques // Iranica Antiqua. Vol. XXXVI, p. 299–327.
- Curtis V.S., Simpson J., 1998. Archaeological News from Iran: Second Report // Iran. Vol. XXXVI, p. 185–194.
- Czuma S.J., 1985. Kushan Sculpture: Images from Early India. Cleveland.
- Dalton O.M., 1964. The Treasure of Oxus. (3d ed.). London.
- Dar S.N., 1969. Costumes of India and Pakistan: A Historical and Cultural Study. Bombay.
- Dar S.R., 1998. Taxila and the Western World. Lahore.
- Davis-Campbell J., 1998. Amazons, Priestesses and Other Women of Status // SRAA. Vol. 5, p. 1–50.
- Delaporte Y., 1984. Perspectives méthodologiques et théoriques dans l'étude du vêtement // Vêtement et Sociétés. Vol. 2. Paris, p. 33–57.
- Delbrück R., 1929. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. B.
- Dentzer J.M., 1969. Reliefs au banquet dans l'Asie Mineure de Ve siècle av. J.-C. // Revue d'archéologie. No. 2, p. 194–224.
- Deslandres I., 1976. Le costume — image de l'homme. Paris.
- Dieulafoy M., 1890–1893. L'Acropole de Suse. Vol. 1–2. Paris.
- Digging into the Past, 1993. 25 Years of Archaeology in Denmark. (Ed. by S. Hvass, B. Stogaard). Copenhagen.

- Donceel-Voûte P., 1984. Un Banquet funéraire perse en Paphlagonie // *Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne. Mélanges en l'honneur de P. Naster.* (Ed. par R. Donceel et R. Lebrun) (Homo religios. Vol. 10). Louvain-la-Neuve, p. 101–118.
- Douldour-Aqour 1982. — Douldour-Aqour et Soubachi (Mission P. Pelliot IV). Paris.
- Downey S.B., 1977. The Stone and Plaster Sculpture // *Excavations at Dura-Europos. Final Report. Vol. III, I.2.* Los Angeles, p. 273–306.
- Downey S.B., 1983. Images of Deities Used in the Decoration of Costumes at Hatra // *Sumer. Vol. XXXIX*, p. 211–216.
- Dress, Adornment and the Social Order*, 1965. New York.
- Dshawachischwili A., 1986. Goldschmiedekunst und Toreutik in den Museen Georgiens. Leningrad.
- Dumézil G., 1966. La religion romaine archaïque. Paris.
- Dupree, 1992. Clothing in Afghanistan // *Encyclopaedia Iranica. Vol. V, fasc. 7.* Costa Mesa, p. 811–815.
- Eberhardt V., Eberhardt W., 1946. Die Mode der Han- und Chin-Zeit. Antwerpen.
- Ellis B.J., 1995. The Evolution of Sexual Attraction: Evaluative Mechanisms in Women // *The Adapted Mind.* (Ed. by J.N. Barkov, L. Cosmides, J. Toby). New York, Oxford, p. 267–288.
- Encyclopaedia Iranica*, 1992. Vol. V, fasc. 7. (Ed. by E. Yarshter). Costa Mesa.
- Enoki K., 1955. The Origin of the White Huns or Hepthalites // *East and West. Vol. IV. No. 3*, p. 231–237.
- Entre..., 1995. — Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. Abby de Daoulas.
- Errington E., 1987. The Western Discovery of the Art of Gandhara and the Finals of Jamālgahri. Unpublished Ph.D. diss. London: School of Oriental and African Studies, University of London.
- Evans M., 1964. Ancient Greek Dress. Chicago.
- The Exhibition of Gandharan Art in Pakistan*, 1984. Seibu Museum of Art. Tokyo.
- Fabri C.L., 1961. A History of Indian Dress. Calcutta, Bombay, New Dehli.
- The Fabrics of Culture*, 1979. The Anthropology of Clothing and Adornment. (Ed. by J.M. Cordwell, R.A. Schwarz). Hague, Mouton.
- Facenna D., 1962. Sculptures from the Sacred Area of Butkara I (Swat, Pakistan). Part 2. Roma.
- Facenna D., 1981. A New Fragment of Wall Painting from Ghūga Šāh (Kuh-i Hvāja — Sistan, Iran) // *East and West. Vol. 31*, p. 132–140.
- Fa-hsien, 1957. Fa-hsien. A Record of the Buddhist Countries. Peking.
- Fairbank J.K., Teng S.T., 1942. On the Ching Tributary System // *Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 6/2* (June 1942), p. 267–293.
- Farmakovskij B., 1914. Archäologische Funde im Jahre 1913 // *Archäologischer Anzeiger. 1914. Bd. III. S. 268–276.*
- Feder H., 1978. Great Treasures of Pompeii and Herculaneum. New York.
- Fedorov-Davydov G.A., 1991. The Silk Road and the Sites of the Golden Horde. Berkeley.
- Fedoseev N.F., 1997. Zum achaemenidischen Einfluss auf die historischen Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 1997. Bd. 27. S. 86–95.*
- Ferdinand K., 1992. Clothing of the Hazāra Tribes // *Encyclopaedia Iranica. Vol. V, fasc. 7.* Costa Mesa, p. 864–867.
- Firth R., 1973. Hair as a Private Asset and Public Symbol // *Firth R. Public and Private.* New York, p. 262–298.
- Fisher K., 1983. How were Love Scenes at Gandharan Stupas Understood by Contemporary Worshipers? // *South Asian Archaeology. Papers from the Seventh Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe. Vol. 2.* (Ed. by J. Schotsmans & M. Taddei). Naples, p. 242–258.
- Florescu F.B., 1959. Monumental de la Adamklissi Tropaeum Traiani. Bucuresti.
- Foucher A., 1905/1951. L'art gréco-buddhique du Gandhāra. Étude sur les origines de l'influence classique dans l'art bouddhique de l'Inde et de l'Extrême-Orient. Vol. 1–2. Paris.
- del Francia Barocas L., 1998. Antioce cent'anni dopo. Florence.
- Freschi R., 2000. L'Arte del Gandhara. Milano.
- From the Land of the Scythians*, 1975. Ancient Treasures from the Museums of the USSR 300 BC–100 BC (The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. XXXII/ No. 5).
- Frye R.N., 1971. Sasanian Silver and History // *Iran and Islam. Memory of the Late Vladimir Minorsky.* Edinburgh, p. 255–262.
- Frye R.N., 1978. Mithra in Iranian Archaeology // *Etudes Mithriaques (Acta Iranica, 17).* Téhéran, Liège, p. 205–211.
- Frye R.N., 1993. Sasanian–Central Asian Trade Relations // *BAI. NS. Vol. 7*, p. 72–78.
- Fukai S., Horiuchi K., 1969, 1972. Taq-i Bustan. Vol. I–II. Tokyo.
- Fukai S., Horiuchi K., Tanabe K., Domyo M., 1984. Taq-i Bustan. Vol. IV. Text. Tokyo.
- Furtwängler A., 1900. Die Antike Gemmen. T. 1. Osnabrück.
- Fussman G., 1987. Chroniques et études bibliographiques // *JA. Vol. 275*, p. 375–428.
- Gagoshidze J.M., 1992. The Temples at Dedoplis Mindori // *East and West. Vol. 42/1*, p. 27–48.
- Gai Shanlin, 1986. Petroglyphs in the Yinshan Mountains. Beijing.
- von Gall H., 1970. Beobachtungen zum arsakidischen Diadem und zur parthischen Bildkunst // *Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 19/20*, S. 299–318.
- von Gall H., 1974. Die Kopfbedeckung des persischen Ornats bei den Achämeniden // *Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 7*, S. 145–161.

- von Gall H., 1990. Das Reiterkampfbild in der Iranischen und Iranisch Beeinflussten Kunst Parthischer und Sasanischer Zeit (Teheraner Forschungen. Bd. VI). Berlin.
- von Gall H., 1997. Die Reiterkampfszene auf der Silbervase von Kosika. Ursprünge und Rezeption eines iranischen Motivs in Südrussland // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 29, S. 243–269.
- von Gall H., 1998. The Representation of Foreign Peoples on the Rock Relief Bishapur II // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. (Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand and J.M. Rogers). London, New York, p. 52–66.
- von Gall H., 2001. Das parthische Felsheiligtum von Tang-e Sarwak in der Elamys (Khuzestan) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 32. B., S. 319–359.
- Gandhara Sculpture in the Government Museum and Art Gallery. (Ed. by B. Bhattacharya), 2002. Chandigarh.
- Garbsh J., 1965. Die Nordisch-Pannonische Frauentracht im 1. und 2. Jahrhundert. München.
- Gardiner-Garden J.R., 1987. Ktesias on Early Central Asian History and Ethnography. Bloomington (Ind.).
- Gauer W., 1988. Parthenonische Amazonomachie und Perskriege // Kanon. Festschrift Ernst Berger zum 60. Geburtstag (Antike Kunst. Beih. 15). Basel, S. 28–41.
- Geijer A., 1964. A Silk from Antinoë and the Sasanian Textile Art // Orientalia Suecana. Vol. XII. Uppsala, p. 3–18.
- Geijer A., 1968. An Iranian Riding Coat Reconstructed // Bulletin de Liaison au Centre International d'Altude de Textiles Anciens. Lyon, p. 22–25.
- Geijer A., 1972. Ur textal Konstens Historia. Lund.
- Gervers V., 1981. The Historical Components of Regional Costume in South Eastern Europe // Textile Museum Journal. 1980/1981, p. 61–69.
- Gervers V., 1982. The Influence of Ottoman Turkish Textiles and Costumes in Eastern Europe with Particular Reference to Hungary. Toronto.
- Ghanimati S., 2000. New Perspectives on the Chronological Functional Horizons of Kuh-e Khwaja in Sistan // Iran. Vol. XX-XVIII, p. 137–150.
- Ghirshman R., 1948. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire.
- Ghirshman R., 1956. Bishapur II: Les mosaïques sassanides. Paris.
- Ghirshman R., 1962. Iran. Parthes et Sassanides. Paris.
- Ghirshman R., 1963. Proto-Iraniens. Médes. Achéménides. Paris.
- Ghirshman R., 1964. Fibule en Iran (Collection de M. Foroughi) // Iranica Antiqua. Vol. 4, p. 90–107.
- Ghirshman R., 1975. Terrasses sacrées de Bard-e Nechandeh et Masjid-i Solaiman. Vol. II. Plates (MDFA. T. XLV). Paris.
- Ghirshman R., 1977. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden.
- Ghirshman R., 1979. Tombe princière de Ziwiye et le début de l'art animalier scythe. Planches. Paris.
- Ghyrya C.S., 1951. Indian Costume. Bombay.
- Gignoux Ph., 1978. Les sceaux et bulles inscrits. Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides da la Bibliothèque Nationale et du Musée du Louvre. Vol. 2. Paris.
- Gjerstad E., 1937. The Swedish Cyprus Expedition. Vol. 3. Stockholm.
- Göbl R., 1967. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden.
- Göbl R., 1968. Sassanidische Numismatik. Braunschweig.
- Göbl R., 1981. Iranisch-Hunnische Münzen. 1. Nachtrag // IA. Vol. 16, S. 173–182.
- Göbl R., 1984. Münzprägung des Kušānreiches. Wien.
- Godard A., 1964. L'Art de l'Iran. Paris.
- Goetze A., 1967. The History of the Persian Costume // Survey of Persian Art. Vol. 5. London, p. 2227–2256.
- Goff C., 1978. Excavations at Baba Jan: The Pottery and Metal from Levels III and II // Iran. Vol. XVI, p. 29–42.
- Gold aus Kiev, 1993. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukrain. Wien.
- Gold der Scythen aus der Leningrader Ermitage, 1984. Ausstellungen am Königsplatz in München. München.
- The Golden Age of Chinese Archaeology, 1999. Celebrated Discoveries from the People's Republic of China. (Ed. by Xiaoneng Yang). Wash.
- The Gold of the Avars, 2002. — The Gold of the Avars. The Nagyszentmiklós Treasure. (Ed. E. Garam). Budapest.
- Goldman B., 1978. Parthians at Gandhara // East and West. Vol. 28. Nos 1–4, p. 189–202.
- Goldman B., 1991. Women's Robes: The Achaemenid Era // BAI. New Series. Vol. 5, p. 83–103.
- Goldman B., 1993. The Later Pre-Islamic Riding Costume // Iranica Antiqua. Vol. XXVIII, p. 232–246.
- Goldman B., Little A.M.G., 1980. The Beginning of Sasanian Painting and Dura-Europos // Iranica Antiqua. Vol. XV, p. 283–298.
- Gow A.S.F., 1928. Notes on the Persae of Aeschylus // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 48, p. 133–158.
- Grabar O., 1967. Sasanian Silver. Catalogue Exhibition University of Michigan Museum of Art. August–September 1967. Chicago.
- Graeve, V. von., 1972. Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt. Berlin.
- Greek Jewellery, 1997. — Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition (Gen. Ed. E. Kupraion). Athens.
- Grenet F., 1999. La peinture sassanide de Ghulbiyan (Afghanistan) // Dossiers d'Archéologie. No. 243 (Mai 1999), p. 92–96.
- Grenet F., Riboud P., Yang J., 2004. Zoroastrian Scenes on a Newly Discovered Sogdian Tomb in Xi'an, Northern China // Studia Iranica. T. 33/2, p. 273–284.

- Gropp G., 1974. Archäologische Funde aus Khotan, Chinesisch-Ostturkestan. Die Trinkler-Sammlung im Übersee-Museum, Bremen. Bremen.
- Grünwedel A., 1912. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. Berlin.
- Grünwedel A., 1920. Alt-Kutch. Berlin.
- Gunter A.C., Jett P., 1992. Ancient Iranian Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and the Freer Gallery of Art. Washington.
- Gupta S.P., 1985. Kushana Sculptures from Sanghol. New Delhi.
- Gutman J., 1973. The Dura Europos Synagogue: A Re-evaluation (1932–1972). Missoula (Mon).
- Gyselen R., 1993. Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et de Musée du Louvre. Vol. 1. Collection Générale. Paris.
- Gyselen R., 1995. Les Sceaux des Mages de l'Iran Sassanide // Au Carrefour des Religions. Mélanges offerts à Philippe Gignoux. (Réunis par R. Gyselen) (Res Orientalis. Vol. VII). Bures-sur-Yvette, p. 132–146.
- Hackin J., Carl J., Maumé J., 1959. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940) (MDFA. T. VIII). Paris.
- Hair..., 1998. — Hair, Its Power and Meaning in Asian Cultures. (Ed. by A. Hildebeitel, B.D. Miller). Albany.
- Hai-Wai Yi-Chen, 1990. Chinese Art in Overseas Collections. Buddhist Sculpture. Part II. Taipei.
- Hallade M.M., 1962. The Gandhara Style. London.
- Hallade M.M., 1964. Sculptures, peintures et objets divers. Le costume // Toumchouq. Vol. II. Paris, p. 178–206.
- Hallade M.M., Hinz W., 1968. Gandharan Art of North India and the Graeco-Buddhist Tradition of India, Persia and Central Asia. New York.
- Hallpike C.R., 1969. Social Hair // Man. New Series. Vol. 4/2, p. 256–264.
- Handbuch der Vorgeschichte (von H. Müller-Karpe), 1968–1974. Bd. II–III. München.
- Hansmann J., 1972. Elamites, Achaemenians and Anshan // Iran. Vol. 10, p. 101–125.
- Hansmann J., 1990. Coins and Mints of Ancient Elymais // Iran. Vol. 28, p. 1–11.
- Harmatta J., 1979. Sogdian Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia // Prolegomena to the Sources on the Pre-Islamic Central Asian History. (Ed. by J. Harmatta). Budapest, p. 153–165.
- Harper P.O., 1971. Sources of Certain Female Representations in Sassanian Art // Atti del Convegno Internazionale sul Tema "La Persia nel Medioevo" (Accademia Nazionale dei Lincei). Roma, p. 503–515.
- Harper P.O., 1977. Royal Imagery on Sasanian Silver Vessels: A Source for the History and Culture of the Sasanian Period. Unpub. Ph. D. Diss. thesis. Ann Arbor: Univ. of Columbia.
- Harper P.O., 1978. The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire (Catalogue). New York.
- Harper P.O., 1979. Thrones and Enthronement Scenes in Sasanian Art // Iran. Vol. XVII, p. 49–64.
- Harper P.O., 1988. Sasanian Silver: Internal Developments and Foreign Influences // Argenterie romaine et byzantine. (Ed. F. Baratte). Paris, p. 155–179.
- Harper P.O., Meyers P., 1981. Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. I. Royal Imagery. New York.
- Hart G.D., 1966. Trichoemithelioma and the Kings of Ancient Parthia // Canadian Medical Association Journal. Vol. 94 (March 12, 1966), p. 547–549.
- Härtel H., 1993. Excavations at Sonkh. 2500 Years of a Town in Mathura District. Berlin.
- Hauser S.R., 1993. Eine arsakidzeitliche Nekropole in Ktesiphon // Bagdader Mitteilungen. Bd. XXIV, S. 325–420.
- Hedin S., 1909. Transhimalaja. Entdeckungen und Abenteuer in Tibet. Bd. II. Lpz.
- Heinrich E., 1935. Die Ausgrabungen in Uruk-Warka 1933/34 // UVB. T. 6, S. 3–38.
- Heirs 1997. — Heirs to the Silk Road. Uzbekistan. (Ed. by J. Carter and M. Pavoli). London–New York.
- Heller A., 2003. The Silver Jug of the Lhasa Jokhang: Some Observations on Silver Objects and Costumes from the Tibetan Empire (7th–8th centuries) // SRAA. Vol. 9, p. 213–238.
- Henri L., 1989. Origins of the Gandhāran Style. A Study of Contributory Influence. Delhi.
- Herrmann G., 1976. The Sasanian Rock Reliefs: Some Significant Details // Memorial Volume of the VIth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Oxford, 1972. Tehran, p. 151–162.
- Herrmann G., 1977. Rock Reliefs of the Sasanian Kings. The Iranian Revival. Oxford.
- Herrmann G., 1980–1983. The Sasanian Rock Reliefs at Bishapur. Parts 1–3. Berlin, 1980, 1981, 1983.
- Herrmann G., 1989. The Sasanian Rock Reliefs at Naqsh-e Rostam. Part 6. Berlin.
- Herrmann G., 1998. Shapur I in the East. Reflections from his Victory Reliefs // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. (Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand and J.M. Rogers). London, New York, p. 38–51.
- Herzfeld E., 1928. The Hoard of the Karen Pahlavis // Burlington Magazine. Vol. LII. January–June 1928, p. 21–27.
- Hicks J., 1975. The Persians (The Emergence of Man). New York.
- Hiebert F.T., 1992. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomads Reconsidered // Bulletin of the Asia Institute. N.S. Vol. 6, p. 120–122.
- Higgins R.A., 1961. Greek and Roman Jewellery. London.
- Higgins E., 1995. The Art of the Scythians. Leiden, New York, Köln.
- Higuchi T., 1983–1984. Bamiyan. Vol. 1–3. Kyoto.
- Hiler H., Hiler M., 1939. Bibliography of Costume. New York.
- Hinz W., 1963. Zwei neuentdeckte parthisch Felsreliefs // Iranica Antiqua. Vol. 3, S. 170–173.
- Hinz W., 1969. Medisches und Elamisches am Achämenidenhof // Altiranische Funde und Forschungen. Berlin, S. 63–94.

- Hinz W., 1976–1979. Darius und die Perser. Vol. 1–2. Baden-Baden.
- Hoernle R., 1901. A Collection of Antiquities from Central Asia // Journal of Royal Asiatic Society of Bengal. Part II. No. 1. Calcutta, p. 42–47.
- Holmes-Peck E.H., 1969. The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i Bistan // *Artibus Asiae*. Vol. XXXI, p. 101–124.
- Homes-Fredericq D., 1963. Hatra et les sculptures Parthes: étude stylistique et iconographique. Istanbul.
- Houston M.G., 1954. Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume and Decoration. 2nd ed. London.
- Houston M.G., 1955. A Technical History of Costume. Vol. 1 (Ancient Egyptian, Mesopotamian and Persian Costume). Oslo, Cambridge (Mass.).
- Humbach H., 1996. Pāngul, a Turco-Bactrian Ruler // *BAI NS*. Vol. 10, p. 247–251.
- Hunte P., 1992. Clothing of the Baluch in Pakistan and Afghanistan // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. V, fasc. 7. (Ed. by E. Yarshater). Costa Mesa, p. 829–833.
- Hunter A.C., 1988. The Art of Eating and Drinking in Ancient Iran // *Asian Art*. Vol. 1/2, p. 126–138.
- Iconological Study of Buddhist Art in India and Pakistan*, 1985. (Ed. by A. Miyaji). Tokyo.
- Ierusalimskaja A.A., 1996. Die Gräber der Moščevaja Balka, Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. München.
- Il'jasov J.Ya., 2001. The Hephtalite Terracotta // *SRAA*. Vol. 7, p. 187–200.
- Ilyasov J.Ya., Mkrtichev T.K., 1992. Bactrian Goddesses from Dalverzin-tepe (Attempts at Typological Analysis) // *SRAA*. Vol. 2, p. 107–127.
- Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V., 1998. A Study on the Bone Plates from Orlat // *SRAA*. Vol. 3, p. 107–160.
- Ingholt H., 1954. Parthian Sculpture from Hatra (The Memories of the Connecticut Academy of Arts and Sciences. Vol. XII). New Haven.
- Ingholt H., 1957. Gandharan Art in Pakistan. New York.
- Ingholt H., 1969. The Prima Porta. Statue of Augustus // *Archaeology*. No. 22, p. 127–132.
- Innemeke K.C., 1992. Ecclesiastical Dress in the Medieval Near East. Leiden, New York.
- Invernizzi A., 1990. Facial Marks in the Parthian World // *SRAA*. Vol. 1, p. 35–46.
- Invernizzi A., 1996. (Review) Callatay F. de. Les tétradrachmes d'Orodès II et de Phraate IV. Paris, 1994 // *Mesopotamia*. XXXI. Firenze, p. 233–235.
- Invernizzi A., 1998. Elymaeans, Seleucids and the Hung-e Azhdar Relief // *Mesopotamia*. XXXIII. Firenze, p. 219–259.
- Istvánovits E., Kulcsár V., 2001. Sarmatian through the Eyes of Strangers. The Sarmatian Warrior // *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.* Aszod, Nyiregyhaza, p. 139–169.
- Ivantchik A.I., 2005. Who were the “Scythian Archers” in Archaic Attic Vases? // *Scythians and Greeks*. (Ed. by D. Braund). Exeter, p. 100–113.
- Jamazdeh, P., 1987. The Function of the Girdle on Achaemenid Costume in Combat // *Iranica Antiqua*. Vol. 22, p. 267–273.
- Jones B., 1967. Design for Death. London.
- Joshi N.P., 1966. Mathura Sculptures, Archaeological Museum. Mathura.
- Joshi N.P., Sharma R.C., 1969. Catalogue of Gandhāra Sculptures in the Lucknow State Museum. Lucknow.
- Juliano A.L., Lerner J.A., 2001. Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northwest China. Gansu and Ningxia, 4th–7th Centuries. New York.
- Kageyama E., 2001. Sogdian Painting and the Funerary Furniture of the Sogdians Migrated to the East. Ph.D. Diss. Thesis. Kobe: Kobe Municipal Univ. of Foreign Languages.
- Kageyama E., 2002a. Use and Production of Silks in Sogdiana // *Bulletin of the Society for Near Eastern Studies (Nippon Oriento Gakkai)*. Vol. XLV/1, p. 37–55.
- Kageyama E., 2002b. A Chinese Way of Depicting Foreign Delegates Discerned in the Painting of Afrasiab // *Iran: Questions et Connaissances*. (Ed. P. Huyse). Paris, p. 313–327.
- Kantor H.J., 1957. Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 16. Chicago, p. 1–23.
- Karouzou S. National Museum. Illustrated Guide to the Museum. Athens, 2000.
- Karvonen-Kannas K., 1995. The Seleucid and Parthian Terracotta Figures from Babylon. In the Iraq Museum, the British Museum and the Louvre. Firenze.
- Kawami T.S., 1987. Monumental Art of the Parthian Period // *Acta Iranica*. Vol. 26, p. 36–94.
- Kawami T.S., 1989. Archaeological Evidence for Textiles in Pre-Islamic Iran // *Iranian Studies*. Vol. 23, p. 10–25.
- Kawami T.S., 1992. Clothing in the Arsacid Period // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. V, fasc. 7. Costa Mesa, p. 737–739.
- Kazanski M., Mastikova A., 2003. Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier — VIIe siècles apr. J.-C.). Paris.
- Keall E., 1994. How Many Kings did the Parthian King of Kings Rule? // *Iranica Antiqua*. XXIX, p. 258–269.
- Keith A.B., 1925. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads. Vol. I. Cambridge.
- Keretzky P.E., 1984. Foreigners in Tang and Pre-Tang Painting // *Oriental Art*. Vol. 30/2, p. 160–166.
- Kervran K., 1995. The Seleucid and Parthian Terracotta Figurines from Babylon. London.
- Kervran K., Stronach D., Vallat F., Yoyotte J., 1972. Une statue de Darius découverte à Suse // *JA*. 1972, p. 235–266.
- Kidd F., 2002. The Chronology and Style of a Group of Sogdian Statuettes // *Walls and Frontiers in Inner Asian History*. (Ed. by C. Benjamin and S. Lien) (Silk Road Studies. Vol. VI). Turnhout, p. 197–214.
- Kieseritzky G., Watzinger C., 1909. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin.
- Kinch K.F., 1890. L'arc de triomphe de Salonique. Paris.

- King D., 1996. Roman and Byzantine Dress in Egypt // *The Journal of the Costume Society*. No. 30, p. 1–15.
- Kleemann I., 1958. Der Satrapensarkophag aus Sidon. B.
- Klimburg-Salter D., 1989. The Kingdom of Bāmyān. Naples, Roma.
- Kločko L.S., 1991. Skythische Tracht // *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine* (Hrsg. R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel). Neumünster, S. 105–110.
- Knauer, E.R., 1978. Toward a History of the Sleeved Coat. A Study of the Impact of the Ancient Eastern Garment on the West // *Expedition*. Vol. 21/1, p. 16–36.
- Knauer E.R., 1999. Le vêtement des nomades Eurasiatiques et sa postérité // *Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Corpus rendus des séances de l'année 1999, novembre-décembre*. Fasc. IV. Paris, p. 1141–1187.
- Knauer E.R., 2001. A Man's Caftan and Leggings from the North Caucasus of the Eighth to Tenth Century: A Genealogical Study // *Metropolitan Museum Journal*. Vol. 36, p. 124–154.
- Kolendo J., Mączyńska M., 1991. Opis stroju germańskiego w Germanii Tacyta. Próba konfrontacji tekstu i danych archeologicznych // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. 1991. No. 3. Warszawa, S. 247–277.
- Kondakov N.P., 1924. Les costumes orientaux à la cour byzantine // *Byzantion*. Vol. 1, p. 7–49.
- Koshelenko G.A., Pilipko V.N., 1994. Parthia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II. Paris, p. 131–150.
- Krahl R., 1995. Early Bronze Age Dress // *Orientalions*. 1995, May, p. 58–61.
- Kröger J., 1982. Sasanidischen Stuckdekor. Mainz.
- Kurat A.N., 1948. Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Semerkand'I Zabti // *Ankara Üniversitesi dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. C. 6/4, p. 186–223.
- Kurita I., 1988/1990. Gandharan Art. Vol. 1–2. Tokyo.
- Kurita I., 2003. A Revised and Enlarged Edition of Gandharan Art. Vol. I–II. Tokyo.
- Kuwayama Sh., 1992. The Hepthalites in Tokharistan and Gandhara. Part II. Tokharistan // *Lahore Museum Bulletin*. Vol. V/2, p. 1–18.
- Kuzmina E.E., 2001. Pre-history of the Great Silk Road: Cultural Connections of Xinjiang Population with Andronovo Culture Tribes in the Bronze Epoch // *SRAA*. Vol. 7, p. 1–17.
- La colonna, 1988. — La colonna Traiana. (Ed. by S. Settis). Torino.
- Laszlo G., 1965. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société Avars. Budapest.
- Lauffer B., 1912. Jade (A Study in Chinese Archaeology and Religion). Chicago.
- Le Coq A., 1977. Bideratlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Graz.
- Lee J., Grenet F., 1998. New Light on Sasanid Painting at Ghulbiyan, Faryab Province, Afghanistan // *South Asian Studies*. Vol. 14, p. 142–165.
- Legacy..., 2000. — Legacy of the Desert King. Textiles and Treasure Excavated at Niya on the Silk Road. (Ed. by Feng Zhao, Zhiyong Yu). Hong Kong.
- Legrain L., 1930. Terracottas from Nippur. Philadelphia.
- Lerner J.A., 1973. A Painted Relief von Persepolis // *Archaeology*. Vol. 26, p. 116–122.
- Lerner J.A., 1979a. Polychromy in Achaemenid Relief Sculpture // *Akten des VII Internationalen Kongresses für iranische Kunst und Archäologie, München, 7–10 September 1976* (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband 6). Berlin, S. 240–241.
- Lerner J.A., 1979b. Some So-Called Achaemenid Objects from Pazyryk // *Source*. Vol. 10/4, p. 8–15.
- Lerner J.A., 1995. Central Asians in Sixth-Century China: A Zoroastrian Funerary Rite // *Iranica antiqua*. Vol. XXX, p. 179–190.
- Les sogdiens en Chine (in print). (Proceedings of the Congress in Beijing, April 23–25, 2004). Paris.
- Le Strange G., Nicholson R.A., 1921. The Farsnamah of Ibnu'-Balkhi. London.
- Levi A., Levi C., 1952. Barbarians on Roman Imperial Coins and Sculpture // *Numismatic Notes and Monographs*. Vol. 123. New York, p. 10–38.
- Linders T., 1984. The Kandys in Greece and Persia (Opuscula Atheniensia. Vol. 15). Lund.
- Lindvall-Nordin Ch., 1972. Perukmakeri in Kulturen. Lund.
- Lippe A., 1970. The Freer Indian Sculptures. Washington.
- Lissarrague F., 1990. L'autre guerrier. Paris.
- Litvinsky B.A., 2001. The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // *SRAA*. Vol. 7, p. 137–166.
- Litvinskij B.A., Zeimal' T.M., 2004. The Buddhist Monastery of Ajina Tapa, Tajikistan. History and Art of Buddhism in Central Asia. Rome.
- Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zaicev J.P., 2002. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. In der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim // *Eurasia Antiqua*. Bd. 8., S. 318–332.
- Loginov S.D., Nikitin A.B., 1996. Parthian Coins from Marghiana: Numismatics and History // *Bulletin of the Asia Institute*. New Series. Vol. 10, p. 39–51.
- L'or des Amazones, 2001. Peuples nomades des Grandes Invasions [Catalogue]. (Ed. V. Shiltz). Paris.
- Losfeld G., 1991. Essai sur le costume grec. Paris.
- Loth A.-M., 1979. La vie publique et privée dans l'Inde ancienne (IIe siècle av. J.-C. — VIIIe siècle environ). Fasc. VII. Les Costumes. Paris.
- Low B.S., 2000. Why Sex Matters. Princeton, Oxford.

- Lurie A., 1981. The Language of Clothes. London.
- Luschey H., 1938. Achämenidisch-persische Toreutik // Archäologischer Anzeiger. Bd. 4. October 1938, S. 759–772.
- Luschey H., 1968. Studien zu dem Darius-Relief von Bisutun // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 1. Berlin, S. 63–94.
- Lyovushkina S.V., 1996. On the History of Sericulture in Central Asia // SRAA. Vol. 4, p. 143–150.
- Mahler J.G., 1959. The Westerners among the Figurines of the T'ang Dynasty of China (Série orientale, XX). Rome.
- Mair V.N., 1995. Mummies of the Tarim Basin // Archaeology. 1995. March-April, p. 28–35.
- Maitdinova G., 1992. Clothing of Tajikistan // Encyclopaedia Iranica. Vol. V, fasc. 7. Costa Mesa, p. 818–822.
- Mallory J.P., Mair V.H., 2000. The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of Earliest Peoples from the West. London.
- Mani B.R., 1987. The Kushan Civilization (Studies in Urban Developments and Material Culture). Delhi.
- Marchenko K.K., Vinogradov Yu.A., 1989. The Scythian Period in the Northern Black Sea Region (750–250) // Antiquity. Vol. 241, p. 803–813.
- Maricq A., 1965. Res Gestae Divi Saporis // Classica et Orientalia. Paris, p. 37–101.
- Marly de D., 1986. Working Dress. A History of Occupation Clothing. New York.
- Marschak B.I., 1986. Silberschätze des Orients. Leipzig.
- Marshak B.I., 1990. Wall Paintings from a House with Granary, Panjikent, 1st Quarter of the 8th Century // SRAA. Vol. 1, p. 123–176.
- Marshak B.I., 1994. Le programme iconographique des peintures de la «Salle des ambassadeurs» à Afrasiab (Samarkand) // Arts asiatiques. Vol. 49, p. 5–20.
- Marshak B.I., 2001. La thématique sogdienne dans l'art de la Chine de la seconde moitié du Ve siècle // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2001, p. 227–264.
- Marshak B.I., 2002. Legends, Tales and Fables in the Art of Sogdiana. New York.
- Marshak B.I., Raspopova V.I., 1994. Worshipers from the Northern Shrine of Temple II, Panjikent // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8, p. 187–207.
- Marshak B.I., Negmatov N.N., 1996. Sogdiana // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. (Ed. by B.A. Litvinsky). Paris, p. 263–275.
- Marshall J., 1951. Taxila. Vol. 1–3. Cambridge.
- Marshall J., 1960. The Buddhist Art of Gandhara. London.
- Martiniani-Reber M., 1997. Textiles et Mode Sassanides (Catalogue). Musée du Louvre. Paris.
- Mathiesen H.E., 1992. Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. Vol. 1–2. Aarhus.
- Mathura, 1989. — Mathura. The Cultural Heritage. (Ed. by D.M. Srinivasan). New Delhi.
- Maulucci F.P., 1988. The National Archaeological Museum of Naples. Milan, Naples.
- McDowell J.A., 1987. Sasanian Textiles // The Cambridge History of Western Textiles. (Ed. by N.B. Harte and D.G.C. Coleman). Cambridge, p. 222–230.
- McKeon J. F.X., 1973. Achaemenian Cloisonné-inlay Jewelry: An Important New Example // Orient and Occident. Essays, presented to C.H. Gordon. (Alter Orient und Testament. Vol. XXII). Kelever, Neukirchen-Vluyn, S. 109–117.
- Megaw R., Megaw V., 2001. Celtic Art from Its Beginnings to the Book of Kells. London.
- Merindol de C., 1989. Signes de hiérarchie sociale à la fin du Moyen Age d'après le vêtement. Méthodes et recherches // Les Cahiers du Léopard d'Or. No. 1. Le vêtement au Moyen âge. Paris, p. 180–223.
- Meunié J., 1942. Shotorak. Paris.
- Miller M.C., 1995. Persians: The Oriental Other // Representations of the Other in Athenian Art c. 510–400 B.C. (Ed. by E. Davies) (Source. Notes in the History of Art. Vol. 15/1), p. 39–44.
- Mitchiner M., 1975. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. 1–9. London.
- Mitchiner M., 1978. Oriental Coins and Their Values in the Ancient and Classical World 600 BC — AD 650. London.
- Mitterwallner G V., 1986. Kushana Coins and Sculptures. Mathura.
- Mochiri M.I., 1977. Etudes de numismatique iranienne sous les Sassanides et Arabe-Sassanides. Téhéran.
- Mode M., 1993. Sogdien und die Herrscher der Welt. Türken, Sasaniden und Chinesen in Historiengemälden des 7. Jahrhunderts n. Chr. Aus Alt-Samarqand. (Europäische Hochschulschriften. Reihe XXVIII. Bd. 162). Frankfurt am Main.
- Modi J.J., 1892. The Funeral Ceremonies of the Parsées. Bombay.
- Molé M., 1963. Le problème zoroastrien et la tradition mazdéenne. Paris.
- Monro I.S., Cook D.E., 1937. Costume Index. New York.
- Montell G., 1935. Sven Hedin's Archaeological Collections from Khotan // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, No. 7. Stockholm, p. 46–75.
- Moorey P.R.S., 1967. Some Ancient Metal Belts: Their Antecedents and Relatives // Iran. Vol. 5, p. 83–98.
- Moorey P.R.S., 1971. Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum. Oxford.
- Moorey P.R.S., 1974. Ancient Bronzes in the Adam Collection. London.
- Moorey P.R.S., 1975. Some Elaborately Decorated Bronze Quiver Plaques Made in Luristan, c. 750–650 BC // Iran. Vol. XIII, p. 19–29.
- Moorey P.R.S., 1985. The Iranian Contribution to Achaemenid Material Culture // Iran. Vol. 23, p. 21–38.
- Moorey P.R.S., 1988. The Persian Empire // The Cambridge Ancient History. Vol. 4 (ed. by J. Boardman), p. 1–94.
- Mordvintseva V., 2001. Sarmatische Phaleren (Archäologie in Eurasien. Band 11). Rahden.

- Morgan J. de, 1905. Découverte d'une sépulture achéménide à Suse // Mémoires de la Délégation en Perse. Vol. 8. Paris, p. 149–171.
- Muscarella O.W., 1967. Fibulae Represented on Sculpture // Journal of Near Eastern Studies. Vol. 26, p. 82–86.
- Muscarella O.W., 1981. Surkh Dum at the Metropolitan Museum of Art: A Mini-Report // Journal of Field Archaeology. Vol. 8, p. 328–359.
- Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York.
- Mushce B., 1988. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arshakiden und Sasaniden. Leiden, New York, København, Köln.
- Nadjmabadi R.S., 1992. Clothing of the Persian Gulf Area // Encyclopaedia Iranica. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa, p. 848–850.
- Nagar S.D., 1981. Gandharan Sculpture: A Catalogue of the Collection in the Museum of Art and Archaeology, University of Missouri-Columbia. Missouri.
- Narain A.K., 1998. The Earliest Sakas of South India. Pathna.
- Naymark A., 1992. Clothing of the Sogdians // Encyclopaedia Iranica. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa, p. 754–757.
- Nazmjoo A.R., 2004. Persepolis: monuments historiques du Fars (Pasargades, Naqch-é Rostam et Naqch-é Rajab). Téhéran.
- Negahban E.O., 1984. Haft Tepe Roundels: An Example of Middle Elamite Art // American Journal of Archaeology. No. 1, p. 87–92.
- Negahban E.O., 1996. Marlik. The Complete Excavation Report. Vol. 1–2. Philadelphia.
- Nerazik E.E., Bulgakov P.G., 1996. Khwarizm // History of Civilizations of Central Asia. Vol. III. (Ed. by B.A. Litvinsky). Paris, p. 210–223.
- Nerhu L., 1989. Origins of the Gandharan Style. Dehli.
- Nikanorov V.P., 1997. The Armies of Bactria 700 BC — 450 AD. Vol. 1–2. Stockport.
- Nikitin A.B., 1999. Notes on the Chronology of the Kushano-Sasanian Kingdom // Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. (Ed. by M. Alam & D.E. Klimburg-Salter). Wien, p. 189–195.
- Nikulina N.M., 1971. La glyptique “grecque orientale” et “gréco-perse” // Antike Kunst. Vol. 14. No. 2, S. 90–106.
- Nöldeke N., 1973. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der Arabischen Chronik des Tabari. Preprint. Leiden.
- Nöldeke T., 1923. Zum Herodot // Klio. Bd. 18, S. 1–5.
- Nomads of Eurasia, 1989. (Ed. by V.N. Basilov). Los Angeles.
- Nowgorodowa E.A., 1980. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig.
- Obeyesekere G., 1984. Medusa's Hair. An Essay on Personal Symbols and Religious Experience. Chicago.
- Olbrycht M.J., 1997. Parthian King's Tiara — Numismatic Evidence. Some Aspects of Arsacid Political Ideology // Notae Numismaticae. T. II. Kraków.
- Oppenheim A.L., 1949. The Gold Garments of the Gods // Journal of the Near Eastern Studies. Vol. VIII/3, p. 172–193.
- Oro 2001. — Oro. Il misterio dei sarmati e dagli scyti. (Ed. Aruz J., Farkas A., Alexeev A., Korol'kova E.) (Catalogue). Milano.
- Osmanli tarihleri, 1949. C. 1. Istanbul.
- Oxus, 1989. — Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus der Sowjetrepublik Tadschikistan. Museum Reitberg, Zürich.
- Painter K., 1977. Gold and Silver in the Late Roman World — Eastern Neighbours. London.
- Panahatzis N., Niconanos N., 2000. Monuments of Thessaloniki. Thessaloniki.
- Parducz M., 1956. Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn // Acta Archaeologica (Academiae Scientiarum Hungaricae). T. 7. Budapest, S. 74–126.
- Paul S., 1986. Gandhara Sculptures in Chandigarh Museum. Chandigarh.
- Pavchinskaya L.V., 1994. Sogdian Ossuaries // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8, p. 209–225.
- Peck E.H., 1990. Belts in the Parthian and Sasanian Periods // Encyclopaedia Iranica. Vol. IV, p. 132–136.
- Peck E.H., 1992. Clothing in the Sasanian Period // Encyclopaedia Iranica. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa, p. 739–752.
- Pekridou-Gorecki A., 1989. Mode im antiken Griechenland. München.
- Perkins A., 1973. The Art of Dura-Europos. Oxford.
- Persian Art, 1931. An Illustrated Souvenir of the Exhibition of Persian Art at Burlington House. London.
- Petersen E., Domaszewski A., Calderni G., 1896. Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München.
- Petrashchek-Heim I., 1988. Die Sprache der Kleidung. (2 ed.). Baltmannsweiler.
- Pfister R., 1934–1937–1940. Les textiles de Palmyre. Vol. I–III. Paris.
- Pfister R., Bellindger L., 1945. The Excavation at Dura-Europos. Final Report. Vol. IV. The Textiles. New Haven.
- Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenist East. The J. Paul Getty Museum. Catalogue of the Collections. Malibu.
- Picard G.Ch., 1957. Les trophées romaines. Paris.
- Pichangdaki Supechi ilkinji kezixliri dokladi, 1994 // Xinjiang madiniyitining yadgarlikliri. Nos 3–4. Urumchi, s. 28–46.
- Pichangdaki Supechi uqumk kezixliri, 1994 // Xinjiang madiniyitining yadgarlikliri. Nos 3–4. Urumchi, s. 18–27.
- Pilipko V.N., 2000. On the Wall-Painting from the Tower-Building of Old Nisa // Parthica. Vol. 2. Pisa, Roma, p. 69–86.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1986. Scythian Art. Leningrad.
- Plassart A., 1913. Les archers d'Athènes // REG, XXVI. 117. Avril–juin, p. 144–161.

- Porada E., 1948. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections (The Pierpont Morgan Library). Vol. I–II. New York.
- Porada E., 1962. Alt-Iran. Baden-Baden.
- Post A., 1995. Parthische Gürtelschnallen aus Iran // *Boreas*. Bd. 18, S. 247–254.
- Pottier E., 1892. Les sarcophages de Clazomène et les hydries de Caeré // *Bulletin de correspondance hellénique*. An. 16, p. 240–262.
- Pugachenkova G.A., 1978. Les trésors de Dal'verzin-tepe. Leningrad.
- Pugačenkova G.A., 1992. New Terracottas from North Bactria // *East and West*. Vol. 42/1, p. 49–67.
- Pugachenkova G.A., 1994. The Form and Style of Sogdian Ossuaries // *BAI*. NS. Vol. 8, p. 227–243.
- Pugachenkova G.A., Rempel L.I., 1991. Gold from the Excavations of the Tillya-tepe // *BAI*. NS. Vol. 5, p. 72–80.
- Puri N.B., 1994. The Kushans // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II. Paris, p. 247–263.
- Qiuci Murals, 1986. — Qiuci Murals of Music and Dance Material Supplied by the Xinjiang Muzeum. Urumqi.
- Quagliotti A.M., 2003. An Image in the Indian Museum with Some Considerations on the Tutelary Couples in Gandharan Art. A Catalogue of Standing Images in the Kushan Period and Related Problems // *SRAA*. Vol. 9, p. 239–296.
- Rădulescu A., 1988. Tropaeum Traiani. Monumentul și cetatea. București.
- Raev B.A., 1997. New Finds of the Alanian Graves with Import Goods in the Krasnodar Region // *Adalya*. No. II. Antalya, p. 137–148.
- Raevskiy D., 1993. Scythian Mythology. Sofia.
- Rapin M.C., 2001. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // *Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. — *Comptes rendus des séances de l'année 2001*. Janvier–mars. Paris, p. 33–92.
- Rawlinson G., 1875. The Seven Great Monarchies of Ancient Eastern World. Vol. II. Chicago, New York.
- Reinhold M., 1970. History of Purple as the Status Symbol in Antiquity. Bruxelles.
- Reim, E., 1992. Der Schmuck der Achämeniden. Münster.
- Rhie M.M., 1999. Early Buddhist Art of China and Central Asia. Vol. 1. Later Han, Three Kingdoms and Western Chin in China and Bactria to Shan-shan in Central Asia. Leiden, Boston, Köln.
- Ricciardi R.V., 1998. Pictorial Graffiti in the City of Hatra // *Ancient Iranian and Mediterranean World. Studies in Ancient History*. (Ed. by E. Dabrowa). Kraków, p. 187–205.
- Rice D.T., 1938. Achaemenid Jewelry // *Survey of Persian Art*. Vol. 1. London, p. 377–382.
- Ringbom L.I., 1957. Zur Ikonographie der Götten Ardivi Sura Anahita // *Acta Academiae Aboensis. Humaniora*. Vol. XXIII/2. Abo. S. 183–197.
- Ritter H.W., 1965. Diadem und Königsherrschaft. Untersuchungen zu Zeremonien und Rechtsgrundlagen des Herrschaftsantrittes bei den Persern, der Alexander den Grossen, und im Hellenismus, *Vestigia* (Beiträge zur alten Geschichte. Band 7. XIV). München, Berlin.
- Roaf M., 1974. The Subject Peoples on the Base of Statue of Darius // *Cahiers de la Délégation archéologique française en Iran*. No. 4, p. 112–125.
- Roaf M.D., 1983. Sculptures and Sculptors at Persepolis // *Iran*. Vol. 21, p. 46–67.
- Robinson K., 1990. The Textiles from Pazyryk // *Expedition*. Vol. 32. No. 1, p. 49–61.
- Roche-Bernard G., 1993. Costumes et textiles en Gaule romaine. Paris.
- Roes A., 1951. The Achaemenid Robe // *Bibliotheca Orientalis*. Vol. 8. Leiden, p. 137–141.
- Rolle R., 1991. Haar- und Barttracht der Scythen // *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. (Hrsg. R. Rolle, M. Müller-Wille, K. Schietzel). Neumünster, S. 115–120.
- Rolle R., Murzin V.Yu., Alekseev A.Yu., 1998. Königskurgan Certomlyk. Bd. I–II. Mainz.
- Rong Xinjiang, 2000. The Migrations and Settlements of the Sogdians in the Northern Dynasties, Sui and Tang // *China Archaeology and Art Digest*. 2000. Vol. 4/1, p. 117–163.
- Roos P., 1970. An Achaemenian Sketch Slab and the Ornaments of the Royal Dress at Persepolis // *East and West*. Vol. 20, p. 51–59.
- Root M.C., 1976. The King and Kingship in Early Achaemenid Sculpture: Essays on the Iconography of an Empire. Unpublished Ph.D. Dissertation: Bryn Mawr College.
- Rose C.B., 2005. The Parthians in Augustan Rome // *American Journal of Archaeology*. Vol. 109/1, p. 21–75.
- Rosenfield J.M., 1967. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley, Los Angeles.
- Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
- Rostovtzeff M., 1935. Dura and the Problem of Parthian Art // *Yale Classical Studies*. Vol. 5, p. 157–307.
- Rowland B., 1960. Gandhara Sculpture from Pakistan Museums. New York.
- Rowland B., 1971. Art in Afghanistan: Objects from the Kabul Museum. Coral Gables (Fla).
- The Royal City of Susa, 1992. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre. (Ed. by P.O. Harper, J. Aruz, F. Tallon). New York.
- Rudenko S.I., 1970. Frozen Tombs of Siberia. The Pazyryk Burials of Iron Age Horsemen. Berkeley, Los Angeles.
- Ruse E., Bell C., 1974. Illustrations of Costume from Historical Sources // *Costume*. 1974. No. 8, p. 78–82.
- Saem Ghani, 1993. Bainguling burnaki mādiniyitining arheologik yangarlikliri kiska ədibi jeki // *Xinjiang mādiniyitining yadgarlikliri*. Nos 3–4. Urumchi, s. 28–46.
- Safar F., Mustafa M.A., 1974. Hatra. The City of the Sun God. Baghdad.

- Salamon R.*, 2003. Three Kharosthi Reliquaries Inscriptions in the Institute of Silk Road Studies // SRAA. Vol. 9, p. 39–71.
- al-Salihi W.*, 1991. A Statue of the Chief Priest from Hatra // BAI. NS. Vol. 5, p. 35–49.
- Sampula in Xinjiang of China*, 2001. Urumchi.
- Sarianidi V.*, 1985a. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, Vienna.
- Sarianidi V.I.*, 1985b. The Golden Hoard of Bactria. From the Tillya-tepe Excavations in Northern Afghanistan. New York, Leningrad.
- Sarianidi V.I.*, 1998. Traces of Parthian Culture in the Cemetery of Tillya-tepe (Afghanistan) // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. (Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand and J.M. Rogers). London, New York, p. 20–23.
- Sarre F., Herzfeld E.*, 1910. Iranische Felsreliefs. Berlin.
- Sasanian Silver*, 1967. Late Antique and Early Mediaeval Arts of Luxury from Iran (Catalogue). The Univ. of Michigan Museum of Art. Chicago.
- Scarce J.*, 1981. Middle Eastern Costume from Tribes and Cities of Iran and Turkey. Edinburgh.
- Schefold K.*, 1968. Alexander-Sarkophag. Berlin.
- Schiltz V.*, 1994. Scythes et les nomades des steppes VIII siècle av. J.-C. — I siècle apr. J.-C. Paris.
- Schloss E.*, 1969. Foreigners in Ancient Chinese Art, China House Gallery. New York.
- Schlumberger D.*, 1970. L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non-Méditerranéenne. Paris.
- Schlumberger D.*, 1983. Parthian Art // CHI. Vol. III/2, p. 1027–1054.
- Schmidt E.F.*, 1953–1970. Persepolis. Vol. 1–3. Chicago.
- Schmidt R.*, 1984. Perser und Persisches in der alten attischen Komödie // Acta Iranica. Vol. 23, p. 459–472.
- Schmidt R.*, 1991. The Bisitun Inscription of Darius the Great. Old Persian Text. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 1. Vol. 1). London.
- Schoppa, H.*, 1933. Die Darstellung der Perser in der griechischen Kunst bis zum Beginn des Hellenismus. Koburg, 1933.
- Schulze P.*, 1920. Alte Stoff. Ein Leitfaden für Sammler und Leihhaber. Berlin.
- Scythian Gold*, 1992. Museum of Historic Treasures of Ukraina. Catalogue. Tokyo.
- Segupta A., Das S.D.*, 1991. Gandhara. Holding in the Indian Museum. Calcutta.
- Sellwood D.*, 1980. An Introduction to the Coinage of Parthia. (2nd ed.). London.
- Sellwood D., Whiting P., Williams R.*, 1985. An Introduction to Sasanian Coins. London.
- Senior R.C.*, 2000. A Catalogue of Indo-Scythian Coins. Vol. 1–2. Somerset.
- 7000 years of Persian Art.*, 1964. Circulated by the Smithsonian Institute. Washington.
- Seyrig H.*, 1937. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. No. 18, p. 4–31.
- Shahbazi A.S.*, 1975. The Irano-Lycian Monuments. Tehran.
- Shahbazi A.S.*, 1992. Clothing in the Median and Achaemenid Periods // Encyclopaedia Iranica. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa, p. 723–737.
- Shamandt-Besserat D.*, 1978. Ancient Persia. The Art of an Empire (Catalogue). Austin.
- Sharma R.C.*, 1994. The Splendours of Mathura Art and Museum. New Dehli.
- Sharma R.C.*, 1995. Buddhist Art — Mathura School. New Dehli.
- Shefton B.B.*, 1971. Persian Gold and Attic Black-Glaze. Achaemenid Influences on Attic Pottery of the 5th and 4th Centuries BC // Annales Archéologiques Arabes Syriennes. Vol. XXI, p. 109–111.
- Sheng A.*, 1999. Woven Motifs in Turfan Silks: Chinese or Iranian // Orientations. Vol. 30/4, April 1999, p. 45–52.
- Shepherd D.D.*, 1968. Some Problems of Sasanian Silver // The Memorial Volume. Vth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Tehran, p. 326–352.
- Shepherd D.D.*, 1972. The Diadem. A Clue to the Religious Iconography of Sasanian Art // Summaries of Papers to be Delivered at the Sixth International Congress of Iranian Art and Archaeology. Oxford, Sept. 1972. Oxford, p. 79.
- 7000 Jahre persische Kunst, Meisterwerke aus dem Iranischen Nationalmuseum in Teheran.* (Ed. W. Seipel). Vienna, 2000.
- Shishkina G.V.*, 1994. Ancient Samarkand: the Capital of Sogd // Bulletin of the Asia Institute. Vol. 8, p. 81–99.
- Shrava S.*, 1981. Sakas in India. Pravara Prakashan, New Dehli.
- Siberia*, 2001. — Siberia. Gli uomini dei fiumi ghiacciati. (Cur. Di G.A. Popescu, A. Alekseev, Yu. Piotrovskij). Milano.
- Sullivan M.*, 1973. Chinese Art: Recent Discoveries. London.
- Silvi Antonini C.*, 2003. De Alessandro Magno all'Islam: La pittura dell'Asia Centrale. Roma.
- Simon E., Hirmer M.N.*, 1976. Die griechischen Vasen. München.
- Simonetta A.M., Widemann F.*, 1978. The Chronology of the Gondopharean Dynasty // East and West. Vol. 28, p. 155–174.
- Simons D.J.*, 1987. Costume of Ancient Rome. London.
- Simpson M.S.*, 1979. The Illustration of an Epic. The Earliest “Shah nama” Manuscripts. New York, London.
- Sims-Williams N.*, 1996. The Sogdian Merchants in China and India // Cina e Iran da Alessandro Magno alla dinastia Tang. (Ed. by V. Cadonna et L. Lanciotti). Florence, p. 45–67.
- Sims-Williams N., Cribb J.*, 1996. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // SRAA. Vol. 4, p. 75–142.
- Si-Yu-ki*, 1906. Buddhist Records of the Western World. (Transl. by S. Beal). London.
- Smekens E.*, 1983. Reliefs rupestres de l'Iran ancien. Bruxelles.

- Smith R.R.R., 1988. *Hellenistic Royal Portraits*. Oxford.
- Snodgrass A., 1967. *Arms and Armour of the Greeks*. London.
- Source. Notes in the History of Art. Vol. 10/4 (Summer 1991).
- The Splendour of Iran, 2001. Vol. 1. Ancient Times. (Ed. by A.Sh. Shahbazi). London.
- Sprecht M.E., 1883. Études sur l'Asie Centrale d'après les historiens chinois // JA. No. 3, p. 242–268.
- Spycket A., 1980. Women in Persian Art // *Ancient Persia: The Art of an Empire*. (Ed. by D. Schmandt-Besserat). Malibu, p. 43–45.
- Starr C.G., 1977. Greeks and Persians in the Fourth Century B.C. A Study in Cultural Contacts before Alexander // *Iranica Antiqua*. Vol. 12, p. 49–115.
- Stawiski B., 1979. *Kunst der Kuschan. Mittelasien*. Leipzig.
- Stein A., 1907. *Ancient Khotan. Detailed Report of Archeological Explorations in Chinese Turkestan*. Vol. I–II. Oxford.
- Stein A., 1921. *Serindia*. Vol. IV (Plates). Oxford.
- Stronach D., 1965. Excavations at Pasargadae // *Iran*. Vol. 4, p. 46–63.
- Stronach D., 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations Conducted by British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford.
- Stronach D., 1987. Notes on Iranian Dress in the Achaemenian Period // *American Journal of Archaeology*. Vol. 91, p. 309–310.
- Stronach D., 1997. Anshan and Parsa: Early Achaemenid History, Art and Architecture on the Iranian Plateau // *Mesopotamia and Iran in the Persian Period: Conquest and Imperialism 539–331 B.C.* London, p. 35–53.
- Sugiyama J., 1973. Some Problems of Parthian Kings' Crowns // *Orient. Report of the Society for Near Eastern Studies in Japan*. Vol. IX, p. 31–42.
- Sulimirski T., 1970. *The Sarmatians*. London.
- Sulser W.A., 1958. *A Brief History of the Shoe*. Schönewald.
- Swietochowski M.L., Carboni S., 1994. *Illustrated Poetry and Epic Images. Persian Painting of the 1330s and 1340s*. New York.
- at-Tabari, 1889. *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis*. (Ed. M.J. Goeje). (Lugduni Batavorum. Ser. II). Batavia.
- Tallon F., 1992. The Achaemenid Tomb on the Acropole // *The Royal City of Susa. Ancient Near Eastern Treasures in the Louvre*. (Ed. by P.O. Harper, J. Aruz, F. Tallon). New York, p. 242–252.
- Tanabe K., 1985. *Gandharan Ladles and Toilet-trays from Japanese Collections*. Tokyo.
- Tanabe K., 1986. *Sculpture of Palmyra*. Vol. 1. Tokyo.
- Tanabe K., 1988. Iranian Xvarnah and the Treasure of Shosoin at Nara in Japan // *Iranica Antiqua*. Vol. XXIII, p. 365–381.
- Tanabe K., 1993. Silk Road Coins. The Hirayama Collection. A Loan Exhibition at the British Museum Gallery 69 A, 1st April to 31st May, 1993. Kamakura.
- Tanabe K., 1998. A Newly Located Kushano-Sasanian Silver Plate. The Origin of the Royal Hunt on Horseback for Two Male Lions on “Sasanian” Silver Plates // *The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires*. (Ed. by V.S. Curtis, R. Hillenbrand and J.M. Rogers). London, New York, p. 93–102.
- Tanabe K., 2003. The Earliest Pârâmita Imagery of Gandharan Buddhist Reliefs — A New Interpretation of So-called Dionysiac Imagery // *SRAA*. Vol. 9, p. 87–106.
- Tanabe K., 2004a. Foundation for the Dating Anew the 38-meter Buddha Image at Bamiyan // *SRAA*. Vol. 10, p. 177–224.
- Tanabe K., 2006. Identification of the King of Kings in the Upper Register of the Larger Grotto, Taq-i Bustan // *Ēran ud Anērān. Studies Presented to Boris Ilich Marshak on the Occasion of his 70th Birthday*. (Ed. by M. Compagnot, P. Raffetta, G. Scarcia). Venice, p. 583–602.
- Tarzi Z., 1977. L'architecture et le décor rupestre des grottes de Bāmiyān. T. 2. (Planches). Paris.
- Tempelmann-Maczyńska M., 1989. *Das Frauentrachtzubehör des Mittel- und Osteuropäischen Barbaricums in der Römischen Kaiserzeit*. Kraków.
- Tezcan M., 2002. Origin of the Kushans // *The Turks*. Vol. 1. Early Ages. Ankara, p. 250–270.
- Tezcan M., 2004. The Conquest of Sogdiana and Bactria by the Nomads and the Asians // *Transoxiana. История и культура. Академику Эдварду Ртвеладзе в честь 60-летия — коллеги и ученики*. (Отв. ред. А. Сайтов). Ташкент, с. 154–165.
- Thomas N., 1965. Recent Acquisitions by Birmingham City Museum // *British School of Archaeology at Athens. Archaeological Reports for 1964–1965*, p. 63–70.
- Thompson J., 1965. Iranian Dress in the Achaemenian Period. Problems Concerning the Kandys and Other Garments // *Iran*. Vol. 3, p. 121–126.
- Thrane H., 1994. Steppens nomader — skovens bønder. *Ukraines arkæologi ar (900 f. Kr. — 1240)*. Høllufgard.
- Tilia A.B., 1972, 1978. *Studies and Restorations at Persepolis and Other Sites of Fars*. Vol. 1–2. Rome.
- Tilke M., 1972. *Folk Costumes from East Europe, Africa and Asia*. London.
- Tissot F., 1985. *Gandhara*. Paris.
- Tissot F., 1986. *The Art of Gandhāra: Buddhist Monks' Art, on the North-West frontier of Pakistan*. Paris.
- Tissot F., 1987. *Les arts anciens du Pakistan et d'Afghanistan*. Paris.
- Tissot F., 1999. Jewellery in Gandharan Art: Images and Reality // *Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. (Ed. by M. Alram & D.E. Klimburg-Salter). Wien, p. 231–242.
- Tiverios M., 1997. Die von Xenophantos Athenaios signierte grosse Lekythos aus Pantikapaion: Alte Funde neu betrachtet // *Athenian Potters and Painters. The Conference Proceedings*. Oxford, p. 269–284.

- Toumchouq*, 1961. T. 1. Planches. Paris.
- Treasures of Ancient Bactria*, 2002. [Catalogue of the Exhibition in Miho Museum, July-December 2002]. Tokyo.
- Treister M.*, 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // *Colloquia Pontica*. Vol. 1. Oxford, p. 73–134.
- Treister M.*, 2001. The Portrait of a Parthian King from the Sarmatian Burial in the Don Basin // *SRAA*. Vol. 7, p. 37–51.
- Treister M.*, 2003a. The Date and Significance of Tomb II at Gorgippia (1975 Excavations) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 9, Nos 1–2, p. 43–85.
- Treister M.*, 2003b. Further Thoughts about Parthian and Related Belt and Belt Plaques // *IA*. Vol. XXXVIII, p. 247–257.
- Treister M., Yatsenko S.A.*, 1998. About the Centres of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in “Gold-Turquoise Animal Style” of the 1st–2nd Centuries AD // *SRAA*. Vol. 5, 51–106.
- Tresori d’Eurasia*, 1987. 2000 anni di Storia in 70 anni di Archeologia Sovietica (Ac. di B.B. Piotrovskij). Milano.
- The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia*, 1991. (Catalogue). Tokyo.
- Trilling J.*, 1982. The Roman Heritage. Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300–600 AD // *Washington Textile Museum Journal*. Vol. 21, p. 9–112.
- Trippet F.*, 1974. The First Horsemen. New York.
- Trümpelmann*, 1975. Das sasanidische Felsrelief von Sar Mašhad. Berlin.
- Tsigarida B., Ignatiadou D.*, 2000. The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki. Athens.
- Turgunov B.A.*, 1992. Excavations of a Buddhist Temple at Dal’verzin-tepe // *East and West*. Vol. 42/1, p. 131–153.
- Turnau I.*, 1986. Ubiór jako znak // *Lud*. Vol. 70. Warszawa, S. 67–84.
- Turnau I.*, 1994. European Occupational Dress from the Fourteenth to the Eighteenth Century. Warsaw.
- Tyrrell W.B.*, 1984. Amazons. A Study in Athenian Mythmaking. New York.
- Unbekannte Krim*, 1999. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg.
- Vaday A.H.*, 1989. Die Sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok. Ein Beiträge zur Archäologie und Geschichte des sarmatischen Barbaricums. Budapest.
- Vainberg B.I.*, 1994. The Kalali-Gir 2 Ritual Center in Ancient Khwarazm // *Bulletin of the Asia Institute*. Vol. 8, p. 67–80.
- Van Burgen E.D.*, 1980. Clay Figurines of Babylonia and Assyria (Yale Oriental Series. Vol. XVI).
- Vanden Berghe L.*, 1963. Le relief parthe de Hung-i Nawruzi // *Iranica Antiqua*. Vol. 3, p. 158–168.
- Vanden Berghe L.*, 1980. Lumière nouvelle sur l’interprétation de reliefs sassanides // *Iranica Antiqua*. Vol. XV, p. 269–282.
- Vanden Berghe L.*, 1982. Luristan. Een verwenen bronskunst uit West-Iran. Brüssel.
- Vanden Berghe L.*, 1984. Reliefs rupestres de l’Iran ancien. Bruxelles.
- Vanden Berghe L.*, 1988. Les scènes d’investiture sur les reliefs rupestres de l’Iran ancien: évolution et signification // *Orientalia Iosephi Tucci memoriae dicata*. (Ed. cur. G. Gnoli, L. Lanciotti). Vol. 3. Roma, p. 1511–1531.
- Vanden Berghe L., Shippmann K.*, 1985. Les reliefs rupestres d’Elymaide (Iran) de l’époque parthe. Gent.
- Vanden Berghe L., Overlaet B.*, 1993. Splendeur des Sassanides. Bruxelles.
- Van Ingen W.*, 1939. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor.
- Vasilieva G.P.*, 1973. Folk Decorative-and-Applied Arts as a Source for the Studies on Ethnogenesis (A Case Study of Turkmenians). Chicago.
- Vicellio C.*, 1977. Vecellio’s Renaissance Costume Book. All 500 Woodcut Illustrations from the Famous Sixteenth-Century Compendium of World Costume. New York.
- Vogel J.Ph.*, 1930. La sculpture de Mathurā. Ascona.
- Vogelsang-Eastwood G.*, 1993. Pharaonic Egyptian Clothing. Leiden, New York.
- Vogelsang-Eastwood G.*, 2000. The Clothing of the “Shami Prince” // *Persica*. No. XVI. Leuven.
- Volbach W.F.*, 1966. Il tessuto dell’arte antica. Milano.
- Vorläufiger...*, 1972. — Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Uruk-Warka 1968, 1969. (Ed. J. Schmidt). Berlin.
- Vos M.F.*, 1963. Scythian Archers in Archaic Vase-painting (Archeologia traectina. Vol. VI). Groningen.
- Waldschmidt E., Le Coq A.*, 1933. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Bd. VII. Berlin.
- Walser G.*, 1966. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin.
- Walser G.*, 1980. Persepolis. Die Königspfalz des Darius. Tübingen.
- Warmington E.H.*, 1928. The Commerce between the Roman Empire and India. Cambridge.
- Watt J., Wardwell V.*, 1998. When Silk was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. The Metropolitan Museum of Art. New York.
- Weber U., Wiesenhöfer J.*, 1996. Das Reich der Achaimeniden: eine Bibliographie. Berlin.
- Welch S.C.*, 1976. Royal Persian Manuscripts. London.
- Wesenberg B.*, 1983. Perser oder Amazonen? Zu den Westmetopen des Parthenon // *Archäologische Anzeiger (Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Beibl.)*. Berlin, S. 203–208.
- Widengren G.*, 1956. Some Remarks on Riding Costumes and Articles of Dress among Iranian Peoples in Antiquity // *Studia Ethnographica Upsaliensia*. Vol. XI, p. 228–284.
- Widengren G.*, 1960. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln.
- Widengren G.*, 1965. Die Religionen Irans. Stuttgart.
- Widengren G.*, 1969. Der Feudalismus im alten Iran. Männerbund — Gefolgswesen. Feudalismus in der iranischen Gesellschaft im Hinblick auf die indogermanischen Verhältnisse. Köln, Opladen.

- Wild J.P., 1985. The Clothing of Britannia, Gallia Belgica and Germania Inferior // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. T. II, Bd. 12/3. Berlin, New York, S. 362–422.
- Williams J., 1973. The Iconography of Khotanese Painting // *East and West*. Vol. 23. Nos 1–2, p. 109–154.
- Wilson E., 1969. *A History of Shoe Fashions: A Study of Shoe Design in Relation to Costume*. London.
- Winter I.J., 1980. *A Decorated Breastplate from Hasanlu, Iran*. Philadelphia.
- Winter F., 1909. *Das Alexandermosaik aus Pompeji*. Strassburg.
- Women's Dress in the Ancient Greek World*, 2002. (Ed. by L. Llewellyn-Jones, S. Blundell). London, Swansea, Oahville.
- The World of Roman Costume*, 1994. (Ed. by J.L. Sebesta, Bonfante). Madison.
- Wroth W., 1903. *Catalogue of the Coins of Parthia*. London.
- Xinjangden keziwelingan medin iyadikarlikar. Xinjang Uigur aptonom rayomluk bowuquem tüzgin*, 1975. Beijing.
- Xun Zyon, 1985. *Le costume Chinois*. Friboury.
- Yatsenko S.A., 1992. Clothing of Iranian Tribes on the Pontic Steppes and in the Caucasus // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. V. Fasc. 7. Costa Mesa, p. 758–760.
- Yatsenko S.A., 2001. The Costume of the Yueh-Chih / Kushans and Its Analogies to the East and to the West // *SRAA*. Vol. 7, p. 73–120.
- Yatsenko S.A., 2004. The Costume of Foreign Embassies and Inhabitants of Samarkand on Wall Painting of the 7 c. in the Hall of Ambassadors from Afrasiab as a Historical Source // *Transoxiana*. Número 8. Julio 2004. Rome. — http://www.transoxiana.com.org/0108/yatsenko_afasiab-costume.html
- Yatsenko S.A., 2006. The Late Sogdian Costume (the 5th–8th cc. AD) // *Ēran ud Anērān*. Studies Presented to Boris Il'ich Marshak on the Occasion of his 70th Birthday. (Ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia). Venice, p. 647–680 (в Интернетe, 2003: <http://www.transoxiana.com.ar/Eran/Articles/yatsenko.html>).
- Yatsenko S.A., in print. Scythian Archers in Archaic Vase Painting (the Boundary of the 6–5 cc. BC) // *British Archaeological Reports*. Oxford.
- Zeigler C., 1964. *Die Terrakotten von Warka*. Berlin.
- Zeimal' E.V., 1994. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth–Eighth Centuries A.D.) // *BAI*. NS. Vol. 8, p. 245–267.
- Zeimal E.V., 1996. The Kidarite Kingdom in Central Asia // *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. III. Paris, p. 119–133.
- Zeimal E.V., 1999. Tillya-tepe within the Context of the Kushan Chronology // *Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. (Ed. by M. Alram & D.E. Klimburg-Salter). Wien, p. 116–124.
- Zhao Feng, 1999. *Treasures in Silk, an Illustrated History of Chinese Textiles*. Hong Kong.
- Zwalf W., 1996. *A Catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum*. Vol. 1. Text. London.

СОКРАЩЕНИЯ

АИКМ — Азовский историко-краеведческий музей. Азов
АО — Археологические открытия (ежегодник). М.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ
АС — Археологический съезд
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душ.
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВНИИР — Всесоюзный НИИ реставрации. М.
ГИМ — Государственный Исторический музей. М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОИОД — Записки Одесского Имп. Общества истории и древностей
ИАИАИАНД — Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону (ежегодник). Азов
ИАК — Известия Имп. Археологической Комиссии. СПб.
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев
ИА РАН — Институт археологии РАН. М.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИМКУ — Известия материальной культуры Узбекистана. Таш.
Изв. МН-АН РК — Известия Министерства науки — АН Республики Казахстан. Алматы
Изв. РОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
Изв. СОНИИ — Известия Северо-Осетинского НИИ истории, языка и литературы. Орджоникидзе
Изв. ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского НИИ. Тбилиси-Цхинвали
ИНВИК — Известия Нижне-Волжского Института краеведения им. М. Горького. Саратов
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
Мат. Узкомстариса — Материалы Узбекского Комитета по охране памятников материальной культуры. Таш.
МРА — Музей им. Резы Аббаси. Тегеран
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НМИ — Национальный Музей Ирана (Иран Бустан). Тегеран
ОАВЕС — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа
ОАК — Отчет Имп. Археологической Комиссии. СПб.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
РА — Российская археология. М.
РГБ — Российская государственная библиотека. М.
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований. М.
СА — Советская археология. М., М.-Л.
САИ — Свод археологических источников. М.
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л.
СГМИИ — Сообщения Гос. Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина. М.
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа. Л.

Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. Исторического музея. М.
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.–Л.
Тр. ТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции. Л.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭО — Этнографическое обозрение. М.

BAI. NS. — Bulletin of Asia Institute. New Series. Bloomfield Hills
BAR — British Archaeological Researches. Oxford
CHI — Cambridge History of Iran. Cambridge
IA — Iranica antiqua. Gent
JA — Journal asiatique. Paris
MDFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
MDOG — Mitteilungen der Deutsche Orientalische Gesellschaft zur Berlin. Berlin
SHA — Sacra Historia Augustae
SRAA — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura

LIST OF ILLUSTRATIONS

The fig. 1–3, 22–24, 27–28, 36, 46, 58, 62–65, 84–89, 91, 97, 100, 102–103, 107, 110–123, 135, 137–138, 151–155, 157–159, 180–182, 189–190, 195, 202, 206–207, 216–218 were prepared by the author.

Chapter 1 (7th–6th cc. BC — 4th–3rd cc. BC)

The Achaemenids:

- Fig. 1.** Male costume of the Persians of the Achaemenian time
Fig. 2. Female costume of the Persians of the Achaemenian time
Fig. 3. Persian costume on the images of the treasure found in 1993 on the Pyanj river in Miho Museum (Treasures 2002)
Fig. 4. Darius III's army in the Issus battle, October 333 BC (a mosaic from Pompeii) (Feder 1978, p. 73)
Fig. 5. Persian aristocrats in *kandys*, *kas* and *sarapis* (Ghirshman 1963, fig. 209)
Fig. 6. Silver shekel of satrap Datamas (386–362 BC) (Alram 1986, No. 340)
Fig. 7. Male *kandyses* in Persepolis and Naqsh-e Rostam (Bittner 1985, Taf. 23, 24)
Fig. 8. Male *kandyses* on the sarcophagus from Sidon (Bittner 1985, Taf. 39, 41)
Fig. 9. Erebuni (Erevan). Silver rhyton with the image of a nobleman (Аракелян 1971)
Fig. 10. Plate of the Oxus treasure with an image of a priest (Ghirshman 1963, fig. 109)
Fig. 11. *Sarapis* worn by characters depicted on the of Sidon' sarcophagus (Bittner 1985, Taf. 38)
Fig. 12. *Sarapis* in Greek vase-painting (Bittner 1985, Taf. 6, 7, 10)
Fig. 13. Persian archer. Alebastron from the Hermitage Museum (Горбунова 1983, p. 186)
Fig. 14. Noble Persians in clothes of the "Elam–Anshan" type (Bittner 1985, Taf. 3, 5)
Fig. 15. Susa. King's guards in clothes of the "Elam–Anshan" type (Ghirshman 1963, fig. 190)
Fig. 16. Persepolis. Apadana. King's guards in clothes of the "Elam–Anshan" type (Ghirshman, 1963, fig. 218)
Fig. 17. Persepolis. Palace of Xerxes. Nobles in clothes of the "Elam–Anshan" type and in *sarapis* (Ghirshman, 1963, fig. 244)
Fig. 18. Persepolis. Treasury. Darius I on the throne with courtiers (Ghirshman, 1963, fig. 218)
Fig. 19. Hypothetic reconstruction of clothes of the "Anshan–Elam" type (Beck, 1972, pl. 3)
Fig. 20. Susa. Shoes of noblemen (Bittner 1985, Taf. 16; The Royal City 1992, p. 239, No 168)
Fig. 21. Pazyryk, barrow 5. Persian textile with images of noble ladies (Руденко 1953, fig. 190)

The Scythians:

- Fig. 22.** Costume of the Early Scythians on stone statues and toreutic wares
Fig. 23. Costume of the supposed Early Scythians in Athenian vase painting. Turn of the 6th–5th cc. BC
Fig. 24. Element of cut of the back of a sleeved coat: (a) amphora from the Hermitage; (b) a gold belt buckle from the "Siberian Collection" of Peter I
Fig. 25. Headdress from barrow 100 near Sinyavka (Археология 1986, fig. 41)
Fig. 26. Kelermes. Gold diadem (Артамонов 1966, fig. 25)
Fig. 27. Male costume of the Scythians in toreutic wares. 5th–4th cc. BC
Fig. 28. Male costume of the Scythians on stone statues (a) 5th c. BC; (b) 4th c. BC
Fig. 29. Scythian male costume in toreutic wares: (a) Tolstaya Mogila (photo, courtesy B.N. Mozolevski); (b) Perederieva Mogila (Лагранд 1998)
Fig. 30. Composition of the silver bowl from Gaymanova Mogila (Клочко 1984, fig. 2)
Fig. 31. Personages on the silver bowl from Gaymanova Mogila (Древнее золото 1975)
Fig. 32. Costume details on the silver amphora from Chertomlyk (photo, courtesy A.Yu. Alexeev)
Fig. 33. Personages on the golden bowl from Kul'-Oba (Золотые олени 2001, No. 146)
Fig. 34. Male plate-decorated belt. Strashnaya Mogila, barrow 4/2 (Тереножкин and oth. 1973, fig. 26)
Fig. 35. The "big barrow of N. Veselovsky". Scythian female *kalathos* and a gold shoulder decoration (Клочко, Васіна 2002, fig. 2)
Fig. 36. Female costume of the Scythians. 5th–4th cc. BC
Fig. 37. Costume of the princess from Tolstaya Mogila (Thrane 1994, S. 38)
Fig. 38. Costume of the girl from Vishnevaya Mogila (Прилипко, Болтрик 1991, fig. 7)
Fig. 39. Elements of shoulder and thigh clothes of the girl from Vishnevaya Mogila (Прилипко, Болтрик 1991, fig. 5)
Fig. 40. Placing of the decorations of female and child clothes in Tolstaya Mogila (Мозолеvський 1979, fig. 87)

- Fig. 41. Gold plaques “A Goddess on the throne and a boy” (L.S. Klochko)
 Fig. 42. Strashnaya Mogila, barrow 4/2. Sleeve decorations of a female dress (Тереножкин and oth. 1973, fig. 27)
 Fig. 43. Headdresses of Scythian women (*kalathoses* and cone-type headdress) (Thrane 1994, S. 39)
 Fig. 44. Chertomlyk. Decoration of a female *kalathos* headdress (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, p. 208)
 Fig. 45. Tolstaya Mogila. Female *kalathos* headdress (Мозолевский 1979, fig. 133)

Pazyryk culture:

- Fig. 46. Costume of Pazyryk culture of the Highland Altai
 Fig. 47. Pazyryk. Detail of a thick felt capet from barrow 5 (Руденко 1960, fig. 152)
 Fig. 48. Reconstruction of a female costume: (1) Pazyryk, barrow 2; 2 Ak-Alakha, barrow 1 (Полосьмак, Баркова 2005, fig. 2.17; 2.37)
 Fig. 49. Male *kandys* and “dress-coat”: (1) Руденко 1952, fig. 39; (2–3) Полосьмак, Баркова 2005, fig. 2.31, b and 2.34, b)
 Fig. 50. Pazyryk, barrow 2. Back of a male *kandys* (Руденко 1953, pl. XCII, 2)
 Fig. 51. Verkh-Kal'dzhin 2. Male fur-coat (Полосьмак 2001, p. 180)
 Fig. 52. Pazyryk, barrow 2. Sleeves of a female fur-coat (Руденко 1953, fig. 61)
 Fig. 53. Pazyryk, barrow 2. Projection of hem of a short female fur-coat (Руденко 1953, pl. XCVII)
 Fig. 54. Tuekta. Bronze breast plaque (Руденко 1960, fig. 70)
 Fig. 55. Leather decorations of Pazyrykian clothes: (a) Tuekta, barrow 1; (b) Bashadar, barrow 2; (c) Pazyryk, barrow 2 (Руденко 1960, fig. 33, 69, 70; Полосьмак, Баркова 2005, p. 53)
 Fig. 56. Pazyryk, barrow 2. Probable wooden top of a headdress (Руденко 1958, fig. 37)
 Fig. 57. Female headdresses: (1) Verkh-Kal'dzhin 2, barrow 3 (Полосьмак 2001, p. 157); (2) Ak-Alakha 3, barrow 1 (Полосьмак, Баркова 2005, fig. 2.43)
 Fig. 58. Headdresses of the southern neighbours of the Pazyrykians (Яценко 1999a, fig. 2)
 Fig. 59. Leather belts (by Руденко 1958, fig. 40) and the decoration of boot soles (Руденко 1953, fig. 67)
 Fig. 60. Pazyryk, barrow 2. Tatoo on a man's hands (Руденко 1953, fig. 82–83).
 Fig. 61. Tatoo from Pazyryk, Ak-Alakha and Verkh-Kal'dzhin (Полосьмак 2001, fig. 151)

The Khorasmians:

- Fig. 62. Costume of Khwarezm. 4th–2nd cc. BC

Chapter 2 (4th–3rd cc. BC — 3rd–4th cc. AD)

The Parthians/The Parnes:

- Fig. 63. Male costume of Parthia of the Early period (3rd c. BC — early 1st c. AD)
 Fig. 64. Male costume of Parthia of the Late period (early 1st — early 3rd cc. AD)
 Fig. 65. Female costume of Parthia
 Fig. 66. Drachm of Arsakes III (Koshelenko, Pilipko 1994, fig. 5)
 Fig. 67. Shami. Bronze statue of a prince (The National Museum of Iran, No. 2401) (V. Curtis and by the author)
 Fig. 68. Shami. Detail of a bronze statue (Curtis, 2001, pl. II, a)
 Fig. 69. Hatra. Relief with the image of god Nergal (Ghirshman 1962, fig. 98)
 Fig. 70. Hatra. Statue of king Uthal (Ghirshman 1962, fig. 100)
 Fig. 71. Shami. Statue of an aristocrat (Ghirshman 1962, fig. 36)
 Fig. 72. Assur. Graffiti on pottery with a sacrificial scene (Schlumberger 1970, fig. 43)
 Fig. 73. Tablet with the images of a goddess and an adorant (Ghirshman 1962, fig. 123)
 Fig. 74. Masjid-e Solaiman. Stone statue of a priest (Curtis 1994, pl. I)
 Fig. 75. Hatra. Graffiti on the wall of bulding A/S 18 (Ricciardi 1998, fig. 9)
 Fig. 76. Late Parthian reliefs: (1) Bard-e Nishandeh. Sacrificial scene (Curtis 2001); (2) Hung-e Kamalwand (Vanden Berghe, Shippmann 1984, fig. 5)
 Fig. 77. Olbia. Bone cover of a rhyton. King and a courtier (Ghirshman 1962, fig. 271)
 Fig. 78. Assur. Stela with the image of an adorant (Schlumberger 1970, fig. 42)
 Fig. 79. Hatra. Statue of king Abdhisimya (Curtis 2001, pl. III)
 Fig. 80. Hatra. Statue of king Sanatruq (Ghirshman 1962, fig. 105)
 Fig. 81. Hatra. Statue of a noble warrior (Ghirshman 1962, fig. 110)
 Fig. 82. Hatra. Statue of princess Jabal (Ghirshman 1962, fig. 106)
 Fig. 83. Detail of a Late Parthian gold belt with garnets. The Hermitage Museum (Иванов, Луконин, Смесо́ва 1984, pl. 57)

The Sarmatians:

- Fig. 84. Costume of Early Sarmatians (3rd — 1st cc. BC)
 Fig. 85. Costume of the Middle Sarmatians (1st — mid. of the 2nd cc. AD)

- Fig. 86.** Costume of the Late Sarmatians (mid. of the 2nd — mid. of the 3rd cc. AD)
- Fig. 87.** Costume of the Late Sarmatians (mid of the 3rd — late 4th cc. AD)
- Fig. 88.** Male and female costume on depictions of the Early and Middle Sarmatian periods: (1) Philppovka; (2) Merdzhany; (3) Galiche; (4) Kosika (Яценко 2000в, fig. 1)
- Fig. 89.** Male costume (1st — mid. of the 2nd cc. AD.): (1) Kobyakovo; (2) Sokolova Mogila; (3) Kochkovatka; (4–5) Zavetnoe (Яценко 1992а)
- Fig. 90.** Male and female costume on the depictions of the mid. of the 2nd — mid. of the 3rd cc. AD: (a) Chester (by Sulimirski 1960); (b) Jan-Baba (Mar'ino)
- Fig. 91.** Sarmatian personages (early 1st — mid. of the 2nd cc. AD) in the art of Bosporan Kingdom
- Fig. 92.** Kertch, Ashik crypt. Wall painting with the scene of a battle between the Bosporan Greeks (on the left) and the Sarmatians (on the right) (Постовцев 1913, pl. LXXXVIII)
- Fig. 93.** Sokolova Mogila. Gold brocade from the hem of a silk female dress (photo A.K. Ėlkina)
- Fig. 94.** Buckles and decorations on the breasts of a female dress (early 1st c. — early 3rd c. AD)
- Fig. 95.** Mikhailovskaya, barrow 9/25, 1985. Decorations of the female costume (courtesy V.N. Kaminsky)
- Fig. 96.** Novo-Alexandrovka I, barrow 20/1, 1984. Decorations of the female dress on the breast (a) and near the left hand (b) (courtesy, E.I. Bespaly)
- Fig. 97.** Peschany, grave 10. Reconstruction of a costume
- Fig. 98.** Sokolova Mogila. Reconstruction of a female costume (Ковпаненко 1986, fig. 133)
- Fig. 99.** Porogi, grave 1. Reconstruction of a male costume (Симоненко, Лобай 1991, fig. 28)
- Fig. 100.** Reconstructions of the costume of young girls (second half of the 2nd c. — mid. of the 3rd c. AD) from Tanais necropolis (1977): (1) barrow 22/4; (2) barrow 10/23
- Fig. 101.** Decorations of the shawl of a young girl: Novocherkassk, the grave of 1973 (photo, courtesy V.E. Maksimenko)
- Fig. 102.** Felt headdress (*bashlyk*) from the barrow of 1859 near Phanagoria. The State Hermitage, No. T.1859.20
- Fig. 103.** Female Sarmatian diadems of the 1st–3rd cc. AD (Яценко 1986, fig. 1)
- Fig. 104.** Sladkovka, barrow 14, 1978. Costume elements (a gold belt and necklaces) which were not removed by robbers (photo, courtesy V.E. Maksimenko)
- Fig. 105.** Porogi, grave 1. “Gala” and “military” belts (Симоненко, Лобай 1991, fig. 27)
- Fig. 106.** Bronze elements of a belt with an enamel inlay. Pervomaysky, barrow 14/3, 1984 (V.I. Mamontov)
- Fig. 107.** Elements of belts (mid. of the 2nd — mid. of the 3rd c. AD) from the Tanais barrow necropolis
- Fig. 108.** Peschany, grave 10. Female Gold decorations: the details of a belt and the buckles of a shoe (photo, courtesy A.M. Zhdanovsky)
- Fig. 109.** Kilen-Balka, crypt 3/3, 1991. Shoe cut out from one piece (courtesy, T.N. Krupa)

The Yuezhi /The Kushans:

- Fig. 110.** Tillya-tepe. Grave 3. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 1)
- Fig. 111.** Tillya-tepe. Grave 1. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 2)
- Fig. 112.** Tillya-tepe. Grave 1. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 3)
- Fig. 113.** Tillya-tepe. Grave 6. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 4)
- Fig. 114.** Tillya-tepe. Grave 4. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 5)
- Fig. 115.** Tillya-tepe. Grave 3. Details of costume decorations (Yatsenko 2001, pl. 6)
- Fig. 116.** Tillya-tepe. Grave 1. Reconstruction of a female costume (drawing by E.A. Kurkina)
- Fig. 117.** Tillya-tepe. Grave 2. Reconstruction of a female costume (drawing by E.A. Kurkina)
- Fig. 118.** Tillya-tepe. Grave 3. Reconstruction of a female costume (drawing by E.A. Kurkina)
- Fig. 119.** Tillya-tepe. Grave 4. Reconstruction of a female costume (drawing by E.A. Kurkina)
- Fig. 120.** Tillya-tepe. Grave 6. Reconstruction of a female costume (drawing by E.A. Kurkina)
- Fig. 121.** Male costume of the Yüeh-chih/the Kushans (Yatsenko 2001, pl. 12)
- Fig. 122.** Female costume of the Yüeh-chih/the Kushans (Yatsenko 2001, pl. 13)
- Fig. 124.** Male costume of the Kushans: (1) Takht-i Sangin (the casket); (2) Saxan-Okhur (the buckle)
- Fig. 125.** Surkh Kotal. Statue of Kanishka I (Ghirshman 1962, fig. 361)
- Fig. 126.** Khalchayan. Kushanian prince. Clay relief (Пугаченкова 1971, fig. 68)
- Fig. 127.** Airtam stone frieze (Stawiski 1979, fig. 81)
- Fig. 128.** Mathura. Head of a young man (Rosenfield 1967, pl. 16)
- Fig. 129.** Dalverzin-tepe. Head of a prince (Stawiski 1979, fig. 96)
- Fig. 130.** Kushanian coins: (1) Kanishka I (Puri 1994, fig. 4); (2) Huviska (Invernizzi 1990, fig. 11)
- Fig. 131.** Mathura. Group of adorants near a statue of the Buddha (Rosenfield 1967, pl. 33)
- Fig. 132.** Kustanay. Silver dish (detail). Goddess Ordohsho (Ghirshman 1962, fig. 357)
- Fig. 133.** Airtam stone frieze. A female harp-player (Stawiski 1979, fig. 80)
- Fig. 134.** Funeral costume of a supposed Kushanian merchant from the Yingpan necropolis in Eastern Xinjiang, (early 3rd c. AD) (Wenwu, 1991, No. 1)

The Khorasmians:

- Fig. 135.** Costume of the Khorasmians (2nd–3rd cc. AD)
- Fig. 136.** Toprak-Kala. High palace. The “Lady of hearts” (Рапопорт, Наразик, Левина 2001, fig. 50)

The Indo-Scythians:

- Fig. 137.** Male costume of the Indo-Scythians (Yatsenko 2001, pl. 14)
Fig. 138. Female costume of the Indo-Scythians (Yatsenko 2001, pl. 15)
Fig. 139. Hadda. Adorant (Rosenfield 1967, pl. 94)
Fig. 140. Mathura. Statue of satrap Castana. Belt (Rosenfield 1967, pl. 3)
Fig. 141. Winged personage (Bussagli 1984, p. 117)
Fig. 142. Mathura. Couple of donors (Bussagli 1984, p. 140)
Fig. 143. Shahri-Bahlol. Adorants (Rosenfield 1967, pl. 67, 68)
Fig. 144. Taxila. Dharmarajika stupa. Personages in the Indo-Scythian costume (Rosenfield 1967, pl. 55)
Fig. 145. Buner. Relief with images of musicians (Rosenfield 1967, pl. 58)
Fig. 146. Butkara. Capital with male and female figures (Bussagli 1984, p. 73, fig. 2–3)
Fig. 147. Shotorak. Relief with images of musicians and dancers (Пугаченкова 1982, fig. 149)
Fig. 148. Gandhara. Adorants (Rosenfield 1967, pl. 112)
Fig. 149. Taxila. Adorants before the Buddha (Пугаченкова 1982, fig. 97)
Fig. 150. Charsada. Relief “Siddhartha rides to the school” (according to Bussagli 1984, p. 178, fig. 2)

The Sogdians:

- Fig. 151.** Orlat. Kang-Küian belt plaque with a hunting scene (Яценко 2000в, fig. 2)
Fig. 152. Male costume of the Sogdians (1st–3rd cc. AD) on clay figurines
Fig. 153. Female costume of the Sogdians (1st–3rd cc. AD) on clay figurines

The Sakas of Khotan:

- Fig. 154.** Costume of Khotan of the 2nd–8th cc. AD (Яценко 2000б, pl. 56)
Fig. 155. Coiffure, haircut and headdresses of Khotan (2nd–10th cc. AD) (Яценко 2000б, pl. 55)
Fig. 156. Yotkan. Clay heads of the 2nd–4th cc. AD (Дьяконова, Сорокин 1960, pl. 23)

Chapter 3 (3rd–4th cc. AD — 7th–8th cc. AD)

The Sasanids:

- Fig. 157.** Male costume of Sasanian Iran of the early period
Fig. 158. Male costume of Sasanian Iran of the late period
Fig. 159. Female costume of Sasanian Iran: (a) the early period; (b) the late period
Fig. 160. Bishapur. Investiture of Bahram II. Detail (Ghirshman 1962, fig. 211)
Fig. 161. Persepolis. The Sasanian aristocrats. Graffiti from Harem (P. Calmeyer)
Fig. 162. Images of shahanshahs: (1) the family of Bahram II. (Coin from the Pushkin Museum, Moscow, No. 224246; photo, courtesy N.M. Smirnova); 2 — Anahita, Ardashir III and Ahura-Mazda in the Big Grotto of Taq-e Bostan (Fukai and oth., 1984)
Fig. 163. Dish with a scene of hunting of Bahram II (Ghirshman 1962, fig. 250)
Fig. 164. Dish with a scene of hunting of Peroz (Луконин 1960, fig. 8)
Fig. 165. Dish with a throne scene of Khusrau I. Detail (Ghirshman 1962, fig. 401)
Fig. 166. Textile from Antioch with a throne scene of Khusrau I and battle groups (Ghirshman 1962, fig. 289)
Fig. 167. Merv. Vase-ossuary. Ruler during a banquet (Луконин 1977, p. 215)
Fig. 168. Dish with a banquet scene of a royal couple (Ghirshman 1962, fig. 259)
Fig. 169. Sasanian noblemen on seals (Ghirshman 1962, fig. 294)
Fig. 170. Taq-e Bostan. Hunting Ardashir III (Fukai and oth. 1984, fig. 44)
Fig. 171. Taq-e Bostan. Escort of Ardashir III in hunting (Fukai and oth. 1984, fig. 39, 44, 45)
Fig. 172. Thessaloniki. Triumphal arc of Galerius. Episode of a battle with the Persians (Panahatzis, Niconanos 2000, fig. 42)
Fig. 173. Ravenna. Sant Appolinare Nuovo church. The Magi (photo, courtesy M.N. Butyrsky)
Fig. 174. Northern China. Sogdian panel of a marble funerary bed with a scene of Zoroastrian ritual. Miho Museum (Lerner 1995, pl. 1)
Fig. 175. Part of a gala belt. Gold, lapis-lazuli and garnets (Украшения Востока 1999, p. 83)
Fig. 176. Bishapur. Woman on a mosaic (Ghirshman 1962, fig. 181)
Fig. 177. Dish with goddess Anahita (Луконин 1960, fig. 11)
Fig. 178. Dish with images of female dancers (Луконин 1960, fig. 12)
Fig. 179. Dish with images of female dancers (Смирнов 1909, pl. XVII, No. 40)

The Sogdians:

- Fig. 180.** Costume of Sogd on clay figurines of the 5th–8th cc. AD
Fig. 181. Male costume of Sogd of the 5th–8th cc. AD

- Fig. 182.** Female costume of Sogd of the 5th–8th cc. AD
Fig. 183. Penjikent. Section VI/1. Talking aristocrats (Живопись 1954, pl. XXXVI)
Fig. 183a. Penjikent. Section XXI/3. Talking aristocrats (Belenitzki 1980, S. 118)
Fig. 184. Penjikent. Section XVI/10. Banqueting aristocrats (Belenitzki 1980, Taf. 38)
Fig. 185. Penjikent. Section I/10. Scenes of banquet and sacrifice (Живопись 1954, pl. VII)
Fig. 186. Penjikent. Section VII/24. Donors before a dancing god (Belenitzki 1980, S. 197)
Fig. 187. Penjikent. Section XXI/1. Burial of a woman-warrior (Belenitzki 1980, S. 118)
Fig. 188. Penjikent. Section VI/8. Sitting women (Скульптура и живопись 1959, pl. X)

The peoples of Tokharistan:

- Fig. 189.** Male costume of Tokharistan
Fig. 190. Female costume of Tokharistan
Fig. 191. Taq-e Bostan. Crushed Khionitian ruler in an investiture scene of Ardashir II (Ghirshman 1962, fig. 234)
Fig. 192. Dilberjin. Wall painting of section 6. Detail (Крутликowa 1979, p. 123)
Fig. 193. Balalyk-tepe. Couple (Альбаум 1960, fig. 101)
Fig. 194. Balalyk-tepe. Couple (Альбаум 1960, fig. 109)
Fig. 195. Afrasiab. Male and female costume of Chaganian embassy (Yatsenko 2004, pl. 2)
Fig. 196. Reconstruction of male clothes from the “Kurgan” cemetery (Майтдинова 1992a, pl. 16)
Fig. 197. Reconstruction of female clothes from the “Kurgan” cemetery (Майтдинова 1992a, pl. 27)
Fig. 198. Elements of child clothes from the “Kurgan” cemetery (Майтдинова 1992a, pl. 55)
Fig. 199. Afrasiab. Chaganianian ambassadors on a camel. Detail (Альбаум 1975, pl. XXIV)
Fig. 200. Afrasiab. Chaganianian rider. Reconstruction (Альбаум 1975, fig. 13)
Fig. 201. Afrasiab. Chaganianian women-riders. Reconstruction (Альбаум 1975, fig. 10)

Khorasmians:

- Fig. 202.** Early Medieval costume of Khorasmians
Fig. 203. Tok-kala. Painting on a funeral ossuary (Рапопорт, Неразик, Левина 2001, fig. 31)

The Sakas of Khotan:

- Fig. 204.** Dandan Öilüq. Two riding saints. Wooden votive tablet (Bussagli 1979, p. 59)
Fig. 205. Afrasiab. “Scene in a boat” (Альбаум 1975, fig. 21)
Fig. 206. Costume elements of supposed Khotanian women in Afrasiab (Yatsenko 2004, pl. IV)

Chapter 4

- Fig. 207.** Palmyra. “Parthian” elements of the male costume on funeral reliefs
Fig. 208. Palmyra and Ain Arous (Syria). “Parthian” elements of the male costume on funeral reliefs (Seyrig 1937)
Fig. 209. Palmyra. Male funeral relief (Tanabe 1986, fig. 225–226)
Fig. 210. Palmyra. Female funeral relief (Tanabe 1986, fig. 251)
Fig. 211. Palmyra. Female funerary relief (Tanabe 1986, fig. 273)
Fig. 212, a–b. Palmyra. Male funeral relief. Details (Tanabe 1986, fig. 378, 383)
Fig. 213. Palmyra. Funerary relief (of a couple by Tanabe 1986, fig. 420).
Fig. 214. Didopolis Mindori. Bone plaques with hunting scenes (Gogoshidze 1992, fig. 13)
Fig. 215. Dandan Öilüq. “Iranian Bodhisattva”. Wooden Votive tablet (Живопись 1954, fig. 30)
Fig. 216. Costume of Elam of late 3rd — early 1st mill. BC
Fig. 217. Iranian elements in the costume of Luristan of the 10th — 7th cc. BC
Fig. 218. Iranian elements in the costume of Gilan of the 11th — 7th cc. BC
Fig. 219. Luristan. Bronze idol (Ghirshman 1963, fig. 51)
Fig. 220. Luristan. Bronze pin with an image of a goddess (Ghirshman 1963, fig. 57)
Fig. 221. Luristan. Bronze statuette (Ghirshman 1963, fig. 68)
Fig. 222. Gala sleeved coat from Munchaktepe (Ferghana valley) (Майтдинова 1996, fig. 83)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Сокращения:

А — Альбаум 1960; Аб — Альбаум 1975; Ан — Анфимов 1987; Б — Беленицкий 1973; Бе — Бессонова 1983а; Вн — Вайнберг 1977; Г — Горелик 1985; Го — Горбунова 1983; Гу — Гудкова 1964; Д — Древности... 1985; Ж — Живопись... 1954; З — Зеймаль 1979; И — Ильинская 1982; К — Калалы-гыр 2, 2004; Кр — Кругликова 1976; Л-1 — Луконин 1960; Л — Луконин 1977; Мн — Манцевич 1976; Мо — Мозолевский 1983; Не — Неразик 1966; Ни — Никитин 2000; ОЕ — Ольховский, Евдокимов 1994; П — Пичикян 1998; ПБ — Прилипко, Болтрик 1991; Пу — Пугаченкова 1978; Ра — Раевский 1977; РНЛ — Рапопорт, Неразик, Левина, 2000; Ра — Распопова 1999; Рх — Рахмонов 2001; СЖ — Скульптура и живопись... 1959; См — Смирнов 1909; Т — Толстов 1948б 62; ТК — Топрак-кала 1984; ТЛ — Тревер, Луконин 1987; Ш — Шишкин 1963; Шл — Шлюмберже 1985; Я — Ягодин, Ташходжаев 1970; AS — al-Salihi 1991; Am — Amiet 1986; B — Belenitzki 1980; Bi — Bittner 1985; Ca — Callieri 1999; Ch — Chegeni, Nikitin 1996; Ci — Coins 1999; Co — Collon 1995; C3 — Curtis 1993; C4 — Curtis 1994; Cu — Curtis 2001; F — Fukai and oth. 1984; Fu — Fukai, Horiuchi 1982; G2 — Ghirshman 1962; G3 — Ghirshman 1963; Go — Goldman 1991; Gu — Gunter, Jett 1992; Gy — Gyselen 1995; H — Hackin, Carl, Meumie 1959; Hn — Handbuch, I-II; L — Lissarrague 1990; Ma — Marshak 1990; MN — Marshak, Negmatov 1996; M4 — Moorey 1974; MR — Marshak, Raspopova 1994; Mu — Muscarella 1988 217; N — Negahban 1996 218; Pi — Pilipko 2000 63; Pr — Porada 1962; Pu — Pugachenkova 1994; R — Ricciardi 1998; Sc — Schlumberger 1970; Sr — Seyrig 1937 207; S — Sellwood 1980; Tn — Tanabe 1998; Tr — Tarzi 1977; Th — Thomas 1965; Tm — Thompson 1965; V — Vanden Berghе 1984; Vs — Vos 1963

Глава 1

Рис. 1. Мужской костюм персов эпохи Ахеменидов (рис. автора)

1 — Тм, р. 126, f. 2 — Bi, Taf. 39, 1; 3 — G3, fig. 109; 4 — Bi, Taf. 21, 2; 5 — Collon 1995, pl. 187; G3, fig. 121; 7 — Bi, Taf. 6; 8, 25 — рис. автора (клад 1993 г.); 9 — Bi, Taf. 29, 2; 9a — Bi, Taf. 21–22; 10 — И, рис. 1 (4–5); 11 — Th, р. 121; 12 — Bi, Taf. 2–3; 13 — Bi, Taf. 2–3; 14 — Bi, Taf. 9, 1; 14a — Harper, Meyers 1981, fig. 1a; 13a, 60a — рисунки автора; 15 — Beck 1972, fig. 3; 15a — Bi, Taf. 15; 16 — П, рис. 1 и 3; 16a — И, рис. 3 (1, 4); 17 — Bi, Taf. 5a; 18 — Th, р. 135; 19 — Bi, Taf. 4; 21 — Bi, Taf. 23–24; 21a — Г, табл. IV; 22 — Bi, Taf. 29, 1; 23 — Bi, Taf. 29, 2; 24 — G3, fig. 121; 26 — Bi, Taf. 34, 1; 26a — Передольская 1956, рис. 1; 27 — Bi, Taf. 42, 3; 27a — Dalton 1964, pl. XLI; 28 — Bi, Taf. 42, 1; 29 — Ролле 1999, рис. 6; 29a — 3, № 89; 30 — Bi, Taf. 18, 1; 31 — Bi, Taf. 7, 1; 32 — Bi, Taf. 8, 4; 33 — Bi, Taf. 29, 3; 33a — Th; 34 — Bi, Taf. 27, 2; 35 — Bi, Taf. 6; 36 — Г, табл. IV; 37 — 3, № 61; 38 — Bi, Taf. 6; 39 — П, рис. 1, а–б; 40 — Bi, Taf. 38; 41, 4; 42 — Bi, Taf. 30, 2; 34, 1; 42 — Bi, Taf. 27, 2; 43 — Bi, Taf. 16, 2; 44 — Bi, Taf. 6; 45 — Bi, Taf. 7–8; 46 — Bi, Taf. 30, 4; 47 — Черненко 1981, рис. 14; 48 — П, рис. 3; 49 — П, рис. 1, а–б; 50 — Г, табл. I, 1; 51 — Bi, Taf. 4; 52 — Bi, Taf. 22, 1; 53 — Bi, Taf. 6; 54 — Bi, Taf. 16, 2; 55 — П, рис. 1; 56 — Bi, Taf. 29, 3; 56a — Tresori 1987, № 67; 57 — Bi, Taf. 30, 1; 58 — Bi, Taf. 2–3; 59 — Bi, Taf. 9, 3; 60 — Bi, Taf. 16, 2; 61 — Maulucci 1988, р. 33

Пункты находок: Эрбуни (Ереван) — 14а, 29, 56а; р. Пяндж (1993 г.) — 16, 39, 48, 49, 55; Мемфис — 10; Тарсус — 16а; Пергам — 62; Керчь — 47

Рис. 2. Женский костюм персов эпохи Ахеменидов (рис. автора)

1 — Bittner 1985, Taf. 9, 2; 2 — Руденко 1960, рис. 190; 3 — Dalton 1964, fig. 19; 4 — К, рис. 1, 3; 5 — К, рис. 1, 4; 6 — К, рис. 2, 2; 7 — Go, fig. 12, 14; 8, 10 — Tresori 1987, № 68; 9 — К, рис. 1, 3; 11 — Go, fig. 12, 14; 12 — К, рис. 2 (4, 6)

Пункты находок: Эрбуни (Ереван) — 10; Эрзинкан — 3; Пазырык — 2

Рис. 3. Персидский костюм на изображениях из клада 1993 г. с р. Пяндж в Музее Михо (рис. автора по Treasures 2002; нумерация соответствует каталогу)

1 — № 69; 2, 3, 9, 10, 11, 14 — № 67; 5, 6, 18 — № 64; 4, 7, 13, 17 — № 68; 8 — № 78; 12 — № 65; 15, 19 — № 48; 16, 20, 21, 23 — № 70; 22 — № 73

- Рис. 4.** Войско Дария III в битве при Иссе в октябре 333 г. до н.э. (мозаика из Помпей) (Feder 1978, p. 73)
- Рис. 5.** Персидские аристократы в кандисе, касе и сараписе (Ghirshman 1963, fig. 209)
- Рис. 6.** Серебряный сикль сатрапа Датама (386–362 гг. до н.э.) (Alram 1986, No. 340)
- Рис. 7.** Мужские кандисы на изображениях Персеполя и Накш-и Рустама (Bittner 1985, Taf. 23, 24)
- Рис. 8.** Мужские кандисы на саркофаге из Сидона (Bittner 1985, Taf. 39, 41)
- Рис. 9.** Эрбунни (Ереван). Серебряный ритон с изображением вельможи (Аракелян 1971)
- Рис. 10.** Пластина из Амударьинского клада с изображением жреца (Ghirshman 1963, fig. 109)
- Рис. 11.** Сарапис на персонажах саркофага из Сидона (Bittner 1985, Taf. 38)
- Рис. 12.** Сарапис в греческой вазовой живописи (Bittner 1985, Taf. 6, 7, 10), *В* — царь в росписи «кратера из Неаполя»
- Рис. 13.** Персидский лучник. Алебастр «Мастера Эмпория» из Эрмитажа (Горбунова 1983, фото на с. 186)
- Рис. 14.** Знатные персы в одежде «эламо-аншанского типа» (Bittner 1985, Taf. 3, 5)
- Рис. 15.** Сузы. Царские гвардейцы в одежде «эламо-аншанского типа» (Ghirshman 1963, fig. 190)
- Рис. 16.** Персеполь. Ападана. Гвардейцы в «эламо-аншанской» одежде (Ghirshman, 1963, fig. 218)
- Рис. 17.** Персеполь. Дворец Ксеркса. Придворные в «эламо-аншанской» одежде и сараписе (Ghirshman, 1963, fig. 244)
- Рис. 18.** Персеполь. Сокровищница. Дарий I на троне с приближенными (Ghirshman 1963, fig. 255)
- Рис. 19.** Гипотетическая реконструкция персидской одежды «эламо-аншанского типа» (Beck, 1972, pl. 3)
- Рис. 20.** Туфли мужчин-аристократов (рельеф из Суз; реконструкция туфель) (Bittner 1985, Taf. 16; The Royal City 1992, p. 239, No. 168)
- Рис. 21.** Пазырык, курган 5. Персидская ткань с изображением знатных дам (Руденко 1953, рис. 190)
- Рис. 22.** Костюм ранних скифов на каменных изваяниях и предметах торевтики (рис. автора)
1 — ОЕ, № 78, 126; 1а — ОЕ, № 149; 2 — Schiltz 1994, p. 39; 3 — ОЕ, № 33; 4 — ОЕ, № 1; 5, 12, 13, 15–17 — рисунки автора; 9 — ОЕ, № 33; 14 — ОЕ, № 145; 10, 11 — ОЕ, № 8
Пункты находок: Келермес — 2, 5, 12; Куцеволовка, Воровсколеская — 1; Зеленчук Мостовой — 1а; Сибюара — 4; Кожемяки — 9; Виноградовка — 10, 11; Мескеты — 14
- Рис. 23.** Костюм предполагаемых ранних скифов в афинской вазовой живописи рубежа VI–V вв. до н.э. (рис. автора)
1 — L, fig. 10a; 2 — L, fig. 31; 3 — L, fig. 79; 4 — Vs, pl. X, XI; 5 — Snodgrass 1967, fig. 38; 6 — Алексеев 1992, обложка; 7 — Vs, pl. III, b; 8 — Vs, pl. IX, b; 9 — Vs, pl. VII, IX, a; 10 — L, fig. 79; 11 — L, fig. 8; 12 — L, fig. 33; 13 — L, fig. 18; 14 — L, fig. 74; 15, 18 — L, fig. 103; 16 — Vs, pl. VIII; 17 — Vs, pl. IV, b; 19 — L, fig. 18; 20 — Vs, pl. IX; 21 — Vs, pl. VIII; 22 — pl. IV, b; 23 — Vs, pl. IX, b; 24 — Vs, pl. III; 25 — L, fig. 48; 26 — L, fig. 18; 27 — L, fig. 64; Vs, pl. IX, b; 27a — Vs, pl. XII, b; 27b — Vs, pl. XIV; 28 — Vs, pl. X; 29 — Vs, pl. VI, a; 30 — Г, № 70; 30a — Vs, pl. XII, b; 31 — Vs, pl. XIV; 32 — Древний мир 1918, с. 21; 33, 41 — Vs, pl. V; 37–40 — Vs, pl. VIII; L, fig. 8; 34–35 — Vs, pl. IX; 36 — L, fig. 61; 42 — Vs, pl. XV; 43 — Vs, pl. VIII; 44 — Vs, pl. V; IX; 45 — L, fig. 8; 46 — Vs, pl. IX
- Рис. 24.** Элемент кроя спинки кафтана в виде фигурной скобки: *а* — амфора мастера «Мюнхен 1410» из Эрмитажа; *б* — золотая поясная пластина «Охота в лесу» из Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже (рис. автора)
- Рис. 25.** Головной убор из кургана 100 у с. Синявка (Археология 1986, рис. 41)
- Рис. 26.** Келермес. Золотая диадема (Артамонов 1966, рис. 25)
- Рис. 27.** Мужской костюм скифов по изделиям греко-скифской торевтики V–IV вв. до н.э. (рис. автора)
9 — Trippet 1974, p. 40; 8 — Яценко 1993д, табл. 4; 10, 28 — Золотые олени 2001, № 158; 11 — Мн, рис. 22; 1–6, 12–18, 21, 25–27, 29, 33, 34, 37–42, 45–47, 49, 51–53, 58–59, 60–61, 66, 69, 72, 76 — рисунки автора; 7, 19, 20 — Мозолевский 1983; 22 — Мн, рис. 31; 23, Бе, рис. 1; 24 — Раевский 1985, рис. 5; 28a–30, 35, 36, 54, 70, 79 — Лагранд 1998; 31, 48, 50 — Мн, рис. 12; 32 — Ростовцев 1914б, табл. I; 43 — Ан, с. 120; 44 — Степанов 1915, табл. 1; 48, 63, 73 — Латышев 1889, табл. II; 55–57 — Золотые олени 2001, № 168; 62, 64, 65, 75 — Граков 1971, с. 149; 68 — Древнее золото 1975; 74 — Мн, рис. 4, д; 77 — Анохин 1973, рис. 1 (монета Атея)
Пункты находок: Куль-Оба — 4–6, 8, 9, 10, 11, 17, 24, 27, 28–28a, 34, 38, 39б–в, 40, 42, 51–53, 54a, 60–61, 66–67, 76, 78; Чертомлык — 13, 21, 26, 37, 46, 49, 74; Гайманова Могила — 18, 23, 29, 39a, 68; Толстая Могила — 7, 19, 20, 42, 47; Солоха — 12, 14, 21, 33, 34, 44, 55–59; Сахновка — 1, 2, 45; Гюновка — 15; Геремесов курган — 16; Херсонес — 3, 31; Передериева Могила — 30, 35, 36, 54, 70, 79; 22 — Верхний Рогачик; Юбилейный — 26, 69; Ча-

стые курганы — 32, 39г, 42а, 62, 64, 75; Карагодеуашх — 43, 72; Патиниотти — 63, 73; Страшная Могила, курган 4 — 71

Рис. 28. Мужской костюм скифов на каменных изваяниях (*а* — V в. до н.э.; *б* — IV в. до н.э.) (рис. автора)

Нумерация изваяний по: Ольховский, Евдокимов 1994

1 — № 11; 2 — № 76; 3 — № 29; 3а — № 85; 4 — № 76; 5 — № 9; 6 — № 106; 7 — № 114; 8 — № 31; 9 — № 115–116; 10 — № 106; 11 — № 107; 12 — № 43; 13 — № 96; 14 — № 94; 15 — № 101; 16 — № 4; 17 — № 124; 18 — № 95; 19 — № 92; 20 — № 15; 20а — № 124; 21 — Белинский, Ольховский 1996, рис. 1

Пункты находок: Терновка — 1; Кировоград — 2, 4; Первомаевка — 3, 8; Первомайск — 9; Веселое — 3а; Приветное — 6, 10, 11; Колоски — 7, 9; Беляус — 9; Долгопрудное — 12; Крыловка — 13, 14, 18; Суворовское — 15; Буторы — 16; Преградная — 17, 20а; Чайка — 19; Нововасильевка — 20; «Пищевик» — 21

Рис. 29. Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики: *а* — пектораль из Толстой Могилы (фото Б.Н. Мозолевого); *б* — «колпачок» из Передериевой Могилы (Лагранд 1998)

Рис. 30. Изображения серебряной чаши из Гаймановой Могилы (Клочко 1984, рис. 2)

Рис. 31. Персонажи на серебряной чаше из Гаймановой Могилы (Древнее золото 1975)

Рис. 32. Детали костюма на серебряной амфоре из Чертомлыка (фото предоставлено А.Ю. Алексеевым)

Рис. 33. Персонаж на золотом кубке из Куль-Обы (Золотые олени 2001, № 146)

Рис. 34. Мужской наборный пояс. Страшная Могила, курган 4/2 (Тереножкин и др. 1973, с. 143, рис. 26)

Рис. 35. Скифский женский «калаф» и «сеточка» из Большого кургана Н.И. Веселовского (Клочко, Васина 2002, с. 165, рис. 2)

Рис. 36. Женский костюм скифов V–IV вв. до н.э. (рис. автора)

1, 14а — Ра, рис. 8; Бе, с. 25; 1а, 2, 3а, 5, 13–13а, 19, 22, 24–25 — рисунки автора; 3 — Ан, с. 120; 4 — Клочко 1993; 6 — Мирошина, 1981, рис. 3; 7 — Граков 1971, табл. XII; 10 — Ра, рис. 8; 11 — Kločko 1991, Abb. 100e; 12, 28 — Мо, рис. 117, правый; 13б — ОЕ, ил. 74; 14 — Бе, рис. 23; 15 — А, с. 155; 17 — Gold, 1993, № 51; 18 — Клочко 1982, рис. 5; 21 — ПБ, рис. 5 (5, 7); 23 — ПБ, рис. 5, 4; 7; 26 — Мо, с. 100; 27 — ПБ, рис. 6

Пункты находок: Толстая Могила — 1а, 12, 13, 19, 28; Александрополь — 7, 22; Чертомлык — 1, 2, 14–14а; Сахновка — 1, 14; Мордвиновский — 4; Карагодеуашх — 3, 10, 15; БОФ, курган 13; Мелитополь — 11, 26; Вишневая Могила — 13а, 21, 23, 27; Мордвиновский — 14; Большая Знаменка — 17; Казенная Могила — 18; Никольское, курган 2/2 — 25; Преградная — 13б

Рис. 37. Костюм княгини из Толстой Могилы (Thrane 1994, S. 38)

Рис. 38. Костюм девочки-подростка из Вишневой Могилы (Прилипко, Болтрик 1991, рис. 7)

Рис. 39. Элементы плечевой и поясной одежды девочки. Вишневая Могила (Прилипко, Болтрик 1991, рис. 5)

Рис. 40. Размещение нашивных украшений женской и детской одежды в Толстой Могиле (Мозолевский 1979, рис. 87)

Рис. 41. Золотые бляшки «Богиня на троне и юноша» (Музейни читання, Київ, 1996, обложка)

Рис. 42. Страшная Могила, курган 4/2. Обшивки рукавов женского платья (Тереножкин и др. 1973, с. 144, рис. 27)

Рис. 43. Головные уборы скифянок (калафы и конусовидный). Богдановка, Вильна Украина (Thrane 1994, S. 39)

Рис. 44. Чертомлык. Декор женского калафа (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 208, кат. № 128)

Рис. 45. Толстая Могила. Женский калаф (Мозолевский 1979, рис. 133)

Рис. 46. Костюм пазырыкской культуры Горного Алтая (Яценко 1999а, рис. 1, с дополнениями)

Пункты находок: Пазырык, курган 1 — 11; Пазырык, курган 2 — 5, 8, 18, 30, 36–37; Пазырык, курган 3 — 7, 19; Пазырык, курган 5 — 2, 4, 12, 13, 15, 16, 33; Пазырык, курган 7 — 23; Катанда II — 21–22; Туэкта, курган 2 — 26; Башадар, курган 2 — 35; Ак-Алаха I, курган 1–9, 14, 25, 28; Ак-Алаха 3, курган 1 — 6, 17, 24, 29, 38; Уландрык I, курган 1 — 1; Уландрык I, курган 2 — 3, 20, 34; Уландрык IV, курган 3 и Барбургазы I, курган 25 — 31; Юстыд XII, курган 7 — 10; Верх — Кальджин 2, курган 1–5

Рис. 47. Пазырык. Войлочный ковер из кургана 5. Деталь (Руденко 1960, рис. 152)

Рис. 48. Ак-Алаха I. Реконструкция женского костюма: 1 — Пазырык, курган 2; 2 — Ак-Алаха 3, курган 1 (Полосьмак, Баркова 2005, рис. 2.17; 2.37)

Рис. 49. Катанда. Мужские кандис и «фрак»: 1 — С.Н. Руденко; 2 — Полосьмак, Баркова 2005, рис. 2.34,б; 3 — там же, рис. 2.31б

160 **Рис. 50.** Пазырык. Курган 2. Спинка мужского кандиса (Руденко 1953, табл. ХСII, 2)

- Рис. 51.** Верх-Кальджин 2. Мужская шуба (Полосьмак 2001, с. 180)
- Рис. 52.** Пазырык. Курган 2. Рукава женской шубы (Руденко 1953, рис. 61)
- Рис. 53.** Пазырык. Курган 2. Выступ подола женского полушубка (Руденко 1953, табл. ХСVII)
- Рис. 54.** Туэкта. Бронзовая пластина нагрудника (Руденко 1960, рис. 70)
- Рис. 55.** Кожаный декор пазырыкской одежды: *а* — Туэкта. Курган 1. Штаны; *б* — Башадар. Курган 2 (Руденко 1960, рис. 33, 69); *в* — Пазырык, курган 2 (Полосьмак, Баркова 2005, с. 53)
- Рис. 56.** Пазырык. Курган 2. Предполагаемое деревянное навершие головного убора (Грязнов 1958, рис. 37)
- Рис. 57.** Женские головные уборы: 1 — Верх-Кальджин 2, курган 3 (Полосьмак 2001, с. 157); 2 — Ак-Алаха 3, курган 1 (Полосьмак, Баркова 2005, рис. 2.43)
- Рис. 58.** Головные уборы южных соседей пазырыкцев (Яценко 1999а, рис. 2). 1 — Налингаоту; 2 — Алушайтень; 3 — дельта р. Кумдары (оз. Лобнор); 4 — Субеши
- Рис. 59.** Кожаные пояса (*а* — Пазырык, курган 2, Руденко 1958, рис. 40) и декор подошв обуви (*б* — Пазырык, курган 2, Руденко 1953, рис. 67)
- Рис. 60.** Пазырык, курган 2. Татуировка на руках мужчины (Руденко 1953, рис. 82–83)
- Рис. 61.** Пазырык-2, Ак-Алаха 3 и Верх-Кальджин 2. Татуировки (Полосьмак 2001, рис. 151)
- Рис. 62.** Костюм Хорезма IV–II вв. до н.э. (рис. автора)
- 1, 8 — Walser 1966, Taf. 1; 1а, 6а, 12а — Т, рис. 65; 2 — РНЛ, рис. 31; 3 — РНЛ, рис. 27; 4 — РНЛ, рис. 18; 5 — РНЛ, рис. 23; 6 — РНЛ, рис. 25; 7 — РНЛ, рис. 26; 7а, 9, 11а — К, рис. 5/24; 10–11 — Т, табл. 72, 2; 13 — К, рис. 5/22; 14, 18 — РНЛ, рис. 17; 15 — Т, табл. 73; 16 — РНЛ, рис. 16; 17 — Т, рис. 21, 5; 17а — К, рис. 5/8 и 5/14; 19 — К, рис. 5/14; 20 — Воробьева 1968, рис. 1, 3; 20а — К, рис. 5/13, внизу; 21 — Vainberg 1994, fig. 7
- Пункты находок:* Кой-Крылган-кала — 1а, 3–5, 7, 14, 16, 18–20; Шах-Сенем — 6; Гяур-кала — 3; Джанбас-кала — 10, 11, 17; Калалы-гыр 2 — 9, 11а, 13, 17а, 19, 20а, 21; Персеполь — 1, 8

Глава 2

- Рис. 63.** Мужской костюм Парфии раннего периода (III в. до н.э. — начало I в. н.э.) (рис. автора).
- 1 — S, type I/1; 2, 12, 23, 25, 27, 28 — C3, fig. 1; 3 — G2, fig. 130, a; 4 — G2, fig. 107; 5 — S, type 49; 6 — Loginov, Nikitin 1996, fig. 3, 19; 7, 8, 11, 22, 24 — Vs, fig. 4; 9, 26 — G2, fig. 120; 10 — Pi, pl. II, 3; 13 — Pi, pl. I, 2; 14 — G2, fig. 58; 15 — Луконин 1977, с. 125; 16 — S, type 24; 17 — S, type — 30/1; 18 — S, types 45–46; 19 — S, types 50, 60; 20 — G2, fig. 140; 21 — G2, fig. 36; 23 — C3, pl. II, a
- Правители:* Аршак I — 1; Митридат I — 3, 7, 10; Митридат II — 16; Готарз I — 17; Ород II — 6, 18; Митридат III — 20; Пакор I — 5; Фраат IV, Вонон I — 19
- Рис. 64.** Мужской костюм Парфии позднего периода (начало I — начало III в. н.э.) (рис. автора)
- 1 — G2, fig. 100; 2 — Cu, fig. XI, b; 3 — G2, fig. 82; 4 — G2, fig. 52; 5 — V, fig. 5; 6 — G2, fig. 121, b; 7 — Cu, pl. XII, a–b; 8 — G2, fig. 59; 9 — Cu; 10 — Cu, pl. IV, c; 11 — R, fig. 4; 11а — G2, fig. 57; 12 — S, type 63; 12а — Treister, 2001; 13; 42 — G2, fig. 105; 14 — G2, fig. 352; 15 — G2, fig. 150; 16, 46 — Ни, рис. 1; 17, 20, 57 — Co, pl. 163; 18 — G2, fig. 51; 19 — G2, fig. 51; 21 — G2, fig. 70; 22, 49 — Cu, pl. 1; 23 — G2, fig. 107; 24 — R, fig. 6; 25 — AS, fig. 1; 26 — Шл, с. 107; 27 — Cu, pl. IV, a; 28 — G2, fig. 98; 29 — G2, fig. 100; 30 — Cu, pl. IX, b; 31 — S, type 65; 32, 47 — Vs, pl. 15; 33 — G2, fig. 110; 35 — G2, fig. 60; 36 — C, pl. 163; 37 — R, fig. 1; 38 — G2, fig. 123; 39, 54 — G2, fig. 351–352; 40 — R, fig. 8; 41 — Cu, pl. X, d; 43 — G2, fig. 110; 44, 75 — Cu, pl. X, c; 45 — R, fig. 6; 48 — G2, fig. 70; 50 — R, fig. 2; 51 — Clay Figurines 2003, fig. 34 (No. 1212); 53 — Sc, fig. 49; 55 — ШЛ, с. 119; 56 — ШЛ, с. 107; 57а — Harper, Meyers 1981, fig. 30; 58 — G2, fig. 1; 59 — Cu, fig. X, e; 60 — G2, fig. 352; 61 — G2, fig. 68–69; 62 — G2, fig. 98; 63 — AS, fig. 1; 64 — G2, fig. 33; 65 — G2, fig. 105; 66 — Cu, fig. 2, b; 67 — Cu, pl. X, a; 68 — G2, fig. 98; 68а — G2, fig. 110; 69 — G2, fig. 60; 70 — R, fig. 8; 71 — G2, fig. 105; 72 — Vs, fig. 6; 73, 74 — R, fig. 3; 73а — рисунок автора (НМИ, инв. № 18835); 76 — Шл, с. 124–125; 77 — G2, fig. 351; 78 — V, fig. 5; 52, 79 — V, fig. 5
- Правители:* Артабан II — 12; Готарз II — 31
- Рис. 65.** Женский костюм Парфии (рис. автора)
- 1 — Koshelenko, Pilipko 1994, fig. 8; 2 — G2, fig. 107; 3 — Sc, p. 149; 4 — Clay Figurines 2003, p. 24 (No. 2325); 5 — Sc, fig. 40; 6 — G2, fig. 104; 7 — Tanabe 1998, fig. 11; 8 — Шл, с. 107; 9, 16 — Cu, pl. XIII, a; 10 — G2, fig. 63; 11 — Curtis 1994, pl. IV; 12 — Co, pl. 163; 13 — G2, fig. 106; 15 — Sc, fig. 48; 17 — G2, fig. 106
- Правительницы:* Муза — 1

- Рис. 66.** Драхма Аршака III (Koshelenko, Pilipko 1994, fig. 5)
- Рис. 67.** Шахи. Бронзовая статуя. НМИ, инв. № 2401 (Curtis 1993, fig. 1, с дополнениями автора)
- Рис. 68.** Шахи. Бронзовая статуя. Деталь (Curtis, 2001, pl. II, a)
- Рис. 69.** Хатра. Рельеф с изображением бога Нергала (Ghirshman 1962, fig. 98)
- Рис. 70.** Хатра. Статуя князя Утталу (Ghirshman 1962, fig. 100)
- Рис. 71.** Шахи. Статуя аристократа (Ghirshman 1962, fig. 36)
- Рис. 72.** Ашшур. Граффити на керамике со сценой жертвоприношения (Schlumberger 1970, fig. 43)
- Рис. 73.** Плакетка с изображением богини и адоранта (Ghirshman 1962, fig. 123)
- Рис. 74.** Масджид-и Сулейман. Каменная статуя жреца (Curtis 1994, pl. I)
- Рис. 75.** Хатра. Граффити на стене здания A/S 18 (Ricciardi 1998, fig. 9)
- Рис. 76.** Позднепарфянские рельефы из Юго-Западного Ирана: 1 — Бард-и Нишанда. Сцена жертвоприношения (Curtis 2001); 2 — Хунг-и Камальванд (Vanden Berghe 1984, fig. 5)
- Рис. 77.** Ольвия. Костяная накладка ритона. Царь и придворный (Ghirshman 1962, fig. 352)
- Рис. 78.** Ашшур. Стела с изображением адоранта (Schlumberger 1970, fig. 42)
- Рис. 79.** Хатра. Статуя князя Абдлсими (Curtis 2001, pl. III)
- Рис. 80.** Хатра. Статуя князя Санатрука (Ghirshman 1962, fig. 105)
- Рис. 81.** Хатра. Статуя знатного воина (Ghirshman 1962, fig. 110)
- Рис. 82.** Хатра. Статуя княжны Убал (Ghirshman 1962, fig. 106)
- Рис. 83.** Деталь позднепарфянского пояса. Золото, гранаты. Эрмитаж (Иванов, Луконин, Смесова 1984, табл. 57)
- Рис. 84.** Костюм сарматов III в. до н.э. — начала I в. н.э. (рисунки и реконструкции автора)
- 1, 16, 31, 40 — Косика, могила 45; 1а, 2а, 37а — Неаполь Скифский (фото Ю.П. Зайцева); 2 — Новочеркасск, 1973 г.; 3 — Арпачин, курган 40/10; 4–5, 17, 20, 27, 28, 34 — «Кубанский» ритон; 6, 35, 46, 53 — Мерджаны; 7, 33 — коллекция Стоклет / Романовича; 8 — Балаклея; 9, 47, 51 — Галиче; 10 — Филипповка, курган 1 (Пшеничнюк 1989, рис. 8); 11, 21, 30, 32, 37 — Кривая Лука IX; 12, 23 — Юбилейный; 14, 36 — Воздвиженская; 15, 29 — Кара-Су I, курган 7/3; 18 — Кривая Лука VIII, курган 5/12; 19 — Пантикапей (Равдоникас 1978а, с. 151–152; рис. 6); 22 — Янчокрак; 24 — Мечетсай, курган 3; 25 — Красногорский, 1903 г.; 33а — Приозерное, курган 2/6; 39 — Бойко-Понура, погребение/1972 г.; 41 — Балабинский I; 42 — Веселая Роща III, курган 21/11; 43 — Зубовский, курган 2; 44 — Калининский I, курган 1/2; 45 — Новокорсунская, курган 2/6; 48, 50, 55 — Преградная; 49 — Комсомольский, погребение 2; 52 — Криволиманский I, курган 16/9; 54 — Большой Армавирский курган; 56 — крепость Хрисалиска; 57, 63 — Калиновка, курган 55/8; 58, 61 — ОПХ «Рассвет»; 59 — Старые Кишки, курган XIII/10; 60, 62 — Песчаный, погребение 10; 64 — Косика, могила 15; 65 — Тузлуки, курган 10/1
- Рис. 85.** Костюм сарматов и аланов начала I — середины II в. н.э. (рисунки и реконструкции автора)
- 1 — Заветное, стела 1; 2 — Пантикапей, терракота I в. н.э.; 3 — Фанагория, терракота I в. н.э.; 4 — Заветное, стела 5; 5 — монеты Фарзоя; 7 — Тифлисская, курган 20; 8, 18, 30 — Кочковатка; 8, 20, 23, 33 — Пороги, могила 1; 9, 17, 36, 46, 47, 50, 58, 67 — Соколова Могила; 10, 27, 34, 45, 53, 66 — Кобяково, курган 10 (Яценко 1992а, табл. 6, 1); 11 — Горгиппия, надгробие, 12 — колонна Траяна (Cichorius 1896, Taf. XXXV); 13 — Пантикапей (Ростовцев, 1913, табл. LXVI); 29 — Кобяково, курган 10; 6, 14, 15, 21, 32 — Косика, могила 1; 19 — Пантикапей (Ростовцев, 1913, табл. X, 2); 22 — Красногоровка III, курган 18/1; 24 — Ханата, курган 8/2; 25 — Пантикапей (Kieszeritzki, Watzinger 1909, Taf. XXVII); 26 — Заветное, стела 3 (Бахчисарайский музей, 1973, с. 16); 28 — Пантикапей (Ростовцев 1913, табл. XCIII, 1); 31 — Заветное, могила 43; 34 — Первомайский, VII, курган 14/3; 35 — колонна Траяна (Cichorius 1896 I, Taf. XXXVII); 37 — Кобяково, курган 1983 г.; 38 — Южно-Донузлавское; 39 — Михайловская, курган 9/25; 40 — Закапальский, курган 10; 41 — Бельбек IV; 42 — Семеновка, могила 2; 43 — Золотое, могила 52/3; 44 — Хохлач; 48 — Пороги, могила 2; 49 — Комсомольский, могила 2; 51, 65 — Сватова-Лучка, курган 3; 52, 63 — Заветное, могила 8; 54 — Бережновка, курган 57/1; 55 — Кобяково, могила 36/1961 г.; Заветное, могила 10; Старокорсунская, могила 81; 56 — Заветное, могилы 25/1 и 125; 57 — Михайловская, курган 9/25; 59 — Кобяково, могилы 16 и 34/1985 г.; 60 — Кобяково, могила 42/1985 г.; 61 — Сладковка, курган 14; 62 — Заветное, могила 7; 64 — Харьковка, курган III-16; Танаис, могила 68
- Рис. 86.** Костюм аланов и сарматов середины II — середины III в. н.э. (рисунки и реконструкции автора)

1 — Честер, надгробие; 2 — Ростов, курган 1983 г.; 3, 7 — Пантикапей (Ростовцев 1913, табл. LXXIII, f 5); 4, 15 — Неаполь Скифский (Веселовский 1891); 5 — Закубанье, всадник (терракота); 6 — Пантикапей (Ростовцев 1913, табл. LXXIX); 8 — Лебедевка VI (меч); 9 — Илурат (фигурка всадника); 10 — Пантикапей (Ростовцев 1913, табл. LXXXI, 2); 11 — Танаис, могила/1972 г.; 12–14 — Пантикапей (Ростовцев 1913, табл. LXXXI, 2; LXXXVIII, 2); 12 — Заветное, могила 217; 16, 17, 20 — Танаис, рельеф Трифона; 18 — Танаис, курган 10/31; 19 — Неаполь Скифский, здание А (Дашевская 1962, рис. 12); 21 — Танаис, курган 22/8; 22 — Лебедевка V, курган 23/1; 23 — Пантикапей, склепы 1872 и 1875 гг.; 24 — Горгиппия, терракота; 25 — Еруслан, курган 1; 26 — Еруслан II, курган 1; Кано, могила В-6; Харьковка, курган III–13; 27, 44, 46, 57 — Высочино V, курган 18/1; 28 — Пантикапей, терракота; 29 — Харьковка, курган III–6; 30 — Роговское 1, каменная фигурка; 31, 49, 58 — Усатово, курган F-16; 32 — Криничное, могила 6; 33 — Танаис, курган 22/4; 34 — оз. Батырь; 35 — Валовый I, курган 9/1; Озерное II, могила 8; 37 — Озерное II, могилы 14, 64; 38 — Озерное II, могила 6; 39 — Новоалександровка I, курган 20/1; 40 — Танаис, погребение 1976 г.; 41 — Высочино I, курган 10/1; 42 — Бельбек IV, могила 8; 43 — Марьино, надгробие; 47 — Еруслан II, курган 1; 48 — Танаис, могила 2/1974 г. (274); 50 — Короли, курган 12; 51 — Танаис, курган 22/7; 52 — Каменка, курган Е-8; 54 — Танаис, курган 10/23; 55 — Танаис, курган 22/4; 56 — Танаис, погребение 254; 59 — Богодар

Рис. 87. Костюм аланов и сарматов середины III — конца IV в. н.э. (рисунки и реконструкции автора)

1 — Тамань, курган 1859 г.; 2, 6, 11, 14, 16, 17, 20 — Гальберштадтский собор (диптих); 3 — бронзовый идольчик; 4, 10, 13, 15 — медальон Констанция II 358 г. из Верховни; 5, 7, 18 — инталья из Абхазии; 8 — хут. Октябрьский, пряжка; 9 — Шипово, курган 3; 12 — Высочино VII, курган 12/1; 19 — Керчь, коллекция И. Диргардта; 21 — Танаис, могила 24/1982 г. (309); 22 — Танаис, могила 295; 23 — Боканский, могила 5; 24 — Танаис, могила 15/1984 г.

Рис. 88. Мужской и женский костюм на изображениях ранне- и среднесарматского времени: 1 — Филипповка; 2 — Мерджаны; 3 — Галиче (рисунки автора); 4 — Косика (Яценко 2000в, рис. 1)

Рис. 89. Мужской костюм 1 — середины II в. н.э.: 1 — Кобяково; 2 — Соколова Могила; 3 — Кочковатка; 4–5 — Заветное (Яценко 1992а)

Рис. 90. Мужской и женский костюм на изображениях середины II — середины III в. н.э.: а — Честер (Sulimirski 1970); б — Джан-Баба (Марьино)

Рис. 91. Сарматские персонажи начала I — середины II в. н.э. в искусстве греков Боспорского царства (Яценко 2004а, с. 313): 1 — склеп Анфестерия (Керчь); 2 — склеп 1872 г. (Керчь); 3 — «склеп Ашика» (Керчь); 4 — «Кубанский» серебряный ритон 1889 г. (фрагменты); 5 — терракотовая фигурка (Фанагория)

Рис. 92. Керчь, склеп Ашика. Стенная роспись со сценой поединка боспорских (слева) и сарматских (справа) воинов (Ростовцев 1913, табл. LXXXVIII)

Рис. 93. Соколова Могила. Вышивка подола женского платья золотой нитью на шелковой ткани (фото А.К. Елкиной)

Рис. 94. Застежки и украшения на груди женского платья (начало I — начало III в. н.э.): 1 — ст. Михайловская, курган 9/25/1985 г. (фото В.Н. Каминского); 2 — Мирмекий, 1984 г. Керченский музей, инв. № КА-574 (фото Е.А. Молева); 3 — Валовый I, курган 9/1, 1987 г. (по Е.И. Беспалому)

Рис. 95. Ст. Михайловская, курган 9/25, 1985 г., деталь (на основе полевого чертежа В.Н. Каминского). Обшивки элементов одежды: 1 — головное покрывало; 2 — нагрудник; 3 — обшлага

Рис. 96. Ново-Александровка I, курган 20/1, 1984 г. Декор женского платья (с полевого чертежа Е.И. Беспалого): а — область груди; б — область кисти правой руки

Рис. 97. Песчаный, могила 10 (реконструкция костюма автором, рисунок М.В. Горелика)

Рис. 98. Соколова Могила. Реконструкция женского костюма (А.К. Елкина, Г.Т. Ковпаненко) (Ковпаненко 1986, рис. 133)

Рис. 99. Пороги, погребение 1. Реконструкция мужского костюма А.В. Симоненко (Симоненко, Лобай 1991, рис. 28)

Рис. 100. Реконструкция костюма девочек из погребений второй половины II — середины III в. н.э. из некрополя Танаиса: 1 — курган 22/4, 1977 г.; 2 — курган 10/23, 1977 г. (рис. автора)

Рис. 101. Обшивка краев головного покрывала девочки-подростка: Новочеркасск, погребение, исследованное в 1973 г. (фото предоставлено В.Е. Максименко) (череп и правое крыло снесены строителями)

Рис. 102. Войлочный башлык из кургана 1859 г. под Фанагорией. Эрмитаж, инв. № Т 1859.20 (обмеры и рис. автора)

Рис. 103. Женские сарматские диадемы I–III вв. н.э. (Яценко 1986, рис. 1)

- Рис. 104.** Сладкова, курган 14/1978 г. (фото В.Е. Максименко): не тронутые грабителями амулетные ожерелья и декорированный золотом пояс
- Рис. 105.** Пороги, погребение 1. Парадный и портупейный пояса. Реконструкция А.В. Симоненко (Симоненко, Лобай 1991, рис. 27)
- Рис. 106.** Элементы бронзового пояса с инкрустацией. Первомайский VII, курган 14/3/1984 г. (рисунок В.И. Мамонтова)
- Рис. 107.** Элементы декора поясов середины II — середины III в. н.э. из некрополя Танаиса (раскопки В.В. Чалого) (рис. автора). 1 — курган 10/31/1976 г.: *а-б* — ременные детали; *в* — деревянная пуговица; *г* — бронзовая деталь; *д* — стеклянная бусина без отверстия; 2 — курган 10/33/1976 г.: *а-г* — ременные детали; *д* — бронзовая пряжка; *е* — бронзовые детали
- Рис. 108.** Песчаный, погребение 10. Золотые подвески ремня и застёжки женских туфель (фото А.М. Ждановского)
- Рис. 109.** Килен-Балка, склеп 3/3/1991 г. Цельнокроеная обувь (поршни) (рис. Т.А. Крупы)
- Рис. 110.** Тилля-тепе. Могила 3. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 1)
- Рис. 111.** Тилля-тепе. Могила 1. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 2)
- Рис. 112.** Тилля-тепе. Могила 1. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 3)
- Рис. 113.** Тилля-тепе. Могила 6. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 4)
- Рис. 114.** Тилля-тепе. Могила 4. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 5)
- Рис. 115.** Тилля-тепе. Могила 2. Детали костюмного декора (Yatsenko 2001, pl. 6)
- Рис. 116.** Тилля-тепе. Могила 1. Реконструкция женского костюма автором (рис. Е.А. Куркиной)
- Рис. 117.** Тилля-тепе. Могила 2. Реконструкция женского костюма автором (рис. Е.А. Куркиной)
- Рис. 118.** Тилля-тепе. Могила 3. Реконструкция женского костюма автором (рис. Е.А. Куркиной)
- Рис. 119.** Тилля-тепе. Могила 4. Реконструкция мужского костюма автором (рис. Е.А. Куркиной)
- Рис. 120.** Тилля-тепе. Могила 6. Реконструкция женского костюма автором (рис. Е.А. Куркиной)
- Рис. 121.** Мужской костюм юэчжей/кушан (Yatsenko 2001, pl. 12)
- Правители:* Герай — 29; Куджула Кадфиз — 12; Вима Такто — 43, 68, 95; Вима Кадфиз — 70; Канишка I — 15, 45, 46, 56, 59, 78, 92; Хувишка — 24, 39, 40, 42, 53, 54, 64, 69; Васудэва — 52; Васишка — 66; Канишка III — 44, 91
- Пункты находок:* Матхура — 104; Дальверзин-тепе — 6, 12, 33, 35, 65, 73, 74, 86, 99, 101, 102; Халчаян — 8, 9, 13, 14, 19, 26–29, 65, 84, 93; Тилля-тепе — 22, 67, 72, 81, 90, 96, 103; Сурх-Котал — 45, 55, 56, 82, 92; Тахти-Сангин — 4, 31, 47, 88, 100; Айртам — 34, 36, 37, 61; Кампыр-тепе — 17, 32, 69; Гульбиян — 38, 86, 89; Пешавар — 11, 57, 87; Чим-Курган — 4, 25; Беграм — 18; Дильберджин — 21; Барат-тепе — 28; Саксан-Охур — 48; Бьюнер — 66
- Рис. 122.** Женский костюм юэчжей/кушан (Yatsenko 2001, pl. 13)
- Пункты находок:* Тилля-тепе — 4, 7, 8, 12, 18, 20, 25, 26, 28, 30, 37, 38, 45, 46, 50, 51; Дальверзин-тепе — 1–3, 11, 13, 17, 21–23, 33–35, 44; Халчаян — 14, 16, 20, 27, 40, 42, 49; Барат-тепе — 41; Айртам — 9, 39; Ялангуш-тепе — 10
- Рис. 123.** Костюм юэчжей/кушан. Дополнительная таблица (рис. автора)
- 1, 4 — Аб, табл. LI; 2, 8, 13 — Кр, рис. 54; 2а — Пугаченкова 1982, рис. 181; 2б, 3 — Сi, cover; 5 — Invernizzi 1990, fig. 11; 6, 7 — Пу, рис. 141; 9, 12 — Абдуллаев 2000, рис. 2; 10–11 — Пу, рис. 153; 14 — Pugačenkova 1992, fig. 1; 15 — Heirs 1997, № 63; 16 — Kato 1992, fig. 5
- Правители:* Хувишка — 5
- Пункты находок:* Дальверзин-тепе — 6, 7, 10, 11; Дильберджин — 2, 2а, 8, 13; Паенкурбан — 9, 12; Фаяз-тепе — 1, 4, 16; Чакмак-тепе — 14
- Рис. 124.** Мужской костюм кушан на изображениях: 1 — Тахти-Сангин, ларец; 2 — Саксан-Охур, пряжка
- Рис. 125.** Сурх-Котал. Статуя Канишки I (Ghirshman 1962, fig. 361)
- Рис. 126.** Халчаян. Кушанский князь. Глиняный рельеф (Пугаченкова 1971, рис. 68)
- Рис. 127.** Айртамский фриз. Барабанщик (Stawiski 1979, fig. 81)
- Рис. 128.** Матхура. Голова юноши (Rosenfield 1967, pl. 16)
- Рис. 129.** Дальверзин-тепе. Голова князя (Stawiski 1979, fig. 96)

- Рис. 130.** Кушанские монеты: 1 — Канишка I (Puri 1994, fig. 4); 2 — Хувишка (Invernizzi 1990, fig. 11)
- Рис. 131.** Матхура. Группа адорантов у статуи Будды (Rosenfield 1967, pl. 33)
- Рис. 132.** Кустанай. Серебряное блюдо. Деталь. Богиня Ордохшо (Ghirshman 1962, fig. 357)
- Рис. 133.** Айртамский фриз. Арфистка (Stawiski 1979, fig. 80)
- Рис. 134.** Погребальный костюм купца (предполагаемого кушанина) из могильника Цзиньлань в Восточном Синьцзяне, начало III в. н.э. (Archaeological Treasures 1998; Синьцзян каогу 1999)
- Рис. 135.** Костюм хорезмийцев II–III вв. н.э. (рис. автора)
 1 — ТК, рис. 37; 2, 12 — ТК, рис. 48; 3 — ТК, с. 123–124; 4 — ТК, рис. 40; 5 — ТК, рис. 63; 6–7 — Вн, табл. X, 1–2; 8 — Р, рис. 22; 9 — Р, ил. 22–23; 10 — ТК, рис. 64; 10а — Рапопорт 1971, рис. 31; 11 — Р, ил. 53; 13 — Вн, табл. XXI, А–III; 14 — Р, ил. 49; 15 — ТК, рис. 24, 3; 16 — ТК, рис. 34; 17 — ТК, рис. 84, 6–7; 18 — ТК, с. 102; 19 — ТК, рис. 53; 20 — Р, рис. 38; 21 — Р, ил. 50; 22–23, 37 — Р, ил. 57; 24 — ТК, с. 161; 25 — Р, ил. 55; 26 — ТК, рис. 27, 2; 27 — Толстов 1962, рис. 47; 28 — ТК, с. 58; 29 — ТК, с. 58, рис. 26; 30 — ТК, с. 154; 31 — Р, ил. 59; 32 — Толстов, 1962, рис. 61; 33 — ТК, с. 61; 34 — Топрак-кала, помещение 85; 35 — Р, ил. 35; 36 — Р, рис. 37; 38 — ТК, с. 122
- Рис. 136.** Топрак-кала. Высокий дворец. «Червоная дама» («Женщина с нитью») (Рапопорт, Наразик, Левина 2000, ил. 50)
- Рис. 137.** Мужской костюм индо-скифов (Yatsenko 2001, pl. 14)
Пункты находок: Таксила — 10, 12, 22, 41, 52, 54, 63; Бьюнер — 6, 17, 21, 37, 49, 55, 61, 65; Шоторак — 1, 20, 25, 43, 47, 56; Шахри-Бахلول — 34–36, 39, 46, 50, 51, 53, 62; Хадда — 11, 16, 25, 31, 38, 40; Буткара — 4, 14; Матхура — 23, 42; Такал — 58; Паитава — 60; Гульбиян — 48
Правители: сатрап Кастана — 23, 42
- Рис. 138.** Женский костюм индо-скифов (Yatsenko 2001, pl. 15)
Пункты находок: Хадда — 4, 6, 26, 27, 38, 41, 43; Сиркап — 32, 34, 39; Тахти Бахти — 28, 37; Шоторак — 3, 25; Паитава — 32
- Рис. 139.** Хадда. Изображение молящегося (Rosenfield 1967, pl. 94)
- Рис. 140.** Матхура. Статуя сатрапа Кастаны. Пояс (Rosenfield 1967, pl. 3)
- Рис. 141.** Изображение крылатого персонажа (Bussagli 1984, p. 117)
- Рис. 142.** Матхура. Изображение супругов-донаторов (Bussagli 1984, p. 140)
- Рис. 143.** Шахри-Бахلول. Изображения молящихся (Rosenfield 1967, pl. 67, 68)
- Рис. 144.** Таксила. Ступа Дхармараджика. Персонажи в индо-скифском костюме (Rosenfield 1967, pl. 55)
- Рис. 145.** Бьюнер. Рельеф с изображением музыкантов (Rosenfield 1967, pl. 58)
- Рис. 146.** Буткара. Капитель с изображением женского и мужского персонажей (Bussagli 1984, p. 73, fig. 2–3)
- Рис. 147.** Шоторак. Рельеф с изображением музыкантов и танцовщиц (Пугаченкова 1982, рис. 149)
- Рис. 148.** Гандхара. Фигуры молящихся (Rosenfield 1967, pl. 112)
- Рис. 149.** Таксила. Молящиеся перед Буддой (Пугаченкова 1982, рис. 97)
- Рис. 150.** Чарсада. Рельеф «Отрок Садхартха едет в школу» (Bussagli 1984, p. 178, fig. 2)
- Рис. 151.** Орлат. Поясная пластина со сценой охоты (Яценко 2000в, рис. 2)
- Рис. 152.** Мужской костюм согдийцев I–III вв. н.э. (номера рисунков даны по: Мешкерис 1989) (рис. автора)
 1 — рис. 53, 1; 2 — рис. 14, б; 3 — рис. 19, б; 4 — рис. 14, г; 5, 16, 22 — рис. 43; 6 — рис. 14, г; 7 — Shishkina 1994, fig. 6; 8 — рис. 5 (г, д); 9 — рис. 46; 10, 18, 19, 21 — рис. 47; 11 — рис. 42; 12 — рис. 44; 1; рис. 49; 14, 23 — рис. 48; 15 — Shishkina 1994, fig. 5; 17 — рис. 18, 1–2; рис. 20 — рис. 43
- Рис. 153.** Женский костюм согдийцев I–III вв. н.э. (номера рисунков даны по: Мешкерис 1989) (рис. автора)
 1 — рис. 35; 2 — рис. 41, 2; 3 — рис. 5, 1–2; 4 — рис. 19, в; 5 — рис. 10, 2; 6 — рис. 72; 7 — рис. 26; 8 — рис. 26, б; 27, б; 9 — рис. 32–33, 69; 10 — рис. 28, 1–3; 11 — рис. 22; 12 — рис. 36; 13, 14 — рис. 24; 15 — рис. 31, 1; 16 — рис. 37, 38; 17 — рис. 39, 1; 40, 1; 18 — рис. 19, б; 19 — рис. 25; 20 — рис. 54; 21 — рис. 20, в; 22 — рис. 34; 23 — рис. 9, д; 24 — рис. 17, б; 25 — рис. 26, 33–34; 26 — рис. 35; 27 — рис. 17, а; 28 — рис. 34, 36; 29 — рис. 9, а; 30 — рис. 9, в; 31 — рис. 20, в; 32, 34 — рис. 33; 33 — рис. 36; 35 — рис. 31, 1; 36 — рис. 20, 1; 37 — рис. 73; 38 — рис. 56; 39 — рис. 37, 54; 40 — рис. 34; 41 — рис. 20, в; 42 — рис. 20, б; 43 — рис. 73

Рис. 154. Костюм Хотана II–VIII вв. н.э. (Яценко 2000б, табл. 56)

Пункты находок: Йоткан — 1–3, 7, 14; Равак — 4–5; Балавасте — 6, 11, 12; Дандан-уйлык — 8, 16; Тарышлак — 13

Рис. 155. Прически и головные уборы Хотана (II–X вв. н.э.) (Яценко 2000б, табл. 55)

Пункты находок: Йоткан — 1–33; Равак — 26; Дуньхуан, пещера 61 — 34, 35

Рис. 156. Йоткан. Терракотовые головки II–IV вв. н.э. (Дьяконова, Сорокин 1960, табл. 23)

Глава 3

Рис. 157. Мужской костюм сасанидского Ирана раннего периода (рис. автора)

1, 47a — Л, с. 163; 2, 15, 35, 45 — F, fig. 29; 3 — Ch, fig. 11; 4, 12 — V, fig. 8; 5 — V, fig. 9, 11; 6 — Ch, pl. II; 7a — G, fig. 56; 8, 25, 46, 67 — von Gall 1990, fig. 3; 10 — Л-1, рис. 21; 11 — Gy, fig. 1; 13 — G, fig. 212; 14 — Ch, pl. I; 16 — Л, с. 155; 17 — Ch, fig. 10; 18, 34 — Tn, fig. 2; 19 — Co, p. 171; 20, 31 — G2, fig. 223; 21 — Gy, fig. 8, j; 22 — Л, с. 156; 23, 73, 76 — рисунок автора (НМИ); 24 — V, pl. 18; 24a — G2, fig. 57; 25 — Herrmann 1989, fig. 2; 26 — V, pl. 22; 27 — Nikitin 1999, fig. 1; 28 — V, pl. 20; 28a — G2, fig. 209; 30 — Gy, fig. 8, i; 33 — Л-1, рис. 1; 36 — Co, pl. 174; 37 — Co, pl. 171; 38, 45, 45a — V, fig. 9; 39 — Harper, 1981, fig. 10; 39a — Ch; 40, 61, 83 — G2, fig. 254; Л-1, рис. 6; 41, 54, 77 — G2, fig. 234; 43, 73 — Gy, fig. 11, d; 44 — G2, fig. 56; 46a — С, табл. XXV, No. 53; 47 — G2, fig. 196; 48 — Л-1, рис. 19; 49, 50 — Gy, p. 135; 51 — G2, fig. 233; 52 — Co, pl. 174; 53 — Л-1, рис. 2; 55 — G2, fig. 259; 56 — Co, pl. 172; 57 — G2, fig. 196; 58 — Л-1, рис. 6; 59 — V, fig. 10; 60, 63, 74 — V, fig. 8; 62 — V, fig. 9; 64 — Co, pl. 188; 66, 68, 84 — F, fig. 29; 69 — С, табл. XXXI, № 59; 70 — Co, pl. 171; 71 — Л-1, рис. 2; 72 — Harper, Meyers 1981, pl. 16; 75 — Л-1, рис. 2; 78 — Co, pl. 172; 79 — Ch, fig. 13; 80, 81 — См, табл. XXVI, № 55; 82 — Tn, fig. 1; 85 — V, pl. 32; 86 — V, fig. 10; 87 — V, pl. 22

Правители: Арташир I — 24, 39a, 46, 63, 65, 74; Шапур I — 18, 25, 26, 28a, 36; Хормизд I — 18; Варахран I — 14, 27; Варахран II — 10, 34; Нарсе — 85; Арташир II — 51, 79; Варахран V — 78

Рис. 158. Мужской костюм сасанидского Ирана позднего периода (рис. автора)

1 — Juliano, Lerner 2001, p. 307; 2, 49 — G2, fig. 253; 3, 28 — G2, fig. 289; 4, 21, 47 56, 57 — Л-1, рис. 9; 5, 10, — Тл, цв. фото 18; 5a, 11a, 18, 45, 59 — См, табл. XLVIII, № 70; 6, 13, 20 — Л, с. 215; 7, 36 — F, fig. 40; 9 — Co, pl. 173; 11 — См, табл. CIV, № 86; 12 — F, fig. 46, b; 14, 15 — рис. автора (МРА, блюдо со сценой охоты); 38 — Л, с. 183; 16 — ТЛ, табл. 33; 17, 35, 48 — Fu, pl. II; 19 — F, fig. 44; 21a, 55a — Л-1, рис. 8; 226 26 — G2, fig. 242; 23 — G2, fig. 401; 23a — ТЛ, цв. фото 75; 24, 50 — F, fig. 39; 25, 53 — G2, fig. 258; 25a — См, табл. XLVI № 39; 26, 54, 61 — См, табл. XLVIII, № 82; 27, 32 — F, fig. 45; 29, 39, 52 — См, табл. XXXVII, № 66; 33, 34, 55 — Gu, p. 131; 34a — ТЛ, цв. фото 19; 37 — F, fig. 43; 40 — F, fig. 42; 41 — F, fig. 46, a; 42 — F, fig. 45; 43 — F, fig. 44; 44 — F, fig. 64; 46 — См, табл. XLVIII, № 66; 51 — G2, fig. 289; 58 — Harper, Meyers 1981, pl. 27; 59 — Co, pl. 188; 60 — Curtis, Simpson 1998, fig. 2

Правители: Хосров I — 23, 31; Хосров II — 47; Арташир III — 17, 19, 35, 36, 48

Рис. 159. Женский костюм сасанидского Ирана: *a* — ранний период; *b* — поздний период (рис. автора)

1, 11a — V, fig. 9; 2 — Л, с. 155; 3 — G2, fig. 230; 4 — G2, fig. 268; 5 — G2, fig. 182; 6, 11 — Ch, fig. 11; 7, 13 — Tn, fig. 2; 8 — Л-16 рис. 21; 9, 10 — G2, fig. 181; 12 — G2, fig. 56; 14–16, 21, 40, 41, 46–48 — См, табл. XVII, № 40; 18 — Л, с. 181; 19 — Л-1, рис. 16; 20 — См, табл. XLVI, № 80; 21a — Gu, p. 161; 22 — Л-1, рис. 12; 22a — ТЛ, цв. фото 28; 23 — Л, с. 151; 24 — Л, с. 195; 25 — G, fig. 296; 26 — G2, fig. 258; 27, 36 — Л-1, рис. 11; 28, 38 — Gu, p. 132; 29, 42, 44 — Л, с. 218; 30 — G2, fig. 257; 31, 32, 45 — См, табл. XXVII, № 66; 32a — Fu, pl. 4; 33 — F, fig. 41; 34 — G2, fig. 259; 35 — См, табл. XXVII, № 50; 37 — G2, fig. 256; 39 — C2, табл. XLVII, № 81; 42 — Л-1, рис. 16; 42a — ТЛ, цв. фото 36, 40; 43 — См, табл. XLI, № 79; 46a — ТЛ, цв. фото 18; 49 — Кошеленко 1977, рис. 82

Правительницы: Денак — 1, 2, 11a; Шапурдхтак — 7, 8; Буран — 23

Рис. 160. Бишапур. Инвеститура Варахрана II. Фрагмент (Ghirshman 1962, fig. 211)

Рис. 161. Персеполь. Сасанидские аристократы. Граффити из Гарема (P. Calmeyer)

Рис. 162. Изображения шаханшахов: 1 — портрет семьи Варахрана II на монете (предоставлено Н.М. Смирновой, Отдел нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина, инв. № 224246); 2 — Анахита, Арташир III и Ахура-Мазда в Большом гроте Так-и Бустана (Fukai and oth. 1984)

Рис. 163. Блюдо с изображением Варахрана II на охоте (Ghirshman 1962, fig. 250)

Рис. 164. Блюдо с изображением Пероза на охоте (Луконин 1960, рис. 8)

Рис. 165. Блюдо с изображением Хосрова I на троне. Деталь (Ghirshman 1962, fig. 401)

Рис. 166. Ткань из Антинои с изображением Хосрова на троне и сцены сражения (Ghirshman 1962, fig. 289)

Рис. 167. Мерв. Расписная ваза-оссуарий. Пирующий правитель (Луконин 1977, с. 215)

- Рис. 168.** Блюдо с изображением пирующей царской пары (Ghirshman 1962, fig. 259)
- Рис. 169.** Изображения сасанидской знати на печатях (Ghirshman 1962, fig. 294)
- Рис. 170.** Так-и Бустан. Арташир III на охоте (Fukai and oth. 1984, fig. 44)
- Рис. 171.** Так-и Бустан. Персонажи, сопровождающие Арташира III на охоте (Fukai and oth. 1984, fig. 39, 44, 45)
- Рис. 172.** Салоники. Триумфальная арка Галерия. Эпизод битвы с персами (Panahatzis, Niconanos 2000, fig. 42)
- Рис. 173.** Равенна. Церковь Сант Аполлинаре Нуово. Три волхва. Мозаика (фото М.Н. Бутырского)
- Рис. 174.** Северный Китай. Мраморная панель погребального ложа с изображением зороастрийского ритуала. Музей Михо (Lerner 1995, pl. 1)
- Рис. 175.** Передняя часть пояса. Золото, лазурит, гранаты (Украшения 1999, с. 83)
- Рис. 176.** Бишапур. Женское изображение на мозаике (Ghirshman 1962, fig. 181)
- Рис. 177.** Блюдо с изображением богини Анахиты (Луконин 1960, рис. 11)
- Рис. 178.** Чаша с изображением танцовщиц (Луконин 1960, рис. 12)
- Рис. 179.** Чаша с изображением танцовщиц (Смирнов 1909, табл. XVII, № 40)
- Рис. 180.** Костюм Согда на терракотах V–VIII вв. н.э. (номера рисунков даны по: Мешкерис 1989) (рис. автора)
- 1 — рис. 93, 12; 94, 12; 2, 22 — Древности... 1985, № 486; 3 — 79, 1а; 179, б; 4 — рис. 112, ж; 5 — Рис. 111, 1 в; 6 — рис. 179, 1; 7 — рис. 135, 1; 8 — рис. 141, 2; 9 — рис. 87, 11; 10 — рис. 87, 9; 11 — рис. 85; 12 — рис. 84, а; 13 — рис. 95, 7; 14 — рис. 82, 1; 15 — рис. 82, 3; 16 — рис. 80, а; 17 — рис. 112, а; 17а, 25 а — рис. 96, 1; 19, 20 — рис. 146; 21 — рис. 160; 23 — рис. 171; 24, 28 — рис. 116, 1; 25 — рис. 119, 1а; 26 — Marshak, Raspopova 1994, fig. 13, 16; 27 — рис. 111, 1; 29 — рис. 144, 3; 30 — рис. 155, а; 31, 36 — рис. 127–128; 32 — Belenizki 1980, S. 147; 33 — рис. 137–139; 34 — рис. 197; 35 — рис. 125, 1; 37 — Древности... 1985, № 498; 38 — рис. 152; 39 — рис. 124; 40 — рис. 162
- Рис. 181.** Мужской костюм Согда V–VIII вв. н.э. (рис. автора)
- 1 — Б, табл. 11; 2, 74а — Б, с. 15; 3, 44 — Д, № 568; 4, 51 — Б, табл. 33; 5, 8, 41, 56, 66 — Б, с. 16; 5а, 34, 42 — Ма, fig. 22; 6, 24 — В, S. 110; 6а — Ма, fig. 26; 7, 16, 54, 56, 82, 85 — Б, с. 21; 9 — Ж, табл. XII; 10 — Б, табл. 26; 10а — 16а, 16б — MN, fig. 34; 11, 60 — Б, с. 24; 12, 28 — Zeimal', 1994, fig. 2 (5, 13); 13 — СЖ, табл. XXIV; 14, 79 — Б, с. 20; 15 — Ж, табл. IX–X; 16а, 16б — MN, fig. 44, 46; 18 — В, Taf. 61; 19, 37, 52, 69 — Ж, табл. VIII; 21 — СЖ, табл. XV; 22, 26, 30 — Б, с. 12; 17, 55, 93 — Б, табл. 10; 23, 48, 70, 83 — Д, № 565; 25 — Б, табл. 3; 27 — Б, с. 24; 29 — Б, с. 10; 31 — Д, № 595; 32, 53, 71, 86 — III, табл. XIV; 33, 45, 76 — Б, с. 30; 34, 56 — Б, с. 18; 35, 68, 96 — СЖ, табл. IV; 36, 95 — Б, табл. 28; 38 — Ру, fig. 4, b; 39 — Б, с. 25; 40, 62а — Б, с. 28; 42а — Ма, fig. 28; 43 — Ж, табл. XI; 46, 74 — Ру, fig. 15; 47 — Б, табл. 19; 49 — MR, fig. 4, 5, 7; 50, 89 — Ж, табл. XVII; 65б, 84 — Б, с. 32; 57 — Б, табл. 5; 58 — Ж, табл. XX; 59, 61, 65в, 73а, 81, 91 — Б, табл. 2; 60 — Б, табл. 3; 62, 67 — Б, табл. 26; 64 — Ра, рис. 11; 65 — Ма, fig. 16; 65а — MR, fig. 4; 68а — В, S. 111; 72, 90 — Б, табл. 20; 73 — Ра, рис. 19; 75 — Б, табл. 26; 77 — Ж, табл. XIV; 78, 80 — Б, табл. 23; 85 а–в — рисунки И.А. Аржанцевой; 87 — Маршак, Расопова 2001, рис. 82–83; 88 — Д, № 598; 92 — СЖ, табл. IV; 94 — Маршак, Расопова 2000, рис. 84; 97 — В, S. 114
- Пункты находок* помимо Пенджикента: Варахша — 32, 53, 71, 86; Краснореченск — 46, 74; Кухи Сурх 31, 88; Ак-Курган — 38
- Рис. 182.** Женский костюм Согда V–VIII вв. н.э. (рис. автора)
- 1 — Д, № 569; 2, 33 — Б, с. 12; 3 — Д, № 590; 4 — В, S. 112; 5 — Шишкин 1963, табл. XIII; 5а — В, S. 142; 7, 31 — Б, табл. 10; 8, 35 — Б, табл. 3; 9, 21 — Р, fig. 4, b; 10 — Б, табл. 26; 11, 24 — Б, табл. 16; 12, 16, 20, 30 — СЖ, табл. IX; 13, 32 — Ж, табл. XXI; 14 — Б, с. 11–12; 15 — Б, табл. 1; 16 — Беленицкий, Маршак, Расопова 1991, рис. 6; 17 — Б, с. 30; 18 — В, S. 111; 19 — Б, с. 31; 22 — Ж, табл. XXII; 23 — Marshak 1990, fig. 16; 25 — Б, с. 23; 26, 36 — Б, табл. 16; 27, 34, 37, 38, 42 — Б, табл. 1; 27а — Б, с. 29; 28 — Маршак, Расопова, Шкода 1999, рис. 70; 29 — Б, с. 14; 39 — Р, fig. 14; 41 — Б, с. 14
- Пункты находок* помимо Пенджикента: Ак-Курган — 9, 21; гора Муг — 3; Варахша — 5; Канка — 40
- Рис. 183.** Пенджикент. Помещение VI/1. Беседующие аристократы (Живопись... 1954, табл. XXXVI)
- Рис. 183а.** Пенджикент. Помещение XXI/3. Беседующие аристократы (Belenitzki 1980, S. 118)
- Рис. 184.** Пенджикент. Помещение XVI/10. Пирующие аристократы (Belenitzki 1980, Taf. 38)
- Рис. 185.** Пенджикент. Помещение I/10. Сцены пира и жертвоприношения (Живопись... 1954, табл. VII)
- Рис. 186.** Пенджикент. Помещение VII/24. Донаторы перед танцующим божеством (Belenitzki 1980, S. 197)

Рис. 187. Пенджикент. Помещение XXI/1. Похороны девы-воительницы (Belenitzki 1980, S. 118)

Рис. 188. Пенджикент. Помещение VI/8. Сидящие женщины (Скульптура и живопись... 1959, табл. X)

Рис. 189. Мужской костюм Тохаристана (рис. автора)

1 — К, рис. 21; 2 — А, рис. 148; 2а — Абдуллаев 1991, рис. 1–2; 3 — См, табл. СХХV, № 310; 3а — Рахмонов 2001, рис. 46; цв. табл. 9; 4 — Н, fig. 183–184; 5, 57, 61, 82а — Ghirshman 1962, fig. 233–234; 7 — фото В.В. Колоды; 8, 10, 13, 27, 42, 49, 53, 54, 58, 62, 72–79, 82, 83 — К, рис. 2; 9 — А, рис. 98; 11 — К, рис. 24; 12, 47, 48, 51 — К, рис. 19; 14 — К, рис. 18; 15, 17, 31, 55, 66, 67, 81 — См, табл. ХХХVІІІ, № 67; 16, 45 — Литвинский, Зеймаль 1971, табл. 5–6; 18, 46, 71 — Д, с. 165; 19 — Д, с. 171; 20, 36 — Д, № 468; 21, 39 — Т, fig. 62; 22а — А, рис. 127; 23 — Са, cat. U.7.37; 24 — Са, cat. 7.38, 7.41; 25 — Са, cat. 7.28, 7.34; 26 — Са, cat. 7.42; 28 — К, рис. 21, 23; 29 — А, рис. 100; 30 — А, рис. 102; 32–34, 40, 88 — Tr, pl. A 1; 35 — А, рис. 107; 37, 50, 68 — Н, fig. 199; 41, 86 — Н, fig. 190–193; 43 — А, рис. 109; 44 — А, рис. 116; 51а, 60 — Tr, fig. 89; 52, 80 — К, рис. 56; 56а — К, рис. 16; 59 — Д, № 462; 60а — Т, fig. 119; 63–65 — А, рис. 114; 70 — А, рис. 123; 84 — А, рис. 115; 85 — А, рис. 114; 87 — Н, fig. 179; 89 — Д, № 484

Пункты находок: Дильберджин — 1, 8, 10–14, 27–28, 42, 47–49, 51–54, 56а, 58, 62, 72–79, 80, 82–83; Балалык-тепе — 2, 9, 22а, 29, 30, 35, 43–44, 63–65, 70, 84–85; Бамиан — 21, 32–34, 39–40, 51а, 60–60а, 69, 88; Аджина-тепе — 16, 18, 20, 36, 45, 46, 59, 71; Фондукистан — 4, 37–38, 41, 50, 68, 86–87; Калаи-Кафирниган — 19, 89; Тепе-Маранджан — 22, 56; Термез — 7; Тавка — 3а; Так-и Бустан — 5, 57, 61, 82а; Датун — 2а

Рис. 190. Женский костюм Тохаристана (рис. автора)

1, 2, 17, 21, 29 — К, Рис. 56; 2а — Рх, рис. 47; цв. табл. 10; 3, 24 — См, табл. ХХХVІІІ, № 67; 3а — Рх, рис. 40; цв. табл. 6; 4 — Са, cat. U.7.42; 5, 26, 30 — Д, с. 171; 5а — Рх, рис. 34; 5б — Рх, рис. 36 и 37; цв. табл. 3 и 4; 6, 25 — Tr, pl. A 1, fig. 06; 7 — К, рис. 10; 8, 12, 23 — А, рис. 102; 9, 14 — А, рис. 98; 10, 13 — А, рис. 104; 11 — А, рис. 109; 14а — Д, № 482; 15 — Са, cat. U.7.41; 16 — Са, cat. 7.45; 18 — А, рис. 116; 19 — Д, № 470; 20 — Т, pl. D 53; 21а — А, рис. 116; 22 — А, рис. 104; 27, 31 — А, рис. 102, 104; 28 — А, рис. 100, 118; 32 — Tr, pl. A 1

Пункты находок: Дильберджин — 1, 2, 7, 17, 21, 29; Балалык-тепе — 8–14, 18, 21а, 22, 23, 27, 28, 31; Калаи-Кафирниган — 5, 14а, 19, 26, 30; Бамиан — 6, 20, 25, 32; Тавка — 2а, 3а, 5а, 5б

Рис. 191. Так-и Бустан. Поверженный хионитский правитель в сцене инвеституры Арташира II (Ghirshman 1962, fig. 234)

Рис. 192. Дильберджин. Фрагмент росписи помещения 6 (Кругликова 1979, с. 123)

Рис. 193. Балалык-тепе. Супружеская пара (Альбаум 1960, рис. 101)

Рис. 194. Балалык-тепе. Супружеская пара (Альбаум 1960, рис. 109)

Рис. 195. Мужской и женский костюм посольства Чаганиана (Yatsenko 2004, pl. 2)

1 — западная стена, фигуры 2–4; 2 — западная стена, фигуры 2, 3; южная стена, фигуры 9, 10; 3 — западная стена, фигура 4; южная стена, фигура 14; 4 — западная стена, фигура 3; 5 — западная стена, фигуры 2, 3; южная стена, фигура 10; 6 — западная стена, фигура 3; южная стена, фигура 9; 7 — западная стена, фигуры 2, 4; 8 — западная стена, фигура 2; 9 — южная стена, фигуры 9, 10; 10 — южная стена, фигуры 9, 10, 14; 11 — западная стена, фигура 4; южная стена, фигура 14; 12 — западная стена, фигуры 2 (3, 4?); 13 — южная стена, фигуры 9, 10, 14; 14, 15 — западная стена, фигура 3; 16 — западная стена, фигура 4; 17 — южная стена, фигура 14; 18 — западная стена, фигура 3; 19 — южная стена, фигура 10; 20 — западная стена, фигура 2; 21 — южная стена, фигура 15; 22 — западная стена, фигура 2 (в руках персонажа); 23 — западная стена, фигура 4; 24 — южная стена, фигура 5; 25 — южная стена, фигура 6; 26, 27 — южная стена, фигуры 6, 7; 28, 29, 30 — южная стена, фигура 6; 31 — южная стена, фигура 5

Рис. 196. Реконструкция мужской одежды из «Кургана» (Майтдинова 1992а, табл. 16)

Рис. 197. Реконструкция женской одежды из «Кургана» (Майтдинова 1992а, табл. 27)

Рис. 198. Элементы детской одежды из «Кургана» (Майтдинова 1992а, табл. 55)

Рис. 199. Афрасиаб. Чаганианские послы на верблюдах. Деталь (Альбаум 1975, табл. XXIV)

Рис. 200. Афрасиаб. Чаганианский всадник. Реконструкция (Альбаум 1975, рис. 13)

Рис. 201. Афрасиаб. Чаганианские женщины-всадницы. Реконструкция (Альбаум 1975, рис. 10)

Рис. 202. Раннесредневековый костюм хорезмийцев (рис. автора)

1, 4, 14 — С, табл. 87; 2, 5, 6, 8а, 12, 16–18, 29 — Р, ил. 31; 3, 8, 9 — Гу, ил. 28; 7 — Гу, рис. 31, Б; 10, 13 — С, табл. XVIII, № 45; 15 — Не, рис. 50, 1; 16 — Не, рис. 50, 2; 19, 22, 24, 26–28 — Р, рис. 21; 20, 31 — Гу, рис. 28; 23 — Я, цв. вклейка 3; 25 — Гу, рис. 29

Пункты находок: Ток-кала — 2, 3, 5–9, 12, 16–18, 21–22; Миздахкан — 19, 20, 23, 30, 31; 10, 13 — Верхне-Березовский; 1, 4, 14 — Нижне-Шахаровка; замок № 11 — 11; Якке-Парсан — 15

Рис. 203. Ток-кала. Крышка и стенка расписного оссуария (Рапопорт, Неразик, Левина 2000, ил. 31)

Рис. 204. Дандан-уйлык. Два святых всадника. Икона (Bussagli 1979, p. 59)

Рис. 205. Афрасиаб. «Сцена в лодке» (Альбаум 1975, рис. 21)

Рис. 206. Элементы костюма предполагаемых хотанских женщин в Афрасиабе (Yatsenko 2004, pl. I)

Глава 4

Рис. 207. Пальмира. «Парфянские» элементы мужского костюма на надгробиях (рис. автора)

1 — Sr, pl. III, 2; 2 — S, fig. 9; 3 — Tn, fig. 138; 4 — Tn, fig. 210–211; 5 — Tn, fig. 435–436; 6 — Sr, fig. 5; 7, 16 — Tn, fig. 375–378; 8 — Tn, fig. 134; 9 — Sr, fig. 14; 10 — Tn, fig. 443; 11 — Sr, pl. III, 1, 3; 12, 15 — Sr, pl. 1; 13 — Tn, fig. 441; 14 — Ghirshman 1962, fig. 79; 17 — Tn, fig. 402; 18 — Tn, fig. 239–240; 19 — fig. 251; 20 — Tn, fig. 273

Рис. 208. Пальмира и Айн Ароус (Сирия). «Парфянские» элементы мужского костюма на надгробиях (Seyrig 1937): 1 — изображение всадника (pl. III, I); 2 — сидящий персонаж (fig. 11)

Рис. 209. Пальмира. Мужское надгробие (Tanabe 1986, fig. 225–226)

Рис. 210. Пальмира. Женское надгробие (Tanabe 1986, fig. 251)

Рис. 211. Пальмира. Женское надгробие (Tanabe, 1986, fig. 273)

Рис. 212, а–б. Пальмира. Мужское надгробие. Детали (Tanabe 1986, fig. 378, 383)

Рис. 213. Пальмира. Парное надгробие (Tanabe 1986, fig. 420)

Рис. 214. Дидоплис Миндори. Костяные пластины с охотничьими сценами (Gagoshidze 1992, fig. 13)

Рис. 215. Дандан-уйлык. «Иранский бодхисатва». Икона (Живопись 1954, рис. 30)

Рис. 216. Костюм Элама конца III — начала I тыс. до н.э. (рис. автора)

1, 25 — Pr, fig. 16; 2, 4, 34, 37–38 — Pr, fig. 14; p. 65; 3 — Hn I, № 11; 5 — Winter 1980, fig. 50; 6 — M, № 494; 7 — Pr, fig. 23; 9, 20 — Pr, p. 57; 10–11, 19, 21, 24, 26, 40 — Barnett 1975, 1976; 12 — P, fig. 42; 13 — Negahban 1984, fig. 7–8; 14, 17, 31 — Pr, fig. 43; 15 — Pr, fig. 19–20; 16 — Pr, fig. 41; 18 — Amiet 1976, fig. 21; 22 — Дьяконов 1990, рис. 5; 26a — Mu, № 232; 27 — Pr, fig. 33; 28 — Hn II, Taf. 705/10; 29, 33 — Pr, fig. 13; 34a — Mu, № 333; 35 — Am, fig. 71, 74; 36, 41 — Am, fig. 110; 39 — Winter 1980, fig. 49; Pr, fig. 37

Рис. 217. Иранские элементы в костюме Луристана X–VII вв. до н.э. (рис. автора)

1 — V, № 281; 2, 36, 41, 44, 51 — G3, fig. 51; 3 — M4, № 149; 4 — Godard 1964, fig. 58; 5 — Am, № 233; 6 — G3, fig. 82; 7 — V, № 286; 8 — G3, fig. 504; 9 — Calmeyer 1973, Abb. 51a; 10 — Moorey 1971, № 180; 11 — G3, fig. 81, 96, 388; 12, 29, 40, 42a — G3, fig. 64; 13 — Muscarella 1981, fig. 8; 14 — G3, fig. 95; 15 — G3, fig. 380; 16 — G3, fig. 90; 17 — G3, fig. 58, 63; 18 — M4, № 37a; 19 — G3, fig. 64, 82, 90–91; 20, 24, 33–34, 43, 54 — M4, № 118 a; 21 — Mu, p. 185, fig. 15; 22, 38, 45 — G3, fig. 68; 23 — V, № 220; 26 — Am, № 215; 28 — V, Abb. 63/12a; 30, 53 — G3, fig. 93; 31, 55 — Calmeyer 1973, Taf. 8/4; 32, 70 — Porada 1962, fig. 59; 35 — Moorey 1975, fig. 5; 37 — V, № 258–259; 39 — G3, fig. 81; 42 — G3, fig. 55; 46 — G3, fig. 96; 47 — G3, fig. 108; 48–49, 64, 78 — Goff 1978, fig. 13; 50 — A, № 140; 53 — Godard 1964, fig. 32; 56 — V, № 251; 57 — G3, fig. 90; 59, 77 — Am, № 144; 60, 69, 73 — 7000 years, № 241; 52 — Mu, fig. 15; 58, 75 — G3, fig. 97; 61 — Am, № 121; 62, 74, 76 — G3, fig. 57; 63 — Mu, № 313; 65, 68 — G3, fig. 56; 67 — V, № 263, 267–268; 71 — V, № 275; 72 — V, № 267; 75 — V, № 273

Рис. 218. Иранские элементы в костюме Гиляна XI–VII вв. до н.э. (рис. автора)

2, 18 — N II, fig. 11/72; 3, 8 — N II, fig. 4/19; 4–5, 10 — Archéologie vivante, pl. XXIX; 6–7 — N II, pl. XXII; 9 — N I, p. 56; ill. 2/54; 11 — G3, fig. 38; 12, 14–16 — N II, pl. XXIX; 17 — G3, fig. 32; 19 — N II, pl. 32

Пункты находок: район Амлаша — 1, 4–5, 10–11, 13, 17; Марлик — 2–3, 6–9, 12, 14–16, 18–19

Рис. 219. Луристан. Бронзовый идол (Ghirshman 1963, fig. 51)

Рис. 220. Луристан. Бронзовая булавка с изображением богини (Ghirshman 1963, fig. 57)

Рис. 221. Луристан. Бронзовая статуэтка (Ghirshman 1963, fig. 68)

Рис. 222. Халат из Мунчактепа (Ферганская долина) (Майтдинова 1996, рис. 83)

SUMMARY*

**Costume of the Ancient Eurasia
(the Iranian-Speaking Peoples)**

In the late antiquity, numerous Iranian-speaking peoples presented one of the largest linguistic and cultural groups of the mankind. Their costume was considered one of the most luxurious clothing traditions, having complex forms and an abundant décor of gold applications, pearl, glass beads and gold embroidering, expensive bright fabrics, headdresses with animal figurines, etc. A great number of realistic depictions of people were created in the Iranian world. It gives us a unique opportunity for reconstruction, comparative analysis and research of costume inheritance in Eurasia. Some Iranian peoples were creators of vast empires, lived in zones of frequent migrations or controlled important trade ways. It makes their costume the most valuable source for solving problems connected with the mechanisms of costume contacts in traditional societies. Most publications on the ancient Iranian costume of the pre-Islamic period are devoted to the small accessories as they are more spectacular and traditionally the investigation of them is more prestigious. Many ancient peoples' clothing as such (that concerns even the leading ones which frequently figure in the sources) has not been studied properly yet. The researchers' attention is attracted to a few ancient ethnic groups whose most numerous gold costume accessories, found at burials of the nobles, and detailed anthropomorphic images have survived so far (the Scythians, Parthians and Tokharistanians).

In this book, you will find a complex research of the clothes of Iranian-speaking peoples beginning from their appearance in the world politics and in the written sources of the 7th–6th cc. BC and up to the Islamization of Iran and Transoxiana in the 7th–8th cc. AD. The accessories of the costume (except belts), the military costume, the rulers' crowns and the costume materials themselves are not the subject matter of the text; but the hairstyle and sometimes tattoos are being under consideration. The first three chapters are devoted to analysis of the main periods of pre-Islamic history of the Iranian world (the time bounds being different for different regions): (1) the Achaemenian-Scythian time (the 7th–6th cc. BC — 4th–3rd cc. BC, for Transoxiana—up to the mid. of the 2nd cc. BC); (2) the Parthian-Sarmatian time (the 4th/3rd cc. BC — the 3rd/4th cc. AD); (3) the Sassanian and Early Medieval time (the 3/4th — the 7/8th cc. AD). The sections of these chapters deal with materials on the 13 peoples: (1) the Persians of the Achaemenian time; (2) the Early Scythians; (3) the Scythians of the “classic” period (the 5th–4th cc. BC); (4) the Pazyrykians of the Altai; (5) the Khvarasmians (for all the 3 periods); (6) the Parnes—Parthians of Iran; (7) the Sarmatians and Early Alans; (8) the Yuech-chihs / Kushans of Bactria; (9) the Sogdians (the 2nd and 3rd periods); (10) the Indo-Scythians of Gandhara; (11) the Persians of the Sassanian time; (12) the Khotano-Sakas of Southern Xinjiang (the 2nd and 3rd periods); (13) the Tokharistanians (with other ethnic elements). As far as each of the above-mentioned peoples is concerned the above-stated ideas are analyzed and new materials (including unpublished ones) are taken into account, the details of many depictions are defined and the data on peoples (2), (4), (5), (7), (10) and (12) are generalized for the first time. First of all, we have studied the costume of these 13 peoples, which gives the most abundant and many-sided information on the costume as clothes in real life are a mass phenomenon and can be studied productively and correctly only in big series (in case of single depictions rare costume elements and the looks of gods of foreign origin are mistakenly taken for typical ones).

The main tasks of the book are: **1.** The reconstruction of the look of the ethnic clothing complex for each of the above-mentioned peoples: the silhouette, the cut (the information about the latter is limited) and the decorative principles, the last task being the most labour-intensive. The results allow of a reliable attribution of many artifacts from museums and private collections. **2.** Eliciting the aesthetical ideal of different ethnic groups reflected in the costume; the analysis of the depictions of supposed representatives of a certain people in the art of other countries for defining the degree of the authenticity in the costume depiction and its representativeness for this ethnic group. **3.** The comparative analysis of the costume of each separately taken synchronous people in each of the three main historical epochs; the analysis of the costume of each ethnic group in different periods for defining the character of the costume evolution and

heredity. 4. The retrospective eliciting of the look of the original costume of the most ancient Iranians and the “costume” traces of the Iranian penetration to the west of Iran. 5. Eliciting the type of the costume contacts of ancient Iranian-speaking peoples and the difference in their importance. 6. The analysis of the summarized data on the least studied significant functions of the costume aiming at eliciting the specificity of the Iranian world and some of its peoples.

We suggest a complex approach including following elements: (1) dealing with all kinds of sources alongside observing the most possible scope of facts on each studied people (in case of a technical impossibility, the representative statistic excerpts are studied); (2) the proper selection of the costume décor remnants from burials under analysis (only the accounts and publications of high quality are used) excluding significantly fragmented and stylized depictions and, for some regions, images of gods; (3) the analysis of the material according to the linguistic and ethnic principles—not a regional one (which is not typical for modern research on the costume history); (4) considering all the main costume attributes of the ethnic group as a single costume complex that reflects the specificity of the people; (5) the description of the costume of each ethnic group according to the common programme in chapters 1–3; (6) considering ethnic complexes against the background of the synchronous neighbouring ones and both earlier and later ones up to their successors in the 19th–20th cc. AD (otherwise the rightfulness of most conclusions is difficult to guarantee); (7) the analysis of costume evolution of separate ethnic groups under the influence of different factors; (8) compiling a special summary tables on the costume of each people (each drawing in them not being an exact copy of a definite depiction, but given in the most appropriate foreshortening without unnecessary details interfering with perception).

For each of the studied peoples there are dominating sources of a certain type, and their diversity creates great difficulties at comparison. Today there are no effective methods of historical reconstruction on burial materials (the author’s approach being presented in chapters 2.2 and 2.3) and depictions (usually without reasoning). Inaccuracy and lapses in expedition documentation (there is a way to improve it suggested in the Appendix) can be partly explained by the psychological factor (scattered around a burial, clothing ornaments are not perceived as a single, properly designed, multi-level complex), or by diminishing the initial drawing and inaccuracy in showing the orientation of smaller items. There is another problem—inaccurate descriptions of clad figures’ images in publications. Unfortunately, images do not give us objective information about the look of a certain people (images of the gala costume of noble men for a warm season usually prevailing; special ritual scenes or gods of foreign origin being also presented). The stylization of figures and their canonical poses interfere with objective characterization. Among the misinterpretations of images there are following typical ones: incorrect analogies, the use of overly enlarged details and schematic images.

In **Chapter 1**, the comparison of common features of the peoples of Achaemenian-Scythian time and a number of monuments of Late Bronze Age helps retrospectively reconstruct the list of the costume elements of the most ancient Iranian community. The list includes: (1) short opening down-the-front *gaunaka*, *sisirna* etc. (worn either overlapped from the right to the left or fastened with two or three clasps, or thrown open); (2) a gala sleeved coat *candys*, worn thrown open; (3) men’s trousers with shoulder-straps; (4) high cone-shaped headdresses; (5) men’s leather plate-decorated belts with a set of one-typed metal plaques on the strap; (6) capes; (7–8) low-top boots and, probably, shoes; (9) men’s leggings, fastened to the belt with straps. The tribes of the Bronze Age of Andronovo cultural unity have only a few elements analogous to the Iranians of the Achaemenian time (high cone-shaped headdresses and high leather boots, partly, plastrons and tubes for hair locks on the top of the head).

A series of barbarian archers created with great exactitude to the details on the Athenian vase painting of the 520–490 BC reproduced ethnographic features of a certain nomadic Iranian-speaking ethnic group. The most original elements of their costume have direct analogies for the nomads of Transoxiana (the Tighrauda and Overseas Sakas) and, partly, people living farther to the east; the Athenian Greeks could not really see all of them. But many of these elements are really documented for Early Scythians. Their costume complex has practically no common elements with the costume of later “classic” Scythians (the 5th–4th cc. BC), which proves the version of A.Yu. Alexeev about two migration waves of the Scythians of different origin to Eastern Europe.

In **Chapter 2**, many changes for the Parthian-Sarmatian time are marked. There are following common elements for different Iranian-speaking peoples of that period. The increase in significance of pullover clothes as upper garments; the spread of long-sleeved coats and partly quilted ones; fitting-at-the-waist dresses and, in western regions, women’s clothing of Greek type *chiton*; the preserving, in a number of cases, of a later modification of a fur coat, *kandys*; a cut of pullover garments with 3–6 sharp gores in the skirt or an arc-shaped cutting of the skirt and an abrupt widening of it with gores; pullover clothes with a vertical neck line, a breast pocket and a bevelled collar; short narrow coats fastened on the shoulder; the décor of shoulder garments (more rarely of other costume elements) along seams with a line of gold tubes threaded on a thong; “shoulder-pieces”; a band with a line of plaques of one type worn as a laid on horizontal collar; gold diadems with the image of the World Tree with birds; men’s headdresses with ribbons along the lower edge on the back or a round plaque on the forehead; berets; a short head cover and introducing scarves for women; *sharovari* with a vertical stripe of cloth or a line of plaques across the leg; the spread of belts with large twin buckles; the set of

warrior and “gala” men’s belts; the spread of high boots (often with a triangular jut under the knee) in western and south-western regions and in Khotan; fastening of sharovari’s edge and boots with a large disc-shaped clasp; for a number of countries, single finds of high-heeled boots or shoes are documented (the innovation which did not become popular); the wide use of gold brocade and silk in clothing of nobility and, more seldom, pearl embroidery; the dominance of geometric and vegetative patterns on sewn-on plaques of the costume; the spread of the fibulae, red beauty spots on the face (usually round); the deforming of the skull in childhood.

These common features in some cases may be explained by the increase in nomadic Iranian-speaking tribes’ migrations westward; in other cases, they were caused by the influence of the Seleucides Kingdom and Parthia and, to a smaller degree, by the Hsiung-nu, the Roman and Kushan Empires (political relations with them, the influence of décor and clothes-making technologies of nobility’s garments) and also the increase in importing high-quality fabrics and spreading new jewelry styles.

Chapter 3 is devoted to the 3rd–7/8th cc. AD. There are following common features for the costume of most Iranian peoples for that period (the initiators being given in brackets). The dominance of pullover garments as outer clothing (the opposite tendency for the easternmost regions—Tokharistan and Khotan—is connected to the increase in nomadic influence); the prevalence of wearing opening-from-the-front clothes clasped but not deeply overlapped; for both sexes in Xinjiang and Transoxiana—wearing collars with one lapel (the Heptalites) or two lapels (the Turks); the spread of shoulder medallions (the Sasanides); the occurrence of sleeves with high cuffs (the Sasanides) and, much rarer, short sleeves; wearing (often thrown over the shoulders) women’s long coats (outside Iran, often with widening sleeves); pullover clothes with a triangle neckline, more seldom with a small high-collar or a collar, gathered and tied up at the shoulder with a band; the important role of the edging along the side cuts in the décor of men’s pullover clothes (the Sasanides); the making of gala cloaks usually of polychromic fabrics and fastening on the breast with two twin clasps with ribbons (the Sasanides); men’s, more seldom, women’s capes of different types; women’s dresses with a flounce or a row of frills along the skirt’s edge (the Sasanides); women’s light scarves wrapped round the body; sewing trousers of polychromic fabrics; lessening popularity of “stripes” on men’s trousers; men’s gold belts with a series of medallions with inlays of precious stones; men’s (much more seldom women’s) belts fastened on the abdomen with twin clasps having ribbons run through them (the Sasanides); plate-decorated belts with a line of rectangular or square plaques with a rim (the authentically Turkic system of plaque placing being a great rarity); headdresses with the animal figurines of male rulers; the wide spread of cone-shaped and small hemi-spherical headwear for both sexes; men’s and women’s hats with a rather wide brim (felt or woven ones); wearing turbans (excluding Iran) more often by women (the Turks); high boots with a triangle jut below the knee, richly embroidered in Iran or black in other territories (the Turks); prevailing of a male short cut without parting and a clean-shaven face; the spread of male plaits in Transoxiana (the Turks); female coiffure with two plaits of different length and a series of massive tubes and pendants on them. For the nobility clothes in the second half of that period the use of polychromatic silks, produced in a number of cases by that time in different local centers of the Iranian world, is a characteristic feature, whereas the role of the décor consisting of lines of gold and other plaque-applications becomes less important.

On the whole, the images of representatives of Iranian-speaking peoples in such developed fine art traditions of other cultures as the Early Classic Greeks, the Chinese periods of Han and Tang dynasties, the Late Sogdian period demonstrate much higher exactitude in foreign clothing depicting, than it is thought to be. The elements of stylization are more often quite insignificant.

In **Chapter 4**, the comparative analysis prevails and 12 different types of the costume contact, the tendencies of costume evolution for some peoples and some insufficiently researched signifying functions of the costume in Iranian world (including ethnological data on Iranian-speaking peoples). Different dynasties of Iran itself, migrations of Iranian-speaking nomadic ethnic groups and the communication in the area of the Silk Road played a special role in the process of costume contacts. The influence of non-Iranian states up to Turkization in the 7th c. AD was evident first of all in the spread of accessories, more seldom of hair styles, not in the elements of clothing as such. Among the “nomadic empires”, which influenced Iranian-speaking ethnic groups the special role belonged to the West Turkic Qaghanat when the Turks also spread a number of clothing elements of other ethnic groups. The Sogdian costume underwent Turkization to the greatest degree.

The list of 12 Median elements in the gala costume of the Achaemenides is specified. They were mainly introduced into practice for the Persians as a result of the costume reform in the autumn of 539 BC, defining the nobility costume looks. The influence of Persian clothes on different peoples is also specified. The Achaemenian costume influenced the dependent and neighbouring Iranian-speaking peoples to a relatively small degree; the influence on the “classic Scythians” being most visible. The neighbourhood of the Arsakides Empire with Palmira led to a few borrowings of men’s costume (local merchants); the influence on the Kushan Empire is only documented beginning from the fifth ruler, Huvishka. The costume of the Sasanides exerted a certain influence on the Kushanians of the 3rd c. AD;

in the 5th–7th cc. AD this influence is evident in the clothes of Tokharistan nobility, and partly in Sogd, Khwarezm and the Byzantine Empire. Borrowings of costume elements of the Kushan Empire were more modest (as the clothes were not evidently thrust upon conquered peoples and were not included into diplomatic gifts) and are attested most of all for the Khotano-Sakas. The “Sarmatization” of the North Pontic Greek costume from the 1st c. BC means first of all the use of convenient items of the nomadic men’s costume in local conditions but without the Sarmatian system of décor.

The systematization of the material allows us to specify the region of the ancestors’ motherland for a number of the largest nomadic groups in Eurasia. For example, the “classic” Scythians have the biggest number of the costume similarities to the “Sakas” of South Siberia, including the Pazyrykians and also to Tokharo-speaking peoples of Xinjiang. Their predecessors, the Early Scythians, have similarities in the costume analogous first of all to the nomadic ethnic groups in Transoxiana. As far as their costume is concerned, the Pazyrykians are very close to their southern neighbours in the above-mentioned Xinjiang. In the clothes of the Early Sarmatians, beginning from the 2nd–1st cc. BC and the Late Sarmatians in the 2nd–3rd cc. AD, a large number of analogies with the Yuech-chihs/the Kushans is quite evident.

Analysis of the “costume” traces of the early penetration of Iranians into the West Iran of today on the verge of 2nd–1st mil. BC shows their small number even in Luristan (having a lot of anthropomorphic images); opening down-the-front clothes of different length, sometimes short-sleeved with no overlapping or with an insignificant one; a cylinder-shaped women’s headdress with a head-cover; a belt with long ends drooping in front from the belly; trousers—such features were met only in two types of bronze items and can be connected not with the active presence of the Iranians themselves but rather with a certain influence of their clothing.

The proportion of evolution and heredity in the costume complexes of those peoples whose clothes are abundantly dated during 2–3 studied periods is subjected to analysis. The smallest number of inherited elements from the Achaemenides to the Arsakides, attested only for men, becomes evident (pullover clothes of the *sarapis* type with a vertical strip of a netlike pattern or an arch-like cutting of a skirt edge from the front; the hairstyle with false curls from the sides). The succession in the costume of nobility for the Late Arsakides and the Early Sasanides was much more evident, especially during the 3rd c.

The clothing of the Parthian State appears as an international imperial phenomenon having been formed for a rather short period of time and being actively brought in vogue (in contrast to the Achaemenian time) for the nobility in the territories under their dominion. The specificity of the costume in autonomous regions does not become quite apparent. Probably, the most often “personal costume initiatives” of some rulers took place precisely at the Parthian time. The latter can be explained, firstly, by the complex structure of the Arsakides Empire that made the forming of the international costume one of the factors to strengthen the unity of the country, secondly, by the influence of the neighbouring Hellenistic monarchies and later Rome. At the minimum, 10 rulers who changed the types of headdresses or hairstyles, the kaftan décor and beauty spots on the face can be considered active in this respect. Quite a few innovations are also documented for obscure and weak rulers.

There is a new reconstruction of the initial looks suggested for men’s costume of the nomadic Parnes—the founders of the Arsakides’ power. The costume of Iran, different peoples of Western Turkestan (the Parnes’ motherland) and those nomadic ethnic groups who (simultaneously with the Parnes) created their states in the Middle East (Yuech-chihs, Indo-Scythians) has been compared. The Parnes’ costume complex includes a short opening-down-the-front *kurtak* overlapping to the left with a rich décor of coat breasts and a sleeve seam; a short narrow cloak; trousers of middle width stuck into footwear; a plate-decorated belt with a line of square plaques; short haircuts without parting and a small beard; a diadem tied up with too long ends hanging behind. The costume of the early inhabitants of Parthia (before it was conquered by the Parnes) has practically no common features with the imperial complex of the Old Arsakides. On Early Parthian coins the famous “Parthian archer”—an idolized founder of the dynasty—is also presented not in the authentic Parnes costume but in the old clothes of an Achaemenian satrap.

Under the Sasanides during a short period of time (probably, mainly during a comparatively favourable beginning of the tragic, for Iran, Peroz’s rule, 457–484, i.e. in the 60s) there appears a number of innovations in the costume, some old forms become obsolete. They are: the emergence of “bulbous” skirts with wide edging in men’s shoulder garments; the disappearance of short *kurtaks* and men’s cloaks; long women’s sleeved coats and shoulder-strapped dresses, dresses detached on the waist with a vertical cut in the skirt in front, the disappearance of a triangular neckline and the emergence of a small stand-up collar; the disappearance of men’s peaked headdresses-*kulah*—and belt fabrics, a general change in the décor of men’s clothing collars, the disappearance of round shoulder medallions and the emergence of high sleeve cuffs, women’s dresses of brightly-coloured fabrics, men’s high boots with a triangular jut under the knee or with bell-shaped tops, and men’s hats. In male hairstyle long beards substitute shaved faces or short beards, in female (and girls’) coiffure there are four plaits instead of three or two (often with a line of cone-shaped tubes all along the plait or at the end with pendants). It is groundless to connect the specific “bulbous” skirt and triangle-jutted boots

with the Hephthalite influence of that time, as their single depictions are also known for the Parthian period. The costume innovations are also a characteristic feature for the period of the first Sasanide, Ardashir I's, coming to the throne; single costume initiatives are marked for such kings as Narseh and Shapur II. On the whole, the comparison of the material on the three great pre-Islamic dynasties in Iran in the course of 1200 years demonstrates a rather dynamic costume evolution in this "traditional society", women's costume being changed most intensively at that. During the rule of all the three dynasties only single elements were preserved (prevalence of pullover clothes as outer ones, often with different types of "figure", i.e. not horizontal, hem of the skirt and a vertical line of décor; rare use of quilted clothes; long wide gala coats knotted on the breast; gold belts and sashes tied up with a "Heracles knot"; headdresses tied along the lower edge with ribbons which hang down from behind; coiffure with hair-wave and wigs; gay-coloured fabrics with simple geometric patterns—netlike ones and different combinations of circles).

"Deep heredity" in the costume of Transoxiana from the Achaemenian to the Kushanian times and up to the ethnological contemporaneity is constantly underlined by researchers, but the actual list of such elements is extremely short. All the three periods under investigation are documented without lacunae only for the Khwarasmians. There are practically no common costume features in all the three periods for that people, high tempo and large scale of constant changing in clothes being demonstrated; a certain heredity being observed between the first two periods. For the Sogdians, the number of common elements for the Kushanian and the Early Medieval times is also insignificant. In Tokharistan, which was under the rule of different conquerors two main complexes are singled out in the 5th–8th cc.: "Hephthalite" and "Turkic" ones, partially co-existing; the country preserved a rather big number of Kushanian elements and the rates of costume evolution for both sexes were approximately equal. The innovations of the Yuech-chih/Kushanian costume can be connected with the names of such outstanding rulers of the Kushan Empire as Kanishka I and Huvishka. In Sarmatia during all the 5 periods of the three archaeological cultures notwithstanding the constant migration of new tribes from the east there has been marked a number of common features in clothing, which means definite ethnological heredity.

On the whole, in the ancient Iranian world the brightest series of clothing and hairstyle innovations were observed more often in the periods of changing ethnic domineering or new dynasties coming to power. The term "fashion" for that time can be used first of all with respect to accessories; changes in clothes usually depended on the ruler's will and influenced nobility.

The specificity of the king's costume first of all was observed in belts and headdresses, an important role sometimes being played by the ring. The costume of aristocracy already in the Achaemenian time is characterized by prominent ethnic specificity and practically cannot be classified as having certain "common" Iranian features. The clothes of women-warriors in most cases, judging from written sources, coincided with men's ones. In a number of cases, their specificity can be observed on the example of the European Scythians and the Sarmatians (dresses with long cuts convenient for horse riding; a special headdress is documented for the European Scythians). Characterizing commoners' clothes is the most difficult task, which can be explained by the peculiarities of our sources. In the depictions which are known to us only servants of nobility are presented. Their clothes are more often simpler in silhouette and functional, they practically lack décor and are made of cheaper fabrics. The men's costume of commoners differs from the one of nobility in the length of the skirt; women-dancers and musicians are often presented in clothes in many aspects close to those of men.

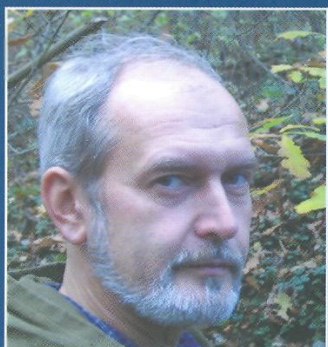
The costume rituals in the Iranian world are under complex analysis. The role of the costume in the *funeral ritual* has been researched in detail. For many nomadic tribes that role was usually realized in the costume elements being placed separately from the dead body; putting a clad mannequin into the grave symbolizing the dead body of a person who had died far away from his home place; changing the look of accessories or just symbolizing them and sometimes in red colour associated with the Nether World. More often the dead were buried in new expensive clothing but a number of peoples prefer the former owners of the garments to be buried in their favourite worn clothes; women were evidently buried in their wedding attire. Sometimes the hairstyle was changed. The costume elements important in everyday life were not put into graves as they were either not included in the ritual complex or their absence prevented the dead from "escape". The dominance of white colour as the colour of mourning was not always absolute. Some rituals were performed with a gala costume by tomb riders (the "most dangerous" accessories being left untouched, some of them broken).

CONTENTS

Preface	5
Chapter 1. The Achaemenian-Scythian time (7th/6th cc. — 4th/3rd cc. BC)	29
1.1. The Persians	29
1.2. The European Scythians	47
1.3. The Pazyryk culture of the Altai Mountains	83
1.4. The Khorasmians	102
The main conclusions	106
Chapter 2. The Parthian-Sarmatian time (3rd cc. BC — 3rd/4th cc. AD)	112
2.1. Parthian Iran	113
2.2. The Sarmatians, the Early Alans and the “Late Scythians”	131
2.3. The Yuech-chih/Kushans	170
2.4. The Khorasmians	187
2.5. The Indo-Scythians	192
2.6. The Sogdians	197
2.7. The Khotano-Sakas	201
The main conclusions	207
Chapter 3. The Sasanian and Early Medieval (Pre-Islamic) time (3rd/4th–7th/8th cc. AD)	212
3.1. Sasanian Iran	213
3.2. The Sogdians	231
3.3. Tokharistan and the neighboring regions to the South	247
3.4. The Khorasmians	262
3.4. The Khotano-Sakas	266
The main conclusions	274
Chapter 4. The mechanisms of the costume contacts and the ways of evolution of the costume of ancient Iranians.	
The symbolism of costume	279
4.1. The mechanisms of the costume contacts	280
4.2. The ways of evolution of the costume of various peoples	314
4.3. The sign functions of the costume	322
The main conclusions	362
Conclusion	364
Appendix. The suggestions on the methods of fixation and description of the costume relics in burial complexes	367
Glossary	370
Bibliography	371
Abbreviations	416
List of illustrations (in English)	418
List of illustrations (in Russian)	423
Illustrations	435
Summary	658

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Ахеменидо-скифское время (VII–VI вв. до н.э. — IV–III вв. до н.э.)	28
1.1. Персы	29
1.2. Европейские скифы	47
1.3. Пазырыкская культура Горного Алтая	83
1.4. Хорезмийцы	102
Основные выводы	106
Глава 2. Парфяно-сарматское время (III в. до н.э. — III–IV вв. н.э.)	112
2.1. Парфянский Иран	113
2.2. Сарматы, ранние аланы и «поздние скифы»	131
2.3. Юэчжи/кушаны	170
2.4. Хорезмийцы	187
2.5. Индо-скифы	192
2.6. Согдийцы	197
2.7. Хотано-саки	201
Основные выводы	207
Глава 3. Сасанидское время и раннее (доисламское) средневековье (III/IV — VII/VIII вв. н.э.)	212
3.1. Сасанидский Иран	213
3.2. Согдийцы	231
3.3. Тохаристан и прилегающие с юга районы	247
3.4. Хорезмийцы	262
3.5. Хотано-саки	266
Основные выводы	274
Глава 4. Механизмы костюмных контактов и характер эволюции костюма древних иранцев. Символика костюма	279
4.1. Механизмы костюмных контактов	280
4.2. Характер эволюции костюма отдельных этносов	314
4.3. Знаковые функции костюма	322
Основные выводы	362
Заключение	364
Приложение. Предложения по методике фиксации и описания остатков костюма в погребальных комплексах	367
Словарь терминов	370
Источники и литература	371
Сокращения	416
List of illustrations	418
Список иллюстраций	423
Иллюстрации	435
Summary	658

Сергей Александрович ЯЦЕНКО (род. в 1957 г.) — археолог и историк, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета. Автор и соавтор около 120 публикаций, посвященных ираноязычным народам древности (главным образом кочевым), их костюму, изобразительному искусству и ювелирному делу, этнополитической и социальной истории. Среди них монографии «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм» (М., 2000, раздел «Костюм»), «Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья» (М., 2001), «Кочевая альтернатива социальной эволюции» (М., 2002) и учебное пособие «Искусство и культура древних иранцев» (М.: РГГУ, 2002).

ISBN 5-02-018495-0

9 795020 184953